

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

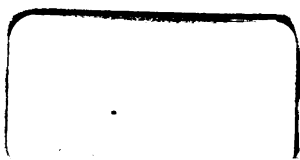
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07855834 7

NI EXEL

ВѢСТНИКЪ

В Р О П Ы

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ ХХХИ. — ТОМЪ СХСН. — 1/13 СЕНТЯБРЯ 1869.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ V.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Базан. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Екатерингофскомъ проспектѣ,
№ 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
592567
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
1913

П Ъ С Н Я
О
ПОХОДѢ ВЛАДИМІРА.

«Не по замыслу Баянову...»

1.

«Добро, сказалъ князь, когда выслушалъ онъ
«Улики царьградскаго мниха,
«Тобою, отецъ, я теперь убѣждёнъ,
«Винновенъ, что мужемъ былъ стольвихъ я жёнъ,
«Что жилъ и безпутно, и лихо,

2.

«Что богомъ мнѣ былъ то Перунъ, то Велесъ,
«Что силою взялъ я Рогнѣду,
«Досель надо мною, знать, тѣшился бѣсъ,
«Но мракъ ты разсѣялъ, и я въ Херсонесъ
«Креститься, въ раскаянни, ѣду!»

3.

Царьградскій философъ и мнихъ тому радъ,
Что хочетъ Владиміръ креститься;
«Смотри-жь, говоритъ, для небесныхъ наградъ,
«Чтобъ въ райскій, по смерти, войти вертоградъ,
«Ты долженъ душою смириться!»

4.

— «Смирюсь, говорить ему князь, я готовъ!
 «Подать мнѣ мой щитъ въ оборону!
 «Спустить въ Черторой десять сотень струговъ,
 «Коль выкупъ добуду съ корсунскихъ вущовъ,
 «Я города пальцемъ не трону!»

5.

Готовы струги, паруса подняты,
 Плынуть въ Херсонесу варяги,
 Поморье, гдѣ южные рдѣютъ цвѣты,
 Червленые вскорѣ покрыли щиты
 И съ русскими вранами стаги.

6.

И князь повѣщаетъ корсунцамъ: «я здѣсь!
 «Сдавайтесь, прошу васъ смиренно,
 «Не то, не взыщете, собью вашу спѣсь
 «И городъ по камнямъ размыкаю весь. —
 «Креститься хочу непремѣнно!»

7.

Увидѣли греки въ заливѣ суда,
 У стѣнъ ужъ дружина толпится,
 Пошли толковать и туда и сюда:
 «Настала, какъ есть, христіанамъ бѣда,
 «Пріѣхалъ Владиміръ креститься!

8.

«И преній-то, вишь, онъ не станеть держать,
«Въ риторикѣ онъ ни бельмеса,
«А съ просту обложить насъ русская рать
«И будетъ, пожалуй, три года стоять
«Да грабить края Херсонеса!»

9.

И въ мудрости тотчасъ рѣшаетъ сенать,
Чтобъ русскимъ отверзлись ворота;
Владиміръ приему радушному радъ,
Вступаетъ съ дружиной онъ въ греческій градъ
И молвить сенату: «Ну, то-то!»

10.

И шлетъ въ Византию пословъ ко двору:
«Цари Константинъ да Василий!
«Смиренно я сватаю вашу сестру,
«Не то, васъ обоихъ дружиной припру,
«Тагъ кончимъ-же мы безъ насилій!»

11.

И вотъ императоры держатъ совѣтъ,
Толкуютъ въ палатѣ престольной;
Имъ плохо пришлось, имъ выбора нѣтъ —
Владиміру шлютъ поскорѣ отвѣтъ:
«Мы очень тобою довольны!»

12.

«Крестися и къ намъ прїѣзжай въ добрый часъ,
 «Тебя новѣнчаемъ мы съ Анной!»
 Но онъ къ императорамъ: «Вотъ тебѣ разъ!
 «Вы шутите, что-ли? Такая отъ васъ
 «Мнѣ отвѣдъ кажется странна!»

13.

«Къ вамъ ѣхать отсюда какая мнѣ стать?
 «Чего не видалъ я въ Царьградѣ?
 «Царевну намѣренъ я здѣсь ожидать —
 «Не то, приведу я вамъ цѣлую рать,
 «Коль видѣть меня вы такъ ради!»

14.

Что дѣлать съ Владиміромъ: Вынь да положь!
 Креститься хочу да жениться!
 Не лѣзть-же царямъ, въ самомъ дѣлѣ, на ножъ!
 Пожали плечами и молвять: «Ну, что-жь?
 «Приходится ѣхать, сестрица!»

15.

Корабль для нея снаряжаютъ скорѣй,
 Узорныя ладья вѣтрила,
 Со причтомъ на палубѣ ждетъ архирей,
 Сверкаетъ на солнцѣ парча стихарей,
 Звенять и дымятся вадила.

16.

Въ печали великой по востоднѣ крутой
Царевна взопла молодая,
Прислужницы дѣву накрыли фатой —
И волны заплѣнили корабль золотой,
Босфора лазурь разсѣвая.

17.

Увидѣлъ Владиміръ вдали паруса,
И хмуря брови раздвинулъ,
Почуялась сердцу невѣсты краса,
Онъ гребнемъ свои разчесалъ волоса
И корзно княжое навинулъ.

18.

На пристань онъ сходить, царевну встрѣчать,
И ликъ его свѣтель и весель,
За нимъ вся корсунская слѣдуетъ знать,
И руку спѣшитъ онъ царевнѣ подать,
И впоясъ поклонъ ей отвѣсилъ.

19.

И шествуютъ, рядомъ другъ съ другомъ, они,
Въ одеждахъ блестящихъ и длинныхъ,
Каменья оплечій горятъ какъ огни,
Идутъ подъ навѣсомъ шелковымъ, въ тѣни,
Къ собору, вдоль улицъ старинныхъ.

20.

И молвить, тамъ голову князь преклоня:
 «Клянуся въ священномъ синклитѣ
 «Дружить Византіи отъ этого дня!
 «Отцы - іереи, прошу васъ, меня
 «Теперь по уставу крестите!»

21.

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
 Свершился обрядъ обвѣнчанья,
 Идетъ со княгиней Владиміръ назадъ,
 Вдоль улицъ старинныхъ, до свѣтлыхъ палатъ,
 Кругомъ ихъ толпы ликованье.

22.

Сидятъ они рядомъ за честнымъ столомъ,
 И вотъ, когда звонъ отзвонили,
 Владиміръ взялъ чашу съ хіосскимъ виномъ:
 «Хочу, чтобъ меня поминали добромъ
 «Шурья Константинъ да Василій:

23.

«То правда - ль, войною идутъ на Босфоръ
 «Дружины какого-то Фоки?»
 «— Во истину правда! отвѣтствуетъ дворъ.
 «— Но это-жь этотъ Фока? — «мятежникъ и воръ»!
 «— Отдѣлать его на всѣ боги!»

24.

Отдѣлали Фоку варяги какъ разъ;
 Цари Константинъ и Василій
 По цѣлой имперіи пишутъ приказъ:
 «Владиміръ - де насъ отъ погибели спасъ —
 «Его чтобъ всѣ люди честили»!

25.

И онъ говоритъ: «Я построю вамъ храмъ
 «На память, что здѣсь я крестился,
 «А городъ Корсунъ возвращаю я вамъ,
 «И выкупъ обратно всецѣло отдамъ —
 «Зане я душою смирился»!

26.

Застольный гремитъ, заливаясь, хоръ,
 Шипучія пѣнятся вина,
 Веселиемъ блещетъ Владиміра взоръ,
 И строить готовится новый соборъ
 Крещеная съ княземъ дружина.

27.

Привозится яшма водой и гужомъ,
 И мраморъ привозится бѣлый,
 И быстро Господень возносится домъ,
 И ярко на полѣ горятъ золотомъ
 Иконы мусійскаго дѣла.

28.

И взалупски князя сипелить и сенать,
 И сколько тамъ грековъ ни сталося,
 Всю зиму пирами честять да честять,
 Но молвить Владиміръ: «пора мнѣ назадъ,
 «По Кіевѣ мнѣ востосковалось»!

29.

«Вы, отроки - други, спускайте ладьи,
 «Трубите дружинѣ къ отбою!
 «Кленовыя весла берите свои —
 «Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи
 «И въ рощахъ запахло весною!

30.

«Весна, мнѣ невѣдомыхъ полная сила,
 «И въ сердцѣ моемъ зеленѣть!
 «Что нудю я и насильемъ добылъ,
 «Чѣмъ самъ овладѣть я оружіемъ мнилъ,
 «То мною всеильно владѣть!

31.

«Спускайте - жь ладьи, бо и ночью и днемъ
 «Я гласу немолчному внемлю:
 «Велить онъ въ браю намъ не мѣшкать чужомъ,
 «Да свѣтъ озаряющій насъ мы внесемъ
 «Торжественно въ русскую землю!

32.

По лону днѣпровскихъ, сіяющихъ, водъ,
Гдѣ, праздноя жизни отраду,
Весной все гремитъ и цвѣтетъ и поетъ,
Владиміръ съ дружиной обратно плыветъ
Ко стольному Кіеву-граду.

33.

Все звонкое стаство летаетъ кругомъ,
Лявуччи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ —
И взоръ его миренъ и кротокъ.

34.

Забыла внягня и слезы и страхъ,
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣетъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая,

35.

Какъ роици навстрѣчу несутся ладьямъ,
Какъ берегъ проносится мимо,
Иль, ликъ наклоня къ зеркальнымъ водамъ,
Глядитъ, какъ ея отражается тамъ
Изъ камней цвѣтныхъ діадма.

36.

Великое слово корсунцамъ храня,
 Князь не взялъ съ нихъ денегъ повинныхъ,
 Но городъ поднесъ ему, въ честь того дня,
 Изъ бронзы коринеской четыре боня
 И мраморныхъ статуй старинныхъ.

37.

И бони, и бѣлыя статуи, тутъ,
 Надъ поѣздомъ выся громаду,
 Стойма, на ладьяхъ, неподвижны, плывуть,
 И волны Днѣпра ихъ, дивуясь, несутъ
 Ко стольному Кіеву - граду.

38.

Плыветь и священства и дьяконства хоръ
 Съ ладьею Владиміра рядомъ;
 Для Кіева синій повинувъ Босфоръ,
 Они оглашаютъ Днѣпровскій просторъ
 Уставнымъ демественнымъ ладомъ.

39.

Когда-жъ умоляетъ священный канонъ,
 Запѣвъ зачинають дружины,
 И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
 Завѣтныя пѣсни минувшихъ времёнъ
 И дней богатырскихъ былины.

40.

Такъ вверху по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ передъ ними, по лѣвой рѣкѣ,
Все выше и выше растутъ вдалькѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щеквицей.

41.

Владиміръ съ княжаго сѣдалища всталъ,
Замолкло весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталь —
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Отверзлося новое зрѣнье.

42.

Какъ сонъ вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня,
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владиміру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.

43.

Народъ, на Днѣпрѣ его поѣздъ узнавъ,
Стопился на пристань — и много,
Скитавшихся робю безъ крова и правъ,
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
И славятъ Спасителя Бога.

44.

И палъ на дружину Владиміра взоръ:
 «Вамъ, други, доселѣ со мною
 «Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
 «Но время настало, и мы съ этихъ поръ
 «Сильны еще силой иною!»

45.

«Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моею,
 «То нынѣ вы ясно познайте:
 «Дни правды дороже воинственныхъ дней!
 «Гребите-же, други, гребите сильнѣй,
 «На весла дружнѣй налегайте!»

46.

Вшипѣла, подъ полозомъ пѣнясь, вода,
 Отхлынувъ, о берегъ забила,
 Стянулася быстро ладей череда,
 Передня въ пристань вбѣжали суда,
 И съ шумомъ упали вѣтрила.

47.

И на-берегъ вышелъ, душой возрождёнъ,
 Владиміръ для новой державы,
 И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ
 — Дѣла стародавнихъ далекихъ времёнъ,
 Преданья невянущей славы!

Гр. А. Б. Толстой.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

107

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I*).

Отношенія Пруссіи, Австріи и Россіи между собою, по польскимъ дѣламъ¹⁾.

Прошло восемь мѣсяцевъ со времени провозглашенія новой конституціи. Дипломатическій горизонтъ для Польши принималъ все болѣе и болѣе неблагопріятный видъ. Поляки долго не хотѣли объясняться съ русскимъ посланникомъ о конституціи; Игнатій Потоцкій находилъ, что не надобно самимъ полякамъ начинать съ нимъ никакихъ разговоровъ объ ней; русскій посланникъ также молчалъ. Поляки нивагъ не могли отгадать, что думаетъ Россія, и тѣмъ страшнѣе она казалась для мнительныхъ. Правда, молчаніе Россіи толкуемо было многими въ хорошую сторону; князь Адамъ Чарторыскій утѣшалъ своихъ пріятелей, увѣряя ихъ, что если въ Польшѣ состоится реконфедерація, то Россія не станетъ ей помогать. Но какъ только начинали вдумываться поляки въ прежнія свои отношенія къ Россіи, то видѣли въ этомъ молчаніи болѣе зловѣщаго, чѣмъ успокоительнаго. Напрасно употребляли они разныя попытки заставить Булгакова

^{*)} См. выше, февр. 685; мар. 154; апр. 618; май, 138; іюнь, 559; іюль, 89; авг. 548 — 587 стр.

¹⁾ См. источники №№ 37, 38, 35, 8, 18, 81, 108.

какъ-нибудь высказаться. Наконецъ разнесся слухъ, что миръ съ Турціей готовъ заключиться; не отвлекаемая Турціею, Россія становилась страшнѣе, они рѣшились заговорить съ Булгаковымъ сами. Замѣчательно, когда Хребтовичъ читалъ извѣщеніе, приготовленное для подачи Булгакову, противъ этого стали вооружаться враги конституціи, склонявшіеся въ Россіи, Скорковскій, Загурскій, Шимановскій, Четвертинскій. «Вотъ—говорили они—прежде все жаловались на вліяніе чужихъ *потенцій*, а теперь сами ихъ запрашиваемъ; посылаемъ имъ свои уставы для просмотра». Ихъ тайная цѣль при этомъ была вести дѣло такъ, чтобы какъ можно болѣе раздражить Россію, навлечь на Польшу русское вмѣшательство и вооружить императрицу, въ надеждѣ, что съ ея помощью можно будетъ ниспровергнуть ненавистную конституцію.

14 января 1792 года, Хребтовичъ прислалъ русскому послу извѣщеніе о совершившейся перемѣнѣ 3-го мая, съ извиненіями о поздней доставкѣ. Русскій посоль официально сказалъ, что не имѣетъ порученія отвѣчать теперь на поданную ноту, а сообщить ее на высочайшее усмотрѣніе. Но когда Хребтовичъ сошелся съ Булгаковымъ, послѣдній, какъ его пріятель, и притомъ считавшій его расположеннымъ въ Россіи, сказалъ ему: «государыня всегда желала добра республикѣ, но поведеніе поляковъ не показывало благодарности за благодѣянія ея величества; напротивъ, поляки старались поступать вопреки торжественнымъ взаимнымъ обязательствамъ, нарушили трактаты, и самое позднее извѣщеніе о перемѣнѣ 3 мая довазываетъ недостатокъ уваженія; давно уже сообщено было другимъ дворамъ, отъ которыхъ надѣялись союза и помощи, а только теперь, когда лишились этой надежды, сообщили и намъ. Можетъ быть Польшѣ принесло бы больше пользы, если бы это было намъ сообщено ранѣе, въ свое время. Я никогда дѣла не затягивалъ: если бы ко мнѣ прежде оказывали болѣе довѣрія и сообщали основательныя свѣдѣнія о дѣлахъ, я могъ бы отдать справедливость вашимъ добрымъ намѣреніямъ.»

«Это—отвѣчалъ Хребтовичъ—все отъ разстройства распаленныхъ головъ и невозможности сообразить разнообразныя способы. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ судьба дала это мѣсто, на которомъ я нахожусь теперь, я буду стараться исправить минувшее».

Въ знакъ довѣренности Хребтовичъ открылъ Булгакову, что сообщеніе о конституціи въ Берлинъ послано въ самый день утвержденія ея, а въ Вѣну позже нѣсколькими мѣсяцами.

Булгаковъ спросилъ его, какъ приняты въ Вѣнѣ?—«Дружелюбно,—отвѣчалъ Хребтовичъ,—но формальный отвѣтъ тянутъ, Кауницъ говоритъ, что Австрія, прежде отвѣта, снесется съ Россіею».

Люккезини, такъ долго поддерживавшій жаръ поляковъ къ перемѣнамъ, и возбуждавшій непріязнь къ Россіи, въ концѣ 1791 года сталъ измѣняться, его комплименты польскимъ добродѣтелямъ истощались и если онъ и не проговаривался еще въ духѣ противномъ прежнему, то говорилъ двусмысленно и неясно. По прибытіи его въ Варшаву въ концѣ ноября, король разговаривалъ съ нимъ и отзывался съ похвалами о конституціи, вызывая его сказать, какъ на нее смотритъ прусскій король. «Мой государь — сказалъ Люккезини — ничѣмъ не можетъ доказать своего благорасположенія и искренняго дружелюбія въ польской республикѣ, какъ принявъ живѣйшее участіе во всемъ, что касается счастья и благоденствія этой страны; а такъ какъ ваше величество и наяснѣйшіе чины находите, что это средство ведетъ къ такой цѣли, то слѣдовательно и мой дворъ не можетъ смотреть на него иначе, какъ съ надеждою, что успѣхъ будетъ соответствовать желаніямъ вашего величества и наяснѣйшихъ чиновъ». Но когда потомъ король сталъ жаловаться на саксонскаго князя-избирателя за то, что онъ медлитъ и не даетъ рѣшительнаго согласія на принятіе наслѣдства, Люккезини сказалъ: «препятствія заключаются въ томъ, что русская императрица еще не объяснилась на счетъ этого предмета. Ея молчаніе наводитъ сомнѣніе относительно ея намѣреній; въ этомъ случаѣ нельзя не похвалить поведенія князя-избирателя, что онъ не поторопится своимъ рѣшеніемъ; это показываетъ, что ему близки въ сердцу интересы польской націи». Прежде Люккезини показывалъ надежды на возрожденіе Польши, теперь, когда его спрашивали ожидаетъ ли онъ счастливыхъ послѣдствій отъ совершеннаго уже дѣла, онъ отвѣчалъ: «очень мало; единственное счастье, какого должна ожидать для себя Польша, все того же, что и прежде съ нею было, она будетъ слабѣть все болѣе и болѣе и находится въ зависимости у другихъ. Въ характерѣ поляковъ нѣтъ крѣпости; они никогда не могутъ создать твердаго правительства и многочисленнаго войска». Ему напоминали о прусскомъ союзѣ, о помощи, которую онъ такъ долго обѣщалъ именемъ прусскаго короля. Люккезини на это говорилъ: «не должно надѣяться на союзы, которые могутъ скоро измѣняться. Нельзя поддерживать обязательства въ то время, когда они окажутся въ ущербъ себѣ». Въ разговорѣ съ Эссенемъ прусскій дипломатъ говорилъ: «король мой хранить свои обѣщанія, а наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ, по конституціи 3-го мая, не допустить». Но полякамъ онъ подобнаго не говорилъ. «Не слѣдуетъ — писалъ онъ къ своему министру — отталкивать отъ себя недовольныхъ въ Польшѣ, чтобъ они не бросились въ объятія Россіи». Въ Берлинѣ одобрили

это замѣчаніе и сообщили ему, что не слѣдуетъ дѣйствовать ни за, ни противъ, а вести себя пассивно въ надеждѣ, что новый порядокъ вещей, произведенный революціею 3-го мая, самъ собою разрушится. До поры до времени прусскій дипломатъ старался болѣе всего о томъ, чтобы поддерживать въ полякахъ враждебное настроеніе къ Россіи. Поэтому, когда поляки рѣшились сообщить о конституціи русскому посланнику, Люккенину уеорялъ ихъ за это и говорилъ: «прежде этого не дѣлали, а теперь дѣлаете: значить просите прощенія у Россіи. Но напрасно. Вы этимъ дѣла не поправите. Россія не перестанетъ гнѣваться на Польшу, потерявъ на нее вліяніе; ваше новое законодательство нанесло ей слишкомъ чувствительные удары: она ихъ скоро не забудетъ. Я убѣжденъ, что Россія не отвѣтитъ вамъ на ваше сообщеніе, а будетъ молчать до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи дѣйствовать и отвѣтить вамъ фактами». При случаѣ онъ продолжалъ полякамъ представлять, какъ имъ хорошо быть въ дружбѣ съ Пруссіей и вооружалъ ихъ противъ Россіи. «Польшѣ нечего бояться Россіи,—говорилъ онъ—вѣдь Россія теперь разорена и истощена. Ея молчаніе о польскихъ дѣлахъ есть слѣдствіе ея обыкновенной политики; она не посмѣетъ выступить съ тономъ власти противъ такой страны, которая употребила всѣ усилія, чтобы возвратитъ себѣ независимость и избавитъ отъ чужеземнаго вліянія. Пруссія и Польша по ихъ положенію самыя богатя державы и не обременены долгами; нужно соединитъ ихъ тѣснымъ союзомъ.» — Да вѣдь союзъ есть!—замѣчали ему. «Да,—отвѣчалъ онъ—но нуженъ другой, болѣе неразрывный. Первый не можетъ служить основою. Россія держава разстроенная. Что она сдѣлаетъ? Въ Австріи финансы плохи, Англія вся въ долгу. Чего бы мы не могли предпринять, еслибы поляки понимали свое положеніе?» Но въ другой разъ онъ говорилъ: «дѣла польскія запутываются болѣе и болѣе; республика не преодолѣетъ всѣхъ трудностей; смятенія въ странѣ приведутъ къ междуособной войнѣ, какъ всегда бывало въ Польшѣ. Тогда сосѣднія державы пошлютъ свои войска подъ предлогомъ утишить смуты и возстановитъ спокойствіе. Пруссія покажетъ свою готовность служить на пользу Польши болѣе другихъ державъ и поощряетъ ея охранитъ ея цѣлость и независимость и противодѣйствовать поступкамъ Россіи. Надобно надѣяться, что тогда поляки, чтобы не подпасть въ зависимость отъ Россіи, применутъ къ прусскому королю и не откажутъ отдать ему Гданскъ, зная, что иначе они будутъ оставлены на произволъ обстоятельствъ безъ всякой подпоры и пособія. Впрочемъ, если поляки не захотятъ отдать Гданска добровольно, то Пруссія возьметъ его безъ ихъ воли въ

согласіи съ Россіею и предоставитъ ей за то возобновить прежнее мнѣніе на Польшу, да еще кромѣ того и отомститъ ей за свой ущербъ». Трудно было поймать его на словахъ; онъ, по выраженію русскаго посла, въ одной комнатѣ пятерымъ говорилъ разное, а когда кто-нибудь поставлялъ ему на видъ его разворѣчіе, онъ замѣчалъ тому, съ кѣмъ говорилъ, съ притворною довѣрчивостію: «нужно говорить каждому сообразно, но вамъ одному я говорю откровенно правду». Это поведеніе прусскаго посла соображалось съ колебаніями его двора: въ прусской политикѣ сдѣлалась перемѣна; виною была Англія.

Прусскій король долго надѣялся на союзъ съ Англіею противъ Россіи, думалъ воспользоваться трудностями войны, которую вела Россія съ Турціею; онъ самъ писалъ письмо къ турецкому императору Селиму III, возбуждалъ его къ упорству въ войнѣ и манилъ надеждою помощи отъ Европы. Прусскій король ожидалъ, что Англія пошлетъ въ Черное и Балтійское моря флотъ противъ Россіи, а онъ самъ тѣмъ временемъ, въ союзѣ съ Польшею, будетъ дѣйствовать противъ Россіи съ другой стороны. Унизивши Россію, онъ думалъ тогда самъ держать Польшу въ рукахъ. Таковы были планы Пруссіи. Они не удавались. Поляки не уступали добровольно Гданска и Торуня. Были со стороны Пруссіи попытки привлечь въ союзъ противъ Россіи Австрію, но и онѣ оказались неудачными. Еще въ началѣ 1791 г., посланникъ прусскій Бишофсвердеръ сообщилъ Кауницу задушевныя желанія Фридриха-Вильгельма, враждебныя Россіи, а Кауницъ сообщилъ объ этомъ Россіи. Соперничество Австріи съ Пруссіею со времени Семилѣтней войны было чрезчуръ сильно, чтобы Австрія сошлась искренно и дружески съ Пруссіею и дозволила ей дѣлать территоріальныя пріобрѣтенія. Кобенцель, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, сообщалъ русскому кабинету, что Австрія отнюдь не желаетъ себѣ пріобрѣтеній на счетъ Турціи, и позволяетъ ихъ дѣлать Россіи, лишь бы Пруссія ничего не выиграла на счетъ Польши. Мало успѣха имѣли и старанія Англіи, союзницы прусской, у Австріи. Императоръ Леопольдъ провелъ англійскаго посланника при берлинскомъ дворѣ, Эварта, такимъ образомъ: на ходатайство его удалить отъ дѣлъ лицъ, враждебныхъ Пруссіи, императоръ сказалъ, что онъ готовъ отстранить отъ министерскихъ мнѣній давняго врага Пруссіи, Кауница, если прусскій король удалитъ отъ занятій врага Австріи, Герцберга. По сообщеніи этого секретнаго заявленія, прусскій король поспѣшилъ удалить Герцберга, котораго давно уже не любилъ, и повѣрилъ иностранца дѣла графу Шуленбергъ-Кенерту, но императоръ, получивъ объ этой перемѣнѣ извѣстіе, оставилъ Кауница на прежнемъ мѣстѣ.

Чувствительный ударъ для прусской политики наступилъ вслѣдъ затѣмъ; въ Англии сила Питта уступила силѣ его противника Фокса; министерство стало дѣйствовать вопреки прежней ответственности; общественное мнѣніе въ Англии было не за войну съ Россією, напротивъ, англичане боялись за свои торговые интересы, которые должны были пострадать въ этой войнѣ. Англія объявила, что она не намѣрена дѣйствовать неприязненно противъ Россіи и мѣшать заключенію мира съ Турцією, и вслѣдъ затѣмъ написаны были предварительныя статьи мира, впоследствии, въ январѣ 1792 года, заключеннаго въ Яссахъ; въ этихъ статьяхъ предоставлялось Россіи удержать свои приобрѣтенія по Кучукъ-Кайнарджійскому миру.

Лишившись надежды на Англию, Пруссія хотѣла добыть себѣ выгоды инымъ путемъ, — путемъ сближенія съ императорскими дворами. Лѣтомъ 1791 года посланъ былъ отъ прусскаго короля къ императору Бишофсвердеръ, любимецъ Фридриха-Вильгельма. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ и толковъ, этотъ уполномоченный, 25-го іюля, въ Вѣнѣ заключилъ конвенцію о предварительныхъ условіяхъ, которыя должны были служить путеводительною нитью для будущаго союзнаго трактата Пруссіи съ Австрією. Первымъ условіемъ этого трактата было привлечь Россію къ союзу, послѣ того, какъ у ней состоится миръ съ Турцією. Затѣмъ обѣ стороны взаимно ручались за неприкосновенность своихъ предѣловъ, обѣщались не заключать одна безъ другой союзовъ, совместно пригласить европейскихъ государей въ помощи въ дѣлахъ Франціи. Относительно Польши Пруссія передъ Австрією должна была скрывать свои давніе виды и показывать, какъ будто вовсе оставила ихъ. Когда Леопольдъ услышалъ въ первый разъ о конституціи 3 мая, то считалъ ее плодомъ прусской интриги, устроенной для овладѣнія со временемъ польскою территорією. Надобно было Пруссіи разсѣять эти подозрѣнія. Положили пригласить къ участию Россію и постановить, что отсель никто уже не будетъ посягать на цѣлость границъ и твердость установленнаго свободнаго правленія въ Польшѣ, никто не станетъ стараться посадить на польскій престолъ кого-нибудь изъ лицъ своего дома, ни посредствомъ супружества съ инфантою, ни посредствомъ вліянія въ случаѣ новаго выбора короля въ Польшѣ, отнюдь не побуждая республику склоняться въ пользу того или другого кандидата по своему желанію. Статья, касавшаяся Польши, была однако выражена такъ, что впоследствии можно было давать ей различныя толкованія. Такимъ образомъ не сказано было въ точности о конституціи 3-го мая, а говорилось вообще о свободной конституціи; поэтому, если на основаніи договора и

можно было заключить, что входившія въ договоръ державы одобрить польскую конституцію, то, при другихъ обстоятельствахъ, оставалась возможность объяснить силу договора такъ, что Австрія и Пруссія, гарантируя свободное правленіе Польши вообще, не имѣли въ виду исключительно конституціи 3-го мая. Притомъ же всякое ограниченіе дѣйствій со стороны союзныхъ державъ, противное свободному теченію дѣлъ въ Польшѣ, касалось только каждой державы въ ея отдѣльной дѣятельности безъ согласія съ другими, но эта конвенція не ограничивала и не стѣсняла ихъ, если бы они всѣ вмѣстѣ согласились устроить судьбу Польши иначе¹⁾. Прусскіе министры, Шуленбергъ и Альвенслебенъ, были противъ договора заключеннаго Бишофсвердеромъ; они надѣялись еще, что настроеніе въ Англіи измѣнится, но король находилъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ Пруссіи необходимо держаться союза съ Австріей. Къ сближенію давно соперничающихъ державъ побуждало намѣреніе возстановить во Франціи прежній порядокъ и спокойствіе. Французская революція слишкомъ тревожила европейскіе кабинеты, они всѣ видѣли во Франціи страшный пожаръ, который оттуда разливаясь грозилъ всѣмъ державамъ, и всѣ должны были соединиться и оставить на время свои недоразумѣнія въ виду общаго для всѣхъ врага; но какъ только начинали разсуждать, что будетъ тогда, если пожаръ этотъ будетъ потушенъ, — тотчасъ возникали недоразумѣнія и каждый заявлялъ естественное желаніе получить свою долю въ вознагражденіе за труды и издержки. Для Пруссіи, по ея географическому положенію, ближайшее средство вознагражденія видѣлось въ Польшѣ. Вопросъ о вмѣшательствѣ во французскія дѣла подвигался туго. Въ августѣ, по ходатайству герцога д'Артуа, хлопотавшаго у всѣхъ дворовъ о помощи противъ своего отечества, состоялось свиданіе прусскаго короля съ австрійскимъ императоромъ въ Пильницѣ, на саксонской землѣ. Туда приглашенъ былъ и князь-избиратель. Свиданіе это не имѣло ближайшихъ видимыхъ результатовъ. Государи не поддавались на высочайшія требованія д'Артуа, который хотѣлъ быть регентомъ Фран-

¹⁾ Les intérêts et la tranquillité des puissances voisines de la Pologne rendant infiniment désirable qu'il s'établisse entre elles un concert propre à éloigner toute jalousie ou appréhension de prépondérance, les cours de Vienne et de Berlin conviendront et inviteront la cour de Russie de convenir avec elles, qu'elles n'entreprendront rien pour altérer l'intégrité et le maintien de la libre constitution de la Pologne, qu'elles ne chercheront jamais à placer un prince de leurs maisons sur le trône de la Pologne, ni par un mariage avec la princesse infante, ni dans le cas d'une nouvelle élection et n'employeront point leur influence pour déterminer le choix de la république dans l'un ou l'autre cas en faveur d'un autre prince hors d'un concert mutuel entre elles.

ціи, главнымъ руководителемъ дѣла, требовалъ немедленно помощи и не соглашался ни на какія уступки французамъ, не допуская ничего другого, кромѣ безусловнаго возвращенія Франціи подъ прежнюю абсолютную власть Бурбоновъ. Леопольдъ былъ мало расположенъ стоять за такое направленіе. Кауницъ, его министръ, также находилъ, что прежнее состояніе Франціи, о которомъ вздыхали эмигранты, уже невозвратно, и восстановленіе порядка въ этой странѣ можетъ быть достигнуто только соглашеніемъ короля съ націею и значительными уступками духу времени. Леопольдъ, по внушенію своего министра и по собственному побужденію, въ сношеніяхъ съ Пруссіей рѣшительно объявилъ, что не считаетъ умѣстнымъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и ниспровергать тамошнюю конституцію; онъ только тогда принужденъ будетъ приступить къ такимъ дѣйствіямъ, когда французскому королю и его фамиліи будетъ угрожать опасность. Вообще, принцы-эмигранты мало располагали къ себѣ; только Екатерина черезъ Голицына заявляла, что считаетъ истинными представителями французской націи эмигрантовъ, убѣжавшихъ изъ отечества.

Но французской королевской фамиліи болѣе и болѣе начала угрожать опасность. Во французскомъ законодательномъ собраніи образовалась республиканская партія (Жиронда), недовольная конституціоннымъ монархическимъ правленіемъ, желавшая ввести во Франціи республику и съ этой цѣлью хотѣвшая также запутать Францію въ войну, какъ этого хотѣли въ своихъ видахъ ихъ крайніе противники, эмигранты. Марія-Антуанета въ письмѣ къ брату отъ 16-го декабря 1791 г. представляла, что король лишенъ свободы и умоляла императора не навлекать на себя стыда и упрека всего міра, не оставлять въ крайнемъ униженіи и несчастіи сестру, зятя и племянника. Эти обстоятельства ускорили, наконецъ, дѣло союза, давно уже начатое между Пруссіею и Австріею. Леопольдъ черезъ графа Рейса предложилъ прусскому кабинету проектъ, который и былъ принятъ Пруссіею 7-го февраля 1792 года въ смыслѣ конвенціи, заключенной Бишофсвердеромъ 25-го іюля 1791 года. Обѣ стороны обѣщались поддерживать монархическое правленіе во Франціи, возвратить французскому королю и его фамиліи безопасность, полную свободу и все сообразное съ ихъ достоинствомъ и честью. Подобно прошлогодней конвенціи, и этотъ договоръ гарантировалъ Польшѣ ея самостоятельность въ существовавшихъ границахъ. Но по этому поводу сдѣлана была, по требованію прусскаго министерства, существенная отмѣна противъ конвенціи Бишофсвердера. Въмѣсто обязательства поддерживать свободную конституцію Польши, союзники при-

или на себя охраненіе и независимости Польши. Въмѣсто словъ въ конвенціи Бишофсвердера «*maintien de la libre constitution de la Pologne*» въ договорѣ 7-го февраля по требованію Пруссіи написано *maintien de la liberté et de l'indépendance de la Pologne, comme indiquant avec plus de clarté, qu'il ne s'agit pas encore de la constitution présente individuellement*».

Этотъ союзъ однако могъ еще не имѣть важнаго значенія въ ближайшихъ событіяхъ, пока императоръ Леопольдъ продолжалъ питать отвращеніе отъ военныхъ предпріятій вообще.

Но императоръ Леопольдъ умеръ въ мартѣ 1792 года, а сынъ и преемникъ его, Францъ II былъ совсѣмъ съ другими наклонностями; онъ былъ расположенъ къ воинственности, столько же обращалъ вниманія на военное званіе, сколько отецъ не любилъ его, и еще будучи принцемъ, выказывалъ особенное расположеніе къ Россіи, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскимъ посланникомъ княземъ Голицынымъ. Рѣшимость Австріи и Пруссіи вести войну противъ Франціи въ духѣ охранительныхъ началъ, сближала ихъ съ Россіею, и вотъ это-то было роковымъ событіемъ для Польши.

Выжидательная и осторожная политика Леопольда II дѣйствительно, при легкомъ взглядѣ на вещи, подавала поводъ заключать, что Австрія благопріятствуетъ польскимъ перемѣнамъ. Въ октябрѣ 1791 г., Кауницъ приказалъ посланнику Кобенцелю сообщить русскому двору ноту, въ которой приглашали Россію признать конституцію 3-го мая и доказывали, что это для Россіи будетъ выгодно. Но въ австрійскомъ предположеніи не было искренности, и Екатерина поняла такой образъ дѣйствія, выразившись о немъ, «что это значитъ плясать по итальянскому макіавелизму». Австрію безпокоило молчаніе Россіи на счетъ Польши; Австрія хотѣла вывѣдать мысли и намѣренія Екатерины и потому нарочно предлагала то, о чемъ навѣрно знала, что Россія не согласится, но дѣлала это въ надеждѣ, что Россія, заявивъ свое несогласіе, до нѣкоторой степени выскажется. Что это было именно только съ такою цѣлью, показываетъ странное противорѣчіе въ той самой австрійской нотѣ, которую, по видимому, хотѣли смягчить Россію въ пользу событія 3-го мая. Въ одномъ пунктѣ указываютъ, что безпорядки въ Польшѣ, выборы королей, неуройства въ управленіи и на сеймѣ, приносятъ пользу Пруссіи, и для Россіи лучше будетъ, если въ Польшѣ водворится порядокъ, который наступитъ съ наслѣдственнымъ правленіемъ. Въ другомъ же пунктѣ склоняли Россію надеждою, что установленіе наслѣдственнаго правленія внесетъ духъ несогласія, породитъ партіи въ этой безпокойной націи, подо-

рветь внутреннее управление. Такъ какъ это было до заключенія мира съ Турціею, то Екатерину не заставили высказаться. Между тѣмъ, хлопотавшая передъ Россіею съ такими странными доводами за конституцію 3-го мая, Австрія совѣмъ иначе отнеслась о томъ же предметѣ въ сношеніяхъ съ самою Польшею. Посланникъ Рѣчи-Посполитой Война (2 дек.) просилъ австрійскій кабинетъ ходатайствовать у русскаго двора о признаніи конституціи 3-го мая. Ему отказали на отрѣзъ. Кауницъ замѣчалъ, между прочимъ: «поляки не спрашивались у вѣнскаго двора, когда устроивали свою конституцію; пусть же и кончаютъ свои дѣла безъ насъ». Обращеніе австрійскихъ государственныхъ людей съ Войною отзывалось подчасъ злобшею двусмысленностью. Ему то отвѣчали на вопросъ неясно обиняками, то вовсе на нихъ не отвѣчали. Графъ Манфредини сдѣлалъ объ немъ такого рода замѣчаніе: «этотъ господинъ желаетъ много знать, а забываетъ, что можно узнать такое, чего и не пожелаешь узнать. Непріятно ему молчаніе нашего двора, а отвѣтъ можетъ быть еще неспріятнѣе». Дипломаты со стороны видѣли, къ чему Австрія должна будетъ придти. Саксонскій министръ Шенфельдъ въ ноябрѣ (1791 г.) замѣчалъ, что императоръ Леопольдъ, хотя видимо и благопріятствуетъ польскому перевороту 3-го мая, но расчетъ скоро возьметъ верхъ; Австрія склонится въ той политикѣ, какою держится Россія, потому что не захочетъ, чтобы Россія одна наложила цѣпи на польскую конституцію, безъ соучастія Австріи. Когда въ Берлинѣ заключили договоръ и Австрія требовала, чтобы цѣлость Польши была однимъ изъ условій этого договора, англійскій министръ въ Берлинѣ, Эденъ, понималъ, что это дѣлается какъ бы для приличія; объ державы дружелюбно относятся къ Польшѣ, а сами ожидаютъ только намека со стороны Россіи, чтобы измѣнить свои взгляды. Молчаніе Россіи не позволяло ни Австріи, ни Пруссіи на что-нибудь рѣшиться по отношенію къ Польшѣ.

Екатерина рассчитывала, что Россіи слѣдуетъ молчать о Польшѣ до тѣхъ поръ, пока неизбежный ходъ обстоятельствъ не приведетъ къ необходимости Пруссію и Австрію заговорить объ ней съ Россіею. За то Екатерина очень громко говорила на счетъ Франціи. Русская государыня, казалось, сердечнѣе всѣхъ заботилась о судьбѣ эмигрантовъ; ея министры въ Берлинѣ и Вѣнѣ постоянно побуждали къ союзу во имя возстановленія прежняго порядка вещей во Франціи; никто менѣе Екатерины не расположенъ былъ къ уступкамъ, которыя надавалъ покойный Леопольдъ, никто болѣе ея не оуждалъ вообще малѣйшихъ вынужденныхъ уступокъ народамъ со стороны властей. Въ октябрѣ она собственноручно пи-

самъ прусскому королю, убѣждая его торопиться спасеніемъ французскаго короля. Шведскому королю Густаву III она изъявляла готовность взять на себя субсидіи для вооруженія 12,000 человекъ въ экспедицію во Францію. Первое нападеніе предоставлялось королю шведскому, во вниманіе къ отдаленности его: тутъ избѣгалось всякое подозрѣніе въ завоевательныхъ замыслахъ; побужденія со стороны Густава III могли казаться безкорыстнѣе, тогда какъ нападенія Испаніи, Австріи и Германіи повлекли бы за собою подозрѣнія, что эти государства подѣ благовиднымъ предлогомъ хотѣтъ захватить у Франціи часть ея территоріи. Въ Испаніи дѣйствовалъ русскій посланникъ Зиновьевъ. Съ этимъ государствомъ легче всего было сойтись; династическая связь испанскихъ бурбоновъ съ французскими располагала политику мадридскаго кабинета подчиниться русскому взгляду на французскія дѣла: не допускать никакихъ уступокъ либеральной партіи во Франціи, требовать непремѣнно возстановленія королевской власти въ первобытномъ видѣ, считать истинными представителями Франціи только однихъ эмигрантовъ. У Екатерины это однако не было плодомъ дѣйствительной боязни революціоннаго духа или какого-нибудь особеннаго расположенія къ старой Франціи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя постоянно, какъ говорится, клала бревна подъ ноги Россіи въ ея предпріятіяхъ. «Я, — говорила императрица, — боюсь императора и короля прусскаго гораздо болѣе, чѣмъ старинную Францію во всемъ ея могуществѣ и новую Францію съ ея новыми принципами». Въ откровенныхъ разговорахъ съ Храповицкимъ Екатерина насчетъ этого объяснялась такъ: — «Я ломаю себѣ голову, какъ бы завлечь во французскія дѣла берлинскій и вѣнскій кабинеты. Есть много причинъ, которыхъ нельзя вы сказать. Я желаю, чтобы имѣть свободными руки; много предпріятій не окончено мною; надобно ихъ занять, чтобы они мнѣ не мѣшали». Понятно намъ, какія были это предпріятія. Первое — было подчиненіе Польши, второе — паденіе Турціи. Первое надлежало совершить, потому что безъ перваго невозможно было второе, какъ уже показалъ опытъ. Пруссія проникала въ настоящій смыслъ возбужденій, которыя дѣлала Россія повидимому такъ безкорыстно, такъ рыцарски въ пользу французскаго двора. У императрицы Екатерины, — писалъ король прусскій 6-го октября 1791 года своему министру въ Петербургѣ, — есть желаніе насъ съ Австріей запутать въ войну съ Франціею, а сама она тѣмъ временемъ безпрепятственно вмѣшивается въ польскія дѣла. Въ 1791 году, при вѣнскомъ дворѣ также были того убѣжденія, что императрица имѣетъ виды на Польшу.

Непосредственно по заключеніи мира съ Турціею, въ началѣ

1792 года, тайна Россіи въ отношеніи къ Польшѣ начала яснѣе раскрываться для сосѣдей. Европейскіе дипломаты хотя и увѣрены были, что у Россіи есть закоренѣлое желаніе овладѣть Польшею, но обманывались въ своихъ выводахъ и предположеніяхъ на счётъ ближайшихъ видовъ Екатерины на эту страну. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ Уисвортъ, отъ 31-го января 1792 года, писалъ: «я думалъ, императрица не рѣшится на какія-нибудь насильственные смѣлыя предпріятія, для поддержанія своего вліянія въ Польшѣ; я считалъ ее нерасположенною запутывать дѣла въ этой странѣ, и вызывать ее на войну противъ Россіи послѣ того, какъ Россія такъ недавно едва могла безъ важныхъ выгодъ избавиться отъ войны, стоившей ей ужасающихъ суммъ и много человѣческихъ душъ. Но сознаюсь, я ошибался, какъ вообще ошибаются всѣ тѣ, которые полагаются на умѣренность этой государыни. Я освѣдомился изъ вѣрныхъ источниковъ, что русскій дворъ намѣренъ съ будущею весною въ области польской республики двинуть стотысячное войско, которое выйдетъ изъ Молдавіи. Хотятъ напасть на Польшу внезапно, не допустивши воспрепятствовать этому въ пору, а если сосѣднія державы вмѣшаются, что вѣроятно будетъ, то на этотъ случай составленъ уже планъ раздѣла, по которому всѣ три получатъ свои выгоды». 3-го февраля 1792 года, прусскій министръ въ Петербургѣ Гольцъ донесъ своему правительству, что у него въ рукахъ было собственноручное письмо императрицы къ Зубову, гдѣ говорилось, что какъ только дѣла съ Турціею приведутся къ окончанію, тотчасъ императрица прикажетъ двинуть 180,000 арміи подъ начальствомъ Рѣпина въ польскую Украину; если же Австрія и Пруссія станутъ противиться, то имъ предложится въ вознагражденіе раздѣлъ Польши. Какимъ образомъ попало это письмо въ руки прусскому министру, неизвѣстно; вѣроятно сама императрица распорядилась такъ, чтобы Гольцъ видѣлъ его; быть можетъ, она находила, что уже пришло время сдѣлать свои планы извѣстными Пруссіи. Черезъ нѣсколько времени Россія сдѣлала приглашеніе берлинскому и вѣнскому дворамъ приступить къ соглашенію на счетъ мѣръ, какія должны принять эти дворы въ предупрежденіе дальнѣйшихъ безпорядковъ въ Польшѣ и къ установленію степени той цѣлости, какую слѣдуетъ признать за Польшею, причемъ дѣлалось замѣчаніе, что допустить Польшу навсегда соединиться съ Саксоніей было бы не безопасно для трехъ державъ. Это заявленіе сообщено графомъ Остерманомъ прусскому посланнику 28-го февраля. Государыня приказала сообщить прусскому послу изустное внушеніе (*insinuation verbale*) относительно опасности, какую представляли польскія перемены соб-

ственно для Пруссіи; Саксонія черезъ соединеніе съ Польшею сдѣлается могущественною и вліятельною державою; Пруссія не должна бы допускать этого ради своего положенія въ Германіи. Это обстоятельство достаточно было важно, чтобы повести къ соглашенію между Пруссіею и Россіею и побудить согласиться на мѣры, вызываемыя ихъ взаимными интересами. Именно, какъ бы въ предупрежденіе предложенія пристать къ союзу, которое должны были сдѣлать Россіи, императрица напередъ хотѣла дать знать сосѣдямъ, на какихъ условіяхъ можно надѣяться пригласить ее къ участию въ ихъ союзѣ; такъ какъ договоръ 7-го февраля гарантировалъ цѣлость Польши и независимость ея, то императрица заранѣе указывала, что это условіе для нея непримѣнимо и она, напротивъ, имѣетъ намѣреніе измѣнить границы и судьбу Польши. Ничего не могло быть любезнѣе для прусскаго короля такого предложенія: онъ готовился къ нему и ожидалъ его давно.

Затѣмъ послѣдовало отъ Россіи заявленіе на счетъ Польши и къ Австріи. Екатерина извѣщала, что она твердо рѣшилась поддерживать свою гарантію прежняго правленія, установленнаго въ 1775 году и намѣрена ниспровергнуть конституцію 3-го мая.

Заявленіе это пришло какъ нельзя впору къ своему назначенію. По заключеніи договора между Пруссіею и Австріею, Бишофвердеръ отправился въ Вѣну условиться на счетъ ближайшихъ взаимныхъ дѣйствій, основанныхъ на договорѣ 7-го февраля. Польское дѣло затрудняло ихъ. Шпильманъ, австрійскій министръ, объявилъ, что Австрія точно такъ, какъ и Пруссія полагаетъ, что не слѣдуетъ допускать у себя подъ божомъ усиленія польскаго королевства, и надобно какъ-нибудь дѣйствовать противъ этого, а иначе императрица шагнетъ дальше, и все перевернетъ вверхъ дномъ (*que l'impératrice ne veuille casser les vitres*). Тогда по прежней австрійской методѣ давать предложенія, съ желаніемъ получить отвѣтъ въ смыслѣ противномъ этимъ предложеніямъ, Шпильманъ составилъ проектъ и показалъ Бишофвердеру. Въ этомъ проектѣ давалась на обсужденіе мысль: не хорошо ли было бы въ самомъ дѣлѣ признать саксонскаго князя-избирателя будущимъ наслѣдственнымъ государемъ Польши, только такъ, чтобы помѣшать Польшѣ сдѣлаться сильнымъ государствомъ, особенно не допуская въ ней увеличенія войска и свободнаго развитія торговли? Проектъ писали въ полной надеждѣ, что Пруссія ни за что на него не согласится и предложить другое такое, что приметъ Австрія съ соблюденіемъ своихъ выгодъ.

Но пока еще Австрія не получила желаннаго отрицательнаго

отвѣта на свой проектъ отъ прусскаго двора, получена была нота Россіи. Это было уже при новомъ австрійскомъ государѣ. Тогда Шпильманъ (14 марта) представилъ прусскому посланнику Якоби замѣчаніе, что русская государыня остается непоколебима въ своихъ видахъ относительно Польши и потому составленный имъ прежде планъ оказывается неподходящимъ. «Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Якоби,—если Россію трудно согласить, то и самъ саксонскій князь-избиратель не захочетъ состоять въ санѣ польскаго короля, подъ опекою трехъ державъ.» Черезъ три дня Шпильманъ сказалъ Якоби: «я оставляю свой проектъ: съ одной стороны нельзя дозволить Польшѣ сдѣлаться сильною державою, а съ другой князь-избиратель не захочетъ принимать ее въ слабомъ состояніи; остается одно средство — раздѣлъ. Австрія не намѣрена брать своей доли въ Польшѣ, а возьметъ ее въ другомъ мѣстѣ, но король венгерскій и чешскій не станутъ мѣшать прусскому королю воспользоваться обстоятельствами и округлить свои владѣнія, лишь бы только обѣ стороны взяли по равной части.» Старый дипломатъ оправдывалъ свои планы тѣмъ, что Польша вѣчно будетъ яблокомъ раздора, пока три сосѣднія державы не согласятся дѣйствовать за одно. Такимъ образомъ слово о новомъ раздѣлѣ Польши было высказано между Австріею и Пруссіею, оставалось привлечь къ этому Россію. Но Австрія сочла нужнымъ пустить въ дѣло съ Россіею тотъ же способъ обращенія, каковой недавно употребила съ Пруссіею, т. е. заговорить въ смыслѣ совершенно противномъ тому отвѣту, каковой желала услышать. И вотъ еще разъ въ сношеніяхъ съ Россіею Кауницъ, 12-го апрѣля, объявилъ, что Австрія твердо стоитъ за соединеніе Польши съ Саксоніею, но это было сказано такъ, что вице-канцлеръ Остерманъ тотчасъ понялъ, что въ этихъ словахъ нужно видѣть обратный смыслъ и они говорились только съ цѣлью показать, что Австрія сама не прочь отъ участія въ видахъ Россіи, но прежде хочетъ вызвать Россію на выгодныя для себя предложенія.

Россіи предложили приступить къ союзу заключенному 7-го февраля между Пруссіею и Австріею. На это Остерманъ 15-го мая отвѣчалъ, что трактатъ 7-го февраля заключаетъ въ себѣ статью о Польшѣ, несогласную съ видами императрицы; во всемъ остальномъ Россія приступаетъ къ трактату 7-го февраля, относительно же Польши желаетъ заключить особый договоръ съ Пруссіею, имѣя въ виду прежніе, существовавшіе между двумя державами трактаты объ этомъ предметѣ. На это замѣчаніе послѣдовала отъ 27-го іюня совмѣстная декларація отъ Австріи и Пруссіи къ Россіи; въ ней было изъявлено требованіе, чтобы

обоимъ государствамъ предоставлено было надлежащее участіе въ вѣрахъ, которыя должны рѣшить судьбу Польши. Съ своей стороны Кауницъ особо объявлялъ (отъ 21-го іюня), что Австрія приступитъ къ видамъ петербургскаго двора, если петербургскій дворъ приступитъ къ союзу противъ Франціи, съ тѣмъ, что статья о Польшѣ, въ трактатѣ 7-го февраля, будетъ замѣнена обязательствомъ трехъ дворовъ дѣйствовать взаимно и согласно въ дѣлахъ польскихъ.

II.

Веселье въ Польшѣ. — Сеймики. — Самоувѣренность поляковъ. — Поведеніе Люксембургъ въ 1792 году. — Булгаковъ подбираетъ партію. — Зарождѣніе конфедераціи въ Петербургѣ. — Отказъ саксонскаго князя-избрателя. — Военственныя постановленія сейма¹⁾.

Весною 1792 г. уже образовалась въ дипломатіи гроза, долженствовавшая потрясти Польшу до основанія и обратить въ прахъ ея возрожденіе. Австрія и Пруссія уже высказались о необходимости новаго раздѣла. Россія хотя не произнесла такого мнѣнія, но болѣе, чѣмъ двѣ прочія державы, не расположена была оставить въ Польшѣ то, что въ ней было устроено съ 3-го мая.

Польша, между тѣмъ, пировала. По современнымъ извѣстіямъ, въ Польшѣ никогда еще такъ не веселились, какъ въ концѣ 1791 и началѣ 1792 года. Въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ въ назначенные дни происходили торжественныя богослуженія съ «Te Deum», съ проповѣдями, восхвалявшими новый порядокъ и виновниковъ его. Такой праздникъ отправлялся, напр., въ Бобруйсѣ, маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ считалось не болѣе 150 дворовъ. Земскій рѣчицкій судья, записавшись въ мѣщане, давалъ большой обѣдъ съ музыкою и громомъ орудій. Послѣ обѣда былъ шумный балъ. Все мѣстечко было затѣйливо иллюминировано. Простой народъ поили и кормили на улицахъ. 17-го января, день рожденія Станислава-Августа сдѣлался повсюду днемъ веселаго и шумнаго праздника: богослуженія съ проповѣдями, пѣніе «Te Deum» пальба изъ пушекъ, обѣды, балы и иллюминація служили вездѣ признаками общей радости. Во многихъ мѣстахъ гражданско-военныя комиссіи давали обѣды городскимъ магистратамъ, а за тѣмъ слѣдовали танцы вплоть до ночи и ужины. Дворяне и мѣщане пировали братски вмѣстѣ. Въ Вильнѣ въ

¹⁾ См. ист. 21, 18, 28, 12, 33, 8, 118, 113, 115, 91, 86. Дѣла сейма и Стражи, бывшіяся въ Литовской Метрицѣ.

этотъ день, послѣ торжественнаго богослуженія въ академической церкви, епископъ Масальскій давалъ обѣдъ на сто особъ слишкомъ, а въ три часа было публичное засѣданіе главной школы великаго княжества Литовскаго, на которомъ профессоръ церковной исторіи Богуславскій прославлялъ конституцію, а вечеромъ маршалъ трибунала давалъ великолѣпный балъ съ ужиномъ и пушечными выстрѣлами, раздававшимися во время питья за здоровье короля. Въ Ленчицѣ народныя школы устроили празднество отъ себя и профессоръ физики доказывалъ, что конституція 3-го мая происходитъ изъ естественнаго порядка. Обыватели изъ повѣтовъ Сендомирскаго и Вислицкаго съѣхались въ Шидловъ для занесенія именъ своихъ въ землянскія книги и по этому поводу братались съ мѣщанами, произносили рѣчи, а воевода далъ большой обѣдъ для пріѣхавшихъ. Въ Сендомирѣ всендѣзъ Ленчовскій послѣ богослуженія устроилъ отъ себя роскошный обѣдъ, а вечеромъ бригадный командиръ Годзевичъ давалъ ужинъ и балъ. Иосифъ Понятовскій, племянникъ короля, и генералы давали пиры и балы для военныхъ съ цѣлю приласкать ихъ и склонить къ мысли, что войску подъ непосредственнымъ начальствомъ короля будетъ лучше, чѣмъ подъ властію войсковою комиссіи. Въ Брацлавѣ, зимою, при главномъ обозѣ нѣсколько дней сряду шли празднества съ потѣшными огнями, среди которыхъ красовался портретъ короля, а брацлавскій подкоморій, кромѣ обѣда для гостей, угощалъ на дворѣ у себя толпу всякаго народа, и всѣ за это восхваляли конституцію.

Время вакаціи сейма было временемъ сеймиковъ: воеводства и повѣты присягали конституціи 3-го мая, производились выборы и по этому поводу повсюду были обѣды, балы, иллюминаціи и празднества. Такъ въ Литичевѣ предъ открытіемъ сеймика одинъ день давалъ обѣдъ судья Домбскій, на другой день панъ Дембовскій; на этихъ обѣдахъ участвовали всѣ прибывшіе на сеймикъ обыватели, пили за здоровье короля и благоденствіе конституціи 3-го мая, а послѣ выборовъ слѣдовала присяга на конституцію 3-го мая и по этому поводу опять празднество. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во время присяги, происходившей въ церкви, шляхтичи обнажали сабли и клялись защищать конституцію до послѣдней капли крови. Всѣ прежніе сеймики, сколько могли запомнить старыя поляки, сопровождались беспорядками, подкупамъ, драками, кровопролитіемъ; на этотъ разъ шляхта во многихъ мѣстахъ вела себя чинно и согласно, за то весело. Отъ многихъ сеймиковъ при закрытіи ихъ были посланы депутаціи съ благодарностію королю и членамъ сейма за дѣло конституціи 3-го мая. Много помогло

стройному исходу сеймиковъ то, что заранѣе было разослано до 400 писемъ лицамъ, болѣе или менѣе наклоннымъ къ перемѣнѣ.

Въ этихъ письмахъ сообщалось ложно, будто саксонскій князь-епископъ изъявилъ полное согласіе на принятіе короны, и дворы прусскій и австрійскій гарантировали прочность конституціи 3-го мая. Многіе изъ пословъ по окончаніи сеймовыхъ засѣданій разѣхались по провинціямъ и способствовали настроенію умовъ на сеймикахъ. Каждый изъ нихъ въ своемъ углу настраивалъ толпу, готовую пристать ко всему безъ большихъ разсужденій. Тамъ, гдѣ нужно было, король располагалъ въ пользу конституціи раздачею ордена св. Станислава, на который чрезвычайно были тогда модны поляки; иные за то единственно, чтобы имѣть удовольствіе надѣть красную ленту, становились подъ знамя 3-го мая. Этихъ лентъ такъ много раздали въ это время, что маршалъ Малаховскій говоритъ: «по совѣсти, эти ленты приносятъ стыдъ, а не украшаютъ». Другихъ склоняли обѣщаніемъ выгодныхъ мѣстъ и денежными подарками, а иныхъ принуждали и угрозами; многіе, подавая согласіе на конституцію, въ душѣ ненавидѣли ее, но не смѣли заявить противнаго мнѣнія, потому что было объявлено запрещеніе заносить въ городскіе акты протестаціи противъ конституціи, опасно было ничего не сдѣлавши навлечь на себя наказаніе; сторонники конституціи пугали шляхту, что того, кто будетъ противиться, постигнетъ кара отъ короля и сейма, какъ возмутителя общественнаго спокойствія, подобно Ржевускому и Щенскому Потоцкому. Наконецъ, въ воеводствахъ, гдѣ наиболѣе можно было ожидать противодѣйствія, разставлены были войска, готовя усмирять силою и принуждать къ повиновенію такіе сеймики, которые бы стали сильно шумѣть противъ конституціи. Много пособило и то, что папа прислалъ поздравительную буллу, въ которой видимо оказывалъ сочувствіе къ новому дѣлу; на сеймикахъ какъ только узнали, что конституція 3-го мая благословляется св. отцемъ, начали склоняться къ ней. При этихъ выгодныхъ для дѣла конституціи условіяхъ изъ нѣсколькихъ мѣстъ поступили, однако, въ Стражу донесенія о томъ, что на сеймикахъ проявлялось негодованіе противъ реформы и притомъ съ признаками тѣхъ старыхъ нравовъ, которые хотѣли исправить прогрессисты. Такъ люблинская шляхта Грушецкіе съ другими жаловались, что у нихъ на сеймикѣ въ противность новому уставу о сеймикахъ, паны навели подкупленную шляхту, собирали у себя, поили и потомъ заставляли давать голоса какіе угодно было имъ, власть шары по ихъ желанію и такимъ образомъ удержали за собою и за другими, по своему желанію, мѣста и должности или выбирали новыхъ, кого хотѣли. Въ По-

лоцкомъ воеводствѣ панъ Жаба привелъ на сеймикъ подпоенную шляхту и заставлялъ выбирать въ должности такихъ, какихъ ему хотѣлось, даже, чтобъ уменьшить число противниковъ, записывалъ послѣднихъ въ ихъ квартирахъ и не допускалъ до голосованія въ то время, когда его кліенты дѣлали по его приказанію постановленія какъ будто большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ, хотя по распоряженію сейма рѣшено было перевести мѣсто отправленія, сеймига въ Чашники, но панъ Жаба не допустилъ до этого, и сеймигъ остался въ Ушачѣ, гдѣ былъ прежде. Въ троцкомъ воеводствѣ противники конституціи навели на сеймигъ свою подпоенную шляхту и подняли крикъ, что сеймъ нарушилъ старопольскую свободу и предалъ Рѣчь-Посполитую абсолютизму, называли сеймовые уставы кандалами и объявляли, что намѣрены повиноваться существующей власти только до времени. По ихъ вліянію выбраны депутатами въ трибуналъ ихъ подручники, не имѣвшіе на то законнаго права, потому что не владѣли землями въ томъ краѣ, гдѣ ихъ выбирали. Въ Россіепахъ партія, непріязненная конституціи, подъ предводительствомъ Гелгуда надѣлала большую смуту, не допустила предсѣдательствовать ассессору вмѣсто большого маршала, отняла книги у избраннаго противъ ея желанія актоваго писаря, и, наконецъ, не дозволила окончиться сеймику, такъ что послѣ того это дѣло встревожило Стражу и дало поводъ къ продолжительной перепискѣ. Подобное дѣлалось и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напр. въ Минскѣ, гдѣ панъ Лыскевичъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, съ цѣлію овладѣть дѣлами города поилъ ремесленниковъ такъ, что по замѣчанію послѣдовавшей на него жалобы, всѣ заказы оказались неисполненными въ срокъ. Установленіе земянскихъ судовъ сопровождалось беспорядками: прежніе судьи не отдавали новоизбраннымъ ни ключей, ни счетовъ, а въ Сѣрадзѣ гражданско-военная коммиссія заперла ратушу, гдѣ прежде собирались городскіе и земскіе суды и новоустроенному земянскому суду не было пріюта. Отмѣненіе пожизненности судей пріобрѣло конституціи много враговъ изъ тѣхъ, которые чрезъ этотъ законъ лишались возможности сидѣть цѣлую жизнь на тепломъ мѣстѣ.

Прогрессивная партія извлекала великія надежды для цѣлости конституціи изъ пріема, сдѣланнаго ей по воеводствамъ. Проживавшіе за границею паны извѣщали своихъ соотечественниковъ, что и по всей Европѣ правительства, публики удивляются полякамъ и величаютъ ихъ мудрость. «Куда только насъ ни приглашаютъ, писалъ одинъ полякъ изъ Флоренціи, вездѣ мы видимъ столы, украшенные бюстами короля нашего, колоннами и

принципами въ честь его и нашей конституціи. Самъ великій герцогъ тосканскій говорилъ полякамъ такіа слова: «счастливъ народъ польскій, что у него такой король; счастливъ король польскій, что управляетъ такимъ гражданами». Приѣзжавшіе въ Польшу иностранцы, лѣтя полякамъ, говорили: «какъ же это утверждали, будто поляки народъ несогласный и легкомысленный, а мы видимъ противное: они составили такую мудрую конституцію и такъ согласно и единомысленно ее приняли». Поляки интересовались болѣе всего тѣмъ, что о каждомъ ихъ патриотическомъ шагѣ будутъ говорить въ Европѣ. Маршалъ Малаховскій по окончаніи сеймиковъ писалъ въ племяннику въ Дрезденъ: «мнѣ очень любопытно узнать, что тамъ у васъ скажутъ о единомысліи сеймиковъ. Кто религіозенъ, тотъ признаетъ въ этомъ дѣло Провидѣнія, а кто основывается на политикѣ, тотъ увидитъ въ этомъ событіи великій примѣръ, какъ весь народъ чувствуетъ привязанность къ закону». Это онъ писалъ уже въ то время, когда медленность и увертки савсонскаго князя-избирателя раздражали его. Легковѣріе и вѣтреность поляковъ не имѣли предѣловъ.

Три дня тому назадъ (доносилъ въ мартѣ Булгаковъ), помы большую надежду полагали на нѣмецкаго императора, но теперь уже нѣкоторые изъ пановъ перемѣнили свое мнѣніе и боится, что какъ только состоится коалиція противъ Франціи, то императоръ обратится къ Франціи, а Россія будетъ раздѣливаться съ Польшею. Самъ король все еще полагалъ тогда надежду на Австрію и думалъ расположить въ себѣ подкупомъ государственныхъ людей австрійскаго кабинета, Манфредини и Шильмана, посредствомъ камергера Кортигеля, который былъ нѣкогда въ Польшѣ посланникомъ отъ Австріи. Этотъ Кортигель, какъ говорятъ, бралъ съ короля деньги и внушалъ ему надежду, а король составлялъ тайные планы утвердить монархическую власть при пособіи Австріи и избавиться отъ страшной опеки Россіи. Корифей 3-го мая, Игнатій Потоцкій, былъ самонадѣянъ до смѣшнаго; уже въ мартѣ Декоршъ, французскій посланникъ, предостерегалъ его и говорилъ: «вы слишкомъ доверяемы: смотрите, берлинскій и вѣнскій дворы не даромъ кокетничаютъ съ императрицею!» Потоцкій за-глаза трунилъ надъ нимъ и говорилъ: «французъ пустую вѣжливость между дворами считаетъ уже за взаимную преданность. Я думаю, что Россія не рѣшится объявить намъ войны, напротивъ сама боится, чтобы противъ нея не составила союза Австрія съ Польшею; тогда, дѣйствуя вмѣстѣ, можно было бы сдѣлать Россію азіатскою державою.»

Первыя сеймовыя засѣданія, по окончаніи лимиты, проходили

въ шумныхъ восторгахъ о величіи Польши, о примѣрномъ согласіи и надеждахъ на благополучіе въ будущемъ. Вѣсти о томъ, что сеймики окончились безъ дракъ и повсюду одобрена конституція, давали посламъ поводъ видѣть въ этомъ великое ручательство возрожденія отечества. Игнатій Потоцкій говорилъ въ застѣданіи: «окидывая взорами протекшіе вѣка, во всей исторіи міра я не могу видѣть ничего величественнѣе, ничего достойнѣе человѣческой памяти, какъ согласіе польскаго народа, который отселѣ долженъ служить образцомъ для всѣхъ вольныхъ народовъ?» Волинскій посоль Стройновскій, постоянный недоброжелатель нововведеній и представитель воеводства наиболѣе противнаго конституціи, заявлялъ, что это воеводство, состоящее изъ четырехъ повѣтовъ (Луцкій, Кременецкій, Подслучскій и Горыпскій), измѣнило прежнія инструкціи посламъ и приказывало имъ соображаться съ конституціею. Другой свирѣпый противникъ конституціи, позванскій посоль Мелжинскій говорилъ: «я не пошелъ по слѣдамъ возлюбленнаго короля оттого, что воображалъ себѣ, что народъ иначе приметъ конституцію. Я слушалъ своего внутренняго убѣжденія. Теперь я увидалъ противное тому, чего ожидать. Нашъ народъ такъ ослабилъ себя въ цѣломъ мірѣ безпорядками, что, казалось, никогда не покажетъ себя ни въ чемъ единодушнымъ; и дѣйствительно: давно ли чужіе солдаты предписывали сеймикамъ инструкціи, и несмотря на утрашенія и на подкупы, согласія на сеймикахъ не было. Теперь же не было на сеймикахъ ни чужого, ни своего войска; гражданская добродѣтель не была искушаема дарами, и теперь первый только разъ народъ единогласно ринялъ конституцію 3-го мая. Стало быть она хороша и спасительна.» Казимиръ-Несторъ Сапѣга ораторствовалъ такъ: «пятно, лежавшее на Польшѣ, изгладилось; иноземныя войска уже не покрываютъ нашей территоріи, наши національныя войска защищаютъ наши границы. Правительство стало твердымъ, конституція наша признана сильнѣйшими державами, а любовь къ отечеству ея крѣпчайшая подпора. Какъ не видать вліянія божественнаго Провидѣнія въ способѣ, какимъ нація возродилась безъ кровопролитія? Вотъ я показалъ вамъ примѣръ послушанія постановленіямъ сейма; теперь я ихъ буду еще болѣе уважать, когда все Великое княжество Литовское ихъ признаетъ, не уступая Коронѣ въ уваженіи къ королю и любви къ отечеству».

Смерть Леопольда вначалѣ произвела потрясающее впечатлѣніе. «Что теперь будетъ?» — говорили тогда при дворѣ Станислава-Августа. «Договоръ съ Пруссіею можетъ нарушиться, состоится напротивъ договоръ съ Россіею; запуганная Саксонія ничего не будетъ значить и Польша сдѣлается игрушкою об-

столетствѣ. Вмѣсто государя, дружелюбнаго Польшѣ, какимъ былъ покойный императоръ Леопольдъ II воцарится новый, Юзѣфъ II: онъ уже и теперь извѣстенъ своимъ расположеніемъ къ Россіи». Но Игнатій Потоцкій, у котораго послѣ обѣда былъ объ этомъ разговоръ съ гостями, какъ великій политикъ, посмотрѣлъ на событія съ другой точки зрѣнія и произнесъ такое утѣшительное слово: «императоръ Леопольдъ достоинъ того, чтобы поляки его оплакивали; онъ былъ другъ нашъ и особенный покровитель; но смерть его не измѣнитъ положенія дѣлъ, союзъ съ Пруссіею теперь установится скорѣе, чѣмъ можно было бы ожидать прежде; новый государь на все согласится, что ему предложить. Саксонія и Польша выиграютъ. Молодой государь не пойдетъ противъ Франціи такъ горячо, какъ прежній: племянникъ за тетку не станетъ заступаться, какъ братъ за сестру. Еслибъ король прусскій и императоръ пошли вмѣстѣ на Францію, какъ предполагалось при Леопольдѣ, русскіе вошли бы въ Польшу и поляки, не получая ни откуды помощи и поддержки, сдѣлались бы добычею Россіи. Теперь же — союзъ Австріи съ Пруссіею будетъ направленъ противъ Россіи, а Польша будетъ служить имъ барьеромъ. Не совѣтуемъ Россіи затрогивать насъ, Польша можетъ надѣяться ей больше зла, чѣмъ она Польшѣ.» За Потоцкимъ маршалъ Малаховскій и другіе стали видѣть въ радужномъ цвѣтѣ для Польши союзъ Пруссіи съ Австріею. Пятали еще рѣшительнѣе возбуждалъ въ полякахъ смѣлость. «По моему, — говорилъ онъ, — такъ надобно вторгнуться съ войсками Рѣчи-Посполитой во владѣнія россійской императрицы и предупредить нападеніе съ ея стороны». Любкезини по прежнему не переставали быть непонятнымъ, то мазалъ по губамъ поляковъ, то обливалъ ихъ сразу холодною водою, ставилъ поляковъ втупикъ и кружилъ имъ головы своимъ обращеніемъ. Когда съ нимъ заговаривали о ходѣ преобразованій и по прежнему обычаю обращались къ нему за совѣтомъ, Любкезини отвѣчалъ сухо и равнодушно: «конституція 3-го мая и всѣ послѣдовавшія у васъ перемѣны для его величества, короля прусскаго, совершенно посторонніе предметы, и вовсе не занимаютъ его. Все, что республика послѣ трактата съ Пруссіею сдѣлала у себя, все это она должна считать своимъ собственнымъ твореніемъ, и о всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ вслѣдствіе конституціи 3-го мая, должна сама у себя просить совѣта». Отпуская Браницкаго въ Петербургъ, Станиславъ-Августъ счелъ нужнымъ заявить объ этомъ Любкезини и сказать: «надѣюсь, что вашъ дворъ не скажетъ ничего противъ этого.» «Ваше величество, — отвѣчалъ Любкезини — можете дѣлать что вамъ угодно, и моему двору совершенно

нѣтъ дѣла до этого. Удивительно только, что ваше величество отставили отъ службы польнаго гетмана (le petit général) за то только, что онъ ѣздилъ въ Яссы, а теперь сами посылаете великаго (le grand général) въ Петербургъ для особыхъ сношеній?» Послѣ такого разговора онъ самъ довелъ до свѣдѣнія Браницкаго, будто старался выхлопотать ему у короля дозволеніе ѣхать въ Петербургъ. Въ мартѣ, въ одномъ обществѣ онъ сказалъ: «напрасно считаютъ за королемъ моимъ какую-то готовность помогать Польшѣ; онъ вовсе не обязанъ защищать Польшу съ конституціею 3-го мая». Это дошло до Станислава-Августа. Онъ спросилъ его прямо. Люквезини отвѣчалъ: «я не обязанъ всѣмъ и каждому говорить истину; я могу говорить ее только правительству, а правительство составляютъ для меня король и канцлеръ. У васъ черезчуръ много было участниковъ въ важныхъ дѣлахъ, всѣ все хотѣли знать, оттого и происходилъ таковой безпорядокъ». — Прежде онъ въ дружескихъ разговорахъ сворачивалъ на неизбѣжные Гданскъ и Торунь, теперь онъ уже не только не вспоминалъ о нихъ, но даже сказалъ: «король мой не намѣренъ болѣе возобновлять толки о соглашеніи взаимныхъ выгодъ Польши и Пруссіи на основаніи уступки Гданска и Торуня; если бы республика предлагала ихъ сама, — Пруссія уже не приняла бы ихъ». Эти слова дышали зловѣщимъ предзнаменованіемъ и открывали полякамъ опасность, что Пруссія скоро станетъ за одно съ Россіею, но Люквезини потомъ, сошедшись съ Сапѣгою, но чалъ опять заговаривать о Гданскѣ и Торунѣ, а когда разнеслось объ этомъ между нѣкоторыми послами, онъ сказалъ «развѣ можно полагаться въ чемъ-нибудь на Сапѣгу? про насъ ходятъ разныя сплетни: то говорятъ, что мы хотимъ отнять Великую Польшу, то Жмудь, а мой государь ничего отъ поляковъ не желаетъ, кромѣ сохраненія своихъ правъ и трактатовъ». По селяя въ полякахъ сомнѣніе, онъ, не доводилъ ихъ до отчаянія «не думайте, говорилъ онъ, чтобъ Пруссія перестала быть союзницею Польши; когда у васъ начнется война съ Россіею, тогда и Пруссія станетъ вооружаться и покажетъ себя. Правда, Пруссія и Австрія обращаются деликатно съ императрицею, но все таки главная цѣль ихъ союза поставить преграду дальнѣйшимъ успѣхамъ Россіи. На этотъ конецъ императоръ и Пруссія уже пригласили Саксонію пристать къ союзу, и она согласилась; бытъ можетъ, скоро о томъ же попросятъ и Польшу.» Также точно о приѣмѣ княземъ-избирателемъ короны онъ высказывался двукратно. Прогрессисты распустили на сеймикахъ слухъ, что предложеніе Польши принято и король увѣрялъ прибывшихъ въ Варшаву пословъ, что въ этомъ сомнѣваться не слѣдуетъ и самъ

царская императрица, какъ видно, согласится на это. «Все это издавна!» сказалъ по этому поводу Люквезини у Сапѣги, а саму Пятаоли, который особенно отличался распространениемъ слуховъ, замѣтилъ: «эти уловки кончатся дурно». Но тотъ же Люквезини, говоря о заключенномъ между Австріей и Пруссіей союзѣ, выразился такъ: «я не нахожу затруднительнымъ думать, что новые союзники гарантируютъ принятіе короны саксонскимъ княземъ-избирателемъ; это для нихъ лучше, чѣмъ допустить Россію до прежняго вліянія на Польшу».

Сеймъ занялся разсмотрѣніемъ просьбъ и желаній, поступившихъ отъ сеймиковъ; они касались ново-учрежденныхъ земскихъ удѣловъ: отпращиванія ихъ обязанностей, назначенія мѣстъ для нихъ, соединенія повѣтовъ въ судебномъ отношеніи, выбора лицъ въ должности, времени открытія засѣданій. Установленъ порядокъ процедуры — такъ-называемые реестры, которыми опредѣлено, какія дѣла должны за какими слѣдовать — предметъ сбивчивый въ старопольскомъ судопроизводствѣ; опредѣлены случаи, когда судьи, за уклоненіе отъ своихъ обязанностей, должны подвергаться наказаніямъ, состоявшимъ въ тюремномъ заключеніи, ежемѣсячномъ взысканіи и лишеніи должностей. По поводу вводимого тѣснѣйшаго однообразія Великаго княжества Литовскаго съ Бороною уничтожены прежніе отдѣльные литовскіе поборы и введено въ налоги однообразіе. Но дѣло реформы королевщинъ кочкалось очень плохо. Скарбовая коммиссія извѣстила сеймъ, что большая часть старостъ не подчиняется распоряженіямъ сейма о платежѣ въ казну, до времени продажи, трехъ четвертей всего получаемого съ этихъ имѣній дохода.

Толковали о томъ, какъ бы достойно и торжественно отпраздновать годовщину 3-го мая и для этого положили собрать въ воеводства нарочно особыхъ депутатовъ. Въ память великаго событія рѣшили въ этотъ день заложить храмъ Провидѣнія. Игнатій Потоцкій, убѣждаясь болѣе и болѣе въ томъ, что только монархическая власть можетъ спасти Польшу, задумалъ воспользоваться этимъ днемъ, чтобы въ церкви св. Креста, гдѣ будетъ торжество, пріѣхавшіе депутаты заявили желаніе, какъ бы цѣлой страны, чтобы король принялъ диктаторскую власть надъ войскомъ и страню. Между тѣмъ въ ожиданіи этого великаго народнаго торжества не было недостатка въ патріотическихъ пиршествахъ, которыя должны были способствовать распространенію новыхъ идей. 22-го марта (2-го апрѣля), въ день именинъ Колоната ассессорія дала ему обѣдъ, куда приглашены были знатнѣйшіе мѣщане. Самъ король присутствовалъ на этомъ обѣдѣ и пировался съ мѣщанами. «Они облили ему платье виномъ», за-

мѣтилъ при этомъ Булгаковъ въ своемъ донесеніи, дѣлая намеки на неумѣные мѣщанъ вести себя въ одномъ обществѣ съ важными особами. Такъ какъ этотъ обѣдъ носилъ демократическій характеръ уже и потому, что давался въ честь человѣка считаемаго отъявленнымъ демократомъ, то многіе сочли неумѣстнымъ быть немъ; въ ихъ числѣ былъ и братъ короля, примасъ. «Какъ мнѣ ни прискорбно — сказалъ по этому поводу король своей сестрѣ — но приходится бороться не только со множествомъ поляковъ, а даже съ собственнымъ братомъ и съ своею фамиліею.» Многіе поляки, увлеченные временно модными идеями, мало-помалу одумывались и находили, что на дѣлѣ не все бываетъ такъ складно и пріятно, какъ на словахъ. Ихъ отрезвляли крайніе прогрессисты, которые то тѣмъ то другимъ способомъ угрожали посягательствомъ на дворянскія преимущества и сословныя выгоды. Въ Варшавѣ заведенъ былъ клубъ слугъ и тамъ читались переведенныя съ французскаго языка рѣчи о свободѣ. Это заведено было по мысли французскаго министра въ Польшѣ Декорша и вѣскога Маццеи, извѣстнаго въ Варшавѣ вольнодумца. Служитель послѣдняго былъ постояннымъ ораторомъ въ этомъ клубѣ. Это явленіе возбудило въ обществѣ опасеніе, что такимъ образомъ можетъ подготовиться хлопскій бунтъ. Законъ о староствахъ разомъ отнялъ у конституціи множество приверженцевъ. Польскія дамы, прежде возбуждавшія умы и сердца въ пользу новаго строя вещей, стали кричать, что ихъ обираютъ, что имъ не на что будетъ шить новыя платья для баловъ.

Когда патріоты закрывали себѣ глаза, Булгаковъ, продолжая показывать видъ, будто дѣло конституціи совершенно посторонній предметъ для государства, котораго онъ былъ представителемъ, втихомолку удачно работалъ и подкапывалъ то, что поляки спѣшили строить. Въ концѣ апрѣля онъ представилъ своему правительству списокъ надежныхъ особъ, на которыхъ Россія могла положиться; это были епископы: Коссаковский и Гедройць (Жмудскій). Сѣрадскій воевода Валевскій — человѣкъ предприимчивый, съ большимъ кредитомъ въ трехъ воеводствахъ, краковскомъ, волицкомъ и сѣрадскомъ, витебскій воевода Коссаковский, мазовецкій — Малаховскій, братъ маршала, другой братъ его канцлеръ, мстиславскій воевода Хоминскій, надборный маршалъ Рачинскій, человѣкъ оборотливый, ловкій и хитрый, троцкій каштелянъ Платтеръ, войницкій каштелянъ Ожаровскій, издавна предапный Россіи, на все готовый, имѣвшій партію въ воеводствахъ краковскомъ и сендомирскомъ, каштелянъ гнѣзненскій Мясковскій, Коссаковский, братъ епископа, каштелянъ перемышльскій Антоній Четвертинскій, человѣкъ небогатый, но отважный и рѣ-

чистій. Изъ пословъ были отмѣчены: — краковскіе: Ожаровскій, Валевскій, Іорданъ, Глембоцкій; познанскій Мощенскій опшмянскій; Хоминскій вилькомирскій; Коссаковскій; брацлавскіе: Мопшинскій, Мокци; сендомирскіе: Скорвовскій, Немиричъ, Ясенскій, Менженскій; троцкій Савицкій; упицкій Коссаковскій; сѣрадскій Валевскій; литовско-жмудскій Забѣлло; Куявскій Закревскій; иноврацлавскіе: Соголовскій, Лещинскій; волинскіе: два Гулевича, Загурскій; подольскіе: Орловскій, Злотницкій; любельскіе: Длускій, Выброновскій, Суфчинскій; оршанскій Іозефовичъ; сохачевскій Шимаиновскій. Къ нимъ присоединить слѣдовало находившихся тогда уже въ Петербургѣ Браницкаго, Щенснаго-Потоцкаго, и пословъ Сухоржевскаго и Грохольскаго. Эти всѣ были совершенно приобрѣтены Россію. Булгаковъ считалъ готовыми пристать къ Россіи, при первомъ заявленіи со стороны послѣдней голоса, еще нѣсколькихъ лицъ, сенаторовъ, духовныхъ, епископовъ: виленскаго Масальскаго, и куявскаго Рыбинскаго, познанскаго Овенскаго, краковскаго воеводу Малаховскаго, виленскаго Радзивилла, пословъ: Мелжинскаго (познанскаго), Сулковскаго (калишскаго), Домскаго (брестъ-куявскаго), Сангушеу (волинскаго); Швейковскаго (подольскаго), Гриневецкаго (люблинскаго), Неселовскаго (новоградскаго), Сиберга (брестъ-литовскаго), Хмару (минскаго), подскарбія короннаго Коссовскаго, каштеляна сѣрадскаго Бернадскаго, каштеляна минскаго Забѣлло, Земинскаго (бецкаго каштеляна), Шидловскаго и двадцать пословъ. Всего на сеймѣ сенаторовъ было 159, а пословъ 341; изъ нихъ всѣхъ Россія могла располагать, по расчету Булгакова, девяностю особами. Каждый изъ нихъ съ кредитомъ и связями могъ увлечь за собою толпу сторонниковъ.

Булгаковъ давно уже нашептывалъ своимъ пріятелямъ, что надобно имъ взяться за явное противодѣйствіе, составить рекофедерацию и ниспровергнуть конституцію, которая грозитъ Польшѣ уничтоженіемъ свободы и введеніемъ деспотизма, что великодушная государыня окажетъ имъ помощь. Но въ это время онъ пришелъ къ убѣжденію и сообщалъ своему правительству, что нѣтъ возможности начать что-нибудь въ Варшавѣ; правленіе, войско и суды находились въ рукахъ господствующей партіи; какъ только недовольные начнутъ дѣйствовать, противники тотчасъ усмирять ихъ силою; русскій посланникъ, находясь въ Варшавѣ, не въ силахъ былъ начинать ничего и могъ пособлять только тому, что произойдетъ въ провинціяхъ. Но пока въ Варшавѣ партія конституціи торжествовала и упивалась своими успѣхами, а Булгаковъ ломалъ себѣ голову, какъ бы устроить дѣло, убійственное для всѣхъ затѣй прогрессистовъ, въ Петербургѣ, въ

концѣ марта 1772 г., это дѣло уже слагалось. Тамъ происходило приватное свиданіе Щенснаго-Потоцкаго и Северина Ржевускаго съ государынею; къ нему допущенъ былъ одинъ только Зубовъ. Тамъ было порѣшено, что недовольные конституціею магнаты составятъ конфедерацію, а императрица поможетъ ей своимъ вліяніемъ и пошлетъ свои войска въ средину Польши для измѣненія тамъ правительства. Они получили полномочіе составить конфедерацію и уѣхали для этого на Подоль. Находившійся въ Петербургѣ посланникъ Рѣчи-Посполитой, Деболи, извѣщалъ, что враги конституціи что-то замышляютъ, но не зналъ, въ чемъ дѣло. Кромѣ того, командующій польскимъ войскомъ въ Украинѣ, генераль Костюшко извѣщалъ, что русскія войска тремя корпусами готовы войти во владѣнія Рѣчи-Посполитой, изъ Могилева, Кіева и Молдавіи.

Враги конституціи подсмѣивались надъ патріотами. «А что хорошаго слышно изъ Дрездена? — спросилъ на сеймовомъ засѣданіи посолъ Валевскій. — Охъ! смотрите, какъ бы изъ этихъ прекрасныхъ луковицъ вмѣсто ожидаемыхъ цвѣтовъ на весну не выросла крапива». Самъ маршалъ Малаховскій тихонько говорилъ своимъ друзьямъ: «я раскаяваюсь, что первый подалъ голосъ о призывѣ князя-избирателя къ наслѣдству; теперь мы отъ него ничего не видимъ, кромѣ проволочекъ». Оболющенія мало-помалу спадали съ поляковъ одно за другимъ, и непризнанная истина раскрывалась во всей наготѣ. 16 апрѣля было на сеймѣ засѣданіе при закрытыхъ дверяхъ. Прибывшій изъ Дрездена чрезвычайный посланникъ Рѣчи-Посполитой князь Чарторыйскій привезъ роковое извѣстіе: князь-избиратель, долго протягивавшій дѣло въ конференціяхъ, наконецъ далъ отъ 14-го февраля ноту, гдѣ объявлялъ свое рѣшительное несогласіе на принятіе короны на такихъ условіяхъ, на какихъ хотѣли дать ее поляки. Онъ объявлялъ: 1) что не приметъ никакого рѣшенія по этому дѣлу прежде, чѣмъ со стороны трехъ сосѣдственныхъ державъ, поручившихся за независимость Польши, Россіи, Пруссіи и Австріи, не получатъ усвоительнаго одобренія на счетъ перемѣны въ правленіи, произведенной въ Рѣчи-Посполитой, и согласія на принятіе имъ предложеннаго ему наслѣдственнаго престола. Сверхъ того, даже и при томъ одобреніи, котораго поляки никакъ не могли ожидать и надѣяться, князь-избиратель принималъ бы корону только тогда, когда бы въ самой конституціи были произведены перемѣны, именно: 1) чтобы никакой законъ, который прошелъ черезъ обыкновенный или чрезвычайный сеймъ, въ особенности по объявленію войны, не имѣлъ законной силы прежде согласія короля по его собственному независимому убѣжденію.

«Моя совѣсть не дозволяетъ мнѣ — выражался князь-избиратель — подчинять собственное убѣжденіе и возможность воспрепятствовать злу, большинству голосовъ, коорое можетъ зависѣть отъ случая и отъ интриги». Это заявленіе показывало, что избираемый поляками въ короли былъ уже дурного о нихъ мнѣнія и мало вѣрилъ въ ту націю, которая ему оказывала честь; отъ этого заранѣе и предполагалъ, что интрига и случай могутъ господствовать въ учредительномъ строѣ этой націи. Князь-избиратель отвергалъ также одиннадцатый параграфъ майской конституціи, по которому на войско возлагалось принести присягу націи, требовалъ, чтобы войско произнесло ее королю, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ, король имѣлъ право назначать предводителя надъ войскомъ, и нація не могла бы, сообразно седьмому параграфу, отставлять этого предводителя. Наконецъ онъ не соглашался на то, чтобы сеймъ имѣлъ право выбрать жениха его дочери, и даже не обязывался въ такомъ случаѣ представлять сейму на согласіе этого вопроса, напротивъ, князь-избиратель ставилъ условіемъ, чтобы въ случаѣ, если онъ не оставитъ наслѣдниковъ мужескаго пола, польская корона должна будетъ переходить не къ принцессѣ Августѣ, его дочери, и ея потомству, а къ мужеской боковой саксонской линіи. Князь-избиратель заранѣе видѣлъ, что оставленіе наслѣдства за дочерью откроетъ путь разнообразнымъ и гибельнымъ интригамъ, посоритъ сосѣдніе дворы между собою и вообще будетъ для Польши источникомъ смятеній. Эти условія, вполнѣ здравыя и необходимыя для возрожденія польской самостоятельности, могли оцѣнить только тѣ немногіе, которые сочиняли конституцію, большинство польскаго дворянства должно было ужаснуться и тѣмъ скорѣе отдаться внушеніямъ тѣхъ, которые въ новомъ переворотѣ указывали на уничтоженіе драгоценной старинной свободы польскаго шляхетства и пугали поляковъ именемъ монархіи, а съ этимъ именемъ у нихъ издавна соединялся образъ ненавистнаго деспотизма. Нота, прочитанная 16-го апрѣля, была тѣмъ поразительнѣе, что сторонники конституціи успѣли уже, для привлеченія къ себѣ, распустили слухъ, будто саксонскій князь-избиратель изъявилъ полное согласіе на принятіе короны; теперь они являлись передъ глазами всей націи обманщиками. Податель ноты Чарторыйскій старался передъ сеймомъ представить и теперь дѣло въ розовомъ свѣтѣ. Какъ лично знаемый съ саксонскимъ княземъ-избирателемъ и его дворомъ, Чарторыйскій объяснялъ такъ: «заявленіе князя-избирателя показываетъ, что онъ желаетъ, чтобы сосѣдніе дворы одобрили перемѣны, сдѣланныя поляками; это не болѣе, какъ вѣжливость въ отношеніи къ этимъ дворамъ. Онъ

требуетъ для короля абсолютнаго veto, оттого, что предвидить, что Польшѣ придется выдержать оборонительную войну. Все это объяснится и уладится, когда приѣдетъ сюда уполномоченный курфирста; графъ Лобенъ. Самъ его свѣтлость мнѣ говорилъ, съ большимъ одобреніемъ о дѣйствіяхъ поляковъ и хвалилъ вообще конституцію, особенно одобрялъ умноженіе военныхъ силъ». Но это говорилось только для успокоенія умовъ. Сами виновники конституціи были тогда внѣ себя отъ неудачи и злились на князя-избирателя. Маршалъ Малаховскій изъяснялъ крайнее негодованіе, называлъ поступокъ князя-избирателя нечестнымъ. «Не нужно было, по крайней мѣрѣ, — писалъ онъ, — оболыцать насъ надеждами; если бы мы предложили корону другому, тотъ бы съ благодарностію принялъ эту честь, и не сталъ бы съ нами тянуть ванитель, да еще наконецъ онъ намъ предписываетъ условія, какъ будто завоеванной націи». Его смущало тогда то, что приглашая курфирста поляки сдѣлали негодное Екатеринѣ и раздражили ее, а между тѣмъ князь-избиратель теперь оставляетъ ихъ въ угодность Екатеринѣ. Мостовскій, ѣздившій вмѣстѣ съ Чарторыскимъ въ Дрезденъ, говорилъ: «самъ князь-избиратель понуждалъ насъ къ перемѣнамъ и жаловался на медленность нашу. Но онъ тогда рассчитывалъ, что англичане пошлютъ флотъ свой въ Балтійское море, что Россія, занятая войною съ Турціею, будетъ охвачена со всѣхъ сторонъ. Но вышло не такъ; Россія заключила миръ съ Турціею, а сентъ-джемскій кабинетъ насмѣялся надъ всѣми кабинетами, надъ довѣріемъ всѣхъ государствъ». Пятоли доказывалъ, что теперь одно средство, объявить Россіи войну и вторгнуться въ ея предѣлы. «Правда — говорилъ онъ — мы потеряемъ людей, но успѣхъ нашъ вѣренъ. Англія всему причина, она измѣнила намъ. Поляки должны жаловаться на одну Англію; князь-избиратель не отказался бы, если бы Англія не измѣнила».

Въ это же время (писалъ Малаховскій отъ 17-го апрѣля) поляки получили неотрадное извѣстіе изъ Берлина. Какъ только въ Варшавѣ получено было извѣстіе, что въ Петербургѣ затѣвается что-то недоброе, тотчасъ велѣно было послу Рѣчи-Посполитой въ Берлинѣ, князю Яблоновскому, объясниться съ союзникомъ Польши, королемъ прусскимъ. Пруссаго короля на тотъ случай не было въ столицѣ и Яблоновскій повѣрилъ свое порученіе министрамъ прусскимъ Финку и Шуденбургу, за что впоследствии въ Варшавѣ имъ были не совсемъ довольны. «Опасенія ваши преждевременны, — отвѣчали прусскіе министры, — нѣтъ повода бояться вамъ со стороны Россіи». Яблоновскій сказалъ: «малѣйшее посягательство на нашу конституцію будетъ

нашъ оскорбительнее насиліе и мы надѣмся, что король прусскій, какъ союзникъ, обязанъ защищать ее». «Нѣтъ, — отвѣтилъ ему министры, — король нашъ не обязанъ защищать вашей конституціи, которую вы составили мимо его свѣдѣній, и напротивъ скрывали отъ него». Яблоновскій превознесъ справедливость прусскаго короля, доказывая, что конституція 3-го мая написана вполне согласно съ видами и намѣреніями берлинскаго кабинета, а если съ польской стороны дѣлалось что-нибудь секретно, то это нужно было для успѣха дѣла, до времени. Пруссіе министры на это замѣтили, что если Россія недомыслива, то это совершенно естественно: конституція, устроенная поляками, перешла предѣлы, назначенные польскому правительству Россіею, которая гарантировала имъ правленіе. О такой бесѣдѣ съ прусскими министрами доносилъ своему правительству Яблоновскій. Изъ его донесеній можно было уже тогда усмотрѣть, что на Пруссію мало было надежды, но патриоты-оптимисты толковали, что король прусскій естественно хочетъ избѣжать войны во чтобы то ни стало, но если обстоятельства къ ней приведутъ, то онъ будетъ помогать Польшѣ. На томъ же засѣданіи, гдѣ прочтаны были неприятыя извѣстія изъ Дрездена и Берлина, месенъ былъ и прочитанъ секретаремъ проектъ о мѣрахъ обороны государства; проектъ этотъ заранѣе былъ составленъ прогрессистами на домашнихъ засѣданіяхъ у маршала Малаховскаго. Прежде всего, въ видѣ предисловія, въ немъ ставилась оговорка, что поляки не намѣрены вести съ кѣмъ бы то ни было наступательной войны, но они заботятся о дѣлности принадлежащихъ Рѣчи-Посполитой странъ, о своей свободѣ, независимости и о твердости своего правленія. Сношенія дворовъ между собою вызываютъ съ ихъ стороны потребность, въ видахъ безопасности края, народной независимости и конституціи, придать своимъ сношеніямъ вѣсъ и значеніе, они поэтому находятъ необходимымъ имѣть на случай готовую оборону, и постановляютъ:

1) Чтобы король, которому конституція вручила верховную исполнительную власть, пользовался ею во всемъ объемѣ, какъ можно сильнѣе и дѣйствительнѣе для народной обороны, распоряжаясь военными силами и употребляя ихъ сообразно дѣлу.

2) Поручается королю пригласить изъ-за границы двухъ или трехъ генераловъ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ, и помѣстить ихъ въ войскѣ Рѣчи-Посполитой въ званіи высшихъ командировъ, предоставивъ, соотвѣтственно ихъ чинамъ, содержаніе, жалованье и награды; отъ выбора короля зависѣть будетъ также назначеніе офицеровъ для корпусовъ артиллеріи и инже-

перовъ, получившихъ образованіе за границею и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ.

3) Поручается скарбовой комиссіи, по требованію короля въ Стражѣ, немедленно сдѣлать заемъ въ краѣ или за границею, съ возможно малыми издержками, на сумму тридцати милліоновъ, обезпечивъ ихъ фондомъ, который долженъ образоваться изъ остатка отъ продажи староствъ, въ силу чего настоящимъ закономъ утверждается вѣрность и безопасность этого займа.

4) Дозволяется королю въ Стражѣ: изъ суммъ, находящихся въ казнѣ Рѣчи-Посполитой и поступающихъ въ казну посредствомъ вышеозначеннаго займа, употребить часть на текущія нужды для изготовленія средствъ народной обороны, но съ тѣмъ, чтобъ министръ, подписывающій въ Стражѣ, и особы, которымъ такія выдачи будутъ повѣрены, были отвѣтственны въ томъ, что эти суммы будутъ истрачены только на приготовленіе средствъ къ народной оборонѣ, а никакъ не на какой-нибудь другой предметъ. Въ случаѣ же (отъ чего Боже сохрани) если отъ кого-нибудь противъ Рѣчи-Посполитой будетъ учинено покушеніе на войну посредствомъ ли объявленія войны или какимъ-нибудь другимъ способомъ, тогда дозволяется королю въ Стражѣ употреблять на текущія потребности и остальные суммы, полученныя посредствомъ займа, но также не иначе какъ съ тѣмъ, чтобъ министръ, подписывающій въ Стражѣ, и особы, которымъ повѣрены будутъ выдачи этихъ суммъ, были отвѣтственны въ томъ, что взятія суммы употреблены на военныя потребности, а не на что-нибудь другое.

5) По истеченіи двухъ мѣсяцевъ, министры въ Стражѣ доносятъ на сеймъ чинамъ Рѣчи-Посполитой, хотя бы черезъ посредство одного изъ членовъ сейма, о наступившемъ употребленіи денегъ по вышесказаннымъ предписаніямъ, а потомъ сейму будетъ представленъ отчетъ о всѣхъ истраченныхъ деньгахъ.

По прочтеніи этого проекта, нѣкоторые послы, противники реформъ (краковскій Отвиновскій, волинскій Кршущій и троцкій Савицкій) потребовали, чтобы представленный проектъ по обычаю подвергнутъ былъ разсмотрѣнію (делиберации). Казимиръ-Несторъ Сапѣга доказывалъ, что въ такихъ обстоятельствахъ, когда отечеству грозитъ опасность, нельзя долго разсуждать, а нужно скорѣе принимать мѣры и дѣйствовать. Король съ своей стороны уклончиво похвалилъ тѣхъ, которые требовали делиберации, приписывалъ ихъ требованіе чистымъ намѣреніямъ, но отклонялъ его и говорилъ: «мы находимся теперъ въ слишкомъ важныхъ обстоятельствахъ; опоздаемъ однимъ часомъ, и черезъ

то вымечемъ на отечество великій и непоправимый вредъ.» Къ нему присоединили голосъ оба брата Потоцкіе, Станиславъ и Игнатій, и Вейсенгофъ. Они также не раздражали противниковъ, напротивъ хвалили ихъ, не спорили, а просили оставить свое требованіе, и этимъ путемъ подѣйствовали на ихъ самолюбіе, проектъ обратился въ законъ единогласно. Впрочемъ главные врачи конституціи хорошо понимали, что эти смѣлыя распоряженія останутся бесплодными.

Въ дополненіе къ этому закону, въ слѣдующее засѣданіе, 17-го апрѣля, по проекту брацлавскаго посла Северина Потоцкаго, постановлено было назначить депутацію, которая бы вмѣстѣ съ войсковою комиссіею изложила проектъ всеобщаго вооруженія воеводствъ или милиціи, и этотъ проектъ въ свое время долженъ быть представленъ на общемъ сеймѣ.

21-го апрѣля опять было секретное засѣданіе, безъ арбитровъ. Читали депеши, полученные вновь отъ Деболи: онъ извѣщалъ о замыслахъ Россіи. Сто тысячъ войска уже на польской границѣ; офицерамъ, находящимся въ отпуску, велѣно собраться въ свои полки къ 15-му мая; назначены командиры: Рѣпинъ главнокомандующимъ, полякъ Коссаковский командуетъ дивизіей. Послѣ пятичасоваго засѣданія, патриоты, возбужденные горячкою опасности, составили новое постановленіе, расширяющее законъ 17-го апрѣля. Положено немедленно увеличить количество войска до ста тысячъ, посредствомъ рекрутровки (кантонистовъ) со всѣхъ имѣній и вербовки и доставить новобранцевъ въ корпусъ. Имѣнялось въ обязанность гражданско-военнымъ порядковымъ комиссіямъ, городскимъ магистратамъ, а въ крайнихъ случаяхъ и мѣстнымъ начальствамъ вообще, изъ всѣхъ имѣній, какъ бывшихъ королевскихъ, экономическихъ, духовныхъ и вотчинныхъ (дѣдичныхъ), по требованію командующихъ генераловъ, при переходахъ войскъ, доставлять фуражъ и продовольствіе на подводахъ за готовую плату по цѣнѣ, установленной гражданско-военными порядковыми комиссіями, сообразной съ получаемымъ солдатами жалованьемъ, и исполнять требованія командировъ, относящіяся къ устройству, укрѣпленію и исправленію оборонныхъ мѣстъ или лазаретовъ, складовъ, обозовъ, провіантскихъ магазиновъ, мостовъ, плотинъ, засѣкъ и водоспусковъ, съ доставкою на указанныя мѣста нужныхъ рабочихъ, подводъ и матеріаловъ. Исполненныя предписанія командировъ должны представляться въ гражданско-военныя порядковыя комиссіи и для надлежащей уплаты того, что будетъ слѣдовать доставителямъ, будетъ учреждена особая комиссія. Королю предоставлялось, по его усмотрѣнію, помѣстить въ войскѣ двадцать офицеровъ, при-

глашенныхъ изъ-за границы, не смѣщая никого съ занятыхъ уже мѣстъ. Поляки тогда полагали, что, принимая воинственный видъ, имъ удобнѣе будетъ переговариваться съ дамою *Съвера*. «Русскія войска окружаютъ насъ и угрожаютъ намъ, но это только демонстрація — писалъ Игнатій Потоцкій своему пріятелю, бывшему шведскому министру въ Польшѣ Энгерстрому — вторженіе русскихъ въ польскія владѣнія невѣроятно, и оно будетъ окончательно невозможно, какъ только Польша покажетъ себя Европѣ націею крѣпкою и готовою къ защитѣ посредствомъ тѣхъ мудрыхъ и энергическихъ мѣръ, которыя мы приготовляемъ».

Много оставалось еще работъ сейму по внутреннему устройству. Дѣло продажи староствъ долго оставалось на бумагѣ, и только раздражало тѣхъ, которыхъ грозило лишити выгоду. Сеймъ принялся за подробности, относящіяся къ этому предмету, и видѣлъ необходимость истолковать и уяснить явившіяся противорѣчія и недоразумѣнія. За королемъ оставалось право раздачи двухъ староствъ по силѣ закона 1775 года, которымъ ему, послѣ отнятія у него стариннаго права раздавать королевщины, предоставлялось на волю распорядиться только четырьмя староствами; изъ нихъ два были розданы, а два еще оставались. Теперь, по проекту Игнатія Потоцкаго, король отказался отъ раздачи этихъ двухъ староствъ: они наравнѣ съ другими должны были идти въ продажу, а тѣмъ, которыхъ королю угодно будетъ наградить, постановлено дать 100,000 злотыхъ. Король выпросилъ это для своего племянника Юсіфа Понятовскаго, заявивши предъ сеймомъ о его безкорыстіи, рассказавши, что этотъ патріотъ на колѣнахъ стоялъ предъ королемъ и просилъ его не упоминать его имени въ такомъ предметѣ. Но противъ этого возстала оппозиція. Солтыкъ (кравовскій) припомнилъ, что въ 1777 году, вмѣстѣ съ отобраніемъ лучшихъ земель, Рѣчь-Посполитая лишилась также девяти городовъ и двухъ-сотъ девяноста двухъ деревень съ землею, пространствомъ на пятьдесятъ миль въ длину и на десять въ ширину, обращенныхъ изъ королевскихъ въ наследственные земли сторонникамъ раздѣла. «Я не хочу, — говорилъ онъ, — чтобы даръ Юсіфу Понятовскому опирался на такой конституціи.» Онъ предлагалъ напротивъ, чтобы въ видахъ усиленія государственныхъ доходовъ паложено было по 50% со всѣхъ имѣній, поступившихъ тогда изъ королевщинъ въ наследственные владѣнія. Бѣлоцерковское староство (замѣчалъ онъ) оцѣнено по доходу въ 18 милліоновъ, а чрезъ продажу пошло бы въ 24 милліона; что же несправедливаго, если владѣлецъ его. будетъ платить половину получаемаго дохода въ казну?

Послѣ такихъ споровъ, 23-го апрѣля, на сеймѣ состоялось законное дозволеніе королю выплачивать ежегодно изъ казны 100,000 тмъ изъ особъ своего рода, кому онъ пожелаетъ, а король за то отказался отъ права королевскаго патронатства надъ тѣми вдовщинами, которыя должны будутъ, по продажѣ, перейти въ наследственные имѣнія; этимъ хотѣли привлечь къ продажѣ желающихъ. 24-го апрѣля состоялся законъ подъ названіемъ: «Уложеніе о вѣчномъ устройствѣ королевщинъ» (uzządzenie wieczyste królewszczyzn), заключающій правила о порядкѣ продажи староствъ, объ уравненіи проданныхъ со всеміи прочими наследственными имѣніями по отношенію къ ихъ правамъ, о назначенныхъ для этого люстраторахъ, о ихъ обязанностяхъ и правахъ. Потомъ, стали заниматься устройствомъ военнаго управленія. Въ проектѣ, поданномъ прогрессистами, верховная власть надъ войскомъ предоставлялась королю; враги конституціи 3-го мая завопили, что проектъ этотъ угрожаетъ возможностью деспотизма. Троицкій посоль Сивицкій, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ крикуновъ противъ новаго порядка вещей, въ пространной рѣчи доказывалъ опасность такого сосредоточенія силъ въ рукахъ одной особы. Люблинскій посоль Станиславъ Потоцкій, опровергая его доказывалъ, что истинная свобода неразлучна съ правильнымъ исполненіемъ закона, которое нуждается въ сосредоточенности верховной власти.

Среди этихъ воинственныхъ распоряженій поляки не забывали своихъ прадѣдовскихъ стремленій въ обращенію въ католичество православныхъ людей и въ истребленію восточнаго православія во владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой; они порѣшили умножить костелы въ кievскомъ воеводствѣ, населенномъ неунитами и назначили на каждый костель ежегоднаго содержанія изъ казначейства по 3,000 злотыхъ. Гнѣзненскій посоль Брониковскій, самъ будучи протестантомъ, говорилъ горячо за это дѣло, и указывалъ, что если гдѣ, то именно въ этихъ краяхъ особенно полезно строить новые костелы, потому что тамъ народъ пребываетъ въ заблужденіи, что его слѣдуетъ просвѣщать и заохочивать къ благочестію, ибо только этимъ способомъ можно такому народу внушить обязанность вѣрно служить наилучшему королю, и охранять цѣлость свободнаго отечества, обязанность, которой тамошній народъ совсѣмъ не знаетъ. Индьянтскій посоль Кублицкій подавалъ голосъ также и за уничтоженіе костелы, но проектъ его отосланъ былъ для разсмотрѣнія въ депутацію. Это стараніе о костелахъ въ землѣ, оставшейся православною, показывало, что обѣщанія равенства, даваемые православною религіею, были слова обманчивыя: никому тогда въ

голову не приходило, что несправедливость и неуваженіе къ религіи, о которой, по ихъ взглядамъ, говорить много не стоило, была старинною язвою, раздѣвшею польскую націю. Самъ Пятоли, казавшійся вольнодумцемъ и за то находившійся въ немилости у папскаго двора, сталъ теперь говорить, что отнюдь не слѣдуетъ давать слишкомъ широкой свободы дисунитамъ. Онъ, какъ говорить о немъ современники, рассчитывалъ возвыситься если не тѣмъ, то другимъ путемъ и теперь подумывалъ заслужить благоволеніе св. отца, который, хотя и благословилъ новую польскую конституцію, но былъ недоволенъ въ ней однимъ — именно предоставленіемъ правъ неунитамъ и диссидентамъ.

III.

Празднество годовщины 3-го мая. — Поведеніе Булгакова и другихъ иностранныхъ министровъ. — Виды полявовъ. — Приготовленія къ оборонѣ¹⁾.

Предстоявшая годовщина 3-го мая отсрочила засѣданія сейма до 7-го мая. Къ празднику воспоминанія прошлогодней реформы въ Варшаву прибыла депутація изъ разныхъ провинцій отъ дворянъ и мѣщанъ, и стануто было много войска. Это воспоминаніе должно было ознаменоваться заложеніемъ храма Провидѣнія, въ память возрожденія польской націи. Въ семь часовъ утра путь отъ замка къ костелу св. Креста, по Краковскому предмѣстью, былъ занятъ войскомъ, стоявшимъ по обѣимъ бокамъ улицы. (Начиная отъ замка помѣстилась народова кавалерія, далѣе слѣдовала коронная пѣшая гвардія, потомъ два батальона Дзялынскаго, а за ними три эскадрона полка королевскаго Козенецаго и четыре эскадрона полка князя Виртембергскаго). Двери костела св. Креста были охраняемы восемьюдесятью человекъ скарбоваго батальона: офицеры красовались своими парадными мундирами, шпиками и шарфами. Въ девять часовъ король двинулся изъ замка въ костелъ св. Креста, въ каретѣ, около которой ѣхали верхомъ кавалеры, а далѣе слѣдовалъ полкъ конной коронной гвардіи. Сенаторы и депутаты были уже въ храмѣ. Въ дверяхъ храма епископъ познанскій и варшавскій встрѣчали короля и подавали ему для омовенія освященную воду; потомъ король вступилъ въ храмъ и сѣлъ на приготовленный для него тронъ, окруженный воспи-

¹⁾ См. Источн. № 8, 12, 18, 28, 35, 53, 55, 71, 81. Тоже подлинныя дѣла сейма и Стражи, хранящіяся въ Литовской Метрицѣ.

танцами кадетскаго корпуса, одѣтыми въ парадныя мундиры и шапки, и приведенными туда начальникомъ корпуса, княземъ Чарторыскимъ. Вслѣдъ за нимъ сѣли на свои мѣста сенаторы, послы отъ воеводствъ, уполномоченные отъ городовъ, комиссары правительствующихъ учреждений, гражданско-военная коммиссія, земанскій судъ, варшавскій магистратъ. Галерея была занята многочисленными зрителями; множество дамъ были одѣты одинаково въ бѣлыя платья съ красными лентами и шарфами, которыхъ яркому цвѣту соотвѣтствовали красныя ленты многочисленныхъ кавалеровъ св. Станислава. Церемонія началась рѣчами. Маршалы сеймовый, коронный и литовскій, одинъ за другимъ изливали свое краснорѣчіе. Король отвѣчалъ имъ съ своей стороны складною рѣчью. Послѣ этихъ рѣчей сенаторы, министры, послы и городскіе депутаты подходили къ рукѣ короля, а за ними маршалы представляли королю депутатовъ отъ воеводствъ, земель и повѣтовъ, и трое изъ нихъ, по числу трехъ провинцій, составлявшихъ Рѣчь-Посполитую, излагали предъ королемъ, отъ имени своихъ провинцій, чувства преданности королевской особѣ и новой конституціи, и увѣряли, что ихъ шляхетская братія вся готова положить за нее животь. Затѣмъ всѣ цѣловали руку короля. Имъ отвѣчалъ, по древнему обычаю, наблюдаемому въ такихъ случаяхъ, канцлеръ. Вслѣдъ затѣмъ отправлялась литургія, съ двумястами музыкантовъ и пѣвчихъ. Когда запѣли «Te Deum», составленный знаменитымъ въ тѣ времена Паавіэлло, раздалось сто пушечныхъ выстрѣловъ съ другой стороны Вислы. Во время своего нахождения въ костелѣ, король долженъ былъ подавлять въ себѣ страхъ за свою жизнь, а окружавшія его приближенныя особы тревожно слѣдили за всякимъ движеніемъ въ толпѣ. Его предупреждали шестью безыменными письмами, что тайные враги хотятъ убить его въ день торжества 3-го мая. Онъ могъ ожидать этого отъ враговъ конституціи и приверженцевъ старины, но изъ Вѣны увѣдомляли его, что опасность грозитъ ему отъ якобинцевъ. Австрійскіе шпіоны провѣдали, что въ Страбургѣ въ якобинскомъ клубѣ предложенъ былъ вопросъ: не полезно ли будетъ для французскихъ дѣлъ произвести безкоролевье въ Польшѣ, чтобы занять сосѣднія государства и отвлечь отъ Франціи? Станиславъ-Августъ передъ выѣздомъ на церемонію исповѣдался и причастился. По окончаніи богослуженія отправлялась церемонія заложения храма Провидѣнія; при звонѣ колоколовъ слѣдовала процессія изъ костела св. Креста до Узядовской улицы, посреди поставленныхъ по обѣ стороны войскъ: варшавскіе цехи съ своими знаменами, за ними монашескіе ордена, городской магистратъ,

пешаній огласилъ театр; король высунулъ голову изъ ложисъ обратились на него и закричали вивать. Въ дѣйствующихъ лицахъ драмы патріоты увидали себя: «и меня тамъ изобрази, говорилъ Малаховскій, и князя генерала (Чарторыскаго) въ особѣ высланнаго изъ Польши просить Лодовика Венгерскаго въ вольское наслѣдство». Цѣлую ночь затѣмъ всѣ проводили весело. Въ двухъ мѣстахъ, въ Радзивилловскомъ палацѣ и въ театрѣ былъ костюмированный балъ, на который приглашено было въ нѣсколькихъ тысячь. Очевидцы съ удивленіемъ говорятъ, что несмотря на всеобщее веселіе всего народа, въ Варшавѣ не было ни одного пьянаго, не сдѣлано ни одного преступленія. Это былъ приснопамятный день, послѣдній день многолѣтняго обольщенія и несбывшихся надеждъ погибавшей націи, то было истинное пиршество Валтазара.

Праздникъ 3-го мая не былъ однодневнымъ. Онъ открылъ собою цѣлый рядъ торжествъ по всей Польшѣ. Повсюду устроили торжественныя богослуженія съ пушечною пальбою, обѣды, балы, иллюминаціи. Въ Варшавѣ, 12-го мая, городъ далъ обѣдъ въ честь короля и сейма, съ символическою обстановкою. Вся эта пиршества была уставлена мнѳологическими алтарями и изображеніями; здѣсь былъ алтарь вѣрности на скалѣ съ вѣчнымъ огнемъ, который стерегли весталки; алтарь благодарности съ изображеніемъ журавля; алтарь постоянства съ горящею рукою Муціи Сцеволы; дерево бдительности — миндальное дерево, на которомъ повѣшены были шпоры и часы, а внизу изображень пѣтухъ ищущій зеренъ; огромная скала любви къ отчизнѣ съ рыцарскимъ вооруженіемъ; колонна вѣрности, обвитая лавромъ, съ ключами, печатью и собакою на самомъ верху, колонна согласія съ гранатовымъ вѣнкомъ, и, наконецъ, посрединѣ скалы большая трехгранная колонна съ вензелями короля и маршала, на двухъ сторонахъ и конституціи 3-го мая на третьей. Король, сенаторы и послы присутствовали на этомъ обѣдѣ, происходившемъ въ Радзивилловскомъ дворцѣ. Люккезини воспользовался этимъ происшествіемъ и сдѣлалъ замѣчаніе такого рода: «вотъ это совершенно по-французски; въ демократическомъ яacobинскомъ духѣ; мѣщане за однимъ столомъ съ королемъ и дворянствомъ». Король, услыхавъ объ этомъ, говорилъ: «ничего не было тутъ яacobинскаго; мѣщане оказывали уваженіе къ дворянству». Люккезини нужно было придираться мало-по-малу и значить яacobинскій духъ въ Польшѣ: ему, вѣроятно, было известно, что его король скоро ухватится за это обстоятельство для своихъ видовъ. Въ этихъ-то видахъ онъ объявилъ, будто слышалъ, что браковскій посолъ Солтыкъ предлагалъ союзъ Польши

съ Франціею. Солтыкъ написалъ въ Люквезини письмо, гдѣ изъ являлъ удивленіе, что прусскій посолъ позволяетъ себѣ утверждать объ немъ то, чего ему никогда и на умъ не приходило. «Очень радъ — сказалъ Люквезини — что такая вѣсть несприведлива!»

3-го мая, вмѣстѣ съ панами, пиروвали и представители иностранныхъ державъ, но не всѣ. Булгавъ тогда нарочно уѣзжалъ изъ Варшавы въ Сѣдлецъ. У него уже была въ рукахъ декларация императрицы отъ 19-го апрѣля, долженствовавшая нанести ударъ всѣмъ блестящимъ надеждамъ поляковъ. Государыня приказывала до назначеннаго времени, когда пужно будетъ оффиціально подать ее, не сообщать объ ней никому, а при подачѣ избѣгать всевозможныхъ объясненій, исключая случая, когда будутъ предложены какія нибудь среднія мѣры: тогда можно будетъ русскому послу подать надежду на смягченіе строгости, но съ условіемъ, если не привезутъ польскимъ войскамъ чинить малѣйшаго сопротивленія русскимъ войскамъ. Если король задумаетъ удалить русскаго посланника изъ государства, или самъ посланникъ найдетъ умѣстнымъ уѣхать, то онъ долженъ принять мѣры къ скорому выѣзду, забравъ самонужнѣйшія бумаги съ собою, а прочее поручить датскому посланнику со всѣмъ архивомъ русскаго посольства въ Польшѣ. Если же король не станетъ его удалять — онъ долженъ оставаться въ польской столицѣ и наблюдать надъ ходокомъ дѣлъ и расположеніемъ умовъ. Экземпляры печатной декларации, которую слѣдовало подать королю, Булгавъ долженъ былъ сообщить всѣмъ приверженцамъ Россіи, причѣмъ прилагались особыя письма къ канцлеру Малаховскому, къ Рачинскому и къ примасу. «Надѣмся — писала Булгавову государыня — что вѣнскій и берлинскій дворы намъ мѣшать не станутъ, и мы получили отъ нихъ отвѣтъ удовлетворительный, а потомъ сообщите посланникамъ прусскому и австрійскому по экземпляру деклараций».

Булгавъ, исполняя приказаніе государыни, не открывалъ никому о томъ, что намѣренъ былъ показать всѣмъ въ свое время мало-по-малу подготовлялъ поляковъ къ этому удару. Та на одномъ обѣдѣ (по извѣстію короля въ одномъ изъ частныхъ его писемъ), въ концѣ апрѣля, Булгавъ сказалъ Казимиру-Евстору Сапѣгѣ: «я жалуюсь, что у васъ на почтѣ пересматриваютъ письма». Сапѣга замѣтилъ: «сеймъ запретилъ открывать письма. Самъ король подтвердилъ тоже; притомъ это было напрасно; извѣстно, что дипломатическія письма пишутся шрифтомъ, слѣдовательно и вскрытіе писемъ было бы бесполезно. А если бы въ самомъ дѣлѣ дѣлалось подобное, то это дѣлалось».

бы по примѣру другихъ дворовъ, и между прочимъ петербургскаго». Булгаковъ замѣтилъ съ ироніей: «вѣдь это дѣлается въ краѣ издавна деспотическихъ, а въ вашей сторонѣ деспотизмъ утвердился только съ 16-го апрѣля». — Большая разница, сказалъ Сапѣга, между деспотизмомъ и сеймовымъ принятіемъ гѣръ на случай обороны края. — «Этимъ поступкомъ, сказалъ Булгаковъ, поляки какъ бы объявили войну всей Европѣ, а Россіи въ особенности». — Если бы вы, сказалъ Сапѣга, не знали такъ хорошо по-французски, я бы позволилъ себѣ думать, что вы не поняли смысла нашего постановленія. Оно имѣетъ только оборонительный смыслъ. — «Но вы, господа, нарушили трактаты 1762 и 1775 годовъ». — Сапѣга сказалъ: трактатъ 1762 года ручался намъ въ цѣлости нашихъ областей, — а потомъ у насъ отняли провинціи. — «Ваши послы, сказалъ Булгаковъ, не имѣли права сдѣлать то, что сдѣлали 3-го мая». — Цѣлый народъ совершилъ это дѣло, сказалъ Сапѣга. Народъ вашъ ни на кого не хочетъ нападать, а хочетъ только охранить свои границы, свободу и независимость. Мы правы. Мы надѣемся на покровительство Божіе». — Булгаковъ разгорячившись сказалъ: «Призывайте же покровительство Божіе какъ вамъ угодно, а если тѣмъ временемъ войска наши войдутъ въ ваши владѣнія и займутъ половину земель вашихъ?» Слова эти произвели непріятное впечатлѣніе. Самъ Булгаковъ, говоритъ король въ своемъ письмѣ, спохватился и увидѣлъ, что зашелъ уже далеко, но на другой день одинъ изъ чужеземныхъ министровъ успокоивалъ мнительныхъ, говоря имъ: «Коли министръ такъ высокогѣрно говорить, значитъ только страшаетъ, а дворъ его въ самомъ дѣлѣ такъ не думаетъ». Этимъ поляки успокоились и говорили: «ну, пусть себѣ онъ болтаетъ, а мы будемъ продолжать наши приготовленія въ оборонѣ». Во дворцѣ, въ интимныхъ бесѣдахъ, разсуждали какъ вести войну, если бы до нея дошло. Пятаולי былъ тогда задорнѣ всѣхъ, совѣтовалъ немедленно собрать посланное рушенье, съ вооруженными силами войти въ предѣлы Россіи и идти прямо на Москву. Многіе раздѣляли его храбрость, и съ презрѣніемъ отзывались о силахъ Россіи; они были увѣрены, что поляки всегда могутъ отразить и побить москалей, но боялись собственной испорченности. «Нашихъ можно легко купить; — говорили они — враговъ у конституціи много, когда они увидятъ, что Россія идетъ противъ конституціи, станутъ сейчасъ кричать: вотъ вамъ ваша конституція войну принесла». «Наша надежда — говорили ярые прогрессисты, — собрать посполитое рушенье, объявить вольность крестьянамъ, вооружить весь простой народъ. Мы востановимъ противъ москалей русиновъ;

возмутится вся Бѣлая Русь и Украина, возстанутъ казаки». Съ этой цѣлью маршалъ Потоцкій приказалъ перевести по-русски конституцію 3-го мая, и въ Вильнѣ готовились брошюры на русскомъ языкѣ, съ цѣлью поднимать русскій народъ. Но тотъ же Потоцкій въ минуты разсудительности говорилъ: «двѣсти штыковъ вынудятъ двѣ тысячи подписей, впереди которыхъ будутъ стоять имена Ржевускаго и Потоцкаго, и Россіи представится прекрасный случай поработить насъ подъ предлогомъ водворенія порядка между нами. У Щенскаго Потоцкаго тридцать тысячъ казаковъ. Религія для императрицы — отличное средство поднять украинскихъ хлоповъ и напустить на насъ. Прибавьте страхъ и подеунъ. Этимъ можно много съ нами сдѣлать». Чтобъ отклонить отъ Польши гнѣвъ Еватерины, Игнатій подумывалъ и о томъ, какъ сойтись съ нею и расчитывалъ, что въ крайнемъ случаѣ Польшѣ можно будетъ предложить наслѣдственный польскій престолъ ея второму внуку Константину. Въ Константинополь между тѣмъ поляки продолжали напрасно настраивать Турцію, побуждая ее объявить войну Россіи. Но отъ горячности, они легко переходили въ обычной безпечности и соображали, что, быть можетъ, войны не будетъ, что Россія не осмѣлится напасть на Польшу, что она только пугаетъ поляковъ. Иные же, успокоиваемые приверженцами Россіи, были такъ далеки отъ всякихъ опасеній на счетъ Россіи, что всю тогдашнюю тревогу приписывали хитрости правительственной партіи, которая нарочно распускаетъ слухи, будто Россія грозитъ Польшѣ войною, для того, чтобъ имѣть возможность создать вооруженную силу.

Австрійскій посолъ хранилъ двусмысленное молчаніе, или отвѣчалъ такъ, что поляки могли думать и такъ и иначе, и надѣяться и бояться. Онъ уже имѣлъ отъ своего правительства отвѣтъ, который онъ долженъ будетъ дать официально въ такомъ случаѣ, когда поляки, получивъ отъ Булгакова декларацію, обратятся къ нему, а теперь Деваше, вообще человѣкъ суровый, молчаливый, ограничивался фразами въ родѣ слѣдующей: «я увѣренъ, что мой дворъ будетъ заниматься дѣлами Польши». По отношенію боляни со стороны Россіи, онъ говорилъ: «я не вижу никакихъ явныхъ признаковъ опасности нападенія». Люкбезини по прежнему то поджигалъ поляковъ на Россію, то приводилъ ихъ въ недоумѣніе. Онъ извѣщалъ, что Австрія и Пруссія заключаютъ между собою союзъ, и побуждалъ поляковъ стараться какъ-нибудь ввести и Польшу въ этотъ союзъ. «Мы думаемъ, — писалъ король 2-го мая, — какъ бы сдѣлать, чтобъ Вѣна и Берлинъ попросили насъ пристать къ сво-

ему союзу; надобно стараться черезъ курфирста: онъ самъ долженъ желать, чтобы народъ, который избралъ его королемъ, приобрѣталъ значеніе и вѣсъ». Но 4-го мая Люккезини жестоко билъ короля и патріотовъ холодною водою. Ему сообщили о вѣдѣхъ, которыя принимаетъ Польша къ защитѣ. Онъ отвѣчалъ: «его величество, король прусскій, не входитъ въ разсужденія о сеймовыхъ постановленіяхъ, которыхъ предметы до него вовсе не касаются». Когда Игнатій и Северинъ Потоцкіе хотѣли, каждый особо, вызвать его на объясненія и ссылались на соевые трактаты, то услышали отъ него еще болѣе зловѣщія вѣдѣхъ: «его величество, король прусскій, не принималъ участія въ томъ, что замышляли король и сеймъ, а потому онъ и не обязанъ давать помощи, такъ какъ объ этомъ не было сказано въ союзномъ трактатѣ». 8-го мая онъ говорилъ имъ же: «вы и такъ обязаны королю прусскому, не сомнѣвайтесь въ его честности и искренности, но помните, что вы установили наслѣдственное правленіе безъ его вѣдома. Если бы Пруссія согласилась на это, Россія ни за что не захочетъ. Самъ князь-избиратель объявлялъ уже, что не приметъ короны безъ согласія трехъ державъ. Лучше было бы, если бы поляки не затѣвали этого, а устраивали у себя то, что можетъ имъ принести существенную пользу, чѣмъ рисковать все потерять изъ-за своего упрямства». Потоцкіе просили его объясниться вполне и сказали затѣ открыто, что король прямо противится наслѣдственному правленію въ Польшѣ. «Я никогда этого не говорилъ, — сказалъ Люккезини, — и если бы такъ сказать, то черезъ двѣ недѣли меня бы отозвали отсюда». Ему представляли: «если Москва вась до конца завоюетъ, это не можетъ быть пріятно его величеству королю прусскому; тогда и для него будетъ не безопасно отъ близости московской силы! Если даже, не завоевавши вась, Москва опять возьметъ вась въ прежнія пути и возстановитъ въ Польшѣ избирательное правленіе, то отъ этого польза будетъ Москвѣ, а не Пруссіи. Лѣтъ черезъ двадцать въ Польшѣ періодически будутъ возобновляться непріятыя для сосѣдей безпорядки, а изъ нихъ пользу извлекать будетъ для себя одна Москва». Люккезини отвѣчалъ: «Россія не возобновитъ своего прежняго вліянія на Польшу даже и тогда, когда бы Польша сама отдалась ей безотпорно. Пруссія и Австрія не допустятъ въ этого. Иное дѣло, когда вась хотятъ заставить отнѣмать наслѣдственное правленіе, а иное дѣло — завоевать провинціи. Помните, что король никогда не гарантировалъ вамъ наслѣдственности. Договоръ съ Пруссією обезпечивалъ для Польши только цѣлость и независимость, а не конституцію, выдуманную

рѣшительно не хочетъ вороны. Все это противно тому, что было прежде; прусскій король соизволялъ не только на введеніе наследственнаго правленія въ Польшѣ, но даже на перемѣну наследника князю-избирателю, когда, вмѣсто инфанты, предполагалось дѣлать преемникомъ ему брата его. Намъ объ этомъ доносилъ князь-генералъ Чарторыскій, когда онъ еще былъ въ Дрезденѣ».

«Сомнѣваюсь, чтобы существовало подобное заявленіе», сказалъ Лобенъ къ удивленію короля. Двусмысленное и чересчуръ холодное поведеніе благоразумнаго князя-избирателя чрезвычайно раздражало поляковъ. Они хотѣли бы запутать его въ свои дѣла и сдѣлать ответственнымъ за свои ошибки. «Вѣдь выборъ его — говорили они — единственная и главнѣйшая причина угрожающей намъ войны!» Они убѣждали Лобена и Эссена побудить князя-избирателя сдѣлать официальное заявленіе, которое бы, какъ они выражались, могло дать противовѣсіе интригамъ и кознямъ берлинскимъ и петербургскимъ.

«Пусть — говорили они саксонскимъ министрамъ, — князь-избиратель приметъ на себя посредничество предъ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами, чтобы они не допускали Россію нападать на польскую территорію. Пусть представитъ прусскому королю, что его собственные интересы требуютъ этого. Одно несогласіе Россіи на то, чтобы князь-избиратель былъ польскимъ королемъ, развѣ не есть достаточная причина соединиться съ Польшею и дѣйствовать съ нею за-едино?» Даже нерѣшимость курфирста приступить къ какимъ-нибудь рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ пользу Польши, называли главною причиною, ободравшею враговъ Польши. Была мысль поправить разстроенное дѣло съ Саксоніею, надѣялись войти въ новые переговоры съ Лобеномъ, сдѣлать уступки саксонскому князю-избирателю и склонить его защищать Польшу. «Ни мнѣ, ни моему товарищу — говорилъ по этому поводу Эссенъ, — нечего толковать съ поляками; если они наговорятъ ему комплиментовъ въ благодарность за тѣ, которые онъ имъ привезъ, это иное дѣло; онъ будетъ ихъ слушать».

Сеймовыя засѣданія, открытыя 7-го мая, посвящены были предметамъ, относящимся къ оборонѣ края. Рѣшено было учредить два казацкихъ, два татарскихъ полка, четыре батальона вѣрныхъ охотниковъ, выдать генераламъ отдѣльныхъ корпусовъ на издержки по 2000 червонцевъ; затѣмъ занимались просмотромъ проекта устройства войсковой комиссіи. Посоль кievскій Хоецкій предложилъ проектъ, чтобы въ случаѣ наступительной войны всякій полякъ былъ объявленъ врагомъ отечества, если соединится съ неприятелемъ; половина его имѣнія

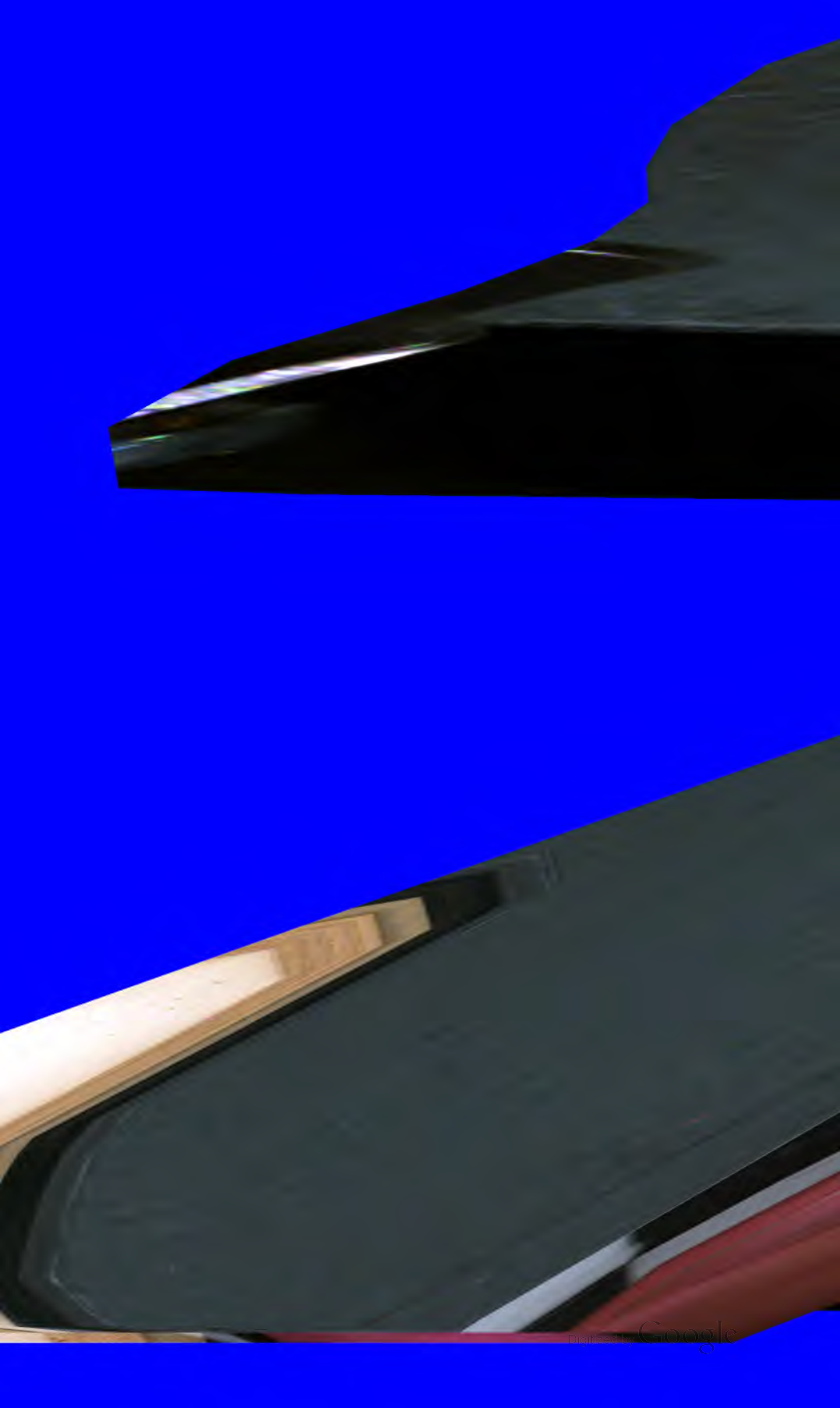
подвергается секвестру, другая же остается наследникамъ, которые могутъ быть честными гражданами, потому не слѣдуетъ имъ терпѣть за преступныхъ родныхъ. Другіе стали оспаривать это. Радзишевскій, посолъ стародубскій, говорилъ: «я убѣжденъ, что Польша не увидитъ у себя такого гражданина, который былъ бы до того злобенъ, чтобы осмѣлиться вести непріятеля на отечество, но если бы нашлось такое чудовище, для чего щадить племя его? Напротивъ, любовь къ дѣтямъ удержитъ его скорѣе отъ измѣны, если онъ будетъ знать, что все потомство его будетъ отвѣчать за него». Онъ предлагалъ проектъ отбирать все имущество у тѣхъ, кто будетъ приводить непріятельскія войска или соединится съ непріятелемъ, предоставляя четвертую часть тому, кто такого измѣнника приведетъ живымъ или принесетъ его голову. Другіе доказывали, что невинныя дѣти, по законамъ справедливости, не могутъ отвѣчать за отцовъ. Король говорилъ также въ умѣренномъ духѣ, и наконецъ порѣшили и постановили, что имѣнія измѣнниковъ, оказавшихся виновными по сеймовому суду, имѣвшему право судить государственныя преступленія, остаются въ секвестрѣ до смерти виновнаго, а потомъ передаются наследникамъ всецѣло. По проекту жмудскаго посла Олендскаго постановлено, чтобы вредъ, нанесенный въ польскихъ владѣніяхъ обывателямъ, при сожженіи непріятелемъ городовъ и сель, или посредствомъ совершеннаго разогнанія жителей, былъ вознаграждаемъ впоследствии раскладкою на всю націю.

14 мая, депутація, нарочно назначенная для составленія закона о средствахъ къ оборонѣ, подала свой проектъ, который въ тотъ же день былъ принятъ единогласно; онъ состоялъ изъ слѣдующихъ двадцати пунктовъ:

«Всѣ надворныя команды, гдѣ бы то ни было, и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ вооруженныя, должны перейти подъ начало командующихъ регулярными войсками, по предписаніямъ, даннымъ исполнительною властью. Въ случаѣ нежеланія владѣльцевъ добровольно отдать свои надворныя команды для общаго дѣла, войсковые командиры должны у такихъ командъ забрать оружіе и боевые припасы и заплатить за нихъ владѣльцу, если не произойдетъ обоюднаго согласія, по цѣнамъ, назначеннымъ порядковыми гражданско-военными комиссіями; представлялось, впрочемъ, владѣльцамъ, если пожелаютъ, получить оружіе обратно, по минованіи войны, съ правомъ требовать уплаты по цѣнѣ, указанной командирами въ случаѣ пропажи взятыхъ у нихъ вещей. Такому обезоруженію нигдѣ не подвергаются, однако, граждане, имѣющіе оружіе у себя для домашняго употребленія.

Въ вѣстахъ, особенно подверженныхъ опасностямъ, командиры, ~~одна~~ могутъ оставлять у владѣльцевъ не болѣе сорока чело-
вѣкъ для защиты. Если бы гдѣ-нибудь владѣльцы стали открыто
противиться этому распоряженію, тогда командиры войскъ при-
нмутъ къ силѣ; такимъ, у которыхъ подданные обязаны за по-
жельные участки нести военную повинность въ надворной ми-
лиціи, исполнительная власть будетъ, по обоюдному согласію съ
владѣльцами, выплачивать за употребленную на государственное
дѣло милицію, а въ случаѣ несогласія владѣльца, послѣдній дол-
женъ отдать все оружіе и боевые припасы по установленной цѣнѣ,
и обязаться подпискою, что никогда не употребитъ своей ми-
лиціи противъ отечества и правительства.

Исполнительная власть разошлетъ черезъ гражданско-военныя
юрисдикціонныя комиссіи зазывные универсалы, которые будутъ чи-
таться священниками съ амвоновъ по приходамъ, приглашать охот-
никовъ идти на защиту отечества, а прочихъ прихожанъ возбуждать
къ посильному пожертвованію. Желающіе на собственный счетъ за-
писываться въ охотники или сами, или съ своими людьми, въ тече-
ніи мѣсяца отъ опубликованія универсала въ порядковыхъ комис-
сіяхъ своего повѣта, обязывались стать къ дѣлу черезъ двѣ недѣли
по призывѣ отъ комиссіи, ничего не требуя отъ правительства
или на всю войну, или на опредѣленное время, по договору, но не
иначе, какъ обязавшись служить, по крайней мѣрѣ, на одну кам-
панію. Одинъ классъ охотниковъ составятъ тѣ, которые обяжутся
служить или доставить людей въ службу вполнѣ на своемъ ижди-
веніи; другіе, которые, хотя и явятся съ своими лошадьми, во-
оруженные, но потребуютъ казеннаго жалованья, составятъ вто-
рой классъ; тѣ же, которые доставятъ людей въ вооруженіи и
съ лошадьми, но на казенномъ иждивеніи, — составятъ третій
классъ. Немогушіе служить лично и доставлять людей къ службѣ,
могутъ участвовать въ дѣлѣ защиты отечества посредствомъ по-
сильныхъ пожертвованій, вносимыхъ въ какую угодно порядковую
комиссію. Всякій можетъ записать въ такой комиссіи свое мѣ-
сто жительства и обязаться въ теченіе двухъ недѣль доставить
деньги, оружіе, порохъ, фуражъ, провіантъ или вещи, служащія
къ награду отличившимся. Такіе составятъ пятый классъ. Каж-
дый такимъ образомъ жертвующій, при неисполненіи обѣщан-
наго отъ себя, можетъ подвергнуться военной экзекуціи отъ той
команды, которая будетъ состоять при каждой порядковой ком-
миссіи. Списки жертвователей будутъ присылаться въ войсковую
комиссію, которая будетъ доставлять ихъ королю въ Стражѣ, а
король и Стража будутъ по этому дѣлать свои соображенія.
Всѣхъ охотниковъ порядковыя гражданско-военныя комиссіи

Въ это критическое время Изба обратилась и къ тому вопросу, о которомъ поляки старались какъ можно меньше думать — къ православной религіи. Давно уже назначена была и составлялась конгрегація въ Пинскѣ. Теперь, когда Польшѣ угрожалъ православная держава, было встать подумать, наконецъ, объ этомъ предметѣ. Брацлавскій посолъ Леженскій 12 мая проговорилъ рѣчь, въ которой выражался такъ: «Мы, представители украинскихъ областей, не столько боимся чужихъ враговъ, сколько желаемъ быть увѣренными въ вѣрности народонаселенія, среди котораго живемъ. Необходимо, чтобъ тѣ, которые соединены съ врагами одною вѣрою, не подвергались отъ послѣднихъ искушеніямъ. Кіевъ — столица духовнаго неунитскаго начальства, съ своими пещерами соблазняетъ ихъ. Народъ ходитъ туда на поклоненіе и тамъ напивается яда непріязни къ Польшѣ. Невинныя души совращаются духовнымъ орудіемъ. Надобно пресѣчь это зло. Надобно учредить въ нашемъ краѣ іерархію неунитскаго обряда. Неунитское духовенство уже расположено къ той конгрегаціи, которую такъ благоразумно и примѣрно устроилъ нашъ сендомирскій посолъ Кохановскій. Пусть неуниты не отыскиваютъ себѣ за границею духовенства». Товарищъ его, другой брацлавскій посолъ, Ярошинскій, говорилъ: «Въ нашемъ краѣ у дивунитовъ нѣтъ иныхъ пастырей, кромѣ тѣхъ, которыхъ даетъ имъ сосѣднее государство. Вышедшіе изъ-за границы духовные, безъ воспитанія, безъ свѣдѣній, необходимыхъ для ихъ званія, въ своемъ невѣжествѣ и сами думаютъ и другихъ учатъ, что всѣ, которые не одной съ ними вѣры, имъ враги. Гнѣздо мое въ Брацлавщинѣ. Я собственнымъ опытомъ и преданіемъ, перешедшимъ отъ моихъ предковъ, убѣдился, что сколько тамъ ни было безпорядковъ, междоусобій, кровопролитій — всѣ они совершались во имя этой униженной религіи. Я видалъ въ Межигорскомъ монастырѣ и въ Киевопечерскомъ портреты Хмельницкаго, Дорошенка, Гонты, Зализняка въ рыцарскомъ видѣ, съ искусительными надписями. Это у нихъ святые воители, погибшіе отъ рукъ поляковъ. Установленіемъ отдѣльной іерархіи и расширеніемъ нравственнаго воспитанія духовенства мы сотремъ съ нашего народа это пятно. Каждый нравственный соотечественникъ пусть покажетъ на дѣлѣ то убѣжденіе, что господствующая вѣра въ государствѣ не должна имѣть цѣлю преслѣдованіе другихъ исповѣданій».

Поляки говорили, будучи на краю гибели такъ, какъ бы имъ слѣдовало говорить за сто пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Но и на этотъ разъ они ограничились словами. Никакого окончателнаго рѣшенія по этому вопросу не послѣдовало въ то засѣданіе, когда говорились эти рѣчи.

III.

Объявленіе деклараціи Екатерины. — Впечатлѣніе ея на поляковъ. — Послѣднія распоряженія и закрытіе сейма. — Воззваніе къ народу. — Отвѣтъ на декларацію¹⁾.

Наступило 18 мая, день, памятный и печальный въ польской исторіи. Булгаковъ подалъ литовскому подканцлеру Хребтовичу декларацію императрицы Екатерины на русскомъ языкѣ, съ французскимъ переводомъ. Содержаніе ея было таково: «Польская нація во зло употребила оказанныя императрицею благодѣянія; ея благія намѣренія относительно Польши были представляемы въ ложномъ свѣтѣ, и въ особенности ея гарантія твердости законовъ и правленія республики, тогда какъ другія государства, и въ особенности германскія сами желали и просили такой гарантіи, а между тѣмъ позднѣйшія событія показали, какъ необходимо обезпеченіе существующаго порядка вещей. Захватившая въ свои руки въ настоящее время господство факція, вопреки принятой Россіею на себя гарантіи стариннаго устройства республики, самовольно вымыслила новое монархическое устройство, уничтожающее свободу и благосостояніе польской націи. Но мало того, что эта овладѣвшая правленіемъ партія вызвала опасности внутри государства, она хотѣла поссорить Польшу съ сосѣдними государствами, преимущественно же съ Россіею, державою издавна дружелюбною Польшѣ, и наносила ей оскорбленія, а именно: 1) во время турецко-шведской войны наглымъ образомъ требовала очистки польской территоріи отъ русскихъ войскъ и магазиновъ, прямо позволяла себѣ всякія ругательства и брань на Россію, дѣлала оскорбленія и стѣсненія русскимъ подданнымъ, спокойно и мирно исполнявшимъ свои занятія въ польскихъ областяхъ, какъ-то: подвергала ихъ пыткамъ, а по вынужденнымъ пытками показаніямъ и жестокимъ казнямъ, преслѣдовала епископа переяславскаго и архимандрита слуцкаго, не оказала законнаго удовлетворенія надъ виновными солдатами, которые вторглись въ русскую посольскую церковь и извлекли оттуда духовное лицо, заключила его въ темницу, и поставила передъ судомъ, которому онъ, какъ русскій подданный, не подлежалъ; — заключила съ Турціею союзъ и возбуждала ее противъ Россіи, и наконецъ дозволяла себѣ на самомъ сеймѣ неуважительные отзывы о государынѣ. Главы пар-

¹⁾ См. Ист. № 18, 8, 12, 28.

ти не только не останавливали, но еще и одобряли это. Причѣмъ менѣе важныя, чѣмъ эти, были бы достаточны для того, чтобы требовать за нихъ удовлетворенія, но императрица разныи факцію отъ націи. Забывая неумѣстные поступки въ отношеніи себя, императрица не могла не склониться къ настоятельной просьбѣ многихъ поляковъ, отличающихся рожденіемъ, саномъ и патриотическою доблестью, желающихъ возстановить древнюю свободу и независимость своего отечества. Составляя съ этой цѣлью конфедерацію, они обратились съ просьбою о помощи и покровительствѣ къ императрицѣ, и государыня обѣщала имъ помощь, а потому повелѣла части своихъ войскъ вступить въ Польшу для возстановленія древнихъ польскихъ правъ и вольностей. Ея Величество ласкаетъ себя надеждой, что всѣ добрые и истинно любящіе свое отечество поляки увидятъ, что пользѣ ихъ собственнаго дѣла будетъ способствовать то, если они отъ всего сердца и отъ всей души вмѣстѣ со всѣми истинными патриотами стануть содѣйствовать великодушнымъ стараніямъ императрицы, возвратитъ Рѣчи-Посполитой ея свободу и законность, похищенные мнимою конституціею 3-го мая 1791 года. Если есть нѣкоторые, которые стѣсняются присягою, данною ими по ошибкѣ или по принужденію, по василію и оболъщенію они должны убѣдиться, что единственная истинная и правдивая присяга для нихъ есть только та, во которой они обѣщались сохранять и защищать свое природное свободное республиканское правленіе, и что воспріятіе этой прежней клятвы есть единственное средство загладить ихъ клятвopеступленіе, совершенное новою присягою. Если же найдутся люди, которые по упрямству или по неправильному настроенію мыслей, которыми они увлеклись, стануть сопротивляться благодѣтельнымъ намѣреніямъ императрицы и патриотическимъ желаніямъ своихъ согражданъ, то такіе пусть принимутъ самимъ себѣ ожидающее ихъ суровое съ ними обращеніе, гнѣз болѣе заслуженное, что отъ нихъ зависѣло избѣжать его совершившимъ и искреннимъ отреченіемъ отъ своихъ заблужденій.) Всѣмъ, которые поспѣшатъ отдаться подъ покровительство императрицы, обѣщалось не только полное забвеніе прошлаго, но и личная безопасность и всякая помощь.

Булгаковъ вручилъ декларацію Хребтовичу. Послѣдній сказалъ: «я не стану читать этого, а передамъ непосредственно кою. Но я угадываю содержаніе, и было бы желательно, чтобы все это окончилось дружелюбно». — «Это отъ васъ зависитъ — отвѣчалъ посоль императрицы — вы можете поправить дѣло легко. Вступленіе войскъ ея величества не война, а дру-

жеская помощь, по сосѣдству, для возвращенія вольности и законнаго правленія. Мѣры строгости тотчасъ будутъ смягчены, если войска наши не встрѣтятъ препятствій и сопротивленія. Потомъ Булгаковъ поѣхалъ къ примасу и вручилъ ему высочайшее письмо. Примасъ, какъ и Хребтовичъ, сказалъ: «все это можно бы уладить и безъ мѣръ строгости; сейчасъ поѣду къ королю». И онъ уѣхалъ вслѣдъ затѣмъ изъ Варшавы въ свои имѣнія. Булгаковъ съ тѣхъ поръ не видѣлъ его.

Потомъ Булгаковъ поѣхалъ къ Люккезини и къ Декаше и сообщилъ имъ, по приказанію императрицы, копіи съ деклараціи. «Мнѣ извѣстно—сказалъ ему Люккезини—отъ моего короля, что его величество предложилъ ея величеству, для избѣжанія строгихъ мѣръ, подать отъ трехъ дворовъ совмѣстную декларацію для достиженія цѣли». Въ разговорѣ съ русскимъ посланникомъ изъяснялъ полное сочувствіе дѣйствіямъ императрицы. Декаше сказалъ Булгакову уклончиво: «я не имѣю отъ своего двора еще никакихъ инструкцій по этому предмету». Но австрійскій посоль лично раздѣлялъ взгляды русскаго посла.

Грозная декларація была прочитана на сеймѣ въ собраніи 21-го мая, главнымъ изъ виновниковъ конституціи Коллонтаемъ. Члены сейма встрѣтили этотъ ударъ молчаніемъ. Король сталъ говорить рѣчь.

«Вы видите, сказалъ онъ, какъ относится это писаніе къ нашей конституціи 3-го мая, и ко всѣмъ вашимъ поступкамъ, предшествовавшимъ этому дѣлу. Видите открытое вспоможеніе тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые посягаютъ на благосостояніе отечества! Видите стремленіе унижить настоящій сеймъ, слышите и угрозы нашей независимости. Есть два средства защиты и спасенія отечества. Первое составляетъ все, на что можетъ рѣшиться отвага и мужество. Я заранѣе соглашаюсь на все, что вы, почтенные члены, установите, и общаюсь стать и стоять своею особою тамъ, гдѣ мое присутствіе будетъ нужно для возбужденія духа въ опасности и для устроенія силъ и обстоятельствъ нашихъ. Другое средство—сношенія. Обратимся къ союзнику нашему королю прусскому. Вы помните, какъ почти съ самаго открытія сейма, каждый важный шагъ вашъ совершался по желанію и совѣту прусскаго короля—освобожденіе изъ-подъ гарантіи, посольство въ Турцію, удаленіе изъ нашего вѣрая русскихъ магазиновъ и русскаго войска; этотъ великодушный сосѣдъ нашъ побуждалъ насъ установить твердое правленіе, и только на этомъ условіи желалъ устроить свой союзъ съ нами, общая намъ ходатайства и—помощь, если бы ходатайства не оказались достаточны для охраненія нашихъ границъ. Вы

сказали въ деклараціи, поданной намъ, что намъ ставятъ въ мѣтъ именно поступки, которые мы учинили въ полномъ единѣнствѣ съ прусскимъ королемъ. Обратимся также къ его величеству, венгерскому королю: онъ намъ сосѣдь, и его собственный интересъ требуетъ, чтобы Польша не была возмущена, и не попала въ зависимость отъ такого государства, которое нѣсколько вѣковъ отдѣлялось Польшею отъ его владѣній. Всего естественнѣе обратиться намъ къ саксонскому; нѣмю-избирателю; мы ему оказали столько расположенія, что одна благодарность должна побуждать его искать способовъ облегчить намъ грозящія неприятели. Если бы нашлись и другіе пути сношеній, не слѣдуетъ пренебрегать ими. Наконецъ, невѣроятно, чтобы такая свѣтлая и великодушная государыня, какъ Екатерина II, захотѣла совершенно пренебречь всякими представленіями, какія могутъ быть сдѣланы со многихъ сторонъ для отклоненія несчастій, неразлучныхъ съ войною, которой послѣдствія, тяжелыя для челоуѣколюбія, безъ сомнѣнія, противны нѣжному сердцу этой государыни; пусть только ей будетъ объяснено, что донесенія нашихъ собственныхъ, соотечественниковъ несообразны съ истиной, что въ день 3-го мая 1791 года совсѣмъ не происходило насилій, о которыхъ говорится въ деклараціи, и наше новое правительственное уложеніе не ниспровергаетъ ни свободы, ни республиканскаго строя. Невѣроятно, чтобы ее величество императрица, получивъ вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ, пожелала домогаться исполненія выраженныхъ въ деклараціи желаній, когда истина, справедливость и миролюбіе заговорятъ въ ней». Далѣе въ своей рѣчи король призывалъ сеймъ думать и изыскивать всѣ средства въ оборонѣ отечества, и приглашалъ поговорить объ этомъ на частномъ засѣданіи въ домѣ маршала Малаховскаго. Король не забылъ напомнить, что теперь слѣдуетъ всѣми силами охранять русскаго посла отъ всякихъ, могущихъ быть съ нимъ въ Польшѣ, неприяностей.

Въ это роковое засѣданіе поляки рѣшили дѣло о дивунизмахъ и утвердили всѣ постановленія конгрегаціи, бывшей еще въ юнѣ 1791 года въ Пинскѣ; по вопросу объ умиротвореніи восточной церкви, теперь только сеймъ, наконецъ, призналъ существованіе особой іерархической власти надъ православною церковью въ областяхъ Рѣчи-Посполитой¹⁾. Чтобы не

¹⁾ Сущность предполагавшагося устройства православной церкви была такая: если установится правильная іерархія изъ архіепископа и трехъ епископовъ съ канональнимъ синодомъ, которые уже никакъ не станутъ обращаться къ Россіи, а будутъ зависѣть отъ государственной власти въ Польшѣ, находятся подъ благословленіемъ и посвященіемъ константинопольскаго патріарха и относиться къ нему по

показать свѣту своего промаха и несправедливости къ православному духовенству, признали виновнымъ въ нарушеніи спокойствія страны архіерея Садковскаго и съ нимъ его секретаря Алексѣя Чернявскаго, священника Рубиновича, Се

апелляціямъ. Епархіи дѣлятся на протопопіи; въ каждой изъ послѣднихъ управляетъ протопопъ извѣстнымъ округомъ приходоѡвъ съ двумя священниками и ассессорами и свѣтскихъ особъ, выбранными на четыре года. Черезъ каждыя четыре года пяти числа мая въ протопопіи собирается конгрегація изъ всѣхъ приходскихъ священниковъ и депутатовъ свѣтскаго званія, повѣрятъ управленіе протопопіи, выбираютъ ассессоровъ и дѣлаютъ постановленія на будущіе четыре года. Съ такой конгрегаціей протопопъ и старшій братъ изъ братства свѣтскаго званія по выбору ѣдутъ къ 15-му мая на епархіальную конгрегацію, куда и монастыри присылаютъ своихъ настоятелей или выборныхъ, для повѣрки управленія епархіею, для разныхъ соображеній и постановленій на будущее время, выбора ассессора въ епархіальную консисторію и восьми депутатовъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ на половину въ генеральную конгрегацію, которая собирается въ тотъ же годъ 15-го іюня подъ предсѣдательствомъ архіепископа и состоитъ изъ епископовъ, архимандритовъ, ассессоровъ генеральной консисторіи и депутатовъ присланныхъ отъ епархіальныхъ конгрегацій. Генеральная конгрегація будетъ избирать владыку и архимандритовъ, повѣрятъ управленіе церковью и рѣшать разные дѣла: тѣ, которые относятся къ догматамъ и обрядамъ подлежатъ обсужденію отъ нихъ членоѡвъ духовнаго званія, а въ дѣлахъ административныхъ и экономическихъ принимаютъ участіе и члены свѣтскаго званія. Главное мѣсто церковнаго управленія есть генеральная консисторія, подъ предсѣдательствомъ архіепископа или епископа, состоящая изъ шести ассессоровъ духовнаго и шести свѣтскаго званія выбранныхъ на генеральной конгрегаціи срокомъ на четыре года. Кромѣ ассессоровъ въ ея составу принадлежали, безъ права рѣшающаго голоса, писарь и инстигаторъ Слѣдовало быть, кромѣ архіепископа, тремъ епископамъ по числу провинцій Рѣч Посполитой, но это отлагалось до дальнѣйшаго усмотрѣнія, а на первый разъ имъ въ виду установленіе одной епархіи и одной епархіальной консисторіи, въ Богуславъ подъ предсѣдательствомъ епископа, которому предполагали дать титулъ житомирскій и брацлавскій. Составъ епархіальной консисторіи былъ такой же, какъ и генеральной. При консисторіи долженъ быть судъ — при генеральной изъ пяти, а при епархіальной изъ трехъ особъ. Церковное имущество находится въ распоряженіи приходскихъ священниковъ, при участіи старшихъ братьевъ братства въ городѣ, мѣстечкѣ или селѣ. При каждой церкви должна быть школа, гдѣ, подъ надзоромъ священника и старшихъ братьевъ свѣтскаго званія, могутъ учить порусски и попольски дѣти или особые учителя. При каждой церкви долженъ быть госпиталь для калѣкъ и убогихъ Имѣнія монастырскія находятся въ распоряженіи генеральной консисторіи, такъ что она можетъ по своему усмотрѣнію, отдѣляя необходимое на монастыри, прочее ораторитъ на фондъ для содержанія церквей, школъ и госпиталей. Эти правила составлены были 15-го іюня 1791 г. въ панской церкви Богоявленія, при комиссарѣ Рѣч Посполитой сендомирскомъ послѣ Кохановскомъ съ тремя послами (Чарторнскимъ, Зеленскимъ и Бутримовичемъ), собраніемъ православныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ въ числѣ 92 подъ предсѣдательствомъ архимандрита Троицкаго и игумена Мотронинскаго монастыря Ириварха Балабовскаго, а 29-го іюня того же года составлена первая генеральная конгрегація и ея директоромъ избранъ тотъ же Балабовскій. Сеймъ цѣлый годъ затѣмъ не утверждалъ этихъ постановленій въ пользу православія и утвердилъ ихъ только тогда, когда грозная православная держава шла Польшу.

жовничка и Андрея Бондаря. Ихъ отправили подъ стражею въ Ченстоховъ на строгое заключеніе; медвѣдовскаго игумена послали въ Россію, другихъ рѣшили препроводить въ неунитскую консисторію въ качествѣ состоящихъ въ подозрѣніи, а треть освободили и оправдали. При окончаніи этого памятнаго засѣданія была прочитана нота французскаго посла Деворша, извѣщающая отъ имени короля и Франціи, что королю неперсскому и чешскому объявлена война за посягательства на свободу, миръ и самостоятельность французскаго народа. Посланныкъ изъяснялъ, что ему особенно пріятно выразить чувства Франціи такому народу, у котораго любовь къ отечеству уваженіе къ человечеству и привязанность къ законности каждый день проявляются способомъ, достохвальнымъ и утѣшительнымъ для тѣхъ, которые показали собою первый примѣръ такихъ дѣйствій.

На другой день, 22-го мая, послѣ вечерняго частнаго засѣданія въ домѣ сеймоваго маршала, было постановлено отдать верховную команду надъ войскомъ королю, съ полнымъ и неограниченнымъ правомъ заключать перемирія, военныя капитуляціи, раздѣлы плѣнныхъ и всякіе догооворы, кромѣ окончательнаго мирнаго трактата, предоставленнаго исключительно сейму. Ясно было, что прогрессисты, руководившіе до сихъ поръ дѣлами, взваливали на слабаго короля всю отвѣтственность, слагая ее съ самихъ себя. 24-го мая утвержденъ былъ и генеральный поборъ: кромѣ установленнаго прежде пожертвованія десяти гроша на земскія и двадцатаго на духовныя имѣнія, вложено еще 10⁰/₀, а города и тѣ земскія имѣнія, которыя не платили пожертвованія, ограничиваясь взносомъ подымнаго, должны были заплатить двойное подымное, евреи же—двойное поголовное.

По установленіи этого закона жмудскій посоль Олендскій умогался, чтобы были открыты имена тѣхъ поляковъ, которые, по извѣстіямъ Деболи, находились въ Петербургѣ. Король изложилъ самое содержаніе депешъ посланника Рѣчи-Посполитой въ Петербургѣ, Деболи; изъ нихъ было видно, что Деболи знали дѣло только въ общихъ чертахъ и извѣщали о томъ, что пріѣзжавшіе въ Петербургъ поляки составляли что-то опасное, и выжидали изъ Петербурга распустивши слухъ, что ѣдутъ въ Бѣлороссію. Король объявилъ: «въ донесеніяхъ Деболи сказано, что есть среди насъ, въ Варшавѣ, особы, носящія званіе сенаторовъ, министровъ и пословъ, которыя находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ петербургскимъ дворомъ.» Если—сказалъ подольскій посоль Ржевускій—есть такіе выродки между сенаторами, министрами и

послами, что покушаются терзать внутренности своего отечества, то пусть его величество потрудится намъ назвать ихъ, или потребовать отъ Деболи, чтобы онъ провѣдалъ, кто они такіе.» «Просимъ этого, просимъ!» закричали голоса. Тогда король прочиталъ рапортъ генераль-маіора Орловскаго отъ 19-го мая, о томъ, какъ Злотницкій, подольскій посолъ, подговаривалъ товарища народной кавалеріи Милинскаго, чтобы онъ склонялъ товарищество на русскую сторону, далъ ему на то 30 червонцевъ, обѣщалъ еще штабъ-офицерство и 500 червонцевъ награды. «Что же касается до тѣхъ сенаторовъ, министровъ и пословъ, о которыхъ говорилось въ депешахъ Деболи, сказалъ король, я долженъ оговориться, что тамъ дѣло шло не о тѣхъ, которые находятся здѣсь, а о тѣхъ, которые были впоследствии въ Петербургѣ, а прежде того сносились тайно съ петербургскимъ дворомъ.» Такимъ образомъ король увильнулся отъ щекотливаго предмета, хотя дѣйствительно около него были люди, тайно благоприятствовавшіе Россіи.

Сеймовый маршалъ сказалъ: «мнѣ кажется, не слѣдуетъ вступать въ формальныя подробности и именовать особъ, бывшихъ въ Петербургѣ и составлявшихъ конфедерацію, а постановить вообще: если онѣ въ опредѣленное время не явятся и не отрекутся отъ конфедераціи, то будутъ признаны врагами отечества и позваны къ суду, и по осужденію подвергнуты казни.....»

Тогда стародубскій посолъ Ельскій сказалъ: «по крайней мѣрѣ слѣдуетъ поименовать Щенснаго Потоцкаго, Ржевускаго, Мощенскаго, Сухоржевскаго, Четвертинскаго и Загорскаго, и назначить имъ пятимѣсячный срокъ явки къ сеймовому суду, а Злотницкаго, уже уличеннаго показаніемъ Милинскаго, отдать подъ судъ немедленно.» На это не послѣдовало согласія. Король говорилъ, что онъ вѣритъ донесенію Милинскаго, но остерегается, чтобы сеймъ не обвинили въ торопливости сужденій; могутъ быть случаи, когда подобные доносы дѣлаются для личныхъ цѣлей, въ надеждѣ повышенія. Король совѣтовалъ не произносить пока рѣшенія, не именовать лицъ, а ограничиться общею угрозою призыва къ суду тѣхъ, которые ѣздятъ за границу и подговариваютъ непріятеля на отечество. Это мнѣніе было принято и постановленъ законъ въ умѣренныхъ выраженіяхъ: то было вѣжливое приглашеніе всѣхъ поляковъ, находящихся въ непріятельской службѣ, воротиться въ отечество въ назначенный девяти-недѣльный срокъ, подъ страхомъ казни, постигающей по закону измѣнниковъ, для тѣхъ, которые не возвратятся и будутъ взяты въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ; тѣмъ

ж, которые только участвовали въ конфедераціи, давалось шесть мѣсяцевъ срока на отреченіе лично передъ гражданско-военными порядками комиссіями или прямо письмами, адресованными въ королю или въ сеймовымъ маршаламъ; неисполнившимъ это грозили казню. Тѣмъ, которые бы оказались главными виновниками конфедераціи и осмѣливались идти съ войскомъ русскому на отечество или подговаривать войско Рѣчи-Посполитой къ измѣнѣ, не давалось срока. Они уже признавались негодными отечества и осуждались на смертную казнь. Установленъ сеймовый судъ для этой цѣли. Велѣно было всѣмъ судамъ Рѣчи-Посполитой и первой и второй инстанцій быть въ дѣйствіи, не прекращая, какъ бывало прежде въ обычаѣ, своей дѣятельности по окончаніи ваденцій.

Миланскому объявлена награда и повышеніе за вѣрность. 25-го мая учрежденъ былъ фондъ въ 1,500,000 для награжденія отличными воинамъ и для пособій семействамъ убитыхъ въ бою, съ оговоркою, что если войны не будетъ, то сумма эта останется въ казнѣ.

29-го мая былъ послѣдній день четырехлѣтняго сейма. Тогда постановили дать королю право, въ случаѣ надобности, призвать къ вооруженію обывателей тѣхъ воеводствъ, земель и повѣтовъ, которые подвержены будутъ опасностямъ войны, и выбрать по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ региментарей или полковниковъ надъ ополченіемъ шляхты. Постановлено, что король поѣдетъ самъ лично въ обозъ, и на предметъ королевскаго подъема ассигновано два милліона злотыхъ. Составили отвѣтъ русскому послу и воззваніе къ народу. Въ этомъ воззваніи толковался смыслъ деклараціи. «Нашъ сеймъ, — говорилось въ воззваніи — которому подобнаго не было, по согласію и уваженію къ закону, названъ оскорбительнымъ и несправедливо фавціей и объявленъ не дѣйствительнымъ; чудовищной и незаконной шайкѣ подается военная помощь; разсѣиваютъ по провинціямъ писанія, и побуждаютъ гражданъ вооружаться противъ властей, возбуждаютъ огонь междоусобной войны, выдумываютъ ложныя событія и расточаютъ суевѣрныя угрозы тѣмъ, которые не захотятъ пристать къ русскимъ. Исторія не представляетъ примѣра такого оскорбительнаго обращенія одного правительства съ другимъ. Съ поляками не говорятъ какъ съ народомъ самостоятельнымъ, а какъ съ покореннымъ. Нѣтъ ни одного польскаго гражданина, который не раздѣлялъ бы чувствъ возбужденныхъ въ королѣ и въ собранныхъ чинахъ этой деклараціею.»

Главную вину всей предстоявшей суматохи сеймъ приписывалъ петербургскимъ эмигрантамъ. «Они, — говорилось въ воззва-

ни, — недовольны сеймомъ за то, что его дѣйствія не соглашаются съ ихъ корыстными видами, и напротивъ, ихъ незаконныя намѣренія согласуются съ намѣреніями Россіи. Эта держава досадуетъ на Польшу за то, что она, сознавъ свои пороки, которые ввергли ее въ презрѣніе у всѣхъ народовъ и ведутъ къ неизбѣжной гибели, создала у себя превосходный образъ правленія, усилила свое войско, заслужила всеобщее уваженіе сосѣдей.» Призывая націю защищать отечество, универсалъ утѣшительно повѣствуетъ о возрожденіи и могуществѣ Польши. «У насъ есть хорошо снаряженное войско, одушевленное тѣмъ героизмомъ и мужествомъ, которыми во всѣ времена отличались поляки. Со всѣхъ сторонъ получаемъ мы свѣдѣнія, что граждане всѣхъ сословій приходятъ вписываться въ ряды защитниковъ свободы; любовь къ отечеству отворяетъ крѣпкіе сундуки для общественныхъ нуждъ; нѣтъ ни одного сословія, которое бы, въ своемъ достохвальномъ соревнованіи въ дѣлѣ спасенія Рѣчи-Посполитой, не дѣлало патріотическихъ жертвъ. У насъ достаточно средствъ противустоять врагамъ, и что можетъ сдѣлать Польшѣ сила, хотя бы самая страшная, если только всѣ сограждане, соединившись, пойдутъ подъ предводительствомъ своего короля на защиту предѣловъ своей страны, своихъ законовъ и преимуществъ!» Но въ этомъ же универсалѣ, при такихъ блестящихъ надеждахъ, замѣчалось: «никто не можетъ насъ обезпечить противъ послѣдствій внутреннихъ раздоровъ и несогласій.» Поляки предостерегались не вѣрить коварнымъ внушеніямъ тѣхъ разсѣиваемыхъ повсюду писаній, гдѣ стараются очернить настоящее правительство, отвлечь отъ конституціи и склонить на сторону Россіи. — «Вы знаете по опыту — говорилось далѣе — что значитъ быть подъ покровительствомъ Россіи. Насильственное похищеніе сенаторовъ, министровъ и пословъ, совершенное передъ глазами короля и чиновъ государства, неуважительное обращеніе съ дворянствомъ, насилія надъ жилищами гражданъ, утѣсненія городовъ, уводъ жителей изъ края, наконецъ, раздѣлъ территоріи нашей. Вотъ плоды русской гарантіи. Можете ли вы надѣяться, что это государство будетъ съ вами лучше обращаться, если оно успѣетъ васъ обольстить, для того, чтобы снова открыть раны Рѣчи-Посполитой? Дворянство и мѣщане почувствуютъ эту тяжесть еще сильнѣе послѣ того, какъ они сдѣлались свободными и независимыми; крестьяне-земледѣльцы, которыхъ теперь покровительствуютъ законы, дарующіе счастье всѣмъ жителямъ, погонятся тысячами, какъ своть изъ плодоносныхъ полей своихъ, въ безплодныя пустыни, наконецъ, окончательный раздѣлъ польской тер-

и вѣчное забвеніе польскаго имени будутъ плачевнымъ слѣдствіемъ несогласія поляковъ.»

Послѣ обѣда въ тотъ же день, въ 5-ть часовъ, собрались снова въ послѣдній разъ, и постановили учредить по городамъ и селамъ кружки для вкладовъ на оборону отечества; завѣдываніе этими кружками предоставлено скарбовой комиссіи, и наконецъ постановлено, по поводу вторженія непріятельскихъ войскъ въ пределы государства, закрыть сеймъ до освобожденія отечества; къ сеймики, которые должны были собраться къ 18-му сентября, выданы до возстановленія спокойствія. Постановлено, чтобы къ суду отправляли свои обязанности непрерывно; но въ тѣхъ мѣстоустройствахъ, земляхъ и повѣтахъ, куда войдетъ непріятельское войско, они должны были прекращать свои дѣйствія, и если бы въ принужденіи они продолжали работать, то всѣ ихъ приговоры на будущее время объявлялись недѣйствительными.

Отвѣтъ на декларацію поданъ былъ Хребтовичемъ Булгавою 22-го мая (1-го іюня н. ст.) и, по замѣчанію русскаго посла, составленъ былъ напыщенно и софистично. Поляки отзывались о личности Еватерины не только уважительно, но даже подобострастно. Въ началѣ излагалась мысль, что поводъ къ поданной деклараціи, несообразной съ извѣстнымъ величіемъ сердца наияснѣйшей императрицы, есть очевидно слѣдствіе непріязненныхъ внутреннихъ ловкаго и корыстолюбиваго обмана, умѣвшаго надѣть на себя маску гражданской доблести и приобрести довѣріе монархини, съ расчетомъ на ея душу, чувствительную къ голосу патриотизма. Затѣмъ предъявляются доказательства, что изложенныя въ деклараціи обвиненія представляютъ дѣло не въ настоящемъ видѣ. Слѣдуетъ широкій панегирикъ единомыслию, здравомыслию, братскому духу, господствовавшему на сеймѣ, въ особенности послѣ удвоенія числа пословъ. Конституція 3-го мая въ общихъ чертахъ изображается дѣломъ единомышленія. Поздравленія, присылаемые изъ разныхъ мѣстъ, и согласіе, выраженное на послѣднихъ сеймикахъ, выставлялись доказательствами, что сеймъ приняла вполне и одобрила дѣло 3-го мая. Относительно гарантіи, поляки объясняли, что цѣлый польскій народъ понимаетъ гарантію сообразно началамъ общественнаго права, обычнаго во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, то-есть, что гарантія действительна только между двумя сторонами противъ третьей стороны, которая бы хотѣла посягнуть въ извѣстномъ государствѣ на то, что послѣднему гарантировало другое дружественное государство. «Если бы актъ гарантіи, касающейся Рѣчи-Посполитой, — говорится въ отвѣтѣ, — могъ быть обращенъ противъ самаго этого же государства, то онъ представлялъ бы въ своемъ зна-

ченіи и слѣдствіяхъ очевидное противорѣчіе; гарантирующее государство могло оказывать дѣятельность только по приглашенію легальной власти Рѣчи-Посполитой, иначе, если часть обывателей, недовольныхъ правительствомъ въ своей странѣ, можетъ свое возмущеніе противъ правительства опирать на вмѣшательствѣ посторонняго государства, если недовольный голосъ нѣсколькихъ личностей можетъ себѣ присвоивать характеръ народнаго призыва, — такое употребленіе гарантіи будетъ орудіемъ, разрушающимъ всякій порядокъ и ниспровергающимъ народное спокойствіе.» Относительно посольства въ Турцію объясняли, что посланникъ въ Турцію посланъ заурядъ съ посланниками въ другіе европейскіе дворами извѣстить о поводахъ и мирныхъ видахъ внутреннихъ преобразованій, предпринятыхъ сеймомъ. Турція, ведя войну съ Россіей, дѣйствительно искала союза съ Польшею и дѣлала Польшѣ самыя лестныя предложенія. Чины Рѣчи-Посполитой хотѣли только воспользоваться обстоятельствами, чтобы вытребовать отъ Порты торговыя льготы, полезныя для Польши. Инструкція, посланная польскому послу въ Константинополь, заключала условія къ заключенію договора, выгоднаго для Польши, безъ вреда интересамъ сосѣдей. Такимъ образомъ выходило, что Рѣчь-Посполитая заслуживала еще благодарность Россіи. Булгаковъ здѣсь видѣлъ ложь, потому что хорошо зналъ, что въ статьяхъ договора было взаимное содѣйствіе противъ Россіи. Точно тоже знала и Екатерина. Требованіе очищенія краевъ Рѣчи-Посполитой отъ русскихъ войскъ и магазиновъ объяснялось, какъ и прежде, тѣмъ, что русскіе подданные, особенно фанатическіе монахи неунитскаго обряда и извощики возбуждали къ бунту всегда готовое къ возстанію хлопство греческаго вѣроисповѣданія, а частые переходы русскихъ войскъ подавали хлопамъ обольстительныя надежды; тѣ же мѣры къ водворенію спокойствія въ краѣ были причиною слѣдствій, суда и казни нѣкоторыхъ, оказавшихся по суду виновными; увѣряли, что не было предписанія употреблять пытки, что это противно издавна обычному ходу судопроизводства въ Польшѣ, отличавшагося всегда человѣколюбіемъ. Учрежденіе индагаціонной (слѣдственной) депутаціи было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы предупредить и истребить въ народѣ заговоръ и тѣмъ самымъ предотвратить необходимость суровыхъ мѣръ. Точно та же необходимость принудила приступить къ арестованію случкаго архимандрита; нападеніе же на «неунитскую каплицу» было дѣломъ ошибки подхорунжаго и нѣсколькихъ солдатъ, полагавшихъ, что идутъ въ частный домъ, за что они и были наказаны. Въ заключеніе являлась надежда, что чистыя намѣренія короля и польскаго на-

ран найдутъ и у великой государыни ту же справедливость, ка-
кая признана за ними всею Европою. «Но если бы, — такъ кон-
чили отвѣтъ, — наши намѣренія, дышущія любовью, миромъ и
справедливостію, не имѣющія другой цѣли кромѣ безопасности
и счастья польской страны, могли еще быть перетолкованы въ
другую сторону; если бы отзвѣвы нѣсколькихъ недовольныхъ
собъ нашли у императрицы болѣе вѣса, чѣмъ очевидное сви-
дѣтельство народной воли; если бы Рѣчь-Посполитая увидѣла
посягательство на свою самостоятельность и законную власть, то
польскій народъ, заботясь о добромъ мнѣніи о себѣ цѣлою Европою
и самой государыни, умѣющей цѣнить благородныя чувствава-
нія, не поколеблется въ выборѣ между спокойствіемъ подлой по-
корности и достохвальною рѣшимостью на всякія случайности».

Хребтовичъ, вручивши этотъ отвѣтъ русскому послу, вошелъ
съ нимъ въ дружескій разговоръ и сказалъ: «мы видимъ, что
Пруссія насъ обманула, она насъ натравила на все и теперь
идионо измѣняетъ намъ; многіе готовы сойтись лучше съ Рос-
сіей, лишь бы отомстить коварному союзнику. Вы меня уговорили
йти въ Стражу, а я всегда былъ недоволенъ этими дѣлами.
Я старался, сколько могъ. По моимъ внушеніямъ король и теперь
хотѣлъ бы лучше прибѣгнуть къ милосердію російской государыни,
и заключить самый тѣсный дружескій союзъ съ Россією; и те-
перь велѣно Іосифу Понятовскому избѣгать сраженія. Можно ли
надѣяться, что вы войдете съ нами въ переговоры?» Булгаковъ
отвѣчалъ ему: «я не могу иначе входить съ вами въ переговоры,
какъ на основаніи поданной деклараціи. Приму всякое ваше
разсудительное предложеніе и доставлю его императрицѣ.»

Послѣ интимнаго разговора съ Хребтовичемъ, Булгаковъ
донесалъ своему правительству: «они будутъ избѣгать дракъ; чѣмъ
глубже наши войдутъ въ ихъ земли, тѣмъ труднѣе у нихъ бу-
детъ сборъ податей, остановится наборъ людей, и новая конфе-
дерація возьметъ верхъ».

IV.

Отношенія къ Пруссіи и другимъ державамъ.—Посольство Потоцкаго.—Собствен-
ныя средства обороны у поляковъ ¹⁾.

Булгаковъ, со дня подачи объявленія, поступалъ искренно и
честно говорилъ полякамъ, что они не должны надѣяться на

¹⁾ См. Ист. Мѣ 13, 8, 35, 37, 38, 12, 14, 23, 28, 52, 25, 58, 47. Дѣла сейма и
Срѣжи, хранящ. въ Литог. Мстриѣ.

Пруссію, что прусскій король за одно съ Россіею, что помощи имъ нѣтъ ни откуда, и что ихъ упрямство можетъ надѣлать имъ бѣдъ; онъ дѣлалъ намеки, изъ которыхъ поляки могли понять, что, въ случаѣ сопротивленія, ихъ ожидаетъ новый раздѣлъ. Поляки не хотѣли ему довѣриться; по свѣдѣніямъ, дошедшимъ къ нимъ отъ саксонскаго министра Гудшмита, они ласкали себя надеждою, что трагата между Австріей и Пруссіей, гдѣ гарантирована цѣлость польскаго государства, достаточно сильна, чтобы избавить отъ растерзанія ихъ отечество. Они все еще воображали, что прусскій король только страшаетъ ихъ, что онъ поневолѣ долженъ будетъ помочь Польшѣ въ ея бѣдѣ.

Послѣ подачи Булгаковымъ деклараціи, Хребтовичъ обращался къ Люккезини. Пусскій дипломатъ продолжалъ свою непонятную для простоты поляковъ двусмысленность. Сначала онъ показалъ удивленіе, привинулся, будто декларація со стороны Россіи для него предметъ не только незнакомый, но никакъ и неожиданный. Когда ему было изъяснено объ этомъ сомнѣніе, онъ сказалъ: «вы знаете нашего государя? Можно ли сомнѣваться въ его искренности? Разумѣется, онъ ничего этого не знаетъ и не знаетъ». Но потомъ онъ по прежнему доказывалъ, что Пруссія никакъ не обязана въ настоящемъ дѣлѣ помогать Польшѣ противъ Россіи. Обратился къ нему Игнатій Потоцкій. «Вы не въ состояніи совладать съ Россіею—сказалъ ему Люккезини—которая уже выставила противъ васъ восемьдесятъ тысячъ войска; мнѣ кажется, лучше избрать путь переговоровъ». — «Мы далеко зашли—сказалъ Потоцкій—отступать поздно. Если наши войска разобьютъ, мы объявимъ свободу хлопамъ нашимъ и изъ нихъ составимъ другое войско. Если это войско разобьютъ—шляхта поставитъ третье. Если Россія завоюетъ Польшу, то развѣ въ видѣ пустыни. У насъ есть въ резервѣ средства: мы сумѣемъ произвести пожаръ.» — «Есть пожарныя трубы для погашенія пожаровъ», сказалъ на это Люккезини. Но, посвидѣтельству англійскаго посла (Herzm., Erg. В. 273), Люккезини не прямо, а намеками и черезъ посредство другихъ лицъ, возбуждалъ противъ Россіи поляковъ, такъ, что недосказанное имъ они дополняли собственною изобрѣтательностію и не покидали надежды на Пруссію. Это было въ расчетѣ у Люккезини. Онъ не былъ еще увѣренъ въ крѣпкой сердечной связи между Пруссіею и Россіей относительно польскихъ дѣлъ; онъ имѣлъ въ виду опасеніе, что, лишивъ поляковъ всѣхъ надеждъ, можно побудить ихъ черезчуръ смириться передъ Россіею, и Россія можетъ стать въ Польшѣ до того твердою ногою, что не будетъ имѣть нужды въ Пруссіи, а это для Пруссіи представляло невыгоды. Благоразумно было подстрекать по-

ливомъ на сопротивленіе Россіи. Если Россія сойдется съ Пруссіею, послѣдняя въ такомъ случаѣ заодно съ Россіею за нихъ придетъ; а еслибы случилось наоборотъ, тогда Пруссія, не раздраживъ противъ себя до конца поляковъ, можетъ явиться имъ ихъ союзницею и спасительницею: и такъ и иначе, Пруссія все-таки останется въ выигрышѣ на счетъ Польши. Россія и для себя и для Пруссіи будетъ доводить Польшу до крайности, а Пруссія только воспользуется этимъ.

Близко знакомый съ ходомъ тогдашнихъ дѣлъ и участникъ въ нихъ, Гельсъ замѣчаетъ, что если бы поляки въ то время не получали отъ прусскаго двора нѣкоторыхъ обѣщаній помощи (some promise of assistance), то польскій король, по окончаніи сейма, тотчасъ обратился бы къ петербургскому двору и въ угоду императрицѣ отказался бы отъ конституціи 3 мая. Прежде поляки ни за что не хотѣли уступать даже одного Гданска; теперь готовы были отдать часть Польши, если бы прусскій король, по выраженію Булгакова, хотя видъ показала, что хочетъ дать имъ помощь. Надежда на Пруссію для поляковъ была въ то время все еще соломёнкою, за которую, какъ говорятъ, хватается утопающій.

Съ этою-то надеждою отправленъ былъ маршалъ Игнатій Потоцкій въ Берлинъ. Самъ Станиславъ-Августъ написалъ къ прусскому королю письмо такого содержанія: «Письмо, которое будетъ отдано вашему королевскому величеству маршаломъ графомъ Игнатіемъ Потоцкимъ, я пишу въ такое время, когда обстоятельства налагаютъ на меня обязанность защищать независимость польской Рѣчи-Посполитой; ей угрожаютъ притязанія ея императорскаго величества императрицы россійской, изложенныя въ деклараціи 18 мая, и послѣдовавшее за тѣмъ вторженіе ея войскъ въ наши предѣлы. Если договоръ, существующій между вашимъ королевскимъ величествомъ и Польшею, даетъ право просить исполненъ этотъ договоръ. Мнѣ необходимо знать, какимъ способомъ можетъ быть исполненъ этотъ договоръ. Мнѣ необходимо знать чувствованія вашего королевскаго величества, дабы я могъ, сообразно имъ, сражаться мои поступки. Несомнѣнно, край Рѣчи-Посполитой, гарантированный вашимъ величествомъ, терпитъ нападеніе, нарушается ея независимость, и притомъ такимъ страннымъ способомъ, что даже прибѣгая къ тончайшимъ толкованіямъ невозможно отыскать повода къ этому иначе, какъ только въ одной новой конституціи. Въ такихъ обстоятельствахъ уваженіе къ вашему величеству, до сихъ поръ союзнику Рѣчи-Посполитой, такъ тѣсно связанное съ независимостью и честью польскаго народа, побуждаетъ меня надѣяться, что ваше величество поже-

лаете сообщить мнѣ ваши чувствованія. Моя увѣренность относительно вашего величества будетъ имѣть только тѣ предѣлы, какіе вашему величеству угодно будетъ назначить, и чѣмъ точнѣе и скорѣе укажется вспоможеніе, каковое вашему величеству угодно будетъ подать Польшѣ, тѣмъ оно будетъ полезнѣе и драгоцѣннѣе. Въ моемъ безпокойствѣ и затрудненіяхъ меня утѣшаетъ то, что, въ глазахъ современниковъ и потомковъ, не было правѣе дѣла, которому мы просимъ помощи отъ уважаемаго союзника. Все, что вашему величеству угодно будетъ передать маршалу Потоцкому, подателю настоящаго письма, можете повѣрить безопасно и удобно, ибо и я и весь народъ со мною довѣряемъ ему исполнѣе.

Булгаковъ имѣлъ свѣдѣніе, что Потоцкій ѣздилъ въ Берлинъ съ деньгами, въ надеждѣ подкупить нѣкоторыхъ вліятельныхъ людей. Это очень возможно: дворъ Фридриха-Вильгельма II былъ наполненъ лицами, спорившими между собою за вліаніе надъ слабохарактернымъ королемъ, который проводилъ жизнь среди любовницъ и любимцевъ и всегда поддавался окружавшей его средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ въ письмахъ маршала Малаховскаго свѣдѣнія, что было намѣреніе задобрить Бишофсвердера, имѣвшаго на короля издавна сильное вліаніе, и съ этою цѣлью составляли планъ выдать его дочерей за богатыхъ пановъ и въ добавокъ снабдить ихъ приданымъ въ 400,000 злотыхъ. При этомъ Игн. Потоцкій долженъ былъ попытаться выпросить у добрѣйшаго союзника и покровителя Польши 20,000 ружей, опытныхъ генераловъ и офицеровъ. Это была уже вторичная попытка въ своемъ родѣ. Еще 8-го мая войсковая коммиссія доносила Стражѣ, что ея старанія получить оружіе изъ прусскаго завода Шпильбергера остались тщетными, потому что прусскій король не дозволяетъ этого по какимъ-то политическимъ причинамъ, и тогда сдѣлано распоряженіе отправить директора оружейнаго завода Ковнацкаго приобрести оружіе въ другихъ странахъ Европы.

Въ то же время Польша дѣлала попытку склонить на свою сторону Австрію. Съ этой цѣлью поѣхалъ въ Вѣну Чарторыскій. Петръ Потоцкій въ Константинополѣ долженъ былъ еще разъ попытаться вооружить противъ Россіи Турцію.

Что касается до князя-избирателя, то какъ ни безсиленъ онъ былъ въ ряду государей, заинтересованныхъ судьбами Польши, но поляки все еще не покидали на него надежды, и считали его обязаннымъ заступиться за Польшу, хотя бы пришлось отважиться на войну за нее; выбравши его въ король безъ его вѣдома и желанія, поляки полагали, что, въ благодарность за эту честь, онъ долженъ поставить на карту и самого себя, и свой

домъ и свое наслѣдственное владѣніе. Князь-избиратель, когда ему доложили о російской деклараціи, изъявилъ скорбь и сожалѣніе о судьбѣ Польши и поляки приняли такія изъявленія чувствъ (какъ показываютъ письма Малаховскаго въ концѣ мая) и формальное увѣреніе въ намѣреніи оказывать помощь Польшѣ (*les assurances formelles qu'il avait donné de venir au secours de la Pologne*); но князь-избиратель вслѣдъ затѣмъ показалъ, какъ онъ самъ относится къ тѣмъ видамъ, которые за нимъ признавали его непрощенные подданные; онъ даже запретилъ своимъ офицерамъ вступать въ службу Рѣчи-Посполитой. Напрасно маршалъ Малаховскій старался подвести его хоть бы на какое-нибудь маленькое плутовство въ пользу Польши. «Электоръ — писалъ маршалъ своему племяннику, находившемуся въ Савсоніи — можетъ помочь намъ, не компрометируя себя передъ союзниками; онъ можетъ дать отставку своимъ офицерамъ и инженерамъ, и они, уже не связанные съ Савсоніей обязанностями службы, пріѣдутъ къ намъ на службу какъ люди вольные. Онъ можетъ также дозволить продавать намъ ружья, не участвуя въ закупкѣ самъ; наконецъ, онъ можетъ за умѣренные проценты занять намъ денегъ; общаемъ соблюдать глубочайшій секретъ. Электоръ можетъ, сверхъ того, заступиться за насъ своимъ кредитомъ у императорскихъ дворовъ, снабдить насъ своими добрыми советами и дать нашему правительству крѣпость и почву». Все это было напрасно. Князь-избиратель былъ слишкомъ уменъ, чтобы ввязываться въ дѣло, которое онъ считалъ потеряннымъ. Онъ понималъ, что если сильные сосѣди уже выбрали Польшу дѣломъ своихъ видовъ, то слабый въ сравненіи съ ними сосѣдъ своимъ вмѣшательствомъ, въ какомъ бы видѣ оно ни выказалось, не сдѣлавши Польшѣ ни малѣйшей пользы, навлечетъ только вредъ на самого себя.

Полякамъ приходилось раздѣлываться собственными силами. Начали собираться пожертвованія. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ — изъ мазовецкаго княжества, брестъ-литовскаго воеводства, отъ гражданско-военныхъ комиссій присылались въ Варшаву для всеобщаго свѣдѣнія, черезъ газеты, утѣшительныя извѣстія о томъ, какъ вѣрные дѣти отечества не жалѣютъ своего достоянія: кто даетъ для спасенія Рѣчи-Посполитой сто злотыхъ, кто двѣ серебряныя ложечки, кто гонитъ двѣ или три свѣтины, кто владетъ пару пистолетовъ; которые побогаче и познатѣе, давали и по дюжинѣ карабиновъ. Князь Матѳей Радзивиллъ, опекунъ малолѣтняго Доминика, представилъ (хотя не имѣлъ на то права, какъ на чужую собственность, но во вниманіе къ тому, что Радзивиллы всегда отличались любовью къ

отечеству) въ распоряженіе Рѣчи-Посполитой орудія и аммуницію въ замкахъ, принадлежащихъ Радзивилламъ, и самыя замки; панъ Хоецкій (въ Украинѣ), заочинивая въ военной службѣ, объявилъ, что своихъ подданныхъ крестьянъ и живущую на земляхъ его шляхту освобождаетъ на 10 лѣтъ отъ всѣхъ платежей и повинностей и обязывается платить за нихъ то, что слѣдовало казнѣ; льготы удвоились въ такомъ случаѣ, если изъ одного дыма пойдеть двое, вмѣсто одного, а если бы и того болѣе, тотъ домъ, съ принадлежащимъ ему грунтомъ, получалъ вѣчную свободу отъ пана. Въ Сохачевской землѣ панъ Казимиръ Валицкій въ волости своей, называемой Лазы, и во всѣхъ деревняхъ ея, уволилъ отъ подданства потомственно, всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые пойдутъ въ военную службу, съ платою имъ ста золотыхъ во время службы, и съ предоставленіемъ пожизненно полволокна земли, безъ всякихъ повинностей, если захотятъ, послѣ войны, поселиться въ его имѣніяхъ, что распространялось и на шляхту — чиншovníковъ, жившихъ на его земляхъ. Панъ маршалъ сейма, Малаховскій, пожертвовалъ на спасеніе отечества на нѣсколько тысячъ червонныхъ хлѣбнаго зерна, которое на судахъ пришло въ Варшаву, слѣдуя въ Данцигъ. Въ Плоцкѣ профессора школь предложили свое жалованье въ пользу отечества, а антрепренеръ варшавскаго театра жертвовалъ сборъ одного представленія въ мѣсяцъ на спасеніе погибающей Рѣчи-Посполитой. Наиболе яркаго патриотизма проявлялось въ Варшавѣ. Бранили москалей на чемъ свѣтъ стоитъ, и выдумывали разныя небылицы и пр., распускали слухъ, что москали хотятъ подкупить злодѣевъ на убійство короля. Къ этому подалъ поводъ какой-то Забѣлло, который доносилъ, что его дядя, полковникъ російской службы, Шульцъ, давалъ ему четыре тысячи червонныхъ за то, чтобъ совершить убійство Станислава-Августа. Въ саксонскомъ саду чуть-было не растерзали познанскаго посла Мелжинскаго, за то, что онъ дозволилъ себѣ сказать, что русскіе побьютъ поляковъ. Въ городѣ прибывали къ стѣнамъ и распускали объявленія какаго-то неназваннаго общества (что давало думать, что мимо официальной, явной власти, образовалась еще тайная) о томъ, что можно и должно убивать всякаго, не признающаго конституціи 3-го мая, и за убійство враговъ отечества совершившій его получаетъ благодарность и вознагражденіе, а простолюдинъ шляхетское званіе. Полиція велѣла, однако, сорвать эти объявленія.

Все это были безплодныя искры. Попытки возрожденія были важны только по наружности. Какъ мало принимались въ Польшѣ сѣмена новой жизни, достаточно показывала несостоятельность мѣщанскаго дѣла. Несмотря на то, что всѣ города объявлены

свободными, паны, владѣвшіе ими то въ качествѣ старость, то въ иждивѣннѣ дѣдичныхъ владѣтелей или ихъ поссессоровъ, не хотѣли знать этой свободы, не довольствовались вознагражденіемъ, имѣвшимъ слѣдовало по люстраціи, принуждали мѣщанъ къ работѣ, а въ случаѣ сопротивленія усмиряли войсками; при этомъ происходили побои, насилія, истязанія. Само правительство подавало поводъ къ такимъ явленіямъ своей двуличностью. Сперва города объявлены свободными, а потомъ, до дальнѣйшихъ распоряженій, временно оставлены въ условной зависимости отъ прежнихъ владѣльцевъ. Но наны-владѣльцы и поссессоры, издавна непривыкшіе ни къ какимъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, не хотѣли связывать себя условіями, а мѣщане, опираясь на то, что имъ провозгласили свободу, находили требуемые съ нихъ поборы и повинности неправильными и не слушали приказаній. Гражданско-военныя комиссіи, состоявшія изъ лицъ шляхетскаго званія, всегда ютти принимали сторону пановъ и при этомъ указывали правительству на опасность возстанія простаго народа, могущую произойти отъ поблажки подданнымъ въ ущербъ панамъ. Такъ по дѣлу, возникшему между мѣстечкомъ Пильвишками и старостою, владѣвшимъ этимъ мѣстечкомъ, пренская гражданско-военная комиссія доносила правительству, что мѣщане не хотятъ ходить на панскія работы, платить положенныхъ поборовъ и съ безчестьемъ прогоняютъ отъ себя довѣренныхъ отъ пана лицъ, ссылаясь на то, что они получили городское право; къ мѣщанамъ пристають уже и старостинскіе крестьяне, а это, по замѣчанію комиссіи, грозило распространеніемъ наклонности къ бунту между сельскимъ населеніемъ вообще. Къ городамъ принадлежали населенныя земли въ городскомъ округѣ, такъ-называемыя городскія юрисдикціи; на этихъ земляхъ жили шляхтичи и крестьяне: послѣдніе стали домогаться свободы отъ пановъ и принадлежности къ городу по сословнымъ правамъ. Неповорные города смирялись по вѣволѣ, когда къ нимъ вводили войсва на экзекуцію, но тогда паны налегали на нихъ, какъ хотѣли и, вдобавокъ, предавали ихъ своевольству жолнѣровъ. Военные всегда были помощниками пановъ, а гражданско-военныя комиссіи болѣе или менѣе держали сторону военныхъ, когда у послѣднихъ происходила ссора съ мѣщанами. Вообще вездѣ люди шляхетскаго происхожденія съ трудомъ привыкали къ тому, чтобы признавать за мѣщанамъ право «*nenimem captivabimus*», недозволявшее произвольно задерживать мѣщанина, а тѣмъ менѣе наносить ему побой. Люблинскій магистратъ извѣщалъ Стражу о поступкѣ, позволившемъ, какъ свято соблюдали данныя мѣщанамъ права дворяне и военные. Въ Люблинѣ, во время засѣданій трибу-

нала, нѣкто панъ Домановскій, разсердившись на виноторговца Новаковскаго, сговорился съ офицерами расположеннаго въ городѣ отряда, съ вѣдома самого командира, черезъ посредство одного еврея, зазвалъ хитрымъ образомъ Новаковскаго въ домъ, принадлежавшій госпиталю св. Духа, и тамъ собственноручно избилъ ему кулаками лицо, а потомъ приказалъ жолнѣрамъ разложить его, всыпать нѣсколько сотъ нагаекъ и въ заключеніе, полуживого, выбросить вонъ изъ дому. Онъ не только не скрывалъ своего поступка, но еще хвастался имъ и говорилъ: «Я ничего не боюсь; эка важность; ну, придется посидѣть нѣсколько дней подъ арестомъ!» Когда мѣщане пожаловались на него въ гражданско-военную комиссію, онъ расхохотался, зная, что она всегда признаетъ его правымъ. Магистратъ послалъ въ командиру депутатовъ, нарочно возложивши это порученіе на шляхтичей, записавшихся въ мѣщанское званіе, чтобъ оградить ихъ отъ оскорбленій. Они замѣтили ему противозаконность поступка Домановскаго и жаловались на военныхъ, бывшихъ съ нимъ въ соумышленіи. «Панъ Домановскій прекрасно сдѣлалъ, что прочилъ этого шельму мѣщанинишву», связалъ командиръ, по фамиліи Левицкій. Депутаты отъ мѣщанъ связали: «Военные расположены въ нашемъ городѣ для того, чтобы охранять безопасность жителей, а не помогать насилію». Левицкій разсердился и грозилъ ихъ посадить до кошу (т. е. подъ арестъ, собственно *до кошу* значитъ упрятать въ коробокъ), и вѣрно исполнилъ бы угрозу, если бы депутаты не были шляхтичи; онъ все-таки выгналъ ихъ съ безчестіемъ. Въ городѣ Гомбинѣ случилось такое характерное событіе: военные, разставленные тамъ ради приведенія жителей къ послушанію, прибили жидавку. Мѣщане заступились за нее. Какой-то отважный мѣщанинъ Плуцинскій, уже прежде отличавшійся тѣмъ, что поджигалъ мѣщанъ стоять за себя, былъ и на этотъ разъ ихъ коноводомъ. Къ мѣщанамъ пристало нѣсколько бывшихъ въ городѣ крестьянъ, подъ руководствомъ нѣкоего Кострецаго. Схватили жолнѣровъ и отколо-тили ихъ, а самого капрала высѣкли на рынокѣ. Гражданско-военная комиссія присвоила себѣ право суда по этому дѣлу, военнымъ назначила легкій арестъ, которому они на дѣлѣ не подверглись, а на мѣщанъ наложила большую пеню, крестьянъ же приговорила къ тѣлесному наказанію. Кострецаго она присудила съчь батогами каждую пятницу по сту ударовъ, въ теченіи четырехъ недѣль. Плуцинскій заступился за крестьянъ и подалъ жалобу въ комиссію полиціи, а эта послѣдняя приказала выпустить арестованныхъ и запрещала гражданско-военной комиссіи брать на себя право суда надъ городами, которые,

по закону, въ судныхъ дѣлахъ подчинялись ассессорскому суду. Но гражданско-военная коммиссія не хотѣла повиноваться коммисіи полиціи и представляла, что она, состоя изъ шляхетства, избраннаго въ своемъ краѣ, имѣетъ равное значеніе съ коммиссіею полиціи. Это было прямо противъ устава, по которому гражданско-военная коммиссія зависѣла отъ правительственныхъ коммиссій въ соотвѣтствующихъ дѣлахъ. Выходилъ такимъ образомъ двойной административный безпорядокъ. Второстепенныя инстанціи вмѣшивались въ неподлежащія ихъ вѣдомству дѣла и въ то же время не хотѣли подчиняться высшимъ властямъ. Городъ Сьрадзь жаловался на велюнскаго старосту Мэнцинскаго, который, расположась съ отрядомъ войска въ городѣ, допускалъ своихъ жолнѣровъ до всякаго рода своевольствъ. «Жолнѣры — писали мѣщане — насильно распоряжаются въ нашихъ домахъ, берутъ насъ и сажаютъ подъ нары (pod gruce rakuja), даютъ пощечины, выбиваютъ зубы, бьютъ тростью (trcina). Одну женщину-торговку, напримѣръ, избили и засадили подъ нары за то, что не хотѣла продать жолнѣру табуку на прусскія деньги. Могутъ ли при такомъ состояніи подняться города и люди, приходящіе изъ-за границы для поселенія въ польскихъ городахъ, могутъ ли сносить такое обращеніе и нарушеніе законовъ?» Желаніе правительства, какъ можно болѣе привлечь новыхъ поселенцевъ изъ-за границы, осуществлялось, но дурно. Въ Польшу приходили изъ сосѣднихъ странъ разныя бродяги, люди дурного поведенія и дезертиры. Отсюда происходили недоразумѣнія. Люквезини нѣсколько разъ жаловался, что въ Польшу убѣгаютъ прусскіе военные дезертиры и преступники и требовалъ ихъ выдачи. Такія же заявленія поступали со стороны Австріи и Россіи. Польское правительство должно было исполнять эти требованія, но въ то же время невольно подрывало довѣріе къ своимъ уставамъ, обезпечивавшимъ свободу пришельцамъ вообще. Впрочемъ, эти пришельцы, приходя въ города, приносили имъ вредъ, а не пользу. Правительство, думая поощрить приходъ иноземцевъ, назначило ежегодный фондъ для пособія вновь поселявшимся: пришельцы брали деньги, проматывали ихъ, а потомъ оставались безъ средствъ. Правительство принуждено было давать предписанія принимать въ предѣлы Рѣчи-Посполитой желающихъ поселиться не иначе, какъ съ большою осторожностью. Не такъ скоро, по тому поводу, могъ разсѣяться фанатизмъ католиковъ и предубѣжденіе противъ иновѣрцевъ. Это показалось особенно по отношенію къ іудеямъ. Коллонтай сильно старался уравнивать іудеевъ въ мѣщанскихъ правахъ съ христіанами, тѣмъ болѣе, что іудеи предлагали за то пожертвованія въ пользу отечества. Самъ король былъ

съ нимъ согласенъ. Но мѣщане въ городахъ боялись расширеніи правъ іудеевъ. Изъ города Хенцинь прислана была въ Стражу замѣчательная просьба, какъ видно, писанная какимъ-то есендзомъ. Мѣщане умоляли не допускать до равенства правъ съ ними этотъ неопытный, мошенническій, неимѣющій никакихъ добрыхъ качествъ народъ («tego żydowskiego niechlujnego szacherskiego bez najmniejszej spoty będącego narodu»). «У нихъ напитки сѣверные, вѣсы невѣрные, товары негодные, залежалые, съ христіанами они не сходятся, въ браки съ ними не вступаютъ; деньги, которыя они получаютъ, расходятся только между ними, они много пріобрѣтаютъ и мало потребляютъ; ничего у католиковъ не покупаютъ; не заботятся объ украшеніи домовъ; въ приданое за дочерьми даютъ только деньги, а не вещи; они привели города въ упадокъ, сполли съ еругу и развратили христіанъ, принимаютъ вкраденныя вещи, возятъ контрабанду, дѣлаютъ фальшивую монету. Пусть прежде попробуетъ сеймъ перемѣнить ихъ дурныя нравы, а потомъ уже старается уравнивать ихъ въ правахъ съ христіанами. Трудъ будетъ напрасенъ, если Спаситель не могъ ихъ исправить и вѣдрилъ во всѣхъ народахъ непримиримую вражду въ нимъ, то сеймовыя чины, съ меньшею силою, чѣмъ Богъ, ничего съ ними не сдѣлаютъ». Эта записка доказывала, что если евреямъ даровать права, то это отвратитъ населеніе отъ конституціи 3 мая, вмѣсто того, чтобъ привязать къ ней. Убогая шляхта могла бы селиться въ городахъ и заниматься промыслами, но это будетъ невозможно: какъ только жиды получаютъ права, они всѣхъ подорвутъ; изъ городовъ будутъ бѣгать жители; торговля не поднимется, а упадетъ; городское населеніе не обогатится, а обнищаетъ.

Въ 1792 году поступило въ ассессорскій судъ отъ городовъ пятьсотъ четыре жалобы по поводу утѣсненій и своеволія владѣльцевъ и поссессоровъ, о чемъ Коллонтай уже въ началѣ іюня представилъ въ Стражу записку. Наибольше дѣлъ этого рода происходило въ южно-русскихъ земляхъ, въ воеводствахъ: брацлавскомъ, волынскомъ, кіевскомъ и подольскомъ. Къ обычному своевольству тамъ присоединялась ненависть къ православію и къ русскому народу. Жители города Кальниболота жаловались, что проходившій черезъ ихъ городъ намѣстникъ полка польной булавы послалъ четырехъ жолнѣровъ за членами магистрата, но члены, увидѣвши войско, разбѣжались; остался только одинъ, по имени Малиновскій. Намѣстникъ полка приказалъ отлупить его нагайками, приговаривая: «вы бунтовщики, рѣзуны, вотъ мы будемъ васъ бить и вѣшать». Городъ Смотричъ жаловался на старосту Потоцкаго, что онъ, въ противность закону, требуетъ отъ нихъ

поборовъ, посылаетъ казаковъ ихъ тиранить и бить; въ особенностн жаловались на его эконома Вилинскаго, который привелъ къ нимъ на эзекуцію казаковъ и сверхъ того набралъ шляхту изъ нѣкнхъ Потоцкаго; эта шляхта безчинствовала въ городѣ, крича, гонялась за мѣщанами, а самъ Вилинскій, стоя на рынкѣ съ обнаженною саблею, заохочивалъ шляхту къ безчинству и нество ругался. Рѣшенія ассессорскаго суда не исполнялись. На представленія объ этомъ Коллонтая послѣдовало рѣшеніе Стражи, чтобъ владѣльцы и поссессоры никакъ не смѣли требовать отъ мѣщанъ болѣе того, чѣмъ слѣдуетъ по люстраціи. Въ этихъ видахъ сложили, чтобъ ассессорскій судъ продолжалъ свою дѣятельность и на то время, когда ему по закону давалась вакація. Но такія мѣры только усилили число враговъ конституціи: тѣ владѣльцы и поссессоры, которымъ угрожало наказаніями правительството новаго порядка, увидали прекрасное средство избавиться отъ такихъ угрозъ, приставъ къ той силѣ, которая вступилась за старое.

Смотрѣвшіе со стороны безпристрастно на поляковъ не признавали никакого ручательства не только на выдержку, но даже и на долговременность борьбы съ Россією. Заемъ, предполагавшійся въ Голландіи, не удавался; голландцы, предостереженные Пруссіей, не дали Польшѣ денегъ, такъ какъ видѣли, что дѣло свое она проиграетъ. Въмѣсто желаемыхъ 30.000,000 злотыхъ, кредитъ РѢчи-Посполитой могъ дойти до 797,000 злотыхъ, изъ которыхъ 500,000 обѣщаль доставить, черезъ голландскаго банкира Гана, Протъ Потоцкій.

Польское войско доходило всего-на-все до 37,394 въ королевствѣ и до 16,245 въ Литвѣ, съ оставленіемъ гарнизоновъ въ городахъ (Варшавѣ, Краковѣ, Ченстоховѣ, Познанн и пр.), 15,000 оставлено было королю ¹⁾.

¹⁾ По комплекту 22 мая 1792 г., всего войска слѣдовало быть 98,551, а въ наличности 67,868, кавалеріи 21,304 и пѣхоты 46,523. Устройство его было такое: кавалеріи 16 полковъ народной кавалеріи, каждый полкъ изъ 2 хоругвей въ 83 ч. каждый, получающія плату, кромѣ ротмистровъ, служащихъ безплатно и кантонистовъ, ~~тѣхъ юслюдарскихъ~~, находившихся въ десятипятидневъ отпуску, 20 человекъ, всего въ хоругви 108, а въ полку 849; всего народ. кавалеріи 13,584. Одинъ полкъ коронной гвардіи изъ 8 хоругвей въ 65 ч., получающихъ плату и 20 отпускнхъ, всего въ хоругви 85, а въ полку 706; одинъ полкъ литовской гвардіи изъ 8 хоругв. въ 85, изъ въ полку 705; девять полковъ легкой конницы изъ 8 хоругвей полкъ, въ каждой хоругви 82, получающихъ плату, и отпускнхъ 20, всего 102, а въ полку 841; всего легкой конницы 7,569; два татарскихъ конныхъ полка въ 4 хоругви, каждая въ 122 ч., плату всего 500 ч.; два казацкихъ изъ 8 сотень, въ 123 ч. каждая, въ полку 30 ч. Въ пѣхотѣ три полка артиллеріи въ 212 ч., роты въ 105 ч., на службѣ и в отпуску 34, всего въ ротѣ 139; корпусъ инженеровъ изъ 6 бригадъ, всѣхъ 308; три

Коронное войско сосредоточивалось въ Украинѣ, подъ главнымъ начальствомъ Иосифа Понятовскаго, племянника королевскаго. Число войска у него были до 22,000. Другой корпусъ, подъ начальствомъ князя Любомирскаго, имѣлъ до 10,000. Кромѣ регулярнаго войска, въ украинскомъ обозѣ были два полка казацкіе, составленные изъ тамошнихъ русиновъ; это было красивое войско, одѣтое въ кармазиновые жупаны, въ черныя шаровары и въ черныя кунтуши, всѣ отличались природною красотою, статностію и чрезвычайно скорою понятливостію. Поляки, побиваясь украинцевъ и казацкаго духа, старались задобривать ихъ и манили возстановленіемъ казачества. Кромѣ казаковъ, опредѣлено было составить два полка изъ татаръ и два батальона охочихъ. Понятовскій приказалъ сдѣлать наѣздъ на волости Браницкаго и другихъ пановъ, признавшихъ конфедерацію, и забрать въ нихъ пушки, оружіе и привести въ армию ихъ надворныя команды насильно.

Начальство надъ литовскимъ войскомъ было поручено князю Александру Виртембергскому.

По замѣчанію иноземныхъ министровъ, наблюдавшихъ въ Польшѣ за ходомъ дѣлъ, войско польское было плохо обучено; полки были скудно комплектованы; такъ, напр., тамъ, гдѣ нужно было быть въ полку по два батальона, было по одному, въ кавалеріи были у многихъ плохія лошади, такъ, напр., по извѣстію генерала Сульковскаго, лично находившагося въ Литвѣ, изъ 6,400 лошадей 1,500 были негодны. Былъ недостатокъ шатровъ, аммуниціи и боевыхъ запасовъ. Въ литовскомъ войскѣ было всего у каждаго солдата по 60 патроновъ, и тѣмъ ограничивались боевые запасы; въ украинскомъ войскѣ было въ этомъ отношеніи также до того плохо, что впослѣдствіи, отступая передъ русскими, польскіе генералы должны были посылать въ Варшаву просить присылки снарядовъ по почтѣ. Въ литовскомъ войскѣ, которое при своей малочисленности должно было охранять длинную границу, было

роты повтоньеровъ въ 66, а съ отпускиими 96; два полка пѣшей гвардіи изъ 4 ротъ, каждый первый батальонъ гренадерскій, восемь ротъ фузильерскихъ, составляющихъ второй и третій батальоны, въ каждой ротѣ 122 состоящихъ на службѣ и 56 отпускиныхъ, всего 178, а въ полку 2,169. Двадцать пять пѣшихъ полевыхъ полковъ, каждый въ три батальона, въ 12 ротъ каждый, рота въ 122 ч., а съ отпускиими 178, въ полку 2,169 ч.; три батальона стрѣлковъ изъ 4 ротъ, каждая рота въ 131 ч. и десять батальоновъ легкой пѣхоты, которая должна будетъ формироваться во время войны. На содержаніе этаго войска рассчитано 46.638,127. Доведеніе войска до такого числа должно было совершиться рекруткою и вербовкою. Каждый наборъ, по разчисленію, долженъ былъ дать 17,308 ч. (Изъ Малой Польши 9,036, изъ Великой 2,524, изъ Литовскаго в. кн. 5,860, изъ мазовецкаго 888).

мало пушекъ, — всего было десять полевыхъ, съ тремя стами зарядовъ для каждой. Вообще артиллерія была въ дурномъ состояніи. 14-го мая, когда уже надобно было дѣйствовать противъ русскихъ, генералъ артиллеріи Казимиръ-Несторъ Сагга доносилъ правительству, что виленскій арсеналь совсѣмъ развалился; нѣтъ мѣста для ученія и самое ученіе не производится; нѣтъ также мѣста для склада пороха и дровъ. Онъ просилъ обратить на это вниманіе. Уже по объявленіи Булгаковскихъ деклараціи сдѣлано распоряженіе о постройкѣ новаго литійаго завода и о выпискѣ желѣзныхъ пушекъ изъ Англии. Это оправдывало какъ нельзя болѣе пословицу: когда на охоту пать, тогда и собакъ кормить. Въ доставкѣ фуража и съѣстныхъ припасовъ господствовалъ безпорядокъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были магазины, построенные на скорую руку, но далеко другъ отъ друга. Для продовольствія войска изъ каждой гражданско-военной комиссіи взяты были два комиссара, какъ люди спеціально знакомые съ дѣломъ и мѣстными условіями, но оказывалось, что они ничего не знали и не могли быть полезными. Не было ни подробныхъ картъ, ни описей народонаселенія, ни статистическихъ свѣдѣній; не назначено было тарифа по справочнымъ цѣнамъ. Управляющіе панскихъ имѣній, обыватели и поссессоры не слишкомъ поддавались увѣщаніямъ правительства изъ любви къ отчизнѣ доставлять въ польское войско запасы и все необходимое по установленнымъ сходнымъ цѣнамъ, притомъ безъ денегъ, по квитанціямъ въ счетъ будущей уплаты, тогда какъ они могли продавать тоже самое еврей дороже и за чистыя деньги. Въ то время поднялась чрезвычайно цѣна на лошадей къ ущербу для польской кавалеріи, отъ того, что евреи скупали ихъ и продавали за границу — т. е. русскимъ. Обыватели говорили, что они охотнѣе принесутъ за отечество жизнь, чѣмъ достоиніе (*życie wszystkich jest gotowe, a majątek nie*). Такъ прямо отвѣчала одна гражданско-военная комиссія Понятовскому словами обывателей своего вѣдомства. Впрочемъ, Понятовскій давалъ необдуманна, а потому неудобно-исполнимыя требованія. Такъ, на примѣръ, въ концѣ мая онъ потребовалъ съ кременецкаго и надслуцкаго повѣтовъ для отправки въ Полонное, гдѣ закладывалъ главный магазинъ, такое огромное количество мяса, хлѣба, крупъ, сѣна, соломы, дровъ, что кременецкая гражданско-военная комиссія поставила ему на видъ то обстоятельство, что для отправки всего этого нужно было 158,738 подводъ, а въ двухъ повѣтахъ всѣхъ дымить, съ которыхъ только можно было взять подводы, считалось 42,855, не говоря уже о томъ, что самый сборъ запасовъ требо-

валь времени. Другая коммиссія, сендомирская, на требованіи военныхъ начальствъ о доставкѣ провіанта и фуража для войска отвѣчала, что обыватели не слушаются ея предписанія и не хотятъ давать войску ничего даже за чистыя деньги. У гражданско-военныхъ коммиссій не было средствъ принудить къ послушанію владѣльцевъ, и поэтому ихъ предписанія исполнялъ только тотъ, кто хотѣлъ. При этой безалаберщинѣ, однако, обозъ Понятовскаго вначалѣ не терпѣлъ недостатка, край, гдѣ онъ стоялъ, былъ изобилень, но ничего не было прочнаго, сегодня могло быть черезчуръ много, такъ что дѣвать некуда, завтра — недостатокъ.

Войско пополнялось охотниками, которые вичились своимъ патріотизмомъ, но къ дѣлу эти охотники не годились; иные изъ нихъ вовсе не умѣли взяться за оружіе и большая часть приходила въ такомъ видѣ, что имъ надо было давать не только оружіе, но даже обувь. Притомъ, они только назывались охотниками, а многіе изъ нихъ забраны были насильно. При неустройствѣ полиціи, рекрутовка подавала поводъ къ беспорядкамъ и своевольствамъ. Лица, занимавшіяся вербункою, нагло вламывались въ дома обывателей, и вербовали даже прислугу; по замѣчанію англійскаго посланника, даже помѣщенія иностранныхъ пословъ не были отъ этого обезпечены.

Народъ совсѣмъ не стремился въ ряды защитниковъ отечества, какъ писали патріотическіе риторы, а напротивъ разбѣгался и прятался, какъ только слышалъ зловѣщій бубень вербовщиковъ. За то, для поощренія храбрости, выдумали особый орденъ: — на голубой эмали въ срединѣ вѣнца изображеніе золотого креста съ бѣлымъ орломъ посрединѣ и съ надписью: *virtuti militari*; его слѣдовало носить на голубой лентѣ съ чернымъ краемъ. Четыреста такихъ крестовъ прислано было въ украинскій обозъ съ самаго начала. Офицеры и генералы, какъ по замѣчанію иноземцевъ, такъ и по признанію самихъ участниковъ, были мало способны и неопытны, кромѣ одного Костюшки, пріобрѣтшаго опытность и искусство въ американской войнѣ.

Но всего болѣе лишала Польшу надеждъ деморализація ея передовыхъ людей, начиная съ короля и кончая патріотически увлекавшеюся шляхтою. Король прежде всего думалъ о себѣ. Изнѣженный, женолюбивый и ослабѣвшій отъ лѣтъ, онъ подчинялся кружку патріотовъ только до тѣхъ поръ, пока они дѣйствовали на него: онъ держался конституціи болѣе по узкимъ эгоистичнымъ цѣлямъ, надѣясь, что нація заплатитъ его долги, обезпечитъ старость, дастъ средства устроить родныхъ и близкихъ. Если онъ съ перваго раза не измѣнилъ конституціи, то потому, что, не-

смотря на жесткое обращеніе Пруссіи, онъ воображалъ и надѣлся, что, быть можетъ, все-таки Пруссія, увидя перевѣсъ Россіи въ Польшѣ, заступится за послѣднюю ради собственной безопасности, но уже при самомъ началѣ войны, восхищая патриотомъ своею готовностью воевать противъ москалей, Станиславъ-Августъ подумывалъ, какъ бы открыть себѣ дорогу къ примиренію съ Екатериной, въ случаѣ неудачи, которая была очевидна для всякаго, кто взвѣшивалъ обстоятельства холоднымъ разсудкомъ. Въ Стражѣ были благопріятели Россіи и заискивали у Бугакова расположенія. Въ войсковой комиссіи были также тайные доброжелатели Россіи.

Около короля составилъ военный совѣтъ, завѣдывавшій дѣлами войны и снаряженіемъ арміи. Главою въ немъ былъ Станиславъ Потоцкій, получившій, послѣ осужденія Щенснаго Потоцкаго, чинъ генерала артиллеріи. Кромѣ его, туда входили четыре маршала: два сеймовыхъ, два маршала конфедерации и нѣсколько извѣстныхъ военныхъ особъ; но засѣданія этого военного совѣта дозволялось посѣщать всѣмъ членамъ бывшаго сейма. Отъ этого все, что тамъ дѣлалось, не могло сохраниться въ тайнѣ, и все, что задумывало польское правительство въ ходѣ военнаго дѣла, дѣлалось извѣстно русскимъ. Въ государствѣ тайныхъ недоброжелателей конституціи и приверженцевъ стараго анархическаго порядка было черезчуръ много; всѣ, пока, принуждены были молчать, когда ихъ за противодѣйствіе могли усмирить польскимъ войскомъ, но они готовы были тотчасъ поднять высоко головы и заговорить, увидя, что за нихъ явилась вооруженная сила. Они не воображали, что конецъ шляхетскаго государства приближается; они думали, напротивъ, что оно закрѣтитъ и разцвѣтетъ съ возвращеніемъ того, въ чему уже, въ продолженіи многихъ поколѣній, оно привыкло. Наконецъ, какъ всегда и вездѣ бываетъ, здѣсь много было такихъ, которые мало интересовались судьбою государства: будетъ ли въ Польшѣ конституція 3-го мая, или какая другая, они готовы были призвать и то, и другое, и третье, что посильнѣе. Громада простого сельскаго народа и значительная часть городского была равнодушна къ переворотамъ, происходившимъ съ тою страной, гдѣ чувствовалась равнымъ образомъ только тягость близкаго знакомства съ воюющими арміями, — какъ съ польскою, такъ и съ русскою. Для этой громады было все равно, Польша ли останется, или Россія завоюетъ Польшу, потому что существованіе Польши не представляло для нея ничего отраднаго, и потому, кто бы ни овладѣлъ Польшею, ей хуже не могло быть. Что касается до русскаго народа въ южныхъ провинціяхъ, то

онъ радовался, чувствуя, что исполняется его давнее желаніе поступить подъ власть единовѣрной Россіи, и надѣялся, что судьба его облегчится. 20-го мая, изъ кievскаго воеводства земанскій судья Головинскій доносилъ, что обыватели не въ силахъ доставить изъ своихъ имѣній рекрутъ, потому что *духи російскіе* привлекли на свою сторону крестьянъ надеждою свободы и они примутъ москалей не какъ враговъ, а какъ друзей, будучи съ ними одной вѣры. 30-го мая изъ Украины доносили, что обыватели въ страхѣ бѣгутъ съ своими семьями и имуществами въ Австрію, опасаясь не столько москалей, сколько собственныхъ хлоповъ (*nie tak moskalów jak własnych chłopów obawiają się*). Въ такомъ положеніи Польша, предоставленная собственнымъ силамъ, выходила на роковую борьбу съ Россією.

V.

Вступленіе русскаго войска. — Тарговицкая конфедерація ¹⁾.

День, въ который, по составленному заранѣ разсчету, Булаговъ вручилъ декларацію своей государыни, былъ тотъ самый день, когда войска императрицы вошли въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Русскія силы двинулись изъ Бессарабіи въ польскую Украину въ числѣ 64,000 подъ начальствомъ генераль-аншефа Каховскаго, четырьмя отдѣлами. Первый отдѣлъ (23,600), подъ начальствомъ Голенищева-Кутузова, перешелъ границу черезъ Днѣстръ у Могилева; второй (17,400), подъ командою Дунина, черезъ ту же рѣку у Сороки; третій, составлявшій центръ арміи, подъ начальствомъ генерала Дерфельдена (11,200), перешелъ въ польскія владѣнія черезъ рѣку Бугъ у Ольвиополя; четвертый (11,600), генерала Леванидова, двинулся въ польскую Украину изъ Василькова. Число конницы въ сравненіи съ числомъ пѣхоты составляло немного болѣе третьей части всего войска ²⁾. Планъ, избранный русскими (по предназначенію генерала Пистора), состоялъ въ томъ, чтобы окружить со всѣхъ сторонъ польскую армію, что было удобно именно потому, что польская армія была малочисленнѣе русскою. Польское войско раздѣлилось на отряды. Отрядъ подъ начальствомъ Вьельгорскаго былъ у Чечельника, другой, Грохольскаго, сторожилъ рус-

¹⁾ См. ист. № 86.

²⁾ Въ первомъ корпусѣ 1,600, во второмъ 4,300, въ третьемъ, наиболѣе богатомъ конницею, 4,600, а въ послѣднемъ 3,500.

скихъ у Могилева, третій отрядъ подѣ начальствомъ Костюшки, поставленъ былъ на границѣ со стороны Кіева. Понятовскій расположилъ центръ своего войска по квартирамъ около Таврова, Немирова, и Браслава.

Русскіе знали очень хорошо, что происходило въ польскомъ лагерѣ, имѣли у себя точное расположеніе польскаго войска и арагѣ рассчитывали на успѣхъ. Кутузовъ шелъ на Винницу, Дунинъ на Немировъ; Леванидовъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Костюшки, побѣдивъ его, пройти черезъ Бердичевъ и Махновеу къ Винницѣ, и тамъ соединиться съ Кутузовымъ; они такимъ образомъ обошли бы непріятельское войско, а Дерфельденъ шелъ прямо на непріятеля и велъ съ собою реконфедерацию, которой роль состояла въ томъ, чтобы подѣ прикрытіемъ русскаго войска устроить на Украинѣ старую республиканскую Польшу, въ противность новой, конституціонной, образовавшейся въ Варшавѣ, и сдѣлаться ядромъ, къ которому должны приставать недовольные новизною. Другое русское войско, подѣ главнѣмъ предводительствомъ генерала Кречетникова, вторгнулось въ Литву. Оно было раздѣлено на четыре отдѣла. Два первые, князя Долгорукова (9,000) и Симона Коссаковскаго (8,300), должны были слѣдовать прямо на Вильну, столицу великаго княжества Литовскаго, третій, подѣ начальствомъ графа Меллина (6,400), шелъ на Минскъ, четвертый, барона Ферзена и Кнорринга (8,300), на Несвижъ и на Гродно. Противъ нихъ въ защиту поляки поставили 15,000 войска, но въ самомъ дѣлѣ подѣ ружьемъ у нихъ столько не было, такъ что можно было считать отъ 10,000 до 12,000 человекъ. Начальство надѣ ними поручено было принцу Виртембергскому, но вскорѣ перехватили письмо его прусскому королю, гдѣ онъ, какъ братъ жены русскаго наследника престола, изъявлялъ нехоту драться противъ Россіи за Польшу. Принцъ долженъ былъ поспѣшно оставить свой постъ и уйти изъ Польши. Въмѣсто него король далъ главную команду генералу Юдицкому, человеку неспособному.

На челѣ конфедератовъ были Щенскій Потоцкій и Северинъ Ржевускій. Северинъ Ржевускій въ молодости, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ Вацлавомъ, арестованный въ ночь съ 13-го на 14-го октября 1767 года, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Калугѣ и, по возвращеніи въ отечество отличался ненавистью и злобою къ Россіи. Первый раздѣлъ Польши выводилъ его изъ себя. Его любимую идею было поднять Польшу, за возвращеніе отнятыхъ земель, произвести всеобщую войну. Онъ заводилъ тайныя клубы, съ цѣлью образовать заговоръ. Удалившись въ Галицію, онъ успѣлъ составить большой кружокъ недовольныхъ и затѣвалъ

возстаніе, думая воспользоваться тѣмъ случаемъ, что австрійское правительство занято было укрощеніемъ возстанія въ своихъ бельгійскихъ провинціяхъ. Но вѣнскій дворъ узналъ объ этомъ во время. Ржевускій долженъ былъ бѣжать. Въ Польшѣ онъ вооружалъ соотечественниковъ противъ Россіи. Когда еще въ провинціяхъ Рѣчи-Посполитой находилось русское войско, Ржевускій кричалъ, что полякамъ слѣдуетъ собраться и перерѣзать его. Гордый, необузданный въ страстяхъ, самолюбивый и впечатлительный, пылкій и неразумительный, — это былъ человекъ всегда готовый увлечься и вести дѣло до крайности, но на первомъ планѣ у него, какъ вообще у польскаго пана, стояло собственное честолюбіе и своеворытіе. Сперва онъ началъ бороться перомъ противъ распространившейся мысли о спасительности наследственнаго правленія для Польши, и издалъ известное сочиненіе о *суццессіи*. Конституція 3-го мая задѣла его за живое. Онъ не могъ, какъ и другіе, вынести паденія, которое угрожало магнатству, а еще болѣе собственнаго униженія, которое постигало носимый имъ санъ польнаго гетмана послѣ преобразованій, сдѣланныхъ въ военномъ управленіи. Врагъ Браницкаго, врагъ Щенснаго Потоцкаго, онъ сошелся съ ними ради общаго для всѣхъ дѣла; врагъ Россіи, онъ теперь для этого же дѣла опирался и на ея помощь. Изъ всѣхъ пановъ конфедераціи никто менѣе его не былъ способенъ видѣть дальнѣйшихъ послѣдствій того, на что онъ рѣшался; у него болѣе, чѣмъ у другого, бурная страсть заглушала разсудокъ. Подъ воноводствомъ такихъ лицъ недовольные, шедшіе съ русскими войсками, остановились въ Тарговицѣ и здѣсь положили станъ своей конфедераціи 18 мая.

Конфедераціи въ Польшѣ издавна были обычнымъ явленіемъ; это была одна изъ самыхъ гибельныхъ язвъ, заражавшихъ и умерщвлявшихъ польскую державу. Понятно, что какъ скоро установилось понятіе, что конфедерація есть не бунтъ, а легальное, справедливое явленіе политической жизни, такъ исчезло различіе между законною властью и мятежническимъ свопищемъ. Конфедерація, появляясь въ Рѣчи-Посполитой, считала себя законною властью, а прежнюю, существующую и признаваемую выставляла незаконною, требовала отъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, войска и частныхъ лицъ покорности и присяги на вѣрность себѣ. Настоящая конфедерація устроена была по общему образцу, существовавшему въ давнія времена. Избранъ былъ начальникъ или маршалъ конфедераціи. Имъ былъ Щенсный Потоцкій. Около него были совѣтники (*consiliarze*): ими были въ Тарговицѣ изъ первыхъ великій гетманъ Францискъ-Ксаверій

Браницкій, польный гетманъ Северинъ Ржевускій, перемышльскій каштелянъ князь Антоній Четвертинскій, червоноградскій хорунжій Юрій Виельгорскій, брацлавскій хорунжій Адамъ Можежскій, владимирскій подчашій Янъ Загорскій, цеховскій войскій Янъ Сухоржевскій, полковникъ коннаго полка польной буммы Михаилъ Кобылецкій, воеводичъ подольскій Янъ Свѣйковскій, ловчій черниговскій Францишевъ Гулевичъ. Браницкому и Ржевускому поручалось, сообразно занимаемымъ ими должностямъ, номинальное начальство надъ войскомъ. Они должны были привести все польское войско къ присягѣ конфедераціи. Объявлены неприятелями отечества всѣ тѣ, которые, находясь въ военной службѣ, не покорятся приговору конфедераціи; для того, чтобы приступившіе къ конфедераціи не были отвлекаемы позывами въ судъ, приказывалось трибуналамъ, коммиссіямъ и всякаго рода судебнымъ учрежденіямъ прекратить свое судопроизводство до водворенія спокойствія въ Рѣчи-Посполитой. Въмѣсто нихъ должны были учредиться суды конфедераціи для осужденія государственныхъ преступленій, которыми на языкѣ конфедераціи называлось несогласіе приступить къ конфедераціи. Способъ распространенія конфедераціи состоялъ въ томъ, что вслѣдъ за главною генеральною конфедераціею должны были образовываться провинціальныя конфедераціи по воеводствамъ, съ воеводскими маршалами и совѣтниками, пока такимъ образомъ всѣ части Рѣчи-Посполитой не приступятъ къ главной конфедераціи. Сеймъ, создавшій конституцію 3-го мая, объявленъ насильственнымъ и самымъ актомъ составленія конституціи названъ заговоромъ; конфедерація объявляла всѣ постановленія этого сейма незаконными и недействительными; всѣмъ сенаторамъ, министрамъ и сеймовымъ посламъ вмѣнялось въ обязанность въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ гродскомъ или земскомъ судѣ учинить отреченіе (рецесъ) отъ конституціи и всѣхъ постановленій сейма, и пристать къ конфедераціи; если же кто не поступитъ такимъ образомъ, тотъ будетъ судимъ судомъ генеральной конфедераціи и лишень чести и имущества, какъ неприятель отечества, покушавшійся ввергнуть его въ рабство. Маршалъ и совѣтники составили форму присяги и произнесли ее первые сами. Устроена была для дѣлопроизводства канцелярія. Первымъ дѣломъ учрежденной конфедераціи было составленіе и опубликованіе универсала къ народу. Въ немъ коротко излагалась исторія бывшаго четырехлѣтняго сейма и дѣятельность его представлялась въ самомъ черномъ видѣ. Универсалъ этотъ, восходя къ 1787 году, находитъ, что въ то время все склонялось къ тому, чтобы обезпечить свободу, вѣрность и счастье Рѣчи-Посполитой. Если

бы въ тѣ времена все дѣлалось по желанію цѣлаго народа, котораго выразилось на сеймикахъ, предварявшихъ сеймъ 1788 года, Рѣчи-Посполитой царствовала бы законная свобода; но, къ несчастію, люди властолюбивые и коварные, у которыхъ свобода была только на устахъ, а не въ сердцѣ, допущены были къ руководству надъ учредительными работами. Они ввели въ позоръ зрѣніе у доброжелательныхъ гражданъ людей, которые бы могли предостеречь отъ зла, внушили народу желаніе переменъ, и пустили въ народѣ фальшивый страхъ объ опасности извнѣ; когда кончилось время ихъ послѣванія, они, боясь, чтобы народъ не выбралъ другихъ представителей, незаконно присвоили себѣ продолженіе своей должности, только для вида допустили съ собою сидѣть новымъ посламъ; сдѣлали народу запросъ о значеніи преемника живому королю, и когда девять частей народа въ инструкціяхъ своихъ выразительно объявили желаніе вольнаго избирательства, они, вида, что шляхетство препятствовало ихъ замысламъ, отстранили отъ преимуществъ шляхетскаго званія шляхту, не владѣвшую недвижимыми имуществами, а противъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ возбуждали ненависть, называя ихъ аристократами, и все-таки не въ силахъ будучи обмануть шляхетство, употребили мѣщанъ и посольство орудіями для наживенія оковъ на цѣлый народъ, выставили несчастный примѣръ Парижа образцомъ для польскихъ городовъ; позаимствовали, по берлинскому образцу, модные клубы, и чтобы не дать пройти обществу, выбравъ время, когда послѣ вакантнаго времени многи послы, разѣхавшіеся по провинціямъ, хотѣли возвратиться иначе, какъ по прошествіи первой недѣли послѣ ваканціи, и священной экономическимъ предметамъ, совершили злодѣйскую замысль 3-го мая, подъ страхомъ орудій, вывезенныхъ безъ дома войсковою комиссіею, наполнили замокъ и его окрестности посольствомъ, однихъ возбуждали защищать друзей-мѣщанъ, другихъ будто бы хотѣли противники убить; другихъ напугали фальшивыми или же нарочно сочиненными депешами, будто присланными отъ министровъ иностранныхъ дворовъ; третьи подстрекали жаждою приобрѣтеній. «Почтенная законодательная Изба—выражается универсаль—наполнилась наведенною толпою обителемъ польскихъ королей, гдѣ нѣкогда была глава и твердыня Рѣчи-Посполитой, осаждена была сволочью; проеетъ перешеекъ въ законъ безъ обсужденія, безъ повѣрки большинства мнѣній балотировкою, былъ выкрикнутъ толпою, а не признанъ законнымъ порядкомъ членами сейма, которыхъ было мало; король въ костелѣ присягнулъ конституціи 3-го мая, нарушилъ святость присяги давной на соблюденіе условій, съ которыми о

былъ избранъ на престолъ; затѣмъ принудили присягнуть на гибель отечества магистратуры и войско, подѣ страхомъ потери должностей и чиновъ, постановили преслѣдовать судомъ и войсками тѣхъ, которые не хотѣли присягать новой конституціи и такимъ образомъ шестьдесятъ тысячъ войска, приготовленнаго на защиту отечества, стали орудіемъ деспотизма, а сеймъ, избранный по закону только на шесть недѣль, присвоилъ себѣ постоянное управленіе страной, продолжая незаконно свои занятія уже три съ половиною года. Ставили сейму въ вину, что онъ запретилъ конфедерацію, какъ единственное средство освободить отъ него край, хотя самъ имѣлъ форму конфедераціи, и въ добавокъ хотѣлъ впутать Польшу во вредную войну съ Россією.

Противъ этихъ - то исчисленныхъ несправедливостей протестовала новообразованная конфедерація, и гласила въ своемъ универсалѣ, что она составилась по порученію шляхетства, оставнагося въ домахъ своихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявляла намѣреніе остаться при прежнемъ республиканскомъ правленіи, избирательствѣ королей, при томъ строѣ, который былъ нарушенъ распоряженіями сейма. «Но какъ Рѣчь-Посполитая—сказано было въ концѣ универсала—находясь въ рукахъ угнѣсителей, не можетъ освободиться отъ нихъ собственною силою, то намъ ничего иного не оставалось, какъ обратиться съ довѣріемъ къ великой Еватеринѣ, которая съ такою славою царствуетъ надъ народомъ, намъ дружелюбнымъ и союзнымъ, надѣясь равно на великодушіе этой великой монархини, какъ и на договоръ, обязывающій ее въ отношеніи Рѣчи-Посполитой. Желаемъ, чтобы Рѣчь-Посполитая всегда была самостоятельна, независима, цѣла въ своихъ границахъ, какъ отъ вѣковъ она была ни отъ кого независима и не была ничьею собственностью, ничьимъ наслѣдіемъ; желаемъ такой свободы, какая свойственна народу нашему; и прежде наши отъ вѣковъ жили въ свободѣ, и мы свободными родились, свободными хотимъ и умереть; желаемъ утвердить у себя республиканское правленіе, потому что къ иному не можемъ привыкнуть и всякое другое принесло бы намъ разореніе; желаемъ внутренняго спокойствія и непреложнаго мира съ сосѣдями; ищемъ благосостоянія и безопасности нашихъ имуществъ, а не волненій и мѣтъ. Вотъ наши намѣренія, для ихъ-то исполненія мы обратились къ помощи великой государыни, которая, будучи украшеніемъ и славою нашего вѣка, столь же гнушается подлымъ коварствомъ и хитрыми кознями, сколько умѣетъ цѣнить счастье народовъ и готова подавать имъ руку помощи».

Было много правды въ томъ, что говорилось въ этомъ универсалѣ о четырехлѣтнемъ сеймѣ, и о способахъ проведенія

конституціи. Трудно было бы рѣшать, какая изъ конфедерацій была законнѣе, тарговицкая или та, которая произвела реформы въ Варшавѣ. Тарговицкая была консервативна, не думала производить насильственныхъ переворотовъ въ организациі края, довольствовалась издавна существовавшимъ, а это оправдывало ее въ ту эпоху, когда вообще смѣлыя и рѣшительныя реформы наводили страхъ подобіемъ съ французскою революціею. Впослѣдствіи, исторія заклемила ее позоромъ и проклятіемъ, какъ главную виновницу послѣдовавшаго вслѣдъ за нею паденія Польши, но правду сказать, она не виновнѣе въ этомъ прежней конфедераціи, создавшей конституцію 3-го мая. Печальный исходъ событій этой эпохи не можетъ падать исключительно на нее одну; если она призвала Россію къ роковому вмѣшательству въ дѣла своего отечества, то въ этомъ виновата равнымъ образомъ и противная сторона, которая, легкомысленно раздраживъ Россію, дала поводъ къ такому призванію. Все равно — призвала бы Россію какая-нибудь конфедерація на помощь или не призвала, — русская императрица нашла бы поводъ вмѣшаться въ польскія дѣла: она не простила бы полякамъ ихъ договора съ Турціею, ихъ дружбы съ Пруссіею въ надеждѣ европейской войны противъ Россіи, рѣзкихъ и оскорбительныхъ выходовъ, какія позволяли себѣ на сеймѣ послы противъ русской государыни и ея державы, гоненія православной вѣры, казни невинныхъ офицеровъ — подданныхъ російской императрицы, арестованія русскаго архіерея, клеветы на него и на русское духовенство и преобразованія правленія безъ согласія съ Россіею. Русская императрица, въ видахъ безопасности своего государства, никогда бы не допустила зависѣвшую отъ нея Польшу сдѣлаться независимою и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебною для Россіи державою. Тарговичане конечно не предвидѣли, что непосредственнымъ слѣдствіемъ появленія ихъ конфедераціи будетъ дѣлежъ отечества, также, какъ и противники ихъ не предвидѣли, что всѣ ихъ блестящіе планы пишутся на песокъ и уничтожатся отъ перваго дуновенія сѣвернаго вѣтра. Близорукость у обѣихъ сторонъ была одинакова. Нельзя ставить исключительно въ вину тарговичанамъ, что они обратились къ сосѣдямъ: противники ихъ тоже дѣлали, во время своихъ государственныхъ работъ находясь на привязи у Пруссіи; они и теперь умоляли ввести въ польскія владѣнія прусскія войска; — только разнича была та, что имъ не дали чужихъ войскъ, а тарговичанамъ ихъ дали. Тарговичанамъ ставили въ упрекъ то, что они стояли за старую анархію, приведшую Польшу на край гибели. Но она имъ не казалась такою. Прежній строй былъ имъ милъ и дорогъ, какъ наслѣдіе предковъ,

атмосфера, въ которой они родились и воспитались. Ни притомъ не даетъ права утверждать, чтобы то, что вымыслили ихъ противники, было такъ превосходно на дѣлѣ, какъ и на бумагѣ. Ихъ полулиберальныя мѣры, приправленныя громкими фразами, въ силу непреложныхъ законовъ движенія обществъ, должны были открыть дорогу къ кровавымъ внутреннимъ потрясеніямъ. Разказы, которые распускали сторонники конституціи о всеобщемъ сердечномъ принятіи народомъ новаго порядка вещей, были преувеличены; восторгъ о возрожденіи отечества выражался только заздравными попойками, потѣшными кистями и огнями; большая часть польской публики казалась на сторонѣ переворота единственно потому, что это возрожденіе давало поводъ къ житейскому разнообразію и приятнымъ ощущеніямъ; увлеченіе новизною было возможно только въ тѣхъ поръ, пока эта новизна не успѣла стать слишкомъ чувствительною для выгодъ и привычекъ шляхетства; при ближайшемъ сопоставленіи съ дѣйствительностію оппозиція должна была проявиться неизбежно, и если бы тарговицкая конфедерація не получила помощи отъ Россіи, оппозиція, возрастая, явилась бы болѣе или менѣе въ увеличенномъ размѣрѣ, искала бы себѣ новыхъ путей, привлекала бы къ себѣ доброжелателей и употребляла бы всевозможныя усилія не допустить новую конституцію стать на общественной почвѣ; да если бы эта конституція и восторжествовала надъ оппозиціею и старымъ порядкомъ, то все-таки неизбежно было впоследствии возстаніе крестьянъ, борьба нешляхты со шляхтою, упорная защита своихъ правъ со стороны шляхты и, слѣдовательно, внутреннее междоусобіе. Этого явленія невозможно было никакъ предотвратить; пришлось бы кончать тѣмъ, чѣмъ не начали и съ чего слѣдовало начинать. Но тогда уже было бы поздно; внутренними усобицами пользовались бы внѣшнія силы. Да и безъ того, брошенное въ себѣ и нерѣшенное дѣло о наслѣдствѣ, неминуемо навлекло бы на Польшу иноземное вмѣшательство и стало бы причиною раздоровъ и разорительныхъ войнъ. Партія 3-го мая, несмотря на свои наружныя подвиги, отнюдь не упрочивала въ Польшѣ на будущее время порядка. Если противники этой партіи держались старой анархіи, то она сама вела къ новой; она не отклоняла отъ Польши печальной возможности быть игрушкою сосѣдей, съ этою разницею, что прежде пагубное вмѣшательство сосѣдей и междоусобій вращались около вопроса объ избраніи короля, а теперь средоточіемъ ихъ дѣлался вопросъ о томъ, въ кому перейдетъ наслѣдственное правленіе въ Польшѣ; а какъ вслѣдствіе важнѣе и заманчивѣе избранія по жизни, и притомъ

еще не существовало никакого неоспоримаго права наслѣдства еще ни для кого, то естественно, сосѣди, руководствуясь каждый исключительно своими видами, старались бы или не допустить чужихъ принцевъ до польскаго наслѣдственнаго престола, или пособить своимъ сѣсть на немъ. Въ самой Польшѣ, конечно, тогда образовались бы стороны, придерживающіяся, ради своихъ выгодъ и видовъ, того, другого или третьяго изъ претендентовъ; вопросъ усложнился бы и запутался бы до того, что въ концѣ концовъ все-таки сосѣди порѣшили бы сдѣлать то, что они сдѣлали — уничтожить самостоятельность Польши и раздѣлить ее между собою. Нѣтъ ничего легкомысленнѣе фразъ, повторявшихся нѣсколько разъ поляками, а за ними и писателями другихъ народовъ, что Польша съ конституціею 3-го мая могла бы возродиться къ иной жизни, если бы ей не помѣшали извнѣ. Она никакъ не могла избѣжать внѣшняго вмѣшательства, когда самое это возрожденіе предпринято по внушеніямъ, подстрекательствамъ и ободренію одной державы съ тѣмъ, чтобъ избавиться отъ давленія другой. Въ обществѣ человѣческомъ, какъ въ природѣ, пустоты не терпится; какъ скоро какой-нибудь народъ не показываетъ силы и умѣнья поддержать и сохранить у себя государственную связь, такой народъ неизмѣнно долженъ войти въ составъ другихъ государствъ. Разлагающееся государство, въ такомъ случаѣ, дѣлается обыкновенно добычею другихъ не сразу; сперва сильныя, не покоряя слабыхъ оружіемъ окончательно и не лишая ихъ формъ государственной самостоятельности, оказываютъ надъ слабыми вліяніе, приобрѣтаютъ отъ этого вліянія для себя выгоды, привыкаютъ къ такимъ отношеніямъ и считаютъ ихъ своимъ достояніемъ по праву, готовы защищать это право и не вынуждать его изъ рукъ. Въ такомъ случаѣ стремленіе слабого государства къ возрожденію и къ самоусиленію невольно бываетъ въ ущербъ сильному и возбуждаетъ его противодѣйствіе; а какъ слабый съ сильнымъ не сладитъ, то попытки перваго къ приобрѣтенію независимости ведутъ его обратно къ большей зависимости отъ другого, и наконецъ доводятъ до покоренія и уничтоженія. Слабый можетъ въ такомъ случаѣ спасти себя только заступничествомъ другихъ сильныхъ, но какъ ничего на свѣтѣ не дѣлается безъ вознагражденія, то естественно, что спасители въ свою очередь пожелаютъ выгоднаго для себя покровительства надъ слабымъ, а такое покровительство можетъ, въ свою очередь, возрасти, смотря по обстоятельствамъ, до полнаго подчиненія и покоренія. Польша по своей слабости уже подпала въ известной степени подъ зависимость отъ Россіи и уже утратила часть земель своихъ. Чтобы ей возродиться, нужно было освѣ-

боднѣя отъ Россіи, а для этого нужна была чужая сила. Польки хотѣли опираться на Пруссію, но Пруссія требовала уже себѣ выгоды въ ущербъ Польши, и совершенно справедливо, ибо не могла защитить ее иначе, какъ выдержавъ борьбу съ Россіею; должна же была Пруссія вознаградить себя за это, а вознаградить себя она не могла иначе, какъ только на счетъ Польши. Да и малая другая держава, рѣшившись помочь Польшѣ, не могла бы этого сдѣлать иначе, какъ имѣя въ виду вознагражденіе за свои траты и усилія, и этого вознагражденія скорѣе всего искать пришлось бы ей на счетъ той же Польши. Разныя гарантіи независимости Польши, въ родѣ бишофсвердеровскихъ договоровъ и пильницкихъ свиданій, были только временныя мѣры. Легко было написать на бумагѣ взаимное условіе, чтобы Польша была независима, но на дѣлѣ трудно было выполнить это, потому что Польша собственно слабостію побудила бы сосѣдей иѣшиваться въ ея дѣла и имѣть на нее вліяніе, которое было бы для сосѣдей выгодно и заманчиво. Государство уважается только тогда, когда оно само не обращается къ чужимъ съ заявленіемъ своего безсилія и не нуждается въ чужихъ болѣе того, сколько само имъ дать можетъ.

Польша въ своемъ положеніи могла быть безопасна отъ сосѣдей и возрождаться независимо отъ нихъ развѣ тогда только, когда бы не имѣла вовсе сосѣдей, помѣщалась бы на какомъ-нибудь островѣ, отдѣляясь бы отъ другихъ государствъ горами и степями, или же, еслибъ она по какимъ либо инымъ причинамъ была никому неподручна, такъ что обладаніе ею не возбуждало бы въ сосѣдяхъ зависти и надеждъ на выгоды.

Такимъ образомъ несправедливо будетъ считать за тарговицкими исключительнo вину, препятствовавшую Польшѣ возродиться. Конституція 3-го мая во всякомъ случаѣ не могла ее возродить. Оставивъ крестьянъ подъ гнетомъ владѣльцевъ, ограничившись нѣсколькими благородными фразами въ ихъ пользу и приготавливая въ будущемъ не мирное ихъ освобожденіе, а кровную рѣзню, воскресители Польши, собственно говоря, почти ничего важнаго не сдѣлали къ возрожденію ея. Пока польскій крестьянинъ оставался въ привычномъ отъ вѣковъ состояніи пансага *быдла*, а мѣщанъ только поразнили свободою, написавши къ такой уставъ, который не исполнялся, Польша оставалась не тою же Польшею, какою была, и только подвергалась опасности, къ обычнымъ безпорядкамъ своимъ прибавить еще два— три по поводу наслѣдства и крестьянской бунтъ, помянутой тому, какою уже она испытала въ XVII вѣкѣ въ русскія провинціяхъ, а быть можетъ и хуже. Съ пресловутою кон-

ституцію 3-го мая Польша была далеко какъ нельзя больш отъ истинной свободы; ей все-таки суждено было вращаться в прежнемъ омутѣ анархіи. Даже при особенно счастливомъ сочетаніи обстоятельствъ и при появленіи необыкновенныхъ дѣятелей, которые бы сумѣли опереться на массу чернаго народа Польша могла бы скорѣе сдѣлаться деспотическимъ государствомъ чего такъ боялись тарговицане, чѣмъ свободнымъ, конституціоннымъ, какъ мечтали патриоты.

Въ положеніи Польши послѣ конституціи 3-го мая мы видимъ никакихъ благопріятныхъ условій къ обновленію, напротивъ слишкомъ выпуло и рѣзко представляется то, что должно было помѣшать этому развитію. Административныя и судебныя преобразованія, послѣдовавшія за провозглашеніемъ конституціи, касались болѣе формъ: извѣстно, что если деморализованному обществу дать хорошія формы, то деморализація общества скорѣе успѣетъ исказить эти формы, чѣмъ послѣднія поправятъ испорченное общество. Важнѣйшія реформы, какъ, напримеръ дарованіе правъ городамъ или законъ о королевщинѣ, не будутъ еще приведены въ исполненіе, успѣли только уже увеличить число враговъ конституціи. Оказывалось, что все, вложенное въ усиленію государства, къ увеличенію средствъ его, къ водворенію порядка, къ благосостоянію нешляхетскаго народа, подрывало матеріальныя выгоды дворянъ и противорѣчило понятію о сословной чести, предразсудкамъ и привычкамъ дворянскаго класса въ Польшѣ. Тарговицкая конфедерація, принося съ собою иноземное владычество, не дала времени усилиться ни въ вымъ порядкамъ, ни оппозиціи старыхъ порядковъ противъ ея выхъ. Паденіе государства стало скорбію польской націи на мѣсяціи поколѣнія; и такъ какъ въ свое время враги конституціи 3-го мая обращались къ иностранной силѣ, участвовавшей въ раздѣлѣ польскаго государства, поэтому съ воздыханіями о побѣдѣ Рѣчи-Посполитой соединилось уваженіе къ самой конституціи и мечты о томъ, что если бы ее не задушили въ самомъ началѣ, она принесла бы великіе плоды. Безпристрастное рассмотрение обстоятельствъ и условій той эпохи вовсе не оправдываетъ такого взгляда. Безъ тѣхъ событій, которыя непосредственно послѣдовали за конституцію 3-го мая, эта конституція никакъ не сдѣлалась бы святынею для Польши такъ скоро и такъ легко, и если не черезъ годъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ она равно довела бы Польшу до подобныхъ послѣдствій; такъ иначе, а дни Польши были сочтены и отсрочить послѣднюю агонію ея могло бы скорѣе пребываніе Польши въ томъ же самомъ состояніи, въ какомъ она находилась до переворота, и

ми конституція была, при ея неисцѣлимой болѣзни, черезчуръ героическимъ средствомъ, ускорившимъ ея смерть. Тарговичане, справедливо опасаясь гибельныхъ слѣдствій этого героическаго средства, хотѣли по крайней мѣрѣ сохранить свое отечество въ томъ болѣзненномъ состояніи, въ какомъ оно могло бы еще прожить. Тарговичанъ обвиняють совершенно справедливо за ихъ эгоистическія и честолюбивыя побужденія, но вѣдь противники ихъ большею частью не были также чужды этого; если прусская партія упрекала русскую въ томъ, что она получала пенсіоны и милціи отъ Россіи, то русская обвиняла противниковъ въ томъ, что они получали деньги отъ Пруссіи. Несомнѣнно то, что большая часть рьяныхъ патріотовъ, какъ увидимъ впоследствии, легко отступилась отъ своихъ убѣжденій ради сохраненія своего достоянія и значенія, и тѣмъ неоспоримо показала, что заботы о возрожденіи отечества для нея не были важнѣе и священнѣе эгоистическихъ видовъ. Всѣ иностранные послы, поощрявшіе польскія выходки противъ Россіи, согласно говорили, что многіе прославляли конституцію 3-го мая за красную ленту Станислава.

Опираясь на Россію, тарговичане по своей недалекости и легкомыслію не подозрѣвали, что послѣдствія выйдутъ не тѣ, какихъ они ожидали. Но они совершенно были правы, когда говорили, что дѣйствуютъ по волѣ шляхетской націи. Безспорно, большинство шляхты чувствовало и мыслило какъ они. Въ то время даже и тѣ, которые, не раскусивши хорошенько въ чемъ суть 3-е мая, участвовали въ пиршествахъ и праздникахъ въ честь переворота, искренно переходили къ ихъ убѣжденіямъ. Если бы Екатерина, возстановивъ прежній строй въ Польшѣ, оставила ее прозябать въ прежнемъ видѣ, безъ дѣлажа и безъ присвоенія провинцій, партія тарговицкая была бы надолго самою популярною въ странѣ, и имена Щенскаго и Ржевускаго величались бы какъ имена спасителей золотой шляхетской вольности, а конституція 3-го мая надолго могла быть забытою и осуждаемою. Шляхетскій идеалъ былъ именно тотъ, который былъ у тарговичанъ.

Нѣкоторые, желая показать свое усердіе къ Россіи, думали защищать ее въ нравственномъ значеніи и утверждали, что въ то время императрица не думала о присоединеніи къ Россіи провинцій польскаго государства. Но могла ли Екатерина не имѣть намѣренія осуществить того, къ чему стремилось ея государство кѣмъ вѣка, и не воспользоваться самымъ удобнымъ случаемъ къ разрѣшенію вѣковой тяжбы Россіи съ Польшею? Если бы тарговичане обладали сколько-нибудь основательнымъ, осмысленнымъ знаніемъ своего прошедшаго, если бы у нихъ было здоровое вниманіе политическихъ дѣлъ вообще, они бы ничего не могли

ожидать отъ русской государыни, кромѣ того, что она съ ними сдѣлала.

30-го мая, конфедерація издала другой универсалъ, гдѣ оповѣщала обывателей о вступленіи въ предѣлы Рѣчи-Посполитой союзныхъ русскихъ войскъ, убѣждала не бояться союзниковъ, ибо они идутъ только противъ тѣхъ, которые поддерживаютъ варшавскій заговоръ, увѣряла, что воинство императрицы не станетъ дѣлать насилія и вреда владѣльцамъ и ихъ подданнымъ, а напротивъ будетъ охранять ихъ отъ бродягъ и своевольниковъ. Въ особенности этомъ универсалѣ заботился о повиновеніи крестьянъ владѣльцамъ и ихъ управляющимъ. Крестьяне не только не должны допускать своеволія, но увѣдомлять воманды о собраніяхъ своевольныхъ шаекъ и задерживать тѣхъ, кто вздумаетъ подговаривать къ бунту панскихъ подданныхъ, а если бы кто, по своей собственной волѣ или по чужому наущенію, овазался виновнымъ въ мятежническихъ замыслахъ и укрывательствѣ подстрекателей къ бунту, тѣмъ грозили суровымъ наказаніемъ. Видно было, что паны сильно боялись, чтобы противники ихъ, подъ вліяніемъ французскаго духа, не стали объявлять крестьянамъ свободу. Впрочемъ, въ томъ же универсалѣ было заявлено, что паны не ждутъ отъ крестьянъ черной неблагодарности за свои къ нимъ благодѣянія.

Другой универсалъ обращенъ былъ къ духовенству; предписывалось во всѣхъ епархіяхъ, деканатахъ, приходсахъ, возсылать горячія молитвы объ успѣхѣ конфедераціи и о спасеніи отечества отъ пропасти, въ которую хотѣла его ввергнуть конституція 3-го мая. Духовные всякаго чина обоего обряда должны были каждую недѣлю съ амвоновъ оглашать народу о спасительныхъ намѣреніяхъ конфедераціи, а главное, именемъ религіи внушать крестьянамъ повиновеніе владѣльцамъ. Въ тотъ же день изданъ третій универсалъ—къ всѣмъ кредиторамъ Рѣчи-Посполитой: объявлялось, что если кто, по требованію сейма, будетъ давать на имя Рѣчи-Посполитой суммы, въ чистой монетѣ, или въ товарахъ, или въ какихъ-нибудь произведеніяхъ, такія суммы или товары должны считаться пропавшими,—нація за нихъ не отвѣчаетъ. Ко всѣмъ наслѣдственнымъ и пожизненнымъ владѣльцамъ, заставникамъ и всякаго рода поссессорамъ, старостамъ и вообще къ управляющимъ имѣніями подъ какимъ бы то ни было видомъ, посланъ былъ универсалъ, а также и въ города, о томъ, чтобы всѣ подати, какія только идутъ въ скарбовую комиссію подъ разными наименованіями черезъ посредство сборщиковъ, называемыхъ экзакторами, суперинтендентами, кассирами и ревизорами, были платимы не туда, а въ казну генеральной корон-

ной конфедераціи, съ полученіемъ квитанцій. Всѣмъ чиновникамъ, зависящимъ отъ скарбовой комиссіи, запрещалось слушаться ея предписаній и предписывалось привозить собираемыя дани въ казну конфедераціи. Наконецъ, въ тотъ же день посланъ былъ универсалъ ко всѣмъ оберъ-секретарямъ почтамтовъ съ приказаніемъ, въ теченіи двухъ недѣль, присягнуть на вѣрность конфедераціи, не дозволять себѣ дѣлать чего-нибудь въ ущербъ письменной корреспонденціи конфедераціи и доносить о какомъ вредѣ, могущемъ для нея произойти.

3-го іюня конфедерація была переведена въ Умань, а 9-го іюня въ Тульчинь, слѣдуя такимъ образомъ за успѣхами русскаго войска. Здѣсь конфедерація издала универсалъ, обязывавшій всѣ типографіи, какія существуютъ въ Польшѣ, не печатать ничего оскорбительнаго для конфедераціи. Было оповѣщено также, что если кто изъ посольства или мѣщанъ осмѣлится сказать хотя одно слово въ противность конфедераціи, тотъ отъ мѣстнаго начальства долженъ быть схваченъ и доставленъ въ судъ конфедераціи; учрежденъ былъ, на подобіе польскихъ судовъ, судъ съ двумя инстигаторами и реентомъ (письмоводителемъ). Конфедерація возстановляла всѣ уничтоженныя бывшимъ сеймомъ акты, и одновременно объявляла прекращеніе платежей, наложенныхъ прежнимъ сеймомъ, какъ-то: пожертвованія десятиаго гроша, двойного подымнаго, поголовнаго, и объявила, что не имѣетъ намѣренія продавать королевщины и признаетъ справедливыми только тѣ подати съ нихъ, какія платились до 3-го мая, каковыя и должны съ настоящаго времени доставляться въ казну конфедераціи. Сбавка податей, оставленіе королевщинъ за владѣвшими на прежнихъ основаніяхъ, освобожденіе пристающихъ къ конфедераціи отъ судебныхъ позывовъ,—все это были подстрекательные способы, привлекавшіе къ конфедераціи сообщниковъ, а присутствіе войскъ императрицы давало надежду на успѣхъ предпринятаго дѣла. Вслѣдъ за генеральною, открывались подчиненныя ей конфедераціи по воеводствамъ: сначала въ тѣхъ воеводствахъ, которыя заняты были русскимъ войскомъ. Избраны маршалки и комиссары. Члены конфедераціи, Мощенскій, Гулевичъ, Злотницкій, Четвертинскій, разъѣзжали по южнымъ воеводствамъ и привлекали шляхту къ конфедераціи. Гдѣ дѣйствовали убѣжденіемъ, а гдѣ и страхомъ; проповѣдывая ихъ говорили, что они разсыпали въ одномъ мѣстѣ рубль, въ другомъ батоги.

Нѣсколько человекъ шляхты, не хотѣвшіе пристать къ конфедераціи, убѣжали въ Кременецъ и тамъ занесли въ судъ жалобу, что ихъ брали казаки, сѣкли нагайками, принуждали при-

сягать къ конфедераціи. «Если бы, — говорили они, — у Щенсны и его товарищей были добрыя намѣренія, то не нужно было с иноземнаго войска, не нужно было бы не только принуждат но и просить; всякаго убѣждали бы собственные глаза.» Такъ какъ всѣ суды, установленные сеймомъ, объявлялись закрыты и тѣ, которые пойдуть въ нихъ судиться, провозглашались врагами отечества, отъ этого распространилось безправіе и свовольство, и потому въ половинѣ іюня послѣдовало учрежден временныхъ конфедераціонныхъ судовъ по воеводствамъ: они починались суду генеральной конфедераціи. Такимъ образомъ мажшала были вмѣстѣ правителями и судьями. Не менѣе важно была ихъ обязанность доставлять въ русское войско провіантъ

Несмотря на требованіе приносить подати въ конфедерацію вмѣсто скарбовой комиссіи, сборщики очень лѣниво неисправно приносили ихъ; запрещеніе вносить въ скарбовую комиссію принималось и исполнялось охотнѣе, чѣмъ предсаніе приносить деньги въ конфедерацію. 21-го мая конфедерація должна была поставить на видъ суперинтендентамъ и завѣсывшимъ отъ нихъ эзакторамъ ихъ неисправность.

Конфедерація занималась формированіемъ войскъ; такимъ образомъ въ концѣ іюня устроено было два полка и назначенъ в чальникомъ конфедераціоннаго войска Рудницкій.

При конфедераціи былъ уполномоченный отъ императрицы генераль баронъ Бюлеръ. «Такъ какъ конфедерація составлен по моему внушенію и подъ моимъ спеціальнымъ покровительствомъ — писала ему Екатерина, то я избираю васъ быть истовкователемъ моихъ намѣреній, спасительныхъ для Рѣчи-Посполитой». Въ іюлѣ конфедерація была въ Литинѣ, а потомъ в Дубнѣ. Оттуда 25-го числа этого мѣсяца отправленъ былъ в Петербургъ одинъ изъ совѣтниковъ конфедераціи графъ Виейгорскій съ благодарственнымъ письмомъ къ императрицѣ. Мажшаль отъ имени конфедераціи писалъ: «Польша была свободна и утѣшалась тѣмъ, что спокойно могла быть забыта всѣми и жить счастливо. Не первый разъ честолюбцы хитростью захватывали власть и во зло употребляли мнѣніе о своихъ доблестяхъ. Не первый разъ народъ прибѣгаетъ къ благородной помощи иностранцевъ. Безъ Екатерины Польша была бы въ опасѣхъ и можетъ быть окончила бы свое существованіе. Уже на Екатерины оглашается въ двухъ третяхъ Рѣчи-Посполитой: в воеводствахъ Браславскомъ, Киевскомъ, Черниговскомъ, Бельскомъ, Холмской землѣ и во всей Литвѣ».

Н. Костомаровъ.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА IX.

РАСПОЛОЖЕНІЕ НИЗШИХЪ.

Что долженъ дѣлать человекъ утромъ того дня, вечеромъ втораго надѣется получить знаки расположенія въ себѣ ближнихъ?

Зонненкамъ сумѣлъ ловко притвориться, будто ничего не знаетъ о томъ, что его ожидаетъ, но въ теченіе дня не разъ радвой поглядывалъ на барометръ. Утромъ шелъ дождь, но къ полудню небо прояснилось и праздникъ обѣщалъ вполне удалиться.

Еслибъ узнать, какія рѣчи будутъ произноситься вечеромъ, за нихъ можно было бы приготовить отвѣты. Большое удобство для государей, что имъ всегда заранѣе сообщаютъ рѣчи, которыя произносятся въ ихъ присутствіи! Но Зонненкамъ ни мало не сомнѣвался, что въ данную минуту сумѣетъ найтись. Онъ никогда не рассчитывалъ на уваженіе другихъ людей, но самъ всегда настолько уважалъ себя, насколько чувствовалъ въ этомъ потребность. Неужели же онъ теперь, когда неожиданно явилось уваженіе со стороны другихъ, согласится признать себя въ зависимости отъ такой простой игры случая? Да и чему въ сущности былъ онъ обязанъ этимъ уваженіемъ?

Деньгамъ!

^{*)} См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 320; мар. 225; апр. 812; май, 275; июнь, 473; июль, 5; авг. 447 стр. и слѣд.

Не будь у него ихъ въ изобиліи, никто бы не сталъ на него и смотрѣть. Зонненкампъ чистосердечно себѣ въ этомъ признавался.

Онъ выѣхалъ изъ дому въ обычный часъ, но поѣхалъ не по обыкновенной дорогѣ и, самъ того не замѣчая, особенно дружелюбно раскланивался съ встрѣчными. Сердце его внезапно раскрылось для новыхъ и пріятныхъ ощущеній. Онъ поѣхалъ въ замокъ и съ улыбкой озираясь вокругъ, невольно представлялъ себѣ, какъ нѣкогда рыцари возвращались туда съ своихъ разбойничьихъ набѣговъ. То были дикіе, но смѣлые и сильные люди.

Подъѣзжая къ развалинамъ, Зонненкампъ увидѣлъ, что на единственной вполнѣ оконченной башнѣ замка развѣвался флагъ, а вокругъ не было ни души. Онъ свернулъ въ сторону и углубясь въ лѣсъ, спѣшилъ и повелъ лошадь за узду. Врядъ ли бы онъ самъ сумѣлъ сказать, о чемъ онъ думалъ. Въ тиши и уединеніи лѣса идетъ, въ эту минуту всѣми забытый, человекъ, а вечеромъ онъ выйдетъ къ толпѣ, которая станетъ привѣтствовать его радостными криками.

На возвратномъ пути ему попался на встрѣчу маіоръ, который и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ на виллу, съ цѣлью остаться тамъ до самой ночи. Маіоръ въ этотъ день походилъ на шафера, который, все приготовивъ для свадьбы, удаляется въ комнату къ жениху и ожидаетъ тамъ минуты, когда за нимъ явятся съ музыкой. Обѣдъ сегодня былъ хуже обыкновеннаго, но Зонненкампъ пропустилъ это безъ вниманія, не желая показать, что ему извѣстны дѣлаемые къ вечеру приготовленія.

Послѣ обѣда на виллу одни за другими пріѣхали совѣтницъ съ семействомъ, мировой судья съ женой и докторъ. Маіоръ вдругъ куда-то исчезъ, а потомъ явился украшенный всѣми своими орденами. Собралось еще много другихъ гостей и въ томъ числѣ молодая вдова, дочь барона фонъ-Эндлиха, одѣта въ глубокой трауръ. Она опять поселилась на дачѣ у своихъ родителей. Пранкенъ позаботился созвать все это общество на виллу, въ увѣренности, что Зонненкампу пріятно будетъ имѣть какъ можно болѣе свидѣтелей своего торжества. Но всѣ пріѣхали какъ будто случайно и Зонненкампъ весьма охотно подался этой свѣтской ловлѣ.

Пранкенъ былъ особенно внимателенъ къ молодой вдовѣ, и всѣ нашли, что онъ ужъ слишкомъ далеко простиралъ свои права будущаго члена семьи. А онъ, поймавъ устремленный на него взглядъ Манны, обрадовался случаю показать ей, какомъ соблазну и какимъ прелестямъ онъ, ради нея, противостоялъ.

Выраженія, въ какихъ онъ представилъ молодую дѣвушку вдовѣ, казались ему самому верховъ свѣтской ловкости.

— Вы, баронесса, сказали онъ, и фрейлепъ Зонненкампъ какъ будто нарочно созданы для того, чтобъ быть друзьями. Фрейленгъ Зонненкампъ, подобно вамъ, обладаетъ зрѣлостью ума и характера, въ высшей степени необыкновенною для ея лѣтъ.

Молодая вдова обошлась съ Манной очень любезно и Пранкенъ вскорѣ оставилъ ихъ вдвоемъ. Ему, въ качествѣ будущаго сына Зонненкампа, слѣдовало еще о многомъ позаботиться.

Онъ отправился на кухню, приказалъ тамъ зажарить нѣсколько кусковъ говядины и приготовить побольше простого вина. Не забылъ онъ и о сигарахъ, а Зонненкампъ, который зналъ обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, притворялся, будто ничего не видитъ и не слышитъ.

Съ наступленіемъ вечера Пранкенъ обратился къ Зонненкампу, нарочно въ присутствіи всѣхъ громко называя его отцомъ, и попросилъ его на время удалиться въ свою комнату. Зонненкампъ съ пристыженнымъ видомъ, но впрочемъ очень кротко, ему повиновался.

На дворѣ между тѣмъ были разставлены длинные столы, а на нихъ разнаго рода кушанья и питія. Вскорѣ на Рейнѣ показалась цѣлая флотилія маленькихъ судовъ, а воздухъ огласился звуками музыки. Суда остановились передъ виллой и выстроились въ рядъ.

Совсѣмъ смерклося, но лодки были украшены гирляндами разноцвѣтныхъ фонарей. Зонненкампъ все еще не выходилъ изъ своей комнаты и придумывалъ рѣчь, какую отвѣтить на привѣтствіе шкиперовъ и корабельщиковъ. Онъ нѣкоторыя слова произносилъ даже вслухъ. Вдругъ послышались чьи-то шаги и въ комнату вошли мировой судья и маіоръ. Послѣдній объявилъ Зонненкампу, что они пришли посидѣть съ нимъ, затѣмъ, чтобъ ему не было скучно дожидаться, а судья замѣтилъ, какъ ему должно быть отрадно принимать благодарность столькихъ благоудѣльствованныхъ имъ людей. Зонненкампъ поблагодарилъ того и другого и продолжалъ курить. Онъ такъ нѣжно держалъ въ пальцахъ сигару, какъ будто хотѣлъ быть добръ и вѣжливъ даже съ ней. Затѣмъ онъ извинился передъ друзьями въ томъ, что не можетъ поддерживать съ ними разговора: онъ такъ взволнованъ! Проведя столько лѣтъ на чужбинѣ, онъ не надѣялся, по возвращеніи на родину, встрѣтить такъ много родственныхъ сердецъ и получить столько доказательствъ расположенія къ себѣ, котораго онъ, въ тому же, ничѣмъ не заслужилъ. Онъ въ сущности ничего никому не далъ, кромѣ денегъ.

Мировой судья хотѣлъ ему на это что-то возразить, но маіоръ знакомъ остановилъ его и тихонько замѣтилъ, что иногда бывають случаи, когда людямъ не слѣдуетъ противорѣчить въ ихъ преувеличенныхъ о себѣ отзывахъ. Къ тому же онъ видѣлъ, что Зонненкампъ работалъ надъ своей рѣчью.

Немного спустя, опять послышались шаги и Пранкенъ, отворивъ дверь, сказалъ слѣдовавшимъ за нимъ людямъ:

— Идите сюда.

Въ комнату вошла депутація шкиперовъ, а во главѣ ея Семиствольникъ, который, отъ имени всѣхъ, просилъ Зонненкампа милостиво принять знакъ всеобщей къ нему благодарности. Съ опущенными глазами, точно склоняясь подъ тяжестью оказываемой ему почести, спустился Зонненкампъ внизъ по лѣстницѣ, окруженный толпой шкиперовъ въ праздничныхъ одеждахъ.

Внизу глазамъ его представилось красивое зрѣлище.. Въ освѣщенныхъ разноцвѣтными фонарями лодкахъ стояли люди и пѣли громкую, веселую пѣснь. Зонненкампъ слушалъ, скрестивъ руки на груди, затѣмъ, разнявъ ихъ, вѣрно потеръ себѣ палець, на которомъ носилъ желѣзное кольцо. По окончаніи пѣсни, воздухъ огласился въ честь великаго благодѣтеля дружнымъ ура. Раздались ружейные выстрѣлы; эхо, повторяя ихъ, подобно раскатамъ грома разнесло ихъ по окрестностямъ.

Зонненкампъ короткой, но задушевной рѣчью отблагодарилъ все общество. Справа у него стоялъ Роландъ, а слѣва Манна. Положивъ правую руку на плечо сына, онъ ловко скрылъ желѣзное кольцо на большомъ пальцѣ, и обнявъ Манну, въ заключеніе просилъ сосѣдей перенести ихъ любовь къ нему на его дѣтей.

Молодой человекъ, стоявшій у руля на одной изъ лодокъ и одѣтый въ платье, подаренное ему Роландомъ, закричалъ также и въ честь его ура. Другіе подхватили за нимъ этотъ крикъ и ружейные выстрѣлы еще разъ повторились. Роландъ сказалъ маіору: «Я не могу говорить». Но онъ спустился внизъ и взойдя на первую попавшуюся лодку, съ жаромъ пожималъ всѣмъ находившимся на ней руки. Здѣсь онъ увидѣлъ Эриха, который, сидя позади всѣхъ, управлялъ пѣніемъ, а возлѣ него стоялъ школьный учитель Фасбендеръ.

Всѣ сошли на берегъ и подъ звуки музыки направились черезъ паркъ къ накрытымъ столамъ. Зонненкампъ рѣзкимъ и недовольнымъ тономъ приказалъ унести разставленные вокругъ нихъ стулья.

— Они не должны садиться, сказалъ онъ Пранкену, говоря о шкиперахъ и корабельщикахъ. Я думалъ, что вы сами это

войдете. И пожалуйста, распорядитесь такъ, чтобъ ихъ поскорѣй отсюда отправить. Черни ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ довѣрять. велите снести имъ на лодки вино: тамъ они могутъ, сколько угодно, шумѣть и дурачиться.

Семиствольникъ за первымъ стаканомъ предложилъ тостъ въ честь госпожи Зонненкамъ. Мужъ ея съ площадки лѣстницы поблагодарилъ отъ ея имени и выразилъ сожалѣнiе, что плохое состоянiе здоровья мѣшаетъ ей присутствовать на этомъ праздникѣ. Зонненкамъ воспользовался случаемъ и попросилъ пирующихъ не слишкомъ шумѣть, изъ опасенiя потревожить его больную жену. Всеобщей веселости такимъ образомъ были положены предѣлы и немного спустя, Эрихъ опять всѣхъ увелъ на лодки. Еще нѣсколько криковъ ура, нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и на виллѣ Эдемъ возстановилась тишина.

Въ большой залѣ составился тѣсный и дружескiй кружокъ, центромъ котораго былъ Зонненкамъ. Онъ казался глубоко растроганнымъ и какъ бы сильно утомленнымъ. Но черты его лица мгновенно оживились, когда маіоръ сказалъ:

— Чье-нибудь краснорѣчивое перо непременно должно все это описать въ газетахъ. Вы, товарищъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Эриху, можете сдѣлать это лучше всякаго другого. Пожалуйста не отговаривайтесь.

Эрихъ объявилъ, что онъ вовсе не намѣренъ отговариваться, но напротивъ очень охотно готовъ исполнить желанiе маіора. Послѣднiй отвѣчалъ ему такимъ вѣрнымъ и продолжительнымъ пожатiемъ руки, что Эрихъ принужденъ былъ сказать:

— Но если вы мнѣ станете еще долѣе такъ жать руку, то я завтра не буду въ состоянiи писать.

Затѣмъ маіоръ отправился къ профессоршѣ и похвалилъ ей Эриха за то, что онъ пѣлъ вмѣстѣ съ народомъ. Добрый старикъ однако былъ сильно огорченъ тѣмъ, что фрейленъ Милькъ не видѣла праздника. Онъ не могъ понять, почему она, во всемъ такая добрая и снисходительная, была такъ строга и даже жестока къ Зонненкампу. Но профессорша хорошо знала, почему фрейленъ Милькъ держалась въ сторонѣ отъ этого человѣка и сильно страдала отъ того, что сама должна была присутствовать при его торжествѣ. А тутъ еще сыну ея предстояло восхвалять мнимыя добродѣтели и благотворительность, имѣвшую въ виду вовсе не ту цѣль, какую предполагалъ Эрихъ. Профессорша смотрѣла на Зонненкампа, на его дѣтей, на собравшихъ вокругъ него прiятелей и думала, что будетъ со всѣми этими людьми, когда вмѣсто дружескихъ ружейныхъ вы-

стрѣловъ эхо начнеть повторять и разносить по горамъ и долинамъ слухи совсѣмъ другого свойства?....

Наконецъ общество разошлось. Роландъ и Эрихъ отправились проводить профессоршу въ виноградный домикъ. Мальчикъ былъ несказанно счастливъ выраженіемъ всеобщаго расположенія къ его отцу, а Эрихъ еще разъ постарался внушить ему, что величайшее благо въ жизни составляетъ возможность дѣлать добро. Роландъ сказалъ между прочимъ, что отецъ его собирается устроить разсадники орѣховыхъ деревьевъ, съ цѣлью распространить ихъ по всей окрестности. Онъ жаловался, говоря, что скоро очутится въ положеніи Александра Македонскаго, который упрекалъ своего отца Филиппа за то, что тотъ не хотѣлъ ему оставить ничего послѣ себя дѣлать. Эрихъ и профессорша съ удовольствіемъ слушали милую болтовню мальчика и у послѣдней, когда она его на прощанье цѣловала, невольно нагнувшись на глазахъ слезы умиленія.

— Что случилось съ твоей матерью? спросилъ на возвратномъ пути Роландъ у Эриха. Она весь день была такая печальная.

— Да, она съ нѣкоторыхъ поръ ничему не радуется, возразилъ Эрихъ.

Въ эту же самую ночь онъ написалъ статью, гдѣ яркими красками изобразилъ благотворительность Зонненкампа и устроенный въ честь его праздникъ, и отправилъ ее въ редакцію профессора Крутіуса. Черезъ день статья явилась обратно на виллу уже напечатанная. Зонненкампъ горячо благодарилъ Эриха, а Роландъ сказалъ ему:

— Подари мнѣ этотъ листокъ, я его спрячу на память. Какъ я радъ, что буду военнымъ. Я отличусь въ сраженіи и имя мое тоже появится въ газетахъ, и ученики въ школахъ будутъ его заучивать наизусть, какъ они заучиваютъ имена и подвиги Мильтіада, Вашингтона, и Наполеона.

Немного спустя появилось другое описаніе праздника въ официальной газетѣ и Пранкенъ, сознался, что онъ былъ его авторомъ. Статья Эриха была очень хороша, но та, которая вышла изъ-подъ пера Пранкена, имѣла надъ ней одно большое преимущество: она попала въ глаза герцогу и тѣмъ самымъ послужила поводомъ къ весьма важному событію.

ГЛАВА X.

VICTORIA REGIA ЦВѢТЕТЪ.

Совѣтницѣ вскорѣ представился случай высказать Зонненкэмпу свою признательность. Она показала ему письмо своего мужа, въ которомъ тотъ ее увѣдомлялъ, что герцогъ съ большимъ удовольствіемъ прочелъ извѣстіе объ учрежденіи вспомогательной кассы и объ изъявленіи учредителю народной благодарности. Но всего лучше было то, что герцогъ выразилъ намѣреніе посѣтить виллу Эдемъ и осмотрѣть ея знаменитые сады и оранжереи. Это послѣднее, впрочемъ, пока еще слѣдовало хранить втайнѣ отъ всѣхъ, исключая самого Зонненкампа, котораго лучше было заранѣе предупредить. Зонненкампъ просилъ, чтобъ его телеграммой увѣдомили о днѣ, какой выбреть герцогъ для своего посѣщенія.

Имъ овладѣла сильная тревога и онъ какъ тѣнь бродилъ по дому и саду, нигдѣ не находя покоя. Онъ никуда не намѣревался ѣхать, пока не настанетъ время отправиться въ Карлсбадъ, и между тѣмъ все боялся, что герцогъ пріѣдетъ въ его отсутствіе.

Онъ сдѣлалъ кое-какія распоряженія для пріема высокаго гостя и обѣщалъ хорошее вознагражденіе за быстрое доставленіе ему телеграммы, какая можетъ явиться на его имя изъ столицы. Но дни проходили за днями, а телеграммы все не было.

На виллѣ между тѣмъ все пришло въ обычный порядокъ, одинъ Зонненкампъ находился въ тревожномъ, лихорадочномъ состояніи. Пранкенъ хотѣлъ - было уѣхать, но по просьбѣ его остался. Зонненкампъ подъ самой строгой тайной сообщилъ ему о томъ, какая великая честь его ожидала.

Пранкенъ терпѣливо сносилъ холодность, какую Манна отбѣчала на всѣ его попытки къ сближенію. Онъ былъ уже доволенъ тѣмъ, что она оказывала явное нерасположеніе къ Эриху. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ невинныхъ забавахъ и удовольствіяхъ, Манна опять ушла въ себя, сдѣлалась молчалива, задумчива и въ высшей степени серьезна, а при встрѣчѣ съ Эрихомъ лицо ея всякій разъ омрачалось.

Зонненкампъ то-и-дѣло ходилъ по парку, по оранжереямъ и по саду съ плодовыми деревьями. Онъ готовъ былъ молиться своимъ растеніямъ, чтобъ они къ пріѣзду герцога облеклись въ свои самыя роскошныя и свѣжія краски. Онъ почти вовсе оставилъ свое любимое занятіе копаться въ землѣ, но безвыходно

сидѣлъ въ теплицѣ и думалъ о томъ, какъ онъ спокойно, съ достоинствомъ приметъ изъ рукъ герцога дворянскій дипломъ, если тотъ его привезетъ съ собою на виллу. Когда онъ однажды сидѣлъ такимъ образомъ, погруженный въ свои мысли, около него раздался легкій звукъ, едва замѣтный шелестъ и Зонненкампъ, вскочивъ съ мѣста, громко воскликнулъ:

от: — Онъ распустился!

а) Дѣйствительно, въ этотъ самый моментъ на растеніи *Victoria regia* распустился бутонъ. Зонненкампъ съ любовью на него смотрѣлъ, но въ тоже время гнѣвно качалъ головой, приговаривая: — ну что стоило тебѣ подождать немного и распуститься въ ту минуту, когда передъ тобой будетъ стоять герцогъ! Какъ жаль, что мы не можемъ подчинить природу нашему произволу!

б) Онъ немедленно послалъ экипажъ за совѣтницей. Та пріѣхала и застала всю семью, не исключая и Цереры, любующеюся чудеснымъ цвѣткомъ. Сама она тоже не замедлила прійти въ восторгъ.

в) Зонненкампъ объяснилъ ей, что цвѣтокъ *Victoria regia*, какъ только распустится, бываетъ совсѣмъ бѣлый, но на ночь опять закрывается и распускаясь снова уже черезъ сутки, является ярко-розовымъ. Каждые четыре дня показывается новый цвѣтокъ, а старый погружается въ воду.

г) Отведя совѣтницу въ сторону, Зонненкампъ просилъ ее дать знать во двору о событіи, происшедшемъ въ его оранжереяхъ. Теперь была самая удобная минута для пріѣзда герцога.

д) Въ тотъ же вечеръ пришло извѣстіе, что герцогъ и герцогиня на слѣдующій день собираются посѣтить виллу Эдемъ. Но обитатели послѣдней не должны были показывать и виду, что заранее знали о пріѣздѣ ихъ высочествъ.

е) Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Зонненкампа. Если пріѣздъ герцога долженъ быть случайный, то нечего и думать о дворянскомъ дипломѣ, изготовленіе котораго требуетъ большихъ формальностей и по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ засѣданій орденской комиссіи. Но кто знаетъ, можетъ быть всѣ эти формальности были уже тайнѣ соблюдены, и государственный совѣтникъ только не смѣлъ о нихъ говорить.

ж) Зонненкампъ сообщилъ свою догадку совѣтницѣ, но та, къ великому его огорченію, вполнѣ его на этотъ счетъ разочаровала. Ему такимъ образомъ все приходилось ждать, хлопотать, ссызнавать начинать, пріобрѣтать надежду и опять ее терять. Докуда его на этотъ разъ была такъ велика, что онъ даже сомнѣвался въ возможности скрыть ее отъ герцога. Наконецъ ему

онд

удался почти сверхъ-естественнымъ усиленіемъ воли изгладить на себѣ всѣ слѣды своего дурного расположенія духа.

На слѣдующее утро, послѣ ночи, проведенной почти совсѣмъ безъ сна, Зонненкампъ объявилъ всѣмъ домашнимъ, что никто изъ нихъ не долженъ отлучаться изъ дому. Затѣмъ онъ обратился къ Церерѣ съ просьбой, похожей на приказаніе, и сказалъ ей, что она въ этотъ день ни подъ какимъ видомъ не должна быть больна.

Онъ пошелъ къ профессоршѣ и просилъ ее взять на себя трудъ распорядиться, чтобъ герцогу былъ оказанъ достойный приемъ. Ей онъ сообщалъ о его приѣздѣ, потому что вообще не хотѣлъ имѣть отъ нея тайнъ.

Профессорша бросила на него взглядъ, который ясно выразилъ: и ты говоришь это мнѣ, когда я знаю....

Но она поборола въ себѣ негодованіе и сказала, что отдаетъ себя въ полное распоряженіе господина Зонненкампа.

Онъ вышелъ въ садикъ, окружавшій виноградный домикъ, и ждалъ тамъ, пока профессорша одѣвалась. Она въ этотъ день въ первый разъ надѣла брошку съ пастельнымъ изображеніемъ своего покойнаго мужа. Потомъ она съ Зонненкампомъ отправилась на виллу, гдѣ Церера была очень удивлена ея приходомъ въ такой необыкновенный часъ.

Профессорша, съ согласія Зонненкампа, увѣдомила Цереру о предстоящемъ приѣздѣ герцога, и та во что бы то ни стало хотѣла надѣть всѣ свои брильянты и другія драгоценныя украшенія. Профессоршѣ съ трудомъ удалось отклонить ее отъ этого намѣренія и убѣдить, напротивъ, какъ можно проще одѣться.

Вскорѣ изъ столицы явилась телеграмма, въ которой государственныи совѣтникъ увѣдомлялъ, что ихъ высочества отправлены въ путь.

Наконецъ-то!

Эриху, Роланду и Маннѣ тоже сказали, что ожидаютъ герцога. Эрихъ хотѣлъ удалиться въ свою комнату.

— Вы, конечно, ожидаете, что о васъ освѣдомятся и васъ позовутъ? насмѣшливо замѣтилъ Пранкенъ.

— Я ничего не ожидаю, кромѣ учтивости со стороны тѣхъ, кто самъ не желаю оскорблять, отвѣчалъ Эрихъ.

Пранкенъ слегка пожалъ плечами и мысленно порѣшилъ: этотъ человекъ долженъ быть отсюда удаленъ. Его присутствіе здѣсь становится тягостнымъ. Вся эта учительская семья такъ точно водворилась на виллѣ, какъ гусеницы въ ульѣ: ихъ надо сюда выкурить, иначе съ ними ничего не подѣлаешь.

Пранкенъ одинъ былъ спокоенъ и сохранилъ все свое само-

обладаніе. Онъ камергеръ, баронъ фонъ-Пранкенъ, тогда какъ всѣ остальные выскочки изъ мѣщанъ.

Манна тоже была въ тревожномъ состояніи, но обращеніе ея съ Пранкеномъ отличалось большимъ дружелюбіемъ, чѣмъ обыкновенно.

Онъ всему дому придалъ видъ благороднаго спокойствія и она выразила ему за то свою признательность.

Слова Манны несказанно обрадовали Пранкена.

— Вы будете себя какъ нельзя лучше чувствовать при дворѣ сказалъ онъ.

А Зонненкампъ, стоявшій по близости и слышавшій замѣчаніе Пранкена, подхватилъ:

— Да, дитя, рядомъ съ однимъ изъ самыхъ блестящихъ кавалеровъ ты будешь наслаждаться счастьемъ и почестями.

Манна опустила глаза въ землю. Въ комнату вошелъ Роландъ, одѣтый весь въ бѣломъ.

— Неправда-ли какъ онъ хорошъ? сказала Манна Пранкёну.

Роландъ былъ очень веселъ и все уговаривалъ сестру и робѣть въ присутствіи герцога и его супруги. Обхожденіе ихъ высочества такъ просто и ласково, прибавилъ онъ въ заключеніе что съ ними послѣ первыхъ же словъ всякій начинаетъ себя чувствовать свободно, какъ съ товарищами.

На плоской крышѣ дома стоялъ Лутцъ и смотрѣлъ на до рогу. Вдругъ онъ быстро сошелъ внизъ и закричалъ:

— Ъдутъ!

Всѣ разошлись въ разные стороны, какъ будто никто ни чего не ожидалъ.

На дворъ вѣхали два экипажа. Зонпенкампъ вышелъ и лѣстницу и сталъ быстро по ней спускаться, но на послѣдней ступенькѣ вдругъ отшатнулся назадъ и, чтобъ не упасть, долженъ былъ ухватиться за перила.

Что это?

Черное лицо!

Откуда оно взялось?

— Идите же, идите! воскликнулъ шедшій за нимъ Пранкенъ ихъ высочества сейчасъ выйдутъ изъ экипажа.

Зонненкампъ, несмотря на остановку, еще поспѣлъ во время и имѣлъ счастье высадить герцога изъ кареты. Герцогиня вышла съ другой стороны, опираясь на руку Пранкена. Она милостиво выразила свое удовольствіе по случаю того, что видитъ наконецъ въ его собственномъ домѣ человѣка, который дѣлаетъ такъ много добра.

Герцогиня стояла во главѣ всѣхъ благотворительныхъ учреждений страны и считала себя обязанной поблагодарить Зонненкампа за его усердіе. Впрочемъ она была бы гораздо довольнѣе, еслибъ онъ вмѣсто того, чтобъ заводить новыя учреждения, жертвовалъ бы деньги на тѣ, которыя уже существовали съ стараніями. Но Пранкенъ упустилъ это изъ виду и не догадался надоумить Зонненкампа.

Едва замѣтное недовольство проглядывало въ словахъ герцогини, когда она говорила, что радуется всякому новому благотворительному учрежденію.

Явилась Церера, а вслѣдъ за ней и Манна.

Герцогиня сказала нѣсколько словъ первой, а второй замѣтила, что она вовсе не похожа на своего брата, только глаза у нихъ одинакіе.

— Но гдѣ же Роландъ? освѣдомилась она немного спустя.

Онъ уговаривалъ Эриха пойти съ нимъ, но тотъ, вмѣстѣ съ матерью, просилъ его не настаивать, а идти одному. Роландъ послушался и былъ очень ласково встрѣченъ ихъ высочествами.

Герцогъ вошелъ въ домъ. На площадкѣ лѣстницы стояли Эрихъ и его мать. Герцогъ быстрыми шагами направился къ профессоршѣ и подавая ей обѣ руки, воскликнулъ, что очень радъ ее видѣть. Затѣмъ, указывая на портретъ ся мужа въ брѣвнѣ, онъ сказалъ, что всегда съ благодарностью вспоминаетъ обѣ этомъ человѣкѣ и носить образъ его не на груди, но въ сердцѣ. Эриха онъ повидимому вовсе не замѣтилъ, пока не прочелъ во взглядѣ профессорши: «поговори также и съ своимъ сыномъ».

Тогда герцогъ, обратясь къ Эриху, сказалъ:

— Надѣюсь, любезный Дорнэ, что вы имѣете лучшаго учителя, нежели вашъ отецъ имѣлъ во мнѣ.

Эрихъ не нашелся, что ему отвѣчать и молча поклонился.

Пранкенъ поспѣшилъ выступить впередъ.

— Что вы желаете прежде, ваше высочество, осмотрѣть или взглянуть на цвѣтокъ *Victoria regia*?

— Спросите у герцогини, отвѣчалъ герцогъ.

Пранкенъ немедленно направился къ другой группѣ и съ изумленіемъ примѣтилъ, что блестящій взглядъ Манны всюду за нимъ слѣдовалъ. Что такое теперь Эрихъ? Онъ стоитъ, бѣднѣйшій, и никто не обращаетъ на него вниманія. Ну не забавно ли, что онъ вздумалъ тягаться съ нимъ, барономъ фонъ-Пранкенъ?

Герцогиня отвѣчала, что она, послѣ продолжительной пѣзды, предпочитаетъ войти въ комнаты.

Всѣ отправились въ большую залу съ балкономъ, гдѣ убитъ накрытъ столъ. Зонненкампъ просилъ ихъ высочества сгласиться отвѣдать отъ скромнаго завтрака, который онъ осмивался предложить имъ безъ всякихъ приготовленій.

Церера имѣла честь сидѣть по правую руку герцога, который самъ пожелалъ, чтобъ слѣва около него помѣстилась профессорша. Герцогиня сидѣла между Зонненкампомъ и Роландомъ.

Эрихъ былъ очень радъ найти въ свитѣ герцога одного изъ своихъ прежнихъ товарищей и разговаривалъ съ нимъ:

— Вы должны въ скоромъ времени поступить въ корпусъ, сказалъ герцогъ Роланду.

Зонненкампъ быстрымъ взглядомъ окинулъ говорившаго герцогу было хорошо извѣстно, когда Роландъ поступить въ корпусъ. Онъ ежеминутно ожидалъ, что по данному знаку одинъ изъ камергеровъ вручитъ ему дворянскій дипломъ. Но герцогъ велъ оживленный разговоръ съ профессоршей и между прочимъ выразилъ сожалѣніе, что такая благородная и умная женщина какъ она, держится вдали отъ двора.

Вскорѣ всѣ встали изъ-за стола и Зонненкампъ былъ в себя отъ радости, слушая похвалы герцога его оранжереямъ, парку и плодовымъ деревьямъ. Вдругъ въ саду герцогъ, обратясь къ профессоршѣ, спросилъ:

— Но гдѣ же ваша свояченица, очаровательная Клавдія?

— Она тоже здѣсь и живетъ вмѣстѣ со мной въ домикъ, который господинъ Зонненкампъ отдалъ въ наше распоряженіе.

— Пойдемте къ ней, неожиданно предложилъ герцогъ. всѣ, чрезъ новую дверь выйдя на лугъ, направились къ видному домику.

Тетушка была очень удивлена, но сохранила все свое самообладаніе. Герцогъ сказалъ, что всякій разъ, когда слышитъ игру на арфѣ, непременно вспоминаетъ о фрейленъ Дорнѣ. Какимъ удовольствіемъ встрѣчалъ онъ ее всегда въ комнатахъ своей матери, гдѣ она, сидя на табуретѣ, играла на арфѣ. Ея прелестное, красное, обрамленное длинными локонами лицо и по-сю пору составляетъ одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній его дѣтства. Выразивъ ей за то свою благодарность, герцогъ поздравилъ Зонненкампа съ тѣмъ, что онъ имѣетъ въ своемъ сосѣдствѣ двухъ такихъ благородныхъ и пріятныхъ женщинъ.

Герцогъ искренно желалъ дѣлать людей счастливыми и п

жалъ, что достигаетъ этого посредствомъ такого рода рѣчей. Онъ былъ увѣренъ, что тетюшка Клавдія отнынѣ будетъ считать себя счастливѣйшимъ существомъ въ мірѣ.

Пробывъ довольно долго въ виноградномъ домикѣ, герцогъ, приказавъ привести туда экипажи, изъ него уѣхалъ.

Эрихъ, котораго никто не пригласилъ идти вмѣстѣ, остался вѣкъ и все время проговорилъ съ высокимъ негромъ, по имени Адамомъ.

Взвѣсивъ, одѣтый въ фантастическую ливрею, разсказывалъ между прочимъ, что онъ славился въ Америкѣ своей необычайной силой. Братъ герцога, путешествуя, встрѣтилъ его на своемъ кораблѣ, выкупилъ изъ неволи и привезъ съ собой въ Европу. Тогда онъ былъ любимымъ слугою самого герцога. У него умерла мать, которая принадлежала къ породѣ бѣлыхъ людей, но тѣмъ не менѣе его нѣжно любила. У нихъ былъ ребенокъ, но и тотъ рано скончался послѣдовавъ за матерью. Адамъ желалъ бы вторично жениться, но жаловался, что никакъ не могъ найти себѣ невесты.

Эриху въ первый разъ приходилось говорить съ человекомъ, который вѣсегда былъ рабомъ, и онъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать какіею Адаму своего участія въ его печальномъ прошломъ.

Разговаривая съ негромъ, Эрихъ и не подозрѣвалъ, что онъ въ это самое время шла рѣчь въ виноградномъ домикѣ. Тетюшка Клавдія съ жаромъ описывала герцогу прекраснаго казачка своего племянника.

Сидя въ карету, герцогъ громко сказалъ профессоршѣ:

— Гдѣ же вашъ сынъ? Скажите ему пожалуйста, что я въ хорошею помню товарища моего дѣтства.

Наконецъ ихъ высочества уѣхали. Негръ Адамъ, сидя на скамьѣ вмѣстѣ позади кареты, еще долго смотрѣлъ на виллу. Ренкампъ казался сильно раздосадованнымъ и сказалъ Францискѣ, что рѣшительно не повимаетъ, какимъ образомъ посѣщеніе герцога могло принять такой странный оборотъ.

Во время возвращенія на виллу, Манна подошла къ Эриху и сказала ему:

— Герцогъ поручилъ вашей матушкѣ передать вамъ свой поклонъ и напомнить вамъ, что вы были товарищемъ его дѣтства.

На что Эрихъ ей весело возразилъ:

— Самое пріятное въ герцогской милости для меня то, что Манна, взяли на себя трудъ мнѣ ее передать.

Оба были удивлены дружескими отношеніями, которыя по-

видимому успѣли установиться между Манной и Эрихомъ. |
вѣнь вѣриво стиснулъ зубы и кулаки, проваливая дерзкаго
тела.

— Гдѣ вы были? съ упрекомъ въ голосѣ спросилъ Зо
камъ Эриха.

— Я разговаривалъ съ слугой герцога, отвѣчалъ тотъ
Зонненкамъ пылливо на него взглянулъ и ушелъ въ
жерекю.

Пранкенъ объявилъ, что тоже намѣренъ уѣхать. Онъ
дѣялся, что Манна станетъ его удерживать, но молодая
вушка ни слова не сказала и ему болѣе ничего не остав
какъ дѣйствительно уѣхать.

На виллѣ водворилось всеобщее недовольство.

ГЛАВА XI.

РАСПОЛОЖЕНІЕ ВЫСШИХЪ.

Когда молнія, свергнувъ въ ночи, исчезаетъ съ небос
иракъ, который она на мгновеніе разсѣяла, какъ бы еш
лѣ сгущается и становится непроницаемымъ для глазъ.
точно было на виллѣ послѣ отъѣзда герцога. При встр
всѣ избѣгали смотрѣть другъ другу въ глаза, каждый сп
уйти въ свой уголокъ, но въ тоже время никто не осмѣл
яснѣе высказать таившуюся въ немъ досаду. Одинъ Іозефъ
стосердечно признался въ своемъ разочарованіи и нашелъ
сочувствіе въ дворецкомъ. Но послѣдній слушалъ жалобы
рища молча, потому что ротъ его былъ набитъ оставш
отъ завтрака лакомыми кусочками. За то онъ такъ усерд
валъ головой, что весь сдѣлался багровымъ.

— И хоть бы что оставили они намъ на водку! го
Іозефъ: стоило послѣ этого такъ заботиться объ ихъ п
А вѣдь при дворѣ у нихъ и прислуга и сервировка все
лучше напишъ! Фу, стыдъ какой! Такъ-таки никому ни
не дали на водку!

И оно дѣйствительно такъ было.

Тетушка Клавдія одна ничего не ожидала отъ пос
герцога и теперь, по отъѣздѣ его, одна не имѣла причин
имъ недовольной.

Зонненкамъ весь погрузился въ размышленіе о томъ,
онъ могъ возбудить неудовольствіе герцога. Ему было н
симо при мысли, что слово, взглядъ, расположеніе духа

чужда могли имѣть такое сильное вліяніе на его собственное нравственное состояніе. Съ усиленіемъ, отъ котораго его бросилъ жаръ, онъ старался припомнить всѣ малѣйшія подробности пребыванія въ его домѣ высокихъ гостей. Вдругъ ему явилось на память одно нетерпѣливое движеніе герцога и все сдѣлалось ему ясно. Онъ выразилъ его высочеству свою радость, но будетъ вмѣстѣ съ нимъ изъ одного источника почерпять силы и здоровье. Герцогъ вопросительно на него посмотрѣлъ, и онъ поспѣшилъ объяснить, что тоже ѣдетъ въ Карлсбадъ, гдѣ будетъ имѣть счастье ежедневно видѣть его высочество. Да, эти слова были всему причиной. Герцогъ окинулъ его удивленнымъ взглядомъ и едва замѣтно дернулъ себя за перчатку.

Зонненкампъ теперь ясно видѣлъ, что ему не слѣдовало упоминать о предполагаемой поѣздкѣ герцога въ Карлсбадъ, которая еще не была официально объявлена. Заговоривъ о ней, онъ могъ возбудить подозрѣнія въ томъ, будто бы тайно развѣдываетъ о намѣреніяхъ герцога. Сознавая всю свою неловкость, Зонненкампъ однако не столько возмущался ею, сколько необходимо было бы постоянно на сторожѣ и разыгрывать роль смиреннаго и почтительнаго подданнаго. Ну почему бы, думалъ онъ, герцогу не отнестись проще и дружелюбнѣе къ его замѣчанію? Или онъ недостаточно ловко и учтиво коснулся вопроса о его поѣздкѣ?

Перебирая въ умѣ дальнѣйшія подробности посѣщенія герцога, Зонненкампъ еще вспомнилъ, какъ тотъ сказалъ тетущкѣ Клардін:

— У васъ я чувствую себя особенно хорошо. Вокругъ васъ все такъ просто и уютно: сейчасъ видно, что вы ничѣмъ не старались нарушить обычнаго порядка вашего дня.

Герцогъ явно былъ недоволенъ приготовленіями, сдѣланными втайнѣ для его приѣма. Онъ могъ подумать, что его со всѣхъ сторонъ окружаютъ шпионы.

И гнѣвъ Зонненкампа снова обратился не на самого себя, а на герцога.

Его высочеству не слѣдовало забывать, что онъ, Зонненкампъ, такъ долго жилъ въ совсѣмъ другомъ свѣтѣ, при совершенно иныхъ условіяхъ. Профессорша должна бы была все лучше устроить: не даромъ же она нѣкогда была статсъ-дамой. Да и Пранкенъ тоже, которому, какъ каммергеру, хорошо были извѣстны придворные нравы и обычаи, могъ бы нѣсколько лучше повести все дѣло.

Въ досадѣ на всѣхъ его окружавшихъ, Зонненкампъ въ первый разъ подумалъ, какъ смѣшны люди, придавая такое важ-

ное значеніе всѣмъ этимъ почестямъ и отличіямъ. Вѣдь каждому изъ нихъ извѣстно, что все это вздоръ и обманъ, а между тѣмъ каждый притворяется передъ другимъ, будто питаетъ къ этимъ пустякамъ самое глубокое и искреннее уваженіе.

На мгновеніе Зонненкампу даже пришло на умъ совсѣмъ отказаться отъ своего плана. Ради чего домогается онъ дворянства, ищетъ доступа ко двору и стремится наложить на себя цѣпи? Онъ до сихъ поръ гордился своей независимостью, а теперь ему предстоитъ отъ нея отказаться и каждое свое движеніе, слово и взглядъ подчинить придворному этикету. Нѣтъ, онъ этого не хочетъ и предпочитаетъ остаться свободнымъ, сохранивъ за собой право открыто презирать общество, которое онъ до сихъ поръ презиралъ втайнѣ.

Но къ сожалѣнію онъ зашелъ уже слишкомъ далеко и отступленіе навлекло бы на него одинъ стыдъ. Къ тому же онъ такъ долго тѣшилъ надеждой на дворянство Цереру и чувствовалъ, что его связываютъ обязанности въ отношеніи къ Пранкену и въ особенности къ Роланду. Что станетъ съ послѣднимъ, если онъ не займетъ мѣста въ ряду дворянства? Что, если онъ, или его потомки обѣднѣютъ? Нѣтъ, дворянскій дипломъ въ его положеніи дѣлался необходимостью. Имѣніе, приобрѣтенное цѣной неусыпныхъ заботъ, должно быть превращено въ маіоратъ, такъ чтобъ потомки Зонненкампа никогда болѣе не могли утратить ни своихъ богатствъ, ни своего положенія въ свѣтѣ. Дача и замокъ на Рейнѣ навсегда должны остаться во владѣніи его рода.

Воспоминаніе о собственной юности внезапно поднялось изъ глубины души Зонненкампа и онъ произнесъ вслухъ:

— Ты долженъ отвратить отъ твоихъ дѣтей то, что погубило тебя самого.

И съ этой твердой рѣшимостью онъ вернулся домой, гдѣ смѣло и открыто началъ говорить о счастіи, какое ему доставило посѣщеніе герцога. Узнавъ отъ Іозефа, что ихъ высочества уѣхали, никому ничего не давъ на водку, онъ самъ роздалъ слугамъ значительную сумму денегъ, говоря, что герцогъ нарочно съ этой цѣлью оставилъ ее Пранкену. Зонненкамп надѣялся, что слуги разнесутъ по всей окрестности слухъ о томъ, что герцогъ былъ на виллѣ и щедро ихъ всѣхъ награждалъ. Это возбудитъ зависть, которая еще болѣе поспѣшитъ всюду распространить лестную для него молву и такимъ образомъ всѣ будутъ обмануты. А что можетъ быть пріятнѣе, какъ дурочить людей.

Зонненкампъ тихонько засвисталъ, что составляло неопро-

важное доказательство его хорошаго расположенія духа. Онъ особеннымъ вниманіемъ окружилъ тетушку Клавдію, хвалилъ ея скромность и говорилъ, что она вполне оправдываетъ высокое мнѣніе герцога. Его несказанно забавляло смотрѣть, какъ люди отклоняютъ отъ себя похвалы, и въ тоже время не умѣютъ скрыть, какъ пріятно щекочетъ она ихъ самолюбіе.

Когда на слѣдующій вечеръ тетушка съ Манной отправилась на плоскую крышу виллы любоваться звѣздами, онъ нашелъ тамъ превосходный телескопъ. Обѣ выразили Зонненкампу живѣйшую благодарность, а онъ поспѣшилъ воспользоваться случаемъ и обратился къ тетушкѣ съ просьбой сопутствовать его семейству въ Карлсбадъ. Но тетушка Клавдія, равно какъ и профессорша, рѣшительно отъ этого отказались.

Пранкенъ вскорѣ опять пріѣхалъ. Онъ счелъ за лучшее не показывать вида, будто Эрихъ могъ его оскорбить, чтобъ тѣмъ самымъ не подать учителю повода думать, что онъ на него смотритъ какъ на равнаго.

На этотъ разъ Пранкенъ остался очень доволенъ приѣмомъ Манны, которая встрѣтила его пріятнѣе обыкновеннаго.

— Я очень радъ, сказалъ онъ, что въ васъ, подобно другимъ женщинамъ, тоже есть нѣчто напоминающее сфинкса. Я въ васъ ошибся и повторяю, очень этимъ доволенъ. Загадочность постоянно поддерживаетъ въ жизни интересъ и сообщаетъ ей особенную прелесть.

Манна не поняла, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но воздержалась отъ распросовъ. Она между прочимъ выразила сожалѣніе, что профессорша и тетушка Клавдія не ѣдутъ съ ними въ Карлсбадъ. Пранкенъ возразилъ, что это весьма ловко съ ихъ стороны, но Манна съ изумленіемъ на него смотрѣла все время, какъ онъ говорилъ о самонадѣянности гугенотовъ.

— И капитанъ Дорнэ, прибавилъ онъ, безъ сомнѣнія тоже останется дома? По крайней мѣрѣ онъ въ прошломъ году очень рѣшительно отказался отъ поѣздки въ Виши.

— Не знаю, отвѣчала Манна. Въ эту минуту въ комнату вошелъ Зонненкампъ и она обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Батюшка, капитанъ Дорнэ ѣдетъ съ нами на воды?

— Конечно. Онъ самъ ни минуты не колебался, зная, что принадлежитъ къ нашему дому.

Пранкенъ былъ непріятно удивленъ. Онъ поспѣшилъ замѣтить, что находить это вполне естественнымъ, тѣмъ болѣе что капитанъ Дорнэ — на словѣ капитанъ онъ сдѣлалъ особенное удареніе, — безъ сомнѣнія ожидаетъ найти въ Карлсбадѣ своего друга негра Адама, съ которымъ успѣлъ свести здѣсь знаком-

ство во время посѣщенія герцога. Пранкенъ повидимому надѣялся, что Зонненкампъ и Манна его поддержать, но ни тотъ ни другая не сказали ни слова. Ему такимъ образомъ ничемъ не оставалось, какъ самому закончить свою рѣчь. — Эти атеисты и демократы, сказалъ онъ, постоянно стремятся все разрушать и даже братаются съ неграми. Впрочемъ капитанъ Дорнэ, надѣясь отдать ему справедливость, совершенно искрененъ и въ высшей степени послѣдователенъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ и поступкахъ.

Немного спустя на виллу пріѣхали Белла и Клодвигъ. Они явились только затѣмъ, чтобъ объявить о своемъ отъѣздѣ изъ Вольфсгартена и выразить надежду на скорое свиданіе въ Карлсбадѣ. Белла казалась въ высшей степени довольной тѣмъ, что ей предстоитъ провести нѣсколько недѣль въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ семействомъ Зонненкампа. Она общалась самой себѣ и другимъ много удовольствія и очень развязно сказала Эриху, что онъ непременно долженъ пѣть въ благотворительномъ концертѣ, въ которомъ она будетъ играть.

Эрихъ безъ малѣйшаго смущенія общался исполнить ея желаніе.

ГЛАВА XII.

У ИСТОЧНИКА, СОСТАВЛЯЮЩАГО ГОРДОСТЬ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ.

Въ этомъ году сезонъ водъ въ Карлсбадѣ обѣщали быть однимъ изъ самыхъ блестящихъ. Туда съѣхалось множество знатныхъ, богатыхъ гостей и въ то же время не мало авантюристовъ. Къ числу самыхъ интересныхъ личностей принадлежалъ Зонненкампъ, который, впрочемъ, многими причислялся также и къ знати, потому что находился въ непосредственныхъ съ нею сношеніяхъ. Онъ пріѣхалъ въ Карлсбадъ съ большой свитой. При немъ находились жена, дочь и сынъ, гувернеръ и гувернантка послѣднихъ и множество слугъ, которыхъ онъ изъ скромности не хотѣлъ одѣть въ ливрею.

Когда Зонненкампъ пріѣхалъ въ Карлсбадъ, герцогскій дворецъ, Белла и Клодвигъ были тамъ уже цѣлую недѣлю. Послѣдній съ нѣкоторой торжественностью повелъ своего молодого друга къ источнику и передалъ ему слова, слышанныя имъ здѣсь отъ философа Шеллинга.

— Обратите вниманіе на этотъ источникъ, сказалъ ему философъ: онъ составляетъ гордость нашей планеты.

Затѣмъ Клодвигъ прибавилъ отъ себя, что такого рода цѣ-

жизни источникъ вполне уничтожаетъ всякое различіе между людьми высокаго и низкаго происхожденія. Онъ какъ будто всѣмъ говоритъ: «Знатны вы, бѣдны или богаты, вы всѣ одинаково получаете ваши роскошныя и убогія жилища и являетесь сюда истинно здоровыя. Передо мной вы всѣ равны».

Дѣтъ свободы, повидимому, уже повѣялъ на Клодвига.

Въ одинъ день съ Зонненкампомъ въ Карлсбадъ пріѣхалъ еще другой человѣкъ, обратившій на себя всеобщее вниманіе, именно на то, что отличался скромностью, равнявшейся развѣ только его заслугамъ. Это былъ Вейдеманъ, котораго Эрихъ уже въ слѣдующее утро встрѣтилъ близъ источника. Все общество, собранное въ этомъ году въ Карлсбадѣ, еще долго послѣ сезона много говорило о томъ, какъ герцогъ милостиво обошелся съ президентомъ палаты депутатовъ, который стоялъ въ рядахъ оппозиціи и былъ одною изъ главныхъ ея опоръ. Его высочество дважды приглашалъ Вейдемана къ своему столу и неоднократно разговаривалъ съ нимъ по утрамъ, близъ источника. Но объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве статистика отзывалась какъ-то неопредѣленно. Одни увѣрили, что герцогъ разговаривалъ съ Вейдеманомъ два раза, другіе, что три, а нѣкоторые утверждали, что много разъ.

Эрихъ съ Вейдеманомъ опять видѣлся только урывками. Онъ уже болѣе не смѣлъ повторять ему такъ часто даваемое и неисполняемое обѣщаніе навѣстить его въ собственномъ домѣ.

Клодвигъ немедленно по пріѣздѣ Эриха представилъ ему своего друга, очень умнаго и образованнаго банкира изъ сосѣднаго торговаго города. Онъ съ нимъ ежегодно встрѣчался на водахъ, или здѣсь, въ Карлсбадѣ, или въ Гаштейнѣ, или въ Остенде. Графъ и банкиръ были почти однихъ лѣтъ и находя большое удовольствіе въ обществѣ другъ друга, проводили вмѣстѣ иногда нѣсколько дней. Банкиръ, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, былъ еще держимъ почти юношескимъ пыломъ къ наукѣ. Онъ еще до сихъ поръ все жаждалъ познаній и видался на нихъ съ алчностью вѣстаго германскаго студента, а болтливостью своей не уступалъ любому французу. Клодвигъ же, напротивъ, постоянно охранялъ спокойствіе духа, почти никогда не говорилъ на ходу, но желая что-нибудь сообщить или возразить своему собесѣднику, всегда останавливался и пока говорилъ, не двигался съ мѣста.

Банкиръ не замедлилъ объявить Эриху, что онъ еврей. По всему было видно, что Клодвигъ ему уже много говорилъ о своемъ молодомъ другѣ. Но попытка банкира къ быстрому сближенію съ Эрихомъ не встрѣтила со стороны послѣдняго соот-

вѣтственнаго рвенія. Молодой человѣкъ самъ не привыкъ бо слушать, чѣмъ говорить и, кромѣ того, почувствовать къ своему новому знакомцу маленькую зависть. Онъ сильно радовался (чаю въ теченіи нѣсколькихъ недѣль ежедневно видѣться съ Клевигомъ, а теперь ему приходилось дѣлиться этимъ удовольствіемъ съ банкиромъ.

За общимъ завтракомъ рѣчь очень часто шла о герцогѣ и графинѣ Беллѣ. Туалетъ графини обыкновенно разбирался ниточкамъ. Ее почти каждое утро встрѣчали на прогулкѣ вместе съ герцогомъ и не разъ слышали, какъ послѣдній веселѣлся, слушая ея остроумныя замѣчанія. Онъ выказывалъ также большое расположеніе къ Клодвигу.

Белла устроила около себя родъ маленькаго двора. Она за трапезою всегда въ самомъ отборномъ обществѣ на открытомъ воздухѣ, не стѣсняясь ничѣмъ взорами. А столъ ея постоянно былъ украшенъ самыми роскошными цвѣтами. Говорили, что оркестръ игравшій въ курзалѣ, разучивалъ сочиненный ею вальсъ.

Зонненкампъ каждое утро встрѣчалъ на прогулкѣ Беллу, когда та гуляла съ герцогомъ. Графиня, въ отвѣтъ на его поклонъ, всегда очень привѣтливо кивала ему головой и герцогъ тоже слегка ему кланялся, но до сихъ поръ еще ни разу не заговаривалъ съ нимъ.

Государственный совѣтникъ также находился въ свитѣ герцога и вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ, который постоянно издали наблюдалъ за безопасностью его высочества, составлялъ обычно общество Зонненкампа во время утреннихъ прогулокъ.

Пранкенъ жилъ отдѣльно, самъ по себѣ, но въ теченіи дни почти не разлучался съ семействомъ Зонненкампа.

На гуляньѣ еще часто появлялась одна красавица, русская боярыня. Всегда неизмѣнно одѣтая въ черное, съ густымъ вуалемъ на головѣ, она гуляла постоянно одна и никогда ни съ кѣмъ не заговаривала. Ходили слухи о большомъ несчастіи, постигшемъ ее на первой же порѣ ея замужества. Оказалось, что мужъ ея имѣлъ еще другую жену, на которой женился прежде нея.

Манна вовсе не показывалась по утрамъ. Она вставала рано, ходила въ церковь, а затѣмъ оставалась дома. Игра на арфѣ составляла ея главное занятіе, и жила она, по собственному выбору, въ комнатѣ, откуда никто не могъ ее слышать.

Церера каждое утро привлекала на себя вниманіе всего общества. Она обыкновенно являлась къ источнику въ носилкахъ. На колѣняхъ у нея лежала крошечная собачка, а въ рукѣ она держала розу. Пранкенъ постоянно около нея увивался, а фрейленъ Перини, съ своей стороны, ни на шагъ не отходила отъ

носилъ. Послѣ полудня Церера, въ роскошномъ нарядѣ, прогулилась по самымъ многочленнымъ аллеямъ. Всѣ съ изумленіемъ на нее смотрѣли, не понимая, зачѣмъ она, совсѣмъ здоровая, каждое утро заставляла приносить себя къ источникамъ. Церера нравилось быть предметомъ всеобщаго вниманія, а то, что говорилось о ней за спиной, она не слышала.

Послѣ первыхъ трехъ дней, Эрихъ запретилъ своему воспитанику ходить къ источникамъ. Зонненкампу, которому пріятно было видѣть, какъ всѣ восхищались необыкновенной красотой его сына, возсталъ противъ распоряженія Эриха, но тотъ обѣщалъ, что никакое занятіе невозможно послѣ того, какъ мальчикъ наслушается музыки. Зонненкампу пришлось уступить и Роландъ проводилъ всѣ утренніе часы наединѣ съ Эрихомъ. Но и тогда они позже появлялись на гуляньѣ, взоры всѣхъ невольно на нихъ обращались. И мужчины, и дамы, всѣ одинаково любовались прекрасной наружностью юноши и болѣе зрѣлой и выразительной красотой его наставника.

Франкенъ часто выражалъ сожалѣніе, что милостивое вниманіе къ нему герцога не рѣдко по цѣлымъ днямъ лишало его удовольствія видѣться и бесѣдовать съ друзьями.

Зонненкампу наконецъ могъ похвалиться, что возвращается въ кругу самаго избраннаго общества. Онъ былъ этимъ обязанъ Беллѣ и вовсе не смущался, когда у него за спиной говорили, что знакомство на водахъ вовсе не обязываетъ къ дальнѣйшему сближенію въ столицѣ. Зонненкампу еще здѣсь надѣялся получить желаемое возвышеніе въ свѣтѣ, которое разомъ поставило бы его на равную ногу со всей этой знатью. Онъ и теперь уже чувствовалъ себя совершенно свободно въ ея обществѣ и заранѣе приобрѣлъ въ своемъ обращеніи съ ней большую развязность.

Въ одно прекрасное іюльское утро Белла угощала своихъ знакомыхъ завтракомъ, на который пригласила, между прочимъ, и всю семью Зонненкампа. Манна при этомъ случаѣ въ первый разъ явилась въ общество въ сопровожденіи своей матери. Въ числѣ гостей находились государственный совѣтникъ, генераль-адъютантъ и всѣ самые знатные изъ придворныхъ. Столъ, накрытый для завтрака, былъ съ большимъ вкусомъ убранъ рѣдкими цвѣтами. На разпросы гостей Белла отвѣчала, что цвѣты эти были ей доставлены и сложены въ букеты Зонненкампомъ. При этомъ она ловко распространилась насчетъ его необыкновеннаго искусства въ дѣлѣ разведенія цвѣтовъ и плодовъ и между прочимъ назвала его истымъ жрецомъ садоводства.

Зонненкампъ остался очень доволенъ, какъ словами графини такъ и впечатлѣніемъ, какое повидимому они произвели на гостей.

Манна робко замѣтила, что ее подобная выставка цвѣтовъ въ симметрическомъ порядкѣ всегда неприятно поражаетъ. Цвѣты сложенные въ букеты и крѣпко связанные, говорила она, прижимаясь одинъ къ другому, утрачиваютъ свой настоящій характеръ. Розы особенно возбуждали въ ней сожалѣніе.

Эрихъ замѣтилъ, что жизнь безъ цвѣтовъ была бы лишена лучшаго своего украшенія. Все чистое и прекрасное, говорилъ онъ, по временамъ подвергается дурному обращенію и разнаго рода искаженіямъ, но въ самомъ стремленіи людей по возможности наиболѣе украшать свое существованіе, онъ не видѣлъ рѣшительно ничего предосудительнаго.

Пранкенъ, замѣтивъ впечатлѣніе, какое эти слова произвели на Манну, очень ловко воспользовался вмѣшательствомъ въ разговоръ. Что до него касается, сказалъ онъ, то ему тоже не нравятся цвѣты въ букетахъ. Цвѣты, птицы и женщины составляютъ лучшее украшеніе жизни и потому ихъ надо щадить и ни подѣ какимъ видомъ не лишать свободы.

Разговоръ принялъ шутовское направленіе. Всѣ были въ эту утреннюю пору дня веселы и оживлены. Въ числѣ гостей находился одинъ, котораго все общество точно согласилось избрать предметомъ своихъ болѣе или менѣе остроумныхъ выходокъ. Это былъ высокаго роста и очень худощавый лейтенантъ изъ Шварцбург-Зондергаузена, но Белла постоянно ошибалась и говорила изъ Шварцгаузенъ-Зондербурга. Этотъ лейтенантъ открыто признавался, что прокутилъ все свое состояніе и теперь искалъ богатую невѣсту изъ мѣщанокъ, которую намѣревался осчастливить, давъ ей свое аристократическое имя. Белла усердно надъ нимъ подшучивала, что ни мало его не смущало. Долговязый лейтенантъ и самъ не былъ лишень остроумія. Онъ все выражалъ сожалѣніе, что у Зонненкампа нѣтъ, вмѣсто Роланда, еще другой дочери, на которой онъ могъ бы жениться.

Манна покраснѣла. Это замѣчаніе лейтенанта ясно доказывало, что на нее всѣ смотрѣли, какъ на невѣсту Пранкена.

За столомъ между прочимъ было рассказано много двусмысленныхъ анекдотовъ. Манной овладѣло тоскливое чувство. Она слушала молча и думала про себя: «прежде чѣмъ я на вѣки разстанусь съ міромъ, мнѣ слѣдуетъ узнать всю его суету».

Эрихъ догадывался о томъ, что происходило въ сердцѣ молодой дѣвушки, и выбравъ удобную минуту, шепнулъ ей:

— Въ библіи сказано, что Богъ пощадилъ бы Содомъ, еслибъ нашелъ тамъ нѣсколько праведниковъ. Смотрите: солнце сіяетъ,

птицы поютъ, цвѣты благоухаютъ—нельзя ли изъ этого заключить, что мѣръ богаче добродѣтелью, нежели мы полагаемъ.

— Развѣ вы тоже вѣрующій? тихо спросила Манна.

— Да, только иначе, чѣмъ вы!

Послѣ завтрака Клодвигъ, Зонненкампъ, Эрихъ, Роландъ и барьеръ отправились гулять въ лѣсъ. Белла удержала Манну при себѣ.

Франкенъ, который въ этотъ день былъ свободенъ отъ своихъ придворныхъ обязанностей, тоже остался съ ними.

Белла заговорила съ Манной о нарядахъ для слѣдующаго бала, на который, ея стараніями, былъ наконецъ приглашенъ и Зонненкампъ съ семействомъ. Манна просила, чтобъ ее оставили въ покоѣ дома, но объ этомъ никто и слышать не хотѣлъ и она должна была уступить общему желанію.

Мужчины между тѣмъ все дагѣе и дагѣе углублялись въ лѣсъ. Сначала Эрихъ шелъ съ Клодвигомъ и послѣдній съ добродушной улыбкой слушалъ, какъ молодой человѣкъ ему говорилъ, что разсѣянная жизнь на водахъ, съ которой онъ до сихъ поръ вовсе не былъ знакомъ, производитъ на него странное, какъ бы ослепляющее впечатлѣніе. Не дурно было бы, прибавилъ Эрихъ, ежегодно посылать куда-нибудь людей на нѣсколько недѣль для врачеванія ихъ духа. Заботливость, исключительно обращенная на физическое благосостояніе, развѣ не свидѣтельствуетъ о крайнемъ развитіи въ человѣкѣ эгоизма?

Клодвигъ, какъ всегда, когда что-нибудь особенно сильно возбуждало его вниманіе, остановился.

— Вы никогда вполнѣ не свыкнетесь съ жизнью, какою жить на свѣтѣ большинство людей, сказалъ онъ и пошелъ дагѣе.

На одномъ изъ поворотовъ дороги Эрихъ остался позади, а Клодвигъ поровнялся съ Зонненкампомъ. Рѣчи и поступки послѣдняго, возбуждая въ графѣ непреодолимое отвращеніе, въ тоже время какъ-то странно его къ нему привлекали. Клодвигу еще никогда не приходилось встрѣчаться съ такого рода человѣкомъ.

Зонненкампъ воспользовался случаемъ и еще разъ попытался склонить графа въ пользу своего дѣла о дворянствѣ. Но онъ встрѣтилъ съ его стороны такой отпоръ, какого вовсе не ожидалъ. Клодвигъ вполнѣ уничтожилъ его самымъ вѣжливымъ образомъ.

— Я удивляюсь вашему мужеству и вашей настойчивости, говорилъ онъ, а въ тонѣ его звучало: твоя дерзость и твоя наглость мнѣ несказанно противны.

— Вы неутомимы и у васъ неисчерпаемый запасъ энергіи,

прибавилъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, но подъ этимъ надо было разумѣвать: ты безсовѣстный наглецъ!

Зонненкампъ многое испыталъ на своемъ вѣку, но въ такомъ положеніи еще никогда не бывалъ. Онъ и не подозрѣвалъ, что можно было такъ жестоко уязвить самолюбіе человѣка, не выходя изъ предѣловъ самой утонченной вѣжливости. Но онъ не смѣлъ выказывать своей досады и продолжалъ любезно улыбаться. С другой стороны Клодвигъ тоже сохранялъ невозмутимое спокойствіе и все время похлопывалъ пальцемъ по крышкѣ своей золотой табакерки, точно говоря заключавшемуся въ ней наркотическому средству: погоди, мы съ тобой угостимъ этого человѣка! И дѣйствительно, открывъ табакерку, Клодвигъ предложилъ Зонненкампу щепотку табаку. Тотъ съ благодарностью взялъ понюхалъ.

Эрихъ между тѣмъ шелъ съ банкиромъ. У нихъ вскорѣ завязался весьма интересный для обоихъ разговоръ. И тотъ и другой одинаково любили и уважали Клодвигу и наперерыв старались его выхвалять. Банкиръ между прочимъ сказалъ, что можетъ быть однимъ только аристократамъ доступенъ такой свободный образъ мыслей и такая безграничная гуманность въ обращеніи, какими обладаетъ графъ Вольфсгартенъ.

Роландъ взглянулъ на Эриха, точно желая сказать ему видишь, и онъ говорить тоже самое.

Эрихъ съ жаромъ сталъ опровергать мнѣніе банкира, который до сихъ поръ относился къ нему нѣсколько покровительственно, а теперь вдругъ распространился въ похвалахъ ему.

Возвратясь съ прогулки, Эрихъ былъ встрѣченъ радостнымъ извѣстіемъ: въ Карлсбадъ пріѣхалъ его бывший учитель, профессоръ Эйвзидель.

Добрый, погруженный въ самого себя старикъ, отправленный на воды однимъ изъ своихъ товарищей, главнымъ университетскимъ докторомъ, внезапно почувствовалъ себя точно въ изгнаніи, растерялся и рѣшительно не зналъ, за что ему взятыся. Но Эрихъ явился ему на помощь и мгновенно вывелъ его изъ затрудненія. Онъ нанялъ ему квартиру, распорядился на счетъ его стола и былъ въ высшей степени радъ случаю оказать ему услугу.

Разговаривая съ своимъ бывшимъ учителемъ, Эрихъ увидѣлъ Зонненкампа, который вдали прогуливался съ профессоромъ Крутіусомъ.

Послѣдній повидимому не зналъ, какъ ему отдѣлаться отъ тягостнаго для него общества и когда наконецъ Зонненкампъ подалъ ему на прощанье руку, онъ быстро схватился за шляпу и отвѣсилъ своему собесѣднику весьма низкій и утиный поклонъ.

Эту, къ великому его удовольствію, удалось помѣстить профессора Эйнвидела въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ жило семейство Зонненкампа.

ГЛАВА XIII.

ПОЛНОЕ ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ СВѢТЪ.

Въ роскошномъ нарядѣ, съ цвѣтами на головѣ вошла Манна въ большую залу. Взоръ ея нечаянно остановился на зеркалѣ и видѣвъ въ немъ отраженіе своихъ обнаженныхъ плечъ, она смѣливо поспѣшила окутать ихъ въ облака тюля.

Видѣвъ за ней пришелъ и Эрихъ съ Роландомъ.

Молодой человекъ остановился, какъ бы пораженный наглостью Манны.

— Какъ вы поздно вернулись домой, сказала она.

Эрихъ объявилъ ей, что все это время посвящалъ своего учителя въ нравы и обычаи жизни на водахъ. Затѣмъ онъ выразилъ надежду, что Манна не замедлитъ познакомиться съ этимъ человекомъ, который, онъ былъ увѣренъ, какъ нельзя больше нравится ей по душѣ.

— Вы говорите, вашъ учитель пріѣхалъ? спросила Манна голосомъ, въ которомъ съ нѣкоторыхъ поръ снова начали звучать слезы. — Пожалуйста, завтра же меня съ нимъ познакомьте. А теперь вамъ надо поспѣшить, иначе вы опоздаете на балъ.

— Я на него не приглашенъ, возразилъ Эрихъ.

— Да, онъ не приглашенъ, подтвердилъ Роландъ, и я вмѣстѣ съ нимъ остаюсь дома.

Въ эту минуту въ комнату вошли Зонненкампъ и Церера. Всѣ ихъ убѣжденія ни къ чему не повели. Роландъ остался при своемъ намѣреніи, которое не могли поколебать даже самыя настойчивыя просьбы Эриха. Вскорѣ все семейство отправилось на балъ и Роландомъ вдругъ овладѣло позднее раскаяніе, что онъ не пошелъ со всѣми. Эрихъ повелъ его на хоры залы, откуда можно было видѣть все общество.

Пранкенъ имѣлъ видъ настоящаго героя праздника и Манна влюбилась въ него всѣмъ сердцемъ. Она была очень оживлена, на танцѣхъ она играла яркій румянецъ. Роландъ сильно на нее докучалъ за то, что она ни разу не взглянула въ верхъ на хоры.

Вдругъ Манна посреди веселаго разговора спросила Пранкена: — Слышали вы, что сюда пріѣхалъ учитель капитана Дорнэ? Пранкенъ сердито сдвинулъ брови. Какъ, она посреди смѣха

и танцевъ думаетъ объ этомъ человѣкѣ? Онъ не вдругъ нашелъ что отвѣчать, но послѣ минутнаго раздумья весело проговорилъ

— Ахъ, еще учитель! Неужели вамъ не надобна вся эта ученость? Теперь вокругъ насъ все танцуетъ и веселится: давайте и мы дѣлать тоже.

И онъ увлекъ ее въ быстрый вальсъ. Маннѣ казалось, что она летитъ по воздуху и вовсе не касается ногами пола.

— Уйдемъ отсюда, сказалъ Роландъ Эриху и они, сойдя съ хора, вышли на открытый воздухъ и при лунномъ свѣтѣ стали взбираться на гору по той самой дорожкѣ, по которой шли утромъ.

— Скажи пожалуйста, внезапно спросилъ Роландъ, неужели человѣкъ дѣйствительно не долженъ ни съ кѣмъ дѣлиться тайной, которую ему тяжело носить въ своемъ сердцѣ? Есть одна вещь, о которой мнѣ ужасно хотѣлось бы съ тобою поговорить. Какъ ты думаешь, могу я это сдѣлать?

— Нѣтъ, ты ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ нарушать даннаго слова. Позволь себѣ это только разъ и ты навсегда утратишь надъ собою всякое самообладаніе.

Роландъ вздохнулъ. Ему очень хотѣлось сказать Эриху, что все семейство его въ скоромъ времени получить дворянство.

Взойдя на вершину горы, они увидѣли у ногъ своихъ величавые горные хребты и всю долину, облитую мягкимъ луннымъ свѣтомъ. Пылкимъ до нихъ долетали звуки бальной музыки.

— Я предчувствую, снова заговорилъ Роландъ, что сегодня вечеромъ Манна будетъ объявлена невѣстой Пранкена. Матушка полагаетъ, что это можетъ ускорить разрѣшеніе той тайны, которой я тебѣ говорилъ. Вѣдь угадать ее ты вправдѣ: это тебѣ никто не можетъ запретить.

Эрихъ строго замѣтилъ Роланду, что онъ весьма дурно дѣлаетъ, говоря о семейной тайнѣ, которая ему одному была известна.

Голосъ молодого человѣка слегка дрожалъ. Онъ давно зналъ, что событіе, которое теперь повидимому приближалось къ развязкѣ, должно было совершиться, но въ эту минуту оно его поразило какъ совершенно новое, неожиданное, необычайное и вѣстие. Онъ съ восторгомъ и въ тоже время съ страшной болью въ сердцѣ, почувствовалъ, что Манна стала ему гораздо ближе и дороже, чѣмъ онъ до сихъ поръ осмѣливался въ томъ дѣлѣ передъ самимъ собой сознаваться. Подъ вліяніемъ этого чувства онъ съ такимъ усиленіемъ воткнулъ палецъ въ землю, что она сломалась, а затѣмъ онъ позвалъ Роланда домой.

Одновременно съ ними передъ подъѣздомъ ихъ жилища оставилась карета. Изъ нея вышелъ Зонненкампъ, а за нимъ и Цара съ Манной.

— Ты объявлена невѣстой Пранкена? спросилъ Роландъ у оной сестры.

— Ты, какъ я вижу, еще вовсе неразумный ребенокъ, отвѣтила та и быстро взбѣжала на лѣстницу.

Зонненкампъ пригласилъ Эриха къ себѣ въ комнату, а Роланду приказалъ идти спать.

— Вотъ здѣсь лежать болѣе легкія сигары. Пожалуйста возьмите и закурите одну изъ нихъ, сказала Зонненкампъ, садясь въ кресло и опровидываясь на спинку его. Я смотрю на васъ, милаго, какъ на члена моей семьи: вы нашъ и всегда остаетесь нашимъ.

Эрихъ вздрогнулъ. Уже не угадывалъ ли отецъ Манны его чувства къ ней и не намѣревался ли онъ, подъ вліяніемъ невольнаго вопроса Роланда, внушить ему мысль о необходимости отнѣсти и навсегда перестать о ней думать. Или не хочетъ ли онъ, напротивъ, предложить ему руку своей дочери? Эти противурѣчія одна другой мысли успѣли пробѣжать у него въ головѣ, пока Зонненкампъ молчалъ, видимо ожидая сочувственнаго отвѣта на свое любезное заявленіе. Но Эрихъ ничего не говорилъ. Зонненкампъ всталъ и пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, остановился передъ нимъ.

— Сегодня я хочу вамъ дать самое лучшее доказательство моего довѣрія къ вамъ. Дайте мнѣ вашу руку.

Эрихъ повиновался, но слегка вздрогнулъ, коснувшись жемчужнаго кольца на большомъ пальцѣ правой руки Зонненкампа, который продолжалъ:

— Я въ высшей степени цѣню и уважаю вашу скромную сдержанность.

Недоумѣніе Эриха съ каждой минутой усиливалось и онъ тревожно озирался вокругъ.

Что все это означало?

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ молча покуривъ сигару, Зонненкампъ снова заговорилъ:

— Вы никогда ни однимъ словомъ не дали замѣтить, что видите и понимаете все, что происходитъ у васъ передъ глазами.

Эрихъ все еще не могъ преодолѣть внезапно охватившаго его страха. Зонненкампъ говорилъ съ такими частыми и длинными разстановками.

Наконецъ у него точно противъ воли вырвались слова:

— Вы конечно знаете, что я хлопочу о возведеніи меня въ дворянское достоинство?

— Нѣтъ, я этого до сихъ поръ не зналъ.

— Неужели? Развѣ Роландъ никогда вамъ не намекалъ...

— Онъ намекалъ на какую-то тайну, но я ему строго запретилъ передавать мнѣ то, что было ему самому сообщено по секрету.

— Прекрасно, вы отличный учитель! Я вамъ благодаренъ.. очень благодаренъ и признательности моей не будетъ конца, если вы согласитесь исполнить мою просьбу... Капитанъ, вы можете многое сдѣлать для скорѣйшаго осуществленія моихъ желаній.

— Я?

— Да, вы. Графъ Вольфсгартенъ васъ удостоиваетъ своей особенной дружбы. Мы уже почти можемъ считать его своимъ родственникомъ; но всякій разъ, что я, или мои друзья въ разговорѣ съ нимъ касаемся вопроса о моемъ возвышеніи въ свѣтѣ онъ уклоняется отъ прямого отвѣта. Вы знаете меня, любезный капитанъ, вы могли за мной наблюдать и съ вашей проницательностью конечно давно уже замѣтили, что я, несмотря на всѣ мои недостатки, въ сущности все-таки честный и добрый человекъ. А вы, насколько мнѣ извѣстно, всегда дѣйствуете сообразно съ вашими убѣжденіями... Вѣдь вы меня понимаете не правда ли?

— Говоря откровенно, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ все объясню въ двухъ словахъ. На дняхъ я даю праздникъ. Между тѣмъ какъ я займусь евреемъ, вы отведете въ сторону вашего друга графа Вольфсгартена и постарайтесь вывѣдать отъ него, какое мнѣніе онъ намѣренъ подать, а можетъ быть уже и подалъ обо мнѣ. Вамъ это будетъ не трудно.

— Не лучше ли вамъ поручить это барону фонъ-Пранкену графинѣ, или государственному совѣтнику?

— Нѣтъ. Еслибы это было возможно, я не сталъ бы васъ утруждать. Графъ Вольфсгартенъ до сихъ поръ, какъ я вамъ говорю, постоянно уклонялся отъ прямого отвѣта. Онъ съ своимъ ственнымъ ему педантизмомъ... или лучше сказать, съ обычною своей деликатностью чувства думаетъ, что обязанъ хранить въ строгой тайнѣ мнѣніе, которое никто не долженъ знать, кромѣ герцога. Его высочество все это время въ отличномъ расположеніи духа, но черезъ нѣсколько дней онъ отсюда уѣзжаетъ. Не правда ли, любезный Дорнэ, вы исполните мою просьбу: это вамъ будетъ такъ легко!

— Господинъ Зонненкампъ, возразилъ Эрихъ, вы за минут

передъ тѣмъ похвалили меня за то, что я удержалъ Роланда, когда онъ хотѣлъ сообщить мнѣ ввѣренную ему тайну. Какъ же я могу теперь...

— Ахъ, любезный Дорнэ, перебилъ его Зонненкампъ, мало ли то мы запрещаемъ молодымъ людямъ, а себѣ позволяемъ. Я глубоко уважаю вашу правдивость, знаю, что то, о чемъ я васъ теперь прошу, составляетъ для васъ настоящую жертву, но.... не откажитесь мнѣ ее принести.

Эрихъ старался всячески отклонить отъ себя это порученіе. Онъ находилъ себя вовсе неспособнымъ къ развѣдыванію чужихъ тайнъ. А передавать еще третьему лицу то, что ему самому довѣрилъ бы другъ, онъ считалъ настоящей измѣной. Зонненкампъ, слушая его, тихонько свисталъ.

— Къ тому же, въ заключеніе сказалъ Эрихъ, я увѣренъ, что ничего не сумѣю добиться отъ графа.

Зонненкампъ былъ сильно раздосадованъ, но тѣмъ не менѣе успѣлъ совладать съ собой. Онъ рассыпался въ похвалахъ добросовѣстности Эриха, съ восторгомъ отзывался объ его удивительномъ тактѣ, о его нравственной чистотѣ, о благородствѣ его образа мыслей и... даже попросилъ извиненія въ томъ, что одно время видѣлъ въ немъ нѣчто болѣе, чѣмъ друга Беллы. Его собственные, горькіе опыты въ жизни были причиной такой подозрительности, но наконецъ онъ могъ похвалиться тѣмъ, что встрѣтилъ дѣйствительно чистаго и честнаго человѣка.

Эрихъ никогда не надѣялся, чтобы Зонненкампъ сумѣлъ его такимъ образомъ оцѣнить. Человѣкъ, который понимаетъ благородныя стремленія другихъ людей, думалъ онъ, непременно и самъ долженъ носить ихъ въ собственной душѣ.

Отъ Зонненкампа не ускользнуло впечатлѣніе, какое произвели на молодого человѣка его слова. Положивъ руку на плечо Эриха, онъ сказалъ ему дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ даже какъ будто звучали сдерживаемыя слезы:

— Дорогой другъ мой... да, вы по истинѣ для меня другъ! Но если вы полагаете, что я не имѣю права рассчитывать на ваше личное ко мнѣ расположеніе, то подумайте только о Роландѣ. Не о себѣ же я хлопочу, въ самомъ дѣлѣ! Моя задача оставить необходимое для полнаго счастья Роланда — нашего Роланда! повторилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ.

При имени своего воспитанника Эрихъ какъ будто очнулся отъ сна и спросилъ у Зонненкампа, зачѣмъ онъ хочетъ непременно сдѣлать изъ него дворянина.

— О другъ мой! воскликнулъ Зонненкампъ и тонъ его по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, становился все мягче и мягче:

это было единственной и конечной цѣлью всей моей борьбы, какъ въ Новомъ, такъ и въ Старомъ свѣтѣ. Кто знаетъ, можетъ бы мнѣ суждено скоро умереть и тогда вы останетесь единственнымъ другомъ и опорой моего сына... дайте мнѣ вашу руку неправда ли, вы его никогда не покинете и я могу споконимъ умереть, зная, что оставляю его на вашихъ рукахъ? Ахъ, нигде и не подозрѣваетъ, какая ужасная болѣзнь таится во мнѣ. Сиружи я, благодаря постоянной работѣ надъ собой, имѣю бодрый и здоровый видъ, но внутри меня что-то надломлено. Усиленные труды и борьба съ жизнью подкосили мое существованіе, хотя этого никто не видитъ и не знаетъ. Со мной вдругъ, въ одну минуту все можетъ кончиться и я совершенно естественно желалъ бы оставить сына въ вѣрной пристани. Вы, дорогой другъ, искренно любите наше любезное германское отечество и, я не сомнѣваюсь въ томъ, желали бы приобрести для него вѣрнаго и полезнаго сына. А доволѣ Роландъ будетъ носить свое настоящее имя, онъ не перестанетъ смотрѣть на себя какъ на гражданина вселенной и никогда не сдѣлается ни стоящимъ сыномъ германскаго отечества, въ которомъ только можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать человѣкъ, обладающій благородными стремленіями и богатыми средствами. Извините, если я выражаюсь не такъ горячо, какъ чувствую и какъ вы вправе ожидать... Но вѣрьте въ мою искренность, когда я прошу васъ которому Роландъ уже такъ много обязанъ, сдѣлать изъ него еще настоящаго сына Германіи, если не ради его самого, ради отечества.

Зонненкампъ хорошо зналъ, какую чувствительную струну затрогивалъ онъ въ сердцѣ Эриха. Кромѣ того, грустное выраженіе его лица и дрожащій голосъ, свидѣтельствовавшіе о глубинѣ таившагося въ немъ чувства, произвели на молодого челоука сильное впечатлѣніе. Зонненкампъ повидимому вполне счллся отъ собственной личности и имѣлъ въ виду одно толи чужое счастье.

Эрихъ въ волненіи воскликнулъ:

— Для Роланда я готовъ отдать жизнь...

Зонненкампъ хотѣлъ его обнять, но Эрихъ попросилъ, что ему позволено было докончить.

— Я согласенъ привести въ жертву мою жизнь, но не по правиламъ, продолжалъ онъ. Впрочемъ, я всегда готовъ сдатьсь доводы, которые могутъ убѣдить мой разсудокъ. Неужели дѣйствительно думаете, что дворянство должно составить счастье Роланда?

— Это для него единственный исходъ. Поймите меня, вы

сказать, мой дорогой и благородный другъ. Я вамъ откровенно говорю, что высоко цѣню деньги, которые приобрѣлъ съ трудомъ и потому самому желаю удержать за собой. Мнѣ хотѣлось бы все движимое имущество, хоть частью, превратить въ недвижимое. То, что я приобрѣлъ въ потѣ лица, должно быть для моего сына источникомъ свободы и радости. О, другъ мой, вы знаете, какъ тяжела была моя жизнь отъ того, что... Но оставимъ это: я не хочу сегодня черезъ мѣру волноваться. У меня въ молодости былъ учитель, весьма умный, хотя въ сожалѣнію много не такой нравственный человѣкъ, какъ вы. Онъ часто говорилъ: «только тотъ по истинѣ можетъ быть названъ свободнымъ, кто не подлѣжитъ обязанностямъ наравнѣ съ другими, и обладаетъ правами, которыя ставятъ его выше всѣхъ.» Геній, человѣкъ, подобно вамъ, любезный другъ, щедро надѣленный отъ природы, самъ собой взлетаетъ на эту высоту. Но не всѣ люди геніи, таланты не приобретаются никакими трудами и тому, кто ихъ не имѣетъ, ничего болѣе не остается, какъ искать случая попасть въ дворяне, за которыми исторія признала высшія права. Вы видите, я человѣкъ простой и конечно говорю очень не складно.

— Напротивъ, вы прекрасно и чрезвычайно замысловато выразили вашу мысль.

— Ахъ, оставимъ всѣ прикрасы и вычурности! Но я забылъ главное и очень радъ, что оно мнѣ снова пришло на умъ. Извѣстно ли вамъ, что никто иной, какъ вы сами навели меня на эти мысли?

— Я? Какимъ образомъ?

— Помните ли вы, какъ въ первый же день вашего вступленія ко мнѣ въ домъ, вы мнѣ объявили, что не признаете за Роландомъ никакихъ талантовъ и не считаете его ни въ чему особенному призваннымъ. Тогда это меня неприятно поразило, но теперь я вижу, что вы совершенно правы. И вотъ именно потому то, что Роландъ не геній, я и хочу сдѣлать изъ него дворянина. Дворянство даетъ человѣку даромъ то высокое положеніе въ свѣтѣ, каковаго онъ, не будучи особенно щедро надѣленъ дарами природы, никогда самъ собой не достигнетъ. Одно въ преимуществъ дворянъ заключается въ томъ, что имъ нѣтъ надобности постоянно думать о сохраненіи собственного достоинства. Вы баронъ или графъ, и этимъ все сказано: никто отъ васъ ничего болѣе не требуетъ. Если же въ этому у васъ есть еще какія-нибудь заслуги, то всѣ на васъ не нарадуются и вами не захвалятся. Мы же, люди средняго класса, прежде всего должны быть чѣмъ-нибудь или вѣмъ-нибудь и потому бываемъ

особенно чутки во всему, что имѣеть хоть малѣйшее отноше-
ніе къ нашему достоинству. Но, любезный другъ, я боюсь, ужъ
не надоѣлъ ли я вамъ своей болтовней?

— Нисколько.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ вамъ сказать еще слѣ-
дующее. Когда Роландъ вступитъ во владѣніе милліонами, время
которое по всѣмъ вѣроятностямъ не за горами, у него, если
мои желанія исполнятся, не только будетъ твердая почва подъ
ногами, но онъ еще, въ качествѣ новаго дворянина, станетъ счи-
тать себя вдвойнѣ обязаннымъ во всемъ держаться правилъ са-
мой строгой честности и усердно заниматься дѣлами благотво-
рительности и общественной пользы. Другъ мой! Я передъ вами
вполнѣ раскрываю мою душу и говорю вамъ все,—рѣшительно
все. Не мало помыкался я на бѣломъ свѣтѣ и знаете ли, къ чему
я наконецъ пришелъ?

— Я вамъ буду очень благодаренъ, если вы мнѣ скажете.

— Слушайте же, продолжалъ Зонненкамъ, положивъ обѣ
руки на плечи Эриха, вы философъ, смѣлый и свободный мыс-
литель... хотите у меня чему-нибудь научиться?

— Весьма охотно.

— Знайте же, другъ мой, что въ мірѣ царствуютъ три родъ
людей, изъ которыхъ каждый составляетъ нераздѣльное цѣлое
такъ что человѣкъ, принадлежащій къ одному изъ нихъ, ни-
когда не чувствуетъ себя одинокимъ. Въ нашемъ мірѣ, гдѣ по-
стоянно все раздробляется и распадается, необходимо принад-
лежать...

Зонненкамъ на минуту остановился, а потомъ продолжалъ
отвѣчая на вопросительный взглядъ Эриха:

— Да, другъ мой, въ этомъ мірѣ необходимо быть или ев-
реемъ, или іезуитомъ, или дворяниномъ. Вы улыбаются? вы въ
недоумѣніи? Позвольте, я вамъ еще болѣе разъясню мою мысль.
Куда бы вы ни взглянули, вы вездѣ видите, что только между
этими людьми еще и царствуетъ духъ общности. Евреемъ сынъ
мой не можетъ сдѣлаться, іезуитомъ онъ не долженъ быть, а
дворяниномъ и можетъ и долженъ.

Эрихъ былъ сильно пораженъ всѣмъ, что слышалъ. Въ глу-
бинѣ души онъ не соглашался съ Зонненкампомъ, но съ дру-
гой стороны видѣлъ, что рѣшимость послѣдняго ничѣмъ нельзя
было поколебать. Бросая взглядъ назадъ, онъ понялъ значеніе
многаго изъ того, что за послѣднее время совершалось передъ
его глазами. Онъ видѣлъ, что всѣ поступки Зонненкампа были
направлены исключительно въ тому, чтобъ достигнуть одной же-
ланной цѣли. Но, можетъ быть, дворянское достоинство и дѣй-

стигательно могло имѣть для Роланда важное значеніе? Развѣ это не былъ единственный способъ удержать его въ Германіи, съ тѣмъ, чтобъ онъ наконецъ призналъ ее за свое настоящее отечество?

Зонненкампъ еще далеко за полночь продолжалъ доказывать, что Роланду необходимо получить дворянство. Наконецъ Эрихъ, утомленный позднимъ часомъ и продолжительными преніями, далъ обѣщаніе со своей стороны похлопотать объ этомъ у Клодвига. Онъ легъ спать, но сонъ бѣжалъ отъ его глазъ. Ему казалось, что онъ вдругъ сдѣлался измѣнникомъ и отступникомъ и совѣсть не давала ему покою. Но мало-по-малу соблазнителью удалось его успокоить слѣдующимъ разсужденіемъ:

— Вѣдь въ концѣ концовъ не ты и не графъ дадите ему дворянство, а самъ герцогъ. Дѣло безъ тебя можетъ устроиться. Зачѣмъ же тебѣ отказомъ давать поводъ подозрѣвать тебя въ неблагодарности и сомнѣваться въ твоей готовности быть полезнымъ ближнему?

ГЛАВА XIV.

УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЯ.

— «Баль... Американецъ... Женихъ...» можно было на слѣдующее утро слышать у источниковъ на всѣхъ языкахъ. По странному противорѣчію больные, стекавшіеся въ Карлсбадъ для отдыха, во что бы то ни стало хотѣли продолжать тамъ развлеченія и удовольствія зимняго сезона.

Носилки Цереры съ этихъ поръ перестали появляться у источника. Ей приносили кружку съ цѣлебной водой на домъ.

Манна, въ утро послѣ бала, долго по окончаніи обѣдни оставалась еще въ церкви на колѣняхъ передъ алтаремъ.

Она молила Бога о помощи, просила Его защитить ее отъ всѣхъ соблазновъ міра сего и дать ей силы, необходимыя для того, чтобъ выдти побѣдительницей изъ борьбы, какую она теперь выдерживала. Припоминая слова патера, говорившаго ей, что она вездѣ, куда бы ни явилась, могла найти себѣ отца или брата, Манна, было, думала, искать утѣшенія въ исповѣди, но потомъ отбросила эту мысль. Она не могла сказать всего, что было у нея на душѣ, и потому предпочитала совсѣмъ молчать. Молодая дѣвушка въ первый разъ въ жизни вышла изъ церкви съ тяжестью на сердцѣ.

Въ это же самое время Эрихъ бродилъ по горамъ и тоже

боролся съ собой. Зонненкампъ, наканунѣ такъ откровенно съ нимъ говорившій, однако скрылъ отъ него одно обстоятельство, а именно, что Пранкенъ ждалъ для окончательной по молвки съ Манной, чтобъ ея отецъ получилъ дворянское достоинство. Досада и горькое сознаніе своего безсилія кипѣли въ душѣ молодого человѣка и онъ жестоко упрекалъ себя за то что согласился исполнить порученіе Зонненкампа.

Вдругъ его кто-то назвалъ по имени. Онъ вздрогнулъ, хотъ звавшій его голосъ былъ очень тихъ и мягокъ. Обернувшись онъ увидѣлъ передъ собой профессора Эйнзиделя.

Кто лучше этого человѣка могъ его утѣшить и разъяснить ему его сомнѣнія?

Эриху тоже на мгновеніе пришло на умъ подѣлиться своимъ горемъ съ старымъ учителемъ, который, несмотря на дѣтскую чистоту своей души, такъ ясно понималъ вещи и умѣлъ подавать такіе мудрые совѣты. Но Эрихъ, подобно Маннѣ, не могъ всего отереть, и потому долженъ былъ отказать себѣ въ утѣшеніи, какое ему могла бы доставить исповѣдь. Онъ скрылъ въ себѣ и свое горе, и свои сомнѣнія.

Добрый профессоръ никакъ не могъ примириться съ необходимостью въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не работать, ничегъ не читать и думать исключительно о своемъ физическомъ благосостояніи. Онъ съ дѣтски-наивной улыбкой повторялъ, что такого рода леченіе на водахъ съ вѣчными прогулками, въ сущности также скучно, какъ необходимость лежать больному въ постелѣ.

Вскорѣ онъ освѣдомился у Эриха объ его занятіяхъ и спросилъ, приступилъ ли онъ уже къ своему большому труду о состояніи рабства.

Прежде чѣмъ Эрихъ успѣлъ ему отвѣчать, профессоръ прибавилъ, что все продолжаетъ собирать для него свѣдѣнія и дѣлать замѣтки объ этомъ предметѣ. Его сильно интересовалъ взглядъ на крѣпостное состояніе Лютера, который, рассматривая его съ религіозной точки зрѣнія, весьма энергически защищалъ его.

— Но я не упрекаю за это Лютера, продолжалъ профессоръ Эйнзидель. Онъ смотрѣлъ на вещи глазами своего вѣка и уподоблялся въ этомъ людямъ другого времени, которые вѣрили въ существованіе злыхъ духовъ и въ возможность ихъ изгнать. Мы видимъ въ Боссюэтѣ примѣръ того, какъ даже передовыя люди всегда заражаются образомъ мыслей, господствующимъ въ современномъ имъ обществѣ. Кто утверждаетъ, говорилъ онъ, что рабство не должно существовать, тотъ грѣшитъ противъ сѣ

Дурь. Кто знаетъ, можетъ быть многія и изъ нашихъ понятій будутъ казаться странными послѣдующимъ повогнѣніямъ.

Эта утренняя прогулка доставила Эриху удовольствіе, какого онъ давно не испытывалъ. Робко озираясь вокругъ, точно опасаясь, чтобъ кто-нибудь не подслушалъ его словъ, профессоръ Эйнзидель внезапно сказалъ ему:

— Любезный докторъ, онъ продолжалъ называть Эриха докторомъ, я тоже это время много думалъ о задачѣ воспитывать богатаго юношу и пришелъ къ тому убѣжденію, что абсолютнаго правила для этого не существуетъ. Вообще все абсолютное принадлежитъ исключительно области мысли. Мы можемъ воспитать человѣка только такъ, чтобъ приблизительно... замѣйте, пожалуйста, я говорю приблизительно... быть увѣренными, или по крайней мѣрѣ надѣяться, что онъ во всякомъ положеніи съумѣетъ дѣйствовать сообразно съ высшими законами нравственности: вотъ все, что мы въ состояніи сдѣлать. Вы этого уже безъ сомнѣнія достигли съ вашимъ воспитанникомъ, или я очень ошибаюсь. Насколько мнѣ знакома жизнь... а я, хоть и не долго, но все-таки одно время также былъ домашнимъ учителемъ... насколько мнѣ знакома жизнь, говорю я, знатные люди только и дѣлаютъ, что желаютъ и требуютъ. Богатые, вѣроятно, ничѣмъ отъ нихъ не отличаются. Задача воспитателя заключается въ томъ, чтобъ эти желанія, требованія и ожиданія направить на истинный путь, дать имъ силу и значеніе воли и обратить ихъ въ стремленіе къ самостоятельной дѣятельности. Въ вашемъ прекрасномъ юношѣ много хорошихъ задатковъ, а что всего важнѣе, онъ уже проникся сознаніемъ серьезныхъ сторонъ жизни.

Никогда еще лѣсъ не казался Эриху такимъ душистымъ, солнце такимъ яркимъ, воздухъ такимъ живительнымъ и весь міръ такимъ прекраснымъ, какъ въ эту минуту, когда онъ слушалъ одобрительную рѣчь своего бывшего учителя. Долго шелъ онъ возлѣ него молча, а когда они сѣли отдохнуть на скамьѣ въ лѣсной чащѣ, онъ едва удержался, чтобъ не подѣловать маженькую и вязищную рузу добраго старика.

Но въ другой разъ профессоръ Эйнзидель нашелъ также нужнымъ открыть Эриху глаза на счетъ опасности, которая, по его мнѣнію, ему угрожала. Онъ упрекалъ молодого человѣка за то, что тотъ, находясь постоянно между богатыми людьми, будто бы заразился ихъ небрежностью къ обязанностямъ въ отношеніи къ самому себѣ.

— Жизнь въ обществѣ другихъ людей хороша и пріятна, говорилъ онъ, но жизнь въ уединеніи гораздо лучше. Я боюсь, что вы въ это послѣднее время плохо ладили съ самимъ собой.

Однажды онъ прямо обратился въ Эриху съ вопросомъ, какъ далеко подвинулся его трудъ. Робко, какъ школьникъ, который опасается выговора за лѣность, Эрихъ долженъ былъ сознаться что вовсе упустилъ изъ виду свой трудъ. Лицо профессора мгновенно омрачилось и покрывлось множествомъ складокъ и морщинъ. Онъ долго молчалъ, потомъ сказалъ:

— Вы дѣлаете большой вредъ, какъ самому себѣ, такъ и вашему воспитаннику.

— Самому себѣ и моему воспитаннику?

— Да. У васъ рядомъ съ обязанностями, заставляющими васъ жить въ обществѣ и вести разсѣянный образъ жизни, нѣтъ никакого ученаго труда, который, принуждая васъ сосредоточиваться, сообщалъ бы вамъ бодрость и самообладаніе, столь нужныя въ дѣлѣ воспитанія. Я тоже былъ учителемъ, но постоянно имѣлъ у себя въ запасѣ какой-нибудь ученый трудъ, свое собственное, недоступное для другихъ святилище мысли, въ которомъ и почерпалъ силы, необходимыя для добросовѣстнаго выполненія моихъ обязанностей. Одно изъ главныхъ правилъ воспитанія заключается въ томъ, чтобъ учитель никогда не отдавался въ полное распоряженіе своего воспитанника. Послѣдній долженъ быть пронизанъ сознаніемъ, что находящійся близъ него человекъ имѣетъ также свою собственную внутреннюю жизнь, надъ развитіемъ которой онъ продолжаетъ неутомимо трудиться, вслѣдствіе чего не можетъ и не долженъ никому вполнѣ отдаваться. Вамъ никогда не слѣдуетъ считать себя готовымъ... замѣьте хорошо это слово: готовымъ. Вамъ необходимо постоянно стремиться къ болѣе полному знанію и развитію. Быть готовымъ значитъ приближаться къ смерти. Взгляните на древесный листъ лишь только онъ достигаетъ своей полной зрѣлости, какъ начинаетъ желтѣть и быстро приближаться къ увяданію.

Эрихъ невольно смутился. Слова профессора, раздававшіеся здѣсь, въ тишинѣ и уединеніи лѣса, были отголоскомъ его собственныхъ мыслей, въ которыхъ онъ только до сихъ поръ не хотѣлъ даже самому себѣ сознаться. Но тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ возразить, цитируя Виргилія, любимаго автора своего учителя:

«Non semper arcum tendit Apollo», сказалъ онъ.

— Отлично, вашъ отвѣтъ мнѣ очень нравится. Но вы забываете, что если Аполлонъ не постоянно натягиваетъ лукъ, то все-таки никогда съ нимъ не разстается и постоянно носить его при себѣ.

Послѣ этого они долго шли молча. Наконецъ профессоръ снова заговорилъ:

— Вы еще молоды, началъ онъ: для васъ еще не миновала утренняя пора вашей жизни: воспользуйтесь ею. Я предостерегаю васъ какъ учитель и другъ, — болѣе того: устами мои говорить духъ вашего отца. Кто болѣе его можетъ служить вамъ предостереженіемъ? Долгъ предписываетъ мнѣ вамъ это сказать и я полагаю, что имѣю на то полное право.

— Мой отецъ можетъ служить мнѣ предостереженіемъ? Какимъ образомъ?

— Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ о его заслугахъ. Но тѣмъ не менѣе онъ самъ жаловался, что, по необходимости раздаясь въ свѣтъ, утратилъ тѣсную связь съ наукой. Строгая система ему болѣе не давалась. Садясь писать, онъ думалъ о людяхъ, тогда какъ ученый долженъ имѣть въ виду одну только мысль: мы обязаны служить ей исключительно и видѣть въ ней свое божество. Утративъ эту способность, мы становимся худшими изъ идолопоклонниковъ. Общество дѣлается нашимъ идоломъ, и подчиняясь его требованіямъ, мы окончательно теряемъ изъ-подъ ногъ почву.

Эрихъ все еще молчалъ, а добрый старикъ продолжалъ:

— Съ какой странной предусмотрительностью слагаются иногда событія въ жизни! Профессору нашей университетской клиники слѣдовало преодолѣть мое отвращеніе къ поѣздѣ на воды, а мнѣ надо было непременно сдаться на его убѣжденія. Но ни онъ, ни я, мы и не подозрѣвали, что мое присутствіе здѣсь было, можетъ быть, необходимо для того, чтобъ я сдѣлался источникомъ вашего нравственнаго исцѣленія.

— И вы действительно имъ сдѣлались! воскликнулъ Эрихъ, съ жаромъ пожимая маленькую руку своего учителя. Онъ объявилъ, что только еще въ теченіи нѣкотораго времени намѣренъ исключительно посвятить себя Роланду. Но лишь только послѣдній поступитъ въ корпусъ, онъ безраздѣльно отдастся наукѣ и ей одной будетъ служить.

Профессоръ совѣтовалъ ему не откладывать этого до тѣхъ поръ. — Сношенія съ идеей, говорилъ онъ, никогда не должны быть прерываемы.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ, я рѣшительно ничего не имѣю противъ того, еслибъ вы вздумали посвятить себя чисто-практической жизни. Вамъ только надо на что-нибудь окончательно рѣшиться.

Эрихъ вернулся домой совершенно новымъ человекомъ. Онъ теперь ясно видѣлъ опасность, какая ему угрожала отъ желанія блискать въ обществѣ посредствомъ уже собранныхъ имъ умственныхъ богатствъ, — желанія, удовлетворяя которое, онъ не

могъ идти далѣе по пути въ развитію и собственному усовершенствованію. Профессору, подобно доктору, хотя и совершенно инымъ способомъ, чѣмъ тому, удалось вразумить Эриха и избавить его отъ опасности.

Молодой человѣкъ съ новымъ рвеніемъ принялся за свои занятія съ Роландомъ и мальчикъ не могъ надивиться, откуда бралось у его учителя столько энергіи.

Эрихъ былъ очень радъ случаю поближе познакомиться профессора Эйнзиделя съ Клодвигомъ, съ банкиромъ, съ Зоинненампомъ и въ особенности съ Роландомъ.

Профессоръ съ своей стороны находилъ болѣе всего удовольствія въ обществѣ Роланда, который продолжалъ называть его своимъ дѣдушкой-учителемъ. Вида ихъ вмѣстѣ, замѣчая, какою почтительной заботливостью мальчикъ окружалъ его бывшаго профессора, Эрихъ чувствовалъ двойное удовлетвореніе. Многое изъ того, что говорилъ Эйнзидель, глубоко западало въ сердце юноши.

— Трудно себя представить, воскликнулъ онъ однажды, чтобъ долговязный лейтенантъ и профессоръ Эйнзидель принадлежали въ одной и той же породѣ людей!

Эрихъ очень охотно отпустилъ своего воспитанника одного гулять съ профессоромъ. Онъ былъ очень обрадованъ, когда нѣсколько времени спустя Эйнзидель ему сказалъ:

— Трудъ вашъ здѣсь не пропасть даромъ. Этотъ юноша успѣлъ приобрести себя идеальную, такъ-называемую благородную гордость. Я полагаю, что порокъ не представляетъ для него болѣе никакой опасности, и считаю его неспособнымъ ни на какой низкій поступокъ. Да, сознаніе собственного достоинства неизбѣжно порождаетъ въ человѣкѣ гордость, которая, будучи хорошо направлена, становится для него вѣрнымъ нравственнымъ правиломъ.

Белла попробовала - было избрать профессора цѣлью своихъ шутокъ и остроумныхъ выходовъ, но добрый старикъ бросалъ на нее такіе сострадательные и въ тоже время исполненные молчаливой укоризны взгляды, что она не замедлила оставить его въ покоѣ. Прекративъ свои шутки, графиня стала вовсе не замѣчать профессора.

Съ виду такой наивный и неопытный, Эйнзидель весьма вѣрно судилъ о людяхъ и о разныхъ явленіяхъ жизни. Къ Клодвигу онъ прилагалъ меткое выраженіе древнихъ «прекрасно-добраго» человѣка и особенно радовался его классическому образованію.

— Классицизмъ, говорилъ онъ, похожъ на твердый камен-

ный фундаментъ, который, будучи закрытъ поломъ, остается невидимъ для глазъ, но держитъ на себѣ цѣлое зданіе.

Баккира онъ находилъ ужь слишкомъ юркимъ, но признавалъ въ немъ въ высшей степени благодарный умъ, который считалъ вообще отличительной чертой евреевъ.

Къ Зонненкампу профессоръ Эйнзидель чувствовалъ непреодолимый страхъ, за который постоянно себя упрекалъ, находя это весьма несправедливымъ въ отношеніи къ человѣку, не сдѣлавшему ему ни малѣйшей неприятели. Но несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ побѣдить въ себѣ этого страха.

Онъ однажды признался Эриху, что вообще боится людей одаренныхъ слишкомъ большою физическою силою. Ему все казалось, что вотъ, вотъ Зонненкамъ его, какъ ребенка, возьметъ на руки и пустится съ нимъ бѣжать. Кромѣ того, онъ никакъ не могъ вполне понять этого человѣка. Съ изученіемъ характеровъ бываетъ почти всегда тоже, что съ разбираниемъ старинныхъ надписей на камняхъ: если вамъ съ перваго взгляда не удастся ихъ понять, дальнѣйшія усилія этого достигнуть ровно ни къ чему не поведутъ.

Но по мѣрѣ сближенія профессора Эйнзиделя съ Манной, передъ нимъ раскрывалась совершенно новая жизнь.

Въ своихъ сношеніяхъ съ Эрихомъ онъ самъ признавалъ вѣдѣтельность невидимой силы, которая, управляя всѣмъ живущимъ въ мірѣ, прислала его сюда съ тѣмъ, чтобъ онъ сдѣлался источникомъ выздоровленія молодого человѣка. Въ своихъ сношеніяхъ съ Манной онъ не подозрѣвалъ ничего подобнаго, а между тѣмъ для нея его пріѣздъ имѣлъ еще гораздо болѣе смысла и значенія, чѣмъ для Эриха. Она искала помощи, нуждалась въ опорѣ и привязалась къ доброму, съ виду дѣтски-наивному профессору съ нѣжной заботливостью дочери.

Геологія, химія и вообще наука еще не изслѣдовали вполне, какъ образуются цѣлебные источники. Такъ точно никто не можетъ опредѣлить путемъ какихъ приготовленій одинъ человѣкъ содѣйствуетъ къ исцѣленію или разстройству духа другого.

Профессоръ Эйнзидель, самъ того не подозрѣвая, имѣлъ благотворное вліяніе на Манну.

Когда она въ первый разъ объявила ему о своемъ намѣреніи удалиться въ монастырь, онъ позавидовалъ ей.

— Еслибъ я былъ католикъ, сказалъ онъ, я сдѣлалъ бы тоже самое. Только я желалъ бы, чтобъ мой монастырь былъ исключительно населенъ людьми науки, которые, не имѣя ни времени, ни умѣнья заботиться о средствахъ, необходимыхъ для ихъ суще-

ствованія, всё бы имѣли задачей выполненіе казого-нибудь обширнаго труда.

Манна улыбнулась. Она вспомнила о ловчѣмъ, который тожъ желалъ удалиться въ монастырь для того, чтобъ проводить время въ праздности и имѣть возможность въволю пить. Но она мгновенно оттолкнула отъ себя всякое помысловеніе къ сравненію между этими двумя людьми. Въ профессорѣ было спокойствіе и искреннее уваженіе къ святынѣ науки, храмъ которой вполне заслуживалъ высится рядомъ съ святыней религіи.

Мысль эта смутила Манну, но она тѣмъ не менѣе не могла ее въ себѣ заглушить. Она въ послѣднее время сдѣлалась очень робка, но тутъ, какъ бы вспомнивъ свою прежнюю смѣлость и самоувѣренность, рѣшилась хоть въ формѣ вопроса указать профессору на превосходство религіозныхъ вѣрованій.

Къ удивленію ея, всегда спокойный и вроткій профессоръ отвѣчалъ ей съ большимъ жаромъ.

— Мы ничуть не враги церкви, сказалъ онъ, потому что ведемъ войну только съ живыми. Церковь не могла создать ни государства, ни общества; въ ея власти было только устроить больницы и приюты. Жизнь не ей принадлежитъ, но классическому образованію и наукѣ, которая постоянно идетъ впередъ. Дитя мое, у меня въ университетѣ есть одинъ товарищъ, который утверждаетъ, будто *Socrus juris* сдѣлалъ для водворенія въ мірѣ порядка гораздо болѣе нежели весь Ветхій и Новый завѣтъ. Я не вполне съ нимъ согласенъ потому, что Библія, по моему мнѣнію, была на совсѣмъ другой нервъ въ организациіи человѣческаго быта. Классическая древность завѣщала міру двѣ великія идеи, которыя называются государствомъ и національностью. Съ ними человѣчество впервые встало на ноги. Затѣмъ явилась религія и вселила въ сердца людей мысль объ единствѣ человѣчества. Она провозгласила всѣхъ людей братьями, членами одной громадной семьи. Одна религія могла этого достигнуть. Ей одной удалось сдѣлать то, чего не могло добиться ни римское владычество, ни древнее, ни новое цезарство. Водворивъ въ мірѣ идею объ единствѣ человѣчества, церковь исполнила свое назначеніе. Затѣмъ народы стали снова слагаться въ различныя государства и національности, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ идея объ единствѣ человѣчества могла исчезнуть. Однако, извините меня, я впадаю въ учительскій тонъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста продолжайте, а все принимаю.

— Чистая идея не утратила своего значенія въ мірѣ, но онъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ стремиться къ тому,

чтобъ исключительно служить ей выраженіемъ. Это пунеть, на которыхъ мы, такъ-называемые невѣрующіе, расходимся съ вѣрующими. Я вамъ приведу примѣръ изъ настоящаго времени... но не надоѣлъ ли я вамъ?

— Какъ можете вы имѣть обо мнѣ такое ничтожное мнѣніе!

— Вы правы, извините. Я продолжаю. Нашъ вѣкъ трудится надъ великимъ дѣломъ, которое называется уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія и рабства. Дѣло это совершается не первовою, а успѣхами цивилизаціи. Простите меня, дитя мое, и гдѣте, что я вовсе не желаю поселать въ васъ разладъ, но.. прошу васъ, никогда больше не затрогивайте меня съ этой стороны. Я, видите ли, вообще человѣкъ очень терпѣливый и самъ никого не затрогиваю, но прошу васъ... убѣдительно прошу, не вызывайте мнѣ болѣе никогда ничего подобнаго. Мнѣ очень жалъ, если я какъ-нибудь пеловко коснулся того, что для васъ дорого и свято: оно, смѣю надѣяться, несмотря на мое возраженіе, все-таки останется при васъ. Но прошу васъ... еще и еще прошу никогда болѣе не вызывайте меня на такого рода споръ.

Манна молча шла возлѣ профессора. Изъ глубины ея души подыалось желаніе, чтобъ какая-нибудь сверхъестественная сила именовенно отторгнула ее отъ земли и унесла подальше отъ этого человѣка.

На какое новое противорѣчіе еще она наткнулась?

Что привелось ей слышать отъ этого профессора, который какъ вдали отъ свѣта и желалъ только одного, а именно мирно и спокойно достигнуть конца своего земнаго странствія?

Никакая сверхъестественная сила не явилась къ ней на помощь, чтобъ успокоить ее или разсѣять ея сомнѣнія.

А впрочемъ она рада была все это услышать отъ человѣка, котораго не могла отъ себя оттолкнуть. То, безъ сомнѣнія, было послѣднее испытаніе, послѣдняя попытка искуссителя совратить ее съ истиннаго пути. Такъ думала она, прижимая руки къ груди, какъ бы стараясь утишить біеніе своего сердца. Но въ душѣ ея уже успѣлъ поселиться разладъ. У нея внезапно отпала всякую надежду на возможность искупленія. То общество, въ средѣ котораго она намѣревалась принести себя въ жертву, ничего не сдѣлало для уничтоженія въ мѣрѣ страшнаго зла, каменъ лежавшаго у нея на сердцѣ.

Она хотѣла немедленно разстаться съ профессоромъ, но, подумавъ немного, нашла это несправедливымъ.

Да и что въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ этотъ человѣкъ дурнаго? Онъ только отерпыто высказалъ свои убѣжденія.

Манна, которая уже успѣла искренно привязаться къ профессору, продолжала окружать его своей дружеской заботливостью, но съ этихъ поръ они оба избѣгали споровъ о религіи. Только глаза Манны съ изумленіемъ широко раскрывались всякій разъ, когда профессоръ приводилъ въ разговорѣ цитаты изъ языческихъ авторовъ о предметахъ, которые, по ея мнѣнію, составляли исключительное достояніе церкви.

Передъ ней мало-по-малу раскрывался обширный жизненный горизонтъ, въ глубинѣ котораго, на подобіе сторожевой цѣпи горъ, стояли различныя религіи. А невзрачный, маленькій профессоръ, со своей въ высшей степени чуткой организаціей мало-по-малу принималъ въ ея глазахъ размѣры цѣльной, здоровой личности, которая умѣла соглашать и разъяснять всѣ противорѣчія жизни. Кромѣ того Эйнзидель доставилъ Маннѣ случай подмѣтить въ Эрихѣ совершенно новую для нея черту характера. Уваженіе къ нему молодого человѣка, довѣрчивости въ его словамъ, желаніе ему во всемъ угождать и исполненная смиренія подчиненность его волѣ и разсудку глубоко трогали Манну. Она постоянно наблюдала за Эрихомъ и наконецъ убѣдилась, что этотъ самостоятельный, часто самонадѣянный человѣкъ въ свою очередь былъ способенъ уважать другихъ и даже открыто признавать ихъ превосходство надъ собой.

Профессоръ Эйнзидель часто прогуливался съ маленькимъ, сморщеннымъ, чрезвычайно скромнаго вида старичкомъ, который, всякій разъ, какъ подходила къ нимъ Манна, быстро удалялся, точно не признавая за собой права вмѣшиваться въ общество другихъ людей.

Профессоръ Эйнзидель однажды рассказалъ Маннѣ исторію этого старичка.

Они вмѣстѣ воспитывались въ одной школѣ, откуда послѣдній долженъ былъ очень рано выйти, оставшись, вслѣдствіе смерти родителей, единственной опорой своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. Онъ занималъ мѣсто бухгалтера въ одной банкирской конторѣ и продолжалъ содержать сестру, которая, овдовѣвъ, поселилась у него со всей своей семьей. Посредствомъ разнаго рода лишеній, ему удалось скопить довольно значительный капиталецъ, который въ одинъ вечеръ, когда старикъ находился въ театрѣ, былъ у него похищенъ. Воровство это совершилъ жившій у него племянникъ, который вслѣдъ затѣмъ скрылся въ Америку. Не желая притягивать къ суду сына своей сестры, старикъ скрылъ все дѣло, съ-изнова началъ копить, подвергать себя лишеніямъ и такимъ образомъ всю свою жизнь принесть въ жертву другимъ.

Профессоръ и не подозрѣвалъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на Манну его простой рассказъ о человѣкѣ, который былъ, невѣдомо ни для кого, жертвовалъ собою ради другихъ.

Эйндель и молодая дѣвушка не замедлили найти въ матери Эриха еще предметъ для разговора, который былъ имъ особенно близокъ въ сердцу. Добрый старикъ, полагая, что Манна непременно находится въ большой дружбѣ съ профессоршей, неумолимо разсыпался въ похвалахъ благородству и добротѣ этой женщины.

Манна съ улыбкой слушала, какъ онъ между прочимъ говорилъ, что мать Эриха произвела настоящій переворотъ въ его образѣ мыслей на счетъ женщинъ. Профессоръ, до знакомства съ ней, былъ весьма ничтожнаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ женской половины человѣческаго рода, въ которой въ особенности отрицалъ присутствіе гуманныхъ, общечеловѣческихъ стремленій и чувствованій. Но мать Эриха доказала ему, что всѣ хорошія качества мужчины въ женщинѣ становятся еще лучше и привлекательнѣе. Манна съ своей стороны не уставала хвалить профессорушу.

Такимъ образомъ, повидимому случайное присоединеніе Эйнделя къ обществу на водахъ, имѣло на умъ и сердце молодой дѣвушки гораздо болѣе вліянія, чѣмъ всѣ соблазны свѣтской жизни.

А Зонненкамъ между тѣмъ все еще не терялъ надежды достигнуть здѣсь на водахъ осуществленія своихъ плановъ. Дворъ, Кюдвигъ и Белла уѣзжали на дняхъ и онъ спѣшилъ заманить къ себѣ на праздникъ, если не самого герцога, то по крайней мѣрѣ все высшее общество.

ГЛАВА XV.

ОБАМЕНЪЛЫЙ СВАДЕБНЫЙ ПОВЪЗДЪ.

День, назначенный для праздника, насталъ. Роландъ ѣхалъ впередъ съ Пранкеномъ, Зонненкамъ шелъ съ банкиромъ, Эрихъ съ Кюдвигомъ. Погода была ясная, но не слишкомъ жаркая. Многочисленное общество вышло изъ экипажей на вершинѣ холма и спустился внизъ по тѣнистой дорожкѣ, разбрелось по холмѣ.

Эрихъ, вѣрный данному слову, попробовалъ-было заговорить съ Кюдвигомъ о предполагаемомъ возвышеніи въ свѣтѣ Зон-

ненкампа. Но графъ остановилъ его на первомъ же словѣ и съ нѣкотораго рода отеческой строгостью посовѣтовалъ ему не вмѣшиваться въ это дѣло. Въ обращеніи Клодвига въ первый разъ было что-то такое, чего Эрихъ не могъ понять.

Они оба продолжали идти молча. Эрихъ боролся съ самимъ собой, а Клодвигъ старался побѣдить въ себѣ непріятное чувство, вызванное въ немъ вмѣшательствомъ его молодого друга.

Сойдя въ долину, Зонненкампъ отвелъ Эриха въ сторону и спросилъ, какое мнѣніе подаль о немъ Клодвигъ. Эрихъ отвѣчалъ, что графъ вовсе отказался говорить съ нимъ объ этомъ предметѣ.

— Я вамъ очень, очень благодаренъ, выразилъ Зонненкампъ свою признательность, безъ всякой видимой на то причины.

На берегу лѣсного ручья стараніями Иосефа уже былъ накрытъ столъ. Зонненкампу оставалось только сдѣлать еще кое-какія маленькія распоряженія. Приглашенное на праздникъ избранное общество пришло въ восторгъ отъ всего устройства. Долговязый лейтенантъ особенно шумно выражалъ свое удовольствіе. Зонненкампъ подозрительно на него посматривалъ всякій разъ, что онъ, произнося его имя, не будучи австрійцемъ, прибавлялъ къ нему частицу «фонъ».

Въ лѣсу былъ расположенъ хоръ музыкантовъ, который игралъ все легкія, веселыя піесы. Гости съ любопытствомъ разсматривали группу скалъ, которая, по словамъ преданія, состояла изъ окаменѣлаго свадебнаго поѣзда.

— Откуда могло произойти это преданіе? спросила Белла у Эриха.

Всѣ съ удовольствіемъ слушали, какъ онъ объяснялъ, что это преданіе есть не что иное, какъ одна изъ многочисленныхъ варіацій на сказанія, относящіяся къ циклу Таннгейзера. «Народы, говорилъ Эрихъ, выходя изъ мрака невѣжества, любятъ останавливаться на преданіяхъ прежняго времени, въ которыхъ замѣтно стремленіе разрѣшить загадку происхожденія земного шара».

Вдругъ со скалъ представилось восхитительное зрѣлище. Воздухъ огласился звуками охотничьяго рога, а въ долину появилась пестрая толпа цыганъ, которые въ фантастическихъ одеждахъ расположились живописными группами. Между ними были музыканты, игравшіе свои національныя, исполненныя дикой прелести и энергіи мелодіи. Но всеобщее вниманіе привлекъ на себя высокій парень съ черными съ синеватымъ отливомъ волосами, который сопровождалъ свою игру на скрипкѣ быстрыми тѣлодвиженіями и прыжками.

Со всѣхъ сторонъ посыпались похвалы Зонненкампу за то, что онъ всегда умѣлъ придумать что-нибудь необыкновенное для веселенія своихъ гостей. Никто не зналъ, вѣрить ли ему, если онъ началъ отговариваться и утверждать, что въ настоящемъ случаѣ онъ ни при чемъ. Многіе даже приписывали его отговорки скромности, но никѣмъ незамѣченный взглядъ, который Зонненкампъ обмѣнялся съ Лутцемъ, доказывалъ, что онъ говорилъ правду.

Белла старалась возбудить цыганъ еще къ большому веселю и узнавъ, что ихъ таборъ находится по близости, отправилась туда, взявъ съ собой Роланда и еще нѣсколькихъ дамъ. Графиня между прочимъ жалѣла, что въ числѣ гостей не было профессора Эйнзиделя, который немедленно нашелъ бы въ китайскомъ языкѣ слѣды санскритскаго. Всѣ съ удивленіемъ слушали, какъ Эрихъ пытался объясняться съ цыганами на этомъ послѣднемъ.

Белла выразила желаніе, чтобъ кто-нибудь для нея срисовалъ усталую влячу, лѣниво жевавшую влокъ сѣна, телѣгу и старухъ, сидѣвшихъ вокругъ огня. Долговязый лейтенантъ взялся исполнить ея порученіе.

Между цыганками была одна молодая, одѣтая въ широкій кринолинъ. Она стояла немного въ сторонѣ, курила коротенькую трубку и дерзко поглядывала на пришедшихъ. Белла мгновенно почувствовала къ ней особенное расположеніе.

Одна старуха, показывая костлявой рукой на Роланда, воскликнула:

— Онъ долженъ быть нашимъ королемъ!

— Умѣешь ты предсказывать будущее? спросила у нея Белла и протянула ей свою руку.

— Умѣю, но тебѣ ничего не скажу, отвѣчала старуха. А вотъ пусть та барышня, что стоитъ возлѣ тебя, покажетъ мнѣ свою ручку.

Манна неохотно повиновалась старухѣ, которая, испустивъ лійі крикъ, сказала:

— У тебя есть возлюбленный, но, чтобъ съ нимъ сблизиться, ты должна пройти черезъ воду, а вода эта будетъ течь въ твоихъ прекрасныхъ черныхъ глазахъ. А еще три сына и двѣ дочери будутъ.....

Манна вырвала у ней руку и пошла прочь. Нисколько не вѣра въ предсказанія, она тѣмъ не менѣе была поражена. Ужъ не Пранкенъ ли это пошутить? мелькнуло у нея въ умѣ. Оно сильно смахивало на то, но въ дѣйствительности Пранкенъ на этотъ разъ вовсе не былъ виноватъ.

— Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ въ моей власти было право осуждать людей на изгнаніе! внезапно воскликнула Белла.

— Кого же вы бы въ такомъ случаѣ осудили? спросилъ у нея.

— Цыганъ на цѣлые пятьдесятъ лѣтъ, и такъ, чтобъ ни одинъ драматическій писатель не смѣлъ болѣе выводить ихъ на сцену.

Маннѣ казалось, что она все видитъ и слышитъ во снѣ. Она думала, что все это съ ней совершается только для того, чтобъ служить ей воспоминаніемъ въ то время, когда она наконецъ распрощается съ міромъ. Ей уже и теперь, все случившееся за минуту передъ тѣмъ, казалось далекимъ прошлымъ. Она такъ сказать только физически присутствовала въ жизни, между тѣмъ какъ духъ ея постоянно стремился къ другому, болѣе совершенному міру. Она съ особеннымъ упорствомъ подерживала въ себѣ мысль о предстоящемъ ей отреченіи отъ всей житейской суеты. Годъ, который она проводила въ свѣтѣ, былъ годомъ тяжелаго испытанія и ей служило не малымъ утѣшеніемъ то, что изъ него прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ.

Белла, хвалившаяся своимъ знаніемъ человѣческаго сердца, часто, качая головой, говорила брату, что рѣшительно ничего не можетъ сдѣлать съ Манной. Всѣ ея усилія приобрѣсти довѣріе молодой дѣвушки до сихъ поръ оказывались тщетными. Та постоянно точно держалась на сторожѣ и никогда не говорила съ Беллой о своемъ намѣреніи поступить въ монастырь.

Теперь графиня, обнявъ Манну за талію, стала ее дразнить тремя сыновьями и двумя дочерьми. Манна слушала ее съ разсѣянной улыбкой, какъ будто дѣло шло вовсе не о ней, а о совершенно посторонней личности.

На отлогой поватости горы, подъ тѣнью густыхъ елей были разостланы ковры, на которыхъ помѣстились дамы, между тѣмъ, какъ мужчины еще оставались за столомъ. Долговязый лейтенантъ, окончивъ свой эскизъ, усердно угощалъ себя и другихъ виномъ.

— Отчего вы не дворянинъ? спросилъ онъ у Зонненкампа.

— Отъ того, что господи́нъ Зонненкампъ принадлежитъ къ среднему сословію людей, возразилъ Клодвигъ.

— Но изъ человѣка средняго сословія легко сдѣлаться дворяниномъ, когда обладаешь милліонами и....

Пранкенъ сердито взглянулъ на товарища, который, встрѣтивъ его взглядъ, мгновенно прервалъ свою рѣчь. Но государственный совѣтникъ счелъ своей обязанностью продлить этотъ разговоръ, имѣя въ виду расположить въ пользу Зонненкампа

графа Вольфсгартена, мнѣніе котораго, въ качествѣ самаго уважаемаго члена орденской комиссіи, должно было имѣть наиболѣе вѣсу.

— Вы правы, лейтенантъ, сказалъ онъ: если возвышенныя чувства, добрыя дѣла и свѣтлый умъ способны облагородить человѣка, то.... господинъ Зонненкампъ конечно въ самомъ скоромъ времени будетъ однимъ изъ нашихъ.

Договязый лейтенантъ, даже когда у него и не шумѣло въ головѣ отъ шампанскаго, полагалъ, что обладаетъ порядочнымъ запасомъ остроумія. А въ такихъ случаяхъ, какъ извѣстно, человѣку обыкновенно бываетъ трудно удерживать свой языкъ.

— Отлично! воскликнулъ онъ: превосходно! Графъ Вольфсгартенъ, вы умнѣе всѣхъ насъ: скажите же пожалуйста, вы тоже раздѣляете мнѣніе, что милліонъ долженъ быть возведенъ въ дворянское званіе? Я говорю не милліоны, а одинъ милліонъ, потому что подразумеваю подъ этимъ человѣка, который имъ обладаетъ.

— Съ вашей стороны болѣе чѣмъ любезно, возразилъ Кюдвигъ, употреблять въ мою пользу власть, какою вы облечены для опредѣленія въ людяхъ различныхъ степеней ума.

— Благодарю васъ, воскликнулъ лейтенантъ: ударъ метеоропаля въ цѣль. Но мы ждемъ вашего мнѣнія.

— Я думаю, началъ толстый отставной гофмаршалъ, который хвастался тѣмъ, что съ пріѣзда его въ Карлсбадъ въ немъ убавилось вѣсу на шестнадцать фунтовъ, — я думаю, нашъ почтенный хозяинъ вправѣ требовать, чтобъ мы прекратили разговоръ, который здѣсь вовсе неумѣстенъ, — неправда ли, графъ? обратился онъ къ Кюдвигу.

Но Зонненкампъ успѣшилъ предупредить отвѣтъ графа.

— Напротивъ, сказалъ онъ: я буду очень радъ, если мои благородные гости, считая меня однимъ изъ своихъ, не стѣсняясь, будутъ продолжать свой разговоръ. Болѣе того, я приму это за доказательство ихъ расположенія ко мнѣ.

Кюдвигъ въ этотъ день нарушилъ свою обычную воздержность и по настоянію друзей выпилъ два бокала шампанскаго. Лицо его вдругъ приняло лукавое выраженіе и онъ сказалъ:

— А что, господинъ Зонненкампъ, если мы прежде пожелаемъ узнать ваше мнѣніе?

— Да, да! воскликнулъ лейтенантъ: кто сумѣлъ пріобрѣсти милліоны и устроить такой волшебный праздникъ, тотъ имѣетъ право....

— Прошу васъ, перебилъ его Клодвигъ: не мѣшайте говорить господину Зонненкампу.

— Милостивые государи, началъ тотъ: я посѣтилъ всѣ части свѣта и убѣдился, что аристократія вездѣ существуетъ и должна существовать.

— Точно также, какъ и между лошадьми и собаками, вмѣшался высокій лейтенантъ. У русской графини есть двѣ борзые собаки, которыя происходятъ отъ императрицы Екатерины.... то-есть отъ собакъ императрицы Екатерины, хотѣлъ я сказать.

Гофмаршалъ, вѣсь котораго убавился на шестнадцать фунтовъ, строго замѣтилъ лейтенанту, что ему слѣдуетъ быть воздержнѣе на языкъ, потому что онъ компрометируетъ и себя и все общество. Лейтенантъ провелъ рукою по лбу и общался слушать молча.

— Продолжайте пожалуйста, обратился Клодвигъ къ Зонненкампу.

— Для дивныхъ племенъ, снова началъ тотъ, безъ сомнѣнія тоже весьма важно имѣть въ своей средѣ такой классъ людей, который, стоя во главѣ всѣхъ прочихъ, въ теченіи вѣковъ служилъ бы имъ точкой соединенія и опоры. Родъ этихъ людей безспорно долженъ идти издалека. Но и между новыми людьми могутъ быть такіе, которые отличаются отъ прочихъ своимъ умомъ и мужествомъ: они въ такомъ случаѣ должны составлять какъ бы новую династію.

У Зонненкампа на лбу выступилъ крупный потъ. Клодвигъ замѣтилъ это и поспѣшилъ самъ заговорить.

— Должно полагать, началъ онъ весьма мягко, что дворянство преимущественно призвано соединять въ себѣ мужество и образованіе: одному безъ другого никогда не слѣдовало бы существовать. Надѣюсь, вы меня какъ слѣдуетъ поймете, если я вамъ скажу, что, по моему мнѣнію, дворянство есть не что иное, какъ хранилище преданій о томъ, что въ старину возникло и было завоевано силой выдвинувшихся впередъ ума и характера и что съ тѣхъ поръ слѣялось наслѣдственнымъ правомъ, а еще болѣе наслѣдственнымъ долгомъ. Дворянинъ — это свободный человѣкъ, въ которомъ природа и исторія сливаются въ одно: черезъ него постоянно возобновляющееся человѣчество сохраняетъ непрерывную нравственную связь съ прошлымъ. Дворянство — это родъ службы, которую обязанъ нести всякій къ нему принадлежащій. Дворянинъ можетъ дѣйствовать сообразно съ своими природными влеченіями, но всегда долженъ

до вѣкоторой степени подчинять ихъ извѣстнымъ историческимъ условіямъ.

— Пусть у меня въ желудкѣ скиснетъ и свернется выпитое мною канарское, если я хоть что-нибудь изъ всего этого допью, шепнулъ лейтенантъ гофмаршалу, который тщетно удерживался отъ дремоты, строго запрещаемой при леченіи водами. Слова лейтенанта однако его мгновенно пробудили.

— Да, да, вы совершенно правы, живо проговорилъ онъ, только, прошу васъ, молчите.

— Вы сами, сказалъ государственный совѣтникъ, безъ сомнѣнія находите весьма полезной гордость, возбуждаемую въ человѣкѣ уваженіемъ къ храбрости и добродѣтелямъ своихъ предковъ. Кому однажды привелось пройти по галлерей, со стѣнъ которой на него смотрѣли портреты его предковъ, тотъ иногда этого не забываетъ и въ теченіи всей своей жизни какъ будто чувствуетъ на себѣ ихъ взгляды.

— Правда, правда! воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Но что же изъ этого? замѣтилъ Клодвигъ. Прощу васъ, вернемся къ занимающему насъ вопросу.

— Я вовсе и не отступалъ отъ него, такъ какъ имѣю въ виду спросить: почему бы обществу постоянно не возобновлять въ своей средѣ это историческое явленіе?

— Отлично! Вотъ что называется прямо ставить вопросъ! воскликнулъ Клодвигъ. Но развѣ наше время способно возложить на дворянство какую-либо особенную обязанность и тѣмъ самымъ сообщить ему какія-либо особенныя права? Мы вступаемъ въ періодъ уравниванія правъ, когда различіе между сословіями мало-по-малу исчезаетъ. Нынѣ признаются всего два разряда людей: люди съ честью и люди безъ чести. До сихъ поръ честь составляла какъ бы принадлежность дворянства, его неотъемлемое, наследственное право. Въ вѣкъ всеобщаго уравниванія правъ, такое преимущество, само собой разумѣется, должно утратить свою силу и нынѣ дворянство представляется намъ въ видѣ уже отживающаго учрежденія. Какой смыслъ имѣютъ въ настоящее время гербы? Ихъ исключительное назначеніе теперь — красоваться на каминныхъ экранахъ, диванныхъ подушкахъ и дорожныхъ сумкахъ. Допущеніе всѣхъ сословій въ участію въ военной службѣ было послѣднимъ словомъ дворянства. Наука, искусство, ремесло составляютъ главное величіе нашего вѣка, а принимать въ нихъ участіе не только имѣютъ право, но и обязаны всѣ сословія безразлично. Такой порядокъ вещей стоитъ какъ бы въ противорѣчій со всей прошлой исторіей человѣчества. Дворянство еще имѣло

значеніе, доколѣ поземельная собственность играла главную роль въ могуществовѣ страны. Но это прекратилось съ тѣхъ поръ, какъ въ воздухѣ стали возвышаться длинныя трубы фабрикъ и какъ движимое, или говоря иначе — мнимое имущество — что такое въ сущности государственныя бумаги, какъ не мнимое богатство? — лишило поземельную собственность почти всякаго значенія. Впрочемъ эти бумажныя имущества хороши тѣмъ, что они не могутъ быть превращаемы въ собственность мертвой руки. Я вовсе не прочь отъ того, чтобъ дворяне ставили свои имена во главѣ авціонерныхъ предпріятій, которыя въ сущности заслуживаютъ болѣе уваженія, чѣмъ всевозможныя титулы и ордена: съ помощью ихъ человекъ не только пріобрѣтаетъ себѣ богатство, но и подвизается на поприщѣ общественной пользы. Честь и слава Якову Гриму за то, что онъ въ своей рѣчи о Шиллерѣ опровергъ мнѣніе, будто общество могло прибавить что-нибудь отъ себя къ врожденному благородству этого поэта и Гете. Въ наши дни дворянство не болѣе какъ пустое имя, украшеніе, которымъ мы недавно начали дарить даже евреевъ.

— Не станете же вы однако утверждать, вмѣшался банкиръ, что украшенныя гербами ворота дворянства должны служить границей, за которую терпимость вѣроисповѣданій не можетъ простираться.

— Вы совершенно правы, любезный другъ, сказалъ Клодвигъ. Если вообще допустить, что дворянами можно дѣлаться, а не только рождаться, то конечно и евреи вправѣ того же требовать для себя. Но они не должны этого желать, не должны помогать дѣлу измѣны и отступничества. Евреи, сколько мнѣ кажется, служатъ живымъ доказательствомъ того, что о людяхъ слѣдуетъ судить не по тому, во чтѣ они вѣрятъ, а по тому, какъ высоко они стоятъ въ нравственномъ отношеніи и насколько оказываютъ содѣйствія успѣхамъ цивилизаціи. Родъ евреевъ, если смотрѣть на нихъ съ извѣстной точки зрѣнія, самый знатный. Дѣйствительно, это вромѣ нихъ можетъ похвалиться такимъ древнимъ и славнымъ происхожденіемъ? Они еще вправѣ гордиться и тѣмъ, что ихъ предки одно время находились въ неволѣ. Никогда не забуду я одной оригинальной мысли, высказанной мнѣ старымъ раввиномъ, съ которымъ я однажды встрѣтился на водахъ.

— Какой мысли? спросилъ банкиръ.

— Онъ мнѣ сказалъ.... Это было въ Остенде, мы шли по берегу моря и разсуждали о томъ, достигнуть ли когда-нибудь негры той степени зрѣлости, которая позволить имъ выработать

себѣ свободу и образованіе. По этому поводу раввинъ замѣтилъ слѣдующее:...

Кюдвигъ на минуту остановился, точно что-то припоминая, потомъ, приложивъ палецъ лѣвой руки къ носу, продолжалъ:

— Онъ сказалъ, что ничто такъ не подстрекаетъ мысль къ развитію, какъ воспоминаніе о прошломъ рабствѣ. Многое, что насъ теперь поражаетъ въ еврейяхъ, объясняется именно тѣмъ, что имъ въ древнѣйшій періодъ ихъ существованія пришлось извѣдать всю горечь неволи. Они были въ рабствѣ у египтянъ и это развило въ нихъ въ одно и тоже время гордость и смиреніе, необыкновенное терпѣніе, когда ихъ самихъ постигаютъ бѣды, сочувствіе къ чужимъ страданіямъ и такую любовь къ собственному племени, равной которой нѣтъ во всей остальной исторіи человѣчества.

— Ничего не можетъ быть справедливѣе.

Кюдвигъ продолжалъ:

— Видѣ еврея въ шлемѣ и съ щитомъ, украшеннымъ дворянскимъ гербомъ, долженъ представлять возмутительное зрѣлище для всѣхъ его соплеменниковъ. Евреи не должны забывать, что ихъ предки во время царства плема и щита, находясь подъ владычествомъ императора, были почти лишены повелительства законовъ. Еврей, переходящій въ христіанство, часто дѣлаетъ это по убѣжденію, потому что онъ, оставивъ въ сторонѣ догматическую часть ученія Христа, поражается успѣхами, какіе послѣднее внесло въ исторію развитія человѣческой мысли. Конечно, многіе мѣняютъ свою вѣру и по легкомыслію, потому что имъ трудно и они не считаютъ себя ничѣмъ обязанными нести нескончаемое мученичество, отъ котораго въ тоже время хотятъ избавиться и своихъ дѣтей. Все это въ порядкѣ вещей. Но еврей, вступающій во дворянство, есть нелѣпнѣйшій изъ анахронизмовъ. Его прямая обязанность применить къ среднему сословію, которое нынѣ пробуждается къ жизни и такъ смѣло являетъ свою самостоятельность: на это онъ имѣетъ полное право. Ужъ не хотятъ ли евреи составить цѣлую цѣпь соплеменныхъ имъ дворянскихъ семействъ, которыя бы только между собой вступали въ бракъ? Чѣмъ болѣе объ этомъ думаешь, тѣмъ сильнѣе поражаешься нелѣпностью такихъ явленій. Но я ни чуть не былъ намѣренъ говорить объ еврейяхъ и прошу меня извинить за такое длинное отступленіе.

— Не лучше ли намъ вовсе прекратить этотъ разговоръ? замѣтилъ Пранкенъ.

— Сейчасъ: еще только одно слово. Музыкальная пьеса безъ заключительнаго тавта оставляетъ неполное и непріятное

впечатлѣніе. Позвольте мнѣ сказать еще слѣдующее: по моему мнѣнію, всякій разъ какъ дѣлаютъ новаго дворянина, совершается историческая бессмыслица. Кто мѣняетъ среднее сословіе на дворянство, тотъ въ моихъ глазахъ дезертеръ, отступникъ, чтобъ не сказать сумасбродный измѣнникъ, который покидаетъ свое побѣдоносное знамя въ самую минуту его торжества. Я знаю, чего домогаются эти люди: они хотятъ закрѣпить за своимъ родомъ приобретенныя ими богатства, однимъ словомъ учредить майораты, а сыновья ихъ стремятся попасть въ дворянчики. Но на дѣлѣ они только полагаютъ основаніе особаго рода уродливому сословію.... на пняхъ со сгнившими корнями хотя иногда и появляются свѣжіе побѣги, но они никогда не вырастаютъ въ деревья.

Клодвигъ говорилъ все это съ цѣлью вразумить своихъ слушателей одного съ нимъ званія и предостеречь банкира, который, онъ зналъ, по наущенію пріятелей, тоже начиналъ простираť свои виды на дворянство.

Взглянувъ на подвижное лицо своего друга, Клодвигъ произнесъ:

— Вы еще что-то хотите сказать?

— Ничего особеннаго. Я хотѣлъ только замѣтить, что нашъ почтенный хозяинъ самъ служитъ доказательствомъ того, какимъ высокимъ уваженіемъ пользуется въ Америкѣ то, что называется а *self-made-man*, или какъ мы говоримъ: самъ себя создавшій человекъ. Но нашъ переводъ не передаетъ вполне значенія американскаго выраженія. Ничего не наследовать, но все завоевать: вотъ въ чемъ заключается высшая гордость американца, вся цѣль жизни котораго состоитъ въ томъ, чтобъ заслужить наименованіе *self-made-man*'а. Избраніе въ президенты Авраама Линкольна служитъ истиннымъ торжествомъ этого начала. Простой дровосѣкъ, корабельщикъ достигаетъ высшихъ почестей и становится во главѣ цѣлаго народа: какое необыкновенное, многозначительное и въ тоже время трогательное зрѣлище! Знакомы вы лично съ Линкольномъ? въ заключеніе спросилъ банкиръ у Зонненкампа.

— Я не имѣю этой чести, отвѣчалъ тотъ.

Пришелъ Роландъ и пригласилъ мужчинъ присоединиться къ дамамъ, съ тѣмъ, чтобъ немного погодя отправиться въ обратный путь при звукахъ музыки.

Всѣ поднялись съ мѣстъ. Здѣсь были собраны аристократы со всѣхъ концовъ Германіи. Они долго не могли придти въ себѣ отъ изумленія и стояли неподвижно, вопрошая другъ друга взоромъ, точно и они окаменѣли на подобіе группы скалъ,

послѣднѣе названіе свадебнаго поѣзда. Еслибъ это дѣйствительно могло съ ними случиться вслѣдствіе вліянія какой-нибудь сверхъестественной силы, долговязый лейтенантъ и дремлющій гофмаршалъ представили бы изъ себя въ высшей степени забавныя фигуры. Возможно ли, думали всѣ эти люди, чтобъ аристократъ, графъ Вольфсгартенъ, произносилъ подобныя рѣчи и былъ въ здравомъ умѣ? Нѣтъ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, пьянъ!

Наконецъ они отправились въ дамамъ. Клодвигъ и Эрихъ остались позади всѣхъ. Молодой человѣкъ въ теченіи предыдущаго разговора ни слова не вымолвилъ. Клодвигъ, увидя себя теперь наединѣ съ нимъ, выразилъ свою досаду на то, что позволилъ себѣ увлечься и высказалъ свои задушевные мысли въ присутствіи людей, которые не были способны ихъ понять.

— А я, такъ въ высшей степени вамъ за то благодаренъ, замѣтилъ Эрихъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Клодвигъ: я постараюсь себя увѣрить, будто говорилъ для васъ однихъ.

Они вошли въ лѣсокъ, откуда только-что удалились дамы, сѣли на разостланный тамъ коверъ и стали смотрѣть на танцующую внизу на лужайкѣ молодежь.

Зонненкампъ стоялъ, прислонясь къ стволу толстой ели. Онъ какъ будто замеръ на мѣстѣ и отъ всего сердца желалъ, чтобъ гости его мгновенно превратились въ камни. Вокругъ него порхала бабочка, которая, слетѣвъ съ горной высоты, могла бы ему рассказать, о чемъ тамъ на верху говорили Клодвигъ и Эрихъ.

— Вы сегодня утромъ, началъ графъ, пытались узнать мое мнѣніе на счетъ предполагаемаго возвышенія въ свѣтѣ Зонненкампа. Теперь оно вамъ извѣстно. Я, кажется не скрываюсь, объявилъ себя противникомъ новаго дворянства. Но вамъ, молодой другъ, я скажу, что Зонненкампъ по всѣмъ вѣроятностямъ все-таки достигнетъжелаемаго, такъ какъ мое мнѣніе не есть главное.

Эриху вдругъ захотѣлось пойти внизъ и передать Зонненкампу слова Клодвига. Онъ видѣлъ смущеніе этого человѣка и въ немъ пробудилось желаніе его успокоить. Зонненкампъ во всемъ этомъ дѣлѣ думалъ только о благосостояніи своего сына и тѣмъ самымъ вызвалъ въ себѣ сочувствіе Эриха.

Но молодой человѣкъ удержалъ свой сердечный порывъ, сказавъ себѣ, что ни однимъ словомъ не долженъ принимать участія въ этомъ дѣлѣ. Онъ рассказавъ Клодвигу, какъ Роландъ съ недавно намекалъ о какой-то тайнѣ, о которой онъ тогда не хотѣлъ его спрашивать. Теперь, зная въ чемъ дѣло, Эрихъ

все-таки считалъ за лучшее молчать съ нимъ объ этомъ предметѣ. До сихъ поръ Роландъ довольно спокойно относился къ вопросу о дворянствѣ, поднимая который, легко можно было поселить разладъ между отцемъ и сыномъ. Клодвигъ вполне одобрилъ Эриха и еще разъ повторилъ, какъ онъ доволенъ тѣмъ что его молодой другъ не согласился поселиться съ нимъ въ Вольфсгартенѣ. Въ домѣ Зонненкампа онъ былъ гораздо болѣе у мѣста, потому что занимался прекраснымъ дѣломъ, которое должно было имѣть важныя послѣдствія.

Старикъ и молодой человѣкъ еще долго такимъ образомъ дружески бесѣдовали. Эрихъ съ высоты, на которой находился, видѣлъ какъ къ Зонненкампу подошелъ лейтенантъ и заговорилъ съ нимъ.

Бабочка, снова взлетѣвшая на гору, могла бы повѣдать сидѣвшимъ тамъ друзьямъ, о чемъ шла рѣчь въ долину.

— Господинъ Зонненкампъ! развязно началъ лейтенантъ: Есть у негровъ способности къ музыкѣ?

— Негры очень любятъ музыку, въ которой нѣтъ ничего кромѣ шума, возразилъ Зонненкампъ, подобно тому, какъ многие считаютъ за настоящій разговоръ то, что.....

Онъ повидимому искалъ и не находилъ слова, которое было бы достаточно учтиво и въ то же время колко. Наконецъ онъ сказалъ:

....Что можете прослыть за разговоръ только развѣ въ маленькой столицѣ.

Онъ присоединился къ обществу, которое вскорѣ подъ звуки музыки направилось къ экипажамъ.

На возвратномъ пути черезъ лѣсъ Эриху пришлось идти съ Манной. Ни тотъ, ни другая не знали, какимъ образомъ это случилось. Они долго шли молча, а между тѣмъ каждому изъ нихъ хотѣлось многое сказать.

— Я слышала, наконецъ начала Манна, что графъ Клодвигъ съ большимъ жаромъ говорилъ противъ дворянства. Развѣ онъ тоже находитъ, что преимущества, какими человѣкъ пользуется по праву рожденія, противорѣчатъ религіи?

— Нѣтъ, онъ этого не говорилъ.

И оба снова замолчали.

— Какъ-то провелъ сегодняшній день нашъ другъ, профессоръ Эйнзидель? опять спросила Манна. Вы знаете, я тоже его ученица.

— Находиться въ сношеніяхъ съ этой прекрасной, свободной душой, возразилъ Эрихъ, уже само по себѣ составляетъ большое счастье.

Ни тотъ, ни другая болѣе не нарушали молчанія, но оба чувствовали, что между ними возникла еще новая связь. Они съ одлаковой силой любили и уважали человѣка, которому оба были многимъ обязаны.

— Эрихъ! Манна! внезапно раздалось въ лѣсу. Они вздрогнули, услышавъ какъ имена ихъ, произнесенныя вмѣстѣ, многократно были повторены эхо, а потомъ замерли въ глубинѣ прощали, образуемой группой скалъ окаменѣлаго свадебнаго поѣзда.

Къ нимъ вскорѣ присоединился Роландъ и вмѣстѣ съ ними пошелъ къ экипажамъ.

ГЛАВА XVI.

РАЗЛИЧНЫЯ НАСТРОЕНІЯ ДУХА.

Зонненкампъ видѣлъ, что дворъ оказывалъ ему пренебреженіе, или лучше сказать вовсе его не замѣчалъ, но не смѣлъ показывать и виду, будто это его оскорбляетъ. Онъ боялся жалобами уничтожить всякое къ себѣ уваженіе и продолжалъ попрежнему, несмотря на холодность къ нему герцога, разыгрывать роль его покорнаго слуги. Онъ полагалъ, что въ этомъ заключается придворная служба и хотѣлъ заранѣе къ ней привыкнуть.

День отъѣзда герцога былъ уже назначенъ. Зонненкампъ вѣшался въ толпу знати, которая окружала экипажъ его высочества, и вмѣстѣ съ другими принималъ его благосклонный взглядъ и поклонъ. Государственный совѣтникъ, которому надлежало ѣхать во второй каретѣ, прощаясь съ Зонненкампомъ, сказалъ:

— Ваше дѣло, несмотря на почтеннаго и ученаго графа Вольфстартена, находится въ наилучшемъ положеніи.

Отъѣздъ двора произвелъ на значительную часть карлсбадскаго общества тоже впечатлѣніе, какое обыкновенно производитъ исчезновеніе изъ кружка танцующихъ невѣсты, въ честь которой давался балъ. Гости еще продолжаютъ танцовать, но имъ уже не достаетъ прежняго оживленія.

Толпы людей прибывали и убывали. Оживленный кружокъ, центромъ котораго была Белла, ежедневно утрачивалъ кого-нибудь изъ своей среды. Зонненкампу часто приходилось составлять букеты и подносить ихъ отъѣзжающимъ, но онъ дѣлалъ это съ тайнымъ отвращеніемъ. Наконецъ и Белла съ Клодвигомъ уѣхали. Графъ, въ великому удовольствію Эриха, искренно привязался къ профессору Эйнзиделю.

Послѣдніе дни пребыванія ихъ въ Карлсбадѣ имѣли для Эриха и Роланда всю прелесть заключительныхъ нотъ очаровательной мелодіи. Они довольно легко перенесли отъѣздъ Клод-вига и Беллы: съ ними еще оставался профессоръ Эйнзидель.

Зато Зонненкампъ и Церера испытывали самое дурное расположеніе духа: они чувствовали, что, такъ сказать, пережили самихъ себя.

Зонненкампъ мысленно сравнивалъ себя съ залежавшимся букетомъ цвѣтовъ. Какая участь обыкновенно постигаетъ такой букетъ къ вечеру? Онъ теряетъ свою свѣжесть, его на ночи spryskivajutъ водой, на слѣдующее утро очищаютъ отъ поблекшихъ цвѣтовъ и снова несутъ на рынокъ. Будетъ ли онъ счастливейе сегодня? Неизвѣстно, но все-таки надо сдѣлать пробу.

Мужчины и дамы, которые во время пребыванія на водахъ Беллы составляли обычное общество Зонненкампа, теперь держались отъ него въ сторонѣ, сухо отвѣчали на его поклоны и примывали къ кружкамъ вновь прибывавшихъ аристократовъ. На прогулкахъ все чаще и чаще появлялся профессоръ Крутіусъ. Онъ почти всегда былъ окруженъ америванцами и всѣ они какъ-то особенно смотрѣли на Зонненкампа. Послѣдній всегда очень любезно кланялся Крутіусу, но тотъ едва замѣтно отвѣчалъ на его поклонъ.

Наконецъ настало утро, назначенное для отъѣзда. Для Зонненкампа и его свиты были приготовлены три экипажа. Провожать ихъ собралось менѣе друзей, чѣмъ даже можно было ожидать. Но кареты тѣмъ не менѣе выѣхали на дорогу украшенные гирляндами изъ цвѣтовъ, а на первой изъ нихъ даже красовалась большая пестрая корона. Самыя спицы на колесахъ, и тѣ были обвиты зеленью, а почталыоны всѣ имѣли на шляпахъ вѣнки.

Семейство завтракало по обыкновенію на открытомъ воздухѣ, а потомъ, не возвращаясь въ комнаты, стало размищаться по экипажамъ.

Въ числѣ провожающихъ находился профессоръ Эйнзидель. Онъ стоялъ съ Манной нѣсколько въ сторонѣ и въ полголоса ей говорилъ:

— Я въ послѣдней моей лекціи... Ахъ, извините милое дитя, это вырвалось у меня по привычкѣ, но вѣдь насъ никто не слышитъ. Итакъ, я однажды сказалъ вамъ, что самъ охотно удалился бы въ монастырь, но не въ такой какъ вы, а въ свободный, гдѣ я могъ бы успокоиться на старости лѣтъ. Но я уже утомленъ жизнью, одинокъ и потому мое желаніе совершенно естественно. Вы же, дитя мое, совсѣмъ другое дѣло.

Ваша жизнь еще впереди и вамъ слѣдуетъ хорошенько подумать прежде, чѣмъ вы примете окончательное рѣшеніе. Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ постоянно бороться съ долгомъ, обречь себя на служеніе высокой идеѣ, а въ душѣ таить глубокую тоску и тревогу. Обдумайте посерьезнѣе ваше намѣреніе, дитя мое, и вѣрьте, что я отъ души желаю вамъ добра, сказалъ въ заключеніе добрый старикъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчала Манна. У ней на глазахъ навернулись крупныя слезы и она, чтобы скрыть ихъ, спрятала лицо въ букетъ, который держала въ рукахъ.

Къ нимъ подошелъ Роландъ и снялъ шляпу. Профессоръ положилъ ему руку на голову и сказалъ:

— Оставайся всегда честнымъ и добрымъ малымъ и знай, что ты имѣешь во мнѣ искренняго друга.

Роландъ былъ тронутъ до глубины души. Онъ взялъ маленькую руку профессора и быстро поднесъ ее къ губамъ. Стоявшіе въ нѣкоторомъ отдаленіи зрители пришли въ изумленіе.

Но вдругъ раздался звукъ почтовой трубы, горное эхо повторило его, экипажи двинулись и Зонненкамъ съ семействомъ покинулъ мѣсто, гдѣ такъ многое было всѣми пережито, но гдѣ тѣмъ не менѣе никто не нашелъ разрѣшенія терзавшихъ его сомнѣній.

Отъѣхавъ уже на нѣкоторое разстояніе отъ Карлсбада, Роландъ шепнулъ Эриху:

— Теперь у меня есть также и дѣлушка.

Эрихъ молчалъ. Роландъ въ теченіи дороги много разъ заговаривалъ, какъ права была Манна, осуждая обычай рвать цвѣты и дѣлать изъ нихъ букеты. Имъ безпрестанно встрѣчались на пути увядшіе или еще свѣжіе цвѣты, которые путешественники безжалостно кидали на дорогу подъ колеса каретъ.

Манна сидѣла молча. Она очень неохотно согласилась сопровождать своихъ родителей на воды и теперь уѣзжала оттуда съ сердцемъ, преисполненнымъ тревоги и печали.

Она незамѣтно для другихъ сложила руки и горячо молилась про себя.

Вскорѣ они достигли желѣзной дороги.

— Слыша свистъ локомотива, сказалъ Роландъ, я чувствую себя почти дома. У насъ на виллѣ постоянно раздается этотъ свистъ и все послѣднее время, что я его не слышалъ, мнѣ казалось, будто я нахожусь въ другомъ, какомъ-то мнѣ совершенно чуждомъ мѣстѣ. А ты, Манна, рада вернуться домой? Что-то тамъ теперь дѣлается? Все ли цѣло и невредимо?

Любовь къ дому, проглядывавшая въ каждомъ словѣ Роланда, сильно радовала Эриха и онъ въ отвѣтъ ему замѣтилъ, что никакія перемѣны, еслибъ онѣ и свершились во время ихъ отсутствія, не должны ихъ смущать. Пусть радость ихъ по возвращеніи домой будетъ полная и ничѣмъ невозмутимая.

ГЛАВА XVIII.

ДѢЙСТВІЕ СЛѢДУЕТЪ ПОСЛѢ.

— ДѢЙСТВІЕ слѣдуетъ послѣ, говорилъ докторъ на водахъ Зонненкампу и его женѣ, когда они собирались ѣхать домой. ДѢЙСТВІЕ слѣдуетъ послѣ, увѣрялъ также и государственный секретарь.

Семейство Зонненкампа вернулось на Рейнъ съ новыми надеждами въ сердцахъ.

Вилла во время отсутствія хозяевъ содержалась въ наилучшемъ порядкѣ. По распоряженію Зонненкампа между оранжереями и конюшнями была выстроена новая чугунная галерея, отличавшаяся необыкновеннымъ изяществомъ и легкостью. Нигдѣ не оставалось и слѣдовъ недавнихъ работъ, а садовникъ уже успѣлъ разставить на галереѣ вазы съ вьющимися растеніями, которыя граціозно обвивали желѣзные столбы. Зонненкампъ остался всѣмъ очень доволенъ.

Вся семья рада была возвратиться домой, гдѣ послѣ разлуки все казалось еще лучше и милѣе.

Зонненкампъ освѣдомился много ли путешественниковъ въ время его отсутствія посѣтило виллу и оранжереи. Онъ каждый годъ, уѣзжая на воды, позволялъ слугамъ показывать жалающимъ нижній этажъ дома, теплицы, паркъ и фруктовый садъ.

Кастелянъ сказалъ, что никогда еще не бывало на виллѣ столько посѣтителей, какъ въ этомъ году и онъ каждому изъ нихъ указывалъ мѣста, гдѣ сидѣли герцогъ и герцогиня.

Зонненкампъ приказалъ подать себѣ книгу, въ которой посѣтители имѣли обыкновеніе записывать свои имена, причемъ отъ нихъ требовалось, чтобъ они не писали ничего, кромѣ именъ.

Зонненкампъ пробѣжалъ глазами цѣлый списокъ ихъ и вдругъ гнѣвно воскликнулъ:

— Кто это написал?

Никто не могъ съ достовѣрностью ему отвѣчать. Наконецъ садовникъ, прозванный бѣлкой, указалъ на того человѣка, который хотѣлъ поступить въ гувернеры къ Роланду. Онъ прїѣхалъ недавно на виллу въ сопровожденіи другого мужчины весьма высокаго роста и красивой наружности. Послѣдній ничего не писалъ, но его спутникъ, котораго онъ называлъ профессоромъ, выполнялъ цѣлую страницу разными именами. Садовникъ замѣтилъ, что это ему уже и тогда показалось страннымъ.

Зонненкампъ былъ увѣренъ, что попалъ на настоящій слѣдъ. Человѣкъ, испестрившій книгу именами, былъ никто иной какъ профессоръ Крутиусъ, а написанныя имъ имена всѣ до одного принадлежали главнымъ предводителямъ партіи, защищавшей революцію въ южныхъ штатахъ. Чтобы эти люди сами посѣтили виллу Эдемъ, это было рѣшительно невозможно. Съ какой же стати красоваться здѣсь ихъ именамъ?

Зонненкампъ долго задумчиво бродилъ по саду, наконецъ ему удалось успокоить себя и онъ вслухъ произнесъ:

— Твой злѣйшій и старѣйшій врагъ снова выступаетъ на сцену и это никто иной, какъ твое несчастное воображеніе.

Эрихъ, обнимая свою мать, радовался не болѣе, чѣмъ Манна и Роландъ.

— Ты и тетушка, воскликнулъ послѣдній, цалуя профессоршу, ни мнѣ дороже всѣхъ деревьевъ въ паркѣ, дороже дома и всего! Вы, подобно имъ, постоянны и также твердо какъ они стоите на мѣстѣ и ожидаете нашего возвращенія. Ахъ, какое счастье для насъ, что вы здѣсь! Какая радость, вернувшись домой, снова съ вами свидѣться!

И мальчикъ еще долго продолжалъ такимъ образомъ выражать свой восторгъ.

Манна, напротивъ, молчала, но во взорѣ ея ясно выражалась любовь въ этимъ двумъ женщинамъ, мирная, исполненная достоинства жизнь которыхъ возбуждала въ ней чувство глубокаго умиленія. Тишина, царствовавшая въ виноградномъ домикѣ, сильно напоминала ей монастырь, хотя ни одна изъ его обитательницъ не была связана никакимъ обѣтомъ. Рассказывая матери Эриха о своемъ знакомствѣ съ профессоромъ Эйнзиделемъ, она между прочимъ замѣтила, что благоговѣніе, какое добрый старикъ питаетъ къ наукѣ, равняется религіозному благочестію другихъ людей. Профессорша была тронута до глубины души: она видѣла, что Манна способна была понять и оцѣнить геній чужака, посвятившаго себя наукѣ.

Зонненгампъ казался болѣе чѣмъ когда-либо погруженнымъ въ себя. Свое стремленіе въ дворянству онъ мысленно называлъ добровольно наложеннымъ на себя рабствомъ. Онъ вывезъ съ собой изъ Карлсбада убѣжденіе, что дворяне, въ кругу которыхъ онъ тамъ вращался, все время смотрѣли на него, какъ на чужого и считали его за выскочку. Онъ принужденъ былъ держаться съ ними очень осторожно и нерѣдко пропускать мимо ушей двусмысленныя намеки. Изъ всего, что тамъ говорилось, его особенно поразило замѣчаніе банкира насчетъ самихъ себя создавшихъ людей, которымъ и до конца надлежало оставаться такими.

И дѣйствительно, не лучше ли имѣть въ самомъ себѣ источникъ чести, нежели заимствовать ее искусственнымъ образомъ изъ чисто-внѣшнихъ обстоятельствъ и условій?

Зонненгампу казалось, что передъ нимъ воздвиглась стѣна, перешагнуть которую не предвидѣлось возможности. Онъ сердился на себя за всѣ эти мысли, старался не думать, но никакъ не могъ этого достигнуть.

Наконецъ онъ рѣшился просить государственнаго совѣтника прекратить всѣ хлопоты о дворянствѣ, какъ вдругъ получилъ отъ него письмо съ увѣдомленіемъ, что дѣло можно почти считать благополучно оконченнымъ.

Зонненгампъ гордымъ взглядомъ обинувъ окружавшіе его предметы. Благо, котораго онъ такъ усердно домогался, почти было у него въ рукахъ, а онъ намѣревался отъ него отказать. Это послѣднее, конечно, еще болѣе удовлетворило бы его и возвысило въ собственныхъ глазахъ. Но что случилось бы тогда съ Церерой, съ Манной и съ Роландомъ? Да и какимъ образомъ отступилъ бы онъ теперь назадъ? Ему на минуту пришло въ голову продать все свое имѣніе на Рейнѣ и переселиться въ Швейцарію, во Францію или въ Италію. Но при мысли о разлуцѣ съ здѣшней мѣстностью, изъ глубины души его поднялось тоскливое чувство. Желаніе пріобрѣсти почетъ и уваженіе въ обществѣ заговорило въ немъ сильнѣе, а домъ, садъ и все, чего онъ здѣсь былъ хозяиномъ, вдругъ получило въ его глазахъ новую прелесть.

Зонненгампъ ходилъ взадъ и впередъ по аллеѣ, осѣненной деревьями, которыя онъ насадилъ и чувствовалъ, что самъ приросъ въ этой почвѣ и пустилъ въ ней глубокіе корни. Онъ взглянулъ на Рейнъ и въ немъ внезапно пробудилось страстное желаніе никогда съ нимъ не разставаться, какое испытываетъ всякій, кто разъ поселился на его берегахъ.

— Впередь! воскликнуть онъ. Лукъ натянуть, пусть стрѣла лѣтъ въ цѣли!

Онъ вторично прочелъ письмо. Тамъ, между прочимъ, говорилось, что еврейскій банкиръ, въ одно время съ Зонненкампомъ начавшій хлопотать о дворянствѣ, внезапно прекратилъ свое искательство. Кромѣ того, государственный совѣтникъ сообщалъ Зонненкампу постараться сблизиться съ Вейдеманомъ, мнѣніе котораго еще не было получено. Его слѣдовало тѣмъ болѣе задобрить, что никому не былъ извѣстенъ его образъ мыслей насчетъ вопроса о новомъ дворянствѣ.

Затѣмъ совѣтникъ сообщалъ, что мнѣніе, поданное графомъ Вольфсартеномъ, было въ высшей степени странно, но что тѣмъ не менѣе одинъ пунктъ въ немъ рѣшилъ дѣло въ пользу Зонненкампа.

Все это были загадки, надъ разрѣшеніемъ которыхъ послѣдній тщетно трудился. Наконецъ онъ рѣшился ничего болѣе не предпринимать для ускоренія дѣла: его слишкомъ долго заставляли ждать, пусть теперь подождутъ и другіе.

На виллу не замедлил явиться докторъ. Онъ сдѣлалъ генеральный смотръ ея обитателямъ и нашелъ, что пребываніе на водахъ всѣмъ принесло пользу.

Только самъ Зонненкампъ все еще находился въ слишкомъ возбужденномъ состояніи.

Докторъ всѣмъ шупалъ пульсъ, выводилъ вѣрныя заключенія о физическомъ состояніи каждаго члена семьи, но не могъ и подозрѣвать переменъ, происшедшихъ въ ихъ нравственномъ состояніи.

Церера имѣла, по обыкновенію, утомленный видъ и жаловалась на то, какъ ей надоѣли восторженные толки о красотахъ природы.

Маннѣ не вѣрилось, что она прожила столько времени среди шумныхъ свѣтскихъ удовольствій.

Но пребываніе на водахъ болѣе всего имѣло вліянія на Эриха и Роланда.

Эрихъ пришелъ въ убѣжденію, что профессоръ Эйзидель въ своихъ предостереженіяхъ весьма метко попалъ на его болѣе мѣсто. Онъ самъ чувствовалъ, какъ разсѣянный образъ жизни, который онъ до сихъ поръ велъ, дѣлалъ его все менѣе и менѣе способнымъ углубляться въ самого себя и давать себѣ отчетъ въ разнаго рода явленіяхъ своей собственной нравственной природы. Молодой человекъ далъ себѣ слово немедленно приступить къ устройству своей внутренней жизни и создать для

себя родъ ученой крѣпости, въ которой могъ бы укрываться отъ вреднаго вліянія свѣта. Онъ заставлялъ Роланда много работать одного, не всегда отвѣчалъ на его вопросы и до многого предоставлялъ ему допытываться самому.

Роландъ въ первый разъ чувствовалъ себя покинутымъ Эрихомъ, а между тѣмъ нивогда не нуждался такъ въ его опорѣ, какъ теперь. Праздная жизнь на водахъ, длинный рядъ всякаго рода развлеченій, постоянное пребываніе въ многочисленномъ обществѣ дамъ и кавалеровъ, которые осыпали его любезностями, — все это, когда миновала первая радость свиданія съ профессоршей и тетужкой Клавдіей, оставило въ душѣ юноши большую пустоту. Онъ впалъ въ тревожное состояніе, съ трудомъ переносилъ тишину и однообразіе домашней жизни и весьма неохотно занимался уроками. Его тянуло опять въ общество, къ молодымъ людямъ его лѣтъ.

Онъ получилъ письмо отъ кадета, который увѣдомлялъ его о своемъ производствѣ въ прапорщики и общался въ скоромъ времени навѣстить его съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей.

Роландомъ овладѣло тоскливое чувство ожиданія: онъ жаждалъ удовольствій, искалъ перемѣны и развлеченій. Разъ какъ-то долговязый лейтенантъ замѣтилъ въ его присутствіи, что ему пора бы уже видти изъ-подъ опеки гувернера, и теперь Роландъ съ трудомъ переносилъ свою зависимость отъ Эриха.

Подъ вліяніемъ этого настроенія духа, онъ то и дѣло спрашивалъ у отца, когда, наконецъ, придетъ дворянскій дипломъ. Зонненкампъ старался успокоить мальчика и разъ какъ-то проговорился, что тайна о дворянствѣ извѣстна также и Эриху. Роландъ пришелъ въ сильное негодованіе: почему Эрихъ до сихъ поръ ни слова ему объ этомъ не сказалъ.

Профессорша прежде своего сына замѣтила перемѣну, происшедшую въ мальчикѣ со времени возвращенія его изъ Карлсбада. Но мало-по-малу дурное расположеніе духа его воспитанника сдѣлалось очевидно и для Эриха. Онъ немедленно отложилъ въ сторону свой ученый трудъ и рѣшился еще на нѣкоторое время исключительно посвятить себя Роланду. Но ему стоило не малаго труда снова привлечь къ себѣ мальчика. Наконецъ ему явился на помощь случай.

Однажды къ Зонненкампу пришелъ маіоръ и сталъ его просить отъ имени Вейдемана уступить большую рыцарскую залу въ замѣнъ для предстоящаго большого праздника масоновъ. Въ первую минуту Зонненкампъ готовъ былъ согласиться: его изумило странное стеченіе обстоятельствъ, въ силу котораго Вей-

денгъ именно въ немъ нуждался. Но потому онъ нашель, что ему еще пріятнѣе отказать, нежели уступить желанію этого человека. вмѣсто отвѣта онъ спросилъ у маіора, почему Вейдеманъ самъ не обратился къ нему съ своей просьбой, а поручилъ это третьему лицу?

Маіоръ очутился въ затруднительномъ положеніи. Не могъ же онъ сказать, что Вейдеманъ коротко и рѣшительно отказался лично имѣть какое-либо дѣло съ Зонненкампомъ.

Послѣдній выразилъ желаніе узнать имена тѣхъ лицъ, которые въ здѣшней мѣстности принадлежали къ обществу масоновъ.

У маіора былъ съ собой списокъ ихъ и онъ показаль его Зонненкампу, который мгновенно убѣдился, что въ числѣ братьевъ-масоновъ не было ни одного сколько-нибудьзна чительнаго лица. Баронъ фонъ-Эндлихъ и тотъ вышелъ изъ общества, лишь только былъ произведенъ въ дворяне.

Это еще болѣе побудило Зонненкампа къ отказу, но онъ вмѣсто того, въ свою очередь, обратился къ маіору съ просьбой сблизить его съ Вейдеманомъ.

— Вамъ этого вовсе не трудно достигнуть, отвѣчалъ маіоръ. Вейдеманъ очень желаль бы видѣть у себя Роланда и капитана Дориз; пошлите ихъ къ нему.

Но Зонненкампъ и на это не согласился. Онъ не хотѣлъ дѣлать перваго шага для сближенія съ Вейдеманомъ, который самъ постоянно гордо держался отъ него въ сторонѣ.

Впрочемъ, не далѣе какъ на слѣдующій день произошло обстоятельство, которое вполне измѣнило намѣренія Зонненкампа. Онъ ѣхаль верхомъ и встрѣтилъ въ коляскѣ Вейдемана, сидѣвшаго рядомъ съ человекомъ, который по всѣмъ соображеніямъ долженъ былъ бы въ эту минуту находиться по ту сторону океана. Видъ послѣдняго до таковой степени поразилъ Зонненкампа, что онъ едва усидѣлъ на лошади.

Незнакомецъ отличался красивой, молодой наружностью и необыкновенно высокимъ ростомъ. Вейдеманъ, поровнявшись съ Зонненкампомъ, поклонился ему. Спутникъ его вздрогнулъ, но мгновеніе спустя тоже снялъ шляпу. Густая масса русыхъ вѣдрей, высокій лобъ незнакомца, быстрый взглядъ его прекрасныхъ голубыхъ глазъ, — все это было слишкомъ хорошо памятно Зонненкампу. Онъ не могъ удержаться, чтобъ не обернуться еще разъ на сѣдлѣ и не взглянуть вслѣдъ удалявшемуся экипажу: ему непременно хотѣлось удостовѣриться въ томъ, что онъ дѣйствительно не ошибся.

Незнакомецъ, съ своей стороны, тоже привсталъ въ коляскѣ и смотрѣлъ на встрѣтившагося съ нимъ всадника. Зонненкампъ видѣлъ, какъ онъ потомъ кивнулъ головой, точно въ подтвержденіе своей догадки.

Зонненкампъ затанулъ поводья у лошади и покачнулся въ сѣдлѣ. Его охватилъ непреодолимый ужасъ. Да, это онъ, его злѣйшій врагъ, самый дѣятельный изъ его противниковъ! Но какъ и зачѣмъ онъ здѣсь очутился? Зонненкампъ смотрѣлъ вслѣдъ коляскѣ, пока она совсѣмъ не скрылась изъ виду и не умолкъ шумъ ея колесъ. Потомъ онъ повернулъ лошадь и поскакалъ обратно домой. Немного спустя, однако, онъ снова остановился, вторично поворотилъ коня и прищипоривъ его, понесся по направлению въ жилищу маіора.

Онъ не засталъ его дома.

Фрейленъ Мильбъ, къ которой онъ питалъ непреодолимое отвращеніе, одна встрѣтила его и сказала, что маіоръ ушелъ въ замокъ.

Зонненкампъ поѣхалъ за нимъ туда и самымъ спокойнымъ, равнодушнымъ тономъ освѣдомился, что за человѣкъ гостилъ у Вейдемана. Маіоръ отвѣчалъ, что въ Маттенгеймъ недавно пріѣхалъ племянникъ Вейдемана, докторъ Фрицъ, затѣмъ, чтобы взять оттуда свою дочь, которая тамъ воспитывалась подъ надзоромъ Кнопфа.

— А былъ этотъ докторъ Фрицъ въ мое отсутствіе у меня на виллѣ? спросилъ Зонненкампъ.

— Былъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Крутіусомъ. Они оба остались въ восторгѣ отъ вашего дома и сада. Я, по порученію доктора Фрица, купилъ у вашего садовника много сѣменъ, которыя онъ хочетъ увезти съ собой въ Америку. Отпустите, пожалуйста, Эриха и Роланда въ Маттенгеймъ: и тому и другому будетъ очень пріятно познакомиться съ докторомъ Фрицемъ. Онъ отличный человѣкъ, но къ сожалѣнію на дняхъ уже отсюда уѣзжаетъ.

Въ это самое время Эрихъ и Роландъ, какъ нарочно, тоже пришли въ замокъ. Маіоръ сталъ подстрекать ихъ къ поѣздкѣ въ Маттенгеймъ и вполне въ этомъ успѣлъ. Роландъ былъ радъ радешенекъ нарушить однообразіе своего настоящаго образа жизни, а Эрихъ надѣялся, что дѣятельность, кипѣвшая въ Маттенгеймѣ, будетъ имѣть на его воспитанника хорошее вліяніе.

На этотъ разъ Зонненкампъ умнѣе распорядился. Въ Карлсбадѣ онъ далъ Эриху прямое порученіе вывѣдать отъ Клодвига его мнѣніе, теперь онъ намеками старался вразумить его на

сть того, что именно желалъ бы онъ узнать о Вейдеманѣ. Эрику надлежало черезъ нѣсколько дней прислать къ нему изъ Миттенгейма человѣка, съ извѣстіемъ, что онъ можетъ теперь тутъ самъ явиться, какъ будто бы за своимъ сыномъ.

На слѣдующее утро, послѣ отъѣзда Эриха и Роланда, Манна наконецъ рѣшилась пойти навѣстить патера, который, по словамъ фрейленъ Пэрини, сильно удивлялся тому, что она у него еще не была послѣ своего возвращенія изъ Карлсбада. Фрейленъ Пэрини сочла за лучшее, чтобъ Манна прямо отъ нея узнала, что она уже видѣлась съ патеромъ. Но съ другой стороны она не нашла нужнымъ сообщить ей, что уже успѣла познакомить патера со всѣми подробностями ихъ пребыванія въ Карлсбадѣ.

Узнавъ отъ ключницы патера, что у него находился въ гостяхъ деканъ капитула канониковъ изъ столицы, Манна хотѣла, не повидавшись съ нимъ, вернуться домой. Но патерь вѣроятно услышалъ ея голосъ, потому что вышелъ къ ней и взявъ ее за руку, повелъ въ комнату. Тамъ онъ представилъ ее декану въ качествѣ будущей монахини.

Манна въ смущеніи взглянула на патера, а деканъ, замѣтивъ это, поспѣшилъ сказать:

— Да, да, мнѣ уже извѣстно ваше прекрасное намѣреніе поступить въ монастырь.

Манна въ испугѣ опустила глаза и принуждена была молча выслушать похвалу. Она не смѣла противорѣчить патеру, а между тѣмъ чувствовала, что въ сердцѣ ея возникли сомнѣнія и поселился разладъ.

Деканъ спросилъ, не былъ ли въ Карлсбадѣ на водахъ кто-нибудь изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ.

Манна отвѣчала отрицательно.

Затѣмъ патерь освѣдомился, не познакомилась ли она тамъ съ какими-нибудь замѣчательными свѣтскими личностями.

Манна сочла своей обязанностью прежде всѣхъ назвать профессора Эйнзидела.

— Вотъ какъ! Вы познакомились съ маленькимъ, сморщеннымъ, напыщеннымъ человѣкомъ, который весьма скромно сравниваетъ себя съ древнимъ грекомъ?

И оба духовныя лица громко засмѣялись. Манна, привывшая указывать профессора Эйнзидела, съ трудомъ узнала его въ этой карикатурѣ. Но у ней не хватило мужества взять на себя его защиту, и она молчала.

— Мы васъ проводимъ домой, сказала ей наконецъ патерь и обратился съ декану, прибавилъ: мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы

хоть мелькомъ взглянули на прекрасную виллу господина Зонненкампа.

Манна вернулась домой въ сопровожденіи этихъ двухъ духовныхъ лицъ, которые обращались съ ней очень дружески и ласково. Но она тѣмъ не менѣе чувствовала себя, какъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія.

На дворѣ виллы они встрѣтили Зонненкампа. Онъ очень учтиво съ ними раскланялся и любезно предложилъ показать имъ паркъ, оранжереи и даже самый домъ. Деканъ въ оцѣнѣ осматриваемыхъ имъ предметовъ роскоши выказалъ много тонкаго вкуса. Зонненкампъ по обыкновенію съ гордостью обратилъ вниманіе своихъ посѣтителей на то, что каждая печь въ домѣ имѣла свою особую трубу. Отъ него не ускользнуло, какъ деканъ и патеръ при этомъ переглянулись и съ довольнымъ видомъ улыбнулись.

— Ого, вотъ оно чтò! мелькнула у Зонненкампа въ головѣ догадка. Эти люди повидимому осматриваютъ виллу въ надеждѣ, что имъ удастся превратить ее въ монастырь, когда Манна приведетъ въ исполненіе свое намѣреніе. Нѣтъ, друзья мои: прежде чѣмъ этотъ домъ достанется вамъ, я собственноручно сожгу его со всѣмъ, чтò въ немъ заключается.

Ни патеръ, ни деканъ не догадывались, почему лицо Зонненкампа приняло вдругъ такое радостное, торжествующее выраженіе: онъ мысленно поздравлялъ себя съ тѣмъ, что еще разъ проникъ въ тайныя мысли и побужденія другихъ людей.

Зонненкампъ проводилъ патера и декана до самыхъ воротъ парка и на прощанье убѣдительно просилъ ихъ впередъ какъ можно чаще навѣщать его скромное жилище.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

СКАЗКА НА СЕЛЬСКОМЪ ПРАЗДНИКѢ.

Эрихъ и Роландъ бодро взбирались на горы, спускались въ долины и все далѣе и далѣе проникали въ глубь страны.

Никогда не гуляется такъ хорошо, какъ въ свѣжій осенній день. На лугахъ пасутся коровы, съ полей собирается жатва, зелень деревьевъ принимаетъ самые разнообразныя, мѣстами багровыя и золотистыя оттѣнки. Въ воздухѣ постоянно ощущается прохлада, сообщаемая ему утренней или лучше сказать вечерней росой, потому что осень, наступая за лѣтомъ, составляетъ какъ бы его вечеръ. Вся природа имѣетъ видъ человѣка, который окончивъ свой трудъ и насытившись, предается отдохновенію и покою.

Эрихъ и Роландъ шли мѣрнымъ шагомъ, не останавливаясь и повидимому мало заботясь о томъ, когда кончатся ихъ странствіе. А между тѣмъ прогулка ихъ имѣла цѣль, по крайней мѣрѣ Эрихъ предпринялъ ее съ желаніемъ ввести Роланда въ среду полезной, дѣятельной жизни, которая доголѣ вовсе не была извѣстна мальчику.

Дорогой Эрихъ разсказалъ ему свою собственную прошлую жизнь, но нѣсколько иначе, чѣмъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ разсказывалъ ее сначала Клодвигу, а потомъ Зонненкампу. Въ надеждѣ, что его примѣръ подѣйствуетъ на Роланда, онъ больше всего распространился о внутреннемъ разладѣ, какового былъ жертвой въ то время, когда находился на военной службѣ.

Эриху почему-то казалось, будто онъ совершаетъ съ своимъ воспитанникомъ послѣднее путешествіе. Роландъ не замедлилъ подтвердить его мысль, объявивъ, что онъ слышалъ отъ Прангена, будто для него уже заказанъ мундиръ и онъ не позже какъ въ концѣ осени поступить въ корпусъ.

Тутъ Роландъ въ первый разъ самъ добровольно заговорилъ о Кнопфѣ, который былъ учителемъ въ Маттенгеймѣ. Онъ выразилъ удовольствіе, что можетъ, передъ вступленіемъ въ новую жизнь, лично попросить у магистра извиненія за шалость, кото-

рою въ былое время причинилъ ему сильное горе. Наконецъ Эрихъ узналъ, какое жестокое оскорбленіе нанесъ Роландъ своему бывшему учителю. Онъ съ помощью французскаго камердинера Зонненкампа отрѣзалъ Кнопфу во время сна половину его бороды. Теперь онъ искренно раскаивался въ своей злой шалости и отъ души хотѣлъ ее загладить.

Итакъ, путешествіе Эриха и Роланда имѣло болѣе одной хорошей цѣли.

Они все дальше и дальше уходили отъ Рейна, а ландшафтъ передъ ними становился все менѣе и менѣе живописенъ.

На пути имъ нѣсколько разъ попадались цѣлыя стада коровъ, свиней, овецъ, украшенныхъ лентами и цвѣтами. Кромѣ того они встрѣчали людей, несшихъ въ корзинахъ отборныя овощи и плоды.

— Куда все это идетъ? спрашивали они.

— На сельскій праздникъ, въ Маттенгеймъ, отвѣчали имъ.

Наконецъ и они достигли деревни, лежавшей неподалеку отъ владѣній Вейдемана. Она вся пестрѣла флагами. На улицѣ виднѣлись телѣги, украшенныя гирляндами изъ цвѣтовъ и передъ каждой стояла толпа поселянъ, представителей разнаго рода ремеслъ и полевыхъ работъ.

Тутъ были молотильщики, тѣачи, гонтовщики, дровосѣки, виноградари. Лошади и быки въ телѣгахъ тоже были всѣ въ лентахъ и цвѣтахъ. Мужчины и женщины шумно веселились, смѣялись и радостно привѣтствовали всѣхъ вновь прибывающихъ.

Эрихъ и Роландъ вошли въ деревню.

На зданіи ратуши развѣвались флаги. Въ толпѣ говорили, что тамъ Вейдеманъ читалъ лекцію.

Молодые люди пошли туда.

Въ большой залѣ за столомъ стоялъ Вейдеманъ и весьма просто и наглядно толковалъ поселянамъ какъ «приготовлять говядину», подразумѣвая подъ этимъ, какъ слѣдуетъ кормить и содержать скотъ. «Приготовленіе говядины» было исходной точкой его лекціи, но онъ тутъ же объяснялъ способы, какъ успѣшнѣе растить рѣпу и печь хлѣба. Онъ особенно напиралъ на точность и на аккуратность, которыя одни, говорилъ онъ, приводятъ къ желаемому результату.

У него у самого висѣлъ въ конюшнѣ термометръ и онъ тщательно наблюдалъ, чтобъ тепло тамъ никогда не простиралось выше четырнадцати градусовъ. У него были электрическіе часы, посредствомъ которыхъ онъ, сидя въ кабинетѣ, могъ знать, во время-ли слуги давали скоту кормъ.

Онъ объяснялъ поселянамъ, какъ они съ своимъ ограничен-

ннѣ хозяйствомъ могли достигать гораздо лучшихъ результатовъ, чѣмъ онъ. У нихъ все было на глазахъ и они могли сами всѣмъ распоряжаться, тогда какъ ему по неволѣ во многомъ приходилось полагаться на слугъ. Вслѣдствіе этого его скотина не рѣдко падала по воскресеньямъ, что непременно отзывалось на ней иккій понедѣльникъ. Каждая корова у Вейдемана имѣла свое имя и онъ хорошо зналъ, сколько каждая могла давать молока.

Онъ говорилъ своимъ слушателямъ, что отъ нерадѣнія у людей изъ рукъ иногда въ теченіи нѣсколькихъ часовъ ускользають милліоны. «Поздно косить, не разъ повторялъ онъ, когда трава перезрѣла». Вообще рѣчь его текла живо, бойко и не безъ легкаго отгѣнка юмора.

Желая убѣдительно доказать пользу и практичность котораго-нибудь изъ своихъ совѣтовъ, онъ говорилъ, ударяя себя обѣими руками по карманамъ панталонъ:

— Такимъ образомъ и сюда кое-что перепадеть.

— Выгода и барышъ встрѣчаются на каждомъ шагу, сказалъ онъ между прочимъ, надо только умѣть ими воспользоваться. Смотрите, прибавилъ онъ, поднимая руку и перебирая пальцами въ воздухѣ: человѣческая рука дѣлаетъ движеніе пальцами къ себѣ, а не отъ себя, то-есть явно предписываетъ болѣе заботиться о приобрѣтеніи, чѣмъ о тратѣ.

Это замѣчаніе возбудило всеобщій смѣхъ.

Вейдеманъ сильно возставалъ противъ общинныхъ пастбищъ и выгоновъ для скота и съ жаромъ нападалъ на безтолковость и нерасчетливость людей, которые не хотѣли понять, какую выгодную пищу составляетъ скотъ.

Роландъ не могъ придти въ себя отъ удивленія, видя какъ хлопоталъ этотъ человѣкъ о томъ, чтобъ навести своихъ ближнихъ на умъ и выучить ихъ ѣсть хорошую и здоровую пищу.

Вейдеманъ еще между прочимъ замѣтилъ, что напрасно такъ многое приписываютъ той или другой породѣ животнаго: пища можетъ сдѣлать для него гораздо болѣе нежели происхождение.

Эрихъ принялъ это за намекъ себѣ и съ краской на лицѣ опустилъ глаза въ землю.

По окончаніи лекціи Вейдеманъ дружески привѣтствовалъ Роланда и Эриха.

Послѣдній горячо выразилъ свое удовольствіе по поводу всего, что ему пришлось слышать.

— Да, да, отвѣчалъ Вейдеманъ: не даромъ же я приготовился къ духовному званію. Во мнѣ и до сихъ поръ еще виднѣнъ сынъ пастора.

На что Эрихъ съ улыбкой замѣтилъ:

— Людямъ такъ часто читають проповѣди о томъ, какъ имъ слѣдуетъ заботиться о своей душѣ, что право не лишнее разумлять ихъ иногда и на счетъ тѣла.

— Но я тѣмъ не менѣе вовсе не отвергаю существованія души, очень серьезно возразилъ Вейдеманъ; мнѣ рѣшительно непонятно, какъ это люди могутъ не вѣрить въ Бога: я всюду ощущаю его присутствіе. Но объ этомъ рѣчь еще впереди. А теперь пойдемте со мной.

И всѣ вышли на улицу, по которой уже начала двигаться праздничная процессія. Впереди шла пожарная команда, собранная сюда изъ всѣхъ окрестныхъ селъ и мѣстечекъ. Она состояла изъ рослыхъ красивыхъ парней въ сѣрыхъ курткахъ и съ блестящими мѣдными шлемами на головахъ.

— Это одно изъ учрежденій новой, современной намъ жизни, сказалъ Эрихъ, указывая на пожарныхъ.

— Да, отвѣчалъ Вейдеманъ, въ былое время люди не имѣли ничего подобнаго и кто знаетъ, что еще выйдетъ изъ этого впереди.

За пожарными ѣхали телѣги. Въ нихъ сидѣли женщины ремесла которыхъ состояло въ трепаніи конопли. Онѣ съ веселымъ хохотомъ бросали въ зрителей это растеніе, изрубленное на самыя мелкіе кусочки. Потомъ показалась бочка съ виномъ. Всеобщему смѣху и радости не было конца.

Вейдеманъ пригласилъ Эриха и Роланда ѣхать вмѣстѣ съ нимъ домой, а пока представилъ ихъ своему племяннику доктору Фрицу. Магистръ Кнопфъ, прибавилъ онъ, явится только къ танцамъ и конечно будетъ очень радъ пріѣзду дорогихъ гостей.

Всѣ отправились на площадь, гдѣ раздавались призы, а по томъ Вейдеманъ повелъ Эриха и Роланда на выставку полевыхъ орудій. Показывая имъ плуги и лопаты и объясняя ихъ устройство, онъ похвалилъ обычай, въ силу котораго всѣ новыя усовершенствованныя орудія распространялись въ народѣ посредствомъ лоттерей.

— Поселяне, прибавилъ онъ, весьма трудно и медленно допускаютъ въ свою среду всякаго рода нововведенія. Крестьянинъ не можетъ быть прогрессистомъ. Онъ волей-неволей долженъ изображать собой консервативное начало и въ тоже время и слишкомъ чуждаться успѣховъ своего времени. Довести его до этого послѣдняго не легко и требуетъ много терпѣнія.

Затѣмъ Вейдеманъ распространился о планѣ, который давнѣе и сильно его занималъ. Онъ хотѣлъ посылать въ народъ хозяиновъ миссіонеровъ или превращать въ таковыхъ самыя

умныхъ изъ осѣдлыхъ поселянъ. Последнее было бы еще лучше, такъ какъ простой народъ всегда болѣе или менѣе недоброжелательно смотритъ на людей, говорящихъ языкомъ книгъ и наукъ.

Роландъ ходилъ по выставкѣ и на все смотрѣлъ точно во снѣ. Ему казалось, что онъ внезапно былъ перенесенъ въ совершенно новый мѣръ. На разстояніи всего нѣсколькихъ часовъ отъ виллы Эдемъ жилъ человѣкъ, который съ такимъ жаромъ и самоотверженіемъ хлопоталъ о томъ, чтобъ доставить своимъ ближнимъ хорошую пищу. А тамъ, на виллѣ, чего ищутъ и къ чему стремятся ея обитатели? Нѣчто подобное выразилось въ словахъ Роланда къ Эриху.

— У господина Вейдемана, сказалъ онъ, прекрасная цѣль, хотя онъ и много говоритъ о навозѣ.

Это замѣчаніе со стороны его воспитанника привело Эриха въ восторгъ. Роландъ самъ пришелъ къ заключенію, что въ мѣрѣ нѣтъ такого матеріала, который, разъ что онъ можетъ быть употребленъ на пользу общую, заслуживалъ бы названіе нечистаго. Надо только постоянно имѣть въ виду мысль, которой этотъ матеріалъ даетъ осуществленіе. Эрихъ никакъ не смѣлъ надѣяться на такой результатъ своихъ занятій съ Роландомъ, но теперь началъ многого ожидать отъ его пребыванія въ Маттенгеймѣ. Здѣсь мальчикъ могъ получить вѣрное понятіе о сельскомъ хозяйствѣ, въ которомъ, по мнѣнію Эриха, должно было заключаться его настоящее призваніе. Сельское хозяйство одно даетъ возможность непосредственно дѣйствовать на многихъ и помогать многимъ.

— Вы непременно должны взглянуть на моихъ свиней, настаивалъ между тѣмъ Вейдеманъ. Представьте себѣ шестинедельныхъ йоркширскихъ поросятъ: это прелесть что за созданія! Или вы имѣете отвращеніе къ свиньямъ? Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но знаете ли вы, мой молодой другъ, что мясная пища нашего народа состоитъ изъ 70 процентовъ свинины, 20 говядины и только 10 баранины, домашней птицы, дичины и прочаго, тогда какъ во Франціи съѣдается на 60 процентовъ баранины.

Йоркширскія свиньи дѣйствительно были очень милы и имѣли весьма опрятный видъ.

Роландъ однако не пошелъ ихъ смотрѣть, но долго стоялъ впереди огромными тѣлами въ половину человѣческаго роста и въ двойную толщину руки.

Вскорѣ всѣ призы были розданы и веселость народа еще усилилась. Эрихъ радъ былъ случаю показать Роланду чисто-

народный праздникъ, который не былъ ни установленъ церковью, ни учрежденъ правительствомъ, но устроенъ для себя самимъ народомъ.

Услышавъ, о чемъ говорилъ Эрихъ, Вейдеманъ сказалъ:

— Да, это наше новое самоуправленіе, стремленіе къ которому начинается въ насъ сильно проявляться какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ вещахъ.

Солнце ярко сіяло надъ деревней и надъ веселой толпой гуляющихъ поселянъ. Роландъ, стоя вмѣстѣ съ Эрихомъ на возвышеніи, откуда любовался оживленнымъ зрѣлищемъ, воскликнулъ:

— Ахъ, еслибъ отецъ былъ здѣсь, еслибъ мы могли каждому изъ этихъ людей... Какъ ты думаешь, сколько ихъ здѣсь собрано?

— Около тысячи.

— Около тысячи, повторилъ Роландъ. Хорошо. Я хотѣлъ бы каждому изъ нихъ сію минуту дать по тысячѣ гульденовъ.

— Ты осчастливилъ бы ихъ на день, на мѣсяцъ, пожалуй на годъ, можетъ быть и болѣе, но никакъ не на всю жизнь. Ты слышалъ, въ чемъ заключается лучшая помощь людямъ? Имъ надо дать въ руки хорошія орудія, вложить имъ въ душу честныя правила и тѣмъ самымъ доставить возможность самимъ зарабатывать себѣ хлѣбъ и устроить свою жизнь.

— Да, да, это была съ моей стороны пустая мечта, точно сквозь сонъ проговорилъ Роландъ.

Отчего Эрихъ не хотѣлъ съ нимъ раздѣлить этой мечты?

Наконецъ настало время танцевъ. Послышались звуки музыки и всѣ направилась въ гостинницѣ *Ворона*, у входа въ которую красовался огромный букетъ. Эрихъ и Роландъ последовали за другими. Въ самой большой комнатѣ гостинницы, гдѣ танцевали поселяне, на маленькомъ возвышеніи, въ числѣ другихъ музыкантовъ, стоялъ человекъ, который, усердно играя на флейтѣ, привѣтливо кивнулъ головой вошедшимъ молодымъ людямъ. Это былъ Кнопфъ. Вдругъ Роландъ вздрогнулъ и схвативъ за руку Эриха, указалъ ему на столъ, накрытый красной скатертью, за которымъ сидѣло небольшое общество.

— Это она! Она! воскликнулъ онъ.

Взоръ его былъ неподвижно устремленъ на стройную, высокаго роста дѣвочку, съ розовыми щечками и длинными распущенными волосами, стоявшую между колѣнъ красиваго сильнаго мужчины, котораго называли докторомъ Фрицомъ.

Кнопфъ подалъ знакъ, музыканты перестали играть и онъ сошелъ съ возвышенія пожать Эриху и Роланду руки. На гла-

захъ у него выступили слезы и упали на очки, которые онъ принужденъ былъ снять.

— Вы какъ нельзя удачнѣ выбрали время для вашего пріѣзда, сказалъ онъ помигивая. Сегодня здѣсь сельскій праздниѣ.

— Простите меня.... началъ Роландъ.

— Я уже давно это сдѣлалъ. Ты.... вы совсѣмъ превратились въ взрослога молодого человекъ. Пойдемте.

И онъ повелъ ихъ къ столу съ красной скатертью, гдѣ представилъ Эриха госпожѣ Вейдеманъ. Тутъ между прочимъ находился и русскій князь, изучавшій агрономію подъ руководствомъ Вейдемана. Онъ очень радъ былъ не ожиданному пріѣзду Эриха и Роланда, которыхъ вслѣдъ затѣмъ представили двумъ сыновьямъ Вейдемана, доктору Фрицу изъ Америки и его дочери. Роландъ и дѣвочка не могли другъ отъ друга отвести глазъ.

— Батюшка, вотъ онъ, лѣсной принцъ, о которомъ я тебѣ говорила, сказала дѣвочка высокому мужчигѣ съ красивой наружностью.

Голосъ ея заставилъ Роланда вздрогнуть. Еслибъ маленькіе колокольчики ландыша могли вдругъ зазвенѣть, они непремѣнно издали бы таковой звукъ.

Встрѣча въ лѣсу была рассказана посреди веселаго смѣха и шутокъ. Но ничье удовольствіе не могло сравниться съ тѣмъ, какое испытывалъ Кнопфъ.

— Какъ видно, въ наше время еще не перевелись чудеса! воскликнулъ онъ, помахая флейтой. Слушайте, дѣти, что я вамъ скажу, только, чуръ, не перебивать меня и не противиться моему приказанію. Роландъ умѣетъ танцовать, ты, Лиліана, тоже.... Тише! закричалъ онъ на поселянъ: наши дѣти сейчасъ будутъ танцовать и совершенно одни: вромѣ нихъ, никто не двигайся съ мѣста!

Онъ снова вошелъ на возвышеніе и заигралъ на флейтѣ веселый вальсъ. Роландъ и Лиліана кружились по комнатамъ и всѣ на нихъ смотрѣли, какъ будто они дѣйствительно были свазочные принцъ и принцесса.

Мальчикъ и дѣвочка еще ни слова другъ другу не свазали, но уже танцовали вмѣстѣ. Кнопфъ вѣроятно долго бы еще продолжалъ играть, еслибъ докторъ Фрицъ наконецъ не закричалъ:

— Довольно, господинъ кандидатъ!

Кнопфъ спряталъ флейту, но слово «кандидатъ» его въ высшей степени непріятно поразило. Отъ него пахнуло таковой прозой посреди всей этой поэзіи.

Роландъ и Лиліана присоединились къ обществу за столомъ. Кнопфъ напомнилъ Лиліанѣ, что ей слѣдуетъ предложить своему

кавалеру вина, но госпожа Вейдеманъ совѣтовала дѣтямъ немного подождать и не пить, пока они не отдохнутъ. И мальчикъ, и дѣвочка сидѣли молча, не спуская другъ съ друга глазъ.

Эрихъ выразилъ надежду, что его пріѣздъ съ Роландомъ не измѣнитъ первоначальныхъ намѣреній общества на этотъ вечеръ. Но Вейдеманъ объявилъ, что онъ очень усталъ и самъ хочетъ пораньше отправиться восвояси.

Госпожа Вейдеманъ очень сожалѣла, что лучшія комнаты въ ея домѣ были уже заняты другими гостями и что она не можетъ предложить вновь прибывшимъ всѣхъ удобствъ, въ ка-кимъ они привыкли.

— Не слушайте ея, возразилъ Вейдеманъ. Всякая женщина непременно считаетъ своей обязанностью извиняться въ мнимой неблагоустроенности своего хозяйства, хотя бы оно у нея было въ наилучшемъ порядкѣ.

Общество вышло на дворъ. Докторъ Фрицъ велъ свою дочь за руку и тутъ только Эрихъ и Роландъ впервые узнали, что Лиліана уже на слѣдующій день уѣзжаетъ обратно въ Америку.

Кнопфъ взялъ Роланда подъ руку, а Эрихъ шелъ между Вейдеманомъ и его женой. Русскій князь съ однимъ изъ сыновей Вейдемана отправились домой черезъ поля, между тѣмъ какъ другой сынъ присоединился къ доктору Фрицу. Госпожа Вейдеманъ старалась объяснить Эриху настоящую причину молчаливости своего мужа, который дѣйствительно только изрѣдка произносилъ одно или два слова. Онъ въ теченіи дня, говорила она, совсѣмъ измучился съ поселянами, которые не давали ему ни минуты покоя. Еслибъ не пріѣздъ Эриха, онъ по всѣмъ вѣроятностямъ еще взялся бы за скрипку для того, чтобъ этимъ людямъ было веселѣе танцовать.

Вейдеманъ подтвердилъ, что таково дѣйствительно было его намѣреніе и прибавилъ, что вовсе не находить нужнымъ этого стыдиться.

Эрихъ выразилъ сожалѣніе, что многіе истинные друзья чело-вѣчества часто стыдятся давать волю своему добродушію на томъ основаніи, что подъ ласкою и дружелюбіемъ другихъ людей не рѣдко встрѣчаются ложь или пошлая погоня за популярностью.

Вейдеманъ припомнилъ Эриху его попытку посвятить себя исправленію арестантовъ и сказалъ, что трубачъ изъ оркестра, который сегодня игралъ въ гостинницѣ Вѣрона, одно время со-держался въ смиренномъ домѣ. Но онъ уже въ теченіи мно-гихъ лѣтъ оттуда вышелъ и съ тѣхъ поръ постоянно хорошо себя велъ.

Госпожа Вейдеманъ, въ увѣренности, что разговоръ долженъ еще болѣе утомить ея мужа, поспѣшила взять на себя обязанность занимать Эриха. Она спросила, правда ли, что баронъ фонъ-Пранкенъ женится на дочери Зонненкампа.

Сердце Эриха болѣзненно сжалось, но ему ничего болѣе не оставалось какъ отвѣчать утвердительно.

Госпожа Вейдеманъ пришла въ сильное негодованіе.

— Я просто изъ себя выхожу, сказала она, всякій разъ, когда богатая, здоровая и красивая дѣвушка изъ средняго класса выходитъ замужъ за аристократа. Честнымъ трудомъ приобретенное имущество такимъ образомъ отнимается у нашего сословія и переходитъ къ дворянамъ. Я отнюдь не считаю аристократовъ нашими врагами, а только не хочу, чтобъ они отнимали у насъ плоды нашихъ трудовъ. Дѣвушка, принадлежащая къ среднему классу и продающая себя за дворянство, по моему мнѣнію, въ одно и тоже время измѣняетъ своимъ предкамъ и обманываетъ насъ въ потомствѣ.

Вейдеманъ счелъ нужнымъ умѣрить гнѣвъ своей жены, но взялся за это очень дурно. Онъ въ успокоеніе ей сказалъ, что Зонненкампъ самъ метитъ попасть въ дворяне.

Эрихъ испугался, услышавъ, какъ свободно толковали здѣсь о томъ, что на виллѣ Эдемъ обружалось таковой строгой тайнственностью.

Госпожа Вейдеманъ питала сильную ненависть къ Пранкену. Онъ возбуждалъ въ ней отвращеніе особенно тѣмъ, что заставлялъ многихъ людей ставить остроуміе и свѣтскую любезность выше честности и прямоты характера. Многіе мужчины и женщины охотно прощали Пранкену его пороки и хорошо о немъ отзывались именно потому, что онъ былъ остроуменъ, любезенъ и вообще очень приятенъ въ обществѣ.

— Что, еслибъ Манна все это слышала? не могъ удержаться, чтобъ не подумать Эрихъ.

Вейдеманъ объяснилъ, что жена его особенно возненавидѣла Пранкена два года тому назадъ, около того самаго времени, когда Эрихъ поступилъ въ домъ къ Зонненкампу. Молодой баронъ провелъ въ Маттенгеймѣ всего только нѣсколько дней, но все перевернулъ тамъ вверхъ дномъ. Слѣды его провазъ еще и до сихъ поръ не были вполнѣ изглажены.

ГЛАВА II.

ПРОСТОЙ КАМЕШЕКЪ ПРЕВРАЩАЕТСЯ ВЪ ДРАГОЦѢННОСТЬ.

Кнопфъ между тѣмъ безъ умолку говорилъ съ Роландомъ. Онъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ Эриху и поздравлялъ мальчика со счастьемъ имѣть такого учителя. Роландъ слушалъ его разсѣянно, наконецъ не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Какъ зовутъ дѣвочку?

— Лилианой. Въ томъ-то и чудо: вы подарили ей въ лѣсу ландышъ, а онъ, какъ извѣстно, называется также *Lily of the valley*.

— Чѣмъ занимается ея отецъ?

— Онъ весьма уважаемый адвокатъ, одинъ изъ главныхъ борцовъ за уничтоженіе рабства.

Сказавъ это, Кнопфъ охотно отвусилъ бы себѣ языкъ. Онъ быстро взглянулъ на Роланда и къ успокоенію своему замѣтилъ, что слова его вовсе не произвели на мальчика ожидаемаго впечатлѣнія.

До сихъ поръ въ ушахъ мальчика все еще продолжали раздаваться веселые звуки вальса. Теперь слухъ его былъ пораженъ плескомъ воды и шумомъ мельничнаго колеса. Подъ самымъ домомъ Вейдемана протекалъ быстрый ручей, который приводилъ въ движеніе находившуюся здѣсь рядомъ мельницу.

— Вы сегодня ночью будете дурно спать, сказалъ Кнопфъ Роланду.

— Это почему? спросилъ тотъ.

— Вамъ будетъ мѣшать шумъ мельницы, къ которому надо сначала привыкнуть. Но когда тутъ обживешься, то подъ плескъ воды даже какъ будто лучше спится. По крайней мѣрѣ такъ было съ моей маленькой воспитанницей.

Неподалеку отъ дома все общество опять соединилось. Роландъ, стоя близъ забора, любовался на жеребятъ, которые, почувявъ приближеніе Вейдемана, весело прыгали и рвались къ нему на встрѣчу.

Вейдеманъ объяснилъ, что это была его школа, въ которую поселяне окрестныхъ деревень присылали воспитываться своихъ жеребятъ. У него былъ устроенъ для нихъ своего рода садъ, гдѣ они имѣли хорошее пастбище, могли вдоволь рѣзвиться и находились подъ хорошимъ присмотромъ. Эта школа принесла уже большую пользу странѣ.

Роландъ съ любопытствомъ слушалъ объясненія своего хо-

завна, а Эрихъ, видя это, все болѣе и болѣе благодарилъ случай, который привелъ ихъ сюда. Такой человѣкъ какъ Вейдеманъ могъ имѣть на Роланда въ высшей степени благотворное вліяніе.

— Училися вы химіи? спросилъ Вейдеманъ у Роланда.

Мальчикъ отвѣчалъ отрицательно.

Вейдеманъ опустилъ глаза въ землю и снова спросилъ:

— Вы конечно уже избрали себѣ карьеру?

Въ первый разъ еще Роландъ не осмѣлился дать прямого отвѣта и замаялся.

Вейдеманъ не настаивалъ.

Эрихъ не могъ понять причины внезапной робости своего воспитанника, но только видѣлъ, что рѣчи и поступки Вейдемана производили на него сильное впечатлѣніе. Можетъ быть, и рассказъ Эриха о собственной жизни тоже отчасти содѣйствовалъ тому, чтобъ отнять у Роланда немного его самоувѣренности. Во всякомъ случаѣ мальчикъ не рѣшился объявить въ лицо этому дѣятельному и благородному человѣку, что въ избраніи для себя поприща руководствовался исключительно вѣнскимъ блескомъ и тщеславіемъ.

Бѣлокурая дѣвочка, между тѣмъ, высвободивъ свою ручку изъ руки отца, подошла къ Кнопфу и шепнула ему, что теперь онъ конечно перестанетъ сомнѣваться въ справедливости ея словъ. До сихъ поръ онъ не вѣрилъ въ ея рассказъ о встрѣчѣ съ лѣснымъ принцемъ, но въ настоящую минуту доказательство было на лицо и всѣ сомнѣнія должны были прекратиться.

Роландъ со своей стороны пожаловался на Эриха, который тоже всегда съ недоувѣріемъ слушалъ, когда онъ ему говорилъ о прелестномъ видѣніи съ голубыми глазами и русыми кудрями.

Кнопфъ, въ восторгѣ, что передъ его глазами происходило точно взятое прямо изъ сказки событіе, молча поглаживалъ себѣ грудь, причемъ его маленькіе глазки особенно умильно выглядывали изъ-подъ очковъ. Да, думалъ онъ, химія, свистъ паровыхъ машинъ и страсть къ спекуляціямъ еще не совсѣмъ убили въ мірѣ романтизмъ. Конечно, не всякому въ жизни удастся испытывать на себѣ его очарованіе: счастье это выпадаетъ на долю исключительно тѣхъ дѣтей, которыя, подобно Лиліанѣ, родились въ воскресенье. Кнопфу очень хотѣлось что-нибудь сказать или сдѣлать такого, что въ глазахъ самихъ дѣтей возвысило бы романтическую прелесть ихъ чудесной встрѣчи. Но романтизмъ причудливъ и не выноситъ ничего вмѣшательства, не поддается никакому правильному ходу. Третье лицо только и можетъ, что смотрѣть, притаивъ дыханіе. Одно неосторожное слово,

движеніе — и очарованіе навсегда исчезло. Кнопфъ понялъ, чтъ ему лучше всего оставить дѣтей наединѣ, и отошелъ въ сторону.

Мальчикъ и дѣвочка все смотрѣли другъ другу въ глаза, и ни слова не говорили.

Во дворъ вошла прекрасная, бурая корова съ колокольчи комъ на шеѣ и съ рогами, увитыми цвѣтами. Лиліана пошла на встрѣчу къ ней и ласково трепля ее по спинѣ, сказала:

— Здравствуй, буренушка, здравствуй, милая! Чтѣ ты гордишься тѣмъ, что получила призъ? Расскажешь ты о своемъ торжествѣ сосѣдамъ? Пріятны ли тебѣ самой всѣ эти почести, или ты ровно ничего въ нихъ не смыслишь?

Корову повели въ стойло, а дѣвочка, обратясь къ Роланду спросила:

— Какъ ты думаешь, корова понимаетъ, что съ ней случилось что-то необыкновенное?

Роландъ все еще не могъ собраться съ мыслями и молчалъ. Лиліана серьезно продолжала:

— А чтѣ, ты тоже хочешь быть агрономомъ и пріѣхалъ къ дядѣ учиться? Въ такомъ случаѣ ты непремѣнно долженъ посылиться въ моей комнатѣ. Тамъ такъ хорошо!

Къ дѣвочкѣ, гораздо скорѣе чѣмъ къ Роланду, возвратилась способность говорить. Онъ все еще молчалъ.

— Отчего ты къ намъ раньше не пріѣхалъ? опять спроемъ она.

— Я не зналъ ни гдѣ ты, ни кто ты, съ трудомъ выговорилъ наконецъ Роландъ.

— Ахъ, да!

И они рассказали другъ другу, какъ послѣ встрѣчи въ лѣсу Лиліана поѣхала далѣе къ своему дядѣ Вейдеману, а Роландъ отправился къ Эриху. Тогда была весна, а теперь наступала осень.

— Представь себѣ! снова заговорила дѣвочка: «въ томъ ландышѣ, который ты мнѣ подарилъ, жили крохотныя бувашки. Онѣ даже не пошевелились, когда я ихъ повезла съ собой.

— А ты сохранила мой ландышъ?

— Нѣтъ. Я не люблю завядшихъ цвѣтовъ. Подари мнѣ чтонибудь такое, что не увядаетъ.

— У меня ничего нѣтъ, возразилъ Роландъ. Но я тебѣ пришлю мой портретъ, гдѣ я изображенъ въ костюмѣ паж... ахъ, нѣтъ, это для тебя не годится. Какая жалость, что у меня болѣе нѣтъ колець: Эрихъ всѣ снялъ у меня съ пальцевъ. А то я далъ бы тебѣ одно изъ нихъ.

— Я не хочу кольца. Дай-ка мнѣ лучше вотъ этотъ камешекъ, который лежитъ у твоихъ ногъ.

Роландъ нагнулся, подалъ ей камешекъ и попросилъ ее дать ему взаменъ точно такой же.

Она исполнила его желаніе, а потомъ воскликнула:

— Этотъ подарокъ мнѣ всего пріятнѣе. Я теперь увезу съ собой за моря кусочекъ Германіи. Господинъ Кнопфъ совершенно правъ, говоря что брильянтъ и простой камешекъ одно и то же: все дѣло въ томъ, любимъ мы ихъ или нѣтъ. Какъ глупы, право, люди наряжаясь, наприимѣръ, въ жемчугъ! Они воображаютъ, что это удивительно, какъ хорошо, потому только, что жемчугъ достаютъ со дна морского. Господинъ Кнопфъ не даромъ говорить, что все дорогое не есть еще хорошее и доброе.

Роландъ молчалъ, но внутренно вздрогнулъ.

Дѣвочка между тѣмъ продолжала:

— Такъ вотъ какъ! Ты тотъ самый Роландъ, о которомъ добрый господинъ Кнопфъ то и дѣло толкуетъ. Ты себѣ представить не можешь, какъ онъ тебя любитъ.

— Можетъ быть также, какъ и тебя.

— Да, меня онъ тоже любить и далъ мнѣ слово непременно пріѣхать къ намъ въ Америку.

— Я тоже изъ Америки.

— Ахъ, да! Дай же мнѣ руку, милый землякъ, и пойдёмъ въ садъ нарвать цвѣтовъ для букета, который я завтра съ собою возьму.

— А куда ты завтра ѣдешь?

— Мы очень рано утромъ уѣзжаемъ домой.

Дѣтямъ показалось, что они находятся въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Въ первый разъ они встрѣтились при вступленіи Лиліаны въ Старый Свѣтъ, теперь вторично, при отъѣздѣ ея въ Новый.

— Мы какъ будто затѣмъ только и встрѣтились, чтобъ сказать другъ другу здравствуй и прощай, замѣтилъ Роландъ.

— Пойдемъ въ садъ, сказала Лиліана.

ГЛАВА III.

ЧАСЪ ВЪ РАЮ.

Дѣти, какъ въ сказкѣ, бродили по саду и собирали цвѣты. Сначала они вошли въ огородъ, гдѣ въ одинакомъ разстояннн одно отъ другого возвышались низенькія деревца. Лиліана считала себя, обязанной все объяснять гостю.

— Здѣсь нѣтъ ни одного розоваго деревца, ни одного кустарника, который бы сама тетушка не прививала и не очищала отъ насѣвоныхъ. Она терпѣть не можетъ всѣхъ, какъ она ихъ называетъ, гадовъ. А знаешь ли, кого она между прочимъ въ нимъ причисляетъ? Только ты, пожалуйста, не смѣйся.

— Кого же?

— Птицъ!... Ахъ, ты смѣешься точь въ точь мой братъ Германъ. Ну, посмѣйся-ка еще.... Да, да, совсмѣь, какъ онъ. Но мой братъ уже три года, какъ занимается дѣлами.... Ну, теперь пойдемъ рвать цвѣты.

Они отправились въ садъ и мгновенно принялись за дѣло. Собравъ уже довольно большой букетъ, Лиліана вдругъ бросила его въ ручей. Ее занимала мысль, какъ букетъ этотъ изъ ручья выплыветъ въ Рейнъ, оттуда въ море и несаясь по волнамъ, можетъ быть, достигнетъ самаго Нью-Йорка гораздо прежде нея.

— Я тоже прїѣду къ тебѣ въ Америку, внезапно сказалъ Роландъ.

— Дай мнѣ руку, что это дѣйствительно такъ будетъ.

И дѣти въ первый разъ пожали одинъ другому руки.

Вдругъ по близости раздался выстрѣлъ. Роландъ вздрогнулъ.

— Не бойся! Неужели ты такой трусъ? старалась успокоить его Лиліана. Это гѣтя разгоняетъ воробьевъ. Она стрѣляетъ всякій разъ, что выходитъ въ огородъ. У ней тамъ на столѣ всегда лежитъ готовый пистолетъ.

Роландъ дѣйствительно увидѣлъ сквозь зелень деревьевъ госпожу Вейдеманъ, которая влала пистолетъ на столъ.

— Тише, не будемъ шумѣть, чтобъ она насъ не увидѣла, шепнула Лиліана.

Дѣти сѣли на берегу ручья.

— Резеду я не брошу въ воду, тихонько продолжала Лиліана: — я ее спрячу: она и сухая очень хорошо пахнетъ.

— Да, подтвердилъ Роландъ и прибавилъ: дай мнѣ также одну вѣточку. Я тоже ее спрячу и всякій разъ, что мы будемъ нюхать резеду, мы станемъ другъ о другѣ вспоминать. Клаусъ

нѣ говорилъ.... онъ страстный любитель пчелъ.... что резеда болше прочихъ цвѣтовъ содержитъ въ себѣ мѣду.

Въ эту минуту онъ ничего болше не могъ припомнить изъ смилъ разнообразныхъ познаній.

— Какой ты, однако, умница! воскликнула дѣвочка. А какъ думаешь, пчелы также какъ и мы нюхаюгъ цвѣты? Представь себѣ, господинъ Кнопфъ увѣряетъ, будто цвѣты наряжаются въ лкия яркія и блестящія краски нарочно затѣмъ, чтобъ привлечь къ себѣ пчелъ и мухъ. Ахъ, какой же крохотный носикъ долженъ быть у пчелъ! А вотъ шмели, я замѣтила, очень глупы. Они два и три раза возвращаются къ цвѣтку, въ которомъ, очень хорошо знаютъ, что нѣтъ мѣду. То ли дѣло милыя пчелки: онѣ такія умницы! Я ихъ болше всего люблю, — а ты?

— Нѣтъ, я предпочитаю собакъ и лошадей.

— Знаешь ли, продолжала Лиліана, пчелы ни дядѣ, ни нѣ не дѣлаютъ никакого вреда, а вотъ тѣтя, такъ та постоянно должна ихъ остерегаться. Случалось ли тебѣ уже когда-нибудь ловить рой?

— Нѣтъ.

— Когда ты сдѣлаешься землевладѣльцемъ, ты тоже непременно долженъ завести у себя пчелъ. Но, знаешь, онѣ принимаются только въ томъ домѣ, гдѣ люди живутъ между собой мирно и спокойно. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ господинъ Кнопфъ. Завтра, когда мы уѣдемъ, мы возьмемъ съ собой дѣлкій улей съ пчелами. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось довести ихъ до дому! Я такъ боюсь, чтобъ онѣ всѣ не перемерли дорогой! А какъ весело будетъ, когда онѣ вдругъ проснутся въ Америкѣ и увидать тамъ совсѣмъ другія деревья и цвѣты.

— Такъ это правда, что вы завтра уѣзжаете?

— Да, батюшка это сказалъ, а если онъ что-нибудь скажетъ, такъ ужъ такъ тому и быть. Это также вѣрно какъ то, что завтра взойдетъ солнце. Знаешь ли, дядя и господинъ Кнопфъ очень много о тебѣ говорили.

— Обо мнѣ?

— Да. Они все старались угадать, что изъ тебя со временемъ выйдетъ. Правда ли, что ты такъ ужасно богатъ, что у тебя много, много миллионв?

— Да, Лиліана, всѣ деньги, которыя только есть на свѣтѣ, все это мои.

— Прошу покорно! За какую же ты дурочку меня принимаешь! Я вовсе не такъ глупа. Но скажи, кѣмъ же ты намѣренъ быть?

— Военнымъ.

— Ахъ какъ это хорошо! Въ такомъ случаѣ ты долженъ прѣхать и убить всѣхъ, кто не хочетъ давать свободы неграмъ. Дядя и мой отецъ говорятъ, что въ Америкѣ скоро начнется война. Жаль, что теперь не прежнія времена! Мы бы съ тобой ушли далеко, далеко въ лѣсъ и вдругъ набрали бы на великолѣпный замокъ съ маленькими, маленькими карликами. Потомъ мы встрѣтили бы пустытника, очень добраго человѣка, съ длинной бѣлой бородой, котораго любятъ всѣ звѣри... Ахъ, знаешь, господинъ Кнопфъ могъ бы быть такимъ пустынною. Къ тому же его и зовутъ: Эмиль-Мартынь. Давай съ этихъ поръ всегда звать его братомъ Мартыномъ.

И дѣти все живѣе и живѣе болтали между собой.

— Зачѣмъ ты завтра уѣзжаешь? вдругъ спросилъ Роландъ.

— А ты зачѣмъ остаешься? возразила Лиліана.

— Я долженъ остаться съ родителями.

— А я съ моими. Ахъ, у тебя ужъ растетъ борода! внезапно воскликнула дѣвочка и дернула его за темный пушокъ.

— Ты мнѣ дѣлаешь больно и вырываешь у меня волосы, которыми я горжусь.

— Ахъ, ты ими гордишься!

И она ручкой стала гладить его подбородокъ, произнося заговоръ для залечиванія ранъ, которому научилъ ее Кнопфъ.

— А гдѣ твоя собака?

— Она вѣрно ушла съ Эрихомъ.

Роландъ началъ свистать и Грейфъ не замедлилъ явиться на его зовъ.

Лиліана обняла собаку, ласкала ее, гладила и называла разными нѣжными именами.

— Хочешь, я тебѣ подарю эту собаку? спросилъ Роландъ.

— Смотри, какъ она на тебя глядитъ, воскликнула дѣвочка. Она точно понимаетъ и груститъ, что ты ее, какъ невольника, передаешь другому хозяину. Нѣтъ, Роландъ, я не могу взять ее съ собой. Я не смѣю и просить объ этомъ отца. Подумай-ка, сколько трудовъ и хлопотъ стоило бы намъ довести ее до Нью-Йорка. Нѣтъ, пусть она лучше останется у тебя.

Роландъ, разсѣянно слушавшій послѣднія слова дѣвочки, вдругъ спросилъ:

— А ты видѣла невольниковъ?

— Нѣтъ, лишь только они къ намъ являются, они немедленно дѣлаются свободными. Но я видѣла многихъ, которые прежде были невольниками. Съ однимъ изъ нихъ очень друженъ мой отецъ, и они часто вмѣстѣ подъ руку гуляютъ по улицамъ...

Сюда, Грейфъ! внезапно перебила она сама себя; я хочу тебѣ что-то дать.

И она, вынувъ изъ кармана сахарный хлѣбецъ, скормила его собакѣ, которая еще долго послѣ того облизывалась, стоя на одномъ мѣстѣ и смотря въ пустое пространство.

Дѣти тоже въ теченіи нѣсколькихъ минутъ молчали, потомъ Лиліана спросила:

— Что сдѣлаешь ты со своими миллионами, когда вырастешь?

— Зачѣмъ ты это у меня спрашиваешь?

— Дядя и господинъ Кнопфъ часто объ этомъ говорили. А разъ такъ они еще, знаешь ли что сказали?

— Нѣтъ. Но что сдѣлала бы ты сама, еслибъ у тебя было много денегъ?

— Я? Я накупила бы себѣ кучу платьевъ, все золотыхъ и серебряныхъ, потомъ... потомъ... я построила бы церковь, нарядила бы всѣхъ людей и постаралась бы, чтобъ каждый изъ нихъ, возвращаясь домой, находилъ у себя хорошій обѣдъ. Но теперь ты все это для меня сдѣлаешь, неправда ли? Ну, а ты чего желаешь достигнуть?

— Право, не знаю!

— Во всякомъ случаѣ, ты долженъ быть чѣмъ-нибудь очень хорошимъ. Ахъ, богатство... фуй! нѣтъ, дядя говоритъ, что богатство ровно ничего не значить... А ты видѣлъ уже когда-нибудь цѣлый миллионъ? продолжала спрашивать дѣвочка. Я думаю, это большая, большая комната, вся наполненная золотомъ.... Но что мнѣ до этого за дѣло? Скажи-ка мнѣ лучше, есть ли у тебя также маленькая сестра?

— Нѣтъ, моя сестра старше меня.

— И такая же красавица, какъ ты?

Лиліана, не дожидаясь отвѣта, вдругъ сдѣлала знакъ Роланду, чтобъ онъ не шевелился. Она протянула руку и къ ней на ладонь сѣла божья коровка. Дѣвочка опрокинула ее на спинку и сказала:

— Смотри, какъ она, бѣдненькая, барахтается и работаетъ своими крылышками, чтобъ выдти изъ бѣды. Вонъ она ихъ загнула подъ спинку и опираясь на нихъ, сама, безъ всякой помощи, снова перевертывается... Ахъ, она улетѣла! Сколько разговоровъ будетъ у нея теперь дома! Ахъ, скажетъ она, я видѣла огромное, страшное животное съ пятью ногами на рукѣ... мои пальцы она, конечно, приметъ за ноги и ужиная съ своей семьей, вѣроятно... А что, вдругъ перебила себя дѣвочка: ты не хочешь ѣсть? Что до меня касается, то я ужасно голодна.

— Что вы тамъ дѣлаете? внезапно раздался женскій голосъ. Идите домой.

Дѣти увидѣли госпожу Вейдеманъ, за которой и должны были послѣдовать.

Взглянувъ на испуганное лицо Роланда, Лилиана подумала, что ему вѣрно пришла на память сказка о злой женщинѣ, которая въ лѣсу пожираетъ дѣтей.

— Не бойся, шепнула она мальчику: тѣтя не только не съѣстъ насъ, но напротивъ накормитъ насъ отличными блинами съ лукомъ. Развѣ ты не видишь у нея въ рукахъ лукъ? Она его нарѣзала въ огородѣ для блиновъ.

Роландъ и Лилиана вернулись съ госпожею Вейдеманъ домой.

ГЛАВА IV.

ПРИЗВАНІЕ И ОТЕЧЕСТВО.

Между тѣмъ, какъ дѣти, сидя въ саду на берегу ручья, болтали и мечтали, мужчины вошли въ домъ и остановились въ обширныхъ сѣняхъ съ паркетнымъ поломъ, стѣны которыхъ были увѣшаны вѣнками изъ колосьевъ. Вейдеманъ объяснилъ Эриху, что двадцать четыре изъ этихъ вѣнковъ повѣшены здѣсь имъ самимъ и означаютъ, что онъ уже столько разъ собиралъ съ своихъ полей жатву. Нѣсколько отдѣльно висѣвшій вѣнокъ принадлежалъ его покойному тестю, и былъ взятъ съ его могилы, гдѣ онъ лежалъ въ ознаменованіе его пятидесятой жатвы.

— Такого рода украшеніе, замѣтилъ Эрихъ, не можетъ быть куплено за деньги, а должно быть приобрѣтено личнымъ трудомъ человѣка.

Вейдеманъ вмѣсто отвѣта утвердительно кивнулъ головой.

Эрихъ былъ несказанно радъ, что можетъ все это показать Роланду.

Они вошли въ первую жилую комнату нижняго этажа. Она была просторна и въ то же время имѣла уютный видъ. Въ углубленіяхъ близъ оконъ стояли удобные диваны, а по угламъ во многихъ мѣстахъ были расположены стулья и столы.

— Лѣтомъ мы обыкновенно занимаемъ нижній этажъ, сказалъ Вейдеманъ. Отсюда можно лучше за всѣмъ наблюдать. Но лишь только деревья начинаютъ обнажаться, мы перебираемся въ нашу зимнюю резиденцію, въ верхній этажъ.

Рядомъ съ этой комнатой была другая. Тяжелыя занавѣсы,

скрывавшія входъ въ нее, внезапно распахнулись и изъ-за нихъ показались съ пачкою бумагъ въ рукахъ банкиръ, съ которымъ Эрихъ познакомился въ Карлсбадѣ. Онъ ласково привѣтствовалъ молодого человѣка и съ жаромъ выразилъ удовольствіе, какое ему доставляетъ эта новая встрѣча съ другомъ Клодвига.

Затѣмъ разговоръ принялъ совсѣмъ другое направленіе. Банкиръ сказалъ, что подробно изучилъ порученныя ему бумаги и убѣдился, что оцѣнка казеннаго имѣнія сдѣлана вѣрно, а что касается до размежевки его, то Вейдеманъ самъ знаетъ какъ ее слѣдуетъ производить. Но онъ сомнѣвался въ возможности примѣнить къ новому предпріятію систему страхованія, которую Вейдеманъ ввелъ между своими работниками. Врядъ ли можно надѣяться, что оно доставитъ доходъ, который современемъ позволитъ составить сумму, необходимую для основанія страховаго капитала.

Изъ этого Эрихъ узналъ, что Вейдеманъ каждому работнику, который въ теченіи четырехъ лѣтъ ему вѣрно служилъ, доставлялъ средства, нужныя для застрахованія своей жизни.

Вейдеманъ замѣтилъ, что такъ-называемый соціальный вопросъ постоянно представляется его уму въ той самой формѣ, въ какой онъ являлся древнимъ римлянамъ. Теперь снова всѣ начинаютъ хлопотать о томъ, чтобъ создать какъ можно болѣе свободныхъ и самостоятельныхъ землевладѣльцевъ. Но, прибавилъ онъ съ жаромъ, вопросъ этотъ ни подѣ какимъ видомъ не долженъ быть разрѣшаемъ какъ простая математическая задача: въ него необходимо внести нравственное начало. И чтобы ни говорили другіе, какъ бы презрительно ни пожимали они плечами, а онъ, Вейдеманъ, твердо стоитъ на томъ, что гуманнѣйшій принципъ масонства, на который привыкли смотрѣть, какъ на пустую фразу, долженъ искать себѣ здѣсь обновленія и примѣненія въ дѣлу.

Тутъ вскорѣ обнаружилось, что банкиръ тоже былъ членомъ масонскаго общества.

Сердце Эриха радостно билось при мысли, что время, въ которое онъ живетъ, преисполнено такого заботливаго стремленія облегчать судьбу ближнихъ, обиженныхъ судьбой. Въ этомъ, думалъ онъ, заключается наша религія, которая не имѣетъ храмовъ, не предписываетъ ни постовъ, ни праздниковъ, но постоянно борется за добро. Онъ совсѣмъ забылъ, гдѣ онъ, зачѣмъ сюда пріѣхалъ, и жилъ только настоящей минутой.

Немного спустя, Вейдеманъ перенесъ разговоръ на другую почву. Онъ спросилъ, чѣмъ намѣренъ быть Роландъ, но Эрихъ не успѣлъ ему отвѣчать, какъ въ комнату вошелъ докторъ Фрицъ

въ сопровожденіи пѣхотнаго офицера одного изъ высшихъ чиновъ. То былъ зять Вейдемана, который весьма дружески привѣтствовалъ Эриха. Оба вновь прибывшіе просили продолжать начатый до нихъ разговоръ.

Эрихъ объявилъ, что Роландъ намѣревается поступить въ военную службу, но прибавилъ, что онъ былъ бы гораздо довольнѣе, еслибъ мальчикъ захотѣлъ посвятить себя наукѣ или сельскому хозяйству.

Вейдеманъ съ улыбкой замѣтилъ, что Эрихъ вѣроятно потому такъ сильно возстаетъ противъ военной службы, что нѣкогда самъ былъ военнымъ. Ему же, напротивъ, кажется, что ничто такъ не готовится человѣка къ жизни, какъ временное пребываніе въ военной службѣ, которая развиваетъ въ немъ смѣлость, рѣшимость и довѣріе къ собственнымъ силамъ. Нигдѣ не приобрѣтается такая аккуратность въ отправленіи своихъ обязанностей и такое умѣнье повиноваться волѣ другихъ, какъ въ военной службѣ. Роландъ долженъ только никогда не упускать изъ виду, что служба эта есть ничто иное, какъ временное занятіе, въ которомъ онъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ искать удовлетворенія всей своей жизни.

— Въ такомъ случаѣ онъ никогда не будетъ хорошимъ солдатомъ, вмѣшался зять Вейдемана. Кто предпринимаетъ дѣло, которому онъ не считаетъ нужнымъ посвятить всѣ свои силы, тотъ никогда не достигнетъ хорошихъ результатовъ и никогда не будетъ жить настоящей, полной жизнью.

— Вы въ этомъ какъ нельзя болѣе сходитесь съ моимъ старымъ наставникомъ, профессоромъ Эйнзиделемъ, замѣтилъ Эрихъ. Онъ постоянно говоритъ, что временные правители всегда бываютъ самые худшіе. Вслѣдствіе этого Роланду необходимо избрать себѣ какую-нибудь такую дѣятельность, которой хватило бы ему на всю жизнь. Онъ не допуститъ, чтобъ за него рѣшилъ кто-нибудь другой, а не онъ самъ, но вы, господинъ Вейдеманъ, произвели на него сильное впечатлѣніе вашей дѣятельностью, и я полагаю, вы могли бы дать его уму то направленіе, какое я не въ состояніи ему сообщить.

— Въ такомъ случаѣ давайте обсудимъ вопросъ вмѣстѣ, сказалъ Вейдеманъ. Мы здѣсь собрались все люди опытные.

— А вы думаете, спросилъ Эрихъ, что совѣщаніе многихъ можетъ привести къ лучшему результату нежели спокойное обдумываніе предмета однимъ, хорошо знакомымъ съ дѣломъ человекомъ.

— Ага! недовѣріе къ мнѣнію большинства, съ усмѣшкой произнесъ Вейдеманъ. Впрочемъ этого слѣдовало и ожидать. Но

я на мигъ вопросъ отвѣчу прямо: да. Мнѣніе многихъ годится для многихъ, а такой богатый человѣкъ, какимъ будетъ Роландъ, заключаетъ въ себѣ силу многихъ и долженъ обращать ее на пользу многимъ. Во всякомъ случаѣ намъ не лишнее посовѣтоваться.

Всѣ сѣли и банкиръ началъ.

— Являясь въ чужой домъ, гдѣ ты чувствуешь себя неловко, говоришь, если я не ошибаюсь, Жанъ-Поль, немедленно принимаешься за работу и ты тотчасъ освоишься и съ домою и съ его обитателями. Я иду далѣе и говорю: кто хочетъ жить на свѣтѣ, какъ у себя дома, тотъ работай. Кто не трудится, тотъ постоянно чувствуетъ себя въ жизни чужимъ.

Разговоръ снова былъ прерванъ приходомъ русскаго князя, сына Вейдемана и Кнопфа. Имъ былъ объясненъ предметъ, о которомъ собиравлось разсуждать общество.

— Намъ здѣсь много собралось для совѣщанія, замѣтилъ Вейдеманъ, откидываясь на спинку своего стула. Вы всѣ знаете очаровательнаго юношу, сына богача Зонненкампа. Капитанъ Дорнъ, котораго здѣсь видите, воспитанъ его такъ, что теперь всѣ карьеры сдѣлались ему доступны. Вопросъ въ томъ, какую сдѣдуетъ ему избрать.

— Позвольте мнѣ предварительно спросить васъ объ одномъ, сказалъ Кнопфъ. Развѣ вы думаете, что богатому человѣку непременно надо быть производителемъ? Не полагаете ли вы, что все его призваніе должно заключаться въ томъ, чтобъ давать ходъ произведеніямъ другихъ и поощрять искусство, науку, промышленность, земледѣліе, о которыхъ ему достаточно настолькоъ знать, насколько это нужно, чтобъ побудить его имъ покровительствовать.

— Вы что-то хотите на это возразить, сказалъ Вейдеманъ банкиру, замѣтивъ по его подвижному лицу, что онъ собирается говорить.

— Не столько возразить, отвѣчалъ банкиръ, сколько определить разницу, существующую между призваніемъ и занятіемъ. Есть дѣятельности, въ которыхъ заключается одно только занятіе, и на оборотъ, положенія въ свѣтѣ, въ которыхъ заключается одно только призваніе. Главное затрудненіе людей, обладающихъ чрезвычайнымъ богатствомъ, состоитъ въ томъ, что они могутъ имѣть только призваніе и вовсе не нуждаются въ занятіи. Дѣти богатыхъ людей всегда достигаютъ меньшаго, потому что они свободны отъ всякаго принужденія.

— Что вы подразумѣваете подъ словомъ призваніе? спросилъ Вейдеманъ.

— Я не съумѣю скоро и коротко...

— Позвольте мнѣ вамъ помочь, вмѣшался Эрихъ: призваніе это даръ природы или необходимость, которую мы возводимъ на свободный законъ. Животныя не имѣютъ призваній, потому что они повинуются одной только природѣ.

— Такъ точно, подтвердилъ банкиръ съ благодарностью в вая головой. Но позвольте вамъ сдѣлать еще одинъ вопросъ продолжалъ онъ, обращаясь исключительно въ Эриху: вашъ воспитанникъ не выказываетъ ли, подобно большинству сыновъ богатыхъ людей, стремленія попасть въ дворяне?

Эрихъ молчалъ.

— Вся бѣда въ томъ, прибавилъ банкиръ, что сыновья богатей доволъствуются быть наслѣдниками и не заботятся о пробрѣтеніи себѣ того уваженія, которое доставляютъ людямъ толи ихъ личныя заслуги.

— Молодой человѣкъ, какъ мы уже слышали, началъ за Вейдемана, хочетъ поступить въ военную службу. Что же, по моему мнѣнію, его надо по возможности поддерживать въ этомъ намѣреніи. Надѣюсь, меня не упрекнутъ въ пристрастіи къ моему званію, если я скажу, что вполне соглашаюсь съ моимъ тестемъ, который говоритъ, что военная служба сообщаетъ человеку особаго рода выдержку, какую врядъ ли онъ можетъ пробрѣсти въ какомъ бы то ни было другомъ положеніи. Каждый день быть въ полномъ вооруженіи, всегда на-сторожѣ — вотъ что дѣлаетъ человѣка на все готовымъ.

— Такъ точно, согласился Вейдеманъ. Но не должно опасаться, что человѣкъ, проведеншій лучшіе годы своей жизни въ военной службѣ, не будетъ больше въ состояніи свыкнуться съ какой постоянной дѣятельностью? Ему все будетъ казаться, что онъ находится въ отпуску, а главное несчастіе нашего времени, особенно сильно выразившееся въ людяхъ богатыхъ, въ томъ именно и заключается, что они живутъ, какъ будто постоянно пользовались каникулами.

— Пусть-ка Роландъ всего лучше протретъ глаза своимъ денежкамъ, пошутилъ сынъ Вейдемана и засмѣялся, причемъ показалъ свои бѣлые зубы, которые Пранкенъ называлъ деревьями.

— Хотѣлось бы и мнѣ сказать свое слово, проговорилъ русский князь, наклоняясь къ Кнопфу, который немедленно прислушался вслухъ:

— Князь желаетъ говорить.

Вейдеманъ ласково кивнулъ ему головой.

— Мнѣ кажется, началъ князь, что мы, русскіе, можемъ

намъ служить хорошимъ примѣромъ. Всѣ мы, въ чемъ бы ни состояли наши имущества, въ деньгахъ или въ помѣстьяхъ, должны теперь превращаться изъ помѣщиковъ въ сельскихъ хозяевъ. Отчего бы и вашему молодому человѣку не сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ?

— Сельское хозяйство, возразилъ Вейдеманъ, состоитъ изъ пяти отраслей, изъ которыхъ каждая должна имѣть корень въ соответственной ей природной наклонности. Сельское хозяйство включаетъ въ себя физику, химию, минералогію, ботанику и зоологію. Необходимо имѣть склонность къ одной изъ этихъ наукъ, которая и должна лежать въ основаніи всего, иначе нельзя надѣяться на успѣхъ. А знаете ли вы, улыбаясь спросилъ онъ у князя, что составляетъ первое и самое главное условіе благоустроеннаго сельскаго хозяйства?

— Деньги.

— Нѣтъ, деньги стоятъ на второмъ планѣ, а на первомъ — простой человѣческій здравый смыслъ. Въ мірѣ гораздо больше талантливыхъ людей, чѣмъ людей съ простымъ здравымъ смысломъ.

Князь обмѣнялся съ Кнопфомъ взглядомъ и улыбкой.

Вейдеманъ, съ непривычнымъ для него жаромъ, сталъ опровергать мнѣніе, будто сельское хозяйство можетъ служить прибіищемъ для всякаго, кто затрудняется въ выборѣ себѣ карьеры. Но гнѣвъ не менѣе всѣ мало-по-малу пришли къ заключенію, что Роланду всего лучше превратиться въ сельскаго хозяина.

Затѣмъ разговоръ пересталъ быть общимъ. Кнопфъ замѣтилъ Эриху, что въ настоящее время нѣтъ больше Олимпа, съ высоты котораго боги изрекали бы свои опредѣленія на счетъ судьбы людей. А Вейдеманъ прибавилъ, что самое худшее для Роланда заключается въ отсутствіи необходимости трудиться для достиженія желаемаго. У него все есть и ему не можетъ быть знакомо счастье человѣка, которому, посредствомъ длиннаго ряда усилій, наконецъ удастся осуществить свое желаніе и это для того, чтобы опять начать желать и трудиться. Въ мірѣ есть законъ, въ силу котораго всякая удача уже въ самой себѣ носитъ зародышъ стремленія къ новому благу.

— Въ концѣ концовъ, сказалъ Вейдеманъ въ заключеніе, обращаясь къ Эриху, вы все-таки остались правы. Намъ вообще не въ какомъ случаѣ, а въ этомъ въ особенности, не слѣдуетъ брать на себя роли Провидѣнія и рѣшать за другихъ ихъ судьбу. Не имѣемъ мы также и права воспитывать человѣка съ спеціальною цѣлью сдѣлать изъ него всеобщаго благодѣтеля. Намъ надо сравниться стараніями пробудить въ юношѣ потребность къ

общенію съ людьми. Мало того, чтобъ онъ заботился о счастиі ближнихъ, ему еще необходима какая-нибудь лично его интересующая дѣятельность, которая одна заключаетъ въ себѣ источникъ истиннаго довольства. Воспитаніе должно сдѣлать его одинаково способнымъ самому наслаждаться жизнью и доставлять утѣшеніе и радости другимъ.

Докторъ Фрицъ одинъ не принималъ участія въ разговорѣ. Онъ сидѣлъ погруженный въ задумчивость, а лицо его имѣло нѣсколько строгое выраженіе.

— Отчего ты такъ упорно молчишь? тихонько спросилъ у него Вейдеманъ подѣ шумокъ оживленной бесѣды остальнаго общества.

Докторъ Фрицъ также тихо ему отвѣчалъ:

— Вообще не легко справиться съ такимъ громаднымъ состояніемъ, даже еслибъ оно было и честнымъ образомъ приобретено. Но насколько еще труднѣе становится эта задача, когда надъ богатствомъ тяготѣетъ преступленіе.

Вейдеманъ, приложивъ палецъ къ губамъ, сдѣлалъ знакъ своему племяннику, чтобъ онъ замолчалъ. Эрихъ не слышалъ словъ, которыми они обмѣнялись, но печально взглянувъ на двухъ собесѣдниковъ почувствовалъ, что они говорили о чемъ-то страшномъ. Онъ самъ не зналъ, чего боялся, но тѣмъ не менѣе, не могъ совладать съ внезапно охватившей его тревогой.

Между тѣмъ въ комнату вошла госпожа Вейдеманъ и пригласила гостей къ столу. Всѣ встали и послѣдовали за ней въ столовую.

Эрихъ сидѣлъ рядомъ съ Кнопфомъ.

— Позвольте мнѣ, любезный collega, сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, совсѣмъ неожиданно обратился онъ къ нему, только съ уговоромъ, что вы мнѣ отвѣтите на него не раньше какъ завтра?

— Извольте. Въ чемъ же состоитъ вашъ вопросъ?

— Что стали бы вы дѣлать, еслибъ внезапно очутились обладателемъ нѣсколькихъ милліоновъ?

Кнопфъ, который въ эту минуту собирался пить и поднесъ стаканъ ко рту, вдругъ поперхнулся, раскашлялся и принужденъ былъ на время удалиться изъ-за стола. Немного спустя онъ вернулся, но въ теченіи всего вечера уже болѣе ничего не ѣлъ и не пилъ.

Банкиръ, прилежно слѣдившій за газетами, спросилъ у доктора Фрица, правду ли онъ говоритъ о всѣхъ ужасахъ, которые будто бы происходятъ въ Америкѣ.

Роландъ весь превратился въ слухъ и съ жадностью устремилъ глаза на доктора Фрица.

— Если, началъ тотъ, разсматривать отдѣльно различныя явленія Новаго Свѣта, то дѣйствительно, при видѣ многихъ изъ нихъ, почувствуешь невольный ужасъ. Но одинъ весьма замѣчательный государственный мужъ Америки однажды раскрылъ передо мной картину поразительной вѣрности. Въ бытность мою въ Мюнхенѣ, говорилъ онъ мнѣ, я впервые научился понимать мое отечество. Разъ какъ-то я посѣтилъ литейный заводъ, на которомъ отливалась колоссальная статуя Баваріи. Различныя части ея, какъ-то руки, волѣни, голова, кусокъ туловища, все это лежало отдѣльно и возбуждало своими громадными размѣрами самое неприятное ощущеніе въ зрителѣ. Но годъ спустя, я увидѣлъ эту статую уже совсѣмъ готовую, и былъ пораженъ изяществомъ и соразмѣрностью ея фигуры въ цѣломъ. Тутъ мнѣ пришло на умъ, что также точно слѣдуетъ смотрѣть и на Америку. Ея отдѣльныя части производятъ неприятное и тяжелое впечатлѣніе, — общій видъ, напротивъ, поражаетъ своей необычайной красотой и величіемъ.

Роландъ взглянулъ на Эриха сіяющими отъ радости глазами, а на губахъ его мелькнула торжествующая улыбка.

Всѣ встали изъ-за стола. Лиліану вскорѣ отправили спать, а когда докторъ Фрицъ, тоже собираясь на покой, началъ прощаться, Роландъ, вѣжливо пожимая ему руку, воскликнулъ:

— Отъ души благодарю васъ за вашъ прекрасный отзывъ о моемъ отечествѣ! Я этого никогда не забуду.

— Развѣ вы не Германію считаете вашимъ отечествомъ?

— Нѣтъ, было рѣшительнымъ отвѣтомъ мальчика.

— Оставайтесь еще здѣсь, мнѣ надо съ вами поговорить, шепнулъ Вейдемманъ Эриху.

Роландъ вышелъ съ Кнопфомъ на свѣжій воздухъ. Ночь была ясная, небо сверкало звѣздами. Мальчикъ взялъ съ своего бывшаго наставника слово, что онъ его непременно разбудитъ на слѣдующее утро, во времени отъѣзда доктора Фрица и его дочери. Вслѣдъ затѣмъ, но не прежде, Роландъ тоже согласился пойти въ свою комнату. Но сонъ еще долго не смыкалъ его глазъ. Онъ лежалъ, прислушиваясь къ плеску воды, къ шуму мельницы и перебиралъ въ своемъ умѣ событія минувшаго дня. Наконецъ усталость и молодость взяли свое и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

ГЛАВА V.

НОЧНОЕ ИЗВѢСТІЕ И ПРОСПАВШИЙ ОТЪѢЗДЪ.

Роландъ сповойно спалъ, не подозрѣвая, что два человѣка съ нѣжной заботливостью и глубокимъ состраданіемъ толковали о его странной участи.

Эрихъ по приглашенію Вейдемана послѣдовалъ за нимъ въ его кабинетъ.

— Знаете ли вы, зачѣмъ васъ сюда прислали? спросилъ Вейдеманъ.

— Меня, сюда прислали?

— Да.

— Господинъ Зонненкампъ желаетъ завязать съ вами дружескія отношенія и самъ я уже давно стремлюсь...

— Хорошо. Лучшій шпіонъ тотъ, который, не зная что на него возложена обязанность подсматривать, все видитъ и передаетъ самымъ невиннымъ образомъ.

— Я рѣшительно не понимаю...

— Вѣрьте мнѣ, господинъ Зонненкампъ, которому еще неизвѣстно время отъѣзда доктора Фрица, ни минуты не намѣревался въ намъ пріѣхать. Онъ притворялся, когда васъ просилъ за нимъ прислать. Отправьте въ нему, хоть ради шутки, посланнаго съ приглашеніемъ явиться сюда и онъ вамъ отвѣтитъ, что въ крайнему своему сожалѣнію не можетъ самъ пріѣхать, но взамѣнъ себя присылаетъ за вами экипажъ. Ахъ, молодой другъ мой, грустно и больно подстерегать человѣка, какъ дикаго звѣря, стараюсь напасть на слѣды его преступленій. Но прежде всего, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Извѣстно ли вамъ, въ какомъ положеніи находится дѣло о возведеніи Зонненкампа въ дворяне?

— Нѣтъ.

— А знаете ли вы, что во мнѣ тоже обращались за мнѣніемъ на счетъ его заслугъ?

Эрихъ снова отвѣчалъ отрицательно.

— Я уже вамъ говорилъ, что конюхъ, играющій на трубѣ, содержался нѣкогда въ исправительномъ заведеніи. У меня въ услуженіи находится еще одинъ бывшій преступникъ, только я его содержу на заднемъ дворѣ, потому что онъ ведетъ себя не такъ хорошо, не столько потому, чтобъ онъ былъ въ концѣ испорченъ, сколько изъ хвастовства и удачи. Изъ этого вы видите, что я вовсе не отталкиваю отъ себя людей съ дурнымъ

прошлѣ, зная, какъ вообще шатка наша добродѣтель. Большинство случаевъ, когда человекъ до конца удерживается въ добрѣ, надо отнести на долю благоприятныхъ обстоятельствъ. Онъ безъ сомнѣнія имѣлъ передъ глазами примѣры или получалъ уроки, которые, вразумляя его, и не допускали до паденія. Конечно, бываютъ утонченные злодѣи, которые, постоянно подвигаясь на поприщѣ зла, возмущаютъ духъ человѣческій... но не въ этомъ дѣло. Я хочу только сказать, что, вовсе не намѣреваясь ни въ чемъ мѣшать Зонненкампу, не могу однако не выразить своего удивленія, что ему вздумалось хлопотать о дворництвѣ, такъ какъ это неминуемо должно поднять вопросъ о его прошломъ? Нашъ общій другъ, графъ Вольфсгартенъ, говорилъ мнѣ, будто вы имѣете большое вліяніе на Зонненкампа: постарайтесь его уговорить оставить это дѣло въ повоѣ.

Эрихъ провелъ рукою по лбу. Онъ весь дрожалъ, въ глазахъ его былъ непривычный блескъ. Онъ хотѣлъ говорить и не могъ.

Вейдеманъ, совсѣмъ иначе понимая волненіе молодого человека, очень мягко замѣтилъ:

— Я удивляюсь вашему мужеству. Кнопфъ говорилъ мнѣ, — да и самъ я это вижу, — что вы внесли въ домъ Зонненкампа долготѣ неизвѣстную въ немъ атмосферу добра и честности и успѣли привить вашему воспитаннику много прекрасныхъ и благородныхъ качествъ. Когда этотъ юноша впервые узнаетъ...

— Что такое? Ради Бога, я ничего не понимаю, съ трудомъ выговорилъ Эрихъ.

— Какъ? Гдѣ я? Гдѣ вы? въ изумленіи воскликнулъ Вейдеманъ, хватаясь обѣими руками за голову. Развѣ вы не знаете?....

— Я ничего не знаю, кромѣ того, что господинъ Зонненкампъ владѣлъ большими плантаціями и множествомъ невольниковъ, что образъ жизни его въ Америкѣ пересталъ ему нравиться и онъ вернулся въ Германію.

— Зонненкампъ!.... Зонненкампъ!.... повторилъ нѣсколько разъ Вейдеманъ. Прекрасное имя и отчасти дѣйствительно ему принадлежащее, потому что такъ называлась его мать. Но о Банфильдѣ вамъ еще никогда не приходилось слышать?

— Почти нѣтъ. Мнѣ только садовникъ рассказывалъ, что господинъ Зонненкампъ, вернувшись изъ путешествія на воды, сильно разгнѣвался, увидя это имя на страницахъ книги, въ которой всѣ посѣщающіе виллу и оранжереи записываютъ свои имена. Умоляю васъ, объясните мнѣ, что все это значитъ.

— Зонненкампъ, или вѣрнѣе Банфильдъ, есть не кто иной,

какъ торговецъ невольниками, пользующійся въ Америкѣ громкой, но въ то же время въ высшей степени незавидной славой. Мой племянникъ, докторъ Фрицъ, могъ бы вамъ многое о немъ поразсказать. Открытъ защищая рабство, онъ печаталъ о немъ статьи, въ которыхъ довелъ свою дерзость до послѣднихъ предѣловъ. Онъ ставилъ себя въ примѣръ того, что не всѣ нѣмцы заражены сентиментальной гуманностью и называя себя представителемъ германскаго отечества, объявлялъ существованіе рабства вполне законнымъ и справедливымъ. Замѣтили вы кольцо, которое онъ постоянно носитъ на большомъ пальцѣ правой руки? Оно скрываетъ слѣды зубовъ одного невольника, который, когда онъ его душилъ, укусилъ ему этотъ палець.

Крикъ ужаса вырвался изъ груди Эриха.

— О Роландъ! о матушка! о Манна! съ отчаяніемъ произнесъ онъ.

— Мнѣ невыразимо больно съ вами объ этомъ говорить, но я полагаю, что вамъ лучше узнать все это отъ меня. Вамъ непонятно, какъ можетъ человѣкъ, съ подобнымъ прошлымъ, иногда дѣйствительно хорошо поступать и съ такимъ таетомъ разсуждать о высокихъ предметахъ? Да, Зонненкампа можно по истинѣ сравнить съ гнуснымъ болотомъ, покрытымъ роскошными цвѣтами, и я самъ недоумѣваю, какъ только носить его земля! Торгъ невольниками, это — хладнокровное убійство, совершаемое ради собственныхъ выгодъ, — убійство съ цѣлью грабежа, которое спокойно шагаетъ по трупамъ своихъ жертвъ, опираясь на какія-то мнимыя права. Міръ есть царство войны, все въ немъ находится въ непрерывной враждѣ и борьбѣ, но быть торговцемъ невольниковъ.... ихъ убійцей..... И что-же мы видимъ теперь? Этотъ самый человѣкъ живетъ между нами, занимается садоводствомъ и воспитываетъ наилучшіе въ здѣшней мѣстности плоды..... Гдѣ же справедливость изреченія: по плодамъ твоимъ познаютъ тебя? Ахъ, мысль объ этомъ человѣкѣ чуть не свела меня съ ума и я наконецъ далъ себѣ слово, какъ можно менѣе о немъ думать.

Вейдеманъ говорилъ много и быстро, точно дѣйствительно старааясь отогнать отъ себя тяжелыя размышленія.

Эрихъ, приподнявъ голову, едва слышно произнесъ:

— Скажите мнѣ все.

— Да, вамъ слѣдуетъ все знать. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстна судьба, постигшая капитана Броуна при Гарперъ-Ферри?

— Конечно. Неужели господинъ Зонненкампъ тоже участвовалъ въ этомъ дѣлѣ?

— Онъ былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ.

Эрихъ разсказалъ, какъ Роландъ въ бреду однажды воскликнулъ: «Я вижу Джона Броуна на висѣлицѣ!»

Чѣмъ болѣе говорилъ Эрихъ о Роландѣ, тѣмъ сильнѣе становилось его волненіе, наконецъ онъ не въ силахъ былъ долѣе удерживать слезы, которыя брызнули у него изъ глазъ и быстро струились по щекамъ. Стыдясь своей слабости, онъ старался оправдать ее въ глазахъ Вейдемана, но тотъ перебилъ его словами:

— Ваши слезы меня на вѣки съ вами связываютъ. Вы всегда будете имѣть во мнѣ друга, къ которому можете обратиться за помощью и за совѣтомъ во всякую минуту вашей жизни. Все, чѣмъ я могу располагать, ваше, равно какъ всѣ ваши дѣла отнынѣ становятся также и моими. Въ васъ нѣтъ шлодушія, вы напротивъ сильны и вполне соотвѣтствуете величію задачи руководить юношей въ столь тяжелыхъ и печальныхъ обстоятельствахъ.

Эрихъ всталъ, съ трудомъ переводя духъ. Онъ подаль правую руку Вейдеману, а лѣвую крѣпко прижалъ къ груди и воскликнулъ:

— Я надѣюсь, что буду въ состояніи оправдать ваше довѣріе.

— А я въ этомъ не сомнѣваюсь и повторяю, что лучше вамъ было все это узнать отъ меня.

Послѣ этого они оба долго молчали. Эрихъ вмѣстѣ съ имениемъ Роланда и своей матери, назвалъ также и Манну. Теперь, въ минуту горя, ему впервые стало ясно, что онъ любитъ Манну и сердце его болѣзненно сжалось при мысли, что онъ до сихъ поръ еще ни слова не говорилъ ей о своей любви.

Но минуту спустя, онъ жестоко упрекалъ себя въ эгоизмѣ. Какъ могъ онъ думать о себѣ, а не исключительно объ ея горькой участи? И сердце его преисполнилось состраданія къ ней, дочери подобнаго отца.

Какъ перенесетъ она это? Но, можетъ быть, ей уже все известно? Не въ этомъ ли надо искать причину ея необыкновенной сдержанности и задумчивости? Не эта ли ужасная тайна породила въ ней рѣшимость поступить въ монастырь?

— Но вы не должны слишкомъ предаваться собственнымъ мыслямъ, замѣтилъ ему Вейдеманъ.

Эрихъ не осмѣлился заговорить съ нимъ о Маннѣ, но только спросилъ его совѣта на счетъ того, слѣдуетъ ему, или нѣтъ, открыть все это матери.

Вейдеманъ хорошо понималъ, какъ горько должно быть ѣсть мѣсь этого человѣка, пить его вино и вообще пользоваться его

благодѣяніями. Но тѣмъ не менѣе онъ уговаривалъ Эриха до послѣдней возможности щадить свою мать, присутствіе которой на виллѣ онъ считалъ настоящимъ счастіемъ для Манны и Цереры. Да, хорошо имъ будетъ въ минуту свороби опереться на эту женщину испытанной честности, ума и благородства.

Было уже далеко за полночь, когда Эрихъ разстался съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ.

Онъ пошелъ въ свою комнату и долго съ умиленіемъ смотрѣлъ на прекраснаго спящаго юношу, въ глубинѣ души своей произнося объѣтъ, никогда его не покидать.

Затѣмъ онъ потихоньку выбрался изъ дому и пошелъ бродить по окрестностямъ. Въ воздухъ пронеслось нѣсколько падающихъ звѣздъ, вдали сверкали волны Рейна, на травѣ и деревьяхъ лежала душистая роса. Эрихъ нигдѣ не находилъ покоя. Чтò могъ и долженъ былъ онъ дѣлать?

Съ разсвѣтомъ онъ вернулся домой.

Тамъ уже все было въ движеніи.

На дворѣ онъ прежде всего встрѣтился съ Кнопфомъ.

— Ахъ! воскликнулъ тотъ. Я изъ-за васъ въ теченіи цѣлой ночи не смыкалъ глазъ. Вашъ вопросъ не давалъ мнѣ покоя. Теоретически его вовсе нельзя разрѣшить, такъ какъ всѣ жизненные отношенія состоятъ не изъ цѣлыхъ чиселъ, а изъ дробей и только съ помощью ихъ могутъ быть выражены. Какъ подведете вы имъ одинъ общій итогъ? Голова моя идетъ кругомъ при одной мысли, чтò сталъ бы я дѣлать, еслибъ вдругъ очутился обладателемъ нѣсколькихъ милліоновъ. Учреждать благотворительныя заведенія, я еще не нахожу достаточнымъ: неужели же весь міръ долженъ быть только благоустроеннымъ пріютомъ, или богадѣльней? Люди нуждаются не въ одной пищѣ и одеждѣ, а также и въ красотѣ и въ веселости. Я бы въ каждой деревнѣ устроилъ классы для пѣнія и назначилъ учителямъ хорошее жалованье, а пѣвчимъ всякое воскресенье выдавалъ бы по бутылкѣ вина. У меня были бы вездѣ концертныя залы съ высокими сводами, прохладныя для лѣта, и хорошо натопленныя для зимы. Тамъ на стѣнахъ повсюду висѣли бы хорошія картины и тутъ же раздавались бы призы. Я еще устроилъ бы пріютъ для бѣдныхъ дѣтей, самъ сдѣлался бы директоромъ его и построилъ бы домъ съ квартирами для старыхъ, заслуженныхъ гувернеровъ и учителей. Ужъ я и названіе придумалъ для этого дома. Мы бы написали надъ входомъ его: «Домъ отдыха послѣ работы». Ахъ, какъ весело было бы слушать споры старыхъ учителей, изъ которыхъ каждый отстаивалъ бы превосходство своей методы воспитанія! Затѣмъ я вотъ еще что придумалъ: я не трогалъ бы

его капитала, а только отдѣливъ отъ него одинъ миллионъ, употребилъ бы его на путешествія. Выбравъ дюжину, другую юнрицей, я отправился бы съ ними странствовать по свѣту. Въ числѣ ихъ были бы естествоиспытатели, живописцы, ваятели, буццы, ученые, политико-экономы, — словомъ люди съ самыми разнообразными свѣдѣніями. Я снабдилъ бы ихъ всѣмъ нужнымъ, ни по произволу мѣняли бы мѣста и вездѣ оставались бы столько времени, сколько намъ это было бы пріятно. Я такимъ образомъ ознакомился бы съ учрежденіями различныхъ странъ и вернулся домой, старался бы ввести у насъ то, что мнѣ наиболѣе понравилось у другихъ. Представьте себѣ, какъ интересно было бы путешествовать въ обществѣ умныхъ, образованныхъ людей. Мы плавали бы на своемъ собственномъ кораблѣ, а въ горахъ ѣздили бы на мулахъ. Однимъ словомъ, это было бы и пріятно и весьма полезно. А что касается до Роланда, то ему всего лучше сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ: онъ такимъ образомъ будетъ имѣть у себя подъ ногами твердую и самую естественную почву. Но, повторяю, я не могу сказать вамъ ничего опредѣлительнаго.

Эрихъ едва слушалъ, что говорилъ Кнопфъ, и очнулся отъ своей задумчивости, когда тотъ вдругъ воскликнулъ:

— Но гдѣ же Роландъ? Я ему обѣщался его разбудить во времени отъѣзда доктора Фрица.

— Оставьте его спать.

— Вы берете это на свою отвѣтственность?

— Да.

— Хорошо, сказалъ Кнопфъ. Пусть же его спитъ: я отъ этого вовсе не прочь. У Роланда такимъ образомъ водворится въ сердцѣ романтическая печаль. Простился онъ съ дѣвочкой вечеромъ, или нѣтъ, все равно, но онъ легъ спать, а къ утру она исчезла. Что за удовольствіе рано утромъ, дрожа отъ холоду, провожать отъѣзжающихъ на пароходную пристань или на станцію желѣзной дороги! Пароходъ отчаливаетъ, поѣздъ уѣзжаетъ, а ты стоишь себѣ и смотришь имъ вслѣдъ, точно тебя внезапно обокрали. А тамъ надо возвращаться домой... Ахъ, все это такъ непріятно! Меня, послѣ такого разставанія, обменено-женно цѣлый день трясетъ лихорадка. То ли дѣло, когда Роландъ, проснувшись, узнаетъ, что дѣвочка исчезла! У него остается въ душѣ свѣжее, прелестное воспоминаніе, а мы съ вами, капитанъ Дорнэ, будемъ во всемъ этомъ играть роль великановъ въ дѣтской сказкѣ.

Тутъ къ нимъ присоединились Вейдеманъ съ женой и сыновьями, русскій князь, банкиръ и всѣ домашніе. Каждый на

прощанье пожалъ доктору Фрицу руку, а Лиліана, садясь въ карету, воскликнула:

— Господи́нъ Кнопфъ, поклонитесь отъ меня Роланду. Какой же онъ соня!

Экипажъ уѣхалъ, всѣ вернулись въ свои комнаты и снова улеглись въ постели, только Эрихъ съ Кнопфомъ пошли бродить по лѣсу. Кнопфъ съ восторгомъ любовался картиной пробуждающейся природы.

Онъ говорилъ, что это—прекрасное зрѣлище, которымъ однако рѣдко кто наслаждается безъ принужденія, по собственному произволу. Онъ даже сомнѣвался, чтобъ лирики, такъ часто воспѣвающіе прелести утренней зари и солнечнаго восхода, въ сущности болѣе другихъ любили рано вставать.

Слушая Кнопфа, Эрихъ удивлялся, что на свѣтѣ еще есть люди, которые могутъ предаваться такого рода мечтамъ и размышленіямъ. Въ его глазахъ весь міръ какъ бы подернулся туманомъ и казался ему населеннымъ тѣнями.

Кнопфъ, напротивъ, изъ молчанія Эриха заключилъ, что тотъ его весьма внимательно слушаетъ и распространился въ жалобахъ по случаю отъѣзда своей воспитанницы. Правда, у него еще оставались интересныя занятія съ русскимъ княземъ, но дѣвочка своимъ присутствіемъ всѣхъ оживляла и радовала. Она походила на одушевленный, говорящій цвѣтокъ, который былъ въ немъ на время перенесенъ изъ Новаго Свѣта. Кнопфъ явно уже написалъ, или собирался писать стихотвореніе на эту тему.

Эрихъ слушалъ его терпѣливо.

Наконецъ онъ спросилъ у Кнопфа, не рассказывалъ ли ему докторъ Фрицъ что-нибудь о Зонненкампѣ?

Кнопфъ повторилъ только часть изъ того, что Вейдеманъ сообщилъ Эриху. Онъ, какъ было видно, не все зналъ.

— Призываю въ свидѣтели это дивное утро, воскликнулъ вдругъ Кнопфъ, и говорю вамъ, капитанъ Дорнэ: вы удивительный человекъ, заслуживающій самаго искренняго уваженія. Еслибъ мнѣ прежде было извѣстно прошлое отца Роланда, я ни подъ какимъ видомъ не могъ бы такъ спокойно заниматься съ моимъ воспитанникомъ. Мнѣ все казалось бы, что я ношу при себѣ заряженный пистолеть, который вдругъ возьметъ, да и выстрѣлитъ. Нечего сказать; у васъ сильный и твердый характеръ. Теперь мнѣ вполне понятенъ вашъ способъ обращенія съ Роландомъ.

И Кнопфъ, въ порывѣ восторженнаго чувства, схватилъ руку Эриха и быстро поднесъ ее къ губамъ.

Эрихъ мгновенно почувствовалъ себя спокойнѣе, а лицо Кнопфа, отъ наполнявшей его сердце радости, вдругъ сдѣлалось похоже на поверхность ручья, по которому вѣтеръ гонитъ легкія струйки. Онъ говорилъ, что на долю его, равно какъ и Эриха, выпало счастье, хоть косвенно, участвовать въ выполненіи величайшей задачи нашего вѣка: Эрихъ воспитывалъ Роланда, которому впереди предстояло трудиться надъ разрѣшеніемъ вопроса о невольничествѣ, а онъ, Кнопфъ, содѣйствовалъ образованію русскаго князя, на которомъ лежала обязанность руководить въ ихъ новой жизни только-что отпущенными на волю крестьянами.

Кнопфъ сказалъ еще, что князь сильно уговаривалъ его ѣхать въ Россію открыть тамъ школу для поселянъ. Докторъ Фрицъ, съ другой стороны, звалъ его въ Америку заводить школу для дѣтей свободныхъ негровъ. Кнопфъ упрекалъ себя за то, что чувствовалъ гораздо болѣе склонности къ маленькимъ неграмъ. Онъ чистосердечно сознавался, что это предположеніе было ему внушено ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ жить до близости къ Лиліанѣ и имѣть возможность слѣдить за ея развитіемъ и дальнѣйшей судьбой.

Подходя къ дому, Эрихъ увидѣлъ Вейдемана и банбира, садившихся въ экипажъ. Они ѣхали въ столицу по дѣлу о казенномъ имѣніи. Эрихъ простился съ ними, такъ какъ имѣлъ намѣреніе немедленно вернуться на виллу Эдемъ. Произнося это послѣднее названіе, онъ вздрогнулъ. Вейдеманъ вышелъ изъ экипажа и, отвѣдя Эриха въ сторону, снова посовѣтовалъ ему быть какъ можно осторожнѣе въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ. Затѣмъ онъ, уже сидя въ каретѣ, еще закричалъ ему:

— Любезный Дорнэ, помните, что домъ мой всегда открытъ не только для васъ, но и для вашей матушки и тетушки.

Эрихъ пошелъ разбудить Роланда.

— Какъ, уже совсѣмъ свѣтло! Они еще здѣсь? было первыми словами мальчика.

— Кто они?

— Лиліана и ея отецъ.

— Нѣтъ, они уже давно уѣхали.

— Ахъ, отчего же меня никто не разбудилъ?

— Отъ того, что тебѣ слѣдовало спать. Черезъ часъ и мы тоже отправимся домой.

Роландъ съ неудовольствіемъ отъ него отвернулся. Когда же, наконецъ сдавшись на ласковыя рѣчи Эриха, онъ снова обратилъ къ нему свое лицо, на его длинныхъ рѣсницахъ сверкали крупныя слезы.

Сколько горькихъ слезъ предстоитъ еще пролить этимъ глазамъ? подумалъ Эрихъ.

Вскорѣ вернулась карета, въ которой уѣхалъ докторъ Фрицъ, и кучеръ привезъ Роланду еще поклонъ отъ Лиліаны. Лошадей не велѣно было отпрагать, ихъ только покормили и Эрихъ съ Роландомъ въ той же каретѣ отправились домой.

ГЛАВА VI.

ВСЕ ВЪ МІРѢ ПУСТАЯ ИГРА.

Если въ составъ романтической печали входятъ блѣдное лицо, досада, недовольство собой и ненависть къ ближнимъ, то можно сказать, что Роландъ съ избыткомъ ею наслаждался. Онъ сидѣлъ возлѣ Эриха, съ закрытыми глазами, чтобъ яснѣе видѣть картины, которыя рисовало ему воображеніе. Блѣдныя губы его по временамъ дрожали и были крѣпко сжаты.

«Развѣ, думалъ онъ, меня все еще считаютъ за ребенка, котораго можно туда и сюда посылать, не объясняя ему причины такого передвиженія? Почему Эрихъ не говоритъ мнѣ, зачѣмъ мы такъ скоро отсюда уѣзжаемъ? Къ чему это Кнопфъ съ такой торжествующей улыбкой объявилъ мнѣ, что онъ не разбудилъ меня, имѣя въ виду особенную цѣль?»

Кнопфъ послѣ минутнаго раздумья счелъ за лучшее въ этомъ случаѣ взять на себя всю отвѣтственность. Пусть, думалъ онъ, Роландъ лучше сердится на меня, отсутствующаго, нежели на Эриха, на рукахъ котораго онъ остается. А Роландъ, между тѣмъ, сидя въ углу кареты, по временамъ украдкой взглядывалъ на Эриха, на ожиданіи, что тотъ наконецъ ему все объяснитъ. Но Эрихъ молчалъ и тоже сидѣлъ съ закрытыми глазами.

Оба, учитель и воспитанникъ, оставались слѣпы въ прелестной мѣстности, по которой проѣзжали, и безраздѣльно отделились своими думамъ и мечтамъ.

Эрихъ, до крайности утомленный, находился въ какомъ-то полусабытьѣ, среди котораго шумъ колесъ раздавался въ его ухахъ съ силой какъ бы адскаго треска. По временамъ, когда спускаясь съ горы, кучеръ тормозилъ экипажъ и колесо съ жалобнымъ скрипомъ медленно тащилось по песку, Эрихъ на мгновеніе открывалъ глаза: Вдали передъ нимъ сверкалъ Рейнъ, онъ взглядывалъ на него и снова погружался въ забытѣе. Онъ въ своемъ тревожномъ полуснѣ видѣлъ горы, которыя медленно за—

ивались водой, точно наступалъ новый потопъ. Посреди волнъ, на двухъ высокихъ скалахъ стояли два человѣка. Одинъ изъ нихъ былъ Клодвигъ. Онъ держалъ въ рукахъ какую-то римскую древность и горячо о ней разсуждалъ. Другой, съ наружностью Вейдемана, толковалъ о страхованіи жизни. Потомъ оба заговорили объ Эрихѣ и Роландѣ, объявляя, что они куда-то благополучно прибыли. И съ этими послѣдними словами молодой человѣкъ проснулся.

— Ахъ, это вы! воскликнули въ одинъ голосъ Эрихъ и Роландъ.

— Это вы! повторилъ кто-то возлѣ самой кареты.

Лошади остановились передъ жилищемъ маіора. Въ палисадникѣ, у самаго забора, стояла фрейленъ Милькъ. Эрихъ поклонился ей, а она, не дожидаясь вопроса, въ увѣренности, что о ней самой никто не станетъ освѣдомляться, быстро проговорила:

— Маіоръ съ часъ тому назадъ отправился на виллу. За нимъ оттуда прислали и онъ мнѣ сказалъ, что не успѣетъ вернуться домой къ обѣду.

Эрихъ вышелъ изъ экипажа. Онъ освѣдомился у фрейленъ Милькъ о своей матери и спросилъ, не знаетъ ли она, что такое происходитъ на виллѣ. Она отвѣчала, что тамъ всѣ чему-то радуются, и прибавила, что вѣроятно сегодня же будетъ праздноваться и помолвка Пранкена съ Манной.

Эрихъ отпустилъ Роланда домой одного. Ему надо было собраться съ духомъ.

— Все въ мирѣ—пустая игра, проговорила фрейленъ Милькъ.

Эрихъ, несмотря на все свое уваженіе къ доброй старушкѣ, не чувствовалъ въ эту минуту ни малѣйшей склонности пуститься въ общія разсужденія о жизни и людяхъ. Когда же она попыталась было разузнать, что произошло во время его посѣщенія въ Маттенгеймъ, онъ отвѣчалъ ей не только коротко, но даже не совсѣмъ учтиво. Онъ и не подозрѣвалъ, что фрейленъ Милькъ уже давно все знала и хотѣла дать ему это понять.

Эрихъ собирался здѣсь немного оправиться и привести въ порядокъ свои мысли, но теперь ему вдругъ показалось, что его какъ будто отсюда гнали. Онъ пошелъ на виллу. Передъ нимъ сіяло роскошное зданіе, солнце ослѣпительно играло на стеклянномъ куполѣ оранжереи, онъ видѣлъ паркъ, виноградный домикъ, въ которомъ жила его мать..... и все это было выстроено и посажено на деньги, полученные отъ продажи людей!....

Извѣстно ли это Пранкену? Ему необходимо все узнать—и тогда рѣшится ли онъ еще протянуть руку дочери этого человѣка?

При мысли, что Манна будетъ принадлежать другому, Эрхъ почувствовалъ неизъяснимую горечь. Имъ овладѣла страшная ненависть къ Пранкену; на лбу у него крупными каплями выступилъ потъ; онъ съ злобой сжалъ кулакъ и далъ себѣ слово разрушить все это зданіе лицемѣрія и лжи. Но Манна — какъ она все это перенесетъ?

Онъ остановился, упрекая себя за дурныя мысли, которымъ на мгновеніе позволилъ собой овладѣть. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на скалы, какъ бы умоляя ихъ низринуться въ долину и все въ ней превратить въ прахъ. Сердце его такъ болѣзненно сжималось и ныло, что онъ съ трудомъ переводилъ духъ. И во всемъ этомъ хаосѣ мыслей и ощущеній, онъ ясно понималъ только одно, что любить Манну. Вдругъ изъ груди его вырвался громкій хохоть:

— Дочь этого человѣка — твоя жена, мать твоихъ дѣтей! Все въ мірѣ пустая игра!

Слова фрейленъ Милькъ глубоко врѣзались ему въ память.

— Къ тому же, прибавилъ онъ, минуту спустя, я вовсе не чувствую себя призваннымъ срывать личину съ великаго маскарада жизни.

Къ нему вернулось самообладаніе и онъ твердыми шагами вступилъ на виллу.

Б. АУЭРВАХЪ.

Г-ЖА КРЮДНЕРЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

V.

Сюжетъ съ императоромъ Александромъ въ Парижѣ. — Священный Союзъ, 1815
(юль — сентябрь).

По приглашенію императора Александра г-жа Крюднеръ отправилась въ Парижъ. Она пріѣхала туда съ своими спутниками 14-го іюля (за это время прозелить ея, баронъ Берггеймъ, женился на ея дочери), и императоръ пожелалъ, чтобы она поселилась ближе въ дворцу Элизе-Бурбонъ, гдѣ жилъ онъ самъ. Г-жа Крюднеръ поселилась дѣйствительно въ сосѣдствѣ этого дворца, въ отелѣ Моншеню, въ Елисейскихъ поляхъ. Императоръ посѣщалъ ее постоянно.

Биографъ представляетъ г-жу Крюднеръ въ роли нѣкотораго рода духовной руководительницы императора; онъ говоритъ:

«Положеніе г-жи Крюднеръ, при русскомъ императорѣ, въ Парижѣ было гораздо болѣе деликатное, чѣмъ въ Гейдельбергѣ. Чтобы примирить свою вѣрность (принятымъ религіознымъ идеямъ) съ необходимыми уступками, какихъ требовало положеніе Александра, чтобы соединить свободу съ христіанскою заботливостью, помогая ему воздерживаться отъ всего, нѣсколько похожаго на зло, и не освобождая его ни отъ какихъ обязанностей неразлучныхъ съ его саномъ, нужно было имѣть таять и мягкое, терпѣливое, *изобрѣтательное* *благоразуміе* (une prudence ingénieuse), какое можетъ дать только духъ Божій. Быть можетъ, г-жа Крюднеръ была испугана слишкомъ суровой дисциплиной эту еще не укрѣ-

---

*). См. выше: авт. 588 стр.

пившуюся душу; ей не хотѣлось утомлять совѣтами челоуѣка, не привыкшаго ихъ принимать. Александръ скоро успокоилъ ее.

— «Ахъ, не бойтесь ничего, браните меня; съ божіей помощью я буду слушать все, что вы мнѣ скажете».

Биографъ старается представить сколько можно ярче роль своей героини, и въ этомъ случаѣ дѣйствительно имѣлъ въ тому основанія. Въ самомъ дѣлѣ, императоръ постоянно видался съ г-жей Крюднеръ, бесѣдовалъ съ ней, слушалъ ея благочестивыя изліянія и самъ участвовалъ въ нихъ. Его настроеніе конечно было тотчасъ замѣчено и вызывало комментаріи; онъ не хотѣлъ обращать на нихъ вниманія. «Положеніе Александра было очень деликатное, — говоритъ сотрудникъ г-жи Крюднеръ, — всѣ глаза были обращены на него, всѣ его поступки подвергались истолкованіямъ. Онъ зналъ конечно, что оставляя партію невѣрующихъ, которые до тѣхъ поръ хвалились, что считаютъ его въ числѣ своихъ адептовъ, — онъ станетъ предметомъ ихъ порицаній и сарказмовъ; но ничто не могло повлечь его вѣры¹⁾. Императоръ уединялся, избѣгалъ праздниковъ и увеселеній; религиозное настроеніе овладѣвало имъ больше и больше²⁾. Тотъ же современникъ рассказываетъ, что быстрый успѣхъ послѣдней войны императоръ положительно приписывалъ божественному покровительству. Это было конечно его искреннее убѣжденіе, и сопоставляя эту мысль съ послѣднимъ направленіемъ своихъ идей, онъ, понятнымъ образомъ, долженъ былъ еще больше отдаваться своей религиозности.

Сношенія императора съ г-жей Крюднеръ возбудили и политическое любопытство; въ нихъ сначала подозрѣвали скрытыя политическія цѣли. Г-жа Крюднеръ, нѣкогда знакомая Парижу

¹⁾ Empreux, Notice, p. 27—28.

²⁾ Вотъ напр. одинъ изъ анекдотовъ, рассказываемыхъ биографами г-жи Крюднеръ о христіанскомъ благочестіи и смиреніи императора Александра въ тѣ времена:

Когда императоръ Александръ отправился къ г-жѣ Крюднеръ, его провожалъ обыкновенно довѣренный камердинеръ кн. Волговскаго. Однажды вечеромъ, входя къ г-жѣ Крюднеръ, императоръ спросилъ его, исполнилъ онъ его порученіе? Камердинеръ сознался, въ смущеніи, что онъ забылъ. — Когда я приказываю что-нибудь, я требую, чтобы мои приказанія исполнялись, сказалъ сурово императоръ. Онъ вошелъ затѣмъ въ залу, но на вопросы г-жи Крюднеръ о его здоровьѣ, онъ отвѣчалъ отрывочными, безпокойными фразами. Г-жа Крюднеръ замѣтила его тревогу, и спрашивала о причинѣ. Александръ вышелъ, сказавъ, что онъ сейчасъ вернется. Онъ раскаивался въ своихъ суровыхъ словахъ къ камердинеру. Вышедши къ нему, онъ просилъ у него извиненія, что обошелся съ нимъ такъ сурово, и успокоился не прежде, какъ получивъ это извиненіе отъ растерявшагося слуги. «Александръ вернулся въ залу съ лицомъ, на которомъ изображалась радость доброй совѣсти, и спокойно началъ свой благочестивый разговоръ. Notice sur Alexandre, стр. 37.

совсѣмъ въ иномъ видѣ, снова обратила на себя вниманіе своей близостью къ императору. Само собою разумѣется, что ея апостольская роль служила нерѣдко цѣлью остроумія; рассказывали намъ, что кто-то однажды пришелъ къ ней вечеромъ, во время ея молитвенныхъ упражненій, и она сказала ему своимъ обыкновеннымъ эмфатическимъ тономъ: «совершаются великія дѣла; всѣ Парижъ постится», — а посѣтитель ея только что пришелъ изъ Пале-рояля, гдѣ всѣ обѣдали, и онъ не могъ разубѣдить ее въ противномъ. Біографъ утверждаетъ, что она приобрѣла однако и много горячихъ друзей и прозелитовъ; что невѣрующіе, приходившіе къ ней, смущались отъ ея вѣры, и равнодушные увлекались. Въ числѣ ея защитниковъ біографъ называетъ людей какъ Бенжаменъ Констанъ, Пюисегюръ, Шатобрианъ, Грегуаръ, Дежерандо, г-жа Рекамье, вн. Софья Волконская и т. д. Но если въ другихъ біографіяхъ, на которыя ополчается Эйнаръ, мы находимъ не совсѣмъ благопріятные отзывы о дѣятельности г-жи Крюднеръ, напр. нападки на ея искусственную торжественность и театральность, то въ нихъ конечно отражаются мнѣнія, какія г-жа Крюднеръ уже тогда поселяла о себѣ въ другой части общества.

Въ 7 часовъ вечера у г-жи Крюднеръ происходило обыкновенно богослуженіе ея новой религіи, состоявшее изъ импровизированной молитвы и толкованій писанія; дѣйствующимъ лицомъ бывалъ исключительно сотрудникъ г-жи Крюднеръ, Эмпейтазь. Обстановка молитвенной залы была самая простая, — и г-жа Крюднеръ не преминула потомъ указывать на эту простоту, съ той точки зрѣнія, какою мы уже не разъ у нея указывали. Нанявъ себѣ просто меблированную квартиру, она хотѣла сама убрать ее; — но «вскорѣ нѣкоторыя вещи показали мнѣ, что мнѣ такъ и надо оставить это помѣщеніе безъ зеркалъ, съ нѣсколькими соломенными стульями и самой простой мебелью — Я увидѣла впоследствии, какъ дѣйствуютъ на свѣтскихъ людей эти сильныя контрасты роскоши, въ которой я всегда жила, и этого полного ея отсутствія — Люди видѣли, что я уже не придавала важности ничему, и тѣ, кто быть можетъ нивогда о томъ не думалъ, подумали, что должно быть положительное счастье въ этой евангельской религіи, чистоту которой исполнялъ божественный учитель, Богъ вселенной, покинувъ свою славу на небесахъ, чтобы принять человѣческій образъ и претерпѣть всѣ униженія».

Это — по поводу соломенныхъ стульевъ и отсутствія зеркалъ. Въ своихъ письмахъ, напр. къ прежней пріятельницѣ фрей-

лигѣ Стурдзѣ, г-жа Крюднеръ любить упоминать, что у нея отнято все время, что она впрочемъ бесѣдуетъ только съ тѣми, кому нужна религіозная помощь, что у нея бывають герцогини и т. д. Самъ біографъ сознается, что многіе приходили къ ней только изъ любопытства и моды, что другіе, какъ Шатобрианъ, хотѣли только черезъ нее приблизиться къ императору; но съ другой стороны самая мода на г-жу Крюднеръ имѣла свои причины, — въ это время уже разыгрывался тотъ церковный фанатизмъ, который соединился въ реставрацію съ фанатическимъ роялизмомъ. Возвращеніе въ религію, получавшее почти исключительно реакціонную подкладку, распространялось съ большою силою въ высшемъ обществѣ феодальной реставраціи, и потому г-жа Крюднеръ могла получить особый интересъ для своей аристократической публики. Въ этомъ смыслѣ роль г-жи Крюднеръ дѣйствовала по-своему и на русское общество.

Что касается до императора, то были люди, которые не вѣрили въ его искреннее увлеченіе и объясняли эти его сношенія совсѣмъ инымъ образомъ, — именно политическимъ притворствомъ. Одинъ изъ прежнихъ жизнеописателей г-жи Крюднеръ, Паризд, говоритъ ¹⁾, по поводу тогдашнихъ слуховъ о серьезномъ вліяніи г-жи Крюднеръ на императора и о томъ, что она удаляла его отъ свѣтскихъ развлеченій: «очень вѣроятно, что Александръ мирился съ этими слухами и дѣлалъ видъ, что принимаетъ поученія г-жи Крюднеръ, для того чтобы думали, что онъ преданъ мечтаніямъ, которыя стдять квадратуры круга и философскаго камня, и изъ-за нихъ не видѣли его честолюбія и глубокаго макиавелизма».

Эйнаръ обличаетъ Паризд слѣдующей выпиской изъ письма г-жи Крюднеръ (въ августѣ 1815):

.... «Александръ есть избранникъ Божій; онъ идетъ по путямъ самоотрицанія. Я знаю каждую подробность, почти каждую мысль его жизни; онъ правильно приходитъ сюда ²⁾ и эта духовная связь, созданная Богомъ, укрѣпляется все больше и больше. Онъ обязанъ иногда бывать въ свѣтѣ, но онъ никогда не отправляется на спектакли или на балы, и онъ говорилъ мнѣ, что эти вещи производятъ на него точно впечатлѣніе похоронъ и что онъ уже не можетъ понимать свѣтскихъ людей, предлагающихъ ему удовольствія».

Эйнаръ приводитъ нѣсколько случаевъ, обнаруживавшихъ благочестивое смиреніе императора; Эмпейтазъ приводитъ его изре-

¹⁾ Biogr. Universelle (Michaud).

²⁾ Т. е. въ домъ г-жи Крюднеръ.

ченія, выражавшія его аскетическую строгость въ себѣ и христіанское снисхожденіе, и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ вовсе не притворялся въ своихъ сношеніяхъ съ г-жей Крюднеръ, что такою и дѣйствительно было направленіе его мыслей; этому не противорѣчила нисколько и его политическая дѣятельность въ то время, законченная Священнымъ Союзомъ.

Между тѣмъ дѣятельность г-жи Крюднеръ и въ Парижѣ не обходилась безъ религіозныхъ экстравагантностей. Вслѣдъ за ней, очевидно прослышавъ объ ея успѣхахъ, явился въ Парижъ пасторъ Фонтэнъ съ своей пророчицей Маріей Кумминъ. Онъ обратился къ г-жѣ Крюднеръ. Біографъ старается повидимому смягчить ея роль въ этомъ дѣлѣ и говорить, что она отказала Фонтэну въ своей поддержкѣ у императора; но судя по словамъ того же біографа, что «благоразуміе императора избавило г-жу Крюднеръ отъ ея злого генія» (т. е. Фонтэня), и судя по тому еще, что Фонтэнъ представился Александру все-таки въ домѣ г-жи Крюднеръ, надо предполагать, что она была не совсѣмъ безучастна въ угощеніи императора пророчествами Кумминъ.

Это разсказывается такимъ образомъ:

«Въ первомъ экстазѣ, какой пророчица имѣла по пріѣздѣ въ Парижъ, она возвѣстила, что *будетъ имѣть* второй экстазъ на *другой день* въ передней залѣ (отеля Моншеню). Г-жа Крюднеръ *провела нѣсколько часовъ въ молитвѣ, прося Бога открыть свою волю*. Между тѣмъ императоръ пришелъ въ обыкновенный часъ, и въ передней залѣ нашелъ Марію Кумминъ, лежавшую на канapé. Онъ спросилъ, что это значить; г-жа Крюднеръ молчала; Фонтэнъ началъ говорить и объявилъ императору, что это—пророчица Всевышняго, которая будетъ говорить къ нему отъ Бога. Императоръ садится, готовый слушать, и Марія Кумминъ начинаетъ натянутую рѣчь, которая кончалась просьбой о деньгахъ на основаніе христіанской общины въ окрестностяхъ Вейсберга. Г-жа Крюднеръ встала, услышавъ это, и вышла съ своей дочерью. Черезъ минуту она вернулась, прося Александра перейти въ салонъ. Александръ послѣдовалъ за ней, остановилъ ея извиненія, сказавши, что онъ довольно знаетъ свѣтъ, чтобы не дать себя обмануть благочестіемъ людей, которые такъ торопятся просить денегъ, и посоветовалъ ей какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ этихъ людей.—Черезъ два дня Фонтэнъ отправился изъ Парижа».

Невыгодное впечатлѣніе этой исторіи пока еще миновало г-жу Крюднеръ. Она продолжала играть свою роль, и въ началѣ сентября фигурировала на извѣстномъ военномъ торжествѣ въ лагерѣ Верги, въ Шампани, гдѣ императоръ Александръ дѣлалъ смотръ

своимъ войскамъ и гдѣ на другой день совершенно было религиозное торжество — благодарственный молебень, отслуженный православными священниками. Г-жа Крюднеръ отправилась туда со своей свитой, и поселилась не вдалекѣ отъ лагеря, въ замкѣ дю-Мениль. «Съ утра явились за ней императорскіе экипажи, — говоритъ Сень-Бевъ ¹⁾, и почести, которыя Людовикъ XIV оказывалъ г-жѣ Ментенонъ въ компъенскомъ лагерѣ, не превосходятъ того почтенія, какое завоеватель воздалъ г-жѣ Крюднеръ — Родъ триумфа, который она имѣла въ лагерѣ Вертю, обозначить высшую точку и, такъ сказать, свѣтлую вершину ея вліянія». Г-жа Крюднеръ описала потомъ это торжество въ брошюрѣ «Le camp de Vertus». Это — патетическій диэирамбъ, гдѣ она призываетъ торжество вѣры, превозноситъ Александра и дѣлаетъ воззванія къ Франціи, «древнему наслѣдію галловъ, дочери святого Людовика и столькихъ святыхъ, призвавшихъ на нее вѣчныя благословенія»: «возвращайся *всѣ* — восклицаетъ она, обращаясь въ этой Франціи — потому что ты стала бессмертіемъ; *ты не плыница* въ узахъ смерти» etc. Наконецъ она указываетъ на крестъ, поставленный на этомъ мѣстѣ, какъ на великолѣпный алтарь, который долженъ соединить все и который будетъ говорить: «Здѣсь преклонялся передъ Иисусомъ Христомъ герой и армія, любезная его сердцу; здѣсь народы Сѣвера *просимъ о счастіи Франціи*».

Тонъ этого диэирамба объясняетъ между прочимъ, почему г-жѣ Крюднеръ приписывали такое прямое политическое вліяніе, какового на дѣлѣ она по всей вѣроятности не имѣла. Историки, принимающіе это вліяніе, рассказываютъ, что Каподистрія и Поццо-ди-Борго благоприятно смотрѣли на то вліяніе, какое имѣла г-жа Крюднеръ на императора Александра и которое будто бы отражалось на политическихъ планахъ, принятыхъ тогда императоромъ относительно Франціи; герцога Ришелье называютъ даже прямо посредникомъ между Людовикомъ XVIII и г-жей Крюднеръ съ ея обществомъ, и въ этомъ обществѣ указываютъ присутствіе дѣятельныхъ политическихъ пружинъ, напр. объ одной изъ прежнихъ пріятельницъ г-жи Крюднеръ, г-жѣ Лезз-Марнезіа, говорятъ, что «въ своей дружбѣ съ г-жей Крюднеръ она какъ бы предуказывала союзъ между Россіей и Франціей, который Провидѣніе хочетъ сдѣлать путемъ и средствомъ возстановленія религіи» ²⁾.

¹⁾ Notice (при Valérie), стр. XXIV, XXVII.

²⁾ Th. Bernhardt, Gesch. Russlands und der Europ. Politik, 1814—81, I, 449. Ср. Pertz, Stein's Leben IV, 564.

Едва ли впрочемъ политическое вліяніе, приписываемое г-жѣ Крюднеръ, было серьезно на дѣлѣ. Конечно, христіанская проповѣдь, которую держала постоянно г-жа Крюднеръ, естественно могла внушать смиреніе въ побѣдѣ, великодушіе къ врагамъ: это еще больше могли внушать французскія связи г-жи Крюднеръ. Но политика императора Александра и безъ того опредѣлялась не въ этомъ смыслѣ достаточными данными. Императоръ Александръ разъ уже явился великодушнымъ побѣдителемъ Франціи; эта роль такъ соотвѣтствовала его настроенію и вознаграждалась такимъ благопріятнымъ впечатлѣніемъ въ странѣ, и такъ отвѣчала интересамъ Россіи, что онъ готовъ былъ и теперь сохранить ее. Ближайшій совѣтникъ императора Каподистрія постоянно умывалъ политическія соображенія, побуждавшія падить Францію: черезъ это можно было впослѣдствіи имѣть вліяніе на ходъ ея политики и вступитъ съ нею въ союзъ, а этотъ союзъ былъ бы полезенъ Россіи противъ соперничества Австріи и Англіи—между прочимъ въ восточныхъ дѣлахъ, въ интересахъ близкаго сердцу Каподистрія греческаго вопроса. Смотръ въ Вертю имѣлъ видъ демонстраціи, быть можетъ, онъ и сдѣланъ былъ съ этой цѣлью: императоръ хотѣлъ показать союзникамъ огромныя силы, которыя онъ имѣлъ подъ рукою въ поддержку своихъ намѣреній, и такъ какъ этотъ смотръ, собственно говоря, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ шумнымъ объявленіемъ о выступленіи русскихъ войскъ изъ Франціи, то демонстрація получала и другое значеніе: выступленіе войскъ показывало, что Россія не намѣрена больше участвовать въ дальнѣйшей войнѣ съ Франціей, если бы переговоры не пришли къ мирному концу ¹⁾.

Слова и дѣйствія г-жи Крюднеръ могли соотвѣтствовать этимъ политическимъ событіямъ. Ея связи сближали ее съ императоромъ и съ французскимъ обществомъ. Она имѣла друзей и въ дипломатической и въ интимной обстановкѣ императора: мы упоминали о прежнихъ ея знакомствахъ.—теперь къ нимъ присоединяется между прочимъ имя княгини Софьи Волконской (жены начальника главнаго штаба имп. Александра, впослѣдствіи фельдмаршала кн. П. М. Волконскаго), принадлежавшей къ дружескому дамскому кружку императора ²⁾; она сошлась теперь, кажется, и съ братомъ своей пріятельницы А. Стурдзой, состоявшимъ тогда при Каподистрії. Съ другой стороны она имѣла друзей въ роялистской и набожной французской аристократіи. «Прекрасная Франція» была издавна ея пассіей: здѣсь нѣкогда

¹⁾ Тамъ же, стр. 466.

²⁾ Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. III, стр. 311—314.

совершались другія ея дѣянія, она жила долго въ средѣ французскаго общества, и когда здѣсь же началась теперь для нея новая эффектная роль, Франція снова стала ей любезна и прекрасна, и она поэтизировала ея возрожденіе. При всемъ томъ, за г-жей Крюднеръ едвали можно считать какое либо прямое политическое вліяніе, вромѣ той общей, неопредѣленной мистической религіозности, которую она поддерживала и усиливала въ императорѣ Александрѣ.

Дѣло въ томъ, что мысли ея едвали останавливались прочно на какомъ-нибудь реальномъ предметѣ. Господствующей чертой оставалась хвастливая экзальтація. Ей нравилось, когда окружала ее аристократическая толпа; ея профессія, проповѣдь, была въ тоже время и выставка; при всемъ самоуничженіи, какое она на себя налагала, она съ видимымъ удовольствіемъ говоритъ въ письмахъ о посѣщающихъ ее дюшессахъ, рассказываетъ даже, какъ посѣтилъ ее одинъ англичанинъ, объѣхавшій кругомъ свѣта и который, вѣроятно, смотрѣлъ на нее просто какъ на новую диковину, какихъ онъ еще не видывалъ въ своемъ кругосвѣтномъ путешествіи. Вообще, она слѣдовала только влеченіямъ своей религіозно-фантастической экзальтаціи, и имѣла сознаніе, что настоящая минута была въ особенности благоприятна для принятой ею роли ¹⁾.

Но ей предстояло принять участіе еще въ одномъ знаменательномъ событіи этихъ дней, — именно получить извѣстную долю участія въ составленіи акта Священнаго Союза.

Въ то время нерѣдко приписывали этотъ актъ непосредственному вліянію г-жи Крюднеръ; говорили, что она внушила самую мысль Священнаго Союза, и приписывали ей большую или меньшую роль въ составленіи акта. Это мнѣніе было не совсѣмъ точно. Нѣсколько ближайшихъ свидѣтелей оставили слѣдующія воспоминанія о происхожденіи знаменитаго документа.

Сотрудникъ г-жи Крюднеръ, ея постоянный аюльтъ въ это время, священникъ ея религіи, участвовавшій въ ея бесѣдахъ и молитвахъ съ императоромъ, рассказываетъ объ этомъ (въ 1828 году) такъ:

«За нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Парижа — говорить онъ — императоръ Александръ сказалъ намъ: Я оставляю

¹⁾ Сень-Безъ говоритъ: «Il est certain que 1815 fut un moment décisif, et aux esprits religieux il doit sembler que l'épreuve était de force à susciter son témoin mystique et son prophète. Madame de Krudener s'est moins trompée sur l'importance de 1815 même que sur les conséquences qu'elle en augurait» (стр. XXVIII). Мы это еще увидимъ дальше; замѣтимъ впрочемъ, что не нужно было особенной прозорливости, чтобы въ 1815 году повяты важность 1815 года.

Францію; но до своего отъѣзда я хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и Святому Духу хвалу, которой мы обязаны ему за оказанное намъ покровительство, и призвать народъ стать въ повиновеніе Евангелія. Я принесъ вамъ проектъ этого акта, и прошу васъ внимательно рассмотреть его, и если вы не одобрите въ немъ какого-нибудь выраженія, то укажите мнѣ его. Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и король прусскій соединились со мной въ этомъ актѣ богопочтенія, чтобы люди видѣли, что мы какъ восточные маги признаемъ верховную власть Бога Спасителя. Вы будете вмѣстѣ со мной просить у Бога, чтобы мои союзники были расположены подписать его.

«На другой день Александръ пришелъ взять свой проектъ; онъ съ величайшимъ смиреніемъ принялъ представленныя ему замѣчанія. На слѣдующій день онъ далъ его для подписи союзнымъ государямъ. Онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что они тотчасъ раздѣлили его взгляды. Вечеромъ онъ пришелъ къ намъ рассказать о томъ, что было имъ сдѣлано, и возблагодарить Бога за счастливый успѣхъ.

«Таково происхожденіе этого Священнаго Союза, который занималъ всѣ умы, о которомъ дѣлались такіа противоположныя сужденія.

«Если какой-нибудь другой государь хотѣлъ воспользоваться этимъ актомъ, столь простымъ и столь чистымъ по своей сущности, для поддержанія системы своей политики, то злоупотребленіе, сдѣланное имъ, не можетъ ни въ чемъ измѣнить прямодушія и благочестія намѣреній Александра»¹⁾.

Такимъ образомъ, идея Священнаго Союза остается вполнѣ за императоромъ Александромъ; г-жа Крюднеръ узнала объ актѣ только отъ самого императора, и ея участіе ограничивалось только нѣкоторыми замѣчаніями.

Близкій также свидѣтель этого дѣла, А. Стурдза, подтверждаетъ Эйнару полную принадлежность идеи этого акта императору Александру. «Мнѣ первому—говорилъ Стурдза—пришлось писать и слегка исправить (retoucher) актъ Священнаго Союза, весь написанный карандашомъ, рукой императора. Мнѣ неизвѣстно, имѣла ли г-жа Крюднеръ какое-нибудь вліяніе на мысль и редакцію этого достопамятнаго документа; но я глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ существеннымъ образомъ принадлежалъ мысли и религиозному чувству Александра», и пр. Такимъ же образомъ Стурдза рассказываетъ это въ своихъ запискахъ о жизни

¹⁾ Empaytax, Notice, стр. 36—38.

графа Каподистріи. Императоръ самъ написалъ вчернѣ аэть, и призвавши однажды утромъ гр. Каподистрію (жившаго съ Стурдзой въ верхнемъ этажѣ Элизе-Бурбонскаго дворца), велѣлъ ему просмотрѣть это, сказавши: «я не мастеръ вашихъ дипломатическихъ формъ и обрядовъ; прибавьте необходимое, введите лучший порядокъ мыслей, но сущности ихъ отнюдь не измѣняйте! Это мое дѣло; я началъ и, съ Божіею помощью, довершу». Каподистрія поручилъ Стурдзѣ переписку и отдѣлку выраженій. При этомъ Стурдза почему-то раздѣлилъ аэть вмѣсто трехъ на четыре статьи. Каподистрія въ тотъ же день представилъ обработанный проектъ Александру. Онъ одобрилъ всѣ внесенныя мелкія измѣненія, кромѣ только раздѣленія на *четыре* статьи. Поэтому аэть былъ переписанъ вновь, въ *трехъ* статьяхъ, и въ этомъ видѣ Александръ оставилъ его у себя. На другой же день, по словамъ Стурдзы, Александръ имѣлъ свиданіе съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ и склонилъ ихъ къ участию въ трактатѣ ¹⁾. И здѣсь Стурдза ничего не говоритъ объ участи г-жи Крюднеръ въ редакціи трактата; но нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ передъ тѣмъ, показываютъ, что и въ его представленіи г-жа Крюднеръ имѣла однако нравственное вліяніе въ возникновеніи Священнаго Союза. Упомянувъ о тогдашнемъ благочестивомъ и смиренно христіанскомъ настроеніи императора Александра, Стурдза изображаетъ г-жу Крюднеръ, какъ «рѣдкое явленіе въ нравственномъ мірѣ, ибо въ сердцѣ ея горѣла истинная любовь къ ближнему», и отношенія ея къ императору представляетъ въ такихъ словахъ: «Въ бесѣдахъ сей знаменитой женщины съ императоромъ, еще на берегахъ Невы (Невгара) и потомъ въ Парижѣ, разговоръ невольнымъ образомъ склонялся въ священной цѣли всѣхъ благочестивыхъ желаній — къ славіи имени Христова и къ освященію союза народовъ его ученіемъ и духомъ. *Такимъ образомъ* возникъ проектъ братскаго и христіанскаго союза ²⁾».

Эйнарь приводитъ дальше свидѣтельство герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, брата прусской королевы Луизы, къ которому Эйнарь обращался за свѣдѣніями. для своей исторіи, — герцогъ положительно думалъ, что Священный Союзъ надобно считать дѣломъ г-жи Крюднеръ. Но Эйнарь считаетъ это мнѣніе совершенной ошибкой.

Еще одно важное указаніе дѣласть евангелическій прусскій епископъ Эйлертъ, другъ и историкъ короля Фридриха-Виль-

¹⁾ Жизнь гр. Каподистріи, въ Чтен. М. Общ. Ист. и Др. 1864, кн. 2, стр. 69.

²⁾ Чтенія М. Общ., тамъ же.

гелма III. Въ своей книгѣ объ этомъ король Эйлертъ приводитъ собственный рассказъ императора, слышанный имъ отъ сажого Александра въ 1818 году. Въ этомъ рассказѣ императоръ приписывалъ первую мысль о союзѣ королю прусскому и относилъ ея возникновеніе еще къ началу послѣднихъ войнъ съ Наполеономъ.

«Въ дни битвъ при Люценѣ, Дрезденѣ, Бауценѣ,—говорилъ Александръ Эйлерту,—послѣ столькихъ безплодныхъ усилій, или несмотря на величайшій героизмъ нашихъ войскъ, мы тѣмъ не менѣе вынуждены были отступить; вашъ король и я, мы не могли не придти къ убѣжденію, что власть человѣческая ничтожна и что Германія погибнетъ, если не будетъ особенной помощи и благословенія божественнаго Промысла. Мы ѣхали рядомъ, вашъ король и я, безъ свиты; мы оба были серьезны, предавшись своимъ размышленіямъ, и молчали. Наконецъ этотъ любезнѣйшій изъ моихъ друзей прервалъ молчаніе и обратился ко мнѣ съ этими словами: «Такъ дѣло не можетъ идти! мы направляемся къ востоку, между тѣмъ мы хотимъ и мы должны идти къ западу. Мы придемъ туда, съ божіей помощью. Но если, какъ я надѣюсь, Богъ благословитъ наши соединенныя усилія, тогда провозгласимъ передъ лицомъ всего міра наше убѣжденіе, что слва принадлежитъ Ему одному». Мы обѣщали это другъ другу и мы искренно пожали руки. Затѣмъ послѣдовали побѣды при Вулмѣ, при Кацбахѣ, при Гросберенѣ и Лейпцигѣ, и когда прибывъ въ Парижъ, мы были въ концѣ труднаго странствія, король прусскій вспомнилъ наши святые рѣшенія, первая мысль о которыхъ принадлежала ему, и благородный императоръ австрійскій, раздѣлявшій наши взгляды, наши чувства и стремленія, охотно вошелъ въ нашъ союзъ. Первая идея Священнаго Союза явилась въ трудную минуту; она осуществилась въ болѣе прекрасный моментъ благодарности и счастья. Она вовсе не дѣло наше, а дѣло Бога. Самъ Искупитель внушилъ всѣ мысли, какія заключаетъ этотъ актъ, всѣ принципы, которые онъ провозглашаетъ. Кто не признаетъ и не чувствуетъ этого, кто, прильпывая къ святому мірское, видитъ здѣсь только заднія мысли и тайные планы политики, тотъ не имѣетъ голоса въ этомъ вопросѣ, и было бы безполезно допускать его¹⁾».

Эйнаръ справедливо замѣчаетъ, что этотъ рассказъ не противорѣчитъ приведеннымъ выше даннымъ: первая мысль могла принадлежать Фридриху-Вильгельму, но Александръ развилъ и

¹⁾ Eylert, Charakterzüge und histor. Fragmente aus dem Leben Fridrich Wilhelms III, II, стр. 246—248.

формулировалъ ее въ актѣ, переписанномъ Стурдзой и пересмотрѣнномъ г-жей Крюднеръ. Мнѣніе герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, хотя очень близкаго къ этимъ событіямъ, но не имѣвшаго прямыхъ свѣдѣній, легко объясняется тогдашними толками о тѣсной дружбѣ императора съ г-жей Крюднеръ и сходствомъ религиозной восторженности у обоихъ. На другой день послѣ того, какъ договоръ былъ подписанъ союзниками, императоръ Александръ посѣтилъ г-жу Крюднеръ, съ радостью рассказывалъ объ успѣхѣхъ дѣла и вмѣстѣ съ ней и ея сподвижникомъ приписалъ благодарственную молитву—понятно, что г-жѣ Крюднеръ могла быть приписываема и самая инициатива.

«Имя Священнаго Союза — замѣчаетъ еще Эйнаръ — обозначаетъ въ пророчествахъ Даниила союзъ государей, которые будутъ царствовать въ послѣднія времена. Тамъ говорится о борьбѣ, которая произойдетъ между царемъ Сѣвера и царемъ Юга. Этотъ послѣдній наступаетъ съ большой арміей, но терпитъ пораженіе вслѣдствіе заговоровъ, составленныхъ противъ него окружающими и многіе ранены смертельно въ битвѣ.»

«Нѣкоторые другія подробности, — прибавляетъ тотъ же авторъ, — взятая отдѣльно, заставляли предполагать, что г-жа Крюднеръ считала событія 1815 года исполненіемъ пророчества Даниила. Мы этого не думаемъ, и ясно видимъ, что она не раздѣляла надеждъ Александра основать на землѣ царство Евангелія, предсказанное пророками, когда писала ему послѣ отъѣзда его изъ Парижа: «Ваши намѣренія велики и прекрасны, но вы еще не можете осуществить ихъ; нужно, чтобы вы помышляли только о своемъ перерожденіи, для того, чтобы все переродить вокругъ васъ; *нужно, чтобы все прошло еще черезъ одинъ великій кризисъ*. Германія, носящая въ себѣ зерно разрушенія, будетъ ниспровергнута (!). Должны появиться турки (!!); англичане не надежны», и т. д.

Какъ бы то ни было, мы видѣли однако, что въ другихъ случаяхъ г-жа Крюднеръ несомнѣнно подразумѣвала въ своихъ пророчествахъ близкое пришествіе тысячелѣтняго царства—фантазію, перенятую у Штиллинга — и говорила объ этомъ въ выраженіяхъ, заставляющихъ думать, что она считала это пришествіе возможнымъ на ея вѣку или на вѣку ея друзей.

Мы не будемъ упоминать здѣсь о судьбѣ, которая постигла Священный Союзъ. Довольно извѣстно, что онъ такъ и остался сантиментальной мечтой, какою былъ въ самой сущности; извѣстно съ другой стороны и то, чѣмъ обнаружилось вліяніе Священнаго Союза на дѣлѣ, какъ, подвергнувшись толкованіямъ Меттерниха, онъ сталъ орудіемъ самой ненавистой реак-

ціи и преслѣдованія всѣхъ живыхъ общественныхъ элементовъ, которые изъ энтузіазма войнъ за освобожденіе вынесли одушевленное стремленіе къ преобразованію общества, къ водворенію справедливости, умственной и гражданской свободы. Въ русскомъ обществѣ, какъ и понятно, было гораздо меньше движеній этого рода,—но наши домашніе консерваторы, вслѣдъ за европейскими, тоже сочли нужнымъ спасать принципы, которымъ пока не предстояло никакой бѣды, и поднимать вопли противъ разрушительнаго духа времени, который въ сущности выражался только очень скромными желаніями элементарныхъ улучшеній. Въ способъ выраженія нашей реакціи господствовалъ нерѣдко тотъ же тонъ, какимъ говорила реакція западной Европы и который былъ очень страннымъ у насъ.

Повторился также и тотъ піэтизмъ, каковой лежалъ въ основаніи акта Священнаго Союза. На ряду съ людьми, которые дѣйствительно увлекались піэтистическимъ движеніемъ западнаго общества, тономъ изысканнаго благочестія заговорили лицемѣрие и интрига. Въ другомъ мѣстѣ мы приводили различныя черты этого направленія. Наполеонъ и Александръ сравнивались съ апокалиптическими царями Юга и Сѣвера, которые должны сразиться при концѣ времени: отсюда прямо выводилась необходимость борьбы противъ антихристовыхъ силъ, представляемыхъ вѣзбіемъ и вольнодумствомъ, и въ господствующемъ тонѣ піэтистовъ покаянныя сокрушенія дико мѣшались съ инквизиторскими замашками. Теперь еще не было пока этого озлобленія и обскурантизма—напротивъ, какъ самъ императоръ проникнуть былъ въ это время самыми либеральными намѣреніями, такъ и въ обществѣ мистицизмъ еще не дошелъ до своихъ крайнихъ практическихъ слѣдствій; но рано или поздно, онъ долженъ былъ придти къ нимъ. Въ развитіи этого апокалиптическаго направленія и тона въ русскомъ обществѣ, г-жѣ Крюднеръ также, кажется, слѣдуетъ приписать извѣстную долю вліянія вмѣстѣ съ Юнгомъ Штиллингомъ, библейскими дѣятелями и т. д.

Что касается до того, считала ли г-жа Крюднеръ событія 1815 года исполненіемъ Давидовыхъ пророчествъ или не считала, какъ это старается опредѣлить Эйнаръ,—надъ этимъ вопросомъ конечно не стоитъ трудиться. Замѣтимъ, что послѣ 1815 года, который, въ глазахъ многихъ, оправдалъ ея пророчества, она не прекратила своего прорицательства. Оно было такъ важно для ея проповѣднической роли, что г-жа Крюднеръ и послѣ 1815 года продолжала предвѣщать какія-то неясныя, но «великія» событія и страшные перевороты. Эйнаръ замѣчаетъ по поводу ея письма въ императору: «Быть можетъ, г-жа Крюд-

нерь считала событія, которыя она возвѣщала, болѣе близкими, чѣмъ *они были на дѣлѣ*. Быть можетъ даже, она совершенно обманывалась», — но онъ все-таки находитъ прекраснымъ то, что она не теряла изъ виду душевнаго освященія Александра, что она «понимала, что для него было нужно только одно — оставаться въ повиновеніи (?), и имѣла смѣлость говорить ему это безъ опасенія оскорбить его. Эта прямота и эта христіанская вѣрность имѣютъ право на все наше уваженіе» и т. д. По нашему мнѣнію, прорицательства г-жи Крюднеръ едва ли заслуживаютъ такихъ благосклонныхъ отзывовъ. Психологически можно понять тѣ неопредѣленные мистическія оживленія, какими живутъ религіозныя секты, особенно секты, распространяющіяся въ мало развитой экзальтированной массѣ; таковы бывали фантастическія оживленія хиліастовъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ, ждавшихъ близкаго основанія тысячелѣтняго царства, основывавшихъ новые Иерусалимы, отправлявшихся жить на Араратъ и т. п. Въ обществѣ, каково наше, съ его религіозной опытностью, такіе оживленія труднѣе понять въ человѣкѣ образованномъ; но онѣ все еще возможны въ людяхъ съ пламенной фантазіей. Но когда прорицанія принимаютъ тѣ формы, какія мы находимъ у г-жи Крюднеръ, когда предвѣщанія дѣлаются съ сознаниемъ положенія вещей (что конечно у нея бывало) и претендуютъ вмѣшиваться въ практическую жизнь и указывать дипломатическія комбинаціи, когда въ предвѣщаніяхъ являются Германія, турки и англичане, — то это было, если не шарлатанство, то крайнее разстройство воображенія.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, императоръ Александръ просилъ г-жу Крюднеръ пріѣхать также въ Петербургъ. 27-го сентября онъ простился съ ней и съ ея друзьями, и оставилъ ей паспортъ, предоставлявшій ей пріѣхать съ кѣмъ и какимъ путемъ она захочетъ. Недостатокъ въ деньгахъ задержалъ ея отъѣздъ изъ Парижа до конца октября; потому другія обстоятельства надолго удержали ее отъ поѣздки въ Россію.

Но вскорѣ и самыя отношенія въ ней Александра совершенно измѣнились.

VI.

Странничество и проповѣдь въ Швейцаріи и Германіи. 1815 — 1818.

Императоръ Александръ уже скоро разочаровался въ г-жу Крюднеръ. Едвали можно сомнѣваться, что этому способствовали и нѣкоторыя собственныя ея свойства, которыя въ ея отсутствіи могли ярче представиться императору и иначе освѣтятся

всю ея личность. Мы упоминали, напримѣръ, объ угощеніи императора предвѣщаніями Кумиринъ; предсказанія самой г-жи Крюднеръ о туркахъ вѣроятно также не производили благоприятнаго впечатлѣнія въ умѣ императора, и т. д. Въ упомянутомъ нами выше письмѣ кн. Мещерской приводятся слѣдующія слова императора о г-жѣ Крюднеръ. Императоръ говорилъ о своей неожиданной встрѣчѣ съ г-жей Крюднеръ въ ту минуту, когда онъ именно желалъ, чтобы Богъ послалъ ему человѣка, который бы помогъ ему понять правильно его святую волю — и затѣмъ продолжалъ: «Нѣсколько времени я думалъ, что Богъ именно ея хотѣлъ назначить для этой цѣли; но я *очень скоро* увидѣлъ, что этотъ свѣтъ былъ не что иное, какъ ignis fatuus» (блудящій огонь). Это были его собственныя слова», — прибавляетъ кн. Мещерская ¹⁾. Кромѣ личныхъ впечатлѣній, на мнѣнія императора должны были подѣйствовать дальнѣйшія похождения г-жи Крюднеръ въ Швейцаріи и Германіи, которыя вскорѣ сдѣлали ея басней для цѣлой Европы.

Биографъ старается объяснить сколько можно выгоды для своей героини эти ея похождения и послѣдовавшее вскорѣ охлажденіе императора. По мнѣнію его, въ этомъ послѣднемъ виновата была предательская политика Меттерниха.

Роль, которую четыре мѣсяца играла г-жа Крюднеръ, — говоритъ онъ, — была слишкомъ замѣтна, чтобы не возбудить къ себѣ вниманія и недоувѣрчивости въ подозрительной политикѣ, какъ благоприятной для религіозныхъ умозрѣній. Эта политика впадала уже большого вліянія ея на русскаго императора, когда онъ просилъ ея одобренія для договора о Священномъ Союзѣ. Австрійская дипломатія, вынужденная по крайней мѣрѣ по необходимости покориться тяжелой необходимости этого духовнаго союза между народами и царями, о которомъ мечталъ Александръ, рѣшилась нейтрализовать его дѣйствіе: но для этого нужно было удалить императора отъ г-жи Крюднеръ, и съ этого дня все было пущено въ ходъ, чтобы выстроить между ними стѣну. Въ то время какъ начинали мало-по-малу дѣйствовать на императора, чтобы отдалить его отъ нея, г-жа Крюднеръ сама жила въ *стыи, искусно разставленныхъ* на ея дорогѣ. Чтобы избежать этихъ засадъ, чтобы сохранить довѣріе императора, которое усиливались у нея отнять, надо было бы прямо послѣдовать за нимъ въ Россію. Но у г-жи Крюднеръ не было иной воли кромѣ воли дѣлать божіе дѣло и говорить о спасеніи; она не искала человѣческой славы. Простодушіе голубицы, ко-

¹⁾ Finkerton, Russia, стр. 370.

торое она противопоставляла коварству и интригамъ дипломатіи вскорѣ должно было успокоить ея противниковъ, показавъ имъ какъ ошибались они, когда боялись ея».

Эйнаръ не рассказываетъ однако, какія именно сѣти были разставляемы г-жѣ Крюднеръ. Напротивъ того, все, что она дѣлала въ это время, вполне было дѣломъ ея собственнымъ въ совѣхъ и доброй воли.

Выѣхавши въ концѣ октября изъ Парижа, г-жа Крюднер отправилась въ Швейцарію, гдѣ у нея были старыя знакомствя по «дѣламъ царства Божія» и теперь завязалось множество новыхъ. Въ Базелѣ ее познакомили съ успѣхами «возбужденныхъ» о которыхъ намъ случалось говорить въ другомъ мѣстѣ¹⁾, успѣхами, приобретенными проповѣдью Бооза, Линдла и Госнера; она примкнула къ библейской дѣятельности въ Базелѣ, въ которой усерднымъ пропагандистомъ былъ нѣкто Кельнеръ, ставшій теперь ближайшимъ сотрудникомъ и спутникомъ г-жи Крюднеръ; здѣсь же, по стараніямъ ея и ея друзей основалось «общество религиозныхъ трактатовъ» (такія общества устраивались обыкновенно рядомъ съ библейскими). Въмѣстѣ съ тѣмъ продолжалась ревностная проповѣдь новой религіи. Въ это время сынъ г-жи Крюднеръ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ при швейцарской республикѣ; г-жа Крюднеръ провела нѣсколько времени въ Бернѣ, но когда проповѣди ея самой и ея друзей стали привлекать къ ней многолюдныя собранія, бернское правительство, по внушеніямъ австрійскаго кабинета, находившаго ея пропаганду опасной, попросило ее удалиться изъ города.

Въ это вторичное пребываніе въ Базелѣ, успѣхъ проповѣди по словамъ біографа, былъ чрезвычайный. На моленія, совѣщанія у г-жи Крюднеръ, собирались такія многочисленныя толпы, что это стало возбуждать неудовольствія и опасенія; духовенство возставало противъ непризванныхъ пророковъ, и полиція нашла наконецъ нужнымъ вмѣшаться. Г-жа Крюднеръ и ея спутники закрывались паспортомъ отъ императора Александръ, но тѣмъ не менѣе отъ нея потребовали, чтобы она оставила городъ. Она затруднялась было разными неудобными обстоятельствами, но эти затрудненія были устранены—по мнѣнію г-жи Крюднеръ и ея біографа—непосредственнымъ вмѣшательствомъ Провидѣнія: ей нечѣмъ было расплатиться въ отелѣ, но «*Ch. Saucœur*» послалъ къ ней человѣка, который далъ ей взаймы тысячу эку; ей нужно было выѣхать куда-нибудь изъ города—и къ ней явился одинъ подгородный житель съ предложеніемъ

¹⁾ «Р. Библ. Общество», В. Евр. 1868.

своего домика. Въ этомъ домикѣ, въ Гершлейнѣ близъ Базеля, она и поселилась.

Въ самомъ обществѣ г-жа Крюднеръ производила двойное дѣйствіе. Въ то возбужденное время, при энтузіастическомъ жарѣ проповѣдниковъ понятно, что ея кружокъ находилъ себѣ не мало послѣдователей и въ образованной части общества, — эти главнымъ образомъ увлекались болѣе простодушная масса; въ средѣ духовенства находились люди, признававшіе за ней достоинства христіанской любви и искренняго благочестиваго ученія, — въ обществѣ также находились прозелиты. Біографъ съ особеннымъ удареніемъ говоритъ объ обращеніи нѣкого Лашеналя, профессора философіи въ Базелѣ: — «вся его философія исчезла какъ утренній туманъ передъ простотою Евангелія», которую проповѣдовалъ одинъ изъ друзей г-жи Крюднеръ. Лашеналь оставилъ свою кафедру и сдѣлался ея послѣдователемъ. Но съ другой стороны г-жа Крюднеръ возбуждала и сильную вражду. Газеты начали заниматься ею и судили ее весьма неблагоклонно; одинъ корреспондентъ изъ Базеля описывалъ ея общество какъ секту конвульсіонеровъ; ее изображали въ карикатурахъ, — на одной изъ этихъ карикатуръ она была изображена стоящею на бочкѣ и обруженною служанками, въ которыхъ она обращаетъ слѣдующія утѣшительныя слова: «пріять время, когда господа сами будутъ мыть зеленъ и ходить вѣ водой, и когда всѣ служанки будутъ ходить въ шелковыхъ платьяхъ». Выраженіе радости у этихъ бѣдныхъ служанокъ схвачено хорошо, — замѣчаетъ біографъ; но вѣроятно не совсѣмъ верно схвачена была и сущность проповѣдей г-жи Крюднеръ.

Въ это время, въ концѣ 1815 или началѣ 1816, случилось одно обстоятельство, которое вѣроятно было причиной окончательнаго охлажденія императора къ г-жѣ Крюднеръ. Въ этомъ обстоятельствѣ играетъ роль все тотъ же Фонтэнъ, относительно втораго императоръ самъ уже остерегалъ г-жу Крюднеръ. Біографъ не рассказываетъ факта, желаетъ даже обойти его, и роживать его не особенно важно, — но дѣло только въ томъ, что этотъ пастырь, къ которому г-жа Крюднеръ питала такую дружбу, довелъ свои подвиги до крайней наглости: полиція предприняла послѣдній скандалъ: виртембергское правительство провело слѣдствіе и изгнало Фонтэна изъ страны, и секвестровало вѣнныя Раппенгофъ, купленное въ прежнія времена для него г-жою Крюднеръ.

Разсказывая послѣдствія этой исторіи, біографъ старается сколько можно охранить интересы своей героини, — но, какъ увидимъ, это было довольно мудрено.

«Русскаго императора не замедлили извѣститъ о дурномъ поведеніи этого протеже г-жи Крюднеръ,—говорить онъ,—ему дѣлали даже упреки за оказанное ей покровительство. Александръ не могъ ни на минуту смѣшать ее съ этимъ негодяемъ; но г-жа Крюднеръ, запутанная связями, которыми Фонтэнъ умѣлъ окружить ее, не могла протестовать противъ его поведенія съ всей энергіей своего негодования. Быть можетъ, она даже не сдѣлала бы этого, еслибъ и могла, чтобъ не отягощать челоуѣка, на котораго уже легла рука правосудія.

«Александръ доводилъ свою осмотрительность до крайности: ему было очень непріятно, что онъ могъ быть хоть на минутъ компрометтированъ, даже косвенно, дурнымъ поведеніемъ челоуѣка, имя котораго, нѣкоторымъ образомъ, соединялось съ именемъ г-жи Крюднеръ. Извѣстныя донесенія, съ намѣреніемъ сдѣланныя ему объ этомъ, не охладивъ его сердца, заставили его закрыть (verfermer) изъявленія своего довѣрія. Это было новое страданіе, прибавившееся (?) къ другимъ заботамъ, какія причиняла ему отвѣтственность его какъ государя и какъ христіанина.

«Г-жа Крюднеръ увидѣла, что ея Раппенгофское имѣніе было конфисковано для уплаты долговъ Фонтэна. Къ матеріальнымъ затрудненіямъ, испытаннымъ ею вслѣдствіе этого, прибавилась другая печаль—чувствовать, что покровительство и расположение императора должны скрываться» (*sentir la faveur e l'affection de l'Empereur se voiler*), и проч.

Едва ли однако таковъ былъ взглядъ императора Александра. Изъ приведеннаго выше замѣчанія его (въ письмѣ кн. Мещерской), достовѣрность котораго едва ли сомнительна, надобно заключать, что императоръ не то что сталъ скрывать свою привязанность къ г-жѣ Крюднеръ, а просто потерялъ эту привязанность. Если онъ сохранилъ впослѣдствіи нѣкоторую мягкость въ своихъ дѣйствіяхъ относительно ея, это была весьма понятная деликатность, за которой вѣроятно не скрывалось ни какого особеннаго сочувствія. Дальнѣйшая исторія ея такъ мало должна была нравиться Александру.

Съ удаленіемъ изъ Базеля, для г-жи Крюднеръ начинается странный періодъ ея жизни и дѣятельности, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ. Это періодъ ея особенной экзальтаціи, когда она выступила съ проповѣдью своего ученія передъ народными массами и практически примѣняла свою религію. Обстоятельствъ сдѣлали ея дѣятельность очень шумной, и съ одной стороны далъ ей огромную популярность въ народѣ, съ другой возбуждали противъ нея вражду и преслѣдованія.

Поселившись въ Гёрнлейнѣ, находившемся на баденской землѣ, г-жа Крюднеръ вскорѣ стала привлекать къ себѣ цѣлыя толпы. Годъ былъ неурожайный, на многихъ фабрикахъ оставались работы, и страна наполнена была множествомъ безпріютнаго народа, который бродилъ отыскивая работы или помощи. Г-жа Крюднеръ ревностно предалась филантропическимъ заботамъ объ этихъ бѣднякахъ, помогала и вмѣстѣ проповѣдовала имъ, многимъ давала пріютъ въ своемъ домѣ и т. д. Достаточно конечно было сдѣлать это разъ, чтобы стеченіе бѣдняковъ еще усилилось. Такъ это дѣйствительно и случилось. Наконецъ, ихъ приходило столько, что г-жа Крюднеръ проповѣдовала имъ на открытомъ воздухѣ. Эти собранія стали возбуждать неудовольствіе баденскаго правительства.

Другой кружокъ приверженцевъ г-жи Крюднеръ дѣйствовалъ такимъ же образомъ въ мѣстечкѣ Унтергольцѣ, въ базельскомъ кантонѣ, гдѣ было имѣнье Лашенала: человекъ достаточный, онъ употреблялъ свои средства на эти благотворительныя дѣла. Здѣсь также собирались толпы бѣдняковъ, которымъ раздавали пищу, одежду, многимъ давали пріютъ и медицинскую помощь. Наконецъ, въ Гёрнлейнѣ, въ дому г-жи Крюднеръ приставили стражу, которая должна была не допускать стеченія народа; біографъ говоритъ, что г-жа Крюднеръ своими проповѣдями обращала и самихъ жандармовъ, такъ что въ ней послали наконецъ такого жандарма, относительно котораго надѣялись, что на него никакая проповѣдь не подѣйствуетъ. Въ этой осадѣ г-жа Крюднеръ продолжала однако свою дѣятельность, и посѣщала также Унтергольцъ, гдѣ трудилась съ своими тамошними друзьями. Но филантропія и проповѣди г-жи Крюднеръ, собиравшія большую массу бѣдняковъ, вызвали въ другой части населенія и весьма враждебныя чувства: однажды она впадала на домъ Лашенала въ Унтергольцѣ, и только счастливая случайность избавила г-жу Крюднеръ отъ большихъ оскорбленій.

Имя ея между тѣмъ разносилось по всему краю. Изъ Гёрнлейна она сдѣлала однажды экскурсію въ кантонъ Аарау, гдѣ ее звали ея друзья, и здѣсь она приобрѣла опять множество приверженцевъ и между прочимъ обращала Песталоцци. Она стала настоящей достопримѣчательностью Швейцаріи; ее посѣщали путешественники англійскіе, французскіе, нѣмецкіе; ее посѣтилъ также извѣстный въ свое время квакеръ Вильямъ Ашпъ, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ императоръ Александръ.

Въ февралѣ 1817 г., дѣятельнѣйшій сотрудникъ г-жи Крюд-

неръ, Эмпейгазъ, и еще нѣсколько другихъ спутниковъ ея, находившихся съ нею въ Унтергольцѣ, подверглись формальному изгнанію изъ базельскаго кантона. Сама г-жа Крюднеръ съ другими своими приверженцами была поставлена подъ самый внимательный надзоръ полиціи. Въ это время она сочла нужнымъ оправдать свои дѣйствія, которыя подвергались сильному порицанію въ газетахъ и въ самой оффиціальной сферѣ. Она адресовала такое оправданіе къ баденскому министру внутреннихъ дѣлъ, — это былъ Беркгеймъ, братъ ея зятя Беркгейма, который и теперь оставался ея постояннымъ сотрудникомъ.

Биографъ даетъ большое значеніе этой апологіи, и думаетъ, что она вполне уничтожаетъ всѣ аргументы, обвинявшіе тогда г-жу Крюднеръ; онъ видитъ въ ней замѣчательную защиту дѣла христіанской любви и религіозной свободы, и вмѣстѣ историческое оправданіе самой г-жи Крюднеръ.

Оправданіе г-жи Крюднеръ сводится къ тому, что она исполняетъ прямыя повелѣнія божественной любви и не думала, чтобы накормить голоднаго могло быть запрещаемо въ христіанской странѣ. Ее упрекали, что она поощряетъ праздность и удаляетъ людей отъ ихъ прямыхъ духовныхъ наставниковъ; первое она отвергаетъ, представляя картину бѣдствій голодающаго населенія, лишеннаго работы, — она помогала бѣднымъ, потому что этого требуетъ христіанская любовь и притомъ она знала, что въ подобныхъ случаяхъ правительство никогда не можетъ оказать всей нужной помощи; о второмъ говоритъ, что не можетъ отказывать въ утѣшеніи тѣмъ, кто приходитъ къ ней искать его. Ее упрекали, что она не повинуется распоряженіямъ властей; она заявляетъ, что она никогда не сопротивляется властямъ, «насколько ихъ мѣры не противорѣчили тѣмъ повелѣніямъ, которыя она должна уважать еще больше и за которыя должна быть готова отдать свою жизнь, потому что онѣ исходятъ отъ Бога». Рядомъ съ этимъ, г-жа Крюднеръ проповѣдовала министру внутреннихъ дѣлъ о «единомъ на потребу», объясняла ему ничтожество земныхъ благъ и необходимость думать только о спасеніи души, и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ она заявляла о великой миссіи, данной ей Богомъ, и объ основаніи новой церкви, предвѣщала великія бѣдствія, которыя падутъ на Европу, и близкое пришествіе страшнаго суда.

Письмо по всей вѣроятности мало удовлетворило баденскаго министра. Биографъ считаетъ дѣятельность г-жи Крюднеръ чисто-христіанскимъ подвигомъ, на который нападали люди, закоснѣлые въ невѣріи, и правительство, грубой силой останавливавшее порывы христіанскаго энтузіазма, потому что они нару-

шал рутину его безсердечія. Биографъ находитъ вообще, что г-жа Крюднеръ возбуждала ненависть къ себѣ тѣмъ, что «переходила мѣру христіанства, допускаемую свѣтомъ».

Кто же былъ здѣсь правъ? Нѣтъ сомнѣнія, что г-жа Крюднеръ дѣйствительно выказала въ своей дѣятельности въ Швейцаріи и Баденѣ много самоотверженнаго человѣколюбія, которое приносить ей большую честь, — въ данную минуту она облегчила много страданій, утѣшила много несчастныхъ, и можетъ быть дѣйствительно внушила даже многимъ людямъ образованнаго класса хотя односторонно-религіозные принципы, на мѣсто volnaго отсутствія всякихъ нравственныхъ принциповъ. Но затѣмъ и самый характеръ г-жи Крюднеръ и способъ ея дѣйствій способны были вызвать не одно только осужденіе, исходящее отъ безсердечія. Личный характеръ легко могъ возбуждать антипатію своими вызывающими свойствами: не могли же административныя и полицейскія власти думать, что передъ ними дѣйствительно находится непосредственная божія посланница, за какою она себя считала и выдавала; нельзя было людямъ разсудительнымъ принимать серьезно ея пророчества о близости второго пришествія и страшнаго суда, и ея новоизобрѣтенную религію. Вѣроятно, въ Швейцаріи нашлось бы достаточно религіозной свободы и для этой религіи, если бы она выражалась въ болѣе скромныхъ формахъ, и не выходила на площадь, гдѣ и сталкивалась (зная о томъ напередъ) съ противной партіей и съ властями. Эти послѣднія не могли не защищать своихъ правъ, и защищали ихъ конечно собственными имъ приемами. Ея заботы о бѣдствующихъ и обращенія къ народнымъ массамъ способны были возбуждать довольно серьезные опасенія. Г-жа Крюднеръ при каждомъ удобномъ случаѣ обращалась къ массамъ, читала назиданія молодымъ поколѣніямъ, охотно вступала въ собранія, принимавшія видъ демонстрацій, и т. д. Не говоримъ уже о томъ, что весь характеръ ея природы заставляетъ предпологать при этомъ желаніе выставлаться и рисоваться: при всѣхъ самоуниженіяхъ, съ какими она любила о себѣ говорить, она не забываетъ выставлать себя божіей посланницей, устроительницей «небесныхъ дѣлъ», словомъ, не отличается христіанскою скромностью; самое «преслѣдованіе», — состоявшее въ сущности въ скучныхъ конечно, но очень безопасныхъ полицейскихъ попеченіяхъ, вѣроятно нравилось ей, — она имѣла поводъ употреблять это слово, напоминающее столько подвиговъ въ исторіи христіанскихъ проповѣдниковъ. Повидимому, ея проповѣди къ бѣднымъ затрогивали также и вопросъ о ответственности — что могло вооружать на нее вромѣ поли-

ціи и мѣстныхъ жителей. Своихъ приверженцевъ она уже выдѣляла въ особую церковь, и грозя, въ самомъ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, что Господь заставитъ трепетать гордыхъ, она изображаетъ свое «стадо» какъ вѣрныхъ служителей Господа, для которыхъ—предполагается—и будетъ основано новое царство. Эта проповѣдь о наступающихъ послѣднихъ временахъ, обращаемая прямо къ самой неразвитой массѣ народа, естественно могла показаться небезопасной. Эйнарь и почитатели Крюднеръ думаютъ, что она только излагала христіанскій принципъ. На дѣлѣ она только затрогивала большую сторону общества, не имѣя никакого яснаго представленія о томъ, гдѣ находятся средства изцѣленія. Она обманывала бѣдняковъ, предвѣщая имъ новое царство, и если она дѣйствительно выказывала въ своей швейцарской проповѣди и настоящее человеколюбіе, цѣна его сильно уменьшается сумасброднымъ и бессодержательнымъ азартомъ. Далѣе, способъ дѣйствій г-жи Крюднеръ могъ внушать справедливое недовѣріе и потому, что она обнаруживала очень мало благоразумія въ выборѣ своихъ друзей и святыхъ: похождения Фонтэна и Маріи Кумринъ бросались въ глаза всѣмъ сколько-нибудь разсудительнымъ людямъ.

Это послѣднее стояло вопіющимъ контрастомъ противъ ея притязаній¹⁾, и ея безграничная самоувѣренность, при такомъ отсутствіи *человѣческаго* благоразумія, должна была окончательно опредѣлить ея репутацію. Ее стали считать очень безповойной дамой, отъ которой желательно какъ можно скорѣе отдѣлаться.

Въ концѣ письма къ Берггейму она намекала, что герцогство баденское должно быть ниспровергнуто, если станетъ ее преслѣдовать: «То, что я сказала, относится во всѣмъ правительствамъ. Это древняя борьба мрака со свѣтомъ. И государи и чиновники — только слуги этой власти, если только не считаютъ І. Х., живаго Бога, своимъ царемъ и Искупителемъ, его евангелія—своимъ завѣтомъ, и его жизни—образцомъ. Онъ одинъ отворяетъ двери неба и затворяетъ двери ада. Горе государствамъ, которыя не живутъ имъ. Скоро раздастся шумъ ихъ паденія!»

Г-жа Крюднеръ все больше и больше вдавалась въ рели-

¹⁾ Вотъ для образчика отрывокъ изъ ея посланія къ Берггейму: «Я возвѣстила по приказанію Господа великія бѣдствія, которыя скоро распространятся на всю Европу. Тысячи свидѣтелей скажутъ вамъ, что я возвѣстила ихъ во многихъ странахъ, и что предсказаніе оправдалось бѣдствіемъ. Послѣ сказаннаго, я полагаю, вы не усумнитесь, что живя въ вашей странѣ я не имѣла никакого *человѣческаго* плана, нивакой *человѣческой* цѣли»!!

гошую фантастику. Она сблизилась съ религіознымъ движеніемъ «возрожденныхъ» баварскихъ и рейнскихъ, и съ великимъ уваженіемъ говорить объ его представителяхъ ¹⁾. Съ другой стороны она изучала мистическую литературу (въ Люцернѣ въ проповѣди къ студентамъ теологіи она подробно говорила о Таурерѣ), которая должна была произвести на нее свое обычное дѣйствіе. Прежніе задатки ея мечтательности развились до необычайной степени, странной или даже просто смѣшной. Убѣжденная, что Господь прямо открываетъ ей будущее, она была вообще убѣждена, что жизнь ея устраивается по непосредственному вожденію Промысла, который заботится даже о всѣхъ мелочахъ ея житейской практики: онъ приводитъ къ ней людей, съ которыми она знакомится; онъ говоритъ ей, когда и куда ей надо ѣхать; онъ указываетъ ей, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Жизнь идетъ среди постоянныхъ видѣній, чудесъ и откровеній. «Мы не кончили бы, — пишетъ она въ одному духовному другу, — если бы захотѣли рассказывать множество видѣній и чудесъ, которыя стали очевидны, и изъ которыхъ многія не могли быть опубликованы по недостатку времени или по невниманію. Многія изъ этихъ видѣній относились къ моей миссии и ко временамъ, въ которыя мы имѣемъ счастье жить», и проч. Господь бралъ наконецъ заботу и о денежныхъ дѣлахъ г-жи Крюднеръ. Въ своихъ письмахъ она много разъ упоминаетъ объ этомъ и любитъ рассказывать, что она не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, что тратитъ все, что есть, не заботясь о томъ, что на другой день въ домѣ не будетъ на что сдѣлать обѣда. Напр. въ Парижѣ, по отѣздѣ императора Александра, «Господь открылъ» имъ, что они должны остаться тамъ нѣсколько времени; вскорѣ оказалось, что у нихъ не было вовсе денегъ. «Завтра я не буду готовить обѣда», доложила кухарка. «Ну, такъ мы не будемъ завтра обѣдать», сказалъ Эмпейтазъ. Но Господь позаботился о нихъ; на другой день пріѣхалъ банкиръ изъ Карлсруэ и привезъ г-жѣ Крюднеръ пять тысячъ франковъ. «Мы всегда такъ дѣлаемъ», замѣчаетъ г-жа Крюднеръ. Въ крайнемъ случаѣ г-жа Крюднеръ обратится къ Господу, и непременно является банкиръ, или услужливый за-

¹⁾ Напр. «Я охотно поговорила бы съ профессоромъ Зейлеромъ, когда онъ проѣзжалъ здѣсь, но Господь все управитъ по своей волѣ, когда будетъ время. Я полагаю, что *это свиданіе было бы важно* (!). Великій и любезный другъ Воозъ очаровалъ меня. Преслѣдованія — печать его ученія, основаннаго на истинѣ, и доказательство его христіанства. Скоро онъ будетъ поставленъ въ широкій кругъ дѣятельности. Господь, въ своемъ милосердіи, нѣсколько времени назадъ *ясно открылъ* мнѣ это. Будьте спокойны на его счетъ» etc. (!!).

нмодавецъ, предлагающій деньги. Г-жа Крюднеръ не принимала только въ соображеніе, что кромѣ Промысла ей помогали лифляндскія помѣстья, изъ которыхъ банкиру присылали для нея деньги.

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться подробно на дальнѣйшихъ походахъ г-жи Крюднеръ, и мы отмѣтимъ нѣкоторые частности для біографической связи.

Въ началѣ 1817 года, г-жа Крюднеръ получила приказаніе выѣхать изъ базельскаго кантона; въ то же время она должна была избѣгать и баденской полиціи; ея друзья подверглись аресту и должны были покинуть Гернлейнъ. На нѣкоторое время она такимъ образомъ была разлучена съ Эмпейтазомъ и Берггеймомъ. Первый изъ нихъ озабочивался при этомъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что г-жа Крюднеръ осталась безъ поддержки подъ влияніемъ находившагося при ней Келльнера, крайняго мистика. «Съ тѣхъ поръ — рассказываетъ біографъ въ своемъ изысканно-піетистическомъ стилѣ — какъ она увидѣла божію десницу въ столь чудесномъ исполненіи ея молитвъ, она неутомимо совершала, зрѣніемъ вѣры, обширные горизонты того невидимаго міра, съ которымъ она была въ сношеніяхъ: она имѣла сильную склонность къ разсказамъ о снахъ, видѣніяхъ и предчувствіяхъ, какіе передавали ей люди всякаго рода. Келльнеръ не только не умѣрялъ ее въ этихъ влеченіяхъ, но кажется поощрялъ ее еще больше. Его воображеніе безъ устали искало въ этихъ откровеніяхъ мистическаго смысла, часто весьма назидательнаго и поучительнаго, не замѣчая, что г-жа Крюднеръ, истощенная постомъ и жившая въ состояніи постоянного возбужденія — результата всякаго рода утомленій, выносимыхъ ею такъ долго — всего больше нуждалась въ тишинѣ и спокойствіи. Келльнеръ принялъ ученія Якова Бема и питался его мечтаніями. Къ несчастію, онъ присоединялъ къ этому великое удивленіе къ г-жѣ Крюднеръ, и въ своихъ видѣніяхъ всегда приписывалъ ей важную роль, и такимъ образомъ приводилъ ее къ тому, что она, сама того не желая, слишкомъ занята была сама собой, подъ предлогомъ того, что обращала свой взглядъ на будущее».

Въ это же время Келльнеръ издалъ брошюру, подъ названіемъ: «Къ бѣднымъ», которая способна была оправдать опасенія властей. Разсказавши о концѣ ихъ миссіи, превращенной силою, Келльнеръ увѣщевалъ бѣдныхъ къ исправленію, указывалъ имъ божію казнь въ тѣхъ несчастіяхъ, которыя постигали ихъ и ихъ страну; указывалъ притѣсненія, которымъ они подвергаются въ своей родинѣ, гдѣ «законы человѣческіе противны

запованъ божественнымъ», и наконецъ извѣщалъ ихъ, что «Господь, вашъ Богъ, приготовилъ уже вамъ новое отечество, выбравши для этого человѣка, который долженъ вести божій народъ во имя Господа». Онъ убѣждалъ ихъ эмигрировать.

Биографъ извиняетъ воззваніе Кельнера тѣмъ, что ему было извѣстно, что императоръ Александръ открывалъ въ южной Россіи край для колонизаціи нѣмецкой и швейцарской. Но брошюра была не въ этомъ одномъ, и филиппики противъ «человѣческихъ законовъ» имѣли не одинъ религіозно-аскетическій смыслъ. Черезъ нѣсколько дней затѣмъ Кельнеръ издалъ «Газету Бѣдныхъ», которую бѣдные получали даромъ и которая была написана въ томъ же смыслѣ; единственный появившійся нумеръ вышелъ въ маѣ 1817 года.

Биографъ умалчиваетъ о томъ, въ какомъ отношеніи стояла г-жа Крюднеръ къ этимъ публикаціямъ, но отношеніе было вѣроятно самое близкое. Въ то время ихъ даже прямо приписывали г-жѣ Крюднеръ, и газеты съ ожесточеніемъ напали на нее: самъ Бональдъ, авторитетъ мистическаго ультрамонтанства, написалъ противъ г-жи Крюднеръ язвительную статью, на которую отвѣчалъ въ ея защиту Бенжаменъ Констанъ.

Еще въ апрѣлѣ, г-жа Крюднеръ также получила приказаніе оставить Гёрнлейнъ, куда она явилась изъ Унтергольца. Начались ея свитанія съ одного мѣста на другое: толпы бѣдныхъ тотчасъ собирались вокругъ нея при ея появленіи, и ее приглашали удалиться; въ новомъ мѣстѣ тоже самое. Такъ удалили ее изъ Вармбаха, изъ Рейнфельда, Мунгца, изъ кантона Аарау, Золотурна. Въ Люцернѣ приняли ее весьма благосклонно, газеты называли ее «звѣздой нашей эпохи», восхваляли ея благочестіе, — хотя находили страннымъ составъ ея свиты. Духовенство здѣсь отнеслось къ ней съ сочувствіемъ, профессора семинаріи явились къ ней съ своими воспитанниками, и г-жа Крюднеръ, повсюду говорившая рѣчи, произнесла и имъ длинную аллюжію. Она изложила здѣсь свои мысли о свойствахъ истиннаго служителя алтаря: она возставала противъ обычныхъ формъ, въ каковыхъ существовала духовная профессія, утверждала, что священникомъ можетъ быть только тотъ, кого удостоитъ избрать самъ Богъ, кого онъ самъ воспитаетъ въ школѣ страданій, — это была конечно и защита ея собственнаго проповѣдничества, которымъ занималась также чуть не вся ея свита, состоявшая вовсе не изъ священниковъ. Это назначеніе свыше — о которомъ она говорила — должно было быть болѣе или менѣе сверхъестественное, каковымъ она считала и свое собственное. По словамъ ея — «священникъ *безъ чудесъ* не есть вовсе

священникъ, призванный Богомъ; какъ и вѣра *безъ чудесъ* перестаетъ быть христіанскою вѣрой».

Въ ея разговорахъ появлялся непосредственно и Священный Союзъ. Она говорила, что ея миссія заключается въ томъ, чтобы поселить въ сердцахъ братскій духъ Священнаго Союза и указать тѣмъ, кто его отвергаетъ, какія ждутъ ихъ за это страшныя осужденія.

Ея религія сводилась въ это время къ слѣдующимъ главнымъ чертамъ. Она проповѣдывала соединеніе христіанъ въ одну великую семью, связуемую поклоненіемъ Христу. Она не причисляла себя ни къ какой существующей церкви. Истинная церковь, по ея словамъ, была церковь первыхъ двухъ вѣковъ; съ третьяго вѣка эта церковь перестала существовать. Начало реформы, напр., усилія Гуса стремились именно къ восстановленію этой церкви (это замѣчаніе почти вполне вѣрно); но г-жа Крюднеръ тѣмъ не менѣе возставала противъ протестантства, какъ «хитраго дѣла сатаны», который внушилъ людямъ слишкомъ большую самоувѣренность и гордость дѣлами (вмѣсто одной слѣпой вѣры и полного самоуничиженія, какихъ требовала она). Въ наше время, это оставленіе истинной вѣры дошло до своего крайняго предѣла; необходимо должна воспослѣдовать страшная битва невѣрія (протестантство она въ концѣ концовъ также причисляла къ этому невѣрію) противъ вѣры. Все возвѣщаетъ объ этой битвѣ, и современники ея еще должны были быть свидѣтелями битвы. Французская революція была предисловіемъ къ ней....

Но и въ Люцернѣ дѣло кончилось неблагополучно. Люцернская газета, восхваляя г-жу Крюднеръ, превознесла ее насчетъ духовенства, которое сочло себя оскорбленнымъ и потребовало вмѣшательства полиціи. Такъ говоритъ біографъ, но вѣроятно это былъ не единственный поводъ. Такъ или иначе, полиція окружила ночью домъ, гдѣ жила г-жа Крюднеръ, и отвезла ее съ ея спутниками на границу кантона. Ей предложили выбрать дорогу на Базель или на Цюрихъ; она выбрала послѣднюю.

Здѣсь, съ половины 1817 г., начинается послѣдній актъ ея печальныхъ и вмѣстѣ странныхъ скитаній по Швейцаріи. Ея филантропія и пророческая репутація приводили къ ней множество голодныхъ бѣдняковъ и любопытныхъ: она раздавала пищу, проповѣдовала, а полиція торопилась сбыть ее съ рукъ, и наконецъ не выпускала уже ея изъ виду и жандармы стали вездѣ ея провожатыми, сдавая ее на руки одни другимъ.

Ее выслали изъ Цюриха; она прожила нѣсколько времени въ окрестностяхъ; отпразднись далѣе, она была выслана изъ

Тургау; въ Констанцѣ ее уже ожидалъ приказъ удалиться изъ городъ, ее не пускали въ Шафгаузенъ, Сентъ-Галленъ, и т. д. Этотъ край Швейцаріи, кажется, въ особенности былъ переполненъ жертвами голода, и г-жа Крюднеръ дѣйствительно съ упорной энергіей отдавалась своимъ филантропическимъ заботамъ, несмотря на всѣ придирки полиціи. Помощь ея, конечно, дѣйствительна не долго, но во всякомъ случаѣ эта сторона ея дѣятельности есть единственное, что можетъ примирять съ ея страннымъ проповѣдничествомъ.

Весь августъ 1817 г. прошелъ въ безпрестанныхъ переѣздахъ ея съ мѣста на мѣсто, потому что нигдѣ ей не позволяли оставаться долго, и жандармерія отправляла ее назадъ въ тѣ мѣста, откуда ее только-что выслали. Она попала, наконецъ, въ Рейнекъ, на южномъ краю Констанцскаго озера, на австрійскую границу; но австрійская полиція, которой ее выдавали, отказалась пустить ее въ австрійскія владѣнія, и г-жѣ Крюднеръ пришлось вновь скитаться по сѣверной Швейцаріи, иногда разлучаясь съ своими спутниками. Въ началѣ сентября она попала въ Вальдсгутъ, откуда, наконецъ, выѣхала въ баденскія владѣнія. Въ это время ей пришлось разстаться съ Лашеналемъ, который до сихъ поръ сопутствовалъ ей и дѣлилъ съ ней заботы о голодающихъ. По требованію базельскихъ властей онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Базель; черезъ нѣсколько дней родственники г-жи Лашеналь вытребовали и ее: они распространили слухъ, что мужъ и жена. оба сумасшедшіе.

Изъ Вальдсгута г-жа Крюднеръ перевезена была жандармами черезъ Кольмаръ и Ней-Бризахъ въ Фрейбургъ (in Breisgau), гдѣ она могла остановиться на нѣсколько дней и должна была ждать рѣшенія своей судьбы. Великій герцогъ баденскій отдалъ приказъ, разлучавшій ее съ ея спутниками: только дочь ея, г-жа Беркгеймъ, и Кельнеръ получили разрѣшеніе отправиться съ ней въ Россію; другіе должны были возвратиться на родину. Эмпейтаза звали въ Женеву его друзья; ему было также предложено — какъ говоритъ біографъ — со стороны императора Александра, мѣсто проповѣдника въ Петербургѣ, но опасенія русскаго климата и приглашенія друзей заставили его предпочесть Женеву. Онъ поступилъ конечно благоразумно. Около этого же времени приглашались въ Петербургъ Линдль и Госнеръ; ни тотъ, ни другой не могли остаться въ Россіи. Тоже грозило и ему.

Баденская полиція передала г-жу Крюднеръ виртембергской, эта — баварской, баварская — саксонской. Въ Веймарѣ она встрѣтилась съ г-жей Стурдзой; въ Саксоніи ей разрѣшено было остановиться на нѣсколько дней въ Ней-Дитендорфѣ, и наконецъ въ

Лейпцигѣ. Ей нуженъ былъ отдыхъ, потому что здоровье ея пострадало отъ утомленія и тревожной путешествія. Тѣмъ не менѣе она принимала много посѣтителей: полиція держала ее какъ бы подъ домашнимъ арестомъ и допускала къ ней только тѣхъ, кто имѣлъ особенное разрѣшеніе начальства.

Между тѣмъ начинали появляться недоумѣнія о причинѣ такихъ строгостей, и Гёрресь, извѣстный мистикъ, взялъ ее подъ свою защиту. Въ Лейпцигѣ между прочимъ посѣтилъ ее ученый профессоръ Кругъ; онъ написалъ небольшое сочиненіе о Священномъ Союзѣ и желалъ увидѣть и сколько возможно изучить личность, которая имѣла къ этому союзу столь близкое отношеніе. Книжка Круга относилась къ г-жѣ Крюднеръ какъ холодное наблюденіе; упомянутый выше Паризо замѣчаетъ, что «эта брошюра навсегда уничтожила очарованіе, окружавшее сѣверную волшебницу», — для Эйнара этого было довольно, чтобы отнимать всякій авторитетъ у книжки Круга. Мы не имѣли ее въ рукахъ, но думаемъ, что вѣроятно въ ней было больше правды, чѣмъ желаетъ доказать Эйнаръ. Впрочемъ, мы упомянемъ дальше о другомъ подобномъ сочиненіи, которое даетъ намъ образчикъ мнѣній о г-жѣ Крюднеръ въ разсудительной части тогдашняго общества.

Въ Германіи, по словамъ біографа, г-жа Крюднеръ была поражена тѣми ложными представленіями, которыя были составлены на ея счетъ, и въ своихъ рѣчахъ, какія она все еще держала нерѣдко къ своимъ посѣтителямъ, она старалась защитить свои дѣйствія. Мы не будемъ приводить цитатъ, потому что намъ уже знакомы темы ея рѣчей и ея собственныя представленія о себѣ самой. Въ этихъ апологіяхъ она продолжаетъ выставять себя все той же привилегированной истолковательницей божіей воли: она попрежнему говоритъ о своихъ чудесахъ, какія дѣлала и какія съ ней дѣлались, предсказываетъ будущее и т. д.

Она желала провести зиму въ Дессау, по вмѣсто того повезли ее на Эйленбургъ, Бесковъ, Франкфуртъ-на-Одерѣ, Нейенбургъ. Въ Пруссіи ей давали вообще больше свободы, она опять имѣла многочисленныя собранія, говорила рѣчи, между прочимъ къ солдатамъ и офицерамъ и т. д.

Наконецъ она переступила русскую границу.

VII.

Въ Россіи. — 1818—1824.

Путешествіе въ Россію было невольное для г-жи Крюднеръ, но не должно было представлять для нея и особенной тягости. Она была до сихъ поръ преисполнена самыми восторженными чувствами къ императору Александру, который казался ей провозвѣстникомъ той новой жизни человѣчества, какую она сама проповѣдовала. Тѣмъ не менѣе въ Россіи дѣятельность ея въ прежнемъ смыслѣ прекратилась. Здѣсь она уже не держала открытыхъ собраній, не странствовала; она должна была ограничиться тѣснымъ кружкомъ друзей и знакомыхъ; ея уклоненія отъ обычая русской жизни были останавливаемы категорически, хотя можетъ быть и въ мягкихъ формахъ.

Биографъ рассказываетъ, что въ Митавѣ полиція встрѣтила ее придирчиво и неблагоклонно. Кельнера удалили отъ нея, и многія лица изъ ея свиты получили приказаніе вернуться назадъ. Остзейскій генераль-губернаторъ учредилъ за ней полицейскій надзоръ. Но это дѣлалось безъ вѣдома императора. По словамъ біографа, Александръ, узнавши объ этомъ, выразилъ сожалѣніе о такомъ способѣ дѣйствій; кн. Голицынъ написалъ успокоительное письмо къ г-жѣ Крюднеръ и потребовалъ возвращенія отосланныхъ ея спутниковъ.

Г-жа Крюднеръ поселилась въ Лифляндіи, сначала въ помѣстьѣ своего брата, и провела тамъ лѣто 1818 г. Братъ ея, Б. И. Фитингофъ, одинъ изъ директоровъ, а съ 1819 г. изъ вице-президентовъ петербургскаго библейскаго комитета, прожилъ съ ней нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одномъ письмѣ 1818 г., г-жа Крюднеръ писала: «Мой братъ пріѣхалъ сюда уже три мѣсяца назадъ; это прекрасный человѣкъ, и его благочестіе истинное и дѣятельное: онъ посылаетъ въ самую Сибирь религіозные трактаты для заключенныхъ.... Однажды мы молились вмѣстѣ въ слезахъ и пламенными молитвами».

Потомъ она переѣхала въ свое имѣнье, Коссе, гдѣ къ ней присоединились нѣкоторые изъ ея прежнихъ сотрудниковъ. Здѣсь она оставалась, кажется, до 1821 г. Мы сказали, что у нея уже не было теперь такой обширной и шумной дѣятельности, но ея мистическое развитіе продолжалось и дошло здѣсь до своихъ крайнихъ предѣловъ. Для характеристики ея состоянія довольно привести нѣсколько подробностей.

Она продолжала оставаться въ пророческомъ настроеніи. Въ

1818 г. она писала: «Востокъ открывается; бѣдствія приближаются ко всей Европѣ, и къ этимъ странамъ также». По обыкновенію, она выбирала какой-нибудь будущій пунктъ времени, и примѣняла къ нему свои прорицанія. Прежде, это былъ 1815, потомъ 1816 г. («1816 sera bien remarquable»), теперь назначенъ былъ январь 1819 г. (въ который на дѣлѣ ничего особеннаго не произошло, къ чему бы можно было какъ-нибудь привязать сдѣланное пророчество). Потребность высказываться, которой она удовлетворяла прежде своими рѣчами, теперь удовлетворялась перенискою и—религіозной поэзіей. Г-жа Крюднеръ писала религіозные гимны крайне мистическаго характера, гдѣ нашли мѣсто и ея предвѣщанія, восторженныя изліянія и—какія то угрозы.

—Когда я возвѣщала союзъ благодати, когда я обнародовала манифестъ пари царей, земныя узы тяготѣли на моихъ путяхъ, пари меня преслѣдовали, но вѣра моя осталась тверда.

—*И вѣрю твердо; кто можетъ еще остановить меня? Дайте мнѣ крестъ, грозящій тронамъ.* Любовь покоряетъ земныя власти; и мой Спаситель со мною въ битвахъ».

Когда г-жа Крюднеръ была еще въ Германіи, ея зять, Бергеймъ, отправился въ Петербургъ, гдѣ онъ хлопоталъ объ устройствѣ переселенія швейцарцевъ въ южную Россію. Теперь онъ съ женой поѣхалъ въ Швейцарію по этому дѣлу, которое чрезвычайно занимало и г-жу Крюднеръ: она желала, чтобы это переселеніе имѣло въ себѣ «меньше человѣческаго», а больше небеснаго. Самъ Бергеймъ приобрѣлъ въ эту поѣздку новое усовершенствованіе въ этомъ послѣднемъ родѣ. Онъ и его жена, дочь г-жи Крюднеръ, завязали тѣсныя отношенія съ марезомъ Лангаллери, который еще въ молодости обращенъ былъ, въ Лозаннѣ, знаменитымъ мистикомъ Дютуа-Мамбрини (онъ умеръ въ 1790-хъ годахъ), и послѣ него остался руководителемъ его учениковъ. Этотъ мистицизмъ имѣлъ католическій оттѣнокъ, по особенному поклоненію Богоматери, которое въ послѣдніе годы является и у г-жи Крюднеръ. Въ одно время съ этой живой традиціей Дютуа, въ русской мистической литературѣ появился переводъ его «Божественной философіи», сдѣланный Карнѣевымъ (1818). Лангаллери полнѣе посвятилъ Бергейма и въ творенія г-жи Гюйонъ, вліяніе которыхъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше обнаруживается въ кружкѣ г-жи Крюднеръ. Мы позволимъ себѣ по поводу г-жи Гюйонъ небольшое отступленіе.

Г-жа Гюйонъ, одинъ изъ авторитетовъ у крайнихъ мистиковъ, между прочимъ у русскихъ, знаменита какъ представительница такъ-называемаго квіетизма. Подъ этимъ именемъ разу-

гѣмъ, въ концѣ XVII-го столѣтія, тотъ разрядъ мистицизма, который, не удовлетворяясь церковными формами религіи (какъ это большей частью бывало въ мистическихъ сектахъ), представлялъ религію какъ полное самоотрицаніе и покой души, погружающейся въ Богѣ и живущей однимъ этимъ чувствомъ. Первымъ писателемъ, изложившимъ теоретическія основанія этого ученія, былъ испанецъ Михаилъ Молинось. Его «Духовный путешественникъ» былъ осужденъ папой, самъ Молинось вынужденъ былъ отречься отъ своего ученія и заключенъ былъ въ монастырь; но квіетизмъ, опровергаемый иезуитами и не принимаемый также и янсенистами, сталъ, однако, находить много послѣдователей, между прочимъ и между нѣмецкими піэтистами (Франке и Арнольдъ перевели много сочиненій этого рода на нѣмецкій языкъ). Гораздо болѣе, чѣмъ самъ Молинось, были знамениты г-жа Гюйонъ и г-жа Буриньонъ, въ особенности первая, какъ ревностныя послѣдовательницы квіетизма, который они проповѣдовали въ своихъ сочиненіяхъ и вполнѣ примѣняли въ жизни. Знаменитымъ приверженцемъ г-жи Гюйонъ былъ архіепископъ камбрейскій, Фенелонъ, съ которымъ по этому случаю вступилъ въ споръ Боссюэтъ; онъ донесъ на Фенелона королю, который предоставилъ дѣло на рѣшеніе папѣ. Ученіе Фенелона было осуждено папой, который нашелъ въ немъ 23 положенія, если не прямо еретическія, то неодобрительныя. Фенелонъ подчинился папскому рѣшенію. Приводимъ здѣсь эти подробности, потому что этотъ споръ Фенелона и Боссюэта былъ вспомануть и въ нашемъ библейскомъ мистицизмѣ: въ другомъ мѣстѣ мы упоминали, что однимъ изъ важныхъ обвиненій противъ книги Станевича, осужденной въ 1818 г., кн. Голицынъ поставилъ то, что Станевичъ нападалъ на Фенелона, и восхвалялъ Боссюэта¹⁾.

Въ одномъ изъ 68-ми положеній Молиноса, осужденныхъ папой, находится слѣдующій принципъ квіетизма: «Человѣкъ долженъ уничтожать свои силы; а душа уничтожается тѣмъ, что она остается безъ дѣйствія. И если душа достигнетъ до мистической смерти, то, возвратившись этимъ путемъ къ своей основной причинѣ, къ своему началу, къ Богу, она уже не можетъ болѣе хотѣть ничего иного, кромѣ того, чего хочетъ Богъ». Г-жа Гюйонъ именно проводила этотъ принципъ на практикѣ. Женщина не безъ таланта и остроумія, плодовитая писательница, она провела странную жизнь въ служеніи этому принципу. Съ дѣтства болѣзненная, она отличалась экзальтированной религіозностью, жила потомъ нѣсколько времени въ неудачномъ

¹⁾ Ср. В. Евр. 1868.

браѣ, который опять возвратилъ ее въ мистическому настроенію; это настроеніе перешло мало-по-малу въ полный квіетизмъ, самоуничтоженіе, дошедшее, наконецъ, до невѣроятныхъ размѣровъ. Она всѣми силами стремилась къ тому, чтобы уничтожить въ себѣ все земное и человѣческое, чтобы погружаться въ свой первоначальный источникъ, въ Бога; ее учили, что душа только тогда переходитъ въ Бога, когда освобождается отъ всего, что привязываетъ ее къ самой себѣ или къ другимъ созданіямъ. Она заставляла себя дѣлать все, что только можетъ быть противнаго тѣлесной природѣ человѣка, съ намѣреніемъ подвергала себя всякимъ лишеніямъ, принимала самую отвратительную пищу и т. д. Она налагала на себя всевозможныя аскетическія самоистязанія, которыя, наконецъ, доводили ее до экстазовъ, до «погруженія въ божественную любовь», близкаго къ безумію. Путемъ этого самоуничтоженія она достигла, наконецъ, мистическаго совершенства: она имѣла видѣнія, откровенія, мистическіе восторги, совершала чудеса. Во время одной болѣзни она узнала языкъ ангеловъ; въ одномъ откровеніи она видѣла себя той женщиной, облеченной въ солнце, стоящей ногами на лунѣ и увѣнчанной двѣнадцатю звѣздами, — о которой говоритъ Апокалипсисъ; ей было также открыто, что она произведетъ миллионы духовныхъ дѣтей, что дьяволъ будетъ преслѣдовать ихъ вмѣстѣ съ нею, но ничего не успѣетъ съ ними сдѣлать. Она и дѣйствительно подверглась преслѣдованіямъ; какъ опасная сумасшедшая, она была заключена въ монастырь, потомъ была освобождена и нѣсколько лѣтъ играла роль проповѣдницы и пророчицы, затѣмъ еще разъ была заключена въ Венсеннъ. Несмотря на всѣ удивительныя истязанія, какія она производила надъ собой, она достигла весьма преклонныхъ лѣтъ, и умерла въ 1717 г. ¹⁾

Возвращаемся къ г-жѣ Крюднеръ. Намъ случилось уже указать выше проявленія подобнаго квіетизма и у нея. Въ 1817 г., въ бесѣдѣ съ однимъ духовнымъ посѣтителемъ, записавшимъ разговоръ, она между прочимъ говорила: «Черезъ сколько смертей нужно было пройти мнѣ, чтобы достигнуть жизни, жизни въ Тебѣ, Господь! Какъ многое нужно мнѣ было сначала *уничтожить!* Свѣтъ, знанія, таланты, науки, тщеславіе, гордость, собственную волю! Эту послѣднюю въ особенности надо было уничтожить во всемъ совершенно! Я страшно страдала», и проч.

¹⁾ Ср. F. Chr. Baur, Gesch. der christlichen Kirche, IV Bd. Tüb. 1863, стр. 262—264; также Heinroth, Gesch. und Kritik des Mysticismus. Ein Beitrag zur Seelenheilkunde, Leipz. 1830, стр. 460—470. Сочиненія ея отчасти переведены и на русскій языкъ; они очень уважались у мистиковъ, между прочимъ и новиковской школы.

Она не одинъ разъ возвращается къ этой темѣ, уничижаетъ всѣ мірскія достоинства и таланты, какія за ней признавали или она сама признавала; налагаетъ на себя аскетическія испытанія, живетъ въ хижинѣ, постится. Теперь эти аскетическія вѣщности развиваются въ ней все больше и больше; вмѣстѣ съ тѣмъ мистицизмъ становится все болѣе туманнымъ и стран-нымъ. Бесѣды съ Берггеймомъ и Кельнеромъ, которые оба пользовались большимъ ея уваженіемъ, еще больше утверждали ее на этой дорогѣ.

«Въ четвергъ, 6-го мая (1820), въ день Вознесенія, вече-ромъ, — пишетъ Берггеймъ въ письмѣ къ кому-то, — между 11 и 12 часами ночи, г-жа Крюднеръ молилась на садовой тер-расѣ: ей было дано сдѣлать необыкновенную молитву, духа ко-торой не могутъ изобразить слова. Она, казалось, взлетѣла къ небесамъ, чтобы любить и превратиться въ лучъ свѣта. Она бросилась въ мученичество любви, призывала небесный Іеруса-лимъ, св. Дѣву и всѣхъ святыхъ сойти съ небесъ, чтобы при-вести къ ней души, въ сердце которыхъ она могла бы излить потоки любви, наполняющіе ея сердце» и т. д.

Стиль, совершенно напоминающій г-жу Гюйонъ.

Въ томъ же письмѣ Берггеймъ рассказываетъ, что г-жа Крюднеръ давно чувствовала, что для довершенія ея «миссіи» ей нужно публично исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ. «Она сдѣ-лала это, молясь съ латышами; подвигнутая божіимъ духомъ, она исповѣдала свои грѣхи, и приняла исповѣдь этихъ людей — — Въ садахъ Коссе устроился живой конфессіональ; изъ него истекаютъ потоки благодати — — Господь ниспосылаетъ по молит-вамъ татап и Кельнера чудесныя исцѣленія — — Кельнеръ находится въ глубочайшемъ внутреннемъ спокойствіи; онъ со-вершенствуется, по г-жѣ Гюйонъ» и проч. Дальше мы увидимъ, до чего довели они это усовершенствованіе.

Между тѣмъ г-жа Крюднеръ просила разрѣшенія отпра-виться къ дочери въ Петербургъ, гдѣ Берггеймъ занялъ, между тѣмъ, мѣсто у кн. А. Н. Голицына, по министерству народнаго просвѣщенія. Императоръ Александръ находился на конгрессѣ въ Троппау. Отвѣтъ былъ полученъ благопріятный, и г-жа Крюднеръ въ началѣ 1821 отправилась въ Петербургъ. Въ пе-тербургскомъ обществѣ она уже имѣла готовыя связи; Берг-геймъ и баронъ Фитингофъ были до извѣстной степени ея пред-ставителями; г-жа Берггеймъ находилась еще прежде въ тѣс-ныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ кн. Анной Голицыной, кото-рая познакомилась потомъ и съ г-жей Крюднеръ и уже про-сила отъ нея духовнаго руководства; съ кн. А. Н. Голицы-

нымъ г-жа Крюднеръ имѣла сношенія. Въ русскихъ мемуарахъ и запискахъ о томъ времени, какіе теперь извѣстны, кажется не было никакихъ ближайшихъ свѣдѣній о той роли, которую играла въ петербургскомъ обществѣ г-жа Крюднеръ; мы припомнимъ только, что впослѣдствіи архимандритъ Фотій, въ своихъ доносахъ имп. Александру, ставитъ г-жу Крюднеръ въ число злѣйшихъ враговъ православія и престола. По словамъ французскаго біографа, который имѣлъ свѣдѣнія и отъ русскихъ знакомыхъ и друзей г-жи Крюднеръ, между прочимъ отъ А. И. Тургенева и Стурдзы, — г-жа Крюднеръ «по пріѣздѣ въ Петербургъ, снова сдѣлалась предметомъ живого интереса. Русское общество.... собиралось къ кн. Голицыной, чтобы видѣть и слышать г-жу Крюднеръ: богатые и бѣдные, военные и статскіе, аристократы и ремесленники отправлялись туда съ жаждою слышать ея увѣщанія и остереженія, серьезность которыхъ соответствовала потребности слушателей въ ощущеніяхъ. Въ этой толпѣ было и нѣсколько членовъ мистическихъ обществъ, образовавшихся въ послѣдніе годы царствованія Екатерины»¹⁾. Пріятельница г-жи Крюднеръ, кн. Анна Серг. Голицына, кажется, приходилась племянницей кн. А. Н. Голицыну, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. По дружбѣ съ этой кн. Голицыной, которую снабжала мистическими назиданіями, по прежнимъ и новымъ связямъ съ кн. Голицынымъ, г-жа Крюднеръ стояла въ центрѣ петербургскаго мистицизма²⁾. Мистицизмъ былъ тогда въ полной силѣ. Императоръ Александръ сохранялъ свои надежды на распространеніе чистаго христіанства между народами, покровительствовалъ мистической школѣ и благопріятно смотрѣлъ на ту пеструю смѣсь разныхъ видовъ религіозной экзальтаціи, какіе появились тогда въ обществѣ. Незадолго передъ пріѣздомъ г-жи Крюднеръ вызваны были иностранные проповѣдники изъ школы «возрожденныхъ»; г-жа Крюднеръ, во многомъ очень близкая къ «возрожденнымъ», могла встрѣтить публику, уже приготовленную къ проповѣди ея особеннаго христіанства.

¹⁾ Описывая вслѣдъ за этимъ тогдашнее настроеніе императора и состояніе религіозныхъ интересовъ въ русскомъ обществѣ, біографъ говоритъ о библейскомъ обществѣ, о его паденіи, и замѣчаетъ, что это случилось «незадолго до пріѣзда г-жи Крюднеръ» въ Петербургъ; это конечно ошибка. Нѣсколько замѣтокъ о жизни г-жи Крюднеръ въ Петербургѣ находится у Фарнгагена; «Blätter aus der preuss. Geschichte», I, 317; II, 23.

²⁾ О кн. А. С. Голицыной, см. Надгробное Слово кн. А. Н. Голицыну, Стурдзы, стр. 19. Впослѣдствіи, живъ въ крымской колоніи Корсейсъ, она устраивала для А. Н. Голицына его замокъ въ Гаспрѣ (Александріи), гдѣ онъ прожилъ послѣднее время своей жизни.

Но отношенія ея къ императору Александру, охладѣвшія уже скоро послѣ 1815 г., теперь нисколько не поправились. Напротивъ, охлажденіе усилилось новыми причинами.

Эйнарь, который вообще старается доказать, что императоръ былъ и послѣ 1815 г., по прежнему расположенъ къ г-жѣ Крюднеръ, но только скрывалъ свое расположеніе, — Эйнарь здѣсь призывается, что уже въ то время, когда императоръ только-что возвратился изъ Парижа, это охлажденіе было замѣтно. Когда одна пріятельница г-жи Крюднеръ спросила о ней императора, онъ сказалъ: «я боюсь, что она попала на дурную дорогу».

Сначала появленіе Фонтаня въ Парижѣ, потомъ раппенгофскій скандалъ, наконецъ швейцарскія приключенія г-жи Крюднеръ естественно должны были возбуждать подозрительность и недовѣрчивость императора Александра. Русскій посланникъ въ Швейцаріи былъ сынъ г-жи Крюднеръ, и императоръ деликатно не спрашивалъ у него свѣдѣній объ ея дѣйствіяхъ; между тѣмъ все больше распространялась молва объ ея странныхъ приключеніяхъ въ Баденѣ и Швейцаріи, гдѣ она между прочимъ дѣлала компрометирующія ссылки на Священный Союзъ. При появленіи упомянутой брошюры Круга, императоръ, непріятно пораженный тѣмъ, какъ г-жа Крюднеръ говорила о Священномъ Союзѣ, потребовалъ у князя Репнина, русскаго посланника въ Саксоніи, свѣдѣній о Кругѣ: эти свѣдѣнія — говорить Эйнарь — оказались вообще благопріятны для нравственнаго характера Круга, но не для его деликатности и благоразумія: «императоръ понялъ, какъ тяжело было это злоупотребленіе довѣрія, жертвой котораго стала г-жа Крюднеръ». Можетъ быть; хотя едва-ли злоупотребленіе было, потому что г-жа Крюднеръ излагала свои мнѣнія совершенно публично, ея рѣчи о Священномъ Союзѣ передапы были въ печать не однимъ Кругомъ. Какъ бы то ни было, императоръ показывалъ явно, что не принимаетъ солидарности съ ея идеями. Теперь онъ могъ еще опасаться, что г-жа Крюднеръ своими проповѣдями и пророчествами о будущемъ царствѣ усилитъ броженіе умовъ, разхѣры котораго въ Россіи Александръ вообще такъ преувеличивалъ, и будетъ производить толки, несовмѣстные съ принятой имъ теперь политической системой.

До нѣкоторой степени это такъ и случилось. Фантазіи г-жи Крюднеръ обратились теперь на греческій вопросъ. Она давно пророчила, что «появятся турки», что будетъ великая война, и т. п. Теперь ей вообразилось, что эта война и будетъ именно война за освобожденіе Греціи. Еще живя въ Лифляндіи, она дѣлала свободу Греціи предметомъ своихъ мистико-пророческихъ

гимновъ; теперь она стала проповѣдовать объ этомъ въ гостиныхъ. Эйнарь замѣчаетъ, что она «теряла отчасти самообладаніе и умѣренность выраженій», и понятно, что когда она, со свойственнымъ ей шумомъ фразеологии, объявляла, что императоръ Александръ и есть именно орудіе, выбранное Богомъ для восстановленія Греціи, это назойливое пристаиванье должно было очень не понравиться императору особенно тогда. Запуганный революціями, Александръ представлялъ теперь задачу Священнаго Союза именно въ подавленіи всякихъ революціонныхъ движеній, стремившихся, по его мнѣнію, къ низверженію «алтарей и престоловъ»; его убѣдили или самъ онъ былъ убѣжденъ, что долгъ Священнаго Союза подавить между прочимъ и греческое движеніе, хотя оно направлялось не противъ христіанскаго, а противъ турецкаго алтаря и престола. Священный Союзъ сталъ защищать магометанскій алтарь и престолъ.

Императоръ конечно узналъ, съ какимъ жаромъ г-жа Крюднеръ проповѣдовала освобожденіе грековъ и возставала на равнодушіе къ ихъ судьбѣ; онъ былъ этимъ недоволенъ тѣмъ болѣе, что и безъ того въ русскомъ обществѣ были мнѣнія, что Россія обязана защищать своихъ единовѣрцевъ, и Александру не пріятно было признать справедливость интереса, котораго не хотѣла признавать его дипломатія. Наконецъ Александръ рѣшился остановить г-жу Крюднеръ, и сдѣлалъ это въ довольно мягкой формѣ. По словамъ Эйнара, онъ написалъ ей письмо на восьми страницахъ, гдѣ изложилъ свои мысли, указалъ трудность удовлетворенія стремленіямъ грековъ, свое желаніе исполнить божію волю, которой онъ еще не видитъ; свое опасеніе попасть на ложный путь и благопріятствовать «тѣмъ нововведеніямъ, которыя уже сдѣлали столько жертвъ и такъ мало счастливыхъ, но въ особенности принятое имъ на себя обязательство дѣйствовать за одно съ союзниками». Затѣмъ, говоритъ Эйнарь, онъ, «порицая ту свободу, съ которой она осуждала правительство и его дѣйствія, далъ ей понять, въ тонѣ друга, но друга, который *могъ бы говорить и инымъ языкомъ*, что ставя въ затрудненіе его министровъ и поселяя волненіе подлѣ трона, она нарушала свои обязанности какъ подданной и какъ христіанки, и что ея присутствіе въ столицѣ возможно только на условіи — хранить почтительное молчаніе объ образѣ дѣйствій, котораго онъ не могъ измѣнить по ея желаніямъ». Это письмо императоръ послалъ ей черезъ Александра Тургенева, который, по прочтеніи этого письма г-жей Крюднеръ, долженъ былъ взяти его назадъ. Г-жа Крюднеръ не могла выдержать принужденія

заболѣла и слегла, и въ концѣ 1821 г. воротилась въ Коссе.

Здѣсь она предалась опять исключительно благочестію и аскетической практикѣ съ Кельнеромъ. Въ зиму 1822 она слѣдуетъ слѣдующій аскетическій опытъ. «Кромѣ поста, которому она подвергала себя уже давно, она выносила въ комнатѣ, безъ вѣтя и безъ двойныхъ рамъ, температуру больше чѣмъ въ двадцать градусовъ ниже нуля по Реомюру, повидимому этого не замѣчая: такимъ образомъ она умерщвляла свою плоть и покоряла ее. Перенося всякія лишения, она этимъ высказывала только свою надежду и свое постоянное заявленіе, что ея жизнь и ея сердце — на небесахъ.... И дѣйствительно, душа ея была радостна и даже тѣло ея, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, повидимому безъ труда подчинялось режиму, который она на себя налагала».

Кельнеръ дѣлилъ съ ней эти опыты и уходилъ себя уже скоро. По словамъ Эйнара, его «зрѣлость для вѣчности поражала всѣхъ, кто его видѣлъ». Смерть его очень опечалила г-жу Крюднеръ; ея здоровье также разстроилось, она впала въ мрачное настроеніе и мучительный страхъ смерти; только послѣ одного видѣнія спокойствіе къ ней возвратилось. Болѣзнь ея была однако серьезна; ей предписано было провести зиму на вѣгѣ, и она приняла приглашеніе кн. Голицыной, которая звала ее, вмѣстѣ съ Беркгеймами, въ Крымъ, въ имѣнье княгини, гдѣ она хотѣла основать колонію. Весной 1824 г. они отправились въ дорогу; для избѣжанія трудностей путешествія, кн. Голицына рѣшилась отправиться по Волгѣ. Съ ними вмѣстѣ отправлялась и большая часть нѣмецкихъ переселенцевъ, которые должны были положить основаніе колоніи ¹⁾.

¹⁾ Вягель въ своихъ запискахъ (III, ч. VII, стр. 6—7) слѣдующимъ образомъ рассказываетъ объ обстоятельствахъ этого путешествія:

«Знаменитая г-жа Крюднеръ около этого времени испытала гоненія. Года три-четыре (?) она оставалась въ Петербургѣ, но ученіе свое мало успѣла распространить въ немъ. Подъ ея предсѣдательствомъ составилось только небольшое общество читателей. Главнымъ изъ нихъ и ей самой въ 1823 году посоветовали выѣхать изъ столицы (?). Въ числѣ ихъ была и моя любезная, устарѣвшая Александра Петровна Х-ва (Хвостова). Увѣдомляя меня о намѣреніи ихъ избрать мѣстопребываніе въ южную Россію, она требовала моего совѣта, и я предлагалъ ей Бессарабію.

«Въ отвѣтъ моимъ мнѣ вздумалось поэтизировать — въ блестящемъ видѣ представить волуденный берегъ Крыма, который я зналъ только по описаніямъ и по наслышкѣ. Письмо мое Х-ва представила на общее сужденіе дамскаго совѣта. Главною распорядительницей въ дѣлѣ переселенія была богатѣйшая изъ сихъ женщинъ, мужественная княгиня Анна Сергѣевна Г-на. Описаніе мое, какъ увѣдомляла меня Х-ва, воспламенило ея воображеніе: она начала бредить неприступными горами, стремни-

Г-жа Крюднеръ поправилась во время этого спокойнаго путешествія. Они остановились на нѣсколько времени въ Θεοδοіи и въ половинѣ сентября прибыли въ Карасубазаръ. Съ началомъ зимы болѣзнь г-жи Крюднеръ усилилась, и она умерла 25-го декабря 1824 г. Ея останки были положены въ армянской церкви въ Карасубазарѣ, и потомъ перенесены въ православную церковь, которую кн. Голицына выстроила въ основанной ею колоніи, Корейсѣ.

Г-жа Крюднеръ представляетъ конечно не одинъ только интересъ оригинальной личности; ея исторія есть черта цѣлаго времени; ея успѣхъ въ извѣстной части общества есть вмѣстѣ и характеристика этого общества. Чтобы доставить читателю болѣе ясное впечатлѣніе объ этой личности, то возбуждающей сочувствіе одними своими сторонами, то способной возбудить полнѣйшую антипатію другими, мы считаемъ неизлишнимъ прибавить къ біографіи отзывы современниковъ, всегда болѣе наглядные и живые. Мы выбираемъ изъ нихъ въ особенности двухъ, достаточно спокойныхъ и безпристрастныхъ. Эти свидѣтели не имѣли къ г-жѣ Крюднеръ ни того явнаго пристрастія, какимъ отличается ея панегиристъ Эйнаръ или даже Сень-Бевъ, ни вражды, какою она возбуждала потомъ, послѣ всѣхъ результатовъ мистическаго движенія, въ которомъ ей случилось играть роль, и которое сводилось къ злѣйшей реакціи. Эти непосредственныя наблюденія объясняютъ характеръ г-жи Крюднеръ, возможность и средства ея вліянія на умы и ея слабыя и непріятныя стороны, отталкивавшія отъ нея людей здравомыслящихъ. Эти отзывы современниковъ еще не подчинялись впечатлѣнію цѣлой исторической роли, которымъ руководится позднѣйшій историкъ; обращаясь къ нимъ, мы отвлекаемся отъ впе-

нами, шумными водопадами. Такъ какъ она всѣхъ на дорогу снабжала деньгами, то въ ванитулѣ имѣла первенствующій голосъ. Какъ леди Стенгопъ на Ливанѣ, она избрала красивое мѣсто надъ моремъ и начала тутъ строить церковь и домъ. Госпожа Крюднеръ, съ зятемъ и дочерью, поселилась пока въ маленькомъ городѣ, называемомъ Эски-Крымъ; но вскорѣ потомъ, въ 1824 году, переселилась въ вѣчность.

«За нею скоро послѣдовала привезенная княгиней Г-ой одна примѣчательная француженка. Она никогда не снимала лосиной фуфайки, которую носила на тѣлѣ, и требовала, чтобы въ ней и похоронили ее. Ея не послушались, и оказалось по розыскамъ, что жившая долго въ Петербургѣ подъ именемъ графини Г-ъ была сѣченая и клейменная Ламоттъ, столь извѣстная до революціи, которая играла главную роль въ позорномъ процессѣ о королевномъ ожерельѣ».

чатлѣнія послѣдняго результата въ выгодную или невыгодную сторону, и можемъ скорѣе попасть на правильную оцѣнку личности.

Г-жа Крюднеръ имѣла извѣстное литературное имя, когда вступила на свою новую дорогу; кромѣ того, она занимала видное мѣсто въ общественной жизни, — поэтому ея новая дѣятельность обратила на себя больше вниманія, чѣмъ было бы въ другомъ случаѣ; ея отношенія къ императору Александру въ тѣ самыя минуты, когда рѣшалась судьба Европы, еще усилили это вниманіе; проповѣдь ея въ Швейцаріи окончателно сдѣлала ее феноменомъ. По дорогѣ въ Россію она собирала цѣлыя толпы любопытныхъ; газеты сообщали объ ней новости, анекдоты, прославляли ее или смѣялись надъ ней. Въ числѣ любопытныхъ бывали и люди серьезные, для которыхъ г-жа Крюднеръ была общественнымъ явленіемъ, интереснымъ именно по своему общественно-политическому характеру. Лейпцигскій профессоръ Бругъ въ этихъ видахъ посѣтилъ ее въ Лейпцигѣ и публиковалъ потомъ свои наблюденія. Когда она была во Франкфуртѣ на-Одерѣ, съ той же цѣлью посѣтили ее тѣ два свидѣтеля, о которыхъ мы говорили. Это были консistorіальный совѣтникъ Бресціусъ и профессоръ (кажется, теологіи) Спикеръ. Книжка, тогда же ими издавая ¹⁾, представляетъ много несомнѣнно вѣрныхъ замѣчаній.

... «Г-жѣ Крюднеръ, съ виду, за шестьдесятъ лѣтъ, — рассказываетъ одинъ изъ этихъ наблюдателей; — она средняго роста, и черты ея, выражающія душевное спокойствіе и благочестивую покорность, еще сохраняютъ слѣды прежней красоты и граціи. Ея одежда не обнаруживаетъ никакого фантастическаго стремленія къ оригинальности, и только покрывало, въ которомъ она востоянно является, она кажется съ намѣреніемъ складывается по образцу знаменитаго изображенія мадонны. Она любитъ говорить, говорить много и если вѣтъ недостатка въ слушателяхъ, или если ее не прерываютъ вопросами, то говоритъ безъ перерыва; только иногда среди рѣчи она останавливается на нѣсколько мгновеній и поднимаетъ глаза къ небу или для того, какъ объясняетъ она сама, чтобы открыть свое сердце небесному вдохновенію, или потому, что въ массѣ мыслей теряетъ нить рѣчи, и чтобы найти эту нить, ей надо подумать. Ея рѣчь

¹⁾ Beiträge zu einer Charakteristik der Frau Baronesse von Krüdener, von dem Consistorialrathe Brescius und dem Professor D. Spieker zu Frankfurth a. d. O. Berlin, 1818.

проста и безпритязательна, въ высшей степени правильна изящна.... Вообще, она отличается той ловкостью, многостороннимъ внѣшнимъ образованіемъ, изяществомъ и тонкостью обращенія въ сношеніяхъ съ людьми всѣхъ классовъ общества, — качествами, которыя большей частью бываютъ принадлежностью только высшихъ классовъ;... въ моменты сильнаго внутренняго движенія она поэтому всегда остается въ самыхъ умѣренныхъ предѣлахъ приличія, насколько вообще принятая ею пророческая роль не противорѣчитъ женственности»...

Авторъ приписываетъ ей обширныя свѣдѣнія, но упрекаетъ ее, что она не признаетъ цѣны образованія, которое, по мнѣнію автора, именно и спасаетъ ее отъ крайностей, въ какія впадали Гюйонъ или Буриньонъ.

«Она проповѣдуетъ, напротивъ, полное повиновеніе установленнымъ законамъ; она требуетъ дѣйствительной, благочестиво добродѣтели, которая должна быть живѣйшимъ отраженіемъ нашей любви къ Богу и Христу; она не отрицаетъ высокаго достоинства церкви и ставитъ ее выше всякаго гражданскаго притязанія, но не признаетъ за ней никакой другой власти, кроме власти истины, неустрашимаго свободнаго исповѣданія, настоячиваго увѣщанія и наконецъ силы мученичества, всегда одерживающаго побѣду надъ гнетомъ насилія и произвола»...

Но, признавая достоинства Крюднеръ, авторъ не видитъ въ ней ничего необыкновеннаго; напротивъ, въ ея идеяхъ и дѣйствіяхъ есть слабыя и странныя стороны. «Она чувствуетъ себя проникнутой темнымъ чувствомъ идеала и высокимъ призваніемъ человѣка осуществлять въ мысляхъ и въ дѣлѣ идею безусловнаго добра, но у нея нѣтъ силы спокойной мужской разсудительности, — она любитъ Спасителя міра со всей безграничной преданностью своего пола, но почитаетъ его такимъ способомъ, каковаго онъ никогда не требовалъ и который, еслибы сталъ всеобщимъ, привелъ бы міръ къ забвенію Бога и къ старому язычеству. Спокойный наблюдатель не можетъ стать на ея точку зрѣнія и не найдетъ въ ея религіозныхъ мнѣніяхъ ни внутренне связи, ни послѣдовательности.» Она вѣритъ въ букву писанія, однакоже проповѣдуетъ о близкомъ второмъ пришествіи и конечномъ истребленіи ада, чего въ писаніи не говорится. Она во вѣщаетъ конецъ всѣхъ существующихъ формъ христіанскаго культа, и объявляетъ себя призванной начать эту великую катастрофу, — но ея религіозныя идеи представляютъ только смѣсь герригутерства съ греческимъ православіемъ и католичествомъ и ея собственный культъ не имѣетъ ничего оригинальнаго. у нея нѣтъ собственнаго творчества.

Съ паденіемъ Наполеона, ей казалось, палъ идолъ времени, въ которомъ во всемъ ужасѣ выразилось антихристовское начало; когда русскій императоръ сталъ основателемъ союза, въ которомъ она видѣла соединеніе самой просвѣщенной терпимости съ самой искренней религіозностью, и когда она сама была призвана къ содѣйствію въ заключеніи этого союза, тогда она увидѣла въ этомъ и свое собственное назначеніе. «Здѣсь — казалось — взошло настоящее солнце ея жизни, всѣ прежнія состоянія оказались только приготовленіями къ этому новому подвигу жизни, только черезъ него они получали свое значеніе, и здѣсь ея безпокойное стремленіе, ея безцѣльная дѣятельность нашли наконецъ полную опредѣленность въ рѣшеніи — стать во главѣ *миссіи священнаго союза* 1). Экзальтированное чувство и недостатокъ простого благоразумія не дали ей понять дѣйствительнаго положенія вещей, которыя стали представляться ей въ фантастическомъ свѣтѣ. Въ недостаткахъ общественной жизни и церкви она видѣла только неспособность челоуѣка уразумѣть истину безъ указаній высшаго свѣта; въ различныхъ физическихъ бѣдствіяхъ того времени она видѣла руку Провидѣнія, возбуждавшаго людей отъ невѣрія; ей казалось, что возвратились времена чудесъ, и такъ какъ себя она уже считала орудіемъ того же Провидѣнія, то чудеса, видѣнія, пророческіе сны стали у нея дѣломъ обыкновеннымъ... Указывая ошибки г-жи Крюднеръ, авторъ судить снисходительно объ ея увлеченіяхъ, исходящихъ изъ хорошаго источника, и хотя думаетъ, что она сама и ея почитатели были виной ея трудныхъ положеній, но считаетъ однако, что ея дѣятельность не пройдетъ безплодно, — какъ примѣръ силы христіанской любви...

«Эта женщина — говоритъ также въ своихъ воспоминаніяхъ Э. М. Арндтъ — не производила впечатлѣнія шарлатанства и обмана, а впечатлѣніе мечтательницы; у нея было страстное и сильное очарованіе восторженности, потому что она и была восторженная: она съ одинаковой ревностью проповѣдовала новое евангеліе бѣднымъ и богатымъ, императору и нищему» 2).

Другой авторъ книжки «Beiträge etc.» произноситъ свои сужденія опредѣлительнѣе и вмѣстѣ строже.

«Она говорила тепло и живо, изящнымъ и выработаннымъ языкомъ, нерѣдко съ убѣдительною искренностью, съ чувствомъ и достоинствомъ, и если не была утомлена продолжительностью

1) *Миссіей* г-жа Крюднеръ называла себя съ своей святой.

2) E. M. Arndt, *Erinnerungen aus dem äusseren Leben*, 3 Aufl. Leipz. 1842, стр. 250.

рѣчи, — съ истиннымъ краснорѣчіемъ. Она очень вредила себѣ тѣмъ, что не переставала говорить. Утомленная физически, она говорила много тривіального, пустого и вялаго, прибѣгала къ общимъ мѣстамъ и этимъ ослабляла живое впечатлѣніе рѣчи... 29-го января она говорила почти безъ всякихъ перерывовъ съ 9 часовъ утра до 11 часовъ вечера, притомъ передъ большимъ, постоянно смѣнявшимся собраніемъ.

«У нея нѣтъ собственной системы, и ея идеямъ недостаетъ ясности. Поэтому въ рѣчахъ ея нѣтъ никакой связи, и она быстро перескакиваетъ съ одного предмета на другой. Часто невозможно понять, какимъ образомъ умъ можетъ въ быстромъ теченіи рѣчи схватывать и связывать столь отдаленные предметы. Рядомъ съ самыми остроумными мыслями и выраженіями высокаго религіознаго чувства лежитъ часто цѣлая масса непонятной бессмыслицы. Когда трогательно и поразительно высказалось сердце, нерѣдко выступалъ холодный умъ съ самымъ тонкимъ остроуміемъ». Свои религіозныя чувства она высказывала съ большимъ достоинствомъ и силой. «Но затѣмъ, не безъ состраданія можно было слушать рассказы объ ея чудесахъ, объ ея пророческой силѣ, видѣніяхъ и ея высокомъ апостольскомъ призваніи. Эти была уже не благочестивая, смиренная христіанка, ... а заблудившаяся мечтательница, женщина, ослѣпленная тщеславіемъ»...

«Надъ священнымъ писаніемъ она часто дѣлала насиліе, произвольно влагала въ него свои идеи и религіозныя взгляды, и примѣняла къ себѣ многія мѣста изъ пророковъ (напр. Ис. 61, 1 — 3)...

«Ея утреннія и вечернія моленія были очень просты и составлены изъ обычаевъ греческой, католической и протестантской церкви. Ея спутники въ нѣсколько голосовъ пѣли нѣсколько строфъ въ тонѣ веселаго благочестія (einer heiteren Andacht), затѣмъ каждый становился на колѣни предъ стуломъ, и опускалъ голову, скрывая лицо въ платокъ. Литургъ (Келльнеръ) читалъ затѣмъ главу изъ евангелія и потомъ совершалъ молитву въ тонѣ трепета и сокрушенія, который дѣйствовалъ на первы чрезвычайно пугающимъ образомъ и у многихъ извлекалъ слезы. Это была исполненная боязни молитва къ Спасителю о помилованіи и милосердіи, о прощеніи грѣховъ и спасеніи бѣднаго, глубоко упавшаго человѣчества отъ проклятія и осужденія, иногда не безъ чувства и искренности. По окончаніи молитвы всѣ вставали, г-жа Крюднеръ являлась передъ собраніемъ и держала формальную проповѣдь».

Профессоръ Кругъ, о которомъ мы выше упоминали, судья вообще неблагоклонный къ г-жѣ Крюднеръ, признаетъ также, что ея рѣчи были дѣйствительно способны производить впечатлѣніе; но «литургъ», Келльнеръ, даже и людямъ, восторгавшимся г-жею Крюднеръ, не казался особенно назидателенъ, — хотя, какъ видно изъ послѣдняго приведеннаго отзыва, и могъ производить религиозный эффектъ своими приемами.

Авторъ приводитъ далѣе выдержки изъ проповѣдей Крюднеръ, дѣйствительно не лишенныя оригинальности и ума. Когда франкфуртскій профессоръ въ частныхъ разговорахъ высказывалъ ей свои недоумѣнія относительно различныхъ ея мнѣній, она умѣла ловко оспаривать возраженія, хотя защита ея была плохимъ геологическимъ аргументомъ. Женскія свойства ея ума обнаруживались въ неохотѣ къ строгой послѣдовательности, и капризныя фантазіи иногда забавно высказывали ея личное раздраженіе. Говоря въ своихъ проповѣдяхъ о томъ, какъ злой духъ съ ожесточеніемъ преслѣдуетъ ее за вѣру и преданность Христу, она потомъ въ разговорѣ дополняла, что дьяволъ имѣетъ самыхъ усердныхъ духовъ своихъ между жандармами, таможенными и полицейскими.

Тотъ же авторъ рассказываетъ и примѣры глубокаго, искренняго чувства. «Когда я однажды былъ у нея одинъ съ своимъ другомъ, она описывала швейцарскія бѣдствія такими живыми красками и съ такимъ сильнымъ сердечнымъ движеніемъ, что мы усильно просили ее не отягощать себя такими печальными воспоминаніями. Слезы текли у нея изъ глазъ...»

Объ императорѣ Александрѣ она говорила (1818) съ величайшимъ увлеченіемъ. Она восхваляла его великодушіе, человѣколюбіе и благочестіе. «Уже не далеко время, когда будетъ *одно* стадо и *одинъ* пастырь. Тотъ, отъ кого впервые вышла идея Священнаго Союза, есть великій и могущественный императоръ Сѣвера. Но это не его идея, а внушеніе Бога силою св. Духа. Этотъ духъ видимо покоится на немъ и руководитъ его во всѣхъ его предпріятіяхъ. Отъ него и черезъ него придетъ спасеніе міра, и взоры всѣхъ должны обратиться, съ жаждою спасенія, на Сѣверъ. Тамъ будетъ основанъ новый Иерусалимъ; туда странствуютъ бѣдные несчастные народы, не находящіе у себя на родинѣ пищи ни для души, ни для тѣла; туда *священная миссія* ¹⁾ отсылаетъ вѣрующую толпу, въ благочестивомъ нетерпѣннѣи ожидающую дня господня. Черезъ него произойдетъ побѣда надъ турками и об-

¹⁾ Т. е. г-жа Крюднеръ и ея свѣта.

ращеніе ихъ... Не бойтесь ничего отъ его могущества. О, я знаю его великое сердце; отъ него исходитъ только благословеніе и его рука никогда не поднимется на завоеваніе.... *Священная миссія* есть произведеніе Священнаго Союза; отъ него получаетъ она силу и внутренній характеръ. Духъ Божій покоится на ней, и всѣ проклятія, высказанныя противъ нея, превращаетъ въ благословенія», и пр.

Авторъ замѣтилъ, что не безъ состраданія можно было слушать рассказы ея о чудесахъ, какіе творила она сама, или какія совершало надъ ней Провидѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, она съ удивительнымъ самообольщеніемъ рассказывала множество исторій о томъ, какъ она девятью хлѣбами накормила тысячу триста человѣкъ, какъ своей молитвой отогнала толпу враговъ, окружавшихъ ея домъ, и т. п. Мы приводили выше рассказы о томъ, какъ Провидѣніе само устраивало ея денежные дѣла, присылало ей займодавцевъ и банкировъ, и т. п. Чудеса она видѣла повсюду; прочитывая въ ея проповѣдяхъ предвѣщанія о близкомъ второмъ пришествіи, мы переносимся въ настоящее средневѣковое суевѣріе. «Господь говорилъ теперь къ людямъ огнемъ и мечемъ, голодомъ и бѣдствіями, великими знаменіями и чудесами, и голосомъ ихъ собственнаго сердца. Землетрясенія и сильныя бури, пятна на солнцѣ и уродливыя рожденія (!) все возвѣщаетъ тяжкое время. Этими предзнаменованіями Богъ хочетъ предостеречь насъ и призвать къ покаянію». Надобно замѣтить притомъ, что это были вовсе не минутныя фантазіи въ пылу религіозной восторженности: «священная миссія» систематически держалась этихъ представленій и стремилась внушить ихъ массѣ. Такова была напр. та газета «для бѣдныхъ», которую, какъ мы упоминали, сталъ издавать Кельнеръ въ Швейцаріи. Кельнеръ завѣдывалъ вообще литературной частью миссіи и писалъ сочиненія въ защиту г-жи Крюднеръ¹⁾. Франкфуртскій профессоръ сообщаетъ объ этой газетѣ слѣдующія свѣдѣнія. «Въ Швейцаріи она (или Кельнеръ) стала издавать газету для бѣдныхъ, которая однако тотчасъ по выходѣ перваго нумера (онъ вышелъ 5 мая 1817) была запрещена,—и конечно справедливо: потому что уже въ этомъ первомъ номерѣ заключается цѣлая масса суевѣрій. Народъ долженъ былъ узнать изъ этой газеты, какимъ образомъ Богъ научаетъ людей снами и видѣніями, даетъ имъ откровенія о состояніи

¹⁾ Напр.: Der lebendige Glaube des Evangeliums. Dargestellt in dem öffentlichen Leben der Frau von Krüdener, 1817; Freimüthige Widerlegung der in den vaterländischen Blättern eingetrichteten Schrift, Frau von Krüdener betreffend (Helvetien, 1817).

души по смерти и о послѣднемъ судѣ, посылаетъ ангеловъ, вдохновляетъ пророковъ, возвѣщаетъ великими событіями великія казни и новое царство, какимъ образомъ князь міра сего, глава противохристіанскаго царства, управляетъ столь страшно. Здѣсь объясняются пророческія мѣста и толкуются сны, Апокалипсисъ Іоанна примѣняется къ обстоятельствамъ нынѣшняго времени, и природа въ ея явленіяхъ изъясняется какъ голосъ божественнаго слова», и проч.

Разсказывая прежде о русскомъ Библейскомъ Обществѣ, мы видѣли, что эти и другіе мотивы, въ которыхъ такъ часто возвращалась проповѣдь г-жи Крюднеръ, около того же времени съ замѣчательнымъ сходствомъ повторяются у нашихъ библейскихъ мистиковъ, у кн. Голицына, Лабзина, Магницкаго, и даже игумена Серафима. Священный Союзъ очевидно понимался одно время такимъ образомъ, что этого рода мистическое суевѣріе, противопоставленіе Александра Наполеону, какъ свѣта тьмѣ, какъ человѣка Провидѣнія антихристовой силѣ, туманные намеки на близость «новаго царства» и гибель «тьмы», призваніе всякихъ чудесныхъ знаменій и предвѣщаній,—все это считалось какъ будто непремѣнной принадлежностью программы, выставленной Священнымъ Союзомъ.

Г-жа Крюднеръ была вообще однимъ изъ самыхъ характеристическихъ выраженій этого мистическаго суевѣрія. Историческая роль ея была не велика; высшій пунктъ ея славы было время сближенія съ императоромъ Александромъ, когда она получила свою долю участія въ происхожденіи Священнаго Союза; императоръ вскорѣ уже отдалился отъ нея, когда слишкомъ стали бросаться въ глаза ея личныя странности и притязанія—но тѣмъ не менѣе то обстоятельство, что именно ей привелось играть роль во время Священнаго Союза, даетъ понятіе о характерѣ самаго факта. У г-жи Крюднеръ были конечно искреннія движенія и дѣйствительно безкорыстное челоѣколюбіе; но она поражаетъ отсутствіемъ всякой серьезности и послѣдовательности, крайнимъ тщеславіемъ и притязательностью. Въ ея головѣ странно укладывались самыя удивительныя вещи: свои личныя дѣла она совершенно смѣшала съ «дѣлами царства божія»; поднимая войну съ полицейскими, она ссылается на Апокалипсисъ; представляя себя исполнительницей велѣній Провидѣнія, утверждаетъ, что Провидѣніе заботится и о подробностяхъ ея домашняго хозяйства; на свою филантропію въ Швабіи она тратитъ «все, что можетъ извлечь изъ Россіи», т. е. что ея управитель можетъ извлечь изъ полуголодныхъ эстовъ; жизнь ея наполнена была чудесами,

сама она съ успѣхомъ занималась чудотворствомъ. Ко всему этому она еще нападала на «науки», ей въ сущности мало извѣстныя, — что только давало поводъ къ лишнимъ насмѣшкамъ надъ ея миссіей. Въ общемъ счетѣ, благія побужденія г-жи Крюднеръ едва ли не пересиливаются притязательностью ея роли, для которой у нея не было средствъ и которой она даже хорошенько не обдумала; извѣстная даровитость, которой у нея нельзя отвергать, вся ушла на фальшивое употребленіе. Въ послѣдніе годы она кажется начинала это сознавать, и это окончательно увлекло ее въ ту религію самоуничтоженія, которой она кончила.

Суровость сужденій, которыя произносились противъ нея быть можетъ чаще, нежели противъ другихъ мечтателей подобнаго рода, имѣла свой источникъ конечно въ ея исключительномъ положеніи и вліяніи въ 1815 году: на здоровое общественное мнѣніе должна была производить пепріятное впечатлѣніе придворная пророчица, увеличивавшая путаницу политическаго броженія; еще меньше должна была нравиться она въ своей «миссіи», гдѣ ея филантропію сопровождало бесплодное фанатизированіе и безъ того суевѣрной толпы. Несостоятельность содержанія, отличающая ея дѣятельность, незнаніе истиннаго состоянія общества, преобладаніе фантастическо-сентиментальнаго чувства, въ которомъ была притомъ и своя доля аристократическаго каприза и избалованности, соотвѣтствовали у нея самому дѣлу, которому она служила — потому что этими качествами отличались въ большой мѣрѣ и мистическіе планы Священнаго Союза.

А. Пыпинъ.

О ЧЕРКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

М. Н. Галкина: Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азійи и Оренбургскому краю. Спб. 1869.

Туркестанскій край въ 1866 году. Путевыя замѣтки П. И. Пашино. Спб. 1868.
Очерки Средней Азійи. А. Вамбери. Москва. 1868.

Слишкомъ двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ начался наши сношенія со Средней Азіею и до сихъ поръ нельзя сказать, что мы извлекли изъ нихъ много пользы. Если видѣть пользу въ распространеніи территоріи имперіи, то и такая польза добыта нами только въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. За завоеваніемъ идетъ слѣдомъ и наука; она первая должна воспользоваться послѣдними успѣхами русскаго оружія. Въ этомъ отношеніи сношенія наши съ Среднею Азіею за двѣсти лѣтъ не произвели результатовъ, до послѣдняго времени. Исслѣдованія съ цѣлью научною не предпринимались. Съ военною и торговою цѣлью развѣдки были предприняты еще при Петрѣ I, но принесли мало пользы. Такъ, въ концѣ XVII-го вѣка купецъ Малиновъ ѣздилъ съ товарами въ Персію и Индію, съ грамотами отъ посольскаго приказа и подарками шаху персидскому и моголу индійскому; но проѣздивъ пять лѣтъ, онъ умеръ на обратномъ пути и всѣ собранныя имъ свѣдѣнія о Персіи и Индіи пропали.

Если бы была надобность оправдывать завоеванія, сдѣланныя въ Средней Азійи Россіею, частью по необходимости, частью подъ мнѣніемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, то можно бы пожалуй

ссылаться и на историческія права Россіи: въ Туркестанѣ—по отношенію собственно къ городамъ Туркестану и Ташкенту, а въ Хивѣ по отношенію къ цѣлому ханству. Въ XVII вѣкѣ, по сказанію татарскаго историка Абульгази, Ташкентъ былъ покоренъ киргизами, которые владѣли имъ затѣмъ около столѣтія; были изгнаны (въ 1723 году) изъ Ташкента и Туркестана зюнгарами, но снова завоевали свои кочевья между Ташкентомъ и Туркестаномъ, распространились и внизъ отъ него по Сыру, на кочевьяхъ, изстари принадлежавшихъ Малой Ордѣ, которая отодвинулась по направленію къ Уралу, Средняя же Орда двинулась на сѣверъ. Ханъ Малой Ордѣ Абуль-Хаиръ и ханъ Средней Ордѣ Шемяка присягнули Россіи въ 1732 году. Вслѣдъ затѣмъ присягнули Россіи каракалпаки, располагавшіеся вблизи киргизскихъ кочевьевъ по Сыръ-Дарьѣ, а въ 1738 году просили о принятіи ихъ въ подданство и на это послѣдовало высочайше соизволеніе. «Такимъ образомъ, говоритъ г. Галкинъ, безъ малѣйшаго насилія, владычество Россіи раздвинулось далеко на востокъ и югъ. Въ числѣ киргизскихъ земель, въ составъ имперіи вошли и оба берега Сыръ-Дарьи, какъ законное наслѣдіе Малой Ордѣ, съ постояннымъ мѣстопребываніемъ хановъ, Туркестаномъ, съ землями принадлежащими къ нему и городомъ Ташкентомъ, что все образуетъ такъ-называемую нынѣ Ташкентскую область. Киргизы, нераздѣльно владѣвшіе этими мѣстами, впервые передали ихъ въ распоряженіе и подъ защиту Россіи, отъ которой разсчитывали имѣть огражденіе и помощь».

Главнымъ виновникомъ такого событія былъ именно Абуль-Хаиръ-ханъ, который имѣлъ въ виду, пользуясь покровительствомъ Россіи, распространить свою власть далеко за предѣлы Малой Ордѣ, въ югу отъ его столицы, Туркестана. Но Абуль не успѣлъ ни исполнить этого намѣренія, ни даже возвратиться въ Туркестанъ, освобожденный имъ отъ зюнгаровъ. Война продолжалась долгое время между зюнгарами и киргизами Большой Ордѣ, которымъ помогали и нѣкоторые роды изъ Средней Ордѣ. Въ теченіи этой войны, власть надъ Туркестаномъ и Ташкентомъ нѣсколько разъ переходила то къ одной, то къ другой изъ воевавшихъ сторонъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Ташкентѣ укрѣпился нѣкій Юнусъ-Ходжа, которому вскорѣ удалось покорить большинство мѣстныхъ киргизовъ и даже Туркестанъ. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія въ Туркестанѣ было еще самостоятельное правленіе киргизскаго хана Тогай. Это были послѣдніе правители Ташкента и Туркестана до покоренія обоихъ городовъ кованцами. Тогай-ханъ, оказавъ имъ мужественное сопротивленіе, принужденъ былъ бѣжать въ Бухару.

Но коканцы не удовлетворились покореніемъ Ташкента и Туркестана. Они стали строить, внизъ по Сыръ-Дарьѣ, одно укрѣпленіе за другимъ. Значительное укрѣпленіе Акмечеть (нынѣ Фортъ Перовскій) обезпечило коканскому правительству обладаніе среднимъ теченіемъ Сыръ-Дарьи. Въ то же время, низомъ лѣваго берега Сыра были заняты другимъ ханствомъ, именно Хивою. Такимъ образомъ, положеніе наше относительно Средней Азіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія не только значительно измѣнилось въ ущербъ могуществу Россіи, но и сдѣлалось наконецъ даже несноснымъ, потому что коканцы не удовлетворились даже взиманіемъ податей съ ордынцовъ, но стали въ виду нашихъ укрѣпленій разорять и убивать киргизовъ, подвластныхъ Россіи. Напримѣръ, зимою 1849 г. разграблено было на Казалѣ до 1000 кибитокъ чумекеевскаго и другихъ подвластныхъ Россіи родовъ; весною 1850 самъ комендантъ акмечетскій, Якупъ-бекъ разграбилъ чумекеевцевъ въ Кара-Кумахѣ и дюрткаринцевъ на Айгерикѣ, весною же 1852 года опять напалъ на чумекеевцевъ и угналъ-было у нихъ до 150 тысячъ барановъ. Нападенія эти, разумѣется, вызывали нѣкоторыя мѣры и съ нашей стороны. Такъ, въ 1849 году, въ наказаніе за грабежъ, былъ взятъ и разрушенъ Кошъ-Курганъ, въ 1852 году значительная часть похищеннаго скота была отбита нашимъ отрядомъ, преслѣдовавшимъ хищниковъ въ степь.

Потомъ, когда ташкентское управленіе не только не общало принять мѣръ къ прекращенію грабежей, но еще отвѣчало угрозами, были разрушены нашими войсками коканскія укрѣпленія Кумышъ и Чимъ-Курганы, и наконецъ, вслѣдствіе продолжавшихся враждебныхъ дѣйствій коканцевъ, въ 1853 году были приняты рѣшительныя мѣры: взяты были крѣпости Акмечеть и Джулекъ, изъ которыхъ первая, еще укрѣпленная нами, была переименована въ фортъ Перовскій, а послѣдняя разрушена.

Послѣ этихъ мѣръ, наше правительство хотѣло остановиться. Начаты были сношенія съ ташкентскимъ управленіемъ объ установленіи мирныхъ отношеній и дано ему увѣреніе, что русскіе далѣе Акмечети не пойдутъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, требовалось и вознагражденіе для киргизовъ за похищенное у нихъ коканцами. Ташкентское управленіе не дало ни вознагражденія, ни даже отвѣта. Оно попыталось, зимою 1853 года, возвратитъ Акмечеть, и несмотря на неудачу, продолжало дѣйствовать наступательно противъ Россіи. Благопріятствуя хищнымъ шайкамъ, которыя нападали на киргизовъ, оно имѣло цѣлью придать киргизовъ перекочевать подъ его покровительство, въ

Туркестану, что отчасти и удавалось. Наконецъ, воеводы стали пресѣкать намъ торговыя сношенія съ Бухарою.

Здѣсь не мѣсто излагать дальнѣйшую исторію нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію; разсказъ объ этомъ движеніи и о томъ, въ какой мѣрѣ оно измѣнило программу, первоначально имѣвшуюся въ виду нашимъ правительствомъ, можно найти въ одной изъ прошлогоднихъ статей «Вѣстн. Европы», посвященной разбору «Замѣтокъ» г. Романовскаго. Предшествующимъ извлеченіемъ изъ статьи г. Галкина, мы хотѣли только напомнить, что хотя приобрѣтенія, сдѣланныя въ Средней Азіи за послѣдніе года, конечно, не имѣли уже, собственно говоря, значенія мѣрѣ обороны, но самое движеніе нашихъ войскъ въ туркестанской степи было вызвано положительной необходимостью самозащиты. Что касается «историческихъ правъ», къ которымъ г. Галкинъ относится вполнѣ серьезно, то едва-ли можно придавать имъ въ самомъ дѣлѣ значеніе.

Сношенія Россіи съ Хивою начались еще раньше, чѣмъ сношенія ея съ туркестанскимъ краемъ, именно съ 1670 года. Въ 1700 году, прибылъ хивинскій посолъ съ грамотою хана Шаниаза о принятіи его, со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ, въ подданство Россіи. Петръ Великій выразилъ согласіе и впоследствии подтвердилъ этотъ актъ о принятіи въ подданство по отношенію къ новому хивинскому хану Аравъ-Ахмету (въ 1703 г.). Петръ Великій принялъ это дѣло близко къ сердцу: ходили слухи о золотомъ пескѣ на Аму-Дарьѣ, о возможности возвратитъ ее въ прежнее русло. Голиковъ говоритъ: «проницаніе его видѣло, что если и не найдется искомое золото, то по крайней мѣрѣ, найденъ будетъ новый способъ къ полученію онаго посредствомъ торговли чрезъ тѣ стороны съ самою Индією». Петръ рѣшился сблизиться съ Хивою, построить на ея границѣ крѣпость, вступить въ сношенія съ эмиромъ бухарскимъ и даже съ «моголомъ индѣйскимъ». Онъ даже снарядилъ для этого экспедицію.

Въ числѣ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Галкина, одинъ изъ самыхъ интересныхъ это именно — извлеченіе изъ дѣлъ московскаго сенатскаго архива объ отправленіи преображенскаго полка капитана, князя Бекевича-Черкасскаго на Каспійское море и въ Хиву, въ 1714—1717 г. Князю Черкасскому дано было до 1760 чел., 11 пушекъ, инженерныя инструменты и 124 малыхъ судна для транспортированія отряда. Эта первая экспедиція кн. Черкасскаго, начатая въ апрѣлѣ 1715 года и оконченная въ октябрѣ того же года, повидимому не была удачна, такъ какъ онъ привезъ обратно только 7 пушекъ; впрочемъ

свѣдѣній о ея результатахъ въ дѣлѣ нѣтъ. Изъ указа же, даннаго сенату въ 1814 году, видно, что князь Черкасскій былъ потомъ на Каспійскомъ морѣ для отысканія устья Аму-Дарьи. Вторая экспедиція кн. Черкаскаго была снаряжена въ 1716 году. Цѣлю ея было построить крѣпость у Красноводскаго залива, близъ прежняго устья Аму-Дарьи, и сблизиться съ Хивою, для чего и отправиться туда лично. Эта вторая экспедиція пустилась въ путь лѣтомъ 1717 года. Кн. Черкасскій имѣлъ довольно значительный отрядъ. Замѣчательно, что г. Галкинъ въ одной изъ статей, вошедшихъ въ составъ его книги, говоритъ, что отрядъ этотъ состоялъ изъ 3,000 чел., между тѣмъ какъ въ другой, именно въ извлеченіи изъ подлиннаго дѣла, приводитъ подробное исчисленіе отряда, исчисленіе, изъ котораго оказывается, что въ немъ было 6,240 чел. войска ¹⁾, да еще 110 чел. разныхъ людей: дворянъ, купцовъ, вожатыхъ, переводчиковъ и т. д. Разногласіе это объясняется тѣмъ, что статьи составлены были разновремененно; но при включеніи ихъ въ книгу слѣдовало бы подобныя разногласія устранять. Точно такъ число пушекъ, бывшихъ въ этой экспедиціи, въ одной статьѣ г. Галвина показано 7, а въ дѣлѣ видно, что ихъ было 15.

Возвратимся въ дѣйствіямъ экспедиціи. Кн. Бековичъ-Черкасскій не засталъ уже въ Хивѣ того хана, который предлагалъ построить крѣпость у Красноводскаго залива. Новый ханъ совѣтовалъ начальнику русскаго отряда раздѣлить отрядъ на пять частей для болѣе удобнаго продовольствованія. Кн. Черкасскій послушался этого совѣта: раздѣлилъ на пять ту часть отряда, которою предводительствовалъ самъ и приказалъ раздѣлить также на пять отдѣловъ и ту часть отряда, которая состояла подъ начальствомъ майора Франкенберга. Какъ только это было сдѣлано, хивинцы напали на оба отряда, перерѣзали всѣхъ офицеровъ и старыхъ солдатъ, оказавшихъ сопротивленіе, а молодыхъ солдатъ увели въ неволю. Самому кн. Черкасскому распоролъ животъ и отрубили голову за то, что онъ упрекалъ хана въ вѣроломствѣ. Изъ показаній нѣкоторыхъ плѣнныхъ, возвратившихся назадъ, видно, что хивинцы отпустили братьевъ кн. Черкаскаго, и что магометане, бывшіе въ русскомъ отрядѣ, были прощены по просьбѣ старшаго духовнаго лица въ Хивѣ. Въ красноводской крѣпости гарнизонъ держался нѣкоторое время, но потомъ долженъ былъ, въ томъ же 1717 году, выйти въ море.

Петръ Великій имѣлъ оригинальную и очень практичную

¹⁾ Еще не считая офицеровъ и нижнихъ чиновъ морского вѣдомства.

мысль: пользуясь вѣчными неустройствами, какія бывали и бываютъ въ Хивѣ и Бухарѣ, предложить тамошнимъ ханамъ «русскую гвардію», то-есть отряды тѣлохранителей изъ русскихъ солдатъ. Извѣстно, что англичане именно такимъ образомъ укрѣплялись въ индійскихъ владѣніяхъ. Хива могла такимъ образомъ подпасть въ полную отъ Россіи зависимость и, какъ замѣчаетъ объ этомъ Н. Н. Муравьевъ (Карсскій), — въ предисловіи къ изданному имъ описанію путешествія въ Хиву, — могла сдѣлаться «средоточіемъ всей азіатской торговли и поблела бы сильно торговое преимущество властителей морей въ самой Индіи». Вотъ каковы были планы Петра Великаго!

Въ 1740 году, Хива еще разъ признала надъ собою власть Россіи, призвавъ ханомъ въ себѣ подвластнаго Россіи хана Малой Орды, упомянутаго уже Абуль-Хаира, который, принимая хивинское ханство, объявилъ его состоящимъ въ подданствѣ Россіи. При этомъ онъ имѣлъ въ виду охраниться отъ нападенія угрожавшаго Хивѣ персидскаго шаха. Но со вступленіемъ на ханство, около 1802 г., Мухаммедъ-Рахима, Хива не только перестала считать себя подвласною Россіи, а даже начала въ отношеніи послѣдней политику наступательную и принудила Малую Орду платить дань себѣ. Въ двадцатыхъ годахъ хивинское ханство, благодаря Мухаммедъ-Рахиму, сдѣлалось значительнымъ владѣніемъ. Хивинцы не боялись дѣлать набѣги и забирать у насъ плѣнныхъ, которыхъ въ 1839 г. накопилось тамъ довольно много. Въ этомъ-то году состоялась зимняя экспедиція генерала Перовскаго въ Хиву. Она окончилась бѣдственно, то-есть вернулась пройдя всего треть пути, но непосредственной своей цѣли все-таки достигла; ханъ, объятый страхомъ отъ такого предпріятія, освободилъ 500 плѣнныхъ русскихъ и объявилъ строгое запрещеніе брать русскихъ въ неволю. Само собою разумѣется, что запрещеніе это нисколько не подѣйствовало.

Въ 1849—1850 и 1852 годахъ пріѣзжало къ намъ изъ Хивы посольство. Въ военныхъ дѣйствіяхъ, бывшихъ въ Туркестанѣ съ 1853 года, Хива не участвовала; она держала себя осторожно и на призывы Кокана о помощи, отвѣчала или уклончиво или присылкою небольшого количества свинца и пороха. Впрочемъ, во время восточной войны, хивинское правительство, по внушеніямъ Турціи, не безъ успѣха возбуждало мятежи въ нашихъ предѣлахъ. Послѣдняя русская миссія въ Хиву была миссія 1858 года, въ которой и участвовалъ г. Галвинъ. Въ книгѣ его есть выдержки изъ «дневника слѣдованія» этой экспедиціи.

Большое этнографическое значеніе имѣетъ статья того жъ

автора о туркменахъ восточнаго побережья Каспійскаго моря, въ которой исчислены роды туркменовъ и указаны мѣста ихъ кочевь. Общее число ихъ опредѣляется около 350 т. кибитокъ или, примѣрно, 1 м. 750 т. душъ обоого пола. Изъ остальныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Галкина, нѣкоторые имѣютъ нынѣ только историческое значеніе, другіе, какъ напр. распросныя свѣдѣнія о Шегри-Сябсѣ и Ларвѣ, представляютъ и практическую цѣнность. Въ послѣднемъ отношеніи наиболѣе вниманія заслуживаетъ статья: «Нѣсколько дорожниковъ чрезъ наши киргизскія степи въ Среднюю Азію», которая даетъ также маршруты между Бухарою, Коканомъ, Шегри-Сябсомъ, Ташкентомъ и т. д. Вообще же издатель сдѣлалъ полезное дѣло, собравъ въ книгу матеріалы, помѣщенные г. Галкинымъ въ разныхъ изданіяхъ.

Сдѣлаемъ теперь краткій обзоръ природныхъ и промышленныхъ условій нашего туркестанскаго края по книгѣ г. Пашино, который за короткое время своего тамъ пребыванія успѣлъ одѣлать собрать данныхъ достаточно для довольно полной картины.

Хлѣбородная полоса земли начинается отъ форта № 1 и простирается до верховьевъ Сыръ-Дарьи. Небольшое пространство между Чемкендомъ и Ташкентомъ, занятое горными возвышенностями, лишено всякой растительности и къ обработкѣ негодно. По ту сторону Сыра, почти вплоть до самаго Ходжента тянутся мѣстности незаселенныя, пустынныя, но не лишенныя возможности быть водѣланными. Климатъ на всемъ протяженіи отъ Туркестана до Ташкента мало различается: тахитъ жары $+ 35^{\circ}$ Р., холода $- 15^{\circ}$ Р. Южные и западные вѣтры увеличиваютъ жаръ лѣтомъ, а зимою умѣряютъ холодъ; сѣверные и особенно восточные вѣтры, дующіе изъ ущелій, производятъ дѣйствіе противоположное. Климатъ сухой, но довольно здоровый, не производящій особыхъ, туземныхъ болѣзней. Замѣчательно, что никто не запомнитъ, чтобы когда-нибудь въ этомъ краѣ свирѣпствовала холера.

Обработка земли здѣсь возможна только при помощи искусственнаго орошенія. «Каждое дерево и каждая трава требуютъ попеченія со стороны человѣка. Про лѣсъ нечего и говорить. По словамъ туземцевъ, лѣсъ можно встрѣтить только на верховьяхъ Чирчика, и то мѣстами, и не въ большомъ количествѣ. Проходившіе туда русскіе отряды находили по берегамъ этой рѣки срубленныя, правильно сложенныя и какъ бы приготовленныя къ сплаву деревья. Дороговизна лѣса заставила жителей заняться искусственнымъ разведеніемъ деревьевъ. Я видѣлъ подъ Ташкентомъ большія пространства, обведенныя стѣ-

ною и прорытыя канавками, гдѣ устроены питомники для различныхъ сортовъ лѣса». Для разведенія огня употребляются кизякъ, волючка и саусаулъ. Домовъ не отопляютъ, а грѣются около мангаловъ.

Хлѣбопашествомъ занимаются преимущественно киргизы. Главная задача хлѣбопашца здѣсь — не обработка, а поливка поля и наблюдение за хлѣбомъ, чтобы онъ не высохъ. Удобрение впрочемъ употребляется мѣстами. Зато урожай здѣсь бываетъ яровой ржи, ячменя и пшеницы до самъ-55; бухарской пшеницы, джугары, съ нѣсколькими стеблями на одномъ колосѣ — до самъ-100; а проса — до самъ-200. Разведеніемъ хлопка занимаются только въ окрестностяхъ Чемкенда и Ташкента, хотя вся сыръ-дарьинская равнина, по словамъ г. Пашино, способна производить хлопокъ. Ташкентскій хлопокъ хуже персидскаго и во многомъ уступаетъ бухарскому, что объясняется отчасти небрежностью обработки. Американскій хлопокъ пробовали сѣять, но онъ не удался, по мнѣнію г. Пашино оттого, что это былъ хлопокъ островной. Шелководство развито въ ташкентскомъ краю очень мало, хотя тутовое дерево тамъ растетъ. Дѣло въ томъ, что въ ташкентскомъ районѣ жители до сихъ поръ преимущественно занимались хлѣбопашествомъ, а шелкъ вымѣнивали изъ Кокана на свои земледѣльческіе продукты. Сарты занимаются преимущественно садоводствомъ и огородничествомъ, которыя здѣсь процвѣтаютъ. Есть и виноградники, и фіговыя деревья.

Перейдемъ къ царству ископаемыхъ. Полковникъ горныхъ инженеровъ Татариновъ открылъ на верховьяхъ рѣки Бугуни пластъ каменнаго угля въ 9 вершк. толщиною, но очень глубоко лежащій, и другой пластъ, въ 10 верстахъ отъ Туркестана, на р. Карачиѣ, который еще не развѣданъ. Найдены также богатая свинцовыя руды. Открыты и золотыя прииски, но сомнѣваются, чтобы они стоили разработки. Относительно находенія золота въ пескѣ дна Сыръ-Дарьи и другихъ рѣкъ имѣются пока еще только рассказы туземцевъ. Около Чемкенда заявлены богатая селитряныя копи. Соль употребляется само садовая, изъ многихъ озеръ, и каменная, добываемая въ горахъ между Пишпекомъ и Токмакомъ.

Скотоводство находится все въ рукахъ кочевниковъ. На первомъ планѣ стоитъ овцеводство. Баранъ въ продажѣ стоитъ иногда до 8 рублей, но цѣна падаетъ и до 2½ р. Киргизы питаются преимущественно бараниною и просомъ. Послѣ разведенія овецъ наиболѣе выгоднымъ считается разведеніе лошадей. Цѣна киргизской лошади 10—50 рублей; только одна пород

баранръ, цѣнится до 100 рублей лошадь. Разведеніе верблюдовъ также распространено; нѣтъ киргизской кибитки, которая не держала бы пары ихъ. Рогатый скотъ здѣсь мелокъ и слабосиленъ, но молока даетъ много. Мясо его употребляется въ пищу рѣдко и то бѣдными, такъ какъ говядина здѣсь гораздо дешевле баранины.

Мануфактурная промышленность въ нашемъ туркестанскомъ краѣ ничтожна даже въ сравненіи съ такою же промышленностью въ ханствахъ. Валяютъ шляпы, ткуть бумажныя ткани и армячину — вотъ и все. Собственно въ туркестанской области изготовляются бумажныя матеріи; полупелюковыя выдѣлываются въ Ходжентѣ. Кожевенное производство, несмотря на обиліе матеріала, находится на самой низкой степени; кожевенныхъ заводовъ нѣтъ; о дубленіи не имѣютъ и понятія. Желѣзо привозится изъ Россіи, и притомъ уже обдѣланное. Ружейнымъ дѣломъ и каленіемъ клинковъ отличается Наманганъ, который стволы до сихъ поръ получалъ изъ Россіи.

Внутренняя торговля очень значительна, но она по преимуществу — мѣшковая. Въ каждомъ населенномъ пунктѣ устраиваются по разу и по два раза въ недѣлю базарные съезды. Центромъ крупныхъ сдѣлокъ считается Ташкентъ, изъ котораго идутъ во все стороны на базары комиссіонеры для закупки товаровъ и для заключенія контрактовъ. Европейскія издѣлія, по преимуществу русскія, играли до сихъ поръ не очень большую роль. Въ фортахъ № 1 и Перовскомъ годовою оборотъ доходитъ всего до 100 т. р., но на лѣвомъ флангѣ торговля оживленнѣе. Монета, ходившая здѣсь до сихъ поръ, самая цѣнная, золотая называется «тилля»; она равна 20 серебрянымъ «тенгамъ»; тенга равна 64 мѣднымъ «чохамъ»; чоха — нашей копѣйкѣ ассигнац. Курсъ монеты измѣняется; въ то время, о которомъ пишетъ г. Пашино, тилля стоила 3 р. 80 к. и 4 р., а за тенгу давали до 73 чоховъ.

Вывозная торговля туркестантской области имѣетъ предметами: зерновой хлѣбъ, скотъ, шкуры, шерсть, войлокъ, чувалы и валяныя шляпы. Все это идетъ преимущественно на югъ, въ Коканъ и Бухару. Въ Россію туземцы возятъ не свои произведенія, а чужія; изъ своихъ же только пушной товаръ, марену, ремень, цитварное сѣмя. Изъ Бухары и Кокана въ Туркестанъ идутъ бухарскіе ситцы и полупелюковыя матеріи, краски, соль, сѣра, хлопокъ, шелкъ-сырецъ, писчая бумага, индійская кисея и другія *англійскія* произведенія.

Прежде, чѣмъ перейдемъ въ этнографическому очерку племень Средней Азій, оставимся на минуту на второй части

труда г. Пашино, которою мы теперь воспользовались для описанія естественныхъ и промышленныхъ условий русскихъ пріобрѣтеній въ туркестанскомъ краѣ. Эта часть — наиболѣе серьезная. Несмотря на то, что мы уже около четырехъ лѣтъ владѣемъ Ташкентомъ, нельзя сказать, чтобы экономическія свѣдѣнія о туркестанскомъ краѣ изобилывали, и трудъ г. Пашино, представляющій показанія любовнательнаго очевидца, добросовѣстно старавшагося изучить край, заслуживаетъ полнаго сочувствія. Изыщно, даже роскошно изданная книга г. Пашино украшена множествомъ рисунковъ путешествовавшаго съ нимъ же покойнаго художника Вележева и картою туркестанскаго края г. Струве.

Перейдемъ теперь къ общей картинѣ населенія Средней Азіи.

Въ «Очеркахъ» своихъ Вамбери помѣстилъ характеристику туранскаго и иранскаго племенъ Средней Азіи. Тюркское или туранское племя — кочевники и владѣтели, иранское — горожане, купцы и рабы. Тюркское племя прославилось воинственностью: это — завоеватели; иранское племя — прославилось древнею культурою. Сдѣлаемъ перечень народовъ того и другого племени, по классификаціи Вамбери.

Къ тюркскому племени принадлежатъ: 1) *Бураты*, живущіе на восточныхъ границахъ Туркестана; сюда же Вамбери относитъ и Кипчаковъ; 2) *Киргизы* или кайсаки; 3) *Каракалтаки*, отличающіеся высокимъ ростомъ и плоскимъ лицомъ; 4) *Туркмены*, выселившіеся изъ Мангышлака; и 5) *Узбеки*, какъ Вамбери называетъ нынѣ осѣдлыхъ и «цивилизованныхъ» жителей Средней Азіи. Они представляютъ уже сильное смѣшеніе съ древне-персидскими элементами тѣхъ мѣстностей. Узбекъ, хотя нынѣ и осѣдлый житель, однако въ немъ все еще связывается кочевническая природа; богатѣя, онъ не строитъ себѣ прежде всего дома, какъ сартъ, а заводитъ лошадей и оружіе. Это — народы тюркскаго или монголо-турскаго племени.

Къ племени иранскому принадлежатъ *восточные иранцы*: а) *Сейнстанцы* (отъ горныхъ границъ теперешняго Хорассана до Бирдшана; ихъ называютъ и хафизами); по языку, Вамбери относитъ ихъ къ первобытнымъ обитателямъ Ирана, но выражаетъ притомъ мнѣніе, что нельзя положительно сказать объ иранскомъ племени, которая изъ его вѣтвей — самая первобытная, подобно тому, какъ это можно сказать о бурятахъ по отношенію къ племени туранскому; б) *Чихаръ-Аймаки* — имя собирательное, которымъ монголы во время покоренія Герата называли четыре народности иранскаго племени, именно тимуровъ, тейменовъ, фируцкуховъ и джемшидовъ; изъ нихъ по-

сдѣше до сихъ поръ — вочевники; с) *Таджики*, которыхъ называютъ остатками первоначальнаго иранскаго населенія Средней Азии, теперь встрѣчаются въ наибольшемъ числѣ въ бухарскомъ ханствѣ и Бедахшанѣ; кромѣ того, ихъ много еще въ городахъ Кокана, Хивы, Китайской Татаріи и Афганистана. Вамбери замѣчаетъ, что таджики сами никогда не называютъ себя этимъ именемъ, потому что хотя оно у нихъ и не считается прямо поноснымъ словомъ, однако они привыкли разумѣть подъ нимъ выраженіе того презрѣнія, съ которымъ завоеватели-узбеки смотрятъ на подчиненныхъ туземцовъ или сартовъ. Подъ именемъ таджика, татарское населеніе Туркестана разумѣетъ челоуѣка унижающагося, скупого, жорыстолюбиваго, хитраго и хвастуна. «Удивительно, замѣчаетъ Вамбери, какъ таджики, несмотря на то, что уже нѣсколько столѣтій живутъ вмѣстѣ съ узбеками, отличаются отъ нихъ не только своими индивидуальными качествами, но даже и домашними обычаями. Пословица говорить: смотри на узбека на конѣ, а на таджика въ его домѣ. Таджики занимаются земледѣіемъ, торговлею, промышленностью и ненавидятъ войну, а когда по неволѣ берутся за оружіе, то рѣдко бывають храбры, а жестоки — часто». Слово «сартъ» Вамбери принимаетъ за тюркское названіе таджика. Сами узбеки иногда различають таджиковъ отъ сартовъ, но въ такомъ случаѣ таджиками они называютъ иранцевъ, еще недавно прибывшихъ въ Туркестанъ и сохранившихъ свой иранскій языкъ, а сартами — жителей давно осѣдлыхъ, которые, по большей части, перемѣнили свое родное иранское нарѣчіе на нарѣчія тюркскія.

Теперь, уяснивъ различіе между элементами среднеазиатскаго населенія, возвратимся къ собственно нашимъ новымъ владѣніямъ, ихъ характеру и событіямъ въ томъ краѣ въ 1866 году.

Кромѣ свѣдѣній о природныхъ и естественныхъ условіяхъ края, — «путевыя замѣтки» г. Пашино представляютъ живописную и осмысленную картину внѣшней стороны нашихъ приобрѣтеній въ Средней Азии и жизни тамъ русскихъ начальниковъ и солдатъ. Поѣздка его до Ташкента читается съ большимъ интересомъ не потому, чтобы онъ сообщалъ много новаго, но какъ подробная и очень удачная, по выбору и по изложенію, панорама края и его жителей. Быстрой поѣздки по степи, съ самыми краткими остановками по дорогѣ, было бы, конечно, слишкомъ недостаточно для того, чтобы узнать тѣ подробности быта и мѣстныхъ условій, которыя описываетъ авторъ. Но знаніе нѣсколькихъ восточныхъ языковъ и разныхъ татар-

скихъ нарѣчій дало ему возможность узнать и понять многое, что ускользнуло бы отъ европейца не-ориенталиста.

Вотъ примѣръ. Авторъ ѣдетъ изъ Чемкенда въ Ташкентъ; на дорогѣ ему встрѣчаются три киргизскихъ джигита, въ полномъ вооруженіи. Онъ любитъся на нихъ и вступаетъ въ разговоръ съ киргизами, своими конвойными. Тѣ объясняютъ ему, что и они сами, какъ тѣ джигиты — потомки нѣкоего Алач-хана, который жилъ еще за тысячу лѣтъ до Чингиза и былъ родоначальникомъ всего киргизскаго народа. Про Чингиза они знаютъ, что онъ завоевалъ «полсвѣта», и прибавляютъ: «Мы теперь — потомки этихъ завоевателей; на насъ нельзя *просто* смотрѣть; у насъ Чингизъ-ханова яса, его обычай; словомъ, мы узбеки, — чего еще больше!»

— Какъ, вы узбеки? Вы биштамгалинцы, не больше; узбекскій народъ особенный.

— Нѣтъ, туря; мы всѣ узбеки; начиная отъ Оренбурга, куда ни поѣдешь, все будутъ узбеки; у насъ у всѣхъ свои бии есть.

— А сарты кто же такіе?

— Сарты? Они ни рода, ни племени не имѣютъ, — они по городамъ называются. Спроси сарта, кто онъ такой; онъ тебѣ отвѣтитъ — ташкенликъ или, еще проще, — мусульманъ. А спросите, какъ его зовутъ? — Мухаммедъ-веримъ какой-нибудь. А какого рода? — Рода у меня нѣтъ, отвѣтитъ онъ; я ташкендецъ, чего же еще надо. Между тѣмъ каждый киргизъ имѣетъ свой родъ.»

Вотъ вамъ тоже характеристическая черта различія въ населеніи степей и населеніи городовъ, какую мы встрѣтили выше, въ этнографическомъ очеркѣ Вамбери. Киргизъ, племени тюркскаго, кочевникъ, бѣденъ, но считаетъ себя, по древнимъ преданіямъ, воиномъ, рыцаремъ, хотя воинственность его теперь проявляется только разбоемъ. Сартъ, племени иранскаго, которое населяло города Туркестана еще задолго до великихъ монгольскихъ завоевателей, и понынѣ житель городовъ. Онъ развѣтъ, достаточнѣе киргиза, онъ — купецъ, иногда богатъ. Но въ положеніи его до сихъ поръ отзывается древній фактъ покоренія его монголами. До сихъ поръ, въ среднеазиатскихъ ханствахъ правители, ихъ беки, дворъ и войско — тюркскаго племени, къ которому принадлежатъ и киргизы. Тюркское племя дало Туркестану его владыкъ, его аристократію и — его кочевой пролетаріатъ. Племя иранское, въ туземныхъ своихъ представителяхъ — сартахъ, составляетъ такъ сказать буржуазію, а въ невольникахъ — иранцахъ, захваченныхъ турменами въ не-

вою и проданных на рынки Средней Азии, оно же образует сословіе домашних рабовъ.

Отсюда понятно пренебреженіе не только узбековъ, но и единоплеменниковъ ихъ, киргизовъ, къ сартамъ, торговому и подчиненному племени. По словамъ г. Пашино, киргизская дѣвушка никогда не выходитъ замужъ за сарта, между тѣмъ какъ киргизы берутъ себѣ въ жены сартянокъ. О сартахъ, народѣ торговомъ и хитромъ, какъ родственные ему персіяне, киргизы говорятъ: «чортъ киргиза надуетъ, еврея надуетъ, а сарта не проведетъ».

Подѣзжая къ Ташкенту, путешественникъ не видитъ сперва передъ собою города, а только безконечный садъ. Мало-помалу открываются стѣны, наконецъ ворота, на которыхъ устроили себѣ гнѣзда ансты, которые важно наблюдаютъ сверху проѣзжающихъ. Колокольчикъ привлекаетъ общее вниманіе, такъ что жители выбѣгаютъ изъ домовъ, не имѣющихъ оконъ на улицу. Полураздѣтые ребятишки встрѣчаютъ проѣзжаго криками, въ которыхъ есть и привѣтствіе: «аманъ урусъ» и брань, сложившаяся въ силу римы: «урусъ — хурусъ» (русскій — пѣтухъ). На врывихъ и узкихъ улицахъ встрѣчаются партіи конныхъ людей и караваны. Встрѣчаются и женщины, сартянки, закутанныя въ халаты, съ черной волосяною сѣткою на лицѣ.

У небольшой площади, куда въѣхалъ нашъ путешественникъ — базаръ, мечеть, медресе (училище), каравансерай и чай-хане (распивочная чайная лавка), однимъ словомъ, весь цѣль общественныхъ заведеній. Мечеть съ двухъ сторонъ безъ стѣнъ и потолокъ поддерживается деревянными колоннами. Все зданіе мечети расписано мелкою живописью цвѣтовъ и стихами корана. Въ мечети громко выкрикивали свой урокъ шавирды (студенты), но услыжавъ колокольчикъ, тотчасъ побросали свои книги и закричали «аманъ!» Въ чай-хане сидѣлъ дервишъ и расиѣвалъ передъ толпою народа какую-то исторію, брыкая ногами и ударяя себя въ грудь кулакомъ. Вотъ на встрѣчу попался русскій офицеръ въ бѣломъ кителѣ, верхомъ, объѣзжавшій базары изъ любопытства, за заборъ придерживались двое пьяныхъ солдатъ, бранившихся на родномъ языкѣ, а впереди проходилъ солдатъ, объявшійся съ сартомъ.

Улица подымается, изгибается въ разныхъ направленіяхъ и идетъ мимо другого медресе съ огромнымъ садомъ, который и есть общественный садъ Ташкента. Зданіе этого медресе построено изъ нежженого кирпича, въ два этажа, съ двумя башнями. Еще базаръ, мелочной, наконецъ приближается цитадель. Цитадель отдѣлена отъ города ровомъ; направо отъ нея съ шу-

момъ падаетъ вода, а налѣво танутся лавки и построенныя между ними бани. Переѣхавъ черезъ мостъ, путешественникъ встрѣчаетъ базарныя; большой прудъ, обсаженный деревьями, наконецъ губернаторскій домъ.

Г. Пашино прѣхавъ въ край въ интересный моментъ, именно вскорѣ послѣ прѣзда туда новаго начальника, генерала Романовскаго, на смѣну генерала Черняева. Неожиданная смѣна завоевателя Ташкента сильно встревожила туземное населеніе, во-первыхъ потому, что не знали, станеть ли исполнять новый начальникъ условія, а во-вторыхъ потому, что въ то время бухарскій эмиръ Мозаффаръ-ханъ готовился къ открытію военныхъ дѣйствій противъ Россіи, и о многочисленности его войска, непобѣдимости его и проч. ходили въ Ташкентѣ преувеличенные слухи, какъ мы уже это знаемъ изъ книги г. Романовскаго. Г. Пашино, при составленіи своихъ путевыхъ замѣтокъ, имѣлъ въ виду «Замѣтки» г. Романовскаго; оказывается даже, что нѣкоторые документы, приводимые въ книгѣ г. Романовскаго, переводилъ г. Пашино. Тѣмъ не менѣе, тѣ мѣста, гдѣ г. Пашино касается событій, происшедшихъ въ тогдашнее время, производять совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ описаніе этихъ событій у г. Романовскаго.

Изъ двухъ опасеній, возбужденныхъ въ ташкентскомъ населеніи смѣною генерала Черняева, особенно живо было, разумѣется, первое.

— «А что — говорили ташкентцы — если новый генералъ, не принимая въ уваженіе условій, сдѣланныхъ съ Черняевымъ при сдачѣ Ташкента, начнетъ брать рекрутъ и станеть взимать подати и налоги? Что тогда?» — говорили одни.

— «Тогда — *абтрагъ* (значить: опалѣть, стать въ тушикъ), — отвѣчали другіе.

— «Эмиръ — на головѣ, а Черняевъ уѣзжаетъ; *биткянъ шизъ* (кончено дѣло)», тревожились они. Но, конечно, перспектива «*биткянъ шизъ*» не такъ беспокоила ихъ какъ мысль, что осуществится именно «*абтрагъ*».

Не будемъ рассказывать, какъ г. Пашино сопровождалъ генерала Черняева въ посѣщеніяхъ домовъ почетныхъ туземцовъ и какъ обнаруживалось гостепримство послѣднихъ. Скажемъ только, что изъ этого описанія видно, до какой степени г. Черняевъ сумѣлъ сблизиться съ туземными населеніями, внушить имъ своею энергіею довѣріе, а своею простотою въ обхожденіи искреннюю привязанность.

Изъ Ташкента г. Пашино поѣхалъ въ Чивасъ, оттуда отправился въ лагерь, гдѣ находился новый начальникъ края. Сдѣ-

заемъ двѣ выписки, чтобы показать, какъ относится авторъ къ мелкимъ и крупнымъ фактамъ, характеризовавшимъ то время.

Генералъ по вечерамъ забавлялъ себя пѣсенниками, которые собирались въ его палаткѣ; онъ ихъ заставлялъ пѣть пѣсни, какъ

«Сырѣ-дарьинцы молодцы
По степи гуляютъ,
А воканцы подлецы
Крѣпости кидаютъ.

«Другой хоръ начинаетъ пѣть «Ты Настасья», потомъ первый хоръ затягиваетъ какую-то пѣсню, гдѣ упоминаетъ генерала Романовскаго.

— «Это они про меня ужъ пѣсню сложили», — замѣчаетъ съ самодовольной улыбкой г. Романовскій, забывая, что эта пѣсня уже давно была сложена: — ее пѣли и при Черняевѣ, и при Колпаковскомъ, и при Вревкинѣ.

«4-го апрѣля, вечеромъ была отправлена стрѣльцовая рота 4-го баталіона впередъ. На разсвѣтѣ отправился и генералъ съ кавалеріею и со своимъ значкомъ. Часамъ въ 8-ми онъ вернулся и съ восторгомъ рассказывалъ, что поднялъ духомъ упавшихъ солдатъ послѣ диванскаго *пораженія*. Диванскій Мухаммедъ Якубъ-бекъ признавалъ тоже Черняева пораженнымъ.

— «Поздравьте, Петръ Ивановичъ, мы разбили вашихъ бухарцевъ; да посмотрите-ка, какой еще доходъ будетъ: забрали у нихъ въ плѣнъ всѣхъ барановъ, — говорилъ генералъ, умытаясь отъ пыли, которою онъ былъ покрытъ.

— «Въ добрый часъ, въ добрый часъ, поздравляю васъ, — говорилъ я, искренно радуясь побѣдѣ.

«На завтра вернулся въ отрядъ графъ В—ъ Д—ъ съ остальными войсками, съ однимъ плѣннымъ и съ четырнадцатью пастухами. Войска были заняты охраненіемъ барановъ; солдаты бросились впередъ на встрѣчу стадамъ. Изъ рассказовъ плѣнныхъ пастуховъ оказалось, что эти стада принадлежали нашимъ киргизамъ.»

«Эти бараны были киргизскіе», сказалъ потомъ г-ну Пашино единственный плѣнный (и то передавшійся илятъ, а не бухарець), — эмиру нѣтъ до нихъ никакого дѣла».

«Извѣстіе о мурзарабатскомъ дѣлѣ, — читаемъ мы ниже — произвело на Ташкентъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Черняевъ, который еще не уѣзжалъ изъ Ташкента, написалъ какое-то неприятное для генерала письмо, которое его очень взволновало». Бараны продавались потомъ по два съ полтиною, «да и то въ долгъ».

Занимательно у г. Пашино описаніе прибывшаго бухарскаго посольства, наивнаго удивленія пословъ при прогулкѣ на пароходѣ, при чемъ одинъ изъ нихъ спорилъ, что пароходы изобрѣлъ не Фультонъ, а греческій мудрецъ Афлатунъ (Платонъ) и т. д.

Г. Пашино рассказываетъ еще интересную подробность относительно вѣдьярскаго дѣла: «генераль въ своемъ донесеніи писалъ, будто было найдено письмо Аллааръ-хана къ эмиру, въ которомъ первый увѣрялъ эмира, что онъ окружилъ русскихъ и что, хотя потеря его велика, потопить ихъ всѣхъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ присылки бумагъ, захваченныхъ у эмира, рассчитывая найти въ нихъ много интереснаго...» Впослѣдствіи, когда г-ну Пашино были переданы разныя бухарскія грамоты, то на поляхъ одной изъ бумагъ онъ увидѣлъ русскій переводъ, что «Аллааръ-ханъ увѣдомляетъ эмира о томъ, что русскіе будутъ разбиты, если будетъ на то воля Божія». Между тѣмъ, бумага, съ которой былъ сдѣланъ этотъ переводъ однимъ плѣннымъ персіянномъ, оказалась простымъ бланкомъ, съ пробѣломъ для вставки имени и безъ печати. По спросу персіянина, оказалось, что онъ и читать не умѣлъ.—«Какъ же ты смѣлъ переводить?»

— «Что же мнѣ было дѣлать, когда мнѣ приказали перевести? Я и перевелъ».

Анекдотическая часть въ книгѣ г. Пашино вообще богата и многіе изъ рассказываемыхъ имъ анекдотовъ дѣйствительно очень характеристичны, представляя духъ отношеній того времени и въ особенности отношеній азіатцевъ къ русской цивилизаціи и русскимъ обычаямъ. Но нельзя не сказать также, что многія подробности относительно «чаепитія» и нѣкоторые разговоры съ удобствомъ могли бы быть пропущены.

Вотъ что г. Пашино говоритъ о Вамбери: «Вамбери, путешествовавшій по Бухарѣ, находитъ тамъ узбековъ и киргизовъ. Тѣ же самыя достоинства, которыя онъ приписываетъ узбекамъ, я нашелъ и въ здѣшнихъ киргизахъ; узбековъ же я окончателно не видалъ и рискую предполагать ошибку въ описаніяхъ этого ученаго. Кстати сообщить здѣсь о томъ, что я слышалъ объ этомъ путешественникѣ отъ издавшихъ его людей. Одинъ казанскій татаринъ, бывшій въ Самаркандѣ во время пребыванія тамъ Вамбери, рассказывалъ мнѣ, будто этотъ ученый не былъ тамъ дервишемъ, а выдавалъ себя за посланнаго отъ султана чиновника, привезшаго ханамъ инвеституры, и при представленіи эмиру будтобы разговаривалъ съ нимъ о прекращеніи торговли невольниками, такъ какъ этого желаютъ султанъ, шахъ персидскій и англійское правительство; будто эмиръ чрезвычайно оскорбился такимъ предложеніемъ и велѣлъ ему убираться вонъ».

изъ Самарканды, такъ что Вамбери, при истинномъ желаніи по-
сѣтить Коканъ и Ташкентъ, долженъ былъ ретироваться на
югъ. Показаніе «одного казанскаго татарина» мы однако от-
казываемся принять за достаточное опроверженіе словъ почтен-
наго ученаго, который не только положительно говоритъ, что
онъ былъ въ Бухарѣ въ качествѣ дервиша, но и приводитъ та-
кія подробности относительно нравовъ дервишей и хаджей, а
также относительно религіозныхъ обычаевъ, предразсудковъ и
лицемѣрія бухарцевъ (мы сейчасъ возвратимся къ этому инте-
ресному предмету); что едва ли какой-либо иностранный чинов-
никъ, хотя бы и султанскій, могъ бы имѣть случай познакомиться
съ ними. Что касается до другого предположенія г. Пашино,
именно, что такъ какъ онъ не нашелъ узбековъ, то ихъ нѣтъ и въ
Бухарѣ, гдѣ онъ не былъ—то оно болѣе смѣло, чѣмъ серьезно.

Что касается легкости пашихъ побѣдъ надъ бухарцами, об-
разчикъ которой представленъ выше въ юмористическомъ раз-
сказѣ г. Пашино, то, чтобы объяснить ее себѣ вполне, надо по-
знакомиться съ составомъ бухарскихъ войскъ.

Въ книгѣ г. Галкина мы находимъ описаніе военныхъ силъ
бухарскаго эмира, относящееся къ 1857—1858 годамъ. Регу-
лярное войско сталъ заводить отецъ нынѣшняго эмира Мозаф-
фара, — Назръ-Улла, съ тридцатыхъ годовъ, по совѣту бѣжав-
шаго изъ англійской службы персіянина Абдуссамата. Основа-
ніе регулярному войску должна служить пѣхота. Между тѣмъ
само собою разумѣется, что «благородные узбеки» не захотѣли
служить пѣшкомъ. Вслѣдствіе того, эмиръ образовалъ своихъ «сар-
базовъ» изъ плѣнныхъ персіянъ и русскихъ, съ прибавкою охот-
никовъ изъ сартовъ. Всего пѣхоты было образовано спереа 2,500
человѣкъ. Солдаты были помѣщены за городомъ, имѣютъ семей-
ства и свои хозяйства; жалованье они получаютъ порядочное,
именно по 3 рубля въ мѣсяцъ на человѣка. Назръ-Улла устроилъ
себѣ и артиллерію по-европейски, изъ 80-ти орудій.

Кавалеріи регулярной Бухара не имѣетъ, но каждый узбекъ
— кавалеристъ (голябатырь, хабасадарь). Иррегулярной кавалеріи
въ городѣ Бухарѣ насчитывается до 13,000 человѣкъ. Это люди,
которые живутъ въ своихъ домахъ, занимаются своими дѣлами,
а во время войны призываются на службу и получаютъ тогда
отъ правительства по 2 — 3 тиллы (8 — 11 р.) въ мѣсяцъ на
человѣка, да лошадь, въ случаѣ, если собственная падетъ. Воору-
женіе кавалеристовъ: длинная пика, сабля и винтовка. Во время
войны набирается еще ополченіе, которое состоитъ, разумѣется,
изъ конницы. Ополченцы въ содержаніи сравнены съ голябаты-
рями. Отряды ополченія состоятъ подъ начальствомъ старшинъ

своихъ родовъ. Въ военное время устраивается еще рабочая команда, снабжаемая топорами, мотыгами, лопатами, для полевыхъ и осадныхъ работъ. Въ Бухарѣ есть литейные и пороховые заводы.

Изъ такого устройства бухарскихъ военныхъ силъ слишкомъ ясно, какъ легки должны быть побѣды надъ ними европейскому войску, состоящему преимущественно изъ пѣхоты, хорошо обученной и вооруженной и снабженной такими орудіями, которыхъ дѣйствіе изучено артиллеристами, между тѣмъ, какъ бухарскимъ канонирамъ приходится стрѣлять изъ пушекъ разнаго калибра, случайно попавшихъ въ Бухару. Вспомнимъ, что въ одномъ изъ дѣлъ, описываемыхъ г. Романовскимъ, бухарскіе артиллеристы стрѣляли «вѣрно, но черезъ головы» нашихъ линій.

Что эмиръ Мозаффаръ имѣлъ въ Средней Азій славу непобѣдимого, это объясняется тѣмъ, что кокандскія войска еще хуже его войскъ. Но главное значеніе бухарскаго эмира въ Средней Азій, да и на всемъ мусульманскомъ Востоѣ, заключается не въ войскахъ его, а въ религіозномъ авторитетѣ Бухары и строго-правовѣрнаго, фанатическаго владѣтеля ея, который сумѣлъ воспользоваться фанатизмомъ народа, какъ средствомъ для укрѣпленія своей власти, пока побѣды русскихъ не разрушили обаянія его непобѣдимости.

«Ха Бахарамъ шерифъ!» (да, благородная Бухара) вздыхаетъ западный мусульманинъ, особенно турокъ, оскорбленный реформами. Онъ внимаетъ съ чувствами грусти и умиленія разсказу своего единовѣрца о нравахъ и обычаяхъ Бухары, этой крѣпости ислама, гдѣ правовѣріе, вдали отъ всякихъ вліяній, процвѣтаетъ до сихъ поръ во всемъ бытѣ народа и его повелителя. «Когда я спрашивалъ муллу въ Бухарѣ, говоритъ Вамбери, какъ это сдѣлалось, что они—лучшіе магометане, чѣмъ жители Мекки и Медины, гдѣ жилъ и училъ самъ Магометъ, то они отвѣчали мнѣ: фавель бросаетъ свой свѣтъ вдоль, но у собственнаго подножія его всегда бываетъ темно». Съ этимъ воззрѣніемъ, повидимому, согласны и сами обитатели «подножія фавела ислама», такъ какъ на богомольца изъ Средней Азій они смотрятъ съ особымъ уваженіемъ и принимаютъ его съ почетомъ. Самую Бухару на всемъ мусульманскомъ Востоѣ считаютъ опорой ислама или, лучше сказать, чистѣйшимъ его сосудомъ.

Въ Бухарѣ, въ самомъ дѣлѣ, правовѣріе проникаетъ насквозь и общественную и государственную жизнь. Въ числѣ причинъ, обусловившихъ деспотизмъ и чистоту ислама въ Бухарѣ, важное мѣсто занимаетъ, конечно, изолированность; но не меньшее значеніе здѣсь имѣютъ и недостатки умственнаго развитія и са-

мая наклонность тюркской расы къ безпрекословному повиновению, къ умственному рабству. Изолированность, конечно, является и въ этомъ отношеніи существеннымъ условіемъ: благодаря ей, поддерживается умственный застой, благодаря ей и самая раса сохранилась въ Средней Азии въ большей чистотѣ, чѣмъ въ Турціи. Чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ болѣе замѣтно влияние кавказскаго племени на племя туранское, такъ что турокъ, по чертамъ лица, уже совсѣмъ не похожъ на туранца, съ которыми имѣетъ сходство только по языку и нравамъ. Западные мусульмане умственно болѣе развиты и по характеру менѣе склонны къ безусловному рабству будувъ, частью потому, что они къ тюркской расѣ вовсе не принадлежатъ, какъ арабы, персіяне, афганцы, частью же потому, что даже происходя отъ этой расы, какъ турки, давно уже представляютъ не чистый видъ ея, а смѣшеніе съ другими племенами.

Интересно прослѣдить, въ важнѣйшихъ частностяхъ, это различіе между характеромъ мусульманства въ глухомъ центрѣ Востока и на окраинахъ его, въ сосѣдствѣ съ кавказскимъ племенемъ.

Благочестивыя братства, нѣчто въ родѣ монашескихъ орденовъ, въ западно-магометанскихъ странахъ имѣютъ своихъ представителей только въ лицѣ немногихъ фанатиковъ, между тѣмъ, какъ въ Бухарѣ и Коканѣ эти ордена захватили въ полное свое распоряженіе цѣлыя населенія. Въ такихъ обществахъ, кромѣ свѣтскихъ муллъ, есть всегда нѣсколько ишановъ (монашествующихъ муллъ), которымъ всѣ члены братства оказываютъ слѣпое повиновеніе. Ясно, что правительства Средней Азии не могли не смотрѣть съ недоброжелательствомъ на эти могущественныя корпораціи, но не только не трогали ихъ, а даже сами выказывали наружную къ нимъ приверженность. Такъ, въ Бухарѣ самъ ханъ, министры и многіе улемы, несмотря на ненависть свою къ ишанамъ, сами носятъ значки разныхъ монашескихъ братствъ.

Различіе между восточнымъ и западомъ обазывается всего рельефнѣе въ судѣ. Не только въ Персіи, но и въ Турціи, «шаріатъ», т. е. кодексъ законовъ, выведенныхъ изъ корана, давно признанъ недостаточнымъ. Тамъ его дополняютъ «канунъ» (новые законы) и «урфъ», т. е. приговоры по личному убѣжденію судьи. Но въ Средней Азии всѣ эти нововведенія упорно отвергаются, считаются грѣхомъ. «Въ Туркестанѣ не только муллы, но и правительства и народъ сильно вооружены противъ всякаго измѣненія въ законѣ, такъ какъ въ ихъ глазахъ — коранъ тонокъ какъ волосъ, остеръ какъ мечъ и удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ — и по ихъ мнѣнію, со всякимъ думающимъ иначе, должно быть поступлено какъ съ самымъ чернымъ невѣрнымъ».

Нарочно выписываемъ эти слова Вамбери, которыя для насъ имѣютъ особое значеніе и которыхъ мы не должны терять изъ виду. Они показываютъ, какъ намъ слѣдуетъ быть осторожнымъ именно въ отношеніи судебнаго устройства въ нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ. Это, быть можетъ, — самая чувствительная струна въ бытѣ покореннаго нами народа. Между тѣмъ, ея-то мы прежде всего и коснулись учрежденіемъ такъ-называемыхъ «мехкемѣ», т. е. смѣшанныхъ судовъ. Правда, судамъ этимъ предоставлено руководствоваться шаріатомъ, но самая цѣль ихъ устройства — вырвать судъ изъ рукъ духовенства — уже нарушаетъ весь духъ суда. Нѣтъ спора, что сдѣлать это необходимо, вопросъ только въ томъ, своевременно ли это было сдѣлано. Чтобы коснуться съ успѣхомъ, не вызывая всеобщаго неудовольствія, столь чувствительной струны народнаго быта, едва ли не требуется болѣе нравственнаго авторитета, чѣмъ сколько мы могли имѣть въ средѣ туркестанскаго населенія, особенно три года тому назадъ. Въ то время — да и теперь — среднеазиатцы могли видѣть въ насъ только успѣшныхъ завоевателей и больше ничего. Мы еще ничѣмъ не показали имъ своего нравственнаго превосходства, ничего еще не успѣли сдѣлать не только для благосостоянія страны, но даже для введенія въ ней какой-либо безопасности. Напротивъ, мы потрясли весь край войною, которой прямымъ послѣдствіемъ была общая остановка въ торговыхъ дѣлахъ. И вдругъ, мы начали съ того, что вводимъ измѣненія въ судебную часть, тѣсно связанную съ вѣрой населенія. Въ этомъ отношеніи не мѣшаетъ помнить примѣръ покоренія Бухары арабами: покореніе это потребовало двухъ столѣтій, чтобы установиться, потому именно, что первымъ дѣломъ завоевателей было посягнуть на вѣру покоряемыхъ (которые въ то время держались такъ-называемаго Зороастрова ученія).

Главнымъ доводомъ при введеніи смѣшанныхъ судовъ въ Туркестанѣ была ссылка на тотъ фактъ, что подобные суды «успѣшно» дѣйствуютъ у насъ на Кавказѣ и у французовъ въ Алжиріи. Но вотъ тутъ-то и надо принять къ свѣдѣнію выписанная нами выше слова Вамбери о томъ, до какой степени различно относятся къ нововведеніямъ именно въ судѣ магометанскій западъ и фанатическій мусульманскій востокъ.

Различіе между этими частями мусульманскаго міра, краснорѣчиво отразилось и въ отношеніяхъ ихъ къ шиитскому Ирану: турки и арабы, несмотря на религиозную ненависть къ персіанамъ, признаютъ ихъ все-таки мусульманами, только раскольниками: дозволяютъ имъ входить въ свои священные города, даже въ свои мечети, между тѣмъ, какъ въ Средней Азии имъ

не дозволяется даже и жить. На нихъ наложена фетва и всѣ разбойничьи нападенія туркменовъ на Иранъ, жестокости, совершаемыя надъ шиитами, похищеніе ихъ и происходящій отсюда обширный торгъ людьми, оправдываются именно религіознымъ побужденіемъ. Понятно, что такое оправданіе не что иное какъ лицемеріе; тамъ, гдѣ преобладаетъ фанатизмъ, лицемеріе становится нормою жизни. Но дѣло въ томъ, что не будь персіане шииты, не подлежи они фетвѣ, ихъ нельзя бы было продавать въ Бухарѣ, такъ какъ законъ положительно осуждаетъ торгъ правотѣрными.

Вышніе обряды ислама въ Средней Азій и многочисленнѣе и суровѣе, чѣмъ на западѣ. Все, что въ западное магометанство прокралось мягкаго, благозвучнаго, эстетическаго — въ Бухарѣ строго осуждается. «Меланхолическіе «эзаны» (призывы къ молитвѣ), раздающіеся со стройныхъ минаретовъ Босфора и такъ волшебнo-дѣйствующіе на слушателя среди тишины лунной ночи, считаются въ Бухарѣ грѣхомъ и слушаются съ глубокимъ отвращеніемъ» (бухарцами).

Вотъ фізіономія фанатической Бухары, начертанная Вамбери въ немногихъ строкахъ: «...Множество мечетей, медресе, биткомъ набитыхъ учениками, кариханъ (домовъ, гдѣ втеченіи дня слѣпцы распѣвають коранъ), большое количество ханокъ (скитовъ), гдѣ фанатики денно и ношно выкрикиваютъ свои «сикры».... Ломанье, строгій взглядъ и дикая, фанатическая наружность муллы, ишановъ, дервишей, калентеровъ и аскетовъ — вотъ Бухара, опора ислама, гнѣздо доведеннаго до крайности религіознаго рвенія, гдѣ ученіе аравійскаго пророка вылилось въ такую форму, въ какой, можетъ быть, самъ основатель никогда не пожелалъ бы его видѣть. Отсюда ученіе его, съ такими же тенденціями, распространилось въ Индію, въ Кашмиръ, въ китайскую Татарію, и на сѣверъ — до Казани. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ бухарскій духъ пустилъ глубоко свои корни. Бухара — ихъ учитель; Бухара, а не Константинополь и не Мекка — ихъ уставщикъ. Наша цивилизація встрѣтитъ въ этихъ странахъ гораздо больше твердый камень преткновенія, чѣмъ въ западной Азій».

Интересно у Вамбери описаніе уличной жизни города Бухары. Религіозные обряды и религіозныя увеселенія составляютъ въ ней всю умственную пищу общества. Еще до восхода солнца всѣ встаютъ и улицы покрываются неумытыми, полуодѣтыми, сонными людьми, которые бѣгутъ въ мечети на поклоненіе. Достаточные люди и вечеръ оканчиваютъ мнимо-религіознымъ образомъ, именно посѣщеніемъ «ханокъ» или монастырей, гдѣ

распѣваются духовныя поэтическія произведенія. Но это служитъ только предлогомъ къ самому гнусному разврату. Вообще лицемѣріе въ высокой степени развито въ Бухарѣ. Тамошніе фанатики искренно вѣрятъ, что достаточно соблюдать всѣ обряды и «казаться» добродѣтельнымъ, чтобы исполнить всѣ религиозно-нравственныя обязанности.

Тотъ развратъ, который на магометанскомъ западѣ хотя и существуетъ, однако считается порокомъ и грѣхомъ, тутъ процвѣтаетъ открыто. Употребленіе вина и спиртныхъ напитковъ здѣсь преслѣдуется. Въ Турціи и Персіи на запрещеніе ворага пить вино смотрятъ тоже лицемѣрно, именно относя это запрещеніе только къ вину виноградному, или во всякомъ случаѣ употребляютъ водку, считая это меньшимъ преступленіемъ. Въ Бухарѣ же просто, безъ особыхъ усилій, нельзя найти вина или водки. Самое произношеніе словъ «шарабъ» (вино) и «аракъ» (водка) тамъ считается грѣхомъ. Но за то въ Бухарѣ, да и вообще въ Средней Азіи страшно развито употребленіе *сухихъ* наркотическихъ веществъ, и именно «бенги» (ядъ, добываемый изъ растенія *sanabis indica*).

Книга Вамбери не только богата научными свѣдѣніями, но и написана съ тою увлекательностью, которая составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ изложенія этого знаменитаго путешественника. Чрезвычайно интересны въ ней статьи о торговлѣ невольниками и жизни невольниковъ въ Средней Азіи, о древнѣйшей исторіи Бухары, о литературѣ въ Средней Азіи, о дerviшaxъ и т. д. Намъ пришлось бы дѣлать слишкомъ много выписокъ, если бы мы предприняли познакомить читателя со всѣмъ, что есть интереснаго въ этой книгѣ Вамбери, изданной въ минувшемъ году въ дополненіе къ его «Путешествію по Средней Азіи». Въ предисловіи, Вамбери говоритъ, что написалъ ее потому, что первое его сочиненіе упрекали въ скупости и краткости описаній. Многословія нѣтъ и въ новой его книгѣ; изложеніе Вамбери фактическое, а потому, при его искусствѣ какъ рассказчика, чрезвычайно картинно. Предпочитаемъ отослать читателя къ вышедшему недавно русскому переводу ея. Русскому переводчику слѣдуетъ сдѣлать тотъ упрекъ, что выраженіе Вамбери *turks, turkish* онъ почти вездѣ перевелъ безразлично словами «турки», «турскій» или «турскіе», между тѣмъ какъ по большей части они относятся ко всему племени *тюркскому*. Такъ въ русскомъ переводѣ буряты, узбеки, киргизы являются подъ именемъ восточныхъ «турокъ». Это не мало собьетъ съ толку неприспособленныхъ читателей.

Л. А.

КОРНЕЛЛЕВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ АМЕРИКѢ.

The new education (Atlantic Monthly, февраль, мартъ и апрѣль 1869).
Eighty years of republican government in the United States. By Louis J.
Jennings. 1868.

Report to the Commissioners appointed by Her Majesty to inquire in to the
Echyption. Given in schools in England not comprised within Her Ma-
jesty's two Recent Commissions and to the Commissioners appointed to
inquire into the School in Scotland on the Common School System
of the United States and Canada. By the Rev. J. Fraser, M. A. 1867.

I.

Внутри штата Нью-Йорка, подлѣ озера Кайюги (Cayuga), на прекрасной равнинѣ расположенъ небольшой, но весьма дѣятельный городъ Итака, съ 8,000 жителей, занимающихся хлопчатобумажнымъ, шерстянымъ и чугуннымъ производствомъ; двѣ желѣзныя дороги соединяютъ Итаку съ Нью-Йоркомъ и — черезъ Нью-Йоркъ — со всѣмъ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ, съ жизнью котораго итакійцы знакомятся ежедневно изъ мѣстной газеты и изъ двухъ другихъ мѣстныхъ періодическихъ изданій, выходящихъ рѣже. Въ продолженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, въ Итакѣ шла сильная агитація по «университетскому вопросу», и изъ мѣстныхъ органы печати, такъ и многія брошюры много разсуждали о томъ, что станется съ незатѣйливымъ, но за то

тихимъ и мирнымъ счастьемъ Итаки, когда подлѣ города возникнетъ университетъ. Были нѣкоторые краснорѣчивые люди, горячо возставшіе противъ этого «нововведенія», но въ концѣ концовъ ихъ краснорѣчіе оказалось безуспѣшнымъ, — почти всѣ жители перешли на сторону «великаго благотворителя», и за городомъ, на возвышеніи въ 500 футовъ надъ уровнемъ озера, появились пять массивныхъ зданій въ флорентинскомъ стилѣ, изъ которыхъ два еще недостроены. 22-го сентября прошлаго года въ этихъ зданіяхъ и городѣ праздновали открытіе университета, названнаго Корнеллевскимъ по имени основателя, Эзры Корнелля (Ezra Cornell).

Начиная съ замѣчательной личности самого основателя и кончая самою ничтожною подробностью въ устройствѣ и планѣ новаго учрежденія, все въ этомъ университетѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія, все въ немъ дышетъ тою жизнью и тѣмъ стремленіемъ, которыя развиваются въ народѣ, обладающемъ всѣми способами проявлять свою самостоятельность. Для самихъ американцевъ этотъ университетъ имѣетъ громадное значеніе, — въ немъ сосредоточены всѣ надежды и интересы самыхъ прогрессивныхъ и серьезныхъ мыслителей Соединенныхъ Штатовъ. Въ этомъ учрежденіи, по словамъ «Daily-News», американцы видятъ «воплощеніе той великой революціи въ дѣлѣ образованія, которую профессоръ Тиндалль предвѣщаетъ какъ новую фазу въ жизни природы, столь же непреодолимую, какъ движеніе прилива и отлива, или какъ теченіе Гольфстрима. Новый университетъ служить такимъ же полнымъ представителемъ науки, какъ прежніе служили представителями религіи (напр. Оксфордъ и Кембриджъ). Это — новое *провозглашеніе независимости* изъ-подъ тиранніи мертвыхъ языковъ и отжившихъ формъ мысли».

Корнеллевскій университетъ дѣйствительно является результатомъ новаго, широкаго образовательнаго движенія, которое началось въ Соединенныхъ Штатахъ со времени учрежденія перваго реального училища (1824), Ренселарскаго (Rensselaer) политехническаго института въ городѣ Трой (Трой). Этимъ движеніемъ выразилась сильная потребность націи въ замѣнѣ стараго классическаго образованія, перенесеннаго въ Америку изъ Англій, новымъ, болѣе соответствующимъ практической дѣятельности современной жизни. Американскій народъ создалъ свое государство съ одной стороны неутомимою борьбою съ природою, съ другой — непрерывнымъ трудомъ на поприщѣ самоуправленія. Понимая весьма хорошо, что накопленіе богатствъ и упроченіе гражданской равноправности — задачи крайне трудныя и требующія для своего разрѣшенія орудій твердыхъ и сильныхъ, амери-

ванцы быстро додумались до необходимости вывести свое образование на реальную дорогу, а сознавъ однажды эту необходимость и имѣя подъ рукою всѣ средства къ свободному обсужденію и испытанію любого проекта всякихъ предпріятій, они тотчасъ же приступили къ практическому удовлетворенію своихъ новыхъ нуждъ въ образованіи.

Прежде, со времени основанія республики, высшіе и средніе курсы образованія носили всегда тотъ самый классическій характеръ, какимъ надѣлены до сихъ поръ разныя классическія учебныя заведенія въ Англіи. Вся система народнаго просвѣщенія опредѣлялась закономъ 1789 года ¹⁾, который ввелъ обязательное образованіе и раздѣлилъ всѣ училища на три разряда: низшія, среднія и высшія (primary, grammar и high schools). Всѣ города, мѣстечки и селенія должны были заводить у себя «достаточное» число школъ перваго разряда, а въ городахъ, имѣющихъ болѣе 500 жилыхъ домовъ, привязано было учредить, по крайней мѣрѣ, по одному среднему учебному заведенію; заводить высшія школы законъ не принуждалъ. Два университета: Ейльскій (Yale) и Гарвардскій уже были основаны (въ 1701 и 1642 г.) на началахъ, господствовавшихъ въ древнихъ англійскихъ университетахъ.

Въ низшихъ школахъ учатъ только грамотѣ и ариметикѣ; въ среднихъ — англійской грамматикѣ, географіи и исторіи Соединенныхъ Штатовъ, и есть курсы геометріи, алгебры и рисованія. Въ высшихъ училищахъ, пріготовительныхъ къ университетскому образованію, введена была классическая система, господствующая тамъ и донинѣ; первостепенными высшими школами считаются тѣ, въ которыхъ преподаются оба древніе языка: греческій и латинскій, — во второстепенныхъ преподается только одинъ латинскій. Кромѣ древнихъ языковъ, курсъ высшихъ школъ заключаетъ въ себѣ поверхностное ознакомленіе съ естественною исторіею, физиологіею, химіею и астрономіею и серьезное изученіе «конституціи Соединенныхъ Штатовъ»; изъ математики здѣсь проходятъ алгебру, геометрію и тригонометрію, — сюда же причисляютъ бухгалтерію. Въ низшихъ, среднихъ и въ некоторыхъ высшихъ училищахъ дѣвочки учатся вмѣстѣ съ мальчиками; всѣ три курса проходятъ дѣти съ 5-лѣтняго возраста до 18-лѣтняго. Въ университетахъ тоже давали лишь *общее* классическое образованіе, не подготавливая студентовъ къ прак-

¹⁾ Этотъ законъ введенъ былъ сперва въ одномъ штатѣ Массачусетсѣ, но потомъ его приняли и всѣ другіе штаты сѣверной половины республики.

тической жизни; только юридическій и медицинскій факультеты имѣли въ виду спеціальныя цѣли.

Само собою разумѣется, что подобная система образованія мало соответствовала потребностямъ таковаго дѣятельнаго народа, какъ американцы, и поэтому, высшія школы, какъ и университеты, посѣщались довольно скудно. Успѣхъ Ренселарскаго политехническаго института показавъ высшему законодательному собранію (конгрессу) въ Вашингтонѣ, каковаго именно образованія недостаетъ націи. Курсъ этого заведенія продолжается четыре года и состоитъ не только изъ разныхъ отраслей технологій, но также изъ французскаго и англійскаго языковъ, естественныхъ наукъ и философіи. Изъ этого института вышли весьма многіе замѣчательные инженеры и желѣзно-дорожные дѣятели. Въ этомъ же заведеніи впервые былъ введенъ ручной трудъ, какъ непремѣнная составная часть преподаванія, но какъ въ Ренселарскомъ институтѣ, такъ и въ другихъ американскихъ училищахъ трудъ этотъ остался непримѣнимымъ вслѣдствіе того, что его ввели какъ предметъ гимнастики, а также потому, что въ самомъ заведеніи не было никакихъ практическихъ, житейскихъ потребностей въ ручномъ трудѣ. Эта неудача заставила многихъ американцевъ предположить, что молодые люди, занимаясь умственнымъ трудомъ, теряютъ расположеніе къ труду физическому, и что трудъ ручной не есть простое тѣлесное упражненіе, но и еще нѣчто, несовмѣстное съ работою мысли. Правда, они знали, что дѣти англійскихъ рабочихъ успѣшно обучаются въ фабричныхъ школахъ, употребляя половину такъ-называемаго «рабочаго дня» (6—8 часовъ въ сутки) на техническій трудъ въ фабричныхъ залахъ. Но, утверждаютъ скептики, тамъ, на англійскихъ фабрикахъ, вы имѣете передъ собою дѣло съ дѣтьми ниже 13-лѣтняго возраста, да и все ихъ образованіе составляютъ грамота и арифметика;—здѣсь же вы имѣете юношей не менѣе 16 лѣтъ и образованіе преподается высшее: пусть эти юноши погуляютъ на волѣ, ловятъ бабочекъ и собираютъ цвѣты или минералы, упражняются въ интересныхъ химическихъ опытахъ, рисуютъ, — пускай ихъ лучше проводятъ время въ своей собственной веселой компаніи или научаются приемамъ вѣжливости и пріятнаго общенія въ дамскомъ обществѣ, дайте имъ побольше свободы, иначе ихъ умственныя силы не вынесутъ того труда, котораго требуетъ изученіе науки. Однако, всѣ эти доводы мало убѣждаютъ туземныхъ новаторовъ въ образованіи, и Корнеллевскій университетъ ввелъ въ свои стѣны ручной трудъ, но на другихъ основаніяхъ, какъ мы увидимъ ниже.

Въ тридцатыхъ годахъ, вопросъ о практическомъ, реальномъ,

«новомъ» образованіи достигъ законодательнаго собранія, и въ обѣихъ палатахъ вашингтонскаго конгресса раздались энергичскія рѣчи въ пользу обращенія всѣхъ высшихъ училищъ въ «полезныя» заведенія. Такъ какъ въ Америкѣ министры не могутъ насильно устанавливать одну систему образованія въ привилегированное положеніе передъ другою, и такъ какъ свобода печати существуетъ тамъ для всѣхъ направленій въ журналистикѣ, то голосъ практическихъ нуждъ націи былъ услышанъ и конгрессъ въ скоромъ времени приступилъ къ энергическимъ мѣрамъ для распространенія полезныхъ свѣдѣній. И въ Америкѣ были, конечно, ловкіе сторонники классицизма, старавшіеся перенести этотъ чисто общественный вопросъ на политическую почву и запугать общество и правительство призрачными ужасами сепаратистическихъ стремленій въ разныхъ штатахъ, но всѣ ихъ усилія потерпѣли полное фiasco, и въ 1842 году конгрессъ принялъ законъ о распредѣленіи между всѣми штатами 5 милліоновъ акровъ¹⁾ государственной земли съ тѣмъ, чтобы въ каждомъ штатѣ была учреждена хотя одна коллегія, въ которой главными предметами преподаванія были бы «такія отрасли науки, которыя приложимы въ сельскому хозяйству и механическому искусству». Земли, дарованныя конгрессомъ, лежатъ въ отдаленныхъ и мало-населенныхъ (въ то время) штатахъ: Канзасѣ, Висконсинѣ и друг., и потому не могли пойти въ дѣло тотчасъ-же. Однако же, одна мысль о возможности приобрести со временемъ порядочное пособіе дѣлу мѣстнаго образованія заставляла представителей разныхъ штатовъ подумывать о томъ, какъ бы лучше воспользоваться даромъ конгресса. Въ мѣстныхъ законодательныхъ собраніяхъ стали разсуждать о томъ, какъ бы устроить такой курсъ преподаванія, какой обозначенъ въ новомъ законѣ, и явилось не мало предложеній, клонившихся къ распредѣленію денегъ, отъ предволагавшейся продажи земель, между тѣми высшими школами (high schools), которыя введутъ у себя техническій курсъ вмѣсто классическаго или вмѣстѣ съ классическимъ. Само собою разумѣется, что подобная агитація не могла не повліять и на самые упорные умы, державшіеся прежней системы образованія. Даже старыя университеты уступили дружному натиску сторонниковъ новаго образованія. Въ 1846 году, Гарвардскій университетъ, а въ 1847 году и Ейльскій, открываютъ у себя «научныя школы» (scientific schools); въ 1852 году такая же школа открыта при Дартмутской коллегіи, а въ университетахъ: Бро-

¹⁾ Акръ — треть одной десятины.

унскомъ и Минигэнскомъ вводятся параллельные курсы классической и реальной системы образованія. Въ болѣе близкій къ намъ періодъ времени, въ 60-хъ годахъ, учреждаются самостоятельныя техническія заведенія, какъ горная школа въ Колумбіи (1864) и технологическій институтъ въ Бостонѣ (1865). Въ разныхъ краяхъ страны заведены земледѣльческія школы. Корнеллевскій университетъ вѣнчаетъ дѣло и соединяетъ въ себѣ всѣ отрасли какъ научнаго, такъ и практическаго образованія.

Научныя или реальныя «школы» при университетахъ были открыты сперва, какъ особые курсы техническаго образованія. Въ отчетахъ Гарвардскаго и Ейльскаго университетовъ за 1847—48 учебный годъ прямо говорится о томъ, что начальство университета учреждаетъ особый отдѣлъ физическихъ и точныхъ наукъ (department of physical and exact science), на подобіе факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и богословскаго. Съ теченіемъ времени, однако, эти курсы стали имѣть и чисто образовательный характеръ. Въ 1860 году, Ейльскій университетъ окончательно преобразовалъ этотъ факультетъ въ факультетъ философіи и искусствъ, учредивъ трехлѣтній «общій курсъ» въ составъ котораго вошли математическія науки, естественная исторія, французскій, нѣмецкій и англійскій языки, литература, исторія, политическая экономія и торговое право, и два спеціальныхъ курса: одинъ — химическій, въ которомъ преподаются новѣйшіе языки, ботаника, физическая географія, физика и химія, исторія индуктивныхъ наукъ, геологія и логика; а другой — механический, въ которомъ изучаютъ тѣже языки, всѣ отрасли инженернаго искусства, а также астрономію, химію, физикѣ, минералогію и геологію. Эти два спеціальныхъ курса опредѣлялись сперва въ два года, но съ 1862 года имъ придаютъ еще «общій курсъ» въ одинъ годъ. Съ 1864 года университетъ нашелъ нужнымъ снова переработать всю систему реального образованія и устроилъ семь спеціальныхъ курсовъ, каждый изъ которыхъ продолжается три года. Первый годъ — общій курсъ, состоящій изъ математики, новѣйшихъ языковъ, нравственной и политической философіи и исторіи; слѣдующіе два года посвящаются спеціальнымъ отраслямъ изученія: химіи и минералогіи, естественной исторіи и геологіи, инженерному искусству, механикѣ, сельскому хозяйству, горному дѣлу, естественнымъ наукамъ и литературѣ вообще. Другіе факультеты въ университетѣ: юридическій, медицинскій, богословскій, филологическій, тоже продолжаютъ по три года, и всѣ они вмѣстѣ взяты, даютъ воспитанникамъ одинаковыя права и ученые степени: бакалавра и доктора. Вступительный экзаменъ въ реальныя фа-

культеты требуютъ знанія ариметики, алгебры, геометріи и элементарной тригонометріи, англійской грамматики, географіи, исторіи Соединенныхъ Штатовъ и элементарныхъ свѣдѣній изъ естественной исторіи; экзамень въ другіе факультеты требуютъ знанія классическихъ языковъ, вмѣсто новѣйшихъ. Почти все, что мы говоримъ о Ейльскомъ университетѣ, относится и къ Гарвардскому.

Ейльскій университетъ находится въ штатѣ Коннектикутѣ; мѣстное законодательное собраніе нашло, что университетъ молниѣ удовлетворяетъ (съ 1864 года) всѣмъ условіямъ «дара конгресса» и распорядился объ отдачѣ земли, пришедшейся на долю Коннектикута, Ейльскому университету, чѣмъ и обеспечивается теперь существованіе и процвѣтаніе реального образованія въ Ейлѣ. Тоже самое сдѣлало законодательное собраніе штата Нью-Гэмпшира, гдѣ находится «реальная школа» при Дартмутской коллегіи. Этой же коллегіи подарилъ бригадный генералъ Сильванусъ Тэйеръ (Thayer) пятьдесятъ тысячъ долларовъ на основаніе школы строительнаго и инженернаго искусствъ. Въ Дартмутской коллегіи курсъ продолжается четыре года. Какъ въ Ейльскомъ и Гарвардскомъ университетахъ, такъ и въ Дартмутской коллегіи реальное образованіе идетъ весьма успѣшно, и число учащихся съ каждымъ годомъ все прибываетъ.

Менѣе успѣшны *параллельные курсы*, которые состоятъ въ томъ, что воспитанники обоихъ отдѣленій университета проводятъ первые два года вмѣстѣ и учатся обоимъ наукамъ у однихъ и тѣхъ же профессоровъ, съ тою лишь разницею, что классики учатся греческому и латинскому языкамъ, а реалисты — нѣмецкому и французскому. Остальные два года студенты проводятъ въ изученіи специальныхъ наукъ. Таковъ курсъ въ Броунскомъ университетѣ (въ Провиденсѣ), и въ Мичиганскомъ университетѣ. Малый успѣхъ этихъ курсовъ опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что, несмотря на двадцатилѣтнее сосуществованіе, классическій курсъ все-таки одерживаетъ верхъ надъ реальнымъ: число студентовъ въ классическомъ курсѣ значительно превышаетъ число студентовъ въ реальномъ и студенты охотнѣе стремятся къ достиженію степени бакалавра по классическимъ наукамъ, чѣмъ по реальнымъ. Само собою разумеется, что не малая доля этого явленія зависитъ отъ того, что само реальное образованіе есть еще новость въ Соединенныхъ Штатахъ, и что въ обществѣ настоящимъ «джентльменомъ» привыкли считать лицъ, умѣющихъ къ своему разговору кстати и некстати примѣшивать латинскія и греческія фразы.

Одинъ американскій писатель приписываетъ неуспѣхъ реализма въ параллельныхъ курсахъ исключительно тому обстоятельству, что реальныя курсы идутъ вмѣстѣ съ классическими. Онъ убѣжденъ, что этотъ параллелизмъ одинаково вредитъ и классическому образованію. Онъ говоритъ:

«Одновременное веденіе двухъ совершенно различныхъ курсовъ преподаванія въ однихъ и тѣхъ же стѣнахъ, среди однихъ и тѣхъ же студентовъ, и однимъ и тѣмъ же составомъ профессоровъ, дѣйствуетъ, по нашему мнѣнію, весьма неблагопріятно на обѣ системы обученія. Подобную комбинацію подвергали испытаніямъ во французскихъ лицеяхъ, но неудачно, и она тамъ оставлена. Въ Германіи сочли удобнымъ отдѣлить оба курса даже въ періодъ школьнаго образованія (гимназій и реальныя школы); тамъ же нашли необходимымъ создать особыя учрежденія для высшаго преподаванія обѣихъ системъ. Дѣло въ томъ, что весь характеръ и духъ хорошей коллегіи долженъ быть совершенно иного рода, чѣмъ въ хорошей политехнической или реальной школѣ. Въ коллегіи, господствующими идеями должны быть: стремленіе къ самой широкой культурѣ, къ наилучшему образованію и просвѣщенію ума, восторженное изученіе предметовъ изъ простой любви къ нимъ, безъ всякихъ заднихъ цѣлей, любовь къ наукѣ и научнымъ изысканіямъ для самой науки. Въ политехнической школѣ тоже должна развиваться и такая дрессировка ума, которая не уступила бы въ силѣ и широтѣ никакой другой дрессировкѣ, и жажда къ знаніямъ, и искреннее увлеченіе научными изысканіями, и истинная любовь къ природѣ. Но всего этого достигаютъ тамъ подъ вліяніемъ особеннаго научнаго закона и руководствуясь вовсе не такими побужденіями, какія мы привыкли искать въ коллегіи. Студентъ въ политехнической школѣ имѣетъ постоянно въ виду практическую цѣль; — онъ развиваетъ свои способности съ нарочвою цѣлью образоватъ изъ себя лучшаго фабриканта, инженера, или учителя, онъ изучаетъ процессы природы для того, чтобы обратить потомъ свои знанія на человѣческія пользы и въ свою собственную выгоду. Если онъ ревностно старается проникнуть въ тайны электричества, то всего болѣе потому, что ему желательно понять дѣйствіе телеграфа; если онъ изучаетъ французскій и нѣмецкій языки, то главнымъ образомъ потому, что желаетъ пользоваться лучшею технологическою литературою своего времени; если онъ вбираетъ въ свой умъ глубокія и тяжкія опредѣленія математики, то это для того, чтобы изучить механику. Подобныхъ практическихъ цѣлей никогда не теряютъ изъ виду ни студенты, ни преподаватели въ политехнической

школѣ, между тѣмъ какъ въ коллегіи только изрѣдка думаютъ и еще рѣже вспоминаютъ о практикѣ жизни. Насколько духъ, свойственный политехнической школѣ, проникаетъ въ коллегію, ровно настолько коллегія падаетъ ниже своего истиннаго идеала. Практическій духъ и литературный, или схоластическій, оба хороши, но они несомвѣстимы. Смѣшанные вмѣстѣ, они извращаются оба». (Atlantic Monthly, февраль, стр. 214, 215).

Въ этомъ мнѣніи осторожнаго американца особенно важно его признаніе въ томъ, что и въ реальной школѣ, гдѣ вовсе не преподаютъ классическихъ языковъ, умъ учениковъ развивается также удачно, какъ и въ коллегіяхъ, и приобретаетъ ту же «силу и широту», и что реальная система воспитываетъ жажду и ревностное стремленіе къ серьезнымъ знаніямъ и изслѣдованіямъ, и также истинную любовь къ природѣ. Основываясь на этомъ признаніи, можно было бы спросить американца, отчего онъ не желаетъ окончательно упразднить классическую систему образованія? Если воспитанникъ реальной школы приобретаетъ «жажду къ знаніямъ» и имѣетъ отлично выдрессированный умъ, то становится несомнѣннымъ, что онъ способенъ проникаться не только практическими цѣлями, но и часто научными, а такъ какъ въ немъ преобладаетъ практическое направленіе, то его научныя понятія будутъ имѣть предметомъ самыя существенныя потребности минуты, и могутъ, слѣдовательно, разомъ удовлетворять и строгія предписанія наукъ и утилитарныя требованія жизни. Превосходство реальной системы образованія надъ классическою становится такимъ образомъ неоспоримымъ, даже съ той благопріятной для классицизма точки зрѣнія, съ которой смотритъ на разбираемый нами вопросъ американскій писатель. Онъ самъ, впрочемъ, видитъ нѣкоторое противорѣчіе въ своихъ словахъ, и старается дальше объяснить свою осторожность «естественными наклонностями» дѣтскаго ума. Мы вполне согласны съ нимъ въ томъ, что слѣдуетъ обращать самое серьезное вниманіе на природныя способности учащихся и не насиловать ихъ въ пользу той или другой системы воспитанія; мы готовы допустить также, что въ настоящее время нѣтъ рѣшительныхъ доказательствъ ни въ пользу классицизма, ни въ пользу реализма, и что если подвергнуть испытанію обѣ системы, то это слѣдуетъ дѣлать при всѣхъ равныхъ обстоятельствахъ, безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякихъ привилегій, и никакъ не въ параллельныхъ курсахъ, — но мы не понимаемъ, почему и университетское преподаваніе, основанное на этихъ системахъ, должно быть тоже раздѣльное. Университетское преподаваніе, въ европейскомъ смыслѣ, можетъ обнимать всѣ отрасли знанія разомъ, въ одномъ и томъ

же зданіи. Параллельные курсы въ Броунсомъ и Мичигэнскомъ университетахъ имѣютъ, впрочемъ, скорѣе характеръ гимназическій, чѣмъ университетскій; только послѣдніе два года въ этихъ университетахъ проходятъ въ преподаваніи дѣйствительно университетскихъ предметовъ. Но Корнеллевскій университетъ преслѣдуетъ болѣе широкія цѣли, какъ научныя, такъ и практическія, и поэтому принимаетъ въ свою аудиторію всѣхъ слушателей, не отдавая преимуществъ ни реалистамъ, ни классикамъ, и старается удовлетворить естественныя наклонности студентовъ, доставляя имъ полную свободу въ выборѣ какъ отдѣльныхъ предметовъ изученія, такъ и цѣлыхъ курсовъ. Въ немъ классическія науки соединены подъ однимъ кровомъ съ реальными, и это соединеніе, какъ мы увидимъ ниже, произведено по мысли главныхъ основателей университета, пользующихся въ штатѣ Нью-Йоркѣ такимъ же почетнымъ авторитетомъ въ дѣлѣ образованія, какъ и журналъ «Atlantic Monthly».

II.

Главными учредителями Корнеллевскаго университета были два замѣчательныхъ человека: Эзра Корнелль и Эндрю Уайтъ.

Нѣкоторыя обстоятельства въ жизни Корнелля такъ тѣсно связаны съ мыслью объ основаніи описываемаго нами университета, что мы считаемъ необходимымъ познакомить читателя съ этими біографическими подробностями, тѣмъ болѣе, что онѣ интересны сами по себѣ и хорошо характеризуютъ здоровыя стороны американской жизни.

Эзра Корнелль родился въ 1808 году въ штатѣ Массачусетсѣ, но уже съ дѣтскихъ лѣтъ проводилъ свою жизнь въ Итавѣ и другихъ мѣстечкахъ центральной части штата Нью-Йорка, гдѣ отецъ его занимался фермерствомъ. Семья Корнелля принадлежала къ рационалистической партіи въ сектѣ квакеровъ, извѣстной подъ именемъ гикситовъ. Маленькій Эзра, на фермѣ своего отца, научился уважать ручной, земледѣльческій трудъ и оказывалъ своей семьѣ значительныя услуги. Съ лѣтами, его практическій, смѣливый умъ доставилъ ему извѣстность въ околдкѣ, какъ молодому человеку, одаренному большими познаніями въ механикѣ; въ нему обращались за совѣтами всякій разъ, когда требовалось строить мельницу, плотину, сельскій мостикъ. Въ тридцатыхъ годахъ Корнелль изобрѣлъ плугъ; ему посоветовали отправиться съ плугомъ въ Вашингтонъ и взять привилегію. Въ то самое время изобрѣтеніе пишущаго теле-

графа Морса уже приобрѣло довольно обширную извѣстность, и вашингтонскій конгрессъ заключилъ контрактъ съ Смитомъ для проведенія подземной линіи изъ столицы Соединенныхъ Штатовъ въ Балтиморъ. Когда Корнелль явился въ такъ-называемое «Patent Office», которое завѣдуетъ раздачею привилегій на изобрѣтенія, — тамъ занимался въ тотъ день Смитъ, вмѣстѣ съ чиновниками, составленіемъ модели инструмента, необходимаго для копанія земли подъ телеграфную проволоку. Начальникъ вѣдомства утверждалъ, что устроить такой инструментъ дѣло невозможное, что нужно приступить къ работамъ по обыкновенному способу. Смитъ настаивалъ на необходимости новаго орудія. Молодой Корнелль внимательно слушалъ, и вдругъ ему пришла мысль предложить свой новый плугъ къ услугамъ Смита. Почтенный телеграфистъ выслушалъ незнакомца весьма внимательно, самъ начальникъ департамента заинтересовался объясненіями Корнелля, и результатомъ этой бесѣды было то, что Смитъ поручилъ Корнеллю устроить машину для копанія земли подъ телеграфную проволоку. Молодой изобрѣтатель тотчасъ же принялся за дѣло; средствъ у него было весьма мало, но Корнелль не унывалъ, хотя не разъ приходилось ему оставаться безъ обѣда. Наконецъ машина была готова, опытъ съ нею удался и работы начались. Въ скоромъ времени, проволока была проложена на разстояніи десяти верстъ, и Смитъ уже радовался, что остальные сорокъ можно будетъ положить раньше контрактнаго срока. Корнелль, между тѣмъ, напалъ на мысль воздушнаго телеграфа и тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Смиту; тотъ принялъ новое изобрѣтеніе съ такимъ же вниманіемъ, какъ и первое, и убѣжденный въ дѣльности проекта Корнелля, обратился къ членамъ конгресса съ обновленнымъ проектомъ балтиморскаго телеграфа. На этотъ разъ, конгрессъ поручилъ надзоръ за работами по одной изъ линій самому изобрѣтателю. Плату за труды Корнелль бралъ телеграфными акціями, которыя стояли въ то время весьма низко, такъ какъ мало было такихъ людей, которые способны были предвидѣть богатую будущность только-что возникавшаго предпріятія. Корнеллю, между тѣмъ, поручали строить одну линію за другою, и акцій у него собиралось все болѣе и болѣе, такъ что когда акціи стали приносить дивидендъ, онъ вдругъ сталъ весьма богатымъ человекомъ. Въ настоящее время, Корнелль считается миллионеромъ.

Подобно многимъ другимъ богатымъ американцамъ, успѣвшимъ достигъ своего счастливаго положенія путемъ усиленныхъ трудовъ и изобрѣтательности ума, Корнелль находитъ удовольствіе своему благородному честолюбію въ распространеніи

образованія и въ осуществленіи разныхъ проектовъ въ улучшенію быта рабочихъ людей. Корнеллъ не забываетъ ни о своемъ происхожденіи, ни о всѣхъ затрудненіяхъ, какія пришлось ему испытывать на своемъ жизненномъ пути. Стараясь изучить въ совершенствѣ телеграфное искусство, механику и всѣ отрасли инженернаго дѣла, этотъ почтенный человѣкъ перерылъ въ свое время всю бібліотеку «Patent-Office» и бібліотеку вашингтонскаго конгресса. Серьезныхъ, специальныхъ сочиненій по этимъ отраслямъ знанія Корнеллъ нашелъ тамъ мало, и ему приходилось собирать свои свѣдѣнія изъ разныхъ энциклопедій и другихъ не-спеціальныхъ книгъ. Обращая свое вниманіе на положеніе реального образованія вообще, онъ замѣтилъ, что въ его отечествѣ молодые люди пріобрѣтаютъ въ высшихъ школахъ лишь такія свѣдѣнія, которыя не имѣютъ никакого практическаго значенія. Негодуя на всѣ препятствія и непріятности, какія приходится преодолевать молодымъ людямъ, желающимъ получить образованіе согласно съ наклонностями своего ума, Корнеллъ скоро напалъ на мысль взять на себя починъ и въ дѣлѣ «новаго» образованія. Вернувшись въ Итаку, гдѣ онъ встрѣтилъ со стороны жителей самый радушный пріемъ, онъ сталъ проповѣдовать принципъ новаго образованія и старался убѣдить весь избирательный округъ, въ которомъ расположенъ городъ Итака, въ необходимости учредить университетъ на «американскихъ» началахъ. Граждане слушали его съ восторгомъ, и на слѣдующихъ выборахъ въ законодательное собраніе штата Нью-Йорка, Корнеллъ получилъ громадное число голосовъ. Это случилось въ началѣ нынѣшняго десятилѣтія.

Въ 1862 году, нью-йоркское законодательное собраніе получило въ свое распоряженіе 330,000 десятинъ государственной земли, дарованной конгрессомъ въ силу закона 1842 года. Всѣ коллегіи, находившіяся въ штатѣ, узнавъ объ этомъ лакомомъ кускѣ, тотчасъ подняли сильную агитацію и стали спорить о томъ, кому слѣдуетъ овладѣть дарованными десятинами. Споръ этотъ существовалъ уже съ сороковыхъ годовъ, но только теперь достигъ полнаго ожесточенія. Одни хотѣли распределить землю между всѣми коллегіями, если онѣ заведутъ у себя реальные классы, другіе требовали отдать всю землю тѣмъ коллегіямъ, которыя уже успѣли основать реальное образованіе; было много смѣшанныхъ плановъ, и всѣ прожектёры отстаивали свое по возможности бойко, горячо и съ негодованіемъ на планы противниковъ. Корнеллъ предложилъ законодательному собранію продать землю и вырученную сумму раздѣлить на двѣ равныя половины, изъ которыхъ одна должна была удовлетво-

рять притязанія всѣхъ коллегій, а другая — послужить основнымъ капиталомъ для учрежденія большого центрального университета въ штатѣ.

Агитація Корнелля обратила на себя вниманіе молодого профессора исторіи въ Мичигэнскомъ университетѣ, Эндрю Уайта, уроженца города Итаки. Уайтъ тоже богатый человѣкъ, и тоже посвящаетъ значительныя средства на дѣло образованія. Историческіе труды его и преподаваніе въ одномъ изъ важнѣйшихъ американскихъ университетовъ доставили ему почетную извѣстность. Все свое жалованье издерживалъ Уайтъ на пополненіе университетской бібліотеки. Узнавъ объ агитаціи Корнелля въ штатѣ Нью-Йоркѣ и имѣя свою собственную завѣтную мысль о реформѣ университетскаго дѣла въ Америкѣ, молодой профессоръ, долго не медля, подалъ въ отставку въ Мичигэнѣ и вернулся на родину. Ему тоже удалось приобрести мѣсто въ законодательномъ собраніи, гдѣ онъ явился самымъ горячимъ поборникомъ предложеній Корнелля. Твердая и глубокая мысль Уайта, его обширныя знанія и блестящее краснорѣчіе успѣли привлечь на сторону Корнелля все, что было дѣльнаго и честнаго среди нью-йоркскихъ законодателей. Въ своихъ предложеніяхъ Уайтъ нѣсколько отличался отъ Корнелля, но не въ принципѣ, а лишь относительно распредѣленія подарка конгресса. Уайтъ убѣждалъ собраніе посвятить всю сумму, дарованную конгрессомъ, на устройство новаго университета. Когда, однажды, Корнелль защищалъ свой проектъ о раздѣленіи подаренной земли на двѣ половины, прибавивъ, что онъ, Корнелль, придастъ къ университетской половинѣ, изъ собственного кошелька, триста тысячъ долларовъ, Уайтъ обратился къ нему и сказалъ: «Корнелль, требуйте все».

— Въ такомъ случаѣ, подхватилъ Корнелль, то-есть, если вы посвятите весь конгрессовый фондъ на устройство американскаго университета, то я готовъ предоставить въ ваше распоряженіе не триста тысячъ, а цѣлые полъ-милліона долларовъ.

Часть собранія приняла эти слова съ восторгомъ, но многіе члены, особенно представители разныхъ высшихъ школъ въ штатѣ, сильно вознегодовали на «алчность» Корнелля. Предложеніе обоихъ благотворителей было отвергнуто. Оппозиція, составившаяся подъ предводительствомъ депутатовъ методистскаго института въ городѣ Теннесси, надѣявшихся получить значительную долю конгрессоваго дара, свѣршила такъ сильно, что въоборотъ ее нельзя было иначе, какъ торжественнымъ обѣщаніемъ Корнелля дать этому институту 25 тысячъ долларовъ. Впрочемъ, вновь избранное законодательное собраніе отмѣнило

это общаніе, и утвердило предложеніе Корнелль-Уайта въ первоначальномъ видѣ, при чемъ всѣ члены собранія единодушно пожелали назвать учреждаемый университетъ «Корнеллевскимъ» — «the Cornell University».

Когда личное желаніе Корнелля стало закономъ штата, благодарный благотворитель тотчасъ же представилъ не только обѣщанные полъ-милліона долларовъ, но еще около сотни десятинъ земли, палеонтологическій кабинетъ, стоящій десять тысячъ долларовъ, книгъ на три тысячи, да сто тысячъ на учрежденіе публичной бібліотеки въ городѣ. Сотрудникъ «Daily - News» утверждаетъ, что кромѣ всѣхъ этихъ суммъ, Корнелль истратилъ на университетъ еще триста тысячъ долларовъ, такъ какъ онъ самъ хлопоталъ о продажѣ конгрессовой земли, бѣольшую половину которой приобрѣлъ въ свою собственность съ исключительною цѣлью доставить университетской комиссіи бѣольшую сумму денегъ. Участки конгрессовой земли были отведены штату Нью-Йорку въ штатахъ Висконсинъ и Канзасъ; Корнелль послалъ туда своихъ агентовъ слѣдить за тѣмъ, чтобъ участки продавались добросовѣстнымъ образомъ и по возможности выгоднѣе для университета. Всѣ эти хлопоты и убытки, которые потерпѣлъ Корнелль на купленной имъ землѣ, обошлись ему въ ту сумму, о которой говоритъ сотрудникъ лондонской газеты.

III.

Труды и пожертвованія Корнелля дали самыя блистательныя результаты, благодаря посвѣщеннымъ усиліямъ Уайта, на долю котораго выпала трудная обязанность внутренняго устройства новаго университета. Корнелль желалъ лишь одного — чтобы развитію человѣческаго ума въ новомъ храмѣ науки была предоставлена полная свобода, и чтобы такое свободное развитіе было безусловною и существенною цѣлью всей программы преподаванія. Кромѣ желанія Корнелля, университетскій уставъ Уайта долженъ былъ осуществить всѣ цѣли, указанныя въ учредительномъ законѣ нью-йоркскаго законодательнаго собранія, а этотъ послѣдній законъ былъ основанъ, конечно, на условіяхъ извѣстнаго закона конгресса 1842 года. Единственнымъ условіемъ раздачи государственныхъ земель законъ 1842-го года признаетъ учрежденіе такихъ университетовъ или коллегій, гдѣ главнымъ предметомъ преподаванія введены (не исключая другихъ научныхъ или классическихъ курсовъ, и со включеніемъ военной тактики) такія отрасли знанія, которыя имѣютъ

отношеніе къ сельско-хозяйственному и механическому искусству; законъ требуетъ сверхъ того, чтобы предписанія законодательныхъ собраній относительно университетскихъ уставовъ составлялись не иначе, какъ въ видахъ споспѣшествованія широкому и практическому обученію промышленныхъ классовъ разнымъ промысламъ и занятіямъ жизни. Нью-Йоркское законодательное собраніе опредѣлило въ своемъ учредительномъ законѣ не только эти условія, но и два другихъ, касающихся профессоръ и студентовъ, и признало новый университетъ органическою частью всей системы мѣстнаго образованія. Однимъ изъ двухъ упомянутыхъ условій является обязанность университета постановить за слушаніе своихъ лекцій по возможности низкую плату и допустить даромъ по одному слушателю отъ каждаго округа въ штатѣ (всѣхъ округовъ 128); эти даровые студенты избираются въ каждомъ округѣ мѣстнымъ начальствомъ (по народному образованію) изъ числа лучшихъ учениковъ высшихъ училищъ или частныхъ «академій», въ награду за личное прилежаніе. Другое условіе, введенное законодательнымъ собраніемъ въ университетскій уставъ, касается религіи профессоровъ и студентовъ; — оно требуетъ безусловной терпимости: ни одно брѣисповѣданіе, ни атеизмъ не могутъ служить препятствіемъ къ вступленію въ число студентовъ или профессоровъ новаго университета. Мѣстныя власти штата касаются лишь внѣшней стороны университетской жизни; — внутренняя жизнь, то-есть все, что касается внутренняго управленія, образовательныхъ и научныхъ вопросовъ и поддержанія значенія университета среди другихъ учреждений въ штатѣ — все это регулируется каждымъ факультетомъ въ отдѣльности или ихъ ежемѣсячными собраніями, называемыми академическимъ сенатомъ. Факультетомъ называется сонмъ всѣхъ профессоровъ, какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ; автократическій характеръ университетскихъ ректоровъ окончательно отмѣненъ, и всѣ профессора, молодые и старые, пользуются одинаковымъ голосомъ какъ въ факультетскомъ совѣтѣ, такъ и въ академическомъ сенатѣ. Контроль надъ правильнымъ употребленіемъ университетскихъ суммъ ввѣренъ особому *бюро доверенныхъ лицъ* (board of trustees), которому академическій сенатъ долженъ представлять ежемѣсячные отчеты. Это бюро состоитъ изъ 24 лицъ, половина которыхъ избирается нью-йоркскимъ законодательнымъ собраніемъ, девять другихъ — официальные доверенные люди, а три остальные избираются студентами, проживающими въ стѣнахъ университета (когда ихъ наберется до 50 человекъ); въ числѣ официальныхъ доверенныхъ людей считаются губернаторъ штата,

вице-губернаторъ, предсѣдатель нью-йоркскаго законодательнаго собранія, предсѣдатель нью-йоркскаго сельско-хозяйственнаго общества, главный инспекторъ народнаго образованія, и другіе. Неофициальные члены бюро избираются лишь на пять лѣтъ; официальные же подлежатъ общимъ законамъ объ официальныхъ лицахъ, то-есть могутъ мѣняться или ежегодно, напримѣръ, губернаторъ, или въ каждые два года разъ, напримѣръ, предсѣдатель нью-йоркскаго законодательнаго собранія.

Бюро довѣренныхъ лицъ учреждено по предписаніямъ закона объ учрежденіи университета, а права факультетскихъ профессоровъ постановлены учредительнымъ комитетомъ, на который возложена обязанность начертать университетскій уставъ.

Имѣя въ виду всѣ предписанія законодательныхъ властей и осуществленіе желаній самого учредителя, предсѣдатель комитета, Уайтъ, выработалъ въ 1866 году, вмѣстѣ съ другими членами комитета, основную теорію университетскаго преподаванія, которую онъ и изложилъ въ своемъ отчетѣ членамъ вышеупомянутаго бюро. Эта теорія зиждется, по словамъ автора, на двухъ убѣжденіяхъ, касательно образовательныхъ нуждъ страны, и на двухъ идеяхъ, соотвѣтствующихъ удовлетворенію связанныхъ нуждъ. «Первое изъ этихъ убѣжденій, говоритъ Уайтъ, то, что существуетъ необходимость, никогда вполне не удовлетворявшаяся, въ истинномъ образованіи по разнымъ специальнымъ отраслямъ знанія, особенно въ изученіи теоріи и практики сельскаго хозяйства, промышленной механики и тому подобныхъ областей мысли и дѣятельности. Соотвѣтствующею этому убѣжденію практическою идеею является запросъ на учрежденіе такихъ заведеній, въ которыхъ требуемое образованіе проводилось бы при помощи всѣхъ средствъ, необходимыхъ для отысканія истины и для распространенія ея; требуется, далѣе, чтобы подобныя заведенія не подчинялись никакимъ другимъ, чтобы сельско-хозяйственныя и промышленныя профессіи стали во главѣ всѣхъ остальныхъ, и чтобы доступъ въ эти области знанія былъ открытъ для всѣхъ по возможности шире, а преуспѣванію ихъ способствовали по возможности больше. Второе убѣжденіе состоитъ въ томъ, что нынѣ господствующая система коллегіальнаго образованія не удовлетворяетъ потребностей весьма значительнаго числа, быть можетъ, большинства тѣхъ людей, которые желаютъ приобрѣсть общее высшее образованіе; что хотя въ существующей системѣ высшаго образованія принимаютъ благородное участіе многіе достойные люди, она тѣмъ не менѣе посвящала свои силы и орудія главнымъ образомъ на изученіе исключительно одной системы науки,

пользоваться которою искренно желаютъ лишь весьма немногіе; что въ тѣхъ коллегіяхъ, гдѣ область изученія была расширена, всѣ курсы, не входившіе въ составъ традиціонной программы, низводили лицъ, слушавшихъ эти курсы, въ низшую касту, — что, поэтому, общее высшее образованіе лишилось своего обаянія въ глазахъ большинства надежныхъ руководителей общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ потеряло значеніе и довѣріе въ средѣ большинства всего населенія, и что, вслѣдствіе того, большинство нашихъ энергическихъ и способныхъ молодыхъ людей пренебрегаетъ университетскимъ образованіемъ и не ищетъ его. Соответствующею практическою идеею является запросъ на коллегіи съ болѣе широкими основами, въ которыхъ воспитанникъ не подлежалъ бы одному и тому же узаконенному курсу; требуется, чтобы въ одномъ учебномъ заведеніи были многія программы наукъ, способныя удовлетворить требованіямъ различныхъ плановъ и умовъ съ разными наклонностями, чтобы такимъ образомъ можно было представить такой общій курсъ наукъ, котораго не достааетъ существующимъ коллегіямъ».

Теорія Уайта встрѣтила всеобщее сочувствіе въ комитетѣ и проведена въ университетскомъ уставѣ въ томъ видѣ, въ какомъ ее предложилъ этотъ почтенный профессоръ. Согласно съ этою теоріею высшаго образованія, преподаваніе распадается на два большихъ отдѣла: на отдѣлъ общаго образованія, и на отдѣлъ специальныхъ знаній.

Въ первомъ отдѣлѣ имѣются четыре разныя программы: одна «научная», обязательная для всѣхъ лицъ, которыя намѣрены посвятить себя изученію естественныхъ наукъ, и три общихъ. Въ первомъ общемъ курсѣ преподаются тѣже науки, какъ во всѣхъ существующихъ нынѣ коллегіяхъ — это курсъ классическій, состоящій главнымъ образомъ въ изученіи греческаго и латинскаго языковъ; во второмъ общемъ курсѣ греческій языкъ замѣненъ нѣмецкимъ, а въ третьемъ и латинскій языкъ уступаетъ свое мѣсто одному изъ новѣйшихъ, именно французскому. Само собою разумѣется, что кромѣ языковъ, во всѣхъ четырехъ программахъ общаго образованія находятся и другія отрасли знанія, считающіяся необходимыми для общаго образованія. Есть еще пятый курсъ общаго образованія, такъ-называемый *выборный* (optional) — дипломъ по этому курсу выдается всякому студенту, выдержавшему экзаменъ по тремъ (не менѣе) отраслямъ знанія изъ всѣхъ остальныхъ, предлагаемыхъ въ университетѣ.

Второй отдѣлъ — отдѣлъ специальныхъ знаній — состоитъ изъ девяти факультетовъ: сельско-хозяйственнаго (9-ти разныхъ отраслей), промышленно-механическаго (6 отраслей), инженернаго

искусства (5 отраслей), торговли, горнаго дѣла (4 отрасли), врачебной науки, законовѣдѣнія, политики и исторіи и педагогики.

Для преподаванія всѣхъ упомянутыхъ отраслей знанія признано необходимымъ пригласить не менѣе 26-ти профессоровъ, изъ которыхъ 16-ть должны жить въ университетѣ, а остальные десять будутъ пріѣзжать въ извѣстные мѣсяцы года. Плата за эти временныя лекціи опредѣляется не разъ навсегда, но по взаимному соглашенію между временнымъ профессоромъ и бюро довѣренныхъ лицъ. Жалованье постоянныхъ профессоровъ дѣлится на три категоріи: въ 2,250 долларовъ, въ 2,000 долл. и въ 1,750, а ихъ ассистентовъ на четыре категоріи: въ 1,000 долларовъ, 1,200, 1,500 и въ 1750 долларовъ. Въ маленькомъ городѣ и въ провинціи подобное жалованье считается весьма почетнымъ и удовлетворительнымъ. Довѣренные люди старались раздать катедры преимущественно молодымъ людямъ, но успѣвшимъ уже пріобрѣсть видное мѣсто въ ученой іерархіи. Многіе замѣчательные ученые, напримѣръ, оxfordскій (въ Англiи) профессоръ Годдуинъ Смитъ бросилъ большое жалованье въ Оксфордъ и принялъ катедру политической экономіи въ Корнеллѣ, лишь бы послужить этому прекрасному и полезному во всѣхъ отношеніяхъ заведенію. Изъ временныхъ профессоровъ нельзя не упомянуть объ извѣстномъ натуралистѣ Агассицѣ, согласившимся прочесть 20 лекцій по естественной исторіи, а также о профессорѣ англійской литературы, извѣстномъ поэтѣ и романистѣ Джемсѣ Лоуеллѣ.

Кромѣ превосходныхъ и энергическихъ профессоровъ, университету нужны еще значительныя учебныя пособія. Учредители не щадили своихъ средствъ и усилій, чтобы и въ этомъ послѣднемъ отношеніи ихъ университетъ могъ занять не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ подобныхъ учрежденій въ Америкѣ. Особенно богато и роскошно имъ удалось устроить библиотеку, въ которой книжныя сокровища собраны въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ каждомъ изъ всѣхъ другихъ туземныхъ университетовъ. Прежде всего Уайтъ постарался о пріобрѣтеніи богатой коллекціи книгъ (7,000 томовъ), принадлежавшихъ недавно умершему юристу и филологу, Чарльзу Антону. Затѣмъ, къ этой коллекціи присоединена библиотека нѣмецкаго ориенталиста Боппа, состоящая изъ 4,000 томовъ разныхъ филологическихъ сочиненій. Самъ Уайтъ отдалъ университету 13,000 томовъ историческихъ сочиненій, собранныхъ имъ во время трехъ путешествій по Европѣ; въ числѣ этихъ книгъ находится коллекція разныхъ сочиненій и памфлетовъ (числомъ 5,000) о французской революціи, принадлежавшая графу Вьель-Кастелю. Собранныя Гар-

томъ коллекція разныхъ сочиненій и памфлетовъ (4,000 томовъ) о послѣдней междуособной войнѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, тоже вошла въ составъ Корнеллевской библіотеки. Въ самое послѣднее время, въ нее внесено еще 12,000 томовъ сочиненій, купленныхъ при распродажѣ библіотекъ Бокля, Маколея и другихъ замѣчательныхъ европейскихъ ученыхъ. Въ 1867 году, Уайтъ былъ на всемірной выставѣ въ Парижѣ и скупилъ тамъ 187 образцовыхъ земледѣльческихъ машинъ, сработанныхъ на нѣмецкихъ фабрикахъ, и полный сборъ анатомическихъ и эмбриологическихъ моделей Озу. Въ университетѣ есть сверхъ того хорошій физическій кабинетъ, богатая химическая лабораторія и превосходная коллекція палеонтологическихъ и геологическихъ предметовъ, собранныхъ въ Америкѣ проф. Джуэттомъ (Jewett) и купленныхъ у него за 10,000 долларовъ; къ этой коллекціи присоединена въ послѣднее время коллекція раковинъ и разныхъ морскихъ диловиннокъ, найденныхъ натуралистомъ Ньюкомбомъ на берегахъ Калифорніи. Есть еще кабинетъ зоологіи, ботаники и другіе, устроенные на счетъ казны штата Нью-Йорка. При университетѣ имѣется, наконецъ, астрономическая обсерваторія, значительный участокъ земли для сельско-хозяйственныхъ работъ, и заведены разныя мастерскія для упражненія студентовъ въ ручномъ трудѣ, а также гимнастическій залъ и множество лодокъ разной величины на озерѣ Кайюгѣ. Предполагается обучать студентовъ также всѣмъ пріемамъ военнаго искусства; есть даже профессоръ военныхъ наукъ, майоръ американской арміи, Джозефъ Уиттлси.

Ручной трудъ долженъ занять весьма видное мѣсто какъ въ университетскомъ преподаваніи, такъ и въ экономіи университета. Предположено, по желанію самого Корнелля, дать бѣднымъ студентамъ возможность платить за университетскій курсъ ручнымъ трудомъ. Чтобы лучше познакомить съ намѣреніями Корнелля по этому важному предмету, мы приведемъ здѣсь письмо его, помѣщенное въ нью-йорвской газетѣ «Tribune», въ отвѣтъ на многія просьбы, полученныя имъ отъ молодыхъ людей, желающихъ поступить въ университетъ, но настолько бѣдныхъ, что они не могутъ платить за свое содержаніе и за слушаніе лекцій. Корнелль пишетъ:

«Организуя университетъ, довѣренные люди постарались ввести въ него систему ручного труда, ни для кого не обязательную, но которая даетъ всѣмъ студентамъ университета возможность развивать посредствомъ труда свои физическія силы и энергію; справедливая плата за этотъ трудъ будетъ покрывать всѣ издержки университетскаго образованія. На фермѣ въ сотню десятинъ (300 акровъ) земли студентамъ предложить обработки-

вать и производить разные продукты, которыхъ требуетъ университетскій столъ. Въ число этихъ работъ будетъ включенъ уходъ за рогатымъ скотомъ, приготовленіе масла и сыра, а также убой животныхъ на мясо, посѣвъ хлѣбныхъ растений, уходъ за овощами и плодовыми растеніями всякаго рода, подходящими подъ климатъ и свойства обрабатываемой почвы. Въ машинномъ отдѣленіи университета студентамъ будутъ предлагать всякаго рода механическія работы. Въ этомъ отдѣленіи поставлена паровая машина въ 25 лошадиныхъ силъ; тамъ много токарныхъ станковъ, машина для струганія желѣза и дерева, и всякаго рода инструментовъ и орудій для обработки дерева и желѣза. Тамъ студенты могутъ сами готовить разные инструменты, машины, модели и т. п. Постройка добавочныхъ помѣщеній и цѣлыхъ зданій снабдитъ студентовъ строительною работою на цѣлые года. Много труда потребуется на расчистку полей и луговъ, на проведеніе дорогъ, на улучшение и украшеніе фермы и самого университета. Трудъ студентовъ будетъ оплачиваться по обыкновеннымъ рыночнымъ цѣнамъ, и всѣ работы будутъ производиться подъ надзоромъ профессоровъ, а также свѣдущихъ надзирателей и мастеровъ. Довѣренные люди и университетскіе факультеты обѣщаютъ употребить всѣ свои старанія на то, чтобъ трудъ былъ по возможности привлекателенъ и поучителенъ для работающихъ, и чтобы онъ способствовалъ развитію здоровья, роста и физическихъ силъ студентовъ, доставляя имъ въ тоже время достаточныя средства для жизни и университетскаго ученія».

Далѣе Корнелль выражаетъ надежду, что ни одно лицо, «искренно желающее» получить полное университетское образованіе, не встрѣтитъ никакихъ затрудненій въ достиженіи этой цѣли своими собственными усиліями. «У насъ, — прибавляетъ онъ, — есть уже нѣсколько студентовъ, вступившихъ въ университетъ за три мѣсяца до открытія, для того, чтобъ получая по два доллара ежедневно за сѣновокъ и жатву, обезпечить за собою образованіе». Въ заключеніи письма почтенный основатель университета прибавляетъ: «Увѣряю васъ, что если молодые люди станутъ совершать тамъ четвертую часть того ежедневнаго труда, который совершалъ я самъ въ ихъ возрастѣ, или если они сгнутъ трудиться лишь такъ, какъ тружусь теперь я, шестидесятилѣтній старикъ, то имъ удастся вполне обезпечить за собою всѣ издержки, необходимыя для ихъ занятій и жизни въ Итакѣ».

Такъ какъ въ университетѣ предполагается устроить ручной трудъ такимъ образомъ, чтобы онъ былъ «по возможности привле-

зателенъ и поучителенъ для работающихъ, и чтобы онъ способствовалъ развитію здоровья, роста и физическихъ силъ», — то понятно, что и въ дальнѣйшей своей жизненной дѣятельности студенты станутъ хлопотать о томъ, чтобы и вездѣ, гдѣ имъ придется дѣйствовать или жить, ручной трудъ устранивался на такихъ же основаніяхъ. Они разнесутъ по всей странѣ столь значительную массу разныхъ технико-гигиеническихъ свѣдѣній, что не пройдетъ и одной сотни лѣтъ (особенно если въ другихъ штатахъ откроются такіе же университеты), какъ уже вся территория Соединенныхъ Штатовъ покроется фабриками, въ которыхъ рабочіе люди будутъ пользоваться всѣми гигиеническими условіями здороваго и болѣе или менѣе пріятнаго труда. Само рабочее движеніе, получивъ поддержку со стороны образованныхъ людей, прошедшихъ школу ручного труда, найдетъ себѣ гораздо болѣе удовлетворительный исходъ какъ для рабочихъ, такъ и для капиталистовъ, чѣмъ при системѣ полнаго взаимнаго отчужденія этихъ обоихъ классовъ обществъ. Студентъ, пріобрѣтшій высшее образованіе путемъ ручного труда, пойметъ положеніе рабочаго человѣка и оцѣнитъ его почтенные труды гораздо лучше, чѣмъ какой-нибудь казенный стипендіатъ, поставленный своею стипендіею въ положеніе несамостоятельное и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже унижительное. Стипендіатъ находится въ полной зависимости отъ своихъ благотворителей или отъ тѣхъ лицъ, которымъ предоставлено распоряжаться его стипендіею; — стипендіату необходимо такъ или иначе задобривать своихъ благотворителей, а кому неизвѣстно нравственное значеніе всякихъ задобриваній и прислуживаній! Корнеллевскій студентъ избавленъ отъ этой порчи юныхъ натуръ, его личная гордость можетъ находить себѣ полное удовлетвореніе въ самостоятельномъ трудѣ, способствующемъ, сверхъ того, развитію его здоровья, роста и физическихъ силъ. Вся дисциплина, которой предполагается его подвергать, состоитъ въ простой, обыкновенной организаціи работъ; кодексъ этой дисциплины еще не выработанъ, но принципомъ ея должна служить самая широкая свобода, совмѣстная съ соблюденіемъ порядка. По всей вѣроятности, учредители не станутъ сочинять правилъ студентской жизни *a priori*, соображаясь лишь съ какими-нибудь патріархальными или бюрократическими понятіями объ отношеніи профессоровъ къ студентамъ, такъ какъ самъ Уайтъ, президентъ университета, объявилъ въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей, что между студентами и профессорами должны быть «самыя свободныя и пріятныя сношенія, что для этой цѣли тамъ будутъ устраниваться сходки для обсужденія разныхъ теоретическихъ и

практическихъ вопросовъ науки и университетской жизни». Студенты, наконецъ, пользуются избирательнымъ правомъ, не только какъ простые граждане Итаки, но и какъ члены университетской корпораціи, которая, какъ было уже упомянуто выше, предоставляетъ имъ возможность избирать трехъ представителей своихъ интересовъ въ бюро довѣренныхъ лицъ. Въ политическихъ выборахъ студенты могутъ принимать участіе лишь по достиженіи совершеннолѣтія (21 годъ) и въ силу своихъ цензовыхъ правъ. Но подъ цензъ они всѣ подходятъ, такъ какъ ежегодныя затраты ихъ простираются до 250 долларовъ. За слушаніе лекцій полагается 30 долларовъ (20-ю долларами меньше, чѣмъ въ Ейлѣ, и 70-ю меньше, чѣмъ въ Гарвардѣ). За квартиру въ стѣнахъ университета (тамъ устроено 300 отдѣльныхъ помѣщеній) взимается тоже по 30 долларовъ ежегодно, но туда принимаются лишь самые прилежные и спокойные студенты; — остальные должны размѣститься въ городѣ и окрестностяхъ его, гдѣ они подлежатъ законамъ, обязательнымъ для всѣхъ гражданъ. Хорошій обѣдъ и вообще содержаніе обойдутся каждому студенту не менѣе 750 долларовъ ежегодно.

Наиболѣе способные и дѣльные студенты могутъ не только зарабатывать въ университетѣ всѣ средства къ своему существованію и обученію, но и приобрѣсть даже нѣкоторыя средства къ послѣ-университетской жизни, такъ какъ академической совѣтъ рѣшилъ, по предложенію Уайта, раздавать денежные преміи за успѣхи. Самъ Уайтъ пожертвовалъ на этотъ предметъ тысячу долларовъ, другой профессоръ присоединилъ къ нимъ еще триста.

Сотрудникъ лондонской газеты «Daily-News» говоритъ, что бюро довѣренныхъ лицъ весьма ревностно обсуждаетъ вопросъ о допущеніи женщинъ въ университетъ, на равныхъ правахъ съ мужчинами. Самъ Корнелль, когда защищалъ университетское дѣло въ законодательномъ собраніи, тоже не разъ говорилъ о необходимости распространить на женщинъ всѣ блага высшаго образованія, и тѣмъ дать имъ полную возможность развивать свои природныя способности, насколько хватить у нихъ терпѣнія и желанія.

Изъ нашего описанія новаго американскаго университета читатель легко составитъ себѣ понятіе о томъ воспитательномъ положеніи, которое должно принять учрежденіе Корнелля въ средѣ другихъ образовательныхъ заведеній въ штатѣ Нью-Йорка. Намъ остается, однако, опредѣлить значеніе Корнеллевскаго уни-

верситета, какъ новое орудіе къ распространенію образованія, какъ ту часть ежегодныхъ пожертвованій, употребляемыхъ штатомъ Нью-Йоркомъ, съ цѣлью внести образованіе во всѣ дома своихъ гражданъ. Это опредѣленіе сдѣлають за насъ весьма краснорѣчивыя цифры отчета по народному просвѣщенію за 1862 годъ.

Въ штатѣ Нью-Йоркѣ считается около $4\frac{1}{2}$ милліоновъ жителей. Въ образовательномъ отношеніи весь штатъ раздѣленъ на 11,763 округа съ 90,288 народными школами и съ 200 академіями (средними училищами); кромѣ того, есть тамъ 8 богословскихъ школъ, до 60 женскихъ среднихъ заведеній, — въ низшихъ школахъ дѣвочки учатся вмѣстѣ съ мальчиками. Есть нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній: нью-йоркскій университетъ съ медицинскою школою, университетъ въ Рочестерѣ и Мадисоновъ университетъ въ Гамильтонѣ, коллегіи «Union» въ Шеневтади, «Hobart» въ Дженивѣ, «Saint Johns» въ Фордгэмѣ, «Hamilton» въ Клинтонѣ, и «Columbia» въ самомъ Нью-Йоркѣ. Фордгэмская коллегія — римско-католическая, при ней находится богословская семинарія. Кромѣ медицинскои школы при университетѣ, въ Нью-Йоркѣ есть еще одна самостоятельная. Такая же школа учреждена въ Элбани, да еще одна — при дженивской коллегіи. Въ Элбани есть училище правовѣдѣнія. При разныхъ школахъ и университетахъ открыты библіотеки, въ которыхъ насчитывается до 1,700,000 томовъ. Образовательный фондъ штата простирается до 7 — 8 милліоновъ долларовъ, а ежегодно издерживается на образовательныя цѣли около 4-хъ милліоновъ. Въ 1862 году издержано 3,955,664 доллара. Если примѣнить эту цифру издержекъ на народное образованіе въ Россіи, то въ нашемъ государственномъ бюджетѣ расходы по министерству народнаго просвѣщенія оказались бы въ десять разъ больше нынѣшнихъ.

Итакъ, если въ воспитательномъ значеніи Корнеллевскій университетъ занимаетъ первое мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ, въ денежномъ, въ затратахъ на народное образованіе, онъ имѣется лишь незначительною цифрою въ бюджетѣ своего собственнаго штата.

Р — ль.

ВОСПОМИНАНІЯ

Е. А. ХВОСТОВОЙ.

1812—1835.

V*).

Въ Петербургѣ. — Старый обожатель. — Смерть отца. — Альбомъ съ стихами Лермонтова. — Гаданье на новый годъ — Сонъ въ руку. — На свадьбѣ въ Москвѣ. — Новый поклонникъ. — Опять Лермонтовъ и его стихи. — 1830—1833 гг.

Приѣхавъ въ Петербургъ, я очень холодно встрѣтилась съ Марьей Васильевной; дядя Николай Сергѣевичъ окончилъ слѣдствіе въ Велижѣ, такимъ образомъ мы всѣ съѣхались и жизнь наша пошла прежнимъ порядкомъ, однообразная, скучная, утромъ слезы, вечеромъ балъ.

Флигель-адъютантъ Ш., произведенный въ генералы, тоже возвратился съ дядей и еще настойчивѣе сталъ за мною ухаживать, но я съ нимъ была гораздо суровѣе чѣмъ въ Велижѣ; тамъ онъ былъ одинъ, или почти одинъ, бѣдный князь стоялъ вдалекѣ, всегда безсловесный и разстроенный. На балахъ Ш. казался мнѣ смѣшнымъ вздыхателемъ съ своей лысиной, лоснящимся лицомъ, непрерывнымъ дерганьемъ плечъ, украшенныхъ огромными эполетами, а главное, съ своими *pas de pigeon* въ мазуркѣ.

Мы смѣялись надъ нимъ и мнѣ удалось, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени, отдѣлаться отъ его преслѣдованій, когда

---

*) См. выше: авг. 694 стр. и слѣд.

онъ началъ свое объясненіе этой неумѣстной фразой: «знаете-ли, всѣ говорятъ, что я на васъ женюсь?»

— Какой вздоръ, отвѣчала я, развѣ не видать, что я обращаюсь съ вами, какъ съ дѣдушкой? А мнѣ право кажется, что вы однихъ лѣтъ съ дѣдушкой, оттого-то я и люблю съ вами говорить, даже и танцовать, потому что никому не придетъ въ голову выдавать меня за васъ, мой почтенный дѣдушка.

Я такъ ошеломила этимъ отвѣтомъ сѣдовласаго поклонника, что съ этого же вечера онъ пересталъ танцовать, а мнѣ этого только и надобно было. Онъ продолжалъ въ намъ ѣздить, говорить мнѣ о любви своей и, по стеченію разныхъ грустныхъ для меня обстоятельствъ, я почти дала ему слово, но въ это время мой отецъ умеръ скоропостижно. Его неожиданная, одинокая, несчастная кончина, вѣроятно испуитъ передъ милосердымъ Господомъ много того, въ чемъ онъ былъ виноватъ передъ моею матерью; по крайней мѣрѣ я этого надѣюсь и объ этомъ молюсь.

Пересказываю прямо въ деревню; и тутъ я попала изъ огня въ пламя. Только-что избавилась отъ ухаживанія Ш., какъ начались опять подобныя преслѣдованія сосѣда нашего Л., того самого, который танцовалъ со мною на балахъ и праздникахъ, данныхъ островскимъ дворянствомъ по случаю коронаціи.

Въ это время Сашенька прислала мнѣ въ подарокъ альбомъ, въ который всѣ мои московскія подруги написали увѣренія въ дружбѣ и любви. Конечно дѣло не обошлось безъ Лермонтова. Вотъ его три стихотворенія:

Въ верху одна

Горитъ звѣзда,

Мой взоръ она

Манитъ всегда.

Мои мечты

Она влечетъ

И съ высоты

Меня зоветъ!

Таковъ же былъ

Тотъ вѣжливый взоръ,

Что я любилъ

Судьбѣ въ укоръ.

Мукъ никогда

Онъ зрѣть не могъ,

Какъ та звѣзда

Онъ былъ *высокъ* ¹⁾.

Усталыхъ вѣждъ

Я не смыкалъ

И безъ надеждъ

Къ нему взывалъ!

Я тогда имѣла привычку все смотрѣть въ верхъ и Лермонтовъ смѣялся надо мной и часто повторялъ, что стоить быть у моихъ ногъ, чтобъ никогда не быть мной замѣчену.

Вотъ вторая его пьеса:

Я не люблю тебя! Страстей

И мукъ умчался прежній сонъ,

¹⁾ Въ изд. 1860 г. т. II, стр. 101 напечатано: «далекъ».

Но образъ твой въ душѣ моей
Живеть, хотя безсиленъ онъ.

Другимъ предавшись мечтамъ,
Я все забыть тебя не могъ,
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!

На самомъ послѣднемъ листѣ альбома было написано по-
дражаніе Байрону:

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей,
Танть отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь чрезъ много скучныхъ лѣтъ
Отъ жизни краткой, но мятежной,
Какой-нибудь остался слѣдъ.
Быть можетъ — нѣкогда случится,
Что всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ вашъ устремится
И вы промолвите: «онъ правъ!»
Быть можетъ, долго стихъ унылый
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги стоиловой
Пришельца памятникъ могильный¹⁾. 1831 г.

Теперь я расскажу о моемъ гаданьѣ на новый 1832 годъ. Меня научили прочесть сорокъ разъ «Отче Нашъ» и положить сорокъ земныхъ поклоновъ, потомъ, ложась спать, сказать: «Суженный-раженный, приснися мнѣ». Я все это исполнила и вотъ, что я видѣла во снѣ: я была на большомъ балѣ, танцевала, пріѣхали щегольскія маски, окружили меня; одна изъ нихъ, переодѣтая въ разносчика съ большимъ лоткомъ, меня ни на минуту не оставляла, все говорила о своей любви и передъ отъѣздомъ, взявъ съ лотка хрустальную собачку, державшую во рту письмо съ моимъ вензелемъ, подала мнѣ ее, сказавъ: *ne faites pas attention à ce petit cadeau, mais bien à son emblème.*

Я рассказала многимъ этотъ сонъ, въ томъ числѣ и теткѣ, кончила разумѣется тѣмъ, что забыла про него. Осенью того же года, стала за мною неотступно ухаживать конногвардеецъ Г-нъ. Онъ былъ не дурень, не глушь, славно танцевалъ, прекрасно говорилъ по-французски, былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ, словомъ былъ, какъ говорится съ свѣтѣ, для всякой дѣ-

¹⁾ Въ изд. 1860 г., т. II, стр. 101—102, въ отдѣлѣ стихотвореній 1830—1831 гг.

всегдашній выгодный женихъ, и всѣ маменьки ухаживали за нимъ и за его братьями. Марья Васильевна, напротивъ, была съ нимъ неучтивая до дерзости, потому что онъ на первыхъ порахъ балнаго знакомства не обратилъ на нее никакого вниманія и не убоился ея суровыхъ взглядовъ, продолжая слѣдить за мною шагъ за шагомъ, не скрывая ни отъ кого своей страсти ко мнѣ. Я даже увѣрена, что имъ были подкуплены наши люди; онъ до малѣйшей подробности зналъ, что дѣлалось у насъ, что говорилось, кто чаще посѣщалъ насъ, куда мы ѣздили, поэтому я его встрѣчала по нѣсколько разъ въ день и безъ суровости въ нему Марья Васильевна, такой настойчивости довольно было, чтобъ заинтересовать меня и расположить въ его пользу. Но я не любила его, даже онъ мнѣ нравился менѣе чѣмъ Пестель и Хвостовъ, который въ то время служилъ въ персидскомъ посольствѣ, но моя метода продолжалась: идти во всемъ наперекоръ теткѣ.

Г-нъ черезъ всѣхъ нашихъ общихъ знакомыхъ пытался попасть къ намъ въ домъ; но Марья Васильевна была злопаметна къ его невниманію и не соглашалась принять его; онъ не переставалъ настаивать. Такимъ образомъ наступилъ 1833 годъ. Мы встрѣтили его на балѣ Б., я общалась еще прежде танцовать мазурку съ Г-нымъ. Одинъ изъ его братьевъ предупредилъ меня, лишь только я пріѣхала, что можетъ быть братъ его немного опоздаетъ, просить у меня извиненія и умоляетъ начать мазурку съ нимъ; я согласилась, но подставной мой кавалеръ надоѣдалъ мнѣ, расхваливая слишкомъ отсутствующаго, рассказывая мнѣ, какъ онъ любитъ меня, какъ былъ бы счастливъ, если бы я согласилась выйти за него замужъ. Я догадалась, что онъ мнѣ говорить вытверженный урокъ и отшучивалась какъ могла. Вдругъ вошли маски, разносчикъ съ лоткомъ подбѣжалъ ко мнѣ и подаль мнѣ точно такую хрустальную собачку, какую я видѣла во снѣ и повторилъ тѣ же самыя слова: «ne faites pas attention à ce petit cadeau, mais bien à son emblème». Маска не перемѣнила голоса, я съ перваго слова узнала Г-на, въ одну минуту припомнила свой сонъ до малѣйшей подробности, вообразила себѣ, что передо мной стоитъ мой суженый и дрожащею рукою взяла собачку, назвавъ разносчика по имени. Онъ видѣлъ мое смущеніе, и какъ всѣ эти господа, перетолковалъ его въ свою пользу, схватилъ мою руку, увѣряя меня въ любви, преданности, вѣрности и просилъ позволенія объясниться съ родными. А я, потерявъ совершенно голову, просила его подождать, стараться поправиться Марья Васильевна, попытаться еще ѣздить къ намъ и послѣ, если онъ не

измѣнить чувства своихъ во мнѣ, просить моей руки. Все это такъ внезапно устроилось, что я была какъ въ чадѣ, говорила безъ сознанія, въ полной увѣренности, что Г-нъ предназначенъ мнѣ судьбою. А всему виной было гаданье и святочный мой сонъ.

Я рассказала его Г-ну и онъ раздѣлялъ мое убѣжденіе.

Возвратясь домой, я углубилась въ размышленія, анализировала свои чувства и не нашла въ сердцѣ своемъ и тѣни любви къ Г-ну. Мнѣ страшно было выходить замужъ безъ магическаго призрава чувства, но я не имѣла никакой причины отвергнуть его предложеніе и, махнувъ рукой, успокоила себя страннымъ изреченіемъ: суженаго конемъ не объѣдешь.

Между тѣмъ, онъ началъ увиваться около Марьи Васильевны и даже на балахъ, замѣнивъ себя въ мазуркѣ однимъ изъ братьевъ своихъ, поигрывалъ въ вистъ съ нею; я ему подсказала, что это одна изъ ея слабѣйшихъ струнъ; но она все-таки не смягчилась и увѣнчала свое мщеніе тѣмъ, что, задавъ балъ, пригласила всѣхъ моихъ приверженцевъ, даже братьевъ Г-ныхъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Этимъ она въ одно время нанесла ударъ его самолюбію, а мнѣ окончательно доказала свое недоброжелательство и выиграла только то, что я не на шутокъ убѣдилась, что я—героиня романа, окруженная жестокими стражами, а Г-нъ — мученикъ любви; я преувеличивала себя его неловкое положеніе въ свѣтѣ, жалѣла о немъ, почти готова была полюбить его, лишь бы идти противъ Марьи Васильевны въ бой. Одно меня охлаждало: Г-нъ былъ рабомъ моимъ, а я искала въ мужчинѣ, котораго желала бы полюбить, которому хотѣла бы принадлежать, идеала, властелина, а не кевольника, а хотѣла бы удивляться ему, унижаться передъ нимъ, смотрѣть его глазами, жить его умомъ, слѣпо вѣрить ему во всемъ,—но съ Г-нымъ мы были равны. На нашемъ балѣ я все танцевала съ его братьями, оба говорили мнѣ объ его отчаяніи отъ грубаго поступка Марьи Васильевны, представляли мнѣ, что въ сущности я не завишу отъ нея, что я должна рѣшиться бѣжать съ нимъ и тайно отъ тетки обвѣнчаться, что онъ все приготовить, лишь бы я только согласилась, и тотчасъ послѣ свадьбы уѣдетъ въ Москву на житье.

Первый разъ послѣ этого вечера, какъ я встрѣтилась съ Г-нымъ, онъ самъ старался убѣдить меня не подчиняться несправедливости родныхъ, когда дѣло шло о счастіи всей моей жизни, что съ нимъ я буду счастлива, что онъ мнѣ посвятитъ жизнь свою, что въ его семействѣ я найду истинныхъ родныхъ и друзей, а если съ своими родными я раскорилась бы и навсегда,

то судя по многому, потеря была бы не велика. Я не знала, что мнѣ дѣлать, онъ такъ страстно уговаривалъ меня, даже плакалъ, братья его умоляли меня о счастіи его, общіе друзья наши Р. и В. тоже мнѣ проповѣдовали, я просила его дать мнѣ двѣ недѣли на размышленіе, но ничего еще не обѣщала рѣшительнаго.

Боже мой! что я перечувствовала, что я выстрадала въ это время, я не могу описать! Всѣ почти ночи на пролетъ я ходила по комнатамъ; наконецъ я посовѣтовалась съ однимъ изъ моихъ cousin, Ростиславомъ Д-мъ. Онъ тоже самое мнѣ совѣтовалъ, то-есть: бѣжать съ Г-нымъ и скорѣе освободиться отъ моихъ гонителей. Я продолжала выѣзжать всюду и всѣхъ пугала своей блѣдностью и изнуреннымъ видомъ, но Г-нъ находилъ меня еще милѣе и былъ еще влюбленнѣе. Наконецъ я дала ему слово; назначено было съѣхаться у общей нашей повѣренной, куда бы пріѣхали и его свидѣтели и мой cousin; все было улажено, я все приготовила къ побѣгу, написала прощальное письмо Марьѣ Васильевнѣ. Насталъ этотъ день, и тутъ немного поздно, сознаюсь, я размыслила, сколько будетъ невыгодныхъ толковъ обо мнѣ, какъ неумолимый свѣтъ радъ будетъ припомнить всѣ прежнія исторіи нашего семейства, потревожить память усопшихъ; я думала обо всемъ этомъ, какъ настала рѣшительная минута. Я судорожно взяла клочекъ бумаги и написала Г-ну:

«Забудьте меня, разлюбите меня, но только не презирайте и не считайте меня кокеткой. У меня не достаетъ духу бѣжать и сдѣлать огласку. Можетъ быть со временемъ вы бы меня упрекнули этимъ поступкомъ и тогда мы оба были бы несчастны и навсегда несчастны. Будьте, будьте счастливы, а для себя я надѣюсь, что мнѣ не долго остается жить».

Всѣ наши повѣренные возстали на меня. Г-нъ перемѣнилъ службу и долженъ былъ остаться Петербургъ. Передъ его отъѣздомъ я встрѣтилась съ нимъ; онъ сказалъ мнѣ, что все по прежнему меня любить и не возвратитъ мнѣ даннаго ему слова прежде истеченія года и будетъ стараться отклонить всѣ преграды. Онъ былъ такъ искренно несчастливъ, что я обѣщала ему ни на что не рѣшаться до истеченія назначеннаго имъ срока. Онъ уѣхалъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1833 года, мы поѣхали въ Москву; одна изъ моихъ кузинъ ¹⁾ выходила замужъ за очель богатаго и знатнаго человека.

¹⁾ Е. П. Сушкова, вышедшая замужъ за графа А. Ѳ. Роточина.

Свадьба эта сладилась совершенно неожиданно для всѣхъ насъ и грустно удивила меня. Кузина, за недѣлю до рѣшенія своей судьбы, писала мнѣ и съ отчаяніемъ говорила о своей пламенной и неизмѣнной любви къ другому, даже умоляла Марью Васильевну употребить свое вліяніе на брата, чтобъ упрочить ея счастье бракомъ, на который онъ не соглашался, потому что женихъ былъ бѣденъ. И вдругъ вслѣдъ за этимъ письмомъ, мы получаемъ другое письмо, съ извѣщеніемъ объ ея помолвкѣ съ богачемъ!

Грустно мнѣ было ѣхать въ Москву, гдѣ незадолго передъ этимъ скончалась бабушка Прасковья Михайловна. Первый мой выѣздъ былъ на ея могилу въ Дѣвичьемъ монастырѣ; — какъ горько я плакала, какъ усердно молилась, чтобъ Господь прервѣлъ и мою грустную жизнь; мнѣ некого было оставлять, некого жалѣть, одна лишь дружба Сашеньки блѣдно свѣтилась мнѣ въ будущемъ. О родныхъ же я недумала... Въ однихъ только молитвахъ я находила успокоеніе.

Съ волненіемъ, съ безпокойствомъ ждала я первой встрѣчи съ кузиной; я не радовалась за нее, но оплакивала судьбу ея: я не понимала возможности выдти замужъ любя другого и такая свадьба мнѣ казалась мрачнѣе бала безъ кавалергардовъ, — сильнѣе этого сравненія я тогда не могла подобрать.

Но какъ выразить мое изумленіе, я не вѣрила глазамъ и ушамъ своимъ, когда меня встрѣтила кузина, не блѣдная, не исхудалая, не грустная, но веселая, цвѣтущая, счастливая! Первое ея восклицаніе было: «предстаъ себѣ, Catherine, вся Москва завидуетъ моей участи, моимъ брилліантамъ, а какой у меня будетъ кабинетъ! просто игрушечка; женихъ мой во всемъ совѣтуется со мной!»

И смотря на нее безсмысленными глазами, мнѣ въ первый разъ запала въ сердцѣ безотрадная мысль: стало быть богатство и знатность могутъ замѣнить любовь?—Мнѣ сдѣлалось невыносимо грустно: неужели, думала я, и мнѣ суждено выдти замужъ по расчету?

Свадьба была блистательная, молодые казались счастливыми, обѣды и балы обыкновенной чередой смѣнялись одинъ за другимъ. На прекрасномъ балѣ молодыхъ, мнѣ пришлось протанцовать раза три съ какимъ-то очень молодымъ человѣкомъ; мнѣ его представили, я не размышляла его фамиліи, да и не освѣдомилась о ней и послѣ продолжительной мазурки, хотя разговоръ моего кавалера нравился мнѣ проблесками чувства и наивнаго удивленія, внушеннаго ему мною.

Этотъ мазуристъ оказался двоюроднымъ братомъ Сашеньки. Съ возвратомъ Сашеньки въ Москву, я часто съ нимъ встрѣчалась у нея. Сашенька въ этотъ разъ удивляла своей настойчивостью дразнить меня страстью, которую я, по словамъ ея, внушила Лермонтову; всякій разъ бывало, когда Л-нъ ожимтся слишкомъ въ разговорѣ со мною, или призадумается глядя на меня, Сашенька совсѣмъ не встати заговорить о влюбленномъ отрогѣ-поэтѣ, пустится разсказывать Л-ну, какъ любитъ онъ меня, какъ ревновалъ, какъ воспѣвалъ, какъ бѣсился на мое равнодушіе и въ довершенію продекламируетъ его стихи, посвященные мнѣ. Л-нъ, повидимому, какъ бы не вслушивался въ эти разсказы, посвистываетъ себѣ французскіе водевильные куплеты, насупится и промолчитъ все остальное время нашей бесѣды, а иногда прежде окончанія ея разсказа совсѣмъ скроется.

Одинъ разъ послѣ подобной выходки, Сашенька, внимательно посмотрѣвъ на меня, сказала: «какъ тебя любить Л-нъ!»

— Полно, Сашенька; ты во всѣхъ подозрѣваешь любовь во мнѣ; Л-нъ такъ холоденъ, такъ разсудителенъ, что вѣрно никого и никогда не полюбитъ.

— Онъ холоденъ? онъ не любитъ тебя? пожалуй ты тоже не замѣтила, какъ онъ ревнуетъ тебя къ памяти Лермонтова. Одно имя нашего поэта выводитъ его изъ себя, съ какимъ волненіемъ тогда онъ смотритъ на тебя, съ какими пожирающими взорами слѣдитъ за каждымъ твоимъ движеніемъ; да, онъ любить тебя страстно и ты это давно знаешь.

— Перестань, Сашенька; для меня главное достоинство Л-на ꙗ Лермонтова то, что они твои братья и дружба моя къ тебѣ отражается въ непринужденномъ, дружескомъ моемъ обращеніи съ ними; особливо на Л-на я смотрю какъ на хорошаго пріятеля и не имѣю притязаній на болѣе нѣжное чувство съ его стороны. Успокойся, ни тотъ, ни другой не могутъ полюбить меня, я старѣе ихъ почти двумя годами.

— А бузина твоя, развѣ не старѣе своего мужа? а ты гораздо ее моложавѣе; да это все пустяги отговорки, я стою на своемъ: Л-нъ тебя любить, да и ты его любишь, можетъ быть ты еще не созналась и себѣ въ этомъ чувствѣ.

— Да, кажется, я никогда не сознаюсь.

— Хорошо, только вѣрь моему предчувствію; вы полюбите другъ друга, или правильнѣе сказать, вы уже оба влюблены.

— Сашенька, по моему, любить и влюбиться двѣ разныя вещи; влюбляешься на время въ хорошенъкое лицо, полюбуешься имъ, а потомъ и забудешь — а любить, любить можно только разъ въ жизни.

Я не успѣла кончить послѣднихъ словъ, какъ вошелъ Л-нъ. Я вспыхнула при мысли, не слыхалъ ли онъ моихъ объясненій о любви и о влюбленности; мнѣ было неловко, я имѣла видъ виноватой.

Между тѣмъ Сашенька прямо заговорила о Лермонтовѣ и дала мнѣ двѣ его пьесы, которыя съ 1830 года хранились у нея.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда
Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
Какъ трепещетъ въ струяхъ и серебряный прахъ
Отъ нея разсыпаясь бѣжитъ.

* * *

Но поймать ты не лгстись и ловить берегись —
Обманчивы лучъ и волна,
Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней,
Отойдетъ и заблещетъ она!

* * *

Свѣтлой радости такъ безконечной призракъ
Насъ манитъ подъ холодную мглой,
Ты къ нему—онъ шутя убѣжитъ отъ тебя,
Ты обмануть,—онъ вновь предъ тобой.

1830 г.

Л-нъ читалъ стихи, Сашенька нѣсколько разъ повторила: «обманчивы лучъ и волна». Потому продекламировала сама слѣдующую пьесу съ большою напыщенностію, подчеркивая, если можно такъ сказать, нѣкоторыя выраженія:

РОМАНСЪ.

Хоть бѣгутъ по струнамъ моиъ звуки веселья,
Они не отъ сердца бѣгутъ;
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ.

* * *

Слеза по щекѣ огневая катится —
Она не изъ сердца идетъ;
Что въ сердцѣ обманутомъ жизнью хранится,
То въ немъ и умретъ.

* * *

Не смѣйте искать въ той груди сожалѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ;
Когда я свои презираю мученья,
Что мнѣ до страданій чужихъ?

* * *

Умершей дѣвicy очей охладѣвшихъ
 Не долженъ мой взоръ увидать;
 Я-бъ много припомнѣть минутъ пролетѣвшихъ,
 А я не люблю вспоминать!

* * *

Намъ память являетъ ужасныя тѣни,
 Кровавый былого призракъ,
 Онъ вновь призываетъ къ оставленной сѣни
 Какъ въ бурю надъ моремъ маятъ.

* * *

Когда ураганъ по волнамъ веселится,
 Сибѣтся надъ бѣднымъ челномъ,
 И съ крикомъ пловецъ безъ надеждъ воротится,
 Жалѣя о краѣ родномъ ¹⁾.

1831 г.

Сашенька обратилась ко мнѣ съ этими словами:

— Согласись, Catherine, что Лермонтовъ не только поэтъ,
 но даже пророкъ.

— Я не понимаю тебя.

— Видишь, онъ говоритъ объ умершей дѣвицѣ, а вѣдь ты
 для него точно умерла, никогда не говоришь о немъ, я это ему
 напишу.

— Напиши и поклонись ему отъ меня; ты пошлешь ему въ
 одно время и клевету и опроверженіе.

Намъ принли сказать, что экипажи готовы, и мы всѣ вмѣстѣ
 поѣхали въ Нескучное.

Погода была чудесная; театръ, устроенный въ саду подъ откры-
 тымъ небомъ, восхитилъ меня; декораціями служили вѣковья де-
 ревя, журчащій ручеекъ, дерновья скамьи и кусты махровыхъ
 розъ.

Во время антрактовъ дамы перебѣгали изъ ложи въ ложу,
 въ креслахъ тоже пестрѣли нарядныя дамскія шляпки, кавалеры
 водносили своимъ избраннымъ и ихъ безмолвнымъ и не улыбаю-
 щимся тѣлохранительницамъ, букеты, фрукты и мороженое.
 Л-тъ конечно не забылъ меня; онъ далъ мнѣ букетъ изъ бѣ-
 лыхъ розъ и незабудокъ, а Марья Васильевнѣ изо всѣхъ возмож-
 ныхъ цвѣтовъ и травъ, и обѣ мы были довольны его выборомъ ²⁾.

¹⁾ Оба послѣднія стихотворенія, если только не ошибаюсь, не были еще напеча-
 таны.

²⁾ Далѣе нѣсколько десятковъ страницъ отведено подъ рассказъ о любви Л-на,
 о свиданіяхъ и бесѣдахъ съ нимъ и т. п. Весь этотъ рассказъ, какъ не имѣющій ни-
 какого общаго интереса, при всей увлекательности его изложенія—я счелъ необходи-
 мымъ опустить.

VI.

Сватовство. — Встрѣча на балѣ съ Лермонтовимъ. — Появленіе его на домашнемъ вечеринкѣ. — Новая его посѣщенія. — Подѣлуй. — Балъ у адмирала А. С. Шникова. — Опасеніе дуали. — Приѣздъ жениха. — Разочарованіе. — Новая любовь. — Балъ у генералъ-губернатора. — Вѣроломный другъ. — Страсть и призваніе и ней Лермонтову. 1834 г.

L'élément de l'amour est la douleur
son atmosphère est l'orage.

(D'АВЛИНСКОУТ).

Осенью 1834 г. мы ранѣе обыкновеннаго возвратились из деревни въ Петербургъ въ ожиданіи приѣзда вѣчно кочующаго табора, т. е. дяди Андрея Васильевича, Прасковьи Васильевны и ихъ ангела Вареньки.

Сестра Лиза приѣхала тоже съ ними. Отрадны были первые дни моего соединенія съ нею. Она приѣхала изъ Пензы; я съ жадностью слушала ея рассказы объ этомъ городѣ, о дѣдушкѣ которому очень хотѣлось повидаться со мной, о благоговѣнномъ воспоминаніи, которое оставила мать моя всѣмъ и каждому. На говорившись до сыта о прошедшемъ, пометавъ объ осуществленіи нашего задушевнаго желанія побывать вмѣстѣ въ Пензѣ, мы перешли къ настоящему, и она мнѣ рассказала, какъ проѣздомъ черезъ Москву она часто видалась съ Сашенькой, сдружилась съ Вѣрой, сестрой Л-на, какъ онъ всегда краснѣлъ, когда говорили обо мнѣ, и какъ Вѣра спросила ее, помню ли я е брата?

— Какъ и всѣхъ знаемыхъ, отвѣчала Лиза.

— Я надѣюсь, возразила Вѣра, что братъ мой не то, что всѣ для нея.

Вскорѣ потомъ я получила письмо отъ Сашеньки.

«То, что я должна тебѣ открыть, не удивить тебя, писал Сашенька, ты привыкла побуждать сердца. Если бы я тебѣ сказала, что тотъ молодой человѣкъ, о которомъ я буду говорить тебѣ, остался равнодушнымъ послѣ короткаго знакомства съ тобою — вотъ что могло-бы справедливо удивить тебя. Итакъ скажу тебѣ съ его согласія, что онъ любитъ тебя, что отъ тебя одной зависитъ его счастье! Я не называю его; напиши мнѣ что сердце твое его узнало, его назвало, онъ приметъ твою отвѣтъ за согласіе и въ декабрѣ приѣдетъ въ Петербургъ, чтобы объясниться съ твоими родными. Но ради Бога, прежде чѣмъ ты увидишься съ нимъ, не говори ни слова роднымъ твоимъ!»

немъ, во-первыхъ: ты отъ нихъ не зависишь; во-вторыхъ: вспомни, какъ они здѣсь съ нимъ дурно обращались».

Въ отвѣтъ моему я имѣла неимовѣрную глупость дать почти форменное согласіе, сказавъ, что сердце мое не ошибается, и трудно было бы ошибиться, когда я только съ однимъ молодымъ человекомъ была коротка въ Москвѣ и что я буду ждать его и молчать.....

Трудно не подивиться моему сверхъестественной глупости; и тутъ еще я ничего не сказала дядѣ Николаю Васильевичу, когда до той поры ни въ чемъ не скрывалась отъ него — вѣрно не суждено было состояться этому браку.

Сашенька отвѣчала, что онъ счастливъ, благодаренъ, подтверждала хранить тайну, потому что и онъ никому изъ своихъ родныхъ ничего не откроетъ, до объясненія со мной. Я стала считать себя его невѣстой, успокоилась на счетъ своей будущности, старалась убѣдить себя, что я его люблю, принуждала себя безпрестанно думать о немъ — но любовь не зарождалась, а я все ждала ее. Лиза величала меня: Madame de L-ne. Мы устроивали будущую жизнь, я брала ее къ себѣ, въ воображеніи нашемъ мы уже посѣтили Пензу, свидѣлись съ дѣдушкой, поплакали на могилѣ матери нашей. Такимъ образомъ наступило 4-е декабря.

Живо я помню этотъ, вмѣстѣ и роковой и счастливый вечеръ; мы одѣвались на балъ къ госпожѣ К. Я была въ бѣломъ платьѣ, вышитомъ пунцовыми звѣздочками и съ пунцовыми гвоздиками въ волосахъ. Я была очень равнодушна къ моему туалету.

Л-нѣ не увидитъ меня, думала я, а для прочихъ я уже не существую.

Въ швейцарской снимали шубы и прямо входили въ танцевальную залу по прекрасной лѣстницѣ, убранной цвѣтами, увѣшанной зеркалами; зеркала были такъ размѣщены въ залѣ и на лѣстницѣ, что отражали въ одно время всѣхъ пріѣхавшихъ и пріѣзжающихъ; въ одну минуту можно было разглядѣть всѣхъ знакомыхъ. По близорукости своей и по равнодушію, я шла опустивъ голову, какъ вдругъ Лиза вскричала: «ахъ, Мишель Жермонтовъ здѣсь!»

— Какъ я рада, отвѣчала я; онъ намъ скажетъ, когда пріѣдетъ Л-нѣ.

Пока мы говорили, Мишель уже подбѣжалъ ко мнѣ, восхищенный, обрадованный этой встрѣчей, и сказалъ мнѣ:

— Я зналъ, что вы будете здѣсь, караулилъ васъ у дверей, чтобъ первому ангажировать васъ.

Я общала ему двѣ кадрили и мазурку, обрадовалась ему,

какъ умному человѣку, а еще болѣе, какъ другу Л-на. Л-нъ былъ моею первенствующею мыслью. Я не видала Лермонтова съ 30-го года; онъ почти не перемѣнился въ эти четыре года, возмужалъ немного, но не выросъ и не похорошѣлъ и почти все такой же былъ неловкій и неуклюжій, но глаза его смотрѣли съ большею увѣренностію, нельзя было не смутиться, когда онъ устремлялъ ихъ съ какою-то неподвижностію.

— Меня только на дняхъ произвели въ офицеры, сказалъ онъ ¹⁾; я поспѣшилъ похвастаться передъ вами моимъ гусарскимъ мундиромъ и моими эполетами; они даютъ мнѣ право танцовать съ вами мазурку; видите ли, какъ я злопамятенъ, я не забылъ косого конно-гвардейца; оттого въ юнкерскомъ мундирѣ я избѣгалъ случая встрѣчать васъ; помню, какъ жестоко вы обращались со мной, когда я носилъ студенческую курточку.

— А ваша злопамятность и теперь доказываетъ, что вы сущій ребенокъ; но вы ошиблись, теперь и безъ вашихъ эполетъ я бы пошла танцовать съ вами.

— По зрѣлости моего ума?

— Нѣтъ, это въ сторону; во-первыхъ, я въ Петербургѣ не могу выбирать кавалеровъ, а во-вторыхъ, я перемѣнилась во многомъ.

— И этому причиной любовь?

— Да я и сама не знаю; скорѣе, мнѣ кажется, непростительное равнодушіе ко всему и ко всѣмъ.

— Къ окружающимъ — я думаю; къ отсутствующимъ — позвольте не вѣрить вамъ.

— Bravo, monsieur Michel, вы кажется заочно меня изучали; смотрите, легко ошибетесь.

— Тѣмъ лучше; посмотрите, изучилъ ли я васъ или нѣтъ, но вы точно перемѣнились; вы какъ-будто находитесь подъ вліяніемъ чей-то власти, какъ-будто на васъ тяготѣетъ какая-то обязанность, отвѣтственность, правда-ли?

— Нѣтъ, пустяки, — оставимте настоящее и будущее, давайте вспоминать.

Тутъ мы стали болтать Сашенькѣ, о Средниховѣ, о Троицкой Лаврѣ, — много смѣялись, но я не могла рѣшиться замолвить первая о Л-нѣ.

Раздалась мазурка; едва мы усѣлись, какъ Лермонтовъ сказалъ мнѣ, смотря прямо мнѣ въ глаза:

¹⁾ Въ 1832 г., Лермонтовъ, исключенный за шалость изъ московскаго университета, поступилъ въ юнкерскую школу въ Петербургѣ, откуда и выпущенъ въ 1834 году корнетомъ въ лейбъ-гвардію гусарскій полкъ.

— Знаете ли, на дняхъ сюда прїѣдетъ Л-нъ.

Для избѣжанія утвердительнаго отвѣта я спросила:

— Такъ вы скоро его ждете?

Я чувствовала, какъ краснѣла отъ этого имени, отъ своего непонятнаго притворства, а главное отъ испытующихъ взоровъ Мишеля.

— Какъ хорошо, какъ звучно называться Madame de L-ne, продолжалъ Мишель, не правда-ли? Согласились бы вы принять это имя?

— Я соглашусь въ томъ, что есть много именъ лучше этого, — отвѣчала я отрывисто, раздосадованная на Л-на, котораго я упрекала въ измѣнѣ; отъ меня требовалъ молчанія, а самъ безъ моего согласія повѣрялъ нашу тайну своимъ друзьямъ, а можетъ быть и хвастается вліаніемъ своимъ на меня. Не помню теперь слово въ слово разговоръ мой съ Лермонтовымъ, но помню только, что я убѣдилась въ томъ, что ему все было извѣстно и что онъ въ непрерывной перепискѣ съ Л-нымъ; онъ распространялся о добротѣ его сердца, о ничтожности его ума, а болѣе всего напиралъ, съ колющею, о его богатствѣ.

Лиза и я, мы сказали Лермонтову, что у насъ 6-го будутъ танцовать, и онъ намъ рѣшительно объявилъ, что прїѣдетъ къ намъ.

— Возможно-ли, вскричали мы въ одинъ голосъ; вы не знаете ни дядей, ни тетокъ?

— Что за дѣло? я прїѣду къ вамъ.

— Да мы не можемъ принять васъ, мы не принимаемъ никого.

— Прїѣду пораньше, велю доложить вамъ, вы меня и представите.

Мы были и испуганы и удивлены его удалствомъ, но зная его коротко, ожидали отъ него такого необдуманнаго поступка.

Мы начали ему представлять строгость тетокъ и сколько онъ намъ навлечетъ непріятныхъ хлопотъ.

— Во что бы то ни стало, повторилъ онъ, я непременно буду у васъ послѣзавтра.

Возвратясь домой, мы много разсуждали съ сестрой о Лермонтовѣ, о Л-нѣ и очень безпокоились, какъ сойдетъ намъ съ ружъ безразсудное посѣщеніе Лермонтова.

Наконецъ насталъ страшный день 6-го декабря. Съ утра у насъ была толпа поздравителей; въ обѣду собралось человѣкъ сорокъ, всѣ родные, вся канцеларія и нѣкоторые изъ несносныхъ нашихъ обожателей; по какому-то предчувствію, я отка-

зала всѣмъ первую кадрили и мазурку, не говоря да и не зная навѣрное, съ кѣмъ придется ихъ танцевать; впрочемъ, лучшие кавалеры должны были пріѣхать поздне и я могла всегда выбрать одного изъ нихъ.

Не позже семи часовъ, лакей припелъ доложить сестрѣ и мнѣ, что какой-то маленькій офицеръ проситъ насъ обѣихъ видѣти въ нему въ лакейскую.

— Что за вздоръ, вскричали мы въ одинъ голосъ; какъ это можетъ быть.

— Право, сударыни, какой-то маленькій гусаръ спрашиваетъ, здѣсь ли живутъ Екатерина Александровна и Елизавета Александровна С-вы.

— Поди, спроси его имя.

— Лакей возвратился и объявилъ, что Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ пріѣхалъ къ дѣвицамъ С-мъ.

— А, теперь я понимаю, сказала я; онъ у меня спрашивалъ адресъ брата Дмитрія и вѣроятно отыскиваетъ его.

Братъ Дмитрій пригодился намъ и могъ доставить истинное удовольствіе, представивъ въ нашъ домъ умнаго танцора, остраго рассказчика и сверхъ всего моего милаго поэта. Мы съ сестрой увѣрили его, что бывшій его товарищъ по университетскому пансіону къ нему пріѣхалъ и дали ему мысль представить его Марьѣ Васильевнѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ; все обошлось какъ нельзя лучше.

Я отъ души смѣялась съ Лермонтовымъ...

Лермонтовъ самъ удивился, какъ все складно устроилось, а я просто не приходила въ себя отъ удивленія къ своей находчивости.

— Видите ли, сказали онъ мнѣ, какъ легко достигнуть того, чего пламенно желаешь?

— Я бы не тратила свои пламенные желанія для одного танцевальнаго вечера больше или меньше въ зиму.

— Тутъ не о лишнемъ вечерѣ идетъ дѣло; я сдѣлалъ первый шагъ въ ваше общество и этого много для меня. Помните, я еще въ Москвѣ вамъ говорилъ объ этой мечтѣ, теперь только осуществившейся.

Онъ позвалъ меня на два сбереженные для него танца и былъ очень веселъ и милъ со всѣми, даже ни надъ кѣмъ не посмѣялся. Во время мазурки онъ началъ мнѣ говорить о своемъ своемъ отъѣздѣ въ Москву.

— И скоро вы ѣдете?

— Къ праздникамъ или тотчасъ послѣ праздниковъ.

— Я вамъ завидую, вы увидите Сашеньку!

— Я бы вамъ охотно уступилъ это счастье, особенно вамъ, а не другому. Я ѣду не для удовольствія, меня тоже зависть гонить отсюда; я не хочу, я не могу быть свидѣтелемъ счастья другого, видѣть, что богатство все доставляетъ своимъ избраннымъ, — богатому лишнее имѣть умъ, душу, сердце, его и безъ этихъ прилагательныхъ полюбить, оцѣнить, для него не замѣять искренней любви бѣдняка, а если и замѣять, то прикинутся недогадливыми; не правда-ли, это часто случается?

— Я не знаю, я никогда не была въ такомъ положеніи; по моему мнѣнію, одно богатство безъ личныхъ достоинствъ ничего не значить.

— Поэтому, позвольте васъ спросить, что же вы нашли въ Л-нѣ?

— Я говорю вообще и не допускаю личностей.

— А я прямо говорю о немъ.

— О, если такъ, сказала я, стараясь выказать какъ можно больше одушевленія, такъ мнѣ кажется, что Л-нѣ имѣетъ все, чтобъ быть истинно любимымъ и безъ его богатства; онъ такъ добръ, такъ внимателенъ, такъ чистосердеченъ, такъ безыгорьственъ, что въ любви и въ дружбѣ можно положиться на него.

— А я увѣренъ, что если бы отняли у него принадлежащія ему пять тысячъ душъ, то вы бы первая и не взглянули на него.

— Могу васъ увѣрить, я не знала, богатъ или бѣденъ онъ, когда познакомилась съ нимъ въ Москвѣ, и долго спустя узнала, какъ отецъ его поступилъ благородно съ сестрой своей и по неотступной просьбѣ Л-на уступилъ ей половину имѣнія, а такіе примѣры рѣдки. Теперь я знаю, что онъ богатъ, но это не увеличило ни на волосъ моего хорошаго мнѣнія о немъ; для меня богатство для человѣка все равно, что роскошный переплетъ для книги: глупой не придастъ занимательности, хорошей — не придастъ цѣны и своей мишурной позолотой.

— И вы всегда такъ думали?

— Всегда, и нѣсколько разъ доказывала это на дѣлѣ.

— Такъ ваше мнѣніе о Л-нѣ?

— Самое лестное и непоколебимое.

— Да я зналъ и прежде, что вы въ Москвѣ очень благоволили къ нему, а онъ-то совсѣмъ растаялъ; я знаю все, помните ли вы Нескучное, превратившееся безъ васъ въ Свучное, букетъ изъ незабудокъ, страстные стихи въ альбомѣ; да, я все тогда же зналъ и теперь знаю, съ какими надеждами онъ сюда ѣдетъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ черновнижники, но истощаете свое дарованіе на пустыяи.

— О, если бы я былъ точно черновнижникъ! Но я просто другъ Л-на и у него нѣтъ отъ меня ни одной скрытой мысли, ни одного задушевнаго желанія.

Мнѣ еще досаднѣе стало на Л-на, зачѣмъ поставилъ онъ меня въ фальшивое положеніе передъ Мишелемъ, разболтавъ ему всѣ эти пустыяи и наши планы на будущее.

Между тѣмъ мазурка кончилась, въ ожиданіи ужина Яковлевъ пѣлъ разные романсы и восхищалъ всѣхъ своимъ приятнымъ голосомъ и чудной методой.

Когда онъ запѣлъ:

Я васъ любилъ, любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей погасла не совсѣмъ,—

Мишель шепнулъ мнѣ, что эти слова выражаютъ ясно его чувства въ настоящую минуту.

Но пусть она васъ больше не тревожитъ,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

— О нѣтъ, продолжалъ Лермонтовъ въ полголоса, пускай тревожить, это — вѣрнѣйшее средство не быть забыту.

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ,

— Я не понимаю робости и безмолвія, шепталъ онъ, а безнадежность предоставляю женщинамъ.

Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ!

— Это совсѣмъ надо перемѣнить, естественно ли желать счастья любимой женщинѣ, да еще съ другимъ? Нѣтъ, пусть она будетъ несчастлива; я такъ понимаю любовь, что предпочелъ бы ея любовь — ея счастью; несчастлива черезъ меня, это бы связало ее на вѣкъ со мною! А вѣдь такія мелкія, сладкія натуры, какъ Л-нъ, чего добраго, и пожелалъ бы счастья своимъ предметамъ! А все-таки жаль, что я не написалъ эти стихи, только я бы ихъ немного измѣнилъ. Впрочемъ у Баратынскаго есть пьеса, которая мнѣ еще больше нравится, она еще вѣрнѣе обрисовываетъ мое прошедшее и настоящее, и онъ началъ декламировать:

Нѣтъ, обманула васъ молва,
По прежнему я занятъ вами

И надо мной свои права
 Вы не утратили съ годами.
 Другимъ курилъ я ошміамъ,
 Но васъ носилъ въ святинѣ сердца,
 Другимъ молился божествамъ,
 Но съ безповойствомъ старовѣрна!

— Вамъ, Михайлъ Юрьевичъ, нечего завидовать этимъ стихамъ, вы еще лучше выразились:

Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
 Кумиръ поверженный — все Богъ!

— Вы помните мои стихи, вы сохранили ихъ? Ради Бога, отдайте мнѣ ихъ; я нѣкоторые забылъ, я передѣлаю ихъ лучше и вамъ же посвящу.

— Нѣтъ, ни за что не отдамъ, я ихъ предпочитаю какими они есть, съ ихъ ошибками, но съ свѣжестью чувства; они точно не полны, но если вы ихъ передѣлаете, они утратятъ свою неподдѣльность, оттого-то я и дорожу вашими первыми опытами.

Онъ настаивала, я защищала свое добро — и отстояла.

На другой день вечеромъ, мы сидѣли съ Лизой въ маленькой гостиной и какъ обыкновенно случается послѣ двухъ баловъ сяду, въ неглиже, усталыя, полусонныя и лѣнливо читали вновь вышедшій романъ г-жи Дебордъ-Вальморъ: «l'Atelier d'un peintre». Марья Васильевна по обыкновенію играла въ карты въ большой пріемной, какъ вдругъ раздался шумъ сабли и шпоръ.

— Вѣрно Лермонтовъ, проговорила Лиза.

— Что за вздоръ, отвѣчала я, съ какой стати?

Тутъ раздались слова тетки: мои племянницы въ той комнатѣ, и передъ нами вдругъ явился Лермонтовъ. Я оцѣпенѣла отъ удивленія.

— Какъ это можно, вскрикнула я, два дня сяду! и прежде никогда не бывали у насъ, какъ это вамъ не отказали; сегодня у насъ принимаютъ только самыхъ короткихъ.

— Да мнѣ и отказывали, но я настойчивъ.

— Какъ же васъ приняла тетя?

— Какъ видите, очень хорошо, нельзя лучше, потому что допустила до васъ.

— Это просто сумасбродство, monsieur Michel, c'est absurde, вы еще не имѣете ни малѣйшаго понятія о свѣтскихъ приличіяхъ.

Не долго я сердилась, онъ меня заговорилъ, развеселилъ, разсѣялъ разными разсказами. Потомъ мы пустились разсуж-

дать о новомъ романѣ и по просьбѣ его, я ему дала его прочитать съ уговоромъ, чтобъ онъ написалъ свои замѣчанія на тѣ мѣста, которыя мнѣ больше нравились и которыя, по *Онльинской* дурной привычкѣ, я отмѣчала карандашемъ или ногтемъ онъ обѣщаль исполнить уговоръ и взялъ книги.

Онъ предложилъ намъ гадать въ карты, по праву черно-книжника предсказать намъ будущность. Не мудрено было ему наговорить мнѣ много правды о настоящемъ, до будущаго онъ не касался, говоря, что для этого нужны разныя приготовленія.

— Но по рукѣ я еще лучше гадаю, сказалъ онъ, дайте мнѣ вашу руку и увидите.

Я протянула ее и онъ серьезно и внимательно сталъ разсматривать всѣ черты на ладони, но молчалъ.

— Ну что же? спросила я.

— Эта рука обѣщаетъ много счастья тому, кто будетъ ею обладать и цаловать ее, и потому я первый воспользуюсь.— Тутъ онъ съ жаромъ поцаловаль и пожалъ ее.

Я выдернула руку, сконфузилась, раскраснѣлась и убѣжала въ другую комнату. Что это былъ за поцалуй! Если я проживу и сто лѣтъ, то и тогда я не позабуду его; лишь только и теперь подумаю о немъ, то кажется, такъ и чувствую прикосновеніе его жаркихъ губъ; это воспоминаніе и теперь еще волнуешь меня, но въ ту самую минуту со мной сдѣлался мгновенный, непостижимый переворотъ; сердце забилося, кровь такъ и переливалась съ быстротой, я чувствовала трепетаніе всякой жилки, душа линовала. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ досадно было на Мишеля; я такъ была проникнута моими обязанностями къ Л-ну, что считала и этотъ невинный поцалуй измѣной съ моей стороны и вѣроломствомъ съ его.

Я была серьезна, задумчива, разсѣянна въ продолженіи всего вечера, но непомѣрно счастлива! Мнѣ все представлялось въ радужномъ сіяніи.

Всю ночь я не спала, думала о Л-нѣ, но еще болѣе о Мишелѣ; признаться-ли, я цаловала свою руку, сжимала ее и на другой день чуть не со слезами умыла ее: я боялась сгладить поцалуй, нѣтъ! онъ остался въ памяти и въ сердцѣ надолго, навсегда! Какъ хорошо, что воспоминаніе никто не можетъ похитить у насъ; оно одно остается намъ вѣрнымъ и всемогуществомъ своимъ воскрешаетъ прошедшее съ тѣми же чувствами, съ тѣми же ощущеніями, съ тѣми же пыломъ, какъ и въ молодости. Да! я думаю, что и въ старости воспоминаніе остается молодымъ!

Во время бессонницы своей, я стала сравнивать Л-на съ

Лермонтовымъ; въ чему говорить, на чьей сторонѣ былъ пере-
вѣсъ? Всѣ нападки Мишеля на умъ Л-на, на его ничтоже-
ство въ обществѣ, все, выключая его богатства, было уже
для меня доступно и даже казалось довольно основательнымъ;
его же довѣріе къ нему непростительно глупымъ и смѣшнымъ.
Поэтому я уже не далеко была отъ измѣны, но еще совершенно
не понимала состоянія моего сердца.

Въ среду мы поѣхали на балъ къ извѣстному адмиралу
Шишлову; у него были положенные дни. Грустно было смо-
трѣть на бѣднаго старика, доживающаго свой вѣкъ! Онъ былъ
очень добръ и ему доставляло удовольствіе окружать себя весе-
лищею молодежью; онъ, бывало, со многими изъ насъ пого-
ворить и часто спрашивалъ: на мѣстѣ ли еще ретивое? У него
были часто онѣмѣнія головы и тогда онъ тутъ же въ залѣ ло-
жился на диванъ и какая-то женщина растирала ему виски и
темя; всѣ ее звали *чесалкой*, — она какъ тѣнь слѣдила за
Александромъ Семеновичемъ, который едва передвигалъ ноги.
Я любила ѣздить къ Шишлову и говорить съ нимъ; меня тро-
гала его доброта и гостепріимство. Онъ иногда шутилъ со мною
и говорилъ, что чувствуетъ, какъ молодѣетъ, глядя на меня.

Мишель взялъ у меня списокъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ,
чтобы со временемъ постараться познакомиться съ ними. Я не
воображала, чтобы онъ умѣлъ такъ скоро распорядиться, и очень
удивилась, найдя его разговаривающимъ съ бывлой знамени-
тостью. Я чувствовала, что Мишель пріѣхалъ для меня, эта
увѣренность заставила меня улыбнуться и покраснѣть.

Но я еще больше раскраснѣлась, когда Александръ Семено-
вичъ Шишковъ сказалъ мнѣ: «что, птичка, ретивое еще на мѣ-
стѣ? смотри, держи обѣими руками; посмотри, какіе у меня се-
годня славные новички». И онъ сталъ меня знакомить съ Лер-
монтовымъ; я такъ растерялась, что очень низко присѣла ему—
тутъ мы оба расхохотались и полетѣли вальсировать.

Надобно ли говорить, что мы почти всѣ танцы вмѣстѣ тан-
цовали.

— Вы грустны сегодня, сказала я ему, видя, что онъ без-
престанно задумывается.

— Не грустенъ, но золь, отвѣчалъ онъ; золь на судьбу,
золь на людей, а главное золь на васъ.

— На меня? чѣмъ я провинилась?

— Тѣмъ, что вы губите себя; тѣмъ, что вы не цѣните
себя; вы олицетворенная мечта поэта, съ пылкой душой, съ воз-
вешеннымъ умомъ, и вы заразились свѣтомъ! И вамъ необхо-
дны поглоники, блескъ, шумъ, суета, богатство и для этой

мишуры вы затаиваете, заглушаете ваши лучшія чувства, приносите ихъ въ жертву человѣку, неспособному васъ понять, васъ сочувствовать, человѣку, котораго вы не любите и никогда не можете полюбить.

— Я васъ не понимаю, Михаилъ Юрьевичъ; какое право имѣете вы мнѣ все это говорить; знайте разъ навсегда, я люблю ни проповѣдей, ни проповѣдниковъ.

— Нѣтъ, вы меня понимаете и очень хорошо. Но извольте я выражусь просто: послѣ завтра приѣзжаетъ Л-нъ; привалящая ему пять тысячъ душъ дѣлаютъ его самоувѣреннымъ; да въ чемъ же ему и сомнѣваться? Первый его намекъ поняли онъ ѣдетъ не побѣжденнымъ, а побѣдителемъ; увижу, придастъ ли ему хоть эта увѣренность ума, а я такъ думаю и, признаюсь, желаю, чтобъ онъ потерялъ и то, чего никогда не имѣлъ то-то я поторжествую!

— Я думаю тоже, что ему нечего терять.

— Какъ? что вы сказали?

— Не вы же одни имѣете право говорить загадками.

— Нѣтъ, я не говорю загадками, но просто спрошу васъ зачѣмъ вы идете за него замужь; вѣдь вы его не любите?

— Я иду за него? вскричала я почти съ ужасомъ; о, это еще не рѣшено! Я вижу, что вы все знаете, но не знаю, какъ вамъ передали это обстоятельство. Такъ и быть, я сама-вами все расскажу. Признаюсь, я сердита на Л-на: чѣмъ онъ хвастается, въ чемъ такъ увѣренъ? Сашенька мнѣ писала по его просьбѣ, что если сердце мое узнаетъ и назоветъ того, кто безпрестанно думаетъ обо мнѣ, краснѣетъ при одномъ имени моемъ; что если я напишу ей, что угадала его имя, то онъ приѣдетъ въ Петербургъ и будетъ просить моей руки, — вотъ и весь романъ; кто знаетъ какая еще будетъ развязка? Да, я рѣшаюсь выйти за него безъ сильной любви, но съ увѣренностію, что буду съ нимъ счастлива, онъ такъ добръ, благороденъ, не глупъ, любить меня, а дома я такъ несчастлива. Я такъ хочу быть любимой!

— Боже мой! если бы вы только хотѣли догадаться, какъ васъ любятъ! Если бы хотѣли только понять, съ какою пылкостью, съ какою покорностію, съ какимъ неистовствомъ васъ любить одинъ молодой человѣкъ моихъ лѣтъ.

— Я знаю, что вы опять говорите о Л-нѣ; я именно и вѣбраю ему свою судьбу, потому что увѣрена въ его любви, потому что я первая его страсть.

— Вотъ прекрасно, вы думаете, что я хлопочу за Л-на?

— Если не о немъ, такъ о комъ же вы говорите?

— Положимъ, что и о немъ. Но отвѣчайте мнѣ прежде на одинъ мой вопросъ: скажите, если бы васъ въ одно время любили два молодые человѣка, одинъ — пускай его будетъ Л-нъ, онъ богатъ, счастливъ, все ему улыбается, все предъ нимъ преклоняется, все ему доступно, единственно потому только, что онъ богатъ! Другой же молодой человѣкъ далеко не богатъ, не знатенъ, не хорошъ собою, но уменъ, но пылокъ, воспримчивъ и глубоко несчастливъ; онъ стоитъ на краю пропасти, потому что никому и ни во что не вѣритъ, не знаетъ, что такое взаимность, что такое ласка матери, дружба сестры, и если бы этотъ бѣднякъ рѣшился обратиться къ вамъ и сказать вамъ: спаси меня, я тебя боготворю, ты сдѣлаешь изъ меня великаго человѣка, полюби меня и я буду вѣрить въ Бога, ты одна можешь спасти мою душу. Скажите, что бы вы сдѣлали?

— Я надѣюсь не быть никогда въ такомъ затруднительномъ положеніи; судьба моя уже почти рѣшена, я любима и сама буду любить.

— Будете любить! пошлое выраженіе, впрочемъ доступное женщинамъ; любовь по приказанію, по долгу! желаю вамъ большого успѣха, но мнѣ что-то не вѣрится, чтобъ вы полюбили Л-на; да этого и не будетъ.

Возвратясь домой, я еще больше негодовала на Л-на; вѣдь это его необдуманная откровенность навлекла мнѣ такіе неловкіе разговоры съ Лермонтовымъ, сблизила меня съ нимъ.

Проучу же я его, помучаю, раздумывала я. Понятно, что я, хотя бессознательно, но уже дѣйствовала, думала и руководствовалась внушеніями Мишеля. А между тѣмъ, всѣ мои помышленія были для Лермонтова. Я вспоминала малѣйшее его слово, вездѣ видѣла его жгучіе глаза, поцалуй его все еще звучалъ въ ушахъ и раздавался въ сердцѣ, но я не признавалась себѣ, что люблю его. Придетъ Л-нъ, рассуждала я сама съ собою, и все пойдетъ иначе; онъ любитъ меня, хотя и безъ волненія, но глубоко; участіе его успокоитъ меня, разгонитъ мои сомнѣнія, я ему расскажу подробно все, что мнѣ говорилъ Лермонтовъ, я не должна ничего отъ него скрывать. Такъ думала я, такъ хотѣла поступить, но вышло иначе.

Вечеромъ пріѣхалъ къ намъ Мишель, разстроенный, блѣдный; улучилъ минуту увѣдомить меня, что Л-нъ пріѣхалъ, что онъ ревнуетъ, что встрѣча ихъ была какъ встрѣча двухъ враговъ и что Л-нъ намекнулъ ему, что онъ знаетъ его ухаживание за мной и что онъ не прочь и отъ дуэли, даже и съ роднымъ братомъ, если бы тотъ задумалъ быть его соперникомъ.

— Видите ли, продолжалъ Лермонтовъ, если любовь его къ вамъ не придала ему ума, то по крайней мѣрѣ придала ему догадливости; онъ еще не видалъ меня съ вами, а уже знаетъ что я васъ люблю; да, я васъ люблю, повторилъ онъ съ кажимъ-то дикимъ выраженіемъ, и намъ съ Л-мъ тѣсно вдвоемъ на землѣ.

— Мишель, вскричала я внѣ себя, что же мнѣ дѣлать?

— Любить меня.

— Но Л-нъ, но письмо мое, оно равняется согласію.

— Если не вы рѣшите, такъ предоставьте судьбѣ или правильнѣе сказать: пистолету.

— Неужели нѣтъ исхода? помогите мнѣ, я все сдѣлаю, но только откажитесь отъ дуэли, только живите оба, я уѣду въ Пензу къ дѣдушкѣ и вы оба меня скоро забудете.

— Послушайте; завтра прійдетъ къ вамъ Л-нъ, лучше не говорите ему ни слова обо мнѣ, если онъ самъ не начнетъ этого разговора; примите его непринужденно, ничего не говорите роднымъ о его предложеніи; увидя васъ, онъ самъ догадается, что вы перемѣнились къ нему.

— Я не перемѣнилась, я все та же, и все люблю и уважаю его.

— Уважаете! это не любовь; я люблю васъ, да и вы меня любите, или это будетъ непремѣнно; бойтесь меня, я на все способенъ и никому васъ не уступлю, я хочу вашей любви. Будьте осторожны; двѣ жизни въ вашихъ рукахъ!

Онъ уѣхалъ, я осталась одна съ самыми грустными мыслями, съ самыми черными предчувствіями. Мнѣ все казалось, что Мишель лежитъ передо мной въ крови, раненый, умирающій; я старалась въ воображеніи моемъ замѣнить его трупъ трупомъ Л-на; это мнѣ не удавалось и несмотря на мои старанія, Л-нъ являлся передо мной бѣленькимъ, розовымъ, съ свѣтлымъ взоромъ, съ самодовольной улыбкой. Я жмурила глаза, но обѣ эти картины не измѣнялись, не исчезали. Совѣсть уже мучила меня за Л-на; сердце билось, замирало, жило однимъ только Лермонтовымъ.

На другой день, часовъ въ двѣнадцать, пріѣхалъ къ намъ Л-нъ; это первое свиданіе было принужденно, тетя не отходила отъ насъ; она очень холодно и свысока приняла Л-на, но по просьбѣ дяди Николая Васильевича пригласила его въ тотъ же день къ себѣ обѣдать. Дядя желалъ отъ души, чтобъ я вышла замужъ за Л-на, и лишь только онъ уѣхалъ, онъ началъ мнѣ толковать о всѣхъ *выгодахъ* такой партіи, но и тутъ я ни въ чемъ не призналась ему: какъ ни добивался онъ

откровенности, но на этотъ разъ я дѣйствовала уже по расчету. Съ первыхъ моихъ словъ, онъ бы выгналъ Лермонтова, все бы высказалъ Л-ну и устроилъ бы нашу свадьбу. А мнѣ уже казалось невозможнымъ отказаться отъ счастья видѣть Мишеля, говорить съ нимъ, танцовать съ нимъ.

За обѣдомъ Л-нъ сидѣлъ подлѣ меня, онъ былъ веселѣе чѣмъ утромъ, говорилъ только со мною, вспоминалъ наше московское житіе до малѣйшей подробности, освѣдомлялся о моихъ вѣздахъ, о моихъ занятіяхъ, о моихъ подругахъ.

Мнѣ было не ловко съ нимъ. Я все боялась, что онъ вотъ сейчасъ заговоритъ о Мишелѣ; я сознавалась, что очень виновата предъ нимъ, разсудокъ говорилъ мнѣ: съ нимъ ты будешь счастлива, — а сердце вступалось за Лермонтова и шептало мнѣ: потъ больше тебя любить! Мы ушли въ мой кабинетъ, Л-нъ тотчасъ же спросилъ меня:

— Помните ли, что вы писали Сашенькѣ въ отвѣтъ на ея письмо?

— Конечно, отвѣчала я, это было такъ недавно.

— А если бы давно, то вы бы забыли или перемѣнились?

— Не знаю и не понимаю, къ чему ведетъ этотъ допросъ.

— Могу ли я объясниться съ вашими родными?

— Ради Бога, подождите, сказала я съ живостью.

— Зачѣмъ же ждать, если вы согласны?

— Все лучше; постарайтесь понравиться Марьѣ Васильевнѣ, играйте съ ней въ вистъ и потомъ...

— Неужели она можетъ имѣть на васъ вліяніе; я стараюсь нравиться только вамъ, я васъ люблю болѣе жизни и клянусь все сдѣлать для вашего счастья, лишь бы вы меня немного любили.

Я заплакала и готова была тутъ же высказать все Л-ну, упрекнуть его въ неограниченномъ, неумѣстномъ довѣрїи къ Лермонтову, сообщить ему всѣ наши разговоры, всѣ его увѣренія, просить его совѣта, его помощи. Едва я вымолвила первыя слова, какъ дядя Николай Сергѣевичъ пришелъ, предложилъ ему сигару и увелъ въ свой кабинетъ. Четверть часа прошло, а съ нимъ и мое благое намѣреніе; мнѣ опять представился Лермонтовъ съ своими угрозами и вооруженный пистолетомъ.

Л-нъ былъ очень веселъ, усѣлся за вистъ съ Марьей Васильевной; я взяла работу, подсѣла къ карточному столу; онъ часовъ до девяти пробылъ у насъ, уѣхалъ выпросивъ позволеніе прїѣхать на другой день посмотреть на мой туалетъ, мы собирались на балъ къ генералъ-губернатору.

Лишь только Л-нъ отъ насъ уѣхалъ, какъ влетѣлъ Лер-

монтовъ. Для избѣжанія *задушевнаго* разговора, я осталась у карточного стола; онъ надулся, гремѣлъ саблей, острилъ безъ пощады, говорилъ вообще дурно о свѣтскихъ дѣвушкахъ и въ самыхъ извѣстныхъ выраженіяхъ рассказывалъ громогласно, относя къ давно прошедшему, мои отношенія къ Л-ну, любовь свою ко мнѣ и мое воеводство съ обоими братьями.

Наконецъ эта пытка кончилась; взбѣшенный моимъ равнодушіемъ и невмѣстительствомъ моимъ въ разговоръ, онъ уѣхалъ, но однако же, при всѣхъ пригласилъ меня на завтрашнюю мазурку.

Я задумала остаться дома, упрасивала объ этомъ, мнѣ не позволяли, называли меня *капризной*. Итакъ, все было противъ меня и противъ моего желанія остаться вѣрной Л-ну.

Собираясь на балъ, я очень обдумывала свой туалетъ, никогда я не желала казаться такой хорошенькой, какъ въ этотъ вечеръ; на мнѣ было бѣлое платье и вѣтки репейнику на головѣ, такая же вѣтка у лифа. Л-нъ пріѣхалъ, я вышла къ нему съ дядей Николаемъ Васильевичемъ, который очень любилъ выказывать меня. Л-нъ пришелъ въ восторгъ отъ моего сіянья, какъ онъ выразился, и поцаловалъ мою руку, — какая разница съ поцалуемъ Лермонтова! Тотъ рѣшилъ судьбу мою, въ немъ была вся моя жизнь, и я бы отдала всѣ предстоящіе мнѣ годы за другой такой же поцалуй!

Мы усѣлись; онъ спросилъ меня, какъ я окончила вчерашній вечеръ?

— Случно!

— Кто былъ у васъ?

— Никого кромѣ Лермонтова.

— Лермонтовъ былъ! невозможно!

— Что же тутъ невозможнаго? онъ и третьяго дня былъ!

— Какъ! въ день моего пріѣзда?

— Да.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ.

— Да, и тысячу разъ да, отвѣчала я обидѣвшись, что онъ мнѣ не вѣритъ.

Мы оба надулись и прохаживались по комнатѣ. Тутъ я ужъ ничего не понимала, отчего такъ убѣжденъ Л-нъ въ невозможности посѣщеній Мишеля. Я предчувствовала какія-то возни но я не пыталась отгадывать и даже боялась отгадать, кто ихъ устраиваетъ; я чувствовала себя опутанной, связанной по рукамъ и по ногамъ, но кѣмъ?...

Вошла Марья Васильевна и мы поѣхали на балъ.

Лермонтовъ ждалъ меня у дверей; протанцовалъ со мною

двѣ первыя кадрили и подѣ предлогомъ какаго-то скучнаго вечера уѣхалъ, обѣщаясь возвратиться къ мазуркѣ. Съ его минутнымъ отсутствіемъ, какъ глубоко поняла я значеніе стиха графа Рессетъ:

Le bal continuait,—la fête n'était plus!

Онъ сдержалъ слово и возвратился на балъ, когда усаживались къ мазуркѣ. Онъ былъ веселъ, шутливъ, говорилъ съ восторгомъ о своей неизмѣнной любви и повершилъ тѣмъ, что объявилъ, что онъ очень счастливъ.—А вы? спросилъ онъ меня.

— Я, такъ себѣ, по прежнему.

— Вы продолжаете начатое?

— Лучше сказать, я останавливаю не начатое.

Онъ улыбнулся и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку въ турѣ.

— Чтó Л-нъ? спросилъ онъ.

— Ждетъ! отвѣчала я. Но скажите же, monsieur Michel, чтó мнѣ дѣлать? Я въ такомъ неловкомъ, запутанномъ положеніи; ваши угрозы смутили меня, я не могу быть откровенна съ Л-нимъ, все боюсь недосказать или высказаться, я безпрестанно противорѣчу себѣ, своимъ убѣжденіямъ. Признайтесь, его ревность, его намѣреніе стрѣляться съ вами, все это было въ вашемъ только воображеніи?

— О, я вижу, сказала онъ съ живостью, что ужъ успѣли мнѣ повредить въ вашемъ мнѣніи; вы мнѣ больше не вѣрите. Я вамъ говорилъ, что у меня есть враги, и вотъ они и постарались внушить вамъ подозрѣнія, и успѣли кажется, оттого-то вы мнѣ и не вѣрите.

— Вѣрю, боюсь, вѣрю, но бѣдный Л-нъ въ такомъ миролюбивомъ расположеніи, такъ увѣренъ во мнѣ, а—я, я, мнѣ кажется, его обманываю, поступаю съ нимъ неблагородно, мучу его и сама терзаюсь. Надо же положить всему этому конецъ.

— Ну что-же, выходите за него; онъ богатъ, онъ глупъ, вы будете его водить за носъ. Что вамъ до меня, что вамъ любовь моя?..... я бѣденъ!... Пользуйтесь вашимъ положеніемъ, будьте счастливы, выходите за него, но на дорогѣ къ этому счастью, вы перешагнете черезъ мой или его трупъ, тѣмъ лучше! Какая слава для васъ, два брата, два друга за васъ сдѣлаются непримиримыми врагами, убійцами. Весь Петербургъ, вся Москва будутъ съ недѣлю говорить о васъ, довольно ли этого для вашего ненасытнаго самолюбія, для вашего кокетства?

— Вы меня, Михайлъ Юрьевичъ, или не знаете, или презираете. Скажите, что я сдѣлала, чтобы заслужить такіа волкія и дерскія выраженія? Я согласилась на предложеніе Л-на, прежде чѣмъ встрѣтилась съ вами; я не звала васъ къ намъ,

вы ворвались въ нашъ домъ почти силой и съ тѣхъ поръ преслѣдуете меня вашими увѣреніями, угрозами и даже дерзостью. Я болѣе не допущу этого, я довольно настрадаюсь въ это время, и завтра же все покончу. Вотъ и теперъ на балѣ, въ кругу блеска, золота, веселья, меня преслѣдуетъ вашъ образъ окровавленный, обезображенный, я вижу васъ умирающимъ, я страдаю за васъ, готова сейчасъ заплавать, а вы упрекаете меня въ кокетствѣ!

Мазурка кончилась, всѣ танцюющіе сдѣлали большой туръ по всѣмъ комнатамъ, мы немного отстали и пробѣгая черезъ большую биллиардную, Лермонтовъ нагнулся, поцаловалъ мою руку, схватилъ ее крѣпко въ своей и шепнулъ мнѣ: я счастливъ!

Возвратясь въ большую залу, мы прямо усѣлись за столъ; Лермонтовъ, конечно, ужиналъ подлѣ меня; никогда не былъ онъ такъ веселъ, такъ оживленъ.

— Поздравьте меня, сказалъ онъ, я началъ славное дѣло, оно представляло затрудненія, но по началу, по завязкѣ, я надѣюсь на блестящее окончаніе.

— Вы пишете что-нибудь?

— Нѣтъ, но я на дѣлѣ заготовляю матеріалы для многихъ сочиненій: знаете ли, вы будете почти вездѣ героиней.

— Ахъ, ради Бога, избавьте меня отъ такой гласности.

— Невозможно! первая любовь, первая мечта поэтовъ вездѣ вкрадывается въ ихъ сочиненія; знаете-ли, вы мнѣ сегодня дали мысль для одного стихотворенія?

— Мнѣ кажется, что у меня въ это время не было ни одной ясной мысли въ головѣ и вы мнѣ придаете свои.

— Нѣтъ, прекрасная мысль! Вы мнѣ съ такимъ увлеченіемъ сказавали, что въ кругу блеска, шума, танцевъ, вы только видите меня, раненаго, умирающаго и въ эту минуту вы улыбались для толпы, но вашъ голосъ дрожалъ отъ волненія, но на глазахъ блестяли слезы, и со временемъ я опишу это. Узнаете ли вы себя въ моихъ произведеніяхъ?

— Если они не будутъ раскрашены вашимъ воображеніемъ, то останутся безцвѣтными и блѣдными, какъ я, и не многихъ заинтересуютъ.

— А были ли вы сегодня блѣдны, когда Л-нъ, провожая васъ на балъ, поцаловалъ вашу руку?

— Вы шпионъ?

— Нѣтъ, я просто повѣренный?

— Глупъ же Л-нъ, что вамъ довѣряется; ваше поведеніе съ нимъ неблагородно.

— Въ войнѣ всѣ хитрости допускаются. Да и вы-то ка-

жется переходите на непріятельскую сторону; прежде выхваляли его умъ, а теперь называете его глупцомъ.

— А вы забываете, что и умный человѣкъ можетъ быть глупо-довѣрчивъ и самая эта довѣрчивость говорить въ его пользу; онъ добръ и не способенъ въ хитрости.

Я провѣла ужасныя двѣ недѣли между двумя этими страстями. Л-нъ трогалъ меня своей преданностью, покорностью, смиреніемъ, но иногда у него проявлялись проблески ревности. Лермонтовъ же поработилъ меня совершенно своей взыскательностью, своими капризами, онъ не молилъ, но требовалъ любви, онъ не преклонялся, какъ Л-нъ, передъ моею волей, но налагалъ на меня свои тяжелыя оковы, говорилъ, что не понимаетъ ревности, но безпрестанно терзалъ меня сомнѣніемъ и насмѣшками. Меня приводило въ большое недоумѣніе то, что они никогда не встрѣчались у насъ, а лишь только одинъ уйдетъ, другой сейчасъ войдетъ. Когда же ни одного изъ нихъ не было у меня на глазахъ, я просто не знала, куда дѣваться отъ мучительнаго безпокойства. Дуэль между ними была моею господствующею мыслию. Я высказала свои страданія Лермонтову и упросила его почаще проѣзжать мимо нашихъ оковъ, онъ жилъ дома за три отъ насъ. Я такъ привыкла къ скрипу его саней, къ крику его вучера, что не глядя въ окошко знала его приближеніе и иногда, издали завидя развѣвающійся бѣлый султанъ и маханіе батистовымъ платкомъ, я успокоивалась на нѣсколько времени. Мнѣ казалось, что я такъ глубоко сохранила въ душѣ моею предпочтеніе въ нему подъ личиною равнодушія и насмѣшливости, что онъ не имѣлъ малѣйшаго повода подозрѣвать это предпочтеніе, а между тѣмъ я высказывала ему свою душу безъ собственнаго сознанія и онъ узналъ прежде меня самой, что всѣ мои опасенія были для него одного. Мнѣ было также непонятно ослѣпленіе всѣхъ родныхъ на его счетъ, особливо же со стороны Марьи Васильевны. Она терпѣть не могла Лермонтова, но считала его ничтожнымъ и неопаснымъ мальчишкой, принимала его немножко свысока, но боясь его эпитграммъ, свободно допускала его разговаривать со мною; при Л-нѣ она сторожила меня, не давала почти случая ссазать двухъ словъ другъ другу, а съ Мишелемъ оставляла цѣлые вечера вдвоемъ! Теперь, когда я болѣе узнала жизнь и поняла людей, я еще благодарна Лермонтову, несмотря на то, что онъ убилъ во мнѣ сердце, душу, разрушилъ всѣ мечты, всѣ надежды, но онъ могъ и совершенно погубить меня и не сдѣлалъ этого. Впоследствии, одна изъ моихъ вузинъ, которой я рассказала всю эту эпоху съ малѣйшими подробностями, спросила одинъ разъ

Мишеля, зачѣмъ онъ не поступилъ со мною, какъ и съ Любенькой Б. и съ хорошенькой дурочкой Т., онъ отвѣчалъ: «потому что я ее любилъ искренно, хотя и не долго, она мнѣ была жалка и я увѣренъ, что никто и никогда такъ не любилъ и не полюбитъ меня, какъ она».

Онъ всѣми возможными, самыми ничтожными средствами тиранилъ меня; гладко зачесанные волосы не шли ко мнѣ; онъ требовалъ, чтобъ я всегда такъ чесалась; мнѣ спшили пунцовое платье съ золотой кордельерой и къ нему прибавили зеленый вѣнокъ съ золотыми желудями; для одного раза въ зиму этотъ нарядъ былъ хорошъ, но Лермонтовъ настаивалъ, чтобы я на всѣ балы надѣвала его — и несмотря на ворчанье Марьи Васильевны и пересуды моихъ пріятельницъ, я постоянно являлась въ этомъ театральномъ костюмѣ, движимаая увѣреніями Мишеля, который повторялъ: «что вамъ до другихъ, если вы мнѣ такъ нравитесь?»

Однако же онъ такъ началъ поступать послѣ 26 декабря, день, въ который я въ первый разъ призналась ему въ любви и дала торжественное обѣщаніе отдѣлаться отъ Л-на. Это было на балѣ у генераль-губернатора. Лермонтовъ пріѣхалъ къ самой мазуркѣ; я не помню ничего изъ нашего несвязнаго объясненія, но знаю, что счастье мое началось съ этого вечера. Онъ былъ такъ нѣженъ, такъ откровененъ, рассказывалъ мнѣ о своемъ дѣтствѣ, о бабушкѣ, о Чембарской деревнѣ, такими радужными красками описывалъ будущее житье наше въ деревнѣ, за границей, всегда вдвоемъ, всегда любящими и безконечно счастливыми, молилъ отвѣта и рѣшенія его участи, такъ, что я не выдержала, измѣнила той холодной роли, которая давила меня, и въ свою очередь сказала ему, что люблю его больше жизни, больше чѣмъ любила мать свою и поклялась ему въ неизмѣнной вѣрности.

Онъ рѣшилъ, что прежде всего надо выпроводить Л-на, потомъ понемногу уговаривать его бабушку согласиться на нашу свадьбу; о родныхъ моихъ и помину не было, мнѣ была опорой любовь Мишеля и съ ней я никого не боялась, готова была открыто дѣйствовать, даже и противъ Марьи Васильевны.

Въ этотъ вечеръ я всю свою душу открыла Мишелю, высказала ему свои задушевные мечты, помышленія. Онъ увѣрился, что онъ давно былъ любимъ и любимъ свято, глубоко; онъ казался вполнѣ счастливымъ, но какъ будто боялся чего-то, — я обидѣлась, предполагая, что онъ сомнѣвается во мнѣ и лицо мое омрачилось.

— Я увѣренъ въ тебѣ, сказалъ онъ мнѣ, но у меня такъ

много враговъ, они могутъ оклеветать меня, очернить, я такъ не привыкъ къ счастью, что и теперь, когда я увѣрился въ твоей любви, я счастливъ настоящимъ, но боюсь за будущее, да я еще не зналъ, что и счастье заставляетъ грустно задумываться!

— Да, и такъ скоро раздумывать о завтрашнемъ днѣ, который уже можетъ сокрушить это счастье!

— Но кто же мнѣ поручится, что завтра кто-нибудь не истарается словесно или письменно перетолковать вамъ мои чувства и дѣйствія?

— Повѣрьте, мнѣ никто и никогда не повредитъ въ моемъ мнѣніи о васъ, вообще я не руководствуюсь чужими толками.

— И потому ты вопреки всѣхъ и всегда будешь моей заступницей?

— Конечно. Къ чему объ этихъ предположеніяхъ такъ долго говорить; кому какое дѣло до насъ, до нашей любви? Посмотрите, кругомъ никто не занимается нами и кто скажетъ, сколько радостей и горя скрывается подъ этими блестящими видами; дай Богъ, чтобъ всѣ они были такъ счастливы, какъ я!

— Какъ мы, подтвердилъ Лермонтовъ; надо вамъ привыкать, думая о своемъ счастьи помнить и обо мнѣ.

Я возвратилась домой совершенно перерожденная.

Наконецъ-то я любила; мало того, я нашла идола, передъ которымъ не стыдно было преклоняться передъ цѣлымъ свѣтомъ, я могла гордиться своей любовью, а еще болѣе его любовью; мнѣ казалось, что я достигла цѣли всей своей жизни; я бы съ радостью умерла, унеся съ собой на небо, какъ вѣнецъ безсмертія, вѣявшею его любви и вѣру мою въ неизмѣнность этой любви. О! какъ счастливы тѣ, которые умираютъ не разочарованными! Измѣна хуже смерти; что за жизнь, когда никому не вѣрить и во всемъ сомнѣваться!

На другой день Л-нъ былъ у насъ; на обычный его вопросъ, съ кѣмъ я танцевала мазурку, я отвѣчала не запинаясь:

— Съ Лермонтовымъ.

— Опять! вскричалъ онъ.

— Развѣ я могла ему отказать?

— Я не объ этомъ говорю; мнѣ бы хотѣлось навѣрное знать, съ кѣмъ вы танцевали?

— Я вамъ сказала.

— Но если я знаю, что это неправда.

— Такъ, стало быть, я лгу?

— Я этого не смѣю утверждать, но полагаю, что вамъ весело со мной кокетничать, меня помучить, развить мою ревность къ бѣдному Мишелю; все это, можетъ быть, очень мило, но не встати; перестаньте шутить, мнѣ право тяжело; ну скажите же мнѣ, съ кѣмъ вы забывали меня въ мазуркѣ?

— Съ Михаиломъ Юрьевичемъ Лермонтовымъ.

— Это ужъ черезъ-чуръ, вскричалъ Л-нъ; какъ вы хотите, чтобы я вамъ повѣрилъ, когда я до двѣнадцати почти часовъ просидѣлъ у больного Лермонтова и оставилъ его въ постелѣ крѣпко заснувшего.

— Ну что-жь? Онъ послѣ вашего отъѣзда проснулся, выздоровѣлъ и пріѣхалъ на балъ прямо къ мазуркѣ.

— Пожалуйста, оставьте Лермонтова въ покоѣ; я прошу васъ назвать мнѣ вашего кавалера; замѣйте, я прошу, а бы вѣдъ могъ требовать.

— Требовать! вскричала я вспыхнувъ, какое же вы имѣете право? Что я вамъ общала, увѣрала ли васъ въ чемъ-нибудь? Слава Богу, вы ничего не можете требовать, а ваши безпрестанныя вспышки, всѣ эти сцены до того меня истерзали, измучили, истомили, что лучше намъ теперь же положить всему конецъ и врозь искать счастья.

Я не смѣла взглянуть на Л-на и поспѣшила выдти изъ комнаты. Наединѣ я предалась отчаянію; я чувствовала себя кругомъ виноватой передъ Л-нымъ; я сознавалась, что отталкивала вѣрное счастье быть любимой, богатой, знатной за невѣрный призракъ, за неважную любовь!

Притворная болѣзнь Лермонтова, умолчаніе со мной объ этой продѣлкѣ, чернымъ предчувствіемъ опутали всѣ мои мысли; мнѣ стало страшно за себя, я какъ будто чувствовала бездну подъ своими ногами, но я такъ его любила, что успокоила себя его же парадоксомъ: «предпочитать страданіе и горе отъ любимаго человѣка — богатству и любви другого». Будь что должно быть, сказала я себѣ, я поступила такъ, какъ онъ хотѣлъ, и такъ неожиданно скоро! Ему это будетъ пріятно, а мнѣ только этого и надобно.

VII.

Горькія предчувствія. — Предостереженіе друга. — Отъѣздъ бывшаго жениха. — Больо. — Анонимное письмо. — Семейная буря. — Обыскъ, допросъ, арестъ. — Исповѣдь. — Рѣшительное объясненіе. — 1834—1835 гг. — Послѣсловіе издателя записокъ.

Въ первый разъ, когда я увидѣла Мишеля послѣ этого разрыва и когда онъ мнѣ сказалъ: *tu es un ange*, — я была вполнѣ вознаграждена; мнѣ казалось, что онъ преувеличиваетъ то, что называлъ онъ моимъ жертвоприношеніемъ.

Я нашла почти жестокимъ съ его стороны, выставять и толковать мнѣ, какъ я необдуманно поступила отказавъ Л-ну, казая была бы это для меня, бѣдной сироты, блестящая партія, какъ бы я вся была облита брилліантами, окутана шальми, окружена роскошью. Онъ какъ будто поддразнивалъ меня.

— Я поступила по собственному убѣжденію, а главное, по вашему желанію и потому ни о чемъ не жалѣю.

— Неужели одна моя любовь можетъ все это замѣнить?

— Рѣшительно все.

— Но у меня дурной характеръ; я вспыльчивъ, золь, ревнивъ; я долженъ служить, заниматься, вы всю жизнь проведете въ заперти съ моей бабушкой.

— Мы будемъ съ ней говорить о васъ, ожидать вашего возвращенія; намъ виѣстѣ будетъ даже весело; моя пылая любовь понимаетъ и цѣнитъ ея старческую привязанность.

Онъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ:

— Съ моей стороны, это было маленькое испытаніе; я вѣрю вашей любви и готовности сдѣлать мое счастье и самъ я никогда не былъ такъ счастливъ, потому что никогда не былъ такъ любимъ. Но однако-же обдумайте все хорошо, не пожалѣете ли вы когда о Л-нѣ. Онъ добръ — я золь, онъ богатъ — я бѣденъ; я не прошу вамъ ни сожалѣнія, ни сравненія, а теперь еще время не ушло и я еще могу помирить васъ съ Л-нымъ и быть вашимъ шаферомъ.

— Мишель, неужели вы не понимаете, что вамъ жестоко подсмѣиваться теперь надо мной и уговаривать меня поступить противъ моего сердца и моей совѣсти; я васъ люблю и для меня все кончено съ Л-нымъ. Зачѣмъ вы мучите меня и выказываетесь хуже, чѣмъ вы есть?

— Чтобъ не поступить, какъ другіе; всѣ хотятъ казаться добряками и въ нихъ скоро разочаровываются, — я можетъ быть

преувеличиваю свои недостатки и для васъ будетъ пріятный сюрпризъ найти меня лучше, чѣмъ вы ожидаете.

Трудно представить, какъ любовь Лермонтова возвысила меня въ моихъ собственныхъ глазахъ; я благоговѣла передъ нимъ, удивлялась ему; гляжу бывало на него и не наглажусь, слушаю и не наслушаюсь. Я переходила черезъ всѣ фазы ревности, когда пріѣзжали къ намъ молодыя дѣвушки (будь онѣ уроды), я каждую изъ нихъ ревновала, каждой изъ нихъ завидовала, каждую ненавидѣла за одинъ его взглядъ, за самое его пошлое слово. Но отраднѣе мнѣ было при моихъ поклонникахъ; передъ ними я гордилась его любовью, была съ ними почти неучтивая, едва отвѣчала на ихъ фразы, мнѣ такъ и хотѣлось высказать имъ: «оставьте меня, вамъ ли тягаться съ нимъ? Вотъ мой алмазь-регентъ, онъ обогатилъ, онъ украсилъ жизнь мою; вотъ мой кумиръ, — онъ вдохнулъ бессмертную любовь въ мою бессмертную душу».

Въ это время я жила полной, но тревожной жизнью сердца и воображенія и была счастлива до безконечности.

Помнишь ли ты, Маша¹⁾, послѣдній нашъ балъ, на которомъ мы въ послѣдній разъ такъ весело танцовали вмѣстѣ, на которомъ однако же я такъ разсердилась на тебя? Я познавала тебя съ Лермонтовымъ и съ Л-нымъ и ты на мои пылкіе и страстные рассказы отвѣчала, покачавъ головой:

— Ты промѣняла кукушку на ястреба.

О, ты должна вѣрить, какъ искренно я тебя люблю, потому что я тебѣ простила это дерзкое сравненіе. Да, твоя дружба предугадала его измѣну, ты все проникла своимъ свѣтлымъ, спокойнымъ взоромъ и сказала мнѣ: «съ Л-нымъ ты будешь счастлива, а Лермонтовъ кромѣ горя и слезъ ничего не дастъ тебѣ». Да, ты была права;—но я, безразсудная, была въ чадѣ, въ угарѣ отъ его рукопожатій, нѣжныхъ словъ и страстныхъ взглядовъ.

Въ мазуркѣ я сѣла рядомъ съ тобой, предупредивъ Мишеля, что ты все знаешь и присутствіемъ твоимъ покровительствуешь намъ и что мы можемъ говорить, не стѣсняясь твоимъ сосѣдствомъ. Ты слышала, какъ увѣрялъ онъ меня, что дѣла наши подходятъ къ концу, что недѣли черезъ двѣ онъ объявитъ о нашей свадьбѣ, что бабушка согласна, — ты все это слышала и радовалась за меня. А я! о, какъ слѣпо я ему вѣрила, когда

¹⁾ Составительница записокъ въ этомъ мѣстѣ обращается къ своему другу М. С. Батгову, для которой собственно и были писаны эти записки.

Онъ клялся, что сталъ другимъ человѣкомъ, будто перерожденнымъ, вѣрить въ Бога, въ любовь, въ дружбу, что все благородное, все высокое ему доступно и что это чудо совершила любовь моя, — какъ было не вскружиться моею бѣдной головою!

На этомъ балѣ Л-нѣ совершенно распрощался со мной, передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву. Я рада была этому отъѣзду, мнѣ съ нимъ было такъ неловко и отчасти совѣстно передъ нимъ, къ тому же я воображала, что присутствіе его мѣшаетъ Лермонтову просить моей руки.

На другой день этого бала, Мишель принесъ мнѣ кольцо, которое я храню какъ святыню, хотя слова, вырѣзанныя на этомъ кольцѣ, теперь можно принять за одну только насмѣшку¹⁾.

Мнѣ становится невыносимо тяжело писать; я подхожу къ перелому всей моей жизни, а до сихъ поръ я съ какой-то ребячливостью отталкивала и заглушала все, что мнѣ напоминало объ этомъ ужасномъ времени.

Одинъ разъ, вечеромъ, у насъ были гости, играли въ карты, а съ Ливой и дядей Николаемъ Сергѣевичемъ сидѣла въ кабинетѣ; она читала, я вышивала, онъ по обыкновенію раскладывалъ grand-patience. Лакей подаль мнѣ письмо, полученное по городской почтѣ, я начала его читать и вѣроятно очень измѣнилась въ лицѣ, потому что дядя вырвалъ его у меня изъ рукъ и сталъ читать его вслухъ, не понимая ни слова, ни смысла, ни намековъ о Л-нѣ, о Лермонтовѣ, и удивлялся, съ какой стати злой анонимъ такъ заботится о моей судьбѣ. Но для меня каждое слово этого рокового письма было пропитано ядомъ и сердце мое обливалось кровью. Но что я была принуждена вытерпѣть брани, колкостей, униженія, когда гости разѣхались и Марья Васильевна прочла письмо, врученное ей поворнымъ супругомъ! Я и теперь еще краснѣю отъ негодованія, припоминая грубыя выраженія ея гнѣва.

Вотъ содержаніе письма, которое никогда мнѣ не было возвращено, но которое огненными словами запечатлѣлось въ моей памяти и въ моемъ сердцѣ:

«Милостивая государыня,
Еваторина Александровна!

«Позвольте человѣку, глубоко вамъ сочувствующему, уважающему васъ и умѣющему цѣнить ваше сердце и ваше благород-

¹⁾ Кольцо это, къ сожалѣнію, не сохранилось въ семействѣ покойной В. А. Хвостовой.

ство, предупредить васъ, что вы стоите на краю пропасти, что любовь ваша къ нему (извѣстная всему Петербургу, кромѣ родныхъ вашихъ) погубить васъ. Вы и теперь уже много потеряли во мнѣніи свѣта, оттого что не умѣете и даже не хотите скрывать вашей страсти къ нему.

«Повѣрьте, онъ недостоинъ васъ. Для него нѣтъ ничего святого, онъ никого не любитъ. Его господствующая страсть: господствовать надъ всѣми и не щадить никого для удовлетворенія своего самолюбія.

«Я зналъ его прежде, чѣмъ вы; онъ былъ тогда и моложе и неопытнѣе, что однако же не помѣшало ему погубить дѣвушку, во всемъ равную вамъ и по уму и по красотѣ. Онъ увезъ ее отъ семейства и, натѣшившись ею, бросилъ.

«Опомнитесь, придите въ себя, увѣрьтесь, что и васъ ожидаетъ такая же участь. На васъ въ чужѣ жалъ смотрѣть. О зачѣмъ, зачѣмъ вы его такъ полюбили? Зачѣмъ принесли ему въ жертву сердце, преданное вамъ и достойное васъ.

«Одно участіе побудило меня писать къ вамъ; авось еще не поздно! Я ничего не имѣю противъ него, кромѣ презрѣнія, которое онъ вполне заслуживаетъ. Онъ не женится на васъ, повѣрьте мнѣ; покажите ему это письмо, онъ прикинется невиннымъ, обиженнымъ, забросаетъ васъ страстными увѣреніями, потомъ объявитъ вамъ, что бабушка не даетъ ему согласія на бракъ, въ заключеніе прочтетъ вамъ длинную проповѣдь или просто признается, что онъ притворялся, да еще посмѣется надъ вами и — это лучший исходъ, котораго вы можете надѣяться и котораго отъ души желаетъ вамъ:

Вамъ неизвѣстный, но преданный вамъ другъ NN»¹⁾.

Вообразите, какое волненіе произвело это письмо на весь семейный конгрессъ и какъ оно убило меня. Но никто изъ родныхъ и не подозрѣвалъ, что дѣло шло о Лермонтовѣ и о Л-нѣ; они судили, радили, но не догадались, стали допрашивать меня. Тутъ я ожила и стала утверждать, что не понимаю, о комъ шла рѣчь въ письмѣ, что вѣроятно его написалъ изъ мести какой-нибудь отверженный поклонникъ, чтобъ навлечь мнѣ неприятность. Можетъ быть, все это и сошло бы мнѣ съ рукъ; роднымъ мысль моя показалась правдоподобной, если бы сестра моя Лиза не сочла нужнымъ связать имъ, что въ письмѣ на-

¹⁾ Въ составленіи этого письма Е. А., какъ сама впоследствии рассказывала, подозрѣвала М. Ю. Лермонтова; — но это подозрѣніе родилось въ ней не вдругъ, а въ послѣдующіе уже годы ея жизни.

мекалось на Лермонтова, котораго я люблю, и на Л-на, за котораго не пошла замужъ по совѣту и по волѣ Мишеля.

Я не могу вспомнить, что я выстрадала отъ этого неожиданнаго заявленія, тѣмъ болѣе, что Лиза знала многіе мои разговоры съ Мишелемъ, и сама старалась воспламенить меня отдавая предпочтеніе Мишелю надъ Л-нымъ.

...Открыли мой столъ, перешарили все въ моей шкатулкѣ, перелистали всѣ мои книги и тетради, конечно ничего не нашли; мои дѣйствія, мои мысли, моя любовь были такъ чисты, что если я во время этого обыска и краснѣла, то только отъ негодованія, отъ стыда за ихъ поступки и ихъ подовѣрнія. Они поочередно допрашивали всѣхъ лаевевъ, всѣхъ дѣвушекъ, не была ли я въ перепискѣ съ Лермонтовымъ, не целовалась ли съ нимъ, не имѣла ли съ нимъ тайнаго свиданія.

Что за адское чувство страдать отъ напраслины, а главное, выслушивать, какъ обвиняютъ боготворимаго человѣка! Удивительно, какъ въ ту ночь я не выплакала все сердце и осталась въ своемъ умѣ.

Я была отвержена всѣмъ семействомъ, со мной не говорили, на меня не смотрѣли (хотя и зорко караулили), мнѣ даже не позволяли обѣдать за общимъ столомъ, какъ будто мое присутствіе могло оскъвернить и замарать ихъ! А Богъ видѣлъ, кто изъ насъ былъ чище и правѣе.

Моей единственной отрадой была мысль о любви Мишеля, она поддерживала меня, но какъ ему дать знать все, что я терплю и какъ страдаю изъ любви къ нему? Я знала, что онъ два раза заѣзжалъ къ намъ, но ему отказывали.

Дня черезъ три послѣ анонимаго письма и моей опалы, Мишель опять пріѣхалъ, его не велѣли принимать; онъ настаивалъ, шумѣлъ въ лакейской, говорилъ, что не уѣдетъ, не повидавшись со мной, и велѣлъ доложить объ этомъ. Марья Васильевна, не отличавшаяся храбростью, побаявалась Лермонтова, не рѣшалась выдти къ нему и упросила свою невѣстку, А. С. С-ву, принять его. Она не соглашалась выдти къ нему безъ меня, — за что я ей несказанно была благодарна. Марья Васильевна ухитрилась надѣть на меня шубу, какъ несомнѣнное доказательство тому, что мы ѣдемъ въ театръ, и потому только отказывала ему, чѣмъ она ясно доказала Мишелю, что боится не принимать его и прибѣгаетъ къ пошлымъ обманамъ. Я въ слезахъ, но съ восторгомъ выскочила къ Мишелю, добрая А. С. учтиво извинилась передъ нимъ и дала намъ свободу поговорить. На всѣ его распросы, я твердила ему безсвяз-

но: «анонимное письмо, — меня мучать, — насъ разлучаютъ, — мы не ѣдемъ въ театръ, — я все таже и никогда не замѣнюсь».

— Какъ намъ видѣться? спросилъ онъ.

— На балахъ, когда выйду изъ домашняго ареста.

Тутъ онъ опять обратился къ А. С. и просилъ передать роднымъ, что пріѣзжалъ объясниться съ ними обо мнѣ и не понимаетъ, почему они не хотятъ его видѣть, намѣренія его благородны и обдуманны. И онъ уѣхалъ — въ послѣдній разъ былъ онъ въ нашемъ домѣ.

Тутъ началась для меня самая грустная, самая пустая жизнь; мнѣ некого было ждать, не пріѣдетъ онъ больше къ намъ, надежда на будущее становилась все блѣднѣе и неяснѣе. Мнѣ казалось невѣроятнымъ и невозможнымъ жить и не видѣть его, и давно ли еще мы такъ часто бывали вмѣстѣ, просиживали вдвоемъ длинные вечера; уѣдетъ бывало и мнѣ останется отрадой припоминать всякое движеніе его руки, значеніе улыбки, выраженіе глазъ, повторять всякое его слово, обдумывать его. Провожу бывало его и съ нетерпѣніемъ возвращаюсь въ комнату, сажусь на то мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ, съ упоеніемъ допиваю неоконченную имъ чашку чая, перецѣлюю все, что онъ держалъ въ рукахъ своихъ — и все это я дѣлала съ каинимъ-то благоговѣніемъ.

Долго я не могла понять этой жестокой разлуки; самую смерть его, мнѣ казалось, я перенесла бы съ большею покорностью, тутъ было бы предопредѣленіе божіе; но эта разлука, наложенная ненавистными людьми, была мнѣ невыносима и я роптала на нихъ, даже проклинала ихъ.

— Какъ выдержать онъ это испытаніе? безпрестанно спрашивала я себя. Устоитъ ли его постоянство? Преодолѣетъ ли онъ всѣ препятствія? Что будетъ со мной, если деспотическое тиранство моихъ гонителей согласуется съ его тайнымъ желаніемъ отвязаться отъ моей пылкой и ревливой страсти? Любить ли еще онъ меня? вскрикивала я съ отчаяніемъ и не знала, что отвѣчать на всѣ эти вопросы.... Иногда я доходила до помѣшательства, я чувствовала, какъ мысли мои путались, сталкивались, я тогда много писала и не находила словъ для выраженія моихъ мыслей; по четверти часа я задумывалась, чтобъ припомнить самыя обыновенныя слова. Иногда мнѣ приходило въ голову, что жизнь моя можетъ вдругъ пресѣчься и я обдумывала средство жить безъ самой жизни.

Да, страшное было то время для меня, но оно прошло, какъ и все проходитъ, не оставивъ слѣда ни на лицѣ моемъ, ни на окружающихъ предметахъ; но бѣдное мое сердце! Од-

нако же и въ самые эти дни испытанія и пытки душевной, я нашла истинное утѣшеніе, я приобрѣла вѣрныхъ и надежныхъ друзей: А. С. показывала мнѣ большое участіе, хотя и не знала всей грустной драмы моей жизни, а только ободряла и утѣшала меня, видя недоброе расположеніе ко мнѣ Марьи Васильевны. Cousin мой Долгорукій съ грустью тоже смотрѣлъ на меня и даже вызвался доставить письмо Мишелю, и я всегда ему буду благодарна за этотъ добрый порывъ, но я не воспользовалась его предложеніемъ; моимъ первымъ желаніемъ было жить и дѣйствовать такъ, чтобы не заслужить ни малѣйшаго обвиненія, а сердце никто не можетъ упрекнуть, къ кому бы оно ни привязалось; любить свято, глубоко, не краснѣть за свою любовь, хранить воспоминаніе этого чувства яснымъ, свѣтымъ, это еще хорошій удѣлъ и данъ не многимъ.

Горничная моя, Танюша, тоже въ эти дни гоненія очень привязалась ко мнѣ; она считала себя кругомъ виноватою передо мной, во время обыска въ моихъ вещахъ; родные такъ испугали ее обѣщаніемъ наказанія, если она что-нибудь утаитъ, что она принесла имъ романъ: l'Atelier d'un peintre, боюсь, что больше никогда ничего не видала отъ Михаила Юрьевича въ моихъ рукахъ, какъ эти книжки, исписанныя на поляхъ его примѣчаніями, и прибавила, что я ихъ безпрестанно перечитываю и цалую. Какъ послѣ она горько плакала со мной, рассказывая, что выдала имъ книжки: хоть бы ихъ-то вы теперь читали, говорила она, настращали меня, я испугалась, отдала ихъ, думала, что и васъ оставятъ въ покоѣ, такъ ужъ я имъ клялась, что больше ничего не было у васъ отъ Михаила Юрьевича.

Мнѣ кажется, что это одно показаніе Танюши могло бы ихъ убѣдить, какъ невинна была моя любовь. Нѣтъ, подозрѣніе и караулъ продолжались. Они стерли резинкой всѣ его замѣтки въ книжкахъ, но нѣкоторыя я еще помню. Тамъ гдѣ говорилось о любви, онъ подписалъ:

«Aimer plus que l'on est aimé — Malheur!
«Aimer moins que l'on est aimé — Dégout!
Choisir!!!

Я подписала внизу: «Mon Dieu, comment donc vous aimer, vous ne serez content d'aucun amour. On peut cependant aimer autant que l'on est aimé!»

Потомъ, что-то говорилось о мертвой головѣ; онъ подчеркнул и написалъ: la tête de mort — la seule qui ne ment pas!

Ses yeux remplis d'étoiles, — онъ опять подписалъ: «comme les vôtres, — je profiterai de cette comparaison».

Въ концѣ было: «On est si bien près de la bonté», онъ замѣтилъ: «это правится Лизѣ и ея замѣтка не ваша.»

По этимъ припискамъ тетка заключила, что онъ меня не уважаетъ, считаетъ совершенно погибшей; что она давно знала, что во мнѣ пути не будетъ, и тому подобныя вещи, я должна была выслушивать съ утра до ночи.

Еще одинъ молодой человѣкъ, Ю-чъ, въ это тяжелое время, доказалъ мнѣ свою неограниченную преданность и на дѣлѣ явилъ, что нераздѣленная, но истинная любовь можетъ обратиться въ искреннюю дружбу. Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ однимъ изъ нашихъ *habitués* и съ перваго времени знакомства влюбился въ меня. Онъ снискалъ мою благосклонность тѣмъ, что никогда не промолвился мнѣ о любви своей, однако же повѣрялъ ее другимъ; онъ считалъ меня *недостигаемой* для него, но кажется, видя меня равнодушною ко всѣмъ, надѣялся на будущее. Онъ первый догадался о любви моей къ Лермонтову и съ этой самой минуты онъ началъ поступать такъ благородно, какъ рѣдко приходится видѣть тому примѣры; онъ безъ ревности, безъ всякаго выказыванія самопожертвованія покорился судьбѣ и всячески старался выставить меня передъ Лермонтовымъ, возвышалъ каждое мое слово, выхвалялъ каждый мой поступокъ. Въ этомъ же ужасномъ переломѣ моей жизни, онъ явился настоящимъ моимъ ангеломъ-утѣшителемъ.

Видя, какъ я грустила и изнывала, не зная ничего о Мишелѣ, онъ или собиралъ всюду о немъ извѣстія или выдумывалъ ихъ, но раза три или четыре въ недѣлю, доносилъ мнѣ подробно, что Мишель дѣлалъ, гдѣ былъ, съ кѣмъ танцовалъ. Отъ наблюдательности его, обогащенный еще намеками Марьи Васильевны на мой счетъ, ничего не скрылось отъ него изъ этихъ недавнихъ происшествій; мало-по-малу онъ мнѣ высказался и увѣрилъ меня, что все сдѣлаетъ въ угодность мнѣ и что мое счастье будетъ всегда его счастьемъ.

«Я хочу только его видѣть», отвѣчала я, не цѣня тогда его самоотверженія; — такъ всякое глубокое чувство невольно заставляетъ насъ быть жестокими къ самымъ преданнымъ намъ людямъ.

На другой же день, за обѣдомъ (мнѣ уже разрѣшили обѣдать вмѣстѣ со всѣми), Ю-чъ сказалъ мнѣ вполголоса, но такъ, чтобы всѣ могли его слышать, что въ городѣ удивляются, отчего я такъ давно не выѣзжаю и что сестру видятъ одну съ Марьей Васильевной, что даже упрекаютъ ее въ потворствѣ

моимъ капризамъ, что находятъ страннымъ мое отчужденіе отъ свѣта, дѣлають разныя предположенія, что все это не хорошо, и надо, чтобы толки обо мнѣ прекратились.

Слова эти были всѣми услышаны, но пропущены какъ бы безъ вниманія; однакоже на той же недѣлѣ меня повезли на вечеръ къ Л. и тамъ я въ первый разъ встрѣтилась съ Мишелемъ, послѣ отказа ему отъ нашего дома. Хотя я и напередъ знала, что непременно увижу его тамъ, заранѣе старалась приготовиться въ этому счастью, но войдя въ комнату, такъ смутилась, увидя его послѣ двухъ-недѣльной разлуки, что вся задрожала, у меня потемнѣло въ глазахъ, я чуть не упала. Марья Васильевна ущипнула меня, сказавъ, что сейчасъ увезетъ меня, если я намѣрена разыгрывать комедію; эта угроза всего болѣе подѣйствовала на меня, обдавъ меня холодомъ дѣйствительной жзни, и я оправилась. Мазурку мнѣ запрещено было танцовать съ Лермонтовымъ, но мы успѣли рядомъ и могли говорить сколько душѣ было угодно. Онъ мнѣ сказалъ, что все прошедшее не удивляетъ его, что онъ давно предугадывалъ, что ему повредить во мнѣннїи моихъ родныхъ, но что теперь ему все равно, потому что мое-то мнѣніе о немъ осталось непоколебимымъ. Вѣроятно любовь моя была такъ искренна, что не могла укрыться подъ личиною свѣтскаго равнодушія и тѣмъ возбудила почти общее сочувствіе; всѣ знакомые, какъ бы сговорясь, охраняли ее и прикрывали отъ зоркихъ глазъ Марьи Васильевны. Она на вечерахъ всегда играла въ карты, тогда мы танцовали вмѣстѣ или уходили говорить въ другую комнату, но когда она кончала свою партію, многіе прибѣгали объявить мнѣ объ этомъ и толпой сопровождали меня въ залу.

Такимъ образомъ я прозябала отъ вечера до вечера и считала жизнію только тѣ минуты, въ которыя видала Мишеля. Онъ старался поддержать во мнѣ надежду, обдумывалъ средство войти опять въ нашъ домъ, но больше уговаривалъ о побѣгѣ, о тайномъ бракѣ. Я возставала противъ этой мысли, говоря, что у меня достанетъ твердости объявить роднымъ, что и безъ ихъ согласія я выйду за него; эти споры все болѣе и болѣе разрушали мою надежду въ счастье и терзали мое сердце.

Потомъ я видѣла его рѣже. На страстной недѣлѣ я говѣла; всю душу свою излила я передъ почтеннымъ духовникомъ своимъ, Петромъ Борисовичемъ Вигилианскимъ. Онъ одобрилъ мой отказъ бѣжать съ Лермонтовымъ, старался доказать мнѣ, что онъ меня не искренно любитъ и совѣтовалъ выйти за кого другого, котораго я бы могла уважать, и тогда, сказавъ онъ, «строгое испол-

неніе вашихъ обязанностей, забота о счастьи челоуѣка, вѣрнѣшаго вамъ свое имя, мало-по-малу заглушать вашу любовь, а душевное спойойствіе и сознаніе, что вы свято исполнили обязанности жены и матери, замѣнять счастье».

Въ этотъ годъ святая была довольно поздно. За заутреней, когда все ликовало и радовалось вокругъ меня, я такъ горько плавала, такъ судорожно рыдала во время всей службы, что возбуждала общее участіе, даже и родные похристосовались со мною благосклонно и обѣщали возвратить прежнюю *пріязнь* и *хорошее мнѣніе*, съ уговоромъ, что я забуду Лермонтова!

Въ самый первый день Христова Воскресенія была такая вьюга, такая мятель, что десятки людей погибли на улицахъ, занесенные снѣгомъ; я такъ была настроена, что во всемъ этомъ видѣла грустное предзнаменованіе для меня.

Я съ особенной радостью и живѣйшимъ нетерпѣніемъ собиралась въ слѣдующую среду на балъ; такъ давно не видалась я съ Мишелемъ, и вопреки всѣхъ и вся, рѣшила въ умѣ своемъ танцовать съ нимъ мазурку.

Пріѣзжаемъ на балъ, — его еще тамъ не было.

Не знаю, достанетъ ли у меня силъ рассказать все, что я выстрадала въ этотъ вечеръ. Вообще я пишу вкратцѣ, выпускаю многіе разговоры, но у меня есть завѣтная тетрадка, въ которую я вписывала по нѣскольку разъ въ день всѣ его слова, все, что я слышала о немъ; мнѣ тяжело вторично воспоминаніемъ перечувствовать бывшее и я спѣшу только довести до конца главные факты этого переворота въ моей жизни ¹⁾.

Я танцевала, когда Мишель пріѣхалъ; какъ стукнуло мнѣ въ сердце, когда онъ прошелъ мимо меня и не замѣтилъ меня! Я не хотѣла вѣрить своимъ глазамъ и подумала, что онъ дѣйствительно проглядѣлъ меня. Кончивъ танцовать, я сѣла на самое видное мѣсто и стала пожирать его глазами, онъ и не смотритъ въ мою сторону, глаза наши встрѣтились, я улыбнулась, — онъ отворотился. Что было со мной, я не знаю и не могу передать всей горечи моихъ ощущеній; голова пошла кругомъ, сердце замерло, въ ушахъ зашумѣло, я предчувствовала что-то недоброе, я готова была заплавать, но толпа окружала меня, музыка гремѣла, зала блистала огнемъ, нарядами, всѣ казались веселыми, счастливыми. Вотъ тутъ-то въ первый разъ поняла я,

¹⁾ Тетрадка эта была, какъ говорится, зачитана у Е. А. однимъ изъ ея родственниковъ, нѣсколько лѣтъ спустя, и такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, пропала безвозвратно.

какъ тяжело притворяться и стараться сохранить безопасно-равнодушный видъ, однакоже, это мнѣ удалось, но Боже мой! чего мнѣ стоило это притворство! Не всѣхъ я успѣла обмануть; я на нѣсколько минутъ ушла въ уборную, чтобъ тамъ свободно вздохнуть; за мной послѣдовали мои милыя балныя пріятельницы, Лиза Б. и Сашенька Ж.

— Что съ тобой? Что съ вами обоими сдѣлалось? приста-вали онѣ ко мнѣ.

— Не знаю, отвѣчала я и зарыдала передъ ними.

— Я улажу все дѣло, сказала Сашенька.

— И я буду о томъ же стараться, подхватила Лиза.

И въ самомъ дѣлѣ, въ мазуркѣ онѣ безпрестанно подводили ко мнѣ Мишеля. Особливо цѣнила я эту жертву со стороны Лизы. Она сама страстно любила Лермонтова, однакоже уступала мнѣ свою очередь протанцовать съ нимъ, не принимала передо мною торжествующаго вида, но сочувствовала моему отчаянію и просила прощенія за то, что въ этотъ вечеръ онъ за ней ухаживалъ болѣе, чѣмъ за другими, — она поневолѣ сдѣлалась моею соперницей. За то теперь, когда бѣдная Лиза сгубила себя для него, потеряна для родныхъ и для свѣта, какъ бы я была счастлива, еслибы мнѣ привелось случайно ее встрѣтить, пожать ей руку, показать ей мое живѣйшее участіе не въ одномъ разочарованіи, но въ истинномъ бѣдствіи. Бѣдная Лиза! не было у нея довольно силы характера, чтобы противостоять ему — и она погибла!

Когда въ фигурѣ названій Лермонтовъ подошелъ ко мнѣ съ двумя товарищами и, зло улыбаясь и холодно смотря на меня, сказалъ: *haine, mépris et vengeance*, я, вонечно, выбрала *vengeance*, какъ благороднѣйшее изъ этихъ ужасныхъ чувствъ.

— Вы несправедливы и жестоки, сказала я ему.

— Я теперь такой же, какъ былъ всегда.

— Неужели вы всегда меня ненавидѣли, презирали? за что вамъ мстить мнѣ?

— Вы ошибаетесь, я не перемѣнился, да и къ чему было мѣняться; напыщенные роли тяжелы и не подъ силу мнѣ; я дѣйствовалъ откровенно, но вы такъ охраняемы родными, такъ недоступны, такъ изучили теорію любить съ ихъ дозволенія, что мнѣ нечего дѣлать, когда меня не принимаютъ.

— Неужели вы сомнѣваетесь въ моей любви?

— Благодарю за такую любовь!

Онъ довелъ меня до мѣста и, кланаясь, шепнулъ мнѣ:

— Но лишній плѣнникъ вамъ дороже!

Въ мою очередь я подвела ему двухъ дамъ и сказала: *raison, dévouement, résignation.*

Онъ выбралъ *résignation*, т. е. меня. И, язвительно улыбаясь, связалъ:

— Какъ скоро вы поворачаетесь судьбѣ, вы будете очень счастливы!

— Мишель, не мучьте меня, скажите прямо, за что вы сердитесь?

— Имѣю ли я право сердиться на васъ; я доволенъ всѣми и всѣми и даже благодаренъ вамъ, за все благодаренъ.

Онъ ужъ больше не говорилъ со мной въ этотъ вечеръ. Я не могу дать и малѣйшаго понятія о тогдашнихъ моихъ страданіяхъ; въ одинъ мигъ я утратила все и утратила такъ неожиданно, такъ незаслуженно! Онъ зналъ, какъ глубоко, какъ горячо я его любила; къ чему же мучить меня недоумѣемъ, упрекать въ кокетствѣ? не по его ли совѣтамъ я дѣйствовала, поссорясь съ Л-нымъ? Съ той самой минуты, какъ сердце мое отдалось Мишелю, я жила имъ однимъ, или воспоминаніемъ о немъ, все вокругъ меня сіяло въ его присутствіи и меркло безъ него.

Въ эту грустную ночь я не могла ни на минуту сомкнуть глазъ. Я истощила всѣ средства, чтобъ найти причины его перемѣны, его раздражительности — и не находила.

«Ужъ не испытаніе ли это?» мелькнуло у меня въ головѣ и благодатная эта мысль нѣсколько успокоила меня. «Пусть испытываетъ меня сколько хочетъ, сказала я себѣ; не боюсь; при первомъ же свиданіи я расскажу ему, какъ я страдала, какъ терзалась, но скоро отгадала его злое намѣреніе испытанія и что ни холодность его, ни даже дерзость его не могли ни на минуту измѣнить моихъ чувствъ къ нему.»

Какъ я переродилась; куда дѣвалась моя гордость, моя самоувѣренность, моя насмѣшливость? Я готова была стать передъ нимъ на колѣни, лишь бы онъ ласково взглянулъ на меня!

Долго ждала я желаемой встрѣчи и дождалась, но онъ все не глядѣлъ и не смотрѣлъ на меня, — не было возможности заговорить съ нимъ. Такъ прошло нѣсколько скучныхъ вечеровъ, наконецъ выпалъ удобный случай и я спросила его:

— Ради Бога, разрѣшите мое сомнѣніе, скажите, за что вы сердитесь? Я готова просить у васъ прощенія, но выносить эту пытку и не знать за что — это невыносимо. Отвѣчайте, успокойте меня!

— Я ничего не имѣю противъ васъ; что прошло, того не

воротить, да я ничего ужъ и не требую; словомъ, я васъ больше не люблю, да, кажется, и никогда не любила.

→ Вы жестоки, Михаилъ Юрьевичъ; отнимайте у меня настоящее и будущее, но прошедшее мое, оно одно мнѣ осталось и никому не удастся отнять у меня воспоминаніе; оно моя собственность, — я дорого заплатила за него.

Мы холодно разстались. И вотъ я опять вступила въ грустную, одинокую жизнь, болѣе грустную и холодную, чѣмъ была она прежде; — тогда я еще надѣялась, жаждала любви, а тутъ ужъ и надежды не было, и любовь моя, схороненная въ глубинѣ сердца, мучила и терзала меня. Все мнѣ надоѣло, всё окружающіе меня сдѣлались мнѣ несносны, противны, я рада была скорому отъѣзду въ деревню....

Село Федосьино,
1837 г.

ЗАМѢТКА.

Здѣсь обрываются записки Екатерины Александровны Хвостовой; дагѣ слѣдуютъ двѣ-три странички разсказа объ отъѣздѣ ея въ Псковскую деревню и о новыхъ ухаживаніяхъ одного изъ ея сосѣдей; затѣмъ говорится о выходѣ замужъ ея родной сестры Елизаветы Александровны. Эти подробности не представляютъ, по содержанію своему, никакого общаго интереса, а потому и опущены здѣсь.

Такимъ образомъ катастрофой разрыва съ М. Ю. Лермонтовымъ оканчивается весь разсказъ Е. А. Годъ два спустя послѣ этого событія являлся изъ Америки ея давнишній поклонникъ А. В. Хвостовъ; онъ дѣлаетъ ей предложеніе и получаетъ согласіе. Бракосочетаніе молодой чти было въ Петербургѣ, и обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ въ церкви Св. Симеона; народу въ церкви было очень много и въ толпѣ публики былъ замѣтенъ Лермонтовъ; онъ, если не ошибаюсь, не задолго передъ тѣмъ вернулся съ Кавказа, изъ ссылки, и вновь поступилъ въ гардію. Намъ разсказывали, будто Лермонтовъ усиленно просился быть шаферомъ у Е. А., и не получивъ на то согласія, все-таки присутствовалъ при обрядѣ вѣнчанія и горько, горько плакалъ.

Въ какой степени это вѣрно и въ какой степени соответствуетъ характеру Лермонтова, мы не беремъ рѣшить. Точно также разсказывать, что изъ церкви Лермонтовъ послѣшилъ прежде молодыхъ въ домъ жениха и здѣсь, въ суетѣ приѣма молодыхъ, сдѣлалъ оригиналь-

ную шалость: онъ взялъ солонку и разсыпалъ соль по полу. „Пусть мелодне новобрачные ссорятся и враждуютъ всю жизнь“, сказалъ Лермонтовъ тѣмъ, которые обратили вниманіе на эту умшленную, неловкость. Въ началѣ 1840 года дуэль Лермонтова съ Барантомъ была причиною вторичной ссылки его на Кавказъ; сюда же въ Тифлисъ являлась и Екатерина Александровна съ мужемъ, имѣвшимъ постъ директора дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ кавказскаго края. Рассказываютъ, что именно въ это время Лермонтовъ прислалъ Е. А. Хвостовой свой живописный очень хорошій портретъ. Увѣряютъ, что она, не принявъ этого портрета, отправила его назадъ. Лермонтовъ, въ величайшей досадѣ, изрѣзалъ портретъ въ куски и бросилъ его въ печку: „Если не ей, — будто бы сказалъ при этомъ постъ, — то пусть никому не достается этотъ портретъ“.

15-го іюля 1841 г., пуля офицера Мартынова поразила на смерть молодого поэта. „Еслибъ я могла хотя предчувствовать эту трагическую, столь преждевременную кончину Лермонтова, говорила впоследствии г-жа Хвостова, то ужъ разумѣется и въ мысляхъ моихъ не было бы сдѣлать такую глупость, какъ я сдѣлала съ его портретомъ!“

Въ семействѣ Е. А. сохранился другой, маленькій портретъ Лермонтова; это литографія съ акварельнаго портрета. На этомъ портретѣ Лермонтовъ изображенъ въ штатской одеждѣ, въ довольно ранній возрастъ юности, курносый, съ фигурой весьма не представительной, но съ выразительными глазами, словомъ, наружность его здѣсь именно такова, какъ она описывается въ этихъ запискахъ Е. А. Г-жа Хвостова увѣряла, что этотъ портретъ чрезвычайно похожъ, и на оборотъ, совершенно не похожъ тотъ портретъ Лермонтова, который обыкновенно прикладывается къ его сочиненіямъ и приложенъ къ послѣднему изданію, а именно, гдѣ онъ изображенъ въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ и съ пашкой. Въ семействѣ же госпожи Хвостовой какъ святыня хранится тотъ французскій романъ, о которомъ она упоминаетъ въ своихъ запискахъ, и поля котораго были испещрены остроумными замѣчаніями Михаила Юрьевича Лермонтова; но увы! всѣ эти замѣчанія, какъ выше рассказано, вытерты еще въ 1834 г.

Возвратимся къ Лермонтову. Въ запискахъ г-жи Хвостовой, при всемъ ея весьма понятномъ нежеланіи отнестись недружелюбно къ личности нѣкогда горячо ею любимой, эта личность все-таки, съ нравственной стороны, обрисовывается не въ привлекательномъ видѣ. Лермонтовъ увлекаетъ дѣвушку, весьма искусно разыгрываетъ роль человѣка страстно влюбленнаго, энергически преодолеваетъ препятствія, встрѣчаемыя имъ къ достиженію желаемой цѣли, не стѣсняется при этомъ никакими средствами, вѣроломно обманываетъ человѣка, считавшаго его своимъ искреннимъ другомъ и довѣрчиво открывавшаго

Лермонтову свои задушевные тайны. При этомъ, мороча довърчиваго пріятеля, Лермонтовъ являетъ полную готовность вытнуть его въ крайнея случаѣ на барьеръ подъ выстрѣлъ пистолета. Наконецъ, когда цѣль достигнута, то-есть когда *героиня* разыгрываемаго въ лицахъ романа страстно влюбляется въ героя, этотъ герой довольно цинически объявляетъ ей, что все это было не болѣе какъ шутка, какъ фарсъ, который онъ тѣшилъ только свое самолюбіе и тщеславіе. Таковъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ его послѣднихъ и рѣшительныхъ объясненій съ составительницей записокъ.

Впрочемъ и сама г-жа Хвостова въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній, именно на одной изъ тѣхъ страницъ, которыя мы сочли нужнымъ, но слишкомъ интимному ихъ характеру, опустить, дѣлаетъ слѣдующаго рода обращеніе къ личности Лермонтова, обращеніе, подтверждающее справедливость нашего замѣчанія. „Цѣлые дни — писала она въ 1837 году, — бьюсь и на силу соберу въ памяти что-то напоминающее лицо Лермонтова.... Помню только выраженіе глазъ и всегда чувствую пожатіе руки, когда въ первый разъ сказалъ онъ мнѣ: „я люблю васъ“; но этотъ милый взглядъ, но эта добрая улыбка сливаются въ памяти съ столь же холодной, жесткой, ѣдкой улыбкой, съ которой онъ впоследствии времени сказалъ мнѣ, низко кланаясь: „вы преувеличили любовь мою, да я этого и хотѣлъ, не я же васъ обманывалъ, а вы сами себя, преувеличивъ мои чувства“.

Итакъ, повторяемъ, то впечатлѣніе, которое производитъ чтеніе записокъ г-жи Хвостовой, въ концѣ концовъ, является далеко не въ пользу Лермонтова; но внимательно пересматривая его сочиненія, мы находимъ въ нихъ, если не оправданіе, то положительное разъясненіе этой, во всякомъ случаѣ замѣчательной личности. Вотъ, напр., Лермонтовъ пишетъ относительно Лугина, героя одной изъ начатыхъ имъ повѣстей ¹⁾. „Съ нѣкотораго времени Лугина преслѣдовала постоянно идея нучительная и несносная тѣмъ болѣе, что отъ нея страдало его *самолюбіе*. Онъ былъ далеко не красавецъ, это правда, однако въ немъ ничего не было отвратительнаго, и люди, знавшіе его умъ, талантъ и добродушіе находили выраженіе лица его пріятнымъ; но онъ твердо убѣдился, что степень его безобразія исключаетъ возможность любви и сталъ смотрѣть на женщинъ, какъ на природныхъ своихъ враговъ, подозрѣвая въ ихъ случайныхъ ласкахъ побужденія постороннія и объясняя грубость и положительнымъ образомъ самую явную ихъ благосклонность....

„Мнѣ часто случалось, говорить Лугинѣ въ другомъ мѣстѣ той же повѣсти, возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти; но такъ какъ я точно знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и при-

¹⁾ Сочиненія Лермонтова, изданія 1860 г., т. II, стр. 636 и 626.

вычѣ встаетъ трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то и не радуюсь этому счастью, — я себя спрашивалъ: могу ли я влюбиться въ дурную? Вышло, нѣтъ. — Я дурень, и слѣдовательно женщина меня любить не можетъ. — Это ясно. Аристократическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ, онѣ и долѣе насъ покорены первому впечатлѣнію. Если я успѣвалъ подогрѣть въ нѣкоторыхъ то, что называютъ капризомъ, то *это стоило мнѣ немощныхъ трудовъ и жертвъ*. Но такъ какъ я зналъ поддѣльность чувства, внушеннаго мною, и благодарилъ за него только себя, то самъ не могъ забыть до *полной, безотчетной любви*. Къ моей страсти примѣшивалось всегда немного злости; все это грустно, а правда!..“

Прочитавъ это замѣчательное мѣсто (на которое указываетъ и одинъ изъ біографовъ Лермонтова) и сопоставляя выписанныя страницы изъ сочиненій Лермонтова, со всѣмъ рассказомъ г-жи Хвостовой, для насъ многое въ поступкахъ перваго дѣлается совершенно яснымъ. И разъ признавъ въ Дугинѣ, фантастическомъ героѣ повѣсти, сильное сходство съ ея авторомъ, мы видимъ Лермонтова далеко уже не въ столь непривлекательномъ видѣ, въ какомъ онъ является въ искреннемъ и увлекательномъ рассказѣ г-жи Хвостовой.

Въ заключеніе помѣщаемъ дополнительныя свѣдѣнія, сообщенныя намъ Е. А. Хвостовой отрывочно:

По увѣренію Е. А., Лермонтовъ родился въ 1815 г., а не въ 1814 г., какъ это показано въ „Матеріалахъ для біографіи и литературной оцѣнки Лермонтова 1)“.

«Dominer est ma passion dominante et peut-être la seule».

«Il vaut mieux aimer de la tête, que du coeur; car, quand on aime de la tête—on domine et quand on aime du coeur—on est dominé».

«La vie est une épigramme, dont la mort fait le point».

Слова Лермонтова.

„Я изготовляю на дѣлѣ матеріалы для будущихъ моихъ сочиненій. — Отвѣтъ Лермонтова на вопросъ: зачѣмъ онъ интригуетъ женщинъ?“

1) Составитель этихъ матеріаловъ, С. Душикинъ говоритъ: «Лермонтовъ род. 1814 г. 3-го октября, умеръ 1841 г. 15-го іюля, слѣдовательно жилъ 26 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, — такъ говорить намъ скромная надпись на деревенскомъ памятникѣ Лермонтова, въ селѣ Тарханахъ, недалеко отъ Чембара, въ Пензенской губерніи». (Сочиненія Лермонтова, изд. 1863 г., томъ второй, стр. III).

Въ 1837 г., за стихи на смерть Пушкина, Лермонтова перевели изъ гвардіи тѣмъ-же чиномъ въ армію, въ нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій въ Грузіи.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, говоритъ г. Меринскій („Библиографическія Записки“ 1859, № 20, стр. 636), Лермонтовъ отправился къ своему начальнику, чтобы ему отеланяться; тотъ встрѣтилъ его такимъ выговоромъ:

„Что это вы вздумали писать стихи? на это есть поэты, а вы короче — ваше дѣло заниматься своимъ взводомъ, и болѣе ничего.“ Г-жа Хвостова, основываясь на словахъ самого Лермонтова, передавала мнѣ объ этомъ иначе, а именно: Комендантъ Мартыновъ принялъ на свой счетъ стихи:

«А вы, надменные потомки
Извѣстныхъ подлостью прославленныхъ отцовъ...»

укорялъ за нихъ Лермонтова и прибавилъ: „ваше ли дѣло писать стихи! для этого есть поэты, авторы, писатели, а вы такой-же благодный человѣкъ, какъ и я“.

Стихотвореніе „На свѣтскія дѣла“¹⁾, какъ я слышала отъ Е. А., написано Щербатовой, урожденной Штеричъ, потомъ — г-жа Лутковская.

Екатерина Александровна выражалась о Лермонтовѣ: «Lermontoff toujours calculateur et énigmatique».

Будучи женихомъ Щербатовой и въ тоже время избѣгая брака, Лермонтовъ на колѣняхъ умолялъ свою бабушку Арсеньеву не позволить ему жениться.

Когда Екатерина Александровна была сговорена, Лермонтовъ вознамерился вызвать ея жениха на дуэль, о чемъ и предупреждалъ ее. По этому случаю, онъ написалъ стихотвореніе „Сонъ“:

Въ полдневный жаръ, въ долину Дагестана —²⁾

¹⁾ Въ изд. соч. Лермонтова 1863 г., оно значится подъ 1840 годомъ.

²⁾ Въ изд. соч. Лермонтова 1863 г., подъ 1841 годомъ.

Съ Е. А. Лермонтовъ поступалъ эгоистически и кокетливо. Такъ, неравнодушная къ нему, она, втайнѣ отъ родныхъ, связала къ его именинамъ кошелекъ (изъ бѣлаго и голубого шелку — любимые цвѣта Лермонтова), который отправила къ нему incognito. Лермонтовъ не могъ не догадаться, отъ кого былъ этотъ подарокъ. Въ тотъ-же вечеръ онъ игралъ въ карты съ дамами, и одна изъ нихъ замѣтила ему, что онъ очень дорожитъ приношеніемъ поздравительницы. „Я дорожу!“ воскликнулъ Лермонтовъ: „несколько! и въ доказательство ставлю его на карту....“ Названный подарокъ былъ проигранъ одной изъ собесѣдницъ. Спустя нѣсколько времени, эта особа, въ присутствіи Е. А. и ея родныхъ, доставала изъ этого кошелька деньги: Е. А. была удивлена и раздосадована.

Е. А. и многія сверстницы ея и почитательницы Лермонтова, чтобъ высказать ему свое особенное вниманіе, являлись передъ нимъ, въ видѣть, въ уборахъ изъ бѣлыхъ и голубыхъ цвѣтовъ; „но онъ, казалось, не замѣчалъ этого, что ни одной изъ насъ не оскорбляло, такъ какъ мы знали, что онъ ко всѣмъ намъ одинаково равнодушенъ“, говорила Е. А.

Когда Е. А. возвратилась отъ вѣнца, Лермонтовъ въ качествѣ шафера подошелъ къ ней съ поздравительнымъ поклономъ и сказалъ: «je me recommande, madame, à votre bonté!»

М. СЕМЕВСКІЙ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го сентября 1869.

Внутренній заемъ въ 15 мил. р.—Обращеніе безпроцентнаго долга.—Возраженія противъ дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, какъ финансоваго ресурса.—Гласность въ ассигнаціонномъ дѣлѣ.—Учебный курсъ въ классическихъ гимназіяхъ.—Расторженіе контракта съ Уайнсомъ.—Железно-дорожные торги.—Воронежско-Грушевская и Бессарабская дороги.—Съѣздъ петербургскаго духовенства.

Новый внутренній пяти-процентный заемъ въ 15 милл. рублей былъ опубликованъ въ то время, когда мы оканчивали прошлую хроникку; мы должны были подождать результатовъ подписки; операція разверстки была окончена къ началу августа. Легко было предвидѣть, что подписка далеко превзойдетъ требованіе, но результаты подписки превзошли всѣ ожиданія (почти 337½ милл. р.). Въ блестящемъ успѣхѣ новаго займа едва ли слѣдуетъ, впрочемъ, видѣть какой-либо необыкновенно-благопріятный признакъ нашего экономическаго положенія. Громадное превышеніе подписками цифры предлагаемыхъ правительствами займовъ обыкновенно толкуютъ, какъ свидѣтельство о прочномъ нравственномъ довѣрїи къ правительству и о значительности сбереженій въ народѣ. Успѣхъ новаго займа у насъ въ первомъ смыслѣ ничего не прибавляетъ къ тому, что несомнѣнно; обмѣнивать безпроцентныя ассигнаціи на бумаги, приносящія доходъ и, сверхъ того, предлагаемыя дешевле цѣны ассигнацій, несомнѣнно-выгодно во всякомъ случаѣ; прочность же нравственнаго довѣрїя къ правительству удостоверяется уже достаточно обращеніемъ самыхъ ассигнацій. Что касается количества народныхъ сбереженій, то блестящій успѣхъ нынѣшняго займа и въ этомъ отношеніи ничего не доказываетъ уже потому, что по кратковременности подписки участвовать въ ней могло только населеніе Петербурга. Сверхъ того, сумма всѣхъ требованій до 50 билетовъ не составила и 9½ милл. рублей.

Всѣхъ участвовавшихъ въ подпискѣ было около 9,400 чел. Изъ нихъ 622 чел. подписались на сумму до 102 милл., а 96 лицъ почти на

200 милл. р. Почти $\frac{2}{3}$ подписанной суммы приходились на долю всего 718 лицъ изъ 9,432. Итакъ, ясно, что характеръ подписки былъ преимущественно - спекуляціонный. Правительство нашло удобнымъ сдѣлать заемъ въ то время, когда курсъ процентныхъ бумагъ вообще высокъ, и успѣхъ подписки свидѣтельствуетъ собственно о томъ же самомъ фактѣ. Успѣхъ этого займа, вѣроятно, побудитъ къ новымъ выпускамъ, о которыхъ уже и ходятъ слухи. Что нынѣшній выпускъ былъ всего на 15 милл. р., это можно объяснить скорѣе всего желаніемъ сдѣлать на первый разъ только опытъ.

Новый заемъ предназначается на изытіе изъ обращенія и уничтоженіе равнаго количества ассигнацій, и этой цѣли нельзя не почувствовать особенно въ то время, когда заграничный курсъ нашего рубля упалъ на цѣлме 20 процентовъ. Можно бы, конечно, только пожелать, чтобы дальнѣйшіе выпуски, съ тою же цѣлью обращенія безпроцентнаго долга въ процентный, не заставили себя долго ждать. Всѣ мѣры, которыя были принимаемы до сихъ поръ для поднятія курса кредитнаго рубля, не достигли этой цѣли: ни открытіе размѣна на золото, ни скопленіе въ кладовыхъ банка 140 милл. рублей звонкою монетою, безъ открытія размѣна. Остается прибѣгнуть къ единственной вѣрной мѣрѣ поддержать цѣвность своихъ безсрочныхъ и безпроцентныхъ обязательствъ, именно къ уменьшенію ихъ количества. Сокращеніе на 12 милліоновъ рублей суммы безпроцентнаго обращенія, которое превосходитъ 700 милл. р., само по себѣ незначительно, но оно имѣло бы очень большое значеніе, какъ начало цѣлаго ряда подобныхъ операцій, начало цѣлой системы постепенной редукціи нашего безпроцентнаго долга, если бы такую систему провести съ рациональною выдержкой. Но въ этомъ-то именно отношеніи и трудно имѣть полную увѣренность.

Не говоря уже о войнѣ, которая всегда и вездѣ нарушаетъ исполненіе принятой финансовой системы, могутъ представиться разныя непредвидѣнныя обстоятельства, которыя принудятъ къ выпуску новыхъ серій ассигнацій, взаимъ уничтоженныхъ; тогда вся эта операція превращенія части безпроцентнаго долга въ процентный обратилась бы въ ничто и результатомъ ея было бы только увеличеніе процентнаго долга. А такъ какъ публика, приобретающая новыя процентныя бумаги собственно для того, чтобы воспользоваться премією на нихъ, несетъ ихъ затѣмъ въ тотъ же банкъ, то вся эта операція сводилась бы со стороны публики къ игрѣ, а со стороны банка къ росту съ игроковъ, безъ всякой пользы для нашихъ государственныхъ финансовъ.

Финансовое положеніе Россіи представляетъ сходство съ положеніемъ запущеннаго долгое время имѣнія. Надъ нимъ тяготѣютъ прежніе долги, доходъ съ имѣнія непосредственно увеличить нельзя, потому

что для этого необходимы огромныя улучшения и въ положеніи крестьянъ, и въ проведеніи дорогъ, однимъ словомъ, увеличенію оброка или податей должно предшествовать усиленіе производительности, которое прежде всего требуетъ новыхъ значительныхъ денежныхъ затратъ. Сверхъ того и непродовольственные расходы годъ отъ году увеличиваются, отъ общаго ли вздорожанія цѣнъ, или отъ необходимости не отставать отъ сосѣдей. Крымская война завѣщала намъ громадное увеличеніе долга, и вмѣстѣ необходимость увеличенія постоянныхъ расходовъ. Податная сила страны была уже натянута до крайняго предѣла, и обращаться къ странѣ съ новыми требованіями путемъ непосредственнаго возвышенія податей не представлялось возможности. Оставались два совмѣстные пути — путь новыхъ денежныхъ обязательствъ государства для гарантірованія тѣхъ улучшеній, которыя были необходимы для поднятія его производительности, и путь новыхъ займовъ для покрытія текущихъ дефицитовъ.

Такъ какъ всѣ обязательства государства въ концѣ концовъ падаютъ всё-таки на плательщиковъ податей, то необходимое одновременное слѣдованіе по обоимъ указаннымъ путямъ значительно усложнѣно на время (и не на короткое время) всѣ наши финансовыя управленія. Государство должно было принять на себя финансовыя обязательства для гарантіи надѣла крестьянъ и для гарантіи доходности массы предпринятыхъ желѣзныхъ дорогъ. Гарантіруя доходность желѣзныхъ дорогъ, которымъ, въ общей ихъ сложности, суждено на первое время быть бездоходными, государство очень хорошо знало, что обязывается на жертву ради увеличенія производительной силы страны. Принимая на себя гарантію по надѣлу крестьянъ, государство было готово на подобную же жертву и только, можно сказать, неожиданная исправность взносовъ выкупа освобожденными и надѣленными крестьянами свело эту ежегодную жертву государства до небольшихъ размѣровъ. Зато значительно увеличилась податная сумма, падающая на крестьянъ, увеличенная отчасти еще и издержками самоуправленія волостного и земскаго. Между тѣмъ, своимъ чередомъ шли займы на покрытіе тѣхъ ежегодныхъ дефицитовъ, какіе не могли не образоваться, когда расходы возрастали, а государственныхъ податей увеличить было нельзя.

Великимъ и благотворнымъ результатомъ такого хода дѣлъ будетъ то, что освободивъ земледѣльческій трудъ, усиливъ его производительность, обезпечивъ производительность сбыта системой быстрыхъ сообщений, и этими же сообщениями возбуждая новые роды производительности въ странѣ — мы должны увидѣть въ Россіи значительное возвышеніе податной способности. Придетъ время, когда нынѣшнія подати будутъ казаться легкими, но это время нужно еще выждать. Придетъ — буде какія-либо чрезвычайныя обстоятельства не явятся

всказитъ всѣ финансовыя предположенія—и то время, когда жгѣвнныя дороги, въ своей совокупности, будутъ оплачивать сами себя, не требуя пожертвованій отъ правительства, и эра тѣхъ преобразованій, которыя связаны съ денежными обязательствами и затратами, будетъ заключена до отдаленнаго срока. Тогда мы будемъ имѣть предъ глазами комбинацію трехъ благопріятныхъ экономическихъ элементовъ: рождыхъ въ денежныхъ затратахъ на улучшение, увеличенную производительность страны и соотвѣтственно съ нею—возможность прекратить неопредѣленное возрастаніе государственнаго долга, возможность соразмѣрить прямо поступленіе податей съ потребностью государственныхъ расходовъ.

Это время, повторяемъ, нужно выждать и до тѣхъ поръ имѣется одно финансовое средство, суррогатъ производительности — займы; остается — изворачиваться займами. Какъ бы ни было велико число новыхъ займовъ, какъ бы ни возрасла цифра государственнаго долга, мы готовы принять ихъ и нести ихъ бремя, если только намъ представляется впереди возможность окончательнаго вступленія на путь единственно-правильный, путь согласованія податей съ расходами и расходовъ съ податами. Какъ бы ни было велико бремя, которое упадетъ на насъ, мы не будемъ жаловаться, если силы наши окрѣпнутъ, и никто въ Россіи не пожалѣетъ, если государственный долгъ возрастетъ подъ вліяніемъ великихъ усилій ко внутреннимъ улучшениямъ, хотя бы въ такой же пропорціи, въ какой онъ возросъ подъ вліяніемъ бѣдственной крымской войны. Употребила же Сѣверная Америка баснословныя средства, требующія теперь геройскаго терпѣнія плательщиковъ податей, для того, чтобы разъ навсегда вырвать изъ себя съ корнемъ рабство.

Но для того, чтобы страна съ терпѣніемъ и даже съ самоотверженіемъ принимала каждый годъ новое бремя на свое будущее, безусловно-необходимо, чтобы она имѣла передъ глазами правильную систему финансовой политики, чтобы она знала что дѣлается, знала, до какой степени будущность ея отдается въ залогъ по нынѣшнимъ обязательствамъ. Для этого безусловно-необходимо, чтобы неизбежныя въ переходное время новыя займы были гласны и правильно обусловлены сроками погашенія, и чтобы никакой тайный экономическій червь не глодалъ наружной правильности финансовой системы, не работалъ въ тиши надъ искаженіемъ самого отношенія какъ податной суммы, такъ и внутреннихъ обязательствъ казны къ кредитной единицѣ — основанію всѣхъ расчетовъ. Иначе, какъ бы мы готовы ни были къ жертвованіямъ, но не могли бы не предвидѣть бесполезность всякихъ усилій для наполненія бочки Данаидъ, какою бы представлялась народная касса при условіи внутренняго разрушенія того, что снаружи совидается.

Насъ не обвинять въ пессимизмѣ. Изъ сказаннаго выше ясно, что мы не только допускаемъ необходимость новыхъ займовъ въ переходное время, но даже убѣждены, что безъ нихъ нельзя и обойтись. Пока нѣтъ возможности обращаться съ новыми требованіями прямо къ плательщикамъ податей, неизбежно обращеніе къ заимодавцамъ, къ кредиту. И на кредитъ нравственный, на это довѣріе страны къ окончательному успѣху великихъ экономическихъ преобразованій, правительство вправѣ разсчитывать. Но одного вида займа мы не нашли бы возможности объяснить и оправдывать, это — дальнѣйшихъ неограниченныхъ ежегодныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Займы правильные, гласные, процентные, срочные—это неизбежный суррогатъ возвышенія податной силы; но займы ассигнаціонные, негласные, безпроцентные, безсрочные—прямой подрывъ производительности, прямое противорѣчіе всѣмъ тѣмъ надеждамъ, которыя однѣ оправдываютъ временное усиленное обращеніе къ средствамъ будущаго. Будучи негласны и неограниченны, они колеблютъ внутренній кредитъ; увеличивая обращеніе необезпеченное, они производятъ пертурбацію въ отношеніяхъ къ вымѣ и плательщиковъ и получателей; роняя курсъ, они ставятъ производительность въ самое неблагоприятное положеніе, ослабляютъ торговлю, тиготѣютъ на всѣхъ дѣлахъ, однимъ словомъ, искажаютъ всю систему окончательнаго поправленія финансовъ государства посредствомъ улучшенія общаго экономического положенія страны. Это-то и есть тотъ червь, который втайнѣ глодалъ всѣ наши финансовыя системы.

Мы не можемъ не допустить, что правильный, небольшой выпускъ ассигнацій необходимъ для производства внутреннихъ платежей; но не можемъ допустить такіе выпуски въ смыслѣ финансоваго ресурса вообще, и въ смыслѣ средства къ поправленію финансовыхъ условій— въ особенности. Напримѣръ, если новые выпуски ассигнацій обуславливались бы отчасти стремленіемъ накопить по возможности болѣшій запасъ звонкой монеты въ кладовыхъ банка, съ цѣлью удержать курсъ отъ паденія, то это представляло бы такой софизмъ, котораго ложность не можетъ подлежать сомнѣнію. Даже если бы допустить окончательною цѣлью открытіе размѣна, то и тогда подобная система представлялась бы химерою, потому что съ открытіемъ размѣна — какъ вѣчаетъ прежній опытъ—тотчасъ явилась бы не ограниченная мѣна бумажекъ на золото, а настоящая ликвидація ассигнацій, которая скоро заключила бы металлическій фондъ. Если же не имѣть въ виду открытія размѣна, то тогда накопленіе металлическаго фонда представляется только какъ бы нравственнымъ средствомъ удержать паденіе курса, средствомъ во всякомъ случаѣ невѣрнымъ, а между тѣмъ сопряженнымъ съ вѣрнымъ пониженіемъ курса, путемъ новыхъ выпусковъ ассигнацій. Что накопленіе металлическаго фонда до сихъ поръ

мало принесло пользы въ отношеніи курса, это оказывается на фактахъ: за послѣдніе два года металлическій фондъ увеличенъ въ полтора раза, а курсъ между тѣмъ упалъ.

Итакъ, не допуская, чтобы рационально было пользоваться выпускомъ бумажныхъ денегъ какъ финансовымъ ресурсомъ вообще и средствомъ для поправленія финансовыхъ условий въ особенности, мы все-таки готовы допустить необходимость правильныхъ, небольшихъ выпусковъ ассигнацій для внутреннихъ платежей, съ цѣлями собственно казначейскими. Но для того, чтобы совокупность такихъ выпусковъ не превращалась въ подрывъ будущему поправленію финансовъ, совершенно необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы выпуски эти были гарантированы самой точной гласностью. Если общество будетъ знать съ точностью, сколько въ дѣйствительности обращается бумажныхъ денегъ каждаго достоинства и сколько предполагается выпустить ихъ въ текущемъ году, для цѣлей казначейскихъ, то отъ такого внесенія гласности въ искони-темное ассигнаціонное дѣло не только не послѣдуетъ панники относительно цѣнности кредитныхъ бумажекъ, но напротивъ, довѣріе къ нимъ, стало быть и достоинство ихъ, чувствительно возвысится.

Казна отъ этого будетъ въ чистомъ выигрышѣ, потому что и казна находится въ положеніи не только должника, но и покупателя товаровъ и труда. Послѣдняя черта въ положеніи казны даже преобладаетъ, такъ какъ именно огромное вздорожаніе цѣнъ—которое легко указать по бюджетамъ всѣхъ вѣдомствъ—постоянно увлекаетъ правительство въ увеличенные расходы. Внесеніе бѣльшей гласности въ ассигнаціонное дѣло, говоримъ мы, ощутительно возвысило бы достоинство ассигнацій, потому что всякое ограниченіе какого бы то ни было производства, какъ бы нестѣснительны и широки ни были размѣры этого ограниченія, все-таки возвышаетъ цѣну продукта. Кромѣ того, очень важно нравственное отношеніе общества къ извѣстной экономической цѣнности или потребности. Прежніе экономисты напрасно слишкомъ пренебрегали именно нравственнымъ отношеніемъ общества, или группъ общества, къ экономическимъ условиямъ, какъ такую силу, которая сама по себѣ способна создавать новые экономическіе факты. Милль уже обратилъ вниманіе на эту истину; напр., въ его объясненія видоизмѣненій рабочей платы входитъ, въ числѣ экономическихъ факторовъ, нравственное представленіе рабочихъ объ уровнѣ потребностей въ данное время.

Нравственное впечатлѣніе, какое произвело бы подчиненіе выпуска ассигнацій обществу контролю, хотя бы только путемъ гласности, было бы огромно и для финансовой системы въ высшей степени выгодно. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ на бумажныя деньги смотреть какъ на неистощимый источникъ казны. По мнѣнію нечислимаго большинства общества, отъ казны зависитъ выпустить бумажныхъ

денегъ сколько она хочетъ, дѣлать денегъ сколько ей угодно. А такъ какъ тоже общество, хотя инстинктивно понимаетъ, что дѣйствительная цѣнность отъ казны не зависить, то отсюда происходитъ такое представленіе о бумажныхъ деньгахъ, что онѣ — не что иное какъ фикція. и фикція эта поддерживается единственно тѣмъ, что казна — для которой деньги эти никакой цѣны не имѣютъ — соглашается тѣмъ не менѣе принимать ихъ въ уплату податей.

Тогда же, при введеніи въ это дѣло полной гласности, общество убѣдится, что выпускъ бумажныхъ денегъ вовсе не есть философскій камень, выходящійся въ рукахъ правительства, что выпуски эти ограничены, а увидѣвъ, что въ дѣйствительности выпуски эти будутъ употребляемы съ угѣренностью и не какъ средство выходить изъ затруднительнаго положенія, а только въ размѣрѣ потребности внутреннихъ расчетовъ, общество приучится къ мысли, что кредитные рубли имѣютъ цѣну не только для него, но и для самой казны. Товаръ, который имѣетъ сбытъ и котораго производство ограничено, имѣетъ два главныя условія цѣнности.

Какимъ же образомъ ввести точную гласность въ ассигнаціонное дѣло? Нѣтъ сомнѣнія, что специальное вѣдомство лучше насъ можетъ узнать наиболѣе удобныя для того средства. Мы же, со своей стороны, можемъ предложить, только въ видѣ примѣра, одно такое средство, которое уже и само по себѣ, отдѣльно взятое, могло бы принести несомнѣнную пользу въ смыслѣ гласности и представляемой гласностью гарантіи. Пусть сперва будетъ обнародовано, сколько въ настоящее время имѣется серій или выпусковъ бумажныхъ денегъ разнаго достоинства, какими знаками или буквами каждая изъ этихъ серій обозначается, какому соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности году, сколько въ каждой изъ нихъ номеровъ, и затѣмъ, итоги всей нарицательной цѣнности, или суммы каждаго выпуска въ кредитныхъ рубляхъ; пусть сдѣлается извѣстнымъ, сколько и какія именно есть серіи и какіе нумера въ каждой серіи первый и послѣдній. Само собою разумѣется, что тѣмъ самымъ всѣ билеты, которые встрѣтятся внѣ указанной нумераціи или окажутся съ тѣми же нумерами, но съ иными знаками, признаются фальшивыми.

Еще лучше было бы, если бы при нынѣшней перемѣнѣ старыхъ кредитныхъ билетовъ на новыя, была объявлена вѣдомость старымъ на основаніи, которое только что указано, а затѣмъ по всѣмъ новымъ билетамъ всѣхъ достоинствъ была бы введена одна общая нумерація, съ объявленіемъ въ каждомъ году *последняго*, высшаго нумера кредитныхъ билетовъ. Хотя бы это было 100-милліонный номеръ, напечатать его не трудно, а знать очень важно. Дальнѣйшіе же выпуски кредитныхъ билетовъ въ каждомъ году объявлялись бы гласно при самомъ выпускѣ, съ означеніемъ новаго послѣдняго нумера.

Не сомнѣваемся, что для гласности и общественнаго контроля, котораго возвысили бы цѣнность денегъ, выпускаемыхъ казною, можно прислать средства болѣе практичныя, чѣмъ то, на которое мы указали. Но не сомнѣваемся также, что, за отсутствіемъ болѣе практичнаго и дѣйствительнаго, и это принесло бы пользу.

При нынѣшней системѣ, о количествѣ выпусковъ бумажныхъ денегъ упоминается въ рѣчахъ министра финансовъ въ кредитныхъ установленіяхъ. Но въ этихъ рѣчахъ о бумажномъ обращеніи упоминается между прочимъ, и далеко не въ одной системѣ каждый годъ, такъ, что изъ этихъ рѣчей трудно даже вывести, сколько было выпущено бумажныхъ денегъ за каждый изъ прошлыхъ годовъ. Специализация же на серіи, итоги номеровъ въ серіяхъ, и цѣнности каждой серіи отдѣльно — въ этихъ рѣчахъ нѣтъ. Наконецъ, знать общую сумму денежнаго обращенія и цѣнность выпусковъ въ рубляхъ, во все не все равно, что знать сколько всего серій, сколько въ каждой серіи номеровъ, какой номеръ послѣдній, и сколько именно выпущено и будетъ выпущено въ нынѣшнемъ году за какими именно номерами. А это-то и полезно знать; въ обнародованіи вотъ именно этихъ-то точныхъ свѣдѣній и заключается то средство, на которое мы, между прочимъ, указываемъ.

Возвращаясь къ разверсткѣ нынѣшняго займа, замѣтимъ, что признавая за мелкою подпискою характеръ преимущественно-спекулятивный, какой она и имѣла, потому что для помѣщенія сбереженій еще на долго останутся наиболѣе популярными займы вингрышские — всетаки можно было предоставить все количество облигацій этой мелкою подпискѣ. О примѣненіи такъ-называемаго во Франціи принципа «демократизаціи» займовъ нечего, конечно, говорить по поводу займа незначительнаго; но просто не было надобности отдавать премію въ руки банкировъ. Впрочемъ администрація, не признавъ возможнымъ предоставить весь заемъ, то-есть всю премію маленькимъ капиталамъ, конечно, имѣла въ виду особня соображенія; заемъ этотъ, разумѣется, не послѣдній, и содѣйствіемъ крупныхъ капиталистовъ нельзя не дожить на будущее время.

Что финансовая система въ государствѣ подвергается частымъ измѣненіямъ, смотря по тому, какому средству кредита въ ней дадутъ преобладаніе въ извѣстную эпоху или насколько находятъ необходимымъ возвышать подати — это неудивительно. Финансовая система во всѣхъ государствахъ, по необходимости, соображается болѣе съ потребностями, чѣмъ со средствами государства. По простествіи нѣкотораго времени непременно являются такіа чрезвычайныя потребности, которыя измѣняютъ установленную систему, отдаляютъ на долгое время равновѣсіе, которое уже казалось близкимъ, и заставляютъ снова на

чивать изыскиваніе дополнительныхъ средствъ, а иногда и геройскія усилія для восстановленія порядка.

Но какая отрасль государственной дѣятельности менѣе зависить отъ непредвидѣнныхъ случайностей и болѣе способна къ отправленію правильному, къ развитію логическому и постепенному, чѣмъ попеченіе о народномъ образованіи? Казалось бы, здѣсь уже совсѣмъ не должны имѣть мѣста безсвязные переходы отъ одного къ другому, періодическое предпочтеніе то одной, то другой системы, однимъ словомъ тѣ «скачки», которыми въ недавнее время такъ убѣдительно противоставлялась теорія органическаго, правильнаго, постепеннаго развитія.

Между тѣмъ, у насъ эта именно отрасль государственной дѣятельности едва ли не чаще всѣхъ другихъ подвергалась кореннымъ измѣненіямъ системы, не потому, конечно, чтобы потребность народа въ образованіи могла радикально измѣняться по прошествіи пяти или десятилѣтнихъ періодовъ, а просто потому, что взгляды лицъ, поставленныхъ во главѣ этой отрасли управленія, могутъ измѣняться столь же часто, какъ измѣняются сами эти лица. Такимъ образомъ, наша система публичнаго обученія до сихъ поръ еще не вышла изъ состоянія такъ сказать экспериментальнаго. Мы все еще на образованіи будущихъ поколѣній учимся сами педагогикѣ. Недавній фактъ показалъ, что изъ этихъ экспериментовъ можно извлекать выводы весьма различныя, что общество можетъ приходить къ выводамъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ администрація, специально изучающая, опытнымъ образомъ, педагогику.

Лица, подписавшія заявленіе о бесплодной обременительности нынѣшняго гимназическаго курса для учениковъ, только выразили единогласное мнѣніе общества. Родителей не можетъ не возмущать тотъ фактъ, что дѣти твердятъ множество своихъ ежедневныхъ уроковъ до ночи, и въ результатѣ такого усиленнаго, разбросаннаго и неперевереннаго изученія оказываются самыя плохіе практическія результаты. Обширность и многопредметность курса классическихъ гимназій и недостатокъ времени для дѣйствительнаго усвоенія его — вотъ главные условія, которыя какъ будто рассчитаны на то, чтобы утомить ученика какъ можно болѣе и вмѣстѣ сдѣлать какъ можно поверхностнѣе его знакомство съ пройденными предметами. А такъ какъ всякое изученіе можетъ умственно развивать ученика только подъ условіемъ спокойнаго размышленія и усвоенія изучаемаго, то неоспоримо, что при многопредметности и неизбежной притомъ спѣшности курса, ученики выходятъ изъ нашихъ гимназій и неосновательно подготовленными наукою и мало развитыми, что въ особенности печально, такъ какъ главнымъ назначеніемъ общаго образованія должно быть именно умственное и нравственное развитіе.

Обширность курса въ нашихъ гимназіяхъ происходитъ собственно отъ условія, которое не зависитъ отъ взглядовъ, преобладающихъ въ данное время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а именно прежде всего отъ недостатка въ нашемъ обществѣ первоначальнаго домашняго воспитанія. А такъ какъ этотъ недостатокъ не восполняется хорошо устроенными элементарными школами, то и выходитъ, что ученики поступаютъ въ первый классъ гимназій едва грамотными. Отсюда курсъ общаго образованія въ нашихъ гимназіяхъ долженъ обнимать весь составъ общаго образованія, кромѣ самой развѣ русской грамоты, между тѣмъ какъ гимназіи считаются средними учебными заведеніями.

Это обстоятельство, котораго никакія пріемныя программы измѣнить не въ силахъ, такъ какъ оно зависитъ отъ уровня образованія самихъ родителей, и преимущественно матерей—само уже указываетъ на необходимость раздѣленія гимназическаго курса на два отдѣленія: элементарнаго и затѣмъ собственно средняго образованія. Само собою разумѣется, что изъ перваго отдѣленія должно быть исключено все то, что совершенно неразвита дѣти могутъ учить иначе какъ машинально, все то, что включаетъ понятія отвлеченныя, стало быть всякія грамматики, представляющія не что иное какъ рядъ недоступныхъ ребенку логическихъ опредѣленій и отвлеченныхъ формъ, и ариметика, а тѣмъ болѣе древніе языки, которые не представляютъ ничего иного, какъ усложненіе грамматическихъ формъ приложеніемъ ихъ къ мертвой рѣчи. За то въ первоначальный курсъ должны входить историческіе рассказы, физическая географія, наглядное ознакомленіе съ общею географіею. Такое раціональное, согласованное съ дѣйствительностью распредѣленіе курса уже само по себѣ требовало бы совершенной перемѣны принятой въ гимназіяхъ программы.

Но самая неизбѣжность *обширности* курса въ нашихъ гимназіяхъ уже сама по себѣ доказываетъ невозможность въ гимназическомъ курсѣ многопредметности. Предположеніе о добавленіи въ гимназіяхъ восьмого класса само по себѣ было бы очень раціонально, и если нельзя желать его у насъ, такъ это единственно потому, что будь только восьмой классъ, сейчасъ еще распространить программу курса. Восьмой классъ въ гимназіяхъ могъ бы быть спеціальнымъ. Говоря собственно о классическихъ гимназіяхъ, замѣтимъ, что даже оба послѣдніе класса могли бы быть посвящены исключительно древнимъ языкамъ и математикѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что посвящая болѣшую часть времени изученію древнихъ языковъ, ученики въ теченіи двухъ лѣтъ, будучи даже вовсе незнакомы раньше съ этими языками, усвоили бы ихъ себѣ лучше, чѣмъ теперь, когда одна половина гимназическаго курса проходитъ въ несообразованномъ съ ребяческимъ возрастомъ изученіи мертвыхъ формъ и отвлеченныхъ правилъ, безъ

всякаго участія и интереса, а другая—въ слушаніи латинскаго и греческаго синтаксисовъ и мнимою ознакомленіи съ писателями, когда сама этимологія остается совершенно неувоенною. Классическіе языки, алгебра и геометрія могли бы быть заключены въ одни два высшіе класса, а всѣ предшествующія шесть лѣтъ освобождены отъ непосильнаго и безплоднаго бремени классицизма, и огромное выигранное отъ этого время могло бы быть посвящено всѣмъ тѣмъ именно предметамъ, которые развиваютъ умъ.

Мы утверждаемъ, что 15—16-ти-лѣтній мальчикъ, употребляя половину всего своего времени на латинскій языкъ, можетъ въ теченіи двухъ лѣтъ изучить его формы и ознакомиться съ его составомъ и писателями гораздо полнѣе, чѣмъ ученикъ, который начнетъ «долбить латинь» съ восьмилѣтняго возраста и будетъ продолжать это производительное занятіе по часу въ день въ теченіи семи лѣтъ. Эта послѣдняя система — существуетъ, и составляетъ вопиющее противорѣчіе здравому смыслу.

Будемъ надѣяться, что директоры гимназій, которымъ передано на обсужденіе нынѣшнее заявленіе родителей, примутъ въ основаніе своихъ сужденій положительный опытъ, а не какое-либо желаніе или какую-либо надежду. Пусть они основываются просто на томъ, что дѣйствительно *происходитъ*, происходитъ теперь, а не на тѣхъ фантастическихъ результатахъ, которые могли бы оправдать нынѣшнюю систему, если бы «усилить наблюденіе», «умножить рвеніе» и т. п. Пора же намъ выработать наконецъ программу обученія, основанную не на «желаніяхъ» и «направленіяхъ», а просто на дѣлѣ, на данныхъ общественныхъ фактахъ, и затѣмъ развивать ее въ послѣдствіи только сообразно съ естественнымъ развитіемъ самого общества, а не по прихоти произвольныхъ, вѣчно измѣняющихся тенденцій. Пора извлечь самое важное, самое настоятельное въ Россіи дѣло — дѣло народнаго образованія изъ области педагогическихъ экспериментовъ.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ желѣзно-дорожной хроники за послѣднее время было состоявшееся, наконецъ, расторгненіе контракта съ г. Уайненсомъ по ремонту подвижнаго состава Николаевской дороги. Контрактъ съ нимъ окончательно перестанетъ дѣйствовать съ 1-го будущаго октября. Такъ какъ, на основаніи самаго контракта, заключенаго до 1874 года, правительство имѣло право прекратить его дѣйствіе уже въ половинѣ 1872 года, на извѣстныхъ условіяхъ, и такъ какъ правительство, разумѣется, воспользовалось бы этимъ правомъ, то, стало быть, нынѣшнимъ преждевременнымъ расторженіемъ контракта выкупаются у г. Уайненса всего 2 года 9 мѣсяцевъ.

При расторгненіи контракта, г. Уайненсъ получитъ хотя не ту баснословную сумму, о которой мы упоминали въ прошлое лѣто, когда

начались переговоры по этому предмету, однако сумму весьма печтенную, именно 7 милл. кредитныхъ рублей. Впрочемъ, не всю эту сумму можно считать новымъ подаркомъ безпримѣрно-счастливому контрагенту. Часть ея пришлось бы ему въ вознагражденіе и въ случаѣ прекращенія контракта только въ 1872 году, часть уплачивается ему за матеріалы ремонта и за приготовленныя имъ запасныя вещи, и наконецъ за отказъ его отъ судебного иска. Затѣмъ сумма чистаго вознагражденія составитъ около 5 милл. рублей.

Но противъ разчета, составленнаго въ этомъ смыслѣ, можно еще возражать, такъ какъ, во-первыхъ, отказъ г. Уайненса отъ предъявленнаго имъ иска на казну могъ и ничего не стоить, ибо казна давно имѣла поводы начать искъ противъ самого г. Уайненса за неточное исполненіе контракта; во-вторыхъ, г. Уайненсу нынѣ будетъ уплачена за матеріалы та цѣна, въ какую онъ самъ покажетъ стоимость ихъ ему, а также и за строенія и машины, со следкою только 10 %; въ-третьихъ, наконецъ, нынѣ въ пользу г. Уайненса допущены такія отступленія отъ контракта, которыхъ важность для него исчислить съ точностью весьма трудно, а именно: сдача всего подвижнаго состава, всего имущества, а также казеннаго механическаго завода, не въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ все это было имъ принято, а въ томъ, въ какомъ все это будетъ находиться въ день прекращенія контракта. Определить, во сколько бы обошлось г. Уайненсу приведеніе этого громаднаго имущества въ тотъ видъ, въ какомъ оно бы должно быть сдано имъ согласно контракту, едва ли возможно, а потому никакъ нельзя имѣть увѣренности, что вознагражденія и льготы, даруемыя ему нынѣ, не превышаютъ — и быть можетъ весьма значительно — помянутыя 5 милл. руб.

Противъ этого возраженія могутъ сказать, что вѣдь матеріалы и имущество отъ г. Уайненса поступаютъ къ главному обществу и что стало быть та редуція цѣны, которую выговорило себѣ это общество, соответствуетъ именно тому пониженію достоинства, какое дѣйствительно имѣетъ сдаваемое нынѣ имущество. Но вѣдь сумму вознагражденія деньгами заплатитъ г. Уайненсу казна, а не общество; для общества расторженіе контракта такъ важно, что оно, нѣтъ сомнѣнія, уравниваетъ тѣ уступки въ пользу контрагента, на которыя общество согласилось со *своей* стороны. Спрашивается только, не слишкомъ ли дорого заплатила казна при допущеніи въ пользу г. Уайненса такихъ льготъ.

Этотъ вопросъ, правда, можно устранить простымъ замѣчаніемъ, что кто заключилъ такой необыкновенный контрактъ, съ которымъ на дорогѣ невозможенъ никакія улучшенія, тотъ пусть и расплачивается за его расторженіе. Съ этимъ, пожалуй, можно согласиться,

хотя и очень хорошо понимаешь, что заплатить въ дѣйствительности не тѣ, кто заключалъ контрактъ.

Вознагражденіе вмѣстѣ съ предоставляемыми г. Уайненсу льготами составить, конечно, болѣе пяти милліоновъ. Между тѣмъ, принесеніе этой огромной и отчасти неопредѣленной жертвы все-таки признается гораздо выгоднѣе, чѣмъ удержаніе контракта въ силѣ еще на 2 года и 9 мѣсяцевъ. Итакъ, за 8 лѣтъ теченія всего контракта съ г. Уайненсомъ, этотъ контрактъ принесъ бы ущербъ государству не менѣе *двадцати милліоновъ!* Въ самомъ дѣлѣ, достаточно бѣлаго взгляда на то, во-первыхъ, убыточное, а во-вторыхъ стѣсненное, опутанное положеніе, въ какое этотъ контрактъ поставилъ эксплуатацію дороги, чтобы убѣдиться въ рациональности, можно сказать, всякой жертвы, чтобы только избавиться отъ него. Напримѣръ: подъ вліяніемъ контракта съ г. Уайненсомъ расходъ на подвижной составъ, въ отношеніи къ каждой пройденной въ теченіи года версты, составлялъ сумму болѣе чѣмъ вдвое большую, чѣмъ тотъ же расходъ на дорогахъ варшавской и нижегородской: приходилось платить г. Уайненсу за передѣлку стараго вагона по 800 рублей, между тѣмъ какъ новый вагонъ можно построить немного дороже 1000 р.; невозможно было понизить плату за перевозъ хлѣба, а стало быть и усилить провозъ его; невозможно было ни ускорить движенія товарныхъ поѣздовъ, ни дѣлать какихъ либо измѣненій въ подвижномъ составѣ и т. д.

Вотъ какимъ контрактомъ обременена и опутана была эксплуатація Николаевской дороги. И этотъ контрактъ, однажды заключенный, былъ выполненъ до истеченія срока, а потомъ возобновленъ; возобновленъ тогда, когда въ обществѣ условія «контракта съ американцами» давно уже слыли курьезомъ плачевнаго свойства и когда въ самомъ составѣ инженеровъ давно сложилось убѣжденіе о громадной невыгодности этого дѣла для казны и для самой дороги.

Мы не хотимъ дѣлать личныхъ рекриминацій; мало того, мы, со всѣмъ обществомъ, убѣждены, что тотъ главный начальникъ, который возобновлялъ этотъ контрактъ, не возобновилъ бы его, еслибы специальное дѣло всегда находилось совершенно въ рукахъ начальника специальной части. Но мы не можемъ не напутствовать расторгненіе двоякаго контракта съ г. Уайненсомъ предположеніемъ, что исторія этого обязательства должна содержать въ себѣ много поучительнаго для характеристики времени еще недавняго. Желательно, чтобы кто-нибудь изъ людей, близко знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, сохранилъ его подробности хотя бы для любознательнаго потомства.

Расторгненіе этого контракта, заключеннаго безъ конкуренціи, произошло въ то время, когда начало конкуренціи введено и въ желѣзно-дорожное дѣло, въ видѣ торговъ на концессіи по постройкѣ

желѣзныхъ дорогъ. Мы не принадлежимъ къ безусловнымъ сторонникамъ системы торговъ, тамъ, гдѣ администрація могла бы, при хорошемъ выборѣ людей, удовлетворять нуждамъ управленія непосредственною закупкою или постройкою. Система торговъ далеко не устраняетъ тѣхъ злоупотребленій, противъ которыхъ она направлена, и удешевленіе цѣнъ, достигаемое посредствомъ ея, нерѣдко бываетъ только наружное. Надъ точнымъ исполненіемъ подрядовъ все-таки наблюдаютъ тѣже члены администраціи и если допустить, что на ихъ добросовѣстность полагаться нельзя, то допустить это слѣдуетъ и при торгахъ, какъ и безъ торговъ.

Но предоставленіе концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ теперь собственно находится въ иномъ положеніи. Постройка желѣзныхъ дорогъ—дѣло столь многосложное и въ техническомъ, и въ финансовомъ отношеніяхъ, что казенная дѣятельность въ этомъ случаѣ не можетъ быть выгодною. Бромъ того, когда государству необходимо въ короткое время обзавестись цѣлою сѣтью дорогъ, безъ которыхъ оно ежегодно теряетъ невзмѣримо болѣе того, что оно по каждой дорогѣ можетъ переплатить напрасно, то становится совершенно неизбежнымъ обращеніе къ частной предпримчивости уже потому, что у государства не можетъ быть средствъ на такую постройку. Если же обращаться къ частной предпримчивости, то нѣтъ сомнѣнія, что слѣдуетъ допускать ее на началѣ конкуренціи. Весь вопросъ въ томъ, въ какомъ смыслѣ принципъ торговъ примѣнимъ въ этомъ случаѣ.

Конкуренція требуетъ вообще справедливостію; когда же, какъ было у насъ до сихъ поръ, дѣйствительная стоимость постройки желѣзныхъ путей, при среднихъ условіяхъ, оставалась невыясненною, то конкуренція приноситъ пользу и въ этомъ отношеніи. Допущеніе, хотя не безусловное, конкуренціи въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ у насъ значительно понизило цѣны построекъ. Поверстная стоимость въ 80 т. рублей обратилась теперь въ мнѣе и есть примѣры объявленія цѣны ниже 40 т. р. съ версты (г. Варшавскимъ объявлено на скопичскую дорогу 36 т. съ версты). Самымъ осязательнымъ примѣромъ удешевленія цѣнъ конкуренціею представляется скидка съ цѣны, объявленной первоначально безъ конкуренціи (на ту же дорогу г. Рыковъ объявлялъ до торговъ 60 т. р., а на торгахъ 38 т. р.). Факты эти очень поучительны, но поученіе, какое они содержатъ, довольно двусмысленно.

Возможность такихъ огромныхъ пониженій показываетъ ли, какіе громадные барыши получили тѣ строители, которымъ концессія была дана безъ торговъ, или она показываетъ, до какой степени *различно* можно строить желѣзныя дороги? Быть можетъ, эти огромныя пониженія означаютъ и то и другое. Въ такомъ случаѣ, повторимъ

то, на чемъ мы уже настаивали прежде, именно, что вся надежда общества возлагается на старательность и добросовѣстность техническаго свидѣтельствования работъ административными лицами. Такимъ образомъ, при этихъ, да и при всякихъ торгахъ, ключемъ дѣла является все-таки добросовѣстность административныхъ лицъ, точно такъ, какъ и при казенной постройкѣ или казенномъ изготовленіи.

Но не надо забывать, что на желѣзно-дорожныхъ торгахъ сбавки цѣнъ могутъ дѣлаться въ ущербъ тысячамъ жизней. Въ сравненіи съ такой опасностью, пониженія цѣнъ постройки на какіе-нибудь десять процентовъ представлялись бы нестоящими вниманія. Вотъ почему, признавая необходимость ввести конкуренцію въ желѣзно-дорожное дѣло, собственно для выясненія предѣловъ истинныхъ цѣнъ строительства желѣзныхъ дорогъ, мы склонны думать, что по достиженіи собственно этого, такъ сказать справочнаго результата, система безусловнаго аукціона на концессіи не должна быть удерживаема. Въ этомъ опасномъ дѣлѣ, переплата какихъ-нибудь трехъ тысячъ съ версты составляетъ еще наимѣншую опасность.

Правда, строители за исправность постройки отвѣчаютъ залогами; но вѣдь залого освобождаются немедленно по окончаніи постройки, освобождаются даже частями, по окончаніи работъ участками. А неисправность постройки чаще всего можетъ обнаружиться только по открытіи правильнаго движенія. Полезно было бы удерживать залого строителей хотя бы на годъ, по окончаніи постройки, съ тѣмъ, чтобы на нихъ падали въ теченіи этого времени и отвѣтственность за непрочность, какая можетъ обнаружиться на практикѣ, и вознагражденія за возможные въ первое время несчастные случаи. Условіе это, еслибы оно включалось въ кондѣціи, предлагаемыя на торгахъ, могло бы поднимать цѣну постройки, но не болѣе какъ процентовъ на десять съ суммы залоговъ, а между тѣмъ оно могло бы имѣть немаловажное вліяніе на качества постройки, независимо отъ свидѣтельствванія.

Высказавъ наше мнѣніе о значеніи системы торговъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, мы должны однако оговорить, что въ такихъ случаяхъ, когда на произведенныхъ уже торгахъ конкуренты — фирмы одинаково благонадежныя, то отданіе предпочтенія кому-либо, кто объявилъ цѣну высшую, могло бы только подорвать довѣріе конкурентовъ къ самой системѣ торговъ и сдѣлать прозрачными и неискренними тѣ цѣны, которыя на торгахъ объявляются. Пока существуетъ конкуренція въ видѣ формальныхъ торговъ, на которые допускаются не всѣ, а только фирмы признанныя благонадежными, ясно, что концессіи слѣдуетъ оставаться за тѣмъ, кто объявилъ цѣну низшую. Оговорка, въ противоположномъ смыслѣ, съ которою торги теперь производятся, намъ непонятна; она какъ бы означаетъ, что ми-

нистерство финансовъ, разъ признавъ конкурентовъ благонадежными, не вполне однако довѣряетъ своему «первому движенію».

Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, намъ еще неизвѣстно, чѣмъ будетъ рѣшенъ такой именно вопросъ по дорогамъ воронежско-грушевской и бессарабской: будетъ ли дѣло окончательно рѣшено въ пользу тѣхъ фирмъ, которыя, бывъ допущены къ торгамъ, стало быть признаны благонадежными, объявили низшія цѣны. Но казалось бы ясно, что концессіи должны быть предоставлены на томъ основаніи, на которомъ производились торги. Такъ, по воронежско-грушевской дорогѣ цѣна г. Гладинныхъ наименьшая, затѣмъ сомнѣніе въ томъ, возможно ли постройка дороги по ихъ цѣнѣ, не должно бы имѣть мѣста; а если допускать такія сомнѣнія, то слѣдуетъ теперь же остановить систему торговъ, которой такія сомнѣнія прямо противорѣчатъ. Мы не будемъ входить въ разборъ ни предварительныхъ правъ, заявленныхъ на эту концессію г. Поляковымъ, ни доказательствъ его, почему его цѣна, при соединеніи въ одно общее предпріятіе дорогъ воронежско-грушевской и грушевско-ростовской, выгоднѣе; достаточно сказать, что права и аргументы эти предъявляются слишкомъ поздно, такъ какъ торги производились независимо отъ такихъ правъ и соображеній. Въ дѣлѣ бессарабской дороги колебанія еще менѣе объясняются. Цѣна русской компаніи г. Шидловскаго низшая, а солидность ея доказалась уже фактомъ взноса дополнительнаго залога въ миллионъ рублей.

Такія сомнѣнія и колебанія, когда благонадежность конкурентовъ уже была признана до торговъ и когда торги произведены, не должны бы уже имѣть мѣста. Но самый фактъ возникновенія такихъ сомнѣній доказываетъ то, что мы сказали выше, именно, что предоставленіе постройки желѣзныхъ дорогъ такъ сказать съ молотка, тому, кто объявитъ цѣну ниже, не можетъ быть возведено въ окончательную систему, и когда рядомъ торговъ уже достаточно выяснятся предѣлы истинныхъ цѣнъ, то полезнѣе будетъ возвратиться къ концессіямъ безъ торговъ, но съ предварительнымъ обнародованіемъ условій, какъ то дѣлалось въ послѣднее время. Конкуренція все-таки всегда будетъ и безъ торговъ, а прежнихъ громаднхъ цѣнъ, правительство, наученное уже результатами бывшихъ торговъ, конечно, утверждать не станетъ. Система торговъ можетъ дѣйствовать только при безусловной конкуренціи, иначе, т. е. при ограниченіи числа конкурентовъ и съ правомъ не утверждать постройки за выпросившимъ наименьшум цѣну, она поведетъ только къ нареканіямъ, а быть можетъ къ процессамъ, такъ какъ самое представленіе и своихъ собственныхъ залоговъ все-таки соединено съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ. За постоянное же примѣненіе системы неограниченныхъ, безусловныхъ торговъ къ желѣзно-дорожному строительству едва ли можно говорить серьезно.

Низкій сѣздъ депутатовъ петербургскаго духовенства составить важный моментъ въ жизни не одного только духовенства этой мѣстности. Для улучшеній въ духовной средѣ не такъ важно ознакомленіе съ существующими иными темными сторонами быта и злоупотребленіями въ управленіи, сколько рѣшимость признать такіе факты дѣйствительно существующими. Разъ это сдѣлано, улучшенія становятся неизбежны. Именно признаніе-то и важно. Объяснимся примѣромъ. Нѣтъ, конечно, ни одного члена петербургскаго духовенства, которому бы, если не по собственному опыту, то изъ многихъ слуховъ, не было издавна извѣстно то возмутительно - плачевное положеніе, въ какомъ находилось александровское духовное училище. Между тѣмъ, ничто не препятствовало этому положенію и оно могло существовать въ самомъ центрѣ епархіальнаго управленія.

Какъ только повѣрочная коммиссія сѣзда рѣшилась формальнымъ образомъ признать существованіе этихъ злоупотребленій, и прежде всѣмъ конечно извѣстныхъ, такъ сейчасъ и рухнула самый порядокъ, обусловленный самозамѣнностью, неприступностью этого духовнаго учрежденія: вслѣдствіе одного факта откровеннаго признанія тотчасъ измѣнилось управленіе, и тотчасъ, безъ всякаго противодѣйствія, взяло верхъ убѣжденіе въ необходимости коренныхъ измѣненій, даже основанія новаго училища гдѣ-нибудь въ центрѣ города, чтобы только извлечь его отъ вліянія прежняго пагубнаго духа. И само высшее управленіе епархіей не только не противопоставило затрудненій такой коренной мѣрѣ, но даже нашло лишнимъ отлагать исполненіе ея до слѣдующей сессіи, какъ полагалъ сѣздъ.

Вотъ какъ важна именно въ духовной средѣ откровенность, благородная рѣшимость произнести первое слово. Духовенство—сословіе, котораго члены тѣсно связаны и сословіе образованное (говоримъ о духовенствѣ столичномъ). Поэтому въ немъ давно уже должно было установиться очень опредѣленное, хотя и тайное общественное мнѣніе относительно всѣхъ видовъ исконнаго порядка управленія. Итакъ, здѣсь нужно не изучать положеніе дѣлъ, не выработывать мнѣніе о немъ, а только быть откровеннымъ: откровенность здѣсь-то именно уже и есть половина — и быть можетъ труднѣйшая половина — всего дѣла.

Вотъ почему нельзя достаточно «обезкураживать» тѣ попытки, которыя дѣлаются для порицанія такой плодотворной, необходимо нужной и спасительной откровенности. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ тотъ фактъ, что подобныхъ попытокъ не заявило высшее духовное управленіе.

Но такія попытки все-таки уже проявились; мы уже говорили о нихъ отчасти въ прошлый разъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ одной газеткѣ

появилась статейка, оспаривавшая фактъ безпорядковъ въ управленіи суммами, собираемыми въ приходахъ; а въ другомъ, специально-духовномъ органѣ появилась статья, написанная отчасти противъ права стѣзда депутатовъ дѣлать заявленія въ пользу выборнаго начала, отчасти же и противъ «вмѣшательства» свѣтской печати въ духовныя дѣла. Отъ этой статьи вѣетъ духомъ времени, которое, къ счастью, начинается уже проходить. Было, и недалеко еще—время, когда лица, принадлежащія къ каждому «вѣдомству», считали свое вѣдомство какой-то опричиною, самосушею и самоцѣльною, а все остальное общество считали чуждою себѣ «земщиною», отрицая у нея всякое право касаться «чуждой ей сферы». Такъ, военное управленіе все русское государство, кромѣ арміи, считало «гражданскимъ вѣдомствомъ».

Въ этомъ только смыслъ понятенъ и негодованіе, какое быть можетъ внушаетъ нѣкоторымъ ревнителямъ «духовнаго вѣдомства» — *отморозки* въ ихъ сферу хотя бы слова только, печатнаго слова изъ «свѣтскаго вѣдомства», то-есть изъ православнаго общества, того общества, для котораго въ практическомъ смыслѣ только и существуетъ само-духовное вѣдомство. Нельзя достаточно выяснить ту истину, что отъ откровеннаго, гласнаго обсуждения, духовными ли, мірянами ли, условій быта духовенства не можетъ возникнуть положительно никакая опасность авторитету церкви: съ одной стороны весь народъ искони свыкъ съ мыслью о существованіи такихъ злоупотребленій и обнаруженіе ихъ не только не есть для него печальная новость, но напротивъ—свѣтлое явленіе, свидѣтельствующее объ обновленіи духа въ самомъ духовенствѣ; съ другой же стороны, народъ, именно въ силу многообразія и мнимой неискореняемости злоупотребленій въ духовномъ управленіи, искони привыкъ отдѣлять авторитетъ церкви и святость вѣры отъ тѣхъ или другихъ порядковъ или поступковъ въ средѣ духовенства.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 (13) сентября 1869.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА ВО ФРАНЦІИ.

Борьба личнаго правленія съ свободными стремленіями французскаго народа. — Диктатура Наполеона I. — Божественное право Карла X. — Паденіе іюльской монархіи. — Вторая республика и возобновленіе диктатуры. — Наполеонъ III. — Новые стремленія къ свободѣ и новый ударъ личному правленію. — Посланіе 12-го іюля. — Кризисъ второй имперіи.

Среди массы предвзятыхъ мнѣній, вращающихся въ обществѣ, мнѣній ни на чемъ неоснованныхъ, фальшивыхъ, рутинныхъ и до крайности дикихъ есть одно, которое пробило себѣ особенно широкую дорогу. Таково очень распространенное мнѣніе, что Франція не способна къ самоуправленію, что она не создана для свободы, что порядокъ въ ней можетъ поддерживаться только желѣзною рукою. Мнѣніе это, избитое до послѣднихъ размѣровъ, банальное до скуки, находитъ себѣ много приверженцевъ, но что при этомъ особенно удивительно, это то, что нигдѣ не развелось этихъ приверженцевъ въ такомъ изобиліи, какъ у насъ въ русскомъ обществѣ, и въ его косомъ зеркалѣ—русской печати. Возьмите любую изъ русскихъ газетъ, любой изъ русскихъ журналовъ, и почти нѣтъ сомнѣнія, что вы встрѣтите это пресловутое мнѣніе о гнилости Франціи, о ея неспособности пользоваться свободными учрежденіями, выраженное во всевозможныхъ формахъ и на всѣ лады. Когда это мнѣніе попадаетъ въ нѣкоторыхъ органахъ напр. англійской печати, то тамъ ему еще можно подыскать объясненіе, во-первыхъ и главнымъ образомъ въ той собственной и прочной политической свободѣ, которою пользуются англичане, и во-вторыхъ, въ той старой враждѣ и чувствѣ ревности, съ которыми Англія относится къ Франціи. Нѣкоторымъ, и разумѣется самымъ узкимъ и ограниченнымъ англійскимъ умамъ, какъ-то особенно улыбается фраза: Франція не способна обладать тою свободою, которою обладаемъ мы, ей нуженъ господинъ, въ ней рабскія склонности. Этою фразою какъ бы вымещается злоба Англіи за то,

что она встрѣтила себѣ соперницу, что у нея оспариваютъ право на первую роль въ развитіи цивилизованнаго міра. Нужно впрочемъ сказать, что и здѣсь даже это мнѣніе уступаетъ мѣсто болѣе справедливой оцѣнкѣ, болѣе достойному отношенію къ Франціи, и теперь рѣдко уже кто рѣшается высказывать его открыто. Нелѣпость его сознава слишкомъ явно. Если сравненіе спокойнаго и прогрессивнаго развитія Англіи съ неровнымъ ходомъ, постоянными скачками политическаго развитія Франціи можетъ сколько-нибудь объяснить существованіе, если не основательность, такого мнѣнія въ Англіи, то спрашивается, какъ, какими средствами, какимъ чудомъ возможно объяснить распространенность этого мнѣнія въ Россіи, нашу кичливость, наше надменное обращеніе къ политическому развитію Франціи? Вотъ ужъ по истинѣ когда оправдывается изреченіе: въ чужомъ глазу сучекъ мы видимъ, въ своемъ не видимъ и бревна. Другое объясненіе придумать трудно, развѣ еще то, что мы какъ попугая повторяемъ то, что твердилось въ Европѣ во времена реакціи, когда всѣ были озлоблены противъ той революціонной инициативы, которая сдѣлалась кажется достоинствомъ Франціи. Мы повторяемъ чужія мнѣнія, чужія фразы, вовсе не понимая какъ смѣшно, какъ неприлично звучать въ нашихъ устахъ возгласы о политической неспособности французовъ. Конечно, Франція отъ подобнаго о ней мнѣнія ничего не теряетъ, она давно привыкла его выслушивать и еще болѣе привыкла не обращать на него вниманія. Тѣмъ болѣе она должна была свыкнуться съ этимъ мнѣніемъ, что она слышала его не только отъ другихъ, но и у себя дома всѣ правительства, которыя стремились задуть свободу страны, постоянно ее увѣрили, что она создана для такой формы правленія, гдѣ бы именно чувствовалась твердая отеческая рука правящаго монарха. Къ счастью Франціи и несчастію управлявшихъ ея судьбами, всѣ эти увѣренія оставались безъ всякаго результата, и кромѣ злого смѣха, граничащаго съ презрѣніемъ, она ничѣмъ болѣе не отвѣчала на добрые совѣты отказаться отъ политической свободы. Едва ли можно лучше отвѣтить на подобное мнѣніе о политической неспособности французовъ, какъ отвѣтилъ на него давно уже, около сорока лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ публицистовъ Франціи, который до сихъ поръ еще не утратилъ своей силы, именно Арманъ Каррель, говоря: «Отчего бы не противопоставить этому аргументу, до такой степени и такъ глупо избитому, что мы не имѣемъ достаточно добродѣтели, чтобы жить въ республикѣ, обратное положеніе, именно, что мы не имѣемъ болѣе достаточно пороковъ, чтобы доставить монархіи долгое существованіе». Исторія послѣдняго столѣтія какъ нельзя болѣе подтверждаетъ слова Армана Карреля; въ самомъ дѣлѣ, она доказала, что система не только абсолютной монархіи, но даже ея самая смягченная форма, форма лич-

наго правленія не въ состояніи утвердиться на долгое время во Франціи. Тѣ, которые утверждаютъ, что Франція неспособна къ прочной политической свободѣ, ссылаются обыкновенно на эту же самую исторію и говорятъ: смотрите, сколько разъ Франція завоевывала себѣ свободу и сколько разъ она теряла ее! Припоминаютъ при этомъ 1789 годъ и рядомъ съ этимъ 1799, роковое число 18-го брюмера, когда Наполеонъ I-й совершилъ свой *coup d'état*, припоминаютъ 1830 годъ, 1848 г., и съ увѣренностью спрашиваютъ: развѣ все это не доказываетъ, что Франція не способна къ свободѣ? Отвѣчать на это не трудно. Нѣтъ, все это нисколько не доказываетъ, чтобы во Франціи не утвердился наконецъ порядокъ, основанный на свободѣ, всѣ эти бакальничьи аргументы могутъ быть обращены противъ тѣхъ, которые ихъ приводятъ, такъ какъ всѣ они несомнѣнно подтверждаютъ одинъ фактъ, что Франція не способна примириться съ деспотическимъ правительствомъ, что она не выноситъ диктатуры, что она сбрасываетъ личное правленіе, какъ только оно стремится перейти въ наследственный принципъ.

Какое правительство, какая диктатура могла быть, казалось, крѣпче диктатуры Наполеона I. Онъ связалъ измученную Францію, измученную эшафотомъ и войнами, и бросилъ ее къ своимъ ногамъ, воображая себя вѣчнымъ и непоколебимымъ властелиномъ. Диктатура скоро превратилась въ наследственную имперію, консулъ въ императора; народъ, который такъ недавно диктовалъ законы, громко выражалъ свою волю и осудилъ на смертную казнь короля божественнаго права, теперь послушно лежалъ у ногъ своего побѣдителя. Казалось, что послѣ такого поворота, невозможно снова подняться; свобода на дѣи повидному была навѣки скоронена. Пятнадцать лѣтъ продолжалась летаргія Франціи, пятнадцать лѣтъ безправія и деспотизма корсиканскаго цезаря; и вотъ въ 1813 году снова чувствуется какое-то медленное, едва замѣтное пробужденіе страны. Законодательный корпусъ первой имперіи, до сихъ поръ покорно внимавшій голосу властелина, осмѣливается напомнить Наполеону, или, вѣрнѣе, смиренно выразить ему, что Франція не хочетъ больше войнъ, не хочетъ деспотизма, что у нея нѣтъ другого желанія, какъ чтобы извнѣ соблюдалась политика мира, чтобы внутри уважены были народныя права и чтобы власть дѣйствовала на основаніи законовъ. Эти скромныя заявленія не были пріятны Наполеону, и онъ, принимая депутатовъ 1-го января 1814 года, гнѣвно сказалъ: «Кто вы такіе, чтобы нападать на меня? Я одинъ представитель націи. Касаться меня значитъ касаться ея». Остальныя европейскія державы слѣдили за положеніемъ Франціи, они должны были видѣть, что народъ, потерявъ свободу, потерялъ вмѣстѣ и энергію и энтузіазмъ, съ которыми Франція поборила почти всю Европу. Если въ силу этого народнаго

энтузіазма Франція республиканская должна была побѣдить, то въ силу апатіи Франціи императорской она должна была быть побѣждена. Союзники должны были видѣть, что за спиной Наполеона нѣтъ больше того вулкана, который чуть не каждый день выбрасывалъ изъ себя новыя арміи, полныя огня, что вулканъ погасъ, что они больше не будутъ имѣть дѣло съ свободными людьми, которые десять лѣтъ назадъ превращались во львовъ, когда дѣло шло о спасеніи отечества. Упорство Наполеона, его страсть къ неограниченной власти стоили ему престола, потому что только возвративши свободу націи, онъ могъ успѣшно бороться съ союзниками. Онъ не понялъ этого въ 1814 году и заплатилъ за это отреченіемъ, бѣгствомъ, островомъ Эльбою. Вернувшись во Францію въ 1815 году, въ періодъ ста дней ему, казалось, сдѣлалось ясно, что для того, чтобы удержать за собою Францію, нужно отречься отъ абсолютной власти и возвратитъ свободу странѣ. Такова была его программа въ эту минуту, программа, разрушенная Ватерлоо. Таковъ былъ исходъ наполеоновскаго владычества. Если сверженіе его деспотическаго правительства совершилось при помощи обиднаго вторженія чужеземцевъ, то можно все-таки съ увѣренностью сказать, принимая во вниманіе замѣтное пробужденіе 1813 года и затѣмъ самое поведеніе Наполеона въ 1815 году, что тоже самое случилось бы и безъ посторонней помощи, которая такъ дорого обошлась народу, и что нація, можетъ быть нѣсколько позже, но все-таки кончила бы тѣмъ, что, исполнѣ пробудившись, сбросила бы съ себя диктаторскую власть Бонапарта. Такъ или иначе, но Франція оказалась неспособною перенести абсолютное правительство, и это было такъ явно, такъ очевидно въ 1815 году, что возвратившаяся династія Бурбоновъ, посаженная союзниками снова на французскій престолъ, не могла и думать продолжать абсолютное правленіе Наполеона. Если хартія 1815 года представляла собою значительное отступленіе отъ широкыхъ началъ 1789 года, то тѣмъ не менѣе по сравненію съ конституціею Наполеона, она имѣла на своей сторонѣ громадныя преимущества. Эпоха реставраціи была относительно императорской эпохи временемъ самаго широкаго либерализма. Власть королевская была настолько ограничена, что потомкамъ Лудовика XIV было не по себѣ, они не чувствовали себя свободными, и потому всѣ старанія ихъ направились къ тому, чтобы съузить свободу и расширить монархическую власть. На эту борьбу потрачено было царствованіе Карла X, и очень хорошо извѣстно, кто вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы: деспотизмъ или свобода. Карлъ X не могъ выносить стѣсненій, онъ, несмотря на конституцію, продолжалъ считать себя королемъ божественнаго права и никакъ не могъ понять, какимъ образомъ власть его могла быть ограничена конституціею. Выхода изъ такого понятія, или вѣрнѣе, такого непониманія, очень скоро обнаружилось его стрем-

леніе выйти изъ предѣловъ, назначенныхъ закономъ. Между его правительствомъ и народомъ завязалась борьба. Партія крайне-роялистская, партія контръ-революціи старалась поддерживать Карла X въ его наклонностяхъ къ абсолютной власти и не переставала внушать ему, что онъ не только не долженъ, но что даже не совмѣстно съ его королевскимъ достоинствомъ было бы стѣсняться конституціей, законами, палатой депутатовъ или палатой перовъ. Правительство набросилось на прессу, оно представило проектъ закона о печати, который былъ до-нельзя стѣснителенъ, и представила его палатѣ въ сессію 1827 года. Проектъ этотъ вызвалъ страшное негодованіе, и съ этой минуты борьба становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ожесточенною. Правительство возбудило противъ себя не только республиканскую партію,—объ ней нечего и говорить,—но даже партію умѣренныхъ либераловъ, партію монархистовъ, и одинъ изъ нихъ, пользовавшійся большою извѣстностью, именно Ройе-Колларъ, громко возсталъ противъ этой партіи реакціи, которая должна была бросить монархію въ страшную бездну. «Я не буду спрашивать ее, говорилъ онъ, кто она такая, откуда она взялась и куда стремится, потому что отвѣтъ ея былъ бы ложью. Я буду судить о ней только по ея дѣламъ. Теперь она предлагаетъ уничтоженіе прессы. Въ прошломъ году она выкопала изъ средневѣкового мусора право первородства; а за годъ передъ этимъ—законъ объ оскверненіи храмовъ. Такимъ образомъ въ религія, въ гражданскихъ и политическихъ учрежденіяхъ—она желаетъ поворота назадъ. Какъ бы ее ни называли, контръ-революціею или какъ-нибудь иначе, это все равно, довольно того, что она идетъ назадъ. Посредствомъ фанатизма, привилегій и невѣжества она стремится къ варварству и къ господству неразумныхъ силъ, которыя производятъ варварство. Но предпріятіе это не безъ трудностей. Пока мы не забыли того, что знаемъ, до тѣхъ поръ мы не поддадимся отупѣнію и рабству». Если такъ говорили преданные монархіи люди, то что же должны были думать и говорить другіе, не принадлежавшіе къ монархической партіи. Съ каждымъ днемъ оппозиція противъ правительства усиливалась. Всѣ правительственныя мѣры, какъ восстановленіе цензуры, распущеніе палаты, назначеніе новыхъ перовъ, въ числѣ 76, преданныхъ правительству, все это возбуждало страну еще болѣе противъ министерства Виллея, которое послѣ новыхъ выборовъ должно было уступить мѣсто новому министерству, во главѣ котораго фактически сталъ Мартиньякъ. Министерство Мартиньяка имѣло примирительный характеръ, оно было какъ бы уступкою со стороны Карла X, дальше которой онъ рѣшился не идти, предпочитая въ крайнемъ случаѣ рѣшиться на *coup d'état*. Положеніе Мартиньяка было крайне затруднительно; партія роялистовъ, во главѣ которой стоялъ

самъ король, смотрѣла на него съ недовѣріемъ и видѣла въ немъ постоянно уступку, на которую она вынуждена была силою, и вмѣстѣ съ тѣмъ, для либеральной партіи министерство Мартиньяка не представлялось достаточно либеральнымъ. Стоя между двухъ огней, Мартиньякъ долженъ былъ получить сильный обжогъ, который сдѣлалъ его положеніе невыносимымъ. Карлъ X все болѣе и болѣе раздражался оппозиціею, которую встрѣчалъ одинаково какъ въ палатѣ депутатовъ, такъ и въ палатѣ перовъ, и въ этомъ раздраженіи его еще больше поддерживала придворная партія, возлагавшая на *conseil d'état* самыя пламенныя надежды. Министерство Мартиньяка пало и король съ радостью назначилъ на его мѣсто своего любимца Полиньяка, который долженъ былъ его погубить. Когда выборы въ новую палату не дали правительству покорнаго большинства, тогда въ совѣтѣ короля рѣшено было немедленно распустить несобравшуюся еще палату, измѣнить королевскимъ повелѣніемъ избирательный законъ, уничтожить свободу печати, и потомъ уже созвать новую палату, въ которой большинство было бы обезпечено за правительствомъ. Всѣ эти мѣры, нарушая хартію, и составляли задуманный правительствомъ Карла X *conseil d'état*. Результатъ извѣстенъ—юльская революція, вызванная ордонансами 26-го іюля, снесла реставрацію и отомстила старшей линіи Бурбоновъ вѣчнымъ изгнаніемъ за желаніе подчинить Францію диктаторской власти. Такимъ образомъ во второй разъ въ короткій промежутокъ времени деспотическая власть съ грохотомъ повалилась, какъ только она стала рѣшительно дѣйствовать для подавленія народной свободы. Франція не желала тогда революціи, всѣми способами она предупреждала короля, чтобы онъ отказался отъ нарушенія хартіи, чтобы онъ подчинился ей и не вступалъ на путь беззаконій. Сами республиканцы говорили, что «судьба короля въ его собственныхъ рукахъ, и что если онъ останется вѣрнъ хартіи, то всякое возмущеніе, всякой заговоръ былъ бы безуміемъ»; но вмѣстѣ съ тѣмъ они предупреждали его, что если онъ не уступитъ, если пойдетъ дальше и нарушитъ хартію, то никакія силы не спасутъ его и народъ отомститъ ему съ оружіемъ въ рукахъ. Предсказаніе сбылось во всей точности, какъ бы для того, чтобы еще разъ доказать тѣмъ, которые утверждали, что Франція неспособна къ свободному правленію, что они ошибаются, и что если Франція къ чему нибудь не способна, такъ это къ тому, чтобы примириться и жить съ деспотическою властью. Она готова была жить въ мирѣ съ умѣреннымъ правительствомъ реставраціи, она можетъ быть долго бы довольствовалась данною ей хартіею, наконецъ своею парламентскою борьбою она нѣсколько лѣтъ старалась отвратить послѣднее и рѣшительное столкновеніе, нѣсколько лѣтъ пробовала мирными средствами заставить уважать свою свободу, и только убѣдившись, что ничто не

полагаютъ, что время дѣлаетъ власть еще болѣе самонадѣянною, она употребляетъ послѣднее средство — революцію.

Пойдемъ дальше и взглянемъ, оправдываетъ ли послѣдующая исторія Франціи положеніе, что только сильное личное правленіе способно руководить ея судьбами? Іюльскую монархію встрѣтили громкимъ ликоваіемъ, потому что правительство, благодаря своему революціонному происхожденію, должно было (такъ по крайней мѣрѣ представлялось) никогда не отклоняться отъ даннаго имъ обѣщанія: быть правительствомъ народнымъ, т. е. такимъ, въ которомъ не было бы и тѣни диктаторской власти, съ которымъ личное правленіе не имѣло бы ничего общаго. Ликованіе это продолжалось не долго и новое правительство скоро увидѣло, какія трудности окружаютъ его. Скоро республиканская партія, сильная по таланту и по энергіи, объявила іюльской монархіи непримиримую войну, которую съ другой стороны поддерживала легитимистская партія въ соединеніи съ клерикальною. Для однихъ іюльская монархіа была недостаточна либеральна, для другихъ она казалась какимъ-то воплощеніемъ демагогіи. Несмотря на это противодѣйствіе, которое встрѣтила іюльская монархіа, она бы одолѣла всѣ препятствія, какъ и случилось на самомъ дѣлѣ въ первые годы ея существованія, если бы не отступила отъ своей строго-конституціонной программы и если бы неутомимо продолжала прислушиваться къ общественнымъ требованіямъ. Двѣ причины погубили іюльскую монархію: личное правленіе короля, съ каждымъ днемъ дѣлавшееся болѣе чувствительнымъ, и такая узкая избирательная система, что нація не имѣла возможности законно дѣйствовать на преобразование учреждений и спасти власть отъ ея собственнаго на себя покушенія. Бѣда короля заключалась въ томъ, что вмѣсто того, чтобы держаться въ сторонѣ отъ парламентскихъ и вообще политическихъ свалокъ, постоянно прикрывая себя конституціею, по которой онъ долженъ былъ царствовать, но не управлять, Луи-Филиппъ слишкомъ открыто вмѣшивался въ борьбу, и исходъ ея поэтому неизбѣжно долженъ былъ отозваться на немъ самомъ. Всѣ ошибки, всѣ промахи, всѣ злоупотребленія приписывались ему самому, благодаря его неумѣстному вмѣшательству въ государственное управленіе, вмѣшательству, которое превращало парламентскую форму іюльской монархіи въ систему бѣльшого или меньшаго личнаго правленія. Другая причина паденія іюльской монархіи, причина, проистекавшая изъ того же источника, заключалась въ томъ, что Луи-Филиппъ, имѣя на сторонѣ своей политики большинство въ палатѣ, не хотѣлъ обращать вниманія на то, что большинство это давно уже не отвѣчало настроенію всего народа, и отказывался перемѣнить министерство Гизо, которое вслѣдъ возстановило противъ себя своимъ надменнымъ, доктринер-

скимъ обращеніемъ и своимъ происхожденіемъ къ самымъ вопиющимъ злоупотребленіямъ, какъ подкупъ, продажность и тому подобное. Какимъ же образомъ случилось, что, обладая большинствомъ въ палатѣ, правительству не имѣло его въ дѣлѣй странѣ? Такое ненормальное явленіе объясняется очень просто. Оно можетъ проистекать изъ двухъ причинъ, или когда избирательная система слишкомъ узка, какъ это было именно во времена іюльской монархіи, или, когда существуетъ даже самая широкая избирательная система, какъ всеобщая подача голосовъ, но когда рядомъ съ этимъ существуетъ другая противорѣчащая ей система официальныхъ кандидатуръ, система уродливая и фальшивая, нашедшая себѣ такое широкое примѣненіе во второй имперіи. Какъ узость избирательнаго права, такъ и система официальныхъ кандидатуръ одинаково обманываютъ правительство относительно истинныхъ стремленій и требованій народа. Въ первомъ случаѣ правительство имѣетъ дѣло только съ представителями самаго ничтожнаго богатаго меньшинства, меньшинства всегда всѣмъ довольнаго, потому что ему тепло, хорошо; во второмъ, вмѣсто народныхъ представителей оно имѣетъ предъ собою своихъ же слугъ, своихъ агентовъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ правительство становится на скользкій путь: оно склонно забывать происхожденіе этого большинства въ палатѣ; обманывая себя, оно принимаетъ его постоянное одобреніе за одобреніе дѣйствительныхъ представителей народа, и такимъ образомъ все больше и больше становится глухо къ настоящимъ потребностямъ и стремленіямъ націи. Результатъ подобнаго состава палаты и ея раболѣпнаго или довольнаго большинства бываетъ обыкновенно тотъ, что внѣ палаты, за ея спиной вырастаетъ другая невидимая сила, которая начинаетъ диктовать свои законы, зловѣщій голосъ которой заглушаетъ голосъ палаты, является тайная сила, которая иногда увлекаетъ за собою, помимо его воли, и самое большинство палаты. Такъ, напр., случилось въ настоящее время во Франціи.

Въ 1848 году іюльская монархія горькимъ опытомъ узнала, какъ пагубны бывають результаты узкой избирательной системы. Правительство, сохраняя большинство въ палатѣ, возбудило противъ себя громадное большинство всего народа, на которое къ несчастію оно не обратило достаточно вниманія. Несмотря на недовольство масса населенія не желала революціи и нѣтъ сомнѣнія, что избирательная реформа, сдѣланная во время, вмѣстѣ съ перемѣной кабинета, отвратили бы падевіе правительства Луи-Филиппа. При этомъ нельзя не сдѣлать одного замѣчанія, которое бросается въ глаза, когда читаешь исторію Франціи и ея кровавыхъ переворотовъ, именно то, что французы, которыхъ принято обвинять въ такой легкости, въ любви къ шуму и беспорядкамъ, всегда тщательно избѣгаютъ рѣшитель-

нихъ мѣръ, не желаютъ и не любятъ революціи, и почти наканунѣ того, что она должна вспыхнуть, большинство журналовъ, газетъ, большинство общества всегда рѣшительно высказывается противъ подобаго разрѣшенія вопроса. До послѣдней минуты они сохраняютъ надежду, что правительство одумается, вступитъ на новый путь и широкою реформою замѣнитъ неизбежность революціи. Луи-Филиппъ вѣдетъ того, чтобы понять критическое положеніе страны и выйти изъ него такъ, какъ долженъ былъ выйти строго-конституціонный монархъ, т. е. прежде всего перемѣнить министерство, которое возбуждало такое общее и заслуженное негодованіе, ухватился за него и вслѣдъ перемѣну считалъ для себя за личное оскорбленіе и вмѣстѣ за личное несчастіе, такъ какъ это министерство вполнѣ отвѣчало его личнымъ стремленіямъ и вкусу. Король, увлеченный своею собственною волею, каждый день погружаясь все больше и больше въ систему личнаго правленія, не замѣчалъ того народнаго движенія, которое росло противъ его правительства не по днямъ, а по часамъ, а если и замѣчалъ, то, обманывая себя послушнымъ большинствомъ и забывая, что оно лишено истиннаго значенія, находилъ какое-то «особенное удовольствіе бравировать непопулярность», какъ замѣчаетъ Прево-Парадолъ въ своей интересной и талантливо написанной книгѣ «La France Nouvelle». Эта бравада обошлась ему дорого: за удовольствіе личнаго правленія и за невниманіе къ стремленіямъ и требованіямъ народа онъ лишилъ французскаго престола себя и свой домъ.

Такимъ образомъ окончился третій кризисъ личнаго правленія. Франція подтвердила еще разъ, что она нехочетъ не только деспотической власти, что она не выноситъ не только диктатуры, но что она не хочетъ мириться вообще съ личнымъ правленіемъ, въ какой бы личной формѣ оно ни явилось. Франція не защитила первой имперіи, потому что она стремилась утвердить диктатуру, она не только допустила ея паденіе, но своимъ безучастнымъ отношеніемъ содѣйствовала ему; она низвергла реставрацію, когда потеряла надежду, что реставрація способна сдѣлаться либеральною, и возстала противъ нея, какъ только Карлъ X задумалъ установить деспотическое правленіе; она прогнала наконецъ Орлеановъ, какъ только убѣдилась, что они обманули возложенныя на нихъ надежды, она разрушила тронъ іюльской монархіи за то только, что вмѣсто строгаго парламентаризма, Луи-Филиппъ сталъ прокладывать себѣ путь не къ деспотической абсолютной власти, какъ желали ея Наполеонъ I или Карлъ X, а къ болѣе личной формѣ личнаго правленія. Гдѣ же, спрашивается, возможность утверждать, послѣ этой упорной и безостановочной борьбы со всякимъ проявленіемъ произвола, послѣ того, что Франція сбросила въ пропасть и первую имперію, и реставрацію и

іюльскую монархію за то, что они въ равной степени стремились установить порядокъ, основанный на личной волѣ, — гдѣ кроется возможность утверждать, что Франція не способна въ свободному правленію, что она требуетъ для себя желѣзной руки какого-нибудь владетелина? Не гораздо ли болѣе исторія послѣднихъ восьмидесяти лѣтъ говорить за то, что для Франціи невозможно въ самомъ дѣлѣ одно только, это — личное правленіе. Нужно особенное, кажется, упорство, чтобы не признавать справедливости этого мнѣнія.

Появленіе второй республики не принесло съ собою торжества свободы, появленіе ея не было даже перемиріемъ, борьба продолжалась — вторая республика была только однимъ изъ фазисовъ ея, короткимъ отдыхомъ, за которымъ слѣдовали новыя столкновения, новыя жертвы и новая вражда противъ всякаго произвола. Вторая республика явилась въ несчастную минуту. Сверженіе трехъ порядковъ личнаго правленія должно было естественно утомить націю, она жаждала успокоенія, боялась всякихъ слишкомъ крутыхъ пережитъ, и когда черезъ февральскую революцію, какъ черезъ прорвавшуюся плотину, внезапно всплыли на поверхность новыя вопросы и главнымъ образомъ соціальныя доктрины, общество перепугалось, средній и высшій классы, казалось, поклялись своимъ поведеніемъ задуть тотъ порядокъ, который претендовалъ не только на политическое, но и на соціальное устройство страны. Провинціи, своими выборами въ національное собраніе, оказали плохую услугу молодой республикѣ, противъ которой онѣ были злобно настроены за то только, что республика была провозглашена помимо ихъ согласія, небольшою кучкою людей, безъ ихъ спросу, безъ того, чтобы ихъ депутаты участвовали въ рѣшеніи вопроса: какова должна быть форма правленія. Всѣ подчинились декрету Парижа, но подчинились не съ добрымъ чувствомъ. Вслѣдъ затѣмъ немедленно установленный, или вѣрнѣе, увеличенный на 45% прямой налогъ, возбудилъ сильное неудовольствіе, главнымъ образомъ сельскаго населенія, котораго эта мѣра касалась болѣе чувствительно чѣмъ другихъ, и сдѣлалъ то, что земледѣльческіе классы какъ бы отшатнулись отъ новаго порядка, который и безъ того уже имѣлъ противъ себя и высшее и среднее сословія. Ко всему этому прибавилась дурно выработанная конституція, которая вооружала президента, избираемаго на четыре года и всеобщю подачею голосовъ, слишкомъ крупною властію, чтобы ему не захотѣлось ею злоупотребить. Гарантій противъ подобнаго злоупотребленія не было достаточно. Все это, взятое вмѣстѣ и покрытое раздоромъ нѣсколькихъ партій, не представляло прочныхъ условій для водворенія твердаго порядка, основаннаго на свободѣ. Мы бы зашли слишкомъ далеко, еслибы захотѣли остановиться на причинахъ паденія второй

республики, да и притомъ причины эти были уже изложены на страницахъ нашего журнала ¹⁾.

Когда мѣсто второй республики, исчезнувшей съ такою быстротою, заступила вторая имперія, основанная на началахъ самаго крайняго личнаго правленія, можно было опасаться, что въ этотъ разъ Франція уже не въ состояніи будетъ высвободиться изъ-подъ ферулы деспотической власти. Можно было ожидать, что въ груди французской націи потухнетъ тотъ священный огонь, который воспламенялъ ихъ каждый разъ на новую борьбу. Боязнь эта закралась во многіе и лучшіе умы этого народа, и нѣкоторые изъ нихъ готовы уже были признавать свой приврачный страхъ за печальную дѣйствительность. Недавно еще, всего годъ назадъ, Прево-Парадолъ, этотъ свѣтлый умъ и одинъ изъ даровитѣйшихъ людей богатой талантами фаланги современныхъ писателей, съ глубокою горечью и вмѣстѣ съ необыкновенною теплотою высказывалъ свои опасенія: «изъ монотоннаго зрѣлища всѣхъ этихъ паденій родились въ душѣ, когда-то столь пылкой, нашего народа этотъ смертельный упадокъ духа и эта глубокая усталость, которыя сдѣлались кажется темпераментомъ Франціи. Послѣ столькихъ неудачныхъ попытокъ и послѣ столькихъ разрушенныхъ надеждъ, среди насъ образовалось какое-то настроеніе общественнаго духа, опредѣлить который нельзя лучше, какъ сказавъ, что онъ прямо противоположенъ духу 1789 года. Насколько тогда Франція была склонна къ великодушнымъ иллюзіямъ, настолько же теперь она не довѣряетъ самымъ скромнымъ попыткамъ». Слова эти произносились именно въ ту минуту, когда Франція страхивала съ себя свою усталость, отбрасывала мрачную боязнь и съ новымъ пыломъ порывалась на новую борьбу. Намъ случалось уже въ этомъ обзорѣ говорить о томъ, какъ пробуждалась Франція послѣ забытья, послѣ тяжелаго сна, вызваннаго чрезмѣрною усталостью въ борьбѣ съ предшествующими порядками. Пробужденіе было медленно, возвращеніе къ жизни, полной счастливыхъ порывовъ и вспышекъ, шло тихо, мертвые подымались изъ своихъ гробовъ какъ-то боязливо, точно не смѣя нарушить тишину необозримаго кладбища. Мало-помалу говоръ, движеніе, жизнь пробудившихся превращались въ звучный гулъ, который, распространяясь все дальше и дальше, всюду вызвалъ къ новой жизни, къ новой борьбѣ всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли уже отъ нея отказаться. «Смертельный упадокъ духа и глубокая усталость» точно исчезли и на мѣсто ихъ явились прежнія надежды и прежнія силы. Пробужденіе, движеніе, сказавшеся сначала въ самомъ небольшомъ кружкѣ, съ каждымъ днемъ все быстрѣе шло

¹⁾ См. «Декабрьскій переворотъ.»

дальше, захватывало большую массу людей, пока наконец не охватило даже всѣхъ тѣхъ, которые въ продолженіи столькихъ лѣтъ противодѣйствовали живительной силѣ. Движеніе охватило ихъ противъ собственной воли и тѣ, которые еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ были самыми рѣшительными сторонниками личнаго правленія, теперь, къ ихъ собственному удивленію, увидѣли себя защитниками правленія народомъ посредствомъ народа. Какая-то волшебная сила неумолимо толкала ихъ впередъ по этому направленію. вмѣсто недовѣрія явилась снова вѣра въ свѣтлое будущее, вмѣсто равнодушія всѣ почувствовали ненависть, отвращеніе къ произволу. Если пробужденіе началось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то рѣшительный, главный моментъ его безъ сомнѣнія лежитъ въ послѣднихъ выборахъ, которые съ такою поразительною наглядностью показали, что стремленія Франціи радикально расходятся съ стремленіями правительства, что народъ предъявляетъ свои требованія свободы, требованія уничтоженія личнаго правленія, что онъ никогда не допустить, чтобы произвольная власть обратилась въ наслѣдственный принципъ. Выборы представляютъ собою точку поворота, они служатъ гранью между двумя различными порядками, благодаря имъ давно подготовлявшійся кризисъ личнаго правленія сдѣлался явнымъ, очевиднымъ; послѣ послѣднихъ выборовъ никто уже болѣе не можетъ сомнѣваться, что кризисъ этотъ существуетъ, и что не сегодня такъ завтра мы должны ждать его разрѣшенія. Итакъ, мы присутствуемъ при четвертомъ кризисѣ личнаго правленія, совершающемся въ XIX ст., четыре раза въ теченіи какихъ-нибудь шестидесяти лѣтъ французская нація доказываетъ, что она не выноситъ порядка, основаннаго на личномъ правленіи, и несмотря на это, многіе продолжаютъ повторять, что Франція только и создана, что для личнаго правленія. Не гораздо ли болѣе справедливъ Арманъ Каррель, утверждая, что Франція «лишена достаточно пороковъ, чтобы доставить монархіи долгое существованіе»?

Несомнѣнно, что настоящій кризисъ кончится въ ущербъ личнаго правленія, и теперь уже оно потеряло многіе изъ своихъ атрибутовъ, важно только знать, какъ совершится окончательная его развязка, путемъ ли уступокъ, отреченія самой власти отъ ея прерогативъ или путемъ насилія или революціи? То, что было замѣчено наканунѣ іюльской революціи, то замѣчается и теперь; какъ тогда никто не желалъ революціи, такъ точно не желаютъ ея и теперь, несмотря на сильное возбужденіе, господствующее въ народѣ и обществѣ. Большинство журналовъ, газетъ, за исключеніемъ двухъ - трехъ органовъ, которые не видятъ другого исхода какъ революція, всѣ выражаютъ рѣшительное желаніе, чтобы правительство широко рефор-

мом, всѣми требуемыми уступками, избавило Францію отъ новой революціи. Весь вопросъ заключается въ томъ, сдѣлаетъ-ли понятъ настоящее правительство свою собственную выгоду и въ силу собственной своей инициативы превратится изъ личнаго правленія въ такое конституціонное, гдѣ бы вся власть сосредоточивалась въ рукахъ народныхъ представителей, или захочетъ оно пойти избитою всѣми предшествовавшими правительствами тропкою и затянуть собственными руками узелъ на своей шеѣ. Судя по первымъ шагамъ, по первымъ поступкамъ правительства послѣ того, какъ сдѣлались извѣстны результаты выборовъ, можно было опасаться, что неблагоразуміе возьметъ верхъ надъ благоразуміемъ, и что правительство для ускоренія своей гибели кинется въ реакцію. Опасенія эти возбуждались весьма естественно одною изъ рѣчей Наполеона, въ которой онъ такъ открыто подтверждалъ начала личнаго правленія, затѣмъ его письмами, и между прочимъ письмомъ къ барону Мако, въ которомъ онъ выставлялъ какъ принципъ, что «твердое правительство» не должно уступать натиску общественнаго мнѣнія, наконецъ, нѣкоторыми повишеніями и наградами самыхъ реакціонерныхъ личностей, и затѣмъ тѣми статьями официальныхъ, полуофициальныхъ и, если можно такъ выразиться, особенно интимныхъ газетъ, въ которыхъ между прочимъ высказывались такія мысли: «Самое необходимое въ настоящую минуту — не увеличеніе свободы, а принятіе твердой, ясной и рѣшительной политики.... Нужно наконецъ, чтобы чувствовалась рука императора.... Нужно, чтобы онъ управлялъ больше тѣмъ когда-нибудь, чтобы онъ управлялъ самъ съ твердостью и рѣшительностью». Разумѣется, когда подобныя идеи проповѣдывались тѣми, кто имѣетъ назначеніе служить выраженіемъ императорской мысли, то можно было опасаться, что правительство послѣдуетъ такому неудачному плану и безумною диктатурою попыбуетъ подавить неожиданно вставшее передъ нимъ народное движеніе. Такое поведеніе, какъ бы ни было оно неблагоразумно, нисколько бы не могло собою удивить кого бы то ни было, потому что такое поведеніе общевсѣмъ личнымъ правленіямъ, когда ихъ застигаетъ кризисъ. Самое полное непониманіе ни своихъ, ни народныхъ интересовъ — это самое прочное изъ его свойствъ. Правда, правительству Наполеона поступить такъ, а не иначе, было бы еще болѣе непростительно, чѣмъ всѣмъ его предшественникамъ, во-первыхъ потому, что онъ могъ воспользоваться ихъ опытомъ, а во-вторыхъ еще потому, что собственная его жизнь, его долгая ссылка, изгнаніе, заключеніе въ тюрьмѣ, все расположилось такъ, чтобы сдѣлать его болѣе чувствительнымъ, болѣе чуткимъ къ народному голосу. Поэтому можно было ожидать, что когда движеніе станетъ слишкомъ очевиднымъ, когда опасность

сопротивленія общимъ требованіямъ блеснуть въ его головѣ, когда онъ убѣдится, что съ окончаніемъ выборовъ страна не успокоится, а будетъ еще рѣшительнѣе дѣлать свои заявленія,— что онъ одумается и намѣнитъ предначертанный имъ планъ отпора народнымъ требованіямъ на другой планъ, болѣе практическій, планъ уступокъ, реформъ, ограниченій личнаго правленія. Тѣ, которые ждали подобнаго превращенія, не обманулись. Наполеонъ, пораженный разумѣется картиною, которую представляла ему Франція послѣдними выборами, пораженный тѣмъ, что дѣлалось въ палатѣ, какъ только она собралась, и испуганный тою тайною силою, которая все приводила въ движеніе, во всѣхъ вселяла какой-то духъ либерализма, даже въ тѣхъ, кто нѣсколько мѣсяцевъ назадъ еще отрещивался отъ него руками и ногами, быстро рѣшился отказаться отъ программы, которую онъ только-что передъ тѣмъ выставлялъ съ такою самоувѣренностью, сдать ся силѣ общественнаго мнѣнія и пойти на уступки, которыми онъ, безъ сомнѣнія, полагаетъ надолго зажать уста свободы.

Странную въ самомъ дѣлѣ картину представляла и представляетъ Франція. Послѣ майскихъ и іюньскихъ выборовъ, послѣ вспышекъ и шумныхъ сборищъ наступило время, когда оппозиція должна была сосчитать свои силы въ палатѣ. На ея долю не приходилось и третьей части депутатовъ; громадное большинство, при помощи административныхъ маневровъ, по прежнему принадлежало правительству; казалось бы, оно должно было торжествовать, должно было громко ликовать свою побѣду, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно чувствовало себя не по себѣ, оно было въ смущеніи отъ этой побѣды, которая такъ сильно походила на поражение. Гдѣ же причина этого явленія, гдѣ причина смущенія и недовольства правительства? Въ томъ тайномъ голосѣ, который говорилъ ему: это не побѣда, а поражение, новая оппозиція не похожа на старую; новое большинство, составленное по большей части изъ тѣхъ же лицъ, все-таки не то больше, какимъ оно было нѣсколько мѣсяцевъ назадъ; новая сила управляетъ теперь людьми, новый духъ поселился въ палату и увлекаетъ ее противъ личнаго правленія. Эта новая сила, новый духъ сказывались въ томъ общемъ одушевленіи, съ которымъ страна стала требовать реформъ, въ томъ крикѣ, который разнесся по всей странѣ: долой личное правленіе! Слова эти означали не что иное какъ то, что Франція желала, чтобы законодательный корпусъ получилъ дѣйствительную власть, силу для управленія странюю, чтобы, однимъ словомъ, были уничтожены послѣдніе слѣды произвола и чтобы на мѣсто его поставлена была свобода, а потому неизбежно и право. Первое, что сталъ требовать общественный голосъ, это—чтобы какъ можно скорѣе былъ созванъ законодательный корпусъ; и въ этомъ вопросѣ, хотя можетъ быть и противъ

воли, правительство уступило. Законодательный корпус былъ собранъ, такъ по крайней мѣрѣ говорило правительство устами Руэра, исключительно для повѣрки выборовъ въ экстренную сессию, и что только въ обыкновенную сессию, которая должна была быть нѣсколько мѣсяцевъ спустя, правительство внесетъ въ палату тѣ проекты законовъ, которые отвѣчали бы стремленіямъ націи. Но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ всѣмъ сдѣлалось совершенно ясно, что законодательный корпусъ не станетъ дожидаться обыкновенной сессіи, чтобы высказать то, что у всѣхъ давно было на языкѣ. Тайная волшебная сила слышимъ опутала его, чтобы онъ могъ не поднять вопроса, возбуждавшаго всю Францію, вопроса о реформѣ. Если бы вопросъ этотъ на первыхъ же порахъ былъ поднятъ крайнею оппозиціею, то въ этомъ не было бы ничего удивительнаго, всѣмъ было бы понятно стремленіе ея поскорѣй сразиться, поскорѣй поставить правительство въ затруднительное положеніе. Но оппозиція молчала, или если не молчала, то ограничилась нѣсколькими горячими нападеніями на избирательную систему оффиціальныхъ кандидатуръ, главнаго же вопроса, который былъ у всѣхъ на умѣ, она не поднимала. Она находилась въ выжидательномъ положеніи, ей точно хотѣлось посмотрѣть, какъ поведетъ себя большинство. Большинство это въ новой палатѣ явилось уже не тою сплошною массою, которая въ старой палатѣ подавляла всякій живой вопросъ; оно разбилось теперь на группы, изъ которыхъ самую сильную, самую многочисленную сдѣлалась такъ-называемая средняя партія, лѣвый центръ, на который выпала инициатива движенія. Прежняя правая сторона обѣднѣла и потеряла всякое значеніе. Франція съ какимъ-то лихорадочнымъ жаромъ слѣдила за открывшимся законодательнымъ корпусомъ, всѣ точно на что-то надѣялись, всѣ ожидали окончанія повѣрки выборовъ, повѣрки, которая открыла массу злоупотребленій, вполнѣ увѣренныя, что послѣ того, что палата будетъ составлена, на правительство посыплется цѣлая бездна самыхъ разнообразныхъ запросовъ. Но повѣрка была еще далека до окончанія, когда средняя партія зашевелилась, точно толкаемая какою-то невидимою силою. Эта инициатива настоящей средней партіи, стараго большинства, показываетъ, какъ глубоко проникло движеніе, какое большое разстояніе уже пройдено имъ. Давно ли эти самые люди съ неистовствомъ шумѣли, когда какой-нибудь депутатъ оппозиціи упоминалъ о необходимости расширить свободу, рѣшиться на ту или другую реформу. А теперь... эти самые люди начинаютъ первые толковать о необходимости коренныхъ измѣненій, о необходимости замѣны лучшаго правленія парламентскимъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Правительство имѣло всѣ основанія не вѣрять своимъ глазамъ, а между тѣмъ все это была горькая дѣйствительность. На частномъ

собраніи средней партіи рѣшено было сдѣлать правительству интерпелляцію, въ которой выражалась бы необходимость болѣе или менѣе широкой реформы; сначала это заявленіе средней партіи было робко, боязливо, оно состояло изъ какихъ-то общихъ выраженій, видно было, что сами составители не знали какъ далеко они могутъ идти, не смѣли перешагнуть извѣстной границы; но когда инициаторы этого заявленія увидѣли, что къ нему присоединяются мало-по-малу всѣ депутаты большинства, даже изъ лагеря реакціонеровъ, тогда, чтобы заявленіе не потеряло всякаго значенія, они усилили его выраженія, дали ему опредѣленный смыслъ, и наконецъ, дошли до геркулесовыхъ столбовъ дерзости, вписавъ въ свою программу ужасныя два слова: отвѣтственность министровъ. вмѣсто того, чтобы подобная программа оттолкнула отъ себя большую часть депутатовъ, избранныхъ благодаря существованію официальныхъ кандидатуръ, заявленіе это къ всеобщему удивленію стало покрываться такими именами правительственныхъ кандидатовъ, какъ барона Мако, прославившагося реакціоннымъ письмомъ къ нему императора, герцога Муши, родственника Наполеона, и т. д., и т. д. Очевидно, нечистая сила водила ихъ руками, когда они подписывали это убійственное для правительства заявленіе или программу. Движеніе это угрожало не только распространиться еще дальше, но сдѣлаться еще болѣе рѣзкимъ и поставить правительство въ самое невыносимое положеніе. Шутить съ этимъ заявленіемъ средней партіи было неудобно, потому что всѣ отлично сознавали, какая тайная сила стоитъ позади его, какой духъ направляетъ это движеніе, и что не обратитъ на него вниманія значило, можетъ быть, перенести эту программу изъ законодательнаго корпуса на улицу и вмѣсто борьбы въ палатѣ завязать борьбу на улицѣ. Правительству ничего болѣе не оставалось, какъ повести контръ-минуту, пойти на встрѣчу этого заявленія, и вмѣсто того чтобы откладывать свои проекты законовъ, которые «способны осуществить желанія страны», поднести ихъ палатѣ, или вѣрнѣе, цѣлой странѣ не медля ни одной минуты. На эту-то мѣру правительство и рѣшилось въ виду всеобщаго движенія и заявленія средней партіи, собраншей 116 подписей изъ стараго большинства, и 12-го іюля, государственный министръ Руэръ пропѣлъ передъ палатой свою лебединую пѣсню, прочитавъ знаменитое посланіе 12-го іюля, составляющее эпоху въ исторіи второй имперіи.

Несмотря на то, что правительство объявило, что оно представитъ на обсужденіе законодательнаго корпуса и сенататъ «рѣшенія и проекты», которые ему кажутся болѣе всего соответствующими для осуществленія желаній націи, только при открытіи обыкновенной сессіи, говорилось въ этомъ посланіи, но такъ какъ «законодательный корпусъ выражаетъ желаніе немедленно знать, какія реформы приняты правитель-

ствомъ», то Наполеонъ и спѣшить прибавить: «я считаю полезнымъ предупредить ваши стремленія». На самыхъ первыхъ словахъ посланія можно уже замѣтить, что въ теченіи двухъ недѣль, которыя прошли отъ 28-го іюня, дня открытія новаго законодательнаго корпуса, до 12-го іюля, дня прочтенія императорскаго посланія, въ образѣ мыслей, въ настроеніи и намѣреніяхъ правительства произошла радикальная перемена. 28-го іюня, когда тайный голосъ, говорившій о пораженіи правительства на выборахъ, не сказался еще въ палатѣ, когда правительство могло еще питать надежду, что раболѣпное до сихъ поръ большинство останется ему вѣрно, не покинетъ его въ трудную минуту, оно говорило только о «рѣшеніяхъ и проектахъ», боясь произнести то слово, которое произносилось въ странѣ: реформа. Теперь же, когда (можетъ быть къ счастью правительства, потому что оно побудило его къ уступкамъ) старое большинство выказало до извѣстной степени духъ независимости, правительство замѣняетъ очень общія выраженія «проекты и рѣшенія» словомъ «реформы». «Мое твердое намѣреніе, законодательный корпусъ долженъ быть твердо увѣренъ въ томъ, разширить его права, совмѣстно съ существенными основаніями конституціи, и я представляю ему черезъ это посланіе рѣшенія, принятая мною». Перечисливъ, затѣмъ, всѣ уступки, реформы, на которыя рѣшилось правительство, Наполеонъ спѣшить напомнить о томъ, что сдѣлано уже имъ для возвращенія свободы странѣ, говоря: «я показалъ уже много разъ, что я расположенъ, въ виду общей пользы, отказаться отъ нѣкоторыхъ моихъ прерогативъ. Измѣненія, которыя я рѣшился предложить, составляютъ естественное развитіе тѣхъ, которыя послѣдовательно были сдѣланы въ учрежденіяхъ имперіи». Не успѣло еще это посланіе быть разосланнымъ по всѣмъ угламъ Франціи, не успѣла палата придти отъ него въ себя и рѣшить, радоваться ей или вѣтъ, что выразилось въ довольно сухомъ пріемѣ, который получило посланіе, какъ на другой день рано утромъ въ официальной газетѣ имперіи появились два декрета, вызвавшіе всеобщее негодованіе и немедленно ослабившіе то болѣе или менѣе выгодное для правительства впечатлѣніе, произведенное посланіемъ. Одинъ изъ этихъ декретовъ гласилъ объ отсрочкѣ засѣданій палаты на неопредѣленное время, другой объявлялъ о созваніи сената, который долженъ былъ заняться обсужденіемъ реформъ, объявленныхъ правительствомъ. Отсрочка засѣданій законодательнаго корпуса въ ту самую минуту, когда дѣло шло именно о томъ, чтобы разширить какъ можно болѣе его участіе въ управленіи страню, было актомъ крайне не-политическимъ, непослѣдовательнымъ, противорѣчающимъ самому духу посланія. Актъ этотъ долженъ былъ вызвать крайнее раздраженіе въ самой палатѣ, и раздраженіе это сказалося въ энергическихъ словахъ, произнесенныхъ при чтеніи этого де-

крета Жюлемъ Фавромъ, т. е. однимъ изъ умѣренныхъ новой оппозиціи: «Я всхожу на трибуну, сказалъ онъ, чтобы протестовать противъ акта, который служитъ самымъ рѣшительнымъ противорѣчіемъ посланія, которое мы слушали вчера. Актъ этотъ не только неприличенъ, онъ составляетъ покушеніе на достоинство палаты, и показываетъ глубокое безсиліе личной власти». Слова эти, нѣсколько разъ перерываемыя со стороны президента призывомъ къ порядку, съ достаточною силою выразили собою общественное мнѣніе. Произнося, что «личная власть осуждена», что, по его убѣжденію, она «не перенесетъ настоящаго испытанія», Жюль Фавръ былъ только отголоскомъ того, что говорилось вездѣ на улицѣ. Актъ объ отсрочкѣ засѣданій законодательнаго корпуса засталъ всѣ партіи въ распλοхъ. Лѣвый центръ, средняя партія, долго не могла рѣшиться, считать ли ей себя удовлетворенною посланіемъ или нѣтъ, взять назадъ свое заявленіе или, несмотря на посланіе, поддерживать его. Что правительство дало ей удовлетвореніе, въ этомъ не могло быть сомнѣнія; но настолько ли оно полно, какъ того желала она, это оставалось для нея нерѣшеннымъ, потому что самое посланіе императора было темно и оставляло широкое поле для догадокъ и предположеній. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, средняя партія рѣшила взять назадъ свое заявленіе, и тѣмъ какъ бы прекратить свою оппозицію правительству.

Въ меньшемъ затрудненіи находилась и крайняя лѣвая сторона, она одинаково не могла рѣшить, что ей дѣлать. Она чувствовала очень хорошо, что разойтись просто, не сказавши своего слова о совершающихся событіяхъ, было неудобно, потому что общественное мнѣніе, дѣлая Франція дожидалась мнѣнія оппозиціи, чтобы окончательно произнести свой судъ о посланіи 12-го іюля. Депутаты лѣвой стороны собрались вмѣстѣ, чтобы обсудить свой планъ дѣйствій, обнародовать свою программу, но къ несчастью, при составленіи ея неизбежно должна была сказаться разношерстность оппозиціи, крайнее разногласіе въ мнѣніяхъ между такими депутатами, какъ Тьеръ, Жюль Фавръ, Жюль Симонъ и такими, какъ Гамбетта, Распайль и Бансель. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ совѣщаній, оппозиція разошлась, ничего не порѣшивъ и не выпустивъ въ этотъ важный моментъ своей опредѣленной программы, заявленія своихъ требованій. Но если лѣвая сторона не могла придти къ общему соглашенію относительно единаго заявленія, за то во всѣхъ газетахъ посыпались письма депутатовъ къ своимъ избирателямъ, въ которыхъ они съ энергіею протестовали противъ распушенія палаты.

Едва ли не самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ протестовъ былъ протестъ Гамбетты, въ которомъ онъ ясно ставилъ вопросъ о томъ, что можетъ въ настоящую минуту удовлетворить Францію. Онъ ра-

зумно утверждалъ, что лѣвая сторона должна опредѣлиться яснѣе, что она должна распасться на двѣ категоріи, изъ которыхъ подъ одну подошли бы всѣ тѣ, которые вмѣстѣ съ Тьеромъ требуютъ только «необходимыхъ вольностей» и преслѣдуютъ одну цѣль: «возстановленіе чистаго парламентаризма»; и другую категорію, въ которую вошли бы всѣ тѣ, которые не хотятъ довольствоваться отвѣтственностью министерства, но которые требуютъ прямой, непосредственной отвѣтственности всякаго, который состоитъ въ должности, и главнымъ образомъ серьезной, легко приводимой въ исполненіе отвѣтственности главы исполнительной власти, чтобы всегда была наготовѣ возможность быстро и дѣйствительнаго подавленія его, если бы ему вдумалось нарушить право народа или измѣнить самымъ высшимъ интересамъ націи. Однимъ словомъ, для этой категоріи онъ указываетъ одну цѣль, къ которой она непреклонно должна стремиться, это—утвержденіе въ странѣ истинно демократическихъ учреждений, которыя обезпечили бы девизъ 89 года, «свободу, равенство и братство».

Само правительство, рѣшившись на закрытіе экстренной сессіи прежде чѣмъ даже окончилась повѣрка выборовъ, и испугавшись замѣненія 116-ти или, вѣрнѣе, заявленія цѣлой странцы, отголосокъ которой выразился въ программѣ средней партіи, находилось теперь въ затруднительномъ положеніи. Сенатъ былъ созданъ на 2-ое августа, т. е. оставалось еще почти три недѣли до его собранія, всѣ министры подали въ отставку, которая была принята, такъ что государственная машина была приостановлена въ своемъ ходѣ. Нѣсколько дней прошло прежде, чѣмъ составилось новое министерство, министерство безцвѣтное какое только могло быть. Никогда въ самомъ дѣлѣ правительство еще не было такъ мало послѣдовательно, какъ въ тотъ кризисъ, который совершается на нашихъ глазахъ. Съ самаго начала оно твердо и съ увѣренностью объявляетъ, что не хочетъ дѣлать никакихъ уступокъ, что не станетъ расширять существующую свободу подъ угрозой давленія, и не проходитъ нѣсколькихъ дней, какъ тайная сила принуждаетъ его дать самому себѣ рѣшительное опроверженіе, и оно спѣшитъ нести въ законодательный корпусъ программу своихъ реформъ, изъ опасенія, чтобы у него не потребовали, не вынудили больше. Затѣмъ, рѣшившись созвать законодательный корпусъ, оно вдругъ, очертя голову, отсрочиваетъ его засѣданія, боясь слишкомъ бурныхъ обсужденій, и тѣмъ самымъ ослабляетъ впечатлѣніе посланія 12-го іюля и навлекаетъ на себя самыя горькія нареканія. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать законодательный корпусъ участникомъ въ частныхъ реформахъ и тѣмъ дать удовлетвореніе и вмѣстѣ успокоеніе странѣ, оно переноситъ обсужденіе въ сенатъ, состоящій изъ людей, назначенныхъ туда волею императора и потому самому не пользую-

щихся никакимъ довѣріемъ страны. Оно не допускаетъ законодательный корпусъ (съ этою дѣлію оно отсрочиваетъ его засѣданія) обсуждать конституцію, до которой никто не смѣлъ прикасаться, и какого же результата достигаетъ оно? Одного только: конституція дѣлается предметомъ самыхъ ожесточенныхъ споровъ, ярыхъ нападокъ въ прессѣ; всѣ газеты, и въ этомъ официальные трудно отличить отъ неофициальныхъ, непрерывно другъ передъ другомъ стараются разрывать ее на части... и правительство безсильно, потому что ему нужно было бы бороться съ такою силою, которую оно не видитъ и которая увлекаетъ его само въ общую свалку. Этого мало. Оно принимаетъ отставку всѣхъ министровъ, и этимъ какъ бы прямо указываетъ, что старые мѣха не годятся для новаго вина, и что же оно дѣлаетъ? Уступая требованію страны, заявленію средней партіи, оно рѣшается заннуться объ отвѣтственности министровъ, слѣдовательно о кабинетѣ, и потому самое естественное было бы взять всѣхъ министровъ изъ среды той средней партіи, программу которой оно какъ бы усновило. Нѣтъ, правительство боится пойти прямою дорогою, оно колеблется, останавливается, ему хочется сдѣлать два шага впередъ, оно пугается, и торопится отступить шагъ назадъ, и тѣмъ только компрометируетъ даже тотъ шагъ, который все-таки уже сдѣланъ. Въмѣсто того, чтобы взять новыхъ министровъ изъ законодательнаго корпуса, правительство беретъ оттуда трехъ или четырехъ самыхъ незначительныхъ депутатовъ, а остальные портфели раздаетъ старымъ министрамъ, которые далеко не пользовались популярностью. Оно приноситъ въ жертву Руэра, противъ котораго особенно сильно возбуждено общественное мнѣніе, такъ какъ на него привыкли смотрѣть, и весьма справедливо, какъ на самый прочный оплотъ личной власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ министерство внутреннихъ дѣлъ Форкаду, этой правой рукѣ Руэра. Ко всему этому, вмѣсто того, чтобы совершенно отдалить послѣдняго отъ дѣлъ, оно назначаетъ его президентомъ сената, въ которомъ должны обсуживаться реформы, которыхъ Руэръ былъ всегда открытымъ врагомъ. Однимъ словомъ, самая крайняя непослѣдовательность и безтактность — вотъ что особенно отличаетъ правительство Наполеона III въ настоящую минуту; впрочемъ французы не должны жадоваться на такое поведеніе правительства, такъ какъ имъ еще больше компрометируется личное правленіе.

Итакъ, самому безцвѣтному министерству поручено вводить новыя реформы и защищать и отстаивать ихъ передъ странюю. Посмотримъ же теперь, какія это реформы и насколько подвигается ими впередъ дѣло свободнаго правленія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что объявленные въ посланіи 12-го іюля реформы, составляютъ дѣйствительный прогрессъ и значительное улуч-

женіе въ учрежденіяхъ имперіи, несмотря на тотъ нерѣшительный характеръ, которымъ они запечатлѣны. Эта нерѣшительность отличала всегда всѣ реформы, выходившія изъ такъ-называемой свободной инициативы императора, хотя свободы въ ней именно меньше всего. Тотъ же характеръ лежитъ на реформѣ 24-го ноября 1860 года, одинаково какъ и на реформѣ 19-го января 1867 года, которою была предоставлена значительная свобода прессы и расширено право собранія, и тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ боязливый характеръ, и та и другая послужили какъ нельзя болѣе дѣлу разрушенія личнаго правленія. Реформы 12-го іюля представляютъ собою еще болѣе значительный шагъ на пути поворота къ истинному народному представительству, изъ чего впрочемъ вовсе не слѣдуетъ дѣлать заключеніе, что они удовлетворяютъ возбужденное общество, которое гораздо болѣе раздражено тѣмъ, что есть въ уступкахъ, сдѣланныхъ (правительствомъ, мелкаго, трусливаго, что открываетъ въ нихъ какую-то заднюю мысль, чѣмъ удовлетворено тѣмъ, что представляется истиннымъ улучшеніемъ. Прислушиваясь къ голосу Франціи, можно съ увѣренностью сказать, что этими реформами, которыя могли бы удовлетворить общественное мнѣніе еще годъ назадъ, правительство не достигнетъ того результата, на который оно надѣется, т. е. не обезоружитъ партій и не заставитъ ихъ помириться съ собою. Толчокъ, данный выборами, былъ слишкомъ силенъ, и общественное мнѣніе, общественныя требованія ушли гораздо дальше тѣхъ реформъ, на которыя правительство вынуждено было согласиться, чтобы не довести возбужденіе до того пункта, когда никакія уступки болѣе не спасаютъ правительство.

Реформы, объявленныя въ посланіи 12-го іюля, несравненно нагляднѣе представляются въ проектѣ сенатскаго постановленія, который былъ прочитанъ въ первомъ засѣданіи сената, собравшагося 2-го августа. Многое, что было глухо въ посланіи, опредѣлялось въ проектѣ, многое, наконецъ, на что посланіе даже не указывало, нашло себѣ мѣсто въ проектѣ, представленномъ на обсужденіе сената. Эта большая опредѣленность съ одной стороны и важныя прибавочныя статьи, о которыхъ не упоминалось въ посланіи, показываютъ, что правительство не остается глухо къ высказываемымъ требованіямъ, и что съ каждымъ днемъ оно болѣе убѣждается въ силѣ существующаго движенія. Едва ли не самая важная часть реформъ 12-го іюля заключается въ двухъ первыхъ параграфахъ проекта сенатскаго постановленія, въ которыхъ мы читаемъ: императоръ и законодательный корпусъ имѣютъ инициативу закона, и затѣмъ другія два слова: министры ответственны. Какъ дополненіе къ этому, слѣдуетъ параграфъ, который говоритъ, что министры могутъ быть членами сената и законодательнаго корпуса. Въ этихъ трехъ пунктахъ заключается вся сущность

настоящей реформы, такъ какъ всѣ послѣдующіе являются болѣе или менѣе неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. О другихъ уступкахъ, о другихъ параграфахъ общество почти и не думаетъ, до такой степени казались они неизбѣжными. Объяви правительство годъ тому назадъ, что законодательному корпусу предоставляется самому утверждение своего устава, избраніе своего президента и вице-президентовъ; объяви оно годъ назадъ, что каждый сенаторъ или депутатъ имѣетъ право безпрепятственно дѣлать запросъ правительству по всѣмъ дѣламъ; объяви оно тогда, что бюджетъ вотируется по отдѣльнымъ статьямъ и параграфамъ, что засѣданія сената дѣлаются публичны,—все это было бы предметомъ страшнаго шума, выгоднаго для правительства, всѣ бы закричали о либерализмѣ императора, на все это смотрѣли бы какъ на самыя важныя мѣры, обеспечивающія свободу страны, а теперь все это встрѣчается холоднымъ молчаніемъ, дѣлаются упреки, что все это является слишкомъ поздно, и правительство слышитъ выраженія благодарности только отъ самыхъ официальныхъ органовъ, да и то не отъ всѣхъ. Инициатива законовъ и отвѣтственность министерства—вотъ единственное, что возбуждаетъ еще толки, да и толки эти по большей части невыгодны для правительства. Всѣ почти обвиняютъ его въ одномъ, что оно не рѣшилось на отвѣтственность министровъ прямо, открыто, а пропустило эту реформу точно черезъ заднее крыльцо, черезъ скважину, сказавъ: министры отвѣтственны и депутаты могутъ быть министрами, но къ чему, всѣ спрашиваютъ и всѣ упрекаютъ правительство, стоитъ тутъ другая фраза: министры зависятъ только отъ императора. Очевидно, что правительство колебалось, не знало на что ему рѣшиться и вмѣсто того, чтобы прямо ввести или также прямо отбросить основной принципъ парламентскаго правленія—отвѣтственность министровъ, оно не посмѣло рѣшиться ни на тотъ, ни на другой шагъ, избравъ что-то среднее, что неизбѣжно ведетъ къ настоящей и полной отвѣтственности министерства и лишаетъ только правительство чести этой реформы. Такое поведение правительства еще болѣе придаетъ реформѣ какой-то вынужденный, насильственный характеръ. Если правительство могло ожидать, глядя на необыкновенное возбужденіе умовъ, что данныя имъ реформы не возбудятъ ни восторга, ни энтузіазма въ народѣ, то оно могло по крайней мѣрѣ надѣяться, что въ сенатѣ этотъ проектъ расширенія правъ, приближеніе къ парламентарной системѣ, получить полное одобреніе. Велико должно было быть его удивленіе, когда и тутъ реформы встрѣчены были съ какимъ-то недоумѣніемъ: одни находили, что уступается слишкомъ много, другіе, что слишкомъ мало, и на несчастный проектъ сенатскаго постановленія посыпались поправки, одни консервативнаго, другія либеральнаго свойства, изъ которыхъ безъ

сомнѣнія бѣлая часть будетъ отброшена. Партія «молодыхъ» въ сенатѣ, состоящая можетъ быть изъ трехъ - четырехъ человѣкъ, требовала, чтобы отвѣтственность министровъ была поставлена безъ всякихъ ограниченій; чтобы въ этомъ параграфѣ не было противорѣчія между отвѣтственностью передъ палатою и зависимостью отъ императора; чтобы министры, наконецъ, могли быть прямо обвиняемы законодательнымъ корпусомъ, а не сенатомъ, какъ говорится въ проектѣ сенатскаго постановленія. Безъ сомнѣнія, несмотря на императорскую идею удерживать министровъ въ своей зависимости, дѣлая ихъ все-таки отвѣтственными передъ палатою, дѣло придетъ къ тому же, что существуетъ и во всѣхъ остальныхъ парламентскихъ правленіяхъ, т. е. что за императоромъ останется одно только право, очень эфемерное, назначать новымъ министромъ депутата, пользующагося въ палатѣ преобладающимъ вліяніемъ. Большею частью въ парламентскомъ правленіи зависимость министерства отъ палаты, отъ большинства, не формулирована въ законѣ. Она вытекаетъ просто изъ нравственной необходимости, изъ того неловкаго положенія, въ которомъ очутилось бы министерство, если бы оно имѣло противъ себя враждебное большинство; наконецъ, большинство имѣетъ возможность прибѣгать къ тому, что называется на парламентскомъ языкѣ *vote de manque de confiance*, послѣ котораго министерство должно подавать въ отставку; самому правительству было бы нестерпимо держаться министерства, которому враждебно большинство, потому что оппозиція противъ него превратилась бы въ систематическую, и палата отказывала бы тогда во всѣхъ правительственныхъ представленіяхъ, и въ концѣ концовъ зависимость утвержденія бюджета отъ палаты ставитъ правительство въ прямую отъ нея зависимость. Но несмотря на то, когда страна выходитъ изъ личнаго правленія, осторожность и предусмотрительность требуютъ того, чтобы въ законѣ не было оставлено мѣста для недоразумѣній и столкновеній между исполнительною властью и законодательнымъ корпусомъ. Помимо этого требованія, чтобъ въ сенатскомъ постановленіи было уничтожено противорѣчіе между зависимостью отъ императора и отвѣтственностью министерства передъ палатою, партія прогрессивныхъ сенаторовъ дѣлала еще нѣкоторыя другія требованія, изъ которыхъ одно имѣло бы, если бы было принято, значительную важность: это — составленіе сената изъ двухъ элементовъ, изъ двухъ разрядовъ лицъ, изъ сенаторовъ по назначенію и сенаторовъ по выбору. Одна половина по прежнему бы назначалась главою исполнительной власти, другая избиралась бы генеральными совѣтами провинцій. Эти въ высшей степени либеральныя требованія одной части сенаторовъ указываютъ также, какъ глубоко измѣнился общій духъ. Кто могъ бы думать годъ назадъ, что всѣ упомянутыя реформы, явля-

ясь на обсужденіе сената, покажутся недостаточными для людей, назначаемых волею императора. Но что представляется самымъ грустнымъ для имперіи и самымъ утѣшительнымъ для многочисленной арміи ея враговъ—это то обстоятельство, что, вообще говоря, проектъ вводимыхъ реформъ встрѣчаетъ себѣ вездѣ какое-то скептическое отношеніе, не исключая и самого сената. Тѣ, которые работаютъ надъ проектомъ, какъ бы сознають, что они строятъ домъ не изъ прочнаго матеріала, и что онъ будетъ снесенъ при первомъ приливѣ общественной свободы.

Нѣтъ вѣры въ обществѣ въ честныя намѣренія правительства: за всѣми либеральными реформами, за всѣми свободными началами стоитъ, какъ грозная тѣнь, преступленіе 2-го декабря; за фигурой Наполеона, ищущаго себѣ спасенія въ свободѣ, виднѣется точно другая фигура, которая искала себѣ опоры и силы въ народной крови и въ дикихъ преслѣдованіяхъ этой самой свободы. Къ настоящему относятся съ недоувѣріемъ, потому что всѣмъ слишкомъ памятно еще прошедшее, которое парализуетъ будущее. Народъ мститъ недоувѣріемъ къ искренности либеральныхъ стремленій того порядка, въ основѣ котораго лежалъ деспотизмъ. Положеніе правительства тѣмъ тяжеле, что настоящимъ своимъ поведеніемъ оно не удовлетворяетъ никого; не удовлетворяетъ даже тѣхъ немногихъ друзей, которыхъ оно сохраняло до послѣдняго времени. Если нѣкоторые сенаторы высказываютъ прямо, что они недовольны проектомъ реформъ, не видя въ нихъ достаточно прочныхъ гарантій для широкой свободы и находя, что реформы явились слишкомъ поздно, что правительство опоздало, и что въ концѣ концовъ онѣ должны будутъ потерпѣть фіаско, то каково же слушать правительству, когда въ эти тяжелыя для него минуты, такой оффиціальныи органъ какъ «Рауз», который всегда пѣлъ торжество и славу Наполеона, вдругъ обращается къ нему съ рѣчью, служащею отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ, которые утверждаютъ, что реформы 12-го іюля доказываютъ только силу правительства, его побѣду, а не поражение. «Если посланіе 12-го іюля, восклицаетъ «Рауз», побѣда, что же тогда называется пораженіемъ, что называется бѣдствіемъ? Императоръ, въ такомъ случаѣ, и послѣ своихъ побѣдъ 19-го января и 12-го іюля, можетъ сказать какъ Пирръ: «еще двѣ такія побѣды, и я погибъ!» 19-го января было Мексикой во внутренней политикѣ, дай Богъ, чтобы посланіе 12-го іюля не было ни Лейпцигомъ, ни Ватерлоо». «Рауз», безъ сомнѣнія, не ошибается. Посланіе 12-го іюля составляетъ поражение и бѣдствіе для личнаго правленія, но Ватерлоо наступитъ для него только въ такомъ случаѣ, если бы Наполеонъ захотѣлъ дать грубою силою отпоръ народнымъ стремленіямъ, если бы на новыя требованія свободы онъ не отвѣчалъ болѣе новыми уступками. Порядку,

основанному на личной власти, нѣтъ другого исхода во Франціи: или онъ долженъ погибнуть насильственною смертію, какъ погибло правленіе Наполеона I, Карла X и Луи-Филиппа, или онъ самъ долженъ обречь себя на добровольную смерть и убить себя собственными реформами, введеніемъ самыхъ широкихъ свободныхъ учрежденій. Последний выходъ личнаго правленія безъ сомнѣнія болѣе выгоденъ для страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несравненно труднѣе для правительства. Споспособенъ ли будетъ на него человекъ, рѣшившійся на государственнѣйшій переворотъ 2-го декабря — мы не станемъ заранѣе предсказывать, тѣмъ болѣе, что намъ не долго придется ожидать рѣшенія этого вопроса. Еще нѣсколько дней, нѣсколько недѣль, и проектъ этихъ реформъ превратится въ дѣйствительность, въ законъ, и тогда только, когда соберется законодательный корпусъ, можно будетъ сказать, какая судьба ожидаетъ всѣ новыя реформы, удовлетворится ими на время страна или она будетъ требовать отъ правительства все новыхъ уступокъ до тѣхъ поръ, пока ему наконецъ нечего будетъ больше уступать. Близкое будущее покажетъ намъ, чѣмъ окончится этотъ новый кризисъ личнаго правленія во Франціи; уступить ли правительство этому разумному натиску народной силы, народной страсти къ свободѣ, или оно захочетъ противостоять ему и со страшнымъ потрясеніемъ цѣлой страны скатится въ ту пропасть, гдѣ лежатъ уже другъ за другъ, обломки, развалины личныхъ порядковъ Наполеона I, Карла X и Луи-Филиппа. Такъ или иначе окончится настоящій кризисъ, такъ или иначе окончить свое существованіе вторая имперія, мирное ли, революціонное ли разрушеніе ея подтверждаетъ еще разъ, что Франція не создана для личнаго правленія, что она не выноситъ укрѣпленія произвола, и что слѣпы тѣ, которые утверждаютъ, что такимъ цивилизованнымъ народомъ какъ французы можетъ управлять только желѣзная рука.

ПОЛОЖЕНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

съ 12-го іюня.

Наконецъ, послѣ долгаго откладыванія и колебаній, по министерству народнаго просвѣщенія сдѣланъ, повидимому, рѣшительный шагъ въ дѣлѣ элементарнаго народнаго образованія. Мы говоримъ о высочайше утвержденныхъ мѣрнѣяхъ государственнаго совѣта «о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ развитію начальнаго народнаго образованія» и «объ устройствѣ училищной части въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ» отъ 12-го іюня сего года, состоявшихся вслѣдствіе представленія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Упомянувъ сейчасъ о медленности и колебаніяхъ, мы вовсе не думаемъ обвинять кого бы то ни было, кромѣ совокупности всего русскаго общества, которое ни въ одномъ вопросѣ не показало себя въ такомъ странномъ, чтобъ не сказать болѣе, свѣтѣ, какъ въ вопросѣ о народномъ образованіи. Этотъ вопросъ въ настоящее царствованіе былъ поднятъ въ одно время съ другими первой важности, которые уже успѣли болѣе или менѣе разрѣшиться. Въ особенно тѣсной связи находился онъ съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ. И странное дѣло!—уже въ 1857 г. никто, за исключеніемъ самыхъ закоренѣлыхъ крѣпостниковъ не оспаривалъ, по крайней мѣрѣ не рѣшался оспаривать, что крестьянъ нужно освободить, а спорили только о томъ, какъ ихъ нужно освободить. Между тѣмъ тогда одинъ извѣстный писатель и знатокъ народнаго быта поднималъ сомнѣніе, слѣдуетъ ли учить крестьянъ грамотѣ. Только закоренѣлые крѣпостники выражались категорически, что крестьянъ нужно сначала образовывать, а потомъ уже освобождать. Крѣпостники, конечно, желали отложить дѣло освобожденія въ долгій ящикъ, но они дѣйствительно были отчасти правы. Не то, чтобы въ самомъ дѣлѣ надо было подождать съ освобожденіемъ:—нѣтъ, лучше сивца въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ,—но

дѣйствительно, поднятіе вопроса объ освобожденіи крестьянъ, о допущеніи ихъ въ земскія учрежденія и въ присяжные засѣдатели въ судахъ, казалось бы, требовало немедленнаго приступа къ самому широкому осуществленію системы народнаго образованія, — а между тѣмъ именно съ этой подготовкой народа къ пользованію реформами и новыми учрежденіями мы и опоздали. И даже теперь, довольно долго послѣ совершенія крестьянской реформы, послѣ учрежденія земства и новыхъ судовъ, даже утвержденія 12-го іюня мѣры, какъ мы стараемся показать, далеко не представляютъ всего того, что необходимо даже для *почина* этого важнаго дѣла. Эта отсталость въ такомъ первой необходимости дѣлѣ произошла отъ множества причинъ. Въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто занимаютъ частныя перемѣны правительственныхъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ направленіе вопроса о народномъ образованіи. Между тѣмъ, какъ въ теченіе настоящаго царствованія въ другихъ министерствахъ произошло не болѣе 2—3 перемѣнъ высшихъ правительственныхъ лицъ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія такихъ перемѣнъ произошло съ 1857 г. пять. Перемѣны попечителей учебныхъ округовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершались еще чаще: вообще не менѣе четырехъ разъ; а въ западныхъ округахъ, гдѣ вопросъ о народномъ образованіи представляетъ особенную важность и потому чаще поднимался, — въ виленскомъ округѣ съ 1863 г. три раза перемѣнились попечители, а въ кievскомъ съ 1857 г. шесть разъ. Такимъ образомъ средняя продолжительность управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія и учебными округами въ послѣднее время у насъ 2—3 года. А такъ какъ высшее управленіе учебною частію у насъ по большей части вручается лицамъ, прежде не служившимъ по учебному вѣдомству, то лицо, отъ котораго зависитъ направленіе народнаго образованія, едва успѣвало ознакомиться съ дѣломъ, какъ получало другое назначеніе. При этомъ дѣло образованія, — а особенно народнаго образованія, у насъ совершенно новаго, — такого свойства, что болѣе другихъ открыто теоретическимъ мнѣніямъ и колебаніямъ направленій, обнимающихъ въ извѣстное время общество. Нашему же обществу даже въ послѣднее десятилѣтіе пришлось пережить двѣ такія эпохи, какъ время около 1862—63 г. и около 1866 г. Оба эти времени общественной паники отразились и на вопросѣ о народномъ образованіи. Многіе вліятельные люди оба раза убоялись, какъ бы тлетворныя и опасныя доктрины не проникли и въ народное образованіе. Такъ, напр., въ 1862 г., ради этой опасности были закрыты воскресныя школы, а въ 1866 оставлена была лишь объ открытіи семинарій для приготовленія сельскихъ учителей. «Московскія Вѣдомости», не перестававшія съ 1863 до прошлаго года ратовать противъ упомянутыхъ семинарій, — заговорили сами въ прошломъ году о томъ, что народное воспитаніе въ Россіи стоитъ ниже,

чѣмъ даже въ Турціи, и будетъ стоять такъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ учреждены учительскія семинаріи,—объяснили прежнее поведение свое въ этомъ вопросѣ именно опасеніемъ, какъ бы «нигилизмъ не проникъ въ эти семинаріи». Надо замѣтить, что наши реакціонныя движенія обыкновенно имѣютъ чисто теоретическія основанія,—хотя и весьма практическіе результаты, и особенно для народнаго образованія. Всѣ очень хорошо знаютъ, что нашъ государственный строй отличается непоколебимою твердостью, что такъ-называемыя «основы Россіи» особенно крѣпки именно въ массѣ народа. А между тѣмъ реакція революціоннымъ идеямъ послѣ 1848 г. привела именно къ закрытію податнымъ сословіямъ доступа къ гимназическому воспитанію; страхъ, наведенный петербургскими прокламаціями и пожарами въ 1862—къ повсемѣстному закрытію воскресныхъ школъ, а стремленіе къ поддержанію охранительныхъ началъ въ 1866 г. приостановило открытіе 15-ти педагогическихъ семинарій, на которое уже запрошено было тогдашнимъ министерствомъ разрѣшеніе и денежныя средства. Одно изъ употребительнѣйшихъ возраженій, на которое опирались и опираются противники учительскихъ семинарій—тоже чисто-теоретическаго свойства: говорятъ, образованіе народа должно быть основано на религіи, быть преимущественно религіозно-нравственнымъ, а потому должно находиться въ рукахъ духовенства. Но при этомъ вовсе упускается изъ виду практическая сторона вопроса, именно: что религіозно-нравственное направленіе могутъ имѣть не одни духовные, а и учителя, специально подготовленные, и что духовенство, при всемъ религіозно-нравственномъ направленіи, можетъ не имѣть специально-педагогической подготовки и, наконецъ, свободнаго времени для того, чтобъ у него могло быть исключительно сосредоточено народное образованіе.

Къ сказаннымъ причинамъ колебаній и медленности въ дѣлѣ народнаго образованія слѣдуетъ прибавить еще одну: мы вообще любимъ мудрить,—а особенно эта страсть сказалась въ вопросѣ народнаго образованія, по которому многіе солидные люди поднимали разсужденія, по истинѣ, достойныя знаменитаго философа Кифы Мокіевича. Такъ у насъ и въ печати и даже въ земскихъ собраніяхъ толковали о томъ, полезна или вредна будетъ мужику одна грамота безъ воспитанія, а что такое разумѣть подъ воспитаніемъ для мужика, еще менѣе было понятно разсуждавшимъ, чѣмъ подъ воспитаніемъ для «благороднаго юноши». Говорили и о томъ, что рано учить «народъ» прежде, чѣмъ «мы, оторванное отъ почвы общество», выработаемъ ясныя понятія о нуждахъ народа, прежде чѣмъ вернемся въ «лоно народное» и т. п. Объ одномъ лишь не подумали говорившіе, что достаточна ли грамота, или недостаточна, нужно ли намъ соединиться съ «почвой», или не нужно,—все-таки грамота, т. е. толковое чтеніе есть основа

всему и помощь всему, и во всякомъ случаѣ сообщеніе ея народу ни чему дальнѣйшему не помѣшаетъ, а вызоветъ и народную литературу, яснить и то, что зовутъ «почвой» и т. д.

Отъ указанныхъ здѣсь и пропущенныхъ причинъ дѣло народнаго образованія у насъ подвигалось мало, разработка вопроса о немъ то поднималась, то оставалась, и при томъ, по исконному закону русской исторіи, такъ, — что вся прежде сдѣланная работа и начинанія пропадали и забывались цѣлкомъ, не оставляя по себѣ ничего, кромѣ гречи съ одной стороны и скуки съ другой, — благодаря чему только и возможны такія явленія, какъ оспариваніе уже казавшихся прежде рѣшительными сторонъ вопроса, клеветы на дѣло, пользовавшееся общими сочувствіемъ прежде, и наконецъ такія передергиванія, какъ отношеніе «Московскихъ Вѣдомостей» къ вопросу объ учительскихъ семинаріяхъ.

Напомнимъ коротко важнѣйшіе моменты въ движеніи дѣла народнаго образованія за послѣднее десятилѣтіе.

Нельзя не сознаться, что въ первые годы его, отъ 1859 до 1862—63 г., постановка дѣла народнаго образованія подавала гораздо больше надежды, чѣмъ въ послѣдующее время. Учебное вѣдомство было занято предварительными работами: составленіемъ проектовъ устава народныхъ училищъ, проектовъ, которые были предположены официальнымъ педагогамъ и публикѣ на обсужденіе, памятникомъ котораго остались нѣсколько томовъ «Замѣчаній на проектъ устава среднихъ и низшихъ училищъ». Нѣсколько лицъ было отправлено для развѣданія положенія народнаго образованія и отношеній къ нему народа въ Россіи и для изученія организаціи его и способовъ обученія въ Европѣ. Тогдашніе журналы, напр., «Журналъ для Воспитанія» и особенно «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», и «Учитель», были полны статьями и отчетами лицъ, спеціально занимавшихся вопросомъ народнаго образованія. Между авторами тѣхъ статей выдавались гг. Золотовъ, Ушинскій, Вессель, Паульсонъ, Водозовъ, которыхъ статьи оказались бы далеко не лишними и въ болѣе богатой педагогической литературѣ.

Комитетъ грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ предлагалъ къ обсужденію разные вопросы по дѣлу народнаго образованія, назначалъ преміи за составленіе разныхъ учебныхъ пособій. Общія журналы время отъ времени принимали участіе въ обсужденіи педагогическихъ вопросовъ элементарнаго воспитанія. Важнѣйшими изъ выработанныхъ тогдашнимъ педагогическимъ движеніемъ положеній были: 1) открытіе элементарныхъ училищъ должно быть возможно менѣе стѣснено формальностями и централизаціей: частной инициативѣ долженъ быть предоставленъ возможно болѣе просторъ; 2) народное образованіе должно имѣть возможно болѣе реальный харак-

теръ, быть возможно болѣе близкимъ къ условіямъ и потребностямъ народной жизни: обученіе грамотѣ должно сопровождаться обученіемъ какому-нибудь ремеслу, начальное обученіе должно быть наглядно, близко по образамъ и языку къ народной жизни и мѣстнымъ условіямъ и т. д. Нельзя сказать, чтобъ прежняя разработка этихъ положеній окончательно пропала даромъ: «Положеніемъ о народныхъ училищахъ» отчасти обезпечено участіе общества въ устройствѣ и направленіи народнаго образованія, земскимъ положеніемъ тоже, — хотя на практикѣ земству предоставляется менѣе активная роль, чѣмъ даже даваемая ему законодательствомъ. Кредитъ прежняго дячковскаго обученія подорванъ окончательно; кое-что сдѣлано для нагляднаго обученія; народная поэзія и рассказы изъ народной жизни вошли крупнымъ элементомъ въ книги для первоначальнаго чтенія, хотя пока только великорусская, бѣлорусская же и малорусская жизнь и ея произведенія не удостоились еще этой чести, какъ «нечисто-русскія». Но то, что усвоено практикой изъ прежней теоретической разработки вопроса о народномъ образованіи, не составляетъ и десятой доли того, что высказано лучшими нашими педагогическими писателями. Частная инициатива въ дѣлѣ устройства народныхъ школъ стѣснена почти по прежнему. Губернскіе училищные совѣты, правда, могутъ открывать школы въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, но составъ этихъ совѣтовъ не можетъ-быть названъ вполне цѣлесообразнымъ, а между тѣмъ школы, устроенныя совершенно частной инициативой, подчинены вполне этимъ совѣтамъ. По остроумному замѣчанію г. Погодина, у насъ открытіе кабака чрезвычайно легко и не возбуждаетъ никакого подозрѣнія и опасеній, а между тѣмъ объ открытіи школы — того отнюдь нельзя сказать. Въ печати были сообщены факты о печальной борьбѣ полтавскаго училищнаго совѣта со школами, основанными гг. Лесевичемъ и Закревскимъ. Совѣтъ, увлекаемый желаніемъ открыть и истребить въ школахъ малороссійскій сепаратизмъ, причинилъ не мало затрудненій школѣ г. Закревскаго, довелъ-было до закрытія школы г. Лесевича, неправильно лишилъ учителя Безуглаго права преподаванія, — неправильно, потому что такъ это рѣшилъ правительствующій сенатъ. Полтавскій училищный совѣтъ преслѣдовалъ въ обѣихъ школахъ преподаваніе на малорусскомъ нарѣчій, въ противность «Положенію о народныхъ училищахъ». Въ школѣ г. Закревскаго онъ не нашелъ подтвержденія своимъ предположеніямъ, въ бібліотекѣ же школы г. Лесевича найдены были малороссійскія книжки, которыя и были отобраны, по распоряженію совѣта. Но полученіе этихъ книжекъ учениками изъ бібліотеки для чтенія на дому, не есть вовсе преподаваніе на малорусскомъ нарѣчій. Чтеніе многихъ рассказовъ изъ малорусской жизни, какъ напр. Квитки, Шевченко, М. Вовчака, одобренныхъ цензурою, не только не запрещается «Положеніемъ» о школахъ,

которое желаетъ только повсемѣстнаго употребленія литературнаго языка въ преподаваніи, но также умѣстно въ Полтавской губерніи, въ чтеніе Кольцова, рассказовъ Писемскаго, Тургенева въ Воронежской или Костромской. Что касается до преподаванія по малорусски въ школь г. Закревскаго, то совѣтъ былъ очевидно введенъ въ заблужденіе лицомъ, которое объясненія приняло за преподаваніе: при первоначальномъ обученіи, особенно наглядномъ, учителю вѣроятно придется объяснять слова и выраженія языка литературнаго словами языка народнаго, такъ что, при охотѣ, не только въ Полтавской или Минской губерніи, но и въ Рязанской и Вятской можно видѣть слѣды ужаснаго сепаратизма; духа Олега рязанскаго и хлыбовскихъ ушеуйниковъ. Изъ печатныхъ разъясненій дѣлъ со школами гг. Закревскаго и Лесевича, равно какъ и столкновенія въ одной изъ школъ, находящихся въ завѣдываніи барона Н. А. Корфа въ Екатеринбургской губерніи, видно, что въ провинціяхъ чисто личныя побужденія заставляютъ иныхъ взводить тяжелыя обвиненія на начинателей дѣла народнаго обученія, а иные совѣты слишкомъ склонны придавать значеніе этимъ обвиненіямъ и злоупотреблять своей огромной властію надъ судьбою школъ, заведенныхъ частными лицами, и надъ средствами, доставленными частными лицами. Не слишкомъ ли велика эта власть? Вообще по отношеніямъ, какія у насъ еще господствуютъ къ частной инициативѣ въ дѣлѣ образованія, мы считаемъ весьма типичнымъ случай съ одною изъ провинціальныхъ школъ, который мы знаемъ изъ вполне надежныхъ источниковъ. Школа эта была заведена лицомъ, которое по должности находилось въ близкихъ сношеніяхъ съ народомъ, затрогивавшихъ интересы разныхъ лицъ. Желаніе повредить лицу основателя школы, навело кое-кого на мысль о доносѣ на школу. Доносъ вызвалъ слѣдствіе, по которому въ школѣ не найдено ничего предосудительнаго. Черезъ нѣсколько времени одно довольно высоко-поставленное лицо посѣтило школу и въ заключеніе осмотра замѣтило: «я могу сказать только одно: школа слишкомъ хороша для того, чтобы въ ней не скрывались какія-нибудь заднія цѣли». — Таково положеніе школъ народныхъ. Библиотеки же сельскія, въ силу недавняго циркуляра, можно считать совершенно запрещенными, а между тѣмъ, не говоря о пользѣ библиотекъ вообще, не только библиотеки, но и публичныя чтенія необходимы, особенно въ простонародьи, какъ единственное пока средство поддержки грамоты, какъ уже у окончившихъ обученіе, такъ и у учащихся, изъ коихъ иные за лѣто вовсе почти забываютъ то, чему выучились за зиму. Въ газетахъ прежняго времени частенько приходилось встрѣчать извѣстія о публичныхъ чтеніяхъ для народа, о читальняхъ и т. п. Теперь такія извѣстія не попадаютъ. Также сравнительно мало вошли въ жизнь и предположенія

педагогической литературы 1859—63 г. и замѣчаній на проект устава низшихъ учебныхъ заведеній, касательно организаціи собственно учебной части въ низшихъ училищахъ и характера обученія и учебныхъ пособій. Ремесленныхъ училищъ до сихъ поръ почти нѣтъ, толковыхъ книгъ для народнаго чтенія, за исключеніемъ немногихъ, изданныхъ товариществомъ «Общественная польза» и одобренныхъ комитетомъ грамотности, — тоже. Собственно учебныхъ книгъ, читальниковъ для школъ, которые могли бы быть признаны удовлетворительными, можно сказать вовсе нѣтъ. Изъ большихъ читальниковъ въ нашихъ школахъ въ ходу «Книга для чтенія», изданная виленискимъ учебнымъ округомъ и «Пчела» Щербинны. Но достаточно прочесть прекрасную рецензію г. Водовозова на первую книгу въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1864 г. и сравнить основанія, по которымъ г. Водовозовъ предлагалъ составить не одну общую для всѣхъ разнообразныхъ мѣстъ Россіи книгу для чтенія въ школахъ, а читальники, принаровленные къ каждой мѣстности, посредствомъ постепеннаго перехода отъ мѣстнаго къ общему, сравнить съ исполненіемъ обѣихъ упомянутыхъ книгъ для чтенія, — чтобы видѣть, что къ такому важному дѣлу, какъ составленіе толковыхъ читальниковъ, вовсе и не приступлено сколько-нибудь серьезно. Весьма любопытно, что нпето изъ лицъ, которыя специально изучали дѣло народнаго образованія и доказали свою способность къ составленію учебниковъ, какъ напр. г. Водовозовъ или г. Ушинскій не были приглашены къ составленію читальника для народныхъ школъ, а составленіемъ этимъ занялся покойный Щербина. Пособій для нагляднаго обученія, кромѣ картинъ изъ священной исторіи, картинъ изъ русской исторіи г. Золотова, — не во всемъ удачныхъ, — и дорогого «Лѣта» г. Семенова, у насъ тоже нѣтъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ. И въ томъ, что есть, вовсе не приложено начало локализаціи, такъ необходимое въ наглядномъ обученіи. Намъ когда-то случилось въ одной изъ школъ внутренней Россіи видѣть наглядное обученіе первоначальной географіи по учебнику, изданному для Петербурга и его окрестностей, по картамъ и картинкамъ, изображающимъ то, что окружаетъ ученика петербургскаго, а отнюдь не орловскаго. То же слѣдуетъ сказать и о всѣхъ нашихъ пособіяхъ для нагляднаго обученія, если не о всѣхъ пособіяхъ элементарнаго обученія. На стѣнѣ школы въ степной полосѣ вы найдете картины, изображающія земледѣліе — не волами и плугомъ, но лошадей и сошкой, найдете картинку, изображающую лапотника, и т. п. Такой старательный руководитель народныхъ школъ, какъ бар. Н. А. Корфъ, предлагаетъ училищному совѣту Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, выписать для мѣстныхъ школъ «Дѣтскія пѣсни» (и игры), изданныя г. Безсоповымъ, хотя всѣ эти пѣсни записаны во внутрен-

ней, Велюкой Руси, и ни одна изъ нихъ не слыхана въ Новороссіи. Виленскій округъ издаетъ «Сборникъ русскихъ народныхъ гимновъ и пѣсенъ» для своихъ народныхъ школъ и наполняетъ его тоже великорусскими пѣснями. Очевидно, что чѣмъ болѣе близко извѣстное пособіе, а особенно имѣющее художественный характеръ, чѣмъ болѣе приспособлено оно къ одной мѣстности, тѣмъ менѣе оно годится для другой; чѣмъ болѣе пѣсни г. Безсонова или картина г. Семенова приспособлена къ Московской губерніи, тѣмъ дальше она отъ Екатеринославской.

Основное начало новой педагогики, особенно нагляднаго обученія—восходитъ отъ близкаго къ далекому; потому странно—наглядно обучать сельскаго крестьянскаго мальчика по картинкамъ, изображающимъ жизнь «скромнаго Пьерра», имѣющаго гувернантку и живущаго въ папашиномъ домѣ на Литейной, и наоборотъ. Нельзя виленскаго, кievскаго, екатеринославскаго мальчика учить по тѣмъ картинкамъ, рассказамъ, пѣснямъ, которыя изданы для московскаго, калужскаго или орловскаго, и наоборотъ. Въ концѣ концовъ нужно, чтобъ скромный Пьерръ познакомился съ обстановкою быта сельскаго мальчика, виленскій ученикъ съ бытомъ московскаго и обратно, — все должно свестись къ общему,—но началомъ должно быть частное и близкое, иначе наглядно-художественный элементъ въ обученіи не имѣетъ никакого смысла. Лучше ужъ прямо начинать съ общаго, хотя и отвлеченнаго, чѣмъ съ образнаго, но далекаго. Очевидно, что указанная странности происходятъ отъ того, что учебныя пособія у насъ или составляются только въ Петербургѣ и Москвѣ, или кое-какъ, подражательно и безъ всякой самостоятельной мысли. Очевидно также, что вопліи удовлетворительныя для каждой мѣстности учебныя пособія, какія проектировали наши лучшіе педагоги, появляются у насъ только тогда, когда въ провинціяхъ заведутся педагогическія семинаріи и начнется серьезная разработка способовъ народнаго образованія. А это, кажется, останется еще надолго *ria desideria*.

Такимъ образомъ, если посмотримъ, что усвоилось и вошло въ жизнь изъ проектированнаго нашей педагогической литературой и учебнымъ вѣдомствомъ въ 1859—63 г., то окажется очень немного. Забыто съ тѣхъ поръ гораздо больше. Но въ то время не только литература и учебное вѣдомство довольно усердно работали надъ дѣломъ народнаго образованія, но и общество. Вопросъ объ общественномъ починѣ въ народномъ образованіи не былъ тогда только теоретическимъ вопросомъ. Пока учебное вѣдомство занято было составленіемъ проектовъ, собираніемъ свѣдѣній, подготовкой руководителей дѣла, мыслящая часть общества принялась на практикѣ за народное образованіе. Въ то время въ образованныхъ кружкахъ была въ ходу мысль, что образованное общество наше сильно обязано на-

роду, на счетъ прямыхъ и косвенныхъ податей котораго организовано все наше учебное вѣдомство, а потому обязано хотя отчасти отплатить народу за свое высшее образованіе его низшимъ образованіемъ. Послѣдствіемъ этой мысли было учрежденіе, почти повсемѣстное, воскресныхъ школъ, во многихъ мѣстахъ бесплатныхъ ежедневныхъ школъ, опытовъ, въ родѣ школы въ Ясной Полянѣ, литературныхъ чтеній и лекцій для народа, читалень и т. п. Въ наше, болѣе холодное время многое изъ того, что дѣлалось еще такъ недавно, — когда студенты, чиновники, свѣтскія дамы стояли съ подвижными буками передъ грязноватыми мальчишками и дѣвочками, когда плотникъ, съ просьбою въ бородѣ, сидѣлъ рядомъ съ ребенкомъ за складами, — когда извѣстный русскій писатель и графъ переходилъ отъ игры съ деревенскими дѣтьми къ обученію, старался воспользоваться съ педагогическою цѣлью сказками, рассказываемыми этими мальчишками, находя, что народный учитель можетъ кое-чему научиться у собственныхъ учениковъ, — въ наше, болѣе разсудительное время, говоримъ мы, многое изъ понменованнаго сейчасъ покажется страннымъ и можетъ-быть даже смѣшнымъ или подозрительнымъ. *Alia tempora!* Быть можетъ и дѣйствительно въ тогдашнемъ педагогическомъ увлеченіи было много непрочнаго. Но надо наконецъ отдать ему и справедливость; надо вспомнить, что это была первая общественная попытка послужить дѣлу первостепенной важности, попытка, мысль которой зародилась въ самомъ обществѣ и исполнялась его первыми представившимися средствами. Надо вспомнить, что въ то время было еще меньше, чѣмъ теперь, народныхъ учителей по профессіи, не было училищныхъ совѣтовъ, отъ правительства вовсе почти не отпускалось средствъ на народное образованіе. Учителя тогдашнихъ частныхъ школъ, особенно воскресныхъ, были первые, которые приложили на дѣлѣ звуковой методъ, нашли частныя средства для поддержанія школъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Люди состоятельные, городскія думы стали мало-по-малу давать періодически средства на поддержку этихъ школъ. Практика лучшихъ методовъ обученія, о которыхъ у насъ прежде и слуху не было, возбудила педагогическіе вопросы, обсуждавшіеся и въ литературѣ, какъ въ этомъ можно убѣдиться, пересмотрѣвъ тогдашніе журналы, особенно «Ж. Мин. Нар. Просв.». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ составлены были проекты обществъ грамотности. Не съ большими средствами и опытностію начало, лѣтъ 60 тому назадъ, свою дѣятельность британское школьное общество, которое въ настоящее время содержитъ до 30 тысячъ воскресныхъ школъ и столько же ежедневныхъ. Кто знаетъ, быть можетъ и у насъ образовалось бы нѣчто подобное! Но не такую нить выткали нашему школьному движенію безжалостныя Парки. Петербургскіе пожары 1862 г., революціонныя прокламаціи, открытіе въ

доухъ петербургскихъ воскресныхъ школахъ слѣдовъ социалистической пропаганды повело за собою *временное* закрытіе воскресныхъ школъ и подходящихъ къ нимъ частныхъ бесплатныхъ школъ во всей Россіи, впродъ до составленія обстоятельныхъ правилъ для надзора за ними. Всѣ считали приостановленіе воскресныхъ школъ дѣломъ временнымъ. Въ такомъ смыслѣ выражались и всѣ органы нашей печати. Но это временное отсутствіе частныхъ бесплатныхъ школъ превратилось въ долговременное. А недавно почти всѣ органы печати, со словъ виленскаго исторіографа, г. Ратча, провозгласили прежнее школьное движеніе дѣломъ «панургова стада»—хотя, какъ было разъяснено въ въ прошломъ году «С.-Петербургскими Вѣдомостями» на основаніи показаній, сообщенныхъ офиціальными изданіями Западнаго Края, воскресныя школы въ этомъ краѣ были основаны именно какъ противо-дѣйствіе польскимъ школамъ,—и хотя въ провинціальныхъ городахъ учредители и преподаватели въ воскресныхъ школахъ были большею частью не только не слышавшіе слова о польской интригѣ, но даже и не принадлежавшіе къ заподозрѣнной тогда университетской молодежи.

Скоро наше общество и печать занялись усиленнымъ изысканіемъ враговъ отечества и агентовъ всемірной революціи, поджигателей. До школъ ли намъ было и подвижныхъ буквъ, когда мы занялись такими важными вопросами ¹⁾. Ни одно изъ предполагававшихся обществъ грамотности или не состоялось, или не было разрѣшено; дѣятельность комитета грамотности стала почти неслышна, педаго-

¹⁾ Насколько важны были на самомъ дѣлѣ тогдашнія занятія печати, можно видѣть изъ того, что «Московскія Вѣдомости», которыя въ 1862—66 годахъ пугали своихъ читателей агентами всемірной революціи и особенно Тульчинскимъ гѣдомомъ ея, теперь смѣются надъ самымъ терминомъ «всемірная революція» и называютъ его изобрѣтеніемъ «Вѣсти», которая пугаетъ общество этимъ призракомъ для остановки противныхъ ей реформъ настоящаго царствованія. Тульчинскій же революціонеръ, г. Кельсіевъ, оказался человѣкомъ совершенно смиреннымъ и даже писалъ, подъ псевдонимомъ, статьи для «Русскаго Вѣстника» какъ разъ въ то самое время, когда «Московскія Вѣдомости» пугали всѣхъ «Тульчинскою агенціей». По собственнымъ разсказамъ г. Кельсіева, онъ въ то время занимался больше всего разговорами съ разными бѣлыми о величіи Россіи, а газета «Голось» (№ 197) окончательно объяснила намъ, наконецъ, кто такой г. Кельсіевъ. Корреспондентъ ея изъ Константинополя пишетъ въ «Голось», отъ 8-іюня, о своемъ разговорѣ съ однимъ некрасовцемъ, Гончаровымъ: «Къ намъ подошелъ—пишетъ корреспондентъ—одинъ знакомый, которому я представилъ Гончара, какъ казака-баши.—«Ошибаетесь; я не казака-баши, а просто себѣ Гончара, сказалъ онъ: а казака-баши у насъ болѣе нѣтъ; уничтожили мыичну: зачѣмъ же теперь баши имѣть?»—«А Кельсіевъ?» спросилъ мой знакомый.—«То въ книгѣ-то его прописано; читалъ, батюшка, читалъ и удивляюсь, какъ это можно пустяки говорить, когда издалека приходятъ. Никогда онъ не былъ у насъ казакъ-баши, никогда! пріѣзжалъ въ Тульчу дѣтей у насъ учить по-русски, да не вышло. Какія-то красныя рубахи намъ понашивалъ, да не въ проѣзъ пошли...»

гическіе журналы стали тоже содержаніемъ, одинъ даже совсѣмъ прекратился. Увлеченіе народной школой кончилось.

Послѣ 1864 г. единственнымъ результатомъ прежняго движенія въ пользу народнаго образованія осталось «Положеніе о народныхъ училищахъ»,—объ отношеніи котораго къ прежнему движенію мы уже говорили. Единственною сферою, гдѣ толковали о народномъ образованіи—были земскія собранія. Здѣсь, правда, очень часто раздавалась глоса Киѣ Мокіевичей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ губернскія земскія собранія стали посвящаться только «избранниками изъ избранниковъ»; иныя земскія собранія отвесились къ дѣлу, какъ московское, т. е. три раза объявляли вопросъ открытымъ и оставляли его такимъ до слѣдующаго года безъ всякаго практическаго шага впередъ. Но были земскія собранія, которыя отвесились къ дѣлу вполне искренно и съ полнымъ желаніемъ двинуть его впередъ (самарское, черниговское, рязанское, вятское, херсонское и др.). Дѣйствительную помощь земскихъ собраній народному образованію можно подвести подъ двѣ категоріи: 1) отпускъ извѣстной суммы въ распоряженіе училищныхъ совѣтовъ въ помощь существующимъ школамъ и 2) опредѣленіе суммы на учрежденіе педагогическихъ семинарій. Иногда земство, сознавая трудность осуществленія послѣдняго плана, думало замѣнить педагогическія семинаріи учительскими стипендіями при уѣздныхъ училищахъ, и учительскими классами при нихъ. Безъ сомнѣнія, что отпускъ суммъ въ распоряженіе училищныхъ совѣтовъ на поддержаніе существующихъ школъ можетъ принести во многихъ случаяхъ существеннѣйшую помощь народному образованію: уже существующія школы нужно снабдить сколько-нибудь порядочными учебными пособиями, нужно поддержать сравнительно удовлетворительныя школы, бывшія въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ. Но помощь существенная можетъ быть оказана только при достаточной энергіи училищныхъ совѣтовъ; иначе вспомогательныя суммы понадутъ въ руки тѣхъ, у кого школы оказываются существующими только на бумагѣ. Опасенія подобнаго исхода земскихъ пожертвованій и заставили нѣкоторыя земскія собранія отказаться отъ всякаго дѣятельнаго вспомоществованія народнымъ школамъ, пока не будутъ открыты педагогическія семинаріи. Опасность совершенно непронзводительной траты земскихъ денегъ, при выдачѣ пособій школамъ, существуетъ въ особенности относительно школъ, числящихся по духовному вѣдомству. Изъ заявленій въ земскихъ собраніяхъ, изъ заявленій печати, чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, наконецъ многихъ лицъ изъ самого духовенства видно, что преподаваніе въ школахъ, находящихся въ вѣдѣніи духовныхъ лицъ, идетъ очень не блестяще, потому что священники далеко не всѣ готовили себя въ педагоги, да и заняты своими прямыми обязанностями; обученіе же по большей части

или поручено причетникамъ, или числится только на бумагѣ. Между тѣмъ, распоряженіями, о которыхъ будетъ сказано послѣ, всякое «змѣнительство въ учебную часть школъ, находящихся въ рукахъ духовныхъ, строго воспрещено для лицъ не-духовнаго вѣдомства.» Такииъ образомъ земству предоставлено давать деньги и не разсуждать и не повѣрять, кому оно дастъ ихъ. Примѣръ дѣятельности александровскаго училищнаго совѣта въ Екатеринославской губерніи показываетъ, что и теперь училищные совѣты могутъ сдѣлать не мало,—но для этого нужна и энергія, какую показываетъ членъ его, баронъ Н. А. Корфъ. Самъ баронъ Корфъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, между прочимъ въ 162 № «Спб. Вѣдомостей» за этотъ годъ, высказываетъ, что заботиться о преуспѣаніи и открытіи народныхъ школъ, безъ учрежденія учительскихъ семинарій, значить строить зданіе безъ фундамента. Поэтому, изъ всѣхъ предположеній земскихъ собраній въ пользу народнаго образованія самыми цѣлесообразными могутъ быть названы, конечно, ходатайства объ открытіи учительскихъ семинарій и назначеніе для этого суммъ. Много такихъ ходатайствъ было представлено земскими собраніями особенно въ теченіе 1865 года.

Въ 1866 г., въ началѣ, министерствомъ народнаго просвѣщенія было составлено предположеніе объ открытіи 15-ти учительскихъ семинарій въ губерніяхъ, гдѣ введено земское положеніе, для чего и было испрошено около 150,000 р. Еще въ 1865 г. министерство, съ высочайшаго соизволенія опредѣлило 500 р. въ помощь школъ сельскихъ учительницъ, основанной комитетомъ грамотности. Но въ это время послѣдовала перемѣна лица, завѣдывавшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ сентябрѣ 1866 г. школа, основанная комитетомъ грамотности, была закрыта «по обстоятельствамъ, отъ комитета не зависящимъ».

Въ январѣ 1867 г. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» заявилъ, что новое министерство полагаетъ, что учрежденіе педагогическихъ семинарій въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія имѣло бы самыя гибельныя послѣдствія, устранивъ отъ народнаго образованія духовенство и такимъ образомъ лишивъ его религіозно-нравственнаго характера. По мнѣнію упомянутой статьи официальнаго журнала, приготовленіе учителей народныхъ должно быть всецѣло предоставлено православному духовенству, министерство же и земство въ этомъ отношеніи должны ограничиться только доставленіемъ духовенству средствъ на открытіе школъ. вмѣсто предполагавшихся прежде общихъ мѣръ, какъ напр. открытіе повсемѣстно педагогическихъ школъ для приготовленія постоянныхъ учителей, статья официальнаго журнала указываетъ на то, что нѣкоторые архіереи распорядились о томъ, чтобы обучавшіеся въ семинаріяхъ назначались на мѣста священно-и церковно-служителей не иначе, какъ про-

бывши нѣкоторое время учителями въ народныхъ школахъ. Впрочемъ въ слѣдующей статьѣ (№ 3) официального журнала заявлено было, что министерство, независимо отъ церковно-приходскихъ школъ, открываемыхъ духовенствомъ, предполагаетъ въ центральныхъ мѣстностяхъ учредить нормальныя школы, двухклассныя, изъ воспитанниковъ которыхъ могутъ быть приготовляемы учителя, которые бы помогали священникамъ въ обученіи. Весьма любопытно, что въ то время, когда въ руководящихъ статьяхъ «Ж. М. Народн. Просвѣщенія» высказывались такія заключенія и предположенія, въ отдѣлѣ извѣстій въ томъ же журналѣ постоянно печатались заявленія различныхъ лицъ, въ томъ числѣ чиновниковъ министерства и лицъ духовныхъ, въ томъ смыслѣ, что священники, и особенно церковно-служители, не въ состояніи, по недостатку ни времени, ни подготовки, исполнять обязанности учителей, что «необходима училища, для приготовленія особымъ учителей и ихъ помощниковъ». Интересный сводъ такихъ заявленій, извлеченныхъ изъ «Ж. М. Н. Просвѣщенія», можно найти въ статьѣ бар. Н. А. Корфа «Земскія учительскія семинаріи» (въ 162 № «Спб. Вѣдом.»). Въ вышеприведенномъ смыслѣ высказалась дирекція училищъ Витебской губерніи, Бессарабской области, Гродненская (въ которой изъ 327 училищъ 136 найдено неудовлетворительными), инспекторъ чувашскихъ школъ въ Казанской губерніи, Полтавскій губернский училищный совѣтъ, находящійся подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіерея, Царево-кокшайскій штатный смотритель, предсѣдатель Усманскаго училищнаго совѣта протоіерей Никольскій и др. Что касается до временнаго исправленія должности народнаго учителя кандидатами на мѣста священно-и церковно-служителей, то, во-первыхъ, временный учитель, конечно, не то, что постоянный; во-вторыхъ, въ церковно-служители поступаютъ лица, которыя, по неуспѣшности, не могли окончить курса въ семинаріи, а потому и не могутъ быть хорошими учителями. Въ довершеніе, сокращеніе комплекта учениковъ въ духовныхъ семинаріяхъ, произведенное по новому уставу, — сократитъ сильно число лицъ, которые поджидаютъ открытія вакансій на священническія мѣста: расчетъ «Ж. М. Народн. Просвѣщенія» о большомъ числѣ окончившихъ курсъ семинаристовъ, которые ожидаютъ вакансій, сдѣланъ по старому комплекту; наконецъ, недавно обнародованный законъ, предоставляющій лицамъ духовнаго званія право службы, совершенно опустошитъ ожидаемые «Ж. М. Народн. Просвѣщенія» запасы народныхъ учителей изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Воспитанники двухклассныхъ нормальныхъ училищъ не могутъ, конечно, замѣнять учителей, подготовленныхъ въ спеціальной учительской семинаріи: много-много, если они будутъ въ состояніи быть помощниками учителей. Такимъ образомъ предположенія «Ж. М. Нар. Просвѣщенія» отъ 1867 г. далеко не замѣняютъ предположеній многихъ зем-

скихъ собраній, заявленныхъ въ 1865 г., и министерства народнаго просвѣщенія въ началѣ 1866 г. Но и эти предположенія еще не были приведены въ исполненіе: такъ, не были еще учреждены ни обѣщанныя инспекціи народныхъ школъ, ни нормальныя школы. Инспекторы народныхъ училищъ въ нѣкоторой степени могутъ замѣнить учительскія семинаріи, наставляя и руководя теперешній неопытный и рутинерскій составъ народныхъ учителей въ употребленіи болѣе рациональныхъ методовъ обученія. Пока, кое-гдѣ, могли бы помогать въ этомъ отношеніи и теперешніе чиновники министерства народнаго просвѣщенія, между которыми конечно есть лица, знакомыя съ нуждами и способами народнаго образованія, какъ напр. нѣкоторые директоры училищъ и даже уѣздные штатные смотрители. Но официальная статья министерскаго журнала категорически не одобрила «всякаго прикосновенія со стороны лицъ учебнаго вѣдомства» къ школамъ церковно-приходскимъ. Въ то же время послѣдовалъ въ такомъ же родѣ циркуляръ по министерству внутреннихъ дѣлъ, особенно мировымъ посредникамъ и земскимъ управамъ, — циркуляръ, содержаніе котораго и вліяніе разсказано и довольно хорошо объяснено въ книгѣ г. Кошелева «Голосъ изъ земства». Циркуляръ этотъ долженъ былъ поставить лицъ, близко стоящихъ къ народу, въ большое недоумѣніе, тѣмъ болѣе, что прежде и послѣ министерство же внутреннихъ дѣлъ приглашало ихъ оказывать духовенству пособіе въ заведеніи школъ и склоняло къ тому, и къ посылкѣ дѣтей въ школы, крестьянъ. Въ печати и въ земскихъ собраніяхъ много разъ было заявлено, что во многихъ церковно-приходскихъ школахъ обучаютъ полуграмотныя дѣвочки, что мальчики зачастую сидятъ по нѣсколькимъ дней безъ ученія и даже употребляютъ на работы во дворѣ и на огородѣ священниковъ и церковно-служителей. Мировой посредникъ или членъ земской управы обязанъ склонять крестьянъ посылать дѣтей въ такого рода школу, выдавать ей пособіе, — а если крестьяне ему заявляютъ о состояніи въ ней обученія, онъ не имѣетъ права ни провѣрять справедливость заявленія, ни сообщать, куда слѣдуетъ, о состояніи обученія въ школѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что до тѣхъ поръ, пока церковно-приходскія школы останутся въ такой мѣрѣ неприкосновенными для критики, въ какое ставитъ ихъ циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ и статья «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», до тѣхъ поръ циркуляры о пособіи дѣлу народнаго образованія и даже учрежденіе инспекторовъ народныхъ школъ, особенно въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ земства, — т. е., напр., въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, въ которыхъ особенно много числится церковно-приходскихъ школъ, — останутся совершенно безъ вліянія на значительную долю школъ. Рутинна и безпечность будутъ продолжать свое царство въ такихъ школахъ еще долго.

Въ такое положеніе пришелъ вопросъ о народномъ образованіи въ 1866—67 году. Немногіе голоса продолжали говорить о шаткости надеждъ, возлагаемыхъ исключительно на духовное вѣдомство и на нѣкоторыхъ архіереевъ, которые рѣшились давать мѣста священно-церковно-служителей не иначе, какъ послѣ пробытія кандидатами нѣкотораго времени въ должности народнаго учителя. Изъ журналовъ, «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Вѣстникъ Европы» нѣсколько разъ, хотя коротко, высказывались въ такомъ смыслѣ. «Московскія Вѣдомости» и «Вѣсть», назвавшая въ 1865 году редактора «Московскихъ Вѣдомостей» царемъ русской печати, вполне одобрили систему и надежды, изложенныя въ 1 № «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1867 годъ.

«Московскія Вѣдомости» видѣли въ желаніи прежняго министерства учредить учительскія семинаріи и открывать народныя школы «антагонизмъ противъ духовенства», — «борьбу государства, начала регламентаціи,—противъ церкви, начала свободы». Такъ выражались они въ 1863 году, по поводу учрежденія въ Кіевѣ временной педагогической школы и хода народнаго образованія въ югозападномъ краѣ. Послѣ они уже объясняли свое противодѣйствіе учительскимъ семинаріямъ опасеніемъ вторженія въ народное образованіе нигилизма (начала регламентаціи?). Съ 1868 года «Московскія Вѣдомости», хотя и нѣсколько робко, стали заговаривать, что такъ какъ теперь уже нигилизмъ подавленъ и опасаться его вторженія въ народное образованіе нечего, то нечего бояться открытія педагогическихъ семинарій, что дѣла хороша, пока болѣзнь существуетъ, но продолжая держать на дѣлѣ выздоровѣвшаго, можно уморить его паче болѣзни, что разсчитывать на духовныхъ, отвлекаемыхъ отъ школы другими обязанностями, ошибочно и что дѣло народнаго образованія до тѣхъ поръ не станеть у насъ на ноги, пока оно не будетъ въ рукахъ специально-подготовленныхъ и исключительно имъ занятыхъ учителей. Въ такомъ родѣ голоса опять стали подниматься въ земскихъ собраніяхъ, между прочимъ и въ московскомъ, которое, впрочемъ, къ практическимъ мѣрамъ не приступило. Очень вѣрно указана несостоятельность нынѣшней системы народнаго обученія и въ упомянутой книгѣ г. Кошелева. Даже газета «Москва», органъ партіи, которая всегда стояла за предоставленіе образованія народа духовнымъ, въ статьяхъ объ усиленіи раскола, ставила главною причиною послѣдняго небрежность духовенства къ наставленію народа. Однимъ словомъ, сознаніе необходимости болѣе рѣшительнаго образованія со стороны министерства народнаго просвѣщенія, большаго простора для земства въ этомъ отношеніи и учрежденія учительскихъ семинарій стало болѣе или менѣе общимъ, хотя и не очень энергически выраженнымъ. Впрочемъ, большой энер-

гн ожидать и нечего, такъ какъ прежде бывшіе примѣры значительно ее охладили.

Отвѣтомъ на начинающія подниматься требованія въ дѣлѣ народнаго образованія явилось представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, удостоившееся 12-го іюня сего года высочайшаго утвержденія. Къ нему мы и обратимся.

Новыя мѣры относятся къ 33-мъ губерніямъ, въ которыхъ введено земское положеніе, и къ Бессарабін, и кромѣ того особыя мѣры приняты для югозападнаго края. Сущность мѣръ касательно народнаго образованія въ 34-хъ упомянутыхъ губерніяхъ, заключается въ слѣдующемъ: Для наблюденія за народными училищами учреждаются должности инспекторовъ этихъ училищъ по одному на каждую губернію, съ 1,500 руб. окладомъ содержанія. Обязанности ихъ должны быть опредѣлены въ *особой инструкціи*, которая составляется министерствомъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и представляется на высочайшее утвержденіе черезъ комитетъ министровъ. Министру народнаго просвѣщенія предоставляется, не выходя изъ размѣра общей, ассигнуемой въ его распоряженіе суммы на народныя училища: а) открывать въ значительнѣйшихъ селеніяхъ образцовыя училища, предпочтительно одноклассныя и частію двуклассныя, избирая для сего селенія, въ коихъ состоятся приговоры сельскихъ обществъ о безвозмездной уступкѣ изъ общественнаго надѣла земли подъ устройство дома для училища и о принятіи на свой счетъ ремонта, отопленія и освѣщенія училищныхъ домовъ и содержанія прислуги; б) снабжать лучшія вообще народныя училища учебными пособиями и поощрять денежными выдачами лицъ, отличающихся по народному образованію; в) выдавать стипендіи въ размѣрѣ до 100 руб. тѣмъ изъ предназначенныхъ въ священно-служители, окончившимъ курсъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій, которые будутъ избраны земствомъ или обществами на учительскія должности въ содержимыхъ на ихъ счетъ начальныхъ народныхъ училищахъ, и г) поддерживать пособиями, предпочтительно временными, училища содержимыя духовнымъ вѣдомствомъ, земствомъ, сельскими обществами или частными лицами. Для осуществленія вышеозначенныхъ мѣропріятій, съ будущаго 1870 года повелѣно вносить въ смѣты министерства, сверхъ суммъ, ассигнованныхъ по дѣйствующей смѣтѣ того же министерства на народныя училища, по 306,000 р. ежегодно, а именно: а) на содержаніе 34 инспекторовъ, по 1,500 р. каждому, — 51,000 р.; б) на разъѣзды имъ, по 500 р., — 17,000 р.; в) на содержаніе двуклассныхъ образцовыхъ училищъ, полагая по 1,000 р. на каждое, — 34,000 р.; г) на содержаніе одноклассныхъ образцовыхъ училищъ, полагая по 226 р. на каждое, — 34,000 р.; д) на учебныя пособия и на поощренія народнымъ вообще

училищамъ, по 2,000 р. на губернію,—68,000 р.; е) на стипендіи учителямъ изъ семинаристовъ, по 1,500 р. на губернію — 51,000 р., и ж) на поддержаніе училищъ, содержимыхъ духовенствомъ, земствомъ, обществами и частными лицами, по 1,500 р. на губернію—51,000 р. Въ текущемъ году повелѣно отпустить министерству 202,000 р., въ томъ числѣ 100,000 р. на постройку домовъ и первоначальное обзаведеніе вновь открываемыхъ образцовыхъ народныхъ училищъ и 102,000 р. по расчету съ 1-го сентября сего года на содержаніе училищъ и прочіе вышеозначенные расходы.

Всмотрѣвшись внимательно въ изложенныя мѣры, нельзя не замѣтить, что онѣ не отступаютъ отъ основаній и предположеній, заявленныхъ въ 1867 году «Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Пока неизвѣстна еще инструкция для инспекторовъ народныхъ училищъ, пока не видно еще осуществленія изложенныхъ мѣръ на практикѣ, до тѣхъ поръ трудно произнести рѣшительное мнѣніе о характерѣ новыхъ мѣръ по народному просвѣщенію¹⁾. Незвѣстно, въ какія отношенія будутъ поставлены инспекторы къ церковно-приходскимъ школамъ. Не видно также, сохранится ли для учрежденія образцовой школы въ силѣ прежде заявленное министерствомъ народнаго просвѣщенія правило, по которому народныя школы вѣдѣнія министерства могутъ быть учреждаемы не иначе, какъ послѣ удостовѣренія отъ духовнаго вѣдомства, что къ тому препятствій со стороны послѣдняго не имѣется. Но распредѣленіе общей суммы, назначенной министерству по статьямъ;—даетъ возможность уже и теперь составить приблизительное понятіе о значеніи вышеизложенныхъ мѣръ. Двуклассныхъ образцовыхъ училищъ будетъ только 34, по одному на губернію,—такъ что значеніе ихъ, какъ образцовыхъ, будетъ не очень широко. Одноклассныхъ же образцовыхъ будетъ 150, т. е. меньше чѣмъ по 5-ти на губернію, — слѣдовательно, тоже образцы будутъ имѣть передъ собою только немногія мѣстности (на три югозападныхъ губерніи будетъ 132 такихъ школы). Такимъ образомъ число школъ, которыя будутъ находиться въ непосредственномъ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія, будетъ весьма незначительно. Незвѣстно, въ какія отношенія будутъ поставлены и эти образцовыя училища къ школамъ церковно-приходскимъ. Образцовыя училища тогда

¹⁾ Весьма важно, какія лица будутъ назначены въ должности инспекторовъ народныхъ школъ. Должности эти во многихъ отношеніяхъ выгоднѣе, чѣмъ инспекторовъ гимназій и, конечно, между учителями послѣднихъ охотники на мѣста инспекторовъ школъ найдутся. Будутъ ли должности инспекторовъ школъ замѣщаться, какъ мѣста инспекторовъ и директоровъ гимназій, по выслугѣ лѣтъ? Не обратились бы онѣ тогда въ развѣдныя синекуры, какъ обратились въ сядячія синекуры мѣста директоровъ гимназій, при которыхъ вѣтъ даже такой хоть канцелярской работы, какову несутъ еще дирекціи училищъ.

только могутъ быть дѣйствительными образцами для другихъ, когда ихъ будетъ больше и когда не-образцовыя будутъ находиться въ нѣкоторомъ филиальномъ къ нимъ отношеніи, которое выражалось бы руководствомъ ихъ преподавателей учителями образцовыхъ училищъ. Гораздо больше средствъ, чѣмъ оставило въ своемъ вѣдѣніи министерство, назначено для другихъ вѣдомствъ, особенно для духовнаго. Такъ 1,500 р. на губернію (51,000 р.) отчислено на стипендіи учителямъ изъ семинаристовъ, — тогда какъ на содержаніе одноклассныхъ образцовыхъ училищъ назначено только по 1,000 р. на губернію ¹⁾. Другой пунктъ д) отчисляетъ на учебныя пособія и на поощреніе народнымъ вообще училищамъ, по 2,000 р. на губернію (68,000 р.), т. е. училищамъ, содержимымъ посторонними министерству вѣдомствами, или какъ сказано выше, на «поощреніе денежными выдачами *лицъ*, отличающихся по народному образованію». А такъ какъ на практикѣ и по словамъ министерства больше всего изъ школъ числится и будетъ числиться церковно-приходскихъ, т. е. значительнѣйшая часть изъ этой суммы отойдетъ *лицамъ* духовнаго вѣдомства. Наконецъ, послѣдній пунктъ отчисляетъ по 1,500 руб. на губернію (51,000 р.) на поддержаніе училищъ (на этотъ разъ уже не лицъ), содержимыхъ *духовенствомъ*, земствомъ, обществами и частными лицами. Такимъ образомъ, особенно, если исключить расходъ на содержаніе и разъѣзды инспекторовъ народныхъ школъ, отпущенная министерству народнаго образованія сумма будетъ получена не столько министерствомъ, для открытія новыхъ школъ, сколько духовнымъ вѣдомствомъ и лицами этого вѣдомства, при посредствѣ министерства народнаго просвѣщенія. О томъ, какое вѣдомство израсходуетъ деньги, назначенныя на народное образованіе, нечего бы было и говорить, если бы, какъ объяснено выше, такое множество самыхъ различныхъ лицъ не засвидѣтельствовали о неудовлетворительномъ состояніи народнаго образованія въ рукахъ лицъ духовнаго вѣдомства.

Въ заключеніе о новыхъ постановленіяхъ по народному образованію въ 34-хъ губерніяхъ слѣдуетъ прибавить, что, по нимъ, все-таки не предполагено открыть ни одной специальной школы для приготовленія народныхъ учителей. Значитъ, говоря словами «Московскихъ Вѣдомостей», діета, вызванная нигилистической эпидеміей, все еще признается необходимою, несмотря на то, что такіе компетентные врачи считаютъ ее уже лишней. Новыя постановленія считаютъ возможнымъ обойтись безъ специально подготовленныхъ учителей въ народныхъ школахъ 33-хъ губерній, гдѣ дѣйствуетъ «Положеніе о земскихъ учреж-

¹⁾ Невѣстно, будутъ ли стипендіи выдаваться и тогда, когда семинаристъ будетъ учителемъ въ образцовой школѣ, т. е. будетъ получать содержанія 228 р. Тогда учитель не изъ семинаристовъ будетъ получать меньше за ту же работу, что и учитель въ семинаристовъ. Если нѣтъ, — тогда эта статья есть только новый видъ пособій школамъ, содержимымъ духовенствомъ.

деніяхъ» и въ Бессарабской области, несмотря на то, что учительская семинарія признана необходимой въ сѣверозападномъ краѣ, гдѣ и существуетъ съ 1864 года въ Молодечвѣ, и несмотря на то, что другимъ представленіемъ министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ того же 12-го іюня, предложена къ открытію учительская семинарія въ юго-западномъ краѣ. Такимъ образомъ только западныя губерніи будутъ имѣть правильную систему подготовки народныхъ учителей, между тѣмъ какъ тамъ семинаристовъ не меньше, если не больше, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. Учительской семинаріи не будетъ даже въ Бессарабіи, гдѣ населеніе не-русское и гдѣ слѣдовательно особенно трудно найти удовлетворительныхъ народныхъ учителей¹⁾. Отчего такое несоотвѣтствіе въ мѣрахъ, исходящихъ изъ одного и того же вѣдомства?

Мы упомянули о представленіи министра народнаго просвѣщенія касательно народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ, утвержденномъ въ одинъ день съ представленіемъ «о нѣкоторыхъ мѣрахъ по народному образованію въ 33-хъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ земское положеніе и въ Бессарабіи». Но мы не коснемся теперь положенія народнаго образованія въ западномъ краѣ: тамъ оно представляло и представляетъ нѣкоторыя оригинальныя особенности, о которыхъ мы поговоримъ особо.

Н. В — пѣ.

ПО ПОВОДУ КОЛОНИЗАЦІИ ВЪ РОССІИ *).

(Письмо въ Редакцію).

Въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы», въ статьѣ г. Клауса: «Духовенство и школы», между прочимъ упомянуто объ объявленіи начальника Ставропольской губерніи, по поводу самовольныхъ переселеній, и авторъ статьи, указывая на то, что послѣ выхода въ Турцію татарскаго населенія и покоренія Кавказа образовались большія территоріи пустопорожнихъ земель, — приходитъ къ заключенію, что ставропольскому начальству едва ли извѣстны состоящія въ его вѣдѣніи

¹⁾ Частная учительская семинарія есть на Кавказѣ, — основанная миссіонерскимъ обществомъ.

*) Настоящее письмо сообщено намъ начальникомъ Ставропольской губерніи Г. К. Властовымъ. — *Ред.*

земельныя угодья и какое число переселенцевъ можетъ быть принято на каждый участокъ.

Недоразумѣнія подобныя настоящему возникаютъ постоянно и требуютъ категорическаго разъясненія вопроса. Такъ недавно лица, интересовавшіяся поселеніемъ чеховъ, обратились ко мнѣ для указанія пустопорожниыхъ мѣстъ подъ поселеніе.

Всѣ эти недоразумѣнія возникаютъ отъ недостаточнаго знакомства съ географіей и административнымъ дѣленіемъ сѣвернаго Кавказа.

Собственно Ставропольская губернія, населенная издавна сплошною массою чистаго русскаго населенія, занимаетъ средину кавказскаго перешейка, и не прикасается нигдѣ къ Кубани. Южная граница губерніи есть линія, протянутая отъ Ставрополя къ Пятигорску, а отсюда къ селенію Новогригорьевскому на р. Кумѣ, но и въ эту границу врѣзываются земли волжскаго казачьяго полка, принадлежащія не Ставропольской губерніи а Терской области. Сѣверная часть губерніи занята кочевыми калмыками, а безводные пески отъ Кумы до Каспійскаго моря — ногами.

Осѣдлое населеніе Ставропольской губерніи, сидящее между Маньчегъ и Кумою, должно бы было имѣть по закону 15-ти-десятинный надѣлъ на душу; но увеличеніе населенія довело этотъ надѣлъ до 10, 9 и даже 8 десятинъ на душу. Общества, не имѣющія излишка земли, имѣютъ право не принимать переселенцевъ; лишь въ тѣ селенія, гдѣ количество земли болѣе законной пропорціи на душу, могутъ приписываться переселенцы безъ пріемныхъ приговоровъ. Совершенно свободныхъ участковъ въ Ставропольской губерніи нѣтъ, ибо они были бы немедленно заняты малоземельными крестьянами. Добавьте къ этому, что степи, принадлежащія кочевымъ племенамъ, непрерывно подвергаются захвату, несмотря на то, что вода въ степяхъ горько-соленая и едва годная для питья. Такъ недавно крестьяне Ставропольской губерніи поселились на ур. Чограсъ, среди кочевыхъ, и несмотря на возникающія между кочевыми и осѣдлыми споры за землю, администрація должна была признать это поселеніе, совершившееся вслѣдствіе усиливающейся тѣсноты населенія.

Засимъ весьма многіе смѣшиваютъ Ставропольскую губернію съ областями Кубанскою и Терскою, и съ Черноморскимъ округомъ, имѣющими совершенно отдѣльныя администраціи, и даже принадлежащія отдѣльному вѣдомству (военному).

Поэтому никакъ нельзя думать, что въ Ставропольской губерніи образовывались пустопорожниа мѣста отъ ушедшихъ въ Турцію татаръ, и что покореніе Кавказа могло открыть новыя земли для поселенцевъ. Всѣ эти предположенія относятся преимущественно къ Кубанской области и къ Черноморскому побережью, не входящимъ въ составъ губерніи, но и тамъ, сколько намъ извѣстно, поселеніе идетъ весьма

успѣшно, и весьма скоро, за надѣломъ казаковъ и поселенцевъ, не будетъ свободной земли.

Вообще говоря, странно думать, что заселеніе какой либо пустынной мѣстности можетъ встрѣтить препятствіе отъ администраціи. На практикѣ обыкновенно пустынные мѣста захватываются совершенно самовольно, и администрація совершенно *безсильна* остановить захваты, если бы даже она этого хотѣла. Ей остается только регулировать поселеніе и утверждать уже сдѣланное, устраняя для переселенцевъ тѣ затрудненія, которыя возникаютъ при окончательной припискѣ въ губерніи, вслѣдствіе претензій тѣхъ обществъ внутреннихъ губерній, откуда по большей части самовольно уходятъ переселенцы. Такъ около 15 лѣтъ тому назадъ бывшая палата государственныхъ имуществъ вела переписку о сорока тысячахъ душъ, занявшихъ мѣсто ушедшихъ въ Турцію ногаевъ, и всѣхъ ихъ причислила, оформивъ сама, посредствомъ сношеній съ подлежащими мѣстами, всѣ тѣ неправильности, которыя были допущены самовольно поселившимися.

Противодѣйствіе поселенію начинается тогда, когда плотное населеніе начинаетъ чувствовать недостатокъ земли и рѣшительно противится вторженію новыхъ лицъ въ свои дачи, опираясь притомъ на законъ, дающій ему право отказывать въ брѣмяныхъ приговорахъ, если въ дачѣ селенія нѣтъ излишней земли по числу душъ.

Конечно и администрація, по требованію того же населенія и съ его же помощью, не допускаетъ вторженій, имѣющихъ характеръ на-силія въ чужой собственности.

Весьма можетъ быть, что Редакція «Вѣстника Европы» не безъинтересно будетъ имѣть эти свѣдѣнія по вопросамъ о заселеніи, появляющимся на страницахъ ея уважаемаго изданія.

Г. Властовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

АВГУСТЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ.
А. Стоянова. Харьковъ. 1869.

Въ относительно-короткое время у насъ, вмѣстѣ съ судебной реформой, возникла адвокатура, какъ особая профессія. Въ ней, по крайней мѣрѣ въ столицахъ, не мало хорошихъ силъ и, въ интересъ самыхъ судовъ, желательно, чтобы такихъ силъ было еще больше и чтобы процвѣтаніе нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ всегда было въ прямомъ соотношеніи съ ихъ талантомъ, юридическою опытностію и добросовѣстнымъ веденіемъ дѣлъ. Но какое общественное значеніе прибрѣтеть у насъ адвокатура, суждено ли ей, въ большинствѣ ея представителей, стать доброй общественной силой, выработается ли въ средѣ ея строгое понятіе о томъ, что согласно и несогласно съ достоинствомъ ея призванія, и насколько званіе присяжнаго повѣреннаго всегда будетъ служить рѣшительствомъ для общества и суда въ томъ, что принимается въ корпорацію лицо и по знанію, и по честности стоитъ выше дѣльцовъ стараго добраго времени, — все это, разумѣется, покажетъ время и будетъ главнымъ образомъ зависеть отъ того духа, который будетъ преобладать въ совѣтахъ присяжныхъ повѣренныхъ. Въ ожиданіи, что общественный характеръ этой корпораціи съ теченіемъ времени нѣсколько погнѣе

опредѣлится, не лишено интереса уяснить себѣ, чѣмъ адвокатура была у другихъ историческихъ народовъ. Уясненію этого вопроса посвящена монографія г. Стоянова, начинающаго, правда, свое изслѣдованіе нѣсколько издали. Очевидно, только желаніе представить что нибудь цѣлое заставляетъ автора начать съ историческаго обзора судебной защиты на Востокѣ. Тамъ, гдѣ гражданскій законъ не успѣлъ отделиться отъ религіознаго и гдѣ самая идея суда не получила еще самостоятельнаго значенія, напрасно искать зачатковъ учрежденія, которое только въ римскомъ мѣрѣ прибрѣтаетъ юридическій характеръ. Всѣ предшествующія эпохи, какіе бы образчики богато-развитой культуры онѣ ни представляли, могутъ по отношенію къ избранному авторомъ предмету привести только къ отрицательнымъ результатамъ. Намъ кажется, что не всѣ институты одинаково, если поставить себѣ задачей изслѣдованіе ихъ обще-историческаго значенія, требуютъ того, чтобы за точку отправленія брать непременно Египетъ и Индію. Если вопросъ идетъ о такихъ институтахъ, которые коренятся болѣе или менѣе въ самой природѣ человѣка, какъ напр. бракъ, родительская власть, опека, имущественныя права, право наследованія и т. д., или о такихъ понятіяхъ, которыя необходимо представляются уже самому неразви-

тому человѣческому сознанию и являются при всякой общественности, какъ понятія о преступленіи и о наказаніи, то само сабою разумѣется, что задача научнаго изслѣдованія не можетъ ограничиваться только тѣми эпохами человѣческой исторіи, когда эти институты или понятія представляютъ уже значительную степень развитія. Въ интересѣ возможно-полнаго раскрытія всѣхъ сторонъ ихъ, авторъ долженъ будетъ прослѣдить ихъ, начиная съ первобытныхъ и самыхъ простыхъ формъ человѣческаго обществя. Сравнительно - историческій методъ не можетъ, конечно, ограничиваться основными понятіями матеріальнаго гражданскаго или уголовного права. Онъ одинаково примѣнимъ ко всѣмъ вопросамъ общественнаго устройства. Учрежденія государственныя и судебныя въ особенности требуютъ сравнительнаго изученія, и въ отношеніи къ нимъ въ наукѣ прежде всего стали пользоваться этимъ методомъ. Но при этомъ точкой отправленія можетъ быть только такое историческое время, которому вообще не чуждо понятіе изслѣдуемаго учрежденія. Обращаться же къ тѣмъ эпохамъ, въ которыхъ вовсе не было почвы для него, едва ли слѣдуетъ. Иначе учрежденію придается ложная родословная. То, что нѣкоторые французскіе писатели, какъ напр. Мерленъ и Дюпенъ, относили начало адвокатуры ко временамъ глубокой древности, или, какъ Даллозъ, «ко временамъ почти баснословнымъ», также еще ничего не доказываетъ, потому что заниматься опроверженіемъ историческихъ мнѣній такихъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ можетъ быть весьма свѣдущихъ юристовъ, столь же полезно, какъ опровергать, положимъ, мнѣнія писателей, которые родословную любого героя производили отъ Кесаря Августа.

Диодоръ Сицилійскій повѣствуетъ, что египтяне не желали имѣть защитниковъ на судѣ, потому что рѣчи ораторовъ скорѣе затемняютъ, чѣмъ уясняютъ дѣло. Это господствующій взглядъ восточныхъ деспотій на судебную защиту. И какъ ни любопытны сами по себѣ свѣдѣнія о судебныхъ порядкахъ, почерпнутыя авторомъ изъ новыхъ изслѣдованій о Востокахъ и въ которыхъ заключается намекъ на то, что въ исключительныхъ случаяхъ нѣчто похожее на защиту допускается на судѣ въ восточныхъ теократіяхъ, но такія исключенія только подтверждаютъ общее правило, что судебная за-

щита немислима тамъ, гдѣ судъ не имѣетъ самостоятельнаго значенія и самое знаніе законовъ составляетъ монополію жреческой касты.

Адвокатуры, въ смыслѣ особой профессіи, мы напрасно стали бы искать и въ Греціи, хотя тамъ уже признано, что судебная защита необходима въ интересѣ самаго правосудія. Защита эта и по содержанію, и по формѣ представляетъ оригинальныя черты. Несмотря на господствующую въ Аоніяхъ страсть къ процессамъ, осмѣянную Аристофаномъ, въ судахъ, предъ державнымъ народомъ, предъ его представителями въ лицѣ дикастовъ, слышалось болѣе политическаго ораторства, чѣмъ юридическихъ доводовъ, и было въ обычаѣ болѣе умилять, чѣмъ убѣждать судей. Другія и родственники подсудимаго, въ томъ числѣ старики, женщины и дѣти, сопровождающая его, съ «жезломъ плачущихъ», въ судѣ, старались видомъ своего горя и отчаянія разжалобить судей. Обращеніе на пользу защиты мимики и жестикуляціи, торжественное возвышеніе и пониженіе голоса, біеніе себя по груди, въ знакъ глубокаго убѣжденія, вообще театральная манера защиты была въ правахъ не только Греціи, но и Рима, и встрѣчается до сихъ поръ у нѣкоторыхъ южныхъ народовъ, благодаря, конечно, ихъ темпераменту. Законъ въ Греціи требовалъ, чтобы подсудимые и тяжущіеся лично становились на судѣ и сами себя защищали. Но послѣ защитительной рѣчи, произнесенной ими самими, выступалъ, съ разрѣшенія суда, посторонній ораторъ, чтобы силою своего слова отразить нападенія и удары противной стороны. Такіе защитники-ораторы (синегоры), являвшіеся на помощь съ дополнительною заранѣе заготовленною рѣчью, могли разбирать дѣло во всемъ его объемѣ, но главное ихъ назначеніе заключалось въ томъ, чтобы подѣйствовать на судѣ краснорѣчіемъ, котораго у кліентовъ недоставало и которое, какъ мы сейчасъ увидимъ, и у самихъ говорившихъ было, по большей части, заимствованное. Иногда же, вмѣсто длинныхъ адвокатскихъ рѣчей, отъ излишней продолжительности которыхъ судьи ограждены были клеандромъ, показывавшемъ назначенное для судебныхъ рѣчей каждой стороны время, — требовалось, послѣ самозащиты подсудимаго, разъяснить отдѣльно какое-нибудь обстоятельство, сдѣлать суду еще

какое-нибудь заявленіе. Съ такими объясненіями и заявленіями выступалъ кто-нибудь изъ родственниковъ или близкихъ людей подсудимаго, или посторонній человѣкъ изъ народа, говорившій похвалу подсудимому, превозносившій его «правдивость» или «честность». Лица, дѣлавшія такія похвальныя заявленія въ процессѣ (паракеты) въ дѣйствительности отличались, по современнымъ понятіямъ, отъ свидѣтелей, выставляемыхъ самими подсудимыми или защитою, только тѣмъ, что не присягали. Что они могли говорить только о фактахъ, не вошедшихъ въ выслушанныя уже показанія, также ничего не измѣняетъ въ этомъ отношеніи, и во всякомъ случаѣ обстоятельство это только потому, кажется намъ, ставитъ автора въ нѣсколько затруднительное положеніе при опредѣленіи роли этихъ лицъ въ процессѣ, что онъ эту роль старается исключительно связать (с. 26 и 27) съ дѣломъ защиты, въ техническомъ смыслѣ слова. Но особенно характеристиченъ видомъ судебной защиты въ Афинахъ служить такъ-называемая логографія. Можно было заказать искусному сочинителю приличную случаю рѣчь, выучить ея текстъ и затѣмъ произнести судѣ Краснорѣчіе синегоровъ лилось большею частію по такому чужому, заученному тексту. Риторы и софисты, бывшіе того мнѣнія, что правда и законъ придуманы для порабощенія людей, промышляли рѣчами, сочиненными на всякій случай, составляли цѣлыя книжки съ подобными рѣчами и преподавали искусство говорить въ обвиненіе и защиту по одному и тому же дѣлу. Образчикомъ подобнаго искусства можетъ служить слѣдующій примѣръ. Защищая богатаго подсудимаго, логографъ разливаетъ такую мысль: «N N любитель боговъ, потому что богатъ, а кого любятъ боги, тотъ не можетъ быть осужденъ за преступленіе.» Съ другой стороны, если противникъ кліента богатъ, то сочинитель рѣчи съ ловкостію набрасывалъ подозрѣніе на источникъ обогащенія. Тутъ адвокатъ сатирически выставилъ обратную сторону медали: «Богачъ гордъ и презираетъ народъ. У такого человѣка не можетъ быть искренней преданности къ народовластію, въ глубинѣ души, онъ всегда съ олигархами» и т. п. (с. 30). Не являясь сами въ суды, логографы не несли нравственной отвѣтственности за то, что по одному и тому же предмету они въ рѣчи, проданной одному синегору, выска-

зывали одно мнѣіе, а въ рѣчи, проданной другому, другое. Именно поэтому, профессія эта, если не всегда преслѣдовалась властью, то все же считалась весьма двусмысленною. Впрочемъ не одни софисты торговали своими рѣчами: самъ Демосеенъ занимался логографіей и не одна изъ его образцовыхъ рѣчей написана была по заказу и уступлена какому-нибудь темному синегору. Великій патриотъ и политическій ораторъ является вообще въ крайне невыгодномъ свѣтѣ, когда знакомимся съ его частною адвокатскою дѣятельностію. Логографія дѣлала возможнымъ безнаказанное вступленіе въ сношенія съ противникомъ той стороны, для которой оратору заказаны были рѣчи. Измѣнивъ однажды кліенту, которому онъ писалъ рѣчи по четыремъ процессамъ, и вступивъ въ сношенія съ противникомъ, который вслѣдствіе того и выигрываетъ дѣло, тотъ же адвокатъ-ораторъ, предъ самымъ исполненіемъ рѣшенія, «поворачиваетъ къ своему ех-клиенту по 4-мъ процессамъ и пишетъ громовую рѣчь противъ главнаго свидѣтеля со стороны соперника, выигравшаго тяжбу». Конференціи или совѣта адвокатовъ тогда не было, но за отсутствіемъ всякой организаціи между людьми, явно и еще болѣе тайно занимавшимися судебною защитою, была исторія, чтобы записать и заклеить позоромъ такой поступокъ знаменитаго оратора-адвоката. Плутархъ по этому поводу замѣтилъ: «не значить ли это взять два меча изъ одного склада и выгодно продать ихъ людямъ, которые намѣрены перерѣзать другъ другу горло?»

Въ Римѣ судебная защита первоначально тѣсно связана съ аристократической идеей патрона. Люди, въ экономическомъ и политическомъ отношеніи зависящие отъ патріція, являются его кліентами на судѣ и имѣютъ въ немъ своего естественнаго защитника, своего патрона. Это болѣе древнее выраженіе патрона, распространенное на защитниковъ вообще, удерживалось за ними въ теченіе всего республиканскаго періода и было вытѣснено изъ употребленія названіемъ адвоката только уже въ императорское время. Цицеронъ не безъ гордости указываетъ на различіе судебной защиты въ Греціи и въ Римѣ. Между тѣмъ, какъ у грековъ, замѣчаетъ онъ, послѣдній сортъ людей (*infimi homines*), руководимый торгашествомъ, является въ судахъ въ качествѣ защитниковъ,

въ римской республикѣ лучшіе люди выступаютъ въ этой роли. Этотъ аристократическій характеръ судебная защита сохранила и послѣ того, какъ знаніе законовъ и формулъ, которыми переполненъ былъ римскій юридическій бытъ, перестало составлять секретъ знатныхъ родовъ и образовался особый классъ людей, къ которому граждане обращаются за юридическимъ совѣтомъ. Чѣмъ болѣе обращаются къ какому-нибудь юристу, чѣмъ болѣе его консультируютъ, тѣмъ большимъ значеніемъ пользуется онъ въ республикѣ. Рѣдкій изъ политическихъ дѣятелей въ Римѣ не начиналъ своей карьеры съ юридической профессіи. Тамъ, гдѣ, по выраженію Тацита, интересъ суда былъ интересомъ римскаго народа, профессія эта наиболѣе представляла способъ снискать популярность и открывала доступъ ко всѣмъ выборнымъ почетнымъ должностямъ. Къ этой профессіи, какъ преданіе объ аристократическомъ ея происхожденіи, перешло и сохранялось до конца республики, но какъ идеальное уже только требованіе, — правило о безвозмездной защитѣ подсудимыхъ. Такая защита, если человекъ, выступившій на публичную арену, обнаруживалъ талантъ, сторицею вознаграждалась въ избирательныхъ комитѣяхъ. Тѣмъ не менѣе даровая защита, къ концу республики, составляла не болѣе, какъ преданье старины глубокой. Правда, весьма вѣроятно, что за защиту сицилійцевъ противъ Верреса Цицеронъ не взялъ денежнаго гонорара и удовольствовался тѣмъ громаднымъ количествомъ пшеницы, которую кліенты его прислали ему изъ Сициліи и которую онъ раздалъ въ Римѣ народу. Но такая раздача могла при случаѣ пригодиться великому оратору. Да, кромѣ того, не даровой, конечно, защитой и не одними легатами отъ богатыхъ кліентовъ составилъ себѣ этотъ безродный и «новый» человекъ колоссальное состояніе въ 20 милліоновъ сестерцій, — около милліона руб. сер. на наши деньги. Дѣятельность адвоката, не всегда совпадавшая съ болѣе почетною дѣятельностью юриста-консультанта, проявлялась не только въ защитѣ, но и въ обвиненіи. Съ послѣдняго обыкновенно начинали молодые римляне, выступавшіе на адвокатское поприще, потому что обвинять считалось легче, чѣмъ защищать, «подобно тому, какъ легче нанести, чѣмъ излечить рану». Независимо отъ этого рим-

скаго аргумента, работа надъ обвинительными рѣчами считалась особенно хорошею спеціалю для защитниковъ. Соединеніе въ адвокатской дѣятельности попеременно обвиненія и защиты представляетъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ многихъ любопытныхъ пунктовъ сходства въ юридическомъ быту Рима и современной Англіи. Вслѣдствіе обвинительнаго характера римскаго уголовного процесса, право возбуждать и послѣ поддерживать на судѣ всякій уголовный искъ, принадлежало самимъ гражданамъ. Особыхъ органовъ обвинительной власти, въ видѣ новѣйшей прокуратуры, Римъ въ лучшее свое время не зналъ, точно также, какъ ихъ въ весьма незначительной степени зветъ современная Англія, хотя въ ней на предстоящемъ нынѣ конгрессѣ социальныхъ наукъ и будетъ обсуждаться, не въ первый уже, впрочемъ, разъ, вопросъ о томъ, какіе могли бы быть созданы для нея органы публичнаго обвиненія. Римскій гражданинъ, возбуждавшій противъ частнаго или должностнаго лица уголовный искъ, получалъ отъ претора полномочіе, въ силу котораго онъ приступалъ къ розыску, производилъ осмотръ слѣдовъ преступленія, вызывалъ и допрашивалъ свидѣтелей и собиралъ другія доказательства. Уголовное преслѣдованіе въ этой формѣ практически возможно было при двухъ другихъ началахъ римскаго процесса: во-первыхъ, при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, при которыхъ уже до суда допускалась публичность, за обвинителемъ шагъ за шагомъ слѣдилъ защитникъ обвиняемаго, присутствовавшій при всѣхъ осмотрахъ и снятіи свидѣтельскихъ показаній, и во-вторыхъ, обвинитель за всякій неосновательно возбужденный уголовный искъ подвергался наказанію. Условіе о допущеніи публичности и защиты при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ существуетъ и въ Англіи, и нельзя сказать, чтобы уголовное правосудіе въ ней находилось отъ того въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Второе изъ означенныхъ условій римскаго процесса въ значительной степени излишне и отпадаетъ въ новыхъ государствахъ, даже при полнѣйшемъ проведеніи обвинительнаго начала, потому что между возбужденіемъ уголовного иска и слѣдствіемъ съ одной стороны, а съ другой самимъ судомъ, стоитъ посерединѣ вопросъ о преданіи суду, и разрѣшеніе этого вопроса въ Англіи, какъ вездѣ, обончательно зависить отъ органовъ судебной власти.

Понятно теперь, какое обширное поприще открывал римскій процессъ, на всѣхъ ступеняхъ его, для адвокатовъ, выступавшихъ одинаково въ роли обвинителей и защитниковъ. Но чѣмъ болѣе расширялся кругъ адвокатской дѣятельности, чѣмъ большей общественной силой становилась адвокатура, тѣмъ естественнѣе долженъ былъ представиться вопросъ: какое ли дѣло позволено адвокату брать и не страдать ли честь его и доброе имя отъ защиты дѣлъ дурныхъ, двусмысленныхъ?—Этотъ капитальный, вѣчно повторяющійся вопросъ адвокатуры началъ занимать и римское общество, и римскихъ юристовъ уже въ республиканское время. Общество высказалось на этотъ счетъ весьма положительнымъ образомъ: *mala causa silenda est*, т. е. нечего съ дурному дѣлу являться на помощь со своимъ словомъ. Цицеронъ же, длинныя адвокатскія рѣчи котораго составляютъ дѣлныя книги, перекрещенныя патристическими возгласами и возгласами самой строгой стоической морали, даетъ на этотъ вопросъ весьма тонкій, почти уклончивый отвѣтъ: «дѣло судьи искать неини, адвокатъ можетъ взять подъ свою защиту вѣроятность невинности». Такъ. Но тогда оставался еще вопросъ, какъ же долженъ поступить уважающій себя адвокатъ, когда для него самого не только невѣроятна виновность, но когда онъ вынесъ изъ дѣла полное убѣжденіе въ виновности лица, которое къ нему обратилось за помощью? Взять дѣло, чтобъ доказывать смягчающія вину обстоятельства? Но это можетъ имѣть мѣсто только въ уголовномъ процессѣ, въ которомъ существуетъ официальная защита, по назначенію отъ суда. Такая защита извѣстна и Риму, и если по сщдѣтельству Плинія, она стала общепользовательною въ первый вѣкъ имперіи, то едва ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніемъ, что не разомъ она возникла, а встрѣчалась и прежде. Практическое разрѣшеніе поставленнаго разъ вопроса отложено было на нѣкое вѣка, до самаго законодательства Юстиніана, которое къ нему возвратилось. Пока же было не до нравственныхъ требованій отъ адвокатуры, когда въ гражданскихъ тяжбахъ, предвѣщавшихъ близкую гибель свободныхъ учреждений и переходъ къ цезаризму, всерьезъ начинались процессы вовсе безъ

защитниковъ. Такими процессами отмѣчены кровавые дни Суллы. Подходило время, когда наиболѣе важные политическіе процессы, въ которыхъ разрѣшался вопросъ о жизни или смерти гражданина, переносились съ форума и изъ сената въ цезарскую спальню. Тацитъ, изобразившій одинъ изъ такихъ процессовъ, именно надъ Валеріемъ, противъ котораго доносчикомъ и обвинителемъ выступилъ адвокатъ Суллій, представилъ вообще достаточно данныхъ для характеристики адвокатуры во времена имперіи. Самъ принадлежа, по своему прошедшему къ судебной сферѣ, великій историкъ хорошо знакомъ съ нею и не переставаетъ указывать деморализацію, произведенную въ ней имперіей. Въмѣстѣ съ ограниченіемъ подсудности тѣхъ судовъ, въ которыхъ еще допускаясь адвокаты, измѣляла сама практика, что опять должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ пониженіе умственнаго уровня профессіи. Въ рѣчи своей объ ораторѣ Тацитъ замѣчаетъ: «таланты растутъ съ важностію дѣлъ: иное защищать вора или толковать объ интердиктѣ; иное отстаивать муниципіи». Но гораздо болѣе, чѣмъ таланты, понизился уровень адвокатской нравственности, никогда, впрочемъ, не бывшій очень высокимъ въ Римѣ. Говоря въ своихъ *Анналахъ* о томъ, какіе обширные пути общественнаго грабежа открыты были цезарями, сосредоточившими въ своемъ лицѣ всѣ отрасли власти, и какъ на этихъ путяхъ въ особенности подвизались адвокаты, подражавшіе Суллію въ роли доносчиковъ и обвинителей, Тацитъ приходитъ къ заключенію, что «адвокатская совѣсть сдѣлалась самымъ продажнымъ товаромъ на публичномъ рынкѣ». Тамъ же мы читаемъ объ адвокатѣ, который, взявъ по одному дѣлу съ римскаго всадника 400 т. сестерцій (около 20 т. руб. сер.), измѣняетъ своему кліенту, вступая въ сношенія съ противною стороною, и доводитъ его до самоубійства. Какъ ни привыкли тогда къ скандаламъ и безчестностямъ всякаго рода — это было при Клавдіѣ — но приведенный сейчасъ случай показался уже черезъ чуръ возмутительнымъ. По инициативѣ консула, сенаторы стали требовать исполненія стараго цензура закона, запрещавшаго брать деньги или подарки за судебную защиту, съ тѣмъ, чтобы виновные въ нарушеніи этого закона су-

дился какъ за вымогательство. Тогда Сулий и другіе адвокаты, «видѣвшіе себя напередъ уже не только преслѣдуемыми, но и осужденными, потому что ихъ преступленія были для всѣхъ очевидны», обратились къ цезарю, къ которому они имѣли доступъ, съ такими рѣчами: «что кто же изъ людей настолько гордъ, чтобъ мечтать о вѣчной славѣ? Краснорѣчіе прежде всего есть полезное и практическое орудіе, потому что безъ адвокатовъ каждый сталъ бы зависть отъ бога сильнаго. Но даръ слова приобрѣтается не даромъ: для того, чтобъ посвятить себя чужимъ дѣламъ, нужно пренебречь собственными. Одни живутъ военнымъ ремесломъ, другіе обработкою полей, но никто не обращается къ занятію, не вычитавъ напередъ всѣхъ его выгоды» и т. д. Цезарь убѣдился этими рѣчами и опредѣлилъ maximum адвокатскаго гонорара въ 10 т. сест. или въ 500 р. с. Тогда стали обходить законъ такимъ образомъ, что эту сумму брали не за цѣлое дѣло, а за каждое отдѣльное дѣйствіе въ процессѣ. Такое вознагражденіе получали, разумѣется, наиболѣе извѣстные люди профессіи. Но такъ какъ вліяніе въ нее всякаго лица было очень велико, то второстепеннымъ дѣятелямъ приходилось довольствоваться меньшимъ гонораромъ. Сатирики этого времени упоминаютъ о защитникахъ, которые не брезгаютъ гонораромъ изъ нѣсколькихъ связокъ египетскаго лука, приправленныхъ затхлымъ виномъ отдаленной провинціи. Но убѣжденіе, что всякое дѣло хорошо, когда попадаетъ къ ловкому адвокату, одинаково и безразлично раздѣляется цѣлой профессіей.

Устройство адвокатуры, очищеніе ея посредствомъ правильной организаціи отъ паразитовъ всякаго рода и освобожденіе посредствомъ дисциплины отъ собственныхъ немощей ея, становилось очереднымъ и насущнымъ вопросомъ для законодательства. Юристы II и III стол., трудами которыхъ воспользовалось Юстинианово законодательство, — Ульпіанъ, Павелъ и др. считали правильное устройство адвокатуры тѣмъ болѣе необходимымъ, что видѣли въ ней составную часть правильной судебной организаціи. Не ихъ вина, конечно, что ступивъ разъ на путь регламентаціи этого сословія и стремясь исчерпать вопросъ, кто имѣетъ право быть адвокатомъ, отъ какой власти зависить принятіе кого-либо въ адвокаты,

какія права ихъ и обязанности въ отношеніи клиентамъ и къ судебной власти, какаѣ ихъ отвѣтственность за прамыя нарушенія долга, упущенія и даже за ошибки, — законодательство перешло за черту необходимаго и задуло распущенное прежде сословіе такъ крѣпкими узами, что ему уже свободно дышать нельзя было, задушило въ немъ вслу жизнь и обратило въ трупъ. То было послѣдствіемъ тѣхъ общихъ стремленій правительствъ къ централизаціи и къ подчиненію всѣхъ общественныхъ силъ и учрежденій префектамъ и ректорамъ провинцій, губернаторамъ, и которымъ и суды давно лишались уже вслѣдствіе самостоятельности и въ государствѣ ихъ силу и значеніе одна административная власть. Это тѣ самыя стремленія, которыя изъ нихъ раньше выбивали вслѣзую жизнь и медленно, и вѣрно обращали ее въ огромное бездушіе тѣло. Вдунуть новую жизнь въ это тѣло Юстинианово законодательство, конечно, не могло. Ему оставалось подвести только итоги подпрошедшее и заняться обираемъ матеріала, который можетъ быть, къ чему нибудь еще пригодится. Относительно адвокатуры Юстинианово законодательство завершаетъ рядъ предшествующихъ мѣръ, клонившихся къ установленію отвѣтственности адвокатовъ. Предъ каждымъ дѣломъ адвокаты обязаны присягать на евангеліи: «употребляя честныя средства, отстаивать, всею силою своихъ способностей и знаній, законныя и справедливыя интересы клиентовъ». При этомъ кодексъ Юстиніана ставитъ адвокатамъ въ обязанность отказываться отъ дурныхъ дѣлъ, послѣ принятія ихъ и даже послѣ приступа уже къ защитѣ. За дѣло, принятое уже однимъ адвокатомъ живымъ, безчестнымъ и безнадежнымъ, не въ правѣ брать ся другой адвокатъ. Защитѣ долженъ такимъ образомъ предшествовать строгій разборъ дѣла въ кабинетѣ адвоката. Но когда кто принялъ дѣло по убѣжденію въ его честности и справедливости, тогда онъ обязанъ довести его до конца, развѣ представились бы какія-нибудь законныя препятствія. Какое употребленіе, по отношенію къ адвокатурѣ, сдѣлали новыя законодательства изъ матеріала, собраннаго Юстиніаномъ и имъ дополненаго, мы, конечно, увидимъ изъ труда г. Стоянова, когда онъ будетъ доведенъ до конца, и въ томъ же научномъ направленіи, въ которомъ онъ началъ.

Шартны прошедшаго. Писалъ съ натуры А. Сухова-Кобылинъ. Москва, 1869.

Въ 1855 г. на московскомъ театрѣ въ первый разъ была представлена трехъ-актная комедія «Сватъба Кречинскаго», которая не только до сихъ поръ удержалась на сценѣ, но и занимаетъ въ нашемъ репертуарѣ почетное мѣсто. Въ это время сцена начала уже освѣщаться произведеніями Островскаго, но тѣмъ же не менѣе появленіе комедіи А. Сухова-Кобылинъ сопровождалось нѣкоторымъ шумомъ и толками. Талантъ признавали въ немъ всё, но относительно значенія комедіи слышались мнѣнія противоположныя: одни говорили, что новизна пьеса выводитъ какихъ-то исключительныхъ личностей и что самая завязка принадлежитъ къ числу исключительныхъ; другіе придавали комедіи большое значеніе и въ Кречинскомъ и Расплюевѣ видѣли крупныя типы. Какъ почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, правду надо было искать въ серединѣ. Г. Сухово-Кобылинъ обнаружилъ несомнѣнный сценическій талантъ: красивая постройка пьесы, ловко развитая интрига, движеніе, у мѣста востановленные эффекты — все это говорило о значительномъ знаніи сцены и о томъ талантѣ, который дается только недюжиннымъ талантомъ. Внутренній комизмъ нѣкоторыхъ сценъ также былъ несомнѣненъ, но были мѣста, гдѣ комизмъ былъ чисто внѣшняго свойства, былъ шаржировкою, да притомъ еще довольно грубою. Талантливое исполненіе пьесы закрывало этотъ недостатокъ. Что касается типовъ, то опять приходилось признаться, что личность плута была воспроизведена съ большимъ талантомъ, даже съ историческимъ приемомъ, который показывалъ этого плута такъ-сказать въ первобытное, доисторическое время и заѣмъ въ томъ видѣ, какъ выработали его нѣмныя стороны цивилизаціи. Кречинскій и Расплюевъ — это одинъ типъ, но только въ разные фазисы развитія. Кречинскій вовсе не особенно уменъ, но онъ ловокъ, онъ наметалъ вокругъ игроковъ, усовершенствовалъ форму развѣтъ свой умъ въ одну сторону. Этотъ плутъ былъ недостаточно понятенъ массѣ и потому Кречинскій не сдѣлался въ ея обиходѣ ходячимъ типомъ; напротивъ, Расплюевъ, вѣстувъ, человекъ безъ всякихъ нравственныхъ повѣтъ, наивный плутъ, то дерзкій, то русый, смотря по обстоятельствамъ, былъ

немедленно понятъ всѣми и вошелъ въ общее употребленіе. Въ сущности оба они похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды, различаю только въ формѣ и развитіи; но до этой формы и этого развитія масса не доросла и смотрѣла на Кречинскаго, какъ на любопытный и рѣдкій экземпляръ, а г. Самойловъ, воспроизводившій его на петербургской сценѣ, придавъ ему даже польскій акцентъ, какъ будто для того, чтобы показать различіе двухъ цивилизацій, русской и польской. «А, это не нашъ», сказала себѣ публика, глядя на штуку этого совершеннѣйшаго джентльмена, который украсилъ бы собою самый элегантнѣйшій кругъ общества, и привязалась къ Расплюеву, въ которомъ узнала слишкомъ родное и первобытное. Съ этой стороны, типъ Расплюева вовсе не такъ мелокъ, какъ думаютъ нѣкоторые: это не плутъ-игрокъ, не плутъ извѣстной профессіи, а плутъ вообще, или, лучше сказать, человекъ безъ всякихъ нравственныхъ убѣжденій, готовый совершить всякую подлость, даже всякое преступленіе, если ему докажутъ, что онъ никакой за то отвѣтственности не подвергнется. Не обладая внѣшнимъ лоскомъ и развитіемъ, какъ Кречинскій, онъ самъ ничего путнаго измыслить не можетъ, но исполнителемъ, холопомъ, гончей собакой будетъ, если его прикармливать и показывать въ дали болѣе блестящее положеніе. Онъ чувствуетъ въ себѣ по временамъ даже нѣкоторую силу, но сознаетъ въ тоже время, что сила эта первобытная, не получившая должной отдѣлки и потому принужденная склоняться передъ другою, высшей силой. Расплюевыхъ много, они не вывелись и выведутся не скоро, если только выведутся; они на виду у всѣхъ дѣйствуютъ и всё знаютъ, что они Расплюевы. Кречинскаго уловить трудно: изысканныя формы прикрываютъ его щитомъ, да кромѣ того онъ витаетъ по большей части въ таковыхъ сферахъ, гдѣ легко мѣняются роли и гдѣ пути открыты для дарованій.

Успѣхъ «Сватъбы Кречинскаго» подвинулъ автора ея къ созданію новаго произведенія. Онъ написалъ пяти-актную драму «Дѣло», которую не только не пустили на сцену, но и въ печати она извѣстна была до настоящаго времени только немногимъ по заграничному изданію. Авторъ счелъ нужнымъ приступить къ ней не просто: «Сватъба Кречинскаго» д.

вала ему право обнаружить оригинальничанье съ первыхъ страницъ драмы и онъ пишетъ въ заголовкѣ: «данности». Данности эти заключаются въ слѣдующемъ: «Со времени разстроеннейшей свадьбы Кречинскаго прошло 6 лѣтъ. Дѣйствие происходитъ въ Санктъ-Петербургѣ, частію на квартирѣ Муромскихъ, частію въ залахъ и апартаментатахъ какаго нѣсть вѣдомства». Обмѣновенные смертные, начивая съ Шекспира и кончая Гоголемъ, подобныя замѣчанія писали просто. Далѣе слѣдуютъ дѣйствующія лица, которыя раздѣляются на пять разрядовъ: «начальства, силы, подчиненности, ничтожества или частныя лица и не лицо». Выписываемъ начальства: *весьма важное лицо*. Здѣсь все, и самъ авторъ безмолвствуетъ. *Важное лицо*. По рожденію князь; по службѣ тайный совѣтникъ. По клубу пріятный человѣкъ. На службѣ звѣрь. Бѣтъ здоровъ, за клубничкой охотится, но тамъ и здѣсь до пресыщенія, и потому гемороида-лится». Въ числѣ «силъ» главное мѣсто занимаетъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Варравинъ и коллежскій совѣтникъ Тарелкинъ; въ подчиненностяхъ обращаютъ на себя вниманіе «колеса, шкивы и шестерни бюрократіи», чиновники: Герцъ, Шерцъ и Шмерцъ. «Ничтожества или частныя лица» тѣ же, что и въ «Свадьбѣ Кречинскаго», исключая, впрочемъ, Кречинскаго и Расплюева. «Дѣло» есть продолженіе «Свадьбы Кречинскаго» и заключается въ себѣ изображеніе судьбы семейства Муромскихъ, преданныхъ на сѣденіе стараго суда. Лидочка привлечена къ дѣлу Кречинскаго вслѣдствіе того, что квартирный, браваднѣй Кречинскаго, когда обнаружился подлогъ булавки, донесъ, что Лидочка, отдавая ростовщину настоящую булавку, сказала: «это моя ошибка», между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она проговорила: «это была ошибка». Понятно, что если она сказала: «это моя ошибка», значить участвовала съ Кречинскимъ въ подлогъ; если она участвовала въ подлогъ, значитъ, была очень близка къ Кречинскому; отъ этого предположенія недалеко до незаконнаго «сожитія», а если сожитіе было, то могъ быть и ребенокъ. Гдѣ же ребенокъ? Куда онъ исчезъ? Добрая репутація дѣвушки подорвана; Расплюевъ является свидѣтелемъ, что Лидочка дѣйствительно «жила» съ Кречинскимъ. Муромскій, отецъ Лидочки, всѣми силами старается заглушить скан-

далъ; онъ продалъ одно имѣніе, заложилъ другое—все это идетъ на взятки. Не вида комъ ему, онъ ѣдетъ самъ въ Петербургъ, думая, что въ высшихъ сферахъ найдетъ себѣ защиту, но «очень важное лицо» и «важное лицо» подчинены «силамъ», «силы» же хотятъ крутой взятки, такой взятки, о которой не смѣли помышлять въ провинціи, и чтобъ вѣрнѣе подвинуть его на это, страшатъ стороною, что Лидочку освидѣтельствуютъ въ медицинско-управѣ, чтобъ убѣдиться, сохранила ли она невинность или нѣтъ. Муромскій рѣшается дать, но въ рѣшительную минуту жагѣтъ де негъ и ѣдетъ объясниться съ «важнымъ лицомъ», въ надеждѣ, что онъ приметъ его дѣломъ къ сердцу. Это объясненіе—одно изъ лучшихъ сценъ въ драмѣ, хотя и шаржировано. «Важное лицо» является комичнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительнымъ по своему наглому низму, легкомыслію и невниманію къ просителямъ. Муромскій выходитъ изъ себя: «вѣтъ у васъ правды», кричитъ онъ: «суды ваши-пилатовы расправы. Судопроизводство ваше хуже иудейскаго. Судейцы ваши ведутъ уже не торгъ—это были счастливыя времена—а разбой». «Важное лицо» приходитъ въ бѣшенство и приказываетъ обратитъ дѣло къ «строжайшему переслѣдованію», чего именно не хотѣлось главной «силѣ», Варравину: онъ желалъ взятку и покончить съ дѣломъ. А теперь, когда оно поступаетъ къ переслѣдованію, взятку вьять мудрено. Однако, онъ ухитряется съ помощью своего фактотума, Тарелкина, который убѣждаетъ Муромскаго заглядитъ свой промахъ передъ «важнымъ лицомъ» и самому светитъ 25 т. серебромъ Варравину. Муромскій упорствуетъ, Лидочка стоитъ на сторонѣ отца, и всѣ остальные убѣждаютъ его и между нимъ Нелькинъ, который и здѣсь, какъ въ «Свадьбѣ Кречинскаго» является болтуномъ и безцѣльнымъ человѣкомъ, хотя и говоритъ такія звонкія фразы: «неужели внутри насъ вѣтъ столько честности, чтобы съ гордостью одѣться въ ломотья внѣшней чести, которую располосовали въ руски этотъ старый шутъ законъ, разнати по швамъ, разраженный въ ленты и повѣшенный себѣ на шею Гудинъ кошель». Муромскій ѣдетъ въ присутствіе къ Варравину, тотъ съ вѣжливо принимаетъ и обнадеживаетъ; оставивъ пакетъ съ деньгами, Муромскій толкъ что вышелъ изъ кабинета, какъ Варравинъ

зоветь его обратно и говоритъ, что онъ забылъ у него пакетъ, что онъ хотѣлъ купить его, но это ему не удастся и, бросая пакетъ на полъ, говоритъ: «я васъ могу представить всей строгости законовъ—и только ваши гѣта—извольте идти». Муромскій поднимаетъ пакетъ, въ которомъ отъ 25 тысячъ осталась всего одна съ небольшимъ, приходитъ въ ужасъ, сознаетъ, что ему разставили капканъ и поймали въ него.

Муромскій. Да кто же тутъ (*осматриваясь*)... тутъ все одна шайка.. (*другъ выкрикивается*). Стойте! Ведите меня къ Государю!

Живецъ и Тарелкинъ (*обступаютъ его, машутъ руками и умиляютъ*). Шпигтъ... успокойтесь. Милостивый государь... успокойтесь... что вы?.. шпигтъ...

Муромскій (*стремительно выступаетъ впередъ*). Я требую... ведите меня къ моему Государю... Давайте сюда жандармовъ!.. полицейскихъ!.. по улицѣ!.. безъ шапки!.. Мы сообщники! Мы воры! (*хватаетъ Варравина за руку и тащитъ его*) Пойдемъ!..

Варравинъ (*рвется у него*) Что вы.. что вы?

Муромскій (*тащитъ его*) Пойдемъ! Мы млатвопреступники.. куйте насъ! Слово и дѣло!.. куйте насъ вмѣстѣ (*его голосъ слабеетъ*)... къ Государю!.. я ему скажу... Отецъ!.. Всѣхъ васъ отецъ... Милостивый мой, добросердый... Государь!.. (*у него занимается духъ*).. Ва... Ва... ше... Ва... ше.

Муромскій лишается чувствъ и затѣмъ умираетъ. Варравинъ торжествуетъ и зарекомендовываетъ себя честнѣйшимъ человѣкомъ, какъ передъ «важнымъ лицомъ», такъ и передъ «очень важнымъ лицомъ».

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе драмы, которая въ свое время могла бы имѣть успѣхъ громадный и въ настоящее время — весьма большой, хотя она отнюдь не отличается достоинствами «Сватъбы Кречинскаго». Правда, вопросъ о неправоудіи поставленъ въ ней такъ рѣзко, что рѣзче этого поставить его нельзя; но зато построеніе драмы чисто внѣшняя и вся она держится на такъихъ случайностяхъ, что можетъ ежеминутно расцѣпиться. Внутренней необходимости событій, этой своего рода судьбы древнихъ трагедій, которыя ставятъ дѣйствующихъ лицъ

въ безысходное положеніе, отыскать тутъ невозможно. Главное дѣйствующее лицо является человѣкомъ пассивнымъ, ничего не дѣлающимъ для лучшаго оборота своего дѣла и сличномъ наивнымъ: Это—воскъ, изъ котораго окружающіе дѣлаютъ все что хотять, обманываютъ, эксплуатируютъ и т. д. Искусственность постройки драмы видна на каждомъ шагу даже самому недогадливому читателю, который замѣтитъ, что дѣйствіе направляется въ одну сторону единственно по волѣ автора, а не потому, чтобъ дѣйствующія лица поставлены были въ необходимость дѣлать такъ, а не иначе. Считая изъ случайностей, она не обладаетъ ни тѣмъ движеніемъ, какое находимъ въ «Сватъбѣ Кречинскаго», ни тою отдѣлкою характеровъ, ни ихъ новизною. Мы свазали, что Кречинскаго и Расплюева не является на сценѣ, но Варравинъ и Тарелкинъ — ссылки съ нихъ, почти фотографическіе свмки; въ комедіи Кречинскій попадаетъ за подлогъ подъ судъ и комедія кончается тѣмъ, что порокъ наказать по крайней мѣрѣ квартальный надзиратель; въ драмѣ, Кречинскій-Варравинъ, совершивъ самое подлое дѣло, не только остается не наказаннымъ, но торжествуетъ, какъ человѣкъ безкорыстный. Только въ этомъ и разница между ними и въ этомъ же мораль пьесы: частному лицу продѣлки не всегда сходять съ рукъ, чиновнику, особенно важному, при господствовавшемъ произволѣ, можно было совершать все безнаказанно. Мораль опять-таки ярко и рѣзко выставленная, но опять чисто внѣшнимъ образомъ: г. Сухово-Кобылину не удается схватить пружинъ внутреннихъ, и по нашему мнѣнію, «Дѣло», несмотря на всю свою благонамѣренность въ лучшемъ значеніи этого слова — ничего не прибавляетъ къ его литературной репутаціи. Что касается комедіи «Смерть Тарелкина», то это довольно пустой фарсъ, основанный на переодѣваніи и самомъ невѣроятномъ анекдотѣ; онъ не заслуживаетъ, чтобъ надъ нимъ останавливаться, даже въ виду того, что здѣсь снова является Расплюевъ—это лучшее созданіе г. Сухово-Кобылина — уже въ качествѣ квартальнаго надзирателя.

При благопріятныхъ условіяхъ нашего театра г. Сухово-Кобылинъ могъ бы подарить ему нѣсколько пьесъ, которыя не отличались бы силою художественнаго дарованія, но были

бы очень сценичны, умны и дали бы прекрасный материалъ для даровитыхъ артистовъ. Талантъ не глубокой, но живой и наблюдательный, способный къ ловкой компоновкѣ, къ умнымъ, хотя и вѣшнымъ эффектамъ, авторъ «Свадьбы Кречинскаго» могъ бы играть далеко не послѣднюю роль и не на такой бѣдной драматической сценѣ, какъ наша.

Осмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартеиевымъ. Книга третья. М. 1869.

Сборникъ г. Бартеиева пользуется значительнымъ успѣхомъ, благодаря возбужденному въ нѣкоторой части общества интересу къ прошлымъ судьбамъ отечества и нѣсколькимъ относительно цѣннымъ материаламъ, напечатаннымъ въ немъ; но такихъ материаловъ весьма немного; большую частію «Осмнадцатый вѣкъ» наполняется такими документами, которые имѣютъ значеніе фамилное, а иногда и вовсе никакого. Къ сожалѣнію, это же приходится сказать и о большинствѣ оригинальныхъ статей его, которыя, впрочемъ, появляются рѣдко. Какое значеніе, напримѣръ, имѣетъ статья г. Андреева объ Екатеринѣ Первой, помѣщенная въ третьей книжкѣ «Осмнадцатаго вѣка»? Какъ компиляція извѣстій, набранныхъ изъ иностранныхъ источниковъ, она могла бы имѣть нѣкоторый интересъ, еслибъ автору извѣстна была критическая оцѣнка источниковъ, которыми онъ пользовался, или еслибъ онъ сумѣлъ представить яркую характеристику Екатерины, какъ жены Петра и какъ государыни. Ничего подобнаго у г. Андреева отыскать невозможно: его интересуютъ анекдотическія подробности, болѣе или менѣе извѣстныя и часто весьма сомнительнаго происхожденія, сны, которые случалось видѣть Екатеринѣ и т. п. Этотъ поверхностный взглядъ на задачу біографіи отражается и въ томъ предпочтеніи, которымъ онъ удостоиваетъ одни источники передъ другими. Обиліе анекдотовъ и связанный разсказъ для него ручательство достовѣрности источника. Напр. записки Вильбуа, наполненныя множествомъ сказокъ, прикрашенныхъ фантазіей съ ловкостью и безцеремонностью француза, г. Андреевъ считаетъ достовѣрными и преспокойно предпочитаетъ ихъ всѣмъ другимъ источникамъ единственно на томъ основаніи, что эти записки «кажутся»

г. Андрееву «обстоятельными». Критически пріемъ изъ самыхъ элементарныхъ и наивныхъ по изъ устъ младенцевъ не всегда исходитъ истина; по этому пріему можно судить и самой характеристикѣ Екатерины, сдѣланной г. Андреевымъ. Что касается сновъ, то онъ передаетъ читателямъ «Осмнадцатаго вѣка» одинъ, видѣнный Екатериною за двѣ недѣли до ареста Монса, «оказавшійся пророческимъ и другой передъ смертью, «опять вѣрно и толкованный ею», замѣчаетъ историкъ «Осмнадцатаго вѣка». Явившійся поклонникомъ съ толковательныхъ способностей Екатерины, Андреевъ опускаетъ все то, что дѣйствительно заслуживало вниманія, напр. вниманіе, которое оказала Екатерина народу, по вступленіи на престолъ, озоботившись уменьшеніемъ налоговъ, на что указалъ, если не измѣняетъ вамъ память, г. Арсеньевъ въ своей монографіи «Царствованіе императрицы Екатерины I»; вряду другихъ фактовъ, заслуживало бы анализъ вліяніе Екатерины на характеръ дѣятельности Петра по отношенію къ боярству, вліяніе, которое могло родиться независимо отъ самой Екатерины, просто въ силу того, что она была изъ низшаго сословія. Съ своей стороны г. Бартеиевъ дѣлаетъ къ статьѣ примѣчаніе, что она «написана прежде, чѣмъ вышелъ въ свѣтъ 18-й томъ «Исторіи Россіи», С. М. Соловьева, гдѣ «находятся совершенно новыя извѣстія о роствѣ императрицы Екатерины I, разсмѣяныя по ея собственному приказанію въ 1715 г. П. М. Бестужевымъ». Повидимому выходитъ, что статья г. Андреева помѣщена въ «Осмнадцатомъ вѣкѣ», единственно на томъ основаніи, что въ ней находятся *совершенно старыя* извѣстія о супругѣ Петра.

Для оправданія помѣщенія многихъ другихъ будто бы историческихъ материаловъ нельзя прійскать и такой причины. Издатель «Осмнадцатаго вѣка» особенную слабость чувствуетъ къ письмамъ людей сколько-нибудь замѣчательныхъ; хотя бы эти письма были совершенно ничтожною, онъ печатаетъ ихъ крупнымъ шрифтомъ; считая каждую строчку за нѣкоторую святиню; если попадается конвертъ, г. Бартеиевъ описываетъ и конвертъ изслѣдуетъ печать и свойства сургуча. Въ первыхъ двухъ томахъ «Осмнадцатаго вѣка» такихъ писемъ множество. и они составляютъ тотъ балластъ, который дѣлаетъ изъ

томы нѣсколько объемистыми; также много ихъ и въ третьемъ томѣ и огромное большинство ихъ также ничтожно. Кому можетъ быть нужно, что Анна Ивановна, будучи герцогиней курляндской, писала такія записочки къ А. М. Бозодавовой: «Анна Михайловна, за письмо ваше благодарна и впредь пиши. Живите счастлива на прикизѣ. О себѣ вамъ, объявляю, въ добромъ здоровьи; только вчера немогла бокомъ, а сегодня кровь пускала, и благополучно пустила; а что я долго не писала, того ради, что великая печаль дошла: не стало государя Е. И. В., а російскій скипетръ воспринять великій князь Е. И. В-ство, и тѣмъ меня еще порадовало. А я нынѣ въ Варнавѣ очень хорошо, и Жукова нѣтъ. Поздравьте мужу и Анютѣ. И пребываю вамъ всегда доброжелательная Анна». Еще ничтожнѣе по своему значенію записочки в. в. Павла Петровича къ Федору Ивановичу Курдюкову, который служилъ офиціантомъ и завѣдывалъ дворцомъ въ Павловскѣ. Историческому лицу нельзя написать простой записки къ своему истопнику о томъ, чтобъ онъ вытопилъ печи, безъ того, чтобы эта записка не попала въ печать. «Курдюковъ. Пришли сюда садовника Мамонова съ курьеромъ». «Курдюковъ. Увѣдомь меня, какъ работы въ домахъ идутъ. Каковы печи и поля. Живописцы пріѣхали ли и когда. Начали ли они свою работу и когда отдѣлаются. О всемъ семъ увѣдомь меня подробно.» «Курдюковъ. Мы будемъ завтра обѣдать въ Паульгускѣ, то приготовься принять. Изъ пухекъ съ пріѣзда не стрѣлять, а только изъ 2-хъ къ обѣду». Такого же характера и письма Павла Петровича къ Вадковскому. Нѣсколько любопытнѣе письма его къ Е. И. Нелидовой, съ которою онъ сохранялъ постоянную, «идеально-чистую и возвышенную» дружбу. Для характеристикъ этихъ отношеній важно французское письмо его къ императрицѣ Екатерицѣ II, начинающееся такъ: «эти строки дойдутъ до В. И. В. вѣроятно лишь тогда, когда меня уже не будетъ въ живыхъ». Великій влязь, чтобъ оправдать Нелидову, рѣшился лишить себя жизни, какъ видно изъ этихъ и слѣдующихъ строкъ: «я видѣлъ, пишетъ онъ, какъ злоба возставала на судъ¹⁾ и хотѣла дать лож-

ныя толкованія связи, единственно дружественной, возникшей между Е. И. Нелидовой и мною. Относительно этой связи, клянусь тѣмъ судищемъ, предъ которымъ мы всѣ должны явиться, что мы предстанемъ передъ нимъ съ совѣстью свободною отъ всякаго упрека, какъ за себя, такъ и за другихъ. Затѣмъ не могу это засвидѣтельствовать цѣною моей крови! Свидѣтельствую о томъ.....¹⁾ прощаясь съ жизнью. Клянусь еще разъ всѣмъ, что есть священнаго. Клянусь торжественно и свидѣтельствую, что насъ соединила дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая. Свидѣтель тому Богъ, и проч.». Письмо это не имѣетъ даты; по какому случаю оно написано—неизвѣстно: издатель «Осмнадд. вѣка», весьма щедрымъ на примѣчанія даже тамъ, гдѣ они совсѣмъ не нужны, оставилъ это письмо безъ всякихъ объясненій. Мы не знаемъ даже того, было ли оно послано по назначенію, ибо напечатано въ ряду писемъ и записочекъ, посвящихъ общее заглавіе: «изъ бумагъ Е. И. Нелидовой». Быть можетъ, оно попало въ руки Нелидовой изъ рукъ великаго князя, какъ цѣнное воспоминаніе. Какъ бы то ни было, отношенія Павла Петровича и супруги его къ Нелидовой въ самомъ дѣлѣ любопытны въ психологическомъ отношеніи.

Изъ другихъ писемъ разныхъ лицъ можно упомянуть о письмѣ архимандрита Симонова монастыря, Амвросія, къ архіепископу московскому Платону. Дѣло въ томъ, что Платонъ потребовалъ запискою, чтобъ архимандритъ кланялся ему во время служенія «политичнымъ образомъ, пониже». Архимандритъ отвѣчалъ ему, что приказаніе это удивило его «первое потому, что самъ Богъ положилъ заповѣдь сію: *Господу Богу твоему поклониться*, а того, чтобъ низко или пониже кланяться, не предписалъ. Посему обыкновенно разными образами кланяются ему, яко не на ви́шнее тѣла движеніе, но на сердце смиренное взирающему». Сославшись затѣмъ на императора, который также не обращаетъ вниманія на «качества» поклоновъ, и на свое долготѣнее служеніе, онъ продолжаетъ: «не знаю, по какому

раздо понятіе: «j'ai vu la malignité s'ériger en juge».

¹⁾ Судя по точкамъ въ «Осмн. вѣкѣ», тутъ пропускъ какого-то слова.

¹⁾ Цитируемъ по переводу, который не особенно грамотенъ. Эта фраза по-французски го-

праву долженъ я на старости учиться, чтобъ въ священнослуженіи политичнымъ образомъ понижѣ кланяться высокопреосвященству вашему, нежели другимъ архіереямъ, и проч.) Письмо это можетъ быть поучительно и для архіереевъ настоящаго времени.

Для характеристики Екатерины II, не лишены значенія письма ея къ Н. И. Панину и генераль-прокурору Вяземскому по дѣлу извѣстнаго Мировича, который хотѣлъ возвратитъ русскій престолъ 24-лѣтнему Іоанну Антоновичу, сидѣвшему въ Шлиссельбургской крѣпости. Извѣстна трагическая судьба этого юноши, который весь свой вѣкъ провелъ въ заточенія и погибъ жертвою честолюбивыхъ замысловъ и дворскихъ интригъ. Императрица говоритъ, что видѣла этого принца, желая узнать его душевныя качества и доставить ему покойную жизнь; но, убѣдившись, что онъ косноязыченъ и лишень «разума и смысла человеческого», она оставила его въ заключеніи, опредѣливъ къ нему «надежный караулъ», «дабы кто злоухищренный для своихъ какихъ-либо видовъ не покусился иногда его обеспокоить или какимъ предпріятіемъ въ обществѣ мятаяъ произвести». Человѣколюбивое намѣреніе исчезло передъ приемъ, который оказался безумнымъ. Еслибъ былъ онъ въ здоровомъ разсудкѣ, она доставила бы ему спокойную жизнь. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? Безумный человѣкъ едва ли не безопаснѣе здоровымыслящаго. Кажется, есть извѣстіе, что одно время Екатерина думала о бракѣ съ несчастнымъ принцемъ... Неизвѣстно, когда и гдѣ происходило ея свиданіе съ нимъ, но императрица свидѣтельствуетъ: «всѣ бывшія тогда съ нами видѣли, сколько наше сердце сострадало жалостью человѣчеству...» Во время суда надъ Мировичемъ, разыгралась довольно характерная сцена. Духовенство высказалось за пытку, Черкасовъ поддерживалъ его, говоря: «намъ необходимо нужно, жестокииъ розыскомъ злодѣю, оправдать себя не только передъ всѣми теперь живущими, но и слѣдующими по насъ родами, а то опасались, чтобъ не имѣли причины почитать насъ машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися или комедіантами». Собраніе оскорбилось. По этому поводу императрица написала Вяземскому письмо, въ которомъ, оправдывая Черкасова его «лицемѣрнымъ усердіемъ», прибавила: «Съ другой стороны

чужестранные недоброжелательныхъ дворовъ министры по городу распѣвають, что я сама въ семь дѣлѣ заставляю собраніе для закрыательства истинны комедію играть; сверхъ того и у насъ уже партіи дѣйствуютъ: того ради повегѣваю вамъ впредь болѣе ни присовѣтывать, ни отговаривать отъ пытокъ, но дайте большинству голосовъ совершенную волю».

Любопытны два письма ея къ тому же лицу о лифляндскихъ депутатахъ въ комиссію объ Уложеніи, которые выражали желаніе отклониться отъ предположенныхъ, общихъ для всей Россіи, законовъ. Она говорила о «лифляндской замашѣ быть нашими законодателями» и приказываетъ Вяземскому, чтобъ онъ велѣлъ какому-нибудь депутату, особенно изъ знати, чтобъ онъ подалъ голосъ противъ этой замашки и сама набрасываетъ полную программу этого голоса или мнѣнія, изъ котораго приводимъ слѣдующія строки: «Чтобъ же лифляндскіе законы лучше были нежели наши будутъ, тому статья нельзя; ибо наши правила само челоѣколюбіе писало, а они правила показать не могутъ, и сверхъ того иныя ихъ узаконенія наполнены невѣжествами и варварствами. И такъ, предохраняя себя (т. е. устраняясь отъ общихъ для всей Россіи законовъ), торжественно они просятъ: мы хотимъ, чтобъ насъ смертію казнили, мы просимъ пытокъ, мы просимъ, чтобъ отъ безпрерывной ябеды наши суды никогда не были окончены; мы торжественно предохраняемъ противорѣчія и темноты нашихъ узаконеній и пр. Просвѣщенному сенату остается судить о подобныхъ неистовствахъ. Признаюсь, что сіе съ жаромъ писано, и такъ употребите лишь то чѣдъ прилично.»

Дѣйствительно это писано съ жаромъ, и въ настоящее время, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ фразъ, могло бы цѣлкомъ быть отнесено къ лифляндцамъ, хотъ напр. чѣдъ касается судовъ и темноты узаконеній; но въ XVIII вѣкѣ знаменитый Наказъ послужилъ только къ личной славѣ императрицы за границей, разнесенной писателями, щедро за то вознагражденными русскими золотомъ, комиссіа объ Уложеніи была распущена именно въ то время, когда созрѣла для законодательной работы и насъ не приводятъ въ восхищеніе вышеприведенныя слова императрицы, обращенныя къ лифляндскимъ депутатамъ, хотя они несомнѣнно называютъ, что Екатерина намѣревалась энер-

тически противодѣйствовать провинціальному партикуляризму, на что въ настоящее время у насъ какъ будто не хватаетъ духу.

Если мы упоминаемъ о переводѣ писемъ дожа де-Лирія и двухъ статейкахъ г. Лонгинова, то исчерпываемъ почти все содержаніе третьяго тома «Осминадцатаго вѣка». Въ одной изъ статей г. Лонгиновъ перечисляетъ русскій генералитетъ въ началѣ 1730 г., причѣмъ оказывается, что въ то время было у насъ только 179 человекъ въ генеральскомъ чинѣ, какъ военномъ, такъ и гражданскомъ, изъ нихъ 50-ть иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ. Въ другой статейкѣ онъ даетъ краткія біографическія указанія о первыхъ пособникахъ Екатерины II, причѣмъ, въ концѣ, довольно наивно замѣчаетъ: «событія, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II, разслѣдованы мною такъ, что всѣ они представляются мнѣ въ точной послѣдовательности, несмотря на нѣкоторыя разногубія въ источникахъ, которыя я успѣлъ согласовать между собою и уяснить себѣ. Желающимъ достигнуть подобаго результата, совѣтую подвергнуть слѣченію и критикѣ слѣдующія свидѣтельства и проч.» Это примѣчаніе напоминаетъ намъ главнѣйшую особенность изданій г. Бартенева—ихъ домашній, халатный характеръ, напоминающій доброе старое время.

Недоразумѣніе. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Дан-кевича. Спб. 1869.

Въ Римѣ живутъ два художника, Шумскій и Гордѣевъ; Шумскій нѣчто въ родѣ чувствительнаго Эраста, а Гордѣевъ—хладнокровнаго Леонида, двухъ героевъ одной изъ повѣстей Карамзина. Стоять два юные друга на квартирѣ у одного итальянца, который имѣетъ двухъ дочерей, Мариетту и Лину, изъ которыхъ одна составляетъ подобіе Эраста, то-есть Шумскаго, другая подобіе Леонида, т. е. Гордѣева. Эрастъ влюбляется сначала въ свое подобіе, чувствительную и нѣжную Мариетту, потомъ побираетъ ее для болѣе пылкой и сильной Лины, на которой и женится. Скрытныи Леонидъ, т. е. Шумскій самъ любитъ Лину, но не показываетъ этого и удаляется въ Петербургъ. Мариетта, продолжая любить Эраста, выходитъ замужъ за итальянскаго князя. По видимому все устроивается благополучно: молодой царь путешествуетъ и наслаждается лю-

бовью; Гордѣевъ ишетъ картину и т. д. Но еслибъ дѣло оставить въ этомъ видѣ, то никакого недоразумѣнія не получилось бы, между тѣмъ какъ романъ собственно и написанъ для того, чтобы показать, что недоразумѣніе играетъ въ жизни чувствительнаго Эраста и хладнокровнаго Леонида весьма важную роль. Авторъ немедленно и приводитъ это въ исполненіе. Приѣзжаетъ Гордѣевъ, объясняется съ Линою, которая и убѣгаетъ съ нимъ, оставляя мужу вмѣсто себя ребенка. Шумскій въ отчаяніи и съ отчаянія, какъ это нерѣдко бываетъ, схватываетъ нервную горячку. Жизнь его разбита. Увы, нѣтъ: мужа Мариетты убиваютъ въ схваткѣ съ австрійцами и она, такимъ образомъ, дѣлается свободною и пылаетъ страстью къ Шумскому. Развязку предвидѣть не трудно: всѣ обрѣтаютъ счастье, какъ скоро недоразумѣніе кончается, т. е. когда подходящіе другъ къ другу характеры соединяются узами любви. Романъ этотъ разстануть на такое пространство, что перейти его было бы весьма трудно; къ счастью дорога лежитъ такая плоская и на ней верстовые столбы такъ замѣтно раскрашены цвѣтами безталанности, что чтеніе совершается довольно быстро и приносить двойную пользу: во-первыхъ каждая дѣвица, одолѣвъ его, станетъ избирать себѣ соответственнаго кавалера, а кавалеръ соответственную дѣвицу, и во-вторыхъ, каждый убѣдится, что нерѣдко романы пишутся по недоразумѣнію.

Справедливость заставляетъ насъ сказать, однако, что романъ написанъ изнекомъ вполнѣ литературнымъ, хотя столь же безцвѣтнымъ, какъ и самое содержаніе, которому онъ даетъ форму; мы признаемъ также за авторомъ и ту заслугу, что онъ соорудилъ цѣлый монументъ въ 500 убористыхъ страницъ ничтожному недоразумѣнію. На такой неблагодарный трудъ хватить не всякаго, ибо въ настоящее время даже недаровитые беллетристы начинаютъ понимать, что жизнь слагается не изъ однихъ любовныхъ недоразумѣній и что эту тему если нельзя оставить совсѣмъ, то необходимо привести ее въ гармонію съ другими человѣческими интересами.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама, профессора медицины въ Лейпцигѣ. Спб. 1869.

Популярное изложеніе какой-нибудь науки

становится вполне возможным только тогда, когда она достаточно разработана и получается возможность дѣлать выводы неоспоримые. Гигиена — одна изъ самыхъ молодыхъ отраслей медицины, не могущая еще похвалиться достаточнымъ количествомъ истинъ, которыя не встрѣтили бы себѣ противорѣчій. Поэтому заглавіе выписанной книги кажется намъ слишкомъ претенциознымъ; это не «популярная гигиена, какъ наука», а гигиеническіе совѣты, популярно изложенные и болѣе или менѣе рачительныя. Лейпцигскій профессоръ постарался собрать въ своей книгѣ замѣчательную часть того, что добыто опытомъ относительно гигиены, иногда безъ строгой провѣрки, и придрать своему изложенію занимательность. Последнее ему удалось въ значительной степени; относительно самыхъ совѣтовъ должно сказать, что многое въ нихъ или лишнее, или подлежащее еще сомнѣнію, или, наконецъ, неприемлемо къ нашему климату; но затѣмъ остается еще многое, чѣмъ можно воспользоваться, въ особенности классамъ достаточнымъ; существенное отличіе этой книги отъ множества другихъ, трактующихъ о томъ же предметѣ, заключается въ томъ, что лейпцигскій профессоръ постоянно указываетъ на то, что сдѣлано относительно гигиены въ Англіи, Америкѣ и Германіи. Последняя, впрочемъ, значительно отстала въ этомъ отношеніи отъ Англіи, чѣмъ и приближается нѣсколько къ Россіи. Рекламъ нападаетъ даже на нечистоплотность и неряшливость нѣмцевъ и нѣмокъ, ставя имъ въ примѣръ французовъ и англичанъ, а у насъ нѣмецкая чистота едва ли не вошла въ пословицу. Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что намъ гораздо дальше до нѣмцевъ, чѣмъ нѣмцамъ до англичанъ. И въ самомъ дѣлѣ, послѣднія эпидеміи слишкомъ очевидно доказали, до чего пренебрегаютъ гигиеническими условіями даже въ Петербургѣ и какъ трудно втолковать жителямъ самыя элементарныя правила гигиены. Нестерпимый запахъ на черныхъ лѣстницахъ, заражающій воздухъ на тѣсныхъ дворахъ, устроенныхъ въ видѣ кѣтки, такой же запахъ на улицахъ ночью отъ вывозимыхъ нечистотъ — все это продолжается до настоящаго времени и встрѣчаетъ себѣ энергическое противодѣйствіе только во время эпидемій; эпидемія прошла — распушенность и патрархальность нравовъ снова вступаютъ въ

свои права, а полиція складываетъ руки; городское общество тратитъ сотни тысячъ на предметы весьма сомнительной полезности и ни мало не заботится о томъ, чтобы улучшить гигиеническія условія города. Все это зависитъ отъ малой степени научнаго образованія какъ представителей власти городского общества, такъ въ особенности отъ полнаго неумѣнья и алчности домовладѣльцевъ. Мы ѣдимъ изучать устройство полиціи въ Лондонѣ и Парижѣ, но не было примѣра, чтобы послали кого-нибудь за границу для изученія примѣненій правилъ гигиены къ жизни. Существуетъ изреченіе весьма справедливое, какъ съ гигиенической, такъ и съ экономической точки зрѣнія, что «степень образованности народа можно узнать по способамъ, какими онъ удаляетъ отъ себя свои экскременты». Мы можем похвалиться, что стоимъ еще на первой ступени, ибо заражаемъ нечистотами не только воздухъ, которымъ дышемъ, и которымъ медленно отравляемъ себя, но и воду, которую пьемъ. Все это дѣлается на виду всѣхъ, всѣ это знаютъ и оставляютъ процвѣтать въ прежнемъ видѣ. Возьмите другой существенный вопросъ гигиены жилищъ — вентиляцію. Давно ли у насъ стали о ней заботиться, да и заботятся ли полно? Можно чуть не по пальцамъ пересчитать въ Петербургѣ дома, въ которыхъ устроено сколько-нибудь сносная вентиляція; огромное же большинство жителей дѣлаю зиму дышетъ зараженнымъ воздухомъ; тоже можно сказать относительно большинства школъ и больницъ. На всемъ пространствѣ россійской имперіи нельзя найти и тѣни того, что сдѣлано относительно больницъ за границей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ берлинскомъ госпиталѣ Милосердія былъ устроенъ особенный лѣтній домъ для доставленія больнымъ возможно болѣе чистаго воздуха. Въ лейпцигской больницѣ есть такъ-называемый воздушный базаръ — открытый ходъ, гдѣ нѣкоторые больные лежатъ день и ночь на совершенно вольномъ воздухѣ, но защищенные отъ непогоды. Лондонскій Consumption-Hospital устроилъ въ своемъ большомъ саду подражаніе хрустальному дворцу 1852 года, съ цѣлью доставить своимъ выздоравливающимъ родъ зимняго сада; больничныя палаты сообщаются съ этимъ садомъ посредствомъ крытаго хода, такъ что выздоравливающимъ, оставляя постель, немедленно могутъ пользо-

матія благотвѣльной прогулкой посреди зелени, не подвергаясь суровости англійскаго климата.

«Популярная гигиена» значительно бы выиграла, еслибъ переведена была лучше и еслибъ была просмотрѣна и измѣнена, сообразно нашимъ климатическимъ условіямъ, какимъ-нибудь знающимъ и добросовѣстнымъ врачомъ.

Редакція же «Дѣла», издавшая эту книгу, ограничилась вставками тамъ, гдѣ Рекламъ осуждаетъ нѣмцевъ, такихъ фразъ: «у васъ тоже», или: «а у васъ колыми паче»,—это слишкомъ немного для «настойной книги», а назначенныхъ за эту «настойную книгу» двухъ рублей слишкомъ много.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Littdische Antwort an Herrn Juri Samarin, von C. Schirren. Leipzig, 1869. (Лифляндскій отзывъ г. Юрію Самарину, К. Ширрена).

Книга г. Ширрена, какъ и книга г. Самарина, которой она служить отвѣтомъ, въ настоящее время въ продажѣ не находятся. Но такъ какъ о послѣдней мы говорили въ то время, когда она появилась, то не можемъ умолчать и о первой, тѣмъ болѣе, что книга бывшаго дерптскаго профессора надѣлала много плу въ нашей ежедневной прессѣ, получивъ въ ней названіе памфлета.

Названіе это книга г. Ширрена отчасти заслуживаетъ. Во-первыхъ, она имѣетъ непосредственную политическую цѣль: вызвать со стороны правительства желаемый авторомъ шагъ, стало быть, входитъ въ область практической политики; во-вторыхъ, она написана по извѣстному поводу и обращена къ русской печати, въ лицѣ г. Самарина. Имѣя происхожденіе и цѣль политическихъ записокъ или брошюръ, эта книга похожа на памфлетъ и по рѣзкости своего полемическаго характера. Она безусловно опровергаетъ всѣ требованія русской политики относительно остзейскаго края и не только преувеличенныя требованія той части печати, которая въ залогъ прочности нашего обладанія этимъ краемъ хотѣла бы осуществить невозможное, то-есть, вдругъ изгладить въ немъ прошедшее и всѣ мѣстныя особенности, созданныя самими условіями жизни—но и той части печати, которая не видитъ для государства никакой пользы въ искорененіи какихъ бы то ни было провинціальнымъ организмъ, а только считаетъ справедливымъ и рациональнымъ подчиненіе мѣстныхъ особенностей общему государственному строю Россіи и признаетъ за аксіому, что во всѣхъ частяхъ государства

нефедеративнаго должно дѣйствовать одно право, а во всей государственной администраціи долженъ господствовать одинъ языкъ, языкъ государственный. Г. Ширренъ долженъ же допустить, что то, что признается справедливымъ для Пруссіи, Франціи, остается справедливымъ и для Россіи.

Но если по цѣли своей и характеру книга г. Ширрена можетъ быть названа памфлетомъ, то нельзя не признать, что она по своей программѣ и методу выходитъ изъ ряда эфемерныхъ полемическихъ брошюръ. Она представляетъ собою *Summam Summarum* всѣхъ возраженій, жалобъ и ссылокъ на историческое право, какая заключается въ арсеналѣ приверженцевъ безусловной остзейской особности, полной остзейской отчужденности. Рѣзкая, безусловно-неуступчивая въ принципѣ, аргументація г. Ширрена ведена однако съ тѣмъ спокойствіемъ, той умѣренностью, той свободою отъ всякаго голословнаго пафоса и школьническихъ выходовъ, которые мы, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчаемъ въ этой скучной полемикѣ, съ обѣихъ сторонъ.

По логичности и послѣдовательности, книга г. Ширрена стоитъ, пожалуй, выше книги г. Самарина. Но, увы! логика даетъ полное дѣйствіе и развитіе только той мысли, которая принята за исходную точку. Какъ бы научно-строгъ ни былъ методъ, онъ все-таки не можетъ создать внутренней силы тамъ, гдѣ ея нѣтъ въ самой вещи.

Такимъ образомъ, солидность веденія спора налагаетъ на насъ обязанность относиться къ труду г. Ширрена съ тѣмъ уваженіемъ, какого заслуживаетъ серьезное сочиненіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ и противъ основныхъ

его положеній, вредныхъ государственному единству Россіи, и противъ его попытки игнорировать русскій народъ, отрицать всякія права русскаго народа на территорію, принадлежащую къ государству, которое создано русскимъ народомъ и внѣ существованія русскаго народа не имѣло бы причины быть.

Разсматривая книгу г. Шпрренга какъ сумму возраженій нѣмецкихъ колонистовъ въ Остзейскомъ краѣ, мы укажемъ на существеннѣйшіе его аргументы и на характеристическія черты его взгляда по поводу отношеній остзейскихъ губерній къ русскому государству и русскому народу.

Г. Шпрренъ безусловно стоитъ на почвѣ «историческаго права». Капитуляція 1710 года и подтвержденныя ею прежнія привилегіи, среди которыхъ важнѣйшее мѣсто занимаютъ: актъ короля Сигизмунда-Августа, ништадтскій миръ, восстановление мѣстнаго права императоромъ Павломъ и послѣдующія конфирмаціи, въ томъ числѣ послѣдняя—1856 года— вотъ та лѣстница, по которой онъ восходитъ до остзейскаго и спеціально-лифляндскаго *summa jus*; онъ спускается по ней внизъ, отражаетъ нашу предполагаемую *summa injuria* и снова взбирается на верхъ своего безусловнаго, неизблемаго права. Кромѣ этой лѣстницы, г. Шпрренъ ничего знать не хочетъ: ни требовавіи государственнаго единства, ни примѣровъ изъ практики другихъ государствъ, хотя бы той Пруссіи, въ которую онъ удался, ни наконецъ простой правительской истины, что сотня тысячъ нѣмцевъ, соединенныхъ судьбою съ 70-ти-милліоннымъ русскимъ народомъ, не могутъ же на вѣчныя времена отказываться отъ всякаго съ нимъ сближенія подъ предлогомъ нѣсколькихъ кусковъ пергамента. Г. Шпрренъ написалъ свою книгу точно такъ, какъ Деакъ свой знаменитый адресъ 1861 года: историческое право, прагматическая санкція, обоюдная обязательность, — и больше ничего! Но г. Шпрренъ не могъ не созывать самъ, что почва, на которой стоялъ адвокатъ венгерской короны, и та, на которой долженъ держаться адвокатъ остзейскихъ привилегій, слишкомъ несходны. Реальныя, дѣйствительныя отношенія въ обоихъ примѣрахъ слишкомъ различны. Деаку предстояло историческимъ правомъ только оправдать венгерское «не хочу»; г. Шпррену же предстояло бы *убѣдить* въ томъ, чего онъ лично желаетъ. Для

убѣжденія же, одного историческаго права достаточно. Сверхъ того, и самое свойство историческаго права въ обоихъ случаяхъ одинаково. Какъ историческія основы венгерской законности ясны и бесспорны, такъ историческія основы балтійской отчужденности неясны и даже противорѣчивы. Первые истекаютъ изъ формальныхъ, билатеральныхъ трактатовъ съ одной и той же властью. Последние состоятъ изъ неравнодѣльных и недолжныхъ подтвержденій властями трехъ государствъ, попеременно владѣвшихъ Лифляндіей, порядкомъ, существовавшихъ до вступленія ихъ во владѣніе областью. Венгерская законность представляетъ рядъ договоровъ венгерскаго сейма, представительства венгерскаго королевства, и венгерскимъ королемъ. Законность остзейская, на которую ссылается г. Шпрренъ, то-есть законность, независимая отъ нашего свода мѣстныхъ законовъ, представляетъ рядъ не вполне совпадающихъ по своему объему подтвержденій, данныхъ государями трехъ державъ, кому? — не Остзейскому краю, какъ государству, какъ странѣ, а нѣкоторымъ остзейскимъ сословіямъ.

Такъ, грамота польскаго короля Сигизмунда-Августа подтверждаетъ огуломъ всѣ тѣ порядки, какіе существовали до польскаго владѣнія, не опредѣляя какіе именно, и послѣдствіемъ такого огульнаго, безформеннаго утвержденія порядковъ разновременныхъ, между собою несогласныхъ, является вскорѣ ноль польскимъ же владичествомъ *совершенно-новое* устройство края; грамота шведскаго короля Карла также подтверждаетъ прежнія привилегіи и обычаи, но о сизмундовой грамотѣ не упоминаетъ; и подъ шведскимъ правленіемъ тотчасъ заводятся *новые* порядки. Капитуляція 1710 года упоминаетъ объ этой грамотѣ но ништадтскій мирный трактатъ подтверждаетъ тѣ порядки, которые были при шведскомъ правленіи; стало быть и всѣ шведскія нововведенія, противорѣчившія порядкамъ существовавшимъ до шведскаго правленія.

Спрашивается, возможно ли видѣть въ этихъ послѣдовательныхъ актахъ нѣчто цѣльное, и каждомъ изъ нихъ усматривать подтвержденіе прежняго (и чего именно?), а совокупности ихъ считать правильнымъ *codex juris* или даже — «конституціею» Остзейскаго края.

Теперь—объ обоюдной обязательности, обо-

теральности, на которую такъ напиралъ Дель, а за нимъ и г. Ширренъ. Въ обоюдномъ обязательствѣ необходимы два независимыхъ юридическихъ лица. Въ венгерской законности мы видимъ — государственный сеймъ, представительство королевства Венгріи, и государя аббургскаго дома: между ними происходили соглашения, по силѣ которыхъ монархъ аббургскаго дома и сдѣлался королемъ Венгріи. Въ дѣломъ ряду соглашеній, составляющихъ венгерскую законность, всегда являются эти два юридическихъ лица, полноправныя и независимыя, и отсюда истекаетъ однородность, юридическая связь основъ венгерской законности и несомнѣнная обоюдо-обязательность.

Гдѣ же эти два постоянныя, всегда тѣ же два въ дипломатикѣ остзейской? Кто именно кому именно обязался? Каждый изъ тѣхъ толь изъ которыхъ г. Ширренъ пытается дать остзейскую законность, исходитъ отъ чужой власти и данъ иному лицу: контрагентъ со стороны Остзейскаго края являются одно сословіе одной провинціи, то городъ, то одно сословіе двухъ провинцій, то — кто, просто никто, именно тогда, когда актъ, являющій привилегію, является *propter motu*. Но въ одномъ изъ этихъ актовъ и никогда контрагентомъ не является какое-либо государственное представительство Остзейскаго края, является самъ Остзейскій край, какъ *res publica*.

При такомъ характерѣ наличнаго юридическаго матеріала, возможно ли твердо стоять на юридической почвѣ, безусловно опираться на историческое право, какъ то дѣлаетъ г. Ширренъ? Сравненіе съ Деакомъ здѣсь, конечно, равно; въ положеніи г. Ширрена, конечно, бы ничего общаго съ положеніемъ Деака, но толь же мало сходства и въ юридическомъ договѣствѣ той законности, которую каждый изъ нихъ защищаетъ. На привилегіи, обуславливающей государственную обособленность венгерской ороны, мы сослались единственно съ цѣлью оказать, что такое есть безусловная обоюдо-обязательная законность и историческое право свое, законченное само въ себѣ, представляющее точку опоры для юриста, который внѣ ея ничего звать не хочетъ. Остзейская законность, не представляя въ себѣ ничего органическаго, а только совокупность актовъ разныхъ

властей, обусловленная оговорками въ разныхъ размѣрахъ то самаго права, то территоріи, къ какой оно примѣняется, — по существу своему совершенно отлична отъ первой: полный кодексъ можно составить изъ нея не иначе, какъ помощью произвольныхъ, подлежащихъ спору толкованій. Уже одна Петровская оговорка, что привилегіи, о которыхъ упомянуто въ конституціи, утверждаются настолько, насколько онѣ были примѣнимы къ тогдашнему времени и безъ всякаго ограниченія правъ монаршей власти, — уничтожаетъ безусловную непркосновенность и обязательность привилегій, и г. Ширренъ не иначе, какъ съ помощью совершенно произвольнаго толкованія, отрицаетъ примѣнимость этой оговорки къ послѣдующимъ отступленіямъ отъ привилегій.

Точно также твердо и то единственное международное основаніе, на которое ссылается г. Ширренъ, именно ништадтскій договоръ. Здѣсь опять договаривались совсѣмъ другія лица, то-есть Швеція и Россія, а не Россія и Остзейскій край. Наконецъ, самъ г. Ширренъ доказываетъ, что при шведскомъ правленіи мѣстныхъ права были нарушены, а въ ништадтскимъ договоромъ Россія подтверждала только привилегіи, дѣйствовавшія при шведскомъ правленіи, т. е. подтверждала нарушеніе мѣстныхъ правъ.

Однимъ словомъ, попытка создать полную историческую законность для Остзейскаго края похожа на работу мозаиста: изъ разныхъ кусковъ, приставляемыхъ то къ тому мѣсту, то къ этому, то срѣзываемыхъ, по неудобству, то накладываемыхъ въ видѣ заплатъ, — создается нѣчто будто бы цѣлое, но во всякомъ случаѣ не картина, писанная одною кистью, на цѣльномъ полотнѣ, а нѣчто такое, что имѣетъ цѣну только по трудности и возможной законченности работы и тщательности отдѣлки — качества, которыя мы охотно признаемъ за книгою г. Ширрена; но все это не подвигаетъ его дѣла впередъ.

Легко понять, почему г. Ширренъ и занялся исключительно этой работою. На всякомъ иномъ полѣ, кромѣ юридическаго, онъ встрѣтился бы не съ кусками пергамента, а съ живымъ вопросомъ о томъ, много ли выиграло отъ остзейскихъ привилегій большинство населенія края; встрѣтился бы съ краснорѣчивымъ положеніемъ мѣстнаго крестьян-

ства. Тутъ уже никакая мозаичская работа не сведетъ такихъ фактовъ, какъ обезземеленіе, недовольство, выселеніе, — въ картину общаго процвѣтанія; никакая заплатка, какъ хитра она ни будь, не покроетъ великой несправедливости.

Г. Ширренъ этого вопроса и не разбираетъ. Между тѣмъ, вопросъ этотъ долженъ являться и на почвѣ историческаго права. Тотъ самый нипштадтскій договоръ, который составляетъ единственное международное основаніе лифляндско-эстляндской законности, обуславливалъ и неприкосновенность крестьянской земли, какъ она была при шведскомъ правленіи. Или уничтоженіе этой неприкосновенности вполнѣ дѣйствию не слѣдуетъ считать «одностороннимъ» нарушеніемъ трактата, потому что оно исходило отъ самихъ помѣщиковъ и утверждено правительствомъ? Но въ такомъ случаѣ, надо признаться, что въ настоящее время было бы совершенно правильно соглашеніе правительства съ крестьянами относительно надѣла ихъ землю.

Авторъ грозитъ намъ историческою Немезидою, съ удовольствіемъ распространяясь о томъ, какъ Польша и Швеція, каждая въ свою очередь, цѣлымъ рядомъ мѣропріятій нарушали мѣстную обособленность и затѣмъ лишились своего балтійскаго владѣнія. Стало быть и Россія, которая.... и такъ дагѣ, въ свою очередь.... выводъ ясенъ, хотя логика этого вывода не совсѣмъ убѣдительна. Логическій методъ, выражающійся въ правилахъ: *propter hoc, ergo propter hoc*, и *ab uno disce omnes*, далеко не безошибоченъ. Ни Польша, ни Швеція не лишились своего балтійскаго владѣнія отъ того, что принимали мѣры къ объединенію его съ государствомъ. Если бы это было такъ, то г. Ширренъ не имѣлъ бы повода ссылаться, какъ на заслугу остзейцевъ, на вѣрность, выказанную ими до конца той власти, подъ которую они находились. И въ настоящее время рѣшительно нѣтъ поводовъ сомнѣваться въ вѣрности не только большинства населенія въ краѣ, но и собственно нѣмецкой части его — какія бы реформы въ этомъ краѣ ни были признаны нужными. Тѣ самыя условія, которыя г. Ширренъ разумѣетъ подъ именемъ «теченія остзейскихъ рѣкъ», ругаются за это. Нѣтъ сомнѣнія, что средства членовъ нынѣшнихъ рыцарствъ и огромнаго числа «литератовъ» балтійскаго

края въ значительной степени доставлены и представляются имъ службою и отправленіемъ своей профессіи въ Россію. Нѣтъ также сомнѣнія, что и торговое сословіе въ краѣ главнымъ образомъ выгоды извлекало и извлекаетъ изъ Россіи.

Вотъ въ виду этого - то обстоятельства представляется совершенно несправедливымъ со стороны г. Ширрена такія положенія, изъ слѣдующія: «мы ничего не имѣемъ общаго съ вашимъ народомъ, кромѣ государственной обязанности» (стр. 95); «вашъ народъ не достаточно зрѣлъ и недостойнъ господствовать надъ нами» (стр. 101); «русскіе здѣсь (въ Балтійскомъ краѣ) и теперь то, что они должны быть и праву и тѣмъ въ дѣйствительности всегда были — гости, нѣбюшціе право жить, но не строить» (стр. 94). Спрашиваемъ, таково ли было и есть положеніе остзейцевъ у насъ въ Россіи, въ предѣлахъ Остзейскаго края? Какое различіе, какое исключеніе когда-либо дѣлалось въ Россіи *въ ущербъ* имъ? Не были ли они всегда и вездѣ принимаемы по меньшей мѣрѣ вравнѣ съ хозяевами и ужъ никакъ не въ качествѣ гостей, которымъ дозволяется жить, а строить запрещено. Много ли есть «рыцарскихъ» фамилій, гордящихся тѣмъ, что онѣ не то что русское дворянство, которыя бы не поддерживали своихъ средствъ именно тѣмъ, что служили въ Россіи на правѣ русскихъ дворянъ, а не иностранцевъ? Принималась ли изъ русскихъ въ дворянское сословіе Остзейскаго края хотя тысячная часть того числа остзейскихъ дворянъ, которые сдѣлались русскими равноправными помѣщиками, и по собственному приобрѣтенію населенныхъ земель на правѣ русскаго дворянства, и по пожалованію имъ такихъ земель? Допускались ли въ какія бы то ни было профессіи въ Остзейскомъ краѣ, вчиняя отъ ремесленниковъ и кончая администратіею, русскіе, незнавшіе нѣмецкаго языка?

Нѣтъ, въ Россіи гостепримство для остзейцевъ понимали совсѣмъ иначе, чѣмъ в остзейскомъ краѣ для русскихъ. Г. Ширренъ напрасно напоминаетъ намъ про него монгольское, чтобы усовѣститъ насъ насчетъ гоненій претерпѣваемыхъ его земляками. Русское и надъ остзейцами ничего общаго съ нгомъ монгольскимъ не имѣло. Случалось Россіи поучать отъ Остзейскаго края Бирововъ, но и не награждали ихъ ничѣмъ подобнымъ.

Мы вовсе не такъ щекотливы въ самои

как г. Ширренъ, и читая его упреки въ недостаткѣ «выдержки, выработанности характера, умѣренности, благоразумія», порождая нашей склонности къ крайности, его глумленіе надъ пароксизмами нашихъ общественныхъ настроеній, мы сознаемъ, что во всѣхъ этихъ упрекахъ есть правда. Но все это нисколько не укрѣпляетъ балтійской законности, не дѣлаетъ сигизмундову грамоту солидарною съ шиштадскимъ трактатомъ, не ослабляетъ оговорки Петра относительно дѣйствія привилегій, не доказываетъ, что балтійскимъ крестьянамъ безъ земли быть лучше, чѣмъ съ землею. Мало того, выходя изъ этого, если онѣ что-нибудь укрѣпить могутъ, такъ это убѣжденіе въ необходимости изученія балтійскими нѣмцами русскаго языка, для того, чтобы они лучше насъ понимали; и если эти выходки могутъ что-нибудь ослабить, такъ именно достоинство книги г. Ширрена, какъ полемиической монографіи ливляндскаго права.

Къ той же категоріи принадлежатъ и все глумленіе автора надъ историческимъ призваніемъ русскаго народа. Авторъ, конечно, не отрицаетъ историческаго призванія германской расы, того самаго призванія, которое положило начало и господству нѣмцевъ въ балтійскомъ краѣ?—Что касается намековъ автора на нравственныя качества Индрика Страупа, намеки, которыми онъ думаетъ устроить неудобное для него свидѣтельство мѣстнаго уроженца относительно «большаго мѣста» всего балтійскаго вопроса — то намеки эти намъ кажутся недостойными общаго тона сочиненія г. Ширрена.

Авторъ не хочетъ имѣть никакого дѣла съ русскими народомъ, онъ обращается только къ власти и желаетъ получить отъ нея объявленіе, на какомъ пунктѣ останутся посягательства на мнимое національное остзейское право. Но если онъ полагается въ этомъ отношеніи на правительство, то напрасно самъ же пишетъ родъ ультиматума (стр. 192, 194). Наслѣдственное господство въ остзейскомъ краѣ нѣмецкой націи и наслѣдственная принадлежность этого края нѣмецкой націи—вотъ ультиматумъ. «Найдите болѣе ласное выраженіе для великаго права!» восклицаетъ г. Ширренъ, поставивъ этотъ ультиматумъ. Выразеніе, дѣйствительно, ясно. Но неясно от-

ношеніе между его терминами. Принадлежность остзейскаго края нѣмецкой націи—какъ разумѣть ее? Если выраженіе это означаетъ, что нѣмецкая нація, кромѣ собственной своей территоріи, т. е. Германіи, владѣетъ еще за предѣлами ея колоніею—Остзейскимъ краемъ—то это будетъ ясно, но приложеніе этого принципа допущено быть не можетъ, ибо Остзейскій край, какъ извѣстно, принадлежитъ руссійской коронѣ и руссійскому гражданству. Если же приведенное выраженіе разумѣть въ томъ смыслѣ, что Остзейскій край принадлежитъ націи, населяющей этотъ край, то въ такомъ случаѣ не окажется возможнымъ признать эту націю нѣмецкою.

Смѣемъ увѣрить г. Ширрена и тѣхъ остзейцевъ, которые раздѣляютъ всѣ его воззрѣнія, что они напрасно предполагаютъ въ русскомъ обществѣ фанатическое стремленіе къ преслѣдованію нѣмецкой части населенія Остзейскаго края за ея національныя особенности. Крайности, въ какія впадаетъ иногда наша печать, далеко не всегда соответствуютъ истинному настроенію нашего общества. Что-бы коронная администрація въ остзейскомъ краѣ припала общегосударственный языкъ—даже этого требуетъ не столько русское общество, сколько здравый смыслъ. За примѣромъ ходить не далеко. Какой языкъ употребляется въ администраціи Познани и восточной Пруссіи? Пусть нѣмцу, латышу и эсту будетъ предоставлена возможность учиться по-русски, безъ всякаго принужденія, и пусть отмѣнятся въ мѣстныхъ постановленіяхъ и обычаяхъ все то, что составляетъ ограниченіе гражданскихъ правъ русскихъ уроженцевъ; пусть нѣмцы перестанутъ мечтать о наслѣдственномъ владѣніи краемъ, а согласятся, что и онѣ должны воспользоваться реформами крестьянскаго и судебнаго, идти на пути законодательства за одно съ Россіею—вотъ крайніе предѣлы того, что требуется общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи. Насильственныхъ мѣръ къ обрусенію эстовъ, латышей и нѣмцевъ оно вовсе не требуетъ, а сравненія печати остзейскаго края въ просторѣ съ печатью русскою; оно желаетъ столько же, сколько сами нѣмцы, и не для одного Остзейскаго края, а вообще для всѣхъ русскихъ губерній; тоже самое справедливо и относительно свободы вѣроисповѣданія.

Неужели нѣмецкая культура состоитъ въ-

томъ, чтобы противиться потребностямъ такого единенія? Г. Ширренъ сознается въ одномъ мѣстѣ, что достаточно было Шереметеву сдѣлать два лишнихъ выстрѣла, чтобы условій капитуляціи Риги вовсе не было; но по его мнѣнію, выстрѣловъ этихъ и *не стоило* дѣлать, а лучше было привлечь на свою сторону населеніе. Но неужели же Россія за эти два выстрѣла продала на вѣки именно большинство населенія? Неужели Россія введеніемъ справедливыхъ реформъ въ Остзейскомъ краѣ хочетъ чего-нибудь другого, а не привлеченія на свою сторону большинства населенія? Если же привилегіи остзейскихъ сословій противорѣчатъ видамъ современной цивилизаціи, то Россія въ томъ не отвѣтственна.

Die Baltischen Provinzen am Rubicon. Ein Sendschreiben an die Deutschen der Ostseeländer von einem Potripten. Berlin 1869. (Балтійскія провинціи при Рубиконѣ).

Если уже въ книгѣ г. Ширрена, несмотря на стараніе его сохранить строго-научный тонъ, проявляется страстно-враждебное отношеніе къ «инстинкту» и «призванію» русскаго народа, то чего же ждать отъ другихъ, менѣе ученыхъ германскихъ патриотовъ, выступающихъ на политическій турниръ? Всѣ они отличаются энергіею въ сужденіяхъ именно о народѣ русскомъ, хотя въ дѣйствительности русскій народъ, ничего остзейцамъ не сдѣлалъ. Да и кто же имъ сдѣлалъ что-нибудь? Неужели же введеніе русскаго языка въ мѣстную коронную администрацію (мѣры, вдобавокъ еще, далеко не осуществившейся) и назначеніе одного губернатора изъ русскихъ достаточно, чтобы оправдать всѣ эти вопли къ небу о преслѣдованіяхъ и всѣ эти усилія нѣмецкихъ авторовъ узавзять русскій народъ?

Это желаніе ихъ узавзять русскій народъ было бы совершенно необъяснимо, еслибы мы не знали, что весь «балтійскій вопросъ» раздутъ до разрывовъ вопроса собственно газетною полемикою съ обѣихъ сторонъ. Нѣмцы сердятся не только за неправду, но и за правду, и въ основаніи ихъ досады лежитъ еще больше чистаго предрасудка, чистой національной спѣси, чѣмъ даже въ тѣхъ изъ направленныхъ противъ нихъ обвиненій, которыя натаянуты. Кто мы такіе, чтобы мы смѣли вообще сужденіе имѣть о столь высокоцивилизованной націи, какъ нѣмцы? Вотъ въ

сущности главный мотивъ, вдохновляющій нѣмецкихъ писателей, въ томъ числѣ и г. Ширрена. Естественно, что изъ такой несерьезной постановки ими вопроса истекаютъ и ребачески-огульныя обвиненія ими русскаго народа.

Но если смотрѣть на балтійскій вопросъ какъ на смѣшной вопросъ о томъ, кто изъ насъ спѣсивѣе, нѣмцы или мы, и кто вернее сталъ браниться, то едва-ли и въ этомъ отношеніи большая вина будетъ на нашей сторонѣ.

Ничтожная брошюра, которой заглавіе и выписали, какъ нельзя лучше излагаетъ и представляетъ нѣмцевъ о русскомъ народѣ государствѣ; въ этомъ собственно отношеніи она и интересна. Представляя вѣрный сводъ нелѣпныхъ предрасудковъ и вершину самоглупости нѣмцевъ о русскомъ народѣ и ихъ отношеніяхъ къ нему, она доказываетъ, что какъ бы несправедливы ни были нѣкоторые обвиненія противъ балтійскихъ нѣмцевъ, явившіяся и нашей печати, какъ бы ни были преувеличены обвиненія, внушенные однимъ предрасудкомъ, всѣ эти наши уклоненія отъ правды и ложны въ сравненіи съ той горою несправедливостей, предрасудковъ, самообольщеній и самовосхваленій, съ которой смотрятъ на насъ нѣмцы.

Въ брошюрѣ несчастные остзейцы сравниваются съ Прометеемъ, прикованнымъ къ скалѣ и нами терзаемымъ, не взирая на то, что онъ именно далъ намъ «искру просвѣщенія». Извѣстно, что въ полемикѣ этой, всегда обивающейся на перебранку, приведенное представленіе всегда играетъ главную роль. Какъ будто—допустить, что насъ просвѣтили именно одни нѣмцы,—они сами въ самомъ дѣлѣ похитили съ неба священный огонь просвѣщенія, какъ будто въ самомъ ихъ научномъ лексиконѣ большинство словъ не чужды нѣмецкому языку?

«Такъ-то тѣло, воспитанное сердечною кровью нѣмцевъ (русскій народъ) нынѣ востаетъ на своего творца (нѣмецкій народъ) такъ жалуются авторъ брошюры. Далѣе, онъ увѣряетъ, будто мы сознаемъ, что безъ нѣмцевъ мы не можемъ обойтись, и между тѣмъ хотимъ, чтобы нѣмецъ пересталъ быть нѣмцемъ, но въ такомъ случаѣ, вѣдь онъ заразился бы всѣми нашими недостатками и уже не могъ бы освѣщать намъ пути впередъ»,—заключеніе, отъ котораго правильность равна наивности послыш-

сгдствій», но полемика противъ утилитаріанизма, наполняющая почти половину перваго тома, едва-ли здѣсь уместна. Ожесточенный и отчасти саркастическій тонъ, принятый Лекки въ этой главѣ, значительная путаница понятій, невѣдержанная до конца аргументація мысли и напрасныя обвиненія, разсыпаемыя авторомъ на головы противниковъ — все это служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что глава объ утилитаріанизмѣ стремится достигнуть чего угодно, но только никакъ не безстрастнаго поученія юношества. Это политическій памфлетъ, ѣдкій, горчичный, и какъ всѣ почти памфлеты этого рода, сильно страдаетъ односторонностью и узкостью воззрѣній. Но прежде, чѣмъ говорить о памфлетствѣ, мы считаемъ необходимымъ познакомить читателя съ историкомъ.

Какъ историкъ, Лекки имѣетъ неоспоримыя достоинства не только какъ путевода къ тѣмъ многочисленнымъ, древнимъ источникамъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ свой богатый матеріалъ, но и въ качествѣ популяризатора самыхъ трудныхъ научныхъ вопросовъ. Его обширное знакомство съ литературою описываемаго времени, при помощи богатой фантазіи, даетъ ему возможность представить намъ общественную жизнь древнихъ, ихъ нравы и обычаи въ такой осязательной формѣ, какъ будто мы сами жили этою жизнью. Съ замѣчательною послѣдовательностью и искусствомъ находить Лекки тѣсную связь между перемѣнами съ одной стороны въ основахъ и типахъ нравственности, и съ другой — въ философской мысли и религіозномъ чувствіи. Слогъ у него простой, легкій, мѣстами блестящій и краснорѣчивый.

Главная цѣль новаго труда состоитъ, по словамъ автора, въ томъ, «чтобъ прослѣдить дѣйствіе внѣшнихъ обстоятельствъ на нравственность, изслѣдовать — каковы были нравственные типы, считавшіеся идеалами въ разныя времена, до какой степени осуществились они въ дѣйствительной жизни, и подъ влияніемъ какихъ причинъ они измѣнялись, извращались, или разрушались». Начиная свое описаніе съ правленія Августа, Лекки вовсе не видитъ въ этомъ историческомъ періодѣ какой-нибудь исключительной границы въ смыслѣ историческаго изображенія правды; онъ начинаетъ съ Августа лишь для того, что ему необходимо очертить положеніе римскаго общества

въ самый моментъ появленія новаго нравственнаго ученія, которому удалось преобразовать старый, азычскій міръ. Лекки указываетъ тѣсную связь между христіанствомъ, философскими школами древней Греціи и употребляетъ почти половину своего труда на то, чтобъ показать, какимъ образомъ христіанство возникло на развалинахъ азычскаго міра, подкопалось подъ него, и потому, разрушая его, вошло съ нимъ въ нѣкоторыя сдѣлки, имѣвшія важное вліяніе на дальнѣйшія судьбы европейской образованности.

Относительно древней религіи Лекки говоритъ: «Одинъ изъ первыхъ фактовъ, несравненно поражающихъ важдаго ученаго, изслѣдующаго этическое ученіе древней цивилизаціи, состоитъ въ томъ, что это ученіе имѣло слишкомъ много представителей и внушало къ себѣ слишкомъ слабое довѣріе въ народѣ. Древніе люди никогда не искали своихъ нравственныхъ идеаловъ въ дѣйствіяхъ боговъ, и еще задолго до торжества христіанства, политеизмъ пересталъ уже оказывать сколько-нибудь значительное вліяніе на богѣе образы ванные умы человѣчества. Въ Греціи мы можемъ прослѣдить, съ самыхъ раннихъ временъ, слѣды религіи природы, совершенно отличной отъ легендъ міеологіи». Предоставляя самимъ себѣ и не имѣя опредѣленныхъ правилъ нравственности, освященныхъ общественымъ мнѣніемъ, древніе люди сдерживались въ своихъ страстяхъ и желаніяхъ одними лишь привычными, эмпирическими свѣдѣніями о законахъ природы. Взаимныя отношенія между людьми служили предметомъ многихъ философій, но ни одна изъ нихъ и снабжала общества такими нравственными принципами, которыя могли бы стать обязательными для каждаго человѣка въ отдѣльности. Существованіе рабства много препятствовало образованію народнаго нравственнаго чувства такъ какъ оно дѣлило народъ на двѣ совершенно отличныя другъ отъ друга половины. Не имѣя общепризнаннаго нравственнаго мірила въ своихъ поступкахъ, каждый человѣкъ принужденъ былъ опредѣлять собственными умомъ справедливость своихъ отношеній къ другимъ людямъ, и потому неудивительно, что капризная мысль какого-нибудь крупнаго эксцентрическаго ума, возбуждая и поражающая воображеніе современниковъ, могла входить

и молу, освящаться привычкою и наконецъ становиться обычаемъ. Какъ иначе объяснить такое ужасное явленіе, какъ присутствіе римскихъ женщинъ при бояхъ гладиаторовъ, среди бѣшеныхъ криковъ и воплей смерти, въ виду готововъ крови и изувѣченныхъ тѣлъ? Правда, въ Римѣ господствовала государственная религія, во ея предписанія, всегда измѣнчивыя, не могли имѣть значенія, какое приобрѣли каждаго христіанства, обнимающіе всю жизнь человека, во всѣхъ, даже малѣйшихъ подробностяхъ ея. Разъ признанная народною, христіанская религія должна была установить прочныя начала нравственности, обязательныя для всѣхъ. Но государственная религія древнихъ была религіею чисто-практическою, пригодною лишь для нѣкоторыхъ цѣлей, и потому оставалась безъ всякаго вліянія на тѣхъ великихъ моралистовъ, которые проповѣдовали служеніе добродѣтели въ Римѣ. Иные изъ нихъ были атеисты и открыто смѣялись надъ богами, какъ надъ созданіемъ рабскаго страха; другіе признавали существованіе божественной воли, но только не обитателей Олимпа, — однимъ словомъ, въ дѣлѣ вѣры Римъ представлялъ два совершенно разныхъ народа: между образованнымъ классомъ и необразованнымъ легіономъ, въ этомъ отношеніи, непроходимая пропасть. Господствовавшая религія укрѣпляла въ народѣ воззрѣнія добродѣтели, возбуждала патриотическія чувства, и даже способствовала развитію нравственной чистоты въ жизни, но тѣмъ не менѣе она воспитывала исключительный эгоизмъ. Эта религія была просто способомъ достиженію благоденствія, предотвращенію несчастія, и предугадыванію будущаго. Древній Римъ произвелъ много героевъ, но ни одного святого. Его самопожертвованіе было патриотическое, но не религиозное. Его религія не была ни независимымъ наставникомъ, ни источникомъ вдохновенія, хотя обряды ея находились въ связи съ лучшими привычками народа, и укрѣпляли ихъ.

Сильный ударъ римскому язычеству нанесли были римскими завоеваніями, которыя доставляли массу римскаго народа съ богами и ритуалъ странъ хревіяго міра. Новые боги, привнесены къ Римѣ, внесли въ умы низшихъ классовъ крайнюю путаницу религиозныхъ понятій, которая имѣла послѣдствіемъ полное изслупеніе всѣхъ нравственныхъ узъ. Новыя

религіи не замѣнили старой, но только возбуждали къ ней и самимъ себѣ сильное недоверіе и, вмѣстѣ съ нею, пали въ общемъ мѣтніи. Вотъ почему, «среди разврата имперіи мы встрѣчаемъ множество благородныхъ усилій къ религиознымъ реформамъ, со стороны философовъ и императоровъ, но нигдѣ нѣтъ и слѣда нравственнаго вліянія древней религіи.» Тамъ, «съ одной стороны, мы находимъ систему этики, о которой, судя по стройности и прелести ея предписаній, по возвышенности побужденій, ею вызываемыхъ, и по совершенному освобожденію ея отъ суевѣрныхъ элементовъ, можно безъ преувеличенія сказать, что хотя другія системы могли съ нею равняться ни одна никогда не превосходила ея. Съ другой стороны мы находимъ общество, почти безусловно лишенное морализующихъ учрежденій, занятій или вѣрованій, существующее подъ властью экономической и политической системы, которая неизбѣжно ведетъ къ общему развращенію, и страстно преданное самымъ звѣрскимъ наслажденіямъ. Нравственный кодексъ, распространяясь въ своей теоретической догматичности, сокращался въ своемъ практическомъ приложеніи».

Отдавая извѣстную долю справедливости древнимъ философамъ и такимъ замѣчательнымъ моралистамъ, каковы: Плутархъ, Плиній, Сенека и Маркъ Аврелій, Левки утверждаетъ, что если они пренебрегали христіанскимъ движеніемъ и не говорятъ о немъ иначе, какъ въ презрительныхъ выраженіяхъ, то лишь потому, что сами, въ своихъ высшихъ и благороднѣйшихъ поученіяхъ, только устанавливали христіанскую нравственность, но не усвоили ея предписаній, не сживались съ ними. Какъ бы то ни-было, то, чему учили философы, и то, о чемъ проповѣдовали первые учителя христіанства, хотя имѣло между собою много общаго, производило на умы народа совершенно различныя впечатлѣнія. Тогда какъ философамъ пришлось завернуться въ свою тогу и живо отойти отъ міра пустыхъ тревоженій и разврата, и дожидать свой вѣкъ почти въ одиночествѣ, безъ послѣдователей, безъ вліянія на народныя массы, — христіанство мало-по-малу срыло всѣ столбы, на которыхъ держалась могущественная языческая имперія. Многіе ученые утверждали, что обращенію язычниковъ въ христіанство всего болѣе спо-

собствовали чудеса, признаваемые церковью. Лекки отвергает это мнѣніе и ищетъ причину быстро распространѣнія христіанства въ силѣ и привлекательности его принциповъ, а также въ обстоятельствахъ того времени. Появившись въ такой моментъ, когда успѣхи римскаго оружія опровергнули всѣ преграды, до тѣхъ поръ отдѣлявшія одну партію отъ другой, и установили единство въ государственныхъ учрежденіяхъ разныхъ странъ, новая религія провозглашала всеобщее братство народовъ. Въ то самое время, когда народныя массы такъ много страдали подъ игомъ рабства и нищеты, христіанство предложило имъ личную свободу, какъ прирожденное право и вѣрный миръ и счастье въ будущей жизни. «Міру, раздираемому враждебными религіями и соперничавшими философіями, оно представляло свои ученія не какъ результатъ чело-вѣческаго мышленія, но какъ божественное откровеніе, подтверждаемое не столько разумомъ, сколько вѣрою.... Подобно всѣмъ великимъ религіямъ, оно стремилось охватить скорѣе образы чувства, чѣмъ образы мысли. Главная причина его успѣха была совпаденіе его ученій съ духовною природою чело-вѣчества.» Не малую силу приобрѣталъ христіанскій прозелитизмъ въ своемъ ученіи о спасеніи одною вѣрою, и о проклятіи всѣхъ, кто находился внѣ лона новой религіи. Это ученіе «было разомъ какъ по грубѣйшимъ струнамъ надежды и страха, такъ и по тончайшимъ струнамъ состраданія и любви. Послѣдователь политизма, допустивъ однажды, что христіанство можетъ быть истинною религіею, приходилъ въ ея лоно путемъ простаго расчета благоразумія, и бѣдвѣйшій христіанинъ всегда готовъ былъ претерпѣть всякія страданія, лишь бы привлечь въ свою среду всѣхъ, кого любилъ.» Все, что предлагало и чѣмъ прельщало христіанство, все это именно было нужно и лѣстно народнымъ массамъ. Обстоятельства такъ хорошо слагались для распространѣнія новаго ученія, что ему нужны были только ревностные и горячіе проповѣдники, и такъ-то именно пропагандистовъ творило христіанство собственнымъ своимъ ученіемъ, при помощи условій самаго быта отживавшаго общества. Но вмѣстѣ съ благоприятными для прозелитизма принципами, христіанство заключало въ себѣ и такіе, которые вызывали противъ

него сперва холодное отвращеніе, сво- рещеднее въ самое жестокое преслѣдованіе самою дѣлѣ, угрожая всѣмъ, кто при- вается иныхъ религіозныхъ убѣжденій, ными муками ада, новое ученіе явилось тивникомъ религіозной свободы; при- только одного Бога въ небесахъ, оно цало божественность цезарей и такимъ зомъ становилось въ прямой антаго- съ господствовавшими въ имперіи влз- выставляла свои истины какъ единственно нны и неоспоримыя, оно возстановило пр- себя все, что гордилось своими умствен- достоинствами, оно налагало руку на сво- мысли. Какъ бы то ни было, все-таки пресл- ваніе, которому подвергались основатели- стіанской церкви, было ведено далеко не- искусно и сильно, чтобы задавить новое- женіе. Авторъ доказываетъ это своею исто- преслѣдованія, которую онъ доводитъ въ- вомъ томѣ до Діоклетіана и Галерія, закли- своей рассказъ защитой геройскаго подвиз- чества христіанскихъ мучениковъ противъ и- тики и «крайне нефилософичной сурово- Гиббона, знаменитаго англійскаго историка

Во второмъ томѣ авторъ изображаетъ разованіе христіанской церкви и подробно- бираетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ началъ согласія и любви, равенства и брат- возникли принципы католицизма. Эти ните- нныя изслѣдованія оканчиваются главою о спитаніи женщины въ разные времена, взглядахъ, господствовавшихъ въ разныхъ ществахъ относительно чистоты женской и- ственности.

Восторжествовавъ надъ языческимъ ромъ, христіанство стало пропаганди- свои нравственныя начала въ народѣ. де, народныя массы были только зрители разныхъ религіозныхъ обрядовъ, имѣ- мимолетное значеніе, такъ какъ вся ре- ограничивалась лишь этою внѣшнею сторо- О нравственности, о великихъ началахъ- ведливости и гуманности проповѣдовали- лишь одни философы, голосъ которыхъ не- какъ замѣчаетъ Лекки, надъ головами не- доходилъ только до людей, впадшихъ въ- гую крайность своимъ отрицаніемъ всякой- гіи. Христіанская пропаганда держала се- вершенно иначе. Она соединила религіоз- ремоніи съ проповѣдью нравственнаго до-

создала для этой цѣли особаго агента—духовенство. Въ первые времена, христіанство ставило свое нравственное ученіе главною цѣлью пропаганды и даже требовало отъ своихъ послѣдователей значительной нравственной стойкости. Призывъ на путь добродѣтели повторялся систематически, подъ разными предлогами. Языческіе проповѣдники нравственности рѣдко взывали къ будущей жизни, да и то лишь въ видахъ поощренія за добрыя дѣла,—съ торжествомъ христіанства будущій міръ сталъ орудіемъ устрашенія противъ грѣха; правда, что и христіанское ученіе сулило награды на небесахъ, но въ томъ-то и заключалось его превосходство надъ язычествомъ, въ дѣлѣ возрожденія человѣчества, что оно могло употреблять въ свою пользу не только аргументы удовольствія, но и аргументы страданія. Духовенство настойчиво внашало пастырь, что правильнѣе исполненіе всѣхъ обрядовъ единственно необходимо для спасенія души, и давъ каждому изъ своихъ членовъ «право взыать и развѣшивать», организовало громадную систему нравственной дисциплины, которая стала поддерживать и охранять себя якими испытаніями и карами, ниспадавшими на непослушныхъ членовъ христіанскаго общества. Самою страшною мѣрою было глуженіе отъ церкви. Привода всѣ эти темныя орудія новой религіи, Лекки спѣшитъ вѣрить насъ, что христіанство не ограничилось возбужденіемъ однихъ лишь эгонстическихъ надеждъ и ужасовъ, но стремилось также, и главнымъ образомъ, возжечь въ сердцахъ воику приверженцевъ «безкорыстную восторженность». Христіанству предоставлено было, оворить авторъ, «дать міру идеальный характеръ, который, въ продолженіи XVIII вѣковъ ю всѣхъ переломахъ вдохновлялъ въ сердца людей безкорыстную (impassionate) любовь, проивалъ себя способнымъ вліять на всѣ возрасты, націи, темпераменты и условія, былъ не только высшимъ мѣриломъ добродѣтели, но и зальѣйшимъ стимуломъ къ практическому осуществленію ея, и оказалъ столь глубокое вліяніе на весь міръ, что можно по справедливости сказать, что простой рассказъ о каикъ-нибудь трехъ годахъ дѣятельной жизни пособствовалъ возрожденію человѣчества и змаченію его нравовъ гораздо болѣе, нежели съ измышленія философовъ и всѣ уѣшанія горалистовъ. Въ немъ-то и заключается источ-

никъ всего хорошаго и чистаго, что есть въ христіанской жизни».

Примѣръ Основателя христіанства нашель ревностныхъ послѣдователей въ святыхъ и мученикахъ, и въ продолженіи 200 лѣтъ сразу гонимая церковь жила своею жизнью среди разрушавшейся имперіи, научая людей уважать человѣческую жизнь, провозглашая всеобщее братство народовъ и порицая военное ремесло, какъ противное проповѣди мира и любви. Эта проповѣдь не осталась безъ важныхъ послѣдствій. Дѣтубійство, одобряемое язычниками на основаніи политико-экономическихъ соображеній, стало теперь предметомъ сильныхъ порицаній; самоубійство признано такимъ же великимъ преступленіемъ, какъ и убійство; кровавыя зрѣлища цирка подверглись жестокому поношенію; патриотизмъ, воодушевлявшій римскихъ воиновъ, палъ подъ ударами признанія варваровъ братьями; вмѣсто государственнаго человѣка или полководца идеаломъ человѣческаго величія стала судьба пустынника, отказывающагося отъ всѣхъ благъ общественной жизни и удаляющагося въ пустыню вести уединенную жизнь, въ молитвѣ и постѣ. Эти примѣры самоотверженія, утѣренности, воздержности, презрѣнія къ богатству имѣли глубокое вліяніе на христіанскія общины и на народныя массы, такъ какъ они совершались въ то самое время, когда въ остальномъ обществѣ царили развратъ, роскошь, спѣсъ и эгонстическія привычки всякаго рода. Оттого даже самія дикія проявленія аскетизма, сопровождавшагося нерѣдко самоубичеваніемъ, находили у современниковъ восторженное оправданіе и перешли къ потомкамъ въ крайне идеализированной формѣ. Многихъ анахоретовъ церковь причислила къ лику святыхъ, а народная фантазія облекла ихъ непреодолимою властью надъ бѣсами и дикими звѣрями. Во времена императорскихъ преслѣдованій, это пустынночское «движеніе» приняло громадные размѣры, такъ какъ къ пустынникамъ по призванію присоединялись и многіе другіе, искавшіе въ пустынѣ спасенія отъ гнавшихся за ними солдаты. Вмѣстѣ съ мужчинами бѣжали и женщины, и всѣ эти люди налагали на себя несравненно болѣе жестокаго мученія, чѣмъ въ городскихъ тюрьмахъ. Цѣлыми тысячами люди отказывались отъ половыхъ сношеній,—такъ, Руфетусъ рассказываетъ, что онъ знаетъ цѣлый городъ,

преданный этого рода аскетизму: тамъ было 20,000 монахинь и 10,000 монаховъ. Легко превосходно рисуетъ настроеніе этихъ удивительныхъ людей:

«Невъѣстный и суевѣрный, вѣруя силою религіознаго убѣжденія въ то, что безчисленные демоны наполняютъ воздухъ, и приписывая духовнымъ вліаніямъ всякую переѣну въ своемъ собственномъ темпераментѣ, всякое исключительное явленіе въ окружающей природѣ; подверженный, сверхъ того, психическимъ иллюзіямъ вслѣдствіе долгаго уединенія и суровыхъ искутаній, — пустынный легко принималъ привраки собственной фантазіи за осязательную дѣйствительность. Въ страшномъ, гробовомъ мракѣ, гдѣ онъ скрывался среди разлагающихся труповъ, въ длинныя ночи бдѣнія, когда степной вѣтеръ завываетъ вокругъ уединенной кельи и когда воздухъ пронизывается всемі дьякахъ звѣрей, ему представлялось, что за нимъ гонятся видимые образы сладострастной похоти и ужаса, и странныя драмы разыгрывались тогда въ душѣ человѣка, убѣжавшаго спастись свою душу... Иногда, въ минуту полнаго религіознаго экстаза въ его умѣ кружались воспоминанія прежнихъ сценъ. Тѣнистыя аллеи и роскошныя сладострастные сады его родного города возстаютъ передъ его глазами и, колѣнопреклоненный на горячемъ пескѣ, онъ видитъ передъ собою прелестныя группы танцующихъ дѣвъ, на гибкихъ ногахъ и милыхъ улыбахъ которыхъ съ такимъ наслажденіемъ останавливались когда-то его юношескіе очи. Въ другой разъ, его искушенія возникали изъ воспоминаній, пробужденныхъ звуками... Но самую ужасную борьбу выдерживали молодые и страстные люди, по горячимъ жиламъ которыхъ непрерывно течетъ пламенная кровь страсти, и которые, будучи физически неспособными къ безбрачной жизни и облада въми наклонностями къ галлюцинаціямъ, воспитываемыми подъ южнымъ солнцемъ, увлекались въ пустыню волною религіозной восторженности. Въ объятіяхъ сирійской или африканской невѣсты, нѣжныя очи которыхъ отвѣчали бы на любовь любовью, они могли бы найти свое успокоеніе, но въ уединенной пустынѣ миръ никогда не посѣщалъ ихъ души».

Пустынничество, объѣты безбрачія неизбежно привели людей къ монастырской жизни. Съ торжествомъ христіанства, свѣтская власть отнеслась къ монастырямъ съ полнымъ уваженіемъ, и они стали убѣжищемъ всѣхъ несчаст-

ныхъ и гонимыхъ среди аваріи, порожденной непрерывными завоевательными набѣгами однихъ варварскихъ дружинъ на другія. Когда варвары разрушили западную римскую имперію, они сами приняли христіанство, но вмѣстѣ съ тѣмъ внесли въ него воинственный духъ и дали волю всѣмъ стремленіямъ отживавшаго языческаго міра къ чувственности и идолопоклонству. Мало окрѣпшее христіанство поддавалось обольщеніямъ власти и пошло на сдѣлки; — мало-по-малу въ него проникли языческіе обряды и языческія празднества, и даже идолопоклонство. Монастыри, обогатившись на счетъ извращеннаго благочестія мірянъ, стали мѣстами разврата и проповѣди самыхъ вредныхъ для государственнаго благосостоянія мыслей. Утверждая, что богатство есть зло, а нищета—благо, монахи вселяли въ умы народовъ отвращеніе къ промышленности и торговлѣ, а научая людей безусловному повиновенію властямъ и смиренію, подрывали всякое рвеніе къ личной свободѣ. Приобрѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ перевѣсъ надъ свѣтскою властью, духовенство рѣшительно отдалось интересамъ ея, и религія обратилась наконецъ въ орудіе для пробрѣтенія деспотическаго господства надъ всѣмъ міромъ. Образовались военные монашескіе ордена, начались крестовыя походы; гнали и преслѣдовали невѣрныхъ, стали гнать и преслѣдовать еретиковъ. Та самая церковь, которая прежде, своею проповѣдью мира и братствъ разрушила римскій патріотизмъ, начала вадить войну однимъ изъ главныхъ и почти единственнымъ орудіемъ пропаганды христіанскою началъ свободы и равенства: каждую побѣду надъ врагами духовенство принимало какъ милость, ниспосланную небомъ, каждое поуженіе, какъ кару за грѣхи народа. Не человеческая природа духовныхъ людей одна виновна въ возрожденіи этого воинственнаго духа, и нѣкоторыя другія постороннія обстоятельства, изъ которыхъ первое мѣсто занимало вторженіе мусульманъ въ Европу и обращеніе дикихъ норманновъ въ христіанство. Первочичива принуждала христіанскій міръ не пускать меча изъ рукъ, а послѣдняя причина значительную массу дикихъ, воинственныхъ племенъ, которыя, обращаясь въ христіанство, нисколько не думали о прекращеніи своихъ варварскихъ набѣговъ. Въ восьмидлѣтъ былъ моментъ, въ который духовен-

могло бы вновь вступить въ отправленіе истинныхъ своихъ обязанностей, но, къ несчастію, въ тотъ періодъ и общее настроеніе массъ уже безвозвратно приняло другое направленіе. Подъ этимъ моментомъ Лекки разумѣетъ обращеніе павы за помощью въ свѣтской власти, въ лицѣ Пенина, но «Карль Мартель не могъ сдѣлаться идеальнымъ поборникомъ церкви. Онъ явился слишкомъ рано, его фигура не была достаточно велика для того, чтобы обольстить народное воображеніе; своею конфискаціе клерикальной собственности и своимъ отказомъ павъ оказать помощь противъ ломбардовъ, онъ навлекъ на себя анаему духовенства». Идеаломъ духовенства сталъ Карль Великій. Этотъ государь признанъ церковью «первымъ и величайшимъ изъ крестоносцевъ»; ему приписываются не только его собственные воинскіе успѣхи, но и подвиги потомковъ, его имя восхваляется на всѣ лады въ средневѣковыхъ романахъ.

Окончивъ свое изслѣдованіе о вліяніи христіанства на европейское общество вообще, Лекки приступаетъ, въ послѣдней главѣ, къ опредѣленію вліянія христіанства на положеніе женщинъ въ обществѣ, и находитъ, что форма религія, говоря вообще, оказала великую услугу цивилизаціи, поднявъ женщину, въ брачныхъ отношеніяхъ, на одинаковый уровень съ мужчиною, такъ какъ христіанская церковь одинаково строго относится къ нарушеніямъ брачной нравственности со стороны мужа, какъ и со стороны жены. Обращая бракъ въ одно изъ таинствъ и осуждая, какъ незаконныя, всякія связи, не освященныя церковью, католицизмъ, по мнѣнію автора, положилъ краеугольный камень будущаго равенства половъ. Правда, тотъ же католицизмъ установилъ безбрачіе духовенства и тѣмъ возбудилъ въ умахъ мірянъ мысль о томъ, что бракъ будто бы унижаетъ человѣка, что всякая степень святости становится невозможною въ брачномъ состояніи,—однако этотъ когитъ, хотя и оказалъ свое вредное вліяніе, остался въ концѣ концовъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Какъ эта глава, такъ и всѣ другія, полны весьма интересныхъ фактическыхъ изслѣдованій и обилуютъ безчисленными выписками изъ обширной бібліотеки, находившейся подъ рукою автора. Мы не утверждаемъ, чтобы Лекки вполне разработалъ область

своихъ интересныхъ изслѣдованій, но его выводы, во всякомъ случаѣ, истекаютъ изъ основательнаго знакомства съ предметомъ, и изложены такъ просто, а мѣстами и увлекательно, что переводъ этого сочиненія на русскій языкъ могъ бы найти у насъ обширный кругъ читателей. (Нѣкоторыя смѣлыя — по нашему — мысли Лекки о догматахъ и учрежденіяхъ христіанства могутъ, конечно, возбудить въ нашей цензурѣ кое-какія напрасныя опасенія, но краснорѣчивая защита самыхъ принциповъ христіанства и великая нравственная роль, которую приписываетъ авторъ христіанству въ исторіи человѣчества, должна бы разсѣять всѣ бюрократическія сомнѣнія. Пора и русской мысли приступить къ критическому анализу религіозныхъ вопросовъ!..)

Намъ остается еще дать отчетъ о полемикѣ Лекки съ утилитаристами и, признаемъ, мы даемъ его съ невольнымъ сожалѣніемъ о напрасныхъ усиліяхъ, потраченныхъ столь талантливымъ писателемъ съ единственною цѣлью возстановить противъ себя цѣлую партію такихъ же благородныхъ бойцовъ за политическую и религіозную свободу, какъ самъ Лекки. Всего неприятнѣе поражаютъ попытки автора представить утилитарианизмъ въ извращенномъ видѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что благоразумный читатель, болѣе или менѣе знакомый съ литературою вопроса, даже только съ книгой Милля, вышедшей и въ русскомъ переводѣ, можетъ легко отвергнуть болѣе краснорѣчивые, чѣмъ логическіе доводы Лекки. Судя по многимъ мѣстамъ его сочиненія, Лекки старается доказать, что утилитарианское ученіе есть не что иное, какъ грубый материализмъ, какъ поклоненіе личному эгоизму въ самомъ узкомъ значеніи этого слова. Онъ изумляется, напримѣръ, тому, что Милль дѣлитъ удовольствія на высшія и низшія, и что онъ не отвергаетъ эстетической стороны въ чловѣческихъ поступкахъ — «эти двѣ уступки, говоритъ авторъ, обращаютъ разницу между Миллемъ и интуитивными моралистами почти лишь въ одни слова». Въ другомъ мѣстѣ Лекки утверждаетъ: «если люди, полагающіе, что добродѣтельные поступки суть тѣ, которые признаны опытомъ полезными для общества, полагаютъ также, что они сами обязаны, по своей природѣ, способствовать счастью другихъ скорѣе, чѣмъ своему собственному

въ случаѣ столкновѣнія обонхъ интересовъ, то эти люди не имѣютъ права считать себя индуктивными моралистами». Между тѣмъ, именно утилитаризмъ выводитъ нравственный долгъ каждаго человѣка изъ общей пользы всего человѣчества, такъ какъ главная цѣль его — высшее благо наибольшаго числа (если не всѣхъ) людей. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ существенное отличіе утилитаризма отъ интуитивной теоріи? «Одна школа, говоритъ Милль, утверждаетъ, что принципы нравственности очевидны a priori и для признанія своего ничего не требуютъ, кромѣ того только, чтобы выражающіе ихъ терминны были поняты, — другая же школа говоритъ, что добро и зло, равно какъ истина и ложь, суть вопросы наблюденія и опыта». На вопросы о томъ, какъ отличить добро отъ зла, и что принуждаетъ насъ совершать первое и воздерживаться отъ послѣдняго, интуитивная теорія утверждаетъ, что въ насъ самихъ существуютъ инстинктивные побужденія къ добру, невольное сознаніе доброкачественности одного рода поступковъ и зловерности другихъ, и что эта *соесть* или *нравственное чувство* присущи нашей душѣ. Другая теорія ищетъ критеріумъ добра и зла въ цѣляхъ и послѣдствіяхъ, къ которымъ приводитъ тотъ или другой поступокъ, но отношенію къ нашему счастью. «Тѣ поступки, которые ведутъ къ счастью, — хороши, а тѣ, которые ведутъ къ несчастью, дурны. Подъ словомъ счастье (разъясняетъ Милль) онъ разумѣетъ удовольствіе и отсутствіе страданія; подъ словомъ несчастье — страданіе и лишеніе удовольствія». Что же касается до нравственнаго побужденія совершать одни поступки и воздерживаться отъ другихъ, утилитариане находятъ эту санкцію въ опытѣ; они точно также признаютъ существованіе совѣсти, но только выводятъ ее изъ опыта, насколько онъ научаетъ человѣка отличать общее благо отъ личнаго. Милль рисуетъ величественную картину человѣчества когда каждый отдѣльный членъ его научится и привыкнетъ вполнѣ сознавать полную зависимость своего счастья отъ счастья всѣхъ остальныхъ людей и станетъ, во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, имѣть прежде всего въ виду общее счастье, а не личное. Есть, конечно, и теперь значительное число людей, ставящихъ общественную пользу выше личной; —

эти люди служатъ намъ лучшимъ доказательствомъ тому, что и другіе могутъ доводиться до того же, и если для этой цѣли необходимо особое воспитаніе, то значить, нравственное чувство — чувство вовсе не врожденное, какъ это утверждаетъ Лекки и всѣ интуитивисты, а приобретаемое. Но Лекки и нравится такая, будто бы узкая, цѣль человеческой жизни, какъ счастье, и, основываясь на томъ, что при настоящемъ положеніи вещей, «самая добродѣтельная карьера непременно ведетъ къ счастью», онъ отвергаетъ утилитаріанскую доктрину, какъ ученіе крайне безнравственное и эгоистическое. «Идея чистаго безкорыстія, прибавляетъ онъ, всегда предполагается въ нашихъ сужденіяхъ о добродѣтели». Но не говоря о томъ, что мы причисляемъ къ добродѣтелямъ и такіа совершенно личныя качества, какъ трезвость, твердость характера, личное мужество, и т. д., утилитаризмъ вовсе не ставитъ цѣлью жизни одно лишь личное счастье, а напротивъ, утверждаетъ, что человѣкъ долженъ жертвовать своимъ счастьемъ и самою жизнью, но и иначе, какъ съ цѣлью доставить счастье другимъ. «Благородно отречься отъ своей доли счастья или отъ возможности достигъ ее; — говоритъ Милль, — но такое самоотреченіе должно же имѣть какую-нибудь цѣль, не желеть же оно быть само для себя цѣлью, и если мнѣ отвѣтить на это, что его цѣль есть счастье, а добродѣтель, которая лучшѣмъ счастьемъ, то я поставлю вопросъ слѣдующимъ образомъ: принесъ ли бы жертву герцогъ или мученикъ, если бы не былъ убѣжденъ, что жертвуя собой, избавляетъ чрезъ это другихъ отъ необходимости подобныхъ же жертв? Принесъ ли бы онъ жертву, если бы думалъ, что его отреченіе отъ счастья не только не принесетъ никакой пользы никому изъ ближнихъ, но и сдѣлаетъ ихъ судьбу подобной е судьбѣ, т. е. поставитъ ихъ въ необходимость также отречься отъ своего счастья? Искривъ, изучавшій христіанство въ его волю ли, не долженъ былъ бы забывать, что и Иисусъ принесъ себя въ жертву не ради жертва, ради спасенія всего человѣчества. Но Лекки не только не признаетъ утилитаріанства и христіанствъ, но и утверждаетъ, что это нравственное ученіе будто бы несовмѣстимо съ рою въ существованіе Бога. И Лекки утвер-

дствъ это, ничѣмъ не опровергнувъ предвари-
тельно сѣдующаго мѣста изъ книги Милля:

«Если справедливо, что Богъ желаетъ болѣе
всего счастья своимъ созданіямъ, что онъ и соз-
далъ ихъ съ тою цѣлю, чтобы они были сча-
сливы, то утилитаріанизмъ—доктрина въ такомъ
случаѣ не только не безбожная, а напротивъ,
самыя религіозная изъ всѣхъ. Если же обвине-
ніемъ въ безбожій хотятъ сказать, что утилитари-
анизмъ не признаетъ откровенія верховнымъ
законамъ нравственности, то я отвѣчу на это,
что утилитариане, которые вѣруютъ въ совершен-
ную мудрость и благость Божию, необходимо
должны также вѣрять, что все, что Богъ почелъ
за нужное открыть въ дѣлѣ нравственности,
должно въ высшей степени удовлетворять требо-
ваніямъ волизы. Не одни утилитариане держатся
этого мнѣнія, что откровеніе, указывая въ общихъ
чертахъ, что есть добро, не имѣло цѣлю научить
и не научаетъ людей званію добра, — что оно
предназначалось для того только, чтобы одуше-
вить умъ и сердце людей такимъ духомъ, кото-
рый дѣлалъ бы ихъ самихъ способными достигать
этого знанія и руководиться имъ въ своихъ дѣй-
ствіяхъ,—и что, слѣдовательно, намъ необходимо
самимъ работать надъ созданіемъ этической док-
трины, которая раскрыла бы намъ волю Бо-
жью».

Замѣчательно также, что Лекки бросилъ
намъ обвиненіемъ въ утилитаризмъ, не-
смотря на то, что руководился въ своихъ дру-
гихъ нападкахъ сочиненіемъ почти забытаго
утилитариста Пэли (Paley), проповѣдовавшаго
личній эгоизмъ въ самой грубой формѣ, но
находившаго во всякомъ благотворительномъ
дѣствіи прямое присутствіе божественной
воли, и доказывавшаго, что воля Божія, на-
сколько она опредѣляется въ откровеніи, за-
ключается въ утилитарномъ принципѣ общаго
блага.

Принявъ однажды самопожертвованіе един-
ственнымъ и исключительнымъ мѣриломъ до-
броты, Лекки дѣлитъ всѣ поступки лишь
на добродѣтельные и эстетическіе и утверж-
даетъ, что въ утилитаріанской доктринѣ такое
различіе невозможно:

«Если (говорить онъ) превосходство добродѣ-
тели (надъ эгоизмомъ) состоитъ исключительно въ
ея силѣ для стремленія способствовать счастью
и въ ней, то и машина, плодородное поле, или су-
щество рѣка, тоже обладаютъ въ высшей сте-

пени элементомъ доброты. Если мы ограни-
чимъ этотъ терминъ человѣческими поступками,
полезными для общества, то и тогда намъ при-
дется канонизировать массу поступковъ, далеко
не подходящихъ подъ наши обыкновенныя поня-
тія о нравственности. Все стремленіе политиче-
ской экономіи и философической исторіи, раскры-
вающихъ передъ нами физиологію обществъ, со-
стоитъ въ томъ, чтобы показать, что счастье и
благополучіе человѣчества зависятъ гораздо
болѣе отъ нашихъ эстетическихъ, чѣмъ отъ такъ-
называемыхъ добродѣтельныхъ поступковъ. Про-
цвѣтаніе націй и прогрессъ цивилизаціи произ-
ведены главнымъ образомъ усиліями людей, кото-
рые, строго преслѣдуя свои собственные интере-
сы, бессознательно способствовали интересамъ
общества. Эгоистическій инстинктъ, побуждающій
людей накоплять богатства, доставляетъ міру, въ
концѣ концовъ, болѣе пользы, чѣмъ инстинктъ
великодушія, побуждающій людей раздавать».

Не говоря о томъ, что едва-ли добросо-
вѣстно смѣшивать такія два понятія, какъ
 вещь и поступокъ, какъ это дѣлаетъ Лекки
въ своей первой фразѣ и потомъ старается
оправдать во второй, само положеніе о томъ,
что утилитаріанизмъ будто бы освящаетъ много
поступковъ, которые не подходятъ подъ наши
обыкновенныя понятія о нравственности, имѣ-
етъ лишь настолько смысла, насколько эти
поступки находятъ мѣсто въ классификаціи
доктрины, проповѣдующей не «обыкновенныя
понятія о нравственности», а понятія, выве-
денныя научнымъ путемъ изъ опыта. Правда,
главное препятствіе, которое находитъ Лекки
въ принятіи и усвоеніи утилитаріанской док-
трины, состоитъ именно въ томъ, что это уче-
ніе переворачиваетъ вверхъ дномъ всю нрав-
ственную фразеологію и противорѣчитъ обще-
принятымъ выраженіямъ въ разговорномъ
языкѣ. Утилитаріанская наука, видите ли,
«старается посредствомъ свѣточа совѣсти раз-
ложить законы нашего нравственнаго суще-
ства», а приходитъ, между тѣмъ, къ такимъ
выводамъ, которые прямо противоположны
общепринятымъ, составленнымъ людьми, ко-
торые «просто слѣдуютъ голосу своей совѣ-
сти, не пытаясь создавать философскія си-
стемы». Защищая разговорную рѣчь, Лекки
отзывается о ней не иначе, какъ «нашъ обыч-
ный и безыскусственный (unstudied) языкъ».
Изъ всего этого понятно, что онъ противопо-

загаетъ опыты толпы опыту науки, забывая о томъ, что голосъ или совѣсть толпы есть не что иное, какъ отраженіе умственного состоянія ея въ каждую данную эпоху развитія. Историкъ европейской нравственности, знающій очень хорошо, что толпа въ разные времена держалась разныхъ началъ нравственности и вѣрила въ разные божества, долженъ былъ бы звать также, что только истины, открываемыя наукою, могутъ имѣть дѣйствительную цѣну въ глазахъ ученаго, а никакъ не «простое сознаніе» толпы. Чтѣ сказать о человѣкѣ, который сталъ бы опровергать законы физики или химіи «простымъ голосомъ совѣсти»? Утилитаріанская доктрина хотя не принадлежитъ къ такимъ точнымъ наукамъ, какъ химія или физика, однако она все-таки доктрина научная. Чтѣ за бѣда, что нашъ языкъ скованъ по предписаніямъ другой доктрины? — съ теченіемъ времени, онъ можетъ измѣниться точно также, какъ измѣняется языкъ въ разныхъ отрасляхъ науки съ принятіемъ новыхъ теорій. Сравните научный языкъ времени до открытія закона тяготѣнія съ нынѣшнимъ, и вы поймете, что языкъ можетъ мѣняться всякій разъ, когда мѣняются понятія, которыя имъ выражаются. Правда, и теперь всѣ календари все еще говорятъ о «восходѣ и заходѣ» солнца, но понятія, сопрягаемыя съ этими выраженіями, уже совершенно другія. Утилитаріане могутъ тоже совершенно свободно говорить о долгѣ и совѣсти, хотя подъ этими выраженіями они понимаютъ вовсе не то, чтѣ понимаютъ интуитивисты.

Остальная половина вышеприведенной тирады объ отличіи эгоизма отъ добродѣтели тоже основана на явномъ недоразумѣніи, такъ какъ изъ нея можно только понять, что и *благоразуміе* Лекки причисляетъ къ недобродѣтелямъ. Мы не станемъ защищать политическую экономію отъ упрека въ эгоизмѣ, и замѣтимъ только мимоходомъ, что странно упрекать ее въ эгоизмѣ за то только, что весь научный предметъ ея заключается въ опредѣленіи экономическихъ законовъ, на основаніи

одного лишь личнаго интереса разныхъ торовъ въ обществѣ. Въ словахъ Лекки и обнаруживается просто смѣшеніе понятій, добное тому, какое мы сейчасъ указывали. Цвѣтаніе націй и прогрессъ цивилизаціи висятъ, главнымъ образомъ, не отъ эгоистическихъ поступковъ, а отъ благородныхъ поступковъ — чтѣмъ богѣе благородіи проявилъ въ своей жизни кака-нибудь нація, тѣмъ бшмъ благоденствіемъ пользуется она.

Наконецъ, почти не стоитъ упоминать нѣкоторыхъ второстепенныхъ возраженій Лекки противъ утилитаристовъ въ родѣ то что утилитаріанская доктрина не можетъ оудать порочную фантазію, жестокое обращеніе съ животными, и что она будто-бы поощряетъ людей стремиться къ научной тинѣ и ненавидѣть суевѣріе. Всѣ эти обвиненія совершенно несправедливы. Утилитаріанизмъ не можетъ не осуждать наслажденій порочными фантазіями, такъ какъ эти наслажденія производятъ вредъ не только самолицу, которое предается имъ, но и обществу, ибо подобныя наслажденія способствуютъ пространенію въ обществѣ разращеннаго чувственныхъ и эгоистическихъ гражданъ. Утилитаріанизмъ осуждаетъ жестокое обращеніе съ животными, какъ всякую жестокость вообще, такъ какъ подобныя упражненія оказываютъ столь же дурное вліяніе на наше общество, какое гладиаторскіе бои оказывали Римѣ. Говорить, наконецъ, что утилитаріанизмъ не развиваетъ ни любви къ наукѣ истинѣ, ни ненависти къ предрассудкамъ, и чтѣтъ полагать, что утилитаристы разумѣютъ пользою лишь пользу минуты или, гдѣ сказано, «выгодность», но ничто не воздастъ противъ себя такого справедливаго годованія утилитаристовъ, какъ именно обвиненіе. Полезность есть необходимое чество всякой истины, и потому любовь правдѣ, какова бы она ни была, научная житейская, составляетъ естественную принадлежность миѣнній человѣка, признающаго утилитаріанскія доктрины.

Ю. Р.

М. Стасюлевичъ.

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Въ теченіи августа поступили вновь въ продажу слѣдующія книги:

- ПОЭТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ НА ПРИРОДУ.** А. Аванасьева. Томъ III-й, М. 1869 г. Цѣна 3 р. съ пер. 3 р. 50.
- ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.** А. Бирнчичикова. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.
- КРИТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.** Тѣна. Пер. модъ редакціею В. Чуйко. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 75 к. съ пер. 2 р.
- СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ПИСАТЕЛИ.** Объ искусствѣ выходить въ люди. Соч. М. Жоли. Жандармы. Административная фантазія Песара. О роскоши въ Парижѣ. Старички. Выпускъ II-й. Спб. 1869 Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.
- ФИЛОСОФІЯ ИСКУСТВА И ОБЪ ИДЕАЛЪ ВЪ ИСКУСТВѢ.** Два ряда лекцій, читанныхъ въ Парижѣ, съ приложеніемъ статьи Джона С. Милля: «Значеніе Искусства въ общей Системѣ Воспитанія». Пер. Чудинова. Воронежъ. 1869 г. Цѣна 75 к. съ пер. 1 р.
- ИСТОРІЯ РЕЛИГІИ И ТАЙНЫХЪ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА.** Древній Міръ. Томъ I-й. съ 36 рисунками. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.
- НОВЫЙ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЕЦЪ.** Романъ Маріиа Іосеа. Въ двухъ частяхъ. Бесѣды Звѣрей, разсказъ А. Фиренцуола. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 р.
- ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ ИТАЛЬЯНСКАГО КОРОЛЕВСТВА И РУССКІЕ ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ.** С. Зарудваго. 2 части. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.
- ПЕРВЫЕ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.** Г. Вагнера. Пер. В. Викскатова Спб. 1869 г. Цѣна 80 к. съ пер. 1 р.
- СТИХОТВОРЕНІЯ, БАСНИ И ПѢСНИ.** Соч. А. А. Звонарева. въ 2-хъ частяхъ съ 5-ю картинками. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.
- ДОНЕЦКІИ КАМЕННО-УГОЛЬНЫЙ И ЖЕЛѢЗНО-РУДНЫЙ КРАЙ.** М. 1869 г. Цѣна 30 к. съ пер. 50 к.
- УГОЛОВНАЯ ЛЕТОПИСЬ.** Годъ 2-й. Книжка I-я. Дрезденъ 1869 г. Цѣна 2 р. 25 к. съ пер. 2 р. 60 к.
- О СЫРЬИ И О СЫРОВАРНЫХЪ АССОЦІАЦІЯХЪ ВЪ ШВЕЙЦАРИИ.** Н. В. Верещагина. Изд. 2-е. Спб. 1869 г. Цѣна 50 к. съ пер. 70 к.
- СОЛНЦЕ.** Двѣ лекціи, читанныя въ собраніи Рейнскаго Общества Естествоиспытателей въ Майнцѣ докторомъ П. Рейсомъ. Спб. 1869 г. Цѣна 50 к. съ пер. 70 к.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

Н. А. ШИГГИНА.

Въ С.-Петербургѣ, по большой Садовой улицѣ, напротивъ Гостиннаго двора, въ домѣ Пажекаго Корнуса. № 5.

- Исалтирь**, переложенная стихами русскими авторами. Спб. 1869 г. Ц. 50 к.
- Ассѣ**, путевыя впечатлѣнія *Н. Благовѣщенскаго*. Спб. Ц. 1 р.
- Радищевъ**, и его книга: Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- Романы и повѣсти**, изъ исторіи французской революціи. *Э. Шатриана*. Спб. Ц. 1 р. 60 к.
- Романы и повѣсти** изъ временъ французской революціи и имперіи. *Э. Шатриана*. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Сочиненія Л. А. Мея**. 3 тома. Спб. Ц. 3 р.
- Сочиненія И. Панаева**. 4 тома. Спб. Ц. 3 р.
- Друзья—хуже враговъ**. Романъ *Хосе Мармола*, въ 5 частяхъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Донъ Кихотъ**. Соч. *М. Сервантеса*. Пер. съ испанскаго *В. Карелина*. 2 тома. Спб. Ц. 3 р.
- Донъ Кихотизмъ и Демонизмъ**. Критическій этюдъ по поводу Донъ Кихота *Сервантеса*. Соч. *В. Карелина*. Спб. Ц. 1 р.
- Загадочныя натуры**. Романъ *Штиллингена*. Спб. Ц. 2 р.
- Памятники старинной русской литературы**. Изд. графа *Кушелева-Безбородко*. Томи 3 и 4-й. Спб. Ц. 3 р.
- Обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ въ Россіи денегъ**. Барона де *Шодуара*. 2 тома, съ атласомъ рисунковъ. Спб. Ц. 10 р.
- Духъ Законовъ**. Соч. *Монтескье*. 8 тома. Спб. Ц. 2 р.
- Описание Настѣкомыхъ**, вредныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и домашнемъ быту. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р.

Гг. книгопродавцы и покупающіе въ большомъ количествѣ пользуются уступкою.

BULLETIN

DES NOUVEAUTÉS LITTÉRAIRES

DE LA LIBRAIRIE **A. Münx (K. Ricker)** A ST. PÉTERSBOURG.

Persp. de Newski, maison Maderni, № 14.

Anthell des sächs. Armeecorps am Feldzuge 1866. — 3 r. 60 c.

Archiv f. Literaturgeschichte, v. Gosche. Bd. I — 5 r. 40 c.

Arnold, From the Levant. 2 vols. — 10 r.

Balzac, Oeuvres complètes. Vol. I—VI. — à 2 r. 10 c.

Benfey, Gesch. der Sprachwissensch. u. oriental. Philologie. — 4 r. 80 c.

Bernhardy, Röm. Literaturgeschichte. 5. Aufl. — 6 r. 10 c.

Bloch, L'Europe politique. — 2 r. 65 c.

Collection of british authors. Vol. 1025—30. — à 60 c.

Fick, Naturkräfte in ihrer Wechselbeziehung. — 80 c.

Flick, Das Fürstenthum Rumänien, geogr.-milit. betrachtet. — 90 c.

Foerster, Denkmäl. italien. Malerei. Lief. 1—6. — à 90 c.

Friesen, Ueber «Gervinus Shakespeare». — 90 c.

Gerstaecker, Kreuz und Quer. Neue Erzählungen. 4 Bde. — 5 r. 40 c.

Girard, France et Chine. 2 vols. — 5 r. 25 c.

Gueronnière, Politique nationale. — 2 r. 10 c.

Hagen, 8 Jahre aus d. Leben Michel-Angelo's. — 2 r. 25 c.

Hartsen, Untersuchungen über Logik. — 80 c.

Houssaye, Les Parisiennes. 2 vols. — 3 r. 50 c.

Humbert, Molière, Shakespeare u. die deutsche Kritik. — 4 r. 5 c.

Juste, Leopold I. von Belgien. — 5 r. 40 c.

Kieser, The National Melodist. — 3 r.

Kopp, Beiträge zur Gesch. der Chemie. Vol. II. — 4 r. 50 c.

- Laur**, Malherbe, literar - historische Skizze. — 55 c.
- Lenormant**, Histoire ancienne de l'Orient. 3 vols et Atlas. — 6 r. 80 c.
- Marx**, Prakt. Aufgaben der Humanität in Krieg u. Frieden. — 2 r. 25 c.
- Meyer**, Die gothische Sprache. — 4 r. 50 c.
- Michiels**, Hist. de la peinture flamande. Vol. V. — 1 r. 75 c.
- Mill**, Gesammelte Werke. Bd. I, V, VI. — à 1 r. 35 c.
- Müller**, Künstlerlexikon. Suppl. I. — 90 c.
- Osenbrüggen**, Wanderstudien aus der Schweiz. 2 Bde. — 3 r. 25 c.
- Reidt**, Das geistliche Schauspiel des Mittelalters. — 1 r. 10 c.
- Saunders**, Refugium botanicum. Vol. I. — 12 r. 50 c.
- Scherr**, Allgemeine Literaturgeschichte. — 4 r. 85 c.
- Schletterer**, Geschichte der geistlichen Dichtung und kirchl. Tonkunst. Bd. I. — 5 r. 40 c.
- Schrauf**, Handbuch der Edelsteinkunde. — 2 r. 15 c.
- Stahr u. Lewald**, Ein Winter in Rom. — 3 r. 60 c.
- Siedefeld**, Ueber die naturalistische Auffassung der Engländer vom Staat und Christenthum. — 1 r. 10 c.
- Ule**, Alexander von Humboldt. — 45 c.
- Winterfeld**, Fanatiker der Ruhe. Rom. Roman. 4 Bde. 6 r. 75 c.
- Wrottesley**, Gedanken über Religion und Gesetzgebung. — 1 r. 65 c.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1870-мъ году.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, сохраняя прежнюю свою программу журнала исторіи, политики, литературы, будетъ, въ слѣдующемъ 1870-мъ году, издаваться въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1.000 страницъ большого формата.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, 7 августа 1869 г. за пересылку по почтѣ внутри Имперіи періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, съ будущаго 1870 года, взимается: 1) за доставку по городской почтѣ на домъ 50 коп. за двѣнадцати-книжный журналъ, независимо отъ объявленной редакціею цѣны за годовой экземпляръ безъ доставки; и 2) за пересылку по почтѣ внутри Имперіи такого же журнала 10⁰/₀ съ объявленной цѣны за годовой экземпляръ безъ доставки.

Сообразно съ вышеизложеннымъ, съ будущаго 1870 года, для подписчиковъ „Вѣстника Европы“ объявляется слѣдующая

ЦѢНА ЗА ГОДЪ:

1) *Безъ доставки.*

15 рублей въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) *Съ доставкою на домъ.*

15 р. 50 к. въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адресѣ, покорно просятъ подавать въ упомянутыя мѣста свой адресъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и номеръ дома и квартиры.

3) *Съ пересылкою въ губерніи.*

16 р. 50 к. высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію «Вѣстника Европы»—въ С.-Петербургъ, Галерная, 20—* для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) *Съ пересылкою за-границу.*

Заграничные подписчики высылают подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подѣ бандеролью, въ Германію и Австрію — 18 руб.; въ Бельгію — 19 руб.; Францію и Дانیю — 20 руб.; Англію, Швецію, Ненанію и Португалію — 21 руб.; Швейцарію — 22 руб.; Италію и Римъ — 23 рубля.

Примѣчаніе. Заграничные адреса доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ Финляндіи слѣдуетъ подписываться чрезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырванный изъ книгъ редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи его номера, редакція отъчаетъ безусловно и свою Контору.

[**Для иногородныхъ подписчиковъ.**]

1. Редакція покорно проситъ, при доставленіи адреса, если подписчикъ живетъ не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ, прежде всего называть ту ближайшую отъ него Почтовую Контору, *въ которой допускается раздача журналовъ и газетъ*, съ указаніемъ, какой она губерніи и уѣзда, и за тѣмъ свое мѣстожителство.

2. Переимѣна адреса должна отправляться въ редакцію, смотря по разстоянію, такъ, чтобы извѣстіе пришло въ Петербургъ не позже какъ наканунѣ вѣхода книги (т. е. наканунѣ всякаго перваго числа мѣсяца); въ случаѣ невозможности извѣстить редакцію заблаговременно, просятъ сообщать предъ выѣздомъ свой новый адресъ, для ближайшей книги, своей Почтовой Конторѣ, и въ тожъ время извѣстить редакцію о переимѣнѣ для слѣдующихъ книгъ.

3. Въ случаѣ неполученія книги, просятъ сообщить въ редакцію жалобу засвидѣтельствованную въ мѣстной Почтовой Конторѣ. Въ такомъ случаѣ редація высылаетъ вторично экземпляръ съ первою почтою, не ожидая конца слѣдствію о потерѣ перваго экземпляра.

4. Желаютіе имѣть билетъ отъ редакціи на полученіе журнала прилагаютъ для пересылки билета почтовую марку въ 10 коп.

Годовые экземпляры „Вѣстника Европы“ за 1869 г. всѣ разошлись по подпискѣ.

С.-Петербургъ. 1 Октября, 1869 г.

М. С. СТАСЮЛЕВИЧЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА VII *).

МИЛЛИОНЪ ДЕНЕГЪ И НОВЫЙ МУНДИРЪ.

По возвращеніи на виллу, Роландъ былъ немедленно позванъ къ отцу. Зонненкампъ, увидя его входящимъ въ воннату, воскликнулъ:

— Сынъ мой! Дорогой мой сынъ! Все для тебя!... Твоя будущность наконецъ обезпечена! Возлюбленный мой, все для тебя!

Онъ съ необычайной силой приподнялъ юношу на воздухъ, какъ маленькаго ребенка.

— Роландъ, совершилось! Никогда не забывай настоящей минуты: она принесла съ собой осуществленіе главной цѣли моей жизни, преисполненной бѣдствій, неудачъ и опасностей. Сынъ мой, отнынѣ тебя зовутъ: Роландъ фонъ-Лихтенбургъ.

И онъ опустилъ Роланда на полъ. Мальчикъ весь дрожалъ и взгляды его невольно искалъ зеркала.

— Да, со смѣхомъ сказалъ отецъ: — смотри, каковъ бываетъ молодой баронъ. Ахъ, дитя, ты только позже поймешь все значеніе выпавшаго на твою долю блага, а теперь, пусть происшедшее между нами останется въ тайнѣ. Ни я, ни ты, мы не должны высказывать передъ свѣтомъ нашей радости. Я при-

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812; май, 275; июнь, 478; июль, 5; авг. 447; сент. 447 стр. и слѣд.

творюсь равнодушнымъ, а ты всего болѣе остерегайся капитана Дорнэ. Какъ вы скоро вернулись! Гдѣ васъ нашелъ мой посланный?

Роландъ отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ о посланномъ и тутъ только услышалъ, что отецъ ночью отправилъ къ нимъ въ Маттенгеймъ ѣздового съ предписаніемъ немедленно вернуться на виллу. Зонненкампъ рассказалъ ему еще, что сынъ совѣтницы, произведенный въ прапорщики, съ нѣсколькими товарищами пріѣхалъ къ матери на дачу и явится къ Роланду вмѣстѣ съ нимъ обѣдать.

— Но гдѣ же капитанъ Дорнэ? спросилъ Зонненкампъ.

Роландъ сказалъ, что онъ остался у фрейленъ Мильбъ. Зонненкампъ усмѣхнулся и сталъ внушать сыну, чтобъ онъ не измѣнялъ своего обращенія съ Эрихомъ, которому онъ во всякомъ случаѣ обязанъ благодарностью за всѣ его заботы и попеченія. Но болѣе всего Зонненкампъ напиралъ на необходимость быть скромнымъ и не высказывать своей радости.

— Ты тоже, прибавилъ онъ, долженъ привыкнуть къ тому, чтобъ не показывать передъ другими, какъ высоко цѣнишь свое возвышеніе въ свѣтѣ. А теперь иди къ матери. Нѣтъ... погоди! Ты долженъ получить отъ меня еще нѣчто, что сдѣлаетъ тебя сильнымъ, гордымъ и дастъ тебѣ увѣренность въ самомъ себѣ. Постой тутъ и ты увидишь, какъ глубоко и искренно я тебя уважаю. Ты въ моихъ глазахъ уже совершенно взрослый человѣкъ.

И поискавъ въ карманѣ, онъ вынулъ ключъ и приблизился къ вѣланному въ стѣну несгораемому шкапу. Онъ прижалъ пружину и обѣ половинки шкапа мгновенно распахнулись.

— Смотри, сказалъ онъ, все это будетъ принадлежать тебѣ—тебѣ и твоей сестрѣ. Приди сюда и дай свои руки—вотъ такъ.

Зонненкампъ вынулъ изъ шкапа объемистый паветъ и продолжалъ:

— Держи вѣрше, здѣсь заключаются миллионъ фунтовъ стерлинговъ. Знаешь ли ты, что такое одинъ миллионъ фунтовъ? Онъ равняется шести миллионамъ талеровъ: вотъ они здѣсь всѣ въ бумагахъ, а у меня въ шкапу еще кромѣ того остаются кое-какія крохи. Что, у тебя рябитъ въ глазахъ? Ну, это ужъ лишнее, тебѣ только слѣдуетъ знать, что ты держишь въ рукахъ. Съ этимъ ты можешь управлять всѣмъ міромъ. Ну, дай назадъ. Смотри, вотъ гдѣ лежитъ этотъ паветъ. Рядомъ съ нимъ находятся другія бумаги, а внизу золото въ монетахъ, — я очень люблю его въ этомъ видѣ, — и золото въ слиткахъ. Я не вѣченъ. Я и то по временамъ чувствую головокруженіе, пред-

вѣстникъ того вихря, который долженъ подхватить меня и унести съ лица земли. Вотъ тутъ на верху лежитъ моя духовная: ты со дня моей смерти становишься совершеннолѣтнимъ. Ну, дай же мнѣ руку, мой взрослый сынъ. А какъ ты себя чувствуешь послѣ того какъ подержалъ миллионъ? Не правда ли, это сообщаетъ силу? Не робѣй-же, я вполне тебя довѣряю. Только ты, да я, одни все знаемъ. Иди же, иди, сынъ мой. Будь гордъ въ самомъ себѣ и скромень передъ свѣтомъ. Ты богаче всѣхъ дворянъ въ странѣ, можетъ быть богаче самого герцога. Такъ, такъ... эта минута дѣлаетъ меня несказанно счастливымъ. Если я умру, ты уже знаешь—все знаешь. Ну, иди. Только прежде дай мнѣ еще разъ тебя поцаловать. Вотъ такъ, теперь ступай.

Роландъ не могъ произнести ни слова. Онъ долго стоялъ за дверьми, смотря на руки, которыя за минуту передъ тѣмъ держали миллионъ. Ему внезапно пришло на умъ все, что онъ въ теченіе своей жизни слышалъ о радостяхъ, какія доставляетъ богатство, и о печаляхъ, которыя оно будто бы нерѣдко причиняетъ. Но самъ онъ въ эту минуту ничего не ощущалъ, кромѣ счастья и гордаго сознанія собственной силы. Ему очень хотѣлось всѣмъ этимъ подѣлиться съ Эрихомъ, но онъ не смѣлъ. Отецъ довѣрился ему и онъ не хотѣлъ измѣнять данному слову.

Роландъ пошелъ къ матери и засталъ ее въ большой залѣ. Церера, одѣтая въ роскошное платье, расхаживала взадъ и впередъ по комнатѣ, охорашиваясь и стараясь придать себѣ какъ можно болѣе важный видъ. Она встрѣтила сына легкимъ наклоненіемъ головы, долго на него смотрѣла, потомъ сказала:

— Знаешь ли ты, какъ мнѣ слѣдуетъ теперь кланяться? Ты болѣе не долженъ говорить просто: здравствуйте мамъ, а здравствуйте, фрау мамъ... Доброга утра, баронесса... Вы слишкомъ милостивы, баронесса... Не соблаговолите ли вы, баронесса... Какъ вы прелестны, баронесса... ха, ха, ха!

Роландъ вздрогнулъ: ему показалось, что мать его внезапно сошла съ ума. Минуту спустя, Церера остановилась передъ зеркаломъ и сказала:

— Твой отецъ правъ, говоря, что всѣ мы только сегодня родились. Ну, приди же, поцалуй твою мать, баронессу.

Она крѣпко обняла сына и прибавила, что желала бы полюбоваться, какъ ее теперь будутъ честить злые явйки, которые, узнавъ о ея возвышеніи, должны просто всѣ съ ума сойти.

— Но гдѣ же Манна? спросилъ Роландъ.

— Манна глупая дѣвочка, которую монастырь въ конецъ испортилъ. Она заперлась въ свою комнату и никого къ себѣ не пускаетъ. Попробуй ты поговорить съ ней: можетъ быть, тебѣ

и удастся вразумить ее. Мы всѣ теперь должны быть очень умны, ловки и осторожны. Профессорша постоянно говорила мнѣ, что я умна и теперь я хочу на дѣлѣ оправдать ее слова. Толстая баронесса фонъ-Эндлихъ и гордая какъ павлинь графиня Вольфгартенъ... а что, вѣдь и мы со временемъ можемъ сдѣлаться графами... объ онѣ, я полагаю, что называется, лопнуть съ досады. Поди, дитя мое, къ твоей сестрѣ, и постарайся привести ее сюда. Мы съ ней вмѣстѣ одѣнемся, какъ можно роскошнѣе, и будемъ радоваться нашему счастью. А ты завтра съ отцомъ и барономъ Пранкеномъ поѣдешь въ столицу.

Роландъ отправился въ комнату Манны, постучался къ ней въ дверь и позвалъ ее. Она, послѣ долгаго молчанія, ему наконецъ отвѣчала просьбой еще немного оставить ее одну и обѣщалась сама придти къ нему черезъ часъ.

Возвращаясь къ себѣ, Роландъ натѣнулся на Пранкена. Последній горячо его обнялъ, назвалъ братомъ и осыпая поздравленіями довелъ его до самой комнаты, куда онъ шелъ. Тамъ лежалъ приготовленный для Роланда мундиръ. Пранкенъ уговаривалъ мальчика немедленно его надѣть, но тотъ отказался, сказавъ, что хочетъ прежде сдать свой экзаменъ.

— Экзаменъ! со смѣхомъ повторилъ Пранкенъ. Ба! онъ страшенъ только для бѣдныхъ мѣщанскихъ юношей. Вы же, мой молодой другъ, теперь баронъ и экзаменъ для васъ пустая форма.

Роландъ не заставилъ себя долго просить и вскорѣ переодѣлся съ помощью Пранкена. Мундиръ сидѣлъ на немъ какъ вылитый, прекрасно обрисовывая его стройный и въ то же время крѣпкій станъ. У него были широкія плечи и вся фигура, не смотря на гибкость, изобличала силу.

— Я, собственно говоря, сказалъ онъ, желалъ бы быть морякомъ, но у насъ нѣтъ флота.

Роландъ вторично, въ сопровожденіи Пранкена, пошелъ къ Маннѣ и закричалъ ей съвозъ закрытую дверь, чтобъ она пришла взглянуть на него въ его новомъ мундирѣ. Но онъ не получилъ никакого отвѣта.

Тогда они отправились къ отцу, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ къ матери. Церера не могла налюбоваться сыномъ. Роландъ едва владѣлъ собой. Онъ вышелъ въ паркъ, показывая свой новый мундиръ деревьямъ, облакамъ и цвѣтамъ, но тѣ смотрѣли на него молча, ни словомъ, ни движеніемъ не отвѣчая на его восторгъ. Онъ пошелъ къ слугамъ и тамъ наконецъ былъ осыпанъ поздравленіями.

Роландъ стоялъ у входа въ паркъ, держась рукой за шпагу,

а кастелянъ, въ качествѣ отставного солдата, отдалъ ему честь по-военному. Къ нимъ подошелъ Эрихъ. Онъ въ первую минуту не узналъ своего воспитанника и когда тотъ заговорилъ, сильно вздрогнулъ. Щеки Роланда пылали и онъ воскликнулъ:

— Ахъ, Эрихъ, еслибъ я могъ тебѣ все сказать! Я точно сталъ другимъ человѣкомъ, точно попалъ въ какой-то заволдывающій кругъ. Скажи мнѣ, сплю я, или бодрствую, вижу все это во снѣ, или на яву? Ахъ, Эрихъ, я больше не могу говорить!

Они вмѣстѣ пошли въ свою комнату. Роландъ все добивался у Эриха, также ли тотъ былъ доволенъ, какъ онъ, когда въ первый разъ надѣлъ мундиръ.

Эрихъ не зналъ, что ему отвѣчать, и мысленно старался припомнить свои тогдашнія ощущенія, но у него гораздо живѣе осталось въ памяти то чувство, съ которымъ онъ въ послѣдній разъ снялъ свой мундиръ. Вдругъ ему пришли на умъ слова доктора Рихарда, который утверждалъ, будто Роландъ никогда не радовался новому платью. Теперь мальчикъ стоялъ передъ нимъ въ восторгѣ отъ своего пестраго мундира. Всѣ его идеалы какъ будто мгновенно померкли, или вѣрнѣе, сосредоточились на этомъ военномъ скрутуѣ. Эрихъ грустно смотрѣлъ на Роланда. Онъ ему уже говорилъ, что два лучшіе момента въ жизни солдата тѣ, когда онъ въ первый разъ надѣваетъ и въ послѣдній разъ снимаетъ свой мундиръ, но теперь онъ не рѣшался ему это еще разъ повторить. Есть вещи, которыя всякій, чтобъ имъ повѣрить и ихъ себѣ усвоить, непременно долженъ самъ испытать. Эриху базалось, что онъ внезапно очутился посреди какого-то страшнаго хаоса.

Вскорѣ явился Иозефъ: Зонненкампъ немедленно требовалъ къ себѣ Эриха.

У молодого человѣка сильно кружилась голова, онъ чувствовалъ, какъ изъ-подъ ногъ его исчезала почва и онъ, шатаясь, точно во снѣ, прошелъ черезъ дворъ и поднялся по лѣстницѣ, которая вела въ комнату Зонненкампа. Въ передней онъ остановился перевести духъ и собраться съ силами. Онъ полагалъ, что для него настала рѣшительная минута.

ГЛАВА VIII.

НЕВЫСКАЗАННАЯ ТАЙНА.

Эрихъ вошелъ въ Зонненкампу, едва осмѣливаясь на него смотрѣть. Онъ боялся каждаго слова, которое тотъ могъ ему сказать, считая оскверненнымъ каждый предметъ, котораго дернула бы коснуться его мысль. Но взглянувъ на него, Эрихъ пришелъ въ изумленіе отъ переменъ, происшедшей въ Зонненкампѣ. Могучая фигура и горделивая осанка этого человѣка исчезли, какъ бы по волшебству, уступивъ мѣсто необычайной скромности, вротости, почти дѣтскому смиренію. Онъ самымъ равнодушнымъ тономъ объявилъ Эриху, что герцогъ соизволилъ пожаловать ему дворянство и призывалъ его къ себѣ съ тѣмъ, чтобъ собственноручно передать ему дипломъ на новое званіе.

Эрихъ все еще съ трудомъ переводилъ духъ и не могъ говорить.

— Вы удивлены? спросилъ Зонненкампъ. Я знаю, еврейскій банкиръ отказался отъ этой чести, но... господа евреи вообще лукавый народъ.... впрочемъ всякій дѣйствуетъ по своему разумѣнію. Знаю я также и то, что пѣкто докторъ Фрицъ, гостившій у филантропа Вейдемана, сообщилъ вамъ не совсѣмъ-то лестныя вещи о человѣкѣ, на котораго я имѣю несчастіе походить. Не правда ли, вѣдъ я угадалъ? Я это вижу по вашему лицу. Надѣюсь, что вы.... нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь, любезный другъ! Вы можете смѣло меня поздравить и вмѣстѣ со мною радоваться за нашего Роланда.

У Эриха отлегло отъ сердца. Все это, безъ сомнѣнія, была ошибка: иначе откуда бы взялось у этого человѣка столько самоувѣренности? Кто за себя боится, тотъ не можетъ быть такъ сповоенъ.

Зонненкампъ продолжалъ:

— Но вы останетесь нашимъ другомъ, не правда ли? Я надѣюсь, что ни вы, ни ваша благородная матушка не захотите насъ побинуть.

Онъ подаль ему руку. Коснувшись ея, Эрихъ снова вздрогнулъ. Неужели и кольцо на большомъ пальцѣ тоже ошибка? Зонненкампъ вѣроятно смутно догадывался о томъ, что происходило въ душѣ молодого человѣка, и быстро отдернулъ руку, какъ будто она нечаянно попала въ лапу дикаго звѣря. Но онъ мгновенно оправился и спокойно замѣтилъ:

— Я знаю, вы противникъ новаго дворянства.

— Болѣе того, началъ Эрихъ, я хотѣлъ бы еще сказать....

— Вы меня извините, рѣзко перебилъ его Зонненкампъ, если я въ эту минуту откажусь васъ слушать.

Затѣмъ онъ, быстро измѣнивъ тонъ, выразилъ надежду, что Эрихъ не откажетъ ему еще въ одной и послѣдней просьбѣ, а именно возьметъ на себя научить Роланда съ достоинствомъ держать себя въ своемъ новомъ званіи.

— Какъ хорошо было бы, еслибъ вы теперь же получили обѣщанную вамъ каеэдру! Я до пріѣзда нашего въ столицу, а можетъ быть и послѣ, помѣстилъ бы Роланда на одной квартирѣ съ вами. Вы по прежнему остались бы его наставникомъ и другомъ и все бы такъ хорошо устроилось!

Тутъ Зонненкампъ весьма развязно заговорилъ о необходимости посвятить Роланда во всѣ тайны такъ-называемой веселой жизни свѣтской молодежи. Онъ полагалъ, что это единственный способъ предохранить юношу отъ излишествъ, въ которыя онъ въ противномъ случаѣ легко можетъ впасть.

Эрихъ слушалъ молча. Онъ шелъ сюда съ намѣреніемъ предостеречь Зонненкампа, остановить его на опасномъ пути, но было уже слишкомъ поздно. Къ тому же самъ Зонненкампъ признаніемъ, что его нерѣдко смѣшивали съ Банфильдомъ, какъ бы поспѣшилъ предупредить всѣ дальнѣйшіе толки объ этомъ предметѣ. Чувствуя однако необходимость что-нибудь сказать, Эрихъ освѣдомился о маіорѣ. Зонненкампъ съ самодовольнымъ видомъ объявилъ, что постройка замка подходитъ уже къ концу и онъ намѣревается немедленно по возвращеніи своемъ изъ столицы устроить по этому случаю празднествъ. Маіоръ отправился сдѣлать необходимыя для этого распоряженія.

— А вы уже видѣлись съ вашей матушкой? въ заключеніе спросилъ Зонненкампъ.

— Нѣтъ еще.

— Я съ сожалѣніемъ узналъ, что она не совсѣмъ здорова и потому отказывается принять участіе въ нашей радости.

Эрихъ поспѣшилъ къ матери. Онъ еще никогда не видѣлъ ее больной, а теперь засталъ ее въ изнеможеніи лежащую на диванѣ. Она выразила удовольствіе, что онъ такъ скоро повиновался призыву, заключавшемуся въ ея письмѣ. Эрихъ не понималъ, о какомъ письмѣ она ему говорила, но оказалось, что профессорша вручила посланному въ Маттенгеймъ отъ Зонненкампа также и отъ себя записку, немедленно призывавшую сына домой.

Профессорша находилась въ лихорадочномъ состояніи и выражала опасенія, чтобъ ее не посѣтила серьезная болѣзнь. Ей

все казалось, что домъ ея, качаясь, несется по волнамъ и съ немнѣвѣрной быстротой стремится въ морскую даль. Она должна была постоянно бороться съ дремотой, которая овладѣвала ею, лишь только она закрывала глаза. Ей стоило только на минуту забыться и передъ ней возникали страшные сны.

Приподнявшись немного, она сказала сыну:

— Но съ твоимъ возвращеніемъ все снова пойдетъ хорошо. Мнѣ было здѣсь такъ страшно одной!

Эрихъ, видя тревожное состояніе матери, счелъ невозможнымъ говорить съ ней теперь о томъ, что онъ слышалъ отъ Вейдемана.

— Ахъ, снова начала профессорша, какъ бы я желала, чтобъ тебѣ не пришлось испытать того же, что я теперь испытываю. Чѣмъ дольше я живу на свѣтѣ, тѣмъ непонятнѣе и загадочнѣе кажется мнѣ въ немъ многое. Вы, мужчины, несравненно счастливѣе: вы имѣете въ виду общее и потому гораздо менѣе страдаете отъ частныхъ.

Профессорша быстрымъ, тревожнымъ взглядомъ окинула сына. Ей очень хотѣлось подѣлиться съ нимъ страшной тайной, которая тяжелымъ камнемъ лежала у нея на сердцѣ, но она не имѣла духу смутить его покоемъ и снова все скрыла въ себѣ.

Эрихъ между тѣмъ принялся описывать дѣятельность, испытанную въ Маттенгеймѣ, и радость, какую ему доставляло видимое расположеніе къ нему Вейдемана. Разсказъ его точно внесъ лучъ свѣта въ комнату больной, которая замѣтно оживилась.

— Да, сказала она, люди въ тревогѣ легко забываютъ, что на свѣтѣ есть также много и прекраснаго.

Но вскорѣ она снова впала въ уныніе и съ тоской начала жаловаться на судьбу, которая возлагала такую тяжелую борьбу на дѣвушку, подобную Маннѣ. Едва успѣла она произнести имя молодой дѣвушки, какъ отъ нея явился посланный съ просьбой, чтобъ профессорша немедленно къ ней пришла.

Эрихъ хотѣлъ отвѣчать, что мать его больна и просить фрейленъ Манну, не будетъ ли она такъ добра сама пожаловать въ виноградный домикъ. Но профессорша остановила его:

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она: ей нужна моя помощь, я должна быть и буду здорова. Напротивъ, я очень рада, что долтъ предписываетъ мнѣ побороть это тяжелое, болѣзненное состояніе.

Она немедленно встала и отвѣчала посланному:

— Скажите, что я сейчасъ буду.

Затѣмъ она быстро одѣлась и въ сопровожденіи сына отправилась на виллу.

ГЛАВА IX.

ДЕВИЗЪ ГЕРОЯ РОЛАНДА.

У дверей Манны профессорша назвала себя по имени и они немедленно передъ ней растворились. Стоя на порогѣ, блѣдная и дрожащая, молодая дѣвушка съ утомленнымъ видомъ протянула ей руку.

— Я долго боролась одна, медленно проговорила Манна, но не нахожу выхода изъ своего положенія. Наконецъ я рѣшилась вамъ довѣриться.

И она рассказала, какъ, будучи маленькою дѣвочкой и потомъ уже взрослой дѣвушкой, она была страстно привязана къ отцу и нерѣдко горевала, видя дурное обращеніе съ нимъ матери. Но разъ какъ-то—она до сихъ поръ не знаетъ, что подало къ тому поводъ,—Церера въ припадкѣ гнѣва сказала ей въ присутствіи мужа:

— Знай же, кто твой отецъ, онъ....

— Прошу васъ, сама себя перебила Манна, не смотрите на меня и позвольте мнѣ вамъ это шепнуть на ухо.

И наклонясь къ профессоршѣ, она едва слышно произнесла страшное слово.

Профессорша сидѣла, сложивъ руки на колѣнахъ и опустивъ глаза въ землю. Въ комнатѣ царствовала невозмутимая тишина, точно весь свѣтъ мгновенно умеръ и обѣ сидящія здѣсь женщины тоже внезапно лишились жизни.

Немного спустя Манна продолжала свой рассказъ. Сначала она не поняла всего значенія словъ матери, но смыслъ ихъ мало-по-малу сдѣлался ей ясенъ. Тогда она рѣшилась идти въ монастырь. Ей пришла на память Ифигенія и она задумала, подобно ей, добровольнымъ принесеніемъ себя въ жертву искупить вину своихъ близкихъ.

— Въ сердцѣ моемъ, прибавила Манна, какъ будто что-то внезапно порвалось. Я смотрѣла на себя какъ на жертву, обреченную на смерть, и спѣшила съ собой покончить. Я боялась, чтобъ мнѣ не измѣнило мужество, и хотѣла поскорѣй себя связать.

Затѣмъ снова настало молчаніе, котораго профессорша ни словомъ не нарушила. Но у Манны вскорѣ вырвалось новое восклицаніе гора. Она не понимала, какъ могъ рѣшиться ея отецъ.... а сама она неужели дѣйствительно обречена быть знатной, равной по званію невѣстой Пранкена? Она хотя и видѣла въ немъ

человѣка свѣтскаго, тѣмъ не менѣе уважала его за искренность и благородство его религиозныхъ убѣждений, но....

Вдругъ Манна съ громкимъ плачемъ бросилась профессоршѣ на шею:

— Нѣтъ, это невозможно! восклицала она: Я не могу быть его женой! Ахъ, какъ я слаба! Вы мнѣ предсказывали тяжелую борьбу, но этого я никакъ не ожидала и не подозрѣвала!

— Чего? спросила профессорша.

Манна, закрывъ лицо руками, вторично бросилась ей на шею и горько заплакала.

Профессорша убѣждала ее вполне открыться ей, но Манна долго молчала, потомъ съ внезапной рѣшимостью сказала:

— Нѣтъ, это принадлежитъ мнѣ одной и со мной вмѣстѣ ляжетъ въ могилу.

Профессорша старалась, какъ могла, ее утѣшить. Она спросила у Манны, говорила ли та когда-нибудь обо всемъ этомъ съ своимъ духовникомъ на исповѣди. Молодая дѣвушка отвѣчала отрицательно, потомъ, бросившись на колѣни передъ профессоршей, умоляла ее никому не передавать того, что она ей рассказала о своемъ отцѣ. Но когда профессорша замѣтила, что все это ей уже давно было извѣстно, но что она считала обязанностью всякаго честнаго человѣка не гнушаться людей, которые искали загладить свое печальное прошлое, Манна, какъ ужаленная, отъ нея отскочила.

Съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, она воскликнула:

— Кто еще это знаетъ? Кто? Скажите мнѣ скорѣй!

— Зачѣмъ, дитя мое? Къ чему терзаешь ты свое бѣдное сердце и ищешь все болѣе и болѣе растравлять его раны?

— Моя молитва, моя жертва отвергнуты! Я сама и всѣ мы повинуты, забыты Богомъ!... Нѣтъ, я свободна! Небо не хочетъ, не принимаетъ моей жертвы. То, что я хотѣла ею искупить, должно жить во мнѣ одной, въ моемъ бѣдномъ, растерзанномъ сердцѣ. Я свободна... свободна!

— Твоя улыбка, твои слова наводятъ на меня ужасъ, сказала профессорша, пристально смотря на Манну.

— Ахъ, воскликнула та, внезапно измѣнившимся голосомъ: я только разъ попробовала заговорить съ братомъ о рабствѣ и была поражена его отвѣтомъ. Существа, подобно намъ принятыя въ лоно религіи, сказалъ онъ, намъ равны. Онъ правъ: чей умъ просвѣтленъ знаніемъ Бога, тотъ свободное дитя Божіе. Вы себѣ не можете представить, какое чувство невыразимой тоски охватило мое сердце, когда я, стоя въ церкви, въ первый разъ подумала, какъ это мы можемъ молиться, зная,

что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, за церковной оградой, находятся люди, томящіеся въ рабствѣ. Что такое послѣ этого наша молитва и благоговѣніе, какъ не самая гнусная ложь? Я съ этой минуты вступила на опасную дорогу, по которой меня съ невообразимой силой влекло все далѣе и далѣе. Какъ можетъ, спрашивала я себя, служитель церкви принимать насъ въ ея лоно, когда нашъ отецъ....

Голосъ Манны порвался и она рукой указала въ даль.

Профессорша всячески старалась ее успокоить.

— Дитя мое, сказала она ей, не говори дерзкихъ рѣчей противъ религіи, не бросай камней въ тѣхъ, которые, живя на свѣтѣ, подчиняются его грѣховности. Идея религіи прекрасна, чиста и возвышенна, хотя ее часто ложно понимаютъ, или, небрежно въ ней относясь, допускаютъ другихъ ее осквернять.

Профессорша устремила всѣ силы своего ума на то, чтобъ не допустить въ Маннѣ угаснуть религіозному настроенію духа. Она съ жаромъ говорила ей о тѣхъ людяхъ, которые, посвятивъ себя служенію высокой идеѣ, неутомимо трудятся и дѣйствуютъ въ избранной ими сферѣ, не унывая отъ того, что имъ не удастся превратить землю въ жилище мира и любви.

Манна съ изумленіемъ смотрѣла на профессоршу. Губы ея шевелились, но не произносили ни слова. Въ умѣ ея вертѣлся вопросъ: Развѣ вы не гугенотка? но она не рѣшалась высказать его въ слухъ. Передъ ней впервые исчезло различіе между вѣроисповѣданіями, которое прежде такъ рѣзко бросалось ей въ глаза. Она только видѣла передъ собой кроткое, любящее, преисполненное стремленій къ добру сердце и почувствовала непреодолимое влеченіе къ этой доброй и благородной женщинѣ. Манна бросилась къ профессоршѣ на шею и, горячо обнимая ее, цѣловала ей щеки, лобъ и губы. Она просила ее положить ей на голову руки, чтобъ утишить въ ней наплывъ горькихъ, безотрадныхъ мыслей.

Обѣ женщины сидѣли прижавшись одна къ другой. Вдругъ кто-то постучался въ дверь.

То былъ Зонненвамъ, который требовалъ, чтобъ ему отворили.

— Ты должна его впустить, сказала профессорша.

Манна встала и отодвинула задвижку у дверей.

Зонненвамъ вошелъ.

— Мнѣ очень пріятно видѣть васъ опять здоровой, громко сказалъ онъ профессоршѣ.

Онъ и не подозрѣвалъ, какими глазами смотрѣли на него обѣ женщины.

— Благодарю васъ, прибавилъ онъ, сопровождая свои слова движеніемъ, которое выражало его желаніе остаться съ дочерью наединѣ.

Манна поняла это и не смѣя выразить весь охватившій ее страхъ, однако рѣшилась просить отца, чтобъ онъ не удалялъ профессоршу. Онъ могъ, не стѣсняясь, говорить въ ея присутствіи, такъ какъ у ней, его дочери, не было отъ нея никакихъ тайнъ.

Зонненкамъ невольно вздрогнулъ.

«Возможно ли?... Нѣтъ, быть не можетъ, чтобъ собственная дочь рѣшилась его выдать.»

Онъ еще разъ повторилъ, что хочетъ говорить съ Манной наединѣ.

Профессорша ласково кивнула ей головой и вышла.

У Манны подкосились ноги и она принуждена была сѣсть.

Зонненкамъ прежде всего выразилъ надежду, что она уже давно успѣла забыть ядовитыя рѣчи противъ него матери, и посылалъ ее къ ней затѣмъ, чтобъ изъ ея собственныхъ устъ услышать опроверженіе того, что у нея вырвалось въ минуту раздраженія и гнѣва.

Манна молча кивнула головой, а Зонненкамъ послѣ этого заговорилъ о ея помолвѣ съ Пранкеномъ, при чемъ самодовольно замѣтилъ, что никогда ни въ чемъ не намѣренъ стѣснять желаній своихъ дѣтей. Манна въ отвѣтъ умоляла его пока не касаться этого вопроса.

— Хорошо, сказалъ онъ, ты намъ объявишь твое окончательное рѣшеніе послѣ нашего возвращенія изъ столицы, а до тѣхъ поръ общайся мнѣ быть съ нимъ любезной и ласковой.

На это Манна охотно согласилась. Зонненкамъ самодовольно улыбнулся. Онъ намѣревался поддерживать въ Пранкенѣ надежду до тѣхъ поръ, пока все не будетъ окончено и ему ничего болѣе не останется опасаться.

— Ты у меня выросла на свободѣ, сказалъ онъ дочери и весело засмѣялся, а теперь, когда сдѣлалась баронессой, по прежнему будешь располагать собой по произволу. Только прошу тебя, обожди еще немного съ рѣшительнымъ отвѣтомъ. Я во всемъ хочу дѣйствовать честно.

Ему собственно слѣдовало бы сказать, что онъ вовсе не считаетъ за грѣхъ обмануть Пранкена, но онъ вмѣсто того только выразилъ мнѣніе, что лучше будетъ дать согласіе, или произнести отказъ уже послѣ того, какъ они успѣютъ нѣсколько свыкнуться съ своимъ новымъ положеніемъ.

Немного спустя, онъ, обладавъ дочь, дружески съ нею расстался.

Къ обѣду на виллу пріѣхалъ молодой прапорщикъ съ товарищами. Всѣ они дружелюбно отнеслись къ Роланду, который вмѣстѣ съ ними устроилъ прогулку верхомъ.

По желанію Пранкена, они въ тотъ же вечеръ отправились въ столицу.

Когда Роландъ прощался съ матерью Эриха, она вручила ему листъ бумаги, на которомъ было написано слѣдующее:

«На шлемѣ героя Роланда въ былое время красовался и долженъ еще по сию пору стоять девизъ: Никакое оружіе въ мірѣ не лишитъ меня дѣвственной чистоты».

ГЛАВА X.

ОПЯТЬ ВЪ ПОДЗЕМНОМЪ ЦАРСТВѢ.

Въ нижнемъ этажѣ за людскимъ столомъ было нѣсколько пустыхъ мѣстъ и въ томъ числѣ главное, которое обыкновенно занималъ Бертрамъ. Не доставало тутъ также и Іозефа съ Лутцомъ: они оба уѣхали съ старымъ и молодымъ бариномъ въ столицу.

Мужчины и женщины, сидѣвшіе за столомъ, тихо перешептывались; наконецъ главный садовникъ во всеуслышаніе объявилъ, что все это уже перестало быть тайной. Онъ еще во время посѣщенія виллы герцогомъ предвидѣлъ настоящее событіе. Садовникъ говорилъ съ какой-то стыдливой снисходительностью, точно совѣстясь расточать свое краснорѣчіе передъ людьми, которые не могли его понять. Одинъ Іозефъ умѣлъ цѣнить его по достоинству.

Никто изъ слугъ не любилъ ученаго и чванливаго главнаго садовника и рѣчь его была оставлена безъ отвѣта. Толстая кухарка, очень рѣдко садившаяся съ другими за столъ, подъ предлогомъ будто никогда ничего не ѣсть, на этотъ разъ осмѣлилась занять мѣсто Бертрама. Она сказала, что всю свою жизнь, до поступленія въ домъ Зонненвампъ, служила только у знатныхъ господъ и выразила свое удовольствіе, что теперь опять къ тому же пришла. Первое слово такимъ образомъ было сказано и у всѣхъ точно свалилась съ души тяжесть. Языки мгновенно развязались и разговоръ не замедлилъ оживиться. Второй вучеръ, подергивая себя за длинный жилетъ, внимательно осматривалъ его отвороты.

Мнѣ сюда также насадятъ пуговицъ съ гербами, сказалъ онъ наконецъ. Кареты у насъ вѣроятно будутъ вновь покрыты

лакомъ, а на возлахъ простая буква «З» замѣнится гербомъ. Теперь кучеръ барона фонъ-Эндлиха перестанетъ меня дразнить тѣмъ, что буква «З» ему будто бы всегда напоминаетъ вопросительный знакъ, что, по его мнѣнію, вовсе не мудро, такъ какъ никому не извѣстно, кто такой господинъ Зонненкампъ.

Одинъ изъ конюховъ тоже не мало радовался тому, что попоны на лошадяхъ украсятся пятиугольной короной, которая будетъ всѣмъ бросаться въ глаза.

Смотрительница за бѣльемъ жаловалась, что ей предстоитъ съизнова мѣтить все бѣлье, а хранительница серебра радовалась, что у нея въ буфетѣ появятся новыя ложки и вилки. Старыя безъ сомнѣнія будутъ передѣланы для того, чтобъ на нихъ можно было вырѣзать новое имя съ гербами.

— Собаки конечно тоже получаютъ новыя ошейники, произнесъ чей-то пискливый голосъ.

Всѣ засмѣялись, а молодой парень, приставленный смотрѣть за собаками, самодовольно ухмылялся, довольный тѣмъ, что ему удалось сказать нѣчто столь забавное.

Старая Урсула, которая по обыменовенію сидѣла на скамьѣ и держала тарелку на колѣняхъ, сказала, обращаясь ко второй кухаркѣ:

— Ну, теперь у насъ скоро появится и госпожа Лутцъ. Баринъ не станетъ больше запрещать своимъ слугамъ жениться.

— Ужъ не далъ ли онъ тебѣ на это позволеніе?

— Я, слава Богу, ужъ болѣе не нуждаюсь въ такого рода позволеніи. Но онъ теперь навсегда здѣсь останется. Намъ нечего бояться, что онъ уйдетъ, и вы всѣ можете спокойно жениться.

Садовникъ, прозванный бѣлкой, назидательнымъ тономъ замѣтилъ:

— Я не намѣренъ никого осуждать, но хочу только сказать, что будь я богатъ, я ни за что не сталъ бы домогаться дворянства. По моему гораздо пріятнѣе быть богатѣйшимъ мѣщаниномъ во всей прирейнской странѣ, нежели новѣйшимъ изъ дворянъ. Съ деньгами всякій достаточно знатенъ.

Слова бѣлки были встрѣчены насмѣшками; одинъ только главный садовникъ съ снисходительнымъ одобреніемъ бивнулъ ему головой, точно хотѣлъ сказать: ну, братецъ, я не ожидалъ отъ тебя подобной прыти.

Затѣмъ рѣчь зашла о ливреяхъ для слугъ и возникъ споръ о томъ, получить ли Зонненкампъ новое названіе или только прибавить къ своему старому имени частицу «фонъ». Кромѣ того всѣхъ сильно интересовала помолвка Прангена съ Манной.

Толстая кухарка припомнила, какъ при вступленіи Эриха въ домъ, Урсула предсказывала, что онъ будетъ женихомъ хозяйской дочери. А теперь оказывалось, что она помолвлена за другого и свадьба ея съ нимъ будетъ сыграна немедленно послѣ полученія дворянства. Урсула сдѣлала гримасу, обвела всѣхъ насмѣшливымъ взглядомъ и прижавъ ложку къ губамъ, многозначительно закивала головой.

— А я, сказала она, все еще продолжаю думать, что наша барышня не выйдетъ за рыжебородаго барона. Вспомните мое слово.

Смотрительница за бѣльемъ по секрету сказала толстой кухаркѣ, что камердинеръ Иозефъ въ теченіи всей прошлой зимы сильно ухаживалъ за дочерью содержателя гостинницы «Викторія».

Толки въ нижнемъ этажѣ виллы еще долго продолжались въ томъ же тонѣ, пока голосъ сверху не отдалъ приказанія закладывать экипажъ. Барыня, несмотря на поздній вечеръ, собиралась куда-то ѣхать.

Куда? Никто не зналъ.

ГЛАВА XI.

ПЕРВАЯ НОЧЬ ВАРОНЕССН.

— Да, ему хорошо, онъ уѣхалъ... онъ на каждомъ шагѣ будетъ находить новыя развлечения; а я осталась здѣсь одна. Что мнѣ теперь дѣлать?

Такъ жаловалась Церера, проводивъ Зонненгампа, Пранкена и Роланда въ столицу. Она въ тревогѣ, съ лихорадочной поспѣшностью переходила изъ одной комнаты въ другую и все приставала къ фрейленъ Пэрини, чтобъ та ее научила, что ей дѣлать. Фрейленъ Пэрини уговаривала ее успокоиться и наконецъ посовѣтовала Церерѣ сѣсть въ уголокъ дивана и заняться вязаньемъ.

— Отлично! внезапно воскликнула Церера, теперь я знаю, что мнѣ дѣлать. Я ему приготовлю неожиданное удовольствіе, а именно во время его отсутствія я сдѣлаю подушку съ нашимъ гербомъ. Ахъ, знаете, я видѣла въ церкви скамьи для моленья съ вышитыми гербами: мы и такую сдѣлаемъ, — не правда-ли.

— Да, согласилась фрейленъ Пэрини, и кромѣ того вышьемъ еще одну вещь.

— Какъ, вы имѣете еще что-то въ виду? спросила Церера.

— Да, это вполне согласно съ вашимъ благочестіемъ, да къ тому же вы и сами объ этомъ не разъ думали, но только теперь забыли.

— Что? Что такое я забыла?

— Вы хотѣли, какъ только получите дворянство, немедленно приступить къ вышиванью покрыва на престолъ въ церковь.

— Ахъ, да, да! Какая у меня дурная память, я все забываю. Пожалуйста, оставайтесь всегда при мнѣ и продолжайте мнѣ все напоминать. Нѣтъ ли у васъ крупной канвы? Мы бы сейчасъ принялись за дѣло.

У фрейленъ Пэрини всегда были въ запасѣ шелкъ, шерсть, золотыя и серебряныя нитки, канва и узоры. Церера дѣйствительно сдѣлала нѣсколько стежковъ, потомъ сказала:

— У меня сегодня такъ дрожать руки! Но я тѣмъ не менѣе все-таки начала покрывъ и мы съ сегодняшняго дня будемъ постоянно надъ нимъ работать. Вѣдь вы мнѣ не откажетесь помочь, не правда-ли?

Фрейленъ Пэрини отвѣчала утвердительно. Она съ самаго начала знала, что ей одной придется вышивать покрывъ, но за то Церера дѣйствительно немного успокоилась.

— Не послать-ли намъ за патеромъ, сказала она немного спустя или не съѣздить ли намъ къ нему?

— Какъ вамъ угодно.

— Впрочемъ, нѣтъ, останемся лучше однѣ. Гдѣ Манна? Пусть она придетъ сюда, къ своей матери.

Церера позвонила и послала за дочерью. Та отвѣчала извиненіемъ: она очень устала и уже легла въ постель.

— А гдѣ профессорша? Я полагаю, ея обязанностью было бы придти меня поздравить.

— Она была у фрейленъ Манны, а теперь отправилась къ себѣ.

— Какъ, она была въ домѣ и ушла, не повидавшись со мной! почти взвизгнула Церера. Пусть она сейчасъ, сію минуту сюда явится! Пошлите за ней. Я мать и всѣ почести должны быть возданы сначала мнѣ, а потомъ уже моей дочери. Пошлите же за ней, говорю я вамъ. Я требую, чтобъ она немедленно во мнѣ пришла.

Фрейленъ Пэрини принуждена была согласиться, а пока убѣждала Цереру держать себя въ присутствіи бывшей статсъ-дамы какъ можно съ бѣльшимъ достоинствомъ. Профессорша не долж-

на думать, что онѣ могутъ только у нея научиться, какъ себя держать въ своемъ новомъ положеніи.

— Постарайтесь успокоиться, баронесса.

— Баронесса! Надѣюсь, что и профессорша станетъ меня также называть?

— Конечно, ей слишкомъ хорошо знакомы всѣ свѣтскія приличія.

Церера снова тревожно заходила по комнатамъ. Она по временамъ останавливалась передъ большимъ зеркаломъ и приложивъ лѣвую руку къ сердцу, а правую опустивъ внизъ, кому-то низко и почтительно кланялась. У зеркала съ обѣихъ сторонъ висѣли небольшія люстры, на четыре свѣчи каждая, и Церера нерѣдко о нихъ стучалась головой.

— Онъ мнѣ общалъ, сказала она, пятиугольную борону: не правда-ли, она ко мнѣ пристанетъ?

Церера отвѣсила передъ зеркаломъ еще новый поклонъ и лицо ея озарилось радостной улыбкой.

Фрейленъ Пэрини, слышавъ шаги профессорши, вышла къ ней на встрѣчу съ просьбой какъ можно осторожнѣе и мягче обращаться съ Церерой, а въ особенности почаще называть ее баронессой..

— Зачѣмъ вы мнѣ велѣли сказать, что она больна, и тѣмъ самымъ заставили меня придти ночью?

— Извините, но есть больные, которые не лежатъ въ постели.

Профессорша поняла.

Церера встрѣтила ее, все еще стоя у зеркала. Она, не обращившись, воскликнула:

— Добро пожаловать, дорогая профессорша! Я очень рада васъ видѣть. Это, право, премоило... прелюбезно съ вашей стороны! За то и я по прежнему останусь къ вамъ расположена.

Тутъ она повернулась и подала вновь пришедшей руку.

Профессорша не поздравила ее и не назвала баронессой.

Церера выразила желаніе узнать, что могъ дѣлать въ столицѣ ея мужъ... нѣтъ, супругъ, поспѣшила она поправиться.

— Неправда-ли, прибавила она, мнѣ теперь слѣдуетъ называть его супругомъ?

Она думала, что мужъ ея, по примѣру средневѣковыхъ рыцарей, долженъ будетъ при многочисленномъ стеченіи народа пройти чрезъ церемонію трехъ ударовъ меча.

Профессорша возразила, что теперь болѣе ничего подобнаго не дѣлается, а вмѣсто того вручаютъ новому дворянину дипломъ, написанный на пергаментѣ.

— На пергаменѣ? повторила Церера. Что такое пергаменѣ?

— Это особеннымъ образомъ выдѣланная кожа.

— А, понимаю... Что же, дипломъ этотъ написанъ чернилами, какъ и все другое?

Она долго сидѣла молча, то закрывая, то открывая глаза, потомъ, вдругъ обратясь къ профессоршѣ, попросила ее выбрать себѣ одно изъ ея самыхъ роскошныхъ платьевъ.

Профессорша въ негодованіи приподнялась съ мѣста, но мгновенно опомнилась и спокойно поблагодаривъ госпожу Зонненкампъ за ея дружелюбіе, замѣтила, что она болѣе не носить такихъ роскошныхъ платьевъ.

— Госпожа Зонненкампъ тоже ихъ болѣе не носить, сказала Церера и съ неудовольствіемъ нѣсколько разъ повторила: Госпожа Зонненкампъ! Госпожа Зонненкампъ!

Она хотѣла внушить профессоршѣ, что ее теперь слѣдуетъ называть не иначе, какъ баронессой.

— А случалось ли вамъ уже когда-нибудь видѣть, чтобъ возводили въ дворяне американца? спросила она вдругъ, немного спуста.

Профессорша отвѣчала отрицательно.

Рѣчь зашла о новомъ имени Зонненкампа, который долженъ былъ отнынѣ называться Лихтенбургомъ, по имени вновь выстроеннаго имъ замка.

— Наконецъ-то я догадалась, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать! воскликнула Церера. Теперь же, сію минуту отправлюсь я въ замокъ — *нашъ* замокъ! Послѣ этого я буду хорошо спать. Вы обѣ должны со мной ѣхать.

Она позвонила и велѣла немедленно закладывать экипажъ. Профессорша и фрейленъ Пэрини въ страхѣ и недоумѣніи переглянулись. Что изъ всего этого будетъ? Онѣ боялись, чтобы Церера во время поѣздки окончательно не сошла съ ума.

У профессорши еще хватило смѣлости посовѣтовать Церерѣ, отложить посѣщеніе замка до слѣдующаго утра. Ночная поѣздка, прибавила она, должна была обратить на себя всеобщее вниманіе.

— Почему? А скажите, есть о нашемъ замкѣ какое-нибудь преданіе? спросила Церера.

Преданіе существовало, но профессорша остереглась его теперь рассказывать. Затѣмъ она болѣе не противилась ѣхать въ надеждѣ, что прогулка на свѣжемъ ночномъ воздухѣ наконецъ успокоитъ Цереру.

Три женщины вскорѣ отправились въ путь. Профессорша

распорядилась, чтобъ съ ними кромѣ кучера побѣжали еще двое слугъ, одинъ на возлахъ, другой на запяткахъ. Она желала на всякій случай имѣть помощь, которая впрочемъ оказалась не нужной. Церера, лишь только очутилась въ экипажѣ, мгновенно успокоилась и принялась рассказывать о собственномъ дѣтствѣ.

Она была дочь моряка, капитана, который, управляя однимъ изъ кораблей Зонненкампа, совершилъ съ нимъ нѣсколько опасныхъ, — очень опасныхъ путешествій. Она рано осталась сиротой. Зонненкампъ взявъ ее, по смерти родителей, на свое исключительное попеченіе и взростилъ ее въ уединеніи, подъ присмотромъ одного стараго слуги и служанки.

— Онъ меня ничему, рѣшительно ничему не хотѣлъ учить, жаловалась Церера. Онъ постоянно мнѣ говорилъ: тебѣ лучше всего остаться такою, какъ ты есть. Мнѣ еще не было пятнадцати лѣтъ, когда онъ на мнѣ женился.

Она заплакала, потомъ вдругъ, какъ ребенокъ, захлопавъ въ ладоши, воскликнула:

— Все это такъ похоже на сказку! Мнѣ кажется, что существо, которое тогда цѣлые дни проводило въ мечтахъ, лежа въ койкѣ, было совсѣмъ другое, чѣмъ та женщина, которая теперь... Но тѣмъ не менѣе все это хорошо, очень хорошо, — не правда ли? спросила она, подавая руви профессоршѣ и фрейленъ Пэрини.

— А какъ вы думаете, продолжала она съ таинственнымъ видомъ обращаясь къ профессоршѣ, мы теперь уже навѣрное будемъ дворянами?

— Разъ что декретъ заготовленъ, дѣло можно считать оконченнымъ, но пока онъ еще не вышелъ, лучше быть осторожнѣе. Мало ли какія обстоятельства могутъ встрѣтиться въ послѣднюю минуту.

— Какія обстоятельства? Чтò вы хотите этимъ сказать? Вы что-нибудь знаете? Говорите скорѣй.

Профессоршѣ сдѣлалось страшно. Теперь только ей вполнѣ стало понятно тревожное, болѣзненное состояніе духа Цереры. Да, это была именно та женщина, которая могла рѣшиться наказать мужа тѣмъ, что открыла дочери прошлое ея отца.

Церера просила, требовала, чтобъ ей сказали, какія еще могутъ встрѣтиться препятствія ея возвышенію въ свѣтѣ. Профессорша отвѣчала, что она говорила вообще, не имѣя въ виду ничего особеннаго, и тѣмъ наконецъ успокоила несчастную женщину. Несмотря на ночную темноту, фрейленъ Пэрини замѣтила, какихъ усилій стоила профессоршѣ эта ложь, а между тѣмъ послѣдняя считала себя вправѣ къ ней прибѣгнуть, видя

себя въ положеніи доктора, который не осмѣливается говорить правды страждущему лихорадкой больному.

Церера отвинулась на мягкія подушки экипажа и вскорѣ заснула, какъ ребенокъ, который до того заплакался и навапризничался, что совсѣмъ выбился изъ силъ. Фрейленъ Пэрини убѣдительно просила профессоршу назвать Цереру при ея пробужденіи баронессой. Затѣмъ она приказала вучеру ѣхать обратно домой.

Цереру едва могли добудиться и почти на рукахъ отнесли въ постель. Она ласково поблагодарила обѣихъ женщинъ и счастливая улыбка озарила ея лицо, когда профессорша наконецъ сказала:

— Доброй ночи, баронесса.

ГЛАВА XII.

ОПУСТЫЛОЕ ГНѢЗДО И ДОМЪ СОЕДИНЕНІЯ.

Птица съ веселыми пѣснями неутомимо строитъ себѣ гнѣздо, выводитъ птенцовъ, кормитъ ихъ, раститъ и лелѣетъ; претерпѣваетъ ради нихъ лишенія и все свое счастье полагаетъ въ ихъ благосостояніи. Но наступаетъ день, когда птенцы, сознавъ свои силы, разлетаются въ разныя стороны, а гнѣздо остается пустымъ и холоднымъ.

Подобныя мысли вертѣлись въ головѣ Эриха, когда онъ, стоя передъ постелью Роланда, со страхомъ и тоской думалъ о дорогомъ для него юношѣ. Онъ вышелъ изъ дому и пошелъ бродить по окрестностямъ. Онъ чувствовалъ потребность броситься въ объятія друга, излить передъ нимъ свою печаль и преклонить ему на плечо свою усталую голову.

Онъ хотѣлъ идти къ доктору, въ Клодвигу, опять въ Вейдеману, но остановился при мысли, что никто изъ нихъ не въ силахъ отвратить неизбежнаго. Къ тому же ему внезапно пришло на умъ, что онъ можетъ черезъ нѣсколько часовъ быть здѣсь нуженъ; — нѣтъ, онъ не долженъ оставлять ни своей матери, ни дома, — не долженъ думать о себѣ.

Онъ бродилъ какъ тѣнь, нигдѣ не находя повою. Мимо него промчалась карета, онъ быстро спрятался за изгородь, но успѣлъ узнать свою мать, Цереру и фрейленъ Пэрини. Куда спѣшать онѣ? Или все это только игра его разстроеннаго воображенія? Онъ долго стоялъ на мѣстѣ. Карета вернулась назадъ, а вслѣдъ за ней и онъ, не спѣша, послѣдовалъ домой.

Эрихъ опустился на свамью, которая стояла противъ винограднаго домика и сидѣлъ тамъ, пока въ окнахъ не потухли огни. Затѣмъ онъ отправился на виллу.

Проходя мимо окна Манны, гдѣ было темно, ему показалось, что онъ ее увидѣлъ. Имъ овладѣло страстное желаніе ее позвать, но онъ не осмѣлился этого сдѣлать. Какое право имѣлъ онъ нарушать ея печальныя думы?

Вдругъ въ окнѣ мелькнула бѣлая рука, онъ ускорилъ шагъ и быстро прошелъ мимо.

Долго еще ходить онъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Ему было такъ странно не видѣть и не слышать Роланда, съ которымъ онъ привыкъ бесѣдовать каждый вечеръ.

Эрихъ хотѣлъ-было искупить въ чтеніи забвенію отъ тяготившихъ его мыслей, но рука его, протянутая за книгой, вмѣсто того, чтобъ взять ее, сдѣлала отрицательное движеніе. Профессоръ Эйзидель былъ правъ: умъ его вышелъ изъ области чистой идеи и теперь онъ не могъ разомъ опять ей отдаться. Онъ вполне посвятилъ себя одному юному существу, и теперь, когда оно было у него внезапно отнято, онъ чувствовалъ себя, какъ потерянный. Но внутренній голосъ говорилъ ему въ утѣшеніе: «еслибъ ты вполне не отдалъ себя Роланду, онъ не былъ бы такъ хорошо вооруженъ какъ теперь и не могъ бы съ успѣхомъ противостоять опасностямъ и соблазнамъ, какіе его ожидаютъ впереди. Думаетъ ли онъ теперь обо мнѣ, такъ какъ я о немъ, стремится ли ко мнѣ съ такою тоской, какъ я къ нему? спрашивалъ себя Эрихъ и тутъ же самъ себя отвѣчалъ: въ настоящую минуту, конечно нѣтъ, такъ какъ его должна вполне поглощать перспектива новой жизни. Но придетъ время, когда онъ ко мнѣ обратится и въ ожиданіи этого я долженъ быть всегда на готовѣ.

Затѣмъ Эрихъ старался угадать, что ожидаетъ впереди его самого. Но усилія его были тщетны и онъ наконецъ нашелъ успокоеніе въ мысли, что завтрашній день самъ собой укажетъ, что ему надо дѣлать.

Тутъ впервые Эрихъ вспомнилъ, что со своей стороны владѣлъ частицей незаконно-пріобрѣтеннаго имущества. Онъ мгновенно рѣшился отъ нея отказаться, но былъ въ недоумѣніи, кому ее возвратить. Несмотря на это, онъ внезапно почувствовалъ себя спокойнѣе, на душѣ у него стало легче и онъ вслухъ произнесъ:

— Ты снова бѣденъ, снова не имѣешь ничего, но за то сохранилъ себя чистымъ.

Какъ многое пережилъ, передумалъ и перечувствовалъ онъ

въ этомъ домѣ, и вотъ не далѣе какъ завтра, много, много черезъ нѣсколько дней онъ его покинетъ и все это останется однимъ воспоминаніемъ.

А затѣмъ?

Что бы ни случилось, онъ чувствовалъ себя на все готовымъ.

Но въ эту минуту Эрихъ чувствовалъ себя одинокимъ, покинутымъ, точно ограбленнымъ. Душа его рвалась къ другому, дорогому для него существу, отъ котораго онъ жаждалъ услышать слова надежды и любви. Что, еслибъ Белла могла меня теперь видѣть? подумалъ онъ и вздрогнулъ. Щеки его покрасились яркимъ румянцемъ и онъ мысленно произнесъ: Нѣтъ, Манна, ты одна... Но ты этого никогда не узнаешь: такъ будетъ лучше и для тебя, и для меня... А почему бы мнѣ и не назвать тебя своей и не раздѣлить съ тобой бремени твоего ужаснаго богатства? Богатство! Я слышюмъ гордь и оно не могло бы мнѣ служить препятствіемъ.... Но нѣтъ, нѣтъ, пусть это лучше умереть въ зародышѣ и никогда не будетъ мною высказано.

Онъ крѣпко прижалъ руку ко рту. Наконецъ глаза его закрылись и онъ, засыпая, почти вслухъ произнесъ:

— Добрая ночи, Роландъ.

На слѣдующее утро его первой мыслью снова былъ Роландъ. Въ воздухѣ гудѣли церковные колокола. Эрихъ вышелъ изъ дому. Онъ хотѣлъ идти къ матери, но не смѣлъ. Слова, слышанныя имъ отъ Вейдемана, постоянно звучали въ его ушахъ и поддерживали въ немъ вчерашнюю тревогу. Онъ взглянулъ на небо и воскликнулъ:— Солнце, что ты принесешь намъ сегодня?

Но странно! Посреди всей этой тоски и этихъ сомнѣній, въ немъ внезапно возникло какое-то неопредѣленное чувство радостнаго ожиданія, точно онъ стоялъ на порогѣ счастья, которое, онъ самъ не зная, откуда должно было явиться.

Колокола продолжали гудѣть. Да, въ мѣрѣ дѣйствительно существуетъ нѣчто, что говоритъ сердцу каждаго и всѣхъ одинаково къ себѣ призываетъ. Почему бы и мнѣ, вмѣстѣ съ другими, не откликнуться на этотъ зовъ? подумалъ Эрихъ.

Онъ направился къ церкви и на пути вспомнилъ слова добраго Кнопфа: Наша жизнь не есть простая прогулка на свободѣ.

Эрихъ вошелъ въ церковь и былъ встрѣченъ звуками органа. Кнопфъ правъ, думалось ему: здѣсь стоятъ священные сосуды, свѣтильники, скамьи и спойно ожидаютъ всякаго, кто пожелаетъ сюда придти. Кто знаетъ, что происходитъ въ душѣ его

сосѣда? Но тѣмъ не менѣе здѣсь мѣсто общаго соединенія, гдѣ каждый обрѣтаетъ другихъ и самого себя.

Эрихъ тихонько опустился на скамью за колонной.

Немного спустя, взоръ его упалъ на Манну, волѣнопрелюбленную передъ алтаремъ.

— Такъ точно, мелькнуло у него въ умѣ, она скоро будетъ стоять рядомъ съ Пранкеномъ, когда надъ ними станутъ совершать брачный обрядъ.

Эриху показалось, что его вдругъ кто-то сзади ударилъ. Онъ въ испугѣ обернулся, но тамъ никого не было. Онъ хотѣлъ уйти изъ церкви, но остался на мѣстѣ, испытывая пріятное впечатлѣніе отъ окружающихъ его мира и тишины. Затѣмъ мысли Эриха смѣшались и онъ самъ не зналъ, о чемъ думалъ. Вдругъ органъ умолкъ, мимо него прошла Манна, шелестъ ея шелкового платья коснулся его уха, а онъ все оставался неподвижно на мѣстѣ. Навонецъ свѣчи на алтарѣ были погашены и тогда только онъ вышелъ изъ церкви.

— Ахъ, вы тоже были въ церкви? услышалъ онъ сзади себя женскій голосъ.

Эрихъ въ изумленіи оглянулся и увидѣлъ передъ собой фрейленъ Милькѣ. Онъ дружески протянулъ ей руку и замѣтилъ, что до сихъ поръ не считалъ ее католичкой.

— И вы не ошибались, возразила она. Но бываютъ минуты, въ которыя я не могу молиться одна. Меня тянетъ въ храмъ, посвященный Высшему Существо, въ общество людей, которые подобно мнѣ ищутъ утѣшенія у источника Вѣчнаго Свѣта, хотя и называютъ его иначе, чѣмъ я. Слова моей молитвы другія, но я тѣмъ не менѣе молюсь вмѣстѣ съ моими ближними.

Она ласково и пытливо смотрѣла Эриху въ глаза, точно хотѣла сказать: ты тоже не могъ оставаться одинъ. Но Эрихъ молчалъ и она освѣдомилась о его матери, а потомъ поручила ему передать ей, что не идетъ къ ней изъ боязни ее потревожить. Сама же она въ случаѣ, если профессорша пожелаетъ ее видѣть, постоянно дома.

— Вы тоже, капитанъ, прибавила она, приходите къ намъ почаще. Мы не многое можемъ вамъ предложить, но за то вы у насъ всегда найдете спокойствіе. Къ тому же вы не должны съ нами нисколько стѣсняться. Вы можете приходите и уходите по произволу и если не захотите, такъ даже и не здоровайтесь съ нами, однимъ словомъ, будьте совершенно какъ у себя дома.

Она спросила у Эриха, скучаетъ ли онъ по Роландѣ, и онъ ей первой высказалъ томившую его тоску.

— Роландъ сдѣлался мнѣ дороже моего покойнаго брата! воскликнулъ онъ.

Въ ту самую минуту, какъ онъ произносилъ эти слова, мимо нихъ прошла Манна, возвращавшаяся отъ патера. Она учтиво поклонилась обоимъ и вѣроче прижала къ груди свой молитвенникъ.

— Я бы ничего не имѣла противъ ея поступленія въ монастырь, еслибъ могла надѣяться, что она тамъ будетъ счастлива, сказала фрейленъ Мильбъ. Но она никогда не будетъ счастливой монахиней.

— Еще бы, шутиливо замѣтилъ Эрихъ, ей предстоитъ быть баронессой фонъ-Пранкенъ.

— Баронессой фонъ-Пранкенъ? Никогда.

— И вы можете говорить это такъ утвердительно?

— Да, потому что баронъ фонъ-Пранкенъ женится на молодой вдовѣ, дочери барона фонъ-Эндлиха.

— Я васъ не понимаю.

— При случаѣ вспомните мои слова, капитанъ. Я кое-что смыслю въ людяхъ. Баронъ Пранкенъ никогда не обращался ко мнѣ ни съ чѣмъ, кромѣ двухъ словъ: гдѣ маіоръ? Я на это вовсе не сѣтую, но тѣмъ не менѣе хорошо его знаю.

Лицо Эриха внезапно озарилось радостью. Онъ собственно говоря не имѣлъ никакого повода полагаться на догадки фрейленъ Мильбъ, но тѣмъ не менѣе вполне вѣрилъ ей. Онъ вспомнилъ чувство радостнаго ожиданія, на мгновеніе посѣтившее его утромъ. Тогда онъ не зналъ, чему его приписать, но теперь все стало ему ясно.

Эрихъ проводилъ фрейленъ Мильбъ до ея жилища. Маіора не было дома. Онъ отправился въ замокъ, гдѣ хлопоталъ надъ приготовленіями къ предстоящему торжеству по случаю открытія замка.

Эрихъ вернулся на виллу и пошелъ къ матери.

ГЛАВА XIII.

ДРУЖЕСКАЯ РУКА ПОДАЕТЪ ПИТЬ.

— Что, и вы тоже задумчивы и печальны? сказала докторъ Эриху, встрѣчая его на порогѣ. Я засталъ здѣсь цѣлую колонію пораженныхъ страхомъ людей. Но что же во всемъ этомъ страшнаго? Господинъ Зонненкампъ вѣроятно закажетъ себѣ новое платье и новый экипажъ и этимъ, я полагаю, все ограничится.

Я еще помню то время, когда люди среднего класса не смѣли ѣздить четверней, а если ужъ непременно этого хотѣли, то лошади ихъ должны были имѣть пенъвовыя постромки. Ну, что же, теперь господинъ Зонненкамъ заведетъ у себя кожаныя постромки. Я вовсе не вижу, чего тутъ печалиться? А между тѣмъ господа Церера больна, Манна больна, профессорша больна, капитанъ тоже сильно смахиваетъ на больного. Во всемъ этомъ лазаретѣ только и есть здоровыхъ, что фрейленъ Пэрини, да тетушка. Всѣхъ васъ, какъ я вижу, надо посадить на успокоительное питье.

Докторъ принесъ съ собою совершенно новую атмосферу. Его бодрое, веселое настроеніе духа повѣяло здѣсь подобно горному, пропитанному благоуханіемъ вѣтру, который, проникая въ долину, разгоняетъ накопившіяся въ ней дурныя испаренія. Ни профессорша, ни Эрихъ не могли объяснить причины своихъ опасеній. Докторъ посоветовалъ Эриху принять участіе въ работѣ новыхъ рудниковъ, а свою ученость на время спрятать, какъ ненужное украшеніе.

Въ Маттенгеймѣ были вновь открыты слои бурога желѣзняка, которые семейство Вейдемана собиралось разрабатывать. Къ доктору пріѣзжалъ его зять и рассказывалъ ему, какое пріятное впечатлѣніе на всѣхъ произвелъ Эрихъ во время пребыванія своего въ Маттенгеймѣ.

Немного спустя Эрихъ съ докторомъ отправились на виллу. На дворѣ ихъ встрѣтилъ слуга съ телеграммой. Зонненкамъ просилъ Эриха сообщить его женѣ, что онъ въ эту самую минуту отправляется къ герцогу на аудіенцію.

Докторъ взялъ на свою отвѣтственность удержать это извѣстіе отъ Цереры, которая и безъ того находилась въ возбужденномъ состояніи, близко граничащимъ съ помѣшательствомъ. Онъ прописалъ ей усыпительное средство и надѣялся, что она теперь спала.

Къ обѣду въ этотъ день явились только Манна, Эрихъ и фрейленъ Пэрини. Послѣднюю послѣ перваго кушанья вызвали изъ-за стола къ Церерѣ. Она ушла и болѣе не возвращалась.

Манна и Эрихъ остались одни.

— Вы сегодня тоже были въ церкви? спросила она.

— Да.

— Я должна просить у васъ извиненія: я была къ вамъ несправедлива.

— Вы — ко мнѣ?

— Да, я васъ считала невѣрующимъ.

— Я дѣйствительно таковъ съ точки зрѣнія вѣрующихъ въ строгомъ смыслѣ.

Манна замолчала и положила обратно на тарелку кусокъ кушанья, который подносила ко рту. Ни она, ни Эрихъ въ теченіи нѣкотораго времени не проронили ни слова. Оба искали предметъ для разговора, на которомъ бы ихъ мнѣнія могли сойтись.

— У васъ былъ младшій братъ? Я слышала, какъ вы сегодня утромъ о немъ говорили, рѣшилась наконецъ сказать Манна и вся вспыхнула.

— Да, онъ былъ однихъ лѣтъ съ Роландомъ. И сегодня особенно мнѣ невыразимо грустно, что я не могъ быть для него тѣмъ, чѣмъ я былъ для нашего Роланда.

— Вы не только были, но есть и всегда будете для него другомъ. Мнѣ Роландъ передалъ ваши слова на счетъ дружбы, которыя глубоко врѣзались мнѣ въ память: Друзья, сказали вы ему однажды, которые могутъ одинъ другого повинуть, никогда не были друзьями.

— Совершенно справедливо. Но что такое мысль и память тамъ, гдѣ мы лишены возможности жить подъ одной кровлей и ѣсть за однимъ столомъ съ другомъ. Я зналъ, что мнѣ предстоитъ разлука съ Роландомъ, я самъ видѣлъ ея необходимость, но теперь только впервые почувствовалъ всю ея горечь. Я въ теченіи столбаго времени жилъ исключительно для Роланда, посвящалъ ему всѣ свои мысли, устремлялъ на него все мое вниманіе, такъ что теперь, когда у меня его внезапно отняли, я чувствую себя совсѣмъ разбитымъ. Главная цѣль моего существованія должна теперь измѣниться, но пока я ощущаю страшную пустоту въ сердцѣ, а мѣръ вокругъ меня кажется такимъ холоднымъ и непривѣтливимъ.

Эрихъ на мгновеніе остановился, а Манна тихо проговорила:

— Мнѣ это вполне понятно.

— У меня есть другъ, поэтъ, — продолжалъ Эрихъ, — необыкновенный, своеобразный человѣкъ, который все очень горячо принимаетъ въ сердцу. Его призваніе составляетъ для него все: онъ живетъ исключительно имъ и для него. Вотъ этотъ самый другъ мнѣ однажды горько жаловался на пустоту, какую ощущаетъ всякій разъ, когда, окончивъ какой-нибудь трудъ, выпускаетъ его въ свѣтъ. Онъ въ теченіи долгаго времени сосредоточивалъ всѣ свои мысли и чувства на созданіяхъ собственной фантазіи, а тутъ послѣднія вдругъ его покидаютъ, переплываютъ моря, расходятся по всему міру. Мысль его еще по

привычкѣ продолжаетъ стремиться въ нимъ, но уже сознаетъ себя безсильною что-либо дѣлать для ихъ усовершенствованія. Подумайте же, если образы нашей фантази, покидая насъ, причиняютъ намъ столько страданія, какъ больнѣе еще должно быть намъ при разлукѣ съ живымъ существомъ, съ человѣкомъ, съ которымъ мы такъ сказать срослись душой.

Манна смотрѣла на него, широко раскрывъ глаза. Крупныя слезы висѣли на ея длинныхъ рѣсницахъ, между тѣмъ какъ глаза Эриха тоже подернулись влагой. Она сложила руки на столѣ и устремила на своего собесѣдника пристальный взоръ.

Эрихъ почувствовалъ на себѣ ея взглядъ и въ смущеніи сказалъ:

— Простите меня за эгоизмъ, съ какимъ я вамъ такъ много говорю о себѣ. Я вовсе не желаю васъ огорчать и теперь спѣшу предложить вамъ утѣшеніе, которымъ уже старался успокоить самого себя. Мы не имѣемъ права давать нашей душѣ какое-нибудь одно исключительное направленіе; намъ не слѣдуетъ позволять одному предмету насъ до такой степени поглощать, чтобъ упускать изъ виду весь остальной міръ. На свѣтѣ существуетъ еще много вещей, въ которыхъ мы обязаны пробуждать и поддерживать въ себѣ интересъ. Но теперь, въ первую минуту горя, когда рана, нанесенная разлукой, еще дымитъ, — теперь мы ничего не въ состояніи дѣлать, какъ только терпѣливо выжидать, пока утихаетъ боль, собираться съ мыслями и взвѣшивать силы, какія намъ даны для выполненія нашей доли обязанностей въ мірѣ, въ которыхъ мы необходимо должны находить и частицу радости... Моя мать, самъ себя перебилъ Эрихъ, часто вспоминаетъ объ одномъ пасторѣ, который однажды сказалъ, обращаясь къ своей паствѣ: дѣти, я вамъ говорю проповѣди не потому только, что это вамъ полезно, но и потому, что самъ ощущаю въ томъ потребность.

Легкая улыбка скользнула по лицу Манны. Эрихъ тоже улыбнулся и продолжалъ:

— Да, мы не должны отдаваться одному отдѣльному, преходящему существу, или исключительно посвящать себя какому-нибудь одному предмету, но обязаны служить Вѣчному Духу во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ, до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ угодно призвать насъ въ другой міръ, въ другимъ обязанностямъ. Куда? За чѣмъ? Неизвѣстно. Мы переживаемъ смерть одного отдѣльнаго, дорогаго для насъ положенія, для того чтобъ вступить въ вѣчность и занять мѣсто посреди великаго общаго соединенія міровъ.

— Вы никогда болѣе не должны называть себя невѣрующею

щимъ, внезапно воскликнула Манна, — нѣтъ, вы не имѣете на это права!

— Многие, продолжалъ Эрихъ, считаютъ меня за отсталого, другіе за лѣниваго и черезъ-чуръ уступчиваго человѣка, потому, что я вѣрю въ Бога, или иначе, въ Силу, мудро управляющую событіями. А между тѣмъ меня въ существованіи этой силы убѣждаетъ историческій ходъ всего человѣчества, а равно и отдѣльная жизнь каждаго человѣка.

Лицо Манны покрылось яркимъ румянцемъ. Она протянула руку, точно намѣреваясь подать ее Эриху, потомъ опомнилась и быстро схвативъ стоявшую на пути бутылку, сказала:

— Мы съ вами такъ заговорились, что я совсѣмъ забыла свою обязанность. Не правда ли, какая я дурная хозяйка!

Она налила ему вина. Онъ поднесъ стаканъ ко рту и пока изъ него пилъ, глаза его покоились на Маннѣ. Она замѣтила это и быстро потупилась.

— Но мнѣ надо вамъ сдѣлать еще одно признаніе, сказала она, немного спустя, и остановилась перевести духъ, потомъ продолжала:

— Когда вы выражали вашу грусть по поводу того, что болѣе ничего не можете сдѣлать для Роланда, мнѣ стало еще яснѣе, какое счастливое вѣрованіе я утратила.

Она закрыла глаза, потомъ снова ихъ открыла и прибавила:

— Я одно время вѣрила, что человѣкъ можетъ молиться за другого, отсутствующаго, кто бы, и гдѣ бы онъ ни былъ. Я вѣрила, что мы можемъ приносить себя въ жертву за другихъ и искупать чужіе грѣхи, а теперь... теперь я перестала вѣрить.

Эрихъ молчалъ. Онъ понималъ, какихъ усилій стоило Маннѣ это признаніе. Оба сидѣли не говоря ни слова и избѣгая смотреть одинъ на другого. Эрихъ дрожалъ. Ему стало ясно, что Манна его любитъ: кому кромѣ любимаго человѣка рѣшилась бы она сказать то, что сейчасъ сказала ему? Сердце его дрогнуло отъ радости и въ тоже время сжалось отъ невыразимой тоски. Эта дѣвушка его любитъ, а онъ ее — ее, дочь подобнаго отца!

Къ счастью въ столовую вошелъ слуга и объявилъ Эриху, что профессорша проситъ его придти къ ней въ виноградный домикъ.

— Я пойду съ вами, мгновенно оправясь сказала Манна. Она пошла въ свою комнату за шляпой.

Эрихъ стоялъ, устремивъ взоръ на обѣденный столъ. Тарелки, стаканы и бутылки вертѣлись и прыгали у него передъ глазами. Минуту спустя вернулась Манна. Лицо ея было весе-

лѣе обыкновеннаго. Она снова превратилась въ молодую дѣвушку съ свѣжимъ голосомъ и быстрыми граціозными движеніями, и легкимъ наклоненіемъ головы пригласила Эриха слѣдовать за собой. Въ прихожей ихъ остановилъ слуга, который вручилъ Маннѣ довольно объемистый пакетъ.

— Ахъ, это шелковое платье отъ гернгутеровъ! сказала она. Видите ли, капитанъ, эти люди не принадлежать къ нашей церкви, но многое отъ нея заимствуютъ. Или вы тоже принадлежите къ числу ненавистниковъ гернгутерскаго братства?

— Ненавистникъ не есть настоящее для меня слово, возразилъ Эрихъ, но я нахожу много противорѣчій въ ихъ поступкахъ. Они проповѣдуютъ простоту, лишенія, презрѣніе къ роскоши и всякаго рода наслажденіямъ, а въ то же время ведутъ дѣятельную торговлю шелковымъ товаромъ и гаваннскими сигарами. Они устрояютъ свое благосостояніе на грѣховныхъ наклонностяхъ другихъ людей и въ этомъ вполнѣ уподобляются монаху нищенскаго ордена, который говоритъ: я не хочу трудиться и добывать деньги, но другіе должны это дѣлать для того, чтобъ доставить мнѣ возможность обращаться къ нимъ за подавленіемъ.

— Унесите прочь пакетъ, сказала Манна слугѣ.

И она медленно и молча послѣдовала за Эрихомъ.

ГЛАВА XIV.

СИВАЛЛИНЫ КНИГИ.

Дорогой Манна сказала:

— Знаете ли вы, что я первое время послѣ моего возвращенія домой чувствовала къ вамъ непреодолимое отвращеніе?

— О да, мнѣ это хорошо извѣстно.

— Но отчего же вы ничего не дѣлали, чтобъ уничтожить во мнѣ это чувство?

Эрихъ молчалъ и Манна повторила вопросъ.

— Или вы такъ равнодушны къ тому, что о васъ думаютъ другіе? прибавила она.

— Нѣтъ, но я былъ посторонній человѣкъ въ вашемъ домѣ и не имѣлъ права требовать, чтобъ вы имѣли обо мнѣ то или другое мнѣніе.

— Вы очень горды.

— Я отъ этого не отпираюсь.

— Но развѣ вы не знаете, что гордость пороку?

— Да, когда она дерзко заявляетъ свои требованія на поклоненіе и стремится унижать другихъ. Но мою гордость я берегу исключительно про себя и говорю вмѣстѣ съ Сень-Симонъ: смотря на себя, я бываю смиренень, смотря на другихъ, становлюсь гордъ.

— Вы для меня слишкомъ умны, поддразнила его Манна.

— Вотъ этого вамъ не слѣдовало бы говорить, потому что это пустая фраза. Нѣтъ человѣка слишкомъ умнаго въ отношеніи къ другому, который можетъ о себѣ сказать: я въ своемъ родѣ тоже что-нибудь да значу. Подобныя фразы странно и неприятно слышать отъ васъ. Мое уваженіе къ вамъ главнымъ образомъ покоится именно на томъ, что я до сихъ поръ никогда не слышалъ отъ васъ ни одной пустой фразы. Въ томъ, что вы говорили, если не всегда присутствовала логическая правда, то тѣмъ не менѣе чувствовалась истина въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась вамъ.

— Благодарю васъ, сказала Манна, касаясь пальцами его руки. Потомъ опомнясь, она въ замѣшательствѣ еще разъ повторила:

— Благодарю васъ.

— Не знаю право, куда вдругъ дѣвалась моя печаль, сказалъ Эрихъ. Мнѣ кажется, что цѣлый годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ у меня было такъ тяжело на душѣ. Мы съ вами имѣемъ счастье сходиться въ нашихъ взглядахъ на высшіе предметы, а размышленіе о нихъ до того поглощаетъ человѣка, что онъ утрачиваетъ всякій смыслъ на счетъ времени и мѣста, гдѣ находится.

— Ахъ да, подтвердила Манна. Сегодня посреди всѣхъ моихъ тревогъ и волненій меня не повидало предчувствіе сильной радости. Теперь я понимаю, въ чемъ дѣло. Вы до сихъ поръ были другомъ и учителемъ Роланда: не хотите ли замѣнить его мною? Скажите, согласны вы на это?

Она протянула ему руку. Глаза ихъ встрѣтились, а лица озарились радостной улыбкой.

— Ахъ, я вижу вашу матушку! внезапно воскликнула Манна. Она ускорила шагъ, и подойдя къ профессоршѣ, горячо ее обняла.

Мать Эриха съ изумленіемъ на нее поглядѣла. Неужели это та самая дѣвушка, у постели которой она стояла вчера, согрѣвая ея холодныя руки и стараясь успокоить ея взволнованныя мысли? Юность, какъ видно, представляетъ вѣчно неразгаданную тайну.

Манна сидѣла, закрывъ глаза рукой, потомъ отдернувъ ее, воскликнула:

— Ахъ, еслибъ я была птицей, которая летаетъ тамъ въ вышнѣ!

Профессорша не возражала:

— Я точно все это вижу въ первый разъ, продолжала Манна, указывая на разстлавшійся передъ нею ландшафтъ. Вонъ тамъ течетъ Рейнъ, здѣсь возвышаются горы, дома, а въ нихъ живутъ люди. Вонъ летитъ птица... ея отечество Азія, но она прилетѣла сюда, къ вамъ... У меня на душѣ такъ грустно и въ тоже время радостно и чей-то голосъ мнѣ постоянно твердитъ: тебѣ весело, не противься этому новому ощущенію. Ахъ, я нахожусь въ такомъ грѣховномъ состояніи!

— Нѣтъ, дитя, мое, ты просто еще молода, а у юности, какъ говорится, смѣхъ и слезы въ одномъ мѣшкѣ. Ты напротивъ должна радоваться тому, что въ тебѣ еще сохранилось такъ много свѣжести. Обстоятельства на время охладили твой юношескій пылъ, а теперь онъ рвется наружу. У юности есть свои права, которыя она рано или поздно заявляетъ. Мы, женщины, склонны все слишкомъ горячо принимать къ сердцу, а между тѣмъ міръ вовсе не такъ черенъ, какимъ мы себѣ часто его воображаемъ. У меня тоже отлегло отъ сердца съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь побывалъ докторъ. Человѣкъ легко привыкаетъ на все смотрѣть съ врачюй точки зрѣнія. Въ такомъ случаѣ для него весьма полезно услышать дружескій голосъ, который скажетъ ему: смотри, свѣтъ вовсе не такъ черенъ, какъ ты его себѣ рисуешь. Добро и зло въ немъ перемѣшаны и вовсе не имѣютъ логической послѣдовательности. Это нерѣдко говаривалъ и мой покойный мужъ.

Манна разсѣянно слушала профессоршу и когда та замолчала, шутливо проговорила:

— Въ настоящую минуту насъ производятъ въ дворяне, но, странно, я рѣшительно ничего при этомъ не ощущаю. А между тѣмъ такое важное событіе, казалось бы, непременно должно бы было имѣть на насъ вліяніе.

Во всемъ, что говорила Манна, проглядывало непривычное ей веселое настроеніе духа.

— Скажите пожалуйста, обратилась она къ профессоршѣ, что вы чувствовали въ тотъ день, когда сложили съ себя дворянское достоинство?

— Я не чувствовала ни малѣйшаго горя, отвѣчала та, но мнѣ было больно слушать увѣренія моихъ подругъ въ томъ, что онѣ не измѣнятся въ отношеніи ко мнѣ, но навсегда останутся мнѣ вѣрными друзьями. Изъ этихъ увѣреній я напротивъ заключила, что между нами все повончено. Къ тому же, толкуя о

своей любви ко мнѣ, онѣ постоянно употребляли прошедшее время, точно я уже болѣе не была въ живыхъ. И дѣйствительно, я тогда для многихъ умерла. Въ свѣтскомъ обществѣ тотъ, кто лишается дворянства, все равно, что нисходитъ въ царство тѣней.

Профессорша и Манна еще долго разговаривали въ этомъ тонѣ. Онѣ, казалось, на время забыли всѣ свои тревоги, опасенія и заботы.

Эрихъ, оставивъ Манну наединѣ съ матерью, все время что онѣ разговаривали, стоялъ у окна, наблюдал какъ обваливались съ отцвѣтающей розы ея прозрачные лепестки. Они падали медленно, безъ шума, точно ихъ срывала невидимая рука безплотнаго духа. Устремивъ взоръ на разбѣянные по полу блѣднорозовые листки, молодой человѣкъ впалъ въ глубокую задумчивость. Мать, Роландъ и Манна, ужасное прошлое Зонненкампа составляли предметъ его тревожныхъ думъ. Событія послѣднихъ дней вертѣлись передъ нимъ въ страшномъ хаосѣ и весь міръ казался ему какимъ-то страннымъ, измѣнившимся. Еслибъ кто-нибудь пришелъ къ нему на помощь и разъяснилъ ему все, что поражало его своей необычайностью!

Эрихъ чувствовалъ, какъ щеки его горѣли, а самъ онъ дрожалъ точно въ лихорадкѣ.

«Ты любишь эту дѣвушку, думалъ онъ, и любимъ ею, дочью этого человѣка».

Но что такое дочь?

Каждый человѣкъ отвѣчаетъ только за самого себя.

Въ первомъ этажѣ домика помѣщалась библіотека его покойнаго отца, и Эрихъ отправился туда.

Ему казалось, что въ рукописяхъ отца онъ непременно найдетъ слова, которыя сообщать ему самообладаніе, столь необходимое ему въ его теперешнемъ положеніи. Онъ надѣялся, что духъ отца явится къ нему на помощь и освѣтитъ лучемъ истины хаосъ горя и радости, въ которомъ онъ теперь бродилъ. Перебирая бумаги одну за другой, онъ остановился на связкѣ съ надписью: «Сивиллины книги».

— Вотъ именно что мнѣ надо! воскликнулъ онъ, пробѣжавъ глазами одинъ изъ листковъ.

Эрихъ стоялъ спиной къ открытому окну и слышалъ, какъ его мать убѣждала Манну оставаться вѣрной своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Профессорша говорила, что если она не признаетъ формы, въ какихъ выражается религія Манны, то она тѣмъ не менѣе исповѣдуетъ одинакое съ нею поклоненіе Св. Духу, который одинъ сообщаетъ человѣку способность переносить горе и вкушать радости.

— Матушка! внезапно воскликнулъ Эрихъ.

Обѣ женщины вздрогнули отъ неожиданности.

— Матушка, я несу тебѣ нѣчто, служащее какъ бы продолженіемъ твоей мысли.

Онъ вышелъ въ садъ и показывая рукопись отца, выразилъ желаніе прочесть ее вслухъ.

— Ахъ, да, пожалуйста! воскликнула Манна. Какъ вы добры, что вздумали придти подѣлиться съ нами мыслями вашего отца! Мнѣ такъ хотѣлось бы его знать! Не думаете ли вы, что онъ въ эту минуту на насъ смотритъ?

Эрихъ, не зная что ей отвѣчать, взглянулъ на мать.

— Врядъ ли онъ можетъ смотрѣть на насъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Чтобы смотрѣть, надо имѣть глаза, а наше понятіе о духѣ весьма неопредѣленно и мы не знаемъ, какой у него видъ. Но мнѣ извѣстно только одно, а именно, что нѣтъ дня или часа, въ который бы я не ощущала близость около себя моего покойнаго мужа. Онъ сопровождалъ меня сюда, въ этотъ домъ и, я убѣждена, останется со мной неразлучно до послѣдней минуты моей жизни. Но дай сюда листокъ, Эрихъ.

— У него странное заглавіе, замѣтилъ молодой человѣкъ, и онъ толкуетъ о трехъ вещахъ, которыхъ ни я, да, я полагаю, и никто другой не можетъ назвать настоящимъ именемъ.

— Пожалуйста читайте, попросила Манна.

Эрихъ началъ:

«Двѣ вещи въ мірѣ остаются неизмѣнными, тогда какъ сердце человѣческое постоянно колеблется между силой и слабостью, между добромъ и зломъ, — это природа и живущій въ насъ идеалъ. Церковь также представляетъ вѣрное убѣжище для идеала, хотя она не есть одна и таже для всѣхъ людей.

«Ты скажешь, природа намъ ни въ чемъ не помогаетъ. Что можетъ она для человѣка, изнемогающаго подъ бременемъ тоски, которая овладѣваетъ имъ при мысли о господствующихъ въ мірѣ влѣ и лжи? Дѣйствительно, природа нѣма; она только намеками даетъ себя понимать и чувствовать; она какъ эхо повторяетъ то, что мы сами въ ней вызываемъ. Церковь, напротивъ, въ минуты личной скорби предлагаетъ людямъ утѣшеніе и кромѣ того возбуждаетъ въ нихъ стремленіе обобщать свои интересы. Въ этомъ и заключается высокое ученіе Того, кто претерпѣлъ страданіе за всѣхъ. Мы слагаемъ съ себя бремя нашихъ печалей при мысли о томъ, что величайшее Сердце въ себѣ восило.

«А третье? спросишь ты.

«Третье — это то, что мы называемъ искусствомъ, но что

можетъ быть также названо любовью или подвигомъ. Подъ искусствомъ я подразумѣваю также и науку. Все, что человѣчскій духъ въ себѣ вырабатываетъ такого, что служитъ проявленіемъ его жизненныхъ силъ, воли и стремленій, все то, облекаясь въ краски или мраморъ, въ слово или въ звукъ, заставляетъ насъ предчувствовать, — нѣтъ, вѣрить въ будущую полноту и совершенство нашего бытія.

«Да, таковы подвиги гениа, которые онъ совершаетъ въ минуты вдохновенія.

«Искусство не уничтожаетъ страданій, не излечиваетъ ранъ, но приноситъ утѣшеніе тѣмъ, что наглядно и словесно доказываетъ существованіе лучшей, болѣе полной и чистой жизни. Искусство есть отраженіе присущихъ человѣку силы, ума, чувства и стремленія къ счастью. Оно не протягиваетъ руку помощи, не излечиваетъ ранъ, но служитъ человѣчеству точкой соединенія, на которой оно воздвигаетъ зданіе успокоительныхъ для него вѣрованій».

Эрихъ остановился.

— Здѣсь сдѣлана замѣтка, сказалъ онъ и прочелъ:

«Я зналъ одну женщину, которая во время траура не хотѣла ни слушать музыки, ни сама заниматься ею. Она этимъ ясно доказала, чѣмъ было для нея искусство».

Настала минута молчанія.

Немного спустя Эрихъ продолжалъ:

«Въ тяжелыя минуты моей жизни я находилъ утѣшеніе въ созерцаніи древнихъ статуй, посреди которыхъ мнѣ свободнѣе дышалось, и я буквально оживалъ. Другіе находятъ забвеніе печалей въ музыкѣ, — мнѣ скульптура всегда доставляла болѣе полное утѣшеніе. И это не потому, чтобъ я наслаждался созерцаніемъ застывшаго въ камнѣ и мраморѣ великаго прошлаго, но потому, что во мнѣ мгновенно умирало всякое личное горе при видѣ безграничнаго спокойствія, которое, не имѣя со мной ничего общаго, тѣмъ не менѣе отражалось на мнѣ.

«Я чувствовалъ на себѣ дыханіе вѣчности, мнѣ въ душу вливалось спокойствіе, мой взоръ услаждался и я утопалъ въ безконечномъ блаженствѣ. Слушая музыку, я все-таки еще могъ предаваться своимъ мечтамъ,—здѣсь это становилось невозможнымъ.

«Ахъ, еслибъ я могъ описать міръ, куда я тогда уносился и гдѣ я виталъ въ сопровожденіи божественныхъ ликовъ»....

Эрихъ внезапно остановился.

— Продолжайте, сказала Манна.

— Мнѣ нечего продолжать, здѣсь конецъ рукописи. Къ со-

жалѣнію, мой покойный отецъ оставилъ послѣ себя все только одни отрывки.

— Это не отрывокъ, а совершенно законченное цѣлое, возразила Манна: никто не могъ бы къ этому ни слова болѣе прибавить. Ахъ, прошу васъ... пожалуйста, подарите мнѣ этотъ листокъ.

Эрихъ посмотрѣлъ на мать, которая объявила, что она до сихъ поръ ни строки изъ того, что писалъ ея мужъ, не отдавала въ чужія руки.

— Но ты, дитя мое, получишь желаемое, прибавила она, а Эрихъ перепишетъ для насъ эти строки.

Она передала рукопись Маннѣ, которая прижала ее къ груди.

— Ахъ! воскликнула она, я до сихъ поръ и не подозрѣвала, чтобъ въ мірѣ существовало нѣчто подобное.

Въ лицѣ у нея не было ни кровинки. Она попросила у профессорши позволенія войти въ домъ, говоря, что очень устала и хочетъ отдохнуть.

Профессорша пошла вмѣстѣ съ ней. Манна легла на диванъ въ комнатѣ со спущенными занавѣсками. Она не выпускала изъ рукъ подаренную ей рукопись и вскорѣ заснула.

Эрихъ, сидя съ матерью, сказалъ ей, что первымъ его дѣломъ теперь, когда онъ освободился отъ всѣхъ другихъ обязанностей, будетъ заняться приведеніемъ въ порядокъ рукописей отца. Онъ намѣревался издать ихъ въ свѣтъ, въ томъ предположеніи, что многіе найдутъ въ оставленныхъ покойнымъ профессоромъ отрывкахъ нѣчто цѣлое, говорящее ихъ уму и сердцу.

Въ виду этого новаго дѣла, Эрихъ внезапно почувствовалъ себя снова свободнымъ отъ тревогъ, свѣжимъ и бодрымъ. Онъ надѣялся, что собственныя познанія и воспоминаніе о томъ, что отецъ при жизни ему словесно сообщилъ о своихъ мысляхъ и взглядахъ, дадутъ ему возможность многое самому пополнить въ отрывочныхъ рукописяхъ покойнаго.

Эрихъ вернулся въ бібліотеку и погрузился въ чтеніе. Вдругъ въ комнату вошла Манна.

— Вы здѣсь! воскликнула она. Я пришла сюда взглянуть на книги, на которыхъ такъ часто останавливались глаза вашего отца. Теперь мнѣ пора домой. Сегодняшній день мнѣ много, очень много принесъ.

— Могу я васъ проводить?

Манна утвердительно кивнула головой.

Они черезъ лугъ направились къ виллѣ.

ГЛАВА XV.

В С Е В Ъ О Г Н Ъ.

Эрихъ и Манна шли рядомъ, задерживая шаги и стараясь скрыть одинъ отъ другого свое волненіе. Манна, чувствуя на себѣ взоръ Эриха, смотрѣла въ сторону, точно любуясь далекимъ ландшафтомъ. Эрихъ, съ своей стороны, всякій разъ, когда она поднимала на него глаза, отворачивался въ противоположную сторону.

— Вы очень счастливы, что можете такимъ образомъ жить мыслями вашего отца, тихо проговорила Манна.

Эрихъ не имѣлъ духу ей отвѣчать. Его сердце болѣзненно заняло при мысли, что станется съ этой дѣвушкой, когда она узнаетъ страшную тайну про своего отца. Онъ и не подозрѣвалъ, что слова ея были у нея вырваны именно сознаниемъ своего горестнаго положенія.

— Я не могу исполнѣй наслѣдовать мыслямъ моего отца, сказалъ онъ наконецъ. Каждый человѣкъ долженъ до всего дойти собственнымъ опытомъ.

Они продолжали идти, но обоимъ хотѣлось бы остановиться и броситься въ объятія одинъ другому.

— Теперь отецъ съ Роландомъ вѣроятно уже ѣдутъ домой, замѣтила Манна.

— И съ ними баронъ фонъ-Пранкенъ, едва не сорвался у Эриха съ языка, но онъ во время удержался.

Маннѣ внезапно пришло на мысль, что онъ можетъ замѣтить ея нежеланіе произносить имя Пранкена и она поспѣшила сказать:

— Правда это, что вы одно время были очень дружны съ барономъ Пранкеномъ?

— Мы были съ нимъ товарищами, но никогда друзьями.

Опять настало молчаніе. Между ними было много невысказаннаго, что съ неудержимой силой рвалось наружу, но ни тотъ, ни другая, повидимому, не знали съ чего имъ начать.

Въ воздухѣ пронесся звукъ вечерняго колокола. Манна взглянула на Эриха: онъ оставался съ покрытой головой. Она вздрогнула. Какая бездна раздѣляла ихъ! Все, даже самая церковь стояла между ними.

Манна носила вокругъ талии, скрытый подъ платьемъ, тонкій снурокъ. Ей дала его одна монахиня для того, чтобъ онъ ей постоянно напоминалъ о томъ времени, когда она отерыто

передъ всѣмъ міромъ опояшется веревкой. Маннѣ вдругъ показалось, что этотъ снурокъ самъ собой стянулъ ей талию и потомъ снова ослабъ. Она схватилась рукой за дерево и остановилась, тяжело переводя духъ.

— Что съ вами? спросилъ Эрихъ.

— Ахъ, ничего и все. Благодарю васъ, что вы у насъ остаетесь. Смотрите, вонъ тамъ, наверху... надъ башней замка летитъ пара ястребовъ... ахъ, еслибъ и люди могли такъ летать и паря на высотѣ, забывать все, что ихъ тревожило здѣсь, внизу. Что такое была до сихъ поръ моя жизнь? Одинъ постоянный трудъ надъ смертной оболочкой. Я хотѣла стать выше міра и страстей, хотѣла посвятить себя молитвѣ за другого.... за другого! Ахъ, я чувствую, что болѣе этого не могу.... нѣтъ, никакъ не могу.

Она провела рукой по лбу. Слова точно бессознательно срывались у нея съ языка. Минуту спустя, она пошла далѣе, въ глубинѣ души желая вѣчно тутъ стоять.

Дѣвушка, неподалеку косившая траву, завидѣвъ Манну, закричала, что отецъ ея выздоровѣлъ и завтра вмѣстѣ съ ней будетъ убирать сѣно.

— Ахъ, какъ бы я желала быть этой поселанкой! воскликнула Манна.

— Извините, возразилъ Эрихъ, если я осмѣлюсь выразить удивленіе, что слышу подобныя рѣчи отъ васъ.

— Что же тутъ удивительнаго?

— Вы сегодня высказали такую ясность ума, что я рѣшительно не понимаю, какъ можете вы выражать такого рода пустыя желанія. Что вы хотите этимъ сказать: желала бы я быть другою? Будь вы другая, вы уже не были бы ею. Затѣмъ, еслибъ вы въ новомъ положеніи сохранили сознание вашего прежняго я, вы опять - таки не были бы другою. Такого рода фразы не только противорѣчатъ здравому смыслу, но еще на мой взглядъ грѣшатъ противъ религіи.

Манна остановилась, а Эрихъ продолжалъ:

— Мы должны быть тѣмъ, чѣмъ насъ создала высшая воля, которую мы осмѣливаемся называть Богомъ. И въ томъ, что мы есть, обязаны мы находить наше счастье, будь мы бѣдны или богаты, прекрасны или дурны собой.

— Хорошо, я никогда болѣе не стану выражать мыслей, въ которыхъ не вполне даю себѣ отчетъ, сказала Манна и подала Эриху руку. Она дрожала.

Подъ тѣнистыми сводами деревъ уже настали сумерки. Молодые люди шли молча.

— Ахъ, я вижу матушку! воскликнула Манна. У ней вырвался глубокий вздохъ и она остановилась, точно не желая явиться на глаза матери въ обществѣ Эриха. Но прежде она часто съ нимъ ходила и гуляла и нигде не находилъ въ этомъ ничего предосудительнаго.

— Я здѣсь съ вами прошусь, едва слышно проговорила Манна. Ахъ, что это былъ за день, который я сегодня прожила!

— Подобно тому, началъ Эрихъ, какъ солнце заходить и снова встаетъ, оставаясь все тѣмъ же и въ хорошую и въ дурную погоду, такъ точно и я всегда буду вамъ вѣрнымъ другомъ и глазъ мой, пока я живъ, неуспшно станетъ слѣдить за вашей судьбой.

— Я знаю! воскликнула Манна. О, Господи, я это знаю! Она вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Прощу тебя, уйди отсюда, внезапно проговорила она.

Эрихъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ прочь отъ нея и обернулся. Манна упала на колѣни подъ высокой елью. Лицо ея было облито блескомъ заходящаго солнца и она простирала руки къ небу. Еще минута, она встала и бросилась въ нему, онъ къ ней и они очутились въ объятіяхъ другъ друга.

— Да, да, сюда, ко мнѣ! восклицала она. И небо и земля все слилось въ одно.

Дыханіе ихъ смѣшалось, уста сомкнулись съ устами: они отнынѣ и на вѣки составляли одно.

— Ты мой! мой! Мой отецъ, моя надежда, мой свѣтъ и моя радость! Ахъ, Эрихъ, никогда, никогда больше не покидай меня!

— Я, тебя покинуть?!

— Нѣтъ, ты не можешь, неправда-ли? Небо простить насъ.... нѣтъ, благословить.... Ни я, ни ты, мы не могли иначе. Смотри, Эрихъ, какъ все вокругъ насъ пылаетъ. Деревья, трава, Рейнъ, горы, самое небо, — все горитъ, какъ въ огнѣ. Ахъ, Эрихъ, а когда этому огню суждено будетъ угаснуть, я охотно умру въ твоихъ объятіяхъ. Возьми меня, убей, дѣлай со мной что хочешь.

— Погоди, дай мнѣ на тебя взглянуть. Такъ вотъ ты какая, сказалъ Эрихъ. Ты и не подозрѣваешь, какую жестокую борьбу я изъ-за тебя вынесъ. Но наконецъ ты моя, моя, а я твой! О, скажи, скажи это еще разъ!

И они рассказали другъ другу о своей взаимной борьбѣ и о томъ, какъ каждый изъ нихъ вопреки самому себѣ былъ побѣжденъ прелестью и чистотой души другого. Прежняя сдержан-

ность Манны совсѣмъ исчезла и она излила передъ Эрихомъ всю свою душу.

Они стояли держась за руки и смотря одинъ другому въ глаза.

— О, Манна! воскликнулъ Эрихъ:— мое единственное желаніе теперь, чтобъ ты могла подобно мнѣ насладиться дивнымъ блескомъ твоихъ глазъ.

— А ты твоихъ, возразила Манна. Всякій, кто тебя видитъ и знаетъ, неизбѣжно долженъ тебя полюбить. Представь же себѣ, что должна чувствовать я, которая тебя вижу и знаю, какъ никто.

Они снова, закрывъ глаза, бросились въ объятія одинъ другому. Надъ ними въ деревьяхъ раздавался легкій шелестъ листьевъ отъ носившагося въ воздухъ легкаго вѣтерка.

Эрихъ сѣлъ съ Манной на ту самую скамейку, на которой однажды сидѣлъ съ Беллой. При воспоминаніи о томъ времени онъ содрогнулся отъ ужаса. Съ пронизательностью любви Манна замѣтила облако, мгновенно пробѣжавшее по лицу Эриха, и сказала:

— Такъ и ты тоже жестоко боролся, пока наконецъ принужденъ былъ уступить охватившему тебя чувству и сказать: такъ должно быть?

— Ахъ, не будемъ болѣе объ этомъ говорить. Борьба, заботы и печаль не замедлятъ явиться въ свое время. Но теперь для насъ настала минута торжества, въ которую мы переживаемъ брачный союзъ нашихъ душъ. Пусть же ничто насъ не смущаетъ, пусть наше счастье будетъ полно и безгранично. Я знаю, что ты моя, а я твой: теперь никто и ничто не можетъ этого измѣнить.

И они снова обнялись.

— О, Эрихъ! воскликнула Манна: я могла бы теперь на рукахъ перенести тебя черезъ высокія горы.

Эрихъ замѣтилъ, что въ ней было много природной силы и страстности, которыя ясно обличали въ ней дочь дикаго, необузданнаго Зонненкампа.

Кто видѣлъ утромъ спокойную, кроткую, смиренную дѣвушку, тотъ и подозрѣвать не могъ, что она не далѣе какъ вечеромъ превратится въ такую пылкую, страстную женщину. Смотря на нее, Эрихъ чувствовалъ какъ и ему сообщалась новая бодрость и энергія духа.

— Ахъ, да, сказала она, точно читая въ его душѣ, ты находишь меня очень дикимъ и необузданнымъ ребенкомъ. Ты правъ, но я даю тебѣ слово скоро укротиться. Положись на меня.

Она сидѣла около него и нѣжно гладила ему руку. Вдругъ она лукаво взглянула на Эриха и сказала:

— Ахъ, милый Эрихъ, ты себѣ и представить не можешь, какою я еще глупый ребенокъ, а ты такъ ужасно уменъ и ученъ! Скажи мнѣ по совѣсти, совсѣмъ искренно, — теперь тебѣ нечего бояться: я тебѣ принадлежу и ты можешь мнѣ безъ боязни все говорить, — скажи же, ты дѣйствительно меня считаешь достойной тебя? Я въ сравненіи съ тобой такъ ничтожна и мало образована.

— Ничтожна и мало образована? Ты равняешься лучшему мужчинѣ по самоотверженію и чистотѣ твоихъ стремленій къ свѣту истины, а все остальное ровно ничего не значить. Знаніе, красота и богатство не даютъ любви.

— И я намѣрена многому у тебя научиться, сказала Манна, цѣлуя ему руки. Ахъ, продолжай, пожалуйста, говорить! Говори, не стѣсняясь, все что хочешь. Ты себѣ представить не можешь, какая музыка для меня заключается въ твоихъ словахъ. А знаешь ли ты, что я уже два раза слышала твое пѣніе? Разъ въ большомъ собраніи на музыкальномъ торжествѣ, а другой въ лодкѣ на Рейнѣ.

— А ты знаешь ли, что я тебя видѣлъ въ сумерки въ монастырѣ?

— Знаю и вотъ какъ ты тогда на меня смотрѣлъ.

И она старалась передразнить его взглядъ.

— А когда мы съ музыкальнаго праздника снова вернулись въ монастырь, болѣе дюжины дѣвочекъ оказались въ тебя влюбленными. Я же тебя тогда ужасно боялась. И сама не знаю, что я нашла въ тебѣ такаго страшнаго. Но что скажутъ обо всемъ этомъ въ монастырѣ? Онѣ тамъ сочтутъ меня за обманщицу, за лицемерку.... Ахъ, Эрихъ, какъ многимъ жертвую я ради тебя, но не бойся, я дѣлаю это охотно. О, какъ Роландъ будетъ радъ!

— Но твои родители?

— Мои родители! повторила она. Мои родители!

Голосъ ея внезапно порвался, а лицо покрылось смертельной блѣдностью. Она въ ужасѣ прижалась къ Эриху. Онъ положилъ ей на голову руку и игралъ ея черными локонами. Другую его руку она вѣрно прижимала къ губамъ. Они отъ избытка чувствъ не могли говорить, да въ этомъ и не было надобности. А между тѣмъ у обоихъ вертѣлся на языкѣ вопросъ: Извѣстно ли уже тебѣ?

— Отчего ты вздрогнулъ? вдругъ спросила Манна.

— Ахъ, какъ бы я желалъ, чтобъ ты не была богата!

— И я тоже, проговорила она, точно во снѣ. Но погоди минутку... такъ... дай мнѣ на одну секунду заснуть. Ахъ, какъ прекрасно бьется твое сердце!

Она съ минуту сидѣла, склонивъ голову ему на грудь, потомъ сказала:

— Я въ этотъ мигъ прожила цѣлый вѣкъ блаженства. Теперь я снова бодра и сильна, я все забыла, исключая того, что пока мы дышимъ, я твоя, а ты мой.

— Ты собиралась постричься въ монахини, а я... я тоже намѣревался удалиться отъ міра.

— Развѣ ты не гугенотъ?

— Я хотѣлъ покинуть міръ, но не такъ, какъ ты полагаешь, моя Манна. Я желалъ отречься отъ того, что люди называютъ свѣтомъ, чтобы исключительно посвятить себя служенію чистой идеи.

— А развѣ ты не можешь исполнить этого теперь, когда я твоя?

— Нѣтъ. Но это все равно? Я теперь не одинъ. Я—ты и я вмѣстѣ.

— И я тоже, ты и я вмѣстѣ, повторила Манна.... А теперь мнѣ надо въ матушкѣ, прибавила она, вставая. Пусть пока никто, ни моя мать, ни твоя не знаютъ о томъ, что между нами произошло.

— Не увижу ли я тебя еще попозднѣе вечеромъ въ саду?

— Нѣтъ, лучше отложимъ это до завтра. Мнѣ необходимо прежде придти въ себя и собраться съ мыслями. Итакъ, до завтрашняго утра!

Она сняла съ себя голубой шелковый платочекъ и повязала ему вокругъ шеи.

Они еще разъ обнялись и наконецъ расстались.

ГЛАВА XVI.

Р А Д У Й Т Е С Ъ !

Эрихъ еще долго сидѣлъ на скамьѣ. Настала ночь; въ окнѣ его матери появился огонь и онъ представлялъ себѣ, какъ она теперь сидитъ съ тетушкой Клавдіей. Ему даже казалось, будто онъ слышитъ игру послѣдней на арфѣ, но онъ ошибался, потому что звуки не могли долетать до него на такомъ разстояніи. Онъ музыку собственного сердца принималъ за явленіе вѣшняго міра. Но все счастье, какое Эрихъ въ эту минуту

испытывалъ, не могло заглушить въ немъ тревожнаго вопроса. Какъ перенесетъ Манна открытіе ужасной тайны? А самъ ты, думалъ онъ потомъ, неужели рѣшишься воспользоваться такимъ образомъ приобрѣтеннымъ богатствомъ? Какъ приметъ все это Зонненкампъ? Что станеть дѣлать Праньенъ? Свѣтъ, безъ сомнѣнія, не замедлитъ осыпать его, Эриха, упреками. Онъ скажетъ, что учитель съ помощью матери, во время отсутствія хозяина дома, ловко устроилъ свои дѣла. Но пусть свѣтъ говорить что хочетъ! Любовь все побѣждаетъ!

Онъ увидѣлъ свѣтъ въ комнатѣ Манны, слышалъ, какъ она затворила свое окно и тогда только рѣшился покинуть скамью, на которой недавно вмѣстѣ съ ней сидѣлъ.

Онъ пошелъ на конюшню и приказалъ осѣдлатъ себѣ лошадь.

Конюхъ отвѣчалъ, что дома не осталось ни одной лошади, исключая вороного воя самого Зонненкампа.

— Въ такомъ случаѣ, осѣдай его.

— Я не смѣю, баринъ никому не позволяетъ на немъ ѣздить.

— Дѣлай то, что тебѣ приказываютъ.

Вороной вонь всворѣ былъ выведенъ на дворъ. Онъ нетерпѣливо крутилъ головой, взмахивалъ гривой, пыхтѣлъ и далеко не дружелюбно поглядывалъ на Эриха.

— Отлично! воскликнулъ молодой человѣкъ и мигомъ вскочивъ на коня, какъ стрѣла помчался вдоль по дорогѣ.

Куда направить ему свой бѣгъ? Вдаль... въ безконечное пространство. Онъ чувствовалъ себя такимъ легкимъ и свободнымъ, какъ будто у него были крылья и онъ могъ облетѣть весь свѣтъ.

Онъ, самъ того не замѣчая, очутился на горѣ, гдѣ была расположена деревня, въ которой жилъ ловчій. Все, что онъ на этомъ пути пережилъ и передумалъ, мгновенно воскресло у него въ памяти. Онъ безсознательно оглянулся, точно отыскивая около себя Роланда!

Роландъ! Какъ странно! Эриху казалось, будто прошли годы съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ Роландомъ. Время, когда онъ занимался воспитаніемъ богатаго юноши, было для него теперь не болѣе, какъ отдаленнымъ воспоминаніемъ.

Эрихъ зоркимъ взглядомъ окидывалъ поля и виноградныя горы, точно спрашивая ихъ: Что будетъ, если мнѣ вдругъ придется назвать васъ моими?... Часть міра моя собственная! Деревья, луга, поля, виноградники, все это вертѣлось и прыгало у него передъ глазами.

Онъ въѣхалъ въ деревню.

Тамъ все было тихо. Эрихъ, самъ не зная зачѣмъ, остановился передъ жилищемъ ловчаго. Радуйтесь, радуйтесь! распѣвалъ на окнѣ черный дроздъ и по обыкновенію обрывался на второмъ тактѣ мелодіи, которая продолжала звучать въ ушахъ Эриха еще долго послѣ того, какъ домъ Клауса остался позади него. Онъ слышалъ ее въ шумѣ деревьевъ и въ стукѣ о камни лошадиныхъ подковъ.

Изъ деревни Эрихъ поѣхалъ на вершину того холма, гдѣ имѣлъ длинный разговоръ съ бывшимъ учителемъ Роланда. Онъ вспомнилъ свой недавній вопросъ Кнопфу, что сталъ бы тотъ дѣлать, еслибъ внезапно очутился обладателемъ миллионѣвъ.

При этомъ воспоминаніи Эриху показалось, что ему на плечи свалилась непомѣрная тяжесть, и онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ, я никогда, никогда не буду владѣть миллионами!

Но тутъ же ему тѣснились въ голову планы Вейдемана и воображеніе рисовало сотни поселанъ, которые жили на своихъ десятинахъ свободные и счастливые, вслѣдствіе благосостоянія, устроеннаго для нихъ стараніями одного.

— Какъ это было бы хорошо! Но это ужасное богатство!... Нѣтъ, нѣтъ, никогда! воскликнулъ Эрихъ, такъ громко, что вороной конь обернулъ голову взглянуть на своего ѣздока.

Затѣмъ Эрихъ сталъ медленно спускаться съ горы. Онъ вскорѣ очутился въ виду стекляннаго купола оранжерей на виллѣ и тогда опять повернулъ въ сторону. Ему хотѣлось къ людямъ, и онъ поѣхалъ къ маіору.

Завидѣвъ огонекъ, сверкавшій изъ окна скромнаго домика маіора, Эрихъ обрадовался, какъ заблудившійся странникъ, который внезапно попалъ на слѣдъ человѣческаго жилища.

Маіоръ, услышавъ конскій топотъ, выглянулъ въ окно. Онъ узналъ вороную лошадь Зонненкампа и воскликнулъ:

— Какъ, это уже вы, баронъ фонъ-Лихтенбургъ?

— Пова меня еще зовутъ Эрихомъ Дорнэ, возразилъ всадникъ. Онъ сошелъ съ лошади, привязалъ ее къ садовому забору и вошелъ въ домъ, гдѣ былъ ласково встрѣченъ маіоромъ и фрейленъ Милькъ.

— Что случилось? Ничего дурного? спросилъ маіоръ.

Эрихъ его успокоилъ.

— Фрейленъ Милькъ, продолжалъ маіоръ, прошу васъ, не церемоньтесь и надѣньте ваши очки. Посмотрите на капитана: какой у него странный видъ. Вы должно быть въ лихорадѣ, у васъ такіа красныя губы.

Эрихъ молчалъ, не смѣя отвѣтить, что онѣ горѣли у него отъ поцѣлуевъ.

Маіоръ открылъ шкафъ, вынулъ оттуда порошокъ, и высыпалъ его въ стаканъ, до половины наполненный водой. Вернувшись къ Эриху, онъ поцупалъ его лобъ и сказалъ:

— Теперь вы можете пить.

Онъ высыпалъ въ стаканъ другой порошокъ, вода вспѣнилась и зашипѣла. Эрихъ, прежде чѣмъ ему позволено было произнести слово, принужденъ былъ выпить приготовленный для него напитокъ. А пока онъ пилъ, маіоръ приговаривалъ, что ничто такъ не успокоиваетъ какъ содовый порошокъ.

Фрейленъ Милькъ, замѣтивъ, что Эрихъ имѣлъ нѣчто сообщить маіору, хотѣла выйти, но молодой человѣкъ остановилъ ее:

— Нѣтъ, сказалъ онъ, вы тоже выслушайте то, что я намѣренъ объявить моему другу, маіору. Я помолвленъ.

— Съ Манной, прибавила фрейленъ Милькъ.

Эрихъ съ изумленіемъ, почти со страхомъ на нее взглянулъ, а маіоръ воскликнулъ:

— Благодареніе Богу, что она живетъ въ нашъ вѣкъ! Въ былое время ее изгнали бы, или сожгли, какъ колдунью. Она все знаетъ и видитъ такъ далеко, какъ никто. Представьте себѣ, мы съ ней сидѣли здѣсь не задолго до вашего пріѣзда и она вдругъ сказала: Сегодня вечеромъ произошла помолвка Эриха съ Манной. Я засмѣялся, а она замѣтила: Не смѣйтесь, а лучше давайте, приготовимъ бутылку вина: они оба сегодня къ намъ придутъ. Вотъ и бутылка, которую она приготовила, товарищъ. Но она только на половину пророкъ, такъ какъ вы, товарищъ, явились одни. Дай же мнѣ тебя обнять, другъ моего сердца!

И онъ, громко чмокнувъ, поцѣловалъ его.

— У тебя нѣтъ больше отца, продолжалъ онъ: я его замѣню при вѣнчаньѣ. Дай мнѣ руку. Говорите послѣ этого, что въ мірѣ не бываетъ чудесъ! Напротивъ, каждый день приносятъ новыя, вся разница въ томъ, что теперь мы умѣемъ себѣ ихъ объяснять, тогда какъ въ былое время никто не понималъ, какъ они совершались.

Фрейленъ Милькъ между тѣмъ откупорила бутылку и налила стаканы виномъ.

— Чокнемся, сынъ мой! воскликнулъ маіоръ, и выпьемъ іоганнисбергскаго за твое здоровье.

Они чокнулись, маіоръ залпомъ осушилъ свой стаканъ и еще разъ обнялъ Эриха.

— Ай да молодецъ, сказалъ онъ потомъ, какъ научился

цѣловаться! Ну поцѣлуй же и фрейленъ Милькъ тоже: я позволяю тебѣ. Фрейленъ Милькъ, прошу васъ не сопротивляться. Ну, иди же, иди сюда, говорю я тебѣ, и цалуй ее. У тебя послѣ матери нѣтъ лучшаго друга. Ты долженъ узнать всю цѣну ей, ты этого заслуживаешь.

— Прошу васъ, маіоръ.... дрожащимъ голосомъ попробовала отговориться фрейленъ Милькъ.

— Полно, полно, успокоивалъ маіоръ: я теперь ничего болѣе о тебѣ не скажу, но ты непремѣнно должна его поцѣловать.

Наконецъ Эрихъ и фрейленъ Милькъ поцѣловались, причемъ послѣдняя до ушей покраснѣла.

Послѣ этого они еще долго сидѣли втроемъ и мирно бесѣдовали. Маіоръ не могъ нарадоваться на то, что Пранкенъ обманулся въ своихъ расчетахъ и не получить ни прелестной дѣвушки, ни ея милліоновъ. Но и эта его радость блѣднѣла передъ восторгомъ, какой онъ ощущалъ при мысли, что монастырь съ своей стороны тоже ничего не добился.

Эрихъ вернулся домой ужъ на исходѣ ночи, въ ухахъ его продолжала звучать пѣсня чернаго дрозда: Радуйтесь, радуйтесь!

Въ комнатѣ Манны не виднѣлось болѣе огня, но сама она все еще стояла у окна.

ГЛАВА XVII.

ЗВѢЗДА ВЪ ЭДЕМѢ.

Манна стояла у окна и смотрѣла въ ночную темноту. Она опиралась горячими руками о холодный мраморъ подоконника и произносила вслухъ отрывистыя фразы. Воскликанія радости и печали, надежды и отчаянія, жалобы, громкія рыданія быстро смѣнялись одни другими, беспорядочно вырываясь изъ ея стѣсненной груди. Однѣ звѣзды, мерцающія въ небѣ, смотрѣли на ея блѣдное, взволнованное лицо, и легкій вѣтеръ разносилъ въ пустое пространство поцалуи, которыми она продолжала осыпать своего невидимаго друга.

Манна взглянула вверхъ на звѣзды и подумала, что блескъ ни одной изъ нихъ не можетъ сравниться съ лучезарнымъ взглядомъ глазъ Эриха.

— Но зачѣмъ я снова одна? Зачѣмъ я должна теперь хоть секунду проводить вдали отъ него? спрашивала она у мрачной ночи.

Ею вдругъ овладѣло тоскливое чувство одиночества, какъ будто въ эту минуту никому въ цѣломъ мірѣ не было до нея никакого дѣла. Въ числѣ воспоминаній прошедшаго дня было одно, которое ее неотступно преслѣдовало. Она встрѣтила на желѣзной дорогѣ монахиню, которая съ опущенными глазами, ни на комъ и на чемъ не останавливая взгляда, переходила изъ одного монастыря въ другой, отъ одного овра болѣзни къ другому. Чтò стало бы съ ней, съ этой монахиней, подумала Манна, еслибъ ей внезапно послышался голосъ, который сказалъ бы ей: Ты моя, обрати ко мнѣ твой взоръ, свинь эту печальную одежду. Взгляни на меня и дай мнѣ взглянуть на тебя. Оглянись на міръ и людей и подари ихъ улыбкой сочувствія. Дай доступъ къ твоему сердцу радостямъ и горю, надеждамъ и сомнѣнію. Перестань на все смотрѣть равнодушнымъ окомъ, не позволяй одной, хотя и великой идеѣ исключительно тебя поглощать.

Маннѣ казалось, что она стоитъ на краю пропасти. Она съ ужасомъ озиралась вокругъ. Но передъ ней вдругъ какъ будто явился Эрихъ и охвативъ ее сильной рукой, унесъ съ собой въ міръ.... и въ какой міръ! Она провела рукой по лицу — рука была суха, горяча и точно не ея. Манна вошла въ глубину комнаты и бросилась на колѣни.

— Горе мнѣ! воскликнула она: я люблю!... Благодарю тебя, Боже, что ты мнѣ послалъ это новое испытаніе!... Испытаніе? — Нѣтъ, потому что тутъ и рѣчи быть не можетъ ни о борьбѣ ни о побѣдѣ. О ты, источникъ любви, котораго славятъ тысячи языковъ, прости меня и помоги мнѣ, ему и всѣмъ намъ! Очисти меня и сподоби меня жить въ немъ, а черезъ него во всемъ, чтò есть честнаго, прекраснаго, святаго. О Боже, я падаю передъ тобою въ прахъ и молю: если любовь моя грѣхъ, порази меня мгновенной смертью. О ты, чистый ангель, сестра, умершая въ стѣнахъ монастыря, часть моей собственной души, погибшая какъ весенній цвѣтъ, преждевременно падающій съ дерева.... прости: я, я должна подъ вѣтромъ и дождемъ, подъ громомъ и молніей расти и зрѣть на деревѣ жизни, и приносить міру плоды добрыхъ дѣлъ. О ты, мой Богъ и его тоже, хотя онъ и не молится тебѣ по церковнымъ обрядамъ, услышь меня! Каждое его слово, мысль и дѣйствіе, вся жизнь его есть не что иное, какъ самая чистая молитва.

Она встала, снова подошла къ окну и опять долго смотрѣла на звѣздное небо. Около полуночи что-то вылетѣло изъ окна Манны и упало въ садъ: это былъ снурокъ, который она носила вокругъ талии вмѣсто веригъ....

Эрихъ, сидя въ своей комнатѣ, вдругъ слышалъ легкій шорохъ. Онъ вскочилъ въ испугѣ, точно увидѣлъ привидѣніе, и быстро отворилъ дверь. Передъ нимъ стояла Манна. Они молча бросились въ объятія одинъ другого.

— Я пришла къ тебѣ, начала Манна, потому что не могу болѣе жить безъ тебя. Мысли мои ни на минуту не покидаютъ тебя. Ахъ, Эрихъ, я такъ счастлива и въ тоже время несчастна! Знаешь ли ты, что мой отецъ....

— Я все знаю.

— Знаешь и все-таки меня любишь?

Она упала передъ нимъ на колѣни и обвила руками его ноги. Онъ поднялъ ее, посадилъ рядомъ съ собой и они начали говорить о страшной тайнѣ.

— Расскажи мнѣ, какъ ты это перенесъ? спросила Манна.

— Подумаемъ лучше, какъ перенесетъ это Роландъ?

— А ты полагаешь, что онъ когда-нибудь узнаетъ?

— Непремѣнно. Кто можетъ сказать, какъ скоро свѣтъ...

— Свѣтъ! свѣтъ! воскликнула Манна. Свѣтъ добръ и прекрасенъ! Благодареніе вышнему, непостижимому Существо, давшему мнѣ моего Эриха, въ которомъ для меня заключается весь міръ.

Затѣмъ Манна спокойно, съ рѣдкой ясностью ума, начала обсуживать все, что до сихъ поръ съ ней произошло. Но подъ конецъ она не выдержала и бросившись къ Эриху на грудь, со слезами воскликнула:

— Ахъ, какъ тяжело въ мои года все это знать, переживать и побѣждать.

Эрихъ старался ее утѣшать. Вскорѣ Манна вернулась къ себѣ.

Ни тотъ, ни другая не подозрѣвали, что за ними кто-то наблюдалъ и что этотъ кто-то все видѣлъ и зналъ.

На слѣдующее утро первыми словами Манны при ея пробужденіи было:

— Я невѣста! Его невѣста! Проснулся ли онъ, или еще спать?

Она открыла окно. Молодой скворецъ, который, несмотря на позднюю осеннюю пору, строилъ себѣ гнѣздо, нашель выброшенный Манною снурокъ, взялъ его въ клювъ и унесъ въ свое жилище. Внизу на дорожкѣ стоялъ Эрихъ. Манна, срывшись за занавѣсъ, крикнула ему:

— Я сейчасъ къ тебѣ приду.

И, дѣйствительно, они, минуту спустя, стояли вмѣстѣ, вдыхая въ себя свѣжій утренній воздухъ и привѣтствуя другъ друга

объятіями и поцалуями. Они старались себя ободрить въ виду предстоящихъ имъ испытаній: въ этотъ самый день Зонненкампе и Пранненъ должны были вернуться изъ столицы.

Эрихъ и Манна рука объ руку направились въ виноградный домикъ и сѣли тамъ въ саду, въ ожиданіи пока проснется профессорша. Среди обуявшихъ ихъ тревогъ и радостей любви, они еще пытались угадать, какъ все совершилось наканунѣ въ столицѣ. Они не могли и подозрѣвать того, что тамъ произошло.

Немного спустя, Эрихъ и Манна разстались. Онъ разсказалъ ей, что былъ у маіора, и теперь снова пошелъ къ нему просить его и фрейленъ Милькъ, чтобъ они сохранили въ строгой тайнѣ его помолвку съ Манной. Послѣдняя отправилась домой одна.

На встрѣчу Эриха мчался экипажъ, изъ котораго его вдругъ кто-то обликнулъ. Карета остановилась и изъ нея вышла Белла, — Какъ я рада, что мнѣ удалось васъ встрѣтить одного, сказала она. Мы такъ давно не говорили съ вами наединѣ. Впрочемъ, вы не должны принимать на свой счетъ мой сегодняшній визитъ. Но Клодвигъ вамъ кланяется и проситъ васъ пріѣхать къ нему въ Вольфсгартенъ. И онъ, и вы теперь находитесь въ совершенномъ одиночествѣ и я полагаю, вамъ пріятно будетъ провести у насъ первые дни разлуки съ вашимъ дорогимъ воспитанникомъ. Вы можете сейчасъ же въ моей каретѣ отправиться въ Вольфсгартенъ. Я же останусь здѣсь у моей будущей невѣстки. Гдѣ она, милое дитя?

Эрихъ проводилъ Беллу на виллу. Онъ не былъ въ состояніи произнести ни слова. Къ счастью, къ нимъ на встрѣчу вышла фрейленъ Пэрини и онъ оставилъ съ ней Беллу, а самъ поспѣшилъ къ Маннѣ и, задыхаясь отъ волненія и поспѣшности, объявилъ ей о пріѣздѣ графини.

Манна боязливо, хотя и не безъ лукавства, спросила у него:

— Правда ли, что ты одно время былъ въ нее влюбленъ?

— И да, и нѣтъ. Но развѣ ты ревнива?

— Нѣтъ, потому что я увѣрена, ты еще никогда, никогда не любилъ! Ты не могъ любить никого кромѣ меня. Эрихъ, дай мнѣ руку и пойдемъ объявить ей и всему міру о нашей любви. Мы не должны ни одной минуты ни передъ кѣмъ скрывать или лгать. У меня хватитъ мужества сознаться въ моемъ счастьи передъ лицомъ всего свѣта. Никакія соображенія, никакой страхъ не должны насъ теперь ни на минуту разлучать. Пойдемъ, повторяю я, и объявимъ цѣлому міру, что отнынѣ мы съ тобой одно.

Эриху стоило не малаго труда убѣдить Манну въ необходимости дѣйствовать осторожно. Онъ требовалъ отъ нея покорности и повиновенія.

— Хорошо, сказала она со слезами на глазахъ, я тебя слушаюсь, но останусь здѣсь, въ своей комнатѣ, и рѣшительно никому не стану показываться.

Эрихъ всячески старался уговорить Манну выйти къ Беллѣ, но она стояла на своемъ и наконецъ сказала:

— Какъ можешь ты, такой честный и чистый, желать, чтобъ я хоть на минуту превратилась въ обманщицу?

Эрихъ просилъ Манну немедленно отпустить его въ Вольсфгартенъ, гдѣ онъ намѣревался провести первые тревожные дни. Онъ ссымался при этомъ на тягостное положеніе въ подобныхъ обстоятельствахъ всякаго человѣка, занимающаго въ домѣ подчиненное мѣсто. Манна, лаская его, сказала:

— И ты, ты долженъ былъ служить, — ты, чья великая душа, напротивъ, призвана надъ всѣми властвовать! Ахъ, ты все это вынесъ! Впрочемъ, безъ этого мы бы никогда не встрѣтились. Хорошо, ради тебя я на все согласна: я хочу себя пересилить и пересилю. Пойдемъ.

И она пошла внизъ къ Беллѣ, которую привѣтствовала весьма любезно, но въ то же время съ достоинствомъ.

Эрихъ вскорѣ удалился. Белла съ изумленіемъ поймала взглядъ, которымъ Манна его проводила. Послѣдняя между тѣмъ была въ большомъ волненіи. Она говорила много и съ большимъ одушевленіемъ, такъ что привела графиню въ совершенное недоумѣніе.

Вскорѣ явился маіоръ. Онъ пришелъ поздравить Манну и сдѣлалъ это столько же искренно, сколько не ловко.

— Извините, маіоръ, замѣтила Белла, поздравленія ваши могутъ быть приняты не раньше, какъ вечеромъ, когда вернется мой братъ.

Манна въ замѣшательствѣ отвернулась.

Графиня достаточно видѣла. Передъ ней мгновенно блеснула догадка: Манна любитъ Эриха. Но нѣтъ, это невозможно!

Белла хотѣла обнять и поцаловать Манну, но та со слезами просила ее оставить на сегодня какъ можно болѣе въ покоѣ.

Графиня гордо выпрямилась и бросила на молодую дѣвушку взглядъ, дѣлавшій поразительнымъ ея сходство съ Медузой. Но Манна спокойно его вынесла. Белла, не произнеся болѣе ни слова, вышла изъ комнаты и покинула виллу. Кто знаетъ, о чемъ она думала, что затѣвала? Она сама врядъ ли могла дать себѣ въ томъ отчетъ, а на виллѣ рѣшительно никому до этого не было дѣла.

Послѣ ухода Беллы, маіоръ подошелъ къ Маннѣ и сказалъ ей:

— Честь и слава тебѣ, дитя! Ты храбро выдержала натискъ

врага.... Молодецъ! Ты во мнѣ всегда найдешь защитника и во фрейленъ Мильбъ тоже.... Если тебѣ дома будетъ не въ терпѣжъ, приходи къ намъ.... Не бойся, ты никогда не останешься одна на свѣтѣ, безъ друзей.... Погоди, ты узнаешь, какая она добрая и умная, и будешь жалѣть, что когда-то дурно о ней думала.... Нѣтъ, нѣтъ, не надо, не говори, а только знай, что ты въ насъ всегда найдешь защиту.... Ей всегда извѣстно, гдѣ люди нуждаются въ помощи или утѣшеніи.... Это она меня сюда послала, а сама пошла въ профессоршѣ. Я ничего не нахожу пожелать вамъ лучшаго, какъ то, чтобъ вамъ по истеченіи сорока девяти лѣтъ жилось другъ съ другомъ также хорошо, какъ теперь мнѣ съ ней.... Погоди, ты сама все это узнаешь.... Но не правда-ли, я ни въ чемъ не проговорился, ничего не разболталъ?....

Слушая безсвязную, но задушевную рѣчь маіора, Манна улыбнулась севозъ слезы.

Белла между тѣмъ въ волненіи ходила по парку.

Въ душѣ ея кипѣла ненависть и она искала предмета, на который могла бы излить свой гнѣвъ. Ее охватило непреодолимое желаніе что-нибудь сломать, уничтожить, кому-нибудь досадить или кого-нибудь оскорбить. Взоръ ея остановился на клумбахъ съ цвѣтами.... не разорить ли ихъ и не поломать ли всѣ эти тщательно взлелѣянные растенія?..... Нѣтъ, это было бы слишкомъ по-дѣтски! Она искала какой-нибудь другой, болѣе достойной ея мести и не находила.

Она пыталась быть доброй и привѣтливой, но люди не признали ея стараній. Ея ненависть съ особенной силой обратилась на Эриха и профессоршу. Здѣсь, на виллѣ, во всемъ виднѣлись слѣды ихъ вліянія. Вся мѣстность принимала тонъ и характеръ, которые не она, а они ей сообщали. И кто же эти они? Самоуваженнѣйшій выскочка-учитель, торгующій высокими идеями, и мать его. А она, Белла, блестящая, остроумная графиня, слова и улыбка которой нѣкогда имѣли даръ счастливить людей, была внезапно отодвинута на второй планъ. Нѣтъ, нѣтъ, эти паразиты, наглецы должны быть во чтобы то ни стало раздавлены, уничтожены ею. Она напомнитъ имъ, кто они, кто она, и заставитъ ихъ признать свою власть.

Она искала средства, оружія, которое однимъ ударомъ могло бы уничтожить и Эриха, и профессоршу и тетуску Клавдію.

Белла въ безпокойствѣ ходила взадъ и впередъ по дорогѣ, пролежавшей между виллой и винограднымъ домикомъ. Наконецъ она рѣшилась войти къ профессоршѣ и застала у нея фрейленъ Мильбъ.

— Нашла! мелькнуло у Беллы въ умѣ. Фрейленъ Мильбъ

будеть молотомъ, которымъ она постарается нанести удары другимъ.

При входѣ графини, фрейленъ Мильеъ встала, учтиво поклонилась и хотѣла уйти.

— Останьтесь, пожалуйста, сказала профессорша. Вы вонечно знаете графиню Вольфсгартенъ?

— Да, я имѣю эту честь.

Белла взглянула на невинный предметъ, который избрала для своей мести, и сказала:

— Ахъ да, теперь я помню. Она экономка маіора, если я не ошибаюсь.

— Фрейленъ Мильеъ—моя хорошая знакомая, — мало того, мой другъ.

— Вашъ другъ? Это для меня новость. Во всякомъ случаѣ вы очень добры.

— Фрейленъ Мильеъ—мой другъ и моя благородная помощница въ дѣлахъ благотворительности.

— Ахъ да, вы раздаете деньги господина Зонненкампа.

Трудно было опредѣлить, къ кому относилось это «вы»: къ обѣимъ женщинамъ, или къ одной фрейленъ Мильеъ.

Белла видѣла легкую судорогу, пробѣжавшую по лицу профессорши и гордо откинувъ голову назадъ, мысленно повторила: «да, наша!»! Это профессорша оскорбила ее посредствомъ сына... Нѣтъ, она сама собственной своей личностью нанесла ей глубокое оскорбленіе, взявъ на себя первую роль, которая по праву принадлежитъ ей, Беллѣ.

— Эта раздача милостыни лѣнтяямъ и пьяницамъ должна прекратиться....

Профессорша быстро обратилась къ фрейленъ Мильеъ съ просьбой оставить ее съ графиней наединѣ. Она до сихъ поръ никогда ее не цѣловала, но теперь горячо обняла, руководимая желаніемъ по возможности смягчить нанесенное ей оскорбленіе и доказать графинѣ, какъ высоко она чтитъ эту бѣдную, незащитную женщину.

По уходѣ фрейленъ Мильеъ Белла сказала:

— Не понимаю, какъ можете вы быть въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ этой женщиной. Вы этимъ самымъ уменьшаете себѣ цѣну въ глазахъ тѣхъ, которые до сихъ поръ оказывали вамъ расположеніе.

— Я полагаю, что моя дружба и мое уваженіе служатъ здѣсь въ глазахъ всѣхъ достаточнымъ ручательствомъ того, что люди, которымъ я ихъ оказываю, вполне того заслуживаютъ.

— Конечно, конечно, пока вы здѣсь. Но вѣдь вы скоро отсюда уѣдете?

— Откуда уѣду?

— Да. Ваши задачи здѣсь выполнены и....

Профессорша принуждена была сѣсть. Белла торжествовала. Она достигла желаемого, сорвала съ этой женщины маску тщеславія, наружнаго спокойствія и мнимой добродѣтели. Мать Эриха стояла передъ ней обезоруженная и беззащитная.

— Ахъ, извините, продолжала графиня очень вѣжливымъ тономъ, я кажется преждевременно высказала намѣреніе господина Зонненкампа отпустить....

Самообладаніе, которое профессоршѣ до сихъ поръ никогда не покидало, теперь едва не измѣнило ей. Она многое видѣла на своемъ вѣку, многое пережила и испытала, но этого ей еще не приходилось видѣть. Ей казалось непонятнымъ, чтобъ человѣкъ, чисто изъ одной злобы, рѣшался оскорблять и терзать своихъ ближнихъ; чтобъ страданія другихъ могли служить для кого-нибудь источникомъ радости, казалось ей просто невѣроятнымъ. Подъ вліяніемъ этихъ горькихъ мыслей и ощущеній профессорша мгновенно утратила почти всякую способность защищаться и съ успѣхомъ отражать удары непріятеля.

Она бросила на Беллу взглядъ, который обезоружилъ бы всякаго, но не могъ смягчить графиню, чувствовавшую потребность на комъ-нибудь выместить терзанія собственнаго сердца. Эриха у нея не было подъ рукой, и потому она бросилась мучить его мать.

Белла послѣ этого еще долго продолжала говорить самыя любезныя и остроумныя вещи. Профессорша ее почти не слушала и едва замѣтила, когда она ушла.

Графиня, вполне довольная собой, вернулась черезъ лугъ на виллу, сѣла въ экипажъ, который стоялъ еще запряженный на дворѣ, и уѣхала обратно въ Вольфсгартенъ. Она удовлетворила свои злобныя инстинкты и теперь чувствовала себя снова свѣжей и бодрой.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

НОЧЬ ПРИГOTOВЛЕНІЙ.

Во время поѣздки въ столицу Зонненкампъ и Пранвенъ не могли надивиться веселости и бодрости духа Роланда. Онъ одинъ казался спокойнымъ и говорилъ безъ умолку, между тѣмъ какъ Зонненкампъ и Пранвенъ, оба находились подъ вліяніемъ какого-то неопредѣленнаго страха. Они повидимому были такъ дружески и довѣрчиво одинъ къ другому расположены, а на дѣлѣ каждый опасался, чтобы другой не вздумалъ ему измѣнить. У Зонненкампа постоянно вертѣлся въ головѣ вопросъ: «Знаетъ ли онъ?» А Пранвенъ со своей стороны думалъ: «извѣстно-ли ему, что я все знаю?» Но ни тотъ, ни другой не выражали своихъ опасеній. Да и въ чему бы это повело? А Пранвенъ въ тому же намѣревался, когда все выйдетъ наружу, прикинуться ничего не знавшимъ, ни въ чемъ неповиннымъ, обманутымъ, подобно всѣмъ другимъ, не исключая и самого герцога. Послѣдній даже возвелъ этого человѣка въ дворянское званіе, — какъ же было Пранвену ему не довѣрять?

Зонненкампъ находился въ какомъ-то тревожномъ состояніи, не зная что ему дѣлать и былъ очень доволенъ, когда Пранвенъ взялъ на себя все за него устроить и рѣшать. Онъ болѣе не управлялъ своими поступками, но повиновался тому, что неизбежно должно было совершиться.

Онъ часто поглядывалъ на дверцы кареты и рука его невольно приподнималась какъ будто для того, чтобы отворить ихъ, высочить и убѣжать. Какую смѣлую игру онъ велъ! Онъ досадовалъ на себя за тотъ страхъ, который ощущалъ теперь, когда все приходило къ концу. Онъ не могъ удержаться, чтобы не выразить Пранвену одолѣвавшей его тревоги. Но молодой человѣкъ нашелъ это совершенно въ порядкѣ вещей, такъ какъ вступленіе въ дворянство вовсе не шутка. Обсуживая съ нимъ этотъ вопросъ, Зонненкампъ думалъ, что попалъ на причину своей непривычной робости и своего безповаиства. Эти гугеноты, говорилъ онъ, это семейство, съ своимъ все анали-

зирующимъ, пытливымъ умомъ, эти матушка, тетушка и сынонь внесли въ его домъ какую-то расслабляющую, дотоле чуждую ему атмосферу. Хорошо, что теперь представляется удобный случай съ ними раздѣлаться, конечно учтывимъ образомъ. Они теперь становились ненужнымъ орудіемъ и ихъ слѣдовало, наградивъ, отпустить какъ ни на что болѣе не годныхъ работниковъ.

Подъ вліяніемъ этого желанія выместить на комъ-нибудь досаду, возбуждаемую въ немъ собственною слабостью, онъ умѣлъ возвратитъ себѣ самообладаніе. Онъ вовсе и не думалъ быть игрою случая, а самъ устроилъ все то, что теперь совершалось. Не онъ подчинился волѣ другихъ, а другіе были въ его рукахъ марионетками, которыхъ онъ заставлялъ по произволу плясать.

Что такое всѣ люди, какъ не куклы для того, кто умѣетъ ими управлять? Онъ съ усмѣшкой поглядѣлъ на Пранкена: и тотъ былъ не болѣе какъ кукла, во всемъ подчинявшаяся его волѣ. Зонненкамъ неслышно засвисталъ и вскорѣ совсѣмъ расселился.

Они пріѣхали въ столицу поздно вечеромъ. Роландъ почти немедленно ушелъ спать, а Пранкенъ распростился, говоря, что ему еще необходимо сдѣлать одинъ визитъ.

— Не забывайте, что вы женихъ! со смѣхомъ закричалъ ему вслѣдъ Зонненкамъ.

Въ первый разъ подобная шутка неприятно подѣйствовала на Пранкена. Ему было больно, что онъ слышалъ ее отъ отца Манны и именно въ ту минуту, когда самъ, имѣя въ головѣ только серьезныя и нравственныя мысли, собирался идти къ дьякану капитула канониковъ.

Жилище послѣдняго находилось въ саду, за соборомъ, въ тишинѣ и уединеніи, которыя не имѣли ничего общаго съ шумомъ и оживленіемъ другихъ частей столицы.

Пранкенъ позвонилъ и былъ не мало удивленъ, когда отворившій ему слуга назвалъ его по имени. Слуга этотъ оказался солдатомъ, нѣкогда служившимъ подъ начальствомъ Пранкена, и теперь получилъ отъ него приказаніе явиться къ нему на слѣдующее утро въ гостиницу Викторіи, съ извѣстіемъ, можетъ ли дьяканъ принять его около одиннадцати часовъ совершенно одного.

На возвратномъ пути Пранкенъ остановился передъ однимъ домомъ и съ улыбкой вспомнилъ предостереженіе своего зятя. Ему хорошо былъ знакомъ этотъ изящный, уединенный домикъ, который онъ нѣкогда самъ меблировалъ. Ему живо представилась усталая ковромъ лѣстница, обитая бархатомъ перила,

серебристый звукъ колокольчика у дверей, прохладная прихожая, наполненная растениями и цвѣтами, уютная зала съ мебелью и обоями изъ одинаковой шелковой матеріи съ желтыми гирляндами по зеленому полу.... Пранкенъ и тогда любилъ цвѣта, напоминавшія ему сельскую природу. Въ углу стоитъ алебастровый ангелъ и держитъ въ рукахъ ежедневно возобновляемый букетъ живыхъ цвѣтовъ, который впрочемъ иногда замѣняется ковстливой женской, а по временамъ и мужской шляпой. На дверяхъ портьеры... Кто за ними смѣется? Нѣтъ, лучше ему пройти мимо.

Пранкенъ немного спустя опять остановился передъ магазиномъ съ большими зеркальными окнами... Въ былое время онъ, отправляясь въ маленькій домикъ, всегда заходилъ въ этотъ магазинъ, покупалъ какую-нибудь бездѣлушку... тамъ теперь казалось много новыхъ вещей: онъ вошелъ съ цѣлью купить самую модную.

Стоявшій за прилавкомъ молодой торговецъ пылко на него взглянулъ. Пранкенъ кивнулъ ему головой и сказалъ:

— Вы можете мнѣ все показать.

И передъ нимъ начали появляться одинъ за другимъ разные таинственные предметы торговли. Пранкенъ, все разсмотрѣвъ, сказалъ, что на этотъ разъ ничего съ собой не возьметъ, но не замедлитъ въ скоромъ времени опять придти. А пока онъ удовольствовался небольшою бездѣлушкой и вышелъ.

— Это только ради шутки, въ видѣ прощальнаго подарка, думалъ Пранкенъ. Онъ зайдетъ къ маленькой Нелли единственно затѣмъ, чтобы узнать, какъ о немъ теперь говорятъ его бывшіе товарищи. Ему досадно, что это еще можетъ его интересоватъ, но тѣмъ не менѣе ему хочется знать.

Онъ, самъ того не замѣчая, звонитъ. Передъ нимъ растворяется дверь, онъ идетъ вверхъ по лѣстницѣ къ хорошо знакомой комнатѣ и ищетъ у себя въ карманѣ ключъ, забывъ, что давно его не имѣетъ.

Ему отворяютъ. Служанка съ удивленіемъ на него смотритъ и говоритъ, что ея госпожи нѣтъ дома. Въ углу залы, освѣщенной лампой подъ краснымъ стекляннымъ колпакомъ, стоитъ, улыбаясь, алебастровый ангелъ. Пранкенъ приказываетъ себѣ подать другую лампу: онъ хочетъ ждаты. Окинувъ быстрымъ взглядомъ комнату, онъ видитъ, что столы, стулья, кушетки, все осталось въ прежнемъ видѣ.

Но воздухъ комнаты пропитанъ незнакомымъ ему запахомъ. Это должно быть модные духи.... какъ онъ на дачѣ отсталъ отъ свѣта!

На соборной башнѣ бьютъ часы: представленіе въ театрѣ скоро кончится. На столѣ лежатъ альбомы съ фотографическими карточками. Пранкенъ ищетъ въ нихъ свое изображеніе и не находитъ, но за то тамъ много другихъ ему незнакомыхъ лицъ. Онъ закрываетъ альбомы.

На столѣ лежитъ еще книга: извлеченіе изъ нѣмецкихъ поэтовъ, составленное женской рукой для женщинъ. Пранкенъ начинаетъ читать. Что за странные люди поэты! Онъ стоялъ передъ каминомъ, въ которомъ сверкали раскаленные уголья. Но ни этотъ каминъ, ни эти уголья не грѣли: они были не болѣе какъ изящная декорация.

На соборной башнѣ снова бьютъ часы. Никто не является. Наконецъ Пранкенъ вынимаетъ свою карточку, кладетъ ее на буфетъ, который держитъ въ руцѣ алебастровая фигура, и уходитъ. «Тавъ лучше, думаетъ онъ, ты хорошій, честный малый и съ самаго начала хотѣлъ это сдѣлать... да!»

Онъ улыбнулся, думая о своей добродѣтели.

Уфъ! Надо-же иногда и посмѣяться и пошутить. Нравственность уже начинала его утомлять. Но Манна....

У Пранкена вдругъ защемило сердце.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ покачалъ головой и старался смѣхомъ заглушить въ себѣ это, какъ онъ мысленно его назвалъ, жеманное, преувеличенное чувство. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ отдѣлаться отъ внезапно охватившаго его страха, что въ эту самую минуту съ Манной происходило что-то необыкновенное. Онъ самъ не зналъ что, но твердо рѣшился все преодолѣть.

Онъ быстро пошелъ далѣе.

Военное казино сіяло огнемъ, но Пранкенъ, миновавъ его, вернулся въ гостинницу. Онъ, вполнѣ довольный собою, отправился въ свою комнату, не заходя къ Зонненкампу. Ему еще хотѣлось почитать въ маленькой книжечкѣ, которая сильно пропиталась смолистымъ запахомъ лежавшей въ ней еловой вѣтки. Маленькія, пожелтѣвшія иглы уже успѣли всѣ обвадиться, но тѣмъ не менѣе хранились имъ какъ святыня. Однако на этотъ разъ Пранкенъ не могъ себя заставить прочесть почти ни одной строки: маленькая книжечка возбуждала въ немъ какую-то робость.

Между тѣмъ какъ Пранкенъ такимъ образомъ гулялъ по городу, Зонненкампу стало скучно оставаться одному. Ему хотѣлось забыться въ обществѣ постороннихъ людей и онъ послалъ за государственнымъ совѣтникомъ. Тотъ не замедлилъ явиться и Зонненкампъ прежде всего обратился къ нему съ вопросомъ, что значило желаніе герцога лично вручить ему дво-

ранскій дипломъ и почему онъ просто не прислалъ его на виллу.

Государственный совѣтникъ распространился въ льстивыхъ похвалахъ своему государю, которыми хотѣлъ прикрыть нѣкоторыя ироническія выходы, вырвавшіяся у него на счетъ послѣдняго. «Никто, говорилъ онъ, не можетъ вполнѣ понять государя, который хочетъ самовластно всѣмъ распоряжаться, а въ особенности тѣмъ, во что впрочемъ палаты никогда и не думали вмѣшиваться, а именно въ раздачи орденовъ и дворянскихъ дипломовъ». Зонненкампъ съ изумленіемъ услышалъ о томъ, какъ герцогъ все, что ни находилось въ странѣ, называлъ своимъ, безпрестанно употребляя слово *мое*: *мои* фабриканты, *мой* университетъ, *моя* масонская ложа, *мои* поселяне, *мои* сельскіе хозяева, *мои* государственные чины.... Герцогъ воодушевленъ наилучшими желаніями, клонящимися во благо народа, но живетъ въ постоянномъ страхѣ демократовъ, коммунистовъ и либераловъ, которые въ его понятіи всѣ сливаются въ одно. Онъ убѣжденъ, что всякій, не раздѣляющій мнѣній правительства, изображаетъ собою ходячую баррикаду, съ которой ежеминутно слѣдуетъ ожидать выстрѣла. Онъ искренно желаетъ своимъ поданнымъ добра и часто повторяетъ фразу, которую ему однажды внушилъ одинъ изъ его камергеровъ: «Еслибъ я зналъ, говорить онъ въ минуты хорошаго расположенія духа, что я могу тѣмъ составить счастье людей, я немедленно отказался бы отъ престола.» Но такъ какъ онъ увѣренъ, что люди отъ этого не будутъ счастливѣе, то и остается спокойно на своемъ мѣстѣ. Онъ страстно любитъ театръ и неусыпно печется о благѣ столицы. Желая привлечь въ свою резиденцію какъ можно болѣе богатыхъ и вообще чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ людей, онъ рѣшился на важный шагъ, а именно упростилъ этикетъ своего двора. Иностранцы, которые прежде не имѣли доступа ко двору, теперь свободно могли къ нему съѣзжаться, бывъ представлены своими посланниками. Стоитъ только кому-нибудь много тратить денегъ и герцогъ непремѣнно обратитъ на него вниманіе. Но во всемъ этомъ онъ конечно руководствуется только желаніемъ блага «моимъ людямъ», какъ онъ называетъ всѣхъ столичныхъ обывателей, не исключая и непокорныхъ демократовъ, которыхъ онъ, хотя и часто на нихъ гнѣвается, все-таки считаетъ своими.

Герцогъ особенно заинтересовался Зонненкампомъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о намѣреніи послѣдняго выстроить себѣ для зимняго пребыванія въ столицѣ великолѣпный домъ, который долженъ былъ служить украшеніемъ дворцоваго парка, такъ

какъ для него предназначалось мѣсто въ концѣ главной аллеи, до сихъ поръ оканчивавшейся пустымъ пространствомъ. Герцогъ радовался тому, что его людямъ, вслѣдствіе этого новаго предпріятія богатаго американца, представится случай заработать много денегъ.

Зонненкампъ между прочимъ узналъ отъ государственнаго совѣтника, что былъ обязанъ успѣхомъ своего дѣла преимущественно Клодвигу, который въ своемъ отзывѣ о немъ помѣстилъ слѣдующую мысль: оставляя въ сторонѣ всякія разсужденія о томъ, полезно-ли и должно-ли вообще создавать новыхъ дворянъ, онъ выражалъ сомнѣнія на счетъ права отдѣльныхъ нѣмецкихъ государей раздавать своимъ подданнымъ дворянскіе дипломы. Герцогъ сильно разсердился на это замѣчаніе стараго дипломата, котораго всегда считалъ тайнымъ демократомъ, и частію изъ желанія досадить Клодвигу, поспѣшилъ привести въ концу дѣло Зонненкампа.

Затѣмъ государственный совѣтникъ постарался еще внушить Зонненкампу, что герцогъ не только на словахъ, но и въ дѣйствительности отличался большою скромностью. Онъ часто совершенно искренно говорилъ, что считаетъ себя самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, и въ этихъ случаяхъ собесѣднику его всегда было очень трудно отвѣчать ему впопадъ. Противорѣчія, стремившіяся къ тому, чтобы, опровергнувъ мнѣніе герцога, возвысить его въ собственныхъ глазахъ, онъ принималъ за лесть и оскорблялся ею. Но если съ нимъ осмѣливались соглашаться, это тоже вовсе не приходилось ему по вкусу. Государственный совѣтникъ еще и еще повторялъ Зонненкампу, чтобы онъ вообще какъ можно менѣе говорилъ. Онъ даже совѣтовалъ ему нѣсколько преувеличить робость, которую всякій долженъ былъ неизбежно ощущать въ присутствіи его высочества. Послѣднему пріятно было думать, что онъ внушаетъ уваженіе, и потому всегда съ удовольствіемъ замѣчалъ смущеніе тѣхъ, которые къ нему приближались.

Къ Зонненкампу вернулось снова все его самообладаніе. Послѣ ухода государственнаго совѣтника онъ позволилъ и приказалъ принести себѣ газету, которую и прочелъ всю, съ первой до послѣдней строки, не исключая и объявленій. Ему такимъ образомъ удалось дать мыслямъ своимъ другое направленіе. Перечитывая вторично стоявшія во главѣ газеты оффиціальныя извѣстія, какъ-то: назначеніе къ должностямъ, производства и пожалованія орденами, которыя каждый годъ съ прекращеніемъ засѣданій орденской комиссіи начинали изливаться обильной струею, онъ подумалъ, что завтра въ этомъ самомъ отдѣлѣ бу-

дети стоять слѣдующее: «Его высочество изволилъ пожаловать Джемса Зонненкампа съ семействомъ потомственнымъ дворянствомъ, милостиво приказавъ ему отнынѣ называться барономъ фонъ-Лихтенбургъ». Газета профессора Крутиуса должна будетъ и у себя тоже напечатать это извѣстіе.

Зонненкампъ всталъ и, гордо закинувъ голову, началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ между прочимъ вспомнилъ слова государственнаго совѣтника о томъ, какъ герцогъ любитъ извѣстнаго рода церемоніи и подумалъ, что ему можетъ быть придется съ поднятой къ верху рукой произнести присягу въ вѣрности престолу и отечеству. Для этого конечно надо будетъ снять перчатку. Зонненкампъ взглянулъ на свою руку. А что если герцогъ спроситъ о желѣзномъ кольцѣ на большомъ пальцѣ?

— Ваше высочество, — вдругъ громко произнесъ Зонненкампъ, какъ будто уже находясь въ присутствіи герцога, — это кольцо составляло нѣкогда часть цѣпи и я его ношу съ восемнадцатаго года моей жизни.

«Но, подумалъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, въ чему станетъ герцогъ меня объ этомъ спрашивать? Однако не лучше-ли на всякій случай снять кольцо? Рана безъ сомнѣнія теперь уже совсѣмъ зажила и не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ». Съ пылающимъ лицомъ опустилъ онъ руку въ воду и долго ее тамъ держалъ, но кольцо не снималось. Онъ позвонилъ; явился Лутцъ и получилъ приказаніе принести льду. Зонненкампъ до тѣхъ поръ держалъ въ немъ руку, пока она не ооченѣла. Наконецъ кольцо подалось, и съ трудомъ, но все-таки было снято. Зонненкампъ внимательно осматривалъ палецъ, отыскивая на немъ слѣды зубовъ.

Онъ досадовалъ на самого себя за то, что именно сегодня вздумалъ этимъ заниматься. Къ чему? Развѣ кто-нибудь знаетъ?..

Онъ вторично позвонилъ Лутца съ цѣлью спросить у него, на что похожъ еще не совсѣмъ изгладившійся на его пальцѣ знакъ. Но когда тотъ явился, Зонненкампъ, изъ опасенія возбудить подозрѣніе, перемѣнилъ свое намѣреніе и давъ Лутцу какое-то приказаніе на счетъ слѣдующаго утра, отправился спать. Но сонъ долго не смыкалъ его глазъ. Онъ все чувствовалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было кольцо, холодное привосновеніе льда и не могъ успокоиться. Наконецъ онъ сжалъ руку въ кулакъ; неприятное ощущеніе исчезло и онъ заснулъ.

ГЛАВА II.

СКВОЗЬ ОГОНЬ.

На слѣдующее утро воробьи на крышѣ гостинницы Викторіи шумно щебетали, а извозчики на площади еще громче разговаривали. У подъѣзда съ колоннами стоялъ великолѣпный съ стекляннымъ передкомъ экипажъ Зонненкампа.

Маленькій, горбатый кучеръ въ этотъ день стоялъ на первомъ мѣстѣ и вслѣдствіе этого былъ еще какъ будто многорѣчивѣе обыкновеннаго. Онъ сообщалъ торговцамъ, что сегодня Зонненкампъ будетъ сдѣланъ графомъ, а можетъ быть и княземъ, такъ какъ у него денегъ больше чѣмъ у всякаго принца. Къ сожалѣнію, вскорѣ одинъ изъ постояльцевъ гостинницы Викторіи потребовалъ дрожки и маленький горбатый кучеръ долженъ былъ съ нимъ ѣхать. Пожалѣвъ, что не увидитъ Зонненкампа въ минуту его отъѣзда во дворецъ, онъ поручилъ своимъ товарищамъ, когда графъ будетъ садиться въ экипажъ, прокричать въ честь его громкое ура.

Но Зонненкампъ долго не выходилъ изъ гостинницы. Одѣтый весь въ черное, въ бѣломъ галстукѣ и съ орденомъ на груди, онъ быстро шагалъ взадъ и впередъ по большой залѣ. Рядомъ съ нимъ ходилъ государственный совѣтникъ и говорилъ, что вполне понимаетъ возбужденное состояніе господина Зонненкампа, но въ тоже время утѣшалъ его надеждой, что не далѣе какъ къ полудню все будетъ кончено. Зонненкампъ то и дѣло кусалъ себѣ губу и часто мѣнялся въ лицѣ.

— Здоровы ли вы? спросилъ у него государственный совѣтникъ.

Зонненкампъ оговѣчалъ утвердительно. Не могъ же онъ признаться, что у него болитъ палецъ, съ котораго онъ снялъ желѣзное кольцо. Когда онъ не смотрѣлъ на руку, ему постоянно казалось, будто большой палецъ на ней страшно раздувается; пульзація въ немъ была такъ сильна, точно по немъ кто ударялъ раскаленнымъ молотомъ.

Онъ часто взглядывалъ на руку и всякій разъ съ облегченіемъ видѣлъ, что ощущеніе было мнимое.

Пришелъ Лутцъ. Зонненкампъ, отвѣдя его въ сторону, узналъ, что профессоръ Крутиусъ къ сожалѣнію не можетъ его навѣстить, такъ какъ занимается приготовленіемъ къ выходу въ свѣтъ вечераго листка.

— А принесъ ли ты мнѣ утреннюю газету?

— Нѣтъ, она выйдетъ только въ одиннадцать часовъ.

— Отчего же ты не подождалъ? До одиннадцати часовъ всего нѣсколько минутъ.

— Я думалъ, что могу вамъ понадобится передъ вашимъ отъѣздомъ во дворецъ.

— Хорошо, дай мнѣ мой плащъ.

Иозефъ уже держалъ его на готовѣ. Зонненкамъ простился съ Роландомъ и Пранкеномъ, которые ѣхали кататься съ товарищами, и просилъ ихъ вернуться въ гостинницу непременно къ двѣнадцати часамъ.

Зонненкамъ въ послѣдній разъ въ качествѣ члена среднего сословія сходилъ съ лѣстницы, на которую надѣялся опять подняться барономъ. Государственный совѣтникъ шелъ за нимъ.

Когда Зонненкамъ садился въ карету, извозчики хотѣли, согласно наставленіямъ своего горбатаго товарища, проеоричать ему ура, но у нихъ не хватило смѣлости. Они только толпой окружили экипажъ и сняли шляпы.

Зонненкамъ очень любезно отвѣчалъ на ихъ поклонъ.

Государственный совѣтникъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и приказалъ кучеру остановиться во дворцѣ у главнаго подъѣзда.

Пранкенъ тоже вскорѣ ушелъ изъ гостинницы. Роландъ остался одинъ въ ожиданіи, пока за нимъ, по окончаніи парада, не заѣдетъ прапорщикъ. Пранкенъ уходя сказалъ ему, что встрѣтится съ нимъ за обѣдомъ, который Зонненкамъ приказалъ приготовить на четыре особы: для себя, для своего сына, зятя и государственнаго совѣтника.

Зонненкамъ между тѣмъ ѣхалъ по улицамъ столицы. Пѣшеходы останавливались и съ любопытствомъ на него смотрѣли. Многіе изъ нихъ были ему знакомы и раскланивались съ нимъ. Но и изъ числа незнакомыхъ нѣкоторые тоже снимали передъ нимъ шляпы, принимая его за какого-нибудь иностраннаго герцога.

Лошади бѣжали какъ-то особенно живо и бодро, точно знали, какая честь ожидала ихъ господина. Зонненкамъ отвинулъ на мягкія подушки экипажа и игралъ съ висѣвшимъ у него на груди орденомъ. Привосновеніе къ этому знаку отличія какъ будто сообщало ему спокойствіе. И дѣйствительно, чего ему бояться этой второй ступени въ величію? Онъ такъ тихо и легко поднялся на первую, что и впереди не долженъ былъ ожидать ничего дурного.

Путь его лежалъ мимо большого дома со множествомъ оконъ. Это была редакція и типографія профессора Крутіуса. Передъ

домомъ стояли толпы людей. Почти всѣ читали газеты и когда мимо нихъ промчался роскошный экипажъ, они какъ-то особенно посмотрѣли ему въ слѣдъ. Зонненкампъ тоже было-хотѣлъ приобрести себѣ листовъ и даже протянулъ руку къ шнуру, чтобы приказать Бертраму остановиться, но потомъ раздумалъ и опять откинулся въ уголь кареты.

Зачѣмъ это? Что за странное желаніе поскорѣе прочесть сегодняшній листовъ? Ахъ, думалось ему, насколько лучше жить въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ ни людей, ни газетъ!

Такія мысли волновали Зонненкампа на его пути въ герцогскій дворецъ.

Вдругъ Зонненкампъ почувствовалъ сильный толчекъ и карета внезапно остановилась. Изъ-за угла шель съ громкой музыкой баталіонъ солдатъ. Экипажъ принужденъ былъ ждать и кучеру не малаго труда стоило сдерживать лошадей.

Солдаты прошли. Зонненкампъ взглянулъ на часы. Онъ боялся опоздать. Дѣйствительно, какъ неловко было бы при первомъ же посѣщеніи заставить герцога себя ждать. Ему пришлось бы извиняться....

При мысли, что онъ какъ слуга долженъ дрожать за каждую лишнюю минуту, проведенную въ дорогѣ, Зонненкампъ едва удержался, чтобы не приказать кучеру ѣхать обратно: онъ готовъ былъ отъ всего отказаться.

Но вслѣдъ затѣмъ ему опять стало досадно на себя за то, что онъ въ это утро такъ легко всѣмъ раздражался. Онъ опустил въ каретѣ окно, снялъ съ головы шляпу и вдыхая въ себя свѣжій воздухъ, мало-по-малу успокоился.

Бертрамъ съ особенной ловкостью подкатилъ въ главному подъѣзду дворца. Часовые приготовились-было отдать честь, но увидѣвъ вышедшаго изъ экипажа мужчину въ черномъ одѣяніи и всего только съ однимъ орденомъ на груди, поспѣшили опустить ружья.

Иозефъ сопровождалъ Зонненкампа въ обширную переднюю, съ лѣпными украшеніями. У лѣстницы стояли два бѣлые, отличной работы волка, которые, какъ показалось Зонненкампу, весьма дружелюбно на него поглядывали. Все вокругъ сіяло бѣлизной и было буквально залито свѣтомъ. Зонненкампъ мигнулъ Иозефу, чтобы онъ не забылъ снабдить подаркомъ стоявшихъ здѣсь двухъ придворныхъ лакеевъ. Онъ нарочно для раздачи во дворцѣ, не считая, вручилъ Иозефу горсть золота, вполне довѣряя его честности и рассудительности.

Швейцаръ съ булавой, въ пестрой ливреѣ и большой шляпѣ съ загнутыми полями, спросилъ, о комъ слѣдуетъ ему доложить.

Зонненкампъ и Иозефъ въ смущеніи переглянулись. Иозефъ скромно предоставилъ своему барину говорить за себя, а тотъ не зналъ, какъ ему себя назвать, барономъ фонъ-Лихтенбургомъ, или просто Зонненкампомъ.

Зачѣмъ этимъ лакеямъ знать его прежнее имя? Оно и ему самому противно, точно изношенный башмакъ. Зонненкампъ не могъ понять, какъ это онъ, такъ долго, не стыдѣсь, носилъ его передъ глазами цѣлаго свѣта? Наконецъ онъ съ явною робостью произнесъ:

— Его высочество приказалъ мнѣ явиться.

Ему сильно не хотѣлось употребить при Иозефѣ слова приказалъ, но съ другой стороны онъ желалъ показаться въ глазахъ придворныхъ лакеевъ человѣкомъ, знающимъ придворные нравы.

Одинъ изъ лакеевъ прижалъ пуговку электрическаго звонка. На лѣстницѣ немедленно появился весь одѣтый въ черное камердинеръ и сказалъ, что барона уже въ теченіи двухъ минутъ, какъ ожидаютъ: пусть онъ поторопится. Зонненкампу показалось, что ему внезапно явился съ неба грозный вѣстникъ, объявить объ ожидавшей его какой-нибудь страшной бѣдѣ.

У него задрожали ноги и онъ невѣрными шагами сталъ подниматься по лѣстницѣ, устланной мягкимъ ковромъ. Дорогой однако у него хватило присутствія духа надѣть перчатку и онъ мысленно не переставалъ себѣ твердить:

— Чего ты волнуешься? Полно, успокойся!

На верху лѣстницы между тѣмъ появился еще другой, сѣдой камердинеръ, въ короткихъ черныхъ панталонахъ и въ высокихъ штиблетахъ.

— Не торопитесь, господинъ Зонненкампъ, сказалъ онъ, его высочество еще не вернулся съ парада.

Зонненкампу сильно хотѣлось сбросить съ лѣстницы перваго камердинера, который такъ сильно его напугалъ. Онъ пожалѣлъ о всемъ приказаніи Иозефу дать каждому изъ придворныхъ слугъ по золотой монетѣ. Вся его надежда была на то, что Иозефъ плутъ не хуже другихъ и оставитъ деньги у себя, а проклятый лакей такимъ образомъ ничего не получитъ.

Сѣдой камердинеръ старался занять Зонненкампа разговоромъ. Онъ вмѣстѣ съ принцемъ Леонгардомъ ѣздилъ въ Америку, которая показалась ему страной въ высшей степени неприятною, отъ того, что въ ней нѣтъ ни знати, ни орденовъ. А теперь онъ то и дѣло благодарилъ Бога за свое благополучное возвращеніе на родину.

Зонненкампъ не зналъ, какъ ему держать себя въ отношеніи

слуги и наконецъ счелъ за лучшее слушать его молча. Онъ только по временамъ кивалъ ему головой, думая про себя: «какіе у нихъ при дворѣ странные нравы! Здѣсь люди точно не ходятъ, а скользятъ какъ тѣни и все преисполнено таинственности. Каждую минуту того и жди, что вотъ-вотъ совершится что-нибудь необыкновенное, не имѣющее ничего общаго съ жизнью остальныхъ людей».

Сѣдой камердинеръ попросилъ Зонненкампа сѣсть.

Зонненкампъ опустился на ближайшій къ нему стулъ и снялъ съ правой руки перчатку для того, чтобъ быть готовымъ на случай присяги. Затѣмъ онъ далъ сѣдому камердинеру нѣсколько золотыхъ монетъ.

Тотъ, наученный опытомъ, поспѣшилъ отойти въ сторону, зная, въ какомъ лихорадочномъ волненіи находятся тѣ, которые въ первый разъ являются ко двору.

Зонненкампъ сидѣлъ неподвижно, но пульсъ его бился съ необыкновенной быстротой. Наконецъ онъ попросилъ стаганъ воды.

Сѣдой камердинеръ передалъ его желаніе другому, другой третьему и требованіе воды обошло такимъ образомъ цѣлый рядъ слугъ.

На старинныхъ часахъ, украшавшихъ каминъ, пробило четверть.

Зонненкампъ повѣрилъ свои часы и нашелъ, что они очень отставали. Онъ далъ себѣ слово впередъ всегда ставить ихъ по дворцовымъ.

Зонненкампъ былъ одинъ и не подозрѣвалъ, что изъ-за матоваго стекла двери на него съ зловѣщимъ выраженіемъ смотрѣли въ упоръ два черные глаза.

Наконецъ явился стаганъ воды, а вмѣстѣ съ нимъ и приглашеніе Зонненкампу идти къ герцогу. У него мгновенно пропала охота пить.

Онъ вошелъ въ большую комнату, сквозь высокія окна которой лились цѣлые потоки свѣта. Вдругъ его точно невидимой силой отбросило назадъ. Передъ нимъ висѣла гравюра работы Альфреда Ретеля, изображавшая сильнаго и рослаго человѣка съ оружіемъ въ рукахъ, бѣгущаго по степи. Кустарники на пути его сгибаются отъ вѣтра, а надъ головой его паритъ ангелъ и держитъ въ рукахъ обнаженный мечъ.

Зонненкампъ протеръ себѣ глаза.

Зачѣмъ эта картина здѣсь?

Или ему рисуетъ ее только собственное воображеніе?

Онъ не имѣлъ времени собраться съ мыслями, какъ въ ком-

нату вошелъ, неслышно шагая по мягкому ковру, человекъ въ военномъ мундирѣ, съ лентой черезъ плечо. Это былъ герцогъ. Онъ остановился и слегка кивнулъ головой, а затѣмъ извинился передъ Зонненкампомъ, что заставилъ его ждать.

Зонненкампъ низко поклонился, но не могъ произнести ни слова.

ГЛАВА III.

БРОВАВАЯ ЖИЛА.

— Вашъ сынъ еще при васъ?

— Да, ваше высочество.

— Онъ все еще намѣренъ поступить въ военную службу?

— Больше чѣмъ когда-нибудь.

— Мнѣ очень нравится вашъ красавецъ сынъ, и я позабочусь о томъ, чтобы его не испортили дамы: онъ не прочь играть съ нимъ какъ съ пажемъ Керубино. Онъ уже подалъ просьбу?

— Нѣтъ еще, ваше высочество. Я хотѣлъ, чтобы онъ сначала получилъ имя, которымъ вашему высочеству милостиво угодно было его наградить.

— Хорошо, отвѣчалъ герцогъ.

На его письменномъ столѣ видѣлись двѣ пуговки отъ телеграфическихъ звонковъ, одна бѣлая, а другая черная. Онъ прижалъ бѣлую и на зовъ его явился сѣдой камердинеръ. Герцогъ сказалъ:

— Я желаю, чтобы въ передней никого не было.

Слуга удалился. Зонненкампъ въ недоумѣннн посмотрѣлъ на герцога, а тотъ продолжалъ:

— Заготовленіе вашего дворянскаго диплома надѣлало мнѣ не мало хлопотъ. У васъ много враговъ—впрочемъ, это въ порядкѣ вещей.

Въ глазахъ у Зонненкампа рябило, какъ будто кто передъ нимъ быстро вертѣлъ сверкающее лезвее кинжала. Вдругъ взоръ его снова упалъ на картину, которая въ дѣйствительности висѣла позади герцога, а ничуть не была игрой его фантазіи. Затѣмъ ей висѣть у герцога въ кабинетѣ?

— Вы благородный человекъ, снова началъ герцогъ; вы сами себя создали и я васъ за то уважаю. Такіе люди заслуживаютъ высшихъ почестей и я очень радъ, что могу съ своей стороны содѣйствовать вашему возвышенію въ свѣтѣ. Это въ моей власти.

Зонненкампъ хотѣлъ сказать, что ему извѣстно замѣчаніе графа Вольфсгартена, но что самъ онъ никогда не сомнѣвался во всемогуществѣ герцога; однако онъ счелъ за лучшее промолчать. Къ чему вступать въ объясненія, которыя только могутъ продлить свиданіе съ герцогомъ? Кому же онъ хорошо помнилъ совѣтъ государственнаго совѣтника, вообще держать себя какъ можно скромнѣе.

Герцогъ еще разъ припомнилъ всѣ прекрасные поступки Зонненкампа, который слушалъ его похвалу молча, съ опущеннымъ взоромъ и съ тяжестью на сердцѣ. Зачѣмъ герцогъ все это ему теперь говорить? Не лучше ли было бы отложить это до болѣе удобнаго случая, на придворномъ вечерѣ или на охотѣ? Зонненкампъ былъ того мнѣнія, что всѣ при дворѣ смотрѣли на формальности, сопровождающія выдачу дворянскаго диплома, какъ на чистые пустяки. Его не мало удивляло, что герцогъ и теперь, съ глазу на глазъ съ нимъ, считалъ нужнымъ быть такимъ серьезнымъ и торжественнымъ. Или это составляетъ часть его обязанностей?

Герцогъ дѣйствительно походилъ на человѣка, который хочетъ до конца выполнить свой долгъ, какъ бы онъ ему ни былъ непріятенъ. Ему казалось нужнымъ побудить Зонненкампа въ дальнѣйшему добру. Онъ въ эту минуту считалъ себя чѣмъ-то въ родѣ жреца, который, въ уединеніи храма, неизвѣстно для міра, посвящаетъ вновь обращеннаго въ таинства религіи. Онъ самъ былъ сильно взволнованъ. Первый камердинеръ сказалъ правду, что герцогъ прежде времени вернулся во дворецъ, гдѣ и приготовлялся къ своему свиданію съ Зонненкампомъ.

По поводу возведенія въ дворянство барона фонъ-Эндлиха, герцогъ часто повторялъ рѣчь, неизвѣстно кѣмъ для него сочиненную, но отлично заученную. «Да, да, говорилъ онъ, въ мірѣ существуетъ прекрасный законъ, въ силу котораго все, что творится для потомства, не допускаетъ шутки. Остроумная выходка, порожденная извѣстнымъ, переходящимъ настроеніемъ духа, не можетъ и не должна быть увѣковѣчена ни въ камнѣ, ни въ металлѣ; въ противномъ случаѣ она со временемъ дѣлается неприличной. Роль шутки дѣйствовать минутно и потомъ исчезать. Изъ мимолетнаго вдохновенія никогда не слѣдуетъ воздвигать монумента».

Герцогъ не заходилъ далѣе въ своихъ намегахъ, но всѣ знали, на чтѣ онъ мѣтилъ. Считаая актъ возведенія во дворянство чѣмъ-то въ высшей степени серьезнымъ и монументальнымъ, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, какъ въ публикѣ смотрѣли на имя, избранное имъ для барона фонъ-Эндлиха. Всѣ полагали, что то была съ

его стороны шутка и во избѣжаніе новыхъ недоразумѣній, герцогъ хотѣлъ придать своему свиданію съ Зонненкампомъ какъ можно болѣе торжественности.

Послѣдній терпѣливо, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слушалъ, склонивъ голову. Герцогъ протягивалъ то ту, то другую руку, а иногда обѣ разомъ, говоря о томъ благодатномъ вліяніи, какое имѣютъ на міръ люди, хорошо вооруженные нравственными качествами и стремящіеся къ выполненію высшихъ задачъ. Зонненкампъ ежеминутно ожидалъ, что ему возложатъ на голову руки и благословятъ его. Хотя герцогъ былъ моложе его, онъ однако рѣшился скромно и со смиреніемъ это отъ него принять. Развѣ этотъ человѣкъ не обладалъ властью раздавать почести и не держалъ ли онъ теперь въ рукахъ его судьбу?

Въ эту минуту Зонненкампъ былъ въ высшей степени монархически настроенъ. Еслибъ отъ него потребовали, онъ формально и со всевозможною торжественностью отрекся бы отъ республики, конституціи и всякихъ законодательныхъ правъ.

Герцогъ между тѣмъ взялъ со стола голубой, шелковый футляръ, изъ котораго вынулъ свертокъ пергамена. Онъ съ легкимъ шелестомъ развернулъ его и передъ глазами Зонненкампа свернула большая печать.

Зонненкампъ снялъ съ правой руки перчатку. Теперь, думалъ онъ, настала минута присяги, а вслѣдъ затѣмъ онъ получить пергамень, который сдѣлаетъ изъ него новаго человѣка. Онъ былъ не прочь сдѣлаться инымъ и старался теперь возбудить въ себѣ искреннее волненіе. Но вдругъ, стоя посреди кабинета герцога, онъ увидѣлъ себя на владбищѣ маленькой польской деревеньки, гдѣ находилась могила его матери. Онъ не слышалъ, что ему говорилъ герцогъ, держа въ рукахъ пергамень, но то безъ сомнѣнія были въ высшей степени трогательныя слова.

Однако, что это? Герцогъ кладетъ пергамень обратно на столъ и, садясь, говоритъ:

— Мнѣ очень пріятно видѣть, что вы такъ глубоко чувствуете важность настоящей минуты. Садитесь.

Зонненкампъ повиновался, а герцогъ продолжалъ:

— Мнѣ хочется еще немного съ вами поговорить. У васъ было много невольниковъ: вы продолжаете ими владѣть?

— Нѣтъ, ваше высочество.

— Что привлекло васъ въ Старый Свѣтъ: желаніе вернуться на родину или то, что вамъ при теперешнихъ обстоятельствахъ было тяжело оставаться въ прославленной республикѣ?

— Послѣднее, ваше высочество, но не безъ содѣйствія пер-

ваго. Въ Соединенныхъ Штатахъ возникаютъ смуты, которыя... а это говорю только вашему высочеству.... не могутъ быть прекращены иначе, какъ учрежденіемъ въ Новомъ Свѣтѣ монархіи.

— Хорошо, мы объ этомъ въ другой разъ подробнѣе поговоримъ. Я охотно, очень охотно учусь. Наша обязанность выслушивать мнѣнія людей знающихъ. Что вы вообще думаете о невольничествѣ?

— Ваше высочество, это обширный вопросъ, который я долго изучалъ. Мое мнѣніе о немъ изложено у меня на бумагѣ.... Я буду имѣть честь....

— Нѣтъ, скажите мнѣ вкратцѣ вашу основную мысль.

— Ваше высочество, негры—люди низшаго разряда, это фізіологически доказано. Тѣ, которые, увлекаясь пустой мечтой, хотя и съ добрымъ намѣреніемъ, стремятся уравнять права негровъ съ бѣлыми, сами того не подозревая, готовятъ ихъ гибель.

— А можете ли вы... началъ герцогъ и остановился: нѣтъ, продолжалъ онъ, я не то хотѣлъ сказать. Какого вы мнѣнія о человѣкѣ, который занимается торговлею этими людьми низшаго разряда?

Зонненкампъ невольно вскочилъ со стула, но мгновенно опомнился и снова сѣлъ.

— Ваше высочество, сказалъ онъ, существа, которыя не умѣютъ и никогда не научатся сами собою управлять, только и могутъ быть счастливы, находясь въ подчиненіи у другихъ людей. Таковъ-называемое великодушіе, отрицающее личныя выгоды, не принимающее во вниманіе никакихъ матеріальныхъ расчетовъ, будь это въ отношеніи собственности или положенія въ свѣтѣ,— это все равно что душа безъ тѣла. Мы можемъ себѣ нѣчто подобное представить, но напрасно стали бы мы этого искать, по крайней мѣрѣ въ томъ мірѣ, который имѣемъ передъ глазами.

— Хорошо..... очень хорошо. Вы, какъ я вижу, мыслитель. Я раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ того, что неграмъ лучше находится во власти бѣлыхъ. Но скажите, развѣ не жестоко, отнимая дѣтей у матери и продавая ихъ отдѣльно, насильственно разрывать семейныя связи?

— Ваше высочество, отвѣчалъ Зонненкампъ съ большимъ самообладаніемъ, это случается очень рѣдко, почти никогда, уже потому одному, что, дѣлая невольниковъ неспособными къ работѣ, приносишь матеріальный ущербъ ихъ владѣльцамъ. А если-бъ это и случилось, то все же оно не должно возбуждать никакихъ сантиментальныхъ сожалѣній. Взгляните на звѣрей: дѣтеныши,

выростая, болѣе не знаютъ своихъ родителей; самки и самцы, выведя дѣтей, немедленно расходятся. Я не хочу сказать...

— Что это? внезапно воскликнулъ герцогъ.

Въ комнату вошелъ сѣдой камердинеръ.

— Зачѣмъ меня тревожать?

— Его превосходительство господинъ министръ умоляетъ ваше высочество немедленно это прочесть.

Герцогъ распечаталъ паветъ и вынулъ оттуда печатный листъ, съ одной стороны котораго, какъ кровавая жила, проходила красная черта. Герцогъ читалъ и поминутно взглядывалъ на Зонненкампа. Бумага дрожала въ его рукѣ. Окончивъ, онъ положилъ листокъ на столъ и гнѣвно воскликнулъ:

— Проклятіе! какая дерзость!

Зонненкампъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ на столъ. Двѣ телеграфическія пуговицы, казалось ему, внезапно превратились въ два глаза, а зеленый столъ въ громадное баснословнаго вида чудовище, которое, качаясь и ныряя, плыло по волнамъ. Онъ сидѣлъ какъ въ кошмарѣ и всячески старался не утратить надъ собой самообладаніе. Герцогъ смотрѣлъ то на листокъ, то на Зонненкампа, потомъ всталъ и подавая послѣднему газету, сказалъ:

— На-те, читайте.... читайте!

Шесть бумаги, какъ острый ножъ рѣзала Зонненкампа по нервамъ.

Въ газетѣ стояло напечатанное большимъ шрифтомъ и отгнѣченное краснымъ карандашемъ:

«Предлагается гербъ новому дворянину, бывшему торговцу и убійцѣ невольниковъ, Джемсу Генриху Зонненкампу, или что тоже, Банфильду изъ Луизианы....»

Зонненкампъ прочелъ только эти слова и взглянулъ на герцога. Лицо его искривилось страшной улыбкой.

— Дайте мнѣ вашу руку, сказалъ герцогъ, и поклонитесь честию, что все это ложь. Дайте мнѣ вашу руку и мы вмѣстѣ постараемся уничтожить вашихъ дерзкихъ враговъ!

Зонненкампъ отсочилъ назадъ, точно въ него кто выстрѣлилъ. Что такое была вся его жизнь въ сравненіи съ этой минутой нестерпимой муки?

Онъ протянулъ руку сжатую въ кулакъ, какъ будто хотѣлъ сказать: я могу тебя сломить, какъ соломенку. Но рука его сама собой разжалась и онъ поднялъ къ верху указательный палецъ, собираясь произнести клятву.

Вдругъ передъ нимъ явился огромный негръ, который, злобно срезеща зубами, устремилъ на него свергающій взоръ.

Съ воплемъ, напоминавшимъ крикъ дикаго звѣря, Зонненкампъ упалъ на стулъ.

Фигура негра передъ нимъ тоже испустила пронзительный крикъ. Это былъ Адамъ, который внезапно ворвался въ комнату и въ неистовствѣ кричалъ:

— Герцогъ! Господинъ! это онъ, тотъ самый, который обманомъ увелъ меня въ неволю, а потомъ бросилъ въ воду! Пусть онъ тебѣ покажетъ свой палецъ; на немъ видны слѣды моихъ зубовъ. Отдай мнѣ его, герцогъ, прошу тебя, отдай! Я ему высосу кровь..... я задушю его! Отдай мнѣ его на одну минуту, а затѣмъ, если хочешь, убей меня самого...

И Адамъ, схвативъ Зонненкампа за руки, держалъ его такъ, какъ будто собирался разбить.

Зонненкампъ дѣлалъ непомѣрныя усилія, чтобы вырваться изъ рукъ негра. Ужасъ этой минуты былъ для него удвоенъ еще тѣмъ, что онъ, не только боролся, но и видѣлъ себя борющимся въ зеркалѣ. Тамъ отражались двѣ фигуры, одна его собственная, а другая похожая на дьявола....

Что это, дѣйствительность, или страшный сонъ?

Герцогъ коснулся пальцемъ одной изъ пуговокъ на письменномъ столѣ и въ комнату вдругъ явилось множество слугъ.

— Уведите прочь Адама, вы мнѣ за него отвѣчаете, сказалъ онъ однимъ. Затѣмъ, обращаясь къ другимъ, прибавилъ: а вы выведите вонъ изъ дворца этого человѣка.

Адама и Зонненкампа съ трудомъ розняли. Негръ былъ внѣ себя отъ бѣшенства и у рта его виднѣлась пѣна.

Герцогъ взялъ со стола пергамень, украшенный большою красною печатью, и отвернулся.

Зонненкампъ быстро вскочилъ и страшно ворочая глазами воскликнулъ:

— Чего ты отъ меня хочешь? и ты самъ кто таковой? твои предки и братья продавали въ Америку своихъ подданныхъ и заставляли платить себѣ большія деньги за оторванныя ноги, руки, за потерянную жизнь. Вы торговали бѣлыми людьми и посылали ихъ за моря, а теперь, чего отъ меня хотите? Чѣмъ я хуже? я покупалъ моихъ невольниковъ и честно платилъ за нихъ деньги. А вы продавали вашихъ подданныхъ и требовали отъ оставшихся, чтобы они каждое воскресенье произносили въ церкви аминь, когда священникъ съ каедръ молился о вашемъ благоденствіи. Но ты, можетъ быть, стыдишься такого родства? А я тебѣ говорю, что это были люди, которые заслуживали царствовать болѣе, нежели....

Онъ не былъ увѣренъ, слышалъ ли его герцогъ. Слуги бро-

сились на Зонненкампа и старались ему внушить, что во дворцѣ не говорятъ такъ громко.

Зонненкампъ упалъ, слуги его подняли и свели съ лѣстницы. Онъ озирался вокругъ, точно желая сказать: я никогда болѣе не увижу этихъ мѣстъ.

Внизу стоялъ экипажъ. Зонненкампъ бросился въ него, говоря Иозефу:

— Садись со мной въ карету.

Это было все, что онъ сказалъ.

Когда онъ подъѣхалъ къ гостинницѣ, въ числѣ извозчиковъ снова находился горбатый кучеръ. Онъ успѣлъ сообщить своимъ товарищамъ мужество, котораго у нихъ безъ него не хватало, и они всѣ хоромъ привѣтствовали Зонненкампа:

— Ура барону! Ура! Трижды ура!

Зонненкампъ задыхался. Шутятъ они надъ нимъ, что ли?

Онъ самъ не зналъ, какъ поднялся на лѣстницу, тяжело опустился въ кресло и устремилъ взоръ въ зеркало, ежеминутно ожидая въ немъ увидѣть страшный образъ негра.

Онъ долго сидѣлъ молча и неподвижно смотрѣлъ передъ собой.

ГЛАВА IV.

РАЗВИТІЙ.

Зонненкампъ ощущивалъ ручки, спинку, сидѣнье кресла, точно хотѣлъ спросить: сдержитъ ли меня стулъ, на которомъ я сижу. Онъ схватился рукою за грудь; ему попался орденъ; онъ сдержнулъ его и бросая отъ себя, воскликнулъ:

— Да, вотъ оно что! Я долженъ быть борцомъ въ обѣихъ частяхъ свѣта; я боролся въ Новомъ Свѣтѣ и теперь буду бороться въ Старомъ. Пусть будетъ такъ! Я смѣло выступаю въ бой и не позволю себя унижить. Мнѣ предстоитъ, или самого себя, или васъ презирать. Увидимъ, кто сильнѣе и кто болѣе заслуживаетъ презрѣнія!

Мысль, какъ теперь всѣ станутъ его ненавидѣть, внезапно возвратила ему самообладаніе.

— Отлично, воскликнулъ онъ, я вамъ съ избыткомъ плачу тѣмъ же.

«Но дѣти! дѣти!» заговорило въ немъ. Когда онъ началъ борьбу въ Америкѣ, дѣти ничего не знали. Онъ позвонилъ и когда явился слуга, спросилъ у него:

— Гдѣ Роландъ?

— Молодого барина нѣтъ дома. Онъ прїѣзжалъ въ двѣнадцать часовъ и не заставъ васъ, снова отправился съ товарищами.

— Ему бы слѣдовало подождать, сказалъ Зонненкампъ, а впрочемъ.... такъ лучше.

Онъ снова погрузился въ раздумье и понялъ, что толпы, видѣнные имъ у редакціи, занимались чтеніемъ газеты, которую въ его присутствіи подали герцогу. Значить извозчики въ насмѣшку кричали ему ура.

Онъ всталъ и подошелъ къ окну. Извозчики стояли тѣсно кучей вокругъ горбатаго товарища, который читалъ имъ вслухъ листокъ. Они вѣроятно почувствовали на себѣ взглядъ Зонненкампа, потому что внезапно всѣ на него обернулись. А онъ, какъ бы пораженный сотнею пуль, отскочилъ отъ окна на среднюю комнату. Тамъ онъ сѣлъ, положивъ руки на колѣни. Онъ заглянулъ въ пропасть; у него закружилась голова, но вмѣстѣ съ этимъ къ нему возвратилось его обычное мужество. Онъ зналъ, какъ о немъ теперь говорили во всемъ городѣ, начиная съ устланной коврами роскошной гостинной до выложенной плитамъ конюшни. «Не хотѣлъ бы я быть этимъ человѣкомъ, несмотря на всѣ его милліоны», слышалось ему на разные лады. Воображеніе Зонненкампа очень живо рисовало ему его настоящее положеніе.... а что еще завтра скажутъ газеты?

Зонненкампъ довольно долго сидѣлъ погрузившись въ размышленія, когда ему подали письмо съ большой печатью. Зонненкампъ испугался: можетъ быть, герцогъ раскаялся, соединится съ нимъ и твердо станетъ противъ мнѣнія свѣта? Долго смотрѣлъ онъ на большую печать; но это была печать редакціи газеты и въ тяжеломъ письмѣ заключалось много золотыхъ монетъ. Крутіусъ съ большой благодарностью возвращалъ ему то, что получилъ при его вступленіи на виллу, и заявлялъ, что онъ отослалъ бы деньги и раньше, если бы не хотѣлъ возвратить ихъ съ процентами.

— Фу! какъ низко! воскликнулъ Зонненкампъ.

Долго онъ покачивалъ въ рукахъ золото, которое возвращено было ему назадъ точно изъ пренебреженія.— Такъ вотъ какъ! Всякій можетъ надѣ тобою насмѣхаться и ты долженъ терпѣть, когда всякій показываетъ тебѣ состраданіе.

Съ нимъ былъ револьверъ; онъ вскочилъ, взялъ револьверъ, поднялъ его вверхъ, повернулъ его. «Да, такъ! Въ типографію и застрѣлить этого профессора Крутіуса, какъ бѣшеную собаку. Но здѣсь у нихъ это не проходитъ даромъ. И что же, ему надо потомъ застрѣлиться самому, или сидѣть въ тюрьмѣ и наконецъ быть казнену?»

— Нѣтъ! Мы сдѣлаемъ дѣло иначе, — успокоился онъ. Онъ положилъ револьверъ назадъ въ футляръ и позвонилъ. Пришелъ Иозефъ; онъ дрожалъ. Кто знаетъ, что сдѣлаетъ съ нимъ теперь этотъ людоедъ!

— Ахъ, господинъ, сказалъ Иозефъ, я останусь при васъ. Кучеръ Бертрамъ получилъ мѣсто здѣсь въ домѣ. Я не требую двойной или тройной платы, — хотя здѣсь говорятъ, что вы должны теперь давать такую плату.

— Хорошо. Кто былъ твой отецъ, онъ еще живъ?

— Да; мой отецъ служилъ въ анатомическомъ заведеніи, и когда получались въ анатоміи трупы самоубійцъ, то отецъ мой говаривалъ: «Да, да, если кто сдѣлаетъ эту ужаснѣйшую вещь, такъ его еще разрѣжутъ». Извините, господинъ, я также совершенно смущенъ. Но профессорша сказала мнѣ одинъ разъ, — «всякій сдѣлалъ въ своей жизни что-нибудь дурное, такъ поэтому всякій долженъ вѣрно помогать другому.»

Странная улыбка прошла по чертамъ Зонненкампа: этотъ негодяй разыгрывалъ изъ себя добродушнаго человѣка и прощаль ему.

— Да? профессорша? сказалъ онъ. Вдругъ его мысли перенеслись на виллу, въ паркъ, въ оранжерею въ зеленомъ домѣ. Онъ хотѣлъ спросить Иозефа, не сказала ли профессорша еще чего-нибудь, ужъ не знаетъ ли объ немъ всего. Но онъ удержался отъ всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ и сказалъ только, чтобы Лутцъ отправилъ посыльныхъ.

— Сдѣлай и ты тоже; надо отыскать Роланда и тотчасъ привести его сюда. Надо также сыскать и господина фонъ-Пранкена, — произнесъ онъ еще вслѣдъ.

Роланда было трудно искать, а Пранкена совсѣмъ нельзя найти, потому что онъ былъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы и не вздумали искать свѣтскаго человѣка.

Взошелъ оберъ-келльнеръ и сказалъ, что обѣдъ готовъ, и спросилъ, когда надо подавать его. Зонненкампъ пристально посмотрѣлъ на спрашивавшаго. Этотъ человѣкъ знаетъ положительно, что въ это время не обѣдаютъ, но онъ пришелъ явно для того, чтобы шпионничать; быть можетъ тамъ, внизу, многіе дожидались узнать, какъ теперь держитъ себя господинъ Зонненкампъ. Онъ гордо всталъ, взглянулъ съ пренебреженіемъ на оберъ-келльнера и объявилъ ему, что ему нечего спрашивать, что онъ скажетъ, когда пожелаетъ имѣть приказанное, и теперь велитъ, чтобы никто не входилъ къ нему безъ доклада.

Все удивительно перепутывалось вокругъ него: Иозефъ рассказывалъ о самоубійцахъ, которыхъ разрѣзываютъ въ анато-

мическомъ заведеніи. Зонненкамъ оглянулъ себя сверху до низу и затѣмъ открылъ ротъ, какъ будто хотѣлъ высказать мысль, которая теперь пришла ему въ голову. Его разрѣзываютъ теперь не физически, а морально всё острее, злобно-радующіеся азыки.

ГЛАВА V.

ИСПОВѢДЬ СВѢТСКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Въ то самое время, какъ Зонненкамъ пріѣхалъ во дворецъ, Пранкенъ вступалъ въ деканатъ капитула; его на нѣсколько минутъ задержалъ проходившій отрядъ войска, ему пришлось раскланяться съ нѣсколькими запыленными товарищами, которые шли или ѣхали верхомъ. Онъ прошелъ въ тотъ кварталъ города, куда не проникаетъ никакая военная музыка; здѣсь все было такъ тихо, какъ будто затаяло дыханіе; только въ церкви еще звучалъ органъ. Онъ вошелъ, и увидѣлъ, что деканъ, высокая, крѣпкая фигура, въ эту самую минуту возвращался въ ризницу. Пранкенъ присѣлъ на церковный стулъ, пока узналъ, что деканъ вернулся въ себѣ домой; тогда онъ вышелъ изъ церкви. Слуга стоялъ у открытыхъ дверей и сказалъ, что господинъ деканъ проситъ его войти на минуту сюда. Его повели вверхъ по лѣстницѣ, это была прекрасная большая лѣстница стараго монастыря, наверху одинъ молодой духовный, только-что вышедшій изъ двери, затворялъ ее совершенно тихо, почти благоговѣнно; этотъ молодой духовный сошелъ внизъ по лѣвой лѣстницѣ, когда Пранкенъ поднимался по правой.

Пранкенъ долженъ былъ прождать нѣсколько времени въ большой комнатѣ; на столѣ лежала открытая книга, это былъ Schematismus; онъ улыбнулся. Хорошо, у духовныхъ, какъ и у военныхъ, есть своя печатная роспись ранговъ. Это сравненіе придало ему новое мужество.

Вошелъ деканъ; онъ держалъ въ рукѣ книгу, между листами которой онъ вложилъ указательный палецъ. Онъ поклонился Пранкену кивнувъ книгой и просилъ его садиться; Пранкенъ сѣлъ на софѣ, а онъ помѣстился противъ него въ креслахъ съ колесами.

— Что вы приносите намъ, господинъ баронъ?

Пранкенъ съ своеобразной улыбкой отвѣчалъ, что не приноситъ ничего, а напротивъ, хочетъ взять нѣчто отсюда. Деканъ кивнулъ головой, взглянулъ еще разъ въ книгу, которую заложилъ пальцемъ, положилъ ее въ сторону и сказалъ:

— Я къ вашимъ услугамъ.

Пранкенъ сталъ объяснять, что онъ выбралъ декана въ особенности для своей исповѣди въ такомъ дѣлѣ, которое должнымъ образомъ можетъ понять и обсудить только человекъ дворянскаго происхожденія. Деканъ крѣпко держалъ подбородокъ лѣвой рукой и съ большой опредѣленностью отвѣчалъ, что послѣ посвященія и возрожденія нѣтъ больше никакого дворянства; у него нѣтъ никакой другой силы, какъ и у сына бѣднѣйшаго поденщика.

Пранкенъ подумалъ, что этимъ началомъ онъ сдѣлалъ ошибку; поэтому онъ съ особеннымъ удареніемъ сказалъ, что онъ, конечно, считаетъ духовное достоинство самымъ высшимъ, но что для него было важно, чтобы высовопочтенный господинъ зналъ житейскія отношенія, которыя онъ хочетъ ему изложить. Затѣмъ онъ вкратцѣ сказалъ о своемъ прошедшемъ; это была жизнь сына аристократическаго семейства, — до знакомства съ Зонненкампомъ. Здѣсь онъ говорилъ нѣсколько подробнѣе и признался, что сначала для него было шуткой, препровожденіемъ времени, представлять себѣ Манну, дочь миллионера, своей женой. Онъ рассказывалъ, какъ Манна неожиданно поступила въ монастырь, и съ большимъ чувствомъ засвидѣтельствовалъ, что Манна и пробудила его именно къ высшей жизни. Онъ подробно останавливался на рѣшеніи, которое онъ принялъ одну минуту — сдѣлаться духовнымъ; но теперь онъ думаетъ объ этомъ иначе, потому что у него еще слишкомъ много свѣтскихъ понятій, но онъ надѣется въ соединеніи съ Манной вести жизнь, посвященную высшимъ интересамъ.

Деканъ слушалъ рассказъ съ спокойнымъ вниманіемъ, иногда закрывалъ глаза, иногда быстро отрывалъ ихъ.

Пранкенъ приостановился и деканъ сказалъ:

— Это было, конечно, предисловіе. Я долженъ вамъ также сказать, что я знаю этого господина Зонненкампа и его дочь. Я былъ недавно у одного товарища моей профессіи, въ деревнѣ, въ которой вилла Эдемъ — вѣдь она такъ, кажется, называется? — принадлежитъ приходомъ; я видѣлъ дѣвушку; тогда шла рѣчь о томъ, что она должна сдѣлаться монахиней. Я видѣлъ также и паркъ, и домъ, все очень хорошо, очень заманчиво. Теперь, прошу васъ, продолжайте, говорите безъ дальнихъ околичностей, что вы отъ меня желаете.

Пранкенъ живо возвратился къ предмету и рассказалъ, что онъ вмѣстѣ съ государственнымъ совѣтникомъ устроилъ то, что Зонненкампъ въ это самое время получаетъ дипломъ на дворянство.

Онъ снова приостановился, но деканъ не спрашивалъ больше, а только смотрѣлъ на него вопросительно.

Пранкенъ, смотря на зеленую скатерть стола, сказалъ, что онъ знаетъ о прошедшемъ Зонненкампа; до сихъ поръ онъ всегда думалъ, что для него это должно быть все-равно, но именно теперь—именно со вчерашняго дня, когда Зонненкампъ сравнивается съ нимъ и его семействомъ, это не даетъ ему болѣе покоя.

— Я не понимаю васъ, сказалъ деканъ. Вы чувствуете тяжесть на совѣсти отъ того, что хотя знали, кто этотъ человѣкъ, но дѣйствовали съ тою цѣлью, чтобы доставить ему привилегированное отличіе — однимъ словомъ, что ему дается дворянское достоинство, такъ ли?

— Да и нѣтъ, отвѣчалъ Пранкенъ: — это мнѣ самому неясно. Я могъ бы сказать, что я невиненъ, потому что отъ меня не требуютъ никакого мнѣнія, и однакоже....

— Говорите же дальше; мнѣ кажется, вы попали на предметъ. Итакъ, однакоже...?

Пранкенъ подумалъ, что онъ похожъ на ученика на экзаменѣ; собравшись съ силами, онъ сказалъ:

— Надо благодарить небо, что оно послало къ намъ въ міръ живыя существа, которымъ мы можемъ и должны говорить даже то, въ чемъ не признаемся себѣ самимъ. Я долженъ все-таки признаться, что мои открытыя отношенія къ господину Зонненкампу быть можетъ значать больше, чѣмъ мнѣніе, данное на словахъ.

— Вѣрно! Совершенно вѣрно. Итакъ, вы пришли ко мнѣ, чтобы теперь въ послѣдній часъ услышать, что вамъ дѣлать?

— По правдѣ сказать, нѣтъ. Я желалъ бы только, чтобы вы дали мнѣ что-нибудь, возложили на меня что-нибудь, чѣмъ бы я могъ избавиться отъ этого постоянного страданія и страха открытія.

— Станный свѣтъ! возразилъ деканъ. Станный свѣтъ! Вамъ хотѣлось бы наслаждаться и грѣшить, но въ тоже самое время получать примиряющія благословенія.

Мысли Пранкена невольно обратились къ близкому отсюда дому Нелли.

Онъ усиленно отогналъ эти мысли.

Нѣсколько времени они оба молчали, затѣмъ деканъ спросилъ:

— Знаетъ этотъ господинъ Зонненкампъ, что вамъ извѣстно его прошедшее?

— О, нѣтъ, и онъ никогда не долженъ этого знать.

Опять наступила болѣе продолжительная пауза.

На близкомъ соборѣ пробило полдень, колокола зазвонили,

деканъ всталъ и тихо проговорилъ молитву; Пранкенъ всталъ и сдѣлалъ тоже.

Затѣмъ они оба сѣли. Ни одинъ изъ нихъ все еще не говорилъ ни слова.

Пранкену становилось досадно; онъ былъ почти золъ на себя, что сюда пришелъ; ему все-таки не могутъ помочь. Съ подавленнымъ гнѣвомъ онъ, наконецъ, сказалъ:

— Достопочтенный деканъ, я исповѣдалъ вамъ все, теперь прошу васъ, дайте мнѣ совѣтъ.

— Долженъ я дать вамъ совѣтъ, чтобы вы покинули господина Зонненкампа и свою невѣсту?

Пранкена передернуло.

Деканъ, вставши и ходя по комнатѣ, продолжалъ:

— Таковы они! Они желаютъ совѣта, эти дѣти свѣтскаго наслажденія, но только такого совѣта, который не возлагаетъ на нихъ никакого лишенія; они желаютъ совѣта только о томъ, какъ имъ сдѣлать то, что имъ хочется, но сдѣлать это съ облегченіемъ своей совѣсти. Вы хотите горчицы для сваренія тяжелаго вущанья, неправда ли? обратился онъ внезапно къ Пранкену.

Глаза его блестяли.

— Достопочтенный деканъ, сказалъ съ трепетомъ Пранкенъ, если вы прикажете мнѣ покинуть господина Зонненкампа и Манну, то я общаю вамъ сдѣлать это сейчасъ же. Подумайте только, что будетъ съ дѣвушкой, и неужели приобрѣтенное такимъ образомъ не должно послужить къ высшему....

— Остановись! прервалъ его деканъ и протянулъ руку, какъ бы карающимъ образомъ; его брови нахмурились и губы сжались. Ты думаешь прельстить насъ этими милліонами? Ты самъ таковъ же, какъ другіе, и при всемъ наружномъ уваженіи къ намъ, думаешь про себя: эти духовные хотятъ только денегъ, только власти. Нѣтъ, мы не хотимъ вашихъ денегъ, такъ приобрѣтенныхъ, такъ взятыхъ въ приданое, такъ наслѣдованныхъ.

Деканъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на небо, по которому шли мрачныя облака; онъ какъ будто совсѣмъ забылъ, что Пранкенъ здѣсь, и послѣдній наконецъ сказалъ:

— Желаете вы, достопочтенный деканъ, чтобы я теперь удалился?

Деканъ быстро обернулся и сказалъ, повелительно указывая лѣвой рукой:

— Садитесь, садитесь.

Пранкенъ повиновался.

— Я хочу вамъ сказать кое-что. То, что вы сдѣлали дво-

рянству, — потому что вы это сдѣлали, а не только допустили, — это — дѣло ваше и дворянства; для насъ ваши почетныя степени не имѣютъ значенія. Бюргеръ или дворянинъ, намъ все-равно. Но я вамъ скажу, — деканъ остановился и, оперши локоть на правую руку и держась лѣвой рукой за подбородокъ, онъ, казалось, выговаривалъ слова съ спокойнымъ размышленіемъ, — я вамъ скажу вотъ что: теперь вы должны быть вѣрны, вы не должны повидать этого человѣка и его дочери. Вы должны раздѣлить съ ними все, что, быть можетъ, судили имъ свѣтскія почести, вы должны считать себя скованнымъ съ ними и въ смиреніи благодарить, что вы можете еще направить себя и свое новое семейство къ благородной цѣли, къ чистымъ жертвамъ.

Пранкенъ вскочилъ, поцѣловалъ руку декана и воскликнулъ:

— Я хочу это сдѣлать, я общаю. Взгляните на меня, вы должны видѣть, что я исполню то, что вы на меня возложили.

— Такъ идите съ Богомъ, вамъ придется несть нѣчто болѣе тяжелое, чѣмъ вы думаете. Идите съ Богомъ.

Онъ положилъ ему руку на голову и Пранкенъ вышелъ. Онъ спустился съ лѣстницы полный смиренія и визгу братски пожалъ руку солдату.

Когда Пранкенъ ушелъ, солдатъ все еще смотрѣлъ на свою руку и искалъ потомъ на полу; онъ не могъ понять, что лихой господинъ фонъ-Пранкенъ не далъ ему золотой монеты. Нѣтъ, — это бы зазвенѣло; онъ навѣрно далъ ему бумажныя деньги, но на чистомъ каменномъ полу не оказывалось ничего.

Пранкенъ какъ будто угадалъ мысли солдата; онъ вернулся и дѣйствительно далъ солдату золотую монету, потомъ пошелъ дальше.

Онъ проходилъ мимо дома Нелли, гдѣ онъ вчера — это казалось ему точно сномъ.... нѣтъ, этого быть не можетъ! — ждалъ цѣлый часъ. Онъ посмотрѣлъ прищурившись наверхъ; ему показалось, что изъ открытаго окна кто-то на него смотритъ; онъ опустилъ глаза въ землю и прошелъ мимо.

Онъ прошелъ на парадный плацъ, слышалъ парадную музыку, видѣлъ стоявшихъ кружками офицеровъ и — кто измѣритъ скрытые пути мысли? — онъ думалъ, что тамъ теперь отданъ пароль, и что у него есть тоже свой пароль, котораго никто не долженъ знать, кромѣ его и одного человѣка въ деканатѣ, человѣка, который такъ гремѣлъ противъ него.

Улыбка прошла по лицу Пранкена.

«Ты хорошо игралъ роль, но ты только игралъ роль, скажь онъ, вспоминая о деканѣ. Ты долженъ видѣть, что я буду хорошо играть свою, я знаю свою роль и сыгравъ вамъ немного».

Въ немъ снова поднялась гордость; онъ совсѣмъ не могъ понять, что онъ, Отто фонъ-Пранкенъ, былъ такъ стыдливо-смирень. Но хорошо все-таки, что онъ еще сохранилъ смиреніе.

Полу-покорнымъ, полу-самонадѣяннымъ онъ пришелъ къ отелю Викторіи и теперь онъ почувствовалъ настоящій голодь, какъ бывало на маневрахъ. Въ такихъ душевныхъ движеніяхъ хорошо все-таки то, что они возбуждаютъ голодь.

Пранкенъ радовался тонкому обѣду съ тестемъ барономъ.

Когда онъ подошелъ къ двери Зонненкампа и собирался постучать, онъ услышалъ изъ-за двери голосъ:

— Да гдѣ же господинъ фонъ-Пранкенъ?

— Здѣсь! закричалъ онъ и вошелъ.

ГЛАВА VI.

„честь лежитъ на полу“.

Орденъ Зонненкампа лежалъ у ногъ входившаго Пранкена; онъ прежде всего наклонился и поднялъ его. Іозефъ вышелъ изъ комнаты. Пранкенъ держалъ орденъ въ рукахъ такъ, какъ будто это была большая тяжесть. Зонненкампъ казалось ждалъ, что Пранкенъ начнетъ говорить, и когда этотъ сказалъ: «поздравляю васъ», онъ прервалъ его:

— Нѣтъ, нѣтъ — не надо. Благодарю васъ, что вы еще разъ зашли ко мнѣ. Я очень, очень благодаренъ вамъ. Вы хотѣли мнѣ добра.

— Еще разъ? хотѣлъ добра? Я не понимаю.

Зонненкампъ пристально посмотрѣлъ на него; весь городъ, вучера на улицѣ знаютъ это, а этотъ человекъ не знаетъ? Не хочетъ ли онъ его обмануть?

— Читали вы газету? спросилъ Зонненкампъ.

— Газету? Нѣтъ. Что же тамъ такое?

Зонненкампъ подаль ему листокъ.

— Здѣсь мой дипломъ на дворянство, — сказалъ онъ, отворотился и смотрѣлъ въ окно, пока Пранкенъ читалъ. Онъ не хотѣлъ оглядываться, не хотѣлъ видѣть выраженія лица этого человека.

Долго въ комнатѣ было беззвучно тихо, наконецъ Зонненкампъ почувствовалъ руку на своемъ плечѣ. Онъ быстро обернулся. Что теперь будетъ? Не хочетъ ли гордый юнкеръ бороться съ нимъ?

— Господинъ Зонненкампъ, — сказалъ Пранкенъ, — я дворянинъ...

— Я знаю, я знаю. Отнимите вашу руку отъ меня, вы загрязните ее.

— И я вашъ другъ, — продолжалъ спокойно Пранкенъ. Я не могу одобрить того, что вы сдѣлали, чтобы вынудить такое извѣстіе.

— Говорите короче, я уже слышалъ сегодня достаточно проповѣдей.

— Господинъ Зонненкампъ, я иду противъ всего общественнаго мнѣнія, я уважаю васъ несмотря на все и я люблю вашу дочь. Я почти радъ, что жертвой могу доказать вамъ, что мое расположеніе...

— Господинъ фонъ-Пранкенъ, вы не знаете что дѣлаете. Ваши друзья, ваше семейство...

— Я все знаю. Вотъ еще. Люди добродѣтельные должны оставить лежать камни, которые они хотятъ поднять противъ насъ. Кто только мигнетъ глазомъ, я того вызову.

— Я удивляюсь вашему мужеству, но я не могу принять его.

— Не можете принять? Вы не имѣете права отклонять меня. Я также вашъ сынъ какъ Роландъ, я принадлежу вамъ, и теперь должно оказаться, у кого есть настоящее благородство и мужество. Я удивляюсь вамъ. Но оставимъ это теперь. Роландъ еще не вернулся?

— Нѣтъ.

— Такъ онъ, значитъ, отправился съ прапорщикомъ на пирушку. Я привезу его.

Зонненкампъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на уѣзжающаго Пранкена; онъ не понималъ этого. Теперь онъ опять былъ одинъ. Онъ отправлялся мысленно съ своимъ посланнымъ по всему городу, мысли его искали Роланда; они не находили его, какъ не находили его и посланные, потому что, какъ справедливо полагаютъ Пранкенъ, Роландъ отправился съ сыномъ совѣтника въ военное казино, гдѣ часть гарнизонныхъ офицеровъ послѣ трудныхъ маневровъ нынѣшняго утра заказала пирушку. Здѣсь много смѣялись и пили, човались за здоровье молодого американца и Роландъ былъ одинъ изъ наиболѣе веселившихся. Потомъ пришелъ одинъ запоздавшій гость и среди шума воскликнулъ:

— Знаете вы это? Торговецъ неграми попался въ бумажное лассо.

— Что такое? спрашивали его.

Вновь прибывшій сталъ читать въ газетѣ:

«Примѣрное предложеніе о щитѣ и гербѣ для возведеннаго

въ дворянское достоинство торговца рабами и ихъ убійцы Джемса Генриха Зонненкампа, бывшаго Банфильда, изъ Луизианы.

«Намъ, собственно говоря, могло бы быть приятно констатировать единство юнкерства въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ; ихъ девизъ — жить работой другихъ; ты рожденъ ничего не дѣлать, говорятъ себѣ юнкеры какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Американцы кромѣ другихъ предрассудковъ имѣютъ еще и тотъ, что есть особенная честь быть дворяниномъ. Не потому, чтобы мы раздѣляли этотъ предрассудокъ, но чтобы разъяснить его еще больше, мы писали въ Америку, чтобы получить свѣдѣнія объ одномъ извѣстномъ господинѣ Зонненкампѣ. До сихъ поръ мы молчали, мы молчали бы дольше и всегда во вниманіе къ дѣтямъ этого изверга, которые не заслужили того, чтобы нести эту тяжкую вину. Мы вовсе не друзья дворянства, мы считаемъ это учрежденіе исторически завершеннымъ и вымирающимъ, но и дворяне — наши нѣмецкіе сограждане, часть нашего народа; мы, горожане, не считали бы нужнымъ изгонять человѣка изъ нашей среды, мы спокойно оставили бы его въ покоѣ, но теперь — мы готовы выставить свидѣтелей, что человѣкъ, называющій себя Зонненкампомъ и проживающій на виллѣ Эдемъ, былъ однимъ изъ самыхъ безжалостныхъ торговцевъ невольниками и ихъ убійцей. Такъ продолжай, нѣмецкое барство, и возводи его въ дворянское достоинство, дай ему гербъ. Геральдисты нашей редакціи предлагаютъ ему въ гербъ...»

— Стойте! закричалъ прапорщикъ, потому что Роландъ упалъ безъ чувствъ со стула на полъ.

Его вынесли изъ комнаты, привели его въ чувство. Къ счастью подъѣхалъ экипажъ, изъ него вышелъ Пранкенъ. Роланда отнесли въ карету, и они отправились въ гостиницу.

Дрожь въ лихорадкѣ, завернутый въ солдатскую шинель, Роландъ сидѣлъ въ углу кареты, нѣсколько разъ онъ отерывалъ глаза, потомъ закрылъ ихъ.

Пранкенъ говорилъ ему, что онъ долженъ презирать весь свѣтъ; Роландъ молчалъ, только разъ онъ вздохнулъ и воскликнулъ изъ глубины груди:

— О, Эрихъ!

Они пріѣхали въ гостиницу. У дверей ждалъ Іозефъ. Въ первыхъ словахъ, сказанныхъ теперь, Роландъ просилъ оставить его одного. Онъ взшелъ по лѣстницѣ съ Іозефомъ.

— Вамъ надо идти къ своему отцу, — сказалъ Іозефъ.

Роландъ вивнулъ головой, но когда онъ взшелъ на верхъ, онъ поспѣшилъ въ свою комнату и заперъ дверь.

Иозефъ пошелъ въ Зонненкампу и сказалъ, что Роландъ возвратился.

— Пусть онъ придетъ ко мнѣ, — сказалъ Зонненкампъ.

— Онъ заперся въ своей комнатѣ.

— При немъ его пистолеты?

— Нѣтъ, они еще у меня.

Зонненкампъ пошелъ къ комнатѣ Роланда. Онъ постучалъ, никакого отвѣта. Онъ просилъ и умолялъ Роланда отвѣчать ему; Роландъ не отвѣчалъ ни однимъ звукомъ.

— Если ты не отпнешь сейчасъ же, я застрѣлюсь передъ твоей дверью! воскликнулъ Зонненкампъ, и Пранкенъ, стоявшій подлѣ него, сказалъ:

— Роландъ, Роландъ! неужели ты хочешь быть виновникомъ смерти своего отца?

— Отвори! отвори! упрашивалъ Зонненкампъ передъ дверью.

Задвижка открылась; Роландъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на своего отца. Тотъ протянулъ къ нему руки, но Роландъ остался недвижимъ, губы его были сжаты, глаза блуждали.

— Сынъ мой! воскликнулъ Зонненкампъ. Мой единственный сынъ! мой любимый сынъ! дитя мое! прости меня! прости меня!

Роландъ бросился въ отцу, схватилъ его руку и зарыдалъ на ней.

— О дитя мое, твои слезы на моей рукѣ! Эти слезы на этой рукѣ! Здѣсь, эта рана, этотъ шрамъ — смотри — слезы моего ребенка испѣляютъ ее, только слезы моего ребенка!

Онъ бросился на грудь Роланда и воскликнулъ:

— Ты, мой сынъ, ты не будешь презирать своего отца.

Грудь его волновалась, когда онъ говорилъ, и Роландъ въ первый разъ въ жизни увидѣлъ, что отецъ его плакалъ. Онъ обнялъ его и плакалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Молча и неподвижно сидѣли потомъ отецъ и сынъ другъ противъ друга, наконецъ Роландъ сказалъ:

— Отецъ, есть спасенье... единственное спасенье!

— Я готовъ, говори, мой сынъ.

— Я знаю это, отецъ — я знаю это! Тотъ Возвышеннѣйшій говорилъ юношѣ: Иди и отдай все, что имѣешь, и слѣдуй за мной. И Парверъ сказалъ, что этотъ позоръ долженъ быть омытъ, и Веніаминъ Франклинъ сказалъ бы: ты свободенъ, не будь рабомъ самого себя! Брось все, отецъ, пусть мы будемъ бѣдны — бѣдны! Хочешь ты?

— Благодарю тебя, сынъ мой, — отвѣчалъ Зонненкампъ; ему

было легче, такъ какъ онъ видѣлъ, что сынъ облегчалъ его душу. У тебя твердое сердце, смѣлый умъ, у тебя есть большое мужество; господинъ Эрихъ хорошо училъ тебя... быть великимъ... мужественнымъ... я благодарю его... благодарю тебя... это хорошо... это справедливо... это самое лучшее!

— Такъ ты согласенъ, отецъ?

— Сынъ мой, я не буду призывать свидѣтелей... совѣмъ нѣтъ... но я общаю тебѣ, ты будешь согласенъ съ тѣмъ, что я сдѣлаю, но теперь въ эту минуту не надо ничего рѣшать.

— Нѣтъ, теперь... въ эту минуту... это высшій, это единственный моментъ! Это должно случиться теперь! Послѣ него смерть, ночь, осужденіе, разрушеніе, бѣдствіе. Ахъ, отецъ, ты долженъ быть силенъ! Я буду работать для тебя, для тебя, для матери, для Манны, для себя! И Эрихъ будетъ съ нами! Я не знаю, что будетъ, но будетъ... Теперь брось все!

— Сынъ мой, то, что называется дурно-приобрѣтеннымъ, я бросаю. Теперь ты не малолѣтній мой ребенокъ, теперь ты больше, теперь ты мой братъ, ты господинъ, ты судья надъ моими дѣлами, ты долженъ приказывать—все съ тобой, черезъ тебя, изъ твоего чистаго, твоего счастливаго сердца, изъ твоего несломленнаго... Да, твой другъ Эрихъ—нашъ другъ Эрихъ,—также долженъ рѣшать; только не будемъ ничего рѣшать въ эту минуту.

Отецъ и сынъ опять сидѣли молча другъ противъ друга, наконецъ Роландъ сказалъ:

— Отецъ, поѣдемъ сегодня же домой.

— Нѣтъ, сегодня нѣтъ. Намъ обоимъ нужно сначала собрать силы.

Пранкенъ вышелъ въ сосѣднюю комнату; онъ прислалъ теперь Иозефа сказать, что время идти къ столу. Роландъ былъ въ ужасѣ, что ему надо теперь ѣсть; но Зонненкампъ влялся, что онъ не возьметъ въ ротъ ни кусочка, хотя онъ почти истощенъ, если только Роландъ не сядетъ за столъ и не съѣстъ хоть немного. Роландъ согласился. Приборъ для совѣтника стоялъ пустой; это показывало, чего будетъ недоставать впослѣдствіи за столомъ. Пранкенъ вивнулъ Иозефу, тотъ понялъ и быстро принялъ приборъ. Зонненкампъ высказалъ ожиданіе, что совѣтникъ возвратитъ теперь виллу; теперь узналъ и Роландъ, какъ веденъ былъ подкупъ, и какъ испорчены и себялюбивы люди. Зонненкампъ тотчасъ замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвело это на Роланда; выраженіе торжества показалось въ чертахъ его лица. Это хорошо! Роландъ долженъ узнать всю людскую пошлость, онъ долженъ увидѣть, что всѣ люди болѣе или менѣе низки, тогда

и то, что сдѣлать его отецъ, мало-по-малу явится для него въ болѣе мягкомъ видѣ, съ болѣе блѣдными красками.

Поданы были изысканныя кушанья, но трое этихъ людей ѣли точно на похоронномъ обѣдѣ; въ сосѣдней комнатѣ лежалъ мертвый—мирская почестъ сдѣлалась трупомъ. Ни одинъ изъ троихъ не говорилъ этого, и каждый однако чувствовалъ это, но они ѣли и пили, потому что тѣло нуждается въ питаніи, чтобы выносить новое душевное страданіе.

Отецъ и сынъ спали въ одной комнатѣ, они не говорили ни слова, ни одинъ не хотѣлъ прогнать спасительный сонъ у другого.

«Не поддавайся!» сказалъ наконецъ Зонненкампъ и заснулъ. Роландъ также заснулъ. Черезъ часъ онъ проснулся и безпокойно выдался на постели. Какъ черная стѣна стояла передъ нимъ ночь; онъ былъ какъ въ бреду.

Потерять умъ, сознание... да, потерять! Онъ внезапно исчезъ отъ тебя, ты не знаешь куда, не знаешь когда, знаешь только, что его нѣтъ, нѣтъ въ твоей власти. Но еслибъ только найти его! У тебя нѣтъ больше власти надъ твоими представленіями, онѣ приходятъ и уходятъ, соединяются и раздѣляются по произволу, но ты чувствуешь внутри себя, что это не останется такъ, это не можетъ такъ остаться; должно придти время, когда ты опять овладѣешь всѣмъ.

«Еслибъ только не была ночь! еслибъ только не была ночь!» стоналъ про себя Роландъ, когда онъ, проспавши едва часъ, проснулся съ твоей путаницей въ мысляхъ. Въ первый разъ въ жизни онъ проснулся ночью съ душевной болью и весь міръ стоялъ передъ нимъ печальный, мрачный, непроницаемый.

«Еслибъ только не была ночь!» сказалъ онъ опять про себя, и ему вспомнилось, какъ однажды профессорша говорила: Ночью все бываетъ страшнѣе, приходитъ день и днемъ всѣ страданія, тѣлесныя и душевныя, уже не бываютъ такъ жестоки; человѣкъ видитъ предметы, солнечный свѣтъ освѣщаетъ ихъ и даетъ имъ жизнь.

«Опять будетъ день!» заключилъ Роландъ и среди своихъ блуждающихъ мыслей снова погрузился въ сонъ.

Рано утромъ они выѣхали съ Франкеномъ на виллу.

ГЛАВА VII.

ОСКОРВЛЕННЫЯ ДУШИ.

Утро было свѣжее и морозное. На козлахъ кареты сидѣлъ уже не Бертрамъ; подлѣ Лутца сидѣлъ наемный кучеръ, котораго на- скоро взяли; Роландъ, который зналъ лошадей, хотѣлъ занять мѣсто чужого, но Зонненкампъ сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Нѣтъ, дитя мое, не оставляй меня. Сядь во мнѣ. Оста- вайся со мной.

Роландъ повиновался, сѣлъ въ отцу и Пранкену въ закрытую карету. Они проѣхали городъ молча; каждый думалъ: ворочусь ли я сюда, и какъ? Проѣхали мимо гулянья, гдѣ прошлое лѣто получили столько почета на офицерскомъ праздникѣ. Роландъ выглянулъ; на столахъ въ саду лежали пожелтѣвшія листья, все было пусто и одиноко. Вздохнувъ, съ закрытыми глазами Ро- ландъ легъ въ уголокъ кареты; молодая свѣжесть исчезла съ лица, измѣнившася за ночь, оно поблѣднѣло какъ замерзшій цвѣтокъ.

Довольно долго они ѣхали не говоря ни слова. Но потомъ Роландъ услышалъ, какъ отецъ его забавлялся доказывая, что всѣ люди — пустые шарлатаны; иной, о комъ говорятъ съ ува- жениемъ, кому низко кланяются, стоилъ бы развѣ только галеръ. Началось съ совѣтника, какъ онъ ловко умѣетъ брать взятки и однако устроить такъ, какъ будто ничего не было, — и въ та- комъ родѣ онъ продолжалъ дальше. Доброе имя всѣхъ людей ра- зорвано было въ клочки.

Пранкенъ оставилъ Зонненкампа злиться и бѣсноваться, оста- вилъ его даже задѣть Клодвига. Все равно! Человѣку оскорблен- ному, а особенно такому, котораго мучить дѣйствительная вина, доставляетъ удовольствіе унижать до себя всѣхъ другихъ. Въ Роландѣ мелькнула догадка и холодъ охватилъ его сердце отъ этой догадки, — что онъ долженъ теперь думать, доискиваться и размышлять о томъ, чтобы узнать и имѣть передъ глазами дур- нья стороны всѣхъ людей; потому что только такимъ образомъ можно устоять.

Понемногу и осторожно началъ Пранкенъ объяснять, что только одна твердая религіозная вѣра поддерживаетъ человѣка, и открыто возсталъ противъ тѣхъ, которые даже у вѣреннаго имъ отни- маютъ высшую и единственную опору. Роландъ зналъ, что здѣсь говорилось объ Эрихѣ, но онъ не показавъ вида, что понялъ это. Пранкенъ пошелъ дальше. Онъ разсказалъ, что отецъ Эриха, котораго мать и сынъ разукрашиваютъ какъ полубога, былъ че-

ловѣкъ, который въ университетѣ не могъ получить слушателей и о которомъ всѣ ученые пожимали плечами.

Какъ облачные образы неслись, передъ душой юноши мрачныя мысли, гонимыя одна другою. Одна въ особенности безпоякойно бродила въ немъ: вчера почестъ была всѣмъ, сегодня она ничто. Что же такое честъ? Это соль въ каждомъ блюдѣ жизни, безъ нея существованіе безвкусно. Точно въ испугѣ Роландъ встрепенулся при этой мысли. Онъ живо увидѣлъ передъ собой облако, потому что Зонненкампъ быстро и безпрестанно курилъ, и изъ облаковъ онъ воскликнулъ веселымъ тономъ: люди во всей этой странѣ должны бы собственно благодарить его, потому что теперь всѣ они бѣлоснѣжные ангелы, имъ не достаетъ только по парѣ крыльевъ. Мужчины и женщины могли бы сказать: Боже, благодарю тебя, что я не таковъ, какъ этотъ Зонненкампъ. «Я великое счастье. Благодарю меня, міръ!»

Пранвенъ засмѣялся; этотъ юморъ ему понравился и онъ сказалъ: черезъ годъ, когда въ этому привыкнуть, ни одинъ человекъ не станетъ больше думать о нынѣшнемъ происшествіи; поэтому онъ настоятельно просилъ бы, чтобы не говорилось больше ни слова о продажѣ виллы и объ отъѣздѣ.

Зонненкампъ толкнулъ Пранвена въ бока, но онъ не могъ предположить, что это открытіе гораздо меньше удивило Роланда, хотя оно снова пробуждало въ немъ чувство неизмѣннаго родины, — потому что насмѣшливое восклицаніе отца, что весь міръ долженъ быть ему благодаренъ, подѣйствовало на душу Роланда гораздо больше. Въ сердцѣ юноши разложились всѣ элементы мышленія и ощущенія и никто не могъ предугадать, какое измѣненіе произошло въ этихъ элементахъ отъ новаго прибавленнаго вещества. Въ немъ снова пробудилось сознаніе, что онъ всю свою жизнь носитъ позоръ, который уже никогда не можетъ быть смытъ.

Туманъ разошелся, день сталъ ясенъ, солнце какъ будто грѣло, Зонненкампъ завернулся въ свой плащъ, ему было холодно. Онъ сидѣлъ въ каретѣ и смотрѣлъ на дорогу; онъ видѣлъ только тѣнь лошади съ одной стороны и эта тѣнь двигалась, ноги ея были то впереди, то позади. И все не такая ли же тѣнь? Не двигается ли тобой и не влечетъ ли тебя такая же тѣнь?

Телѣга, ѣхавшая имъ на встрѣчу, подняла на дорогѣ пыль.

Зонненкампъ смотрѣлъ на нее. Когда смотришь на эту пыль, то кажется, что въ ней можно задохнуться; но если попасть въ нее, то отвернешься на минуту и дѣло вовсе не такъ дурно. Быть можетъ, все, что теперь случилось, есть просто такая же поднимающаяся пыль. Отворотись.

Онъ видѣлъ, какъ пастухъ пасъ овецъ на убранномъ полѣ, и

онъ спросилъ себя: лучше ли эта жизнь? Онъ хотѣлъ спать, бросилъ сигару и закрылъ глаза. Ему казалось, что экипажъ все катится внизъ. Онъ открывалъ глаза, карета была на ровной дорогѣ.

Онъ опять закрылъ глаза, потому что только такимъ образомъ онъ могъ оставаться самъ съ собой.

Онъ въ самомъ дѣлѣ уснулъ.

Роландъ смотрѣлъ молча на свѣтлый день. Ахъ, взглядъ на природу помогаетъ только радующемуся человѣку или такому, который начинаетъ избавляться отъ горя; для тяжко пораженного, для печальнаго она не приноситъ ничего, она почти оскорбляетъ его своей неизмѣнностью, своей безучастной жизнью.

Роландъ былъ до сихъ поръ въ сумеречномъ царствѣ двухъ возрастовъ, онъ вдругъ разстался съ юностью; его гордость превратилась въ стыдъ, но онъ достаточно соврѣлъ, чтобы скоро забыть себя лично и взглянуть на отца, который несчастливъ вдвойнѣ—за себя и потому, что онъ принесъ несчастье другимъ, своимъ ближайшимъ...

Зонненкампъ дремалъ, но въ своемъ полуснѣ онъ слышалъ въ звукахъ катившагося экипажа ступъ цѣней скованнаго невольника.

Онъ вдругъ проснулся и оглянулся какъ безумный. Гдѣ онъ? Что случилось? Онъ завернулся опять въ плащъ и спряталъ свое лицо.

Пранкенъ наклонился къ Роланду и сказалъ ему тихо:

— Я знаю, какъ ты встревоженъ, но для тебя есть исцѣленіе, великое дѣло, возвышеннѣйшее дѣло.

— Какое это дѣло?

— Не говори такъ громко, не буди отца. Единственное средство для тебя... и великое средство... великое, возвышенное дѣло, если ты вступишь въ папское войско; это—единственное, что еще можно сдѣлать. Тамъ послѣдняя, высочайшая твердыня, которую еще надо защищать; если она упадетъ, тогда атеисты и коммунисты побѣдили. Я самъ былъ бы готовъ на это, если бы....

— Да, прервалъ его Роландъ, — это было бы дѣло! Мы отдадимъ все наше имущество въ руки святого отца и онъ одной буллой, однимъ отлученіемъ объявитъ уничтоженіе невольничества!

Зонненкампъ не могъ дольше представляться спящимъ.

— Именно такъ, мой милый! воскликнулъ онъ. Именно такъ; это долженъ сдѣлать папа. Но развѣ ты думаешь, что онъ теперь за деньги — еслибъ даже ихъ было въ десять разъ больше — сдѣлаетъ то, чего до сихъ поръ не сдѣлалъ самъ?

Мысль великая, господинъ фонъ-Пранкенъ, истинно великая и очень — очень умная.

Въ этой похвалѣ скрывалась горькая насмѣшка, потому что онъ думалъ: ты хочешь имѣть все наслѣдство, а сына моего послать на убой.

— Но, любезный, благородный, великодушный молодой другъ, — сказалъ онъ громко; — скажите по правдѣ, думаете ли вы, что папа сдѣлаетъ то, чего ожидаетъ Роландъ?

— Нѣтъ.

Они ѣхали опять молча. Вдали показалась вилла, на башнѣ красовался флагъ Союза подлѣ желто-зеленаго мѣстнаго флага.

Когда они проѣзжали мимо зеленаго домика, Роландъ просилъ, чтобы его выпустили здѣсь; желаніе его было исполнено.

Роландъ вошелъ въ садъ; тамъ позвалъ его звонкій голосъ:

— Желаемъ всѣмъ счастья! Желаемъ вамъ счастья, пожелайте и намъ, мы обручены.

Лина и архитекторъ шли отъ виллы черезъ лугъ, рука объ руку. Лина бросила своего жениха, подошла къ Роланду и сказала:

— Мы не хотѣли дожидаться освященія замка, у насъ будетъ свой праздникъ. Ахъ, Роландъ, какъ все хорошо и счастливо на свѣтѣ! Но отчего вы не говорите? Почему у васъ такое печальное лицо?

Роландъ могъ только высвободиться рукой и поспѣшно прошелъ въ зеленый домикъ. Озадаченные женихъ и невѣста остались въ саду и Лина сказала:

— Ахъ, Альбертъ, здѣсь не хорошо. На виллѣ никто насъ не поздравилъ, Манна не выходитъ изъ комнаты, господина Дорнэ тамъ нѣтъ и Роландъ бѣжитъ отъ насъ. Уйдемъ совсѣмъ изъ этого дома. Извини меня, что я первая привела тебя сюда; я думала, что этимъ людямъ я прежде всего должна принести мое счастье. Пойдемъ въ твой замокъ и тамъ пробудемъ цѣлый день, ты уединеннымъ рыцаремъ, а я жительницей замка. Пойдемъ, я думала, что здѣсь сегодня тоже будетъ обрученіе; этого жажется не будетъ, здѣсь происходитъ что-то страшное.

Лина и ея женихъ пошли вмѣстѣ черезъ виноградники на гору въ замокъ, но у домика маіора они были остановлены, потому что у садовой рѣшетки стоялъ маіоръ, растерянный.

Сегодня случилась вещь, какой еще никогда не случалось.

Фрейленъ Милькъ заперлась; вѣроятно произошло что-нибудь совершенно особенное.

Маіоръ былъ совершенно счастливъ узнать объ обрученіи, а затѣмъ онъ сказалъ только:

— Ахъ, тамъ на виллѣ, тамъ могло бы быть тоже, но я боюсь... я боюсь, что мы еще увидимъ нѣчто ужасное.

Маіоръ непременно хотѣлъ, чтобы женихъ и невѣста посидѣли въ его бесѣдѣ, фрейленъ Милькъ скоро придетъ.

Но фрейленъ Милькъ въ первый разъ сидѣла одна въ своей комнатѣ въ тяжелой внутренней борьбѣ. Она была равнодушна къ цѣлому міру, и онъ имѣлъ для нея значеніе лишь настолько, что въ немъ можно было достать что-либо пріятное для маіора. Она находила край очень пріятнымъ, была очень благодарна его почвѣ, потому что маіоръ переваривалъ здѣсь зелень, которой онъ прежде не могъ переваривать; она была благодарна и Рейну: онъ приносилъ иногда хорошую рыбу; она не забывала и горь, и какъ будто хотѣла сказать: совершенно такъ! пусть на васъ растетъ хорошій виноградъ; маіоръ любить пить новое вино; ему не слѣдуетъ только пить много. Такъ фрейленъ Милькъ расположена была къ людямъ и животнымъ, къ водѣ и растеніямъ; ей было все равно, что о ней самой никто не думалъ. Она строго отклонила отъ себя всякія ближайшія знакомства; теперь она черезъ профессоршу вступила въ общество, и сегодня была такъ глубоко оскорблена. Она давно уже знала Беллу, хотя только издали; она давно уже ненавидѣла Беллу, хотя только издали, но что она узнала сегодня, это все-таки было для нея ново и глубоко ее печаливало.

«О, — говорила она про себя, — о, графиня, вы очень добродѣтельны... въ высшей степени добродѣтельны... почтенно добродѣтельны и вмѣстѣ прекрасны, но я также была нѣкогда прекрасна и молода, и никто не осмѣливался подойти ко мнѣ съ дурнымъ словомъ; я ходила по улицамъ одна и за мной не шелъ слуга, я была сама своимъ слугой, своей опорой и помощью. О, графиня, вы стоите очень высоко по своему рангу, я не знаю, — не называютъ ли васъ превосходительствомъ! О, графиня, будьте осторожниѣе, есть еще другіе ранги, маіоръ покажетъ вамъ ихъ. Нѣтъ, не онъ, это смертельно оскорбило бы его, но господинъ Дорнэ, онъ долженъ это сдѣлать. Нѣтъ... никто... я сама это сдѣлаю».

И въ ту минуту, когда она снова ободрилась, маіоръ поступался во второй разъ и позвалъ ее:

— Фрейленъ Милькъ! Милая Роза, — прибавилъ онъ тихо; милая моя Роза... Розалія!

— Что такое? — услышалъ маіоръ изъ комнаты среди смѣха.

— Ахъ Богъ мой, вы опять смѣтаетесь, это хорошо. Здѣсь два хорошихъ человѣка, архитекторъ и Лина — мирового судьи, — они обручены и пришли къ намъ, чтобы мы порадовались вмѣстѣ съ ними. Идите же... идите же въ садъ и принесите съ собой бутылку и четыре стакана.

Фрейленъ Милькъ отперла дверь.

Маіоръ сказалъ :

— Могу я узнать, что съ вами случилось?

— Конечно, вы будете это знать. А теперь вы меня больше не спрашивайте. Такъ молодые люди обручены и пришли къ намъ? Мнѣ надо немного переодѣться, я сейчасъ приду.

— Да, да, прекрасно.

Все огорченіе фрейленъ Милькъ прошло, когда ей представилась обязанность еще обрадовать счастливыхъ людей; женихъ и невѣста забыли о замкѣ и засидѣлись въ бесѣдѣ у фрейленъ Милькъ и у маіора.

Пришла газета; маіоръ просилъ извиненія, что будетъ читать при гостяхъ,—онъ получаетъ газету только тогда, когда ее уже прочтутъ бургомистръ, шпульмейстеръ и циркульничъ; но за то газета остается у него совсѣмъ, и такъ какъ онъ самъ уже ничѣмъ не участвуетъ въ дѣлахъ міра, то не бѣда, если нѣсколькими часами раньше или позже узнаетъ, что въ мірѣ дѣлается.

— Ахъ, тутъ сдѣлана большая черная черта, — воскликнула Лина.

— Это сдѣлалъ бургомистръ, — сказалъ маіоръ. Фрейленъ Милькъ, не прочтете ли вы мнѣ? Это должно быть что-нибудь особенное.

Фрейленъ Милькъ взяла газету, но взглянувъ въ нее, закрыла лицо рукой.

— Что такое? Прочтите, милая Лина.

Лина прочла язвительное предложеніе профессора Крутіуса; послѣ первыхъ строкъ она хотѣла было перестать читать, но маіоръ просилъ ее:

— Читайте же пожалуйста дальше! Читайте!

И она прочла до конца.

— О ты, всеблагой Строитель всѣхъ міровъ, какія страшныя вещи есть въ Твоемъ мірозданіи! Ахъ, есть что-то страшное въ такой газетѣ, теперь всѣ люди это знаютъ.

Фрейленъ Милькъ уже открыла ротъ, и собиралась связать, что то, что здѣсь написано, для нея вовсе не новость, но у нея достало самообладанія, вдвойнѣ труднаго для женщины, скрыть то, что она знала. Это было лучше; она сдѣлала это, чтобы избѣжать длиннаго объясненія съ маіоромъ, почему давно ему этого не связала. Только тогда, когда маіоръ просилъ ее пойти къ профессоршѣ, которую должно было глубоко потрясти это извѣстіе, тогда только она связала:

— Профессорша уже давно все знаетъ, и я тоже.

Въ своемъ смущеніи маіоръ даже не спросилъ, какъ это

могло быть; онъ только смотрѣлъ на нее удивленными глазами. Онъ конечно уже сказалъ ей много ласковаго и сердечнаго, но теперь онъ сказалъ выше, что только могъ:

— Да, вы могли бы принадлежать къ нашему союзу, у васъ есть сила сохранять тайну.

Немного погодя, маіоръ продолжалъ:

— Смотрите, дѣти, тамъ внизу чудная, прекрасная вилла съ паркомъ, съ садами, и въ домѣ миллионы... Ахъ, и Роландъ и Манна! Фрейленъ Милькъ, прошу васъ, не удерживайте меня, я долженъ пойти туда; ни одинъ человѣкъ не можетъ знать, что тамъ происходитъ; я долженъ помочь. Прошу васъ, фрейленъ Милькъ, не дѣлайте мнѣ возраженій.

— Я никакого не дѣлаю, напротивъ, я также думаю, что вамъ надо идти.

Еще прежде чѣмъ она сказала эти слова, явился посланный изъ виллы, чтобы маіоръ пришелъ туда.

Лина также хотѣла идти съ нимъ, она думала, что, быть можетъ, могла бы чѣмъ-нибудь помочь Маннѣ, но маіоръ сказалъ, что профессорша и тетупка Клавдія будутъ достаточной помощью, а Лина не должна теперь ничего терять изъ своего счастья.

Когда маіоръ уже собирался уходить, одинъ голосъ позвалъ его:

— Господинъ маіоръ, погодите немного, я иду къ вамъ.

Явился Кнопфъ, съ покраснѣвшимъ лицомъ и тяжело дыша.

— Вы ужъ знаете? спросилъ маіоръ.

— Да, конечно, потому я и пришелъ. Можетъ быть, я могу чѣмъ-нибудь помочь на виллѣ.

— Хорошо, я иду туда, пойдемте вмѣстѣ. Или нѣтъ, останьтесь тутъ, останьтесь съ фрейлейнъ. Я велю васъ позвать, какъ только вы будете нужны.

Такимъ образомъ маіоръ отправился подъ гору, и четверо оставшихся смотрѣли ему вслѣдъ съ сердечнымъ участіемъ.

Б. АУЕРБАХЪ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

VI *).

Война русскихъ съ поляками въ 1792-мъ году¹⁾.

Рядомъ съ успѣхомъ конфедерациі двигалось впередъ съ побѣдою и русское войско. Вступленіе его въ предѣлы Рѣчи-Посполитой застало войска Іосифа Понятовскаго разсыянно расположенными на квартирахъ около Браслава, Тульчина и Винницы. Польскій военачальникъ поспѣшилъ ихъ и быстро двинулся на Волынь къ мѣстечку Полонному, гдѣ у нихъ была крѣпость и складъ запасовъ. Очевидецъ Охоцкій говоритъ, что паническій страхъ одолѣлъ обывателей, какъ только они услышали о приближеніи русскихъ. Польскій военачальникъ, не обладая выходящими изъ ряда военными способностями, хотѣлъ быть строгимъ дисциплинаторомъ въ службѣ, и дѣлался даже деспотомъ. Онъ запретилъ подъ смертною казнію въ своемъ обозѣ вести разговоръ о непріятелѣ, и когда ему осмѣливались доносить, что непріятель близко, онъ говорилъ: «я знаю самъ, что дѣлать». Это не мѣшало ему, однако, въ службѣ быть очень привѣтливымъ въ обращеніи и веселымъ хлѣбосоломъ,

---

*) См. выше: февр., 685; мар., 154; апр., 618; май 198; июнь, 559; июль, 89; авг., 548; сент., 17 и слѣд.

¹⁾ См. источники №№ 86, 98, 19, 59, 12, 101, 52, 28, 47, 120, 115.

какъ прилично было поляку. Каждый день, по окончаніи военныхъ эзерцицій, за завтракомъ, часовъ въ десять, было у него человекъ сто, а за обѣдомъ въ три часа человекъ по пятидесяти гостей офицеровъ, и тамъ щедрою рукою наливались кубки венгерскимъ, курился изобильно турецкій табакъ, нарочно привезенный изъ Молдавіи нѣсколькими фурами и проводилось время въ разговорахъ соблазнительнаго содержанія, которые очень любилъ предводитель. Одинъ Костюшко не бывалъ въ такихъ компаніяхъ; за то его хотя уважали, но не любили и насмѣхались надъ его манерами, которыя казались нелюбезными и странными. Въ обозъ безпрестанно приходили охотники, кто приводилъ съ собою пять, кто шесть, а кто и десять человекъ верховыхъ. По старопольскому обычаю въ ожиданіи непріятеля всѣ пировали, играли въ карты и кости, пѣли пѣсни. Около обоза толпились іудей съ товарами, искушавшими военныхъ людей, но не смѣли входить въ обозъ; только надежда на большіе барыши заставляла ихъ иногда отваживаться на не совсѣмъ безопасное дѣло. При малѣйшемъ подозрѣніи на кого-нибудь изъ нихъ въ способности переносить вѣсти въ русскій лагерь, ихъ грозили вѣшать на первомъ деревѣ, и нѣкоторые испытали эту непріятность, попавшись съ воззваніями конфедерациі и съ нѣсколькими червонцами въ карманѣ, данными за распространеніе этихъ воззваній.

Нѣсколько отрядовъ, посланныхъ Понятовскимъ для собиранія вѣстей, человекъ въ 300 и 400, были по одиночкѣ истреблены русскими. Генералъ Кутузовъ и Дунинъ гнались за ними съ своими отрядами такъ сказать по пятамъ. Съ другой стороны отъ Кіева Леванидовъ гналъ отрядъ Костюшки, спѣшившаго присоединиться къ главному войску. Поляки, утомленные отступленіемъ, принуждены были остановиться у Любара на Случи. По дорогѣ къ Любару и въ самомъ Любарѣ они видѣли, одни за другими, бриги и кареты пановъ, выѣзжавшихъ изъ своихъ имѣній за границу, въ Галицію, убѣгавшихъ отъ москалей, отъ которыхъ ожидали разоренія.

Здѣсь, неподалеку отъ тѣхъ рововыхъ мѣстъ, гдѣ за 132 года передъ тѣмъ подѣ Чудновымъ произошло страшное пораженіе русскихъ войскъ, пораженіе, послѣ котораго поляки возвратили себѣ уже отпавшую отъ нихъ южную Русь, здѣсь же, повидимому, суждено было теперь русскимъ поправить ошибку своихъ предковъ, снять съ нихъ пятно и снова добыть оружіемъ утраченныя въ оное время южно-русскія земли. По составленному заранее плану, русскіе съ двухъ сторонъ должны были перейти за Случь, захватить Полонное, отрѣзать путь полякамъ въ Польшу

и истребить ихъ, притиснувъ къ западному берегу Случи. 14-го іюня, Кутузовъ и Дунинъ перешли Случь у Острополя и готовились напасть на поляковъ съ тыла, а Леванидовъ стоялъ у Мирополя, версты за 23 отъ поляковъ и долженъ былъ скорѣе захватить Полонное, отстоявшее отъ него версты за 15, прежде, чѣмъ поляки успѣютъ дойти туда. Но Костюшко искуснымъ движеніемъ къ Чарторіи, отстоявшей отъ Мирополя версты за 10, заставилъ Леванидова пріостановиться. Русскій генералъ боялся, чтобы на него не ударилъ съ тыла Костюшко, когда онъ самъ двинется къ Полонному, а тѣмъ временемъ Понятовскій со всѣмъ войскомъ 4 (15) іюня поспѣшилъ прямымъ путемъ къ Полонному, отстоявшему за 30 версты, прежде чѣмъ Кутузовъ и Дунинъ могли зайти ему въ тылъ. По слѣдамъ за ними гнались отряды бригадира Орлова и генерала Торماسова (2 полка казаковъ, 20 эскадроновъ легкой кавалеріи и два батальона егерей екатеринославскаго полка), напали на шедшій позади обозъ и отбили нѣсколько рядовъ воевъ съ запасами. Остальные въ страхъ и безпорядкѣ бросились бѣжать, и привели въ безпорядокъ шедшую впереди ихъ колонну подъ начальствомъ графа Вьельгорскаго. Русскіе генералы, увидя это, послали своимъ въ подкрѣпленіе три батальона, подъ начальствомъ Лобанова. Поляки Вьельгорскаго отступили черезъ лѣсъ по худой дорогѣ, подъ проливнымъ дождемъ. Пришлось имъ, по выходѣ изъ лѣса, проходить черезъ лѣсную плотину, называемую Боружковскою. Плотина была дурная, мостъ черезъ прудъ еще хуже, — обвалился подъ поляками мостъ; много ихъ потонуло. Русскіе ударили на нихъ сзади и съ боковъ. Поляки бросили въ болотѣ семь орудій, пустились въ бродъ черезъ прудъ, вязли въ болотѣ; разбитые остатки колонны Вьельгорскаго едва спаслись бѣгствомъ. До 600 человекъ погибло, 375 человекъ достались плѣнными и должны были присягнуть конфедерации. Русскіе взяли у поляковъ орудія и войсковую казну.

Это пораженіе отнимало у поляковъ духъ и возбудило въ ихъ войскѣ всеобщую неурядицу. Достигли они Полоннаго. Уже мѣсяцъ передъ тѣмъ генералъ Сѣраковскій строилъ тамъ укрѣпленія, а Понятовскій приказалъ свезти туда арсеналь, муку и всякіе запасы изъ имѣній Щенскаго Потоцкаго. Прибывши въ Полонное, Понятовскій нашелъ укрѣпленія, сдѣланныя Сѣраковскимъ, недостаточными. Въ польскомъ войскѣ не стало дисциплины. Утомленные переходомъ жолнѣры, безъ соблюденія порядка бросились въ городъ отдыхать, роптали, кричали; такъ прошла ночь, а русскіе между тѣмъ спѣшили къ Полонному. Услышавъ, что врагъ приближается, поляки всполошились и

стали разбѣгаться, и въ такой суматохѣ загорѣлось мѣстечко. Съ большимъ трудомъ Костюшко угасилъ пожаръ, а Понятовскій приказалъ скорѣе всему войску собраться къ отступленію.

6 (17) іюня оставили поляки Полонное. Нельзя было забрать съ собою всѣхъ запасовъ, туда свезенныхъ: они принуждены были сжечь ихъ. Но русскіе, вошедши въ Полонное тотчасъ по уходѣ поляковъ, еще успѣли спасти изъ пламени до шести тысячъ булей съ мукою. Соровъ пять орудій досталось побѣдителямъ, не истратившимъ у Полоннаго ни капли крови.

Понятовскій съ своимъ войскомъ отправился къ Заславлю, гдѣ стоялъ Любомирскій съ своимъ отрядомъ. Коховскій послалъ за нимъ въ погоню генерала Маркова съ восемью тысячами. Марковъ догналъ поляковъ подъ деревнею Зеленцами, подлѣ Шепетовки. Понятовскій успѣлъ уже поставить свое войско въ боевой порядокъ, усиливъ его отрядомъ Любомирскаго и генераловъ Троицина и Заіонча. Марковъ ударилъ прямо на средину польскаго войска, обратилъ въ бѣгство батальонъ Любомирскаго, а этотъ батальонъ опровинулъ стоявшій за нимъ другой батальонъ Потоцкаго. Послѣ того Марковъ послалъ кавалерію (два полка гусаровъ и одинъ казакъ) на лѣвое крыло польскаго войска; русскіе сломили первый рядъ польской конницы, но наткнулись на другой рядъ: предводитель его, генералъ Мокроновскій, отбилъ приступъ и русская конница отступила съ урономъ. Вслѣдъ затѣмъ Понятовскій поспѣшно отступилъ по направленію къ Заславлю. Уронъ, понесенный въ этой битвѣ русскими, далъ полякамъ право огласить битву подъ Зеленцами блистательною побѣдою надъ москалями. Въ литовскомъ войскѣ, въ Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ, по этому поводу пѣли «Те Деумъ», стрѣляли на радостяхъ изъ пушекъ. Вѣсти о побѣдѣ, переходя изъ устъ въ уста, принимали чудовищные размѣры. Въ Варшавѣ говорили, что польскія войска уже завоевали Кіевъ, а нѣкоторые въ порывахъ патріотической фантазіи ожидали даже, что скоро побѣдоноенное польское войско возьметъ Петербургъ. Въ «Народовой газетѣ», органѣ партіи 3-го мая, потери русскихъ возвысились до 4,000 человекъ; по донесенію генерала Маркова онъ потерялъ не болѣе 730 человекъ. Въ то время, когда вдаль отъ театра войны восхищались успѣхами польскаго войска, въ самомъ этомъ войскѣ отвага падала, распространялось уныніе. Съ самаго начала кампаніи каждый день обманывали войско, твердили, что не сегодня-завтра придетъ въ войско самъ король; но дни проходили; курьеры каждый день, иногда по два раза въ день, бѣжали изъ лагеря въ Варшаву, изъ Варшавы въ лагерь, содержаніе депешъ составляло тайну,

но всѣмъ стало ясно, что короля не дождаться, и съ каждымъ днемъ увеличивалось число такихъ, которые убѣждались, что кровь льется напрасно, что Польша не сладитъ съ Россією и чѣмъ поляки будутъ упорнѣе, тѣмъ для нихъ дѣло кончится хуже.

Понятовскій выступилъ изъ Заславля въ Острогъ. Любомирскій, не ладившій съ Понятовскимъ, шелъ съ своимъ отрядомъ особою дорогою на Куневъ. 9 (20) іюня Коховскій занялъ Заславль. Пріѣхавшій съ нимъ гетманъ Браницкій устроилъ тамъ великолѣпный балъ, въ знакъ радости объ успѣхахъ въ дѣлѣ возвращенія старинной польской свободы. Но русскіе офицеры, которымъ втайнѣ претило въ конфедератахъ то, что они призвали на свое отечество и на своего короля чужія силы, подсмѣивались надъ нимъ и говорили: «пану Браницкому танцовать хочется. Если бы я былъ паномъ Браницкимъ, я бы отрезалъ и отъ баловъ и отъ танцовъ, ѣсть-пить бы омерзѣло.»

Изъ Острога Понятовскій послалъ къ Коховскому курьера съ письмомъ, и просилъ четырехнедѣльнаго перемирія. Это онъ сдѣлалъ по предписанію короля, который въ это время хотѣлъ объясниться съ Екатериною. Коховскій отвѣчалъ ему такимъ письмомъ: «Никто болѣе меня не желаетъ окончанія войны, но я не уполномоченъ приостановить ее, и буду продолжать военные дѣйствія до тѣхъ поръ, пока въ Польшѣ будетъ находиться какое бы то ни было войско, и какая бы то ни была партія, не желающая добровольно принять великодушныя мѣры ея величества моей государыни, соединившейся со всѣми истинными польскими патріотами съ цѣлью возвратитъ польской Рѣчи-Посполитой спокойствіе, нарушенное беззаконною конституціею 3-го мая. Отъ вашей княжеской свѣтлости и отъ состоящихъ подъ вашею командою зависитъ принять этотъ здравый совѣтъ, я же несказанно былъ бы радъ, если бы вашу княжескую свѣтлость могъ считать въ числѣ умѣющихъ уважать благодѣтельные замыслы моей государыни: или приступитъ къ конфедераціи, или положить оружіе—другихъ средствъ въ превращенію кровопролитія нѣтъ. Я бы желалъ удержаться отъ дальнѣйшихъ маршей, но теперь предупреждаю вашу княжескую свѣтлость, что войска ея императорскаго величества будутъ слѣдовать далѣе тремя колоннами.»

Вслѣдъ затѣмъ, исполняя данное слово, Коховскій двинулся къ Острогу 14 (25) іюня, и прибылъ туда вечеромъ въ тотъ же день. Русскій военачальникъ намѣревался занять поляковъ канонадою, а тѣмъ временемъ приказалъ генералу Дунину и Леванидову перейти рѣку Горынь и беспокоить ихъ съ другой сторо-

ны. Канонада прекратилась съ наступленіемъ ночи и возобновилась на другой день. Поляки сначала думали здѣсь защищаться, мѣсто было для нихъ хорошее: они заняли возвышенности, а внизу были болота; но рѣшившись на это, генералы не сообразили, что у нихъ мало пороха, оставалось не болѣе 18 зарядовъ на каждое орудіе, притомъ съ ихъ четырьмя двѣнадцати-фунтовыми и двадцатью восемью шести-фунтовыми пушками неудобно было мѣяться съ русской артиллеріей, гдѣ было, какъ говорятъ, до 120 орудій большого калибра. По извѣстію генерала Заюнчева, у поляковъ могло быть пятьдесятъ двѣнадцати-фунтовыхъ орудій, но предводитель не взялъ ихъ съ собою, по высокимъ соображеніямъ, не доступнымъ для простаго смысла. Вдобавокъ ихъ страшило появленіе непріятельскихъ отрядовъ въ тылу. Итакъ, Понятовскій поспѣшно снялся и удалился.

Уже ропотъ польскаго войска доходилъ до высшей степени. Генералы успокоивали жолнѣрство и говорили: «вотъ дойдемъ до Дубно, тамъ найдемъ хорошее помѣщеніе, вкусную пищу, свѣжее войско, и самъ король придетъ къ намъ». Но ничего подобнаго не нашли поляки въ Дубно. Первая злость ихъ изливалась на Любомирскаго, владѣльца Дубно, который не приготовилъ никакихъ удобствъ для войска. Около самого Понятовскаго поднялись такіе толки: «за что мы воюемъ? Это война Потоцкихъ. На одной сторонѣ Щенскій Потоцкій, а на другой Игнатій Потоцкій, и мы за Игнатія терпимъ и умираемъ. Спротивляться такой силѣ величайшая глупость, надобно повориться. Екатерина одолеваетъ; уступимъ лучше ей, пусть будетъ такъ, какъ ей угодно». Понятовскій не въ силахъ былъ удержать негодованія. Теперь уже безсильны и невозможны были строгія мѣры, и неумѣстенъ оказался деспотическій тонъ по службѣ, какой принималъ на себя въ началѣ предводитель. Самъ онъ получалъ отъ короля тревожныя письма. Король, какъ сообщаетъ знавшій дѣло Булгаковъ, тайно приказывалъ Понятовскому избѣгать сраженій и не раздражать черезчуръ русскихъ. Приказаніе за приказаніемъ шло, чтобы онъ отступилъ во внутрь Польши. Понятовскій колебался и поступалъ такъ, что никому не угодилъ; недовольны имъ были рьяные патріоты за то, что онъ уходилъ, недовольны были русскіе и конфедераты, зачѣмъ онъ не приступаетъ къ конфедераціи и защищаетъ конституцію.

Въ край, гдѣ происходила война, народъ оказывалъ полное сочувствіе къ русскимъ и смотрѣлъ на нихъ какъ на освободителей. Иосифъ Понятовскій доносилъ королю, какъ видно изъ писемъ самого короля, что украинскіе хлопы доставляли москалямъ свѣжіе припасы и очевидно показывали расположеніе къ

Москвѣ¹⁾ Костюшко жаловался, что въ этихъ русскихъ земляхъ нельзя было найти лазутчиковъ, чтобы вывѣдать о состояніи непріятельскаго войска, шедшаго среди громады народа, принадлежавшаго польскому государству; напротивъ, непріятель могъ повсюду имѣть вѣрныхъ агентовъ. Костюшко въ этомъ случаѣ буквально повторилъ то, что говорили во время Хмельницкаго Николай Потоцкій и Адамъ Кисель. Бѣльзская гражданско-военная коммиссія отъ 16-го іюня доносила правительству, что хлопы готовы подняться, скизма грозитъ овладѣть краемъ, и просила не выводить изъ подвѣдомаго ей края войскъ, иначе русское посольство въ одинъ день перерѣжетъ всѣхъ католиковъ. «Если,—писала она,—войско нужно въ битвѣ, то оно еще нужне для внутренней безопасности и охраненія жизни и имущества шляхетства». Заіончевъ въ своихъ запискахъ жалѣеть, что поляки тогда не опустошили русскаго края, подобно тому, какъ поступали когда-то ихъ предки.

Войсковая коммиссія составлена была, какъ говорили, изъ людей мало опытныхъ. Обмундированіе войска лежало на попеченіи главнаго комиссаріата, подъ вѣдѣніемъ котораго находились полевые комиссаріаты при трехъ корпусахъ. Недостатокъ одежды и обуви былъ чрезвычайный. Поляки шли всѣ оборванные, и самъ Костюшко принималъ какъ дорогой подарокъ отъ пана Лубенскаго пару сапоговъ. Свезенные въ разные пункты запасы доставались непріятелю. За порохомъ послали курьера въ Варшаву, прося прислать эту необходимость по почтѣ. Въ ожиданіи пороха по почтѣ поляки вышли изъ Дубно по направленію къ Владимиру. Любомирскій шелъ отдѣльно на Вербу. Соперники не хотѣли идти вмѣстѣ и подвергались черезъ это усиленію опасностей, особенно Любомирскій, котораго отрядъ былъ слабѣе. Эта черта, столь обычная въ польской исторіи, много разъ повторявшаяся къ ущербу націи, показывала, какъ вѣрно поляки держались обычаявъ отцовъ своихъ. Тогда одинъ изъ генераловъ, Рудницкій, оставилъ армію, перешелъ къ русскимъ, призналъ торговицкую конфедерацію и назначенъ былъ генераломъ сформированныхъ польскихъ войскъ конфедераціи. Его имя было повѣшено на висѣлицѣ, за невозможностью повѣсить его особу. Достоинно замѣчанія извѣстіе «Народовой газеты», что Понятовскій хотѣлъ-было скрыть этотъ преступный поступокъ и публиковать, что Рудницкій погибъ въ битвѣ, какъ честный воинъ, но его преступленіе разнеслось уже достаточно. Изъ этого на-

¹⁾ Cała Ukraina żywi, tuczy moskalów i przez żywność świętą, y przez oszywistą przychylność chłopów tamesanych do Moskwy.

никогда извѣстія можно сдѣлать заключеніе, какъ мало слѣдуетъ вѣрить подлиннымъ извѣстіямъ поляковъ вообще о своихъ дѣлахъ, когда они даже не запирались, что считали позволительнымъ публиковать невѣрные извѣстія.

Коховскій опять послѣдовалъ за поляками, и ^{26 іюня}_{7 іюля} дошелъ до Владимира. Поляки уходили за Бугъ, но Понятовскій ушелъ впередъ, а Любомирскій слѣдовалъ позади его своею дорогою. Говорятъ, что Понятовскій, ссорясь съ Любомирскимъ, не далъ ему знать о приближеніи русскихъ. Русскіе нагнали послѣдняго и онъ насилу убѣжалъ въ лѣсъ, потерявъ до двухъ-сотъ человекъ и оставивъ въ рукахъ непріятеля свою воинскую кассу (до 40,000 р.). Этимъ дѣломъ Любомирскій окончилъ свое поприще и уѣхалъ въ Варшаву.

Поляки перешли за Бугъ и намѣревались защищать линію этой рѣки, оставивъ такимъ образомъ за русскими всю южно-русскую землю, и ограничиваясь своею собственною польскою землею. Коховскій на этотъ разъ не спѣшилъ за ними и остановился во Владимирѣ, чтобы дать увѣряться провинціальной волынской конфедераціи, которая основалась въ Луцкѣ: ея маршаломъ былъ Пулавскій, братъ того, который во время барской конфедераціи такъ отличался непріязнію къ Россіи. Не ранѣе, какъ 3 (14) іюля н. ст. вышелъ Коховскій изъ Владимира, и 6 (17) іюля послѣ обѣда достигъ Буга, у Кладнева. Отряды подъ начальствомъ Тормасова и Леванидова отправлены были правѣе, одинъ къ Турчанамъ, другой къ Любомлю, чтобы перейти Бугъ въ разныхъ мѣстахъ и охватить польскую армію. Поляки стояли станомъ у Дубенки; чтобы воспрепятствовать русскимъ переходу Бугъ, они сожгли паромы и набросали въ воду острозубчатыхъ боронъ, для порчи лошадамъ ногъ. Потомъ они расположились по теченію Буга отъ австрійской границы при деревнѣ Волѣ до Влодавы: на протяженіи отъ Воли до Дубенки стоялъ Костюшко, отъ Дубенки до Свѣржова — Понятовскій, отъ Свѣржова до Влодавы — Вьельгорскій.

Русскіе нашли два паромы, неуспѣвшіе сгорѣть, потому что были зажжены неудачно, и на нихъ переправили часть своего войска. Перешедшіе на другой берегъ подъ польскими выстрѣлами, построили понтоны и по нимъ все войско благополучно перебралось на лѣвый берегъ Буга.

Позиція Костюшки между деревнями Волею и Уханкою, примыкала правою стороною къ Волѣ, за которою была австрійская граница, а лѣвою къ утесистому берегу Буга. Впереди сдѣланы были батареи. За его станомъ былъ лѣсъ. По сказаніямъ поляковъ, у него было всего 5,000, по извѣстію рус-

скихъ — 10,000. Последнее извѣстiе слѣдуетъ признать болѣе вѣроятнымъ, потому что вообще польскiя донесенiя того времени не отличаются вѣрностiю, въ чемъ, какъ мы видѣли, поляки сами сознавались.

У Коховскаго было въ дѣлѣ 19,000. Расположивъ свое войско тремя частями, такъ, что они охватывали всю переднюю линiю непрiятельскаго войска, военачальникъ вывелъ впереди батареи, открылъ сильный огонь и въ то же время отрядилъ разомъ на правое и на лѣвое крыло польской армiи отряды. На первомъ изъ нихъ отличился храбростiю полковникъ Елисаветградскаго конно-егерскаго полка Пальмбахъ, на другой полковникъ Фанагорiйскаго — Золотухинъ, и оба пали въ битвѣ. Потерявши своего полковаго командира конные егера смѣшались, потерпѣли потери и это внослѣдствiи подало поводъ полякамъ считать эту битву для себя побѣдою. Но минутная неудача русскихъ была скоро заглажена. Русскiе побрали на всѣхъ пунктахъ непрiятельскiя батареи и, послѣ пяти-часовой битвы, разстроенное польское войско бѣжало въ лѣсъ въ безпорядкѣ. Костюшко, опомнившись версть за двадцать, увидалъ около себя изъ всей своей армiи только два батальона и одинъ егерскiй полкъ, и думалъ, что остальные всѣ перебиты; но скоро они сошлись. По извѣстiямъ самого Костюшки, русскихъ убито до 4,000, а поляковъ до 900. Заюнчекъ уменьшилъ число убитыхъ москалей до 2,000, а поляковъ до 98 солдатъ и 10 офицеровъ. Само собою разумѣется, если бы извѣстiя поляковъ имѣли бы хотя тѣнь справедливости, сраженiе не окончилось бы ихъ бѣгствомъ въ лѣсъ.

Это было послѣднее сраженiе Коховскаго съ польскою армiею. Последняя отступила въ Люблину. Коховскiй слѣдовалъ за нею уже безъ битвъ и вступилъ въ Люблинъ 14 (25) iюля, а Леванидова послалъ къ Бресту, для соединенiя съ русскою армiею, дѣйствовавшею въ Литвѣ.

Въ Литвѣ успѣхи русскихъ были еще быстрѣе, чѣмъ въ Украинѣ. Генералы Долгорузiй, Коссаковскiй и Денисовъ достигли ^{31 мая} безотпорно до Вильны. Въ городѣ былъ отрядъ охотниковъ, недавно поступившихъ; они не защищали города. Приверженцы конституцiи 3-го мая бѣжали или въ Варшаву, или въ Пруссiю. Было объявлено заранѣе дозволенiе тѣмъ, кто не хотѣлъ отречься отъ конституцiи 3-го мая, оставить городъ. Двѣсти восемьдесятъ дворянъ, жившихъ въ Польшѣ, успѣшили заявить о своей преданности и готовности покориться конфедераци, которую началъ составлять Коссаковскiй. Самъ Коссаковскiй, будучи русскимъ генераломъ, былъ нареченъ польнымъ ли-

товскимъ гетманомъ. Маршаломъ конфедераціи былъ назначенъ старый князь Александръ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, а помощникомъ его ловчій велик. кн. Литовскаго Іосифъ Забѣлло; назначены совѣтники по воеводствамъ и повѣтамъ ¹⁾. Не всѣ были на лицо и потому опредѣлено было замѣстить другими тѣхъ изъ нихъ, которые бы не могли явиться. Это обстоятельство даетъ вѣроятіе извѣстію, сообщаемому сторонниками конституціи 3-го мая, что сообщники Коссаковскихъ, кружокъ, составленный большею частію изъ ихъ родственниковъ и кліентовъ, написали въ своемъ актѣ имена такихъ особъ, какихъ не было тогда не только въ Вильнѣ, но даже и въ Литвѣ. Такъ и самъ король въ своихъ письмахъ извѣщалъ, что нѣкоторые, записанные въ литовскую конфедерацію, находились тогда около него въ Варшавѣ и не подавали никакого желанія быть тамъ помѣщенными. Впрочемъ, по извѣстіямъ Кречетникова, до тысячи собравшихся изъ повѣтовъ дворянъ подписали свои имена.

14 (25) іюня прибылъ самъ Кречетниковъ и отправлено торжественное объявленіе новой конфедераціи. Епископъ Коссаковский, братъ новонареченнаго гетмана, служилъ обѣдную у св. Яна; народъ сошелся туда большою толпою; кто и не хотѣлъ—все-таки долженъ былъ идти: боялись русскихъ солдатъ и казаковъ. Впрочемъ, большинству, составленному изъ людей убогихъ и незнатныхъ, было все равно, что бы ни происходило въ

¹⁾ Значатся совѣтниками: изъ виленаго воеводства Іосифъ Коссаковский и князь Гердойцъ; изъ повѣта Ошмянскаго Іосифъ Важинскій подкоморій, и Игнатій Хомицскій, судья ошмянскій; изъ лидскаго: Игнатій Тизенгаузъ, полоцкій староста, и Теодоръ Нарбутъ, хорунжій лидскій; изъ повѣта вилькомирскаго: Бенедиктъ Морикони, писарь велик. кн. Литовскаго, и подкоморій Игнатій Коспалковский; изъ браславскаго: Янъ Рудвицкій и графъ Станиславъ Мавуци; изъ воеводства Троцкаго: Антоній Ромеръ, подвоевода, и Игнатій Сивецкій, бывший посолъ; изъ воеводства гродненскаго: князь Радзивиллъ, воеводичъ, и Март. Данкевичъ, скарбникъ; изъ повѣта ковенскаго: Михаилъ Коссаковский, подкоморій, и Іосифъ Милошъ; изъ унитскаго: Михаилъ Страшевчъ, маршалъ унитскаго повѣта, и Іосифъ Коссаковский; изъ княжества жудскаго: Іосифъ Забѣлло (онъ же помощникъ) и Мих. Гелгудъ, писарь польскій литовскій, Лауданскій, Феликсъ Ренни, Вилевчъ, Бялосоръ; изъ воеводства смоленскаго: Ант. Храповицкій и Іосифъ Швейковскій; изъ повѣта стародубскаго: Баттингъ и Кануть Романовичъ; изъ Слонимскаго: Маковецкій, маршалъ слонимскій и князь Сапѣга (сынъ канцлера); изъ повѣта Волковискаго: Зыневъ и Забѣлло: изъ воеводства минскаго: Ванковичъ и Павликовскій, бывшіе послы; изъ повѣта оршанскаго: Іозефовичъ и Штейнъ; изъ Мозырскаго: Еленскій и Осерко, стражникъ литовскій; изъ новгородскаго воеводства: Ант. Радзивиллъ и Рейтанъ, бывший посолъ; изъ воеводства Полоцкаго: Шиника и Сварскій; изъ княжества янфлантскаго: Буржисскій, староста браславскій, Кнур. Загорскій, Іеронимъ Швейковскій, Ант. Домейко, Родевичъ и подстолицъ Коссаковский.

ихъ отечествѣ. до тѣхъ поръ, пока они не ощущали неприятностей на собственной шкурѣ. Такимъ образомъ, городскіе цехи съ хоругвями и бубнами шли торжественной процессіей; монахи всѣхъ орденовъ, академики въ своихъ тогахъ собрались въ костель такимъ же порядкомъ, какъ и прежде собирались на торжества въ память 3-го мая. Послѣ обѣдни епископъ прочиталъ актъ конфедерации. Онъ былъ написанъ гораздо короче, чѣмъ актъ коронной конфедерации въ Тарговицѣ. Богослуженіе окончилось торжественнымъ «Te Deum», при громѣ русскихъ орудій. Народу устроили обѣдъ, гдѣ было изобиліе жареной говядины и пива. На третій день послѣ этого, назначенный маршаломъ провинціальной виленской конфедерации, Игнатій Швыковский выдалъ замѣчательный манифестъ, гдѣ въ рѣзкихъ чертахъ порицались дѣйствія противной партіи. «Паны сторонники этой партіи» (было тамъ сказано) «разобрали себѣ публичные должности; изъ городскихъ казначействъ назначили себѣ пенсіи, торговали мѣстами, захватили сенаторскія и министерскія должности, произвели себя въ военные чины, сочинили новые, чтобы доставать по нимъ пенсіи, оскорбляли короля своими выходами, что видно изъ сеймовыхъ дневниковъ, разсѣявали печатные пасквили, допускали въ псевдо-народныхъ газетахъ оскорбленія религіи, свободы и обычаевъ: столица разливала по всей странѣ ядъ, чтобы все извратить, разложить, уничтожить. Священнику этой партіи велѣно было не знать надъ собою духовнаго начальства, вмѣшиваться въ политическія смятенія; съ того мѣста, откуда излагалось ученіе евангелія въ духѣ кротости, проповѣдывались убійства и жестокости, выставлялись языческіе философы образцами подражанія и искоренялось у правовѣрныхъ уваженіе къ религіи и пастырямъ церкви. Нашъ пастырь, епископъ Масальскій, испыталъ въ самой своей резиденціи оскорбленія и угрозы, а разѣзжая по своей епархіи, въ мѣстечкѣ Кальваріи подвергся задержанію и неприличному обращенію отъ муниципальной сволочи. Въ школахъ велѣно было внушать юношеству мнѣнія и убѣжденія, противныя закону; велѣно было полиціи въ городахъ и мѣстечкахъ для шпіонства вторгаться въ шляхетскіе дома, вскрывать письма, раздавать знаки, съ надписью: *шея или конституція*. У старосты опекаго, графа Мануцци, въ Вильнѣ, ограбили лошадей, бумаги, серебро, отобрали прислугу безъ всякаго слѣдствія; вольно было на публичныхъ обѣдахъ составлять заговоры, назначать людей для совершенія тайныхъ убійствъ и собирать «офяры» (пожертвованія) на награду убійцамъ. Конфедерация объявляла, что она желаетъ умноженія военной силы, порядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненія рес-

публиканскаго правленія. «Насъ обвиняють, говорится въ этомъ актѣ, что мы призываемъ чужую помощь, допускаемъ чуждой монархіи писать намъ законы, и черезъ то попадемъ въ зависимость, потеряемъ свободу. О! если бы уста, такъ говоряція, никогда не противорѣчили себѣ, — не навлекли бы мы на себя этого несчастія, не нуждались бы въ помощи, подобно французскому дворянству, котораго устрашаютъ преслѣдованія и убійства, тогда бы мы лучше сьумѣли уважать свою независимость и свободу».

Генераль Хрущовъ занялъ Ковно и тамъ открылъ конфедерацію. Мѣщанство этого города отличилось тѣмъ, что добровольно учинило присягу на подданство императрицѣ. Двѣсти мѣщанъ подписались на присяжномъ листѣ, но главнокомандующій отправилъ къ ковенскому магистрату свѣдѣніе, что государыня не принимаетъ себѣ присяги отъ польскихъ городовъ, а великодушно и безкорыстно покровительствуя республикѣ, хочетъ только возвратить ей права.

Въ то время, когда Коссаковскій, Денисовъ и Кречетниковъ заняли Вильну, а Хрущовъ Ковно, командиръ другого русскаго корпуса, графъ Меллинь, безъ боя достигъ до Минска, занялъ городъ, и потребовалъ отъ города и отъ всего воеводства поворности Россіи. Предводитель польскаго войска, Юдицкій, думалъ защищать переправу черезъ Нѣманъ и сталъ сначала у Свѣржова, но черезъ нѣсколько дней нашелъ свою позицію неудобною, и перешелъ къ Миру. Высланный изъ обоза, находившійся въ войскѣ Станиславъ Потоцкій (бывшій люблинскій полковникъ), взявши отрядъ, отправился для узнанія о непріятелѣ и послалъ къ военачальнику курьера, побуждая его напасть на русскихъ какъ можно скорѣе, и увѣрялъ, что у русскихъ въ войскѣ безпорядокъ. Но прежде, чѣмъ Юдицкій сдвинулся съ мѣста, русскіе прогнали Станислава Потоцкаго, и вслѣдъ за нимъ явился передъ польскимъ войскомъ. 11-го іюня Юдицкій, какъ сказано, человекъ неспособный и неопытный, растянулъ свое войско въ одну линію, не обезпечивъ боковъ и тыла. Генераль Меллинь открылъ канонаду. По свидѣтельству очевидца (польскаго генерала Сулковскаго), послѣ третьяго пушечнаго выстрѣла вся польская кавалерія обратилась въ бѣгство, а какъ вслѣдъ затѣмъ русскіе заняли возвышенность, которую Юдицкій безразсудно оставилъ впереди своего войска, и ударили изъ 80-ти орудій — все польское войско пошло въ разсыпную. «Такого страшнаго огня мы отродясь не видавали», говорили поляки.

Тѣмъ не менѣе въ Польшѣ и это дѣло въ «Народовой га-

зетѣ» оглашено побѣдою поляковъ надъ москалями. Разбитое войско отступило къ Гродно и генераль Юдицкій окончилъ свое военное поприще. Его смѣнили. Въмѣсто него назначили главнокомандующимъ литовскаго войска Михаила Забѣлло.

Генераль Меллинъ послѣ побѣды подѣ Миромъ прибылъ въ Новогородекъ, занялъ этотъ городъ 20-го іюня (2 іюля н. ст.) и разослалъ приказъ ко всѣмъ обывателямъ новгородскаго воеводства, назначая имъ двухъ-недѣльный срокъ, въ который они должны были явиться въ Новогородекъ и заявить покорность волѣ всемилостивѣйшей російской императрицы, которая, какъ сказано было въ привязѣ, изъ состраданія къ упадающему польскому народу послала свои войска не для разоренія края, а для спасенія погибающей свободы и оказанія помощи тѣмъ, кто прибѣгнетъ къ ея высокому покровительству. «Я совѣтую и прошу, писалъ графъ Меллинъ, всѣхъ обывателей, желающихъ сохранить жизнь, имущество и свободу, пожаловать въ Новогородекъ къ назначенному сроку, не подвергаясь поступленію съ собою, какъ съ врагами отечества». Этотъ приказъ, подѣ страхомъ жестокаго наказанія, велѣно было ксендзамъ и русскимъ священникамъ читать въ храмахъ съ амвона.

Назадъ тому двѣнадцать дней, 8-го іюня, въ томъ же Новогородкѣ съѣзжались дворяне новгородскаго воеводства, и составили актъ, подписанный сто семидесятью особами, гдѣ обѣщали стоять за конституцію 3-го мая. «А если бы насиліе чужого оружія — сказано было въ этомъ актѣ — или внутренней измѣны, подкрѣпленной чужими, вынудило у какого-нибудь обывателя какое-нибудь отреченіе или поступокъ, противный настоящему заявленію и конституціи 3-го мая 1791 года, все это, какъ дѣло насилія и принужденія, не должно имѣть силы въ глазахъ отечества и свѣта». Теперь литовскіе дворяне спѣшили, кто въ Вильну, кто въ Новогородекъ, ради спасенія своихъ имѣній заявлять покорность русской государынѣ, а между тѣмъ въ Гродно, гдѣ была тогда главная квартира литовской арміи, подѣ ея прикрытіемъ собрались друзья конституціи 3-го мая, и 19-го іюня составили актъ, написанный вычурнымъ слогомъ, гдѣ жаловались на русское войско, которое приневоливало обывателей подписывать конфедерацію; они протестовали предѣ Богомъ, мстителемъ несправедливости, передъ народами, государствами и правителями, чтобы всѣ знали, какъ имъ больно разставаться съ конституціею 3-го мая. Въ этомъ актѣ, какъ и въ новгородскомъ, сказано было: «А если бы когда-нибудь, отъ кого-нибудь насиліемъ чужого оружія или внутренней измѣны, подкрѣпленной чужими, вынудили какое-нибудь отреченіе, или какой-ни-

будь поступокъ, противный настоящему заявленію и конституціи, то все это, какъ дѣло насилія и принужденія, не должно имѣть силы въ очахъ отечества и свѣта». Такъ поляки приготовляли себѣ лазейки на будущія времена; можно было, склоняясь передъ насиліемъ, давать обѣщанія и присяги, а потомъ говорить, что это дѣлалось по принужденію и оправдывать нарушеніе присяги. Упрямыхъ хватали и привозили насильно; впрочемъ, враждебныя Россіи тогдашнія извѣстія единогласно говорятъ, что русскіе обращались кротко, вѣжливо и справедливо. За то свои поляки, приставшіе къ конфедерации, позволяли себѣ грубости и даже безчеловѣчныя варварства. Такимъ показалъ себя нѣкто Пршисецкій; два года назадъ онъ судился въ люблинскомъ трибуналѣ и едва ушелъ отъ казни; теперь, назвавшись маршаломъ конфедерации, онъ наѣзжалъ на дворы обывателей, которые показывали себя приверженцами конституціи, и производилъ грабежи. Графъ Мануцци, надъ которымъ за недоброжелательство къ конституціи издѣвались виленскіе мѣщане, выпекалъ глаза мѣщанамъ принадлежавшаго ему мѣстечка за то, что тѣ, опираясь на права, предоставленныя мѣщанскому званію конституціею 3-го мая, подали на него жалобу за причиняемыя отъ него утѣсненія. Въ памятникахъ того времени осталось очень характерное письмо какого-то Янутовича изъ Клосова къ Северину Ржевускому. Укоряя его за произведенную въ государствѣ смуту, онъ такъ описываетъ свое положеніе: «сожгли мой домикъ, мои амбары, забрали во дворѣ и въ деревнѣ птицу и скотъ, потравили луга и нивы, а меня самого казаки связали, привезли въ Вильну и тамъ меня розгами принудили подписывать реконфедерацию и отреченіе отъ конституціи 3-го мая, которой я присягнулъ добровольно. Моя невѣстка со страха выкинула и умерла, а сынъ мой, ея мужъ, убитъ на службѣ въ литовскомъ войскѣ. Уже вотъ три раза терпитъ мой фольваркъ; первый разъ при Лещинскомъ, другой во время конфедерации при нынѣшнемъ королѣ, а теперь въ третій разъ, я потерялъ болѣе, чѣмъ на 30,000 злотыхъ. Бѣда намъ, убогой шляхтѣ, но бѣда и вамъ, великіе паны! Кровь наша и слезы наши предстанутъ предъ лицомъ Божиимъ и мщеніе небесное падетъ на головы ваши и дѣтей вашихъ. Не стану входить съ вами въ разсужденія: сами знаете, что дурно дѣлаете. *Польша никогда войдетъ въ вѣчное соединеніе съ Россіею, выгодное обоимъ народамъ, и тогда вы будете презираемы, а намъ воздадутъ честь за доблесть нашу*».

Когда Коссаковскій занялъ Вильну, а Меллинъ Новогородекъ, Ферзенъ подступилъ къ Несвижу. Замокъ несвижскій распо-

женъ на удобномъ къ защитѣ мѣстѣ; съ двухъ сторонъ его окружалъ большой прудъ, съ третьей болото; отъ мѣстечка отдѣлялся онъ ровомъ, окруженнымъ палисадомъ, имѣлъ хорошій запасъ оружія, сорокъ девять пушекъ, гарнизонъ изъ восьмисотъ человѣкъ и много пороху. Комендантомъ былъ нѣкто Дедерко. Ферзенъ подошелъ къ Несвижу вечеромъ 17-го іюня, на другой день хотѣлъ-было спустить воду изъ пруда, но это оказалось неудобно. 19-го іюня онъ устроилъ батарею у несвижскаго востела, находящагося въ мѣстечкѣ противъ воротъ замка, и за первыми выстрѣлами Дедерко выкинулъ бѣлое знамя. Русскіе вошли въ замокъ, въ обширныхъ залахъ радзивилловскаго дворца обезоружили всѣхъ, составлявшихъ гарнизонъ, и отпустили на всѣ четыре стороны, взявъ съ нихъ обязательство не воевать противъ русскихъ. Поляки, давши слово, послѣжили въ полки, въ надеждѣ бить москалей. Дедерко прибылъ въ Гродно. Забѣлло хотѣлъ-было судить его, но получилъ изъ Варшавы приказаніе оставить всякое преслѣдованіе.

Изъ Несвижа Ферзенъ двинулся на Слонимъ и занялъ этотъ городъ 14 (24) іюня безъ сопротивленія, и нѣсколько дней русскіе веселились; балы, праздники, обѣды давались друзьями конфедераціи.

Между тѣмъ Долгорукій двинулся къ Гродно; Кречетниковъ далъ приказаніе обоимъ отрядамъ, Ферзена и Меллина, соединившись, тѣснить литовцевъ за Бугъ.

Новый предводитель литовской арміи, Забѣлло, раздѣлилъ свою армію на три части: оставилъ часть въ Гродно, другую послалъ къ Новогрудку, а третью самъ повелъ противъ Ферзена. Планъ этотъ, самъ по себѣ неумѣстный при слабыхъ силахъ литовскаго военачальника, совершенно ему не удался. Поляки сознаются, что имъ здѣсь, какъ и въ украинскихъ провинціяхъ, трудно было имѣть шпионовъ и добывать вѣрныя вѣсти о движеніяхъ непріятельской арміи, тогда какъ, по выраженію одного изъ ихъ историковъ, Сулковскаго, вся окрестность была наполнена московскими шпионами изъ русиновъ, служившими шпионами русскимъ, и вообще въ народонаселеніи этого края было очень мало желанія защищать Польшу. Это приписывали сильному вліянію Щенснаго Потоцкаго; у него были тамъ имѣнія, и какъ сильный магнатъ, онъ имѣлъ громадное вліяніе на весь прилежащій край; такъ какъ въ Польшѣ шляхта издавна привыкла идти за тѣми знатными панами, которые были къ ней ближе, держали ее въ рукахъ своей силой и богатствами. Поссессоры и чиншовники Потоцкаго, когда ихъ призывали къ вое-

федерациі, были безъ дальнихъ разсужденій за то, за что были ихъ патронъ.

Командовавшій передовымъ отрядомъ литовской арміи майоръ Ведельштедтъ хотѣлъ было беречь переправу черезъ рѣку Зельву, но былъ опрокинутъ и примкнулъ къ Забѣлло, стоявшему подъ мѣстечкомъ Изабелинымъ. 25-го іюня (6-го іюля), Забѣлло уходилъ черезъ лѣсъ, Ферзенъ и Меллинь его преслѣдовали, а между тѣмъ Долгорукій занялъ Гродно и, не останавливаясь въ немъ, выступилъ къ Крынкамъ по направленію къ югу, чтобъ перерѣзать путь литовскому войску. «Ужъ видно свыше такъ было опредѣлено, чтобы на насъ сыпались несчастья, говоритъ описывающій эти событія Сулковскій. Двѣ недѣли сряду была непогода, а тутъ наступила гроза съ проливнымъ дождемъ. Глинистые вогоры стали недоступными для артиллеріи. Войско шло по колѣни въ грязи, узкая дорога была завалена дохлыми лошадьми и опрокинутыми возами, отголоски встрѣловъ изъ непріятельскихъ карабиновъ соединались съ шумомъ ночной грозы; въ дополненіе беспорядка, наша артиллерія была въ полнѣйшемъ разстройствѣ, и жолнѣры, будучи не въ состояніи идти по дорогѣ, пустились черезъ лѣсъ безъ команды. Счастье наше, что москали, по своему обычаю, пропустили лучшее время уничтожить, по крайней-мѣрѣ, половину нашей арміи». Поляки приписывали это, между прочимъ, несогласіямъ, которыя были между предводителями русской арміи, Ферзеномъ и Меллинымъ.

Забѣлло послалъ отрядъ на Мстибову, чтобы занять Долгорукаго, а самъ усиленнымъ маршемъ спѣшилъ далѣе на западъ; потерпѣвши отъ грязи и непогоды, его войско стало терпѣть отъ зноя и жажды до того, что многіе приставали, а иные даже умирали. Польское военное начальство не подумало сдѣлать запаса воды на сутки. 2-го (13) іюля поляки дошли до города Бѣльска. Здѣсь предводитель раздѣлил свое войско: одну часть, подъ предводительствомъ своего родственника Шимона Забѣлло, отправилъ къ Бресту-Литовскому, а самъ съ другою 7-го (19-го) іюня сталъ на Бугѣ, у села Гранно.

Въ то же время и въ русской арміи было сдѣлано раздѣленіе силъ. Ферзенъ получилъ приказъ идти къ Бресту и прикрывать генеральную конфедерацию, которая туда переходила, а Долгорукій и Меллинь пошли на главныя литовскія силы. Забѣлло принялъ возможные мѣры не пускать русскихъ черезъ Бугъ.

13-го (24-го) іюля русскіе открыли битву. Поляки рассказываютъ, что здѣсь они показали чудеса храбрости. Рассказы

эти и преувеличены и подозрительны, — во всякомъ случаѣ храбрость ихъ не имѣла никакихъ послѣдствій. Князь Долгорукий, перейдя черезъ Бугъ съ четырьмя тысячами, сталъ облодывать ихъ правое крыло, а Забѣлло, сообразивъ, что цѣль сраженія — оборона переправы — не достигается, ушелъ поскорѣе къ Венгрову. Тутъ пришло къ нему извѣстие изъ Варшавы о перемиріи; онъ отправилъ къ русскому военачальнику письмо и получилъ отъ него отвѣтъ, что ему не мѣшаютъ идти къ Варшавѣ, а въ противномъ случаѣ будутъ дѣйствовать оружіемъ. Черезъ нѣсколько времени къ нему прислано было предложеніе отъ гегмана Коссаковского вступить съ нимъ въ разговоръ. Вечеромъ произошло свиданіе враговъ. Коссаковский показалъ ему письмо короля, гдѣ онъ просилъ Забѣлло, какъ можно скорѣе, во что бы то ни стало, слѣзть къ Варшавѣ, и прибыть туда не позже 1-го августа.

VII.

Финансовыя затрудненія. — Неудачное посольство Игнатія Потоцкаго. — Переговоры съ Булгаковымъ. — Письмо къ Екатеринѣ. — Отвѣтъ ея. — Король приступаетъ къ конфедераціи. — Бѣгство патриотовъ. — Впечатлѣніе событій¹⁾.

Въ то время, какъ польскія войска такъ неблистательно защищали падающее бытіе Рѣчи-Посполитой, король, получивъ отъ сейма диктаторскую власть, колебался то въ ту, то въ другую сторону. Денегъ не доставало. Попытка займа въ Голландіи окончательно не удалась. Надежды на него не было никакой; тѣ средства, которыя присылались жертвователями, были крайне мало-значительны. Во всемъ мазовецкомъ княжествѣ, на примѣръ, собрано было по іюль мѣсяць всего 34,379 злотыхъ кромѣ необходимыхъ приношеній оружіемъ. Скарбовая коммиссія объявила заемъ внутренній, предложивъ, чтобы приносили къ ней не менѣе 500 злотыхъ и на эти взносы она будетъ выдавать знаки, приносящіе проценты 7⁰/₀; военная коммиссія приходила безпрестанно въ недоумѣнія съ скарбовою; еще 6-го мая скарбовая коммиссія доносила Стражѣ, что за выдачами для военнаго дѣла она не въ силахъ будетъ выдавать на жалованье войску. Такое же замѣчаніе отъ той же коммиссіи послѣдовало 21-го мая, между тѣмъ требованія болѣе и болѣе увеличивались, а средства полученія доходовъ умалылись.

¹⁾ См. источ. 18, 81, 28, 49, 80, 115, 25; дѣла сейма и Стражи, хран. въ Литовской Метригѣ.

Тарговицкая конфедерація успѣла парализовать эконо-
 ческія силы противной стороны. Изъ тѣхъ воеводствъ, которыми
 овладѣла конфедерація, скарбовая коммиссія не получала ни
 гроша: все уже шло въ казну конфедераціи; въ тѣхъ же
 краяхъ, которые еще оставались за правительствомъ, припрятывали
 деньги, уклонялись отъ платежей, рассчитывали, что
 если конфедерація возьметъ верхъ, то придется платить ей и
 слѣдовательно поплатиться вдвойнѣ. Угрожающій универсалъ
 конфедераціи, гдѣ вмѣнялся въ преступленіе платежей пода-
 тей правительству, удерживалъ многихъ отъ такого плате-
 жа; къ тому же, многіе сборщики податей, почуявъ въ ру-
 кахъ у себя деньги, заблагоразсудили воспользоваться положеніемъ
 дѣлъ и перешли въ конфедерацію, обративъ собранныя
 деньги въ свою частную собственность. Наконецъ, нѣкоторые
 патріоты попользовались казною, собранною для военнаго дѣла.
 Аббать Пятали какъ увидалъ, что въ Польшѣ дѣло не клеится,
 подобралъ къ рукамъ своимъ значительную сумму и уѣхалъ изъ
 Польши вмѣстѣ съ Мостовскимъ въ Дрезденъ, подѣ тѣмъ пред-
 логомъ, чтобы, развѣдавши тамъ о состояніи дѣлъ, ѣхать въ
 Берлинъ обращать своимъ дипломатическимъ искусствомъ бер-
 линскій кабинетъ въ пользу Польши. Въ самомъ же дѣлѣ Пя-
 толи, какъ расчетливый авантюристъ, хотѣлъ заранѣе уйти по-
 дальше не хлебавши той каши, которую варилъ вмѣстѣ съ дру-
 гими. Тѣ, которые мѣряли умъ искусствомъ пользоваться об-
 стоятельствами не разбирая средствъ, говорили: «онъ теперь со-
 ставилъ себѣ состояніе тысячъ на сорокъ червонныхъ золотыхъ
 и разумѣется не воротится къ намъ, если не сдѣлается глупцомъ».
 Въ первыя недѣли послѣ закрытія сейма, король то готовился
 ѣхать въ обозъ подѣ Козеницами, то оставался въ своихъ Лазен-
 бахъ и занимался тамъ своими прудами, картинами и статуями.
 Въ его жизни произошла теперь перемѣна. Послѣ многихъ сер-
 дечныхъ переворотовъ, король въ послѣднее время былъ подѣ
 вліяніемъ пани Грабовской (урожденной Шидловской). Сдѣлав-
 шись его женою (не королевой), она, не мѣшаясь въ интриги,
 не придерживаясь партій, постоянно, однако, внушала ему лю-
 бовь къ отечеству, и ей-то, между прочимъ, онъ былъ обязанъ
 тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ до сихъ поръ предавался дѣлу ре-
 формъ.

Но въ послѣднее время пріѣхала въ Варшаву французская
 эмигрантка дѣвица Люлли съ своею теткою. Это была восемнад-
 цатилѣтняя особа необычайной красоты, несмотря на свою мо-
 лодость, владѣвшая въ высокой степени женскимъ умѣньемъ за-
 влекать и привязывать. Король плѣнился ею; родные, особенно

брата напрасно хотѣли остановить его. Не жаль ему было Грабовской, m-lle Люлли овладѣла старымъ женолюбцемъ, сосала изъ него подарки, въ противоположность пани Грабовской, которая сама много отдавала на пользу отечества; французенка потребовала пышныхъ экипажей, арабскихъ лошадей, брилліантовыхъ серегъ, браслетовъ. Король, который былъ уже и безъ того, какъ говорится, въ долгу, какъ въ шелку, удовлетворялъ прихоти своей возлюбленной, похищая общественныхъ деньги, врученныя въ его распоряженіе. Чуждая Польшѣ, она останавливала его отъ порывовъ отчизнолюбія, и направляла къ эгоистичнымъ цѣлямъ. Она была одною изъ причинъ, почему король не имѣлъ духа выхъать изъ Варшавы и колебался, не зная, за что взяться, куда прыгнуть. Круговъ, раздѣлявшій съ нимъ совѣты о государственныхъ дѣлахъ, дѣлился на двѣ партіи и тянулъ слабого короля въ разныя стороны. Малаховскій, Коллонтай, Потоцкіе, Сапѣга убѣждали его отважиться и ѣхать въ армію; Тышевевичъ, Аневичъ, ванцлеръ Малаховскій, Дзѣвонскій, Хребовичъ представляли ему, что надобно постараться во что бы то ни стало помириться съ Екатериною. Король былъ утромъ въ одномъ, вечеромъ въ иномъ расположеніи духа, то возбуждалъ народъ къ отпору русскому войску, то посылалъ Понятовскому приказы отступать и не раздражать русскихъ. Первые неприятыя извѣстія о неудачѣ, о взятіи Вильны, о дурныхъ оборотахъ литовскаго войска, испугали короля и пановъ: когда 7-го (19-го) іюня, въ засѣданіи военнаго совѣта, курьеръ, прибывшій съ поля битвы, краснорѣчиво, рассказывалъ о неутѣшительномъ состояніи польской арміи и о силѣ русскихъ, на всѣхъ нашель ужасъ, говоритъ генералъ Комаржевскій. Сверхъ того, изъ Петербурга, отъ Деболи, присланы были новыя угрожающія вѣсти; онъ писалъ, что любимецъ императрицы Зубовъ, и съ нимъ по-русски мыслящая партія побуждаютъ Екатерину присвоить Украину. «Надобно опасаться, писалъ Деболи, чтобы императрица не схватилась за эти совѣты, и хотя въ послѣдней деклараціи она увѣряетъ, будто не хочетъ овладѣвать землею нашею, по сомнительно, чтобы Москва не покусилась теперь пріобрѣсть Украину; а тогда и королю прусскому уступать Гданскъ и Великую Польшу, да и венгерскому королю что-нибудь посулятъ за нанесеніе вреда Франціи».

Пока Игнатій Потоцкій былъ въ Берлинѣ, надежда на помощь Пруссіи, хотя и при сомнѣніяхъ, не повидала поляковъ. Прибывши въ прусскую столицу, Игнатій не засталъ тамъ Фридриха-Вильгельма, совершавшаго путешествіе въ Померанію. Министръ Шуленбургъ съ перваго же раза обдалъ Потоцкаго холодомъ и замѣтилъ, что поляки не могутъ получить отъ Прус-

сія рѣшительнаго отвѣта: послѣдней нужно напередъ снести съ Австріею. Потоцкій однако дождался возвращенія короля, добился у него аудіенціи. Его приняли любезно, если вѣрить ему самому. Фридрихъ-Вильгельмъ замѣтилъ, что носятъ слухи, будто польскій король началъ сношенія съ Россіею, но онъ этому не вѣритъ. Поговоривъ нѣсколько съ Потоцкимъ и не сказавъ ничего опредѣлительнаго, прусскій король назначилъ ему конференцію съ Шуленбургомъ. Потоцкому дали такой отвѣтъ: «прусскій король не считаетъ себя обязаннымъ къ исполненію союзнаго договора, заключеннаго въ 1790 году, потому что онъ договаривался съ республикою, а послѣ того Польша превратилась въ монархическое государство». При этомъ было Потоцкому поставлено на видъ, что въ Польшѣ распространились французскія демократическія идеи въ такомъ размѣрѣ, который не позволяетъ сосѣднимъ государствамъ оставаться равнодушными. Указывали на допущеніе мѣщанскаго сословія къ равнымъ правамъ съ дворянскимъ. Люккезини впоследствии говорилъ въ Варшавѣ, что прусскій король сказалъ или приказалъ тогда сказать Потоцкому: «вы напрасно трудились ѣздить въ Берлинъ; есть прусскій посланникъ въ Варшавѣ, облеченный королевскимъ довѣріемъ». Потоцкій былъ отпущенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставленъ былъ чрезъ Люккезини польскому королю отвѣтъ отъ прусскаго таковаго содержанія:

«Съ великимъ сожалѣніемъ изъ письма вашего величества, поданнаго маршаломъ Потоцкимъ, узнали мы о печальномъ состояніи, въ какое поставлена Польша возникшею войною; но это надобно было предвидѣть се времени перемиръ произведенныхъ въ Польшѣ назадъ тому уже годъ. Потрудитесь ваше величество припомнить, что, по многимъ поводамъ, маркизъ Люккезини имѣлъ отъ меня порученіе сообщить вамъ мои предостереженія на счетъ новаго порядка. Съ того времени, какъ водвореніе мира въ Европѣ дало мнѣ возможность ясно понять, что російская императрица оказывала постоянное недоброжелательство къ постановленіямъ 3-го мая, образъ мыслей моихъ и моихъ министровъ никогда не измѣнялся и вникая въ новую конституцію, которую Рѣчь-Посполитая измыслила безъ моего вѣдома, безъ моего вліянія, я никогда не думалъ ее поддерживать и защищать. Напротивъ, я предсказывалъ, что угрожающія выходы и приготовленія къ войнѣ, къ чему не разъ приступала Рѣчь-Посполитая, безспорно, навлекутъ неудовольствіе російской императрицы и повергнуть Рѣчь-Посполитую въ тѣ несчастія, которыхъ она хотѣла избѣжать. Послѣдствія оправдали эти вѣрные взгляды, и въ настоящихъ обстоятельствахъ нельзя не сознаться, что если

бы не новый образъ правленія и не новыя заявленія о готовности его поддерживать, петербургскій дворъ никогда бы не прибѣгнулъ къ тѣмъ мѣрамъ, какія предпринялъ теперь. Хотя расположеніе вашего королевскаго величества меня сильно обязываетъ и хотя я принимаю участіе во всемъ, что только касается благосостоянія Польши, но ваше королевское величество сами убѣдитесь, что учрежденія, установленныя съ того времени, какъ я вступилъ въ союзъ съ Польшею, и настоящія обстоятельства, вызванныя конституціею 3-го мая, возникли позже договора, заключеннаго со мною, и самая эта конституція не согласна съ этимъ договоромъ; а поэтому удовлетвореніе ожиданій вашего королевскаго величества не составляетъ моей обязанности, преимущественно же въ такомъ случаѣ, если желанія патриотической партіи неизмѣнны и если она будетъ упорно добиваться во что бы то ни стало отстоять свое дѣло. Но если, возвращаясь къ прежнему порядку, патриоты примутъ во вниманіе, что для нихъ со всѣхъ сторонъ возникаютъ затрудненія, я готовъ обратиться къ російской императрицѣ и въ то же время войти въ объясненія съ вѣнскимъ дворомъ, съ цѣлію уладить взаимные интересы и согласиться въ присланіи средствъ, могущихъ дать Польшѣ прочное спокойствіе».

Прусскій король отказалъ на отрѣзъ въ просьбѣ объ оружіи и не допустилъ генераламъ Калькрейту и Гайнану служить въ польскомъ войскѣ, какъ того домогались поляки. На это имъ отвѣчали, что генералы эти имѣютъ особыя назначенія. Изъ королевскихъ писемъ того времени видно, что при дворѣ прусскомъ всѣ министры и вліятельные люди оказались тогда недоброжелателями Польши и даже самъ Бишофсвердеръ.

Не болѣе успѣха получили поляки и въ сношеніяхъ съ Австріею. Еще прежде Кобенцель выговаривалъ Вѣйнъ, что поляки болѣе довѣряли Пруссіи, чѣмъ Австріи и замѣтилъ, что у нихъ существовали замыслы отнять у Австріи Галицію. Вѣйна увѣрялъ, что этого не было. «Мы сохраняли, говорилъ онъ, добрыя отношенія къ Пруссіи, слушаясь совѣтовъ вѣнскаго двора». Но этимъ онъ не расположилъ австрійскій кабинетъ къ Польшѣ. Кауницъ отпускалъ насмѣшки надъ приготовленіями поляковъ въ войнѣ и называлъ польское войско ксерковымъ ополченіемъ. Чарторыскій, несмотря на свое давнее знакомство съ Вѣною, не возбудилъ своимъ посольствомъ большаго вниманія къ Польшѣ. Напрасно онъ дѣлалъ намеки, что поляки готовы избрать себѣ въ короли кого-нибудь изъ австрійскихъ принцевъ. Австрійскіе дипломаты слишкомъ хорошо понимали положеніе поляковъ, не вѣрили польскимъ сеймамъ, не цѣнили польской короны и не

прельщались никакими видами. Австрія нуждалась въ Россіи, потому что послѣдняя была ея союзницею въ коалиціи противъ Франціи и Австрія должна была дозволить Россіи и Пруссіи распространять свои предѣлы на счетъ Польши, ради того, чтобы ее самую допустили овладѣть сѣверными французскими провинціями и присоединить ихъ къ своимъ бельгійскимъ владѣніямъ или же провести свои виды на Баварію, которую думала промѣнять на Бельгію. Между дворами шли тогда переговоры о томъ, что кому слѣдуетъ отдать. Это называлось на дипломатическомъ языкѣ вознагражденіемъ (*indemnité, Entschädigung*) за издержки на войну противъ Франціи. Австрія хотя и побаивалась Россіи, чтобы послѣдняя, вмѣшиваясь въ дѣла Польши, не утвердилась до того, что потомъ не будетъ нуждаться въ содѣйствіи сосѣдей; но такъ какъ у Австріи шло дѣло объ увеличеніи своей территоріи посредствомъ вмѣшательства во французскія дѣла, поэтому она и не могла заявлять ничего противнаго Россіи, союзъ который былъ для нея важенъ. Выходило, что и для Австріи, какъ для Пруссіи Польша была въ будущемъ матеріаломъ вознагражденія за издержки, понесенныя коалиціею противъ Франціи.

Изъ Константинополя Петръ Потоцкій извѣщалъ, что всѣ его попытки подѣйствовать на Турцію оказываются безуспѣшными, и, 13-го іюля, Станиславъ-Августъ писалъ къ своимъ ближнимъ, что на Турцію нѣтъ ни малѣйшей надежды и надобно отозвать польское посольство изъ Константинополя: оно обходилось очень дорого.

Маршалъ Потоцкій прибылъ въ Варшаву изъ своей берлинской миссіи въ совершенномъ отчаяніи относительно Пруссіи. Патріоты, собравшись у короля, сожалѣли о своей довѣрчивости къ прусскому королю, называли его измѣнникомъ. Между тѣмъ королю донесли, что прусскія войска приближаются къ польской границѣ. Станиславъ-Августъ послалъ къ Люквезини Дзѣдушцаго спросить его: правда ли это? — «Я объ этомъ не знаю — сказалъ Люквезини — но вотъ австрійскій посланникъ Деваше показывалъ мнѣ свою депешу, которую въ свое время долженъ сообщить и вамъ. Въ ней говорится, что если Польша приступить къ вооруженію крестьянъ и вообще прибѣгнетъ къ какому-нибудь сильному мѣрамъ въ такомъ родѣ — вѣнскій дворъ не можетъ оставаться хладнокровнымъ и долженъ будетъ принять съ своей стороны нѣкоторыя мѣры, чтобы воспрепятствовать распространенію беспорядковъ. Скажу вамъ: если у васъ будутъ составляться реконфедераціи, то, вѣроятно, и я получу отъ сво-

его двора депешу, подобную той, каковую получил г. Декаше отъ своего».

Маршалъ Потоцкій, бывшій до сихъ поръ такимъ свирѣпымъ врагомъ русской государыни, первый тогда подалъ совѣтъ обратиться къ Россіи. Коллонтай былъ того же мнѣнія. Тѣ, которые и прежде были за примиреніе съ Россіею, побуждали короля поскорѣе начать переговоры съ нею. Изливаясь въ проклятіяхъ на прусскаго короля, они даже стали надѣяться, что съ помощью Россіи можно будетъ отомстить коварному сосѣду, такъ что онъ дорого заплатитъ за свое предательство. Маршалъ Потоцкій, находя что теперь необходимо просить у Россіи пощады, хотѣлъ однако, чтобы при этомъ сохранено было достоинство независимой Рѣчи-Посполитой и въ то же время оставлялъ лазейку и для Пруссіи: его и сообщниковъ его утѣшало еще то, что послу Рѣчи-Посполитой въ Берлинѣ не дали отпуска, когда онъ просилъ его, и замѣтили, что онъ не долженъ показывать этимъ, какъ будто бы Польша находится въ разладѣ съ Пруссіею. Изъ этого заключили, что прусскій король, побаиваясь Еватерины, воображалъ, что быть можетъ еще встрѣтятся обстоятельства, когда ему придется прикрѣпиться къ тому союзу съ Польшею, на который Польша постоянно ссылалась. Послѣ споровъ и толковъ, рѣшились послать Хребтовича къ Булгакову.

Литовскій подканцлеръ явился къ русскому послу 7-го (19-го) іюня ночью, и просилъ перемирія.

«Я не имѣю на то полномочія отъ государыни, отвѣчалъ Булгаковъ.—Нужно прежде раскаяться всѣмъ и принять за основаніе декларацію, мною поданную».

— Король, сказалъ Хребтовичъ, желаетъ прекратить кровопролитіе. Имѣютъ ли русскіе генералы полномочіе заключить перемиріе?

«Мнѣ неизвѣстны ихъ инструкціи, сказалъ Булгаковъ, но я думаю, они сходны съ моими. Отъ васъ все зависитъ,—войска русскія вошли къ вамъ дружески».

— Дайте намъ совѣтъ, что намъ дѣлать? спросилъ Хребтовичъ.

«Одинъ совѣтъ могу дать, сказалъ русскій посолъ; — не теряя времени прибѣгните къ великодушію императрицы, которое всему свѣту извѣстно. Нужно только съ вашей стороны нелицемѣрное чистосердечіе и добрая воля».

Хребтовичъ сказалъ:—Уже не только король,—самъ Малаховскій и Коллонтай и другіе зачинщики склонны прибѣгнуть и отдаться на волю ея величества.

«Если въ самомъ дѣлѣ такъ, сказалъ Булгаковъ, я готовъ вамъ служить».

— Мы сами видимъ, сказалъ Хребтовичъ, что нѣтъ намъ иного спасенія. Я такъ и прежде думалъ, и за то подвергался злобѣ. Король и всѣ истинно любящіе отечество хотятъ предложить польскій тронъ великому князю Константину Павловичу и просятъ императрицу учредить прочное правленіе въ Польшѣ. Если же это встрѣтитъ какое-нибудь политическое препятствіе, или просто не будетъ угодно императрицѣ, то мы просимъ выбрать намъ въ государи, при нынѣшнемъ королѣ, кого угодно. Если государыня и на это не согласится, то пусть заключится союзъ съ Россією вѣчный или временный на какихъ угодно основаніяхъ, съ обязанностью взаимной помощи другъ другу, съ правомъ прохода русскимъ войскамъ черезъ владѣнія Рѣчи-Посподитой какъ бывало прежде, и съ выгоднымъ торговымъ трактатомъ. Иначе: если и того не угодно,—пусть Россія перемѣнитъ намъ правленіе и выброситъ изъ него что угодно; если же наконецъ и это не понравится, мы предаемся неограниченной волѣ государыни, ея великой мудрости и неизреченнымъ щедротамъ.

На все это Булгаковъ сказалъ: «Я не знаю высочайшей воли и остаюсь пока въ почтительномъ молчаніи, а изъ того что вы сказали, послѣднее лучше всего. Союзный трактатъ существуетъ между нами, несмотря на дерзкій поступокъ настоящаго сейма; но если окажется потребность расширенія его, государыня не будетъ противиться. Независимость и вольность вапа тѣмъ и утверждается, что всякій сеймъ собирается изъ новой партіи и отмѣняетъ прежнее только единогласіемъ; однако нынѣшній сеймъ не годится; нужно составить новый съ помощію генеральной конфедераціи».

— Этого мы и боимся,—сказалъ Хребтовичъ,—кто будутъ въ новомъ сеймѣ? Все такіе же поляки, та же злоба, тѣ же легкомысленныя личности, собственный интересъ. Они могутъ сочинить конституцію еще похуже, а мы желаемъ, пусть ея величество поправитъ намъ форму правленія или дастъ готовую.

«Основательна ваша боязнь,—сказалъ Булгаковъ,—но теперь вамъ нечего бояться конфедераціи; она составила подъ покровительствомъ государыни и не выступитъ изъ тѣхъ предѣловъ, какіе сама себѣ предписала и изъ деклараціи, которая должна служить всему основаніемъ. Россійскій министръ будетъ имѣть за нею смотрѣніе и не допуститъ, чтобы сеймъ будущій былъ подобенъ нынѣшнему, на которомъ, при отсутствіи благомыслящихъ, часто двадцать человѣкъ сеймующихъ постановляли законы. Чрезвычайно полезно было бы, если бы король препро-

водилъ государынѣ предложенія, исполненныя не красноречіемъ, но искренности».

Прошло два дня послѣ того; король получилъ новыя неприятыя извѣстія изъ Украины о пораженіи на Борушковской плотицѣ, и объ оставленіи Полоннаго. Это сдѣлало короля и его окружающую среду еще уступчивѣе. 10-го числа, вечеромъ Хребтовичъ представилъ Булгакову проектъ письма къ государынѣ и записку съ предложеніями. Посоль нашелъ письмо короля темнымъ и не сходнымъ съ тѣмъ, что говорилъ Хребтовичъ; онъ понялъ, что поляки хотять хитрить, и сказалъ:

«Эти пьесы не походятъ на то, что было условлено между нами, и не произведутъ дѣйствія на ея величество. Все это перепутано маршаломъ Потоцкимъ; онъ хотъ и согласенъ съ королемъ на поступокъ, но совѣтуетъ не забывать республики и равенства съ прочими державами».

— Король, — сказалъ Хребтовичъ, — велѣлъ сказать, что онъ перемѣнитъ все, когда вы найдете нужнымъ.

«Да, сказалъ Булгаковъ. Если король признаетъ мое мнѣніе для себя нужнымъ, пусть держится того, что мы вчера съ вами говорили; пусть король прежде подпишетъ или включить въ свое письмо».

Хребтовичъ вышелъ и воротившись черезъ нѣсколько часовъ, привезъ Булгакову черновое письмо. Булгаковъ самъ сдѣлалъ нѣсколько примѣчаній и отдалъ Хребтовичу.

Послѣ того, ему доставили пакетъ для доставленія государынѣ и просили съ своей стороны ходатайствовать и свидѣтельствовать о чистосердечіи намѣреній польскаго короля.

Хребтовичъ воснулъ Пруссіи, увѣрялъ, что теперь всѣ начинаютъ злиться на Пруссію, всѣ жалѣютъ, затѣмъ слушали внушеній противъ Россіи со стороны Пруссіи, и намекалъ на желаніе поляковъ, чтобы Россія отомстила Пруссіи за ея возни.

«Я прошу васъ не заблуждаться, — сказалъ Булгаковъ — и не думать, чтобы Россія, для извиненія передъ свѣтомъ сумасбродствъ нынѣшняго сейма, захотѣла когда-нибудь помочь вамъ въ мщеніи прусскому королю вооруженною рукою».

Въ письмѣ, посланномъ государынѣ, послѣ перваго вступленія, Станиславъ-Августъ припоминалъ прежде всего русской государынѣ то писаніе, которое онъ подалъ ей на галерѣ въ Каневѣ, и замѣтилъ, что если его усилія не осуществили этотъ планъ, то вина была не его. «Вамъ, государыня, — говорилъ онъ затѣмъ — нужно имѣть вліяніе на Польшу и безпрепятственно проводить черезъ нее свои войска, всякій разъ, когда вамъ будетъ угодно заняться Турціею или Европою, а намъ нужно из-

бавиться отъ непрестанныхъ потрясеній, которыя неизбѣжно у насъ происходятъ въ каждое безкоролье, оттого, что мы приглашаемъ вмѣшиваться въ наши дѣла сосѣдей и сами вооружаемся другъ противъ друга. Намъ нужно правленіе, устроенное внутри лучше, чѣмъ-то, которое было у насъ до сихъ поръ. Дайте намъ въ наслѣдники мнѣ вашего внука, князя Константина, пусть вѣчный союзъ соединитъ двѣ страны, и къ этому присоединится взаимно-полезный торговый договоръ; нѣтъ нужды говорить, что обстоятельства дѣлаютъ исполненіе этого плана легкимъ. Не мнѣ давать совѣты или указывать виды вашему величеству. Я обращаю къ вамъ теплыя мольбы: удостойте выслушать меня и войти въ мое положеніе. Сеймъ поручилъ мнѣ власть заключить, безъ его участія, перемиріе, а не окончательный миръ. Я начинаю съ просьбы даровать намъ перемиріе, а за остальное отвѣчаю я, лишь бы вы мнѣ дали время и средства. Въ настоящее время происходитъ великая перемѣна въ умахъ и вы можете быть увѣрены, что энтузіазмъ къ тому, что я предложилъ вамъ, будетъ еще больше, чѣмъ къ тому, что до сихъ поръ совершено сеймомъ. Но не скрою отъ васъ: если вы станете требовать строго того, что изложено въ деклараціи, тогда не въ моей власти будетъ исполнить то, что я желалъ бы сдѣлать.

«Я знаю, вы можете думать, что силы, которыя у васъ въ рукахъ, достаточны для того, что требуетъ декларація, безъ всякихъ уступокъ. Но на это мнѣ остается отвѣчать надеждою, что ваше сердце, которое, какъ я льщу себя, мнѣ извѣстно, не предпочтетъ путей крайней строгости путямъ вроткимъ, сообразнымъ съ вашею славою и нашими желаніями. Еще разъ повторяю, не отриньте, заклинаю васъ, моей усердной мольбы, дайте намъ перемиріе какъ можно скорѣе; смѣю повторить, все, что я вамъ предложилъ, будетъ приято и исполнено націей, лишь бы вы снисходительно удостоили принять средства, нами представленныя».

«Польша у ногъ вашего величества, — писалъ Булгаковъ Екатеринѣ, — я не думалъ, чтобы такъ рано это сдѣлалось.»

Письмо короля къ Екатеринѣ было подписано 11-го (22-го) іюня. Нѣсколько дней потомъ поляки утѣшали себя инымъ. Въ тотъ самый день, какъ написано было письмо по исправленной Булгаковымъ редакціи, король получилъ донесеніе отъ Іосифа Понятовскаго о дѣлѣ подъ Зеленцами, единственномъ, сколько-нибудь удачномъ дѣлѣ поляковъ въ этой войнѣ. Оно представлено было, какъ водится, въ преувеличенномъ видѣ и поляки воображали, что москали, потерявъ, какъ имъ было донесено, до 4,000 въ стычкѣ, стояв-

шей полякамъ не болѣе 800 человекъ, согласится на перемиріе, размысливъ, что не легко воевать съ такими храбрецами.

Люккезини и послѣ королевскаго письма не переставать все-таки нѣкоторое время кружить полякамъ головы. Перехваченное письмо виртембергскаго принца къ прусскому королю отдано было Люккезини по его требованію, и прусскій посолъ при свиданіи съ королемъ, замѣтивъ слегка о неудовольствіи своего короля за то, что вскрываютъ письма, адресованныя къ къ нему, сказалъ: «Я, однако, получилъ отъ короля своего письмо, гдѣ онъ положительно отрекается отъ всего, что бы могли приписывать ему въ поступкахъ принца виртембергскаго, котораго онъ, независимо отъ интереса къ нему, какъ къ родственному лицу и брату великой княгини россійской, не хотѣлъ ни къ чему ни побуждать, ни останавливать въ его дѣйствіяхъ по отношенію къ его мудрой тещѣ?» Когда Станиславъ-Августъ навелъ разговоръ на письмо прусскаго короля, Люккезини сказалъ: «я самъ не знаю хорошо смысла конца письма его величества, короля моего, и если ваше величество уѣдете въ Фобозъ, нужно, чтобы здѣсь оставалось отъ васъ довѣренное лицо, съ которымъ бы я могъ говорить, когда будетъ необходимо.» Король указалъ на Хребтовича.

Эти ласковыя отношенія къ прусскому послу стали было оживать легковѣрныхъ слабою надеждою, но 17-го (28-го) іюня, когда въ военномъ совѣтѣ хотѣли дѣлать распоряженія по поводу извѣщенной дворянствомъ Великой Польши готовности вооружиться на защиту конституціи 3-го мая, Пруссія объявила черезъ своего посла, что прусскія войска войдутъ въ Польшу, если поляки не прекратятъ войны съ Россіею. Тогда король сообщилъ Люккезини о томъ, что онъ отправилъ къ императрицѣ просьбу о перемиріи и просилъ прусскаго посла, чтобы берлинскій кабинетъ ходатайствовалъ у нея объ амнистіи (о *uproszeniu amnityi*). Съ своей стороны Декаше подтвердилъ то, что говорилъ о немъ Люккезини и показалъ Хребтовичу депешу, гдѣ было предписано ему, на случай если въ Польшѣ возникнутъ ложныя надежды и химерическіе планы, сообщить варшавскому двору, что его величество венгерскій и чешскій король, въ отношеніи польскихъ дѣлъ вообще и въ особенности по вопросу о престолонаслѣдіи, не имѣетъ другихъ взглядовъ кромѣ тѣхъ, которые показываютъ дворы петербургскій и берлинскій. Но въ то же время поляки получили изъ Вѣны ободряющія ихъ слухи, будто Кейтъ говорилъ: если поляки продержатся противъ русскихъ недѣли двѣ, то найдутъ себѣ пріятелей.

Переходъ къ самоуниженію отъ задорнаго тона становился рѣзче по мѣрѣ того, какъ извѣстія изъ арміи приходили все

хуже. Пораженіе Юдицкаго, занятіе литовскихъ воеводствъ, одного за другимъ, наводило ужасъ, а съ западной границы приходили извѣстія, что прусскія войска подвигаются къ польскимъ предѣламъ. Средства истощались; они важны казались только на бумагѣ, но не удовлетворяли разнообразныхъ потребностей, возникавшихъ въ то время. Вслѣдъ за отправкою письма къ Екатеринѣ, король писалъ: «у насъ такъ мало денегъ, что мнѣ не съ чѣмъ подняться, чтобы ѣхать до Козеницъ, и потому мы перемѣняемъ мѣсто стана — заложимъ его въ Прагѣ, близъ самой Варшавы». Кавалерія, которая собиралась въ Козеницахъ, перешла въ Прагу, и къ ней присоединена была пѣхота, находившаяся въ Варшавѣ. Но этотъ обозишко (станъ), какъ называлъ его самъ король, въ десять дней едва могъ устроиться. Всего войска, по извѣстію короля, набралось въ немъ не болѣе пяти тысячъ. Хотя патріотическія газеты того времени и восхваляли всеобщую готовность поляковъ идти въ службу и проливать кровь за отечество, но, по свидѣтельству современника, близкаго знавшаго дѣла, Комаржевскаго, воззванія короля къ обывателямъ, порученія бывшимъ посламъ, разѣхавшимся по воеводствамъ, о наборѣ охотниковъ и о снаряженіи изъ нихъ войска, мало принесли пользы: иные напрямикъ отказывались стоять за конституцію 3-го мая и перешли на сторону конфедераціи, другіе, и такихъ больше всего было, не отвѣчали на воззваніе ничѣмъ, выжидая, чья возьметъ; меньшая же часть показала свой патріотизмъ и дѣйствительно заявляла охоту служить отечеству, но просила у правительства денегъ и оружія, а правительство не могло дать ни того, ни другою.

23-го іюня, король издалъ универсалъ къ гражданско-военнымъ комиссіямъ и вообще къ начальствующимъ надъ воеводствами, землями и повѣтами, предписывая собирать охотниковъ и препровождать, какъ можно скорѣе, въ обозъ въ Прагу, снарядивъ ихъ сколько возможно на счетъ получаемыхъ пожертвованій; потомъ разсланы были правила назначеннымъ надъ охотниками начальникамъ или региментарамъ, получавшимъ отъ короля патентъ на эту должность. Но съ каждымъ днемъ надежды умялись. 11-го іюля король писалъ, что уже вся Литва и Украина потеряны и не могутъ доставлять ни гроша, а половина Польши безъ того уже совсѣмъ не платитъ поборовъ и не доставляетъ войска. Тарговицкая сторона повсюду начала брать верхъ, по мѣрѣ того, какъ узнавали навѣрное, что русскія войска берутъ верхъ надъ польскими.

Каждый день нетерпѣливо ожидали письма отъ императрицы и удивлялись, что долго оно не присылалось. Самъ Булгаковъ этому

дивился. Король и окружавшая его партія 3-го мая боялись, болѣе всего, чтобы императрица не отдала ихъ произволу конфедератовъ. Король ожидалъ отъ нихъ для своей особы всевозможнѣйшихъ униженій, а его сторонники опасались даже за жизнь.

Въ Варшавѣ уже не стало прежней горячности къ защитѣ отечества. Большинство роптало на короля и на патриотовъ, зачѣмъ раздражали Россію, зачѣмъ довѣряли Пруссіи. Только самые завзятые патриоты, подстрекаемые Малаховскимъ и Коллонтаемъ, для поддержки народнаго духа распускали ложные слухи, что Порта опять объявила Россіи войну, что французы побили союзниковъ и будутъ защищать Польшу, а Игнатій Потоцкій, бывъ у каштелянши Каминской, говорилъ: «вольно меня повѣсить, а я утверждаю, что мы выйдемъ счастливо изъ войны съ Россіею. Русскіе, если не будутъ побѣждены, то будутъ вырѣзаны всѣ вдругъ, тогда, когда имъ на мысль это не придетъ». Такія выходки повторяли другіе въ иныхъ домахъ, и Булгаковъ узналъ объ нихъ: на то у него были повсюду шпіоны, даже между прислугою Игнатія. Такимъ образомъ, мысль расправиться съ русскими, коварнымъ образомъ мирясь съ ними, уже тогда была брошена между поляками; съ тѣхъ поръ она возрастала, и какъ увидимъ, была приведена въ исполненіе въ свое время.

Наконецъ отвѣтъ императрицы былъ полученъ 12-го (24-го) іюля. Онъ былъ написанъ изъ Царскаго Села отъ 2-го іюля, и состоялъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Я получила письмо, которое вашему величеству угодно было писать ко мнѣ 22-го іюня н. с. Сообразно съ вашимъ желаніемъ уклоняюсь отъ всякихъ прямыхъ разсужденій о томъ, что произвело настоящій кризисъ въ дѣлахъ, но желаю въ свою очередь, чтобы средства соглашенія, предложенныя вашимъ величествомъ, были сообразны съ моими чистыми и прямыми намѣреніями, объявленными въ деклараціи, опубликованной мною въ послѣднее время въ Польшѣ. Слѣдуетъ возвратить Рѣчи-Посполитой ея древнюю свободу и ея форму правленія, гарантированную моимъ договоромъ съ нею и насильственно испроверженную революціею 3-го мая, съ поспраніемъ самыхъ священнѣхъ законовъ и преимуществъ *Racta Conventa*, къ точному соблюденію которыхъ обязываютъ васъ и права вашего величества и повиновеніе вашихъ подданныхъ. Только слѣдуя этимъ священнымъ и спасительнымъ видамъ, ваше величество можете убѣдить меня въ искренности расположенія, которое вы мнѣ свидѣтельствуете, и въ желаніи содѣйствовать дѣйствительному благу польской націи. Самая здоровая часть ея образовала конфедерацію для восстановленія правъ, несправедно

похищенныхъ. Я общала ей мою помощь и буду оказывать ее со всею силою, насколько позволятъ мои средства. Лицу себя надеждою, что ваше величество не захотите ожидать послѣдней крайности для того, чтобы признать эти мѣры, и немедленнымъ приступленіемъ къ конфедераціи, составленной подъ моимъ покровительствомъ, поставите меня въ состояніе, согласно съ моимъ искреннимъ желаніемъ, быть вашего величества доброю сестрою, другомъ и сосѣдкою».

Письмо русской государыни пришло въ критическія минуты. Передъ тѣмъ только скорбовая комиссія донесла Стражѣ, что у нея нѣтъ болѣе никакихъ фондовъ, она не можетъ отпускать на военныя потребности требуемыхъ суммъ и не въ состояніи выдавать войскамъ денегъ на обыкновенные раціоны и порціоны. Естественно, письмо Екатерины навело ужасъ. Сбылось то, чего король и виновники 3-го мая такъ боялись. Императрица предавала ихъ въ руки ненавистой для нихъ конфедераціи. О предложеніи возвести на польскій престолъ внука Екатерина не говорила ни слова. Поддѣть ее на эту удочку было невозможно.

Политика Екатерины не позволяла ей допустить себя одурачить неловко скрытою хитростію, влонившеюся только въ тому, чтобы поссорить сосѣдей. Поляки на этотъ разъ хотѣли провести русскихъ тѣмъ же самымъ способомъ, какъ они въ XVII вѣкѣ провели ихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, обѣщавши сдѣлать его преемникомъ Яну Казимиру, но извѣстно, что два раза позволяютъ обманывать себя одной и той же стороной только глупцы. Для Россіи уроки исторіи не проходили даромъ, особенно когда на ея престолѣ сидѣли умныя личности. Принять Россіи предложеніе поляковъ въ это время значило ни болѣе ни менѣе какъ завязать неминуемую войну съ Пруссіею и вѣроятно съ Австріею, и притомъ въ такое время, когда вообще въ Европѣ монархическимъ правленіямъ угрожала опасность, когда по нравственнымъ понятіямъ, проповѣдуемымъ тогдашними государями, въ томъ числѣ и Екатериною, на нихъ лежала обязанность передъ Богомъ и совѣстію защищать старые порядки, и поэтому, удаляясь отъ причинъ, могущихъ возбудить между ними несогласія, всѣмъ становиться подъ одно общее знамя. Сверхъ того, и безъ этого послѣдьяго обстоятельства, если бы Россія и отважилась принять тогдашнее предложеніе поляковъ и чрезъ то нажила бы себѣ враговъ, то не было сомнѣнія, что въ числѣ этихъ враговъ стали бы также поляки.

Вице-канцлеръ Остерманъ тогда же писалъ къ Булгакову, что предложеніе короля не что иное какъ «ловушка, разставляемая намъ коварными его совѣтниками. Предлагать ее императорскому величеству избрать наслѣдникомъ польскаго престола ея внука,

великаго князя Константина, въ то время, когда она уже объявила, что главнѣйшая цѣль ея вооруженія есть возвратить старинные законы и порядоки въ Рѣчи-Посполитой и въ томъ числѣ избирательное правленіе, не значитъ ли бросать подозрѣніе на ея безкорыстіе, воображать, что она думаетъ только объ обезпеченіи своей фамиліи (къ чему у нея средства есть и безъ того) и стараться подорвать доброе согласіе петербургскаго двора съ вѣнскимъ и берлинскимъ по польскимъ дѣламъ? Что же касается до перемирія, предлагаемаго королемъ, то между Россіей и Польшей нѣтъ войны вовсе. Россія находится въ полнѣйшемъ согласіи и дружественныхъ отношеніяхъ съ истинной Рѣчью-Посполитою и помогаетъ ей противъ внутреннихъ враговъ. Въ глазахъ ея величества одна конфедерація составляетъ Рѣчь-Посполитую, а потому отговорка короля, что ему дали право только заключить перемиріе, а не вѣчный миръ, не имѣетъ смысла». Остерманъ замѣчалъ при этомъ, что не слѣдуетъ терять времени; пусть король, приступя къ конфедераціи, скорѣе прекратитъ кровопролитіе, иначе своей медленностію онъ уменьшитъ къ себѣ великодушное вниманіе императрицы, которая до сихъ поръ удерживаетъ его на тронѣ, тогда какъ можетъ всегда столкнуть съ него.

Получивъ роковое письмо императрицы и объясненія на него отъ Булгакова, король собралъ маршаловъ сейма и маршаловъ конфедераціи, своего брата, примаса и министровъ, всего двѣнадцать человекъ. Король просилъ у нихъ совѣта, что теперь дѣлать.

«Ничего не остается, какъ пожертвовать конституціею 3-го мая, для спасенія отечества», сказалъ примасъ.

«Ни одной минуты нельзя медлить, — приступитъ къ торговой конфедераціи, чтобы избѣгнуть напраснаго кровопролитія», сказалъ канцлеръ Малаховскій.

«Я знаю одну законную конфедерацію, — сказалъ Игнатій Потоцкій, — всякая другая, хоть бы за нее было пять монарховъ, незаконна».

«Я давно былъ несогласенъ съ новою формою правленія; не надобно терять драгоценнаго времени», сказалъ Мнишекъ.

«И я всегда былъ противъ конституціи 3-го мая», сказалъ Тышкевичъ.

«Надобно во всемъ повориться волѣ государыни, — какъ она требуетъ, такъ и поступить», сказалъ Хребтовичъ.

Маршалъ Малаховскій спросилъ подскарбія: сколько въ скарбѣ денегъ въ наличности?

«301,000 злотыхъ», отвѣчалъ подскарбій.

«Этого мало», сказали всѣ.

«Если къ этому присоединить, сказалъ король, все что можно собрать, и тогда четырехъ недѣль нельзя содержать войска».

Коллонтай, такой горячій противникъ Россіи, теперь также совѣтовалъ королю поддаться волѣ превозмогающей силы.

Но маршалъ Малаховскій и теперь явился задорнымъ патриотомъ. Онъ во всю свою жизнь смотрѣлъ легкомысленно на окружающую его среду, и теперь ему казалось, что далеко не все проиграно. «Наияснѣйшій панъ, говорилъ онъ, непріятель приближается къ намъ, но войско наше еще не совсѣмъ разбито, напротивъ, оно много одержало побѣдъ. Силы наши теперь соединены, а непріятель отдалается отъ своихъ границъ и съ трудомъ можетъ получать продовольствіе. Притомъ, въ тылу у него Каменецъ-Подольскій, крѣпость, находящаяся въ нашихъ рукахъ; она можетъ служить мѣстомъ соединенія обывателей для охраненія отечества. Мы отъ нихъ можемъ надѣяться всего добраго, лишь бы они имѣли время выйти изъ перваго и минутнаго одуренія. Войско наше, стоя надъ Вислою, можетъ еще долгое время удерживать непріятели въ значительномъ отдаленіи отъ столицы, лишь бы только обыватели Подолии и Волыни одушевились и стали дѣятельными; непріятель, лишась средствъ получать оттуда продовольствіе, потерпитъ голодъ. Да, наконецъ, если бы и всѣ наши надежды были напрасны, если мы не въ состояніи побѣдить, развѣ не должно намъ погибать со славою? Входить съ Москвою въ переговоры — значитъ показать себя подлыми и добровольно положить ярмо на Польшу. Это путь вѣчнаго безчестья. Заклинаю ваше величество, поѣзжайте немедленно въ обозъ; не хочу, чтобы вы тамъ долго оставались: покажитесь только войску, наияснѣйшій панъ, напомните каждому о строгомъ выполненіи обязанностей, а потомъ поѣзжайте въ Варшаву заниматься тамъ дѣлами управленія.»

— Все это такъ, любезный Малаховскій, — сказалъ король, — я согласенъ съ тобою, но гдѣ же деньги, чѣмъ подняться? Чѣмъ я самъ жить буду? На что я поѣду?

«Наияснѣйшій панъ, — сказалъ Малаховскій, — войско имѣетъ па три мѣсяца запасовъ, а на нужду вашего величества я дамъ 10,000 червонцевъ, съ тѣмъ, чтобы мнѣ позволено было передать ихъ въ руки тогда, когда будете садиться въ экипажъ, чтобы ѣхать къ обозу».

— А Пруссія, вѣдь ея войска готовы войти? Булгаковъ, передавая письмо императрицы, сказалъ: до сихъ поръ только Россія препятствовала Пруссіи послать войско въ предѣлы Рѣчи-Посполитой; при дальнѣйшемъ упрямствѣ съ нашей стороны

ее удерживать не стануть, а вошедши въ Польшу, она уже не выйдет отсюда безъ приобрѣтеній. У насъ войска 35,000 и содержатъ его нѣтъ денегъ, у императрицы 100,000, да еще прусскія войска войдутъ. Мы, какъ надобно ожидать, потерпимъ поражение. Куда король уйдетъ? спрашивали противники патріотовъ.

«При неудачѣ надобно королю бѣжать въ Венгрію или въ Галицію, какъ сдѣлалъ Янъ Казимиръ; онъ возвратилъ свою корону», сказалъ кто-то изъ патріотовъ.

— Но Янъ Казимиръ — возразили ему, — былъ въ свое время союзникомъ австрійскаго дома, и все-таки, хотя и возвратилъ корону, но принужденъ былъ подписать тяжелыя для Рѣчи-Посполитой условія; притомъ же, когда рѣшено было предложить императрицѣ перемиріе, тогда никто не думалъ, что король убѣжитъ изъ Варшавы, и навлечетъ подозрѣніе на свои сношенія.

Игнатій Потоцкій замѣтилъ: «мы должны подождать; почему знать, намъ можетъ придти неожиданная помощь къ спасенію».

— Такъ и было, сказалъ Солтыкъ, съ Голландіей, когда она воевала съ королемъ испанскимъ. Не надобно отчаиваться въ храбрости нашей.

Восемь голосовъ совѣтовало приступить къ конфедераціи, упорствовало пять: маршалъ Малаховскій, Игнатій Потоцкій, краковскій посолъ Солтыкъ, Казимиръ-Несторъ Сапѣга и Островскій. Впослѣдствіи Коллонтай считалъ себя также принадлежащимъ къ числу послѣднихъ, но въ то время онъ стоялъ на противной сторонѣ. Объ этомъ говорятъ и нашъ посланникъ Булгаковъ и англійскій, находившійся тогда въ Варшавѣ. Король присталъ къ большинству.

На другой день онъ подписалъ свой приступъ (авцессъ) къ конфедераціи. «Соглашаюсь, — сказалъ Станиславъ - Августъ въ роковую минуту подписанія, — сдѣлать это только въ той надеждѣ, что предложеніе императрицы возвратитъ спокойствіе странѣ».

Авцессъ короля былъ отосланъ въ Щенскому Потоцкому. Въ то же время отправленъ былъ курьеръ въ оба войска, Украинское и Литовское, съ приказаніемъ прекратить всякія непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ и признать конфедерацію. Тогда же написанъ и разосланъ универсалъ къ народу вообще. «Сеймъ — писалъ король — возложилъ на меня защиту отечества оружіемъ. Я все сдѣлалъ, что могъ. Но казна наша истощилась; скоро невозможно будетъ давать обычнаго жалованья военнымъ чинамъ, не останется ничего для ежедневныхъ безконечныхъ потребностей войска, какъ-то: на ремонтъ, на рекрутовъ, на одежду, обувь, запасы, оружіе и продовольствіе. Голландскій заемъ не удался вовсе.

Сосѣди намъ не только не помогаютъ, но показываютъ сочувствіе Россіи и готовы соединиться съ нею. Пусть всѣ посудятъ и размыслятъ, достоинъ ли я за это упрековъ и не удостоюся ли заслужить скорѣе благодарность отечества за прекращеніе кровопролитія и вражды; если стало невозможно удержать всѣхъ узаконеній нашего сейма, то по крайней мѣрѣ можно надѣяться сохранить нѣкоторые изъ нихъ».

Какъ только въ этотъ же день разнеслось по Варшавѣ, что король призналъ конфедерацію, крайняя партія патриотовъ разлилась страшнымъ негодованіемъ. Толпа челоуѣкъ въ триста въ саксонскомъ саду кричала: надобно убить короля измѣнника. Случилось въ это время проходить черезъ садъ Казимиру-Нестору Сапѣгѣ. Его подняли на руки и понесли; толпа затѣмъ направилась къ маршалу Малаховскому, чтобы и ему оказать честь. Маршала не застали дома: онъ былъ въ гостяхъ. Толпа отправилась туда, гдѣ онъ былъ, и тамъ сначала перепугала женщинъ, не понявшихъ въ чемъ дѣло; взяли маршала и также понесли его на рукахъ, слѣдуя къ его дому. Потомъ отправились къ Игнатию Потоцкому, вызвали его, благодарили за труды, желали благополучія. Всѣ эти господа собирались уѣзжать, народъ прощался съ ними. Для выраженія своего нерасположенія къ торговцовой конфедераціи, толпа разбила окна у канцлера Малаховскаго. Король приказалъ усилить у себя караулъ на нѣсколько дней и сидѣлъ во дворцѣ, никуда не показываясь; иначе ему пришлось бы ватерпѣться оскорбленій.

27-го іюля уѣхали изъ Варшавы патриоты, не подписавшіе акцесса. Передъ отъѣздомъ они записали въ земскихъ варшавскихъ книгахъ свои протестаціи. Малаховскій писалъ, что такъ какъ сеймъ, при своемъ закрытіи, далъ королю право собрать его въ случаѣ нужды, король же, не собравъ сейма, безъ рѣшенія его, приступилъ къ конфедераціи, то онъ, маршалъ сейма, для очищенія совѣсти считаетъ долгомъ заявить, что, по его убѣжденію, дѣло торговцовой конфедераціи есть дѣло противное волѣ Рѣчи-Посполитой, и послѣдствіемъ его будутъ огонь, мечъ, анархія и погбель отечества. «Народъ!—воскликнулъ Малаховскій въ концѣ своей протестаціи;—ничего у меня не осталось для тебя, кромѣ вѣрности и слезъ; только это и посвящаю тебѣ, ибо всѣ другія средства изъ рувъ моихъ отняты!» Вмѣстѣ съ тѣмъ Малаховскій взялъ съ собой изъ скарбовой комиссіи пожертвованныя имъ суммы, въ количествѣ 18,000 черв. и 150,000 злотыхъ. Казимиръ-Несторъ Сапѣга въ своей протестаціи расхвалилъ свою особу, припоминалъ, какъ онъ несъ на жертву отчизнѣ свое имѣніе и здоровье, сослался на сеймовой днев-

никъ, гдѣ записаны были его подвиги въ день 3-го мая, и объявилъ, что въ настоящую минуту, когда полякамъ уже ничего не остается кромѣ слезъ и жалобъ, онъ заявляетъ, что считаетъ сеймъ, начатый въ 1788 г., неоконченнымъ, а только отсроченнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не снимаетъ съ себя своей должности. Последнее расходилось съ протестаціею Малаховскаго, который въ квитанціи, данной за взятія суммы изъ скарбовой комиссіи, объявилъ, что снимаетъ съ себя свой санъ.

Эмигранты избрали мѣстомъ пребыванія Дрезденъ. Игнатій Потоцкій, прощаясь съ королемъ, сказалъ: «ваше величество, уѣдьте съ нами! по крайней мѣрѣ избавитесь отъ униженія». Но король махнулъ на все рукою и остался. Защитники репутаціи Коллонтая говорятъ, что и онъ уѣхалъ. Но изъ донесеній Булгакова видно, что онъ прежде попытался заисвать расположенія Россіи. «Его всякій купить можетъ, — не даромъ онъ съ курляндскаго герцога взялъ 2,000 червонцевъ за выигрышъ его дѣла». Такъ писалъ Булгаковъ 11-го августа. Только въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Коллонтая дѣйствительно не было въ Варшавѣ. Поэтому правдоподобно извѣстіе Линовскаго, который говоритъ, что Коллонтай оставилъ ацесъ въ двухъ мѣстахъ, въ канцеляріи Булгакова и у Хребтовича. Когда Коллонтая стали упрекать за это Малаховскій и Потоцкій, онъ сказалъ: «хорошо вамъ, богатымъ панамъ, уходить изъ отечества, а я, *худойпашолекъ*, добившись до мѣста, не могу такъ легко выпускать изъ рукъ моей судьбы.» Самому Линовскому онъ говорилъ: «для васъ лучше будетъ, если я войду въ конфедерацію, я васъ буду защищать отъ преслѣдованій». Но ему не посчастливилось. Конфедерація не хотѣла съ нимъ сходитья, потому что не довѣряла ему, какъ одному изъ главныхъ виновниковъ конституціи, а русскій посоль давно прѣзиралъ его. Этотъ человѣкъ, бесспорно-талантливый, послѣ паденія своей партіи, видя, что съ измѣнившимся порядкомъ вещей, онъ уже не поправитъ своей карьеры, ударился опять на прежнюю роль патріота, и уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы затѣвать заговоръ за границую.

Король запирался и удалялся отъ людей. Онъ часто плакалъ, въ рѣчахъ его была несвязность; онъ былъ близокъ къ умопомѣшательству; онъ чувствовалъ свою ничтожность, говорилъ, что хочетъ отречься отъ престола, но не отрекался: чувство униженія пересиливалось желаніемъ устроить своихъ ближнихъ, обезпечить свою старость. Каштелянша Каминская пріѣхала узнать о его здоровьѣ: — «можетъ ли быть хорошо мое здоровье, отвѣчалъ король, когда мнѣ остается въ удѣлъ только стыдъ и безчестіе!» Люккезини опять заговорилъ другимъ языкомъ; недавно равно-

душный къ судьбѣ поляковъ, теперь опять показывалъ къ нимъ сочувствіе, и досадовалъ, что поляки окончили войну. Онъ какъ будто забылъ, что за нѣсколько дней грозилъ вступленіемъ прусскаго войска въ предѣлы Рѣчи-Посполитой, если поляки не помирятся съ императрицею. «Король — говорилъ онъ — всегда былъ русской партіи, онъ только притворялся патріотомъ. Честь Польши потеряна, ничто не можетъ смыть этого пятна. Польша должна была искать посредничества сильныхъ державъ. Вотъ видите: не хотѣли составлять конституціи съ вѣдома прусскаго короля, тогда бы вамъ помогли, и Россія никогда бы не посмѣла напасть. Вы не хотѣли знать Пруссіи, когда составляли конституцію, оттого и Пруссія не захотѣла знать васъ. Теперь, однако, еще можно сколько-нибудь пособить дѣлу: обратитесь къ Пруссіи, отдайтесь во всемъ на ея волю. Независимость ваша конечно уже потеряна, — по крайней мѣрѣ на васъ наложить не такія тяжелыя цѣпи». Онъ отзывался съ презрѣніемъ и злобою противъ Россіи, распалаялъ поляковъ ненавистью противъ русскихъ, и въ то же время вооружалъ знатныхъ лицъ одного противъ другого, — все это съ тою цѣлью, чтобы усилить безпорядокъ. Это была послѣдняя лебединая пѣсня о Польшѣ знаменитаго дипломата. 7-го августа онъ уѣхалъ оттуда навсегда, сдѣлавъ свое дѣло блистательно.

Въ войскѣ вѣсть о признаніи королемъ конфедераціи была принята съ негодованіемъ и досадою. Тѣ, которые можетъ быть внутренно были и довольны, для очищенія себя считали за благо все-таки заявить досаду. Понятовскій послалъ къ королю генерала Вьельгорскаго, и совѣтовалъ королю, сдѣлавши угодное императрицѣ, дозволить назначенному для этой цѣли отряду войска поймать себя и увести въ обозъ, а потомъ можно будетъ продолжать войну. Король плакалъ, падалъ на колѣни, заклиналъ и умолялъ не думать объ этомъ, и самъ не соглашался участвовать въ уловкѣ добровольно. Зайончекъ, описывая это происшествіе, порицаетъ короля за несогласіе, упрекаетъ Юсіфа Понятовскаго, зачѣмъ онъ, вмѣсто того, чтобы просить короля, не исполнилъ своего намѣренія безъ его согласія. Такой замыселъ былъ во всякомъ случаѣ бесплоденъ. Если можно упрекать короля въ недостаткѣ мужества и благородства, то никакъ не за то, что онъ не захотѣлъ безразсудно склониться на продолженіе войны, а за то, что, видя невозможность сохранить въ Рѣчи-Посполитой порядокъ, за который стоялъ нѣсколько лѣтъ, не отрекся отъ престола.

VIII.

Господство конфедерации.—Униженіе короля.—Злоупотребленія конфедерации.—Тайныя сношенія державъ о раздѣлѣ Польши.—Прусская нога.—Тревога конфедерации¹⁾.

Войску приказано было приступить къ конфедерации, послѣ чего слѣдовало распустить его. Нѣкоторые изъ генераловъ и офицеровъ подали въ отставку; въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаютъ: Понятовскій, Костюшко, Вьельгорскій, Забѣлло, Зайончевъ и Маєрановскій; кромѣ того два полковника: Понятовскій и Стршалковскій; майоры: Гавронскій, Хоментовскій, Юсифъ Вьельгорскій и Щутовскій. Другіе, скрѣпя сердце, для спасенія семей своихъ и средствъ къ жизни, признали конфедерацию. Войско стало расходиться. Но конфедерация, узнавъ объ этомъ, отношеніемъ отъ 22-го іюля (1-го августа), обратилась къ агенту императрицы при конфедерации Билеру и просила принять мѣры. Она боялась нарушенія спокойствія. «Если польскіе жолнѣры—было сказано въ нотѣ конфедерации—станутъ возмущать неопытныхъ гражданъ, то мы просимъ средствъ принудить ихъ силою произнести присягу конфедерации». Приказано было отъ конфедерации генераламъ, давшимъ свой акцесъ, снестись съ генералами русскаго войска, чтобы занять приличныя квартиры сообразно безопасности. Видно, конфедерация еще побаивалась польскаго войска.

Коронное войско поступало подъ власть прежнихъ начальниковъ, Браницкаго и Ржевускаго; литовское подъ власть нареченнаго литовскаго гетмана Коссаковскаго. Оружіе слѣдовало отобрать и отправить въ варшавскій арсеналь.

Всѣмъ провинціальнымъ конфедерациямъ вмѣнено было въ обязанность приглашать, въ случаѣ нужды, для поддержки порядка, русское войско. Такимъ образомъ, конфедерация, составленная подъ русскимъ покровительствомъ, показывала, что не можетъ существовать безъ русскаго войска. Но въ тоже время конфедерация жаловалась Билеру и на своихъ союзниковъ, на безчинства и насилія, причиняемыя будто бы солдатами императрицы. «Война уже окончилась—писали конфедераты—но обыватели, показавшіе привязанность къ императрицѣ, должны терпѣть наравнѣ съ тѣми, которые въ своемъ ослѣпленіи сопротивлялись ея благодѣтельнымъ намѣреніямъ. Мы просимъ,

¹⁾ См. источн. №№ 86, 83, 98, 100, 18, 3, 30, 47, 72.

чтобы всеобщая радость освобожденія не возмущалась такими поступками». Коховскій на это представленіе объяснилъ, черезъ Билера, что безчинства, дѣйствительно произведенныя на границѣ, произошли не отъ служащихъ солдатъ, а отъ дезертировъ и молдавскихъ волонтеровъ, которые въ Молдавіи составили разбойничьи шайки и вторгались въ Украину и что двадцать изъ нихъ уже казнено. Но какъ вслѣдъ затѣмъ снова приносились жалобы на безчинства и насилія отъ русскихъ войскъ, то конфедерація опубликовала, чтобы напередъ приносили ей только такія жалобы въ подобномъ родѣ, гдѣ бы указывались поименно и точно лица, на которыхъ жаловались, а не въ общихъ словахъ.

9-го августа, конфедерація, находясь въ Дубно, отправила въ Варшаву делегацію; въ ней были: Петръ Ожаровскій, Войцѣхъ Свентославскій, Доминиъ Каменецкій, Рафаиль Холоневскій. Они имѣли порученіе привести къ присягѣ: гвардію, скарбовый батальонъ, маршалковскую хоругвь, всѣхъ особъ, числящихся въ военной службѣ, по формулѣ: «буду вѣренъ королю, а послушенъ только одной конфедераціи», скарбовую комиссію въ томъ, что она не будетъ выдавать денегъ безъ ассигнацій конфедераціи, почту — въ томъ, что не отважится распечатывать писемъ, комендантовъ и офицеровъ корпуса кадетовъ и эдукационную комиссію—въ томъ, чтобы общали не внушать кадетамъ и всѣмъ воспитанникамъ монархическихъ, а также и противныхъ римско-католической вѣрѣ правилъ; духовенство — въ томъ, что оно будетъ поучать народъ поворности генеральной конфедераціи; магистратъ старой и новой Варшавы, цехи и конфрадерніи — по формѣ: не сноситься съ противниками конфедераціи и доносить о замѣчаемомъ вредѣ для нея. Для послѣднихъ они должны были учинить при себѣ выборъ новыхъ президентовъ, лавниковъ, радныхъ, писарей, не протягивая этого дѣла болѣе трехъ дней, отворить суды въ Варшавѣ для обычнаго теченія дѣлъ, по порядку, существовавшему до конституціи 3-го мая, возвратитъ полицію въ вѣдомство коронныхъ маршаловъ, запретитъ печатать всякія писанія противъ конфедераціи и непремѣнно закрыть «Газету Народовую», за то, что оно постоянно держалась конституціи 3-го мая, объявитъ угрозу—отдать подъ судъ конфедераціи тѣхъ, которые бы осмѣлились дѣлать противъ нея какія бы то ни было заявленія; слѣдовало у всѣхъ варшавянъ отобрать оружіе и боевые запасы и сложить въ арсеналь съ увѣреніемъ, что за все это заплатится или все это по желанію владѣльцевъ возвратится въ свое время, отобрать рецессы (отказъ) отъ конституціи и акцессы къ конфедераціи отъ канцлера Малахов-

скаго и подканцлера Хребтовича, и объявить иностраннымъ министрамъ, что въ важныхъ дѣлахъ они должны относиться къ генеральной конфедерациіи. О королѣ не говорилось, какъ будто его не было. Наконецъ, приказано было сдѣлать распоряженіе объ облегченіи ареста переяславскаго епископа, если нужно будетъ. Такимъ образомъ, генеральная конфедерациія уже не была только протестомъ противъ нововведеній,—она сама сдѣлалась верховной властью, захватила исключительно весь механизмъ управленія. Подъ предлогомъ восстановленія свободы, подъ кривыми противъ монархическаго деспотизма, она правила всею странкою съ такимъ деспотизмомъ, который былъ произвольнѣе и незаконнѣе всякаго другого. Ея правители и совѣтники, которыхъ было тогда 89, постановили для себя неподсудность; во время исполненія должности ни въ какомъ судѣ не слѣдовало принимать жалобъ на нихъ. Не только совѣтники, но и вообще всѣ, считавшіе себя вѣрными конфедерациіи, спасителями республиканской свободы, поднимали голову, снимали всякую узду съ своего произвола, доносили на тѣхъ, на кого были злы, тянули ихъ въ суду конфедерациіи; сказать что-нибудь не въ похвалу конфедерациіи почиталось преступленіемъ. Обязанность доносить, налагаемая въ присягѣ, произносимой на вѣрность конфедерациіи, до того грозила размноженіемъ ябедъ, и нарушеніемъ спокойствія, что самъ Булгаковъ не одобрялъ этого.

Власти королю не давали никакой. Каждый конфедератъ имѣлъ болѣе возможности заставить себя слушать чѣмъ онъ. Генеральная конфедерациія въ распоряженіяхъ, данныхъ своимъ делегатамъ, поручила засвидѣтельствовать ему почтеніе, но это казалось скорѣе поруганіемъ при той обстановкѣ безвластія, въ которую его поставили. На письмо короля къ Щенному послѣдній отвѣчалъ топомъ до крайности надменнымъ и оскорбительнымъ. Онъ припоминалъ королю словно учитель школьнику, какъ онъ, Щенный, нѣкогда предостерегалъ его хранить договоръ, по которому онъ сдѣлался королемъ. «Голосъ мой, писалъ онъ, былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, я припоминалъ вамъ обязанности избраннаго короля, а васъ поддцы называли государемъ. Я говорилъ, что не годится нарушать присягу, данную народу, для выгодныхъ проевтовъ, и не слѣдуетъ начинать того, что не можетъ удержаться. Ваше величество отворотили уши свои отъ моихъ здравыхъ совѣтовъ, а послушались льстецовъ, которые чуть было не довели Рѣчь-Посполитую до погибсли. Теперь, милостивый король, слѣдуетъ вашему величеству вознаградить за это республиканскій народъ, если не хотите быть вѣроломнымъ, ибо за то, что онъ васъ посадилъ на пер-

вомъ мѣстѣ, вы хотѣли его поработить и сдѣлать своею собственностію. Вы не должны были защищать и поддерживать такихъ поступковъ, а скорѣе отречься отъ нихъ навсегда. Насъ устрашаетъ ваше писаніе къ обывателямъ; вы жалѣете объ утратѣ конституціи, говорите, что только потому перестаете защищаться, что у васъ нѣтъ средствъ содержать войско. Слѣдовательно, если бы у васъ были деньги, то вы бы еще не перестали лить кровь республиканцевъ, ради своей монархической власти. Стало быть, не кровь братій завопіяла въ вашемъ сердцѣ, а только истощеніе казны васъ удержало; вы хотѣли бы для вашего честолюбія найти у чужихъ помощь. Вы пишете, что надѣетесь удержать хотя часть вашей конституціи. О, видно вамъ очень дорого эта рабская конституція, когда вы хотите хотя бы часть ея спасти; а я вамъ искренно скажу: забудьте объ установленіи новыхъ законовъ, предсѣдательствуйте надъ вольнымъ народомъ; пусть народъ самъ себѣ законы составляетъ, — и вамъ будетъ покойнѣе, и намъ свободнѣе. Вы выражаетесь, что не можете противостоять непріятелю. А кто же непріятель? Не тотъ ли, кто вамъ способствовалъ получить корону, кто васъ поддерживалъ на тронѣ; не тотъ ли, кого вы много разъ просили о вспоможеніи; не тотъ ли, кто не позволяетъ вамъ измѣнить въ монархію Рѣчь-Посполитую, желалъ видѣть ее уважаемою, благоустроенною и спокойною? Не за то ли великая монархиня считается теперь непріателемъ Польши, что снимаетъ съ нея кандалы, надѣтые измѣною? Будьте лучше теперь благодарны ей за то, что все сдѣлалось по ея желанію; вольный и независимый народъ можетъ простить вамъ, какъ обольщенному, но если бы удалось по вашему, онъ бы проваливалъ васъ, какъ похитителя власти и виновника несчастій, которыя, быть можетъ, погубили бы и самое имя Польши.

Не менѣе тяжка была формула, предложенная королю для акцеса. Король долженъ былъ чернить людей, съ которыми вмѣстѣ работалъ, а себя выставить ограниченнымъ. «Я всегда (было сказано въ формулѣ акцеса отъ лица короля) желалъ добра отчизнѣ и стремился къ тому, чтобы учинить ее счастливою и безопасною; но этимъ намѣреніямъ не всегда содѣйствовали мои сотрудники. Увлеченіе новизною и новыя, не безопасныя для спокойствія народовъ ученія покушались сокрушить вѣковѣчныя права Рѣчи-Посполитой и преобразить Польшу изъ республики въ монархію. Но теперь, когда полякъ чувствуетъ и узнаетъ заблужденія тѣхъ, которые такъ увлекались въ своихъ трудахъ, я, какъ король, обязанный быть главою благородной Рѣчи-Посполитой, и какъ

полявъ, признаю, что вѣрность Рѣчи-Посполитой почіетъ на республиканскомъ правленіи, издавна свойственномъ ей, и всякій разъ, когда народъ предпринимаетъ не исправлять, а измѣнять вѣковое свое правленіе и устанавливать новое, всегда потрясеніе политическаго тѣла должно принести народу громаду несчастій. Искренно сознавая передъ республиканскимъ народомъ эту истину, отступаю отъ конфедераціи революціоннаго варшавскаго сейма, продолжавшагося, вопреки обычаямъ и закону, четыре года подъ маршалствомъ Станислава Малаховскаго, и отрекаюсь отъ всѣхъ уставовъ этой конфедераціи и сейма, и отъ всего сердца приступаю къ конфедераціи, составленной 14 мая 1792 г. подъ маршалствомъ Щенснаго Потоцкаго; признаю и принимаю вполнѣ всѣ акты этой конфедераціи, тѣмъ охотнѣе, что убѣжденъ въ благодѣтельности этого дѣла, ибо великодушное и безкорыстное покровительство ея величества императрицы всероссійской обѣщаетъ Рѣчи-Посполитой счастливыя послѣдствія и постоянную безопасность».

Все терпѣлъ и все сносилъ Станиславъ-Августъ, и только когда уже не стало у него силъ нести этотъ тяжелый вѣсъ, разливался горькими слезами. Примасъ, обращаясь къ Булгакову, указывалъ, что въ формулахъ присяги разнымъ вѣдомствамъ, привезенныхъ делегатами отъ конфедераціи въ Варшаву, даже и имени короля не упоминается. Самъ Булгаковъ въ донесеніяхъ своихъ императрицѣ замѣчалъ, что конфедераты захватили излишнюю власть и обращаются съ королемъ непочтительно. Но это не помогло королю: отъ самой государыни Станиславъ-Августъ чрезъ Булгакова получилъ выговоръ, за то, что наградилъ генеральскимъ чиномъ Костюшку, Вельгорскаго и Карвицкаго. Король объяснялъ, что они вышли въ отставку, и вліянія на дѣла не имѣютъ. «Воздержитесь, — сказалъ Булгаковъ, — покровительствовать подобнымъ людямъ, и не пользуйтесь правомъ раздаванія мѣстъ, иначе у васъ еще болѣе стѣснятъ власть.» Екатерина не довѣрала ему, презирала его, какъ и вообще не довѣрала никому изъ поляковъ и презирала ихъ. Въ своемъ рескриптѣ отъ 3 августа, Булгакову она поручаетъ остерегаться, чтобы покорность короля и всѣхъ прочихъ не была суетное обольщеніе. На похвалы Булгакова о Хреbtовичѣ государыня замѣтила, что напрасно Булгаковъ такъ довѣряется и хвалитъ этого человѣка, который ничѣмъ еще не заявилъ своей искренней преданности. Король покорялся, и чтобы болѣе заявить свое послушаніе и совершенное незлобіе къ врагамъ, съ дружескимъ участіемъ замѣтилъ Булгакову: «конфедерація избираетъ себѣ

резиденцію въ Брестъ-Литовскомъ; въ сожалѣнію, это мѣсто нездоровое».

Не менѣе унижительно и тяжело королю было, когда 9 августа прибылъ въ Варшаву Коссаковскій въ качествѣ генерала императрицы и Булгаковъ представилъ его королю. Станиславъ-Августъ долженъ былъ ласкать и привѣтствовать этого человѣка, котораго ненавидѣлъ. 12-го, въ воскресенье, Коссаковскій давалъ праздникъ и пиръ, и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ особъ изъ варшавскаго панства; и все варшавское посольство приглашали тогда ликовать объ освобожденіи отечества отъ тиранніи той конституціи, которую успѣли вывести на свѣтъ только подъ защитою варшавскаго посольства. Надобно было притворяться, иначе сновашіе въ народѣ шпіоны, угодники конфедераціи, тотчасъ донесутъ и потянутъ въ судъ конфедераціи, а тутъ еще въ Варшаву долженъ былъ прибыть Коховскій съ русскимъ войскомъ.

Занятіе столицы иностраннымъ войскомъ на этотъ разъ, постъ печальнаго исхода войны, казалось конечнымъ завоеваніемъ страны. Коховскаго ждали съ тревогою каждый день. Онъ наконецъ прибылъ 19 августа и, въ сопровожденіи генераловъ и офицеровъ, пріѣхалъ прямо въ замокъ, гдѣ въ пріемной залѣ Булгаковъ представлялъ его королю. Коховскій препоручилъ вниманію короля русскихъ генераловъ и офицеровъ; многіе изъ нихъ украшены были только-что полученными орденами за храбрость и усердіе въ послѣдней службѣ въ дѣлѣ ниспроверженія той конституціи, которую клялся защищать польскій король.

Между тѣмъ конфедерація уврѣплялась. Грозный универсалъ ея назначилъ срокъ до 15 августа для отреченія отъ конституціи и акцеса къ конфедераціи. Чтобы сохранить свое имущество и оградить свои особы, дворяне варшавскаго воеводства, 2 августа, составили провинціальную конфедерацію варшавской земли подъ маршалствомъ короннаго конюшаго Онуфрія Кицкаго. Но ея актъ былъ написанъ хитро и неискренно; такъ, напр., говоря объ отреченіи отъ конституціи 3 мая, не изливали обычныхъ у конфедератовъ ругательствъ надъ нею и надъ всѣмъ строемъ, установленнымъ четырехъ-лѣтнимъ сеймомъ, а ставили цѣлью своей конфедераціи только общія потребности о благосостояніи, которыя также могли подходить къ конфедераціи Щенснаго, какъ и къ ниспроверженной конституціи. Такъ они, по выраженію ихъ акта, заключили конфедерацію съ тѣмъ, чтобы, «хранить достоинство трона Станислава-Августа, шляхетскихъ правъ и вольностей, независимость Рѣчи-Посполитой, искать средствъ облегченія тягостей налоговъ, уменьшенія роскоши, прекращенія ненужныхъ и лишнихъ расходовъ, обезпечить правосудіе, безопас-

ность лицъ, имуществовъ и чести жителей, ввести дисциплину и порядокъ въ войскѣ, порядокъ въ уплатѣ жалованья, уменьшить число должностныхъ лицъ, ради сокращенія отяготительныхъ для общественныхъ суммъ расходовъ, и вообще стараться о всемъ томъ, что только можетъ осчастливить народъ». Такого рода конфедерация не понравилась генеральной конфедерации, и 13 августа она послала Кицкому замѣчаніе, что актъ варшавской конфедерации не соотвѣтствуетъ акту генеральной конфедерации и впредь она признаетъ только такія конфедерации своими, которыхъ акты составлены одинаково съ актомъ генеральной конфедерации и съ одинаковою формулою присяги. Такъ точно не понравился генеральной конфедерации актъ конфедерации Закрочимской земли, и 20 августа Щенский Потоцкій послалъ и туда выговоръ и требованіе, чтобы актъ былъ передѣланъ. Угрожаемые русскими войсками дворяне этихъ земель должны были исполнить волю овладѣвшихъ Польшею. Воеводство Бѣльзское составленіемъ конфедерации удостоилось заслужить расположеніе и благодарность генеральной. Тоже случилось въ Люблинѣ, гдѣ составилъ конфедерацию Казимиръ Міончинскій, по извѣстію знавшаго его лично Козьмана—шулеръ, человекъ продажный, безстыдный, живой и хвастливый.

29 августа составлена конфедерация въ Познани подъ маршалствомъ Бнинскаго, нареченнаго маршаломъ конфедерации воеводствъ: Познанскаго, Калишскаго, Гнѣзненскаго и земли Веховской. Этотъ край передъ тѣмъ только отличался особенною ревностію къ конституціи 3-го мая; собирались пожертвованія, составили 24 июня актъ, отправленный для свѣдѣнія въ войсковую комиссію, гдѣ обыватели воеводствъ заявляли въ своей мѣстности гражданско-военнымъ комиссіямъ готовность охранять конституцію 3 мая, въ надеждѣ, что каждый, носящій имя поляка, не станетъ выродкомъ своего отечества и не отступитъ отъ единомыслія съ ними. Теперь тамъ же составили актъ, гдѣ обыватели обѣщались всѣми силами истреблять конституцію 3 мая, какъ гробъ свободы, не допускать наслѣдственности престола, выдавать генеральной конфедерации всѣхъ тѣхъ, которые бы стали строить возни для расширенія королевской власти, а также обѣщались не дозволить ни малѣйшаго отторженія земель отъ Рѣчи-Посполитой. Посланникъ великопольской конфедерации, Францишекъ Мощинскій, передъ генеральною конфедерациею въ рѣчи, преисполненной напыщенной реторикой, восхвалялъ доблести Щенскаго Потоцкаго, называлъ конституцію 3 мая гибельною отравкою, которую обыватели въ заблужденіи называли лекарствомъ и увѣрялъ въ преданности всей Великои Польши снасительному дѣлу сверженія

рабскаго ярма и возстановленія республиканской свободы. Около того же времени составились провинціальныя конфедераціи въ воеводствахъ Сѣрадскомъ, въ земляхъ Нурской, Сохачевской, Добрженской, Мѣльницкой, Велюнской, Черской, Равской, Дрогицкой. Въ Краковѣ составилаь конфедерація, 13 августа, подъ маршалствомъ Валевскаго, который тамъ подобралъ себѣ партію. Вездѣ актъ составленія конфедераціи праздновался съ обычными признаками торжества, обѣдней, пѣніемъ «Te Deum», пальбою изъ пушекъ, иллюминаціями и пирами, и на пирахъ происходила выпивка за благоденствіе конфедераціи точно также, какъ прошлый годъ ѣли и пили за конституцію 3 мая.

Генеральная конфедерація избрала своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ Брестъ-Литовскій и тамъ, 11-го сентября, отпраздновала соединеніе свое съ литовскою: «да здравствуетъ свобода и независимость!» кричали пировавшіе конфедераты. Съ этихъ поръ она называлась генеральною конфедераціею обоихъ народовъ. Маршалы конфедерацій—отъ короны Шенский Потоцкій, а отъ Литвы Александръ Сапѣга—пользовались чрезмѣрнымъ значеніемъ; при вѣздѣ въ Гродно они встрѣчены были пушечною пальбою, мѣщане отъ магистрата, жидаы отъ своего кагала передъ городскими воротами говорили имъ поздравительныя рѣчи. Сенаторы, паны, избранные въ число комиссаровъ генеральной конфедераціи, и знатнѣйшіе обыватели изъ окрестностей ждали ихъ съ подобострастіемъ. Оба маршала угощали гостей великолѣпно и безпрестанно. Отсюда-то управляли они Рѣчью-Посполитою, предписывали распоряженія провинціальнымъ конфедераціямъ и получали отъ послѣднихъ рапорты. Тогда по всей Литвѣ и Польшѣ подняли голову искатели карьеры, люди, въ прежнее время забытые и загнанные за свою неспособность или за убѣжденія, теперь, пользуясь случаемъ, они спѣшили показать свое усердіе въ конфедераціи и получить отъ нея либо мѣсто, либо имѣніе на счетъ другихъ. Тогда вышли въ люди разные отставленные подьячіе, выгнанные за плутовство реенты, вице-реенты, а также эконоы, служившіе у пановъ, составлявшихъ конфедерацію. Многимъ удавалось высказывать посредствомъ доносовъ; свидѣльствовали на того, на другого, что вотъ такой-то или другой говорилъ дурно о конфедераціи, что онъ приверженець 3-го мая, или же, что онъ явобинець, въ Бога не вѣруетъ, и за это получали награды.

«Трудно было—говорить Козьянъ, —честному человѣку на свѣтъ показаться, чтобы надъ нимъ не издѣвались или не оказывали ему покровительственнаго состраданія. Каждый, входившій въ люди, заламывалъ шапку на бекрень, точно на лбу но-

силъ надпись: пришелъ и намъ чередъ! Впрочемъ, по замѣчанію того же писателя-современника, въ Польшѣ это случалось всегда при каждомъ переворотѣ. Теперь если какой-нибудь помѣщикъ оказывалъ себя нерасположеннымъ къ конфедераціи, къ нему посылали экзекуцію и его имѣніе подвергалось разоренію.

Правительственныя комиссіи, приведенныя къ присягѣ на вѣрность конфедераціи посредствомъ ея делегатовъ, получали отъ нея предписанія и давали ей отчеты. Всѣ доходы, собранные прежде, и всѣ пожертвованія, какія собраны были для войны, теперь должны были отсылаться въ конфедерацію. Многие, собравши эти приношенія, не представляли ихъ нигуда и взяли себѣ; теперь иные для того, чтобы ихъ не искали, удалились за границу. Войско было умалено; всѣмъ, которые въ послѣднее время были завербованы, приказано возвратиться къ занятіямъ своего званія. Министрамъ Рѣчи-Посполитой при иностранныхъ дворахъ велѣно возвратиться въ отечество и подать отчетъ конфедераціи. Французскому послу приказано выѣхать изъ Польши вовсе, и всѣхъ вообще французовъ обязали оставить владѣнія Рѣчи-Посполитой, въ виду совершившагося переворота 10-го августа, измѣнившаго Францію изъ монархіи въ яacobинскую республику.

Несмотря на свою силу конфедерація чувствовала, что противная партія только притихла, не умерла, и можетъ воскреснуть снова; отъ этого конфедерація не довольствовалась обвиненіемъ своихъ враговъ въ коварныхъ намѣреніяхъ ввести въ Польшѣ монархическій деспотизмъ, она хотѣла очернить послѣдователей 3-го мая и новомодными французскими идеями, которыя тогда наводили такой панической страхъ на всѣхъ сильныхъ міра сего.

Въ октябрѣ конфедерація учинила мировую съ королемъ и отвѣтила къ нему делегованными двухъ своихъ совѣтниковъ, Залу-скаго и Корвина Коссаковскаго; изъ нихъ послѣдній, въ рѣчи своей при представленіи королю Станиславу-Августу, говорилъ: «Новомодные принципы предали, посмѣянню религію и законъ, потрясли алтари, троны и обычныя вольности нѣкоторыхъ народовъ. Это обольстительное ученіе и къ намъ прокралось и устроило подвохъ подъ республиканскимъ правленіемъ шляхетской Рѣчи-Посполитой, ниспровергая извѣчныя права предковъ, распространяя неуваженіе къ старшинству, не оставляя ничего святого, что только не было его твореніемъ». Злосчастный король, не имѣвшій настолько благородства, чтобы хотя теперь отказаться отъ короны, долженъ былъ, сидя на опозоренномъ тронѣ, выслушивать такія рѣчи, а канцлеръ Малаховскій, въ отвѣтъ делегатамъ,

выражалъ надежду, что почтенные члены конфедераціи, особенно ея руководители, своими дѣйствіями заслужатъ славу въ потомствѣ, и король считаетъ для себя самыми пріятными часами въ жизни, когда будетъ въ состояніи доказать свое расположеніе къ конфедераціи.

Въ ноябрѣ, конфедерація приказала вывести изъ Варшавы два полка польскаго войска, полкъ гвардіи литовской и пѣшіи полкъ Дзялынскаго, въ тѣхъ видахъ, чтобы у противной партіи, которая, какъ думали, главнымъ образомъ сосредоточивалась въ Варшавѣ, отнять, какъ выражалась конфедерація, на будущее время способы, употребленные противъ Рѣчи-Посполитой въ постыдный день 3-го мая. Защита сторонниковъ конфедераціи передавалась такимъ образомъ русскому войску. Королю, какъ будто въ насмѣшку, писали по этому поводу: «Вашему величеству это должно быть пріятно; черезъ то мѣщане избавляются отъ лишнихъ тягостей», и при этомъ прибавлялось: «ваше величество, родившись вольнымъ польскимъ шляхтичемъ, не будете роптать на мѣры для безопасности истинной свободы; только такое честолюбіе и дозвоительно королю, который долженъ быть главою, а не господиномъ». Поведеніе конфедераціи производило быструю перемену въ настроеніи умовъ. Многіе изъ тѣхъ, которые недавно радовались и даже сами способствовали паденію конституціи, стали вздыхать по ней. Квартированіе русскихъ войскъ, твердый властительный тонъ русскихъ генераловъ и безпрестанныя недоразумѣнія съ русскими войсками задѣвали національное шляхетское самолюбіе. Близость къ русскимъ и столкновенія съ ними пробуждали уснувшую на короткое время въ-ковую вражду, которую носилъ каждый шляхетный полякъ въ своемъ сердцѣ къ русскому народу, а тутъ еще выѣхавшіе за границу сторонники 3-го мая составляли планы для измѣненія дѣла въ отечествѣ, и вліяли на оставшихся въ немъ своими письмами и сношеніями.

Въ ноябрѣ конфедерація издала универсалъ, въ которомъ жаловалась, что виновники несчастія Рѣчи-Посполитой раздвѣваютъ духъ несогласія; вмѣняла въ обязанность воеводскимъ конфедераціямъ и всѣмъ полицейскимъ властямъ закрывать и уничтожать всякія сходбища, особенно клубы, и предавать суду возмутителей сповоиствія. Въ то же время генеральная конфедерація при такой строгости сдѣлала уступку, продолживъ срокъ для отреченія отъ конституціи 3-го мая и для акцесовъ къ конфедераціи еще на два мѣсяца, и тѣмъ давала знать, что предпринятое ею дѣло не такъ-то принимается въ Польшѣ, какъ она

думала, что возстановленіе прежняго порядка вещей встрѣчаетъ почти такое же затрудненіе, какъ и устроеніе новаго.

Обвиненіе прежней патріотической партіи въ разрушительныхъ идеяхъ, угрожавшихъ старымъ порядкамъ въ Европѣ, были какъ нельзя болѣе на руку правительствамъ, замышлявшимъ уничтоженіе польскаго государства; они давали имъ поводъ въ свое время придаться именно къ этой сторонѣ дѣла. Генеральная конфедерація, увлекаясь злобою къ противникамъ, не видала и не соображала, что пускаетъ въ оборотъ такое мнѣніе, противъ котораго ей скоро придется самой ополчиться. Между тѣмъ желанію очерпить противниковъ тѣнью повомодныхъ принциповъ, помогло и то, что папскій нунцій, 25-го ноября, прислалъ конфедераціи отъ св. отца поздравленіе, одобреніе и удовольствіе, что поляки возвратились къ старинѣ, какъ и слѣдовало народу, который всегда отличался преданностью къ римско-католической вѣрѣ. Такимъ образомъ составлялось мнѣніе, что переворотъ третьяго мая былъ плодомъ тѣхъ же ученій, которыя доводили Францію до 10-го августа, и слѣдовательно коалиція, составленная противъ того, что угрожало Европѣ, изъ Франціи могла также имѣть дѣло съ Польшею.

Въ противность новомодному либерализму, въ которомъ обвинялись противники, генеральная конфедерація хотѣла показать себя въ строгомъ духѣ соблюденія старинныхъ обычаевъ и уваженія къ религіозной внѣшности. По ея распоряженію отъ 28 ноября, коронные маршалки, по поводу наступившаго рождественскаго поста (адвента) запретили въ постные дни содержателямъ кофейнъ, шинковъ, ресторацій и редутовъ (собраній) музыку и танцы, подъякою 500 гривенъ въ пользу убогихъ и больницъ. 17-го декабря конфедерація издала вновь универсалъ, гдѣ говорила, что она не можетъ смотрѣть равнодушно на богохульства, прикрытыя плащомъ философіи, которыя допускаютъ нѣкоторые выродки отечества; «безбожіе современныхъ умниковъ дошло до того, что о Польшѣ оправдывается нѣкогда сказанное о ней однимъ иностраннымъ писателемъ: свобода совѣсти и богохульства наполнили Польшу такою заразою, какой никакая религія въ мірѣ не можетъ выносить. Конфедерація не хочетъ приневолить никого къ исповѣданію господствующей религіи, но не можетъ дозволить рожденному въ нѣдрѣ христіанства обывателю не знать никакой религіи, хулить Спасителя и Искупителя рода человѣческаго, издѣваться надъ святою религіею и тѣмъ самымъ заражать сердца невинныхъ, соблазнять простыхъ, обманывать слабыхъ, разсѣивать развратъ и молодыхъ сыновъ отечества, будущую его подпору и надежду, превращать въ дѣтей Веліала».

Главные занятія конфедераціи, по отношенію къ союзнымъ русскимъ войскамъ, состояли въ доставленіи фуража войскамъ, и тутъ конфедерація обыкновенно наваливала доставку фуража и квартированія войскъ на тѣхъ помѣщиковъ, на кого была зла, а имѣнія своихъ совѣтниковъ увольняла отъ такихъ тягостей. По сношеніямъ съ русскимъ военнымъ начѣльствомъ конфедерація установила цѣны на фуражъ и сдѣлала распоряженіе, чтобы мѣстныя конфедераціи выдавали русскимъ командамъ *палеты*, гдѣ значилось, что слѣдуетъ брать столько-то и въ такихъ-то имѣніяхъ; тоже давалось равно и на подводы и на всякія потребности; если же гдѣ случалась отъ русскихъ обида, тамъ жители должны были подавать жалобы въ мѣстную конфедерацію, которая уже сносила объ этомъ съ генеральною. Получать деньги за взятый провіантъ слѣдовало по квитанціямъ въ Варшавѣ, или тамъ, гдѣ находилась конфедерація. Такой порядокъ не способствовалъ тому, чтобы требованія обывателей удовлетворялись скоро. Недоразумѣнія между жителями и квартировавшими русскими войсками черезъ то не уменьшались, напротивъ усиливались. То и дѣло что отъ разныхъ мѣстныхъ конфедерацій поступали въ генеральную жалобы на утѣсненія отъ русскихъ войскъ; русскіе (жаловались обыватели) вымогали фуражъ и провіантъ болѣе положеннаго, и не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ положено брать ихъ; не платили за то, что въ волостяхъ забирали, брали лишнія подводы, солдаты дѣлали жителямъ насилія, а военное начальство не оказывало правосудія, когда обиженные обращались къ нему. Генеральная конфедерація черезъ повѣреннаго императрицы, барона Билера, списывалась объ этомъ съ Коховскимъ, но результата никакого не было до самаго новаго года. «Надобно потерпѣть, писала генеральная конфедерація брестъ-кузвской. За то намъ возвращается республиканская свобода; сердце трепещетъ какъ вспомнимъ, что намъ готовилось. Еще и теперь не отступаютъ отъ обольщенія наши враги новаторы, нарушаютъ права вольности, производятъ убійства, разбой, грабежи подъ именемъ защиты правъ человѣчества, забывая, что право собственности есть первое человѣческое право въ обществѣ».

Жалобы на русскихъ увеличивались зимою. Генеральная конфедерація, по полученнымъ жалобамъ, обращалась неоднократно къ Билеру о томъ, что за доставленный фуражъ и провіантъ не платятъ денегъ. Но русскіе офицеры съ своей стороны роптали, что поляки не доставляютъ провіанта въ магазины, при которыхъ они были приставлены. Конфедерація возражала, что жалобы со стороны русскихъ были несправедливы, и это доказывается квитанціями въ доставкѣ опредѣленнаго количества про-

віанта; при этомъ она замѣчала, что изъ доставленнаго провіанта не идетъ на солдатъ ничего, потому что солдатъ кормятъ хозяева, у которыхъ они были помѣщены; поэтому конфедерация просила установить комиссію пополамъ изъ русскихъ офицеровъ и комиссаровъ отъ конфедерации, для разсмотрѣнія этого дѣла. Конфедерация недовольна была главнокомандующимъ русскими войсками генераль-аншефомъ Коховскимъ за то, что онъ распредѣлилъ равную раскладку на дымы, тогда какъ дымы, во владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой, не представляли чего-нибудь однообразнаго; были дымы грунтовые, при которыхъ находилась земля, и были дымы огородные, мѣстскіе (городскіе) и халупные (бобыльскіе), не имѣющіе земли. Братъ провіантъ слѣдовало только съ грунтовыхъ, а Коховскій включилъ въ число подлежащихъ повинностямъ и остальные. Послана была делегация къ Коховскому, просить расплатиться за забранный провіантъ, а впередъ провіантъ и фуражъ брать только за наличныя деньги. вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалось, что давно уже поданы были жалобы на разныя утѣсненія и оскорбленія, причиненныя русскими военными людьми, но удовлетворенія на нихъ не послѣдовало.

Эта делегация воротилась отъ Коховскаго безъ отвѣта, и конфедерация обращалась еще разъ къ Билеру съ объясненіемъ, что такой поступокъ генераль-аншефа оскорбляетъ достоинство конфедерации, которая, по волѣ народа, образуетъ теперь верховное правительство края. Заявленіе это ни къ чему не послужило, и генеральная конфедерация, не получивъ ни удовлетворенія по жалобамъ, ни расплаты за провіантъ, 21-го декабря писала къ барону Билеру, что онъ посылаетъ во всѣ воеводства приказаніе о сборѣ и доставкѣ русскимъ войскамъ провіанта и фуража, съ замѣчаніемъ, что это дѣлается въ угодность барону, тогда какъ генеральная конфедерация знаетъ, что русскіе солдаты кормятся на квартирахъ, и надѣется, что будетъ учреждена делегация, которая установитъ выгодныя для обѣихъ сторонъ средства. вмѣстѣ съ тѣмъ посланъ былъ во всѣ воеводства черезъ мѣстныя конфедерации универсалъ, о собраніи вновь провіанта и фуража для русскихъ войскъ. Генеральной конфедерации опять пришлось утѣшать мѣстныя конфедерации тѣмъ, что если русскія войска и надѣлали достаточно безчинствъ, то все-таки это дѣлалось противъ воли императрицы.

Впрочемъ, независимо отъ столкновеній и недоразумѣній, которыя были неизбѣжны при стеченіи въ край многочисленнаго иноземнаго войска, въ войскѣ русскомъ было болѣе дисциплины и порядка, чѣмъ можетъ казаться по тѣмъ случаямъ, когда возникали жалобы на тягости отъ войска. Очевидцы,

сколько-нибудь безпристрастные, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Укажемъ, напр., на Козьмана. По его замѣчанію, многіе рускіе не только не относились съ высокоуміемъ и надменностію къ полякамъ, какъ къ побѣжденнымъ, но чувствуя, что они, рускіе, ниже поляковъ по цивилизаціи, смотрѣли на послѣднихъ съ уваженіемъ и прилаживались къ ихъ обычаямъ, да и поляки часто принимали ихъ съ тѣмъ радушіемъ и добродушіемъ, которымъ всегда отличалось ихъ племя. Если кто изъ военныхъ гостей въ Польшѣ дѣйствительно возбуждалъ противъ себя справедливыя жалобы, то это были казаки, которыхъ, при недостаткѣ строевой дисциплины, не всегда можно было удержать отъ произвола и безчинствъ, тѣмъ болѣе, что тутъ примѣшивалась традиціонная ненависть къ панамъ-ляхамъ, перешедшая отъ малоруссовъ и къ казакамъ великорусскаго происхожденія.

Сама конфедерація не представляла, однако, чего-нибудь стройнаго, согласнаго, напротивъ, обычная полякамъ безледица господствовала въ этомъ сборищѣ. Въ Литвѣ всемогущими были Коссаковскіе. Епископъ, носившій неважный титулъ инфлянтскаго (in partibus), поддѣлался къ Зубову и выпросилъ для себя въ администрацію краковское епископство, а вмѣстѣ съ нимъ до семи сотъ тысячъ годового дохода съ этого епископства. Эту сумму, послѣ смерти епископа Солтыка, четырехъ-лѣтній сеймъ отчислилъ отъ доходовъ епископства и обратилъ-было въ собственность скарба. Теперь, въ силу уничтоженія всѣхъ распоряженій сейма, признаннаго революціоннымъ и незаконнымъ, эта сумма возвращена была администратору епископства, которымъ назначенъ Коссаковскій за услуги отечеству. Тѣмъ не менѣе, такое чрезмѣрное присвоеніе доходовъ, уже составлявшихъ государственное достояніе, возбудило неудовольствіе всей малопольской провинціи, и въ слѣдующемъ году, въ апрѣлѣ, подана была противъ этого распоряженія протестація за подписомъ всѣхъ совѣтниковъ въ означенной провинціи. Около братьевъ Коссаковскихъ роились многочисленныя кліенты. Литовскіе дворяне, ради своихъ дѣлъ и видовъ, старались приобрѣсть благосклонность этихъ сильныхъ міра въ Литвѣ, управлявшихъ безконтрольно Литвою по милости Россіи. Старикъ Сапѣга, выбранный маршаломъ литовской конфедераціи, былъ собственно орудіемъ въ рукахъ партіи Коссаковскихъ и пользовался только почетомъ, который окружалъ тогда его званіе. Браницкій, Ржевускій, Щенский Потоцкій были врагами Коссаковскихъ, но между собою находились также въ неприязни. Браницкій былъ врагомъ Щенскаго и Ржевускаго, Ржевускій—врагомъ Потоцкаго и Браницкаго вмѣстѣ. У каждаго изъ нихъ были свои партіи, готовыя хоть сейчасъ на междоусобную

брань, и если бы, въ такомъ положеніи, Россія оставила Польшу на произволъ судьбы, то несогласія между конфедератами развились бы кровавыми смутами. По всеобщему отзыву современниковъ, въ томъ числѣ русскихъ, тогда господствовало ужасающее безправіе, насилія, безстыдное обирательство и грабежи, въ конфедераціонныхъ судахъ было крайнее кривосудіе. Конфедераты овладѣвали чужими имѣніями и были оправдываемы, когда на нихъ искали судомъ. По инымъ дѣламъ назначались особыя коммиссіи, которыя рѣшали дѣла неправильно и пристрастно. Прикрываясь силою конфедераціи, можно было совершать всякія самоуправства. «Конфедерація—замѣчаетъ Сиверсъ, бывший русскимъ посломъ послѣ Булгакова—хотя вначалѣ и оказала намъ услуги, но потомъ надѣлала намъ же несравненно болѣе зла своимъ неправосудіемъ, насильствами, грабежами, именно тѣмъ, что все это производилось подъ охраною русскаго оружія, и подъ покровительствомъ Россіи дозволено было ей имѣть неограниченное вліяніе на занятіе должностей, и особенно на судебныя приговоры, чрезъ что она заслужила великую ненависть».

III.

Сношенія кабинетовъ между собою по дѣламъ Польши. — Делегація въ Петербургъ. — Тревога конфедераціи.

Самостоятельность Польши болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сдѣлалась невозможною. Россія не могла уже ее оставить, потому что никогда еще не была такъ сильна надъ нею. Прусскій король, не выманивъ у поляковъ Гданска и Торуня прежде, теперь увидѣлъ предъ собою самое удобное время приобрѣсти инымъ путемъ отъ Польши болѣе того, сколько онъ просилъ поляковъ уступить ему добровольно. Велась война съ Франціею. Прусскій король участвовалъ въ ней какъ союзникъ Австріи и домогался за труды и издержки вознагражденія насчетъ Польши. Австрія могла согласиться на это съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ и ей также слѣдовало вознагражденіе. Въ іюнѣ, посланникъ русской императрицы въ Вѣнѣ, Разумовскій, говорилъ, что Австріи всего бы сподручнѣе вознаградить себя обмѣномъ Баваріи на Бельгію, — проектъ этотъ имѣла Австрія давно; исполненію его помѣшалъ когда-то Фридрихъ Великій. Когда Разумовскому замѣтили, что въ такомъ случаѣ прусскій король захочетъ также равной части, то Разумовскій отвѣчалъ, что теперешній прусскій король не сталъ бы мѣшать, какъ прежній.

Австрія принялась за эту мысль. Французъ уѣхалъ въ Франкфуртъ, гдѣ 14-го іюля принялъ императорскую корону, а 19-го имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Майнцѣ, и здѣсь въ первый разъ произошла конференція, гдѣ присутствовали австрійскіе и прусскіе дипломаты и обѣ стороны высказали прямо и ясно свои желанія. Пруссія объявила, что за участіе въ войнѣ противъ Франціи она желаетъ вознагражденія въ Польшѣ; Австрія объявила, что желаетъ промѣна Бельгій на Баварію, но при этомъ Австрія находила, что вознагражденіе будетъ неравномѣрно, Пруссія получитъ больше, Австрія останется въ убыткѣ на два милліона, а потому будетъ справедливо, если Австрія вознаградится еще, сверхъ вымѣна Баваріи, хотя бы принадлежавшими Пруссіи, недавно уступленными ей отъ маркграфа княжествами Аншпахомъ и Байрейтомъ. Но Пруссія сразу на это не согласилась. Дѣла не кончили.

Сношенія продолжались потомъ между прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, Гаугвицемъ, и вѣнскимъ министромъ Шпильманомъ.

Самъ король прусскій отправился въ походъ на Францію. Сначала союзники думали, что имъ ничего не будетъ стоить разсчитаться съ Франціею. Эмигранты увѣряли, что къ нимъ присоединится сильное войско изъ недовольныхъ, что вся Франція приметъ союзниковъ какъ освободителей, что громада народа недовольна переворотомъ, и что она въ душѣ осталась вѣрна прежнему порядку, готова умирать за своихъ королей и за свое дворянство, а съ противной стороны между французскими либералами раздоры и несогласія, слѣдовательно успѣхъ коалиціи не подлежитъ сомнѣнію. Сама Екатерина такъ думала и считала Францію чѣмъ-то въ родѣ своей сосѣдки Польши.

25-го іюля опубликованъ былъ грозный манифестъ къ французамъ, съ подписью предводителя прусскихъ войскъ, герцога брауншвейгскаго: предлагались французамъ милости австрійскаго императора и прусскаго короля, если они будутъ покорными подданными своего государя; въ случаѣ же, если французы окажутъ малѣйшее оскорбленіе или стѣсненіе своему королю, его фамиліи и тюльерійскому двору, то грозили произвести надъ Парижемъ такую примѣрную экзекуцію и такъ перевернуть въ немъ все вверхъ дномъ, что французы это навсегда будутъ помнить. Такой манифестъ, вмѣсто того, чтобы испугать французовъ, побудилъ ихъ только поскорѣе покончить съ монархіею, висѣвшею на волоскѣ. 10-го августа низвели короля, объявили республику; 2-го сентября перерѣзали въ тюрьмахъ друзей стараго порядка, а 20-го того же мѣсяца показали пруссакамъ обратную дорогу

изъ Франціи. Послѣ бесполезной канонады при Вальми, прусскія войска отступили назадъ въ чрезвычайномъ разстройствѣ, страдая равнымъ образомъ отъ проливныхъ дождей и грязи, какъ и отъ смертельнаго поноса, распространившагося между нѣмецкими солдатами. Послѣ этого союзными державами устроено было въ Люксембургѣ совѣщаніе о томъ, что дѣлать далѣе. Со стороны Пруссіи были находившіяся въ Вѣнѣ посланникомъ Гаугвицъ и Люкбезини, со стороны Австріи баронъ Шпильманъ и князь Рейссъ. Россію изображалъ посланникъ при прусскомъ дворѣ, Алопеусъ, а баронъ Бретейль представлялъ лицо Людовика XVI, тогда уже сидѣвшаго въ заключеніи въ Тамплѣ. Квартира прусскаго короля находилась недалеко отъ Люксембурга, въ селеніи Мерль. Послѣ совѣщаній, подана была прусскими уполномоченными подписанная королемъ нота, гдѣ было заявлено, что такъ какъ предпринятый походъ стоилъ издержекъ и траты людей, и оказывается, что дальнѣйшее продолженіе войны потребуетъ еще большихъ утратъ, то его прусское величество не иначе будетъ принимать въ ней участіе на будущее время, какъ пожелавши вознагражденія въ виду будущихъ своихъ издержекъ и усилій. Это вознагражденіе должно состоять въ присоединеніи къ Пруссіи извѣстной полосы Польши. Ихъ величества императоръ и русская императрица пусть признаютъ за нимъ это право, и онъ вступитъ въ дѣйствительное владѣніе этими польскими землями.

Подавши такую ноту, прусскіе уполномоченные подали и карту Польши, на которой проведена была линія, показывавшая, чего желаетъ его прусское величество. Предлагалась при этомъ двоякая сдѣлка отъ его прусскаго величества. Если отъ него будутъ требовать большихъ услугъ, то слѣдуетъ заплатить его прусскому величеству поощрѣе Польшею, а если услугъ потребуетъ меньше, то и польской земли прусское величество получитъ мевѣе. Такимъ образомъ, если согласятся отдать прусскому королю то, что онъ намѣтилъ на картѣ, онъ обѣщался дѣлательно вести войну и самъ идти въ походъ во Францію, а если не согласятся на означенную имъ пропорцію, то обѣщаль только двадцать тысячъ вспомогательнаго войска и все же за это требовалъ части Польши по сопредѣльности съ границами его государства.

Это требованіе не могло быть рѣшено тотчасъ на мѣстѣ. Уполномоченные должны были представить его на обсужденіе своимъ дворамъ, и потому, вслѣдъ за тѣмъ, началась переписка съ австрійскимъ и русскимъ дворомъ, и продолжалась всю осень. Императрица держалась системы водить прусскаго короля во-первыхъ для того, чтобы возбудить въ немъ расположеніе усту-

пить Россіи то, чего послѣдняя пожелаетъ для себя; во-вторыхъ, она для своихъ плановъ хотѣла, чтобы Австрія не только дала свое согласіе, но сама бы ходатайствовала за прусскаго короля; въ-третьихъ, ей хотѣлось такимъ образомъ свалить съ себя починъ въ этомъ дѣлѣ, которое, разумѣется, должно было имѣть очень важныя послѣдствія на грядущія времена. Графъ Остерманъ писалъ прусскому двору такія депеши, изъ которыхъ прусскій дворъ не могъ получить яснаго отвѣта на свои представленія.

Не добившись толку отъ Россіи прямо, Пруссія обращалась къ посредничеству Австріи, чтобы Австрія съ своей стороны склонила Россію. Австрія стала недовольна, однако, промѣномъ Баваріи на Бельгію, и имѣла причину быть недовольною, тѣмъ болѣе, что возможность этого факта подвергалась сомнѣнію, потому что, послѣ изгнанія союзниковъ изъ Франціи, французы заняли Бельгію. Нельзя было поручиться, что пфальцскій князь-избиратель, наслѣдникъ Баваріи, хотя соглашавшійся на промѣнъ, и теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, согласится на то же. Австрія, чтобы удержать за собою право обмѣна, заявляла еще желаніе получить часть Польши, хотя временно, съ обязанностью возвратить ее, если только Австрія можетъ быть вознаграждена инымъ образомъ. Это желаніе не встрѣтило согласія со стороны Россіи, а Пруссія, ссылаясь на послѣднюю, тоже старалась отклонить Австрію отъ ея требованій. Екатерина побуждала прусскаго короля продолжать войну съ Франціею, признавала за нимъ вполне право вознагражденія, но уклонялась отъ прямого согласія на занятіе Польши, а прусскій король упирался, ни за что не хотѣлъ продолжать войны, прежде чѣмъ союзныя государства не дадутъ ему согласія вступить въ Польшу, и притомъ такъ, чтобы занятіе польскихъ провинцій не зависѣло отъ удовлетворенія Австріи. Австрія когда-то удастся получить въ Баваріи или въ Польшѣ, а прусскій король хотѣлъ немедленно ввести войска въ Великую Польшу и присоединить ее къ своему государству.

Какъ ни упиралась съ своей стороны Австрія, но планъ ея пріобрѣсти Баварію и попользоваться насчетъ Франціи могъ удался только при успѣхѣ войны, успѣхъ же войны зависѣлъ отъ участія прусскаго короля; а какъ прусскій король не хотѣлъ продолжать войны, не занявши Польши, то Австрія должна была сдѣлать угодное прусскому королю. Министру ея при петербургскомъ дворѣ дано порученіе просить императрицу о согласіи на то, чтобы его величество прусскій король немедленно вступилъ во владѣніе польскими землями, которыя онъ желаетъ пріобрѣсть въ качествѣ вознагражденія, независимо отъ осу-

шествованія видовъ императора на Баварію или на соотвѣтственныя польскія провинціи. Императрица приказала, наконецъ, 5-го декабря 1792 г., вице-канцлеру Остерману дать рѣшительный отвѣтъ графу Гольцу, прусскому посланнику, содержащій согласіе на вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу. Гольцъ подалъ карту, гдѣ его король обозначилъ демаркаціонную линію отъ Ченстохова у силезской границы, черезъ Раву до Сольдау, на сѣверной границѣ Польши съ восточной Пруссіею, такъ что города Гданскъ, Торунь, Лэнчица, Сѣрадзь, Шютрковъ, Калишъ, Гнѣзно и Познань отходили въ Пруссіи. Это, на вѣжливымъ дипломатическомъ языкѣ, называлось округленіемъ (arrondissement) границъ.

Съ своей стороны російская императрица назначила линію, означавшую пространство, какое было ей угодно присоединить отъ Польши для округленія послѣдней. Сообщая объ этомъ своему королю, прусскій посланникъ въ Петербургѣ не оставилъ называть такого рода заявленіе императрицы чрезмѣрными притязаніями (die enormen Ansprüche). Мнѣніе Екатерины препровождено было прусскому королю 5-го (16-го) декабря, а окончательный договоръ былъ подписанъ уже 12-го (23-го) января 1793 года, въ Петербургѣ.

Несмотря на то, что эти переговоры велись въ строгомъ секретѣ, гамбургскія газеты еще въ ноябрѣ напечатали, въ видѣ частныхъ писемъ, о собирающейся надъ Польшею грозѣ, и вслѣдъ затѣмъ конфедерація получила конфиденціальныя извѣстія отъ командира польскаго войска въ Великой Польшѣ, Ожаровскаго, что въ Пруссіи пошли слухи о готовности ввести прусскія войска во владѣнія Рѣчи-Посполитой въ скоромъ времени. Маршалы генеральной конфедераціи въ испугѣ обратились конфиденціально къ барону Билеру отъ 22-го ноября. «Генеральная конфедерація — сказано было въ письмахъ маршаловъ — считаетъ эти слухи ложными, выдуманными и распространенными съ цѣлью отравить довѣріе гражданъ и волновать умы, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ нужнымъ объяснить націи какъ можно скорѣе всю лживость подобной клеветы и упрочить внутреннее спокойствіе, а потому конфедерація вмѣняетъ себѣ въ обязанность объясниться съ прусскимъ посланникомъ».

Вслѣдъ затѣмъ, 5-го декабря, конфедерація отнеслась къ Бухгольцу, замѣнившему Люквезини. Въ нотѣ конфедераціи было сказано: «Польская Рѣчь-Посполитая вѣритъ неизмѣнному доброду расположенію и союзу наяснѣйшаго прусскаго короля и подобныя слухи признаетъ ложью, преднамѣренно разсѣиваемую тѣми, которые хотятъ внушить націи недовѣріе въ сосѣдской

дружбѣ прусскаго короля, возбудить въ умахъ тревогу и возмутить спокойствіе, но, для утишенія всего этого, категорическій отвѣтъ Бухгольца былъ бы вѣрнѣйшимъ и приличнѣйшимъ средствомъ. Конфедерація не можетъ сомнѣваться, что Бухголецъ не замедлитъ дать ей утѣшительный отвѣтъ».

Желаннаго отвѣта пришлось конфедераціи ждать болѣе мѣсяца. Изъ Петербурга между тѣмъ вѣяли успокоительныя вѣсти. Посланникомъ при императорскомъ дворѣ, вмѣсто отставленнаго Деболя, оказавшагося сторонникомъ майской конституціи, назначенъ былъ Вьельгорскій. Еще въ сентябрѣ отправлена была депутація къ императрицѣ; на челѣ ея былъ гетманъ Браницкій. Съ нимъ отъ Короны были гетманъ польскій Ржевускій, Грановскій, Миръ и Вьельгорскій а изъ Литвы гетманъ польскій Коссаковскій, другой Коссаковскій (воеводичъ витебскій), князь Радзивиллъ (сынъ виленскаго воеводы), Сапѣга (сынъ канцлера) и троцкій каштелянъ Платтеръ.

14-го ноября эта депутація представлялась Екатеринѣ и приносила благодарность за восстановление старопольской свободы. «Уже—говорилъ Браницкій—полякъ, подавляемый грознымъ бременемъ, началъ преклонять колѣна предъ божествомъ, невѣдомымъ ему отъ вѣковъ и съ отчаяніемъ взиралъ на вѣковыя кандалы, которые должны были связывать его правнуковъ. Но Богъ и Екатерина возрѣли на него. Обольстительный истуканъ палъ; его творцы и почитатели разбѣжались, полякъ возсталъ, подобно своимъ предкамъ свободный, и простеръ руки къ небу, а полныя чувствительности очи къ своей избавительницѣ! О, если бы возвращенная свобода сдѣлалась вѣчно неизмѣняемымъ счастіемъ для польскаго народа! Полякъ жаждетъ этого и видитъ свое счастье только въ вѣчномъ союзѣ съ краями, которые Провидѣніе вручило вѣчно памятному твоему скипетру».

Отъ имени императрицы отвѣтили делегаціи вице-канцлеръ въ такихъ выраженіяхъ: «въ чувствахъ сосѣднаго вольнаго и дружелюбнаго народа императрица видитъ себѣ награду за стараніе, оказанное ею для восстановления древней свободы и независимости Польши». Онъ передалъ удовольствіе императрицы за предложеніе союза между двумя государствами. «Я имѣю приказаніе — сказалъ онъ въ концѣ — сообщить почтенной делегаціи взаимное желаніе ея величества такого естественнаго союза и увѣрить всѣхъ членовъ ея въ высокомъ вниманіи къ ней ея императорскаго величества».

Затѣмъ нѣсколько времени оставались поляки въ Петербургѣ. Ихъ забавляли празднествами и увеселеніями. Кромѣ делегатовъ въ Петербургѣ то и дѣло пріѣзжали поляки по соб-

ственнымъ дѣламъ: кто просить староства, кто получить орденскую ленточку. Жившій въ то время въ Ливоніи графъ Сиверсъ, будущій рѣшитель судьбы Рѣчи-Посполитой, видя какъ они сновали мимо его имѣнія черезъ Вольмаръ, замѣчалъ: «этакъ они цѣлый Петербургъ запрудяютъ! Вотъ что значить насмѣхаться надъ свободою; французы такъ не смѣялись надъ своею, когда раздѣлялись съ герцогомъ брауншвейгскимъ».

Императрица всѣхъ обворожила своею благосклонностію. Въ числѣ пріѣзжавшихъ былъ Михаилъ Огинскій, бывшій сторонникъ конституціи 3-го мая, племянникъ бывшаго гетмана литовскаго; онъ пріѣзжалъ просить о снятіи секвестра съ своихъ имѣній. Получивъ желаемое, онъ, какъ рассказываетъ самъ въ своихъ запискахъ, представляясь любимцу императрицы графу Zubову, изъявилъ желаніе оставить навсегда свое отечество, предвидя, что Польша быть можетъ опять подвергнется раздѣлу.

«Выкиньте это изъ головы, сказалъ Zubовъ. Эти сказки сочиняютъ враги Россіи. Императрица принимала къ сердцу судьбу польскаго народа, съ сожалѣніемъ видѣла сѣти, которыя разставляетъ Польшѣ прусскій король, и бездну, куда хотѣли ее ввергнуть французскіе революціонеры. Но поляки были глухи ко всѣмъ благоразумнымъ совѣтамъ, которые имъ давались посредствомъ русскаго посланника въ Варшавѣ, и потому императрица склонилась къ мольбамъ знатнѣйшихъ членовъ сейма, думавшихъ разсудительнѣе, чѣмъ другіе, послала войска свои затѣмъ только, чтобы спасти Польшу. Вы думаете, императрицѣ нужны новыя пріобрѣтенія? Да развѣ бы она не могла, если бы хотѣла, овладѣть Турціею и посадить на престолъ въ Константинополь своего внука? Польша для нея болѣе полезна въ дружескомъ союзѣ, какъ оплотъ противъ остальной Европы. Пусть себѣ кричитъ въ вашихъ провинціяхъ это мелкое шляхетство, не знающее само, чего ему хочется, — ваши якобинцы санкюдоты, которымъ терять нечего, да ваши старыя барскіе конфедераты. Люди умные, которыхъ въ вашей землѣ много, могутъ ли допустить, чтобы русская императрица согласилась на раздѣлъ Польши? Увѣряю васъ, что не таковы ея намѣренія, и если вы узнаете величіе ея души и благородство ея чувствъ, то первый станете уничтожать въ вашей землѣ ложные слухи, возникшіе по этому поводу». Такъ относилась Россія къ тревогѣ, возникшей въ Польшѣ по поводу гамбургскихъ газетъ.

Намѣренія императрицы и сношенія съ Пруссіею о раздѣлѣ Польши хотѣли сохранить въ непроницаемой тайнѣ до тѣхъ поръ, когда придетъ время нанести роковой ударъ. Англійскій посолъ Уисвортъсъ, наканунѣ послѣдняго формальнаго договора

съ Пруссіею о раздѣлѣ Польши, говорилъ съ Марковымъ объ этомъ предметѣ. Тогда Англія уже пристала къ коалиціи противъ Франціи. Англійскій посоль изъяснялъ, что его государству было бы очень прискорбно, если бы въ тотъ самый моментъ, когда лондонскій дворъ готовится дѣйствовать за одно въ честномъ и справедливомъ дѣлѣ, приводился въ исполненіе планъ, который могъ только увеличить безпорядокъ въ Европѣ и которому противодѣйствовать всѣ обязаны. «Я надѣюсь,—говорилъ онъ,—что ея величество никогда не можетъ быть участницею такого дѣла, но естественнымъ образомъ на ея величество будетъ падать отчасти негодованіе, возбуждаемое такимъ несправедливымъ поступкомъ, если онъ предпринятъ будетъ въ ту минуту, когда оба двора показываютъ сильнѣйшіе знаки дружбы и довѣрія, и объявляютъ Европѣ возстановленіе полнѣйшей гармоніи, которая къ несчастію была нарушена». Марковъ уклонился отъ объясненія того, что желалъ объяснить англичанинъ и отвѣчалъ только въ общихъ выраженіяхъ, распространялся о томъ, что императрица возложила на себя большія заботы и потеряла много убытковъ для возстановленія порядка въ Польшѣ. «До сихъ поръ — сказалъ онъ,— все, что было сдѣлано, оказало противныя послѣдствія, а для сосѣдственныхъ республикъ странъ необходимо освободиться отъ препятствій въ этомъ отношеніи, чтобы имѣть возможность направить свои силы въ иную сторону. Я не думаю, чтобы опасенія поляковъ были основательны; мѣры, предпринятія прусскимъ королемъ, равно и тѣ мѣры, какія избирала или будетъ избирать Россія, скорѣе мѣры предосторожности, чѣмъ планы присвоенія какой бы то ни было части польской территоріи».

Когда трактатъ о раздѣлѣ былъ уже окончательно подписанъ, а прусскій король ввелъ свои войска въ Польшу, англійскій посоль, узнавъ объ этомъ 29-го января, опять обратился къ Маркову съ просьбою, удѣлить ему, какъ представителю союзной державы, свидѣнія: какія мѣры принимаются по отношенію къ Польшѣ и вмѣстѣ сообщилъ ему свои основанія на счетъ слуховъ о предстоящемъ раздѣлѣ. «Подобный поступокъ въ такую минуту — говорилъ Уисвортъ — до крайности опасенъ и вѣроятно обратитъ въ противную сторону общественное мнѣніе въ Англіи, которое теперь благопріятно защищаемому нами дѣлу; такимъ образомъ онъ помѣшаетъ согласію, столь желаемому и полезному. Кромѣ того, такое сильное средство напугаетъ и другія страны, которыя уже готовы участвовать въ войнѣ противъ Франціи. Поступокъ этотъ навлечетъ въ высшей степени непопулярность предпріятію противъ Франціи и поможетъ францу-

замъ сильнѣе, чѣмъ сколько они сами надѣются». — «Поступокъ, котораго вы боитесь, — сказалъ Марковъ — не будетъ исполненъ; въ этомъ можете увѣрить вашъ дворъ. Я не беру на себя предсказывать то, что будетъ позже, но въ настоящее время дѣло стоитъ на основаніи объявленія его величества прусскаго короля, и не принимается дальнѣйшихъ шаговъ, которые могли бы обезпечить Польшу».

Конфедерація, между тѣмъ, удвоила ревность въ занятіи внутренними дѣлами. 8-го декабря назначили комиссію для пересмотра литовскаго статута. Желая расположить къ себѣ сколько-нибудь и мѣщанское сословіе, которое имѣло поводъ сожалѣть о конституціи 3-го мая, она предписала отъ пяти значительнѣйшихъ городовъ изъ каждой провинціи (въ Великой Польшѣ отъ Познани, Калиша, Варшавы, Пиотркова, Вскова, и въ Малой Польшѣ отъ Кракова, Люблина, Сендомира, Каменца, Житомира, въ литовскомъ великомъ княжествѣ отъ Вильны, Гродно, Ковно, Минска и Бреста) прислать по два депутата, выбравъ ихъ изъ числа давнихъ мѣщанскихъ жителей — непременно изъ такихъ лицъ, которые до 1790 года были въ мѣщанскомъ званіи, для представленія по 15-е февраля 1793 г. просьбъ и желаній своихъ въ Гродно. Другимъ городамъ дозволили, по желанію ихъ, доставлять въ генеральную конфедерацію свои заявленія и мнѣнія. Съ другой стороны, всѣмъ повѣтовымъ маршаламъ объявлено, что отселѣ они возводятся въ сенаторское званіе и являются въ конфедераціи наравнѣ съ каштелянами. Объявлено, чтобы къ 15-му февраля всѣ, кто пожелаетъ, представляли проекты устройства правленія и общественнаго порядка на будущее время, а для разсмотрѣнія проектовъ выбрана была изъ членовъ конфедераціи депутація, которая должна была изъ прежнихъ законоположеній извлечь кардинальные или основные законы для Польши, сдѣлавъ это такъ, чтобы вольность каждаго обывателя была ограждена отъ интригъ, устроить администрацію такъ, чтобы исполнительная власть не могла нарушать общественной и личной свободы, и управленіе дѣлами въ воеводствахъ не могло быть поглощено высшею наблюдательною властью, указать мѣры, чтобы войско могло быть только полезно, а не страшно отечеству, и наконецъ, чтобы былъ обезпеченъ вѣчный и неизмѣнный миръ съ сосѣдями.

Къ 15-му февраля должны съѣхаться всѣ депутаты, а потомъ будетъ созванъ сеймъ, долженствующій утвердить форму правленія въ республиканскомъ духѣ. На вѣчную память грядущимъ поколѣніямъ установлена была медаль въ память осво-

боженія Польши; она была установлена еще 5-го декабря, но въ раздачѣ поступила 5-го января ¹⁾).

Среди такихъ постановленій 16-го января 1793 года появилась зловѣщая нота прусскаго посла Бухгольца. Въ ней было сказано, что въ Польшѣ сталъ распространяться духъ французскаго демократизма и правила ужасной секты: якобинскіе агенты находятъ себѣ поддержку; открываются революціонные клубы;— въ особенности Великая Польша отравлена этимъ ядомъ, и срываетъ въ себѣ большое число поклонниковъ фальшиваго патриотизма; ихъ связи съ французскими клубами внушаютъ прусскому королю опасеніе за безопасность собственныхъ владѣній и принуждаютъ его прибѣгнуть въ дѣйствительнымъ средствамъ. Обязанный продолжать войну противъ Франціи вмѣстѣ съ союзными государствами, король прусскій совѣтовался съ австрійскимъ и россійскимъ дворами, и оба союзные двора признали, что здравая политика не дозволяетъ оставлять въ Польшѣ свободными руки заговорщиковъ, и такимъ образомъ имѣть въ тылу у себя непріятеля, котораго зловредныя поштыки могутъ сдѣлаться источникомъ новыхъ безпокойствъ, тѣмъ болѣе, что пограничные края прусскаго государства уже испытали всякаго рода нарушенія территоріи со стороны поляковъ. По этой причинѣ прусскій король рѣшился ввести въ Великую Польшу значительную часть войска подъ командою генерала Меллендорфа для удержанія въ этомъ краѣ спокойствія. На жителей лежитъ обязанность принять эти войска и снабжать ихъ продовольствіемъ, а генералъ Меллендорфъ обязанъ платить за доставленное и удерживать подначальныя ему войска въ надлежащей дисциплинѣ.

Генеральная конфедерація на эту ноту поручила канцлеру Малаховскому дать отвѣтъ въ такомъ смыслѣ: «Дѣло конституціи 3-го мая, со всѣми его вредными послѣдствіями для спокойствія отечества, уже уничтожено при помощи императрицы и генеральная конфедерація отъ 28-го ноября 1792 года уже запретила всякіе клубы, угрожая суровымъ наказаніемъ ихъ составителямъ; затѣмъ туземное польское правительство имѣетъ достаточно силы для удержанія спокойствія, особенно при сильной и великодушной помощи императрицы, почему просить прусскаго короля удалить изъ предѣловъ Рѣчи-Посполитой свои войска, и въ надеждѣ, что прусскій король исполнитъ ея просьбу,

¹⁾ Посреди вѣнца слова: *Civibus quorum pietas conjuratione die tertia mai 1791 obrutam et deletam libertatem polonam tueri conabatur Respublica resurgens; около задьясь: gratitudo concivibus exemplum posteritati.* На другой сторонѣ по срединѣ: *Decreto Respublicae nexu confederationis junctae quinta decembris 1792. Regnante Stanislawo-Augusto.* На рубчикѣ вѣсь серебра: *ex marca pura colon. 10¹/₁₆.*

не дѣлаеть никакихъ распоряженій относительно содержанія прусскихъ войскъ, введенныхъ въ Польшу. Что же касается до нарушенія прусской территоріи, то конфедерація желаетъ знать подробно, въ чемъ оно состоитъ, и кто виновать въ этомъ, дабы предать виновныхъ достойному наказанію».

Сообразно съ наказомъ, даннымъ конфедераціею отъ 20-го января, канцлеръ Малаховскій, 23-го января, подалъ Бухгольцу отвѣтъ на его ноту и между прочимъ выразился такъ: «Положеніе дѣлъ въ Польшѣ удаляетъ всякую возможность какаго бы то ни было безпорядка, угрожающаго спокойствію прусскихъ владѣній и могущаго служить его величеству прусскому королю поводомъ ко введенію своихъ войскъ въ Польшу, а потому наислѣдствіе конфедерація остается въ полномъ убѣжденіи, что этотъ справедливый и великодушный монархъ отмѣнитъ выданные приказы и пожелаетъ черезъ то даровать новое доказательство своего благорасположенія къ Рѣчи-Посполитой и умножить то взаимное довѣріе, которое должно соединять два сосѣдственныя дружественныя государства».

Въ одинъ и тотъ же день, когда конфедерація послала Малаховскому инструкцію объ отвѣтѣ на прусскую ноту, она отправила письмо къ Екатеринѣ, жаловалась на поступокъ прусскаго короля, замѣчала, что онъ производитъ тяжелое впечатлѣніе на умы, просила о содѣйствіи императрицы къ тому, чтобы убѣдить прусскаго короля отмѣнить свой приказъ, и выражалась такъ: «мы не боимся за наши лучшія провинціи, волюбель польскаго государства, но Рѣчь-Посполитая, возстановленная вашимъ величествомъ, желаетъ не имѣть другого счастья, какъ пользоваться спокойствіемъ и цѣлостью, достигнутыми собственными возможными усиліями и благодѣяніями вашего величества».

Въ тоже время генеральная конфедерація показывала видъ, что поступокъ короля прусскаго для нея еще не очень страшень; она, по поводу введенія прусскимъ королемъ своихъ войскъ въ польскія владѣнія, приказывала всѣмъ офицерамъ, взявшимъ отпускъ, возвратиться къ своимъ корпусамъ на службу, а командирамъ пѣшихъ полковъ немедленно, изъ вакантныхъ кассъ, находящихся при корпусахъ, покупать лошадей подъ батальонныя орудія и аммуниціонныя возы; впрочемъ, всѣмъ войскамъ приказывалось сохранять строгое спокойствіе и отнюдь не начинать непріязненныхъ дѣйствій съ пруссаками.

Н. Востомаровъ.

МАВРИТАНСКІЙ КОРОЛЬ.

(Изъ Гейне).

Погруженный въ нѣмое страданье,
Подавляя въ душѣ своей боль,
Изъ гранадскаго царства въ изгнанье
Ѣхалъ Мавровъ послѣдній король.

И за нимъ въ балдахинахъ высокихъ,
Крытыхъ шелкомъ, парчей до земли,
Его женъ и рабынь черноокихъ
Твердымъ шагомъ верблюды несли.

Подвигалася вслѣдъ вереница
Вѣрныхъ слугъ на арабскихъ коняхъ,
Были мрачны тѣхъ всадниковъ лица,
Тихо Ѣхали съ грустью въ очахъ.

Тихо Ѣхали, пѣсенъ не пѣли,
Не слышать было звонкой трубы,
Колокольчики муловъ звенѣли,
Шли за мулами молча рабы.

Поѣздъ медленно двигался въ гору,
Показалась Гранада вдали,
На прощанье представился взору
Видъ отцовской любимой земли.

Бросилъ лошадь король, — и въ молчаньѣ
 На Гранадѣ родную глядѣлъ:
 Въ золотистомъ вечернемъ сѣянъѣ
 Городъ пурпуромъ яркимъ горѣлъ.

Въ аломъ блескѣ вечерняго свѣта
 Крестъ на башняхъ и стѣнахъ сверкалъ,
 Замѣнилъ онъ луну Магомета....
 Какъ ребенокъ король зарыдалъ.

Въ немъ душевныя силы сломились,
 Изъ души его вырвался стонъ,
 Изъ очей его слезы полились....
 Онъ оплакивалъ царственный тронъ.

Разодвинувъ парчу балдахина,
 Престарѣлая мать короля
 Поглядѣла съ усмѣшкой на сына
 И надменно и злобно рекла:

«Ты дождался за трусость награды,
 Ты какъ женщина немощепъ, хилъ,
 Лучше-бъ ты подъ стѣнами Гранады
 Свою голову въ битвѣ сложилъ.»

Ту суровую рѣчь услышала
 Короля молодая жена,
 И обнявши его, цѣловала
 И съ улыбкой ласкала она.

«О не плачь, не тоскуй, — говорила, —
 Мой возлюбленный царственный Мавръ,
 Гдѣ теперь твоей славы могила,
 Тамъ роскошный поднимется лавръ.

«Шаловливая женщина — счастье,
 Побѣдитель ей милъ — не одинъ,
 Въ ея сердцѣ находить участие
 И бездоля израненый сынъ.

«Сильный мужествомъ, доблестью воинъ
Не забудется громкой молвой;
Вѣчной памяти славной достойнъ
Злой судьбою сраженный герой».

Вдохновенной любви предвѣщанья,
Предсказанія милой сбылись,
Не забылися Мавра страданья,
Въ звучныхъ пѣсняхъ до насъ донеслись.

И до нынѣ народъ воспѣваетъ,
И «рыданіемъ Мавра» назвалъ,
Эти горы, гдѣ Дурръ протекаетъ,
Гдѣ безсильный изгнанникъ рыдалъ.

Его имя не тронетъ забвенье,
Развѣ, сгинетъ поэзи даръ,
И замолнетъ въ Испаніи пѣнье
Полнозвучныхъ и стройныхъ гитаръ.

А. Я — вѣ.

СЕСТРА РОЗА.

П О В Ъ С Т Ъ .

(Переводъ съ рукописи).

Въ одинъ изъ октябрьскихъ вечеровъ двѣ монахини шли по дорогѣ къ маленькому городку Мортаню, неподалеку отъ Алансона. На нихъ были сѣрая широкая платя и бѣлая шляпа съ широкими полями. Смеркалось. Онѣ все болѣе и болѣе ускорили шаги, ихъ длинныя четки мѣрно болтались по платю. Уже значительная часть окаймленной вязами аллеи, вдоль которой лежалъ ихъ путь, осталась позади ихъ, а между тѣмъ онѣ еще ничего не видѣли впереди кромѣ бѣлой, извилистой линіи, тонущей въ массѣ зелени. Онѣ шли молча, только изрѣдка обмѣниваясь словомъ.

Одна изъ монахинь перекрестилась и перебирая четки, стала шептать молитву. Другая послѣдовала ея примѣру, но нѣсколько небрежно и не спуская разсѣяннаго взора своихъ голубыхъ, какъ лѣтнее небо, глазъ съ золотистыхъ облаковъ, облежавшихъ западъ, на которыхъ отчетливо рисовалась мягкая зелень вязовъ.

Одна изъ монахинь была старая, другая молодая. Первая, полная и даже тяжеловѣсная, имѣла черты лица, когда-то пріятныя и даже можетъ красивыя; но теперь расплывшіяся и запечатлѣнныя нравственною и умственною тупостью; онѣ не выражали ничего кромѣ какой-то пабожной угрюмости.

Ея спутница была, напротивъ, высокая, стройная и скорѣе худощавая. Цвѣтъ ея лица былъ той прозрачной бѣлизны, которая нерѣдко встрѣчается подъ этими широкими шляпами, куда не проникаютъ ни солнце, ни воздухъ. Впрочемъ щеки молодой монахини не сдѣлались еще совсѣмъ безцвѣтными; онѣ слегка

отдѣлялись слабымъ и нѣжнымъ румянцемъ бенгальской розы. Глаза ея имѣли не то, чтобъ печальное, но нѣсколько томное выраженіе. Ротъ ея, довольно большой, изъ-за котораго случайно мелькнули бѣлые, ровные зубы, несмотря на общій меланхолическій характеръ лица, сохранялъ слѣды веселой и живой юности.

Вдругъ посреди безмолвія, нарушаемаго только шелестомъ листьевъ и шумомъ быстрыхъ шаговъ монахинь, раздался легкій стонъ. Старшая монахиня вздрогнула, крѣпче сжала въ рукахъ четви и ускорила шагъ. Младшая остановилась, озираясь вѣрругъ.

Стонъ послышался со стѣроны поля, на окраинѣ дороги.

— Господи Іисусе! воскликнула монахиня: чего вы тамъ остановились сестра? Въ это позднее время...

— Но это можетъ быть больной?

— Скажите лучше пьяный. Пойдемте, пойдемте скорѣй. Остановиваться ночью на дорогѣ вовсе не безопасно.

Молодая монахиня, уступая убѣжденіямъ своей спутницы, сбѣжала нѣсколько шаговъ и снова остановилась.

— Нѣтъ, сестра, сказала она, было бы грѣшно оставить въ опасности человѣка, которому мы можетъ быть въ состояніи помочь.

— Это одна изъ вашихъ обычныхъ фантазій, съ досадою замѣтила старшая.

Въ эту минуту воздухъ огласился дѣтскимъ плачемъ, за которымъ послѣдовалъ новый стонъ и нѣсколько безсвязныхъ словъ.

— Слышите, сестра?

— Слышу, коротко и сухо отвѣчала пожилая монахиня, но минуту спустя какъ бы раскаяваясь въ своей жестокости, прибавила гораздо мягче:

— Ваша правда, сестра Роза, намъ слѣдуетъ пойти посмотреть, что это такое.

И онѣ направились въ сторону, откуда слышались голоса и стоны.

Сестра Роза быстро и легко перескочила черезъ небольшую канаву, отдѣлявшую дорогу отъ сосѣдняго поля. Она внезапно очутилась возлѣ женщины, которая полулежала на землѣ, держа у груди маленькаго спящаго ребенка. Рядомъ съ ней стояла дѣвочка лѣтъ пяти, которая съ горькимъ плачемъ что-то говорила, чего изъ-за ея рыданій нельзя было разобрать.

Странное положеніе этой женщины, свидѣтельствовавшее о крайнемъ утомленіи, лихорадочный блескъ ея глазъ и щекъ мгновенно бросились въ глаза монахинѣ.

— Вы больны? было ея первымъ словомъ незнакомѣй.

— Да, отвѣчала та, очень больна! А мои дѣти голодны и озябли. Сжальтесь надъ нами!

— Господи Иисусе! могла только восхлигнуть молодая монахиня, всплеснувъ руками.

Она поспѣшно вернулась къ своей спутницѣ, которая, по всему видно, была ея начальницей. Толщина старухи, болѣе нежели ея сановитость, удерживала ее на противоположной сторонѣ канавы, черезъ которую она не рѣшалась перескочить. Сестра Роза въ нѣсколькихъ словахъ описала ей печальное положеніе женщины и ея малютокъ.

— Кто она и откуда? спросила старшая монахиня.

И между нею и незнакомкой черезъ посредничество сестры Розы завязался слѣдующій разговоръ:

— Мы издалека, изъ окрестностей Сень-Бриена.

— Куда онѣ идутъ?

— Въ Парижъ....

Незнакомка точно хотѣла еще что-то прибавить, но у нея вмѣсто словъ вырвался глубокій вздохъ.

— Зачѣмъ имъ туда?

— Соединиться съ моимъ.... мужемъ.

— Но развѣ у нея нѣтъ родныхъ? Возможно ли, чтобъ всю эту дорогу они прошли пѣшкомъ.

— У меня нѣтъ родныхъ.... по крайней мѣрѣ близкихъ..... И всего только одна пріятельница въ Реннѣ. Остановившись тамъ, чтобъ повидаться съ ней и дать отдохнуть дѣтямъ, я замѣтила.... о, Господи!... что у меня дорогою украли... а можетъ быть я и сама потеряла... немного денегъ, которыя у меня еще оставались. Тогда мнѣ поневолѣ пришлось идти пѣшкомъ, проси ночлега въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ насъ застигала ночь. Но часто, часто приходилось мнѣ оставаться на холодномъ воздухѣ безъ всякаго убѣжища!... Вѣроятно отъ этого, а также и отъ усталости со мной сдѣлалась лихорадка.... и я почувствовала теперь, что не могу идти далѣе.

— У васъ есть какія-нибудь бумаги?

Бѣдная женщина вынула и показала пачку писемъ отъ мужа, говорила она, — и болѣе ничего. У ней не было свидѣтельства отъ мера, что показалось весьма подозрительнымъ старшей изъ монахинь, которая начала по этому случаю выражать свое недовольствіе.

— Сестра Анжелива, перебила ее младшая монахиня, эта женщина кажется очень больна.

— Гмъ!... Да, нечего дѣлать, мы должны взять ее съ собой, хотя у насъ и безъ того не мало больныхъ!... Мы ее во всякомъ

случаѣ отведемъ къ матери игуменьи, а та уже порѣшитъ что съ ней дѣлать.

Услышавъ это, сестра Роза мгновенно схватила на руки ребенка и помогла бѣдной женщинѣ встать. Затѣмъ онѣ всѣ вмѣстѣ отправились въ путь. Имъ оставалось не болѣе четверти часа ходьбы до Мортаня. Но больная съ трудомъ передвигала ноги, которыя у нея страшно опухли. Кромѣ того, она страдала почти нестерпимой головной болью и, по всему было видно, находилась въ лихорадочномъ состояніи, которое ее до крайности изнуряло. Что касается до маленькой дѣвочки, то она продолжала плавать, хотя не такъ громко какъ прежде. Ее казалось испугалъ суровый тонъ, какимъ сестра Анжелика, беря ее за руку, приказала ей молчать.

— Обопритесь на меня сильнѣе, шепнула сестра Роза на ухо незнакомкѣ.

— Благодарю васъ.... вы очень добры. Васъ ужъ и безъ того стѣсняетъ мой мальчикъ.

— Нисколько, онъ очень легокъ! Который ему годъ?

— Ему всего восемь мѣсяцевъ и, къ сожалѣнію, вы правы: онъ вовсе не тяжелъ. Бѣдняжка очень исхудалъ! А между тѣмъ онъ прежде былъ такой здоровый и красивый ребенокъ! Но что дѣлать, онъ все это время сосалъ дурное молоко.

Ребенокъ продолжалъ спокойно спать на рукахъ монахини, которая едва слышала его слабое дыханіе. При входѣ въ городъ, когда онѣ вышли изъ-подъ тѣни густыхъ вѣзовъ, сестрѣ Розѣ удалось разсмотрѣть лично ребенка: Она его нашла прелестнымъ, несмотря на его блѣдность и худобу.

На порогѣ монастыря незнакомка, какъ будто бы для того, чтобы избѣжать новаго вопроса и разнаго рода тяжелыхъ формальностей, упала въ обморокъ. Ее немедленно отнесли въ большую залу, гдѣ стояло одиннадцать кроватей, изъ которыхъ многія были заняты. Маленькая дѣвочка, страдавшая отъ холода и голода, не въ силахъ была долѣе удерживать своихъ рыданій и начала громко всхлипывать. Мальчикъ, внезапно проснувшись, постѣдовалъ ея примѣру.

— Пресвятая Дѣва Марія! воскликнула игуменья: что намъ дѣлать съ этими дѣтьми? Они разбудятъ всѣхъ больныхъ. Сестра Роза, уведите ихъ на кухню и дайте имъ тамъ поѣсть

Молодая монахиня съ радостью повиновалась. Ей было бы тяжело отдать этихъ бѣдныхъ малютокъ на чье-либо другое попеченіе. Но мальчикъ со страхомъ на нее смотрѣлъ и не переставалъ кричать. Его повидимому пугала шляпа сестры Розы.

Она сѣла въ уголокъ близъ печи и попросила кухарку, такъ изъ монахинь, дать ей для дѣтей немного супу. Вскорѣ нѣсколько ложекъ горячаго кушанья и теплота комнаты успокоили дѣвочку. Утоливъ свой голодъ, она совсѣмъ оправилась и скорѣ ея голова, прикрытая черной шапочкой, изъ-подъ которой выбивались бѣловурные локоны, склонилась на колѣни монахини: дитя не замедлило погрузиться въ сонъ. Но мальчикъ за то упорно отворачивался отъ ложки съ супомъ, которую ему подносили къ ротику, и съ кривомъ закидывая назадъ головку, повидимому искалъ материнской груди.

— Боже мой! произнесла сестра Роза: ему нужно бы дать молока. Нельзя ли добыть хоть немного, — обратилась она къ старой монахинѣ.

— Въ эту позднюю пору! Что вы? отвѣчала кухарка, старая, немного глухая монахиня, продолжая заниматься своимъ дѣломъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вокругъ нея дѣлалось.

А ребенокъ между тѣмъ страдалъ и сестра Роза вмѣстѣ съ нимъ. Ей было невыразимо тяжело слышать его крики и знать, что она не можетъ ему дать того, чего онъ просилъ у нея. Лицо мальчика посинѣло, открытый ротикъ выказывалъ необыкновенно красный языкъ и десна, а крики его становились все пронзительнѣе и наконецъ перешли въ хрипоту. Нѣсколько ложекъ молока его мгновенно успокоили бы.

Но если въ монастырѣ болѣе не оказывалось молока, то его, безъ всякаго сомнѣнія, еще можно было найти въ городѣ у сосѣдей. Къ несчастію, монастырскія правила запрещали монахинямъ выходить въ этотъ поздній часъ....

Не обратиться ли за позволеніемъ къ матери игуменьи? О, нѣтъ, навѣрное откажетъ... правила не нарушаются изъ-за такихъ бездѣлицъ. Развѣ человекъ не для того рождается, чтобы страдать? Да, но дѣти!...

Малютка кричалъ такъ жалобно! Въ его плачѣ явно слышалось: я такъ малъ, такъ слабъ, такъ нуждаюсь въ помощи! Вы все это видите и оставляете меня умирать!

Сестра Роза сама едва удерживалась отъ слезъ. Замѣтивъ, что ножки мальчика были холодны, она принялась ихъ согрѣвать. Онъ на минуту умолкъ, но когда она попыталась поднести ему въ ротику ложку съ бульономъ, онъ снова началъ кричать и отворачивать головку. По глазамъ его было видно, что онъ искалъ мать.

Терзаемая желаніемъ облегчить малютку, сестра Роза мсленно видѣла кринки съ молокомъ, которые стояли у сосѣдей на

полвахъ. Чего бы она не дала за одну изъ нихъ! Наконецъ, не въ силахъ долѣе выносить взглядовъ страдальческихъ глазокъ ребенка, сестра Роза потихоньку переложила спящую дѣвочку на скамью, а сама встала и, рискуя согрѣшить, вышла изъ кухни. Подъ воротами она нашла привратницу, которой и рассказала свое горе.

Та была немного болтливая, но очень добрая женщина.

— Погодите, сказала она. Отсюда только что вышла сосѣдка Жиль. Я ее позову назадъ.

Она высунулась въ форточку и громко кликнула вслѣдъ сосѣдѣ. Та вернулась на зовъ и охотно согласилась принести молока. Обѣ монахини льстили себя надеждой, что онѣ не согрѣшили, такъ какъ ни одна изъ нихъ не сдѣлала ни шагу за порогъ монастыря.

Сосѣдка Жиль вскорѣ вернулась не только съ молокомъ, но и съ сахаромъ, и минутой спустя сестра Роза уже подчивала ими ребенка.

Мальчикъ и тутъ было-вздумалъ противиться, упорно закидывая назадъ голову, но почувствовавъ на языкѣ пріятную теплоту молока, тотчасъ измѣнилъ свое намѣреніе. Онъ пилъ съ жадностью и немного оправясь, самъ схватилъ рученной ложку, чѣмъ не мало замедлялъ утоленіе своего аппетита. Затѣмъ глазки его сомкнулись и онъ заснулъ.

Страннопріимный домъ въ Мортанѣ давалъ убѣжище только взрослымъ и потому въ немъ ничего не было приспособлено для дѣтей. О томъ, чтобъ оставить ихъ на ночь въ больничной залѣ, гдѣ находилось нѣсколько горячечныхъ больныхъ, не могло быть и рѣчи. Къ тому же докторъ, призванный въ лишившейся чувствъ незнакомкѣ, строго запретилъ ей кормить своего ребенка и спать вмѣстѣ съ нимъ. Вслѣдствіе этого ребенокъ былъ оставленъ на попеченіи сестры Розы, между тѣмъ какъ дѣвочку поручили другой монахинѣ.

Сильно ошибаются тѣ, которые полагаютъ, будто жизненные силы вызываются въ людяхъ важностью событій, входящихъ въ составъ ихъ существованія. Есть люди, которые въ самыхъ драматическихъ положеніяхъ остаются спокойными и равнодушными, — другіе, напротивъ, отъ малѣйшей бездѣлицы приходятъ въ волненіе. Изъ этого слѣдуетъ, что жизнь не возбуждается явленіями внѣшняго міра, но таится въ самомъ существѣ, въ которомъ замѣтно ея присутствіе, и пользуется для своего проявленія всякимъ удобнымъ случаемъ, или предметомъ: тростью за неимѣніемъ дуба, животнымъ или растеніемъ за отсутствіемъ человѣка, мечтой за недостаткомъ факта. Мелвія

страсти, которыя обыкновенно преслѣдуются насмѣшками и презрѣніемъ въ тѣхъ, кого судьба поставила въ среду, чуждую вѣсовыхъ и сильныхъ страстей, въ сущности одного съ ними происхожденія, съ тою только разницею, что онѣ не нашли почвы, годной для ихъ произрастанія и развитія.

Суровое воспитаніе, полученное сестрой Розой въ монастырѣ, и ея стѣснительный, затворническій образъ жизни загнали далеко въ сердце всѣ любящія способности ея души. А между тѣмъ въ ней было много нѣжности; но чувство ея такъ робко и скромно говорило въ ней, что она часто сама не могла дать себѣ отчета въ ускоренномъ біеніи своего сердца. Такъ было и теперь, когда она несла ребенка въ свою келью. Заботы о мальчикѣ, которыя сестра Анжелика взяла бы на себя съ поворотною, какъ крестъ, возложенный на нее Богомъ, возбуждали въ молодой монахинѣ сильное, но чрезвычайно пріятное волненіе. Осторожно раздѣвъ ребенка и уложивъ его на свою кровать, она стала его разсматривать. Мальчикъ спокойно спалъ; наклоненное положеніе его головки выказывало всю худобу его крошечной шейки; изъ его полураскрытаго ротика выходило слабое, но мѣрное дыханіе. Сестра Роза подумала, что ребенокъ спитъ такъ сповоино, благодаря ей, и сердце ея радостно забилось. Затѣмъ она встала на колѣни и ннеогда молитва ея не была такъ горяча, какъ въ этотъ день. Ей не рѣдко случалось упрекать себя въ холодности, но въ настоящій вечеръ она легла спать въ высшей степени счастливая своей любовью къ Богу.

Ей приснился странный сонъ: она была монахиней ордена, который занимался отыскиваніемъ покинутыхъ дѣтей съ цѣлю давать имъ пріютъ. Вдругъ ее разбудилъ легкій крикъ. Она тотчасъ же всочила и бросилась къ ребенку. Мальчикъ, при слабомъ свѣтѣ едва мерцавшей лампы, принявъ монахиню за свою мать. Вцѣпившись въ нее рученьками, онъ ротикомъ искалъ груди и усиливался раздвинуть скрывавшее ее полотно. Смущенная такого рода ошибкой, монахиня отшатнулась назадъ и поспѣшила поднести къ губамъ ребенка чашку съ молокомъ, произнося при этомъ ласковыя и нѣжныя слова. Но мальчикъ, услышавъ незнакомый ему голосъ, въ свою очередь откинулся назадъ, тѣмъ болѣе, что холодное молоко, коснувшись его ротика, произвело въ немъ непріятное ощущеніе. Не зная чѣмъ его успокоить, сестра Роза въ отчаяніи взяла его на руки и начала ходить съ нимъ по кельѣ, качая его и въ полголоса напѣвая гимнъ. Она видѣла матерей, которыя такимъ образомъ нянчили своихъ дѣтей. Ребенокъ мало-по-малу успокоился, глаза его закрылись и онъ опять заснулъ. Но онъ не пилъ и можно

было ежеминутно ожидать, что онъ снова проснется и начнетъ кричать отъ голода. Сестра Роза съ невыразимымъ страхомъ ожидала услышать повтореніе этого крика, который переворачивалъ ей душу. А малютка, какъ нарочно, и во снѣ продолжалъ по временамъ жалобно всхлипывать. Чтобъ прекратить его страданія и вполне удовлетворить его, надо было согрѣть молоко, такъ чтобъ оно хоть отчасти напоминало вкусъ и теплоту того, которое онъ привыкъ добывать изъ материнской груди. Странно, что это ей раньше не пришло въ голову!

Но какъ этого достигнуть? Монастырскія правила запрещали монахинямъ выходить ночью изъ своихъ келій. Такъ, но вѣдь правила не налагали также и имѣть у себя въ кельѣ рѣбенка и въ настоящемъ случаѣ... Что это, сестра Роза начала разсуждать!

Мало того: побуждаемая страхомъ снова услышать плачь ребенка, который пугалъ ее болѣе всякой личной опасности, она осмѣлилась открыть дверь, сойти въ кухню и развести тамъ огонь. Все это были такіе поступки, что еслибъ ихъ кто-нибудь подсмотрѣлъ, они произвели бы настоящій скандалъ. Но совѣсть сестры Розы во время всѣхъ этихъ приготовленій мучила ее гораздо менѣе страха, чтобъ ребенокъ не проснулся въ ея отсутствіи. Она тревожно прислушивалась, но до нея не доходилъ ни малѣйшій звукъ. И вотъ она вскорѣ босикомъ отправилась въ обратный путь, прикрывая рукой свѣчу и спрятавъ за пазуху бутылку съ теплымъ молокомъ для того, чтобъ оно не успѣло остыть. Хорошо ли все это было? Но она положительно не могла удержаться. За то какъ сильно билось у нея сердце.

Вскорѣ мальчикъ напился и скоро опять заснулъ. Сестра Роза была внѣ себя отъ радости... Но въ тоже время, какое сильное, непривычное волненіе овладѣло ею!... Стараясь успокоить ребенка, она произносила ласковыя, нѣжныя слова, которыя вырывались у ней какъ будто помимо ея воли. Точно въ ея сердцѣ мгновенно что-то порвалось и потокъ нѣжности, хлынувъ къ ея устамъ, съ неудержимой силой излился на это маленькое и безпомощное существо. Она даже не разъ безсознательно касалась губами личика малютки,—она, которой никогда не суждено быть матерью! Слѣдовало ли ей такъ поступать? Она краснѣла отъ стыда, между тѣмъ какъ въ глазахъ у ней стояли слезы радости, а лицо ея, освѣщенное утренней зарей, сіяло непривычнымъ счастьемъ. Но тутъ же въ сердцѣ ея вращивалось сомнѣніе: чиста ли она передъ Богомъ? Права ли, гтая столько заботъ и попеченій на преходящее существо?.. Но вѣдь это маленькій, невинный ребенокъ! Богъ слишкомъ ве-

ликъ и милосердѣ, чтобъ ревновать къ нему. Онъ безъ сомнѣнїя тоже жалѣеть его, Онъ, который такъ любитъ невинность. Къ тому же Ему, какъ Царю небесному подобаешь такъ много почтенїя и любви, что Онъ никакъ не можетъ считать за оскорбленіе себѣ крохи нѣжности, которыя одна изъ Его смиреннѣйшихъ невѣсть удѣляетъ этому маленькому, страждущему, покинутому существу.

Утромъ первая вещь, представившаяся глазамъ сестры Розы при ея пробужденїи, былъ ребенокъ, который съ серьезнымъ удивленїемъ пристально на нее смотрѣлъ. Какую прелестную картину представлялъ онъ, цѣпляясь рученками за подушку и усиливаясь приподняться, чтобъ лучше видѣть. Его глазки такъ умно смотрѣли!... Сестра Роза не могла удержаться отъ восклицанїя восторга и съ ласковой улыбкой, не зная какъ звать ребенка, сказала ему: Дружокъ! Маленькій дружокъ!

Мальчикъ оставался серьезень, но не плакалъ. Монахиня встала и, улыбаясь ему, принялась за его скромный туалетъ. Ребенокъ не спускалъ глазъ съ суетившейся около него молодой дѣвушки въ ночной шапочкѣ и короткой юбкѣ, свѣжей и прелестной въ своей молодости и своемъ наивномъ невѣдѣнїи. Онъ безъ сопротивленїя далъ себя умыть и одѣть и когда послѣ того сестра Роза, взявъ его на руки, поднесла къ выходящему въ садъ окну вѣли, онъ на ея улыбку отвѣчалъ тоже улыбкой...

Какая милость, и какъ монахиня была за нее благодарна!.. Уста ея, умершія для поцалуевъ, почти съ материнскою нѣжностью прильнули къ личику ребенка.

Но когда минуту спустя она надѣла свой бѣлый, туго накрахмаленный головной уборъ, который почти совсѣмъ скрывалъ ея блѣдное лицо и голубые глаза, мальчикъ посмотрѣлъ на нее съ неудовольствїемъ и вдругъ отвернулся и заплакалъ. Она съ трудомъ его успокоила и взявъ на руки, отправилась къ матери-игуменьѣ.

Тамъ ей отдали на попеченїе также и дѣвочку. Мягкій, звучный голосъ сестры Розы и ласковый тонъ ея рѣчи не замедлили привлечь къ ней послѣднюю. Языкъ дѣвочки быстро развязался и она объявила, что ее зовутъ Жозефиной, а брата Жаномъ. Затѣмъ она начала болтать объ отцѣ, который далеко, далеко уѣхалъ.... но не проходило минуты, чтобъ она не спрашивала о своей матери.

А та въ свою очередь просила, чтобъ ей дали взглянуть на дѣтей, и сестра Роза повела ихъ къ ней, по приказанїю доктора, который и встрѣтилъ ее въ корридорѣ близъ больничной

заны. Докторъ этотъ, по имени Маринье, былъ человѣкъ небольшо-го роста, смуглый, живой, съ лысиной во всю голову. Онъ постоянно говорилъ, что оставилъ свои волосы подъ тропиками, такъ какъ одно время былъ хирургомъ на кораблѣ, совершавшемъ кругосвѣтныя плаванія. Фигура его, очень худощавая въ молодости, съ лѣтами начала округляться. При встрѣчѣ съ сестрой Розой, которая на одной рукѣ несла мальчика, а другою вела дѣвочку, онъ остановился. Лицо его озарилось пріятливою улыбкой, а въ глазахъ мелькнулъ ласковый свѣтъ. Докторъ Маринье, подобно многимъ другимъ, любилъ обмѣняться словомъ съ красивой и кроткой монахиней.

— Вотъ какъ! воскликнулъ онъ: вы сдѣлались настоящей маленькой.

Эти слова вызвали на щекахъ сестры Розы румянецъ смущенія и стыдливости. Она съ минуту не нашлась, что отвѣчать, потомъ освѣдомилась о здоровьѣ бѣдной больной женщины.

Докторъ вмѣсто отвѣта многозначительно пожалъ плечами и сдѣлалъ гримасу, которая не предвѣщала ничего хорошаго.

— У ней воспаленіе въ боку, прибавилъ онъ, которое не было захвачено во время. Кромѣ того, она уже страдала началомъ чахотки, которая теперь, съ помощью простуды, очень быстро развилась.

— Боже мой! вздрогнувъ проговорила монахиня. Бѣдныя дѣти! Что станется съ ними?

— Если у нихъ не найдется родныхъ, то они будутъ отданы въ пріютъ. Что касается до этого мальчика, прибавилъ докторъ, беря за ручку мальчика, то можно навѣрное сказать, что онъ тамъ не долго останется. Э, малютка!...

— Вы его находите слабымъ, не правда-ли? спросила сестра Роза, съ трудомъ перевода духъ.

— Мать кормила его, будучи уже въ чахоткѣ... Я даже сомнѣваюсь.... Докторъ, приложивъ ухо къ груди мальчика, съ минуту слушалъ его дыханіе.

— Впрочемъ, нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ, тутъ еще нѣтъ большой бѣды. Но ему нуженъ заботливый, въ полномъ смыслѣ слова материнскій уходъ, а въ пріютахъ, вы знаете, выдерживаютъ только самые сильные... Эге! да какъ же онъ на меня смотреть... точно все понимаетъ. У него преумные глазенки, у этого мальчугана.

И докторъ, желая быть любезнымъ, сдѣлалъ презабавную гримасу. Мальчикъ казался болѣе скандализированнымъ, чѣмъ испуганнымъ, и быстро отвинулъ на грудь монахини.

— Онъ васъ уже успѣлъ полюбить, замѣтилъ докторъ.

Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ ними вошелъ въ больничную залу и остановился у постели бѣдной женщины.

— Вотъ ваши малютки, сказалъ онъ ей. Онѣ были въ хорошихъ рукахъ, объ нихъ работилась молодая монахиня, которая очень любитъ дѣтей.

Силы бѣдной женщины, которая, наконецъ, вѣруша позднее отдохновеніе, мгновенно измѣнили ей, подобно работникамъ, которые, чувствуя себѣ не подъ силу предлагаемый имъ чрезмѣрный трудъ, внезапно отъ него отказываются.

Она лежала въ постели почти безъ голоса и безъ движенія. Тѣмъ не менѣе она съ восторгомъ поцѣловала дѣтей, однимъ только взглядомъ выражая свою нѣжность и радость при свиданіи съ ними. Дѣти съ трудомъ ее узнали, до такой степени она измѣнилась въ одну ночь. Глаза ея ввалились, щеки впали и на нихъ игралъ яркій, лихорадочный румянецъ. Она окинула монахиню тревожнымъ взглядомъ, но узнавъ ее, тотчасъ же успокоилась.

— Ахъ, это вы! сказала она: благодарю васъ! Надѣюсь, что Фифина была умна и послушна, но маленькій Жанъ, я боюсь, надѣлалъ вамъ не мало хлопотъ. Онъ вѣрно много кричалъ и плакалъ эту ночь. Чѣмъ вы его кормили?

— Не безпокойтесь, пожалуйста, теперь все идетъ какъ нельзя лучше, отвѣчала сестра Роза, и рассказала ей всѣ подробности прошедшей ночи.

У бѣдной матери отлегло на душѣ.

— Вы очень добрая, сказала она. Я это тотчасъ же узнала по вашему голосу. Ахъ, какъ я счастлива, что моихъ дѣтей поручили именно вамъ! Боже мой, Боже мой! Что съ ними теперь будетъ? добавила она съ грустью.

— Что съ ними будетъ? повторилъ докторъ. О нихъ пока позаботятся другіе, а когда вы выздоровѣете, вы возьмете ихъ съ собой.

Бѣдная женщина устремила на него пытливый взглядъ. Въ глазахъ ея сверкнулъ лучъ надежды, но тотчасъ же потухъ, уступивъ мѣсто сомнѣнію.

— Я больна, очень больна... продолжала она. Я это знаю и чувствую... ахъ, докторъ, матерямъ не слѣдовало бы умирать!

— Я девять дней буду за васъ молиться и поститься, задыхающимся отъ волненія голосомъ проговорила сестра Роза. Мы вмѣстѣ съ Жозефиной станемъ умолять ангела-хранителя малютки, чтобъ онъ присоединился къ намъ и помолился за васъ

Господу. Милосердый Богъ, вѣроятно, не откажетъ вамъ въ выздоровленіи.

Исполненный благодарности взглядъ былъ отвѣтомъ больной. Затѣмъ онѣ продолжали все говорить о дѣтяхъ, пока не пришло время разстаться. Но и тутъ онѣ сказали одна другой: «до свиданія».

Съ этой минуты дѣти были окончательно отданы на попеченіе сестры Розы. Она не разлучалась съ ними даже занимаясь шитьемъ или работая въ саду, но постоянно неусыпно за ними смотрѣла. Дѣвочка непремѣнно хотѣла ей помогать въ ея занятіяхъ, но вмѣсто того, конечно, только мѣшала доброй сестрѣ. Впрочемъ та на это ни мало не сѣтовала. Дѣтская грація и милая болтовня Жозефины вполнѣ очаровали ее и дѣлали ей трудъ пріятнымъ. А маленький Жанъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно сидѣлъ на коврикѣ, разостланномъ въ саду на землѣ или въ столовой на полу, и безпрестанно обмѣнивался съ ними улыбкама, которыя обыкновенно сопровождалъ своимъ непонятнымъ дѣтскимъ лепетомъ. Теперь онъ даже и ночи проводилъ спокойно, безъ всякаго сопротивленія пилъ теплое молоко, которое давала ему сестра Роза, снова засыпалъ и пробуждаясь утромъ, всегда весело ее привѣтствовалъ.

Разъ сблизившись и понявъ другъ друга, монахиня и ребенокъ съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе привязывались — она къ своему воспитаннику, а онъ къ своей доброй попечительницѣ. Одного звука, знака, взгляда было достаточно между ними для изъявленія желаній и требованій. Малютка въ два три дня посвятилъ монахиню во всѣ тайнства той связи, которая существуетъ между матерью и ребенкомъ. И для полного сходства въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ мальчикъ, видя постоянную заботливость къ себѣ сестры Розы, ея вниманіе къ своимъ нуждамъ и удовольствіямъ, читая въ ея глазахъ безграничную, материнскую преданность, становился все болѣе и болѣе требовательнымъ. Увѣренность, съ какою онъ выражалъ свои желанія, приводила сестру Розу въ неописанный восторгъ.

Посреди этихъ двухъ наивныхъ, граціозныхъ созданій молодая монахиня пробуждалась къ новой жизни. Оставшись сиротой по двѣнадцатому году, она была взята на воспитаніе въ монастырь, изъ котораго уже болѣе и не выходила. Съ тѣхъ поръ какъ ея сестра, выйдя замужъ за маленькаго чиновника, уѣхала съ нимъ въ Парижъ, сестра Роза осталась совершенно одинокой, безъ родныхъ и друзей во всемъ городѣ. Она легко повѣрила тому, что ей говорили объ опасностяхъ и соблазнахъ, какія осаждаютъ людей въ свѣтѣ, и о тихихъ радостяхъ и ду-

пешномъ спокойствіи, которыя достаются въ удѣлъ людямъ, посвящающимъ себя исключительно божественной любви. Ея молодость прошла подъ сѣнью монастыря на подобіе растенія, лишеннаго свѣта и тепла солнечныхъ лучей. Она росла посреди стѣсеній, налагаемыхъ монастырскимъ уставомъ, постоянно колеблясь между недовѣріемъ въ себѣ и страхомъ въ Богу. Удушливая атмосфера, въ которой она влачила свое безцвѣтное существованіе, причиняла ей бессознательное страданіе. Но когда настало время, она постриглась въ монахини безъ всякихъ сожалѣній или усилій.

Теперь она вдругъ почувствовала, какъ въ ней пробудились инстинкты доселѣ дремавшей молодости. По ускоренному біенію своего сердца, она замѣтила, что до сихъ поръ на немъ лежала тяжесть, отъ которой она теперь впервые начала освобождаться. Ей свободнѣе и привольнѣе дышалось въ новой атмосферѣ, посреди которой она внезапно очутилась. Она была счастлива подъ вліяніемъ этихъ новыхъ впечатлѣній; несмотря на ея обычную робость, ее не смущали никакія сомнѣнія. Развѣ Спаситель не благословлялъ маленькихъ дѣтей и не ставилъ ихъ невинность выше всего въ мірѣ? И благочестіе сестры Розы становилось пламеннѣе, чѣмъ когда-либо.

Конечно, это были не первыя дѣти, которыхъ пришлось видѣть молодой монахинѣ. Ей и прежде уже случалось за ними ухаживать, но всегда мимоходомъ и при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ теперь. Эти другія дѣти не нуждались такъ исключительно въ ея заботливости. Они имѣли матерей, услуги которыхъ были имъ пріятнѣе услугъ посторонняго лица. Но ее тѣмъ не менѣе постоянно влекло къ нимъ. Ей только до сихъ поръ не представлялось случая разсѣять страхъ и робость, которыя она имъ внушала. Эти же напротивъ, такія бѣдныя и несчастныя, послѣ непродолжительной борьбы, вполнѣ отдались ей, какъ матери. Они только и чувствовали себя хорошо, когда были при ней. Въ своихъ огорченіяхъ или болѣзняхъ къ ней одной они обращались за помощью и защитой. Въ радости или въ изумленіи глаза ихъ постоянно искали ее. Она стала имъ необходима: они любили ее!..

Сестрѣ Розѣ никогда и не снилось подобное счастье. Въ сердце ея проникъ лучъ свѣта и она вся точно преобразилась, но по какому-то внутреннему инстинкту, она при своихъ подругахъ потушала взоръ, чтобъ скрыть отъ нихъ новый блескъ своихъ глазъ. Всякое истинное чувство цѣломудренно и кромѣ того монахиня, находившаяся въ средѣ, враждебной всякой

земной любви, бессознательно чувствовала необходимость быть осторожной.

Эти дни имѣли для нея непривычную прелесть. Въ саду, гдѣ сестра Роза проводила съ дѣтьми большую часть времени, солнце изливало потоки свѣта на виноградные листья, уже подернутые багровымъ оттѣнкомъ осени. На всей природѣ лежалъ отпечатокъ какой-то задумчивой прелести. Въ кустахъ еще не умолкли птицы, золотоцвѣтъ и послѣднія розы наполняли воздухъ упоительнымъ благоуханіемъ. На устахъ монахини, страстно любившей природу, какъ одно изъ проявленій величія Божія, молитва постоянно соединялась съ улыбкой. Она чувствовала въ своемъ сердцѣ присутствіе небесной благодати и мечтая о будущемъ блаженствѣ, не могла себѣ представить его иначе, какъ въ обществѣ дѣтей въ саду, похожемъ на тотъ, и въ лучахъ точно такого же солнца, какъ то, которое теперь сіяло надъ ней.

Разъ она сидѣла на травѣ и занималась шитьемъ бѣлья. Мальчикъ игралъ у нея на колѣняхъ, а Жозефина бѣгала около нихъ. Сестра Роза нѣжно говорила съ Жаномъ и повторяла ласковыя слова, которыя напѣваютъ дѣтямъ какъ музыку. Вдругъ ихъ взгляды встрѣтились, въ глазахъ маленькаго Жана сверкнулъ лучъ,—первое пробужденіе жизни сердца. Ручки его обвились вокругъ шеи монахини, а губки прильнули къ ея щекѣ въ первомъ поцалуйѣ.

Сестра Роза точно обезумѣла отъ радости. Она прижала мальчика къ груди и буквально осыпала его ласками и всѣми страстными словами, которымъ научилась въ молитвахъ: эти слова она обращала къ ребенку. Потомъ, трепеща отъ восторга и вмѣстѣ стыдясь своего страстнаго порыва, она впала въ раздумье...

Не оскорбила ли она Бога? Вѣдь ей хорошо извѣстно, что она не должна любить ничего земного. Обращая свою мысль къ божественному Жениху, она никогда не испытывала ничего подобнаго тому страстному движенію сердца, какое въ ней недавно вызвалъ ребенокъ. Сестра Роза сложила руки, поникла головой и стала молиться, чтобы Богъ простилъ ее... Но увидѣвъ улыбающееся личико Жана, она опять забыла свое раскаяніе.

Но посреди охватившей ее радости, отъ которой она тщетно отбивалась, въ умѣ ея мелькнула мысль, неволью опечалившая ее. Не ей же, думала она, слѣдовало принять первый поцалуй ребенка, а настоящей матери, которая въ это самое время лежала на одрѣ тяжелой болѣзни. Поцалуй этотъ казался монахинѣ точно украденнымъ у бѣдной женщины.

Подъ этими различными впечатлѣніями радости, страха, угрызений совѣсти, сестра Роза залилась слезами.

Ей въ этотъ день вообще суждено было испытать гораздо больше волненій, чѣмъ она до сихъ поръ испытала въ теченіи всей своей предъидущей жизни.

Возвращаясь въ келью, она попалась на глаза игуменьѣ, которая строго и съ неудовольствіемъ взглянула на дѣтей.

— Этому конца нѣтъ, сказала игуменья, а между тѣмъ дѣти здѣсь намъ очень въ тягость... Они отнимаютъ у насъ все ваше время.

Сестра Роза молчала. Слова начальницы, какъ острый ножъ вонзились ей въ сердце и пробудили въ ней много мыслей, которыхъ у нея еще не было или которыхъ она избѣгала. Что станется съ дѣтьми послѣ смерти матери? Теперь не оставалось никакого сомнѣнія, что ихъ отошлютъ изъ монастыря. — Куда? Сестрѣ Розѣ было ясно, что отнынѣ одинъ только пріютъ могъ служить убѣжищемъ несчастнымъ дѣтямъ. Монахиня вздрогнула при мысли объ этомъ мѣстѣ, откуда дѣти выходили не иначе какъ мертвыми или на всю жизнь испорченными. Развѣ недостаточно было отнять у нея дѣтей — зачѣмъ ихъ еще отпралять туда? Но нѣтъ, это невозможно, она ихъ не отпустить... она съ ними не разстанется... Ей казалось жестокимъ, преступнымъ повинуть дѣтей.

Не получая на свое замѣчаніе никакого отвѣта, игуменья съ изумленіемъ посмотрѣла на молодую монахиню. Увидя ее блѣдную и дрожащую, она догадалась о томъ, что происходило въ ея сердцѣ. Лицо начальницы приняло суровое, жестокое выраженіе.

— Какъ? сказала она: неужели вы привязались уже къ этимъ дѣтямъ?

— О, мать-игуменья... право....

— Отвѣчайте на мой вопросъ.

— Я думаю..., что да. Но, мать-игуменья, вѣдь они члены одной общей семьи, Господа нашего Иисуса!

— Конечно такъ. Но вы забываете, что должны любить въ нихъ одного только Спасителя, а ничуть не ихъ самихъ. Злой духъ хитеръ и прибѣгаетъ въ самымъ разнообразнымъ средствамъ, чтобъ отвратить душу отъ божественной любви. Я вижу, что мнѣ теперь лучше поручить этихъ дѣтей сестрѣ Анжеликѣ. Пусть всѣ монахини поочереді о нихъ заботятся. Кстати, вотъ и сестра Анжелика идетъ. Отдайте ихъ ей.

Сестрѣ Розѣ оставалось только повиноваться. Она, блѣдная какъ смерть, хотѣла передать мальчика своей подругѣ, но тотъ вцѣпился въ нее рученками и ни за что не хотѣлъ съ ней разставаться.

— Куда же ты, моя Лоза! въ свою очередь вричала маленькая дѣвочка, тоже цѣпляясь за платье молодой монахини.

— Это навонецъ смѣшно! воскликнула игуменья, между тѣмъ какъ сестра Анжелика, весьма недовольная выпавшей ей на долю новой ролью, уводила дѣтей, щедро надѣляя ихъ щипками и пинками.

Трудно опредѣлить, что болѣе волновало въ эту минуту сестру Розу: горе или негодованіе. Она была блѣдна и вся дрожала, а въ глазахъ ея стояли слезы. Она сдѣлала шагъ, чтобы удалиться.

— Куда вы? спросила игуменья.

— Въ капеллу.

— Теперь не время... Впрочемъ, я вамъ это позволяю. Идите и у ногъ Спасителя внимайте хорошенько въ свою душу. Разберите, достойны ли волнующія васъ чувства быть въ сердцѣ одной изъ Его неvěсть.

Сестра Роза отправилась въ капеллу и заперевъ за собою дверь, въ изнеможеніи опустилась на холодныя плиты передъ ликомъ Пресвятой Дѣвы. Бѣдная дѣвушка дрожала, грудь ея судорожно сжималась, въ горлѣ что-то душило ее. Такое непривычное для нея состояніе сначала испугало монахиню; припоминая слова игуменьи, она дѣйствительно сочла себя недостойной находиться въ присутствіи Бога, и въ раскаяніи поверглась передъ нимъ на колѣни. Слезы въ изобиліи заструились по ея щекамъ и нѣсколько облегчили ее. Но тутъ она вспомнила о дѣтяхъ; ей живо представился ихъ плачь, жестокое обращеніе съ ними сестры Анжелики, и новая буря поднялась у нея въ сердцѣ. Разсудокъ не замедлилъ вступити въ свои права и безошадными, логическими доводами еще болѣе началъ разжигать ея негодованіе.

Что могло быть дурного въ любви къ этимъ дѣтямъ? Неужели ихъ счастье могло оскорбить Бога? Конечно, любовь къ Нему должна быть сильнѣе всякой другой, но развѣ Онъ самъ не повелѣлъ людямъ любить своихъ ближнихъ?

Сестра Роза не могла отрицать того, что дѣти заняли большое мѣсто въ ея сердцѣ... она даже боялась, не самое ли главное. Какъ часто старалась она возбудить въ себѣ любовь къ Богу, но... онъ былъ такъ далеко!... Онъ не нуждался въ ней подобно этимъ маленькимъ беззащитнымъ созданьямъ. Что стало бы съ дѣтьми безъ любви?... Вѣдь есть же на свѣтѣ счастливыя женщины, для которыхъ любовь въ дѣтямъ составляетъ долгъ, а у этихъ бѣдняжекъ скоро не будетъ матери...

— Пресвятая Дѣва! восклицала сестра Роза, устремляя полныя слезъ глаза на изображеніе Маріи, держащей въ рукахъ

божественнаго Младенца:—Пресвятая Дѣва, вѣдь ты любишь своего Сына, значить въ этомъ нѣтъ грѣха!

Она долго еще плакала и молилась, наконецъ, не въ силахъ долѣе выносить неизвѣстности насчетъ дѣтей, приготовилась выдти изъ часовни. На порогѣ ее встрѣтила пришедшая за ней монахиня.

— Сестра Роза, сказала она: идите скорѣй. Дѣти всѣхъ насъ сведутъ съ ума. Повидимому, вы одна умѣете съ ними справляться.

Монахиня побѣжала въ столовую, гдѣ посреди крива дѣтей раздавался гнѣвный голосъ доктора Маринье.

— Наконецъ-то вы пришли! встрѣтилъ онъ сестру Розу рѣзкимъ замѣчаніемъ. Вамъ бы слѣдовало получше выбирать время для молитвы. Эти дѣти точно обезумѣли: рѣшительно не понимаю, что здѣсь съ ними дѣлали. Ихъ ждетъ къ себѣ мать... это вѣроятно будетъ ея послѣднее свиданіе съ ними... и нечего сказать, въ хорошемъ видѣ вы ихъ ей покажете. Вы знаете, заботиться о тѣлѣ—еще не все; не слѣдуетъ же слишкомъ сурово отправлять бѣдную душу на тотъ свѣтъ.

Сестра Роза не возражала. Она прижимала къ сердцу маленькую дѣвочку, которая, завидѣвъ ее, опрометью къ ней бросилась, и старалась успокоить Жана, который буквально повисъ у нея на шеѣ. Личики обоихъ дѣтей вздулись отъ слезъ, они дрожали всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ, а на щекѣ Жозефины еще вдобавокъ виднѣлось красное пятно весьма подозрительнаго свойства.

— Это чистые чертенята! восклицала сестра Анжелика, сама съ трудомъ переводя духъ и сердито ворочая глазами. Лицо ея въ эту минуту вовсе не показывало въ ней святую.

Оставшись одна съ докторомъ и съ дѣтьми, сестра Роза не замедлила успокоить нѣжными словами и ласками дѣтей, которые повеселѣли уже при одномъ ея появленіи.

— Что такое здѣсь произошло? спросилъ докторъ, замѣтивъ, что на бѣдной монахинѣ тоже лица не было. — Послушайте, прибавилъ онъ, не получая отвѣта, вы созданы быть доброй матерью семейства.

Но и это смѣлое замѣчаніе, подобно предъидущимъ, осталось безъ возраженія со стороны сестры Розы. Тѣмъ не менѣе, оно глубоко запало ей въ душу.

Немного спустя, она повела дѣтей къ матери.

Больная въ этотъ день была слабѣе обыкновеннаго. Глаза ея болѣе прежняго ввалились, а на вискахъ, около рта и ноздрей обрисовались новыя, глубокія морщины. Для того, чтобъ она

могла поцѣловать дѣтей, ихъ надо было поднять къ ней на постель. Малютки только съ трудомъ узнали въ этой умирающей свою нѣкогда любимую мать и въ теченіи получаса, назначеннаго для ихъ пребыванія въ больничной залѣ, не разъ выражали желаніе поскорѣй уйти. Бѣдная мать видѣла ихъ нетерпѣніе и не могла удержаться отъ движенія ревности въ отношеніи къ сестрѣ Розѣ. Но съ другой стороны она находила большое утѣшеніе въ мысли, что дѣти ея нашли истинно материнское сердце.

— Послушайте, сказала больная сестрѣ Розѣ, мнѣ надо о многомъ съ вами поговорить и я чувствую, что должно сдѣлать это непременно сегодня же... завтра, можетъ быть, будетъ уже поздно. Сядьте здѣсь, поближе ко мнѣ. Я вамъ расскажу... вамъ одной.... всю мою жизнь... и, если можно... скажу вамъ, чего бы я отъ васъ надѣялась.

Сестра Роза сѣла у изголовья бѣдной женщины, прерывистое дыханіе и слабый голосъ которой возбуждали опасеніе, долго ли она будетъ въ силахъ говорить. Тѣмъ не менѣе она прерывающимися фразами успѣла передать свой рассказъ внимательно слушавшей ее сестрѣ Розѣ. Больная въ теченіи разсказа часто взглядывала на часы, какъ бы опасаясь, чтобъ не слишемъ скоро прошли полчаса, которые ей ежедневно позволяли отдавать материнской любви.

— Все мое несчастіе, начала она, произошло отъ того, что я почти со дня рожденія осталась сиротой. Родители, кромѣ жизни, не дали мнѣ ничего: ни воспоминанія, ни даже имени. Я была воспитана въ приютѣ. Еще ребенкомъ меня помѣстили на ферму смотрѣть за стадомъ. Я тамъ росла съ дѣтьми моихъ хозяевъ, которые въ сущности все-таки не были дурными людьми. Меня не били и не бранили, лишь бы я только исполняла свою обязанность. Правда, иной разъ мнѣ напоминали пошлымъ названіемъ мое происхожденіе. Дочери ихъ, смотрѣли на меня свысока; но на сыновей я не могу пожаловаться. Младшій изъ нихъ, Жюльенъ, былъ ко мнѣ особенно расположенъ. Всего только годомъ старше меня, онъ почти не разставался со мной. Мы вмѣстѣ работали и вмѣстѣ играли по праздникамъ. Съ лѣтами дружба наша усилилась и когда мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ, Жюльенъ объявилъ мнѣ, что никогда не будетъ имѣть другой жены, кромѣ меня. Я съ своей стороны была въ нему привязана всѣми силами моей души, но выслушавъ его признаніе, не могла удержаться отъ слезъ, предвидя, сколько горя принесетъ намъ наша любовь. И дѣйствительно, родители его пришли въ страшное негодованіе отъ того, что онъ хотѣлъ же-

ниться на дѣвушкѣ, которая, подобно мнѣ, ничего не имѣла на землѣ, казалась въ ихъ глазахъ лишнею на свѣтѣ. Они прогнали меня и я принуждена была искать работы въ другомъ мѣстѣ. Жюльенъ, считая себя оскорбленнымъ, тоже покинулъ ферму и чтобъ составить себѣ независимое отъ родителей положеніе, поступилъ въ ученіе къ кузнецу.

— Мы видались съ нимъ по воскресеньямъ.... Я не имѣла духу прекратить сношеній съ человѣкомъ, который былъ моимъ единственнымъ другомъ на землѣ. Когда ему минуло двадцать лѣтъ и онъ началъ зарабатывать достаточно денегъ, Жюльенъ непремѣнно хотѣлъ со мной обвѣнчаться. Къ несчастью, онъ до двадцати-пяти лѣтъ не могъ жениться безъ согласія отца. Намъ приходилось ждать еще больше четырехъ лѣтъ! Онъ съ ума сошелъ отъ этого замедленія... а я, видя его въ такомъ состояніи... не имѣла мужества ему противорѣчить....

— Я рѣшилась ничего отъ васъ не скрывать. Мы поселились съ нимъ вмѣстѣ какъ мужъ и жена, хотя не были ими передъ закономъ. Но мы глубоко, искренно любили другъ друга и намѣревались вмѣстѣ воспитывать нашихъ дѣтей.... Это было за два мѣсяца до рожденія Жозефины. Всѣ меня презирали; обо мнѣ говорили: «Яблоко упало не далеко отъ яблони».... Увы, я ничего такъ не желала, какъ быть честной, еслибъ мнѣ только хотѣли это позволить! Почему это отъ несчастныхъ всегда требуютъ гораздо больше, нежели отъ счастливыхъ? Не потому ли, что они слабѣе? Но гдѣ же тогда справедливость?

— Жюльенъ меня любилъ и я, несмотря ни на что, не унивала. Но люди всячески хотѣли разрушить мое бѣдное счастье, которое однако никому не мѣшало. Они прежде всего старались отвлечь отъ меня Жюльена, убѣждая его вступить въ другой бракъ. Если я и не была его женой — хотя мнѣ это и казалось, — Жозефина все-таки была его дочь; и однако же, люди, которые совѣтовали ему бросить своего ребенка, сами были отцы и матери. Какъ странно люди часто понимаютъ вещи!

— Родные Жюльена тоже говорили противъ насъ и старались, гдѣ только могли, намъ вредить. Кто оказывалъ намъ расположеніе или доставлялъ намъ работу, того они называли своимъ врагомъ. Ихъ боялись и вскорѣ мы лишились всякой возможности что-нибудь зарабатывать. Немногое нужно, чтобы рабочій человѣкъ сталъ нищимъ. Работы не было; затѣмъ являясь болѣзнь и мы ни отъ кого не видѣли даже той ничтожной помощи, какую обыкновенно оказываютъ другъ другу самые бѣдные люди. Никто не хотѣлъ намъ ничего давать въ долгъ. Трудно пересказать, что мы за это время выстрадали.

— Наконецъ, потерявъ всякую надежду устроиться на родинѣ, Жюльенъ рѣшился ѣхать въ Парижъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, хорошіе работники получаютъ большія деньги. Онъ продалъ свою кузницу и уѣхалъ, оставивъ мнѣ на пропитаніе небольшую сумму. Мы условились, что онъ вызоветъ меня въ себѣ, лишь только дѣла его пойдутъ хорошо и онъ успѣетъ кое-что отложить. Я съ своей стороны выбивалась изъ силъ, стараясь выработывать по нѣсколько су въ день и тратить по возможности меньше. Но много ли могла я сдѣлать съ маленькимъ Жаномъ на рукахъ, которому тогда было всего четыре мѣсяца?

— Я сама согласилась на разлуку съ Жюльеномъ, но когда онъ уѣхалъ, мужество покинуло меня и я стала невыразимо страдать. У меня не было друзей, мнѣ не у кого было искать утѣшенія, я жила въ совершенномъ одиночествѣ. Но это не мѣшало, чтобъ до меня доходили злые толки сосѣдей, которые старались меня увѣрить, будто Жюльенъ меня покинулъ. Я конечно не вѣрила, но печальныя мысли невольно закрадывались мнѣ въ душу и я начала думать, что никогда болѣе не увижу Жюльена.... Вы видите, я не ошиблась!

Голосъ бѣдной женщины оборвался, но бросивъ тревожный взглядъ на часы, она продолжала:

— Жюльенъ мнѣ писалъ. Ему наконецъ удалось найти работу; онъ получалъ значительную плату, но принужденъ былъ почти все тратить на собственное содержаніе. Тѣмъ не менѣе, онъ надѣялся, что черезъ мѣсяцъ успѣетъ сколотить сумму, необходимую для моего путешествія въ Парижъ.

— Это письмо мнѣ прочелъ одинъ сосѣдъ. Меня не учили ни читать, ни писать. Вѣроятно это и было причиной краткости письма Жюльена, въ которое онъ включилъ, какъ мнѣ вазалось, весьма мало ласковыхъ и нѣжныхъ выраженій. Напрасно старалась я себя вразумить этой догадкой: мнѣ приходили въ голову самыя страшныя предположенія и мое бѣдное сердце ни днемъ, ни ночью не имѣло покоя. Я захворала и малютка, котораго я кормила, конечно тоже стала слабымъ и хворымъ.

— Черезъ мѣсяцъ пришло другое письмо. Дѣла Жюльена не только не шли лучше, но напротивъ гораздо хуже: у него почти совсѣмъ не было работы. Злая усмѣшка мелькнула на губахъ сосѣда, читавшаго мнѣ письмо.

«Да, да, сказалъ онъ. Это всегда такъ бываетъ: молодой человѣкъ уѣзжаетъ съ прекрасными мыслями и обѣщаніями, но въ большихъ городахъ....»

— Нѣтъ! Нѣтъ! Жюльенъ не могъ меня обмануть и заплатить мнѣ за всю мою любовь такой черной неблагодарностью! по-

вторяла я себѣ каждую минуту, но тѣмъ не менѣе жестою страдала.

— Немного спустя, я получила еще письмо и немного денегъ. Хорошаго было мало: намъ слѣдовало еще ждать. Это были послѣднія извѣстія, которыя до меня дошли. Напрасно ожидала я другихъ и сама писала, то-есть заставляла писать сосѣдей... О, какое лишеніе не быть въ состояніи самой говорить съ отсутствующимъ дорогимъ существомъ, быть вынуждену раскрывать свою душу передъ чужимъ, или безпрестанно удерживать на языкѣ выраженіе чувства, которое жжетъ васъ внутри, передъ холоднымъ равнодушіемъ или насмѣшкой чужого!

— Съ этихъ поръ вся моя жизнь сосредоточилась на часѣ, въ который почтальонъ обыкновенно разносилъ письма. Дни и ночи, проводимыя въ лихорадочномъ ожиданіи, тянулись непомерно долго, а затѣмъ, когда наступалъ желанный часъ, онъ постоянно приносилъ одно жестокое разочарованіе. Я начинала терять голову. Мнѣ дѣйствительно стало казаться, что Жюльенъ меня забылъ... обманулъ... Не даромъ я такъ долго читала эту мысль въ глазахъ сосѣдей! Теперь она охватила все мое существо; я не имѣла силъ долѣе бороться съ ней и съ той минуты, какъ отдалась ей вполнѣ, участь моя была рѣшена. Куда могла я обратиться за помощью или за совѣтомъ? Горе мое грызло мнѣ сердце, но я скорѣе умерла бы, чѣмъ рѣшилась его кому-нибудь высказать. Я видѣла вокругъ себя одни только торжествующія лица, которыя радовались печальному концу нашей любви, а если кто и сожалѣлъ меня, то не иначе, какъ обвиняя меня.

— Всѣ эти страданія сушили меня, какъ знойное солнце въ лѣтнюю пору сушить свяшенную траву. Не въ силахъ долѣе переносить такихъ мученій, я рѣшила, что должна или умереть, или соединиться съ Жюльеномъ. Я раздѣлила на двѣ части оставшіяся у меня деньги: одна предназначалась мной для путешествія, другая для прокормленія меня и дѣтей въ Парижѣ, пока мы не найдемъ Жюльена. Первая часть вскорѣ была у меня украдена, и я не рѣшалась коснуться второй, зная, что обрекла бы этимъ себя и дѣтей на вѣрный голодъ съ перваго же дня, какъ мы будемъ въ Парижѣ. Кто знаетъ, думала я, какъ скоро найду я Жюльена? Что если онъ болѣитъ?... Эта причина вполнѣ объясняла его молчаніе и я старалась отгонять отъ себя мысль о всякой другой.... Вотъ почему я рѣшилась докончить свой путь пѣшкомъ, несмотря на то, что чувствовала себя уже усталой и больной. Зная, что путешественники по желѣзной дорогѣ въ нѣсколько часовъ совершали переѣздъ

отъ того мѣста, гдѣ я была, и до Парижа, я не думала, чтобы это могло быть такъ далеко....

— Я начала чувствовать голодъ, мнѣ было холодно; я то дрожала отъ лихорадки, то съ меня лилъ потъ.... А теперь я знаю, что умираю.

— Сестра Роза, вы не должны дурно думать о Жюльенѣ.... Онъ не способенъ покинуть своихъ дѣтей. Не знаю, что съ нимъ случилось, но вляпусь вамъ, онъ вернется... станетъ насъ искать.... Пусть по крайней мѣрѣ хоть дѣти будутъ ему отданы....

— Въ случаѣ же, если онъ не вернется... если онъ умеръ... сестра Роза, залинаю васъ, не отдавайте дѣтей въ пріютъ! Я, ихъ умирающая мать, запрещаю это и не повиноваться мнѣ было бы преступленіемъ. Мое собственное несчастье произошло именно отъ того, что я туда попала. Маленькій Жанъ, уже такой слабый и больной, не вынесетъ жизни въ пріютѣ: они его тамъ непременно уморятъ. А Жозефину по выходѣ оттуда ожидаетъ одна участь со мной. Свѣтъ такъ устроенъ, что въ немъ нѣтъ мѣста слабымъ и беззащитнымъ. Кого люди подозрѣваютъ, того они не допускаютъ быть честнымъ. Это ужасно, отвратительно, но это такъ; я это знаю. Но чѣмъ виновато это бѣдное дитя? Сестра Роза, не отдавайте ее на поруганіе, спасите ее! Маленькій Жанъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы о немъ заботитесь, уже успѣлъ поздоровѣть. Онъ васъ любитъ... какъ нѣкогда любилъ меня. О, общайтесь мнѣ не повидать его.... Сестра Роза, умоляю васъ, возьмите этихъ дѣтей на свое попеченіе, защитите ихъ, не позволяйте ихъ отдать.... Говорю вамъ, отецъ ихъ непременно за ними явится.... А если нѣтъ, вы и тогда ихъ не оставите?... Неправда-ли... не оставите, сестра Роза? Они милыя и добрыя существа и, когда немного подрастутъ, могутъ быть во многомъ вамъ полезны. Имъ нужна любовь, вы видите; безъ этого можно сдѣлаться дурнымъ. И вы ихъ любите: я это вижу!... О, какъ я стану за васъ молиться! Говорятъ, что мертвые могутъ еще многое дѣлать въ этомъ мірѣ; я буду молиться за васъ, и Богъ наградитъ васъ всѣмъ. Какая заслуга можетъ быть въ его глазахъ выше той, которая на вѣки останется за вами, если вы сдѣлаете изъ этихъ дѣтей честныхъ и хорошихъ людей?... Сестра Роза, общайтесь мнѣ это... общайтесь, говорю вамъ, иначе я стану проклинать Бога и погублю свою душу. Общайтесь....

Полчаса, назначенные для свиданія матери съ дѣтьми, прошли.

— Пора выходить изъ залы, сказала одна монахиня.

Сестра Роза плакала. Сердце ея ни минуты не колебалось, но для того, чего отъ нея требовали, нужна была воля, а у нея не было воли. Но возможно ли отказать умирающей матери въ

такой справедливой просьбѣ? Подъ вліяніемъ одного изъ тѣхъ сердечныхъ порывовъ, которые заставляютъ людей почти безсознательно кидаться въ огонь и воду, сестра Роза быстро схватила и крѣпко пожала испугалую руку бѣдной женщины.

— Вы согласны! проговорила та едва слышно, но съ горячимъ чувствомъ.

— Да! отвѣчала монахиня, сама не зная, какъ она сдержитъ это обѣщаніе, но въ то же время твердо рѣшаясь сдержать слово.

Но она едва держалась на ногахъ; сердце ея сильно билось; она почти задыхалась отъ волненія.

Вдругъ холодный, металлическій голосъ, воснувшись ея уха, какъ лезвее кинжала пронзилъ ее:

— Сестра Роза, вы не помните, что дѣлаете; полчаса давно прошло....

Это былъ голосъ игуменьи.

Молодая монахиня, проговоривъ безсвязное извиненіе, наклонилась малютку къ матери, чтобъ та могла съ нею проститься. Больная воспользовалась этой минутой, чтобъ сунуть ей въ руку ключекъ бумаги, сопровождая свое движеніе умоляющимъ взглядомъ, который требовалъ молчанія. Затѣмъ бѣдная мать со вздохами и слезами стала обнимать и цѣловать своихъ дѣтей. Она еще долго не могла бы отъ нихъ оторваться, еслибъ не устремленный на нее холодный взглядъ игуменьи и повелительный тонъ голоса, которымъ она приказала увести дѣтей. Сестра Роза, по выходѣ изъ больничной залы, сунула въ карманъ ключекъ бумаги и завернутое въ ней что-то твердое. Ей только вечеромъ удалось развернуть свертокъ. Она нашла въ немъ три золотыя монеты, и адресъ: «Жюльенъ Эмори, Гренелль, rue du Marché, 20».

Столько непривычныхъ ощущеній и волненій лишили монахиню всякаго самообладанія. Растерянная, испуганная, она нигдѣ не находила точки опоры для своихъ мыслей. Монастырскій уставъ!... обѣтъ покорности!... Сколько тяжкихъ грѣховъ совершила она, которая не имѣла права хранить про себя ни одной мысли, которая должна была все говорить, во всемъ признаваться, не имѣть ни воли, ни желаній!

До сихъ поръ сестра Роза, чего бы ей это ни стоило, всегда добровольно сознавалась передъ другими во всѣхъ, даже самыхъ мимолетныхъ грѣховныхъ побужденіяхъ своего сердца. Какъ только они въ ней возникали, она усиливалась вырывать ихъ съ корнемъ изъ своей души и нерѣдко утомленная этимъ вѣчнымъ трудомъ, страдая отъ безпрестанно наносимыхъ

себѣ собственной рукою новыхъ ранъ, впадала въ отчаяніе отъ своей грѣховности и проваливала жизненность силъ, которыя, несмотря ни на что, продолжали упорно въ ней жить и дѣйствовать. Но въ эти послѣдніе дни всѣ прежнія тревоги молодой монахини вдругъ смолкли, уступивъ мѣсто одной новой, всепоглощающей страсти, которая развивалась въ ней, и подобно вѣтвямъ чудеснаго сказочнаго растенія простиралась на весь міръ. Но вмѣсто того, чтобъ упрекать себя за эту страсть и бороться съ ней, сестра Роза ее тщательно скрывала отъ всѣхъ и въ особенности отъ своего духовника, суроваго и непреклоннаго судьи, который, она хорошо знала, не преминулъ бы ее осудить. Нѣтъ, она не хотѣла и не могла болѣе вырвать изъ своего сердца новаго чувства, такъ глубоко пустившаго въ немъ корни. Бросить бѣдныя дѣтей!... никогда!

А Богъ?

Богъ! Иисусъ Христосъ! Пресвятая Дѣва! Эти сверхъестественныя, мудрыя и благія Существа, заслуживающія безграничной любви и поклоненія, потому что они одни совершенны... Неужели она, осыпанная ихъ благостями и щедротами, отвернется отъ нихъ въ ту самую минуту, когда мысль ея, обращенная къ нимъ, наконецъ уже чувствовала ихъ присутствіе и трепетала любовью передъ ихъ безконечнымъ величіемъ? Какъ могла она быть до такой степени забывчива и неблагодарна!

Но она обѣщались, поклялась умирающей матери...

А развѣ клятва, которую она гораздо ранѣе дала своему божественному Жениху, ее ни къ чему не обязывала?

Ночь. Сестра Роза, согласно съ монастырскими правилами, погасила у себя въ кельѣ огонь, и легла. Но тревожныя мысли не давали ей ни на минуту покоя. Она встала наконецъ въ темнотѣ, бросилась на колѣни и со слезами и рыданіями стала молиться. Еслибъ она могла хоть на минуту выдти въ садъ, подышать свѣжимъ воздухомъ!... Опять преступное стремленіе къ свободѣ и простору! О, нѣтъ, нѣтъ! Ей ничего не надо: она будетъ спокойна и счастлива въ своей кельѣ, лишь бы у нея не отнимали дѣтей. Она станетъ копать землю, трудиться до изнеможенія силъ, чтобъ доставить имъ пропитаніе, — пусть только ей позволяютъ ихъ любить и воспитывать. Она отправится на богомолье... пойдетъ на колѣняхъ въ Римъ... Зачѣмъ? Ужели просить папу снять съ нея монашескій обѣтъ? Возможно ли? Отказаться отъ своей клятвы! Измѣнить своему божественному Жениху!

Вдругъ точно чей-то посторонній голосъ шепнулъ ей: «замокъ не признаетъ твоего обѣта».

Она вздрогнула, точно совершивъ святотатство. Для нея во всемъ мѣрѣ существуетъ только одинъ законъ, законъ ея собственной совѣсти. А клятвы... увь! Она ихъ дала двѣ, противорѣчащихъ одну другой. Она обѣщалась бѣдной матери спасти и воспитать ея дѣтей...

Страшная неосторожность! Теперь, на что бы она ни рѣшилась, она во всякомъ случаѣ клятвопреступница. Но развѣ она не обязана прежде всего повиноваться Богу? Конечно и ей теперь ничего болѣе не остается, какъ со слезами молить Его о прощеніи, а дѣтей предоставить Ему же, Его милосердію и святой волѣ. Онъ одинъ можетъ ихъ защитить и спасти. Да, но..

И сестра Роза, которая до сихъ поръ во всемъ сама полагалась на Провидѣніе и не колеблясь совѣтовала всѣмъ страждущимъ прибѣгать къ нему, какъ къ единственному вѣрному убѣжищу... сестра Роза, теперь, когда дѣло коснулось дѣтей... она пугается... на нее нападаетъ сомнѣніе. На свѣтѣ столько людей страдаетъ, въ этомъ надо совнаться... И теперь Провидѣніе какъ будто тоже покинуло этихъ бѣдныхъ малютокъ... а сколько еще ихъ умираетъ.... Но ватѣмъ имъ умирать? Или онѣ родились не для того чтобы жить? И въ глубинѣ души сестры Розы шевельнулось нѣчто похожее на негодованіе противъ неумолимаго Провидѣнія, которое оставляло гибнуть дѣтей.

Что это? Она ропщетъ, богохульствуетъ? Нѣтъ, нѣтъ, это только ошибка! Провидѣніе никогда не дѣйствуетъ само, но выбираетъ себѣ орудія изъ среды людей и почему бы ей, сестрѣ Розѣ...

Она вздрогнула отъ радости. Что, если Богъ избралъ ее орудіемъ спасенія бѣдныхъ сиротъ?

Она старалась себя въ этомъ увѣрить и наконецъ, успокоенная, подъ утро заснула.

Но съ пробужденіемъ къ ней вернулись всѣ ея тревоги и она тщетно усиливалась возбудить въ себѣ увѣренность, которая ночью на мгновеніе освѣтила водворившійся у нея въ сердцѣ мракъ. Освѣженная сномъ, она сознательно взглянула на предметъ своихъ мученій и ясно увидѣла, что ей предстоитъ выборъ между двумя противоположными обязанностями, между двумя соперничавшими предметами любви. Она съ отчаяніемъ оглянулась вокругъ и глаза ея остановились на озаренномъ улыбкой личикѣ Жана, который, приподнявшись на постелькѣ, смотрѣлъ на нее. Она бросилась къ нему и схвативъ его на руки, съ восторгомъ прижала къ груди. Мальчикъ съ своей стороны обвилъ рученьями шею своей пріемной матери, и какъ наванунѣ, прильнулъ губками къ ея щекѣ.

— Ахъ! воскликнула она: если нужно, я для тебя пожертвую спасеніемъ моей души.

Но тутъ снова изъ глубины души ея поднялось сомнѣніе, ужъ не дьяволь ли, смущая ея, внушаетъ ей подобныя мысли и слова. Эта безконечная борьба влеченій сердца и возраженій вѣры, истомила ея, и наконецъ она могла только страдать. Теперь ее всего больше терзала страхъ, чтобъ у нея не вздумали, какъ наканунѣ, отнять дѣтей.

Сойдя въ кухню, она нашла тамъ Жозефину, притаившуюся въ уголку. Увидѣвъ сестру Розу, дѣвочка съ громкимъ крикомъ бросилась къ ней и повиснувъ у нея на шеѣ, залилась слезами.

— Что съ тобой, дружокъ? О чемъ ты плачешь?

— Злая монахиня говорить, что мама умерла. Правда ли это? Что же съ ней сдѣлали? Я не хочу, чтобъ ей сдѣлали что-нибудь нехорошее.

Сестра Роза вздрогнула и принялась утѣшать дѣвочку. Вскорѣ явилась сестра Анжелика и подтвердила слова ребенка: бѣдная женщина дѣйствительно умерла ночью.

— Вы плачете, сказала сестра Анжелика, замѣтивъ, что молодая монахиня украдкой утерла слезу. Это была ваша родственница, или пріятельница?

— Нѣтъ, отвѣчала сестра Роза.

— Однако, послѣ того что произошло...

— Что такое произошло?

— Если мать игуменья вамъ ничего не сказала, то я не вправѣ объ этомъ говорить.

И сестра Анжелика вышла изъ комнаты, не говоря больше ни слова.

Но что же такое могло случиться? Ко всѣмъ тревогамъ сестры Розы прибавилось еще новое недоумѣніе. Такъ прошло утро до десяти часовъ. Около этого времени въ монастырь обыкновенно являлся докторъ Маринье съ своимъ официальнымъ визитомъ. Въ этотъ день на дворѣ стояла мрачная осенняя погода. Шелъ дождь и сестра Роза съ шитьемъ въ рукахъ сидѣла въ столовой, между тѣмъ какъ дѣти играли около нея. Она увидѣла въ открытую дверь доктора, который шелъ по корридолу, осторожно озираясь вокругъ. Войдя въ столовую и убѣдившись, что тамъ дѣйствительно никого не было кромѣ сестры Розы, онъ быстро подошелъ къ ней и спросилъ:

— Вы знаете, что вчера вечеромъ здѣсь произошло?

— Нѣтъ, отвѣчала она, и съ умоляющимъ видомъ протягивая къ нему руки, прибавила: Умоляю васъ, скажите мнѣ, въ чемъ дѣло!

— Ну, я такъ и зналъ, что они отъ васъ это скроютъ! воскликнулъ онъ, — а между тѣмъ это нивого вромѣ васъ не касается. Услужливый дуракъ Бернеро допустилъ игуменью быть вашей представительницей, что вовсе не законно. Я такъ ему и сказалъ.

— Господинъ Бернеро нотариусъ?

— Онъ самый. Бѣдная Марія-Катерина... важется, у нея не было никакого другого имени... послала за нимъ вчера и въ присутствіи двухъ свидѣтелей, писаря и меня, назначила васъ опекуной своихъ дѣтей до тѣхъ поръ, пока за ними не явится ихъ отецъ Жюльень... Мори, Амори... что-то въ этомъ родѣ. Она выразила желаніе, чтобъ они остались здѣсь при васъ и нивогда съ вами не разлучались, а главнымъ образомъ она запрещаетъ ихъ отдавать въ пріютъ или, какъ она выражается, въ какое бы то ни было другое заведеніе, гдѣ — говоритъ она — воспитываютъ дѣтей безъ матери. Мы подписали ея завѣщаніе. Я боялся, что отъ васъ это скроютъ, и непременно хотѣлъ, чтобъ вы узнали... Смотрите только, не выдавайте меня. Что вы теперь станете дѣлать?

— Боже мой, я сама не знаю. Ради Бога научите меня, что я могу!

— Вы можете... гмъ, вы можете все, что захотите. Но вы, вѣроятно, ничего не захотите, вслѣдствіе вашего обѣта... Знайте однако, что передъ закономъ вы свободны и еслибъ рѣшились...

— О, это невозможно! Вы забываете, что это было бы преступленіе!

— Все зависитъ отъ того, какъ кто смотритъ на вещи... Но подумаемъ, что же могли бы вы сдѣлать. У васъ, если я не ошибаюсь, есть маленькое состоянціе. Воспользуйтесь этимъ средствомъ, чтобъ оставить дѣтей при себѣ. Къ несчастію, ваша мать-игуменья... хотя прекрасная женщина, въ томъ нѣтъ сомнѣнья... бываетъ иногда упряма какъ чортъ. Но что, еслибъ вы имъ погрозили тѣмъ, что уйдете отсюда? Этимъ способомъ монахиня всего можетъ достигнуть.

— Господинъ Маринье! воскликнула сестра Роза, удерживая доктора, который уже собирался уйти. Господинъ Маринье, вы говорите, что маленький мальчикъ очень слабъ... что онъ не вынесетъ...

— Ему необходимо по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ хорошаго ухода, для того, чтобъ вполне окрѣпнуть. Отдать больного ребенка въ пріютъ! Мы знаемъ, что и изъ здоровыхъ тамъ выходитъ. Бѣдная мать говорила совершенную правду.

— Докторъ, вы мнѣ поможете, не правда ли? Ради Бога, скажите да.

— А мое мѣсто при монастырской больницѣ?.. Спасибо!

— Господинъ Маринье! Подумайте только, бѣдня дѣти...

— Да впрочемъ жалованье мое здѣсь не велико, а практика у меня есть.... Нужно однако дѣйствовать очень осторожно. У васъ, какъ я вижу, нѣтъ недостатка въ мужествѣ, ну и отлично! Не правъ ли 'я былъ, говоря, что вамъ надо быть матерью семейства, а не монахиней. Уходя за больными слѣдуетъ поручать старухамъ, а вамъ, молодымъ да красивымъ, гораздо приличнѣе возиться съ ребятами.

Сестра Роза въ смущеніи опустила голову, чтобъ скрыть яркій румянецъ, вспыхнувшій на ея щекахъ. А докторъ поспѣшилъ уйти также тихо, какъ пришелъ.

Поможетъ ли онъ ей?..

Сестра Роза возмѣла смѣлую мысль идти наперекоръ игуменьѣ и, въ качествѣ опекуни дѣтей, заявить на нихъ свои права. Съ той минуты, какъ до нея дошло извѣстіе о смерти бѣдной женщины, она, еще не зная того, что ей сообщилъ докторъ, уже начала вполнѣ сознавать всю важность отвѣтственности, которая на нее такъ неожиданно пала въ отношеніи беззащитныхъ дѣтей. Обѣщаніе, унесенное умершей матерью въ могилу, получило въ глазахъ сестры Розы значеніе торжественной клятвы, которую она чувствовала себя неспособной нарушить. Колебанія ея прекратились, но она ужасалась собственной дерзости и не понимала, гдѣ найдетъ силы, необходимыя для борьбы съ властью, передъ которой до сихъ поръ безпрекословно преклонялась, считая ее непогрѣшимой и священной. Сказать *нѣтъ* святой матери-игуменьѣ! Ужасное, неслыханное преступленіе въ монастырскихъ лѣтописяхъ! Ропоть... онъ еще возможенъ: послушаніе тяжело, а человѣческая природа слаба. Но идти прямо наперекоръ настоятельницѣ.... Нѣтъ, христіанское ученіе ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ этого. Впрочемъ, мысль сестры Розы отказывалась доходить до крайнихъ послѣдствій, въ какихъ ее могла привести борьба съ монастырскимъ начальствомъ. Она надѣялась, или лучше сказать, хотѣла надѣяться, что игуменья согласится оставить ей дѣтей, и старалась прогнать отъ себя всякую мысль о возможности отказа.

Она со страхомъ и трепетомъ ожидала дальнѣйшихъ событій. На слѣдующее утро произошли похороны бѣдной матери. Сестра Роза провела весь день въ молитвахъ о ней и ни на минуту не разставалась съ дѣтьми. Ей не разъ казалось, что она чувствуетъ около себя присутствіе умершей и невольно вздрагивала при этомъ. У нея еще звучали въ ушахъ мольбы несчастной женщины, она не могла забыть сверканія ея глубоко впав-

шихъ глазъ и выраженія безграничной любви и страданія на ея лицѣ. Могла ли такъ быстро порваться столь крѣпкая связь? Нѣтъ, духъ матери конечно еще витаетъ здѣсь, около дорогихъ ей существъ, и сестра Роза была такъ въ этомъ увѣрена, что ей не разъ чудилось, будто за ней по пятамъ слѣдуетъ безпокойная, любящая тѣнь.

Вечеромъ, возвращаясь съ дѣтьми изъ сада, она была встрѣчена игуменьей:

— Сестра Роза, сказала та съ невозмутимымъ спокойствіемъ, вы завтра вмѣстѣ съ сестрой Анжеликой отправитесь въ село Журделе ходить за больными.

Ударъ винжала въ самое сердце не больнѣе бы поразилъ молодую монахиню. У нея захватило духъ и она въ первую минуту не могла выговорить ни слова. Но, замѣтивъ, что игуменья собиралась идти далѣе, она сдѣлала надъ собою усиліе и воскликнула:

— Святая мать! А дѣти? Кто будетъ за ними смотрѣть?

Игуменья, строго взглянувъ на монахиню, отвѣчала:

— О дѣтяхъ не безпокойтесь. Я сама о нихъ позабочусь.

— Но, святая мать.... прошу васъ, скажите мнѣ....

— Дочь моя, вы слишкомъ много у меня спрашиваете. Я уже говорила вамъ, что сердце ваше, сколько мнѣ кажется, не вполне принадлежитъ Богу. Берегитесь!... Дѣти эти будутъ отданы, куда слѣдуетъ.... Я до нѣкоторой степени за нихъ отвѣчаю и я буду имѣть о нихъ свѣдѣнія.

— Святая мать, ихъ не слѣдуетъ отсылать въ пріютъ!

— Сестра Роза, вы обазываете мнѣ неуваженіе и неповиновеніе. Идите тотчасъ же въ вашу келью и оставайтесь тамъ два дни.

— Два дни? А за это время.... чтѣ станется съ дѣтьми?

Глаза игуменьи сверкнули гнѣвомъ и она, вооружась всею силой своей власти, грозно воскликнула:

— Вы разсуждаете со мной! Васъ обуялъ духъ зла, идите, идите въ свою келью и молитесь!

Сестра Роза смиренно преклонила голову, но сердце ея должно сопротивляться и она сказала:

— Святая мать, простите, но.... дѣти эти мнѣ поручены. Я должна о нихъ заботиться... и даже, признаюсь... я поклялась въ этомъ....

— По какому праву? Развѣ воля ваша не въ моихъ рукахъ? Я одна могу распоряжаться ею и вами. Но кто передалъ вамъ послѣднюю волю этой грѣшницы? Она, по собственному

признаю, оказалась низкой, презрѣнной тварью. Кто вамъ сказалъ, спрашиваю я?

— Святая мать, я не могу вамъ отвѣчать.

— Сестра Роза, вы оказываете открытое сопротивленіе и заслуживаете самого строгаго наказанія. Вамъ не безвизвѣстно, что существуютъ мѣста заключенія для неповорныхъ сестеръ нашего ордена?

И открывъ дверь, игуменья громко позвала. Двѣ монахини прибѣжали на ея зовъ.

— Возьмите этихъ дѣтей, привазала игуменья. А вы, сестра Роза, ступайте въ вашу келью.

Блѣдная и дрожащая, молодая монахиня, повидимому, готова была упасть въ обморокъ. Но на дѣлѣ она чувствовала въ себѣ достаточно силъ, чтобъ бороться, еслибы понадобилось, со всѣмъ монастыремъ. Тѣмъ не менѣе, повинуясь голосу разсудка, она въ эту минуту сочла за лучшее повиноваться. Несмотря на туманъ, застилавшій ея глаза, и на гнѣвъ, омрачившій ея мысль, она инстинктивно понимала, что ей надо исвать помощи въ другой силѣ. Дѣти, не понимая въ чемъ дѣло, но испуганныя грознымъ тономъ игуменьи, начали громко плавать, а маленькій Жанъ въ особенности отчаянно бился, вырываясь изъ рукъ уносившей его монахини, вдругъ сквозь слезы воскликнулъ: «Ма.... мама!» Его смоченное слезами личико было обращено къ сестрѣ Розѣ.

Онъ въ первый разъ назвалъ ее этимъ именемъ. Радость и горе, мгновенно охвативъ ея сердце, чуть не лишили ее послѣднихъ силъ. Однако, она кое-какъ дошла до своей кельи.

Тамъ она, наконецъ, могла дать волю своему отчаянію, порывамъ гнѣва, ненависти и любви, всѣмъ страстнымъ движеніямъ сердца, которыя, поднявшись изъ глубины ея дотолѣ кротовой, спокойной души, вдругъ разразились страшной бурей. Жизненные силы, накопившіяся въ ней въ теченіи столькихъ лѣтъ однообразнаго и замѣнутаго существованія, всѣ разомъ внезапно заговорили въ ней и вылились наружу въ вопляхъ и столахъ, которыми онѣ, повидимому, хотѣли отмстить за свое долгое молчаніе. Какое внезапное пробужденіе! Какая сила страсти! Всѣ способности ея души возмущились противъ тяготѣвшаго надъ ними ига и захотѣли протестовать, дѣйствовать, любить.... Въ груди монахини, подъ сѣрымъ платьемъ вдругъ зашевелились страсти, жизнь забила ключемъ и стерла всѣ слѣды прежняго смиренія и покорности. Сестра Роза лежала на колѣняхъ въ углу передъ Распятіемъ, на хорошо знакомомъ ей мѣстѣ, но вмѣсто обычныхъ словъ тихой молитвы, изъ груди ея вырывались

громкія рыданія и она вздрагивала подѣ вліаніемъ волновавшихъ ее негодованія сомнѣній и тоски.

Наконецъ, испуганная силою собственныхъ ощущеній, сестра Роза нѣсколько овладѣла собой. Она боялась злого духа и стала молиться; затѣмъ стала размышлять о своей предъидущей жизни, которая за послѣдній часъ успѣла сдѣлаться ея прошлымъ. Произнесенный ею обѣтъ безпрекословнаго повиновенія, совѣты духовника, монастырскія правила — до сихъ поръ предметъ ея вѣры и уваженія — правила, первое требованіе которыхъ чуждаться всякаго чувства, убивать его въ зародышѣ.... Но это выше ея силъ... Она не понимала половины тѣхъ словъ, которыя она говорила самой себѣ; она думала только о дѣтяхъ; ей все казалось, что въ эту самую минуту у нея навсегда отнимаютъ этихъ дѣтей, и она хотѣла броситься за ними, вырвать дѣтей отъ ихъ преслѣдователей. Боже мой! Такъ мучить бѣдныхъ дѣтей!... Обрезать ихъ на смерть... Возможно ли, чтобы Богъ повелѣвалъ такое преступленіе, или даже только допускалъ его!... Что могли люди имѣть противъ нихъ? Или все это дѣлалось исключительно съ цѣлью разбить ея собственное сердце? Но въ такомъ случаѣ она этого не допуститъ и во что бы то ни стало спасетъ сиротъ.

Весь страхъ, всѣ сомнѣнія сестры Розы исчезли. Она болѣе ни о чемъ не думала, какъ только объ обѣщаніи, которое дала умирающей матери, и о томъ, какъ спасти дѣтей.

Когда кротость есть слѣдствіе любви къ миру и желанія угождать ближнимъ, она имѣетъ гораздо менѣе общаго со слабостью, нежели эгоистическое упорство людей, отличающихся неуступчивымъ правомъ. Такого рода характеры обыкновенно идутъ далеко по пути уступокъ. Но оскорбленные въ собственномъ достоинствѣ или въ своихъ привязанностяхъ и доведенные до крайности нападками на ихъ понятія о долгѣ, о чести и о справедливости, эти агнята превращаются во львовъ и тѣ самыя способности, которыя заставляли ихъ находить удовольствіе въ уступчивости, становятся въ нихъ источникомъ неуязвимой энергіи.

Сестра Роза, испуганная и изумленная происшедшей въ ней переменой, въ сущности оставалась все таже. Но въ ея двадцатипятилѣтнее сердце внезапно проникъ лучъ человѣческой любви и зародыши чувства, дремавшіе въ немъ, развернулись подѣ благотворнымъ вліаніемъ грозы страданія съ быстротой тропической растительности.

Когда къ ней вечеромъ явилась монахиня и принесла ей ужинъ, сестра Роза выразила желаніе объясниться съ игуменьей.

Она, наконецъ, рѣшилась смѣло и открыто возстать противъ власти, которая слыветъ въ монастыряхъ представительницей самого божества. Геройское мужество, — не только если принять въ соображеніе воспитаніе, полученное молодой дѣвушкой, но и если взвѣсить всѣ опасности, которымъ она лично подвергалась въ силу монастырскаго устава, строго карающаго неповиновеніе по абсолютному божественному праву. Сестра Роза собиралась начать съ ипуменьей боръбу во имя чисто-человѣческаго чувства, забывая, какъ мало значенія та придавала всему этому, или лучше сказать, какъ холодно и враждебно на все это смотрѣла.

Просьба ея осталась безъ отвѣта. Между тѣмъ настала ночь, но сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ. Мысль ея упорно стремилась къ дѣтямъ. Что съ ними сдѣлали? Къ ней не принесли маленькаго Жана. Его конечно вздумали поручить на ночь другой монахинѣ. По временамъ крикъ мальчишка долеталъ до слуха сестры Розы и усиливалъ ея страданія. Ни одна изъ остальныхъ сестеръ не умѣетъ обращаться съ дѣтьми! Ни ласки, ни добраго слова; они относятся къ дѣтямъ съ тѣмъ превосходствомъ силы, которое только оскорбляетъ, не даетъ высказаться ребенку, дѣлаетъ злымъ... Еслибы ихъ по крайней мѣрѣ отдали сестрѣ Францискѣ! Та добра и не станетъ ихъ понапрасну мучить.

Нѣтъ, они не сдумаютъ приготовить мальчику его супъ, какъ онъ любить, пожизне и съ сахаромъ... онъ не станетъ ѣсть... и будетъ страдать отъ голоду. При этой мысли сестра Роза не могла удержаться отъ слезъ, которыя по крайней мѣрѣ физически ее нѣсколько облегчили. Но тутъ крики мальчишка раздалились сильнѣе, отчаяннѣе прежняго....

— Господи! Что съ нимъ дѣлаютъ? Это безчеловѣчно, ужасно!

И не въ силахъ долѣе владѣть собой, сестра Роза бросилась въ выходу изъ своей кельи, но.... дверь оказалась запертой снаружи.

Гнѣвъ вспыхнулъ въ сердцѣ молодой монахини. Но то, что побѣждаетъ слабыхъ, только еще болѣе возбуждаетъ сильныхъ. Сестра Роза вернулась на свое мѣсто, сѣла, опустивъ голову на руки и долго оставалась въ этомъ положеніи, явно собираясь съ силами. Въ кельѣ водворилась тишина, нарушаемая только прерывистымъ дыханіемъ монахини и изрѣдка сдерживаемымъ рыданіемъ.

Настало утро. Монастырь оживился. Сестра Роза, которая въ изнеможеніи было-задремала, около восьми часовъ внезапно проснулась въ испугѣ, вскочила съ мѣста и бросилась къ окну. Слуха ея коснулся жалобный плачь Жозефины и она дѣйстви-

тельно увидала ее идущую по двору. Рядомъ съ ней шла, держа ее за руку, игуменья, за которой слѣдовала сестра Анжелика съ маленькимъ Жаномъ на рукахъ. Мальчикъ вырывался, плакалъ и осматривался вокругъ, точно кого-то отыскивая. Вдругъ у него, какъ наванунѣ, вырвалось: «Мама, мама!»

Минуту спустя они всѣ скрылись. У Жозефины на головѣ была ея черная шапочка, а Жана несли окутаннаго въ старую шаль... Куда они ихъ уводили?

Неужели же, вопреки послѣдней волѣ матери, ихъ такъ жестовосердо отправляли въ эту холодную могилу... Но въ такомъ случаѣ надо дѣйствовать... что-нибудь предпринять... то есть — омончательно возстать противъ игуменьи, обратиться къ покровительству закона.

Сестра Роза стояла облокотясь на окно. Она дрожала, мысли ея и чувства носились въ какомъ-то хаосѣ. Неужели дѣйствительно дѣло зашло такъ далеко?... Такъ ли это?...

Бѣдная дѣвушка, вся жизнь которой до сихъ поръ была одной мечтой, пугалась въ виду страшной борьбы съ дѣйствительностью.

Наванунѣ она, въ пылу своего гнѣва и негодованія, была готова на самыя смѣлыя рѣшенія, и считала себя способной тотчасъ же ихъ исполнить; но теперь съ приближеніемъ рѣшительной минуты, истомленная, безсонницей, разбитая и уничтоженная горемъ, она почувствовала непреодолимый страхъ. Нарушить обѣтъ, произвести такой скандалъ, сдѣлаться предметомъ толковъ цѣлаго города, возбудить въ себѣ ненависть всего монастыря!...

Сестра Роза закрыла лицо руками. Но дѣти, дѣти! Дѣти, которыхъ ведутъ къ стыду и гибели! Сердце ея рвалось къ нимъ, и раздраженная совѣсть уже не останавливала ее.

Молодая монахиня была сильна и мужественна и съ радостью принесла бы себя въ жертву дѣтямъ. Но, привывши себя во всемъ сдерживать, она чувствовала непреодолимую робость въ ту минуту, когда отъ рѣшенія воли надо было перейти къ дѣйствию.

Вдругъ дверь ея кельи отворилась и на порогъ показалась игуменья.

У сестры Розы кровь застыла въ жилахъ. Мать-игуменья имѣла такой величественный видъ и была облечена такой высокой властью! Ея полный шагъ, тяжелая походка, холодный блескъ ея сѣрыхъ глазъ, висѣвшій у нея на груди крестъ, все, не исключая и двойного подбородка, внушало безграничное уваженіе монахинѣ, которая видѣла въ своей настоятельница олице-

твореніе верховной власти на землѣ. Она еще маленькой дѣвочкой привыкла преклоняться передъ ней, а дѣтство и юность, какъ извѣстно, съ необыкновенной силой воплощаютъ свои иллюзіи. Менѣе наивныя уста не задумались бы назвать игуменью вмѣсто «святой матери» просто толстой матерью. Не будучи лишена извѣстной доли ума, она однако опустилаcь вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ замкнутой средѣ, гдѣ мелочныя заботы и сметни быліи единственнымъ интересомъ. Къ тому же она отличалась очень положительнымъ характеромъ, что выражалось на ея лицѣ. Но чтò въ ней было дѣйствительно величаваго, такъ это ея высокое мнѣніе о своей собственной личности, которое оказывало впечатлѣніе и на другихъ.

— Поняли ли вы, наконецъ, всю важность вашего проступка, дочь моя? медленно и жестко произнесла она, входя въ келью сестры Розы. Вы согрѣшили противъ Бога и противъ меня. Вы проявили гордость, которая низвергла въ адъ злыхъ ангеловъ и, дозволивъ земному чувству поселиться у васъ въ сердцѣ, измѣнили клятвѣ, данной божественному Жениху. Грѣховное состояніе вашей души приводитъ меня въ ужасъ. Изъ опасенія, чтобъ Богъ въ гнѣвѣ своемъ не поразилъ васъ мгновенной смертью, я хочу на одинъ часъ освободить васъ изъ заключенія, чтобъ вы по крайней мѣрѣ могли раскаяться. Ступайте въ церковь: вы тамъ найдете вашего духовника. Смиритесь и со слезами молитесь Господа о прощеніи.

Что могла на это возразить дѣвушка, воспитанная въ этихъ вѣрованіяхъ и принесшая въ жертву имъ свою жизнь? Сестра Роза молчала. Слова игуменьи, указывая ей, что ея проступокъ родственъ съ преступленіемъ самого Сатаны, сильнѣе чѣмъ когда-либо возбудили въ ней упреки совѣсти. Дьяволъ дѣйствительно есть изобрѣтатель революцій и еслибъ молодая монахиня разсуждала логически, такой аргументъ уничтожилъ бы въ ней всякій духъ неповиновенія.

Но воспитаніе, напротивъ, тщательно отучило ее давать своимъ идеямъ логическую связь и обдумывать свои впечатлѣнія. Пораженная авторитетомъ игуменьи и испуганная въ своей совѣсти, сестра Роза упала на колѣни и со слезами сознаваясь въ своей винѣ, молила святую мать о прощеніи. Но когда та, намѣреваясь уйти, подошла къ двери, мысль о несчастныхъ и усланыхъ дѣтяхъ снова охватила все существо монахини и она умоляющимъ голосомъ воскликнула:

— Но, святая мать, ради Бога, скажите мнѣ, гдѣ дѣти?

— Опять вы поддаетесь безумнымъ внушеніямъ вашего не-

покорнаго сердца! съ гнѣвомъ воскликнула игуменья и поспѣшила прибавить:

— Ихъ болѣе здѣсь нѣтъ и вы ихъ никогда не увидите.

— Никогда не увижу! воскликнула сестра Роза, которая въ эту минуту снова все забыла, исключая опасности, угрожавшей несчастнымъ сиротамъ. — Никогда не увижу! О нѣтъ, это невозможно! Милосердый Богъ этого не захочетъ! Дѣти меня любили; мать, умирая, мнѣ ихъ поручила; я имъ нужна!.. Святая мать, прекратите ихъ мученія! Я увѣрена, они теперь плачутъ и вонуть меня... Зачѣмъ дѣлать ихъ несчастными?.. Тамъ не любить дѣтей и не умѣютъ съ ними обращаться... ихъ тамъ убьютъ... Эти люди не знаютъ...

И сестра Роза, заливаясь слезами, упала на колѣни. Она въ отчаяніи простирая къ игуменѣ дрожащія руки и восклицала:

— Святая мать, вы видите, я не въ силахъ совладѣть съ собой. Но вѣдь Богъ не желаетъ гибели дѣтей!.. Господь Іисусъ любилъ ихъ и довѣряя сердцу женщины, поручилъ имъ заботиться объ этихъ... невинныхъ... существахъ, которыя не заслужили страданія... Умоляю васъ, святая мать, возвратите мнѣ ихъ! Я буду вдвое трудиться для того, чтобъ воспитать ихъ, и научу ихъ любить Бога... Тамъ, вы знаете, дѣти становятся дурными, ихъ не любятъ. Мальчикъ, по словамъ доктора, требуетъ особенной заботливости... онъ тамъ, безъ сомнѣнія, умретъ! Не грѣхъ ли обречь на смерть живое существо и въ особенности невиннаго ребенка?.. Ради Бога... Святая мать!..

— Вы совсѣмъ съума сошли! сухо замѣтила игуменья, отталкивая ее отъ себя. Идите въ церковь; отецъ Валенъ васъ вѣроятю, уже ждетъ. Если ему не удастся вразумить васъ, вы завтра отправитесь на покаяніе... Идите!

И вытолкнувъ ее за двери, игуменья слѣдила за ней глазами до церкви.

Этотъ взрывъ чувства въ присутствіи настоятельницы возвратилъ сестрѣ Розѣ всю ея энергію. Въ церкви еще не было отца Валена. Въ ожиданіи его она опустилась на колѣни передъ образомъ Богородицы и съ трепетомъ думала о страшной задачѣ, которую ей тѣмъ или другимъ способомъ предстояло разрѣшить. Надо было или покинуть дѣтей, или спасти ихъ. Конечно спасти!... Къ этому послѣднему рѣшенію ее влекли всѣ силы ея души. Но въ такомъ случаѣ надо вернуться къ свободѣ! нарушить обѣтъ!..

Да, но покинувъ дѣтей, она тоже измѣняетъ клятвѣ, мало того, это значило обречь на смерть, или еще хуже, на порокъ,

два существа, которыя были вѣрены ей матерью и сами добровольно ей отдались со всей невинностью и всѣмъ своимъ сердцемъ... Воспитанная въ пріютѣ, Жозефина неизбежно должна была подвергнуться одной участи съ своей матерью, а можетъ быть и еще худшей. А мальчикъ... его вонечно ждетъ страшная агонія посреди равнодушныхъ людей, которые не дадутъ ему ни любви, ни ласки, ничего такого, что до сихъ поръ хотя сколько-нибудь уменьшало его страданія. «Мама, мама!» звучало у нея въ ухахъ. Ей показалось, что она слышитъ голосъ ребенка, и вздрогнувъ она встала съ колыбѣль...

Сестра Роза ожидала своего духовника съ инстинктивнымъ желаніемъ найти въ своемъ затрудненіи хоть какую-нибудь помощь или опору. Но что можетъ онъ ей дать? Развѣ ей это неизвѣстно напередъ? Онъ будетъ говорить тоже, что игуменья. Онъ ей станетъ угрожать адомъ... Неужели Богъ дѣйствительно осудитъ ее за любовь къ дѣтямъ, которыхъ онъ самъ завѣщалъ любить?.. Адъ! но вѣдь онъ угрожаетъ также и дѣтямъ! Страданіе и нужда могутъ ихъ туда низвергнуть!.. Развѣ она должна думать только о себѣ и ни о комъ, и ни о чемъ болѣе не заботиться? Нѣтъ, и въ этой и въ будущей жизни предстоитъ выборъ между собственнымъ и ихъ спасеніемъ. Она должна погубить ихъ, спасая себя, или спасти ихъ, погубивъ себя...

Поставивъ вопросъ такимъ образомъ, сестра Роза перестала колебаться. Въ душѣ ея какъ будто вдругъ вспыхнулъ огонь, и всѣ ея муки и сомнѣнія исчезли. Святое чувство самоотреченія влило ей въ сердце новое мужество, которое побѣдило въ ней всякій страхъ. Нивогда, въ своемъ одинокомъ иснаніи небесныхъ радостей не ощущала она такого восторга и таковой силы, какъ теперъ. Это уже не были истощающіе и сухіе порывы мистической любви; это была сама жизнь, покрывавшая ее своими священными волнами, своими самыми сильными радостями и высочайшими проявленіями, начиная съ утренней зари и первой улыбки ребенка, до великихъ вечеровъ Термопилъ и Ментазы, до костровъ Гуса и Иоанны д'Аркъ. Сестра Роза почувствовала себя въ мирѣ съ правдой и съ добромъ и вдругъ перестала вѣрить въ дьявола.

Она твердымъ шагомъ направилась къ церковной двери и вышла на улицу. Раздавшійся около нея шумъ нисколько ее не испугалъ. Встрѣча лицомъ къ лицу съ духовникомъ и та теперь не остановила бы ее. Она спокойно прошла весь городъ и отправилась къ нотариусу Бернеро.

Нотариусъ не могъ придти въ себя отъ изумленія, узнавъ о причинѣ посѣщенія молодой сестры, которая возымѣла рѣши-

мость заявить свои права опекуниши. Онъ въ присутствіи своихъ писцовъ, которые въ случаѣ надобности могли бы послужить свидѣтелями, не преминулъ выставить передъ сестрой Розой скандалъ, который неизбѣжно произведетъ ея смѣлый поступокъ. Бернеро занимался дѣлами двухъ монастырскихъ общинъ и каждый годъ причащался. Тѣмъ не менѣе онъ выдалъ сестрѣ Розѣ копію съ завѣщанія и посовѣтовалъ ей отправиться къ мировому судѣ.

Вольтеріанецъ и либераль въ душѣ, мировой судья однако держалъ себя прилично своему званію. Онъ очень ласково обошелся съ молодой монахиней, но все-таки счелъ долгомъ спросить у нея, хорошо ли она обдумала всѣ послѣдствія своего смѣлаго шага. Узнавъ, что у нея есть, чѣмъ жить, и что она намѣрена поселиться въ Парижѣ, онъ улыбнулся и далъ понять, что вполне одобряетъ ея рѣшимость. Онъ старался обиняками выведать у нея исторію дѣтей, полагая, что подъ этимъ кроется какая-нибудь интрига. Но такъ какъ мать дѣтей была извѣстна, а въ сестрѣ Розѣ онъ не могъ подозрѣвать ихъ отца, то мировой судья ничего здѣсь не понималъ, кромѣ того, что быть можетъ это былъ благовидный предлогъ оставить монастырь. Онъ немедленно написалъ въ Алансонъ, въ пріютъ, куда были помѣщены сироты, предписаніе возвратитъ ихъ дѣвицѣ Селинѣ Дарри, въ постриженіи сестрѣ Розѣ. Затѣмъ онъ съ отеческой заботливостью рекомендовалъ молодую дѣвушку своимъ знакомымъ, хорошимъ людямъ, которые были настолько независимы, что не боялись для себя никакихъ монастырскихъ воней. Они приняли ее къ себѣ въ домъ, гдѣ сестра Роза въ тотъ же вечеръ получила визитъ отца Валена.

Но онъ успѣлъ только немного напугать и сильно огорчить молодую дѣвушку, но не въ силахъ былъ поколебать ея рѣшимости. Наконецъ отецъ Валенъ сталъ предательски убѣждать сестру Розу вернуться въ монастырь и постараться смягчить игуменью покорностью, обѣщая въ послѣдствіи выхлопотать ей позволеніе имѣть при себѣ дѣтей. Но какъ ни была простодушна и довѣрчива молодая монахиня, она поняла, что ей разставляютъ западню, и отказалась. Отцу Валену однако удалось довести до слезъ сестру Розу описаніемъ скорби, какую возбудилъ ея проступокъ во всѣхъ монахиняхъ и въ особенности въ нѣжномъ сердцѣ святой матери-игуменьи. Затѣмъ онъ сталъ грозить ей небеснымъ мщеніемъ, изображалъ безнравственность клятвеннаго преступничества, опасности, которыя ожидаютъ ее въ свѣтѣ, и людское презрѣніе. Сестра Роза оставалась непоколебимой и повторяла одно:

— Если необходимо вѣмъ-нибудь изъ насъ пожертвовать, то пусть лучше будетъ жертвовано мною. Я сдѣлаю изъ дѣтей честныхъ людей и они вымолятъ мнѣ у Бога прощенье.

Въ тотъ же вечеръ она написала своей сестрѣ, проживавшей въ Парижѣ, слѣдующее письмо:

«Любезная сестра,

«Не знаю, какъ взглянешь ты на то, что я имѣю тебѣ сообщить. Я оставляю монастырь. Не думай, чтобъ мною руководила холодность въ религiи или желанiе жить въ свѣтѣ. Нѣтъ, я выхожу изъ монастыря для того, чтобъ воспитывать двухъ дѣтей, мать которыхъ, умирая, мнѣ ихъ завѣщала. Признаюся тебѣ, я привязалась къ нимъ всѣми силами моего сердца, но, смѣю надѣяться, Богъ мнѣ это проститъ. Если ты и твой мужъ не найдете моего поступка ужъ черезчуръ предосудительнымъ, то вы оказали бы мнѣ великую помощь принявъ меня къ себѣ, по крайней мѣрѣ на первое время, такъ какъ я вовсе незнакома съ жизнью, а въ особенности съ парижскою. А между тѣмъ я нигдѣ болѣе не могу жить какъ въ Парижѣ: это единственное мѣсто, гдѣ на меня не стануть смотрѣть съ предубѣжденiемъ. Ты всегда была добра ко мнѣ и потому я не рѣшалась болѣе ни къ кому ѣхать, кромѣ тебя, если только ты согласишься меня принять. Я надѣюсь быть въ Парижѣ въ понедѣльникъ, съ вечернимъ поѣздомъ: для меня было бы большимъ утѣшенiемъ встрѣтить васъ на станци. Въ противномъ случаѣ я поселюсь гдѣ-нибудь по сосѣдству съ желѣзной дорогой и немедленно васъ увѣдомлю о моемъ приѣздѣ.

«Твоя сестра, рожденная Селина Дарри, въ постриженiи сестра Роза.

«Я молю мою святую не лишать меня своего покровительства, какъ я всегда сохранию ея имя».

Формальности, которыя сестрѣ Розѣ предстояло совершить для полученiя дѣтей, удержали ее въ Мортанѣ весь слѣдующiй день. Отрекшись отъ своего обѣта, она не могла долѣе носить монашескаго платья. Добрая женщина, у которой она квартировала, купила ей по ея просьбѣ простой свѣтскiй нарядъ, въ который сестра Роза не безъ горести одѣлась. Подобно всѣмъ мало развитымъ людямъ, которые не могутъ сразу схватить всѣ послѣдствiя своей рѣшимости, она придавала большую важность такимъ чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ. Она плакала, снимая съ себя сѣрое монашеское платье и замѣняя его свѣтской одеждой. Взглянувъ въ зеркало, она не узнала себя и ей стало стыдно. Она страдала отъ того, что лобъ ея оставался открытымъ и на него прямо падалъ дневной свѣтъ. Ей было крайне жаль высо-

каго головного убора, подъ которымъ она такъ удобно могла скрывать выраженіе своего лица, слишкомъ скоро выдававшего малѣйшія движенія ея впечатлительной души. Неожиданный звукъ, легкій шорохъ, всякая бездѣлица вызывали на ея щекахъ болѣе или менѣе яркій румянецъ, а рѣсницы, единственны оставшіяся у нея теперъ покровъ, то и дѣло опускались на ея глаза.

Вдобавокъ ко всему этому ея болтливая хозяйка не скупилась на разнаго рода замѣчанія. Она удивлялась, что теперъ сестра Роза ничѣмъ болѣе не отличалась отъ другихъ молодыхъ дѣвушекъ, исключая того только, что по ея скромному и застѣчивому виду ей нельзя было дать больше двадцати лѣтъ. Затѣмъ хозяйка поспѣшила ей сообщить, что весь городъ говорилъ о ней. Боже мой, чего только не выдумаютъ злые люди, въ особенности женщины!... Ну, да и мужчины хороши: двусмысленными улыбками и отрывочными словами они даютъ понимать еще болѣе.

— Но что до меня касается, прибавила добрая женщина, то я готова поклясться въ томъ, что вы намѣрены остаться честной.

— Честной? тревожно повторила молодая дѣвушка. Но кто же можетъ въ этомъ сомнѣваться?

— Ахъ вы, бѣдняжка! Сейчасъ видно, что вы не знакомы со свѣтомъ. Люди только и дѣлаютъ, что сомнѣваются. Советую вамъ тамъ, куда вы ѣдете, никому не говорить, что вы были монахиней. Даже и тѣ, которые равнодушно относятся къ религіи, не изъ послѣднихъ васъ осудятъ.

И мало-по-малу хозяйка самымъ добродушнымъ образомъ пересказала сестрѣ Розѣ всѣ слухи, которые ходили о ней по городу. Къ счастью, молодая дѣвушка не поняла и половины изъ того, что слышала. Но чѣмъ больше она слушала, тѣмъ больше видѣла, какъ несправедливо о ней судили и тѣмъ больше чувствовала себя одинокой посреди этого негостеприимнаго свѣта. Еслибъ не дѣти, она бы, кажется, не испугалась ожидавшихъ ее наказаній и была бы готова бѣжать обратно въ монастырь, который по крайней мѣрѣ представлялъ вѣрное убѣжище ея стыдливости. Ей хотѣлось отъ всѣхъ спрятаться и она съ тоскою сравнивала себя съ тѣми ночными птицами, которыхъ съ шумомъ окружаютъ и бьютъ крикливыя дневныя птицы.

Съ наступленіемъ вечера къ хозяевамъ сестры Розы явился докторъ Маринье. Онъ казался немного смущеннымъ, но былъ очень доволенъ оборотомъ, который приняло дѣло. Поздравляя молодую монахиню съ выказаннымъ мужествомъ, онъ горячо поблагодарилъ ее за то, что она его не выдала.

— Но, прибавилъ онъ, они тамъ въ монастырѣ тѣмъ не менѣе подозреваютъ мой языкъ, если не меня самого. Ну, да пусть ихъ!

Я во всякомъ случаѣ нужнѣе монастырю, чѣмъ монастырь мнѣ.... Но да будетъ вамъ извѣстно, что всѣ сестры серьезно думаютъ, будто въ васъ вселился дьяволъ, и произнося ваше имя, набожно крестятся. Чѣмъ иначе, говорятъ онѣ, объяснить такую страшную перемену въ самой вроткой и благочестивой монахинѣ изъ всей общины. — Э, замѣчаю я имъ въ отвѣтъ, вамъ извѣстна пословица: въ тихомъ омутѣ... Но все равно, я въ восторгѣ отъ вашего мужества и вашего сердца. Чтобы тамъ ни говорили другіе, но я хорошо знаю, что вы все это сдѣлали только для дѣтей...

На слѣдующее утро сестра Роза уѣхала въ Алансонъ, снабженная стараніями своихъ хозяевъ и доктора Маринье суммой, необходимой для ея путешествія и для перваго обзаведенія хозяйствомъ въ Парижѣ.

Когда она явилась въ пріютъ за дѣтьми, они, въ новомъ ея востюмѣ, не вдругъ ее узнали, но потомъ радости ихъ не было конца. Слушая ихъ милую болтовню и принимая ихъ ласки, она забыла всѣ свои сомнѣнія, все, что ее до сихъ поръ волновало и терзало. Счастіе заглушило въ ней стыдъ и она вмѣстѣ съ Жозефиной и съ маленькимъ Жаномъ на рукахъ, безъ малѣйшаго смущенія отправилась черезъ весь городъ на станцію желѣзной дороги. Ничто не могло сравниться съ восторгомъ, который охватилъ ея сердце, когда она очутилась съ малютками въ вагонѣ, спокойная на счетъ ихъ безопасности и увѣренная въ томъ, что ихъ никто уже у нея не отниметъ. Они принадлежали ей, одной ей и больше никому! Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ ощущеній монахиня окончательно умерла въ сестрѣ Розѣ, уступивъ мѣсто матери. Вся душа ея вылилась въ нѣжномъ взглядѣ, устремленномъ на дѣтей, и въ лучезарной улыбкѣ, преисполненной материнской любви и самыхъ свѣтлыхъ общаній, какія случается видѣть развѣ только на весеннемъ небѣ, когда оно улыбаясь смотритъ на землю. Дѣти съ своей стороны, счастливые тѣмъ, что снова очутились въ теплой и нѣжной атмосферѣ, которую распространяло вокругъ нихъ присутствіе сестры Розы, отвѣчали на ея ласки поцалуями, объятіями и улыбками безъ конца, которыя сіяли у нихъ въ глазахъ, мелькали на губахъ и гнѣздились въ ямочкахъ на щечкахъ. Путешествіе посреди всѣхъ этихъ изліяній радости и любви всѣмъ показалось короткимъ. Они къ вечеру прибыли въ Парижъ и только ступивъ на асфальтовую мостовую столицы, сестра Роза опять пробудилась къ дѣйствительности и начала тревожиться. У нея болѣзненно сжалось сердце при мысли о своемъ одиночествѣ посреди этого громаднаго города. Она не была увѣрена, придутъ ли встрѣтить ее родные.

Они пришли. Анета Дарри тоже была женщина съ сердцемъ, а мужъ ея, добрый малый, охотно согласился принять къ себѣ сестру Розу, съ условіемъ только, что ея бѣгство изъ монастыря останется для всѣхъ тайной.

Для бывшей сестры Розы, теперешней Селины, была нанята маленькая комната въ одномъ домѣ съ ея сестрой, гдѣ она и поселилась вмѣстѣ съ дѣтьми подъ покровительствомъ маленькаго родственно-расположеннаго къ ней семейства.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Чтобъ хоть сколько-нибудь увеличить болѣе нежели скромный доходъ съ своего капитала, Селина выучилась цвѣточному ремеслу, которымъ занималась также и ея сестра. Трудъ уже начиналъ приносить ей довольство. Дѣти, чистенькіе и свѣженькіе, какъ англійскіе *babies*, выросли; Жозефина училась шить и читать, а маленькій Жанъ совсѣмъ окрѣпъ на ножкахъ, бѣгалъ и много шумѣлъ. Видя его такимъ полненькимъ и розовенькимъ, слыша его свѣжей, звучный голосъ, никто изъ жителей Мортаня не повѣрилъ бы, что это тотъ самый тщедушный золотушный ребенокъ, котораго монахини наши на большой дорогѣ. Нельзя сказать, чтобъ онъ всегда хорошо себя велъ. Нѣтъ, онъ часто шалилъ, но въ самый разгаръ своей шумной веселости, такъ умильно поглядывалъ на свою приемную мать и такъ нѣжно ее цаловалъ, что придавалъ своимъ проступкамъ чуть ли еще не болѣе прелести, чѣмъ своимъ хорошимъ дѣламъ. Все сосѣдство было отъ него безъ ума, хотя и соглашалось въ томъ, что мать его подъ часъ черезчуръ баловала. Всѣ рѣшительно принимали Селину Дарри за вдову и настоящую мать воспитываемыхъ его малютокъ.

Вдовы, мужей которыхъ никто никогда не видалъ, всегда возбуждаютъ подозрѣнія, но передъ стыдливою скромностью и сдержаннымъ, исполненнымъ достоинства обращеніемъ Селины всѣ сомнѣнія невольно умолкали. Ее только въ одномъ упрекали, а именно въ чрезмѣрной строгости, которая, несмотря на всю ея вротость, держала на почтительномъ отъ нея разстояніи многихъ желавшихъ съ ней сблизиться. Она каждый день въ теченіи часа гуляла съ дѣтьми въ сосѣднемъ скверѣ и всѣ видѣвшіе ее тамъ невольно ею восхищались. Замѣчая ея скромную походку, опущенные въ землю глаза, движенія, чуждыя всякаго вожетства, материнскую внимательность люди думали, что она такъ исключительно занимается своими дѣтьми отъ того, что еще не успѣла утѣшиться въ потерѣ мужа. Но были и такіе, которые, любуясь ея свѣжей, молодой улыбкой, выражали сомнѣніе, чтобъ въ сердцѣ ея могла таиться глубокая печаль.

Послѣдніе не ошибались. Очутая въ совершенно новой средѣ,

согрѣваемая любовью дѣтей, которые росли около нея, Селина, бывшая сестра Роза, распускалась, какъ цвѣтокъ, внезапно перенесенный изъ тѣни на яркій солнечный свѣтъ. Въ кругу семьи, ее любившей и уважавшей, ея тревоги и сомнѣнія мало-по-малу улеглись и она вполне отдалась прекраснѣйшей изъ человѣческихъ привязанностей, материнской любви, которая оторвала ее отъ иллюзій мистической любви.

Ея нравственное и умственное развитіе, рано остановившееся въ монастырѣ, теперь быстро пошло впередъ, благодаря ея двадцати-пятилѣтней энергіи. Она хотѣла знать, чтобъ быть въ состояніи учить дѣтей, и съ этой цѣлью много читала и старалась, гдѣ только могла, прислушиваться къ голосу правды и знанія. Ея предрасудки исчезли одинъ за другимъ, сомнѣнія разсѣялись, совѣсть умолкла. Она поняла, что позволяя своему сердцу слѣдовать его естественнымъ наклонностямъ къ любви, составляющей радость и красоту человѣческаго существованія, люди никакимъ образомъ не могутъ оскорбить Бога. Поэзія приводила ее въ восторгъ. Она находила въ ней отголосокъ того, что таилось въ ея собственномъ сердцѣ, и съ помощью ея окончательно прозрѣла насчетъ всего, что есть высокаго и прекраснаго въ этой жизни, которую ее такъ несправедливо научили было проклинать. Уяснивъ себѣ все это, Селина сознала себя невыразимо счастливой. Совѣсть ея вполне успокоилась и всѣ способности расцвѣли и созрѣли съ магической быстротой. Лицо ея покрылось свѣжимъ румянцемъ здоровья, въ глазахъ появился блескъ, станъ округлился, сдѣлался гибче, а движенія быстрѣе. Умъ ея также развернулся и, не теряя своей наивной прелести, украсился живостью и неподдѣльной веселостью. Всѣ кто ее зналъ проникались къ ней уваженіемъ. Дѣти обожали ее.

Селина не забыла также и другой обязанности, которую возложила на нея послѣдняя воля умершей, въ отношеніи къ отцу дѣтей. Нѣсколько времени спустя послѣ своего переселенія въ Парижъ, она отправилась въ Гренелль и по данному адресу искала тамъ Жюльена Эмори. Были люди, которые смутно помнили работника съ этимъ именемъ, но онъ три мѣсяца тому назадъ исчезъ, никто не зналъ куда. Послѣ него даже остались кое-какія вещи, за которыми онъ до сихъ поръ не являлся. Кромѣ этого о немъ никто ничего не могъ сказать. Розыски, произведенныя затѣмъ Селины, тоже остались безъ всякихъ послѣдствій. Всѣ думали, что Жюльенъ Эмори сдѣлался жертвой какого-нибудь несчастнаго случая и Селина, не безъ эгоистическаго чувства облегченія, вскорѣ вовсе перестала о немъ думать. Отыскивая отца малютокъ, она постоянно страшилась его найти.

Послѣ этого она беззаботно отдалась своему счастью. Пребываніе въ монастырѣ оставило въ ней почти дѣтскую непредусмотрительность, которую впрочемъ ни одинъ опытъ еще не успѣлъ исправить.

Однажды Селина сидѣла съ дѣтьми въ своей комнатѣ. Она гибкими пальцами свивала вѣтку сирени, а маленькая Жозефина, стоя передъ ней, брала урокъ чтенія въ книгѣ, раскрытой у нея на колѣняхъ. Дѣвочка всякій разъ, какъ ей встрѣчалось какое-нибудь затрудненіе, взглядывала на свою приемную мать, ласковая улыбка которой придавала ей мужество продолжать. Вдругъ на порогѣ полуоткрытой двери показался молодой ремесленникъ, чисто одѣтый и весьма пріятной наружности. Его взволнованный и въ тоже время нѣсколько строгій видъ мгновенно возбудилъ въ Селинѣ безотчетный страхъ. Незнакомецъ, окинувъ глазами дѣтей, обстановку всей комнаты и молодую дѣвушку, спросилъ у нея:

— Это вы дѣвица Селина Дарри, въ постриженіи сестра Роза?

Испуганная этимъ внезапнымъ обращеніемъ въ ней и къ ея прошлому, Селина, не въ силахъ однако утаить истину, отвѣчала:

— Да.

— Такъ это вы взяли у меня моихъ дѣтей? продолжалъ молодой человѣкъ.

Селина въ ужасѣ вскочила съ мѣста, хотѣла броситься къ дѣтямъ, но силы внезапно ей измѣнили и она лишилась чувствъ.

Придя въ себя, она увидѣла знакомаго, который съ безпокойствомъ смотрѣлъ на нее. Но доброе и открытое выраженіе его лица не могло такъ скоро изгладить тягостнаго впечатлѣнія, какое произвело на Селину его внезапное появленіе. Изъ его словъ она поняла, что этотъ человѣкъ пришелъ отнять у нея этихъ дѣтей — ея жизнь. Съ выраженіемъ испуга оттолкнувъ его отъ себя, она отвернулась и горько заплакала.

— Это чортъ знаетъ, что такое! воскликнулъ молодой человѣкъ. — Мой приходъ сюда оказывается вовсе нестати, а между тѣмъ я вамъ, кажется, не сказалъ ничего дурного. Вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ я по всему Парижу ищу моихъ дѣтей и вонечно не могъ быть этимъ доволенъ. Вы, какъ видно, ихъ очень любите?.. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ и я тоже ихъ не любилъ.

И видя, что она теперь достаточно оправилась и болѣе не нуждалась въ его помощи, онъ бросился къ дѣтямъ, восклицая:

— Я даже ихъ еще не поцаловалъ!

Дѣти, испуганные появленіемъ знакомаго и слезами своей приемной матери, смотрѣли на него широко раскрытыми глазами и не двигались съ мѣста.

— Жозефина, развѣ ты не узнаешь твоего отца? спросил молодой человѣкъ, пытаясь ее приблизить къ себѣ и обнять.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула она отвертываясь отъ него и смотря на Селину жалобно произнесла: «Мама».

Отецъ, опечаленный, выпустилъ ее изъ рукъ, но не прежде однако какъ поцаловавъ ее. Дѣвочка, вырвавшись отъ него, побѣжала къ Селинѣ и опустивъ голову къ ней на колѣни, устремля на незнакомца болѣе шаловливый, нежели робкій взглядъ.

— А ты, Жанъ? сказалъ тотъ.

Но мальчикъ послѣдовалъ примѣру сестры. И тотъ и другая, цѣпляясь за Селину, укрывались въ ея объятіяхъ, какъ въ надежной крѣпости, гдѣ они считали себя вполнѣ безопасными.

Жюльень, видя ихъ всѣхъ троихъ, соединившихся противъ него, ее такую печальную и блѣдную, а ихъ почти враждебныхъ къ нему, уныло опустился на стулъ и сложивъ руки на колѣняхъ печально проговорилъ:

— Этого я, признаюсь, не ожидалъ.

— Боже мой, это правда! Мы васъ очень дурно принимаемъ! воскликнула молодая дѣвушка и голосъ ея оборвался. Дѣти... съ усиліемъ продолжала она: это вашъ отецъ... Жозефина, развѣ ты его не узнаешь?

Хотя голосъ ей еще плохо повиновался, у нея хватило мужества встать и подвести къ нему дѣтей:

— Это вашъ отецъ, повторила она: обнимите его. Онъ вамъ будетъ добрымъ другомъ.

Тогда дѣти согласились его поцѣловать и болѣе не уклонялись отъ его ласкъ. Молодой человѣкъ посадилъ ихъ къ себѣ на колѣни и повидимому не могъ достаточно ими налюбоваться.

Что касается до Селины, то она вернулась на свое мѣсто и обратясь къ нимъ спиной, залилась слезами.

Но она недолго оставалась въ этомъ положеніи. Дѣти не заждались, вырвавшись отъ отца, прибѣжать къ ней, а Жюльень Эмори, слѣдуя за ними, въ смущеніи проговорилъ:

— Я васъ встревожилъ моимъ приходомъ. Во мнѣ здѣсь, видно, никто не нуждался. Но тѣмъ не менѣе... вы сами понимаете, что я долженъ любить моихъ дѣтей и заботиться о нихъ. Вы конечно не станете сердиться на меня за это.

— О нѣтъ, конечно нѣтъ! отвѣчала Селина и украдкой отерла слезы.

— Да, такъ вы очень полюбили дѣтей? спросилъ онъ.

Какой вопросъ!... Она могла отвѣтить на него только рыданіями.

Молодой человѣкъ махнулъ рукой и въ волненіи зашагалъ по комнатѣ.

— Ахъ, сказалъ онъ. Еслибъ вы знали, какъ мнѣ больно видѣть ваше огорченіе! Я вамъ такъ многимъ обязанъ... Не понимаю, какъ это я могъ сейчасъ, при входѣ въ эту комнату, обратиться къ вамъ съ упреками... Но я не зналъ, никакъ не ожидалъ... Мнѣ въ Мортанѣ наговорили такого вздору... Но теперь ваши слезы, здоровый и опрятный видъ мамлюковъ, ихъ привязанность къ вамъ, все это мнѣ разомъ открываетъ, чѣмъ вы такое... Вы хорошая, добрая женщина!.. да!.. И жена моя была совершенно права, отдавши вамъ дѣтей. Ахъ, мамзель Роза, какъ много съ этимъ видѣлъ я горя!

Онъ провелъ рукою по глазамъ, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, кашлянулъ, какъ бы прочищая голосъ и продолжалъ:

— Пожалуйста не плачьте! Вѣдь не затѣмъ же я въ самомъ дѣлѣ пришелъ, чтобы ихъ сію минуту и увести отъ васъ.

Селина встала и подошла къ нему со сложенными руками. Ея взглядъ, лицо, вся фигура изображали мольбу. Но голосъ рѣшительно не повиновался ей. — Послушайте! начала она и не могла продолжать отъ душившихъ ее слезъ и рыданій.

— Нѣтъ, это изъ рувъ вонъ! воскликнулъ молодой человѣкъ: я не хочу быть причиной вашего горя и предпочитаю удалиться отсюда. Впрочемъ не думайте, что я больше не приду; нѣтъ, это невозможно. Я только хочу вамъ дать время оправиться, а затѣмъ мы съ вами спокойно поговоримъ и вы увидите, что я вовсе не злой человѣкъ.

Онъ поочереды поцаловалъ дѣтей, нѣжно обнялъ ихъ и ушелъ.

Анета, узнавъ о поещеніи молодого человѣка, тоже встревожилась, но тревога ея исходила изъ другого чувства. Какъ! отецъ этихъ дѣтей, объявленный умершимъ, окажется вдругъ живъ и, чѣмъ хуже всего, вовсе не мужемъ той, которую считали ихъ матерью! Какъ они все это объяснять послѣ тѣхъ слуховъ, которые такъ неосторожно распустили между сосѣдами? Что скажутъ мадамъ Броша, мосье Зине, мадамъ Лафре и другіе?

Парижъ представляеть пустыню только для тѣхъ, кто живетъ отдѣльно, самъ по себѣ, не имѣя ни родственныхъ, ни дружескихъ связей. Но даже и такія личности не совсѣмъ избѣгаютъ сплетень: ихъ образъ жизни и привычки служатъ предметомъ толковъ для дворниковъ и швейцаровъ. Но имъ стоить только перемѣнить квартиру, и они снова одни въ цѣломъ мірѣ. Не такъ было съ сестрой и зятемъ Селины. У нихъ, благодаря Бога, былъ свой кругъ знакомыхъ, составлявшій посреди Парижа маленькій городокъ, въ которомъ сплетни процвѣтали не хуже чѣмъ въ любой провинціи. Разсказать этому кружку настоя-

щую исторію Селины, сдѣлать извѣстнымъ ея нарушение монашескаго обѣта, оказывалось рѣшительно невозможнымъ, и Анета въ тысячу разъ предпочла бы сочинить какую-нибудь новую исторію.

А между тѣмъ маленькій чиновничій кружокъ, къ которому принадлежалъ мужъ Анеты, хвастался своей религіозной терпимостью и своими либеральными тенденціями. Въ дѣлахъ общественнаго мнѣнія, онъ всегда слѣдовалъ общему теченію, принимая къ нему въ данный моментъ, когда оно обхватывало цѣлую массу. Въ немъ охотно и съ самой либеральной точки зрѣнія обсуживались разные общественные вопросы, но отъ теоріи до практики еще далеко. Добрая Анета хорошо знала общество, въ которомъ вращалась и предвидѣла, что двое или трое изъ его членовъ, отличавшихся наиболѣе свободнымъ образомъ мыслей, первые обратятся противъ Селины и станутъ осуждать ее.

На слѣдующій день, когда явился Жюльенъ Эмора, его приняла Анета. Онъ долго не могъ понять, къ чему клонилась сбивчивая рѣчь, которою его встрѣтила молодая женщина, да врядъ ли и та сама хорошо себя уяснила, чего она хотѣла. Развѣ можно было требовать отъ отца, чтобъ онъ отказался отъ своихъ правъ на дѣтей? Объ этомъ нечего было и думать, а между тѣмъ, другого средства спасти доброе имя Селины не было. Мадамъ Валлонъ говорила потому робко, запинаясь, а въ заключеніе стала дрожащимъ голосомъ умолять Жюльена, чтобъ онъ не губилъ ея сестры.

— Хорошо бы я былъ, еслибъ рѣшился причинить ей вредъ! воскликнулъ молодой человѣкъ. Развѣ я не видалъ вчера, какъ горячо она любитъ моихъ дѣтей? А въ Мортанѣ мнѣ не вѣсть что рассказывали о ней! Мнѣ намекали, будто мои малютки служили ей только предлогомъ для того, чтобъ покинуть монастырь. Я боялся найти ихъ въ дурныхъ рукахъ, можетъ быть вовсе безъ присмотра, несчастныхъ, голодающихъ, а вмѣсто того засталъ ихъ такими чистенькими и здоровенькими и любящими вашу сестру, какъ родную мать. Это тронуло меня такъ, что я не могу этого выразить. Но затѣмъ, что могу я сдѣлать? Вы такъ устроили дѣло, что для меня во всемъ этомъ не осталось ни малѣйшаго мѣстечка, а между тѣмъ я бы долженъ былъ его имѣть, хоть небольшое.

Смотря на стоявшаго передъ ней мужчину съ красивымъ лицомъ, открытой фізіономіей и стройной фигурой, Анета со вздохомъ подумала, что для него не легко будетъ найти въ ихъ интимной жизни мѣсто, которое могло бы удовлетворить общественное мнѣніе и оградить Селину отъ всякихъ нареканій.

— Но, замѣтила она, не думаете же вы въ нашемъ одинокомъ положеніи немедленно взять къ себѣ дѣтей?

— Я со вчерашняго дня только объ этомъ и думаю, отвѣчать онъ: конечно, я не могу ихъ сейчасъ же взять къ себѣ. Мнѣ все-таки пришлось бы ихъ кому-нибудь отдать на воспитаніе, а у васъ имъ такъ хорошо, вы ихъ такъ любите...

— Слѣдовательно рѣшено, они пока останутся у насъ, сказала Анета, счастливая тѣмъ, что хоть выиграла немного времени. Но еще одно: будьте ужъ до конца добры и приходите навѣщать дѣтей... не слишкомъ часто и когда мы бываемъ одни. Не говорите кто вы и вообще не разсказывайте никому о всемъ этомъ. А тамъ... мы увидимъ. Можетъ быть и сестра со временемъ сдѣлается благоразумнѣе. Я часто ей говорю, что дѣти будутъ ей помѣхой въ устройствѣ ея собственной судьбы. Но, что вы хотите: она только ихъ и любить, а о замужествѣ и слышать не хочетъ.

— Замужъ! Монахиня! воскликнулъ Жюльенъ.

— Она не монахиня болѣе, сухо возразила мадамъ Валлонъ.

Разговоръ на этомъ остановился. Селина успокоилась, узнавъ чѣмъ порѣшили за нее Жюльенъ и Анета. Молодые люди, до вѣрчиво смотрящіе на жизнь, буквально вѣрятъ тому, что время все улаживаетъ. Надежда въ нихъ такъ живуча, что скрываетъ отъ нихъ все то, чего они не желаютъ видѣть.

Селина мало-по-малу привыкла въ посѣщеніямъ Жюльена. Когда изгладилось первое тяжелое впечатлѣніе, она даже стала на него дружески смотрѣть и охотно подчинилась той короткости въ отношеніяхъ, которая неволью возникла изъ общихъ и для нихъ обоихъ одинаково дорогихъ интересовъ. Ничто такъ не смягчаетъ сердца, какъ любовь къ дѣтямъ. Жюльенъ и Селина, постоянно занятые мыслью о счастіи малютокъ, жили такъ сказать одною жизнью.

Жюльенъ обыкновенно являлся вечеромъ, по окончаніи своей дневной работы. Онъ наскоро обѣдалъ, поправлялъ свой туалетъ и какъ ни торопился, а все-таки приходилъ довольно поздно. Дѣтей укладывали спать. Жозефина оставалась послѣдней, но и она вскорѣ, сидя на колѣняхъ у отца, становилась молчалива, опускала голову и смыкала глазки. Тогда Жюльенъ, поцѣловавъ дѣвочку, сдавалъ ее на руки Селинѣ. Онъ оставался, ожидая возвращенія молодой дѣвушки, чтобъ благодарить ее и еще немного поговорить о дѣтяхъ. Такъ время обыкновенно проходило до десяти часовъ.

Посѣщенія Жюльена становились все чаще и чаще. Онъ перемѣнилъ мастерскую, гдѣ работалъ, чтобы быть поближе къ Валлонамъ, и наконецъ сталъ приходиться каждый вечеръ.

Его всѣ подлюбили за честность, умъ и доброту. Самъ Вал-

лонъ, правда, находилъ его сужденія о политическихъ и общественныхъ вопросахъ слишкомъ смѣлыми: молодой работникъ, самъ себя развивавшій, съ жадностью читалъ всѣ книги, журналы, газеты, какіе попадались ему подъ руку и вообще ни въ чемъ не любилъ останавливаться на полъ-дорогѣ. Селина, всегда внимательно его слушавшая, была готова вѣрить ему на слово, а Анета считала его во всѣхъ отношеніяхъ за отличнаго малаго. Но тѣмъ не менѣе она и мужъ ея во время его посѣщеній всегда находились въ большой тревогѣ, особенно пока дѣти не уходили спать. Что случилось бы съ ними со всѣми, еслибъ Жанъ или Жозефина, которыхъ всѣ считали за дѣтей Селины, вдругъ, въ присутствіи мадамъ Пимпрель или мосье Гренье, назвали бы этого молодого человѣка своимъ отцомъ? Бѣдная Анета раза два чуть не упала въ обморокъ отъ того только, что услышала звонокъ у дверей своей квартиры. Наконецъ было рѣшено, что Жюльенъ станетъ уходить черезъ кухню въ случаѣ, если кто изъ сосѣдей вздумаетъ завернуть къ Валлонамъ въ то время, когда онъ тамъ. Къ счастью къ нимъ рѣдко приходили гости по вечерамъ. Всѣ эти предосторожности сильно смущали Селину и сердили Жюльена, а что всего хуже, не обеспечивали безопасности первой. Оставалось еще обмануть прозорливость привратника у воротъ дома, который такъ часто посѣщалъ Жюльенъ. Анета думала-было выдать его за своего двоюроднаго брата и врсестнаго отца дѣтей... Но представьте себѣ молодого и красиваго кума, который приходитъ каждый вечеръ!...

Жюльенъ Эмори во второе же посѣщеніе объяснилъ причину своего долгаго молчанія, которое свело въ могилу его жену и заставило Валлоновъ предполагать, будто онъ повинулъ своихъ дѣтей.

Онъ нашель себѣ выгодное занятіе и не чувствуя себя отъ радости, собирался писать женѣ, чтобъ она къ нему пріѣхала. Но однажды, выйдя изъ мастерской, онъ наткнулся на сборище студентовъ, къ которымъ изъ любопытства присоединилось нѣсколько рабочихъ. Онъ тоже остановился посмотрѣть въ чемъ дѣло. Не прошло и пяти минутъ, какъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, на него посыпались удары и пинки. Побуждаемый совершенно естественнымъ желаніемъ защититься, онъ отвѣчалъ тѣмъ же. Тогда зачинщикъ драки, призвавъ къ себѣ на помощь пять или шесть другихъ людей, отвелъ Жюльена въ полицію. Тамъ только онъ узналъ, что имѣлъ дѣло съ полицейскими служителями.

— Негодяи! восклинулъ онъ, развѣ вамъ за то платять, чтобъ вы били честныхъ людей?

— Мы имѣемъ право дѣлать все, что намъ заблагоразсудится, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, и ты узнаешь это по себѣ.

И они, осыпая Жюльена ругательствами, нанесли ему такой сильный ударъ въ голову, что онъ лишился чувствъ и повалился какъ снопъ.

Онъ пришелъ въ себя только мѣсяцъ спустя въ больницѣ, гдѣ былъ осужденъ докторомъ провести еще двѣ недѣли въ совершенномъ бездѣйствіи и молчаніи. Писать къ женѣ нечего было и думать. Наконецъ онъ поднялся на ноги, собрался съ силами и приготовился писать, тоскуя только о томъ, что не имѣлъ сообщить ей ничего хорошаго. Вдругъ онъ получилъ предписаніе явиться въ судъ, чтобъ дать отвѣтъ въ побояхъ и оскорбленіяхъ, которыя нанесъ полицейскимъ служителямъ при отправленіи ихъ обязанностей.

Какъ ни было у него тяжело на душѣ, онъ не могъ удержаться, чтобъ не разсмѣяться.

— Хорошо, подумалъ онъ. По крайней мѣрѣ я теперь избавленъ отъ труда ихъ искать. Мнѣ сильно хотѣлось самому притащить ихъ къ суду, да я не зналъ, гдѣ ихъ найти.

И онъ спокойно пошелъ къ допросу, но вернулся изъ суда въ сильномъ смущеніи.

Вотъ чтó тамъ произошло:

— Зачѣмъ вы оказываете сопротивленіе полицейской власти? спросили у него.

— Эти полицейскіе глупы. Они напали на меня...

— Называя ихъ такимъ образомъ, вы усиливаете вашу вину.

— Извините, я ошибся, ихъ слѣдовало бы назвать разбойниками. Представьте себѣ, они на меня бросились...

— Вашъ способъ выраженія въ высшей степени предосудителенъ. Вы должны уважать людей, заботящихся о порядкѣ.

— Порядокъ!... они дѣлаютъ только безпорядокъ и наглости, а вовсе не порядокъ.

— Вы говорите, какъ революціонеръ и тѣмъ самымъ доказываете, что они по справедливости хотѣли васъ наказать.

— Они, меня наказать? По какому праву?

— Вы оскорбляете власть и законъ.

— Да что же это? съ изумленіемъ озираясь вокругъ, спросилъ сильно озадаченный Жюльенъ. Я цѣлый мѣсяцъ пролежалъ безъ памяти и не знаю, что произошло тутъ? Развѣ здѣсь, во Франціи, мы не у себя дома?

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я только спрашиваю, не подпали ли мы подъ чужеземное иго? Или мы возвратились ко времени, предшествовавшему революціи, когда народъ считался собственностью короля и его слугъ? Меня преслѣдуютъ за то, что я былъ битъ! Признаюсь вамъ, я теряюсь и ничего не понимаю.

— Этот обвиняемый опасный человекъ, замѣтилъ судья.

Адвокату Жюльена удалось однако нѣсколько смягчить ожидавшій его послѣ этого допроса приговоръ. Онъ добылъ изъ больницы свидѣтельство въ томъ, что Жюльень едва не лишился жизни отъ побоевъ. Судь, принявъ во вниманіе это послѣднее обстоятельство, приговорилъ его всего только на три мѣсяца тюремнаго заключенія.

— Вотъ, вслѣдствіе чего, прибавилъ Жюльень, окончивъ свой рассказъ, я сдѣлался республиканцемъ. Мнѣ, по прибытіи моемъ въ Парижъ, не разъ случалось слышать толки о политикѣ, но я обыкновенно не обращалъ вниманія на то, что говорилось моими товарищами. Наконецъ блюстители общественнаго порядка сами взялись за мое воспитаніе и я скоро сдѣлался тѣмъ, что я теперь. Но съ тѣхъ поръ я сталъ осторожнѣе и никому больше не вѣрю на слово. Я стараюсь вникать въ самую сущность вещей и вида, какъ люди позволяютъ себя оскорблять, бить, штрафовать, обкрадывать и убивать во имя общественнаго блага и порядка, я спрашиваю себя, не слишкомъ ли мы потропились восхвалять успѣхи цивилизаціи и высокія качества человѣческаго ума?

Жюльень изъ тюрьмы написалъ своей женѣ, но она уже отправилась его отыскивать. Письмо было получено сосѣдями и осталось у нихъ, также, какъ и второе, которое Жюльень написалъ мѣсяць спустя. Наконецъ, не въ силахъ переносить долге свое безпокойство, онъ обратился къ мэру своего мѣстечка и отъ него узналъ объ отъѣздѣ и о смерти той, которую съ любовью и уваженіемъ не переставалъ называть своей женой. Ему между прочимъ сообщили, что женщина, носившая имя Маріи-Катерины, умерла въ монастырской больницѣ города Мортаня и завѣщала своихъ дѣтей одной изъ сестеръ общины. Съ этой новой печалью въ сердцѣ Жюльену пришлось еще нѣсколько времени высиживать въ тюрьмѣ, пока наконецъ не насталъ срокъ его освобожденія. Затѣмъ онъ принялся посредствомъ усиленнаго труда и всякаго рода лишеній копить сумму, необходимую для поѣздки въ Мортань. Тамъ онъ узналъ, что монахиня, назначенная опекуней его дѣтей, оставила монастырь и вмѣстѣ съ ними уѣхали изъ Мортаня. Далѣе ему могли сообщить только имя и фамилію зятя сестры Розы и кое-какія весьма неопредѣленные свѣдѣнія на счетъ рода его занятій. Вернувшись въ Парижъ, Жюльень еще нѣсколько времени провель въ безплодныхъ поискахъ, пока наконецъ не попалъ на настоящій слѣдъ своихъ дѣтей.

— Вотъ почему, прибавилъ онъ, я явился къ вамъ тогда

такой встревоженный, раздраженный! Представьте же себѣ мое изумленіе и мою радость, когда я увидѣлъ моихъ дѣтей въ рукахъ особы... особы... ну, однимъ словомъ такой особы, какъ мадмоазель Селина....

Эпитеты, которыхъ онъ не осмѣливался произнести, блуждали у него на губахъ и ясно выражались въ глазахъ. Самъ Валлонъ смѣялся, лукаво поглядывая на Селину, а Анета тоже многозначительно улыбалась, между тѣмъ, какъ ея сестра, наклоняясь къ дѣтямъ и цалуя ихъ, старалась скрыть вспыхнувшій на ея щекахъ румянецъ.

Воскресенье было для всѣхъ особенно пріятнымъ днемъ. Они обыкновенно проводили его за городомъ, гуляя въ лѣсу и пользуясь безграничной свободой. Отецъ и «мать» обыкновенно шли впереди, слѣдуя за дѣтьми, которые, подобно всѣмъ дѣтямъ, бѣгали за бабочками, птицами и цвѣтами, безпрестанно сворачивая то въ ту, то въ другую сторону, повинуваясь при этомъ только случаю или собственному произволу. Супруги Валлонъ, въ качествѣ болѣе серьезныхъ людей, шли медленнѣе, предоставляя Жюльену и Селинѣ вдоволь наслаждаться прогулкой и обществомъ другъ друга.

— Знаешь-ли, замѣтилъ однажды Валлонъ своей женѣ: ми съ тобой какъ будто покровительствуемъ влюбленнымъ.

— А почему бы и нѣтъ? улыбаясь возразила Анета.

Эта общность интересовъ и привязанности къ дѣтямъ безъ брачныхъ узъ становилась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тягостной какъ для Жюльена, такъ и для Селины. Достаточно было всякой, самой ничтожной бездѣлицы, имѣвшей какое-либо отношеніе къ ихъ взаимному положенію, чтобъ заставить покраснѣть ихъ обоихъ. И кромѣ того, какимъ неудобствамъ подвергались они безпрестанно, сколько предосторожностей должны были соблюдать!... Хуже того, имъ приходилось постоянно дрожать, чтобъ дѣти не выдали ихъ неосторожнымъ словомъ, — слѣдствіемъ ихъ невинности или простой случайности.... И къ чему все это?...

Разъ какъ-то въ Венсеннѣ Жюльенъ вдругъ сказалъ:

— Знаете-ли, мадмоазель Селина!...

— Что такое? спросила она, и сама не зная отъ чего покраснѣла. Жюльенъ казался взволнованнымъ и его смущеніе отражалось на ней.

Онъ продолжалъ съ видимымъ усиленіемъ:

— Я давно собираюсь вамъ сказать, да все не смѣю.... Вы видите... всѣ принимаютъ насъ за мужа и жену.

— О, да, отвѣчала она внезапно измѣнившимся голосомъ, и отворачивая голову. — Да, но... чего же вы хотите?...

— Чего я хочу!... воскликнулъ онъ. Вы мать моихъ дѣтей!... Они очень счастливы... но я... я тоже желалъ бы... желалъ бы... чтобы вы были моей женой!... Мадмоазель Селина, вы молчите.... Простите меня, если я васъ разсердилъ.

Молодая дѣвушка казалось не слышала его словъ. Она смотрѣла въ сторону на зеленый лужокъ, гдѣ валялся маленькій Жанъ. Мальчикъ громко звалъ ее къ себѣ, но Селина повидимому не слышала также и этого зова, которому обыкновенно всегда такъ поспѣшно повиновалась.

— Вы молчите, повторилъ Жюльенъ. Я васъ разсердилъ, я это вижу. Да, это была неслыханная смѣлость съ моей стороны, но я не могъ удержаться....

— Развѣ монахини выходятъ замужъ? произнесла она наконецъ, можетъ быть съ цѣлю его подразнить, припоминая слова, сказанныя имъ Анетъ въ началѣ ихъ знакомства. Но вѣрнѣе, она просто хотѣла скрыть свое смущеніе.

— Неужели это правда? Неужели это невозможно? воскликнулъ онъ съ такимъ отчаяніемъ въ голосъ, что она невольно обернулась. Видя его такимъ блѣднымъ и взволнованнымъ, Селина не могла болѣе сомнѣваться въ его любви.

Нѣсколько недѣль спустя совершился ихъ бракъ, но однимъ только гражданскимъ порядкомъ. Такъ далеко ушла сестра Роза съ тѣхъ поръ, какъ на колѣняхъ молила Пресвятую Дѣву позволить ей любить невинныхъ дѣтей! Образъ мыслей ея дѣйствительно во многомъ измѣнился, но взглядъ ея на религію остался по прежнему искрененъ и чистъ, съ той только разницею, что болѣе развитая и знакомая съ жизнью, она научилась еще лучше и сильнѣе любить.

Мадамъ Пимпрель, мосье Гренъе, мадамъ Лафре, мосье Зине и мадамъ Броша постоянно ставятъ Жюльена Эмори въ примѣръ всѣмъ вотчимамъ, говоря, что онъ обращается съ дѣтьми своей жены такъ точно, какъ еслибъ они были его собственными.

Андре Лео.

ФЛОРЕНЦІЯ

■

ЕЯ СТАРЫЕ МАСТЕРА.

(Изъ путешествія по Италіи).

II*).

Освободившись отъ герцога аеинскаго, Флоренція слишкомъ тридцать лѣтъ почти не испытывала внутреннихъ потрясеній. Конституція 1343 г., по которой богачи утратили исключительную власть и низшіе классы получили доступъ въ синьорію, по видимому, принесла общинѣ вмѣстѣ съ свободою спокойствіе. Напрасно враги этой конституціи опасались, что она испортитъ и обезсилитъ правительство. Синьорія, хотя и мѣняла свой составъ черезъ каждые два мѣсяца, но дѣйствовала энергически и благоразумно. Ея заботливость о народныхъ нуждахъ особенно выказалась при тяжкихъ бѣдствіяхъ 1347 и 1348 годовъ, когда Тоскану посѣтилъ голодъ, а за нимъ послѣдовала черная смерть. При первомъ извѣстіи о неурожаѣ, синьорія закупила въ Сициліи и Африкѣ огромные запасы пшеницы и устроила въ городѣ публичныя певарни, откуда бѣднякамъ выдавались порціи хлѣба за умѣренную цѣну на счетъ казны. Благодаря этимъ своевременнымъ распоряженіямъ, ремесленники и окрѣстные поселяне не потерпѣли отъ дороговизны. Гораздо

---

*) См. выше: авг., 634 стр. и слѣд.

труднѣе было правительству бороться съ чумою: она обошла тогда цѣлый міръ и вездѣ произвела опустошенія. Во Флоренціи отъ нея погибало по шести-сотъ человѣкъ въ день и въ четыре мѣсяца перемерло три пятыхъ жителей. Историки не находятъ словъ для описанія ужасовъ, происходившихъ во время заразы: она расторгла всѣ общественныя и семейныя связи; многіе дома остались безъ жильцовъ; родители покидали больныхъ дѣтей, дѣти — родителей; даже улицы были покрыты трупами; одни братья милосердія не потеряли присутствія духа и принимали на себя обязанность хоронить мертвыхъ ¹⁾. Къ удивленію, Флоренція быстро оправилась отъ этихъ бѣдствій и залечила свои раны. Съ 1350 г. мы уже находимъ ее въ постоянныхъ и большею частью удачныхъ войнахъ съ сосѣдями. Синьорія не только вновь завоевала отпавшіе къ герцогу аэинскому города Прато и Пистою, но истребила нѣсколько разбойничьихъ гнѣздъ феодаловъ въ Апеннинскихъ проходахъ и заставила смириться сильныхъ кондотьеровъ. Около того же времени начинается тяжкая и длинная борьба между флорентинцами и властолюбивымъ домомъ Висконти, который, укрѣпившись въ Миланѣ, стремился къ расширенію своихъ владѣній. На первый разъ она была пріостановлена посредничествомъ папы Климента VI. Но, уступая въ этомъ случаѣ внушеніямъ благоразумія, синьорія не измѣнила своей внѣшней политики. Всякое посягательство на независимость Флоренціи, откуда бы оно ни исходило, встрѣчало рѣзкій отпоръ со стороны правительства. Такъ, въ 1355 г., когда императоръ Карлъ IV, отправляясь на коронацію, заѣхалъ въ Тоскану, флорентинцы потребовали отъ него признанія своихъ вольностей и обѣщанія не приближаться къ городу на десять миль. Безсильный Карлъ охотно дѣлалъ имъ всѣ возможныя уступки, лишь бы ему дали денегъ, и смотрѣлъ съвозъ пальцы даже на изгнаніе изъ Лукки своего намѣстника (1371). Война съ Пизою за свободу торговли также кончилась выгоднымъ для Флоренціи миромъ. Около этого времени (1367 г.) римскій дворъ возвратился изъ Авиньона въ свою древнюю столицу и, по обыкновенію, высказалъ притязанія повелѣвать судьбами Италіи. Флорентинцы, отвѣкнувъ отъ опаснаго сосѣдства съ папами, дерзнули имъ сопротивляться. Поводомъ къ

¹⁾ Это замѣчательное братство существовало до послѣдняго времени; его члены, исполняя свои христіанскія обязанности, надѣвали маски и закутывались въ капюшоны, чтобы люди не видали, кто именно дѣлаетъ доброе дѣло. Путешественникамъ знакомы процессіи этого рода. Онѣ обыкновенно происходятъ при перенесеніи больныхъ въ госпитали, при погребеніи бѣдняковъ и проч.

столкновенію была попытка кардинала-легата Болоньи занять кондотьерами Тоскану. Въ отвѣтъ на это произвольное распоряженіе флорентинцы взбунтовали противъ духовной власти города Романьи. Папа призвалъ синьорію къ отвѣту, но она отказалась оставить свой постъ и отправила въ Римъ для переговоровъ доктора каноническаго права Донато Барбадори. Этотъ посланникъ смутилъ консисторію смѣлостью своихъ отвѣтовъ и, вмѣсто извиненій, высказалъ, что главная причина общаго неудовольствія противъ церкви заключается въ гордости, жадности, безчестныхъ поступкахъ и тиранніи духовенства. Римскій дворъ, разумѣется, не могъ вынести горькой правды. Объясненія кончились разрывомъ. Когда кардиналъ прочелъ отлучительную буллу противъ Флоренціи, Барбадори, бросившись на колѣни, взывалъ къ Спасителю противъ самовластиа и несправедливости его намѣстника. По возвращеніи домой, достойный представитель общины былъ осыпанъ подарками и получилъ отъ согражданъ почетное право носить оружіе. Синьорія также не испугалась интердикта, велѣла духовенству отправлять богослуженіе и совершать таинства, и отправила въ церковныя владѣнія англійскихъ кондотьеровъ подъ начальствомъ Гоквуда, а высшія распоряженія войною возложила на особую коллегію изъ осьми человекъ. Непріязненные дѣйствія между Флоренціею и Римомъ продолжались около трехъ лѣтъ, до самой смерти Григорія XI (1378 г.). Распорядительная коллегія возбудила къ себѣ такое сочувствіе въ народѣ, что получила названіе святой (I Santi). Но аристократическая партія, вѣроятно настроенная духовенствомъ, видѣла въ этой войнѣ опасный соблазнъ и рѣшилась, во что бы ни стало, примириться съ церковью. Отсюда произошло страшное возстаніе черни.

Конституція 1343 г., какъ мы видѣли, почти не касалась судебныхъ учрежденій. Между тѣмъ юстиція во Флоренціи и въ другихъ вольныхъ общинахъ Италіи была крайне слаба и несовершенна. Привычка къ частной мести и самоуправству на каждомъ шагу останавливала тогда правильное и спокойное управленіе правосудія. Даже для обыкновенныхъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ независимые суды устроились не скоро и съ великимъ трудомъ. Чтобы обезпечить непристрастіе приговоровъ, нужно было избирать въ должность подеста иностранца. Что касается до государственныхъ преступленій, они преслѣдовались особенными, чрезвычайными мѣрами. Людей, замѣшанныхъ въ бунтѣ или подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ, правительство пытало и наказывало во имя общей безопасности, не соблюдая судебныхъ формъ. Первая попытка устроить политическій три-

буналь относится ко второй половинѣ XIII столѣтія (1267 г.). Онъ былъ составленъ изъ предводителей, или, такъ - называемыхъ капитановъ гвельфской партіи и, между прочимъ, завѣдывать конфискованными имуществами изгнанныхъ гибеллиновъ. Нужно замѣтить, что доходы съ этихъ имѣній были довольно значительны и шли отчасти въ казну, на защиту территоріи. Хотя различіе между партіями давно изгладилось, но комитетъ продолжалъ дѣйствовать и въ 1358 г. значительно расширилъ свою власть: ему дано было по закону право преслѣдовать гражданъ за гибеллинскій образъ мыслей и производить надъ ними тайный судъ. Для обвиненія требовалось шесть свидѣтелей; наказаніе зависѣло отъ воли комитета; наиболѣе опасныхъ людей онъ изгонялъ изъ отечества, прочихъ подвергалъ штрафамъ и, такъ - называемымъ, предостереженіямъ (*ammunizioni*), то-есть, лишалъ политическихъ правъ и устранялъ отъ выборовъ на общественныя должности. Понятно, что въ силу этого закона капитаны присвоили себѣ общій полицейскій надзоръ и сдѣлались страшными для всѣхъ жителей. Городъ наполнился доносчиками, которые отыскивали воображаемыхъ гибеллиновъ и *неискреннихъ* гвельфовъ. Сказать дурное слово о капитанахъ было очень опасно и рѣдко обходилось безъ послѣдствій. Всѣ они, какъ нарочно, были связаны между собою родствомъ (*consorteria*) и отличались полнымъ единомысліемъ. Въ теченіи осьми лѣтъ комитетъ исключилъ отъ участія въ должностяхъ болѣе двухъ сотъ гражданъ и, наконецъ, весною 1378 г. нанесъ ударъ одному изъ членовъ святой коллегіи, Дини, съ явнымъ намѣреніемъ сокрушить демократическую партію, враждебную папской власти. Въ это время былъ избранъ гонфалоньеромъ купецъ Сильвестръ Медичи. Въ надеждѣ пріобрѣсти популярности, онъ рѣшился положить конецъ произвольнымъ предостереженіямъ и потребовалъ отъ капитановъ уступокъ, а когда переговоры съ ними не удались, созвалъ во дворцѣ народную сходку и объяснивъ ей свое безсиліе противъ самовластия комитета, торжественно снялъ съ себя званіе предсѣдателя и члена синьоріи. Это событіе привело въ ужасъ цѣлый городъ. Тотчасъ же всѣ лавки были закрыты, на улицахъ построились баррикады и начались грабежи. Напрасно представители гильдій и высшіе сановники пытались поддержать порядокъ и успокоить взволнованные умы. Едва пришло извѣстіе, что съ римскимъ дворомъ заключенъ миръ, какъ чернь, подстрекаемая Сильвестромъ Медичи, составила заговоръ съ цѣлью разрушить государственное устройство. Прежде чѣмъ слабое правительство приняло какія-нибудь мѣры безопасности, яростная толпа осадила дворецъ и, несмотря на данныя ей обѣ-

шанія отмѣнить нѣкоторые строгіе законы и основать для простолюдиновъ три новыя гильдіи, объявила, что она не хочет повиноваться никому, кромѣ святой коллегіи. Со стыдомъ и со слезами на глазахъ члены синьоріи покинули свой постъ и скрылись по домамъ. Народъ бросился во внутреннія комнаты дворца и провозгласилъ гонфалоньеромъ своего вожака Михаила Ландо, простого работника, который случайно поднялъ на улицѣ и держалъ въ рукахъ знамя правосудія. Отъ этого человѣка, покрытаго рубищемъ, зависѣла теперь будущность Флоренціи: онъ могъ, подобно герцогу аѳинскому, сдѣлаться ея повелителемъ. Но Ландо оказался не тираномъ, а горячимъ патриотомъ и, принявъ на себя высокой санъ, тотчасъ же убѣдилъ толпу составить синьорію. Благодаря его распорядительности и энергіи, къ концу лѣта мятежи въ городѣ прекратились и революціонные комитеты были распущены. Нѣсколько разъ онъ выступалъ лично противъ анархистовъ и жертвовалъ собою для спасенія общины, а когда кончился срокъ его службы, спокойно возвратился къ прежнимъ занятіямъ. Но ему не удалось спасти конституцію 1343 года: разорванная чернью, она потеряла силу навсегда и невозвратно. Возстаніе должно было вызвать сильную и неизбѣжную реакцію.

Дѣйствительно, уже осенью 1378 года вожаки черни были устранены изъ синьоріи и замѣнены новыми членами, большинство которыхъ принадлежало къ младшимъ гильдіямъ. Правительство обратило все свое вниманіе на открытіе дѣйствительныхъ или воображаемыхъ заговоровъ. Около двухъ лѣтъ не прекращались аресты, пытки, ссылки и казни; потомъ, мало-помалу, власть перешла въ руки охранительной партіи и люди средняго класса, оставшіеся въ меньшинствѣ, въ свою очередь подверглись преслѣдованіямъ. Въ это несчастное время погибли жертвою доносовъ многіе патриоты, въ томъ числѣ Довато Барбадори (1380 г.); самъ Ландо не избѣжалъ ссылки; только Медичи, главный виновникъ беспорядковъ, по странному стеченію обстоятельствъ, не былъ привлеченъ къ отвѣтственности ¹⁾. Когда наконецъ обнаружилось, что наущничество и ложное свидѣтельство составляютъ выгодный промыселъ во Флоренціи, прави-

¹⁾ Онъ удержалъ за собою даже титулъ рыцаря (*cavaliere*), данный ему чернью во время возстанія 1378 г. Другіе демагоги также были украшены этимъ титуломъ. Такъ родилась во Флоренціи новая, по преимуществу денежная аристократія, и мало-помалу заступила мѣсто старой, которая сдѣлалась тѣмъ болѣе негодною, что наполнилась преступниками. Статуты, какъ мы видѣли, возводили простолюдиновъ въ дворянское достоинство за измѣну, и кромѣ того за всякое насильственное дѣйствіе, именно: *pro homicidio, pro furto, pro incesto*. Cibrario, *Econ. politique du moyen-age*, I, 97.

гелство наказало, для примѣра, нѣсколькихъ истинныхъ враговъ общества. Къ сожалѣнію, изгнанники своими безумными попытками противъ новаго порядка мѣшали успокоенію умовъ. Нѣсколько разъ врывались они въ городъ, чтобы поднять толпу, но она видимо устала отъ бесполезной борьбы. Такимъ образомъ реакція продлилась почти до исхода XIV вѣка. Съ 1387 года синьорія имѣла не болѣе четырехъ представителей отъ младшихъ гильдій; остальные члены и гонфалоньеръ выбирались старшими. Это государственное устройство было поставлено подъ защиту двухъ тысячъ отборныхъ гражданъ; остальнымъ запрещено носить оружіе. Какъ нарочно, Флоренція нуждалась теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, въ вѣрномъ правительствѣ. Ей предстояла борьба за внѣшнюю независимость; честолюбивый домъ Висконти опять вмѣшался въ дѣла Тосканы.

Во главѣ этой династіи съ 1386 г. стоялъ умный, храбрый и жестокий Джіанъ Галеаццо. Планы его заходили далеко. Овладевъ Ломбардію, онъ хотѣлъ сдѣлаться итальянскимъ королемъ и домогался этого титула у папы. Кромѣ Флоренціи никто не могъ ему сопротивляться: другіе города Тосканы и Романьи находились тогда въ упадѣ, или подъ властію мѣстныхъ тирановъ, Венецію онъ успокоилъ благовидными обѣщаніями. Чтобы достигнуть своей цѣли, Висконти началъ совѣщаться съ изгнанниками и подкупать гражданъ Флоренціи къ возстанію. Но эти интриги были во время разрушены. Убѣдившись потомъ, что Сіена, Пиза, Перуджіа уже передалась на сторону тирана, флорентинская синьорія была вынуждена искать опоры на сѣверѣ. Съ великимъ трудомъ удалось ей открыть глаза венеціанцамъ и заключить съ ними оборонительный и наступательный союзъ. Главныя издержки общаго предпріятія пали на Флоренцію; правительство сочло необходимымъ сдѣлать внутренній заемъ. Однакоже, при всѣхъ усиліяхъ союзниковъ, неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта тяжелая война, если бы не случились чрезвычайныя событія. Взявъ приступомъ Болонью и готовясь перейти Апеннины, Галеаццо внезапно умеръ (1402 г.). Сама судьба выручила изъ бѣды флорентинцевъ. Когда пришло извѣстіе о смерти врага, они радовались, какъ дѣти, цаловали другъ друга на лицахъ и повлялись бороться до конца за свободу Италіи.

Дѣйствительно, смерть Галеаццо не прекратила этой славной борьбы. Онъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей, которые хотя и раздѣлили между собою его владѣнія, но все еще были довольно сильны. Одинъ изъ нихъ занималъ Пизу и нашелъ поддержку во французскихъ войскахъ, стоявшихъ въ Генуѣ. Чтобы отгнать его изъ Тосканы, флорентинская синьорія пустила въ

ходъ дипломатію и наконецъ высказала готовность заплатить ему деньги за передачу Пизы. Висконти былъ не прочь отъ этой сдѣлки. Оставалось только склонить въ ней жителей самаго города. Но здѣсь встрѣтилось затрудненіе. Пизанцы, помня старую независимость, ни за что не хотѣли покориться Флоренціи. Тогда синьорія рѣшилась окружить ихъ войсками и принудить къ сдачѣ голодомъ. Эта осада кончилась удачно: Пиза была взята и обращена въ провинцію (1406 г.).

Одолѣвъ свою старую соперницу, Флоренція постепенно захватываетъ другіе тосканскіе города. Еще прежде (1387 г.) она купила Ареццо, затѣмъ приобрѣла Вольтерру, Піомбино, Кортону, гдѣ вольныя общины не могли держаться, и только Сіенѣ позволили влечить жалкое существованіе, съ обязательствомъ не пускать къ себѣ намѣстниковъ Висконти. Чтобы округлить свои владѣнія, флорентинцамъ оставалось захватить Лукку, которая снова подпала тиранніи. Но великій расколъ отвлекъ вниманіе синьоріи отъ этого неопаснаго и дружественнаго сосѣда. Въ надеждѣ устроить церковныя дѣла, она рѣшилась созвать соборъ въ Пизѣ (1409 г.) и предоставить ему выборъ законнаго первосвященника на мѣсто двухъ незаконныхъ. Отсюда произошли большія дипломатическія затрудненія и нсвыя войны. Владиславъ, король неаполитанскій, объявилъ себя защитникомъ одного изъ низложенныхъ антипапъ и напалъ на Тоскану. Но синьорія поспѣшила составить противъ него лигу и одержала надъ нимъ верхъ. Въ 1410 г. флорентинцы вмѣстѣ съ союзниками заняли Римъ и утвердили на престолѣ избраннаго соборомъ папу Александра V. Напрасно Владиславъ собралъ новыя силы и хотѣлъ отмстить флорентинцамъ: второй его походъ на Тоскану кончился, какъ и походъ Висконти, внезапною смертію (1414 г.).

Вышедши побѣдительною изъ борьбы съ сильнѣйшими государями сѣверной и южной Италіи, Флоренція достигла теперь высшей степени могущества. Замѣчательно, что продолжительныя войны нисколько не истощали ея матеріальныхъ средствъ. Между тѣмъ она не имѣла въ своемъ распоряженіи ни вѣрностей, ни портовъ, ни сильнаго флота, ни войска; единственнымъ ея оружіемъ были деньги. Трудно себѣ представить, какія громадныя суммы издерживала она на жалованье кондотьерамъ, на подарки союзникамъ, императорамъ, папамъ и вообще на внѣшнюю политику. Одна война съ Висконти стоила городу три съ половиною милліона флориновъ. Спрашивается: откуда же добывались эти капиталы? Достать ихъ за границу въ то время было почти невозможно; доходы самой общины состояли

только изъ таможенныхъ сборовъ; прямыхъ налоговъ флорентинцы не платили; имущественный кадастръ былъ у нихъ введенъ, какъ мы увидимъ, нѣсколько позже. Понятно, что правительство должно было обращаться къ помощи зажиточныхъ классовъ и требовать отъ нихъ чрезвычайныхъ жертвъ на пользу отечества. Вотъ почему синьорія не рѣшала войны и мира собственною властью, а передавала эти вопросы на обсужденіе народныхъ собраній (*consiglio del popolo, consiglio del comune*). Въ 1411 году были учреждены еще двѣ палаты: одна изъ ста тридцати членовъ, въ родѣ государственнаго совѣта; другая изъ двухъ-сотъ, куда выбирались представители всѣхъ частей города. Отъ этой послѣдней исходило каждое предложеніе о войнѣ, и если было принято двумя третями членовъ, поступало на утверженіе остальныхъ, простымъ большинствомъ голосовъ ¹⁾. Итакъ, флорентинскій народъ самъ опредѣлялъ, когда ему слѣдуетъ взяться за оружіе. Правда, въ преніяхъ палатъ участвовали только полноправные граждане, но на нихъ предпочтительно и падали военные издержки. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно устраивался заемъ по подпискѣ или по опредѣленному окладу съ имущества, при чемъ государственные кредиторы могли рассчитывать на проценты. Высшее же распоряженіе войною возлагалось на избранныя коллегіи. Онѣ нанимали кондотьеровъ, платили имъ жалованье, участвовали въ походахъ и пр., по собственному усмотрѣнію, давая отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, по окончаніи порученія, народному собранію, или синьоріи. Власть этихъ комиссій была очень велика; онѣ составлялись обыкновенно изъ самыхъ опытныхъ и способныхъ людей. Не менѣе искусны были флорентинцы въ дипломатіи. Вообще нужно согласиться, что внѣшняя ихъ политика была ведена энергически, успѣшно и великодушно. Терпя иногда неудачи и дѣлая невольныя ошибки, они не теряли присутствія духа въ самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Открытая для нападенія, отрѣзанная отъ моря, замкнутая въ тѣсныхъ предѣлахъ Тосканы, Флоренція больше думала объ интересахъ Италіи и больше успѣла для нея сдѣлать, чѣмъ гордая, неприступная и ворыстная Венеція, которая владѣла богатыми колоніями, сильнымъ флотомъ и безконечными ресурсами морской торговли.

По смерти Владислава, флорентинская община могла считать себя безопасною отъ нападеній и почти девять лѣтъ наслаждалась миромъ (1414—23). Это время лѣтописцы признаютъ самымъ счастливымъ и цвѣтущимъ. По словамъ Аммирато, въ го-

¹⁾ Trollope. III, 372.

родѣ тогда считалось болѣе семидесяти банковъхъ конторъ, около двухъ милліоновъ флориновъ золота въ обращеніи и несмѣтное количество богатствъ. Никогда шерстяныя, суконныя и шелковыя фабрики не были производительныѣ; никогда товары не сбывались такъ легко и успѣшно. Съ завоеваніемъ Пизы и пріобрѣтеніемъ Ливорно (1421 г.) дѣятельность флорентинскихъ торговыхъ домовъ расширилась. Они учредили своихъ агентовъ въ дѣлой Итали и завязали сношенія съ остальною Европою. Капиталы, не затраченные въ коммерческихъ предпріятіяхъ, были обращены на украшеніе города и общепользныя предпріятія. Какъ нарочно, въ это время появились великіе зодчіе, скульпторы и живописцы. Всѣмъ имъ нашлась работа; всѣ получали щедрыя заказы отъ гильдій, церквей и монастырей; частные люди зажиточнаго класса также соперничали между собою въ постройкахъ и убранствѣ дворцовъ. Словомъ, наступилъ золотой вѣкъ народнаго самосознанія и творчества; флорентинцы могли теперь подумать на досугѣ о будущемъ и положить прочныя основы внутренняго порядка. Мыслящіе патріоты сознавали или чувствовали эту потребность: община на ихъ глазахъ расширила свои границы и сдѣлалась значительнымъ по тому времени государствомъ. Ея учрежденія, очевидно, требовали пересмотра въ виду новыхъ обстоятельствъ. Нужно было устроить судьбу покоренныхъ городовъ Тосканы, которые издавна привыкли къ автономіи, но вслѣдствіе завоеванія потеряли свои вольности, и кромѣ того обратили вниманіе на одинокое и тяжелое положеніе многочисленнаго класса поселянъ, лишенныхъ политическихъ правъ. Въ самой Флоренціи реформы казались настоятельно необходимыми. За возстаніемъ черни, какъ мы замѣтили, слѣдовала реакція, поколебавшая главныя основы конституціи 1343 года. Равновѣсіе между гильдіями было нарушено въ пользу зажиточнаго класса; простой народъ, утративъ значительную долю прежнихъ правъ, чувствовалъ недовольство и безотчетно искалъ себѣ защитниковъ между богачами и честолюбцами; на выборахъ происходили интриги и беспорядки; система замѣщенія должностей по жребію оказалась неудобною, потому что устраняла отъ общественной службы талантливыхъ людей; правительство испортилось и сдѣлалось притѣснительнымъ или подкупнымъ. Но больше всего Флоренція страдала отсутствіемъ политическаго правосудія: по государственнымъ преступленіямъ ея граждане были отданы, можно сказать, на произволъ господствовавшихъ партій. Система предостереженій, противъ которой собственно было направлено возстаніе 1378 года, удерживалась неизмѣнно; только обвинительная власть, прежде принадлежавшая исключительно капитанамъ

гвельфской партіи, перешла въ синборіи или въ чрезвычайнымъ комитетамъ, назначеннымъ народными сходками (парламентами). Эти комитеты составлялись наскоро, подъ вліяніемъ страстей или волненій изъ ожесточенныхъ и фанатическихъ людей, дѣйствовали негласно, не выслушивали защиты, не придерживались никакихъ формъ и обрядовъ процесса. Обвиненный нерѣдко былъ судимъ личными врагами. Всякое предостереженіе влекло за собою или ссылку, или потерю политическихъ правъ. Понятно, какъ ожесточала невинныхъ подобная система, какое недовѣріе, какую подозрительность она поддерживала между гражданами, какъ несносно было имъ жить подъ угрозою остракизма. Отсюда должны были произойти серьезныя опасности для Флоренціи. Съ возстаніемъ простолудиновъ она еще имѣла силы справиться, но безъ правосудія, по неизбѣжному закону, не могла достигнуть желанной свободы. Къ несчастію, эта простая истина была недоступна тогдашнимъ партіямъ. Онѣ дорожили больше всего властью и боялись выпустить ее изъ рукъ. Напрасно нѣкоторые патріоты убѣждали правительство пересмотрѣть и дополнить конституцію. Ихъ совѣты и предостереженія были бесполезны. Такъ-называемые государственные люди поговорили между собою объ относительныхъ преимуществахъ аристократической и демократической формы правленія, но не рѣшились предложить народу никакихъ реформъ. Благоприятное время для мирныхъ соглашеній прошло и все осталось по прежнему какъ во Флоренціи, такъ и въ прочихъ городахъ Тосканы. Чрезвычайные комитеты продолжали изгонять людей, которыхъ находили опасными, не разбирая, насколько ихъ поступки заслуживаютъ наказанія. Эти произвольныя ссылки обезсиляли общину, лишая ее энергическихъ гражданъ. Всякая мысль о пользахъ народа, всякая попытка сопротивляться беззаконію возбуждали подозрительность правительства. Обруживъ себя толпою сыщиковъ и доносчиковъ, оно вполне имъ вѣрило и не думало о внутренней справедливости къ подданнымъ, а обратило все вниманіе на безопасность границъ, откуда ожидало нападений. Между тѣмъ обстоятельства скоро показали, что для Флоренціи страшны не внѣшніе, а домашніе тираны. Преслѣдовать этихъ тайныхъ, невидимыхъ враговъ было трудно. Хитрые и осторожные, они не вмѣшивались въ политическія дѣла, не разсуждали о благѣ общемъ, не требовали для себя никакихъ должностей, а молча собирали богатства. Такъ дѣйствовали родственники Сильвестра Медичи, извѣстнаго демагога. Изъ нихъ пользовался большимъ вліяніемъ Вери. Его тактика была чрезвычайно благоразумна. Онъ уже не поднималъ черни, подобно своему предшественнику, но тайнѣ дѣлалъ ей благо-

дѣянiя и подарки, изрѣдка и мирно заступаясь за нее передъ синьоріею. Еще искуснѣе пріобрѣлъ популярность Джіованни Медичи, богатый банкиръ. Его знали и въ нему обращались всѣ бѣдняки: онъ каждому готовъ былъ дать работу или оказать услугу и незамѣтно, исподоволь сдѣлался общимъ любимцемъ. Въ 1421 году дошла до него очередь быть гонфалоньеромъ. Этотъ выборъ произвелъ, по словамъ Макиавелли, большую радость въ простомъ народѣ и тревогу въ рядахъ просвѣщенныхъ людей. Толпа восхищалась, видя во главѣ правительства своего друга и защитника; средніе и вліятельные классы боялись мятежа и переворота. Но Джіованни не думалъ открыто посягнуть на вольности общины, вѣроятно понимая, что для этого ненаступило время, и, окончивъ службу, возвратился въ свою контору наживать и считать деньги. Заподозрить его въ какихъ-нибудь честолюбивыхъ замыслахъ было невозможно, изгнать—не за что. Онъ собственно не принадлежалъ ни къ какой партіи, а трудился на пользу своего отечества.

Между тѣмъ на сѣверѣ Италіи Флоренція снова нашла сильного врага, Филиппа Висконти. По смерти своего младшаго брата, онъ сдѣлался не только единственнымъ повелителемъ Ломбардіи, но овладѣлъ Генуею (1421 года) и предъявилъ отцовскія притязанія на Тоскану и Романью. Съ нимъ не замедлил соединиться папа Мартинъ V, котораго флорентинцы обидѣли своими насмѣшками¹⁾. Послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ съ тираномъ, открылась война и потребовала громаднхъ жертвъ. Никогда еще община не издерживала столько денегъ на защиту своей территоріи и никогда не терпѣла такихъ упорныхъ неудачъ. Нѣсколько разъ ея кондотьеры были разбиты на голову. Напрасно флорентинская дипломатія истощала силы, чтобы найти союзниковъ; напрасно Альбицци ѣздили въ Римъ уговаривать папу, а Джіованни Медичи отправился посломъ въ Венецію: никто не хотѣлъ поднять оружіе противъ всемогущаго Висконти. Два года флорентинцы находились въ большой тревогѣ. Дѣйствія правительства и военной коллегіи сдѣлались до того ненавистными народу, что можно было опасаться возстанія. Сильная непріятельская армія уже находилась въ Романьѣ и покоряла одинъ за другимъ тамошніе города; съ часу на часъ можно было ждать,

¹⁾ Этотъ папа, избранный Констанцкимъ соборомъ, посѣтилъ Флоренцію и повнесъ ей въ подарокъ золотую розу (1419). Синьорія устроила въ честь его большіе празднества, но граждане, по обыкновенію, не воздержались отъ остроумныхъ противъ него замѣчаній и выходовъ. Папа Мартинъ не стоялъ копѣйки (Papa Martino non vale un quattrino), пріялвали ему уличные мальчишки. За это городъ былъ подвергнутъ интердикту на одинъ день и нажилъ себѣ лишняго недоброжелателя.

что она ударить на Тоскану. При такомъ безнадежномъ положеніи дѣлъ, Венеція наконецъ вышла изъ апатіи и рѣшилась заключить съ Флоренціею наступательный и оборонительный союзъ. Одинъ изъ замѣчательныхъ полководцевъ того времени Карминьола перенесъ войну въ Ломбардію, взявъ Брешію, и разрушилъ планы Висконти. Чтобы окончательно смирить тирана, флорентинцы рѣшились на крайнія жертвы. Къ этому-то времени (1427 г.) относится установленіе подоходнаго налога (decima) посредствомъ кадастра. Чтобы произвести оцѣнку всѣхъ имуществъ была избрана особая коммиссія. Понятно, что новая подать пала всею тяжестью на богачей. Волею-неволею они покорились обстоятельствамъ. Джіованни Медичи уже не боялся теперь выступить защитникомъ кадастра, и тѣмъ усилилъ свою популярность. Такъ какъ война затянулась до слѣдующаго года, то поборы производились почти каждый мѣсяцъ съ необыкновенною строгостью. Наконецъ Висконти принужденъ былъ подписать самый невыгодный для него миръ. Венеціанцы приобрѣли по этому трактату нѣсколько ломбардскихъ городовъ, но Флоренція не увеличила своей территоріи.

Скоро за тѣмъ (1429 г.) умеръ Джіованни Медичи. Онъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей и завѣщалъ имъ слѣдовать отцовскому примѣру, то-есть, увеличивать капиталы, заботившись чернъ и не искать другой власти, кромѣ той, какою можно получить въ силу закона или по волѣ гражданъ, чтобы не возбудить противъ себя ни зависти, ни раздраженія. Старшему изъ нихъ Козымѣ суждено было сдѣлаться *необходимымъ* совѣтникомъ флорентинскаго народа и заслужить высочій, хотя и не официальный титулъ, отца отечества. Любопытно знать, какими средствами онъ достигъ такого политическаго вліянія.

Прежде всего Козымѣ нужно было составить себѣ сильную партію. Въ этомъ ему помогли и друзья и враги. Ближайшими его совѣтниками были Аверардъ Медичи и демагогъ Пуччіо-Пуччи. Одинъ отличался смѣлостью, другой дальновидностью. Какъ нарочно, тогдашнее правительство не могло похвалиться хорошимъ составомъ. Во главѣ его находились люди ретроградные или неспособные. Ненавидя кадастръ, они между тѣмъ придерживались воинственной политики и рѣшились безъ всякаго предлога овладѣть Луккою. Это предпріятіе, разумѣется, требовало денегъ и вовлекло Флоренцію въ новыя издержки. Было рѣшено обложить поборами всю Тоскану, несмотря на протесты и жалобы провинціальныхъ городовъ. Съ особенною силою неудовольствіе обнаружилось въ Вольтеррѣ, гдѣ до тѣхъ поръ еще держалось самоуправленіе. Но синьорія не хотѣла отступиться отъ

своихъ требованій и, смиривъ мятежниковъ, послала войско осадить Лукку. Козьма, который, нужно замѣтить, самъ былъ въ пользу войны, охотно предоставилъ ей веденіе своимъ противникамъ и отъ души радовался ихъ ошибкамъ и неудачамъ. Дѣйствительно, они окончательно уронили себя передъ народомъ. Тираномъ Лукки былъ въ это время нѣто Гвиниджи. Съ нимъ флорентинцы еще могли справиться и принудили его бѣжать. Но самый городъ не сдавался и нашелъ поддержку въ Висконти, который послалъ туда искусныхъ полководцевъ. Война тянулась болѣе трехъ лѣтъ и кончилась ничѣмъ. Лукка осталась независимою и сохранила всѣ свои владѣнія.

Какъ только заключенъ былъ миръ, враждебная Медичи партія, во главѣ которой стоялъ Ринальдъ Альбицци, негодуя на двусмысленное поведеніе Козьмы, рѣшилась отъ него избавиться. Осенью 1433 года, онъ получилъ приглашеніе явиться во дворецъ и былъ тотчасъ же арестованъ, какъ опасный для государства честолюбецъ и демагогъ. Но пока правительство готовилось созвать парламентъ для суда надъ нимъ, Козьма не потерялся и принялъ свои мѣры. Ему было хорошо извѣстно, что тогдашній гонфалоньеръ (Гваданьи) не богатъ и падохъ на деньги. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ сановникъ оправдалъ его ожиданія и, получивъ подарокъ, измѣнилъ своей партіи. Въмѣсто смертной казни, Козьмѣ была назначена ссылка въ сѣверную Италию; его родственники и друзья также были изгнаны. Сдѣлавшись главнымъ руководителемъ общины, гордый Альбицци скоро навлекъ на себя народную ненависть самовластными поступками и даже задумалъ произвести аристократическій переворотъ. Напротивъ, щедрый и ласковый Козьма оставилъ по себѣ въ городѣ добрую память и безчисленныхъ приверженцевъ. Сожалѣя о его отсутствіи, они употребили всѣ силы, чтобы открыть ему возможность къ возвращенію домой. Наконецъ, спустя годъ, составила сеньория изъ партій Медичи и не замедлила позвать на судъ Альбицци. Онъ уже приготовился сопротивляться власти вооруженною рукою, но папа Евгений IV, который гостилъ тогда во Флоренціи, убѣдилъ его не проливать крови, обѣщая уладить дѣло своимъ посредничествомъ. Альбицци повиновался. Между тѣмъ друзья Медичи успѣли созвать парламентъ и осудили его на изгнаніе вмѣстѣ со всѣми преданными ему людьми. Козьмѣ было послано разрѣшеніе ѣхать домой. Ни одному побѣдителю, говорить Макіавелли, не доставался такой триумфъ, съ какимъ принимала Флоренція своего любимаго изгнанника. Весь народъ вышелъ ему на встрѣчу и называлъ его своимъ благодѣтелемъ и отцомъ отечества.

Съ этого времени, почти до самой смерти, въ теченіи тридцати лѣтъ (1434 — 64), Козьма считался, можно сказать, хозяиномъ и представителемъ флорентинской общины. Впрочемъ, онъ не считалъ нужнымъ захватить открыто верховную власть и упразднить древнія учрежденія, а по преимуществу старался усилить свою партію и руководить ея дѣйствіями. Внутренняя политика Козьмы, нужно согласиться, была очень искусна и благоразумна. Къ тому же счастье сильно ему помогало. Самый отъявленный его врагъ, Альбицци, погубилъ себя сношеніями съ Висконти и заговорами противъ Флоренціи, за что былъ объявленъ внѣ закона; другіе, наиболѣе опасные изгнанники, были ему выданы угодливо Венеціею и казнены; остальныхъ противниковъ онъ умѣлъ поставить въ безвыходное положеніе, или задобрить. По словамъ Макиавелли, партія Медичи упрочила свою побѣду и достигла владычества слѣдующими способами: всѣмъ противникамъ прежнихъ партій были возвращены права; опальному дворянству — позволено приписаться къ гильдіямъ; приверженцамъ Козьмы розданы имущества мятежниковъ; изгнанникамъ запрещено возвращаться домой даже послѣ срока ссылки, безъ особаго, почти единогласнаго разрѣшенія высшихъ сановниковъ; наконецъ, положено, чтобы новая синьорія назначалась членами старой при участіи надзирателей за избирательными списками (ассоріаторі). Такимъ образомъ непріятныя правительству граждане, попавшіе по жребію въ кандидаты на высшія должности, могли быть устраняемы заблаговременно и келейнымъ образомъ. Всѣ эти мѣры, конечно, нельзя назвать законными; онѣ были проведены рѣзко и направлены прямо противъ вольностей общины. Но, какъ только тираннія была упрочена, жестокости преобразились и правительство почувствовало себя безопаснымъ. Немногіе умные и опытные граждане, въ родѣ Нери Каппони, осмѣливались судить смѣло о политикѣ; людей же способныхъ дѣйствовать вовсе не оказалось. Только полководецъ Бальдаччіо, побѣдитель при Ангіари, говорятъ, внушалъ большой страхъ партіи Медичи, но отъ него она освободила себя измѣннически, убійствомъ во дворцѣ синьоріи (1441 г.). Къ старости Козьма даже могъ удалиться на покой и пересталъ слѣдить за дѣйствіями своей партіи. Около этого-то времени въ ней обнаружился расколъ (1458 г.) и руководителемъ общины сдѣлался другой богатъ, Лука Питти. Ему удалось созвать новый парламентъ и выгнать изъ города своихъ противниковъ. Но возвышеніе этого человѣка нисколько не измѣнило положенія дѣлъ, хотя парламентъ и назвалъ членовъ синьоріи стар-

пинами *свободы* ¹⁾. Къ тому же Лука вовсе не думалъ идти противъ Козьмы, а высказывалъ ему полную преданность.

Во внѣшней политикѣ Флоренція въ эти времена, повидному, слѣдовала прежнимъ преданіямъ и упорно, большею частью въ спорѣ съ папами и Венеціею, противодѣйствовала Филиппу Висконти до самой его смерти (1417 г.). Но когда, вслѣдствіе этого событія, жители Милана задумали возвратить себѣ свободу, Козьма не поддержалъ ихъ, а напротивъ помогъ кондотьеру Сфорцѣ овладѣть Ломбардіею. Отсюда произошла война между венеціанцами и флорентинцами (1448 г.), которая едва-было не охватила цѣлой Италіи, потому что въ ней приняли участіе оба претендента на неаполитанскій престолъ, Альфонсъ арагонскій и Рене анжуйскій. Съ великимъ трудомъ папѣ Николая V удалось остановить кровопролитіе (1454 г.). Въ это время пришло извѣстіе о взятіи турками Константинополя и христіанскія государства должны были подумать о защитѣ Запада противъ невѣрныхъ. Но, несмотря на всѣ старанія Козьмы увеличить территорію Тосканы, ему не удалось приобрѣсти Лукку. Онъ могъ гордиться только внѣшнимъ блескомъ Флоренціи и задавать роскошные праздники иностраннымъ государямъ, которые ее посѣщали. Такихъ праздниковъ въ это время было не мало, напримѣръ: освященіе кафедральнаго храма, Santa Maria del Fiore, Евгениемъ IV (1436 г.), вселенскій соборъ (1441 г.), на которомъ присутствовали папа, греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ, константинопольскій патріархъ и духовенство восточной и западной церкви, — кромѣ того проѣзды Рене, принца анжуйскаго, Сфорцы, императора Фридриха III и др. союзниковъ. Казна издержала на эти пиры много денегъ, хотя община и была обременена долгами. Флорентинцы издавна тщеславились своимъ публичнымъ гостепримствомъ.

Съ своей стороны Козьма много дѣлалъ для украшенія города, именно строилъ церкви и монастыри (св. Марка, св. Лаврентія и др.) какъ во Флоренціи, такъ и въ ея окрестностяхъ, собиралъ произведенія древняго искусства, заказывалъ картины и статуи мѣстнымъ мастерамъ. При немъ, какъ говоритъ Макіавелли, былъ приглашенъ византійскій филологъ Аргиропулъ для преподаванія греческаго языка флорентинскому юношеству. На соборѣ 1441 г. Козьма сблизился съ другимъ ученымъ изъ Константинополя, Гемистомъ (Pletho Gemistús), и подъ его вліяніемъ уредилъ для изученія философіи Платона особую школу или академію, откуда вышелъ извѣстный переводчикъ этого пи-

¹⁾ Прежде они назывались старшинами искусствъ (Priori dell'Arti), т. е. гильдій.

сателя Марсилій Фичино. Такое меценатство въ челоѣкѣ, которій, по словамъ историковъ, самъ не имѣлъ образованія, конечно заслуживаетъ полнаго уваженія и доказываетъ готовность быть полезнымъ обществу. Къ сожалѣнью, Козьма издерживалъ гораздо больше денегъ на подарки гражданамъ, чѣмъ на искусство и науку. Послѣ его смерти изъ счетныхъ книгъ оказалось, что почти всѣ флорентинцы были у него въ долгу; иныхъ онъ выручилъ изъ крайней нужды предупредительно, не ожидая просьбы, а бѣднякамъ раздавалъ милостыню. Эта прославленная щедрость не всегда имѣла чистый источникъ. За нее обыкновенно платили политическими услугами. Недаромъ одинъ старый аристократъ, Уццано, предсказывалъ, что Флоренція готова продать себя и что Козьма ее купить. Дѣйствительно, партія Медичи была увеличена именно такими способами и составлена, какъ говоритъ Макиавелли, изъ *новыхъ* людей. Всѣ они были благонадежны и послушны, потому что получали или ожидали получить денежную субсидію, или конфискованное имущество изгнанниковъ. Самъ Козьма, слыша жалобы близкихъ друзей на то, что изъ общины выгнаны всѣ честные и независимые люди, отвѣчалъ циническими шутками, что «городъ испорченный лучше города потеряннаго, что два аршина сукна достаточно для облеченія всякаго челоѣка въ одежду гражданина, что съ четками въ рукахъ нельзя устроить и поддержать государство».

Такъ нечувствительно флорентинская община подпала щедрой и съ виду мягкой тиранніи не иноземца, а собственнаго гражданина. Личность Козьмы много при этомъ значила и почти все сдѣлала. По мнѣнію Гвиччардини, новый порядокъ утвердился только благодаря рѣдкому соединенію ума, богатства и характера въ одномъ челоѣкѣ, долгой его жизни и пособію внѣшнихъ обстоятельствъ. Но отучить народъ разомъ отъ воли и политическихъ дѣлъ было невозможно, да и Козьма, вѣроятно, не имѣлъ въ виду. Въ послѣдніе годы жизни онъ, говорятъ, мучился опасеніями на счетъ будущности своего семейства, и потерявъ одного изъ сыновей, впалъ въ меланхолію, такъ какъ другой его сынъ (Петръ) не имѣлъ хорошихъ способностей, а внукъ (Лаврентій) еще былъ молодъ. Но судьба Флоренціи была отнынѣ рѣшена: община утратила при Козьмѣ старыя преданія и учрежденія, отъ которыхъ за тридцать лѣтъ тиранніи уцѣлѣли одни жалкіе обломки, да формы безъ содержанія. Возвышеніе Питти доказало, что флорентинцы не могутъ жить безъ руководителя.

Сводя къ общимъ результатамъ событія этого двадцатилѣтнаго періода (1344 — 1464 г.), легко убѣдиться, что твер-

дой, основанной на законахъ формы правленія Флоренція не выработала, политическаго правосудія не обезпечила, спокойствіемъ наслаждалась рѣдко, а безпрестанно переходила отъ внѣшнихъ войнъ къ междуособіямъ и обратно. Въ самомъ дѣлѣ, истинная, свободная демократія держалась здѣсь только до возстанія черни; затѣмъ слѣдуетъ продолжительная, беспорядочная реакція и оканчивается тиранніею. При видѣ лютой и кровопролитной борьбы между партіями и крайней неустойчивости учрежденій этой общины, человекъ нашего времени испытываетъ тяжелое чувство. Онъ недоумѣваетъ, какъ народъ могъ жить счастливо въ такомъ государствѣ и въ добавокъ питать къ нему безпредѣльную любовь. Флорентинская свобода кажется ему анархическою. Между тѣмъ историки, совершенно трезвые и отнюдь не восторженные, напримѣръ, Макиавелли, сознавая, что она нерѣдко доходила до крайняго своеволія, вполне убѣждены въ превосходствѣ своего города надъ другими городами Италіи. По мнѣнію этого писателя, испытанныя Флоренціею потрясенія всего лучше доказываютъ ея крѣпость. Они могли бы погубить болѣе обширную и могучую республику; напротивъ, Флоренція какъ будто почерпала въ нихъ новыя силы. Мужество, энергія и ревность ея гражданъ къ собственному и общественному благу была такъ велика, что немногіе изъ нихъ, которымъ удавалось спастись отъ междуособій, вполне вознаграждали своими доблестями убыль населенія и были дороже, нужнѣе для славы отечества, чѣмъ огромное число погибавшихъ. Дѣйствительно, распри во Флоренціи долго шли между дворянами и богачами, и погубили больше интригановъ-честолюбцевъ, чѣмъ людей трудолюбивыхъ и полезныхъ городу; казни и ссылки ремесленниковъ встрѣчаются уже послѣ возстанія черни. Что касается до внѣшнихъ войнъ, онѣ, какъ было замѣчено, велись кондотьерами, а не гражданами, и были гораздо тяжелѣе для сельчанъ, чѣмъ для жителей Флоренціи, которая до XVI ст. ни разу не была взята непріателемъ. Даже тѣ разоренія, которыя она терпѣла отъ междуособій, не касались ея публичныхъ зданій и казеннаго имущества. Правда, флорентинцамъ не удалось построить политической свободы на твердыхъ основахъ правосудія и мира, но за то они пользовались свободою личною и общественною гораздо въ большей степени, чѣмъ жители феодальныхъ государствъ, поработанныхъ крѣпостнымъ правомъ, не знали военной повинности и, до введенія кадастра, не платили прямыхъ податей; ихъ вольный трудъ не былъ ничѣмъ стѣсненъ и подавленъ, а находился подъ надежною защитою самодѣятельныхъ корпорацій. Во Флоренціи каждое ремесло,

выдѣляясь отъ другихъ, составляло гильдію или цехъ подѣ начальствомъ выборныхъ старшинъ; всѣ издѣлія домашней или фабричной промышленности хорошо оплачивались дома и высоко цѣнились за границею; жизнь рабочаго человѣка была дешева и легка ¹⁾. Сравнительно съ другими городами Италіи Флоренція представляла также много выгодъ и удобствъ. Не говоря о Пизѣ и Сіенѣ, ея старыхъ соперницахъ, которыя рано пришли въ упадокъ, возьмемъ въ примѣръ Миланъ, столицу плодородной Ломбардіи. Гдѣ бы, повидимому, искать больше довольства и богатства? Между тѣмъ, по словамъ историковъ, этотъ городъ, подпавъ тираніи, испытывалъ страшную бѣдность и наполнился нищими. Напротивъ во Флоренціи нищенство было или добровольнымъ занятіемъ праздныхъ людей, или слѣдствіемъ случайныхъ, личныхъ несчастій, а не язвою цѣлаго общества. Даже въ Венеціи и Генуѣ, гдѣ народъ находилъ въ морской торговлѣ неизмѣримые источники пропитанія, промышленность была не такъ разнообразна и свободна, какъ во Флоренціи, гдѣ правительство вовсе не вмѣшивалось въ частныя предпріятія и рабочіе подчинялись только гильдейскимъ уставамъ. Эти уставы имѣли въ виду преимущественно огражденіе труда и доброкачественности товаровъ ²⁾.

Искусство въ этомъ періодѣ развивалось во Флоренціи гораздо быстрѣе, чѣмъ въ предъидущемъ. Политическія бури ему не вредили; работы въ мастерскихъ шли независимо и вдали отъ страстей, кипѣвшихъ между тогдашними партіями. Пока община принадлежала себѣ, публика высказывала терпимость ко всѣмъ видамъ и направленіямъ творчества. Въ началѣ XV вѣка господствуетъ система открытаго состязанія между мастерами и сильно благопріятствуетъ правильной оцѣнкѣ ихъ дарованій; синьорія и гильдіи дѣлаютъ заказы по конкурсу; приглашенія строить и украшать церкви и монастыри также посылаются лучшимъ художникамъ по выбору приходскихъ властей или братій; только частные люди слѣдуютъ своему вкусу и отдають предпочтеніе, кому хотять. Неудивительно, что эта эпоха, называемая, по преимуществу, эпохою возрожденія, особенно богата великими мастерами. Любопытно знать, изъ какой школы

¹⁾ Уже передъ началомъ этого періода (1336 г.) во Флоренціи считалось до ста тысячъ жителей; послѣ чумы (1348 г.) ихъ число уменьшилось, но потомъ снова быстро возрасло. Однѣ суконныя фабрики питали до 80,000 рабочихъ людей. Точныя цифры и выводы на счетъ флорентинскаго населенія можно найти у Чибраріо, «Economie politique du moyen age» (Р. 1859) II, 127, 128.

²⁾ Это видно, напр., изъ уставовъ цеха суконщиковъ (Калимала), издѣлія котораго достигли рѣдкаго совершенства. Cibrario, II, 253, 254.

они вышли и въ чемъ именно опередили современниковъ и учениковъ Джіотто.

Съ половины XIV вѣка во Флоренціи возникаетъ, подъ вліяніемъ Андрея Пизанскаго, новая отрасль искусства: научившись лить, рѣзать и чеканить драгоценные металлы, мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ становятся художниками. Византія издавна славилась если не изящными, то роскошными издѣліями этого рода; отсюда, при посредствѣ императоровъ и папъ, они распространились на западъ Европы. Женившись на принцессѣ Теофаніи, Оттонъ III вызвалъ изъ Константинополя множество ремесленниковъ; нѣкоторые изъ нихъ остались при его дворѣ; другіе разсѣялись по Германіи, Италиі и Франціи, гдѣ нашли работу въ монастыряхъ, церквахъ и у высшаго духовенства. Западные народы скоро воспользовались уроками грековъ и превзошли своихъ учителей въ отдѣлѣ подсвѣчниковъ, кадиль, чашъ, мощехранительницъ (reliquaria) и другихъ произведеній церковной утвари изъ металловъ. Монахъ XII вѣка Теофилъ уже описываетъ подробно техническіе приемы этого тонкаго и сложнаго мастерства ¹⁾. Оно требовало, какъ видно, не только спеціальной сноровки и большого труда, но разнообразныхъ свѣдѣній въ живописи, скульптурѣ и отчасти въ зодчествѣ. Позже, когда на Западѣ умножились богатства, это мастерство получило свѣтскій характеръ и главными его покровителями сдѣлались коронованныя особы, принцы, банкиры и купцы. Во Флоренціи оно было усовершенствовано художникомъ, по имени Чіоне. Къ сожалѣнію, отъ него уцѣлѣла только одна серебряная доска на алтарѣ вращальни св. Іоанна. Судьба, нужно замѣтить, рѣдко щадитъ произведенія этого рода. Съ перваго взгляда они кажутся прочными, даже нетлѣнными, по крайней мѣрѣ сравнительно съ картинами и статуями. На самомъ дѣлѣ выходитъ иначе: драгоценная вещь, которую легко обратить въ деньги, не только возбуждаетъ корысть въ чужихъ людяхъ, но служитъ соблазномъ и для самого владѣльца. Въ средніе вѣка, когда золота и серебра было гораздо меньше въ обращеніи, чѣмъ теперь, когда вѣины почти не прекращались, издѣлія изъ дорогихъ металловъ безпрестанно подвергались грабежамъ солдатъ и несчастнымъ случайностямъ. Заказчики также рассчитывали на матеріалъ этихъ легко переливаемыхъ вещей и дорожили ими только до тѣхъ поръ, пока не нуждались въ звонкой

¹⁾ Его сочиненія «*Diversarum artium schedula*» есть одинъ изъ первыхъ и любимѣйшихъ трактатовъ о западномъ искусствѣ въ средніе вѣка. Labarte, *Handbook of the arts*, Lond. 1855, p. 48 и 49 (note).

монетъ. Неудивительно, что мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ имѣли серьезныя причины считать свой трудъ неблагодарнымъ и нерѣдко были вынуждены искать другого рода занятій ¹⁾). Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ новою отраслью искусства открылась во Флоренціи новая школа для воспитанія талантливыхъ художниковъ. Изъ обращенія съ драгоценными металлами они выносили привычку къ деликатной и отчетливой работѣ, знаніе рисунка, умѣнье отдѣлывать выпуклыя изваянія всѣхъ возможныхъ размѣровъ, и нерѣдко мастерство въ сложной композиціи. Эти высокія достоинства можно наблюдать впервые на произведеніяхъ одного изъ сыновей Чіоне, Андрея, по прозванію Органья (1329 — 1376 г.). Не принадлежа собственно къ числу учениковъ Джіотто, онъ вышелъ изъ мастерской отца вполне развитымъ, всестороннимъ художникомъ. Дѣятельность его была обращена попеременно на живопись, мозаику, вааяніе, зодчество, и увѣнчалась почти одинаковымъ успѣхомъ по всѣмъ отраслямъ искусства. Въ монастырѣ св. Маріи (Santa Maria Novella) въ придѣлѣ Строцци сохранились фрески, писанныя имъ, вѣроятно, въ молодости и при содѣйствіи его старшаго брата Бернарда. На нихъ изображены разные моменты страшнаго суда. Замѣтно, что авторъ не только изучилъ «Божественную комедію», но собственнымъ чутьемъ открылъ и мастерски разработалъ живописныя стороны своего предмета. Цѣлая картина, глубоко обдуманная, представляется какимъ-то чуднымъ, поэтическимъ видѣніемъ; безчисленныя фігуры ангеловъ, святыхъ и грѣшниковъ исполнены жизни, движенія и естественной красоты. Органья

¹⁾ Такъ именно поступали гибкіе и расчетливые итальянцы. Но добросовѣстный и трудолюбивый германецъ скорѣе готовъ былъ погибнуть, чѣмъ бросать любимое искусство. Гиберти, флорентинскій художникъ XV вѣка, приводитъ въ своей книгѣ любопытный анекдотъ о какомъ-то безымянномъ мастерѣ золотыхъ дѣлъ изъ Кальна. Этотъ мастеръ прибылъ въ Италію съ Карломъ Анжуйскимъ, для котораго исключительно работалъ, и, по словамъ Гиберти, отличался необыкновенными дарованіями: его скульптурныя головы и фігуры по красотѣ не уступали греческимъ. Къ несчастію, на одинъ сдѣланный имъ иконостасъ было потрачено слишкомъ много золота. Стѣсняемый нуждою, герцогъ приказалъ однажды разбить это произведеніе, чтобы извлечь изъ него драгоценный металлъ. Художникъ, видя, какъ гибнетъ его лучшее созданіе, не могъ вынести этой муки. «Господи, сказалъ онъ, ты сотворилъ міръ, ты можешь и разрушить его. Да будетъ воля твоя! Да не ищетъ мое невѣжество ничего, кромѣ тебя! Но ты видишь мое горе: обрати на меня твое милосердіе!» И послѣ этой слезной молитвы, несчастный мастеръ, раздавъ свое имущество нищимъ, кончилъ жизнь отшельникомъ. Молодежь приходила къ нему въ монастырь за совѣтами; онъ охотно наставлялъ ее, но самъ больше не бралъ заказовъ. Смиреніе его трогательно. Достигнувъ совершенства, онъ помялъ суету человѣческой славы. Этотъ анекдотъ даетъ понятіе какъ о зависимомъ положеніи, такъ и о характерѣ первобытныхъ мастеровъ золотыхъ дѣлъ.

отличается также смѣлостью ракурсовъ (сокращеній), даетъ человѣческому тѣлу совершенно новыя позы и удачно измѣряетъ разстоянія. Между тѣмъ законы воздушной и линейной или чертежной перспективы тогда еще не были изучены. Вообще этотъ художникъ служитъ какъ бы посредствующимъ звѣномъ между сіенскою и флорентинскою школами. Ни одному изъ его предшественниковъ не удалось такъ гармонически сочетать манеру Джотто и Дуччіо. У перваго онъ заимствовалъ простоту, серьезность, спокойствіе композиціи, у втораго религиозное чувство.

Базари увѣряетъ, что Андрею Органьѣ принадлежатъ еще три фрески въ Савро Santo Пизы. Одна изъ нихъ, написанная очевидно, подъ сильнымъ вліяніемъ Данта, изображаетъ торжество смерти, или лучше сказать, рѣзкіе контрасты между радостями жизни и неизбѣжнымъ ея концомъ. На лѣвой сторонѣ представлены всадники, повидимому цари: неожиданно на охотѣ, они наткнулись на открытые гробы. Отъ одного трупа уцѣлѣли кости, изъ которыхъ ползетъ змѣя, на другомъ главные суставы уже разрушаются; третій лежитъ свѣжимъ. Непріятно дѣйствуетъ это зрѣлище тлѣнія на живыхъ; сами всадники не скрываютъ своихъ чувствъ. Изъ всей группы только женщина не смущается при видѣ покойниковъ; ея прекрасная головка подперта рукою и выражаетъ престодушную задумчивость. На верху картины изображены вельи съ пустыняниками. Старѣйшій изъ нихъ смотритъ на сцену, происходящую внизу, очень спокойно, какъ бы повторяя изреченіе: *memento mori*. На правой сторонѣ сидитъ праздничная группа дамъ и кавалеровъ. Она, должно быть, только что возвратилась съ охоты на веселый пиръ подъ открытымъ небомъ и безопасно слушаетъ пѣсню трубадура съ акомпаниментомъ арфы. Но обѣ группы заняты своимъ дѣломъ и не обращаютъ глазъ на то, что составляетъ центръ и главное содержаніе картины. Здѣсь мы видимъ страшный, фантастическій образъ женщины съ распущенными волосами, огромными когтями и крыльями летучей мыши. Это — смерть. Она хватается и коситъ свои жертвы; кругомъ ангелы и демоны оспариваютъ похищенныя ею души и носятся съ ними по воздуху; у ея ногъ лежатъ сильныя земли, а тутъ же рядомъ старцы, бѣдняки и калѣки напрасно призываютъ ее въ себѣ на помощь.

Предметомъ второй фрески служитъ страшный судъ. И здѣсь мы видимъ не только множество интересныхъ подробностей, но что всего важнѣе, — единство, строгую обдуманность и сильное выполненіе композиціи. Въ центрѣ картины изображены Спаситель и Богоматерь; онъ — въ видѣ грознаго судіи; она, какъ представительница небснаго милосердія; по бокамъ сидятъ пророки,

аностолы и святые; возлѣ нихъ ангелы вызываютъ мертвыхъ изъ гробовъ; внизу стоятъ праведники и грѣшники оживленными и разнохарактерными группами. Микель-Анджело, делла-Порта и Рафаэль въ послѣдствіи многое заимствовали изъ этого произведенія.

Третья фреска, на которой представленъ адъ или кипящій котелъ съ колоссальною фигурою сатаны и безчисленнымъ множествомъ демоновъ - мучителей и страдающихъ людей, очень слаба по композиціи и по выполненію, да кромѣ того носитъ на себѣ явные слѣды подновленій или поправокъ. Напротивъ того двѣ первыя написаны великимъ художникомъ и недаромъ привлекли къ себѣ издавна вниманіе публики. Но свидѣтельство Вазари, что авторомъ ихъ былъ Андрей Органья, отвергается критиками нашего времени. «Между фресками въ церкви св. Маріи и Campo Santo, говорятъ они, нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Первыя принадлежатъ по своему характеру школѣ флорентинской; вторыя сильно напоминаютъ кисть сіенскихъ мастеровъ, именно братьевъ Лоренцетти». Зная неточность многихъ показаній Вазари, трудно оспаривать это мнѣніе, поддѣрживаемое аналогією и другими доводами ¹⁾. Остается развѣ предположить, что Органья не держался въ живописи одного направленія.

Несомнѣннымъ и образцовымъ произведеніемъ этого великаго мастера считается имъ построенная и украшенная внутри церковь или, лучше сказать, часовня св. Михаила (Or San-Michele). Здѣсь, какъ мы замѣтили, находилось прежде крытое помѣщеніе для хлѣбнаго рынка въ родѣ галлерей (loggia) и висѣла древняя икона Богоматери, писанная рукою сіенскаго мастера Уголино. Послѣ чумы 1348 г. флорентинцы, поручивъ Андрею Органья соорудить для уважаемой Мадонны храмъ и алтарь, дали ему не только большія денежныя средства, но и драгоценныя матеріалы на работу. Онъ могъ теперь выказывать свои многостороннія дарованія и дѣйствительно въполнѣ удовлетворилъ требованіямъ согражданъ. Главнымъ предметомъ его многолѣтнихъ трудовъ былъ колоссальный алтарь, для котораго собственно предназначалось новое зданіе. Этотъ алтарь изъ бѣлаго мрамора сдѣланъ въ готическомъ вкусѣ и богато убранъ изваяніями, мозаикою, разноцвѣтными камнями, позлащеннымъ стекломъ и эмалью. По бокамъ его представлены въ рельефахъ большого размѣра событія изъ жизни Богоматери, а въ выпуклыхъ миниатюрахъ христіанскія добродѣтели, искусства и науки; съюзная и заостренная его крышка увѣнчана статуєю архистра-

¹⁾ Craw and Cavalcasella, History of painting I, 445—51.

тига Михаила. Разсматривая этотъ алтарь въ подробностяхъ, не трудно замѣтить, что онъ вышелъ изъ рукъ золотыхъ дѣлъ мастера. Скульптурныя работы Органьи, хотя и не такъ изящныя, какъ работы Андрея Пизанскаго, отличаются простотою и величіемъ. Больше всего видѣнъ талантъ флорентинскаго мастера въ единствѣ плана, въ обдуманности композиціи, въ спокойной постановкѣ группъ и фигуръ. Самая церковь какъ будто создана для алтаря. Изваянія апостоловъ и героев христіанства, поставленныя въ наружныхъ ея нишахъ позднѣйшими художниками, довершаютъ эту счастливую гармонію.

Къ концу жизни Органья построилъ на площади господь, возлѣ стараго дворца, крытую галерею (loggia de' Lanzi) для защиты отъ дождя народа, который здѣсь собирался разсуждать о политическихъ и торговыхъ дѣлахъ. Эта галерея состоитъ изъ трехъ арокъ въ древне-римскомъ вкусѣ. Онѣ поставлены на пилястрахъ и украшены выпуклыми бюстами, между которыми главное мѣсто занимаетъ Мадонна съ ребенкомъ. Восхищаясь произведеніемъ Органьи и какъ бы угадывая его мысль, Микель-Анджело совѣтовалъ герцогу Козьмѣ протянуть галерею вдоль всей площади. Этотъ проектъ хотя и нашелъ сочувствіе въ наше время, когда флорентинцы ставили памятникъ Данту, но еще не приведенъ въ исполненіе.

Органья открываетъ лучшую эпоху флорентинской школы. За нимъ непосредственно слѣдуютъ великіе мастера первой половины XV вѣка: Брунеллески, Гиберти, Донателло и Лука делла-Роббиа. Подобно ему, они были сначала мастерами золотыхъ дѣлъ, но потомъ, слѣдуя своимъ наклонностямъ, занялись предпочтительно водчествомъ или ваяніемъ. Каждый изъ нихъ достигъ по своей отрасли совершенства, чему способствовало, кромѣ свободнаго между ними соревнованія, открытіе древнихъ памятниковъ. Эта эпоха совпадаетъ, какъ извѣстно, съ правленіемъ Козьмы Медичи. Но не слѣдуетъ забывать, что главные ея дѣятели родились раньше, получили вполне независимое воспитаніе, вышли на дорогу безъ протекціи и не имѣли надобности ея заискивать, работали больше для флорентинской общины или для церквей, а съ Козьмою только состояли въ дружбѣ или обязаны ему поддержкою въ старости за личныя услуги. Были между ними и такіе люди, которые не имѣли никакихъ связей съ «отцомъ отечества» и вовсе не пользовались его покровительствомъ. Короче сказать, Козьма не создалъ, а застагъ великихъ мастеровъ и, какъ человѣкъ умный и богатый, оказывалъ имъ вниманіе, давалъ работу и составилъ по ихъ совѣту первую коллекцію древнихъ статуй въ своемъ домѣ. Разсматривая живыя этихъ людей,

не трудно убѣдиться, на кого изъ нихъ и въ какой именно степени простиралось меценатство Козьмы.

Начнемъ съ Брунеллески (1377—1444). Онъ принадлежалъ къ зажиточному семейству, поступилъ еще въ дѣтствѣ, противъ воли отца, ученикомъ въ мастерскую золотыхъ дѣлъ, а потомъ нѣкоторое время занимался ваяніемъ. Поѣздка въ Римъ, повидимому, измѣнила его намѣренія и побудила выбрать новую карьеру. Онъ отправился туда вмѣстѣ съ своимъ другомъ Донателло для изученія памятниковъ языческаго искусства. Жителямъ вѣчнаго города показалось, что молодые флорентинцы пріѣхали къ нимъ искать золота. Но Брунеллески нашелъ среди развалинъ Рима болѣе драгоценные клады и усердно измѣрялъ древнія зданія, особенно Пантеонъ. Благодаря этимъ измѣреніямъ, въ его головѣ родился смѣлый замыселъ поставить куполъ на флорентинскомъ соборѣ. Корпусъ этого храма, какъ извѣстно, давно уже былъ отстроенъ, но никто не рѣшался закрыть отверстіе на срединѣ его кровли, предназначенное для купола. Искусство возведенія обширныхъ куполовъ было утрачено въ западной Европѣ и составляло тайну древняго Рима, извѣстную отчасти византійскимъ зодчимъ. По проекту Арнольфа ди Камбіо, куполъ флорентинскаго собора долженъ былъ непосредственно выступать изъ крыши или опереться на основные столбы зданія, какъ въ церкви св. Марка и въ пизанскомъ соборѣ. Напротивъ того, Брунеллески, возвратившись изъ Рима (1407), предложилъ сначала возвести на отверстіи въ видѣ осьмиугольника такъ-называемый тамбуръ (барабанъ), и обѣщалъ поставить на немъ куполъ. Флорентинцы не повѣрили, чтобы можно было выполнить таковой, повидимому, безумный планъ. Автору оставалось искать работы въ другихъ городахъ. Но онъ опять уѣхалъ въ Римъ учиться. Въ 1420 г. община открыла по этому дѣлу новое состязаніе. Не только итальянскіе, но даже иностранные зодчіе были приглашены на совѣтъ. Но никто изъ нихъ не зналъ, что предпринять и какъ помочь дѣлу. Одинъ совѣтовалъ подпереть куполъ снизу колоннами и, слѣдовательно, испортить внутренность храма; другой полагалъ, что нужно сдѣлать куполъ изъ самаго легкаго матеріала, напр. изъ пемзы, для безопасности. Но самый нецѣпный проектъ состоялъ въ томъ, чтобы заполнить, для поддержки будущаго купола, весь соборъ до верху землею, смѣшать съ нею мелкія монеты, и потомъ, когда постройка будетъ кончена, призвать народъ выгрести землю. А Брунеллески все упорно стоялъ на своемъ, все доказывалъ, что легко сдѣлать вольный сводъ для купола на тамбурѣ, да вдобавокъ просилъ за работу дешевле, чѣмъ другіе мастера! Совѣтъ,

разумѣтся, ему не вѣриль и однажды велѣлъ его вывести вонъ изъ залы, за непочтительныя выраженія. Особенно не хотѣлось ему показать своей модели: вмѣсто того, онъ предложилъ членамъ собранія поставить вертикально яйцо и, когда они отказались, рѣшилъ эту задачу по способу Колумба. Наконецъ, послѣ долгихъ сомнѣній и колебаній, ему поручено было возвести куполъ вмѣстѣ съ Гиберти. Чтобы избавиться отъ своего товарища, Брунеллески, по совѣту друзей, скрылъ отъ него модель, и когда, спустя семь лѣтъ, тамбуръ былъ готовъ, вдругъ притворился больнымъ. Не умѣя выйти изъ затрудненія при постройкѣ свода, Гиберти понялъ наконецъ, что ему приличнѣе отказаться отъ жалованья и предоставить увѣнчаніе зданія своему сопернику. Тогда Брунеллески выздоровѣлъ и не только кончилъ съ успѣхомъ свое главное дѣло, но успѣлъ заготовить рисунки для фонаря, который нужно было поставить на вершинѣ купола. Знатокъ зодчества цѣннѣе высоко работы этого первокласснаго мастера. Возведенный имъ куполъ хотя и тяжелъ снаружи, но смѣлѣе, шире и выше купола Микель-Анджело, несмотря на громадныя размѣры церкви св. Петра. Современники также высказывали къ Брунеллески большое довѣріе. Онъ сдѣлался не только главнымъ зодчимъ флорентинской общины, но былъ выбранъ членомъ синьоріи. Медичи поручили ему строить свою фамильную церковь св. Лаврентія; богачъ Лука Питти—обширный дворецъ; по его же рисункамъ былъ сооруженъ храмъ въ честь св. Духа. Въ старости Брунеллески нѣсколько повредилъ своей репутаціи, потому что взялся за дѣло, ему незнакомое и не совсѣмъ достойное призванія художника. Флоренція вела тогда войну съ Луккою и держала ее въ осадѣ. Брунеллески вызвался потопить этотъ городъ водами рѣки Серкіо и правительство, убѣжденное его краснорѣчіемъ, рѣшилось выполнить смѣлый проектъ на свой счетъ. Каналы были прорыты и огромныя суммы потрачены на плотины, но рѣка не залила Лукки, а только вытѣснила съ позиціи осадное войско. Великій зодчій оказался плохимъ военнымъ инженеромъ, и вызвалъ своею неудачею общее неудовольствіе. Уличные мальчишки Флоренціи пѣли сочиненныя на него по этому поводу насмѣшливыя стихи¹⁾.

Ближайшимъ послѣдователемъ Брунеллески считается плодовитый архитекторъ Мивелоцци (1391—1472). Отъ него оста-

¹⁾ Ammirato, XX, 834; Trollope, III, 28. Отсюда, однакоже, не слѣдуетъ заключать, что флорентинцы забыли заслуги или не умѣли оцѣнить таланта Брунеллески. Община не только похоронила его на свой счетъ, но и воздвигла ему надгробный памятникъ въ соборѣ (propter eximia sui animi dotes singularesque virtutes), вмѣстѣ съ Арнольфомъ и Джіотто, другими строителями этого знаменитаго храма.

лось гораздо больше оконченныхъ произведеній. Онъ сопровождалъ Козьму Медичи въ ссылку (1433 г.), а потому пользовался до смерти особенною его благосклонностью, построилъ ему дворецъ (Palazzo Riccardi), нѣсколько дачъ (villa Caredgi, Caffagiolo) и знаменитый въ исторіи монастырь св. Марка. Кромѣ того, Микелоцци распространилъ флорентинскій архитектурный стиль въ сѣверной Италіи, что доказываютъ зданія, построенныя имъ въ Венеціи и Миланѣ (библіотека въ San Giorgio Maggiore, Palazzo Vismura); они сильно напоминаютъ манеру Брунеллески. Микелоцци былъ также искуснымъ, хотя и не самостоятельнымъ ваятелемъ. Съ этой стороны на него имѣлъ большое вліяніе Донателло.

Не такъ посчастливилось во Флоренціи знаменитому сопернику Брунеллески, Леону Альберти (1398—1484). Принадлежа къ опальному семейству, онъ рано покинулъ отечество и работалъ большую часть жизни въ другихъ городахъ. Это былъ человѣкъ обширныхъ дарованій и неизмѣримой учености. Нужно согласиться, что нынѣшняя гражданственность рѣдко производитъ подобныхъ людей. Альберти не только зналъ всѣ доступныя тому времени искусства и науки, но что удивительнѣе, въ совершенствѣ владѣлъ ими. Ему приписываютъ разныя открытія въ живописи, напримѣръ изобрѣтеніе пантографа¹⁾ и подвижныхъ картинъ; его сочиненіе о зодчествѣ (de re aedificatoriâ), изданное въ 1483 г., представляетъ полную теорію строительнаго искусства и доказываетъ глубокое математическое образованіе. Кромѣ того, онъ оставилъ по себѣ много литературныхъ произведеній самаго разнообразнаго содержанія. Изъ сооруженныхъ имъ зданій замѣчательна обширная церковь св. Франциска въ Римини (1447 г.). Она построена въ классическомъ стилѣ и напоминаетъ своею коллоннадою и внѣшнимъ видомъ греческіе храмы. Подражая древнимъ, быть можетъ, до крайности, Альберти не слѣдовалъ однакоже образцамъ послѣднихъ временъ римской имперіи, а опирался на изученіе памятниковъ и преданій блестящей эпохи античнаго зодчества. Доказательствомъ тому служить построенная по его планамъ церковь св. Андрея въ Мантуѣ и дворецъ Руччелли во Флоренціи, куда онъ возвратился въ старости. Этотъ дворецъ, украшенный прежде галереєю (loggia), считается лучшимъ памятникомъ искусства Альберти. Вообще уваженіе къ нему современниковъ нельзя назвать преувеличеннымъ или безотчетнымъ: оно держалось долго. Мно-

¹⁾ Пантографъ есть приборъ, посредствомъ котораго можно дѣлать снимки съ рисунковъ въ увеличенномъ или уменьшенномъ масштабѣ.

гіе изъ позднѣйшихъ водчихъ въ значительной степени испытывали на себѣ его вліяніе. Ему подражалъ, повидимому, извѣстный въ Россіи Растрелли, строитель лучшихъ нашихъ церквей и дворцовъ XVIII вѣка. Жаль только, что произведенія Альберти большею частію испорчены или утрачены: собственноручный его портретъ, о которомъ говоритъ Вазари, не сохранился; тоже нужно замѣтить о картинахъ, къ которымъ онъ впервые примѣнилъ свои оптическія свѣдѣнія въ законахъ такъ-называемой отдаленной перспективы. Даже его домъ, находящійся во Флоренціи, недалеко отъ моста Грацій, потерпѣлъ передѣлки и только недавно возобновленъ въ прежнемъ видѣ. У воротъ этого дома выставлены на показъ водчимъ архитектурные планы и чертежи великаго мастера.

III.

Кромѣ водчихъ, Флоренція произвела въ первой половинѣ XV-го вѣка нѣсколько замѣчательныхъ ваятелей. Изъ нихъ особенно блестящими способностями былъ надѣленъ Гиберти (1378—1455). Онъ происходилъ изъ уважаемой въ городѣ фамиліи, учился мастерству золотыхъ дѣлъ у своего вотчима, потомъ полюбилъ живопись и уѣхалъ въ Римини расписывать дворецъ тамошняго правителя Малатеста (1399). Но вотчиму удалось снова вызвать его домой по слѣдующему поводу. Около того времени синьорія и гильдія флорентинскихъ купцовъ задумали поставить къ крещальнѣ св. Іоанна новую бронзовую дверь на подобіе той, которая была отлита въ 1330 г. Андреемъ Пизанскимъ. Между мастерами открылось состязаніе: они должны были, по приглашенію избраннаго комитета, сначала заготовить модель, а черезъ годъ одинъ пробный рельефъ съ изображеніемъ Авраама, приносящаго въ жертву Исаака. Въ конкурсѣ приняли участіе, кромѣ мѣстныхъ литейщиковъ, скульпторы изъ Сіены и Ареццо. Но главными соперниками выступили Гиберти и Брунеллески. Судьи долго колебались, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе, и рѣшили дѣло только тогда, когда Брунеллески самъ великодушно призналъ себя побѣжденнымъ. Получивъ дорогой заказъ, Гиберти принялся за работу и, съ помощью своего вотчима, товарищей и многочисленныхъ учениковъ, черезъ двадцать одинъ годъ довелъ ее до окончанія. Дверь была поставлена на мѣсто съ большимъ торжествомъ (1424) и возбудила въ городѣ общій восторгъ. Разсматривая это произведеніе, можно опредѣлить, до какой степени исус-

ство во Флоренціи подвинулось впередъ съ половины XIV столѣтія. Не уступая ни въ чемъ Андрею Пизанскому, Гиберти во многомъ его превосходить. Правда, обѣ двери довольно сходны между собою: обѣ тщательно выполнены и каждая имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства. Но дверь Андрея, при всемъ ея величїи, сдѣлана очень просто: группы и фигуры здѣсь немногочисленны и довольно однообразны; напротивъ, дверь Гиберти отличается сложностью композиціи и чрезвычайнымъ богатствомъ содержанія. Она состоитъ изъ двадцати осьми миниатюрныхъ отдѣловъ, посвященныхъ главнымъ событіямъ новаго завѣта, и украшена статуями, бюстами и головами евангелистовъ, учителей церкви, сивилль и пророковъ. Трудно рѣшить, какое изъ событийъ вышло удачнѣе. Талантъ мастера высказался почти съ одинаковою силою во всѣхъ отдѣлахъ двери; ея красоты неисчерпаемы; чѣмъ пристальнѣе любитель искусства будетъ изучать ее, тѣмъ больше найдетъ въ ней совершенствъ. По мнѣнію Перкинза, Гиберти съ особеннымъ искусствомъ изобразилъ Благовѣщеніе, искушеніе въ пустынѣ и воскресеніе Лазаря. У насъ сохранилась въ памяти группа вѣнжниковъ, окружающихъ юношу Иисуса въ храмѣ: ихъ лица чрезвычайно вѣрны природѣ, разнообразны и одушевлены; по правую сторону входитъ и слушаетъ сына съ гордостью и радостью на лицѣ Богоматерь. Кто не видалъ этой группы, тотъ не повѣритъ, чтобы можно было передать въ миниатюрѣ и на металлѣ такъ живо внутреннія, неуловимыя чувства человѣка: они рѣдко отражаются даже на мраморныхъ изваяніяхъ натурального размѣра. Когда Гиберти кончилъ свой трудъ, ему было поручено отлить еще одну, послѣднюю, дверь для крещальни. При этомъ заказчики просили секретаря флорентинской общины, извѣстнаго литератора и юриста Леонардо Бруни (1369—1444) выбрать сюжеты для изображеній. Бруни указалъ десять главныхъ событийъ ветхаго завѣта, но предоставилъ мастеру разработать ихъ, свободно, по собственному усмотрѣнію. «При выполненіи этого произведенія — говорить Гиберти — я старался приблизиться къ природѣ и уяснить себѣ дѣйствіе ея формъ на зрителя, въ надеждѣ приложить къ моему дѣлу теорію ваянія и живописи. Работая старательно и прилежно, я ввелъ въ нѣкоторые отдѣлы до сотни фигуръ и моделировалъ ихъ такъ, чтобы ближайшія изъ нихъ имѣли большій, а отдаленныя меньшій размѣръ, смотря по разстоянію отъ глаза». Понятно, что здѣсь была пущена въ ходъ перспектива. Гиберти признавалъ ее особенно необходимою тамъ, гдѣ помѣщаль въ одномъ отдѣлѣ нѣсколько сюжетовъ. Такъ, напр., первый отдѣлъ (и нужно прибавить, едва ли не лучшій)

представляетъ созданіе Адама и Евы, грѣхопаденіе и, наконецъ, изгнаніе изъ рая. Чтобы достигнуть своей цѣли, Гиберти пропорціонально уменьшалъ рельефъ, начиная отъ самаго выпуклаго до едва замѣтнаго (*stiacciato*). Съ помощью перспективы, ему удалось изобразить, кромѣ живыхъ сценъ, пейзажи и архитектурные виды, разумѣется, безъ атмосферы, безъ свѣта и тѣни, что помогаетъ живописцамъ выдвинуть впередъ одни предметы и поставить на задній планъ другіе. Короче сказать, онъ далъ своему скульптурному произведенію картинную форму и, несмотря на удивительное искусство рѣзца, вышелъ изъ границъ ваянія. Вотъ почему на него смотрятъ какъ на гениальнаго и вмѣстѣ опаснаго реформатора, который, пользуясь незаконно пластическими матеріалами, могъ увлечь цѣлое поколѣніе художниковъ въ область недосягаемаго и невозможнаго. Этотъ упрекъ отчасти имѣетъ основаніе. Но не слѣдуетъ забывать, что примѣръ, поданный Гиберти, остался безъ вредныхъ послѣдствій и не нашелъ подражателей. Дверь, о которой идетъ рѣчь, есть единственное произведеніе въ своемъ родѣ и, сравнительно съ первою, только доказываетъ, что великій мастеръ, не зная самодовольства, сильно усовершенствовался какъ въ технику, такъ и въ композицію. Извѣстно, что онъ трудился надъ нею болѣе двадцати пяти лѣтъ и кончилъ ее уже въ глубокой старости (1452). Кромѣ центральныхъ группъ, посвященныхъ главнымъ сюжетамъ, мы находимъ здѣсь библейскія фигуры, а по бокамъ головы учителей церкви и нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей, въ томъ числѣ портреты самого художника и его вочима; окранны двери убраны фризомъ, составленнымъ изъ растительнаго и животнаго царствъ. Что бы ни говорили знатоки противъ смѣшенія живописи съ ваяніемъ, нужно согласиться, что ни прежніе, ни позднѣйшіе художники не овладѣли до такой степени металломъ и не возводили литейнаго искусства на такую высоту, какъ Гиберти. Обѣ двери, по выраженію Микель-Анджело, такъ прекрасны, что могли бы стоять у входа въ рай (*son tanto belle che starebbon bene alle porte del paradiso*), но вторая должна быть признана чудомъ человѣческаго творчества. Черезъ пять лѣтъ послѣ ея окончанія, флорентинцы приказали покрыть ее золотомъ, вѣроятно, для эффекта; но эта накладка должна была повредить отчетливости изображеній, и къ счастью стерлась отъ времени¹⁾. Будучи заняты почти цѣлѣмъ

¹⁾ Копія съ одной двери Гиберти давно отлита для Казанскаго собора въ Петербургѣ; кромѣ того, вѣрные гипсовые снимки съ обѣихъ дверей заготовлены въ послѣднее время Эрнделевымъ обществомъ любителей искусства въ Лондонѣ, для продажи.

жизнь отдѣлкою этихъ дверей, Гиберти умѣлъ, однакоже, найти досугъ для другихъ работъ. Ему, напр., принадлежать удивительной красоты бронзовые барельефы на купели, въ крещальнѣ Сіенскаго собора, изображающіе Крестителя на Иорданѣ и передъ Иродомъ, три надгробныхъ памятника въ церкви св. Креста и монастырѣ св. Маріи (Novella) и рака (cassa) св. Зиновія во флорентинскомъ соборѣ. Послѣдняя отлита съ замѣчательнымъ искусствомъ (1440 г.). На ней представлено воскресеніе сына вдовы. Особенно удались мастеру колѣнопреклоненныя группы безчисленныхъ зрителей, расположенныя кругомъ дѣйствующихъ лицъ; вдали видны городскія ворота. И здѣсь, какъ во второй двери, Гиберти прибѣгаетъ къ перспективѣ. Въ числѣ его произведеній упоминаются еще двѣ митры, заказанныя ему папами, изъ золота и драгоценныхъ камней. Но онѣ были расплавлены Бенвенуто Челлини при Климентѣ VII, въ эпоху взятія Рима. Кромѣ того, Гиберти украсилъ золотыми миниатюрными фигурами одинъ принадлежавшій Медичи сердоликъ. Эта драгоценная вещь была похищена изъ дворца Риккарди французскими войсками, пришедшими во Флоренцію съ Карломъ VIII. Наконецъ великій мастеръ оставилъ по себѣ небольшую книгу по исторіи искусства. Она хотя и не богата содержаніемъ, но любопытна, какъ первый опытъ въ этомъ родѣ. Мы узнаемъ изъ нея, что авторъ былъ восторженнымъ поклонникомъ древнихъ ваятелей. Такъ, упоминая объ одной древней статуѣ, найденной въ Римѣ, онъ говоритъ, что ея прелестей нельзя вполне оцѣнить зрѣніемъ, а только осязаніемъ и приписываетъ ея сбереженіе милосердію и эстетическому чувству древнихъ христіанъ. Неудивительно, что на Гиберти больше, чѣмъ на другихъ художникахъ этой эпохи отразилось вліаніе классическихъ образцовъ. Онъ познакомился съ ними преимущественно въ Римѣ, отчасти же изъ собственной коллекціи антиковъ, которую успѣлъ собрать. Говорятъ, что нѣсколько статуй было ему доставлено друзьями прямо изъ Греціи. Но при всемъ уваженіи къ блестящимъ дарованіямъ Гиберти, не слѣдуетъ забывать, что онъ отличался отъ своего геніальнаго предшественника, Органьи, тѣмъ, что былъ художникомъ-специалистомъ. Въ доказательство односторонности его дарованій можно привести вылитыя имъ въ натуральную величину бронзовыя изваянія апостоловъ Іоанна и Матѳея и первомученика Стефана, для наружнаго украшенія часовни св. Михаила. Они далеко не имѣютъ тѣхъ высшихъ достоинствъ, какими отличаются миниатюрныя фигуры обѣихъ дверей крещальни. Здѣсь свѣдѣнія великаго мастера въ перспективѣ не прилагались къ дѣлу; лица

далеко менѣе выразительны и самая работа не такъ отчетлива. Еще больше видна слабость Гиберти въ зодчествѣ. Къ этому искусству онъ рѣшительно не былъ призванъ, а между тѣмъ упорствовалъ въ сотрудничествѣ съ Брунеллески при возведеніи соборнаго купола и не стыдился брать за это жалованье. Мы имѣли случай упоминать, какъ обнаружилось его безсиліе и принуждены поставить ему въ упрекъ, если не продажность, то корыстолюбіе. Напрасно въ своей исторіи искусства онъ благодарить наставниковъ за то, что они воспитали его въ чувствѣ долга и научили презирать деньги: онъ не послѣдовалъ на практикѣ ихъ добрымъ совѣтамъ. Бѣдность также не можетъ служить ему оправданіемъ: изъ документовъ видно, что онъ былъ вознагражденъ за всѣ свои работы очень щедро, а въ концѣ жизни получилъ въ подарокъ отъ общины недвижимое имѣніе. Какой рѣзкій контрастъ представляетъ благородное поведеніе Брунеллески при упомянутомъ состязаніи за двери! Онъ не только призналъ превосходство своего соперника, но помогалъ ему въ работахъ указаніями и опытомъ.

Другой великій ваятель этой эпохи, товарищъ Брунеллески, Донателло (1386—1466 г.), отличался такимъ же возвышеннымъ характеромъ. Родившись въ бѣдномъ семействѣ, онъ еще ребенкомъ терпѣлъ крайность и едва не погибъ. Къ счастью, одинъ флорентинскій банкиръ, Мартелли, далъ ему пріютъ и средства къ жизни. Художественныя наклонности Донателло обнаружались очень рано. Говорятъ, что, будучи еще шестнадцати лѣтъ, онъ считался отличнымъ знаткомъ искусства и подавалъ мнѣнія на конкурсахъ. Истиннымъ его призваніемъ была скульптура, по онъ не любилъ миниатюрныхъ работъ, какъ Гиберти, а дѣлалъ изваянія изъ дерева, мрамора и бронзы въ натуральную величину. Путешествіе въ Римъ вмѣстѣ съ Брунеллески открыло передъ нимъ великія произведенія древняго рѣзца. Но сознавая вполне ихъ превосходство, Донателло не захотѣлъ быть рабскимъ подражателемъ и остался оригинальнымъ, какъ въ выборѣ, такъ и въ способахъ разработки своихъ композицій. Долго его усилія были направлены исключительно на технику. Придерживаясь, подобно Джіотто, реальнаго направленія, Донателло заимствовалъ свои образы изъ дѣйствительнаго міра и не всегда отличался разборчивымъ вкусомъ. На первыхъ порахъ добрый товарищъ его юности, Брунеллески оказалъ ему большія услуги своими искренними совѣтами и шутками. Характеръ дружбы обоихъ мастеровъ виднѣтъ изъ слѣдующаго анекдота. Однажды Донателло изваялъ распятіе. «Твой мученикъ похожъ на крестьянина», замѣтилъ ему Брунеллески. «Бранить чужое легко;

попробуй-ка самъ сдѣлать лучше», отвѣчалъ тотъ, немного обидѣвшись. Чтобы подтвердить справедливость своей критики, Брунеллески принужденъ былъ вырѣзать распятіе и, окончивъ работу, пришелъ въ товарищу показать ее и спросить, достойна ли она избраннаго предмета. Донателло въ это время только-что воротился съ рынка, держа въ фартухѣ запасъ сыру, яицъ и плодовъ на завтракъ. Распятіе Брунеллески поразило его красотой. «Куда мнѣ за тобой гоняться—сказалъ онъ простодушно, бросая провизію на полъ. — Пусть пропадетъ мой завтракъ: я умѣю вырѣзывать только простыхъ мужиковъ!»¹⁾ По съ тѣхъ поръ онъ сталъ видимо смягчать жесткость своего рѣзца и, вѣроятно, по совѣту Брунеллески, взялъ себѣ въ помощники извѣстнаго зодчаго Микелоцци; человѣка съ тонкимъ вкусомъ.

Плодовитость Донателло изумительна. Подобно Джіотто, онъ предпринималъ путешествія по Италіи, именно былъ приглашенъ въ Падую (1444), ѣздилъ оттуда въ Венецію и Романью и получалъ заказы отъ разныхъ городовъ и монастырей. Но большая часть его произведеній находится въ Тосканѣ, именно: во Флоренціи, Прато и Сіенѣ. Въ послѣднее время англичане успѣли приобрести нѣкоторыя изъ нихъ отъ потомковъ Мартелли для Кензингтонскаго музея. Между изваяніями великаго мастера особенно замѣчательны: статуи св. Георгія, апостоловъ Петра и Марка во весь ростъ, украшающія снаружи часовню св. Михаила (ог' San Michele), Иоанна крестителя (любимый его сюжетъ), Магдалины и Давида, въ галлерей Уффици, и пророковъ на третьемъ этажѣ соборной колокольни²⁾. Донателло владѣлъ глазомѣромъ Фидія, т. е. удачно разсчитывалъ разстоянія и при отдѣлкѣ каждаго произведенія имѣлъ въ виду мѣсто, куда оно было назначено. Вотъ почему многія изъ его статуй, если смотрѣть на нихъ вблизи, кажутся безобразными, но издали выигрываютъ, напр. знаменитый старикъ Zucchone (Давидъ), котораго самъ художникъ такъ любилъ, что училъ его говорить и готовъ былъ имъ клясться (alla fe'che porto al mio Zucchone), а публика не понимала, пока онъ находился въ мастерской, и оцѣнила только на высотѣ колокольни. Сюда-же можно отнести барельефы для флорентинскаго соборнаго органа. Помѣщенные теперь въ одномъ изъ низкихъ корридоровъ дворца Уффици, они кажутся неприятными, а между тѣмъ были признаны по конкурсу превосходными.

¹⁾ Оба эти распятія уцѣлѣли до нашего времени; одно изъ нихъ (работы Донателло) хранится въ церкви св. Креста; другое (Брунеллески) въ монастырѣ Santa Maria Novella.

²⁾ Наиболѣе удачныя изображенія Крестителя находятся, кромѣ галлерей Уффици, въ Palazzo Martelli и еще въ одной церкви города Фанци въ Романѣ.

Напротивъ, фигуры поющихъ и плачущихъ дѣтей, поставленныя на наружной каедрѣ собора въ Прато, производятъ удивительное впечатлѣніе на зрителя, потому что, смотря на нихъ съ площади, онъ не видитъ грубыхъ и угловатыхъ нарѣзовъ, сдѣланныхъ, нарочно, для освѣщенія группы. Это произведение великій мастеръ удачно защитилъ снаружи, противъ непогоды, выдающимся впередъ карнизомъ. Вообще Донателло отличается чрезвычайно тонкою и нѣжною отдѣлкою барельефовъ¹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ, (именно такъ - называемые *stiacciati*), своими едва замѣтными выпуклостями больше похожи на рисунки, чѣмъ на изваянія, и напоминаютъ рѣзбу египтянъ, ассирійцевъ и этрусковъ. Эта трудная манера была извѣстна въ средніе вѣка только медальерамъ. Съ такимъ же искусствомъ Донателло отливалъ бронзу. Въ доказательство можно привести его падуанскія произведенія въ главномъ алтарѣ церкви св. Антонія и конную статую венеціанскаго кондотьера Гаттамелаты, одну изъ первыхъ, поставленныхъ въ средніе вѣка. Она, хотя и не можетъ выдержать сравненія съ конными статуями позднѣйшаго времени, но имѣетъ свои достоинства: изображеніе всадника знатно находятъ безукоризненнымъ. Чтобы вполне оцѣнить красоту Донателло, нужно видѣть еще надгробные монументы, поставленные имъ кардиналу Бранкаччи въ Неаполѣ и папскому секретарю, поэту Арагацци, въ Монтепульчано. Этотъ послѣдній памятникъ, къ несчастію, разбитъ, но сохранившіеся отъ него статуи и рельефы, именно дѣтскія фигуры, которымъ великій мастеръ особенно умѣлъ придавать жизнь и выразительность, представляютъ неподражаемые образцы скульптурной работы. Къ концу жизни, рѣзецъ Донателло ослабѣлъ, но старикъ не хотѣлъ жить на свѣтѣ празднымъ человѣкомъ и, какъ видно, не сумѣлъ во время разбогатѣть, потому что держалъ свой кошелекъ открытымъ для друзей и учениковъ. Нѣсколько разъ пріятель его, Козьма Медичи, замѣчая, какъ онъ бѣденъ, дарилъ ему платье и даже хотѣлъ наградить его фермою, но Донателло упорно отвергалъ подарки и принялъ отъ сына Козьмы небольшую пенсію только тогда, когда былъ разбитъ параличемъ и слегъ въ постель. Рѣдко кому изъ мастеровъ удалось заслужить безкорыстіемъ и простодушнымъ характеромъ такую всеобщую любовь товарищей и популярность между флорентинцами, какую приобрѣлъ Донателло. Когда разнеслась вѣсть о его смерти, всѣ жители города собрались отдать

¹⁾ Лучшія его произведенія въ этомъ родѣ—ребенокъ-Креститель въ Уффізі и св. Цеція въ собраніи лорда Эльчо. Удачная копія съ этого послѣдняго барельефа сдѣлана Эрнделевымъ обществомъ.

ему послѣдній долгъ. Онъ просилъ, чтобы его похоронили въ церкви св. Лаврентія возлѣ Козьмы Медичи.

Художественные критики согласны, что Донателло былъ однимъ изъ гениальныхъ мастеровъ Флоренціи и во многихъ отношеніяхъ отдають ему преимущество надъ Буонаротти; самъ Микель-Анджело передъ нимъ благоговѣлъ, дѣлалъ у него заимствованія и, превосходя его величіемъ композиціи, не могъ съ нимъ сравниться въ техникѣ и особенно въ обработкѣ барельефовъ. Каждое произведеніе Донателло отличается самобытностью, носитъ индивидуальный характеръ, вполне закончено и тщательно отдѣлано. Вліяніе его на современниковъ было глубже, благотворнѣе и прочнѣе, чѣмъ вліяніе Гиберти: ему новоевропейское искусство, по преимуществу, обязано своимъ независимымъ характеромъ и существованіемъ. Почерпая источники вдохновенія изъ библіи, онъ создалъ нѣсколько христіанскихъ и ветхозавѣтныхъ типовъ, исполненныхъ жизни и правды, и дѣйствовалъ рѣзцомъ, какъ послушнымъ орудіемъ.

Кромѣ Микелоцци, изъ послѣдователей Донателло замѣчательны: зодчій Антоній Аверуллино, по прозванію Филарете, авторъ бронзовыхъ дверей церкви св. Петра, и Дезидерій изъ Сеттиньяно. Послѣдняго, Джіованни Санти, отецъ Рафаэля, называютъ нѣжнымъ и прекраснымъ (*il bravo Desider si dolce é bello*). Этотъ любимый ученикъ великаго мастера, къ несчастію, умеръ въ полномъ цвѣтѣ силъ и раньше своего наставника (1428 — 53). Немногія изъ сохранившихся его произведеній (надгробный памятникъ Карлу Марзуппини въ церкви св. Креста, бюстъ Маріи Строцци во дворцѣ этого имени, статуэтка Спасителя въ церкви св. Лаврентія) носятъ на себѣ печать глубокой мысли, выполненной искуснымъ рѣзцомъ.

Соперникомъ Донателло во Флоренціи былъ Лука делла-Роббіа (1400—81). Вышедши также изъ мастеровъ золотыхъ дѣлъ, онъ пристрастился къ скульптурѣ и достигъ въ обработкѣ мрамора рѣдкаго совершенства. Доказательствомъ тому служатъ его барельефы на колокольнѣ Джіотто (эмблематическія изображенія науки и искусства) и чудныя группы поющихъ юношей и отроковъ, изваянія заготовленныя по конкурсу для украшенія соборнаго органа. Послѣднія произведенія хранятся въ Uffizi и бросаются въ глаза своею красотой. Ничего въ этомъ родѣ не создали прежніе скульпторы. Лука умѣлъ сообщить дѣтской физиономіи такую жизнь, что зритель можетъ отгадать по игрѣ мускуловъ голоса пѣвчихъ. Самая постановка этихъ группъ чрезвычайно удалась мастеру: онѣ такъ простодушно поютъ, такъ усердно заняты своимъ дѣломъ, что невольно привоываютъ

вниманіе. Кромѣ хора, Лука изобразилъ, тутъ же рядомъ, нѣсколько пляшущихъ дѣтей. Наружность ихъ также очаровательна: на каждомъ личикѣ написана свойственная возрасту наивная радость; каждый ребенокъ предается веселью до полного упоенія. И чѣмъ больше смотрѣть на эти группы, тѣмъ покажется удивительнѣе, почему судьи конкурса отдали предпочтеніе Донателло. Его барельефы, посвященные тому-же предмету, находятся насупротивъ и не выдерживаютъ критики въ близкомъ сосѣдствѣ съ произведеніемъ Луки делла-Роббіа: они, конечно, выигрывали на высотѣ отъ разстоянія. Какъ-бы то ни было, жаль, что Лука потергѣлъ неудачу на конкурсѣ: она не только огорчила его, но повидимому заставила бросить мраморъ. Правда, въ 1445 г. онъ получилъ еще одинъ заказъ, именно началъ вмѣстѣ съ Микелоцци и Мазо дѣлать бронзовыя двери къ ризницѣ флорентинскаго собора, но, далеко уступая Гиберти въ искусствѣ лить бронзу, опять не удовлетворилъ требованіямъ публики. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, ему удалось открыть для себя другой, болѣе выгодный родъ дѣятельности, гдѣ у него не было соперниковъ. Наблюдая горшечное дѣло во Флоренціи, онъ усовершенствовалъ способъ покрывать твердымъ и прозрачнымъ составомъ жженную глину и воспользовался этимъ мягкимъ матеріаломъ для глѣбныхъ работъ¹⁾. Отсюда произошла новая отрасль дешевой скульптуры. Произведенія этого рода съ конца XV стол. сильно распространились по Италіи и всей западной Европѣ, а въ настоящее время извѣстны подъ именемъ издѣлій или товаровъ делла-Роббіа. Самъ Лука глѣбилъ съ удивительною быстротою изъ глины голубого и бѣлаго цвѣтовъ статуи, медальоны и цѣлыя алтари для уборки церковныхъ стѣнъ, дверей и придѣловъ. Племянникъ его, Андрей и другіе ученики, которымъ онъ передалъ свой секретъ, пошли дальше и, въ надеждѣ вытѣснить изъ церквей фрески, стали мазать свои произведенія всѣми возможными красками. Хотя ихъ надежда не сбылась, но Лука, быть можетъ, противъ воли, нанесъ искусству чувствительный ударъ, отъ котораго оно не могло долго оправиться: подъ влияніемъ его нововведеній обработка

¹⁾ Вазари считаетъ Луку изобрѣтателемъ упомянутого способа. Но искусство придавать глянecъ и твердость глянцѣ, какъ доказываетъ посуда разныхъ народовъ, было извѣстно еще египтянамъ, ассириянамъ, грекамъ и отчасти итальянцамъ среднихъ вѣковъ, именно жителямъ горъ Пезаро. Арабы также владѣли этимъ искусствомъ и передали его въ Испанію, откуда, вѣроятно, оно было заимствовано флорентинскими горшечниками. Заслуга Луки состоитъ только въ развитіи этого способа и въ примѣненіи его къ скульптурѣ (Labarte, Handbook of the arts of middle ages, p. 285, Lond. 1855). Лучшія изъ глѣбныхъ произведеній этого мастера находятся въ соборѣ и другихъ церквяхъ Флоренціи.

мрамора должна была постепенно придти въ упадокъ и уступить мѣсто лѣпному ремеслу. Подражатели Луки наполнили католическія церкви пестрыми и безобразными статуями, производящими на зрителей, большею частью, тяжелое впечатлѣніе. Въ наше время издѣлія дела-Роббіа цѣнятся высоко, особливо въ Англии. Но между ними встрѣчается множество неудачныхъ поддѣлокъ.

Развитіе зодчества и ваянія во Флоренціи въ первой половинѣ XV вѣка должно было подвинуть впередъ и живопись, которая со временъ Джіотто находилась въ застоѣ. Правда, великіе мастера, Гиберти и Брунеллески, сами мало занимались этою отраслью искусства и не усовершенствовали колорита; первый былъ только отличнымъ рисовальщикомъ; второй ограничился изученіемъ законовъ перспективы. Тѣмъ не менѣе Вазари приписываетъ имъ обоемъ большое вліяніе на новую школу флорентинскихъ живописцевъ, извѣстную подъ именемъ натуральной. Ея направленіе обнаружилось прежде всего и съ особенною силою въ работахъ *al fresco*.

Основателемъ этой школы считается Фіни, по прозванію Мазолино. Жизнь его, къ сожалѣнію, мало изслѣдована. По словамъ Вазари, онъ родился въ 1403 г. въ тосканскомъ городѣ Паникале, учился сначала мастерству золотыхъ дѣлъ у Гиберти, потомъ живописи у одного изъ послѣдователей Джіотто (Starnina), посѣтилъ Римъ и умеръ во Флоренціи, гдѣ ему поручено было расписать церкви *del Carmine* (1440). Эти біографическія свѣдѣнія отчасти дополнены, отчасти исправлены въ наше время съ помощью флорентинскихъ архивовъ. Оказывается, что Мазолино родился гораздо раньше (1383), былъ приглашенъ (1423) темешварскимъ гешпаномъ Филиппо Сколари (Pirro Spano) въ Венгрію, оттуда отправился въ Ломбардію и наконецъ возвратился во Флоренцію, гдѣ смерть прервала его работы надъ фресками въ церкви *del Carmine* въ 1430 г. ¹⁾ Кромѣ этихъ, едва начатыхъ, произведеній Мазолино, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, въ 1843 г. открыты, неподалеку отъ Комо, въ церкви и крещальнѣ городка Кастильоне (*Castiglione di olona*) подъ старую штукатуркою фрески съ надписью: *Masolinus de Florentia pinxit* ²⁾. На нихъ талантливою кистью изображены событія изъ жизни Богородицы, св. Стефана, св. Лаврентія и Крестителя. Авторъ, повидимому, старался больше всего прибли-

¹⁾ Документы, на которыхъ основаны эти новыя свѣдѣнія, разбираются подробно Кроу и Кавальказеллемъ. *New history of painting I, ch. XXIV, p. 499—518.*

²⁾ Подробное описаніе этихъ открытій можно найти у комментаторовъ Вазари. (*Ediz. Lemonnier, Firenze, 1848, III, 138.*)

заться въ природѣ въ постановкѣ группъ и ради этого одного пренебрегъ другими требованіями живописи. Рисунокъ его точенъ и доказываетъ старательное изученіе какъ анатоміи, такъ и перспективы; но композиція суха и монотонна въ цѣломъ; отдѣльныя части ея несоотвѣтствуютъ одна другой; фигуры не имѣютъ энергіи и холодны; жесты и движенія, такъ сказать, формальны; драпировка слишкомъ пышна и цвѣтиста (въ этомъ онъ подражалъ ломбардскимъ мастерамъ), головные уборы женщинъ тяжелы и безобразны, даже отдѣльные члены человѣческаго тѣла не всегда пропорціональны. Тѣмъ не менѣе Мазолино рѣзко отличается отъ ближайшихъ послѣдователей Джотто манерою и характеромъ; старыя преданія иконописи уже не тяготѣютъ надъ нимъ: лица у него не мрачны, не удлинены, но естественны и выразительны; позы спокойны, пронизаны достоинствомъ и граціею; тѣни правильны; краски умѣренны и гармоничны. Короче сказать, Мазолино довольно ясно и опредѣленно высказываетъ стремленіе къ натуральности. Гораздо дальше пошелъ ученикъ его, Томма Гвиди (1402 — 1430 г.), которому флорентинцы дали прозвище Мазаччіо. Жизнь этого гениальнаго мастера также мало извѣстна. Мы знаемъ только, что онъ терпѣлъ во Флоренціи большую крайность и сначала ѣздилъ въ Римъ по приглашенію одного кардинала, а потомъ бѣжалъ туда отъ долговъ и умеръ отъ яда, приготовленнаго, вѣроятно, завистливою рукою одного изъ товарищей¹⁾. Талантъ Мазаччіо былъ оцененъ впервые Брунеллески и Гиберти. Позднѣйшіе художники вполне признали приговоръ этихъ знатоковъ и копировали его произведенія. Манера и лучшіе типы Мазаччіо отражаются у Рафаэля, Леонарда да-Винчи и Микель-Анджело; даже въ нынѣшнее время онъ признается однимъ изъ первоклассныхъ мастеровъ флорентинской школы; писанныя имъ фрески, можно сказать, не имѣютъ себѣ подобныхъ. Въ церкви св. Климента, въ Римѣ, сохранились юношескіе опыты его чудной кисти, именно изображенія событій изъ жизни св. Еватеріны Алевсандрійской. Уже здѣсь можно наблюдать гармоническое сочетаніе группъ, глубокое знаніе анатоміи и перспективы, живость лицъ и выразительность движеній. Особенно поражаетъ простотою и правдою сцена, гдѣ представлена Еватеріна въ бесѣдѣ съ книжниками передъ императоромъ Максенціемъ. Дѣвственный образъ юной мученицы — чудо красоты

¹⁾ Унизительное прозвище Мазаччіо (по-русски оно значитъ: Томма) было ему дано, говорятъ, за невзрачную наружность и неопрятность. Онъ носилъ испачканное красками, почти нищенское, платье и, какъ говорятъ Вазари, также мало думалъ о себѣ, какъ и о мірѣ. Годы его рожденія и смерти въ точности неизвѣстны; онъ бѣжалъ изъ Флоренціи въ 1429 году.

и граціи; фигуры стариковъ исполнены характера и энергіи. Еще выше и совершеннѣе по композиціи фрески, которыми Мазаччіо украсилъ придѣлъ Бранкаччи въ церкви del Carmine во Флоренціи. Въ этихъ фрескахъ онъ является вполне самобытнымъ мастеромъ и отрываетъ новую, нигдѣмъ не тронутую, область творчества. Содержаніемъ ихъ служатъ, кромѣ грѣхопаденія, эпизоды изъ жизни св. Петра, именно крещеніе вѣрующихъ, повѣдь апостола, исцѣлѣніе калѣки у дверей храма, раздача милостыни Петромъ и Иоанномъ, лѣченіе больныхъ тѣми же апостолами, уплата подати Петромъ по повелѣнію Спасителя (съ портретомъ мастера) и воскресеніе царскаго сына. Последнюю картину критики признаютъ самою превосходною. Она была докончена, за смертію Мазаччіо, Филиппиномъ Липпи ¹⁾. Эти великія произведенія издавна обратили на себя вниманіе какъ художниковъ, такъ и знатоковъ искусства. Еще Вазари, опредѣляя значеніе Мазаччіо въ ряду флорентинскихъ мастеровъ, справедливо замѣчаетъ, что ему принадлежитъ открытіе или изобрѣтеніе правильной методы въ живописи. Разъ убѣдившись въ томъ, что ея задача должна состоять въ воспроизведеніи формъ и красокъ природы, онъ успѣлъ при помощи упорнаго труда совершенно освободиться отъ сухости, принужденности и другихъ недостатковъ школы Джіотто, создалъ кистью разнообразныя характеры и сообщилъ человѣческому тѣлу естественную живость, движеніе и выпуклость, о чемъ его предшественники вовсе не думали. Дѣйствительно, фигуры у Мазаччіо перестаютъ быть плоскими изображеніями въ пустомъ пространствѣ, но окружены атмосферою, выступаютъ изъ картины въ среду дѣйствительнаго міра, дышутъ и чувствуютъ, какъ люди, освѣщены и оттѣнены правильно, какъ бы натуральнымъ колоритомъ. Владѣя изумительнымъ даромъ творчества и композиціи, относясь къ дѣлу глубоко и серьезно, онъ стоитъ выше всѣхъ живописцевъ XIV-го стол. по мастерству выполненія. Забота о стройности и гармоніи цѣлаго соединена у него съ отчетливою разработкою подробностей; всѣ части картины соразмѣрены между собою; нигдѣ не видно ни малѣйшей изысканности и вычурности; во всемъ господствуетъ простота и спокойствіе. Тонкое чувство мѣры и строгій разборчивый вкусъ—отличительныя свойства, неизмѣнная принадлежность Мазаччіо. Онъ отвергаетъ прежній условный стиль драпировки и тяжелыхъ или пышныхъ складки, а

¹⁾ Ему же принадлежатъ остальные фрески, кромѣ одной, приписываемой Мазаччіо (крещеніе Таинъ). Критическое описаніе этихъ произведеній можно найти въ книгѣ Лейарда, изданной Эрнделевымъ обществомъ подъ заглавіемъ: the Brancacci chapel, Lond. 1868. Кроу и Казалькавелле также разбираютъ подробно жизнь и са-
слуги Мазаччіо. New history of painting I, ch. XXV, p. 519—550.

старается подмѣтить и обрисовать тѣлесныя формы подъ одеждою и любитъ изображать человѣка въ его природной красотѣ. Анатомія живого организма, линейная и воздушная перспектива ему одинаково доступны; основные законы послѣдней, въ то время еще не приложенныя къ живописи, онъ какъ-бы угадываетъ гениемъ. Чтобы вполне оцѣнить достоинства Мазаччіо, нужно разсматривать долго и пристально каждую группу, почти каждую фигуру на фрескахъ въ придѣлѣ Бранкаччи. Трудно передать словами впечатлѣніе, которое испытываетъ любитель искусства, созерцающій эти фрески. Больше всего удивляетъ способность мастера выражать на лицахъ чувства и помыслы души. Въ первый разъ онъ ловитъ кистью игру лица, легкое движеніе глазъ и другія, едва замѣтныя черты, которыми обозначается внутреннее состояніе человѣка. Въ примѣръ можно привести женщину, слушающую проповѣдь св. Петра; едва ли найдется въ живописи подобное изображеніе благоговѣйнаго вниманія. На другой картинѣ замѣчательнѣе нагой юноша, дрожащій отъ холода и готовый принять крещеніе. Эта фигура знакома русской публикѣ: она отчасти воспроизведена Ивановымъ въ явленіи Христа народу. Но самыя разнообразныя характеры Мазаччіо выводитъ въ воскресеніи царскаго сына. Здѣсь мы видимъ множество людей, находящихся подъ живымъ впечатлѣніемъ великаго событія. Изъ фізіономіи отражаетъ всѣ возможные оттѣнки изумленія, радости и восторга безъ малѣйшаго преувеличенія и театральности. Великій мастеръ не допускаетъ натянутой позы или притворнаго жеста, и остается вполне естественнымъ и вѣрнымъ реальному направленію флорентинской школы. Любовь къ правдѣ столько же одушевляетъ его, сколько Джіотто, и указываетъ ему разумныя границы свободы и творчества. Такая прямота и трезвость стремленій, такое отсутствіе всякаго разсчета на эффектъ даютъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи искусства. Неудивительно, что онъ долженъ былъ оставить по себѣ глубокіе слѣды и вызвать толпу подражателей. Но манера его не скоро сдѣлалась доступною; художникамъ нужно было потратить много силъ и труда, чтобы къ нему приблизиться. Къ тому-же онъ умеръ въ молодости и написалъ слишкомъ мало произведеній. Нельзя не пожалѣть, что нѣкоторые изъ нихъ истреблены временемъ¹⁾.

¹⁾ Вазари описываетъ съ восторгомъ разныя фрески Мазаччіо, теперь погибшія. Это не помѣшало ему, впрочемъ, воспользоваться разрѣшеніемъ герцога и безжалостно замалевать одну изъ нихъ, чтобы дать мѣсто произведенію собственной кисти. Впрочемъ, эта фреска отчасти уцѣлѣла и открыта недавно подъ штукатуркою въ монастырѣ св. Маріи (Novella). Она изображаетъ Троицу съ фигурами Богоматери и аистолоа Іоанна по бокамъ и, несмотря на неудачныя реставраціи, сохраняетъ высокую

Натурализмъ Мазаччіо удостоился и вполне заслуживаетъ названія классическаго. Но нужно согласиться, что, преслѣдуя строго свое направленіе, знаменитый живописецъ иногда увлекался въѣшнюю отдѣлкою картины, именно приносилъ въ жертву мысль формъ и сосредоточивалъ все вниманіе на томъ, чтобы придать выразительность головѣ, характеръ движеніямъ, стройность фигурамъ. Вообще онъ силенъ въ изображеніи обыкновенныхъ людей; его религиозные идеалы носятъ слишкомъ житейскій, такъ сказать, прозаическій типъ. Кромѣ того замѣтно, что онъ работалъ быстро, чаще подъ вліяніемъ минутнаго вдохновенія, чѣмъ обдуманнаго плана, что его сильная воля опережала дѣйствіе руки ¹⁾. Краски, которыми онъ пользовался, при всей прозрачности и нѣжности своихъ цвѣтовъ и тоновъ также далеки отъ совершенства. Правда, по тогдашнему времени его можно считать отличнымъ колористомъ въ живописи *al fresco*, но позднѣйшіе флорентинцы и Корреджіо стоятъ въ этомъ отношеніи гораздо выше. Наконецъ не слѣдуетъ забывать и того, что самая смѣлость рисунка и особенно перспективы Мазаччіо могла подать опасный примѣръ его подражателямъ. Къ счастью; еще при его жизни явились мастера, которые начали ревностно заниматься математикою и химіею живописи. Эти люди подвинули впередъ собственно технику искусства, что, конечно, составляетъ своего рода и не маловажную заслугу. Сюда принадлежитъ любимецъ Козьмы Медичи, Павелъ Уччелли (*Uccelli*, 1396—1479). Онъ, выбравъ предметомъ своей спеціальности перспективу и нашелъ себѣ руководителя — извѣстнаго математика Манетти. Тѣмъ не менѣе, перспектива, говорятъ, досталась съ трудомъ несчастному живописцу. Онъ проводилъ надъ ея изученіемъ цѣлыя ночи, терпѣлъ бѣдность и въ старости чуть не дошелъ до помѣшательства. Напрасно другъ его, Донателло, толковалъ ему, что онъ гоняется за призракомъ; Уччелли упорствовалъ и, нужно согласиться, превзошелъ современниковъ въ примѣненіи открытій

искусства. Въ церкви *del Carmine* должна находиться еще одна картина Мазаччіо, теперь застроенная стѣною. Есть надежда, что любители искусства убѣдятъ церковное начальство разобрать эту стѣну. Тамъ-же нѣсколько лѣтъ назадъ найдена подъ штукатуркою написанная кѣмъ-то группою монаховъ съ пейзажемъ вдаль. Лейардъ, Кроу и другіе знатоки приписываютъ ее Мазаччіо. Наконецъ въ Академіи ему принадежитъ одинъ запрестольный образъ, сильно поврежденный. Что касается до прочихъ картинъ, выдаваемыхъ за Мазаччіо въ европейскихъ музеяхъ, онѣ не могутъ считаться подлинными.

¹⁾ Этихъ недостатковъ очень трудно избѣжать въ живописи *al fresco*: она требуетъ отъ художника поспѣшности и не допускаетъ поправокъ въ такой степени, какъ другіе роды живописи.

науки къ своему искусству. Жаль только, что природа не дала ему творческаго таланта, а самъ онъ не овладѣлъ тайною колорита. Отъ него сохранилось мало произведеній, хотя, по словамъ Вазари, онъ росписалъ во Флоренціи нѣсколько церквей и дворцовъ. Не чувствуя особенной склонности къ религиозному творчеству, Уччелли охотно разрабатывалъ свѣтскіе сюжеты, стараясь больше о томъ, чтобы копировать дѣйствительную жизнь. Его справедливо считаютъ родоначальникомъ батальной живописи и однимъ изъ первыхъ жанристовъ, потому что онъ мастерски рисовалъ битвы, оружіе, сбрую, животныхъ и т. п., какъ въ обыкновенномъ видѣ, такъ и въ перспективѣ. Но человѣческія фигуры Уччелли, сравнительно съ фигурами Мазаччіо, кажутся плоскими, а лица безцвѣтными. Лучшимъ памятникомъ его искусства остаются фрески, уцѣлѣвшія въ монастырѣ св. Маріи (Novella), именно: потопъ и Ноево жертвоприношеніе. Здѣсь бросаются въ глаза мастерски измѣренныя разстоянія и сокращенія (раввурсы), и кромѣ того, новыя, трудныя и драматическія позы. Ни одинъ мастеръ прежняго времени не передавалъ такъ вѣрно и сильно ярость стихій и борьбу людей между собою, или съ природою. Въ Ноевомъ жертвоприношеніи поразительна, по смѣлости рисунка, нисходящая съ небесъ фигура Всевышняго.

Другой современникъ Мазаччіо (неизвѣстно, былъ ли онъ его ученикомъ, или только подражателемъ), Андрей дель-Кастаньо (Castagno, 1390 — 1457), поклонникъ Козьмы Медичи, считается болѣе посредственнымъ живописцемъ, нежели Уччелли, и принадлежитъ по манерѣ къ грубымъ реалистамъ. Но, несмотря на неправильность его рисунка и несовершенство колорита, въ немъ также замѣтно основательное знакомство съ перспективою. Кромѣ того, Вазари приписываетъ ему введеніе масляныхъ красокъ во Флоренцію и рассказываетъ по этому поводу слѣдующую легенду. Въ половинѣ XV вѣка (1451 г.) Андрею было поручено расписать фресками монастырь св. Маріи. Здѣсь-же, рядомъ съ нимъ, работалъ другой мастеръ, Доминикъ Венеціанскій. Сознывая свое ничтожество передъ этимъ сотрудникомъ, Андрей вкрался къ нему въ дружбу, выманилъ у него тайну употребленія масляныхъ красокъ и предательски убилъ его на улицѣ. Легенда Вазари была принята на вѣру, но въ послѣднее время подвергнута сомнѣнію. Изъ архивныхъ документовъ Флоренціи видно, что Доминикъ кончилъ свои фрески гораздо раньше, чѣмъ Андрей, и въ добавокъ пережилъ его четырьмя годами († 1461), хотя и не подлежитъ спору, что онъ зналъ, а, быть можетъ, и усовершенствовалъ способы составлять масляныя краски.

Вопросъ, откуда эти краски были первоначально заимствованы, долго служилъ предметомъ ученыхъ изслѣдованій. Вазари думаетъ, что старые итальянскіе мастера не знали масляныхъ красокъ. Напротивъ того Гиберти въ своей исторіи доказываетъ, что онѣ были извѣстны самому Джіотто (*lavorò a olio*), а Ченнини (1437) даже объясняетъ, какимъ образомъ слѣдуетъ ихъ накладывать на холстъ, на дерево и на металл. Впрочемъ, итальянцы, до времени Козьмы Медичи, не имѣли наклонности въ этому роду живописи, а разводили свои краски клеємъ, яичнымъ бѣлкомъ и водою. Собственно масляныя краски были улучшены Яномъ фанъ-Эйкомъ въ Бельгіи въ началѣ XV стол. Живя на сѣверѣ, въ суровомъ климатѣ, онъ долго придумывалъ и наконецъ открылъ, съ помощью эссенціи льняного сѣмени, вѣрный способъ сохранять колоритъ на картинахъ и придавать имъ свѣжую лакировку (1410 г.). Ученикъ его, Антонелло Мессинскій, заимствовалъ отъ него этотъ способъ. Впрочемъ, нѣтъ основанія думать, что фанъ-Эйкъ или его послѣдователи держали употребленіе масляныхъ красокъ въ глубокой тайнѣ. Самъ Антонелло пустилъ ихъ въ ходъ между венеціанскими художниками (Виварини, Беллини, Боргоньоне). Только во Флоренціи онѣ распространялись медленно. Но причиною тому была едва ли насильственная смерть Доминика, какъ думаетъ Вазари, а вѣроятнѣе, трудность отрѣшиться отъ стараго способа живописи, въ которому тамошніе мастера привыкли. Масляныя краски флорентинцы примѣняли постепенно сначала къ драпировкѣ и ландшафтамъ, а потомъ и къ отдѣлкѣ другихъ частей картины. Эти попытки можно наблюдать послѣ Доминика, на запрестольныхъ образахъ (*predella, gradino*) Певеллино (1422—57), уцѣлѣвшихъ въ разныхъ музеяхъ западной Европы. Живопись масляными красками, какъ мы увидимъ, усовершенствовалась съ технической стороны уже во второй половинѣ XV вѣка ¹⁾.

Учелли, Кастаньо и Доминика можно считать крайними приверженцами натуральной школы. Но они были людьми посредственныхъ дарованій и не пользовались въ обществѣ большимъ сочувствіемъ. Вазари говоритъ даже, что простой народъ испортилъ нѣсколько картинъ Андрея дель-Кастаньо, потому

¹⁾ Споръ объ открытіи и распространеніи масляныхъ красокъ можно считать теперь поконченнымъ. Изъ безчисленныхъ сочиненій, написанныхъ по этому поводу, наиболѣе интересны монографіи: Истлека, бывшаго директора лондонской галереи (*Materials for the history of oilpainting, 2 vols. Lond. 1869*), Суардо (*Sulla scoperta ed introduzione in Italia dell' odierno sistema di dipingere ad olio, Milano, 1858*) и Рэлеуса (его изслѣдованіе помѣщено во второмъ томѣ французскаго перевода книги Кроу, о старыхъ фламандскихъ живописцахъ. Врх. 1863).

что былъ оскорбленъ его грубымъ и наглымъ обращеніемъ съ религіозными сюжетами. Самъ Мазаччіо не успѣлъ произвести вѣрной реформы во всѣхъ родахъ живописи, а только положилъ основаніе новому направленію въ работахъ (al fresco) и умеръ слишкомъ рано, непонятый современниками. Между тѣмъ, была область, куда его нововведенія проникали съ трудомъ, гдѣ во всей силѣ держались преданія, именно область иконописи, мозаики и миниатюрныхъ издѣлій. Пока религія господствовала надъ умственной, нравственной и сердечною жизнью флорентинскаго народа, благочестивыя души желали видѣть въ художникѣ выраженіе своихъ задушевныхъ думъ и стремленій. Мазаччіо, какъ свѣтскій человѣкъ, не могъ вполне удовлетворить этимъ народнымъ требованіямъ. Онъ обратилъ вниманіе въ своихъ произведеніяхъ болѣе на внѣшнюю, такъ сказать, историческую сторону религіи, мало коснулся внутренней ея стороны. Въ этомъ обильномъ родникѣ черпали вдохновеніе монахи; между ними должны были раньше, или позже, явиться даровитые мастера. Художественныя школы, основанныя еще въ средніе вѣка при разныхъ монастыряхъ Италіи, не переставали трудиться. Такъ бенедиктинцы въ Монтекасино оживили упадавшую мозаику; доминиканцы много сдѣлали для церковнаго зодчества. Но съ особеннымъ усердіемъ занимались почти всѣ духовные ордена миниатюрными работами и расписываніемъ церковныхъ книгъ. Во Флоренціи этимъ искусствомъ славилась камальдольская община; въ ней принадлежалъ въ началѣ XV вѣка замѣчательный иконописецъ, по имени Лаврентій (Logeпо Мопасо); его манера сильно напоминаетъ учениковъ Джотто. Около того же времени изъ школы миниатюристовъ вышелъ гениальный художникъ, Фра Беато Анжелико¹⁾.

Фамилія этого мастера неизвѣстна. Онъ родился въ 1387 г., недалеко отъ Флоренціи, въ селеніи Вилкю, носилъ имя Гвидо и, будучи еще двадцати лѣтъ отъ роду, записался послушникомъ въ доминиканскомъ монастырѣ городка Фьезолѣ. По принятіи монашескаго обѣта, ему было дано имя Джіованни. Зналъ ли онъ живопись съ дѣтства, рѣшить трудно. По всей вѣроятности, монахи дали ему окончательное воспитаніе. Но онъ не долго оставался въ Фьезолѣ, потому что доминиканцы переселились изъ этого города въ Кортону. Сюда, на южныя границы Тосканы,

¹⁾ Доказательствомъ тому служатъ, кромѣ иконъ, иллюминированныя книги этого мастера. Онѣ относятся, вѣроятно, къ произведеніямъ его молодости и довольно рѣдки. Кромѣ монастыря св. Марка, ихъ можно найти въ ризницахъ флорентинскаго и сіенскаго соборовъ.

послѣ Джіотто, рѣдко приходили флорентинскіе мастера. Фра Беато увидѣлъ передъ собою произведенія иной школы, занесенной, какъ мы упоминали, политическими бурями изъ Сіены. Путешествуя по городамъ Умбріи: Губбіо, Фолиньо, Ассизи и Перуджіи, Фра Беато, вѣроятно, познакомился съ тамошними мастерами. Между ними въ то время славились: Октавіанъ Нелли и Джентиле Фабріано (Gentile da Fabriano). Ихъ направленіе не имѣетъ ничего общаго съ направленіемъ Мазаччіо. Они мало изучали анатомію, не заботились о выпуклости формъ и были далеки отъ натурализма. Типы у этихъ иконописцевъ однообразны, рисунки большею частью неправильны; позы и жесты неловки или натянуты; но за то они не имѣли соперниковъ въ изображеніи молитвы и благоговѣнія на лицахъ, рисовали съ неподражаемою прелестью женскія и дѣтскія головки, отличались нѣжнымъ колоритомъ и тонкимъ изяществомъ въ отдѣлкѣ украшеній. Вліяніе этой школы, до нѣкоторой степени, отразилось на Фра Беато: онъ заимствовалъ у ней свое идеальное, исключительно религіозное направленіе. Въ доказательство можно привести первые его образа и фрески, сохранившіяся, хотя и въ поврежденномъ видѣ, въ Кортонѣ и Перуджіи. Но и въ этихъ произведеніяхъ неопытной, еще робкой кисти, замѣтно вліяніе Джіотто и Органьи, которому мастеръ подчинился вѣроятно въ молодости. Возвратившись въ Фьезоле (1418), Фра Беато вполне преданъ творчеству и сдѣлался самобытнымъ художникомъ. «Здѣсь, на высокомъ холму, въ виду Флоренціи,— говоритъ одинъ изъ его біографовъ, Марвезе,— началъ онъ разсыпаться благоуханные цвѣты своего вдохновенія, собранные, какъ будто, въ раю, затворился въ келью отъ языческихъ модъ, ересей, расколовъ и волненій тогдашняго общества, создалъ для себя внутренній міръ и населилъ его ангелами, героями и святыми, съ которыми попеременно бесѣдовалъ, молился и плакалъ». Такъ прошло восемнадцать лѣтъ; въ 1436 г. отерлось новое, широкое поприще для его дѣятельности: по ходатайству Козьмы Медичи, доминиканцевъ перевели во Флоренцію въ монастырь св. Марка. Микелоцци было поручено отстроить, а Фра Беато украсить фресками новую обитель. Въ 1442 г., папа Евгений IV пріѣхалъ освящать ее и, по окончаніи этого торжества, пригласилъ смиреннаго монаха въ римскому двору ¹⁾. Впослѣдствіи

¹⁾ Папа Евгений IV, предлагалъ ему также мѣсто архіепископа во Флоренціи. «Я не чувствую въ себѣ способности управлять людьми,—возразилъ Фра Беато,—но могу указать вашему святѣйшеству на одного монаха въ нашей обители. Онъ — искренній другъ бѣдныхъ, человекъ умный, ученый, благочестивый, и вполне достоинъ этого сана. Его назначеніе принесло бы пользу церкви». Это былъ известный въ

Фра Беато ѣздилъ въ Орвіето расписывать тамошній соборъ, но скоро опять былъ отозванъ Николаемъ V для украсенія Ватиканской его капеллы и умеръ въ Римѣ (1455 г.).

Небогатая виѣшними событіями, посвященная всецѣло искусству, жизнь Фра Беато протекла мирно и безмятежно. Ни одному художнику простой народъ не высказывалъ такого сочувствія, какъ ему. Онъ слылъ между товарищами и во Флоренціи подъ именемъ праведника, блаженнаго (beato) или ангельскаго (angelico) и, дѣйствительно, вполне былъ достоинъ этой репутаціи. Въ цѣлой исторіи искусства трудно кого-нибудь съ нимъ сравнивать. Вазари, критикъ, жившій во времена упадка религіозной живописи и, вообще, скупой на похвалы старымъ ея мастерамъ, не находитъ словъ для выраженія своего восторга отъ Фра Беато, и думаетъ, что «такіе безсмертные образы красоты нельзя приписывать одному таланту, или минутному вдохновенію, что создать ихъ могъ только человекъ, исполненный вѣры, любви и мира!» Дѣйствительно, личный характеръ Фра Беато вполне соответствовалъ его идеальнымъ произведеніямъ. Душа его была чиста и возвышенна, какъ душа первыхъ христіанъ: она не знала низкихъ помысловъ; на нее не дѣйствовали соблазны, окружающіе художника даже въ лучшія времена. Вотъ какъ описываетъ Вазари этого единственнаго, неподражаемаго изъ мастеровъ флорентинской школы: «Фра Беато былъ простъ, наивенъ и набоженъ до такой степени, что, когда папа пригласилъ его завтракать, не рѣшился ѣсть мяса безъ благословенія настоятеля, забывъ о верховной власти первосвященника, — чуждался свѣтскихъ развлеченій и всю жизнь столько помогалъ бѣднымъ, что душа его, мнѣ кажется, должна быть на небѣ. Онъ писалъ почти безъ отдыха, исключительно религіозныя картины. Онъ могъ бы нажить состояніе, но презиралъ деньги и говорилъ, что истинное богатство заключается въ довольствіи; онъ могъ бы приобрести высокій санъ, но не хотѣлъ, полагая, что повиновеніе легче власти и не влечетъ за собою такой отвѣтственности за ошибки. Да и нужны ли ему были какія-нибудь почести на землѣ, когда онъ думалъ о небѣ и признавалъ отличія или достоинства между людьми только въ будущей жизни? Кроткій и трезвый, онъ хранилъ цѣломудріе, будучи убѣжденъ, что живописуя подвиги Спасителя, нужно пребывать съ нимъ, — никогда не ссорился съ братьями (качество, по моему мнѣнію, недостижимое!) и дѣлалъ имъ увѣщанія съ

исторіи западной церкви Антонинъ. Папа послѣдовалъ совѣту художника и поручилъ его избраннику духовную паству во Флоренціи.

улыбкой. Если въ нему являлись заказчики, онъ съ ними не торговался, а отсылалъ ихъ въ настоятелю и съ его благословенія садился за работу, какъ слуга церкви. Вообще этотъ отецъ былъ, и на словахъ и на дѣлѣ, образцомъ смиренія и непритязательности. Неудивительно, что у него святые больше похожи на святыхъ, чѣмъ у другихъ художниковъ. Между тѣмъ, полагаясь на талантъ, полученный имъ отъ воли божіей, онъ никогда не поправлялъ своихъ фигуръ и не трогалъ однажды законченной картины. Говорятъ даже, будто онъ не брался за кисть, не сотворивъ молитвы, а когда писалъ распятаго Спасителя, не могъ воздержаться отъ слезъ и рыданій. Вотъ почему высокая и теплая вѣра христіанина горитъ и блистаетъ на картинахъ этого мастера ¹⁾. Произведенія Фра Беато довольно многочисленны и разсѣяны, кромѣ городовъ средней Италіи, по картиннымъ галереямъ Англіи, Франціи и Германіи. Особенно замѣчательны его фрески въ залахъ, кельяхъ и корридорахъ монастыря св. Марка во Флоренціи. Здѣсь путешественникъ находитъ: благовѣщеніе, поклоненіе волхвовъ, вѣнчаніе Богоматери, посѣщеніе гроба и нѣсколько распатій; фрески эти такъ свѣжи, какъ будто недавно оюнчены. Трудно найти человѣка, который бы не поддался ихъ обаянію. Каждая картина безподобнаго мастера есть живописная молитва и влечетъ къ себѣ даже холоднаго скептика, какъ свѣтлое воспоминаніе дѣтства, или сладкое видѣніе юности. По вѣрному замѣчанію Гримма, есть что-то эфирное, неземное въ кисти Фра Беато. Особенно удавались ему лица ангеловъ и праведниковъ: выраженіе ихъ неумовимо и не можетъ быть передано въ копіи самымъ искуснымъ художникомъ нашего времени; ни Рафаэль, ни Леонардо не произвели ничего въ этомъ родѣ. Тоже нужно замѣтить о его Мадоннахъ: одна изъ нихъ прекраснѣе другой и каждая носить дѣвственный, непорочный образъ. Но самый обильный источникъ вдохновенія для Фра Беато представляло распатіе. При разработкѣ этого предмета онъ обнаружилъ не только самостоятельность, но какую-то чрезвычайную силу, именно изобразилъ въ чертахъ Христа не страданіе, а преданность челоувѣчеству и полную поворность судьбѣ. Высокій подвигъ искупленія должно быть, глубоко трогалъ Анджелико и настроилъ его кисть къ недосягаемому творчеству. Онъ, можно сказать, создалъ въ искусствѣ идеаль самопожертвованія. Замѣчательно, что для своего

¹⁾ По словамъ Маркеше, новаго біографа Фра Анджелико, Вазари заимствовалъ подробности этой характеристики у людей, которые коротко знали смиреннаго монаха и вмѣстѣ съ нимъ работали.

идеала вдохновенный мастеръ умѣлъ найти художественныя формы и слегка склонивъ голову Христа, сообщилъ его тѣлу самыя пропорціональныя размѣры и естественное положеніе. Джіотто, при всемъ строго-религіозномъ характерѣ его распятій, не выдержитъ сравненія съ Фра Беато. Позднѣйшая исторія живописи также не представляетъ подобныхъ образцовъ. Новыя, трагическія стороны этого предмета были открыты испанскимъ живописцемъ Веласкесомъ, да отчасти Рубенсомъ и фанъ-Дейкомъ, но кротость на челѣ Иисуса не изобразилъ никто съ такимъ совершенствомъ. Одна нѣжная душа Мурильо могла въ нѣкоторой степени приблизиться къ Фра Беато и освѣтить небесный ликъ Распятаго золотистымъ свѣтомъ.

Что касается до иконъ Анджелико, онѣ стоятъ далеко ниже стѣнной его живописи, и сильно напоминаютъ манеру Джіотто, несмотря на оригинальность и тщательность въ отдѣлкѣ подробностей. Здѣсь мы видимъ передъ собою византійскаго миниатюриста съ его односторонними качествами и привычками. Нужно замѣтить, впрочемъ, что на многихъ иконахъ больше стерлись краски, чѣмъ на фрескахъ, и самыя лица сильно пострадали. Главныя недостатки этихъ произведеній—неправильность рисунка и однообразіе въ постановкѣ фигуръ; мысль о впечатлѣніи на зрителя или о такъ-называемомъ эффектѣ, кажется, вовсе не приходила въ голову Фра Беато. Онъ не обдумывалъ композиціи, не рассчитывалъ математически размѣровъ иконы, даже не опредѣлялъ предварительно всѣхъ подробностей, разрабатывая свою тѣму. Анатомія и перспектива также ему неизвѣстны: онъ считалъ грѣхомъ смотрѣть на наготу. Все его вниманіе какъ будто сосредоточено на человѣческомъ лицѣ и слабѣетъ при переходѣ къ другимъ частямъ тѣла. Онъ не даетъ своимъ фигурамъ выпуклой формы; не освѣщаетъ и не отдѣняетъ ихъ ученымъ образомъ, какъ Мазаччіо, даже не стремится быть вѣрнымъ природѣ съ формальной стороны. Наконецъ Фра Беато рѣшительно не умѣетъ передавать темныя побужденія и пороки человѣка. Это замѣтно у него отчасти на фрескахъ, а еще болѣе на иконахъ. Въ доказательство можно привести страшный судъ, который онъ, повидимому, любилъ изображать. Въ академіи художествъ, во Флоренціи, сохранилась одна изъ многочисленныхъ его картинъ въ этомъ родѣ; на ней можно наблюдать только дѣтскую невинность, безпристрастіе и простодушіе великаго художника. Помѣщая въ аду цѣлыя толпы папъ и монаховъ, онъ ставитъ своихъ грѣшниковъ въ странныхъ и смѣшныхъ, чтобы не сказать, уродливыхъ позахъ. Вообще Фра Беато великъ и недосягаемъ среди небесныхъ группъ, въ кругу анге-

ловъ и праведниковъ; но, спускаясь въ обыденную жизнь, часто рисуетъ, самъ того не зная, каррикатуры. Тѣмъ удивительнѣе, что этотъ человѣкъ, при всей своей отсталости отъ современной манеры, при рѣзкихъ неровностяхъ кисти и очевидныхъ ошибкахъ въ технику, достигъ въ религіозной живописи такого, завиднаго для всѣхъ художниковъ, совершенства. Должно быть, много значить самородный талантъ и неподдѣльное вдохновеніе! Ни того, ни другого, къ несчастію, не можеть подарить наука. На свѣтѣ нѣтъ школъ, гдѣ бы людямъ открывали тайну творчества; даже въ лучшія времена рѣдко рождаются мастера, искренно преданные своему дѣлу и способные обливать картину святыми и чистыми слезами, какъ Фра Анджелико. Дюжинный, промышленный художникъ чаще плачетъ отъ неудачи и оскорбленнаго самолюбія, чѣмъ молится отъ глубины сердца, сознавая свое безсиліе и благоговѣя передъ величіемъ предмета.

Въ ватиканскомъ дворцѣ, недалеко отъ сикстинской капеллы, украшенной могучею кистью Микель-Анджело, есть небольшая моельня папы Николая V; Фра Беато, уже будучи старикомъ, расписалъ ее фресками. Какой контрастъ между этими двумя художниками! Одинъ терзаетъ душу страшными образами, исторгнутыми у природы; другой затрогиваетъ человѣческія чувства и даетъ взволнованному воображенію желанный миръ. Фрески Анджелико, посвященныя событіямъ изъ жизни св. Лаврентія и первомученика Стефана, довольно сходны по содержанію. Двѣ, лучшія изъ нихъ, изображаютъ раздачу милостыни. Трудно описать неподражаемую прелесть нищенскихъ группъ на этихъ картинахъ. Между тѣмъ какъ Мазаччіо, работывая подобный сюжетъ въ придѣлѣ Бранчаччи, видимо желалъ сгладить непріятное впечатлѣніе рубищъ и далъ своимъ бѣднякамъ величественныя или смѣлыя позы, Фра Беато рисуетъ бѣдность просто, какъ она есть, только безъ грязи. Нѣкоторые его фигуры доказываютъ, что онъ умѣлъ подмѣтить и ту застѣнчивую скромность, которая стыдится просить, и ту нѣмую благодарность, что лучше всякихъ словъ и поклоновъ. Вообще, кисть Фра Беато не ослабѣла въ старости; видно даже, что въ концѣ жизни онъ нѣсколько подвинулся впередъ, именно: усовершенствовалъ свою перспективу и началъ обдумывать сложныя композиціи.

Въ той-же моельнѣ есть его картина, на которой толпа народа, слушающая проповѣдь св. Стефана, разбѣжена мастерами, какъ у лучшихъ послѣдователей натуральной школы. Не менѣе выразительна фигура самого проповѣдника.

Могла Фра Беато находится въ Римѣ, въ одномъ изъ корридоровъ церкви *Марія sopra Minerva*. Папа Николай V самъ

поставилъ ему скромный памятникъ и сочинилъ надгробную надпись, которая вѣрно и трогательно напоминаетъ христіанскіе подвиги несравненнаго мастера: «Не въ томъ моя слава,— гласитъ эпитафія,— что былъ я вторымъ Апеллесомъ, а въ томъ, что всѣ заработки твоимъ, Христе, бѣднякамъ отдавалъ; одни мои дѣла на землѣ, другія на небѣ. Имя мнѣ Іоаннъ; пришелъ я изъ города, чтó цвѣтетъ въ Этруріи ¹⁾».... Здѣсь-же, на камнѣ вырѣзана монашеская фигура старика въ доминиканскомъ костюмѣ, а подь нею начальными буквами помѣчено, чей здѣсь покойтся прахъ. Въ самой церкви стоитъ прекрасный образъ Благовѣщенія, на золотомъ фонѣ, напоминающій божественную вистъ Фра Беато. Онъ писанъ, по всей вѣроятности, его ученикомъ Беноццо Гоццолі, который тогда былъ вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ въ Римѣ.

Другихъ послѣдователей Анджелико почти не имѣлъ во Флоренціи: тамъ приобрѣла вѣсь въ то время натуральная школа, основанная Мазаччіо. Самъ Беноццо подчинился мало-по-малу ея вліянію и вмѣстѣ съ этимъ утратилъ эстетическое чувство, несмотря на то, что работалъ больше для Умбріи, чѣмъ для родного города. Вообще, въ произведеніяхъ этого подражателя Фра Беато господствуетъ неудачный, можно сказать даже, уродливый эклектизмъ: изображенія ангеловъ и святыхъ онъ нерѣдко заимствуетъ у Анджелико; въ постановкѣ обыкновенныхъ группъ и фигуръ старается подражать натуралистамъ. Небрежность рисунка и поспѣшность работы, повидимому, сильно вредила Беноццо. Переживъ своего наставника, онъ, подобно ученикамъ Рафаэля, съ каждымъ годомъ падалъ и наконецъ дошелъ до посредственности. Только первыя его произведенія носятъ на себѣ какой-то отблескъ красоты и замѣчательны богатствомъ

¹⁾ Non mihi sit laudi quod eram velut alter Apelles,
Sed quod lucra tuis (pauperibus?) omnia, Christe, dabam:
Altera nam terris opera extant; altera coelo,
Urbs me, Johannem, flos tulit Etruriae.

Кромѣ Вазари жизнь и художественная дѣятельность Фра Беато превосходно описана Маркезе въ его: *Memorie dei più insegni pittori, scultori e architetti Dominicani*: Firenze, 1845, I, 172. Извлеченія изъ этой книги можно найти въ статьѣ г. Чижова (*Русская Бесѣда*, 1866, кн. IV). Жаль только, что г. Чижовъ присоединилъ къ біографіи Анджелико свои разсужденія, направленные противъ западной живописи вообще, и начерталъ славянофильскую теорію искусства, въ силу которой художники должны смиренно подражать византійскимъ иконописцамъ и навсегда отречься отъ личнаго творчества, во имя преданій старины. Эта теорія понятна, конечно, немногимъ избраннымъ, для которыхъ и предназначена. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще, что критическая статья Ферстера о Фра Анджелико переведена на русскій языкъ въ Уваровскомъ сборникѣ московскаго общества любителей художествъ.

воображенія; прочія могутъ интересовать любителей искусства развѣ нѣкоторыми подробностями. У Беночцо, напр., видна тщательная отдѣлка ландшафта и встрѣчаются трудныя анатомическія позы.

Совершенную противоположность по личному характеру и художественному направленію съ Фра Беато, представляетъ другой живописецъ изъ монаховъ, Филиппъ Липпи (1412—69). Жизнь его полна соблазнительныхъ приключеній и не дѣлаетъ чести правамъ тогдашняго духовенства. Оставшись съ дѣтства сиротой, онъ былъ призрѣнъ въ монастырѣ del Carmine, поступилъ въ число братіи, не чувствуя къ тому ни малѣйшаго призванія, и скоро обнаружилъ самыя развратныя наклонности. Церковныя власти смотрѣли севозъ пальцы на его поведеніе, благодаря покровительству, которое оказывали ему Медичи. По словамъ Вазари, въ молодости онъ удачно подражалъ Мазаччіо; но эти произведенія не сохранились до нашего времени. Съ семнадцати лѣтъ Липпи бросилъ мастерскую и принялся за самостоятельныя работы. Легкость и нѣжность кисти въ соединеніи съ блестящимъ колоритомъ вполне объясняютъ причины сочувствія къ нему въ высшемъ флорентинскомъ обществѣ. Подобно Фра Беато, онъ избиралъ исключительно предметы религіознаго содержанія, но смотрѣлъ на нихъ вовсе не съ идеальной точки зрѣнія, а глазами свѣтскаго и притомъ веселаго человѣка. Особенно нравились публикѣ его Мадонны, подъ видомъ которыхъ онъ изображалъ извѣстныхъ въ городѣ красавицъ, драпируя ихъ въ великолѣпныя одежды. Между ними одна носитъ на себѣ черты молодой бѣлицы, Лукреціи Бути, которую Липпи безстыдно похитилъ изъ женскаго монастыря въ гор. Прато, гдѣ расписывалъ церкви. Напрасно настоятельница и сестры обители пытались отнять эту дѣвушку у развратнаго монаха. Онъ вступилъ съ нею въ открытую связь, выхлопоталъ было черезъ Медичи у папы разрѣшеніе оставить духовное званіе и жениться, но потомъ раздумалъ и бросилъ свою жертву, когда она ему надоѣла. По словамъ біографовъ, любовныя интриги и приключенія Липпи безпрестанно подавали поводъ къ скандаламъ. Нѣсколько разъ онъ былъ принужденъ скрываться отъ грозившей ему мести и побоевъ у друзей своихъ Медичи, которые, забавляясь его остротами, вмѣстѣ съ тѣмъ удерживали его отъ излишествъ. Наконецъ необузданная натура довела Липпи до гибели: онъ былъ отравленъ въ Сполето родственниками одной, обольщенной имъ, женщины. Незаконный его сынъ, Филиппино, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ живописцевъ второй половины XV вѣка. Самыя интересныя

фрески Липпи сохранились въ соборной церкви гор. Прато. Предметомъ ихъ служатъ событія изъ жизни Іоанна Крестителя и первомученика Стефана. Эти произведенія, несмотря на изящныя формы и свѣжесть колорита, не возбуждаютъ религіознаго или нравственнаго чувства въ зрителѣ: фигурамъ праведниковъ Липпи еще придаетъ энергію и нѣкоторое величіе; но женскія лица изображаетъ чувственными и пошлыми. Грубыя наклоности мастера, быть можетъ, невольнo отразились на этихъ лицахъ. Преданіе говоритъ, что подъ чертами пляшущей Иродіады скрывается извѣстная Лукреція, а подъ видомъ ангеловъ представлены ея поклонники, шаловливые молодые люди. Бромѣ того Липпи помѣстилъ на фрескахъ, для потѣхи толпы, портреты тосканскихъ воровъ и разбойниковъ. Во всемъ этомъ высказывается реальный и даже юмористическій взглядъ мастера на искусство. Если бы Липпи избралъ не церковь, а другое мѣсто для своей дѣятельности и сюжеты изъ области жанра, подобное направленіе было-бы понятно и законно. Но самые крайніе защитники свободы творчества согласятся, что художникъ долженъ обуздывать свою фантазію уваженіемъ къ религіознымъ вѣрованіямъ, когда онъ дѣлаетъ ихъ главнымъ предметомъ и цѣлью творчества, или обязанъ по крайней мѣрѣ сообразоваться съ желаніями и понятіями вѣрующихъ, для которыхъ онъ работаетъ. Въ этомъ смыслѣ Липпи нерѣдко выходилъ изъ границъ церковной живописи и давалъ большой простор своимъ личнымъ прихотямъ. Какъ любимцу Медичи, ему, разумѣется, все прощалось. Вѣроятно, отъ него ведетъ начало школа художниковъ, поставляющихъ главную задачу искусства не въ служеніи народу, а въ потворствѣ эпикурейскимъ наклоностямъ зажиточныхъ классовъ. Поданный имъ дурной примѣръ оказался не слишкомъ вреднымъ для Флоренці только потому, что тамошняя публика, имѣя передъ собою высокіе образцы Мазаччіо и Фра Беато, могла устоять противъ опаснаго соблазна. Позже и въ другихъ мѣстахъ Липпи нашелъ цѣлыя толпы усердныхъ подражателей. Въ чистую область религіознаго искусства мало-по-малу была занесена грязная примѣсь чловѣческихъ слабостей и пороковъ. Еще болѣе приобрѣли значеніе такъ-называемые скоромные сюжеты въ живописи свѣтской. Впрочемъ, Липпи не всегда увлекался крайностями грубаго реализма. Многія изъ его произведеній были, вѣроятно, написаны въ свѣтлые промежутки и безъ грѣшныхъ мыслей; другія утратили, по крайней мѣрѣ, для насъ свой шуточный характеръ. Съ технической стороны этотъ мастеръ очень эффектенъ, краски его нѣжны, очертанія тонки, только движенія и позы

нѣсколько жеманны. Эти качества можно замѣтить и на послѣднихъ его фрескахъ въ Сполетскомъ соборѣ. Любимый ученикъ Липпи, Боттичелли, заимствовалъ у него, какъ достоинства, такъ и недостатки, именно: изящный колоритъ въ соединеніи съ манерностью и кокетствомъ.

Изъ великихъ художниковъ, по словамъ Вазари, Микель-Анджело особенно цѣнилъ талантъ Липпи, подражалъ ему въ драпировкѣ женскихъ фигуръ и даже воспроизвелъ нѣкоторые его типы.

Филиппомъ Липпи заканчивается длинный рядъ флорентинскихъ мастеровъ первой половины XV вѣка. Трудно отрицать блестящія дарованія и заслуги этихъ людей: они быстро продвинули впередъ почти всѣ отрасли искусства и притомъ въ разныхъ направленіяхъ; каждый изъ нихъ стремился въ самостоятельности и передалъ ученикамъ что-нибудь новое. До конца пройденнаго періода флорентинская школа была совершенно чужда рутинѣ и не носила на себѣ того неизмѣннаго, мѣстнаго или національнаго типа, которымъ запечатлѣлись рано другія школы. Въ произведеніяхъ Альберти и Брунеллески, Гиберти и Донателло, Анджелико и Мазаччіо замѣтно мало сходства. Они не подражали другъ другу, но трудились по внушенію собственнаго таланта, заимствуя у наставниковъ основные техническіе приемы, да немногіе, лучшіе образцы. Такая свобода творчества встрѣчается рѣдко въ исторіи и возможна только при самыхъ благоприятныхъ для него условіяхъ. Эти условія счастливо соединились во Флоренціи, когда, достигнувъ политическаго и промышленнаго первенства надъ другими общинами Тосканы, она сдѣлалась средоточіемъ итальянскаго просвѣщенія. Художественные центры, какъ извѣстно, возникаютъ большею частью помимо воли правительствъ и не во всякомъ столичномъ, торговомъ или приморскомъ городѣ. Дворъ, аристократія и богачи еще не могутъ создать той нравственной и общественной атмосферы, которая производитъ и питаетъ великихъ мастеровъ. Правда, въ этой избранной средѣ дарованіе вызываетъ, какъ всякая новинка, мимолетное удивленіе и горячее любопытство; но, когда пройдетъ первый порывъ восторга, она становится къ нему совершенно равнодушною. Трудъ въ ея глазахъ есть презрительное достоиніе бѣдности, вполне вознаграждаемое деньгами; произведенія кисти и рѣвца служатъ для нея больше забавою, чѣмъ потребностью; въ водчествѣ она ничего не ищетъ, кромѣ удобства и паружнаго блеска. Гдѣ люди исключительно

поклоняются породѣ, капиталу и другимъ, болѣе случайнымъ, преимуществамъ, тамъ еще нѣтъ теплаго мѣста или приволья ни для искусства, ни для умственной жизни вообще. Только народъ свободный и просвѣщенный во всѣхъ его слояхъ, отъ высшихъ классовъ до низшихъ, способенъ глубоко уважать талантъ и трудъ, настроить къ постоянной дѣятельности мысль и фантазію, пробудить вдохновеніе и творчество. Такими именно качествами отличалась флорентинская публика XIV и XV стол. Большинство ея состояло изъ людей, которые сами возвысились личными способностями и трудомъ, а потому цѣнили не столько знатность и мертвые капиталы, сколько предпримчивость и энергію. Праздность тогда не была терпима во Флоренціи; роскошь преслѣдовалась обычаями и строгими законами; богачи и бѣдняки вели жизнь рабочую. Неудивительно, что искусство нашло для себя самый надежный пріютъ и главный питомникъ въ этомъ городѣ. Сами мастера чувствовали къ нему невольное влеченіе и любовь. Имъ было веселѣе и отраднѣе дышать здѣсь, чѣмъ въ другихъ городахъ, гдѣ они испытывали пустоту и одиночество. Поселяясь среди свободнаго и развитаго народа, они слышали обо всемъ, что происходило великаго на свѣтѣ, бесѣдовали съ мыслящими людьми объ искусствѣ и наукѣ и слѣдовательно шли въ уровень съ вѣкомъ. Флорентинская публика относилась съ терпимостью и радушіемъ во всѣмъ талантамъ, позволяла высказаться каждому направленію, ни у кого не отнимала ни средствъ къ дѣятельности, ни надежды на успѣхъ. Ей не приходило въ голову стѣснять или опутывать вдохновеніе и творчество нелѣпыми требованіями такъ-называемаго господствующаго вкуса. При всей подвижности своего характера, флорентинцы не поклонялись модѣ, не имѣли претензій давать тонъ или манеру, предписывать какіе-нибудь законы и правила изящнаго, выдуманнные педантами, и были чужды капризовъ и припадковъ, свойственныхъ избалованнымъ аристократамъ и деспотамъ. Напротивъ того, они владѣли, какъ истинные знатоки и любители искусства, всѣми качествами, необходимыми для здоровой и полезной критики, именно: соединяли справедливость съ доброжелательствомъ, отгадывали тонкимъ чутьемъ размѣры каждаго дарованія и усердно заботились о томъ, чтобы оно не сбилось съ прямой дороги и не вышло изъ своихъ границъ. Слава въ этомъ городѣ не пріобрѣталась даромъ, безъ усилій, но и не терялась безъ вины, по прихоти и произволу публики; художественное произведеніе не принималось на вѣру, не цѣнилось на обумъ, по первому впечатлѣнію толпы, но обсуживалось съ толкомъ, при участіи опытныхъ, свѣдущихъ и безпристрастныхъ

людей. Имѣя передъ собою еще съ давнихъ временъ разнохарактерные образцы зодчества, ваянія и живописи, флорентинцы могли сопоставлять, сравнивать и взвѣшивать достоинства и недостатки каждаго мастера. Обмануть и подкупить ихъ ложными признаками или блесками превосходства было невозможно. Нигдѣ мастерамъ не приходилось слышать противъ себя столько насмѣшекъ и злыхъ остротъ, какъ во Флоренціи; но на ряду съ шутками и гораздо въ большемъ количествѣ расходились по городу умныя замѣчанія и разборчивые приговоры. Мастера нерѣдко испытывали на себѣ скарденость вупечества, даже сносили отъ черни и уличныхъ мальчишекъ непріятныя прозвища за свои ошибки и неудачи, но, если производили что-нибудь великое, смѣло рассчитывали на успѣхъ. Флорентинскій народъ привѣтствовалъ созданія геніальныхъ людей общимъ и неподдѣльнымъ восторгомъ. Этотъ восторгъ выражался стихотвореніями, лавровыми вѣнками, праздниками, торжественными процессіями, и, что всего дороже — искреннимъ участіемъ къ дальнѣйшей судьбѣ и дѣятельности художника ¹⁾. Однажды составивъ себѣ имя и репутацію, онъ могъ смѣло идти впередъ: завистливая посредственность боялась вести противъ него интриги и подкопы. Эти средства, безсильныя при свѣтѣ и гласности, были пущены въ ходъ позже, когда установилась система оффиціальнаго покровительства искуству, когда мастера были принуждены заискивать милостей при дворѣ и у вліятельныхъ лицъ. Мecenатство Козьмы Медичи можно разсматривать, какъ первый шагъ къ новой системѣ. Къ счастью, оно не повредило разомъ свободѣ творчества, такъ какъ имѣло характеръ простой рекомендаціи и заступничества, а не самовластнаго вмѣшательства. Козьма отдавалъ исключительно своимъ любимцамъ тѣ работы, которыя самъ же оплачивалъ, — да при случаѣ ходатайствовалъ за нихъ передъ своими друзьями. Что-же касается до работъ, предпринимаемыхъ общиною, гильдіями и независимыми корпораціями, — здѣсь господствовала система открытаго состязанія, которая не только мѣшала мастерамъ глухнуть и предаваться апатіи, но въ высшей степени изоощрала ихъ изобрѣтательность и поддерживала между ними благородство и прямоту отношеній. Вполнѣ увѣренные, что во Флоренціи талантъ и трудъ всегда одержатъ побѣду, они покорались

¹⁾ У Вазари помѣщено между прочимъ множество сонетовъ, надписей, эпитафій, посвященныхъ мастерамъ Флоренціи, или написанныхъ въ честь новой картины, статуи и пр. Частью сами мастера отвѣчали на восторгъ публики стихотвореніями. Многіе изъ нихъ, какъ известно, были замѣчательными поэтами.

безропотно справедливому приговору тамошней публики и цѣнили его выше всякихъ почестей. Такъ Донателло, засыпанный въ Падуѣ деньгами, похвалами и лестью, не захотѣлъ поселиться навсегда въ этомъ городѣ: ему было душно внѣ Флоренціи. «Дома, — писалъ онъ, — хотя и видятъ недостатки въ моихъ произведеніяхъ, но за то безпрестанно подвигаютъ меня впередъ къ новымъ трудамъ!» Онъ, очевидно, привыкъ къ публичному соревнованію, какъ рыба къ водѣ, и понималъ, что оно ему нужно и полезно. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ художникъ безъ достойной его публики? Чѣмъ приходится ему быть тамъ, гдѣ онъ не имѣетъ нравственной опоры въ просвѣщенномъ обществѣ? Поденщикомъ прихоти, слугою богача или, что еще печальнѣе, чиновникомъ. Этой тяжелой участи флорентинскіе мастера избѣгали дома, гдѣ надъ ними не было другой власти, кромѣ народа, другого закона, кромѣ публичнаго состязанія, другого авторитета, кромѣ приговора свѣдущихъ и преданныхъ искусству людей. Пока эти условія не измѣнились, даже иноземцы чувствовали притягательную силу Флоренціи и находили здѣсь для себя широкой просторъ и приволье. Молодымъ мастерамъ она служила школою; зрѣлымъ открывала возможность развивать и совершенствовать таланты. Кто работалъ изъ-за денегъ, тотъ напрягалъ усилія, чтобы получить самыя дорогіе заказы; кто имѣлъ высшія побужденія, заботился о томъ, чтобы создать или увеличить свою репутацію. Въ самомъ воздухѣ Флоренціи, по словамъ Вазари, было что-то электрическое. Мастера невольно подчинялись его вліянію и наперерывъ другъ передъ другомъ искали чести и славы. Никто изъ нихъ не хотѣлъ быть похожимъ на соперника; каждый стремился превзойти самого себя. «Кому нравится застой и рутинна, пусть ѣдетъ вонъ отсюда! восклицаетъ тотъ-же историкъ:—Флоренція, какъ время, рушить и уносить все, что клонится къ упадку».

Но, несмотря на полную свободу творчества, свѣтская живопись и скульптура развивались во Флоренціи слабо и медленно. Иначе и быть не могло при религіозномъ настроеніи тогдашняго общества. Народъ флорентинскій, хотя и не отличался такою безусловною преданностью католицизму и папской власти, какъ жители сосѣдней Умбріи, но до половины XV вѣка твердо хранилъ христіанскія чувства и понятія. За исключеніемъ немногихъ людей скептическаго образа мыслей въ высшемъ кругу, масса его состояла изъ вѣрующихъ и находила въ библіи лучшіе идеалы истины, добра и красоты, отвѣтъ на всѣ нравственные вопросы. Чтобы отвѣчать народнымъ нуждамъ

и желаніямъ, искусство должно было посвятить себя на служеніе религіи. Изваянія и картины библейскаго содержанія заказывались тогда не только церквами и монастырями, корпораціями и гильдіями, но также частными лицами для украшенія домовъ, мебели и посуды. Флорентинцы долго почти не знали кабинетной или комнатной живописи и скульптуры иного рода. Мнѳологическія и любовныя изображенія, пейзажъ и жанръ, введенныя впервые Уччелли, распространились уже къ концу XV стол., когда публика ознакомилась съ древними писателями, — а вполнѳ самостоятельными отраслями искусства сдѳлались еще позже, именно въ Венеціи, Испаніи и Голландіи. Даже отечественной исторіи флорентинскіе мастера отдѳльно не разрабатывали, а касались ея лицъ и событій изрѳдка, робко и осторожно, вѳроятно, не желая возбуждать народныхъ страстей. Въ самомъ дѳлѳ, близко связанная съ политикою, она была скользкою и опасною почвою для художника, такъ какъ напоминала партіямъ и отдѳльнымъ классамъ еще неоконченную между ними борьбу. Замѳчательно, что до половины XV вѳка ни синьоры, ни гильдіи не открывали для искусства этой заповѳдной области посредствомъ конкурсовъ и премій. Такимъ образомъ, пока Флоренція была свободна, ея мастера стояли совершенно въ сторонѳ отъ гражданскихъ буръ и волненій, не имѳли повода высказывать правительству рѳзкомъ и кистью ни оффициальной преданности, ни оппозиціоннаго духа, и работали безъ мысли о томъ, чтобы поддерживать патріотизмъ, или угождать національному тщеславію. Отсюда, впрочемъ, никакъ не слѳдуетъ, что флорентинская школа отклонилась отъ дѳйствительной жизни, исторіи и природы. Религіозное искусство долго вмѳщало въ себя, какъ въ центрѳ, всѳ вѳтви свободного творчества. Основная задача старыхъ мастеровъ — истолкованіе народу священныя книгъ, христіанской философіи и поэзіи, — сама по себе весьма обширная, была понята ими глубоко и получила разностороннее развитіе. Такъ-называемый антропоморфизмъ есть неизбѳжный законъ религіознаго искусства. Въ силу этого закона сверхъестественное и символическое принимаетъ отъ руки художника земныя формы; чудесное становится человѳческимъ, отвлеченныя догматы и доктрины поясняются живыми примѳрами. Реальное направленіе господствовало, какъ мы видѳли, еще со временъ Джіотто, во флорентинской школѳ, и увлекло почти всѳхъ ея представителей. Чѳмъ дальше шла она впередъ, тѳмъ свободнѳе себя чувствовала на своемъ широкомъ поприщѳ. Изъ мастеровъ XV вѳка Фра Анджелико былъ послѳднимъ богословомъ и византійцемъ; на прочихъ можно смо-

трѣтъ, какъ на мыслителей, или какъ на поэтовъ. Вдохновляясь притчами, сказаніями и поученіями ветхаго и новаго заветъа, они имѣли въ виду сдѣлать ихъ общедоступными, т. е. понятными не однимъ развитымъ людямъ, но и простому народу, а потому не держались строго буквы и обратили вниманіе предпочтительно на смыслъ повѣствуемыхъ событій. Библейскій текстъ служилъ для флорентинской школы руководствомъ, насколько относился къ существу предмета; въ разработкѣ подробностей, она слѣдовала преданіямъ, вводила эпизоды и даже допускала свободныя толкованія. Еще болѣе простора для творчества представляли легенды и миѳы изъ жизни отшельниковъ, мучениковъ и героев христіанства. Но, не имѣя притязаній на богословскую точность и строгость, мастера были проникнуты искреннею любовью къ своему дѣлу и, за рѣдкими исключеніями, сами вѣрили тому, чему учили вѣрить. Если теперь, черезъ триста слишкомъ лѣтъ, ихъ высокой энтузіазмъ сообщается разнохарактерной публикѣ XIX вѣка, — что же должна была чувствовать публика того времени? Событія св. Писанія какъ-бы происходили у ней передъ глазами и трогали ее до глубины души. Читая въ искусствѣ выраженіе своихъ душевныхъ думъ, радостей и скорбей, она испытывала просвѣтительную его силу не меньше, а, можетъ быть, и больше, чѣмъ нынѣшніе люди испытываютъ вліяніе книгопечатанія; водчество, живопись и скульптура, такъ сказать, воплощали для нея весь духовный міръ. Какъ нарочно, старые мастера владѣли удивительнымъ чутьемъ и тактомъ въ выборѣ и разработкѣ сюжетовъ. Выпедши, большею частью, изъ рядовъ простого народа, они хорошо знали его наклонности и нравы, вполне отгадывали, что способенъ онъ принять близко къ сердцу, чему расположенъ сочувствовать. Семейныя сцены, которыми такъ изобилуетъ библія, служили для этихъ мастеровъ неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія; не менѣе обильные матеріалы представляла имъ гражданская или общественная сторона религіи.

Между тѣмъ какъ умбрійская школа старалась уловить формы небесной красоты, святости и непорочности, тайныя чувства, одинокія молитвы и аскетическіе восторги отшельниковъ, — Гиберти, Донателло и Мазаччіо повѣствовали о подвигахъ основателей и учителей вѣры, славили ихъ правдивыя отношенія къ людямъ, самопожертвованіе въ виду народныхъ бѣдствій, безстрашіе передъ личными врагами и тиранами, преврѣніе къ опасностямъ, твердость среди мірскихъ искушеній. Кромѣ Фра Беато, который, подобно умбрійскимъ мастерамъ, былъ особенно силенъ въ изображеніи страдательныхъ фигуръ

и нѣмыхъ группъ, — всѣ флорентинскіе живописцы подмѣчали и схватывали до малѣйшихъ оттѣнковъ дѣятельныя качества души, игру человѣческихъ чувствъ, борьбу страстей, контрасты характеровъ. Библейскія лица носятъ у нихъ натуральный, иногда весьма обыкновенный типъ, но за то производятъ впечатлѣніе живыхъ людей, исполненныхъ любви къ ближнему, принимающихъ участіе въ страданіяхъ и радостяхъ человѣчества. Какъ эстетическіе идеалы, они не поражаютъ вымышленною, изысканною красотою, но какъ нравственные образы, какъ общественные дѣятели, безукоризненны. Каждая черта ихъ физономіи одушевлена и высказываетъ глубокую мысль, сильное чувство или энергическую волю; ихъ жесты и движенія искренни и благородны; самая поступь проникнута достоинствомъ и величіемъ. Замѣтно, что они взяты изъ доблестной среды. Подъ видомъ апостоловъ и мучениковъ флорентинскіе мастера нерѣдко выставляютъ великихъ и достойныхъ людей своего города: лучшаго способа почтить память предковъ тогда не знали, какъ сдѣлать ихъ участниками или свидѣтелями библейскихъ событій. Кромѣ того обычай дозволялъ заказчику и самому мастеру изображать себя, своихъ покровителей, наставниковъ, родныхъ и друзей, на обѣтныхъ иконахъ и фрескахъ, отдѣльно, въ благоговѣйныхъ позахъ, или между зрителями. Такимъ же возвышеннымъ характеромъ отличаются женскіе идеалы флорентинской школы. За исключеніемъ Филиппа Липпи, никто изъ старыхъ мастеровъ не поклонялся, какъ кумиру, чувственной красотѣ. Въ лицахъ Евы у Гиберти и св. Екатерины у Мазаччіо возведена въ перлъ созданія дѣвственная невинность; на изображеніяхъ Богоматери у Анджелино и Луки дельла-Роббіа блистаютъ всѣ совершенства чистой и любящей женской души; Донателло придаетъ своимъ праведницамъ достоинство и строгость римскихъ матронъ. Вообще эту благородную школу трудно упрекнуть въ нескромныхъ порывахъ фантазіи, въ умышленномъ оскорбленіи приличій и въ наклонности къ сладострастнымъ изображеніямъ. Даже въ XVI стол., когда вкусъ публики испортился и прочія школы подавали дурные примѣры, главные ея представители твердо держались своего серьезнаго направленія; всего менѣе приходили въ голову пошлыя мысли старымъ мастерамъ. По ихъ понятіямъ, искусство должно было учить, а не забавлять и тѣшить народъ. Воспроизводя дѣйствительную жизнь, они отмѣрили сами для себя, съ помощью здраваго смысла и деликатности, ненарушимыя границы свободы. Животные инстинкты и отправления чловѣка имѣли въ ихъ глазахъ гораздо меньше интереса и цѣны, чѣмъ разумныя, нрав-

ственные и сердечныя качества его природы. Всѣ свои усилія они устремили въ тому, чтобы провинуть въ этотъ невѣдомый мѣръ. Но было-бы ошибочно заключить отсюда, что старые мастера не хотѣли ничего знать, кромѣ добродѣтелей. Они выводили на сцену людскіе пороки также часто, какъ и новые художники, только не прикрашивая изыществомъ ихъ наготы, иногда съ простодушной мыслью о предостереженіи противъ грѣха, чаще безъ всякой затаенной мысли. Фарисейство или ханжество было столько-же далеко отъ нихъ, сколько упоеніе чувственною грязью и непристойностями.

Неудивительно, что старые мастера, понимавшіе такъ высоко свое призваніе, имѣли большой вѣсъ и были окружены почетомъ во Флоренціи. Между тѣмъ, по своему общественному положенію и быту они ничѣмъ не отличались отъ простыхъ работниковъ и не пользовались сословными привилегіями. До какой степени нѣкоторые изъ нихъ были бѣдны и безкорыстны, мы упоминали прежде. Случаи избранія зодчихъ и скульпторовъ въ члены синьории встрѣчаются рѣдко, какъ и примѣры ихъ возведенія въ высшія гильдіи; для этого требовались особыя заслуги или отличія передъ государствомъ¹⁾; даже въ среднихъ гильдіяхъ были приспаны, по происхожденію и роду занятій, немногіе мастера; прочіе были членами такъ - называемаго общества св. Луки. Уставы этой корпораціи начертаны во второй половинѣ XIV столѣтія (1386). Отнесенная въ разрядъ низшихъ гильдій, она не всегда принимала участіе въ политическихъ дѣлахъ. Кромѣ живописцевъ, сюда принадлежали лабировщики, позолотчики и всѣ ремесленники, которые употребляли для своихъ произведеній рисунки или краски. Центромъ дѣятельности мастера была въ то время не академія, даже не кабинетъ или студія, а открытая лавка (bottega), гдѣ онъ выставялъ образцы своего искусства и обыкновенно самъ помѣщался съ семействомъ. Но при дешевизнѣ и незатѣйливыхъ требованіяхъ тогдашней жизни, художественный трудъ окупался вполне и нерѣдко съ избыткомъ. Главныя матеріалы, орудія и пособія мастеръ находилъ внутри страны. Мраморъ и камень превосходнаго качества можно было достать изъ Тосканы и сосѣдней Каррары; краски большею частью употреблялись недорогія и готовились дома. Итакъ, блестящіе успѣхи искусства во Флоренціи нельзя приписывать исключительно роскоши или сибаритскимъ привычкамъ жителей. Искусство это было не заноснымъ, а туземнымъ искусствомъ, пита-

¹⁾ Такъ Брунеллески и Гиберти достигли этихъ высокихъ почестей уже къ концу своей жизни.

лось не миллионерами, а цѣлымъ народомъ. Правда, флорентинцы XV вѣка владѣли большими капиталами; но развѣ капиталисты непремѣнно и вездѣ склонны тратить деньги на художественныя произведенія? На свѣтѣ есть не мало другихъ наслажденій и удобствъ, которыми богатый человѣкъ часто вполне довольствуется. Даже въ нынѣшнее время, несмотря на вліяніе просвѣщенія, эстетическаго вкуса и моды, большинство зажиточныхъ классовъ живетъ и проживаетъ свой вѣкъ безъ картинъ и статуй, а цѣнить гораздо выше театръ, легкую литературу, да нѣкоторыя практическія науки. Напротивъ, флорентинцы питали къ зодчеству, валянію и живописи какую-то общую и сильную страсть. Она покажется намъ непонятнымъ капризомъ, если упустить изъ виду ея внутреннія, психологическія причины. Искусство всего легче крѣпнеть и пускаетъ корни, обращается въ нравственную потребность цѣлаго общества и каждаго гражданина именно тогда, когда подспорьемъ ему служить народныя вѣрованія, когда оно поддерживается и согрѣвается религією. Ничто, кромѣ истиннаго энтузіазма, не въ силахъ пробудить вдохновенія и художественной дѣятельности. Красота, какъ доказываетъ исторія, прежде чѣмъ сдѣлалась земною, носила божественный образъ; эстетическіе или художественные идеалы вырабатывались обыкновенно изъ идеаловъ религіозныхъ. Возьмемъ въ примѣръ грековъ и римлянъ. У нихъ мы находимъ ту же благородную страсть къ искусству, какъ у флорентинцевъ, и еще въ болѣе степени. Раскопки Помпей доказываютъ, что произведенія кисти и рѣзца красовались тамъ не въ однихъ храмахъ и на площадяхъ, но были принадлежностью домашняго очага, воплощали и увѣковѣчивали любимые образы боговъ, пэнатовъ, героевъ и предковъ, привѣтствовали человѣка въ семьѣ и провожали его въ могилу. Безъ искусства было скучно жить на землѣ и лежать подъ землею. И въ древности этотъ обильный родникъ творчества былъ впервые открытъ религією. Но, по свойству своихъ вѣрованій, греки и римляне вдохновлялись больше всего изяществомъ формъ, радостями и наслажденіями тѣлесной жизни. Христіанская религія указала новоевропейскимъ художникамъ другую, почти не тронутую язычествомъ область, именно внутреннюю, духовную жизнь человѣка. Разработка этой неизмѣримой области потребовала соединенныхъ усилій многихъ вѣковъ и народовъ. Флорентинцамъ, которые наследовали лучшія качества, свободу и просвѣщеніе грековъ и римлянъ, было суждено сдѣлаться первыми наставниками и руководителями Европы на этомъ новомъ поприщѣ. Мы видѣли, что мастера Флоренціи возвели къ половинѣ XV вѣка почти всѣ отрасли христіанскаго искус-

ства на одинакую высоту. Такъ Брунеллески можно считать сильнѣмъ, если не главнымъ двигателемъ первовнаго зодчества въ Европѣ. Отъ него ведетъ начало стиль возрожденія; поставленный имъ куполъ на флорентинскомъ соборѣ считается образцовымъ и до сихъ поръ невредимъ, между тѣмъ какъ куполъ св. Петра давно потребовалъ желѣзныхъ скрѣпъ для подпиоры. Но въ архитектурѣ флорентинцы издавна имѣли многочисленныхъ соперниковъ какъ въ Италиі, такъ и за Альпами. Романскій стиль былъ созданъ и достигъ совершенства въ Ломбардіи, южной Франціи и Германіи независимо отъ ихъ вліянія; тоже нужно замѣтить о развитіи стиля готическаго: Арнольфъ и Джіотто сдѣлали для него, сравнительно говоря, немного. Напротивъ христіанская скульптура возникла и была разработана по преимуществу въ Тосканѣ. Здѣсь, какъ мы видѣли, первенство принадлежитъ неоспоримо школѣ пизанской. Но Гиберти и Донателло значительно ее опередили, благодаря своему таланту и непосредственному изученію древнихъ образцовъ. Оба они (особенно Донателло) усвоили самыя смѣлыя приемы и лучшіе способы ваянія, и если не достигли техническаго совершенства грековъ и римлянъ, то во всякомъ случаѣ мало имъ уступали во внѣшней отдѣлкѣ и выказали удивительную изобрѣтательность. Первому принадлежатъ безспорно - великія открытія въ литейномъ искусствѣ, второму — въ рѣзбѣ мраморныхъ барельефовъ. Еще болѣе можно подивиться успѣхамъ живописи во Флоренціи къ половинѣ XV вѣка. Эту отрасль искусства старыя мастера разработали по преимуществу собственнымъ талантомъ и опытомъ: у нихъ не было даже тѣхъ немногихъ классическихъ образцовъ, которые судьба сберегла для насъ подъ лавою Помпеи. Дряхлая рука византійскихъ грековъ могла учить Чимабугу только ремеслу иконописца, да мозаичному дѣлу. И между тѣмъ, черезъ сто лѣтъ послѣ Джіотто, гениальный Мазаччіо вполнѣ овладѣлъ кистью и красками, вывелъ на картину живого человѣка со всею окружающею природою и угадалъ неизвѣстные древнимъ живописцамъ законы перспективы. Но этимъ не ограничиваются и не истерпываются заслуги флорентинской школы. Трудно вполнѣ измѣрять ея многостороннюю и плодотворную дѣятельность. Подвигая впередъ искусства, старыя мастера ознакомились практически съ разными отраслями точныхъ наукъ, сберегли отъ забвенія многія истины математики и естествознанія, дошедшія къ нимъ отъ грековъ и римлянъ и, кромѣ того, сами обогатили полезными открытіями механику, физику, химию, минералогію и металлургію¹⁾. Объ энциклопедической учености Альберти мы

¹⁾ Дабри, въ своей исторіи математическихъ наукъ (франц. изд. II, 216, Парижъ

уже имѣли случай говорить. Онъ первый привелъ въ систему теорію построения, облегчилъ способы дѣлать снимки съ натуры и выяснилъ въ своихъ трактатахъ о живописи и скульптурѣ нѣсколько важныхъ вопросовъ оптики¹⁾. Чертежи, планы и постройки Брунеллески также доказываютъ обширныя его познанія въ прикладной математикѣ и фортификаціи. Вообще водіе, или, какъ называли ихъ въ старину, живители камней (*magistri de lapidibus vivis*) были не только архитекторами въ собственномъ смыслѣ, но предпринимали всякаго рода общественныя сооруженія. То раздѣленіе труда, которое установилось въ наше время, не было извѣстно ни среднимъ вѣкамъ, ни эпохѣ возрожденія. Во Флоренціи, Сіенѣ и другихъ вольныхъ общинахъ заказъ обыкновенно отдавался не подрядчику, а самому исполнителю, который уже прискивалъ себѣ сотрудничать, орудія и пособія, гдѣ и какъ хотѣлъ. Одному водчему приходилось нѣрѣдко руководить разнообразными работами, устраивать дороги, каналы, шлюзы, водопроводы, мельницы, фонтаны и крѣпости, являться, смотря по требованію, военнымъ, гражданскимъ или горнымъ инженеромъ²⁾. Онъ долженъ былъ развѣдать, гдѣ находятся лучшіе матеріалы, доставить ихъ на мѣсто, и придумать всѣ необходимыя способы въ облегченію своего труда и производства. Хотя до насъ не дошли подробныя описанія тогдашнихъ машинъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ имѣли довольно силы и вполне достигали своей цѣли³⁾. Иначе нельзя

1896) справедливо замѣтилъ, что главные результаты этихъ наукъ наилучшимъ образомъ сохраняются въ искусствѣ. «Книги могутъ быть утрачены или сдѣлаться недоступными по языку и содержанію, но изобрѣтеніе, однажды вошедшее въ практику, не забывается. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда способы производства испортятся, основная истина уцѣлѣетъ». Дѣйствительно, въ самыхъ грубыхъ ремеслахъ часто хранились и передавались изъ вѣка въ вѣкъ открытія физики, химіи и механики.

¹⁾ Эти трактаты недавно (1869) переведены на французскій языкъ, вѣроятно, потому, что признаны полезными для нашего времени.

²⁾ Что призваніе водчего имѣло во Флоренціи высокое значеніе и всеобъемлющій характеръ, можно убѣдиться изъ рукописнаго трактата объ архитектурѣ Алтіно Филарете (*Ric, L' Art chrétien*, III, 327—336). Этотъ ученый Донателло былъ приглашенъ въ Ломбардію и начерталъ проектъ постройки христіанскаго города со всѣми принадлежностями и заведеніями, необходимыми для внутренняго хозяйства и вѣншей защиты. Филарете высказываетъ здѣсь, между прочимъ, свои политическія и экономическія идеи, напр. о правительствѣ, воспитаніи, благотворительности, но, согласно съ духомъ своего времени, даетъ главное мѣсто въ обществѣ религіознымъ учрежденіямъ.

³⁾ Изъ показаній современниковъ и очевидцевъ мы узнаемъ, что болонскіе водчіе Фіоравенти (извѣстный въ Москвѣ подъ именемъ Аристотела) и Нади перенесли въ половинѣ XV вѣка цѣлкомъ одну башню этого города на 35 футовъ, разумѣется, при помощи машинъ. Тотъ же Фіоравенти выпрямилъ въ гор. Ченто покосившійся колокольню. Подлинныя извѣстія объ этомъ приведены у Либри, II, 217, 218, прим. 1.

объяснить, какимъ образомъ были подняты съ земли на высоту волосальныя глыбы мрамора, желѣза и бронзы, изъ которыхъ построены зданія и другіе памятники эпохи возрожденія. Между скульпторами и живописцами также немногихъ можно назвать односторонними специалистами: большинство ихъ вышло изъ мастерскихъ золотыхъ дѣлъ, или знало, кромѣ своего искусства, другія ремесла. Доказательствомъ тому служатъ ихъ практическія изобрѣтенія, въ которыхъ должно отнести: устройство городскихъ часовъ, усовершенствованіе чеканнаго, слесарнаго, кузнечнаго дѣла и наконецъ гравированія. Мы не разумѣемъ здѣсь рѣзбу по дереву: она была извѣстна давно и не однимъ итальянцамъ. Уже въ началѣ XV вѣка художники почти всей западной Европы умѣли дѣлать снимки съ выпуклыхъ изображеній, заготовленныхъ для этой цѣли на особыхъ доскахъ. Гораздо труднѣе было найти удовлетворительные способы гравированія на мѣди. Это великое открытіе принадлежитъ, по словамъ Вазари, флорентинскому скульптору и золотыхъ дѣлъ мастеру Мацо Финигверра. Сначала онъ вырѣзывалъ разныя фигуры на полированныхъ пластинкахъ (nielli), которыми украшались во Флоренціи мебель, а въ 1452 г. научился печатать оттиски или эстампы съ своихъ произведеній. Счастливая мысль Финигверра вызвала соревнованіе другого мастера золотыхъ дѣлъ Баччіо Бальдини и живописца Боттичелли. Послѣдній издалъ цѣлый рядъ гравюръ къ «Божественной комедіи» Данта. Нѣсколько безыменныхъ эстамповъ второй половины XV вѣка доказываютъ еще болѣе, что эта отрасль искусства была значительно подвинута впередъ флорентинцами. Позже, въ Падуѣ, Болоньѣ и Римѣ она окончательно отдѣлилась отъ живописи. Величайшимъ изъ итальянскихъ граверовъ считается, какъ извѣстно, Маркъ Антоній Раймонди (1480—1527)¹⁾.

Разсматривая въ совокупности открытія, сдѣланныя въ Италіи до половины XV вѣка съ помощью искусства, нужно согласиться, что они занимаютъ въ исторіи гражданственности такое же мѣсто, какъ великія открытія естественныхъ наукъ, которыми гордится XIX столѣтіе. Въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ среди общаго невѣжества западной Европы были впервые дознаны и примѣнены къ цѣлямъ промышленности свойства камня, металла, глины, дерева и стекла? Кто усовершенствовалъ минеральныя и растительныя краски до такой степени, что онѣ кажутся теперь не-

¹⁾ Подробности объ успѣхахъ гравировальнаго искусства въ Италіи до половины XVI вѣка можно найти въ статьѣ Пальгрева, приложенной къ англійскому переводу исторіи живописи Куглера (Lond. 1855, II, стр. 517—556).

подражаемыми? Безспорно, старше итальянскіе, и по преимуществу, флорентинскіе мастера. Труды тогдашнихъ ученыхъ, говоря сравнительно, не важны и большею частью бесплодны. Известно, что натуралисты, начиная отъ среднихъ вѣковъ до XVI столѣтія, за рѣдкими исключеніями, не испытывали природы разумно, а путались въ дебряхъ астрологіи и алхиміи; мыслители и моралисты предавались богословской схоластикѣ или строили утопіи; филологи гораздо охотнѣе спорили между собою о томъ, кто изъ нихъ стоитъ выше, и непристойно бранили другъ друга, чѣмъ дѣлали серьезныя изысканія¹⁾. Наука обязана немногими прочными приобрѣтеніями этимъ педантамъ; главная, существенная ихъ заслуга состоитъ въ изданіи и поясненіи древнихъ писателей. Напротивъ того художники, при всей своей простотѣ и видимой ограниченности, умѣли понять, что именно нужно обществу и сдѣлали для него гораздо больше, чѣмъ отъ нихъ можно было ожидать и требовать. Щекотливое самолюбіе, мелочность, раздражительность, зависть и другіе пороки, свойственные цеховой учености, рѣдко заражали ихъ прамую и чистую душу. Имъ было некогда заниматься собственною особою; они устремили всю, энергію, всё умственные силы на то, чтобы украсить и облагородить народную жизнь. Такъ - называемое *эстетическое* направленіе, очевидно, не завесло ихъ въ облака, но разумно и счастливо у нихъ соединилось съ направленіемъ *утилитарнымъ* въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Работая ежедневно надъ матеріею, они не искали въ ней философскаго камня, а думали только, какъ бы заставить ее служить дѣлу рукъ своихъ, и нашли въ ней, благодаря трезвости своего взгляда, болѣе чудесныя качества, чѣмъ тѣ люди, которые искали во всемъ и вездѣ одного золота. Вотъ почему нынѣшній вѣкъ смотритъ на старыхъ мастеровъ, какъ на истинныхъ просвѣтителей и благодѣтелей челоуѣчества; вотъ почему онъ не только цѣнитъ, какъ драгоценность, ихъ произведенія, но собираетъ всё факты, которые могутъ пролить свѣтъ на ихъ жизнь, воспитаніе и характеръ. Изъ-за чего, въ самомъ дѣлѣ, производятся теперь разслѣдованія архивовъ, снимаются штуатурки и самыя стѣны церковей, дѣлаются поиски въ частныхъ домахъ Флоренціи и другихъ городовъ Тосканы? Все изъ-за того, чтобъ открыть какіе-нибудь слѣды рѣзца или кисти, модели, полуистертыя фрески, обломки статуй и рисунки старыхъ мастеровъ. Даже простой документъ, метриче-

¹⁾ Сюда относятся Филельфо, Поджіо, Николі, Ватта и др. Глубѣшая, можно сказать, площадная колесница была, повидимому, любимымъ ихъ занятіемъ, на которое они потратили лучшія силы, безъ всякой пользы для себя или для потомства.

ская книга, контрастъ или ничтожная записка съ ихъ именемъ возбуждаетъ интересъ, толки и споры въ журналахъ и литературныхъ кружкахъ западной Европы ¹⁾. Это не удивительно. Европа слишкомъ богата наукою, чтобы искать для себя ученыхъ сокровищъ у писателей среднихъ вѣковъ или эпохи возрожденія: они любопытны только въ глазахъ историковъ и антикваріевъ. Политическіе дѣятели тосканскихъ общинъ также поучительны для нынѣшняго публициста и государственнаго человѣка развѣ съ отрицательной стороны: онъ находитъ между ними мало людей, уважавшихъ правду и способныхъ разумно защищать свободу. Но Европа хорошо видитъ, что ни машинная мануфактура, ни чисто-промышленное искусство не замѣняютъ въ наше время вдохновеннаго и высокаго таланта старыхъ мастеровъ, а потому относится къ нимъ съ восторгомъ, благоговѣніемъ и отчасти съ завистливымъ чувствомъ. Она пытается, какимъ образомъ эти простые люди, жившіе за четыре столѣтія назадъ, извѣдали тайны творчества, которыми мы болѣе не владѣемъ, хотя обращаемъ всѣ великія открытія естественныхъ наукъ и самыя сильныя орудія механики на улучшеніе производства. Она дала бы дорого, чтобы имѣть среди себя подобныхъ людей.

Разставаясь съ флорентинскими мастерами первой половины XV вѣка, мы должны опредѣлить, хоть въ общихъ чертахъ, насколько они успѣли подвинуть впередъ искусство за предѣлами Тосканы, гдѣ и какихъ встрѣтили себѣ соперниковъ и когда именно приобрѣли европейскую извѣстность. Мы уже замѣтили, что Джіотто не выѣзжалъ изъ Италіи. За то здѣсь отъ его вліянія усвоились только Сіена, Венеція, и отчасти Болонья. Въ прочихъ городахъ онъ явился главнымъ, если не единственнымъ, учителемъ живописи. Посѣянные имъ сѣмена прежде всего дали плоды въ Падуѣ, гдѣ Николай Пизанскій построилъ храмъ св. Антонія и просвѣщенное правительство (изъ фамиліи Каррара) сочувствовало успѣхамъ искусства. Между падуанскими живописцами въ концѣ XIV вѣка славились Альтигieri и д'Аванцо. Первый справедливо считается однимъ изъ лучшихъ послѣдователей великаго флорентинца; второй долженъ быть признанъ по дарованіямъ едва ли не выше всѣхъ современныхъ ему художниковъ. Фрески д'Аванцо, сохранившіяся въ одномъ изъ придѣловъ упомянутой церкви (исторія Спасителя, легенды св. Георгія,

¹⁾ Недавно (въ май, 1869) въ церкви св. Креста во Флоренціи опять открыты фрески и уже служатъ предметомъ общаго любопытства, потому что были написаны, по догадкамъ знатоковъ, учителемъ Мазолино Старшиномъ, дровзаведенія котораго очень рѣдки.

св. Луціи и св. Екатерины) близко подходят къ фрескамъ Мазаччіо по своей драматической силѣ, выразительности лицъ, натуральности жестовъ и удачному примѣненію перспективы. Жаль только, что авторъ ихъ не успѣлъ образовать около себя способныхъ учениковъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, падуанская школа пошла иною дорогою и слѣдовала предпочтительно древнимъ, а не туземнымъ или флорентинскимъ образцамъ. Этотъ крутой поворотъ сдѣлалъ Скварчіоне и вызвалъ къ себѣ сочувствіе въ ученомъ городѣ, жители котораго причисляли къ своимъ предкамъ Антенора и Ливіа. Произведенія Скварчіоне, по рѣзвости рисунка, драпировкѣ и отдѣлкѣ украшеній, напоминаютъ римскіе барельефы, хотя и писаны красками. Прибытіе Донателло въ Падую не измѣнило новаго направленія тамошней живописи: онъ имѣлъ вліяніе исключительно на скульптуру и черезъ своего усерднаго ученика и подражателя Веллано подѣйствовалъ на воспитаніе Риччіо (1470—1532), лучшаго падуанскаго ваятеля¹⁾. Напротивъ, изъ школы Скварчіоне вышелъ одинъ изъ гениальныхъ живописцевъ Италіи, Андрей Мантенья (1431—1506). Его манера наиболѣе приближается къ античной. Но, придерживаясь греко-римскихъ образцовъ, онъ, если не прямо, то косвенно, содѣйствовалъ упадку самобытной христіанской живописи. Этотъ упадокъ начался именно съ Падуи и Мантуи, гдѣ онъ провелъ большую часть жизни. Въ остальной Ломбардіи и особенно въ Миланѣ преданія Джіотто глубже вкоренились, благодаря дѣятельности его ученика Джіованни (da Milano). Въ первой половинѣ XV вѣка сюда прибылъ изъ Венгріи Мазолино и значительно усовершенствовалъ живопись. Позже она была обновлена Леонардомъ да-Винчи и достигла высокой степени развитія. Что касается до зодчества, эта отрасль искусства въ Ломбардіи мало подвергалась вліянію тосканскихъ мастеровъ. Только въ эпоху возрожденія, когда Брунеллески, Микелоцци и Филарете ѣздили въ Миланъ, имъ были поручены гер-

¹⁾ Образцовымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ изваяніемъ Риччіо считается на-скальный канделябръ, отлитый имъ для церкви св. Антонія въ Падуѣ. Это произведе-ніе, несмотря на сложность и нѣкоторую запутанность композиціи, выполнено очень старательно, съ большимъ вкусомъ, и доказываетъ изумительное богатство фантазіи: авторъ видимо находился подъ вліяніемъ Донателло и Гиберти. Рисунокъ упомянутого канделябра помѣщенъ въ новой книгѣ Перкинза, изданной въ концѣ прошлаго года въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: *Italian sculptors*. — Замѣтимъ кстати, что этотъ трудъ неутомимаго америганца содержитъ, кромѣ исторіи ваянія въ Римѣ, въ сѣверной, восточной и южной Италіи, дополненія къ его прежде вышедшему сочиненію о тосканскихъ скульпторахъ и еще четыре снимка съ произведеній Донателло и Микелоцци. Слѣдуетъ думать, что обѣ книги будутъ скоро переведены на французскій языкъ и, вѣроятно, сдѣлаются доступными для публики по цѣнѣ, нежели оригинальныя лондонскія изданія.

цогамъ нѣкоторыя постройки. Первый проектировалъ для Филиппа Висконти планъ крѣпости; второй отдѣлалъ дворецъ Визмара, подаренный Козьмѣ Медичи; третій началъ возводить обширный госпиталь столицы и каедральный храмъ въ Бергамо. Но самыя монументальныя зданія, напр., соборъ въ Миланѣ и Чертоза Павійская сооружены туземными зодчими при участіи нѣмецкихъ и венеціанскихъ. Главнымъ двигателемъ скульптуры въ Ломбардіи считается Бальдучіо, ученикъ Андрея Пизанскаго. Ему удалось образовать здѣсь отдѣльную школу, изъ которой вышли замѣчательные мастера Кампione, Монтегаци и Омодео. Ея произведеніями украшены церкви и дворцы почти всей сѣверной Италіи ¹⁾. Къ несчастію, продолжительныя войны Висконти съ флорентинцами поставили ее одиноко или, лучше сказать, подчинили германскимъ образцамъ и авторитетамъ. Вотъ почему она не достигла ни натуральности, ни изящества въ отдѣлѣ, и упорно сохраняла пороки, которые рано исчезли у мастеровъ тосканскихъ. Лица на изваяніяхъ этой школы искривлены гримасами или уродливы; фигуры удлинены; позы неудачны или принужденны; движенія рѣзки; драпировка неуклюжа и пристаётъ къ тѣлу. Даже лучшій изъ тамошнихъ ваятелей, Августинъ Бусти или Бамбая (XVI вѣка), авторъ великолѣпнаго, теперь разрушеннаго памятника Гастону де-Фуа, не свободенъ отъ этихъ недостатковъ ²⁾. Образцы скульптуры и литейнаго искусства, которымъ Донателло украсилъ Падую, повидимому, были извѣстны немногимъ ломбардскимъ скульпторамъ. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, они заимствовали манеру у Микель-Анджело. Въ Венеціи, несмотря на множество статуй и надгробныхъ памятниковъ, которыми она убрана, скульптура долго оставалась декоративною и отдѣлилась отъ зодчества уже въ эпоху возрожденія. Венеціанскіе мастера сначала придерживались готическихъ формъ (Балендаріо, братья Массенъе, и др.), въ XV вѣкѣ увлеклись классическимъ стилемъ (Ломбарди, Леонарди), а затѣмъ быстро перешли къ безобразію такъ-называемаго барока (*style baroque*). Кратковременное пребываніе Донателло и Мивелоцци въ Вене-

¹⁾ Особенно богатъ скульптурою монастырь, извѣстный подъ именемъ Чертозы Павійской и основанный Джіакомо Галеаццо Висконти (1396). Фасадъ этого монастыря можно считать величайшимъ памятникомъ итальянскаго искусства въ эпоху возрожденія.

²⁾ Обломки этого памятника по уружденіи церкви св. Марти, куда онъ былъ поставленъ, разсыпались по музеямъ западной Европы; изображеніе самаго героя, чудной красоты, находится въ Миланѣ (Врега); прочія статуи и барельефы—въ Амбросіанской библіотекѣ, въ туринской академіи и въ мадрядской галлерей; подлинный рисунокъ купленъ англичанами для кевзингтонской коллекціи.

ции осталось безъ важныхъ послѣдствій для этого города. Нужно согласиться также, что флорентинская школа мало имѣла вліянія на живопись и скульптуру въ Неаполѣ. Туземные мастера, работавшіе здѣсь послѣ Джіотто до конца XIV столѣтія, превосходили другъ друга бездарностью. Съ появленіемъ Кольантонио дель-Фіоре († 1444) можно было ожидать, что рисовальное искусство въ южной Италиі получить живнъ и своеобразный характеръ. Но Анжуйская династія привезла съ собою въ новую резиденцію фламандскихъ художниковъ и пригласила къ нимъ на помощь мастеровъ изъ Умбріи.

Отсюда произошла та смѣшанная манера, которую можно наблюдать въ произведеніяхъ Цингаро (Антоніа Солари) и его преемниковъ братьевъ Донцелли. Наконецъ, въ восточную Италию за Апеннины флорентинская живопись, несмотря на путешествія нѣкоторыхъ мастеровъ въ Римини и Болонью, мало проникала. Это объясняется сосѣдствомъ и вліяніемъ школы умбрійской, которая въ началѣ XV вѣка уже сложилась и вела дѣятельную пропаганду. Мы видѣли, что самъ Анджелико въ нѣкоторой степени подчинился ея идеаламъ и манерѣ. Родоначальникомъ этой школы считается Октавіанъ Нелли († 1444). Дѣтская наивность композиціи, нѣжность красокъ и тончайшая, миниатюрная деликатность работы даютъ ему такое же высокое мѣсто въ исторіи искусства, какое принадлежитъ лучшимъ представителямъ погибшей школы Сиенской ¹⁾. Современникъ его, Джентиле да-Фабріано, хотя и не былъ ученикомъ Фра Беато, какъ думаетъ Вазари, но съ 1422 года приписался къ одной изъ низшихъ гильдій во Флоренціи. Если сравнить его икону (поклоненіе волхвовъ), сохранившуюся въ тамошней академіи, съ прежними произведеніями, то окажется, что онъ нѣсколько усовершенствовался и почувствовалъ превосходство флорентинской манеры. Мивель-Анджело отдастъ справедливость мягкости его кисти (*aveva la mano simile al nome*). Одинъ изъ послѣдователей Фабріано, Джакомо Беллини, основалъ независимую школу живописи въ Венеціи; прочіе работали въ Фолиньо, Перуджѣ и окрестныхъ городахъ. Изъ флорентинцевъ послѣ Фра Беато сюда заѣзжали только второстепенные мастера, именно Беночцо Гоццоли и Пьетро дельла-Франческа. Послѣдній былъ собственно уроженцемъ Ум-

¹⁾ Почти всѣ произведенія Нелли утрачены или повреждены, за исключеніемъ вѣнчанія Богоматери въ одной церкви—Губбіо (Santa Maria). Эта чудная и единственная въ своемъ родѣ фреска хромолитографирована недавно Эрвделевымъ обществомъ. Лейкаръ тогда же издалъ біографію мастера подъ заглавіемъ: «*Ottaviano Nelli and his fresco at Gubbio.*»

бріи (изъ Borgo S. Sepolcro), но съ молодю учился во Флоренціи, у друга Андрея Кастаньо, извѣстнаго намъ Доминика, отъ котораго, вѣроятно, заимствовалъ знаніе перспективы и ракурсовъ. Лучшія его произведенія уцѣлѣли въ Ареццо и Римини. Они отличаются эклектическимъ характеромъ и отчасти писаны масляными красками. Впрочемъ натурализмъ Мазаччіо слабо дѣйствовалъ на умбрійскую школу. Она оставалась одинокою и независимою до временъ Перуджино, упорно преслѣдуя свое исключительное направленіе. Къ ней перешли, какъ-бы по преданію, достоинства и недостатки школы сіенской. Избравъ себѣ идеаломъ красоту, она долго не могла или не умѣла къ нему приблизиться. Послѣдователь Фабріано, Николай Алунно, и его современники рѣшительно уступали школѣ флорентинской въ характерности лицъ, въ правильной постановкѣ фигуръ, въ естественности и умѣренности жестовъ и движеній. Всѣ ихъ силы были устремлены на человѣческую и особенно на женскую фizioномію. Нужно согласиться, что они придали ей нѣкоторыя своеобразныя черты, мало и рѣдко замѣтныя у преемниковъ Мазаччіо, именно: поэтическую томность, кротость и грацію. Но и эту тайну искусства у нихъ похитилъ Анджелико. Созданныя имъ типы мадоннъ и ангеловъ свободны отъ манерности и кокетства, которыми ихъ нерѣдко портятъ Алунно и Перуджино. Только въ манерѣ украшеній, въ изящной игрѣ и сочетаніи красокъ да въ миниатюрныхъ издѣліяхъ этой школѣ удалось рано достигнуть неоспоримаго и высокаго совершенства. Кромѣ Орвіето, главнымъ мѣстомъ, гдѣ умбрійцы могли помѣряться съ флорентинцами, былъ Римъ. Сюда папы приглашали Фабріано, Мазаччіо и Фра Беато. Къ сожалѣнію, папскій патронатъ не вызывалъ открытаго состязанія между мастерами, а зависѣлъ исключительно отъ личнаго произвола или предпочтенія со стороны того или другаго первосвященника. Папу Николая V можно считать первымъ покровителемъ искусства, такъ какъ Мартинъ V и Евгений IV были слишкомъ бѣдны, чтобы затѣвать большія предпріятія. Самый городъ во время Авиньонскаго плѣна сильно опустѣлъ и обвалился. Прежде всего нужно было подумать о починкѣ, а затѣмъ уже объ украшеніи церквей и дворцовъ. Вотъ почему самъ Николай поддерживалъ больше зодчество, чѣмъ дѣлалъ заказы живописцамъ. Къ сожалѣнію, политическія событія помѣшали ему выполнить всѣ проекты Альберти. Высшаго блеска папскій патронатъ, какъ мы увидимъ, достигъ не ранѣе XVI стол., именно при Юліи II, но и въ эту эпоху не создалъ въ Римѣ вполнѣ самостоятельной и прочной школы по архитектурѣ, живописи или вааянію.

Итакъ, послѣ паденія пизанской и сѣнсвой школъ, главными двигателями искусствъ въ Италіи остались флорентинскіе и умбрійскіе мастера. Говоря безпристрастно, вліяніе первыхъ было обширнѣе и плодотворнѣе, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ оно пустило корни, гдѣ ему не мѣшали внѣшнія обстоятельства. Довозательствомъ тому служатъ быстрые успѣхи живописи въ Ломбардіи и скульптуры въ Падуѣ подѣ руководствомъ Мазолино и Донателло. Преемники Джіотто, вѣроятно, сдѣлали бы еще больше завоеваній, если бы имѣли меньше работы дома. Но почти всѣ ихъ поѣздки за границу были случайными и временными. Одинъ Альберти, конечно, противъ собственной воли, путешествовалъ цѣлую жизнь и потому-то оставилъ глубокіе слѣды въ восточной и сѣверной Италіи. Вообще, появленіе флорентинскихъ мастеровъ въ чужихъ городахъ рѣдко было совершенно бесплоднымъ. Они открывали какимъ-то чутьемъ мѣстные таланты и владѣли способностью будить творчество; ихъ авторитетъ не тяготѣлъ деспотически надъ учениками. Напротивъ того умбрійскіе мастера, придерживаясь сами неподвижныхъ преданій, дѣйствовали очень медленно. Основанныя ими школы возникли уже къ концу XV вѣка и не отличались такимъ прогрессивнымъ характеромъ, какъ школы созданныя флорентинцами. Притомъ же Умбрія была сильна только живописью, вовсе не имѣла оригинальныхъ ваятелей и долго не производила великихъ вѣдчихъ. Можно было ожидать, что мало-по-малу она уступитъ рѣшительное первенство Флоренціи во всѣхъ отрасляхъ искусства.

Но этого не случилось. Послѣ продолжительнаго застоя умбрійская школа разомъ дала полные цвѣты и роскошные плоды. Чтобы объяснить такой странный феноменъ, нужно замѣтить, что къ концу XIV вѣка въ самой Тосканѣ, именно въ Сіенѣ, явился неожиданно достойный соперникъ флорентинскихъ мастеровъ по скульптурѣ, именно, делла-Кверчія (1371—1438). Жизнь его полна приключеній. Еще съ молодю, когда Сіена предала себя въ руки Висконти, ему было нечего дѣлать дома и довелось покинуть отечество. Когда Гиберти и Брунеллески еще не знали, кто будетъ отливать дверь крещальни св. Іоанна, онъ также пришелъ на конкурсъ. Комитетъ похвалилъ его модель, но не отдалъ ему предпочтенія. Чтобы доказать флорентинцамъ ихъ несправедливость и вмѣстѣ свое искусство, Кверчія сдѣлалъ для божьей двери собора прекрасный барельефъ Мадонны (della Cintola)¹⁾ и затѣмъ отправился искать счастья въ Феррару. От-

¹⁾ На одной сторонѣ этого барельефа виднѣтъ медвѣдь, который лѣзетъ на гру-

сюда жители Сіены пригласили его домой украшать барельефами новый городской фонтанъ (Ponte Gaja). Рисунокъ, сдѣланный имъ по этому поводу, такъ понравился тамошней синьории, что она дала ему прозвище *делла-Фонте*. Но медленность и безпрестанныя отлучки Кверчія скоро вывели изъ терпѣнія его соотечественниковъ. Окончивъ фонтанъ, онъ бросилъ другія работы въ крещальнѣ собора, вѣроятно, по причинѣ плохого за нихъ вознагражденія, и отправился скитаться, посѣтилъ Лукку и Болонью, но всюду терпѣлъ крайность, обиды и притѣсненія ¹⁾. Уже дряхлымъ старикомъ удалось ему возвратиться въ отечество и сдѣлаться главою строительной комиссіи (орегajo) въ Сіенскомъ соборѣ. Изваянія этого мастера почти ни въ чемъ не уступаютъ изваяніямъ Донателло. Fonte Gaja, какъ художественное произведеніе, считался образцовымъ въ Италіи. Барельефы на немъ, къ несчастію, разрушились отъ времени, но, какъ мы говорили, восстанавливаются теперь въ первоначальномъ видѣ. За то фасадъ церкви св. Петронія въ Болоньѣ цѣль и невредимъ: онъ изображаетъ исторію первыхъ челоуѣковъ. На этомъ произведеніи Кверчія фигуры и группы величественны, прекрасны и натуральны, лица выразительны; жесты и движенія благородны, только драпировка нѣсколько тяжела и угловата. Самъ Микель-Анджело, подражалъ ему если не рѣзцомъ, то кистью, именно воспроизвелъ его типы на фрескахъ Сивстинской капеллы. Надгробные памятники, сдѣланные рукою Кверчія (одинъ изъ нихъ сохранился въ Луккѣ, другой—въ Болоньѣ), еще удачнѣе и невольно поражаютъ своею грустною красотою. Видно, что онъ любилъ думать о смерти и ждалъ только отъ ней успокоенія. Эти чувства становятся понятными, если познакомиться ближе съ его горькой участью. Жизнь была для него тяжелымъ крестомъ; свободное творчество не приносило радостей. «Мнѣ нѣтъ нужды ѣхать къ вамъ на нищету и погибель», писалъ онъ однажды болонцамъ; «я могу бѣдствовать, гдѣ мнѣ угодно». Въ другой разъ, когда соотечественники сулили ему чуть не золотыя горы, онъ отвѣчалъ имъ: «Знаю, что мнѣ суждено испытать отъ васъ однѣ неприятели», и не ошибся. Между тѣмъ какъ флорентинскіе мастера находили въ своей просвѣщенной

шее дерево. Перкинзъ говоритъ, что это аллегорическое изображеніе придумано мастеромъ въ упрекъ флорентинцамъ, не умѣвшимъ одѣнить его таланты. Въ самомъ дѣлѣ, старая тосканская пословица: *dar le pere in guardia a l'orso*, значитъ почти тоже, что доувѣрять безтолковымъ и неразвитымъ людямъ.

1) Работы въ крещальнѣ Сіенскаго собора, о которыхъ здѣсь упомянуто, были потомъ заказаны и окончены Гиберти и Донателло. Такимъ образомъ на одной и той же куплѣ мы находимъ изваянія трехъ лучшихъ тосканскихъ мастеровъ XV вѣка.

столицѣ благодарный трудъ и почетъ, Кверчія бѣдствовалъ до конца, бродя по глухимъ провинціальнымъ городамъ, и умеръ, какъ забытый ремесленникъ, отъ истощенія силъ. Что дѣлать? Въ исторіи искусства подобные примѣры встрѣчаются не рѣже, чѣмъ въ исторіи науки. Иныхъ художниковъ судьба беспощадно преслѣдовала: кто являлся слишкомъ рано, находилъ двери закрытыми; кто — слишкомъ поздно, тому не было мѣста и дѣла; счастливо жили только успѣвавшіе встать и во время. Главныя несчастія Кверчія объяснить легко: Сіена уже не могла питать искусства, а въ Умбріи скульптура еще не находила дѣятелей¹⁾. Ученикъ его Веккетта (1412—1480 г.) также не былъ лишенъ дарованій и, подобно своему наставнику, едва зарабатывалъ хлѣбъ въ отечествѣ, хотя, кромѣ ваянія, зналъ другія мастерства, напр. архитектуру и живопись. Во второй половинѣ XV вѣка Сіена произвела еще нѣсколько отличныхъ скульпторовъ. Бѣдственное положеніе дома безпрестанно побуждало ихъ уходить за границу; нѣкоторые перемѣнили родъ занятій. Самый даровитый между ними, Джорджио Мартини, поступилъ на службу къ герцогу Урбинскому въ качествѣ зодчаго и построилъ въ его владѣніяхъ болѣе ста замковъ, дворцовъ, церквей и другихъ зданій²⁾. Такимъ образомъ умбрійская школа получила отъ своей старой художественной метрополи сильныя подкрѣпленія именно по тѣмъ отраслямъ искусства, по которымъ сама не могла выставить оригинальныхъ образцовъ. Долговременное пребываніе Альберти въ Римини также принесло ей большую пользу. Теперь понятно, почему одинъ изъ величайшихъ зодчихъ эпохи возрожденія, Браманте (1444—1514) могъ вполне подготовиться и воспитаться дома, безъ помощи флорентинцевъ, и вмѣстѣ съ Рафаэлемъ одерживать надъ ними побѣды въ столицѣ католическаго міра. Въ то время, какъ непонятый Кверчія умеръ съ тоскою въ душѣ, Флоренція готовилась ко всемірному празднику. Представители западнаго и восточнаго христіанства перенесли сюда Феррарскій соборъ. Около двухъ лѣтъ (1439—41) городъ былъ наполненъ иностранцами; его памятники возбудили общій восторгъ и удивленіе. Брунеллески уже поставилъ тогда свой куполь, Гиберти — первую дверь; на колокольнѣ и часовнѣ св. Михаила красовались изваянія Донателло и Лукки делла-Роббіа; въ церквахъ и монастыряхъ—

¹⁾ Подробное описаніе жизни и оцѣнку произведеній делла-Кверчія можно найти у Pio (L'Art chrétien—I, 86—92) и Перкинава (Tuscan sculptors I, 108—III).

²⁾ Отъ него остался любопытный трактатъ о гражданской и военной архитектурѣ, изданный въ Туринѣ въ 1841 году.

фрески Мазаччіо и Фра Беато. Старые мастера вполне заслуживали такого триумфа; для нихъ искусство не имѣло высшей дѣли и другого идеала, кромѣ правды, а правда должна была просвѣтить человѣчество. Надъ ними сбылось изреченіе книги, въ которую они вѣрили: люди увидѣли ихъ добрыя дѣла и славили Бога. Флорентинской шволѣ, казалось, предстояли новые блестящіе успѣхи: она сдѣлалась господствующею въ Италіи и приобрѣла извѣстность во всей Европѣ. Только насильственная смерть Мазаччіо могла смущать людей этой эпохи, какъ темное пятно или недобрый знакъ. Но никто изъ нихъ навѣрное не чаялъ, что пройдетъ сто лѣтъ и—благородная швола лишится отечества, подобно шволѣ сіенской. Что-же случилось въ этотъ роковой періодъ съ Флоренціей? Почему она погибла такъ скоро и невозвратно? Не нашло-ли искусство для себя другого убѣжища? Мы надѣмся отвѣчать со временемъ на заданные вопросы особо, въ биографіи Микель-Анджело, послѣдняго и самаго гениальнаго изъ флорентинскихъ мастеровъ. Его долголѣтняя жизнь (1475—1564) имѣетъ, независимо отъ художественнаго значенія, общечеловѣчскій интересъ: ему суждено было стоять на рубежѣ новой исторіи. Въ годы молодости онъ былъ свидѣтелемъ послѣднихъ кривисовъ флорентинской свободы; въ старости увидѣлъ окончательное ея крушеніе. Сломленная соединенными силами императора и папы, Тоскана покорилась тиранніи герцоговъ, изъ фамиліи Медичи. Принимая близко къ сердцу всѣ эти событія и перевороты, Микель-Анджело самъ участвовалъ въ священной войнѣ за родину и живымъ примѣромъ доказалъ, какими вѣрными друзьями правды и свободы, какими достойными гражданами были великіе мастера Флоренціи.

Д. Калачновскій.

ИМПЕР. АЛЕКСАНДРЪ I

И

КВАКЕРЫ.

The Quakers from their origine till the present time: an international history. By John Cunningham, D. D. Edinburgh, 1868.

Квакерство, исторію котораго предлагаетъ Кеннингэмъ, принадлежитъ въ числу самыхъ любопытныхъ произведеній религіознаго сектаторства въ новѣйшемъ обществѣ. Это было одно изъ тѣхъ движеній, которыя явились послѣ реформаціи какъ дальнѣйшее ея развитіе, — плодъ стремленій очистить религію отъ ея внѣшней, формально-догматической стороны и сообщить религіи тотъ чисто-духовный характеръ, который таеъ соотвѣтствуетъ ея сущности. Квакерство, какъ бываетъ обыкновенно съ крайними направленіями, осталось немногочисленною религіозною фракціей и никогда не имѣло много послѣдователей; но тѣмъ не менѣе дѣятельность его главнѣйшихъ представителей нерѣдко яркимъ образомъ выѣшивается въ религіозную и социальную исторію общества; въ средѣ квакеровъ явилось не мало замѣчательныхъ личностей, извѣстность которыхъ идетъ далеко за предѣлы исторіи англійскаго религіознаго сектаторства. Назовемъ напримѣръ, Фокса и Вильяма Пенна, Ланкастера и Аллена, или въ наше время Брайта.

Авторъ излагаетъ въ общемъ очеркѣ происхожденіе квакерства, различныя видоизмѣненія идей и нравовъ секты, и между

прочимъ останавливается особенно на ея «международной исторіи», т. е. на той дѣятельности квакерства, гдѣ оно трудилось для обще-человѣческой филантропіи и смягченія нравовъ;—въ этой исторіи оно имѣло извѣстныя отношенія и къ Россіи. Дѣло въ томъ, что квакеры уже издавна задумывали планы пропаганды, которая ставила себѣ самыя обширныя цѣли: убѣжденные въ истинѣ своей духовной религіи, они старались, если не доставить ей всеобщее господство, то по крайней мѣрѣ сдѣлать ея принципы сколько можно болѣе извѣстными. Они не задумывались рекомендовать ее папѣ, Людовику XIV и даже «великому турку», т. е. турецкому султану. Это было еще въ XVII-мъ столѣтіи. Съ конца прошлаго вѣка квакерство опять вступило въ періодъ особенно оживленной пропаганды. Не ограничиваясь чисто-религіознымъ вопросомъ, оно въ это время особенно увлекалось филантропическими цѣлями: освобожденіе негровъ, улучшение тюремъ, устройство школъ для широкаго распространенія первоначальнаго образованія въ народѣ, нашли въ квакерахъ ревностныхъ защитниковъ и дѣятелей, которымъ и дѣйствительно удалось достигать замѣчательныхъ результатовъ. Труды многихъ «друзей» (какъ называютъ себя квакеры) свидѣлствуютъ о чрезвычайной преданности дѣлу человѣколюбія и обь рѣдкой энергіи въ преслѣдованіи предположенной цѣли.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія квакеры имѣли не одинъ разъ встрѣчи и бесѣды съ императоромъ Александромъ, на которыхъ мы и остановимся. Но прежде впрочемъ упомянемъ обь ихъ встрѣчѣ съ другимъ русскимъ государемъ, Петромъ Великимъ,—встрѣча эта мало извѣстна въ нашей исторической литературѣ.

Это было въ 1698 г., когда Петръ былъ въ Лондонѣ. Въ извѣстныхъ «журналахъ» подъ 3-мъ апрѣля записано: «были въ вевекорскомъ костелѣ» ¹⁾. Кеннингэмъ приводитъ изъ Кларксоновой «Жизни Пенна» слѣдующія подробности о встрѣчѣ Петра Великаго съ квакерами.

«Квакеры, — говоритъ Кеннингэмъ, — всегда стремились найти себѣ прозелитовъ между государями, и во время пребыванія въ Лондонѣ Петра, двое изъ нихъ успѣли получить доступъ къ этому удивительному человѣку, въ которомъ высочайшій геній привился къ самому дикому ворню. Они объяснили ему, черезъ переводчика, основныя начала своей религіи и представили ему экземпляръ «Апологіи Барклая» и нѣсколько другихъ книгъ, относящихся къ ихъ вѣрѣ. Онъ спросилъ, не іезуитами ли написаны эти книги — вопросъ, который мы можемъ объяснить только предположеніемъ, что онъ услышалъ что-ни-

¹⁾ Устряловъ, Ист. Петра В., т. III, прилож.

будь объ обвиненіяхъ, какія дѣлались противъ Пенна. Квакеры конечно отвѣчали, что это не такъ. Затѣмъ царь спросилъ, почему они не оказываютъ уваженія высшимъ, когда не снимаютъ шляпъ входя къ нимъ, и какую пользу могутъ они оказать въ какомъ-нибудь царствѣ, если они не хотятъ брать въ руки оружія? Друзья отвѣтили на пытливые вопросы царя какъ могли лучше.

«Экземпляръ, представленный царю, было латинское изданіе «Апологіи Барклая». Но его величество не зналъ по-латыни. Когда это стало извѣстно, то Вильямъ Пеннъ, сопровождаемый Джоржемъ Уайтгэдомъ и депутаціей «друзей», искалъ второго свиданія съ Петромъ; они думали, что еслибы имъ удалось сдѣлать его квакеромъ, то онъ держалъ бы въ своихъ рукахъ какъ правительство, такъ и религію великой московской имперіи. Какъ ни кажется намъ нелѣпой эта мысль, она вовсе не казалась нелѣпой для нихъ. Аудіенція была имъ дана, и Пеннъ представилъ царю нѣсколько квакерскихъ книгъ, переведенныхъ на нѣмецкій языкъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ на этомъ языкѣ. Петръ былъ чрезвычайно любознателенъ, и желая знать все, такъ интересовался этими оригинальными людьми, дважды хотѣвшими его видѣть, что послѣ не разъ приходилъ на квакерскіе митинги въ Детфордъ, чтобы видѣть ихъ богослуженіе. Рассказываютъ даже, что шестнадцать лѣтъ спустя, когда онъ былъ въ Фридрихштадтѣ, въ Голштиніи, чтобы помогать датчанамъ противъ шведовъ, съ пятью тысячами человекъ, онъ спрашивалъ, нѣтъ ли въ этомъ городѣ квакерскихъ собраній; и узнавши, что есть, отправился туда, въ сопровожденіи блестящей свиты. Одинъ квакеръ, по имени Филиппъ Деферъ, началъ проповѣдовать. Такъ какъ русскіе знатные люди не понимали языка проповѣдника, то царь иногда переводилъ имъ, и въ концѣ, говорятъ, замѣтилъ, что если кто живетъ согласно тѣмъ началамъ, какія они слышали, тотъ долженъ быть счастливъ»¹⁾.

Не такъ случайны были сношенія квакеровъ съ императоромъ Александромъ. Напротивъ того, завязанныя одинъ разъ, онѣ потомъ продолжались; Александръ относился къ квакерамъ съ такимъ расположеніемъ, съ такимъ довѣріемъ и сочувствіемъ, что связи его съ ними отражаютъ въ себѣ черты его внутренняго настроенія и характера и приобрѣтаютъ историческую важность. Эти связи его съ квакерами еще не были рассказаны въ нашей литературѣ, и мы приведемъ нѣкоторыя подробности

¹⁾ Cunningham, стр. 155—156.

изъ книги Кеннингэма, который сообщаетъ ихъ на основаніи «Жизни Вильяма Аллена» и «Мемуаровъ Грелье» — тѣхъ двухъ квакеровъ, съ которыми императоръ Александръ въ особенности сближался и бесѣдовалъ. Эти два человѣка играли въ то время особенно дѣятельную роль въ квакерскомъ обществѣ, какъ пламенные филантропы и проповѣдники квакерскаго христіанства.

Этьенъ Грелье (Et. Grellet, или, какъ его имя писали также по-английски, Stephen Grillett, 1773—1855) былъ родомъ французъ. Онъ происходилъ изъ дворянской фамиліи; послѣ взрыва революціи, онъ съ братомъ своимъ эмигрировалъ, вступилъ въ роялистскую армію, попался въ плѣнъ; ему предстояло быть разстрѣляннымъ, но онъ успѣлъ убѣжать въ Голландію, и оттуда отправился сначала въ Демерару, потомъ въ Нью-Йоркъ. Какъ и слѣдовало молодому французу тѣхъ временъ, онъ былъ вольтеріанецъ, но потомъ онъ сталъ читать Вильяма Пенна, нѣсколько разъ имѣлъ сверхъестественныя видѣнія, которыя и обратили его къ религіи и подѣйствовали на него съ такой силой, что онъ обратился именно въ квакерство: онъ посвятилъ себя служенію страждущимъ и религіозному миссіонерству. Жизнь его проходила въ далекихъ и продолжительныхъ странствованіяхъ, въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ; религіозный энтузіазмъ сталъ его природою; онъ часто имѣлъ видѣнія и слышалъ божественный голосъ, дававшій ему повелѣнія, и это внушало ему энергію; поддерживавшую его въ самыхъ трудныхъ, иногда страшныхъ подвигахъ. Разъ онъ отправился нарочно въ Филадельфію, гдѣ свирѣпствовала желтая лихорадка, опустошавшая городъ; онъ долго оставался тамъ, ухаживалъ за больными и помогалъ хоронить мертвыхъ, — наконецъ заболѣлъ самъ; но божественный голосъ сказалъ ему, что онъ еще не долженъ умирать. Онъ проповѣдовалъ въ страшныхъ тюрьмахъ, куда сами тюремщики не совѣтовали ему входить. Это былъ настоящій странствующій рыцарь религіозной проповѣди и филантропическаго самоотверженія. Главнымъ его мѣстопробываніемъ оставались Соединенные Штаты, гдѣ у него была жена; но онъ нѣсколько разъ отправлялся за океанъ, проповѣдовалъ въ Англии и на континентѣ, наконецъ проѣхалъ всю Европу изъ конца въ конецъ. Въ 1811 году онъ еще разъ отправился въ Старый Свѣтъ и нѣсколько лѣтъ провелъ въ Англии и въ путешествіяхъ по Европѣ. Въ 1813 или 1814 онъ между прочимъ встрѣтился съ г-жей Крюднеръ, которая возимѣла къ нему большое уваженіе. Лѣтомъ 1814 года онъ былъ въ Лондонѣ, когда прибылъ туда изъ Парижа императоръ Александръ.

Такой же неутомимой дѣятельностью отличался другой тог-

дашній представитель квакерства, Вильямъ Алленъ (1770—1843), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ филантроповъ своего времени. Небогатые родители предназначали его къ промышленной карьерѣ; но онъ увлекся своими вкусами въ естественнымъ наукамъ и приобрѣлъ обширныя свѣдѣнія въ химіи, которыя доставили ему профессору этого предмета, мѣсто въ королевскомъ учебномъ обществѣ и практическія занятія въ одномъ химическомъ заведеніи, гдѣ онъ сталъ потомъ партнеромъ и приобрѣлъ значительное состояніе. Съ очень ранней молодости начались и его неустанные филантропическіе труды: пораженный рѣчами Вильберфорса противъ торговли неграми, онъ сталъ его ревностнымъ союзникомъ въ этой пропагандѣ; онъ горячо интересовался школьной системой Ланкастера и распространеніемъ образованія въ народной массѣ, и имя Аллена тѣсно связывается съ исторіей ланкастерской школы; онъ присоединился къ Самуэлю Ромильи, извѣстному англійскому юристу, когда тотъ предпринялъ преобразовать англійскій уголовный кодексъ; онъ устраивалъ дешевый столъ для бѣдныхъ и т. п. Все время Аллена было занято его разнообразными интересами и трудами; не было филантропическаго предпріятія, въ которомъ бы онъ не участвовалъ. Въ 1813 году Алленъ вступилъ и въ знаменитое предпріятіе Роберта Оуэна, покушку Нью-Ланарка, гдѣ должны были приводиться въ исполненіе широкіе планы нравственнаго преобразованія общества, задуманные энергическимъ филантропомъ-соціалистомъ. Предпріятіе раздѣлено было на нѣсколько паевъ или акцій, каждая въ десять тысячъ фунтовъ стерл. Въ числѣ пяти или шести партнеровъ, которые рисковали тогда участвовать въ предпріятіи Оуэна, было два квакера, Алленъ и богатый капиталистъ Уокеръ; одинъ пай взялъ Бентамъ. Алленъ не имѣлъ сначала большого желанія вступать въ дѣло; но Оуэнъ, какъ рассказываютъ его биографы, особенно желалъ имѣть его помощь, потому что имя Аллена имѣло большой вѣсъ въ религіозномъ мірѣ. Наконецъ Алленъ уступилъ настояніямъ своихъ друзей и присоединился къ фирмѣ. Съ Оуэномъ они были въ дружескихъ отношеніяхъ, хотя трудно было найти больше противоположности чѣмъ было въ ихъ принципахъ. Оуэнъ совершенно отвергалъ, какъ извѣстно, смыслъ и пользу религіи; Алленъ все строилъ на духовно-религіозномъ принципѣ, но тѣмъ не менѣе они соединились, потому что въ этомъ предпріятіи у нихъ было общее, на чемъ они совершенно сходились: это была филантропическая сторона дѣла, стремленіе къ нравственному облагороженію человѣческаго общества. Алленъ «счелъ своей обязанностью» участвовать въ дѣлѣ, имѣвшемъ «цѣль до

сихъ поръ невиданную», — но онъ съ самаго начала оговорилъ интересы религіознаго образованія въ Нью-Ланаркской общинѣ. Потомъ, какъ извѣстно, между Овэномъ и его кваверскими партнерами стали возникать несогласія, вину которыхъ едва-ли можно такъ безусловно сваливать на послѣднихъ, какъ это часто дѣлали. Алленъ съ самаго начала заявилъ свои желанія, Овэнь соглашался на религіозную терпимость; а въ послѣдствіи онъ самъ, вызывающимъ тономъ нѣкоторыхъ своихъ воззваній, возбудилъ раздоръ, который заставилъ ихъ разойтись. При всемъ томъ, они дѣйствовали вмѣстѣ очень долго, до 1828 года ¹⁾.

Оба эти квавера, Алленъ и Грелье, были весьма типическими представителями секты. Неутомимая дѣятельность, готовность служить нравственному благу человѣчества, сила убѣжденія, доходившая почти до мономаніи, упорство въ стремленіи къ цѣли, независимость характера, не уступавшая ни передъ какими авторитетами, сосредоточенность религіознаго чувства — таковы были свойства этихъ людей, съ которыми императору Александру пришлось говорить о предметахъ религіи и нравственности.

Когда кваверы держали свои годовые митинги въ маѣ 1814, — рассказываетъ Кеннинггэмъ, — шли нѣкоторые разговоры о посѣщеніи Англии союзными государями, и Грелье подалъ мысль, что это былъ бы благопріятный случай внушить имъ, что царство Христа есть царство справедливости и мира. Замѣтимъ, что отрицаніе войны есть одинъ изъ основныхъ принциповъ кваверства; въ 1812 г. кваверы подавали уже принцу-регенту Англии свой адресъ въ этомъ смыслѣ, осуждавшій войну какъ незаконіе. Принцъ-регентъ принялъ ихъ благосклонно; но адресъ вонечно не помѣшалъ войнѣ. Кваверы рѣшили теперь обдумать предложеніе Грелье. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, на одномъ изъ кваверскихъ митинговъ появилась великая княгиня, сестра имп. Александра, и молодой герцогъ вюртембергскій; они держали себя такъ благочестиво, что сердца «друзей» возрадовались этому.

Навонецъ императоръ Александръ и король прусскій прибыли въ Лондонъ. Кваверы немедленно составили адресъ и назначили депутацію, «на случай, еслибъ среди лести, которую монархи принимали каждадневно, они захотѣли на минуту выслушать голосъ истины». Депутацію составляли Вильямъ Алленъ, Стефенъ Грелье, Джонъ Вилькинсонъ и Люкъ Говардъ. Они отправились сначала къ прусскому королю; онъ принялъ ихъ и

¹⁾ См. Booth, Robert Owen, Lond. 1869, стр. 28—31, 44—48.

въ отвѣтъ на адресъ замѣтилъ только, что въ его владѣніяхъ есть нѣсколько членовъ ихъ общества, что это прекрасные люди, а что касается до войны, то она необходима для достиженія мира. Это былъ вѣжливый, но равнодушный, холодный пріемъ. «Но совсѣмъ инымъ образомъ принялъ ихъ другой, болѣе великій человекъ и государь».

Черезъ три дня послѣ этого было воскресенье, и императоръ Александръ, въ сопровожденіи своей сестры, великой герцогини ольденбургской, молодого герцога ольденбургскаго, герцога вюртембергскаго, графа Ливена и другихъ, введенные Вильямомъ Алленомъ, внезапно появились на квакерскомъ митингѣ. «Это произвело немалое смущеніе между «друзьями» — рассказываетъ ихъ историкъ. Впрочемъ, богослуженіе продолжалось по обыкновенію. Было время молчанія (молчаливаго религіознаго сосредоточенія, которое входитъ въ число благочестивыхъ квакерскихъ упражненій); затѣмъ встали одинъ за другимъ трое друзей и говорили, что имъ было внушено духомъ, потомъ была молитва. Императоръ и его свита слѣдовали во всемъ за богослуженіемъ кваверовъ, и царь, выходя изъ экипажу, пожалъ руки всѣмъ друзьямъ, которые были около него — «снисходительность, которою эти добрые люди безъ сомнѣнія гордились до своего послѣдняго дня, несмотря на свои идеи о человѣческомъ равенствѣ и о грѣховности сниманія шляпы передъ людьми».

Въ слѣдующій вторникъ, Стефенъ Грелье, В. Алленъ и Джонъ Вилькинсонъ явились, какъ имъ было назначено, въ отель Польшни, для представленія императору своего адреса. Александръ принялъ ихъ самымъ милостивымъ образомъ, пожимая имъ дружески руки. Они представили ему свой адресъ и затѣмъ нѣсколько книгъ, на которыя онъ только взглянулъ, желая повидимому скорѣе начать разговоръ. Императоръ стоялъ среди залы, и смиренные квакеры стояли кругомъ его. Онъ спрашивалъ ихъ объ ихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, ихъ богослуженіи, духовныхъ лицахъ и многихъ другихъ вещахъ. Когда Вильямъ Алленъ объяснялъ ему принципы общества, онъ часто замѣчалъ: «я думаю также». «Служеніе Богу — говорилъ онъ, — должно быть духовное, чтобы оно было принимаемо, а внѣшнія формы имѣютъ важность второстепенную». «Я самъ — продолжалъ онъ, — молось каждый день, не въ формѣ словъ, но сообразно тѣмъ представленіямъ, какія имѣю въ это время о своихъ нуждахъ. Прежде я употреблялъ слова, но потомъ оставилъ это, такъ какъ слова часто были неприложимы къ состоянію моихъ чувствованій». Квакеры говорили ему о войнѣ, которую они считали дѣломъ противозаконнымъ, о рабствѣ людей, противъ котораго они

боролись, о томъ, что дѣлаетъ Британское и Иностранное Швольное Общество (распространявшее ланкастерскія шволы) и что оно могло бы сдѣлать въ его обширномъ царствѣ. Когда Грелле осмѣлился говорить ему объ его отвѣтственности, какъ неограниченнаго государя столь обширной страны, слезы показались на его глазахъ; онъ взялъ квакера за руку своими обѣими руками и сказалъ: «эти ваши слова долго останутся напечатлѣнными въ моемъ сердцѣ». Разговоръ продолжался около часа, и императоръ увѣрилъ депутацію, что онъ согласенъ съ большею частію ихъ мнѣній, и что хотя, по его исключительному положенію, его способъ дѣйствій долженъ быть иной, онъ соединенъ съ ними въ духовномъ поклоненіи Христу.

Заинтересовавшись квакерами, императоръ выразилъ желаніе видѣть одинъ изъ ихъ домовъ; но это было невозможно въ суетѣ лондонской жизни. Онъ хотѣлъ сдѣлать это въ Брайтонѣ, но и тамъ громадная толпа народа помѣшала ему въ этомъ. Уже на пути въ Дувръ императоръ увидѣлъ квакера съ женой, стоявшихъ у дверей своего дома и смотрѣвшихъ на поѣздъ. Императоръ велѣлъ остановиться, вышелъ съ великой княгиней изъ экипажа и просилъ у хозяевъ позволенія видѣть внутренность ихъ дома. Имъ показали главныя комнаты и они приняли завтракъ, предложенный хозяевами. Прощаясь, великая княгиня «поцѣловала жену квакера», а императоръ поцѣловалъ ея руку ¹⁾.

Кромѣ «Жизни Вильяма Аллена» и «Мемуаровъ Грелле», по которымъ составилъ свой рассказъ Кеннинггэмъ, эта аудіенція была также описана и третьимъ членомъ квакерской депутаціи, Вилькинсономъ, у котораго мы заимствуемъ еще нѣкоторыя подробности. Вилькинсонъ, какъ и его товарищи, съ великимъ уваженіемъ и похвалами говоритъ о благочестіи императора, который высказывалъ вообще большое сочувствіе къ духовнымъ принципамъ квакерской религіи. Разспрашивая объ ихъ обществѣ, онъ между прочимъ сказалъ: «какимъ образомъ никто изъ людей вашего общества не былъ въ Россіи? Если кто-нибудь изъ нихъ отправится въ мою страну по религиознымъ предметамъ, пусть онъ не ждетъ представленія, а приходитъ прямо ко мнѣ; я буду радъ видѣть его». Эти послѣднія слова онъ повторилъ еще разъ. Прощаясь съ квакерами, онъ говорилъ: «я расстаюсь съ вами какъ другъ и братъ» ²⁾.

Рассказъ Вилькинсона, въ частномъ письмѣ отъ 21 іюля 1814 г., напечатанъ былъ въ особой книжкѣ въ 1817 году ³⁾.

¹⁾ Cunnigham, стр. 241—245.

²⁾ Мы упомянули уже, что квакеры называютъ себя *друзьями*.

³⁾ A Correct Statement of what passed at a conference between the Emperor Ale-

Понятно, что благосклонность императора и приведенныя слова его могли казаться почти прямымъ приглашеніемъ для квакеровъ побывать въ Россіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ они дѣйствительно отправились въ новую миссію, цѣлью которой была на этотъ разъ и Россія. Предпріимчивость квакеровъ и внимательность, оказанная имъ со стороны императора Александра, довольно понятны при тогдашнихъ обстоятельствахъ секты и вкусахъ императора. Въ это время — замѣчаетъ Кеннингэмъ — за квакерами установилась репутація самой благожелательной и человѣколюбивой секты въ мірѣ. И дѣйствительно, всѣмъ извѣстны были стремленія квакеровъ къ уничтоженію невольничества; Елизавета Фрей была уже извѣстна своими трудами для улучшенія тюремъ; школы взаимнаго обученія, дѣло Ланкастера, сильно поддерживаемое Алленомъ, начали быстро распространяться за предѣлы Англіи. «Быть квакеромъ, значило быть филантропомъ; и свѣтъ охотно прощалъ нелѣпости костюма и обычаевъ за горячее сердце, которое билось подъ квакерской одеждой». Въ той части общества, которая искренно желала улучшеній, питала въ себѣ надежды на исправленіе общественныхъ порядковъ, дѣятельность квакеровъ, при всей односторонности, могла находить симпатію, какъ Овэнъ и Бентамъ могли соединяться въ одномъ дѣлѣ съ Уокеромъ и Алленомъ. Въ обществахъ было еще много порывовъ свободы и человѣколюбія; еще не успѣлъ остыть энтузіазмъ временъ войны за освобожденіе, и лучшіе люди, иногда весьма различныхъ политическихъ и религіозныхъ принциповъ, сближались на общихъ отвлеченныхъ интересахъ человѣческой нравственности и благосостоянія. Въ первые годы реставраціи, когда еще не наступило послѣднее столкновеніе враждебныхъ общественныхъ элементовъ, «либерализма» и реакціи, даже въ числѣ людей, ставшихъ потомъ открытыми врагами общественной свободы, было много такихъ, которые при всѣхъ реакціонныхъ наклонностяхъ участвовали въ этихъ планахъ нравственнаго освобожденія человѣчества: филантропія была въ то время въ большомъ ходу, и такъ какъ занятія этой филантропіей въ сущности ни въ чему особенному не обязывали, то она и могла пріобрѣтать много приверженцевъ даже въ чисто реакціонномъ лагерѣ, и филантропы-реакціонеры готовы были думать, что этимъ способомъ достаточно удовлетво-

---

xander and a deputation from the Society of Quakers; consisting of J. Wilkinson, S. Grillette, and Wm. Allen, etc. London 1817. 26 стр. Здѣсь, стр. 9—17, описаніе бесѣды съ «истинно христіанскимъ императоромъ» въ частномъ письмѣ Вилькинсона (one of Three who were admitted to an Audience with the truly Christian Emperor). Самой «Жизни Аллева» и Мемуаровъ Грезье мы не имѣли подъ руками.

ряются потребности народа и общества. Такъ думали и нѣкоторые правители. Они не думали тогда, что это была только капля въ морѣ общественныхъ неустройствъ, требовавшихъ совсѣмъ много, болѣе широкаго и послѣдовательнаго исправленія. Императоръ Александръ представлялъ одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ этого неопредѣленно-мечтательнаго либерализма и филантропіи. Онъ несомнѣнно желалъ добра, былъ упоренъ въ своихъ стремленіяхъ къ тому, что считалъ этимъ добромъ, но къ сожалѣнію, въ увлеченіяхъ своего личнаго чувства онъ не видѣлъ всей сущности задачи; онъ поддавался увлеченіямъ и мечтаніямъ, и удовлетворялся ими одними... Въ квакерахъ онъ видѣлъ живое олицетвореніе представлявшихся ему идеальныхъ стремленій, и отсюда объясняется его особенная благосклонность къ «друзьямъ».

«Друзья» между тѣмъ продолжали свою пропаганду. Грелье вернулся въ Америку, но черезъ два года его снова потянуло въ Европу, и онъ отправился въ новое странствіе. Въ половинѣ 1818 г. онъ былъ уже въ Лондонѣ, у своего друга Аллена. Вскорѣ они отправились въ путь; черезъ Норвегію и Швецію, гдѣ ласково были приняты шведскимъ королемъ, они прибыли въ Петербургъ, гдѣ нашли нѣсколько «друзей».

Первый визитъ ихъ былъ къ князю А. Н. Голицыну. Они объяснили ему, что «мотивомъ для посѣщенія Россіи было у нихъ чувство религіозной обязанности, наложенной на нихъ великимъ Отцомъ человѣческой семьи, и сильное желаніе содѣйствовать общему благу челоѣчества», — программа, чрезмѣрная идеальность которой въ то время не бросалась въ глаза, даже въ Петербургѣ.

Квакеры просили позволенія осмотрѣть шхолы, тюрьмы, больницы и другія общественныя учрежденія. Кн. Голицынъ далъ имъ это позволеніе и сказалъ, что императоръ, котораго тогда не было въ Петербургѣ, писалъ ему, чтобъ онъ принялъ квакеровъ какъ его друзей и удержалъ ихъ до его возвращенія.

Квакеры начали свои труды. Посѣтивъ тюрьмы, они увидѣли, что труды Елизаветы Фрей были уже извѣстны въ Петербургѣ и что въ тюрьмахъ сдѣланы были нѣкоторые улучшенія; но вообще, квакеры нашли здѣсь много недостатковъ, которые ихъ опечалили. Они были очень обрадованы, когда увидѣли, что въ шхолахъ была въ полномъ дѣйстви Ланкастерова система. Они однако сожалѣли, встрѣтивъ между учебными книгами одну — книжку изреченій (a book of sentences), состоящую главнымъ образомъ изъ переводовъ съ французскаго и заключавшую не совсѣмъ одобрительныя мысли. Они тотчасъ при-

нялись за дѣло и составили учебную книжку, состоявшую исключительно изъ библейскихъ изреченій; по словамъ мемуаровъ Грелье, императоръ впослѣдствіи ввелъ эту книжку въ русскія школы, а потомъ она была принята Британскимъ и Иностраннымъ Школьнымъ Обществомъ. Кромѣ школъ, госпиталей и т. п., квакеры знакомились и съ различными сферами русскаго общества; они появлялись въ аристократическихъ домахъ и сдѣлали визиты важнымъ духовнымъ лицамъ. Извѣстны напр. ихъ бесѣды съ митрополитомъ Михаиломъ и епископомъ Филаретомъ, впослѣдствіи московскимъ митрополитомъ.

Между тѣмъ, императоръ воротился въ Петербургъ, и вскорѣ послалъ за квакерами. Онъ принялъ ихъ въ небольшомъ кабинетѣ, посадилъ ихъ подлѣ себя, называлъ ихъ «старыми друзьями», вспоминалъ о свиданіи съ ними въ Лондонѣ и т. д. Квакеры говорили ему о своихъ занятіяхъ, о томъ положеніи, въ какомъ они нашли тюрьмы, сообщали о трудахъ Елизаветы Фрей, и излагали свой взглядъ, что человѣчество слишкомъ долго слѣдовало системѣ, цѣлью которой было скорѣе мщеніе, чѣмъ исправленіе; что система возмездія несостоятельна, и что съ духомъ христіанской любви гораздо согласнѣе другая система, которую уже время попробовать. Они указывали, что могло бы быть сдѣлано для большаго успѣха тюремной реформы, для которой трудился въ Петербургѣ Вальтеръ Веннингъ. Они сообщили императору свои наблюденія относительно школъ, сказали объ упомянутой выше книжкѣ сентенцій и о той, которую составили они сами. Императоръ выразилъ имъ свое удовольствіе и желаніе послѣдовать ихъ совѣтамъ. Въ концѣ свиданія, продолжавшагося два часа, императоръ самъ предложилъ имъ провести вмѣстѣ нѣсколько времени въ религіозномъ самоуглубленіи и внутренней молитвѣ (по квакерскому обычаю). Квакеры сами были расположены къ этому и исполнили его желаніе.

Черезъ три недѣли, императоръ снова послалъ за Алленомъ и Грелье. Императоръ сказалъ имъ, что онъ сдѣлалъ нѣкоторыя изъ предложенныхъ ими улучшеній, освободилъ нѣсколькихъ заключенныхъ, которыхъ они считали несправедливо наказанными, и такъ былъ доволенъ ихъ книжкой уроковъ изъ св. писанія, что рѣшился ввести ее во всѣ школы имперіи. Онъ говорилъ имъ о своей личной исторіи, о томъ, какъ мало было развиваемо въ немъ религіозное чувство, какъ, однако, оно жило въ немъ въ скрытомъ состояніи и раскрылось для него въ 1812 году, когда онъ сталъ читать Библию. Его рассказъ именно соотвѣтствовалъ квакерскому представленію объ отношеніи внутренняго свѣта къ внѣшнему слову. При концѣ бесѣды императоръ

сказалъ, что онъ желалъ бы, какъ прошлый разъ, провести съ ними нѣсколько времени въ молчаніи. «Это была торжественная минута, — говоритъ Алленъ; — доказательство божественнаго освѣненія было ясно, сильно, неоспоримо; это было точно воссѣданіе на небесахъ во Иисусѣ Христѣ. Черезъ нѣсколько времени; Стефенъ говорилъ самымъ пріятнымъ образомъ, и императоръ, безъ сомнѣнія, долго будетъ вспоминать его слова. Я думалъ, что мнѣ слѣдуетъ теперь принести молитву, но это казалось мнѣ такъ страшно, что я рѣшился на это только съ большимъ трудомъ; но наконецъ я всталъ, повернулся ¹⁾ и сталъ на колѣни, императоръ подошелъ къ софѣ и сталъ на колѣни подлѣ меня, и тогда мнѣ дана была сила, какой я не чувствовалъ никогда прежде, и драгоценная сила сопровождала слова. Когда это кончилось, я нѣсколько времени молчалъ и затѣмъ всталъ; вскорѣ онъ также всталъ, и мы просидѣли нѣсколько минутъ въ молчаніи.» Прощаясь, императоръ былъ очень тронутъ, онъ былъ въ слезахъ и взявъ руку Аллена, онъ поднялъ ее и поцѣловалъ ²⁾.

«Странная, но справедливая исторія», замѣчаетъ Кеннингемъ, изумляясь этому удивительному братству между могущественнѣйшимъ монархомъ міра и двумя иностранцами, англійскимъ и американскимъ квакерами.

Исторія дѣйствительно странная и очень любопытная, какъ психологическая черта императора Александра, въ характерѣ котораго, особенно въ послѣдніе годы, было столько разнорѣчащихъ, даже совершенно противоположныхъ явленій, до сихъ поръ мало поддававшихся объясненію.

До отъѣзда своего изъ Петербурга, квакеры были приглашены и къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, которую нашли въ обычномъ печальномъ настроеніи. Въ Петербургѣ квакеры пробыли четыре мѣсяца, и отправились затѣмъ въ дальнѣйшій путь. Князь Голицынъ снабдилъ ихъ письмами къ губернскимъ властямъ, гдѣ рекомендовалъ ихъ какъ лицъ, близко извѣстныхъ императору. Естественно, что власти свѣтскія и духовныя вездѣ принимали ихъ съ почетомъ. Черезъ Москву, они отправились на югъ Россіи, гдѣ между прочимъ посѣтили молоканъ и почувствовали къ нимъ большое расположеніе, потому что въ ихъ религіозныхъ понятіяхъ нашли много общаго съ своими собственными. Квакеры вообще старательно отыскивали секты, въ которыхъ находили сходство съ своими вѣрованіями; между прочимъ, они розыскали въ этомъ родѣ одну секту въ Индіи,—по-

¹⁾ Turned round, т. е. по-квакерски.

²⁾ Canningham, стр. 265 — 269.

нятно, что русская «духовная» секта должна была доставить имъ большое удовольствіе. Изъ южной Россіи квакеры отправились по Черному морю въ Константинополь, оттуда въ Грецію и на Ионическіе острова; въ Мальтѣ они разстались; Грелье отправился уже одинъ въ Италію, въ Римѣ онъ бесѣдовалъ съ папой, провозглашалъ въ его дворцѣ свободу совѣсти и внушалъ святому отцу, чтобы онъ отказался отъ своего мнимаго главенства надъ церковью... Изъ Англіи Грелье возвратился опять въ Америку. Съ Вильямомъ Алленомъ мы встрѣтимся еще разъ.

Бесѣды съ квакерами, вѣжется, не остались безъ вліянія на императора. Съ 1812 года, когда для него начался періодъ усиленной религіозности, онъ постоянно искалъ какой-нибудь опоры для своего религіозно-идеальнаго настроенія; не находя ея въ ближайшей обстановкѣ, мало питавшей его мистическій идеализмъ, онъ сближался съ людьми и сектами, въ которыхъ ожидалъ найти ее — посѣщалъ геррингтеровъ, бесѣдовалъ съ Юнгомъ-Штиллингомъ, съ г-жей Крюднеръ. Квакеры, повидимому, произвели на него особенное впечатлѣніе, — его симпатіи къ нимъ сохранялись очень долго. Въ религіозныхъ мнѣніяхъ Александра является та черта космополитической религіозности, которая естественно развивалась рядомъ съ его личными религіозными связями; вліяніе этихъ космополитическихъ взглядовъ Александра отразилось и на русской общественной жизни. Когда въ самомъ русскомъ обществѣ начиналось движеніе въ томъ же смыслѣ, это движеніе получало, конечно, особенные шансы успѣха и дѣйствительно приобрѣло этотъ успѣхъ. Въ русскомъ обществѣ открыто заявляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ небывалая никогда прежде терпимость къ чужимъ исповѣданіямъ, и мистическая «внутренняя церковь» становится почти господствующей церковью. Съ 1814 года Александръ начинаетъ особенно покровительствовать Библейскому Обществу и оно быстро распространяется по всей Россіи. Онъ интересуется ланкастерскими школами, которымъ такъ покровительствовали квакеры, и ланкастерская система также сильно распространяется. Вильямъ Алленъ оказывалъ въ Лондонѣ всякое содѣйствіе Гамелю, который занялся изученіемъ ланкастерской системы по порученію министерствъ а внутреннихъ дѣлъ ¹⁾; въ 1815 году послано было за границу нѣсколько студентовъ педагогическаго института съ спеціальной цѣлью изученія ланкастерской системы и новыхъ си-

¹⁾ См. любознательную книгу: «Описаніе способа взаимнаго обученія по системамъ Ланкастера и другихъ и пр. Доктора мед. I. Гамеля». Пер. съ нѣм. Спб. 1820.

стемъ швейцарской педагогін. Ланкастерскія школы стали учреждаться даже въ полкахъ для обученія солдатъ; кажется, первая школа этого рода была устроена въ Мобежѣ, во Франціи, гдѣ стояли тогда русскія войска; потомъ такія школы учреждаемы были при полкахъ и въ Петербургѣ. Приѣздъ квакеровъ въ Петербургъ кажется еще больше оживилъ это дѣло: въ 1819 г. въ Петербургѣ уже основывается цѣлое общество для устройства ланкастерскихъ школъ, и въ числѣ лицъ, которыя здѣсь трудились, были, кажется, люди, прямо принадлежавшіе квакерскому обществу¹⁾.

О какой неодобрительной книгѣ говорили квакеры императору Александру, и какіе «уроки изъ свящ. писанія» они предложили взамѣнъ ея, объ этомъ мы не имѣемъ пока ближайшихъ свѣдѣній. Но съ этимъ указаніемъ совпадаютъ по времени и обстоятельствамъ слѣдующіе факты. Именно въ это время членъ главнаго правленія училищъ, епископъ Филаретъ, предложилъ этому правленію о неодобрительности извѣстной книги «о должностяхъ человѣка и гражданина», изданной первоначально въ 1783 г. для народныхъ училищъ и употреблявшейся вообще въ школахъ. Филаретъ именно указывалъ, что въ этой книгѣ должности человѣка и гражданина «изложены по философскимъ началамъ, всегда слабымъ». Вслѣдствіе предложенія Филарета, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія велѣлъ отобрать изъ училищъ всѣ экземпляры этой книги и уничтожить ихъ²⁾. Другой фактъ — тотъ, что въ томъ же 1819 г. при главномъ правленіи училищъ (гдѣ только послѣ, въ 1820 году, учрежденъ былъ особый комитетъ для составленія учебниковъ по ланкастерской методѣ) были напечатаны таблицы чтенія изъ священнаго писанія, составленныя по ланкастерской методѣ Филаретомъ. Любопытно изслѣдовать, не было ли мнѣніе Филарета, поданное въ главное правленіе училищъ, только отголоскомъ того, что говорили квакеры Александру, и его таблицы только копіей или переводомъ ихъ книжки? Обѣ эти вещи могли быть сдѣланы именно для исполненія желаній императора Алексан-

¹⁾ Не имѣя теперь положительныхъ свѣдѣній объ этомъ, мы предполагаемъ это объ (англичанкѣ) Саррѣ Кильгамъ, или Килсамъ, управлявшей, въ 1821 г., «образцовымъ училищемъ для образованія дѣтей женскаго пола по правиламъ взаимнаго обученія». См. Соревн. Просвѣщ. и Благотворенія, 1828, ч. XXIII, стр. 216. Женщина съ этой фамиліей (Hanna Kilham) была ревностная миссіонерка квакерскаго общества: она проникла въ Африку и тамъ занималась обученіемъ. Cunningham, стр. 306.

²⁾ Записки Шишкова, стр. 85.

дра, — и всего ближе могъ ихъ исполнить Филареть, близкій другъ и помощникъ кн. Голицына, конечно знавшаго эти подробности бесѣды квакеровъ съ Александромъ.

Впослѣдствіи, Шишковъ въ свою очередь напалъ на Филарета и защищалъ уничтоженную книгу, и въ этомъ случаѣ былъ конечно правъ, потому что книга «о должностяхъ челоуѣка и гражданина» не только не была вредна, но могла бы быть и гораздо полезнѣе многихъ позднѣйшихъ книгъ. Винить ли квакеровъ за этотъ поданный ими примѣръ въ преслѣдованіи книгъ, если имъ дѣйствительно принадлежитъ начало этого страннаго уничтоженія? Но квакеры были въ правѣ не находить этой книжки по своему вкусу и могли выразить свое мнѣніе; и едва ли не больше виноваты сами услужливые исполнители, которымъ можно было бы не торопиться уничтоженіемъ... Притомъ, если въ этомъ и подобныхъ случаяхъ квакеры могли давать плохіе совѣты, то справедливость требуетъ сказать, что они давали и хорошіе, — не ихъ вина, если хорошіе совѣты не исполнялись, а исполнялись дурные.

Новое свиданіе съ Вильямомъ Алленомъ императоръ Александръ имѣлъ въ 1822 году. Императоръ долженъ былъ отправиться на Веронскій конгрессъ; Алленъ воспользовался этимъ случаемъ и отправился въ Вѣну, гдѣ, какъ ему было извѣстно, императоръ долженъ былъ остановиться на нѣсколько времени по пути въ Верону. Квакеры продолжали свою борьбу противъ торговли неграми. Дѣло это все еще не было кончено, потому что торговля, хотя и запрещенная на бумагѣ, продолжала существовать на дѣлѣ, и даже процвѣтала больше, чѣмъ когда-нибудь. Квакерамъ хотѣлось, чтобы она преслѣдовалась какъ пиратство, — этимъ однимъ средствомъ можно было бы остановить ее, и Алленъ думалъ воспользоваться «дружбой» императора Александра, чтобы эта мѣра могла быть проведена на конгрессѣ.

Въ концѣ сентября Алленъ прибылъ въ Вѣну, и Александръ скоро послалъ за нимъ. Ихъ новая встрѣча была такая же дружеская, какъ въ Петербургѣ. Императоръ отдалъ ему весь вечеръ, и самъ предложилъ Аллену начать молитвой; квакеръ предпочелъ сначала разговоръ о занимавшихъ его предметахъ. Онъ говорилъ о меннонитскихъ колоніяхъ, о русскихъ ланкастерскихъ школахъ, о греческомъ вопросѣ, наконецъ, о торговлѣ неграми; Александръ отвѣчалъ на послѣднее, что онъ совершенно сочувствуетъ мнѣніямъ Аллена, и обѣщалъ сдѣлать на конгрессѣ все, что можетъ, по этому предмету. Алленъ расска-

зываетъ, что въ продолженіе всего разговора императоръ показывалъ такую мягкость и благосклонность, что у него пропалъ всякій страхъ и они говорили такъ фамиллярно, какъ старые друзья. Вечеръ кончился опять квакерской молитвой вмѣстѣ... Въ заключеніе,—говоритъ Алленъ,—«мы оба были пронивнуты сладкимъ чувствомъ божественной благодати; и когда я замѣтилъ, что это заставило меня на минуту забыть различіе нашихъ положеній, онъ съ чувствомъ обнялъ меня рукой».

Нѣсколько дней спустя квакеръ снова былъ у императора и пилъ у него чай—отказавшись отъ сахару, котораго Алленъ не употреблялъ, какъ продукта невольничьяго труда. Бесѣда опять длилась долго; императоръ повѣрялъ квакеру свои религіозные опыты и постоянную внутреннюю борьбу. Наконецъ, они провели нѣсколько времени въ молчаніи и молитвѣ. На прощаньи императоръ поцаловалъ квакера.

Алленъ приобрѣлъ въ Вѣнѣ большую извѣстность; онъ посѣщалъ дипломатовъ, въ особенности онъ имѣлъ сношенія съ княземъ Эстергази и герцогомъ Веллингтономъ, которые совѣтовали ему отправиться въ Верону, гдѣ долженъ былъ разбираться и занимавшій его вопросъ о невольничествѣ. Но въ Веронѣ Алленъ увидѣлъ, что вопросъ сильно запутывался, и надежды его не исполнились. Здѣсь онъ опять имѣлъ два свиданія съ императоромъ Александромъ. На одномъ изъ нихъ зашла рѣчь о вѣротерпимости, по поводу вальденсовъ, которыхъ преслѣдовалъ король сардинскій ¹⁾. Императоръ полагалъ, что если сектаторы нападаютъ на господствующую религію, то власть должна вмѣшаться; но квакеръ не соглашался съ этимъ и изложилъ взглядъ своей секты о полной свободѣ въ предметахъ религіи. Концомъ ихъ бесѣды и теперь, какъ прежде, были молчаніе, въ ожиданіи осѣненія святаго Духа, и молитва. Императоръ обнялъ и три раза поцаловалъ Аллена. «Ахъ, сказалъ онъ, когда и гдѣ мы еще встрѣтимся!» ²⁾.

Они уже больше не встрѣтились; но это все-таки не была послѣдняя квакерская бесѣда императора Александра. Черезъ два года послѣ этого былъ въ Петербургѣ другой извѣстный дѣятель квакерства, Томасъ Шиллитѣ (Shillitoe, род. 1754): онъ два раза принятъ былъ императоромъ,—они говорили о своихъ ре-

¹⁾ Вслѣдствіе этого разговора, — какъ разсказывается въ мемуарахъ Грелье, — императоръ принялъ большое участіе въ этомъ горномъ племени, и впоследствии устроилъ для нихъ госпиталь въ Да-Турѣ.

²⁾ Canningham, стр. 281 — 285.

лигіозныхъ опытахъ, сидѣли въ молчаніи и вмѣстѣ молились. Этотъ Томасъ Шиллитѣ извѣстенъ, между прочимъ, какъ одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ о трезвости, ради которой стали основываться потомъ извѣстныя общества: онъ не пилъ вина, употреблялъ только растительную пищу и былъ великимъ врагомъ пьянства.

Квакеры вообще должны были имѣть видъ большихъ чудачковъ: начиная съ ихъ нравственныхъ особенностей, постоянныхъ вдохновеній, руководившихъ ихъ важными рѣшеніями, ихъ смѣлаго и оригинальнаго вмѣшательства въ нравственно-общественные вопросы, ихъ миссіонерскихъ странствованій и страсти обращать государей къ своимъ принципамъ, начиная съ этого и кончая оригинальнымъ костюмомъ и внѣшними приѣмами, они бросались въ глаза, появляясь въ средѣ общества. Но рядомъ съ этими странностями твердость убѣжденія, не отступавшая ни передъ чѣмъ, давала имъ авторитетъ, на какой они не могли бы имѣть притязанія по обыкновеннымъ отношеніямъ. Упорное миссіонерство должно было особеннымъ образомъ закалять характеры и убѣжденія, и они рѣшались на поступки, которые считъ бы невозможными всякій другой. Грелье убѣждаетъ папу отказаться отъ своей власти; Шиллитѣ представляетъ въ 1813 адресъ принцу-регенту, гдѣ изображаетъ ему его грѣхи и т. п. Этотъ Шиллитѣ былъ въ особенности чудачъ. Его описываютъ такимъ образомъ:

«Томасъ Шиллитѣ (которому во время свиданія съ Александромъ было семьдесятъ лѣтъ) былъ маленький человѣкъ съ живыми движеніями, довольно оригинальной головой и лицомъ: выдавшійся лобъ, глубоко лежавшіе глаза съ густыми бровями, брючковатый носъ, и сильно выдававшаяся нижняя челюсть, показывавшая рѣшительность. Нервность его темперамента доходила до опасной болѣзненности. Онъ слышалъ голоса, говорившіе его внутреннему чувству. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ воображалъ себя чайникомъ, и очень боялся, чтобы люди, подходившіе къ нему близко, не разбили его. Въ другомъ припадкѣ ипохондріи онъ думалъ, что ему надо бѣжать бѣгомъ черезъ лондонскій мостъ, чтобы мостъ не сломался подъ его тяжестью. Одинъ поразительный случай убійства такъ подѣйствовалъ на его воображеніе, что онъ нѣсколько недѣль скрывался, чтобы его не приняли за убійцу. Увидѣть мышъ стоило бы ему болѣзани. Онъ часто «пугался изъ страха, чтобы чего-нибудь не испугаться», какъ онъ самъ описывалъ свое непріятное состояніе; и однакоже въ другихъ случаяхъ этотъ человѣкъ былъ неустрашимъ, какъ герой».

Англійскій историкъ замѣчаетъ: «Таковыми людьми наполнены у насъ дома умалишенныхъ, но изъ такихъ же людей образовались нѣкоторые изъ нашихъ величайшихъ гениевъ и благодѣтелей. На одинъ лишній волосокъ въ ту или другую сторону, и въ этомъ вся разница». (Cunningam, стр. 225).

Мы видимъ такимъ образомъ, что это пристрастіе императора Александра къ квакерству вовсе не было въ немъ случайной прихотью. Напротивъ, оно соответствовало всему характеру его религіозности. Его мистическое настроеніе склонно было искать необычнаго и чудеснаго и потому легко увлекается странными или вычурными формами, дѣйствующими на воображеніе и на нервы. Точно также онъ увлекался Юнгомъ-Штиллингомъ, г-жей Крюднеръ; въ Петербургѣ онъ, по разсказу Шницлера, посѣщалъ велью какого-то схимника и поддавался даже краснорѣчю архимандрита Фотія.

Воспитаніе, какъ и самъ онъ говорилъ, не дало ему твердо опредѣленныхъ религіозныхъ понятій, и потому онъ сталъ потомъ исвать ихъ самъ, когда внутренняя тревога обратила его въ религію. Это началось въ то время, когда ему пришлось выносить тяжелыя испытанія и его нравственныя силы были потрясены, и потому его мистическія увлеченія были такъ порывисты и нервны. Въ организмѣ физическомъ бываютъ состоянія, которыя особенно способствуютъ мистической мечтательности, — это обстоятельство, кажется, играло роль и въ настоящемъ случаѣ. Какъ бы то ни было, императоръ Александръ остался навсегда съ этимъ мистицизмомъ.

Кромѣ этого чисто мистическаго элемента, въ тогдашнемъ нравственномъ настроеніи Александра, какъ оно обнаруживается и въ сношеніяхъ съ квакерами, былъ также другой элементъ — мягкаго гуманнаго чувства. Это чувство было кажется врожденнымъ свойствомъ его характера; оно не всегда выражалось въ его политикѣ и правленіи, въ сложности, вообще выразилось меньше, чѣмъ можно было бы ожидать по его воспитанію и первымъ его дѣйствіямъ; оно часто извращалось и даже вовсе отсутствовало во многихъ случаяхъ его вѣншей и внутренней дѣятельности, но едва ли можно сомнѣваться, что оно оставалось до конца его свойствомъ и никогда не покидало его вполне. Въ періодъ реставраціи оно съ особенной силой направилось на ту отмеченную филантропію, о которой мы выше упоминали: по этимъ

побужденіямъ онъ сталъ теперь покровительствовать библейскимъ обществамъ, раздѣлялъ филантропическія планы Аллена и Грелье, поощрялъ ланкастерскія школы, заявлялъ свое благоволеніе Песталоцци, наконецъ выслушивалъ планы Роберта Оуэна — на Ахенскомъ конгрессѣ¹⁾).

Но во всемъ этомъ онъ въ то же время обнаруживалъ большую нерѣшительность: увлекаясь, повидимому, вполне извѣстной идеей, онъ, однако, не давалъ ей полной воли надъ собой. Извѣстно, что такія же колебанія обнаруживались и въ его цѣлой политической дѣятельности за это время, въ которой онъ попеременно то одушевлялся великодушными планами для блага и свободы народовъ, то отдавался паническому страху передъ ожидаемыми революціями; эти колебанія и происходившія изъ нихъ противорѣчія его поступковъ объясняли часто тонкимъ притворствомъ и макиавелизмомъ и называли Александра византійскимъ грекомъ. Но такія объясненія едва ли вѣрны; едва ли не слѣдуетъ скорѣе принять, что Александръ не могъ выйти самъ изъ постоянной борьбы противоположныхъ принциповъ и влеченій, какъ это было и съ его религіозными понятіями; онъ не могъ выйти изъ противорѣчія между крайней спиритуалистической религіозностью, какая одушевляла его самого и сближала его съ квакерами, и тѣми традиціонными представленіями, въ силу которыхъ дѣйствовалъ на него архимандритъ Фотій. Онъ былъ, конечно, искрененъ въ своихъ бесѣдахъ съ квакерами, и читая ихъ рассказы объ этихъ бесѣдахъ, едва ли можно увидѣть въ немъ византійскаго грека.

А. II.

¹⁾ Р. Оуэнъ представлялъ своимъ монархамъ мемуаръ, излагавшій его взгляды о преобразованіи общества, и его потомъ извѣстали, что его мемуаръ нашли самымъ важнымъ документомъ, какіе были представлены конгрессу. Booth, R. Owen, стр. 79. Но конечно изъ этого ничего не вышло.

М Е М У А Р Ы

ИЗЪ

ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.

(1825 — 1839 г.)

Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen. Beiträge zur Geschichte des St.-Petersburger Militäraufstandes vom 14 (26). December 1825 und seiner Theilnehmer. Leipzig, 1869.

«Я слишкомъ хорошо знаю—говорить не назвавши себя на обертѣ сочиненія составитель «Мемуаровъ одного изъ русскихъ декабристовъ» — что характеръ и образъ дѣйствія большинства людей опредѣляются духомъ времени и обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ они развивались, а потому не рѣшусь злобно отнестись даже и къ тѣмъ, которые были къ намъ строги. Я хотѣлъ бы также просить своихъ читателей, а особенно тѣхъ между ними, которые смутятся при томъ или другомъ извѣстїи, сообщаемомъ мною, — я просилъ бы ихъ обратить вниманіе и не упускать изъ виду того порядка вещей, при которомъ мы были осуждены и наказаны: это имъ объяснить многое и вмѣстѣ послужить основаніемъ для извиненія въ томъ, почему съ нами поступили такъ, а не иначе. Тоже случится и съ тѣми, которые увидятъ какое-нибудь дорогое имъ имя связаннымъ съ дѣянїями того времени, съ дѣянїями, которыя въ настоящее время, вѣроятно, оказались бы невозможными... Истина и ничего кромѣ истины не должно быть сказано теперь, послѣ того какъ пущено въ свѣтъ столько ложнаго и несправедливаго и о насъ, декабристахъ, и о нашихъ противникахъ. Именно въ наше время, бывши свидѣтелемъ великихъ реформъ, совершен-

ныхъ въ Россіи, дѣлается особенно интереснымъ изображеніе во всѣхъ подробностяхъ замѣчательнѣйшаго періода прошедшей исторіи, и автору мемуаровъ о той эпохѣ теперь остается одна цѣль, а именно, дать вѣрныя свѣдѣнія какъ о собственной судьбѣ и стремленіяхъ, такъ и о судьбѣ и стремленіяхъ своихъ друзей».

Прочтя самыя мемуары до конца, мы должны согласиться, что такое предисловіе въ нихъ было не фразою или риторическимъ маневромъ со стороны ихъ автора: безпристрастіе къ себѣ и къ «противникамъ», полное незлобія, невозмутимое спокойствіе и трезвый взглядъ на прошедшее не оставляютъ автора ни на минуту и внушаютъ читателю совершенное довѣріе къ словамъ человѣка, который поставилъ себѣ задачею оправдать отъ нареканій не только себя, но и своихъ противниковъ.

Таково первое и самое важное отличіе этихъ мемуаровъ отъ многого, что было писано до сихъ поръ о послѣднихъ годахъ Александровской эпохи. Кромѣ того, всѣ, занимавшіеся декабрьскими событіями, сосредоточивали главное вниманіе на самой ихъ развязкѣ, которая, какъ видно, была совершенно случайна и неожиданна для самихъ дѣйствующихъ лицъ, а потому говорили подробно только о самомъ днѣ возстанія, о процессѣ, послѣдовавшемъ за нимъ, и наказаніи; между тѣмъ авторъ настоящихъ мемуаровъ не забываетъ и событій, приведшихъ въ 14-му декабря, и почти одинъ сообщаетъ намъ разнообразныя подробности жизни ссыльныхъ въ Сибири.

Авторъ записокъ, какъ мы замѣтили, не выставилъ своего имени на книгѣ, но въ самомъ текстѣ объясняется вполне, кому принадлежать мемуары, а при сводѣ разбросанныхъ извѣстій объ авторѣ весьма легко назвать его даже по имени. Авторъ служилъ въ финляндскомъ егерскомъ полку, въ чинѣ поручика. 14-го декабря, онъ остановился съ своею ротой на Исакіевскомъ мосту (который тогда соединялъ Васильевскій островъ съ Сенатскою площадью), съ тѣмъ чтобы оказать, какъ въ томъ послѣ его обвинили, пассивную помощь инсургентамъ, не допустивъ другіе полки, не участвовавшіе въ возстаніи, къ переходу. Когда впоследствии авторъ былъ переведенъ изъ Сибири на Кавказъ, одинъ изъ знавшихъ его въ Петербургѣ, говоря о немъ, назвалъ его барономъ Р. (стр. 341); упоминая о своемъ наказаніи, авторъ объявляетъ, что онъ былъ помѣщенъ въ пятую категорію и одинъ, вмѣстѣ съ Глѣбовымъ, не получилъ облегченія своей участи, а на стр. 135 представленъ имъ полный списокъ пятой категоріи, при замѣчаніи, что «Глѣбову и барону *Розену* приговоръ ихъ не былъ смягченъ».

Ближайшее свое отношеніе къ партіямъ, на которыя раздѣ-

лялось общество въ послѣдніе годы правленія Александра I-го, авторъ высказалъ съ обычною ему искренностью на своемъ первомъ допросѣ, 8-го января 1826, въ комиссіи.

«Въ девять часовъ вечеромъ 8-го января, вошелъ ко мнѣ плацъ-маіоръ, съ цѣлю вести меня въ слѣдственную комиссію, которая собиралась ежедневно въ домѣ коменданта. Онъ завязалъ мнѣ глаза, и на этотъ разъ такъ плотно, что все мое лицо было имъ покрыто. На лѣстницѣ, ведшей въ комендантскую, я слышалъ голоса, съвозъ платовъ можно было рассмотреть каретные фонари; передняя была наполнена лавеями. Въ слѣдующей комнатѣ плацъ-маіоръ посадилъ меня на стулъ и приказалъ ожидать его возвращенія. Я тотчасъ приподнялъ платовъ, и увидѣлъ большія двухстворчатыя двери, позади меня огромныя ширмы, за ширмами двѣ свѣчки, а въ комнатѣ ни одной души. Не знаю, откуда мнѣ пришла мысль, что вотъ-вотъ двери распахнутся и меня застрѣлятъ? Очевидно, это было воображеніе, настроенное таинственнымъ обращеніемъ со мною плацъ-маіора и брѣшкою повязкою глазъ. Такъ просидѣлъ я часъ. Наконецъ явился плацъ-маіоръ и повелъ меня съ завязанными глазами чрезъ ближайшую, весьма хорошо освѣщенную комнату; я слышалъ скрипъ множества перьевъ, не имѣя однако возможности рассмотреть писцовъ. Въ дальнѣйшей комнатѣ опять скрипъ перьевъ, и ни одного звука голоса. Наконецъ, достигнувъ третьей комнаты, плацъ-маіоръ сказалъ мнѣ въ полголоса: «стойте тутъ». Съ полминуты не было слышно ни голоса, ни движенія; наконецъ раздались слова: «снимите платовъ!» — Это былъ голосъ великаго князя Михаила. Я увидѣлъ предъ собою столъ; на верхнемъ концѣ сидѣлъ президентъ комиссіи, военный министръ Татищевъ, справа отъ него великій князь, а за нимъ слѣдовали: извѣстный И. И. Дибичъ, С. А. Кутузовъ и генераль-адъютантъ гр. Бенкендорфъ; на лѣво сидѣли вн. А. Н. Голицынъ, единственное гражданское лицо, генераль А. И. Чернышевъ, Левашевъ и полковникъ В. Адлербергъ, на котораго были возложены обязанности секретаря. Всѣ они были во многихъ отношеніяхъ люди достойные уваженія, но никто изъ нихъ не обладалъ качествами компетентнаго и образованнаго юриста... Первый вопросъ предложилъ великій князь: Какимъ образомъ вы могли, будучи вомандиромъ всего какой-нибудь роты стрѣльцовъ, удержать цѣлыя три полка, когда уже полки стояли *впереди* вашей роты? — «Когда баталіонъ возвращался изъ казармъ, его построили въ колонны и такимъ образомъ, моя рота очутилась впереди тѣхъ полковъ». — Извините, я не зналъ этого обстоятельства, замѣтилъ дружескимъ тономъ великій князь. Затѣмъ спрашивалъ Ди-

бичь, съ какою цѣлью я остановилъ моихъ солдатъ посреди Исаіевскаго моста. Я отвѣчалъ, что, замѣтивъ, какъ на Сенатской площади не было ни предводителя, ни единства, ни точности въ распоряженіи, я считалъ болѣе цѣлесообразнымъ стоять на мѣстѣ и не приступать къ дѣйствию. — «Понимаю, — сказалъ Дибичь, въ качествѣ тактика, — вы имѣли въ виду образовать собою хорошій резервъ». — За тѣмъ онъ предложилъ вопросъ: «Съ котораго времени вы принадлежите тайному обществу, и кто васъ ввелъ туда?»

— Я не былъ никогда членомъ какого-нибудь тайнаго общества.

— Вы вѣрно думаете, что дѣло идетъ объ особыхъ обрядахъ или церемоніяхъ, знакахъ и условіяхъ, какъ то дѣлается въ братствѣ масонскихъ ложъ; если вы знали только цѣль общества, то вы уже, значить, членъ общества.

— Я имѣлъ честь довлѣдывать вашему превосходительству, что меня не принималъ никто въ какое-нибудь тайное общество, и я ссылаюсь въ томъ на всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ, не опасаясь ни свидѣтельскихъ показаній, ни очныхъ ставокъ.

«При этомъ меня перебилъ С. А. Кутузовъ: — «Однако вы были знакомы съ Рылѣевымъ?» — Я его знаю, потому что мы вмѣстѣ съ нимъ воспитывались въ первомъ кадетскомъ корпусѣ.

— Развѣ вы не знали также и Оболенскаго?

— Я знаю его очень хорошо; я вмѣстѣ съ нимъ служилъ: онъ былъ старшій адъютантъ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, — какъ же мнѣ его не знать?

— Какія тутъ намъ нужны еще доказательства? замѣтилъ Кутузовъ.

«Я замолчалъ, хотя мнѣ было не трудно замѣтить ему, что и онъ зналъ князя Оболенскаго, а слѣдовательно, могъ также считаться членомъ общества.

«Предсѣдатель Татищевъ объявилъ мнѣ, что завтра я получу изъ комиссіи письменные вопросы, и долженъ отвѣчать на нихъ письменно по пунктамъ. Прежде нежели оюнчился допросъ, полковникъ Адлербергъ сказалъ мнѣ: «Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы хотѣли заколоть шпагою стрѣлка, стоявшаго вторымъ на правомъ флангѣ, такъ какъ онъ уговаривалъ многихъ изъ своихъ товарищей слѣдовать за ротою карабинеровъ.»

— Мои солдаты, господинъ полковникъ, никогда не говорятъ во фронтѣ; одинъ изъ нихъ, не знаю второй или третій съ фланга, хотѣлъ выступить впередъ, и я дѣйствительно удержалъ его саблей, угрожая такимъ образомъ каждому, кто пошевелится безъ моего приказанія.»

Нѣтъ причинъ думать, чтобы авторъ, какъ можно было ожидать въ его положеніи, отвѣчалъ на допросы неискренно: судя по первой главѣ его воспоминаній, посвященной обзору тайныхъ обществъ въ Россіи (1815—1825) онъ и не могъ принадлежать самъ какому-нибудь тайному обществу, что онъ отрицалъ и въ комиссіи. Эта глава, которую мы встрѣтили бы съ наибольшимъ интересомъ, составлена авторомъ, очевидно, не по личнымъ наблюденіямъ, а по литературнымъ источникамъ и документамъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе показанія автора мѣстами дополняютъ уже извѣстное и служатъ провѣркою его, мѣстами же представляютъ интересную оцѣнку лицъ и событій, приводимую человекомъ, видѣвшимъ многое своими глазами, весьма искреннимъ, и притомъ на разстояніи большого пространства времени, когда всякому легче выразить истину, и только истину.

Такъ, особенно замѣчательна характеристика русскихъ и польскихъ тайныхъ обществъ того времени и ихъ взаимныя отношенія.

«Около этого времени, — говоритъ авторъ, — С. Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ дѣлали попытку (въ 1824 г.) познакомиться съ польскими тайными обществами, и гр. Александръ Ходовичъ вмѣстѣ съ Крыжановскимъ открыли переговоры Варшавскаго Общества съ Южнымъ Комитетомъ. При первомъ совѣщаніи депутатовъ, Крыжановскій объявилъ, что онъ не имѣетъ никакого полномочія принимать какія-нибудь рѣшенія: ему поручено только положить начало въ обоюдному соглашенію обществъ. Эти первые переговоры были продолжительны, но остались безъ послѣдствій, такъ какъ у польскихъ депутатовъ не обазывалось полномочій. То, въ чемъ сознался Б. Рюминъ, не вѣрно передано въ слѣдственной комиссіи; настоящей «конвенціи съ Крыжановскимъ» не было заключено тогда, такъ какъ онъ не имѣлъ полномочій и не могъ давать никакихъ обѣщаній. Порѣшено было только одно: именно, что дальнѣйшіе переговоры будутъ ведены, съ русской стороны, С. Муравьевымъ - Апостоломъ, а съ польской — Гродецкимъ и Чайковскимъ. Отвѣта, обѣщаннаго Крыжановскимъ, пришлось ждать долго. Наконецъ, кн. Волконскій привелъ къ Пестелю Гродецаго, и въ 1825 г. Пестель имѣлъ свиданіе съ кн. Яблоновскимъ, снабженнымъ инструкціею изъ «Патріотическаго Общества»; но Крыжановскій, бывший уже въ то время въ Кіевѣ, по случаю смерти отца, избѣгалъ всякихъ свиданій съ русскими. Свиданіе Пестеля съ Яблоновскимъ происходило въ присутствіи кн. Волконскаго. Пестель изложилъ обстоятельно цѣль свиданія и сказалъ, что ему необходимо знать намѣренія польской пар-

тін и ея отношенія къ русскимъ, такъ какъ средняго пути въ настоящемъ вопросѣ быть не могло: поляки должны объявить себя или противниками или приверженцами русской революціи. «Мы можемъ достигнуть свободы безъ вашей помощи, говорилъ Пестель, но если вы потеряете случай въ соглашенію съ нами, то лишитесь всякой надежды когда-нибудь достигнуть народной самостоятельности. А прежде всего вы должны знать, каковой думаете ввести у себя образъ правленія, если отечество ваше приобрететъ независимость»? Князь Яблоновскій отвѣчалъ откровенно, что главная цѣль «Патріотическаго Общества» направлена къ тому, чтобы возстановить границы Польши, какъ онѣ были до втораго раздѣла, и онъ долженъ знать, прежде всего, согласится ли русское тайное общество на такое требованіе? Пестель возразилъ, что этотъ пунктъ не представляетъ затрудненій, и въ случаѣ недоумѣнія, вопросъ: кому отойдутъ литовскія провинціи, Россіи или Польшѣ, — можно будетъ рѣшить, узнавъ волю самого населенія. Кн. Яблоновскій объяснилъ дальше, что польское общество, относительно формы правленія, не рѣшило ничего до настоящей минуты, а личное его мнѣніе склонно къ монархическо-конституціонному правленію. Пестель былъ другаго мнѣнія, и въ одушевленной рѣчи сталъ развивать преимущества республиканскаго правленія, образецъ котораго онъ видѣлъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Очевидно, русское и польское тайныя общества не сходились въ основаніи, и только въ виду общей, но отвлеченной цѣли показывали видъ, что послѣ они устроятъ какъ-нибудь свои личныя дѣла, между тѣмъ какъ всякому было ясно, что даже и въ случаѣ ихъ взаимнаго успѣха, въ будущемъ ихъ должна была ожидать неизбежная борьба, потому что національные интересы оставались у нихъ различны. Таково отчасти убѣжденіе и нашего автора, такъ какъ онъ, нѣсколько ниже, возвращаясь къ взаимнымъ отношеніямъ двухъ обществъ, говоритъ положительно: «русскій никогда не будетъ полякомъ, ни полякъ — русскимъ; они раздѣлены вѣрою, историческими преданіями и языкомъ — все это очень хорошо понимали Пестель и его сообщники, и потому имъ не приходило въ голову переступить племенные предѣлы, положенные между двумя націями. При невозможности сліянія, при различіи образованія въ высшихъ классахъ, и религіи въ низшихъ классахъ обоихъ народовъ, при неравности характера русскихъ и поляковъ, они видѣли единственное спасеніе въ федеральномъ устройствѣ. Потому, по плану Пестеля, Польша должна была составлять особое государство, но отдѣльно отъ Литвы и Украины; всѣ эти провинціи, равно какъ Финляндія и балтійскія провин-

ціи должны были образовать изъ себя союзъ. Устройство этого союза излагалось въ Пестелевскомъ кодексѣ (Русская Правда), и было выработано по образцу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и т. д.

Стараясь скрыть отъ себя основное несогласіе съ союзниками, русское тайное общество прибѣгало къ федеративнымъ идеямъ, какъ таимъ, которыя въ теоріи указывали на возможность какого-нибудь исхода, а будетъ ли такъ на практикѣ, не потребуетъ ли федеративное устройство еще большаго согласія въ цивилизаціи и одинаковыхъ преданій — на все это не было необходимости отвѣчать немедленно, а потому федерація являлась имъ соломенкою, за которую поневолѣ приходилось хватиться, за отсутствіемъ дѣйствительнаго согласія. Существенное же различіе между русскимъ и польскимъ тайнымъ обществомъ заключалось въ огромномъ различіи между судьбами русскаго и польскаго высшаго общества тѣхъ временъ. Исторія польской аристократіи, наканунѣ паденія Рѣчи-Посполитой, останется однимъ изъ печальныхъ примѣровъ, въ какой степени растетъ деморализація аристократіи, эксплуатирующей народную массу, и какъ можетъ такая деморализація уживаться съ весьма утонченною цивилизаціею. При всѣхъ заблужденіяхъ и увлеченіяхъ русскаго тайнаго общества, всякій отдастъ ему справедливость по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что въ немъ дѣли общечеловѣческія преобладали; либералы польской аристократіи видимо уклонялись отъ прогрессивныхъ идей и ограничивались прежде всего заботою возстановить власть королевства надъ его прежними пріобрѣтеніями и поддерживать монархическо-конституціонное правленіе только потому, что въ формѣ конституціи могло сохраниться господство аристократіи и надъ королемъ и надъ народомъ. Голоса тѣхъ частныхъ людей въ Польшѣ, которые въ концѣ прошедшаго столѣтія раздавались въ пользу народныхъ массъ, — такіе голоса были заглушены большинствомъ, и потому даже въ планахъ тайнаго польскаго общества, несмотря на всѣ бѣдствія, уже постигшія Польшу, преобладали попрежнему ультра-аристократическія тенденции, которыми страдала польская аристократія наканунѣ паденія Рѣчи-Посполитой. Но аристократія не есть еще народъ, и потому историческія заключенія вообще, и вышеприведенныя заключенія автора отъ особенностей характера высшаго сословія къ непреодолимымъ различіямъ племеннымъ — представляютъ въ себѣ много ошибочнаго.

Симпатизируя болѣе русскому тайному обществу, за отсутствіе въ немъ сословнаго эгоизма, авторъ однако безпристрастно смотритъ на причины проиграннаго имъ дѣла. «Участники рус-

саго тайнаго общества — говоритъ авторъ — задумали политическую невозможность и должны потому обвинять самихъ себя, если имъ пришлось сдѣлаться жертвами своего безразсудства. Но все же нельзя отвергать того, что попытка 1825 года была задумана цвѣтомъ гвардіи и вообще высшею интеллигенціею юношества. Съ молодымъ увлеченіемъ многіе окружали тогда небольшое число особенно даровитыхъ, но одинаково чуждыхъ дѣйствительной жизни вождей... Такимъ образомъ, заговорщики и мятежники 1825 года явились просто юными мечтателями, которыхъ въ сущности слѣдовало судить вовсе не по одному политическому масштабу. Тяжкій жребій, выпавшій на ихъ долю, искупилъ вину и теперь настало время для читателя отнестись къ ихъ судьбѣ чисто съ одной гуманной точки зрѣнія...»

Первыя три главы «Мемуаровъ» посвящены описанію самаго дня 14-го декабря, послѣдовавшихъ за нимъ арестовъ и слѣдствія, приговора и осужденія, наконецъ, пути въ Сибирь. Авторъ преимущественно говоритъ только о тѣхъ подробностяхъ, которыя онъ испыталъ лично, дополняя слышаннымъ впослѣдствіи. Эта часть воспоминаній представляетъ мало новаго, а потому мы перейдемъ прямо къ описанію жизни автора въ Сибири, какъ предмету, который до сихъ поръ обращалъ на себя мало вниманія.

Прошло болѣе года съ 14-го декабря 1825 года, и только 5-го февраля 1827 г. авторъ выѣхалъ изъ Петербурга, а въ концѣ марта его привезли на мѣсто ссылки, въ Читѣ; почти въ два мѣсяца авторъ сдѣлалъ 6,600 верстъ. По прибытіи, онъ, вмѣстѣ съ прочими, былъ поставленъ на постройку тюрьмы, которая предназначалась для самихъ же строителей.

Въ концѣ мая, говоритъ авторъ, въ Читѣ зацвѣли горы и луга. Эта маленькая деревня лежитъ на большой дорогѣ между Байкаломъ и Нерчинскомъ, на возвышеніи, и окружена съ двухъ сторонъ высокими горами. Рѣка Чита, вблизи деревни, вливается въ судоходную рѣку Ингоду и образуетъ собою восхитительную долину. Къ сѣверу виднѣется озеро Ононъ, на берегахъ котораго Чингизъ-Ханъ творилъ свой судъ (виновныхъ, по обыкновенію, варили въ котлахъ), передъ вторженіемъ въ Россію. Потомки его монголовъ, буряты, и до сихъ поръ бродятъ по лугамъ этой богатой страны; съ своими палатками они появляются то тутъ, то тамъ, всегда на лошади, часто съ ружьемъ, обыкновенно же съ лукомъ и колчаномъ, чтобы беречь пороховъ на болѣе важное. Часть бурятовъ осѣлась и занимается хлѣбопашествомъ. Въ Читѣ зимою весьма холодно, но воздухъ здѣсь чистъ и здоровъ. Небо всегда ясно, кромѣ августа, когда часто повторяются

грозы и проливные дожди, отъ которыхъ дороги въ нѣсколько минутъ становятся рѣками. Замѣчательна здѣсь необычайная сила элевтричества: ничтожное прикосновеніе къ сузну или шерсти даетъ искру. Климатъ здоровый, и растительная сила необычайна: въ теченіе 5 недѣль, отъ іюня, когда кончаются заморозки, и до конца іюля, когда они возобновляются, успѣваютъ дозрѣвать хлѣбъ и овощи. Многіе сорта овощей въ Читѣ не были извѣстны, и одинъ изъ товарищей автора первый выростилъ тамъ огурцы (на отерытомъ воздухѣ) и дыни (въ парникахъ).

Особенно знаменита долина Читы своею флорой, такъ что ее называютъ «садомъ Сибири». Авторъ нигдѣ не видалъ болѣе красивыхъ лилій и луковичныхъ растений. Населеніе деревни состояло изъ 300 душъ; всѣ они были бѣдны, жили въ лачужкахъ и питались земледѣліемъ и рыбною ловлею. Земля принадлежала казнѣ и отдавалась крестьянамъ, а эти должны были за то выжигать уголь и доставлять его водою изъ Нерчинска. Власть представлялась тамъ однимъ горнымъ чиновникомъ Смольяниновымъ, который первые четыре мѣсяца кормилъ ссыльных на свой счетъ; казна давала хлѣбъ и двѣ копѣйки на человѣка. Въ три съ половиною года, проведенныхъ авторомъ въ Читѣ, это мѣстечко преобразилось и застроилось.

Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ авторъ свою жизнь, помимо ежедневныхъ работъ надъ постройкою тюрьмы и прорытію рововъ:

«Жизнь наша проходила въ отчаянномъ однообразіи. Сначала книгъ было у насъ немного; писать запрещалось и потому мы не имѣли ни пера, ни чернилъ. Какъ только мы собрались (т. е. изъ Петербурга) въ достаточномъ числѣ, какъ устроили изъ себя хоръ пѣнія, что сокращало наше время. Шахматами занимались между сномъ и работой; карты можно было достать черезъ сторожей, но мы дали слово не терпѣть картъ, чтобы устранить тѣмъ всякій поводъ въ неприятностямъ и ссорамъ другъ съ другомъ. Тѣснота помѣщенія извиняла нѣкоторую нечистоту въ нашей комнатѣ. Мы спали на соломѣ, покрытой вожжами или шубами; ночью, при запертыхъ дверяхъ и окнахъ, воздухъ былъ несносенъ, а двери запирались съ закатомъ солнца. Рано утромъ двери открывали и потому я никогда не проспалъ восхожденія солнца и тотчасъ же выходилъ на воздухъ освѣжаться. Табаку я не курилъ, какъ то любили мои товарищи, которымъ потому легче было выносить спертый воздухъ. Еще до моего прибытія въ Читѣ жила одна особа, вызвавшая во мнѣ сердечное участіе и состраданіе: это была Александра Муравьева, урожденная графиня Чернышева. Ея мужъ, Никита Михайловичъ Муравьевъ,

достигъ Читы еще въ февралѣ (двумя мѣсяцами ранѣе автора); она поручила своего единственнаго сына и обѣихъ дочерей заботамъ ихъ бабушки, Катерины Ѳедоровны Муравьевой, и поспѣшила на мѣсто назначенія своего мужа, чтобы раздѣлить съ нимъ ссылку и испытанія. Но какъ велико было ея разочарованіе, когда комендантъ объявилъ ей, что инструкція не дозволяетъ ей жить вмѣстѣ съ мужемъ, и что ей дозволено только видѣться съ нимъ два раза въ недѣлю, по часу, въ присутствіи дежурнаго офицера, какъ то было въ крѣпости. Въ первый разъ я увидѣлъ эту незабвенную женщину, когда насъ вели на работу, вблизи ея жилища, которое стояло близъ темницы, гдѣ былъ заключенъ ея мужъ. Чтобы имѣть случай хоть видѣть его издалека, она сама запирала и отрывала ставни по вечерамъ и по утрамъ. Кромѣ мужа тутъ находился ея зять, Ал. Муравьевъ и ея родной братъ, графъ З. Чернышевъ, единственный наследникъ огромнаго майората.... Александра Муравьева была 24-хъ лѣтъ, хороша собой, высокаго роста, и полна жизни и ума. При мужѣ она была всѣмъ довольна, даже весела, чтобы не огорчить его; но чуть она оставалась одна, ею овладѣвала тоска по дѣтямъ. Годъ спустя сынъ умеръ, а дочери лишились здоровья, быть можетъ, отъ чрезмѣрныхъ заботъ о ихъ здоровьи со стороны бабушки....

«Два мѣсяца спустя, послѣ нашего прибытія, явилась въ Читу Елисавета Нарышкина, урожденная графиня Коновницына, въ сопровожденіи другой дамы, Ентальцевой. Онѣ подверглись общей участи и могли видѣться съ мужьями два раза въ недѣлю, въ извѣстные часы. У меня разрывалось сердце видѣть, какъ печально смотрѣли эти дамы вслѣдъ за нами, когда насъ вели мимо ихъ въ цѣпяхъ, а онѣ едва могли уловить взглядъ своихъ мужей, за которыми послѣдовали на конецъ міра; я благодарилъ Бога, что мнѣ удалось убѣдить жену остаться при новорожденномъ сынѣ, пока я не позволю ея къ себѣ. Къ счастью, Нарышкина не оставила дома дѣтей; ея дочь уже давно умерла въ Москвѣ. Какъ ни было тягостно и печально положеніе женатыхъ, но прибытіе ихъ женъ имѣло въ высшей степени благотѣльное вліяніе на нашу тюремную жизнь. Мы не могли писать родственникамъ; нѣкоторые изъ насъ были совсѣмъ забыты родными; это могло бы сдѣлаться участію многихъ, еслибы эти женщины не послѣдовали за нами, не вели за насъ переписку и не поддерживали такимъ образомъ память о насъ въ образованномъ мірѣ. Онѣ и въ тюрьмѣ были нашими ангелами-хранителями: ихъ вошелъбы были всегда открыты нуждающимся, для больныхъ онѣ выстроили новый лазаретъ. А. Муравьева выписала чрезъ свою свекровь изъ Москвы отличную аптеку и различные

хирургическіе инструменты. Одинъ изъ моихъ товарищей, бывшій полковой докторъ, Ф. Вольфъ, поселился въ этомъ лазаретѣ, управляя должность врача и усиленно помогаль страждущимъ....

«Въ сентябрѣ 1827, прибыли къ намъ въ Читѣ князь Трубецкой и другіе государственные преступники, которые были прямо отправлены въ Нерчинскъ на ртутные заводы; немного спустя явились и остальные, которыхъ содержали въ Шлюсбургѣ и Финляндіи. Съ нерчинскими осужденными прибыли двѣ женщины, которыя сдѣлались во всѣхъ отношеніяхъ нашими покровительницами. Княгиня Екатерина Трубецкая, урожденная графиня Лаваль, послѣдовала за мужемъ тотчасъ по его отправленіи, сопутствуемая секретаремъ мужа. Въ Красноярскѣ сломалась дорожная карета и спутникъ захвораль; княгиня не хотѣла ожидать, пересѣла въ телѣгу безъ рессоръ и такъ доѣхала до Иркутска. Между тѣмъ Трубецкой былъ отправленъ дальше, въ Нерчинскъ, еще за 700 верстъ отъ Иркутска; княгиня обратилась къ тамошнему губернатору, Б. И. Цейдлеру, прося у него проводника для дальнѣйшаго пути. Но онъ имѣлъ приказаніе удерживать всѣми мѣрами женъ государственныхъ преступниковъ отъ намѣренія слѣдовать за мужьями. Сначала Цейдлеръ представилъ княгинѣ всѣ трудности существованія въ мѣстѣ, гдѣ помѣщалось до 5,000 тяжкихъ преступниковъ, съ которыми придется жить вмѣстѣ въ казармахъ, безъ прислуги, безъ всякихъ удобствъ. Но это не испугало княгиню: она рѣшилась на все. На другой день губернаторъ объявилъ ей, что онъ имѣетъ приказаніе потребовать отъ нея письменно отказаться отъ всѣхъ преимуществъ своего званія и отъ всякаго имущества. Ея Трубецкая подписала его немедленно, лишь бы попасть къ мужу. Но и это было не все. Нѣсколько дней губернаторъ не принималъ ее, извиняясь нездоровьемъ. Княгиня терпѣливо ждала, и Цейдлеръ, наконецъ, принялъ; напрасно заклиная ее отказаться отъ намѣренія, онъ объявилъ ей въ заключеніе, что она можетъ явиться въ мѣсто ссылки ея мужа не иначе, какъ вмѣстѣ съ партією преступниковъ, съ веревкою на руцѣ и слѣдуя за ними пѣшомъ отъ этапа до этапа. Княгиня съ величайшею охотою согласилась и на это. Тогда губернаторъ не могъ долѣе владѣть собою, глаза его наполнились слезами и онъ проговорилъ: «Вы поѣдете въ вашему мужу».

Такія же препятствія и затрудненія встрѣтили княгиню Марію Волконскую, урожденную Раевскую, которая прибыла въ Читѣ нѣсколькими недѣлями позже кн. Трубецкой. «Ея отецъ, знаменитый герой 1812 г., отговаривалъ дочь отъ путешествія; онъ зналъ, что бракъ ея съ Сергѣемъ Волконскимъ былъ ре-

зультатомъ не столько наклонности, сколько повиновенія его волѣ: С. Волконскій, произведенный въ генералы еще въ 1813 г., годился ей по возрасту въ отцы.... Она сказала отцу, что ѣдетъ только повидаться съ мужемъ, оставила младенца-сына на попеченіи бабки, статсъ-дамы, и отправилась въ Сибирь». За первыми двумя женами прибыли въ Читу и другія; наконецъ, въ 1830 году пріѣхала и жена автора.

«Сначала всѣ дамы претерпѣвали во всемъ величайшую нужду, и цѣлыми мѣсяцами страдали отъ холода и голода. Само собою разумѣется, что онѣ должны были сами стирать бѣлье и довольствоваться пищею поденщика, имѣя до того времени привычку ѣсть на серебрѣ.... Дамы измѣнили нашъ бытъ къ лучшему; письма доставлялись намъ чрезъ губернатора Цейдлера и нашего безворыстнаго коменданта Лепарскаго; денежные суммы не ограничивались, и хотя не отдавались въ руки, но по требованію и надобности выдавались чрезъ канцелярію коменданта. Почтовый день—разъ въ недѣлю—составлялъ для насъ эпоху; вполсѣдствіи, намъ дозволяли получать русскіе и иностранные журналы».

Наконецъ, въ сентябрѣ 1827 г., вышеупомянутая тюрьма, болѣе обширная и удобная, была отстроена, и осужденныхъ перевели въ новое помѣщеніе, гдѣ и началась ихъ новая жизнь.

«Комендантъ раздѣлилъ насъ на пять отдѣленій. Въ одной камерѣ помѣстилось пятеро новопривывшихъ изъ Нерчинска; другія четыре отдѣленія были размѣщены не по категоріямъ, а по волѣ коменданта. Одну камеру мы называли Москвой, такъ какъ бѣольшая часть ея обитателей была родомъ изъ Москвы; другая называлась Новгородомъ, потому что тутъ всего болѣе толковали о политикѣ, какъ въ древней новгородской республикѣ; камера, гдѣ жилъ я съ 17-ю товарищами, носила имя Пскова. вмѣсто ларей намъ позволили завести на свой счетъ кровати, что было чище, такъ какъ подъ кроватями можно мести. У насъ былъ общій столъ, мы сами его накрывали, и поочереди одинъ былъ дежурнымъ. По русскому тюремному порядку, намъ было дозволено выбрать изъ своей среды старшаго, который отъ нашего имени сносился съ дежурнымъ адъютантомъ или съ комендантомъ. Этотъ старшій распоряжался нашими средствами, покупалъ нужное, но на рукахъ не имѣлъ ни копѣйки. Въ пятидесяти шагахъ отъ нашей казармы стояли кухня и анбаръ. Старшій имѣлъ позволеніе, въ теченіе дня и подъ карауломъ, ходить туда, сколько хотѣлъ; его выбирали на три мѣсяца. Первымъ старшимъ былъ бывшій полковникъ Ив. С. Повало-Швейковскій,—его избирали въ эту должность два раза сряду. Пища наша была простая и здоровая; часто изумлялся я довольству нѣкоторыхъ

изъ моихъ товарищей, которые всю жизнь держали поваровъ-французовъ и не садились за столъ безъ шампанскаго; теперь же они оставались довольны щами и кашей и пили квасъ или воду. Между нами много было гастрономовъ; они всѣ сознавались, что въ Читѣ никогда не были голодны, хотя конечно не чувствовали себя и чрезмѣрно сытыми. Половина моихъ товарищей не имѣли средствъ, и многіе были забыты родными; но другіе были весьма богаты. Никита и Александръ Муравьевы одни получали 60,000 рублей въ годъ. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ, когда избирался новый старшій, между нами ходилъ листъ, на которомъ каждый по своимъ средствамъ вписывалъ сумму на общіе расходы; эта сумма употреблялась старшимъ на закупку пици, чаю, сахару и т. п. Бѣлье и одежду заготовлялъ каждый самъ себѣ; богатые покупали матеріалъ и дѣлили его съ бѣдными. Чтобы не тратить лишнѣхъ денегъ, нѣкоторые изъ насъ сами кроили и шили. Лучшими портными были П. Пушкинъ, вк. Евг. Оболенскій и Антонъ Арбузовъ. Лучшія шапки и башмаки изготовляли Н. и М. Бестужевы и П. Фалленбергъ; ихъ трудомъ мы сэкономили деньги, которыми поддерживали бѣдныхъ товарищей....

«Между тѣмъ наши работы продолжались попрежнему; въ своимъ дѣлѣмъ мы совершенно привыкли. Отъ мая до сентября мы засыпали ровъ, поправляли большую дорогу, сажали и поливали огородъ, доставлявшій намъ овощи и картофель. Когда, по удаленіи Швейковскаго, меня выбрали старшимъ, я поселилъ въ большой винной бочкѣ 60,000 огурцовъ изъ нашего огорода. Отъ сентября до мая, насъ водили два раза въ день въ особо отстроенное зданіе, гдѣ стояла мельница; каждый изъ насъ долженъ былъ ежедневно смолоть 80 фунтовъ ржи. Сначала это дѣло было тяжело, пока не привыкли руки; сильные и здоровые помогали въ урокѣ слабымъ. Часто наша работа верченія мельничнаго жернова сопровождалась мелодическимъ пѣніемъ; одинъ изъ моихъ товарищей, какъ самый сильный въ музыкѣ, занималъ должность капельмейстера; особенно хорошо шла церковная музыка Бортианскаго. Въ церковь водили насъ разъ въ годъ, къ причастію; наканунѣ же большихъ праздниковъ являлся священникъ и служилъ въ тюрьмѣ. Никогда не забуду, какъ была торжественна служба наканунѣ пасхи 1828 года, когда въ девять часовъ со всѣхъ сторонъ раздалось: «Христосъ воскрес!» и дѣти зазвучали при взаимныхъ объятіяхъ осужденныхъ. Мысленно обнимали мы нашихъ далекихъ родныхъ и друзей, съ которыми мы сливались въ молитвѣ.

«Послѣ первыхъ тяжелыхъ годовъ, мы наполняли наши свободные часы пріятнымъ и поучительнымъ чтеніемъ: кромѣ рус-

скихъ, французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ, которыя намъ были разрѣшены, мы имѣли въ своемъ распоряженіи хорошія бібліотеки, выписанныя себѣ Н. Муравьевымъ, Волконскимъ и Трубецкимъ. Газеты были раздѣлены между нѣсколькими, и имъ вмѣнялось въ обязанность отдавать отчетъ о новѣйшихъ событіяхъ и происшествіяхъ. Такъ какъ многіе изъ насъ получили научное образованіе, то мы опредѣлили, чтобы они коротали наши длинныя зимніе вечера своими лекціями. Н. Муравьевъ, имѣвшій отличныя военныя карты и планы, читалъ намъ стратегію и тактику; Ф. Вольфъ — химію и анатомію; Пушкинъ 2-й — высшую математикъ; А. Корниловичъ и П. Мухановъ — русскую исторію; кн. А. Одоевскій — русскую литературу. Съ особенною любовью и признательностью долженъ я при этомъ упомянуть, что послѣдній имѣлъ терпѣніе четыре года обучать русскому языку меня, эстляндскаго уроженца. — Въ 9 часовъ вечера запирались наши ворота и тушились свѣчи. Не имѣя охоты такъ рано спать, мы разговаривали часами или слушали рассказы М. Кюхельбекера, сдѣлавшаго кругосвѣтное плаваніе. Иногда Корниловичъ сообщалъ намъ извѣстія изъ отечественной исторіи, съ которою онъ былъ хорошо знакомъ. Нѣсколько лѣтъ сряду, онъ и проф. Куницынъ имѣли доступъ въ государственный архивъ и особенно изучили время правленія Анны и Елисаветы....

«Продолжительное обращеніе съ образованными товарищами имѣло хорошее вліяніе на тѣхъ, которые прежде не имѣли ни средствъ, ни времени обогатить себя познаніями. Нѣкоторые изъ нихъ начали изучать иностранныя языки; особенно успѣлъ въ этомъ Завалишинъ 1-й: онъ не только изучилъ греческій и латинскій языки, но еще сверхъ того восемь европейскихъ языковъ. Къ изученію ихъ онъ находилъ учителей между товарищами, а ключемъ и общимъ лексикономъ ему служила Библія. Изученіе языковъ вело часто къ комическимъ сценамъ. Особенно смѣялись надъ усиліями иныхъ произносить англійскія слова, и М. Луинъ, отлучно владѣвшій этимъ языкомъ, часто умолялъ: «Читайте про себя, господа, и пишите по-англійски сколько угодно, только не говорите». Наши пять палатъ были очень узки, ибо по четыремъ стѣнамъ стояли кровати. Нѣкоторые изъ насъ обнаруживали желаніе играть на скрипкѣ или флейтѣ, но были довольно добросовѣстны и не рѣшались терзать нашего слуха. Спустя годъ намъ позволили построить на дворѣ домикъ въ три комнаты. Въ одной стояли токарный станокъ и переплетный прессъ; лучшими художниками по этой части были Бестужевы, Пушкинъ, Фроловъ и Борисовъ 1-й. Въ остальныхъ комнатахъ помѣ-

щались рояль и фортепiano; тамъ поочереди занимались музыкой. 30-го августа 1828 года, въ первый разъ составилъ въ тюремѣ оркестръ, по случаю 16 именинниковъ»....

Въ августѣ же получено было высочайшее повелѣніе о снятіи цѣпей съ осужденныхъ, и кромѣ того ихъ общество оживилось прибытіемъ новыхъ дамъ, фонъ-Визиной и Давыдовой, и одной дѣвицы, которая была невѣстой П. А. Анненкова; бракъ ихъ совершенъ былъ безъ всякаго торжества, а позволеніе отправиться къ жениху она получила торжественно отъ самого императора, къ которому обратиться она нашла случай во время маневровъ. Императоръ выслушалъ ее съ большимъ участіемъ и приказалъ выдать деньги на путешествіе.

Въ Читѣ были проведены авторомъ три съ половиною года; но Чита была только временнымъ пребываніемъ осужденныхъ: они были назначены собственно въ Петровскъ, гдѣ все это время строилась обширная тюрьма, куда ихъ и перевели въ половинѣ 1830 года. Путь изъ Читы въ Петровскъ, около 700 верстъ, былъ сдѣланъ въ 48 дней; на дорогѣ авторъ имѣлъ счастье встрѣтиться съ своей женой, которая прибыла къ нему на жительство прямо изъ Петербурга. Описаніе жизни въ Петровскѣ, до окончанія срока каторжной работы для автора, а именно до 11-го іюля 1832 г., представляетъ почти повтореніе того, что мы видѣли въ Читѣ. Въ Петровскѣ у автора родился сынъ, а при выѣздѣ изъ Петровска онъ ожидалъ снова приращенія семейства. Переѣздъ изъ Петровска въ Курганъ, слишкомъ въ 4,000 верстъ, послужилъ автору поводомъ къ интересному описанію быта и нравовъ мѣстныхъ жителей въ 30-хъ годахъ.

Въ сентябрѣ 1830 года, авторъ прибылъ въ Курганъ, куда вскорѣ явились и другіе изъ его товарищей по Петровску, которымъ срокъ каторги былъ сокращенъ по случаю рожденія великаго князя Михаила Николаевича, а именно, Нарышкинъ и Лихаревъ. Всѣ они обзавелись домами, и получивъ отъ казны по 15 десятинъ земли, посвятили себя земледѣлію.

«Мое поле, говоритъ авторъ, граничило съ владѣніями Назимова, Лорера и Фохта (также ссыльные). Поля Нарышкина и Лихарева лежали въ отдаленіи отъ города и состояли изъ луговъ, что для нихъ было кстати, такъ какъ Нарышкинъ занялся скотоводствомъ. Сосѣднія поля были отданы мнѣ товарищами для пользованія. Съ весны 1835 года я началъ сельскія работы: 60 десятинъ земли открывали широкое поприще для моей дѣятельности. Песчанія мѣста я удобрилъ остатками изъ сосѣдней мыловарни, и чрезъ два года земля сдѣлалась плодородною. Остальное пространство было, какъ въ Украинѣ, черноземъ».

ное; во всемъ Курганскомъ уѣздѣ нѣтъ камня, и земля весьма хороша для хозяйства, даже не нуждается въ удобреніи. Для обработки земли я завелъ пароконный сибирскій плугъ, на манеръ бельгійскихъ. Введя въ употребленіе эстирпаторъ противъ сорныхъ травъ и кореньевъ, я преобразовалъ трехпольное хозяйство въ плодоперемѣнное. Жатва и молотба справлялась или наемными людьми, или такъ-называемою «помочью», для чего обѣщалось участвующимъ пиршество по окончаніи работы. Такіе охотники и охотницы работали ревностно съ ранняго утра до вечера. Тѣмъ временемъ моя жена пекла пироги, варила щи и кашу, и посреди двора изготовлялся столъ. Въ 7 часовъ вечера оканчивались работы и всѣ собирались подъ звуки двухъ скрипокъ и флейты; сначала умывались и одѣвались по праздничному. Потомъ рабочіе привѣтствовали хозяйку, садились за столъ и ѣли съ аппетитомъ, соответствующимъ 14-ти-часовой работѣ. Послѣ стола начинались пляски, продолжавшіяся до заката. Непонятно, откуда у нихъ хватало силъ: когда уставали музыканты, танцоры принимались пѣть.... Наемные люди, естественно, преступники, сосланные изъ Европы, служили хорошо, усердно и честно. Мой вучеръ, отлично честный малый, былъ влейменный. Плата была имъ не высокая: лакей получалъ 1½ рубля серебромъ, горничная—80 коп. въ мѣсяцъ; но этого было достаточно, чтобы они могли хорошо одѣваться... Прохожу молчаніемъ другія подробности нашего маленькаго существованія. Эпохами въ нашей тихой жизни были ежегодныя посѣщенія лютеранскаго пастора, генераль-губернатора и жандармскаго полковника. Сообразно предписаніямъ, они спрашивали насъ, не претерпѣваемъ ли мы притѣсненій, но намъ никогда не приходилось жаловаться, такъ какъ мы жили въ мирѣ съ мѣстными властями и пользовались съ ихъ стороны самымъ гуманнымъ обращеніемъ».

Несчастье постигло автора совершенно случайно, когда онъ, на Рождествѣ 1836 года, возвращаясь отъ обѣдни, упалъ и разбилъ себѣ правую ногу—что довело его до тяжелой болѣзни, такъ-какъ хирурга въ уѣздѣ не оказалось. Во время страданій автора въ началѣ 1837 года, пронесся слухъ о посѣщеніи Кургана Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ (нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ), который дѣйствительно пріѣхалъ 5-го іюня. Авторъ думалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы просить о своихъ дѣтяхъ, и обратился съ этою цѣлью къ подполковнику Гофману.

«Пока я ожидалъ — говорить авторъ — подполковника Гофмана, ко мнѣ подошелъ высокаго роста господинъ въ военной

шинелѣ и сказалъ: «Безъ сомнѣнія вы баронъ Р. Одинъ изъ моихъ друзей заклиналъ меня посѣтить васъ, если мнѣ придется проѣзжать чрезъ Курганъ, и помочь вамъ; пожалуйста, войдите ко мнѣ». Это былъ И. В. Енохинъ, лейбъ-докторъ Наслѣдника. Нѣсколько минутъ спустя, меня раздѣли два опытные фельдшера; я легъ на диванъ, и Енохинъ, осмотрѣвъ меня увидѣлъ, что моя правая нога нѣсколько вывихнута впередъ, что и причиняло мнѣ такую боль. Неопытность курганскаго уѣзднаго врача изъ ничтожнаго само по себѣ обстоятельства сдѣлало серьезное зло, отъ котораго избавиться можно только мало-помалу. Пока я одѣвался, явился Гофманъ и позвалъ меня въ домъ Наслѣдника, гдѣ меня принялъ г.-ад. Кавелинъ. Когда я сообщилъ ему мое желаніе просить Наслѣдника, онъ объяснилъ мнѣ, что этого нельзя мнѣ исполнить лично, такъ какъ это было бы противно данной ему инструкціи; а я долженъ ему (Кавелину) сообщить письменную просьбу, для передачи Наслѣднику. Замѣтивъ, что у меня нѣтъ съ собой никакого прошенія, генералъ спросилъ: «о чемъ вы желаете просить?» — «Для себя я не могу ничего просить, потому что въ моемъ безпомощномъ и болѣзненномъ состояніи нельзя воспользоваться никакою милостью; я хотѣлъ просить Наслѣдника, чтобы въ случаѣ моей смерти позаботились о моей женѣ и дѣтяхъ». Генералъ посоветовалъ мнѣ немедленно написать просьбу и подать за полчаса до обѣдни, такъ какъ тотчасъ послѣ обѣдни назначенъ отъѣздъ. На лѣстницѣ попался мнѣ флигель-адъютантъ С. А. Юрьевичъ и просилъ меня передать женѣ Нарышвина поклонъ ея братьевъ, гр. Григорія и Алексѣя Коновницкихъ. Уходя, я увидѣлъ въ окошкѣ Наслѣдника: выраженіе его лица говорило мнѣ, что онъ будетъ моимъ защитникомъ.

«Предъ моими воротами стоялъ экипажъ. На мой вопросъ, кто ко мнѣ пріѣхалъ, кучеръ отвѣчалъ: генералъ! Къ невыразимой моей радости, это былъ незабвенный Василій Андреевичъ Жуковский, извѣстный поэтъ и наставникъ Наслѣдника; онъ утѣшалъ мою жену, обласкалъ моихъ едва проснувшихся дѣтей и расцѣловалъ ихъ, хотя они капризничали и плакали. Когда я ему разсказалъ о невозможности говорить лично съ Наслѣдникомъ, и прибавилъ, что ген. Кавелинъ совѣтуетъ написать прошеніе, Жуковский сказалъ: «У васъ теперь не будетъ больше времени, мы сію минуту уѣзжаемъ; но будьте спокойны, я передамъ все его императорскому высочеству. Вотъ уже 13 лѣтъ я постоянно съ нимъ и давно уже увѣрился въ томъ, что у него доброе сердце; гдѣ онъ можетъ сдѣлать добро — дѣлаетъ то охотно». Жуковский выражалъ ихъ общее удивленіе относительно

этой части Сибири, которую они видѣли; вмѣсто развалившихся хижинокъ, величайшей бѣдности и упадка, они видѣли вездѣ довольство, благосостояніе и прелестныя деревни. Этотъ народъ ссыльныхъ, въ Тюменѣ и Тобольскѣ, встрѣчалъ великаго князя такъ, что лучше не могли его принимать въ Рыбинскѣ или Ярославлѣ.

«Пока Жуковскій сидѣлъ у меня, заблаговѣстили въ церкви; цесаревичъ приказалъ жандармскому полковнику, чтобы они (разумѣлись государственные преступники) пришли въ церковь: «только тамъ я могу ихъ видѣть». Инструкція изъ Петербурга не предвидѣли именно этого случая. Полицімейстеръ тотчасъ послалъ за ними. Наслѣдникъ со всею свитою стоялъ предъ главнымъ олтаремъ; справа у стѣны расположились мои товарищи; слѣва — Нарышкина; чиновники и народъ помѣстились сзади. Во время литургіи Наслѣдникъ нѣсколько разъ взглядывалъ на товарищѣ моего несчастья, и въ его глазахъ видѣли слезы. Я не успѣлъ во-время въ церковь, и когда мы съ женой и дѣтьми выходили изъ дому, громкое ура возвѣстило намъ объ отъѣздѣ цесаревича, единственнаго высокаго гостя, посѣщеніе котораго въ мѣстѣ ссылки внушило намъ и радость и надежду. Полковникъ Назимовъ, сопровождавшій Наслѣдника, просилъ у великаго князя позволенія навѣстить одного изъ моихъ товарищѣ, а великій князь отвѣчалъ: «Я очень радъ, что тебѣ представился случай навѣстить своего родственника въ его несчастіи». На обратномъ пути, Наслѣдникъ проѣзжалъ Саратовъ, тамъ генералъ Арнольди представилъ ему всѣхъ артиллерійскихъ офицеровъ, и при имени моего брата цесаревичъ спросилъ, не имѣеть-ли онъ родственника въ Сибири. На его утвердительный отвѣтъ, Наслѣдникъ въ присутствіи всѣхъ выразилъ, что онъ видѣлъ меня, и что хотя я на костыляхъ, но мое здоровье можетъ поправиться, и что онъ просилъ Государя о смягченіи моей участи».

Въ сентябрѣ того же 1837 года, авторъ «Мемуаровъ» былъ переведенъ на Кавказъ солдатомъ. Но болѣзнь ноги сдѣлала для него военную службу невозможною, и 10-го января 1839 года онъ былъ уволенъ отъ службы, съ правомъ возвратиться на родину, въ Эстляндію.

М. М.

Н О В Ы Е

ИСТОРИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ четвертый. Спб. 1869.

Когда появлялись первыя изданія Русскаго Историческаго Общества, мы выражали желаніе, чтобы труды Общества были наиболѣе производительны, — чтобы Общество въ богатомъ выборѣ матеріала, который вполнѣ находится въ его распоряженіи, останавливалось на томъ, что имѣетъ наибольшій историческій интересъ; чтобы въ его изданіяхъ наша историческая литература нашла болѣе обильные и прочные источники, чѣмъ обыкновенно даютъ наши изданія. Въ самомъ дѣлѣ, историческій матеріалъ, который еще предстоитъ изучать русскому историку, громаденъ, между тѣмъ (въ томъ отдѣлѣ, которымъ занимается Русское Историческое Общество, въ исторіи послѣ-петровской) онъ изданъ еще чрезвычайно мало; при всей ревности изслѣдователей, которой нельзя не замѣтить въ послѣднее время, изученіе все еще соединено съ большими затрудненіями и матеріалы, дѣйствительно любопытныя, вводятся въ литературу только изрѣдка, и издано ихъ вообще такъ мало, что въ литературномъ обиходѣ пріобрѣтаютъ важность даже вещи, собственно говоря очень второстепенныя. Стоитъ заглянуть въ «Р. Архивъ», чтобы видѣть, какую важность нерѣдко придаютъ у насъ вещамъ очень мелкимъ и даже вовсе пустымъ; матеріалы, дѣйствительно любопытныя, которые есть также въ «Архивѣ», бывають въ немъ скорѣе исключе-

ніемъ, а затѣмъ въ это историческое собраніе идутъ всякія мелочи, будь только они стары или привязаны къ какому-нибудь извѣстному имени. Мы думаемъ, что размножать *такого* стили изданія не должно бы быть цѣлью учрежденія со средствами и съ положеніемъ Русскаго Историческаго Общества. Такія изданія очень понятны въ рукахъ частнаго собирателя, болѣе или менѣе ограниченнаго въ выборѣ матеріала; но отъ Общества мы ожидали бы иного.

Составъ Русскаго Историческаго Общества таковъ, что ему больше, чѣмъ какому-либо другому обществу, не говоря уже о частныхъ изслѣдователяхъ, могутъ быть открыты обширные историческіе матеріалы казенныхъ и частныхъ архивовъ и библіотекъ; оно владѣетъ совершенно исключительными средствами и возможностями, и при началѣ еѳо трудовъ намъ естественно представился вопросъ: какъ употребить оно эти особенныя средства и что внести въ литературу въ тотъ моментъ, когда особенно оживился историческій интересъ къ тому періоду, которому и Общество посвящаетъ свои труды.

Чтобы видѣть, какъ много нужно еще сдѣлать для того, чтобы поставить должнымъ образомъ это изученіе, достаточно взглянуть на положеніе дѣла въ настоящую минуту.

Это положеніе можно сравнить съ тѣмъ, въ какомъ было изученіе русской старины до появленія описаній старыхъ рукописей и до изданій Археографической Коммиссіи. Новѣйшая исторія извѣстна намъ только клочками и отрывками; двѣ-три «исторіи царствованій», вышедшія въ прежнія времена, давно устарѣли и никогда не удовлетворяли требованіямъ настоящей исторической критики; до сихъ поръ нѣтъ ни одного цѣльнаго труда по исторіи XVIII вѣка, впереди предвидится (кромѣ окончанія «исторіи Петра В.», г. Устрялова) только книга г. Соловьева; всего всего больше процвѣтала военная исторія, описанія походовъ, сраженій, осадъ и т. п. Только въ самое послѣднее время вышло нѣсколько отдѣльныхъ монографій, начинающихъ болѣе серьезную разработку предмета; но и они всѣ на перечесть, и могутъ служить только хорошимъ началомъ. Средства изученія крайне скудны и добываются только съ великимъ трудомъ. Цѣлыя разряды историческаго матеріала остаются не описанными; содержаніе цѣлыхъ громаднхъ архивовъ неизвѣстно въ публикѣ, и самые архивы, вообще говоря, недоступны для изслѣдователей или доступны только иногда, въ видѣ исключенія и какъ особенное счастье. Историческіе документы продолжаютъ считаться по старому обычаю какимъ-то секретомъ, для открытія котораго неизвѣстно когда должно наступить наконецъ время. Исторія вообще воз-

буждаетъ какую-то боязнь и эта боязнь владѣть не только официальными вѣдомствами, въ распоряженіи которыхъ находятся историческіе документы, но отражается и въ самомъ обществѣ: частные люди вообще весьма неохотно отдаютъ въ печать документы, находящіеся въ ихъ рукахъ, почему-то прячутъ ихъ, а потомъ часто и затериваютъ. Въ официальныхъ вѣдомствахъ второстепенные чиновники, которые вообще такъ часто заводятъ усердіе дальше, чѣмъ даже требуется, еще болѣе стѣсняютъ приведеніе въ извѣстность матеріаловъ, какими имъ случается распоряжаться. Далѣе, извѣстныя историческія событія остаются до сихъ поръ исключены отъ свѣдѣнія русскихъ историковъ, другія — отъ ихъ критики. Ясная вещь, что подобныя условія очень мало благоприятны для сколько-нибудь серьезнаго успѣха историческихъ знаній.

Это положеніе дѣла вовсе не новое, и главнѣйшимъ образомъ наслѣдовано нами отъ стараго обычая. Этотъ обычай, начавшійся давно и закрѣпленный особенно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, былъ строго вѣренъ своей системѣ. Накрѣпко запирая архивы и бібліотеки, онъ ни подъ какимъ видомъ не допускалъ и въ литературѣ какой-либо критики новѣйшей исторіи. Старый обычай признавалъ исторію дѣломъ государственнымъ; критика допускалась только для древнихъ событій, но въ новѣйшей исторіи она считалась вмѣшательствомъ не въ свое дѣло, и осужденіе дѣйствій правительственныхъ лицъ, хоть бы дѣтъ за пятьдесятъ, считалось непозволительнымъ и неприличнымъ. Цѣлые историческіе періоды (времена междуцарствія, Пугачевщина и т. п.) были тогда совсѣмъ отняты изъ вѣдѣнія нашихъ историковъ. Особенно памятно остались литературѣ 1848—55 годы. Этотъ обычай соотвѣтствовалъ всему тогдашнему порядку вещей.

Мы считаемъ теперь, что этотъ порядокъ есть уже прошедшій; иной разъ даже саркастически подсмѣиваемся надъ этимъ порядкомъ; нѣкоторые даже увѣряли, что мы пользуемся полною свободой мысли (такъ утверждали не такъ еще давно славянофилы), и что свобода слова у насъ не меньше чѣмъ въ Нью-Йоркѣ (изреченіе г. Погодина при славянскихъ гостяхъ), но, какъ видно изъ указаннаго выше, нашъ успѣхъ въ этомъ отношеніи не столь великъ, и вліянія стараго порядка слишкомъ замѣтны и въ правительственныхъ взглядахъ, и въ привычныхъ мнѣніяхъ значительной части общества. Это ясно высказывается въ продолжающейся боязни исторіи, о которой мы упоминали.

Очевидно между тѣмъ, что расширеніе свободы историческаго изученія составляетъ неизбѣжную необходимость для общества, если только для него предполагается нужнымъ какое-нибудь ук-

ственное развитіе. Всѣ толки о нашей особенной національности, о необходимости самопознанія, объ обращеніи къ народнымъ началамъ, не говоря уже о превосходствѣ нашемъ надъ Европой, эти толки, на которые особенно падки охранительные публицисты, — не имѣютъ никакого смысла, какъ скоро литература еще столь бессильна, что отъ нея остаются закрытыми многіе важныя вопросы даже прошедшаго. Если когда нужно, и своевременно было расширеніе исторической свободы, то кажется именно теперь; потому что въ обществѣ положительно высказывается историческая потребность, и удовлетвореніе ея безъ сомнѣнія повело бы только въ пользу. Къ сожалѣнію, эту пользу многіе кажется подвергаютъ сомнѣнію, и если справедливо, что въ предполагаемомъ измѣненіи закона о печати между прочимъ имѣется въ виду стѣсненіе изслѣдованій о новѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, то нашему историческому изученію придется вынести тяжелый кризисъ.

Предметъ, о которомъ мы говоримъ, принадлежитъ во множеству другихъ подобныхъ предметовъ, споръ о которыхъ невозможенъ въ зрѣлыхъ обществахъ и литературахъ, говорить о которыхъ показалось бы тамъ странностью и невыносимымъ общимъ мѣстомъ. Говорить о свободѣ историческаго изслѣдованія тоже, что говорить о пользѣ науки, о необходимости распространенія образованія въ народѣ, о пользѣ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Но у насъ обо всемъ этомъ еще приходится говорить, потому что эти вещи всѣ были, или еще и остаются подвергнуты сомнѣнію. Польза желѣзныхъ дорогъ теперь уже совершенно понята, польза грамотности понята еще не совсѣмъ, но польза свободнаго — по крайней мѣрѣ болѣе свободнаго чѣмъ теперь — историческаго изслѣдованія остается подъ большимъ сомнѣніемъ.

Понятно, что это свободное изслѣдованіе въ сущности нужно не для одной исторіи, а вообще для всей науки и литературы, и боязнь исторіи, которая обнаруживается упомянутыми многоразличными ея стѣсненіями, приводится вообще къ цензурному вопросу, въ опасеніямъ противъ литературы вообще. Эти опасенія едва ли однако оправдываются всѣмъ характеромъ русской литературы, издавна чрезвычайно мягкимъ, скромнымъ и безобиднымъ. Дѣйствительно, обращаясь къ прошедшему, нельзя не видѣть, что основаніе такого взгляда на литературу, представляющаго ее впередъ за дѣло опасное, противъ котораго должны быть приняты всякія предосторожности, это основаніе теоретически не было вовсе взято изъ условій *русской* жизни. Въ самомъ дѣлѣ, состояніе русской литературы не представляло данныхъ для этого; съ давнихъ временъ она была такъ запу-

гана, что какое-нибудь сильное слово, которое способно было бы пробудить сколько-нибудь серьезное движение мысли было великою рѣдкостью; обыкновенно эта литература была всегда такъ смирна, такъ навлонна въ большинствѣ къ одѣ и панегирику, что война противъ нея съ тяжелымъ оружіемъ господствовавшей цензуры часто бывала очень странной. Первые дѣйствія цензуры въ этомъ родѣ начинаются (не говоря объ очень исключительныхъ временахъ императора Павла) въ царствованіе Александра I, какъ отголосокъ консервативныхъ преслѣдованій либерализма въ западной Европѣ. Главнѣйшимъ образомъ, наша цензурная практика стала устанавливаться со временъ Священнаго Союза, по тѣмъ образцамъ, какіе дала въ то время безумная реакція Меттерниха и компаніи. У насъ въ то время наивно думали, что опасность либерализма, которымъ хотѣли запугать европейское общество реакціонеры австрійской шестолы, что эта опасность въ той же мѣрѣ грозитъ и русскому обществу. Россіи въ то время пришлось играть такую первостепенную роль въ Европѣ, она такъ тѣсно вошла въ кругъ европейскихъ державъ и съ такимъ вліяніемъ вмѣшивалась въ ихъ судьбы и рѣшала ихъ, что нашимъ политикамъ казалось иногда, что Россія въ самомъ дѣлѣ представляетъ государство однородное съ европейскими, и что русское общество представляетъ тѣже элементы, изъ какихъ состояли европейскія общества. Трудно было заблуждаться болѣе грубымъ образомъ; но Священный Союзъ былъ заключенъ и налагалъ на русское правительство солидарность съ тѣми политическими мѣрами, которыя были первымъ его слѣдствіемъ. Мысль Союза была мысль Александра, но практическое исполненіе ея, изобрѣтеніе разныхъ мѣръ внутренней политики, долженствовавшихъ служить къ подавленію опаснаго вольнодумства, были дѣломъ Меттерниха; императоръ Александръ кажется не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что эти изобрѣтенія даже противорѣчили его собственнымъ первоначальнымъ желаніямъ, онъ принималъ ту программу, выдѣланную изъ акта Священнаго Союза, и считалъ долгомъ дать ей практическую силу. Что изъ этого вышло у насъ, это извѣстно. Магничѣй при каждомъ удобномъ случаѣ ссылался на актъ Священнаго Союза и на дѣйствія иностранныхъ правительствъ противъ вольнодумства университетовъ и литературы, и читая теперь его доносы, мудро себя вообразить, какимъ образомъ правительство могло принимать ихъ серьезно. Цензура, вмѣсто полицейской мѣры, стала считаться мѣрой политической, оберегающей государственную безопасность. Въ то время еще вѣрили, что виной французской революціи были безбожные философы и разрушительные

писатели; у насъ также стали находить разрушительныхъ писателей—въ этой литературѣ, столько скромной, послушной или просто низкопоклонной. Теперь извѣстно довольно анекдотовъ о томъ, что считала цензура двадцатыхъ годовъ опаснымъ и разрушительнымъ. Времена эти прошли, положеніе литературы какъ будто улучшилось, т. е., другими словами, преслѣдовать ее было и не за что, но при малѣйшемъ появленіи въ ней живого движенія, подозрительность начиналась снова и при малѣйшемъ поводѣ уничтожала эти живые органы, и при этомъ не одинъ разъ окончательно подавляла и всю энергію лучшихъ людей. Такъ закрытъ былъ журналъ Кирѣвскаго, потомъ «Телеграфъ» Полеваго, потомъ «Телескопъ» Надеждина, — Полевой, Надеждинъ, Чаадаевъ никогда уже не возвращались къ продолженію той дѣятельности, которая прерывалась для нихъ такимъ пугающимъ образомъ. Всматриваясь въ способъ дѣйствій, принятый тогда противъ этихъ писателей, въ эту преувеличенную инкриминацію вещей, далеко ея не заслуживавшихъ, нельзя не видѣть, что этотъ способъ былъ опять только примѣненіемъ тѣхъ приемовъ, какія употребляла и рекомендовала реакціонная система временъ Священнаго Союза. Каждому слову, въ которомъ просвѣчивала критическая мысль, придавалась важность политическаго покушенія. До какой степени иностранные образцы и иностранныя пугала имѣли вліяніе на судьбы скромной русской литературы, можно было видѣть еще разъ въ 1848 году: смѣшно было думать о какомъ-нибудь серьезномъ отраженіи европейскихъ волненій у насъ,—между тѣмъ съ этого года литература подвергнута была усиленному присмотру, цензура устроена была въ цѣлый рядъ инстанцій, образовалось множество специальныхъ цензуръ, и надо всѣми стоялъ особый негласный комитетъ...

Такова была, безъ сомнѣнія, исторія этого подозрѣвающего взгляда на литературу. Но хотя теорія была чужая, практически это подавленное состояніе литературы вполне отвѣчало всему характеру жизни: въ ней недопускалось ни малѣйшаго признака сколько-нибудь самостоятельной общественной мысли; система безусловной опеки, господствовавшая въ жизни, дѣлала то, что и въ литературѣ каждая попытка независимаго слова прямо считалась дерзостью, если не преступленіемъ.

Это понятіе, что литература есть занятіе сомнительное, всегда граничащее близко съ дерзостью, до такой степени укрѣпилось въ извѣстныхъ сферахъ, что только въ самое послѣднее время судебному разбирательству удавалось разъяснять, что представленіе авторомъ книги въ цензуру, отъ которой онъ ожидаетъ

рѣшенія—быть или не быть книгѣ, еще не составляетъ съ его стороны никакого преступленія, и что его лично не слѣдуетъ непременно карать, если бы книга не получила цензурнаго одобренія.

Чтобы увидѣть, насколько фальшивъ былъ таковой взглядъ на литературу, извлеченный изъ реакціонныхъ временъ и законодательствъ, и насколько бесполезны въ сущности были усиленные труды комитетовъ, довольно взглянуть безпристрастно на то, какую роль играетъ литература въ нашемъ обществѣ.

Литература составляетъ безъ сомнѣнія одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ въ умственной жизни народа, и тамъ, гдѣ она пользуется всей свободой — въ особенности; но, вообще говоря, она вовсе не составляетъ какого-либо особаго элемента, независимаго отъ другихъ элементовъ народной и общественной жизни. Литература есть только одно изъ явленій умственной жизни (ея дѣйствующихъ причинъ и вмѣстѣ слѣдствій), но далеко не главное и не единственное. Думать, что дѣйствуя на литературу, стѣняя и ограничивая ее, можно подавить въ народѣ или обществѣ извѣстныя растущія въ немъ идеи, — есть заблужденіе, чрезвычайно печальное и вредное, потому что это стѣсненіе всегда бываетъ, богѣе или менѣе, насиліемъ надъ духовной, умственной и нравственной дѣятельностью общества; это насиліе не можетъ не быть тяжелымъ и болѣзненно-чувствуемымъ, при немъ всегда бесплодно подавляются и пропадаютъ отдѣльныя силы, которыя иначе внесли бы свою долю въ трудъ національнаго развитія, а наконецъ всѣ старанія останавливать начавшійся процессъ извѣстнаго развитія бывають обыкновенно напрасны. Этотъ процессъ будетъ затрудненъ, многое будетъ испорчено, но въ концѣ концовъ умственный результатъ будетъ все-таки достигнутъ. Чему надо быть въ результатѣ развитія, то и будетъ, и это опредѣляется не желаніями цензурныхъ комитетовъ, а среднимъ выходомъ изъ всѣхъ дѣйствующихъ умственныхъ силъ и дѣйла общественнаго состоянія.

Общество получаетъ свои представленія о вещахъ конечно не изъ одной литературы. Не мудрено кажется убѣдиться, что русская книга и журналъ, обставленные извѣстными карантинными мѣрами, далеко не высказывали и не высказываютъ всего, что однако находится въ обращеніи въ умахъ общества. Литература имѣла и имѣетъ свою благотворную роль въ образованіи общественныхъ понятій, но эта роль нисколько не исключительная. Литература можетъ имѣть обширное дѣйствіе какъ пространство свѣдѣній, но какъ публицистика она не производитъ общественныхъ направленій, взглядовъ и партій — она

только отражает ихъ. Самыя направленія даются жизнью и общественными условіями. Въ прежнее время литература не смѣла заикнуться о крѣпостномъ вопросѣ, или въ самомъ дѣлѣ говорила о немъ только заикаясь; цензура не позволяла сказать прежде слова объ этомъ предметѣ, но въ умахъ образованныхъ людей вопросъ былъ рѣшенъ, и къ тому времени, когда нынѣшнее правительство въ первый разъ высказалось о своихъ планахъ освобожденія, въ обществѣ было уже множество пламенныхъ приверженцевъ освобожденія. Точно также, движеніе, отличавшее первые годы нынѣшняго царствованія, не могло быть дѣломъ одной литературы: сама она только въ эту пору получила первую возможность говорить, а слѣдовательно и не могла бы имѣть такого дѣйствія, — какъ передъ этимъ при всѣхъ усиліяхъ не могла бы страхнуть гнета, лежавшаго на всей общественной жизни. Новое движеніе произошло отъ обширныхъ общихъ причинъ: новое царствованіе, съ первыхъ шаговъ своихъ, отвѣтило стремленіямъ, которыя долго копились въ умахъ общества, хотя и далеко не высказывались въ литературѣ; кромѣ того общество все вообще почувствовало тотъ политическій опытъ и урокъ, который данъ былъ Крымской войной, и правительству достаточно было тогда выразить свои болѣе либеральныя противъ прежняго взгляды нѣсколькими практическими мѣрами, облегчить нѣсколько старыхъ стѣсненій, сдѣлать нѣсколько улучшеній, чтобы общественныя силы стали высказываться смѣлѣе и свободнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, стоило отмѣнить запрещеніе заграничныхъ путешествій, уничтожить странный «комплектъ» въ университетахъ («комплектъ» людей, желавшихъ имѣть высшее образованіе!), выразить намѣреніе судебной реформы и потомъ выполнить ее, дать нѣкоторый просторъ общественному самоуправленію, снять запрещеніе частнымъ лицамъ строить желѣзныя дороги, — достаточно было сдѣлать это, чтобы въ обществѣ стали совершаться явленія, до тѣхъ поръ неслыханныя. Умственные интересы усилились, общественные вопросы, адвокатура, судъ присяжныхъ, народное образованіе, вопросы о представительствѣ стали предметомъ общаго любопытства; когда явились новыя суды, практика показала, что у насъ не оказалось недостатка въ талантливыхъ, даже блестящихъ адвокатахъ и разумныхъ присяжныхъ; въ земскомъ самоуправленіи, при всей ограниченности данныхъ ему размѣровъ, явилось однако много случаевъ истиннаго интереса къ общественному благу; снятіе промышленныхъ стѣсненій произвело обширное промышленное движеніе, и Россія буквально въ нѣсколько лѣтъ покрывается сѣтью желѣзныхъ дорогъ — явленіе истинно удивительное при

тѣхъ громаднѣхъ пространствахъ, какія должны проходить наши желѣзныя дороги.—Что же дѣлала во всемъ этомъ движеніи литература? Она конечно посвятила всѣмъ этимъ предметамъ много интереса, высказала много свѣтлыхъ мыслей, внушала много благородныхъ стремленій;—она могла сильно поддержать это движеніе, но смѣшно было бы сказать, что она *произвела* его. Въ широкихъ практическихъ движеніяхъ страны, рядомъ съ которыми идутъ и умственные успѣхи, она только принимаетъ участіе. Какъ выраженіе самыхъ разнородныхъ элементовъ, она говоритъ за и противъ, стремится впередъ и таветь назадъ; подкладка ея—всегда само общество и его исторія, и потому на нее не могутъ ложиться ни безусловныя похвалы, ни безусловныя порицанія.

Замѣтимъ здѣсь одно важное обстоятельство. Для многихъ изъ упомянутыхъ результатовъ достаточно было только чисто отрицательныхъ мѣръ правительства—довольно было только устранять прежнія стѣсненія, и общество оживлялось само собою, потому что начинали дѣйствовать силы, которыя до тѣхъ поръ были связаны, оставались въ скрытомъ состояніи. Здѣсь, въ этихъ внутреннихъ силахъ, и заключался источникъ движенія.

Изъ сказаннаго можно видѣть, какъ слѣдуетъ принимать и обвиненія, падающія на литературу и которыя такъ часто повторялись въ послѣднее время, что стали общимъ мѣстомъ и порядочно прискучили. Замѣтимъ прежде всего, что эти обвиненія противъ «вредныхъ» направленій прилагаются всего чаще къ чисто *оталеченнымъ*, научнымъ или общественно-политическимъ и литературнымъ, мнѣніямъ и изслѣдованіямъ, которыя по здравому смыслу едва ли могутъ подлежать полицейскому обвиненію, и если могутъ вызывать противорѣчіе, то здравый смыслъ допускаетъ его только въ той же научной, публицистической и литературной формѣ. (Вспомнимъ напр. фактъ обвиненія книги г. Сѣченова «о рефлекссахъ головного мозга»). Какъ бы то ни было, у насъ не однажды падали самыя тяжкія обвиненія на вредныя книги и журналы; ихъ авторы или издатели подвергались преслѣдованію, какъ виновники предполагаемаго вреда. Не говоря о томъ, до какой степени странны выходили—какъ это особенно ярко выдѣется въ приведенномъ примѣрѣ—подобныя обвиненія, выставляемыя противъ понятій, выработанныхъ или выработываемыхъ современной наукой, или противъ книгъ, представляющихъ только образчики предметовъ, надъ которыми работаетъ современная общественная наука, и которые должны бы быть любопытны для общества совершен-

полѣтнаго (какимъ мы однако имѣемъ слабость себя считать),— не говоря объ этомъ, странно думать, чтобы литература, т. е. одинъ очень немногочисленный классъ литературныхъ дѣятелей, виновать былъ въ этомъ предполагаемомъ «вредѣ». Нечего говорить о томъ, что опредѣленіе этого «вреда» нерѣдко наводитъ на очень проблематическіе вопросы. Но затѣмъ и здѣсь литература, какъ въ первомъ случаѣ, есть только одинъ изъ послѣднихъ фактовъ процесса, происходящаго въ умственной жизни общества. Если обвиняемая литература упрекается или преслѣдуется за то, что скептически и—если можно—даже враждебно относится къ извѣстнымъ учрежденіямъ или явленіямъ національной жизни, если она вноситъ новыя понятія (почитаемыя обыкновенно вредными за то, что онѣ противорѣчатъ старымъ)—то для наблюдателя вполне искренняго это значитъ только, что въ самомъ обществѣ извѣстная часть образованныхъ людей имѣетъ этотъ скептицизмъ и эти новыя понятія. Понятно, что если существуетъ уже этотъ процентъ людей такихъ мнѣній, то бесполезно преслѣдованіе отдѣльныхъ личностей или книгъ за это мнѣніе; преслѣдованіе произведетъ конечно свое устрашающее дѣйствіе, но этимъ едва ли оно достигаетъ цѣли, т. е. искоренить «вредныя мнѣнія». Уничтожить ихъ можно только однимъ средствомъ—прекративъ вообще умственную дѣятельность націи. Но очевидно, что умственные успѣхи націи необходимы ей даже для простого сохраненія своего политическаго значенія и силы, и устранять ее отъ умственной работы значило бы подкапывать самую матеріальную, политическую силу націи. Поэтому такъ вредна вообще система репрессивныхъ мѣръ. Въ смыслѣ національнаго развитія полезнѣе было бы—предоставить самому обществу собственнымъ умомъ переработать представляющіяся ему идеи: общество отвергнетъ ихъ, если онѣ противорѣчатъ его дѣйствительнымъ интересамъ; а если не отвергнетъ, значитъ, въ нихъ была своя доля того, что нужно обществу:—вопросъ былъ бы только въ томъ, чтобы понять требованія времени и дать имъ удовлетвореніе, не истощая общественныхъ силъ лишеніемъ умственной пищи и не дожидаясь болѣзненныхъ кризисовъ,—напр. въ родѣ Крымской войны, которые показали бы необходимость другого порядка общественной внутренней жизни. Наконецъ, если бы уже признано было необходимымъ направить преслѣдованіе на тѣ новыя элементы понятій, какіе вноситъ литература, то каковой-нибудь успѣшности такихъ репрессивныхъ мѣръ логически можно было бы ждать только тогда, когда бы, кромѣ литературы, эти репрессивныя мѣры были употреблены и противъ всякихъ другихъ источниковъ, изъ кото-

рыхъ питается общественная мысль; надо было бы напр. запретить множество иностранныхъ книгъ, восстановить «комплектъ» въ университетахъ, запретить путешествія за границу, уничтожить судебную реформу, стѣснить по прежнему промышленное развитіе и т. д., и т. д. Все это вмѣстѣ имѣетъ на состояніе умовъ въ обществѣ гораздо больше вліянія, чѣмъ литература. Но едва ли кто считаетъ возможнымъ эти репрессивныя мѣры въ такомъ универсальномъ размѣрѣ. Въ обвиненіяхъ противъ литературы указываютъ обыкновенно на рѣзкости, непривычныя нашему уху, на неумѣнье обращаться съ печатнымъ словомъ, или совсѣмъ непопозволительныя крайности. Но въ этой раздражительности, встрѣчающейся въ отдѣльныхъ случаяхъ, виновата опять не сама литература собственно, а общественныя противорѣчія; излечить литературу отъ этой неумѣренности можно было бы только примиряя эти противорѣчія общественной жизни, и литература могла бы только помочь въ этомъ случаѣ, указывая пункты противорѣчій, разъясняя истинное положеніе дѣла и настоящій интересъ, въ удовлетвореніи котораго состоитъ благо общества. Не ея вина, если сами общественныя противорѣчія становятся вопіющими. Ее упрекаютъ въ недостатокъ умѣренности и достоинства,—но эти качества едва ли приобрѣтаются въ цензурной шкোলѣ. Совсѣмъ напротивъ, можно ли было литературѣ приобрѣсть эти качества, когда писатель, въ прежнія времена, чувствовалъ себя стѣсненнымъ даже въ самомъ умѣренномъ выраженіи стремленій къ общественному благу: система опеки не давала исхода настоящей мысли, настоящимъ желаніямъ общества и его лучшихъ людей, и понятно, что это нарушеніе и стѣсненіе самыхъ неизбѣжныхъ потребностей общества, начинающаго думать, производили эту раздражающую рѣзкость и нетерпимость и влекли за собой свои извѣстныя послѣдствія.

На такихъ опасеніяхъ построенъ тотъ взглядъ на литературу, изъ котораго, между прочимъ, исходитъ и стѣсненіе историческаго изученія. Но если въ общихъ литературныхъ сюжетахъ давленіе на литературу кончается положительнымъ вредомъ для умственнаго развитія націи или для «національнаго ума», и ограниченіе научной свободы равняется желанію поддерживать въ обществѣ невѣжество, ограниченность понятій и познаній, то вредъ ограниченія историческихъ изслѣдованій бываетъ изъ особенно ощутительныхъ. Исторія (новѣйшая, о которой мы собственно говоримъ) слишкомъ близко касается современной жизни и даетъ первую критическую точку опоры и одно изъ наиболее доступныхъ образовательныхъ средствъ для тѣхъ, кто хочетъ сознательно понимать настоящее. Нѣтъ сомнѣнія, что цензура,

такъ сильно тяготѣвшая въ особенности надъ исторіей, надолго заставила наше историческое изученіе остаться назади противъ того, чѣмъ оно могло бы быть въ другихъ условіяхъ.

Есть ли, въ самомъ дѣлѣ, достаточное основаніе дѣлать изъ прошлаго секретъ для литературы, и слѣдовательно для цѣлой націи? По сущности своей, этотъ вопросъ сливается съ другимъ: возможно ли и полезно стѣснять вообще науку? На такой вопросъ, собственно, нечего отвѣчать, потому что отвѣтъ есть слишкомъ избитая истина. Если только хотять для націи какой-нибудь науки, то стѣснять науки невозможно: какъ дѣло логики и изслѣдованія, она будетъ доходить до своихъ послѣднихъ выводовъ, надъ которыми бессильна всякая власть и всякій личный произволъ. Можно сдѣлать одно — не дать ей высказываться, чтобы ея выводы не бросались въ глаза своимъ противорѣчіемъ съ ходячими и господствующими предразсудками, — но въ такомъ случаѣ надо будетъ отказываться и отъ лучшихъ плодовъ науки — какъ отъ нихъ долго должно было отказываться наше общество, которому оттого долго приходилось и еще приходится принимать рѣшенія, сдѣланныя мимо нашего участія. Между тѣмъ цензура не можетъ вѣчно быть на сторожѣ, рано или поздно она поднимаетъ свои шлагбаумы, вынуждаемая общими требованіями времени; практика нашей собственной цензуры показываетъ, что наконецъ она должна была уступать передъ требованіями образованія и допускать въ печать то, что прежде считала для нея рѣшительно невозможнымъ. Чѣмъ же были ея прежнія усилія, прежнее гоненіе на литературные и научные интересы? Они были напраснымъ, пропащимъ трудомъ, оставившимъ по себѣ только лишнее раздраженіе, и бесплоднымъ насиліемъ, внесшимъ только лишнюю неправильность въ умственную жизнь общества, лишнее замедленіе ея успѣховъ, отзывающееся прямымъ вредомъ на послѣдующихъ поколѣніяхъ.

Стѣсненіе историческаго изслѣдованія, какъ мы замѣчали, бываетъ особенно чувствительно для національной литературы. Стѣснять историческія знанія значитъ оставлять общество въ невѣдѣніи или заблужденіи относительно его собственныхъ высшихъ интересовъ, ставить его въ положеніе несовершеннолѣтняго — положеніе очень опасное, потому что слишкомъ продолжительное малолѣтство общества вредитъ наконецъ и силамъ самого государства. А если на самомъ дѣлѣ общество уже выходитъ изъ малолѣтства, то такіа стѣсненія способны только возбуждать недовольство, и нисколько не уничтожая являющихся критическихъ запросовъ, еще болѣе дискредитируютъ систему опеки.

Мы не будемъ впрочемъ долго останавливаться на общемъ цензурномъ вопросѣ, достаточно разъясненномъ въ статьяхъ г. Арсеньева о русскомъ законодательствѣ по этому предмету. Ограничивая исторію, цензура (въ томъ или другомъ видѣ) имѣетъ въ виду, во-первыхъ, понятія самого общества, до которыхъ она не хочетъ допустить знанія о нѣкоторыхъ фактахъ, или которыя желаетъ предохранить отъ мнѣній, считаемыхъ ею за ошибочныя. Она стремится такъ сказать охранять общественное простодушіе, и сберегать традиціонныя представленія о вещахъ; но она беретъ на себя Сизифову задачу, если хочетъ остановить разъ зародившуюся критику. А критика несомнѣнно зародилась, и относительно традиціонныхъ представленій литература уже не одинъ разъ высказывала возраженія, слишкомъ вѣскія, чтобы они могли затеряться. Они и не затеряются. Несомнѣнная склонность къ изученію въ исторіи внутреннихъ общественныхъ процессовъ, склонность, которой нельзя не видѣть въ новѣйшихъ историческихъ трудахъ, показываетъ, что критическая пытливость не довольствуется уже одной официальной, показной исторіей, которая до недавняго времени господствовала почти исключительно. Горизонтъ изслѣдованій расширился до замѣчательной степени въ сравненіи съ прежнимъ, и этотъ горизонтъ едва ли уже возможно сдвинуть и закрыть. Правда, привычныя рамки языка еще не высказываютъ всей мысли, внушаемой болѣе широкими новыми точками зрѣнія, но самая мысль уже существуетъ. Природа, выгоняемая въ дверь, влетаетъ въ окно. Стѣсненіе историческихъ свѣдѣній не достигаетъ цѣли: то, что хотятъ скрывать,—въ существѣ дѣла или извѣстно, или предполагается, живетъ въ устныхъ разсказахъ, а прежде бывало въ рукописныхъ тетрадкахъ. Чтобы уничтожить такое распространеніе идей понадобилась бы цѣлая инвизиція. Наконецъ то, что не находятъ мѣста въ русской книгѣ, находятъ его не рѣдко въ книгѣ иностранной, и обыкновенно въ худшемъ видѣ. Наконецъ, много русскаго историческаго матеріала, и между прочимъ очень любопытнаго, стало появляться въ заграничныхъ изданіяхъ, на русскомъ и на другихъ языкахъ.

Съ другой стороны цензурныя стѣсненія основываются на соображеніяхъ такъ сказать дипломатическихъ. Во время господства канцелярской тайны и полной бюрократической опеки, исторія, какъ мы замѣчали, также была въ непосредственномъ вѣдѣніи этой опеки (мы опять разумѣемъ новѣйшую исторію). Архивы почти не отрывались; чтобы работать въ нихъ, ученому надо было запастись спеціальными разрѣшеніями, добываніе которыхъ было не легко. Дѣла считались государственными

секретомъ, и понятно, что онъ отрывался только съ величайшими предосторожностями и съ большими урѣзками. Въ нынѣшнемъ управленіи архивовъ, сколько надобно полагать, еще въ сильной степени господствуетъ такое же понятіе, — и въ этомъ отношеніи (какъ во множествѣ другихъ) наша литература составляетъ въ сожалѣнію очень невыгодную противоположность съ европейскими, — въ которыхъ высокая степень общественнаго образованія, давно сдѣлала исторію общимъ достояніемъ, и которыя поражаютъ необозримымъ множествомъ историческаго матеріала, стараго и новаго, появляющагося ежегодно. Мы, какъ извѣстно, не въ состояніи похвалиться чѣмъ-нибудь подобнымъ. На нашихъ собраніяхъ все еще лежитъ очень часто печать канцелярской тайны. Между тѣмъ вѣдомства, завѣдующія важнѣйшими въ историческомъ смыслѣ архивами, могли бы стать на другую точку зрѣнія и сложить съ себя цензурно-дипломатическое попеченіе по крайней мѣрѣ относительно большинства тѣхъ матеріаловъ, которые еще остаются закрытыми для историческаго употребленія: требуемая осторожность обращенія съ ними достаточно внушается писателю закономъ о печати. Что касается дипломатическаго соображенія времени и лицъ, то намъ мудрено себѣ представить, чтобы можно было простираť эти соображенія дальше двухъ послѣднихъ царствованій или чтобы они могли напр. касаться до временъ имп. Александра I. Наконецъ опасенія слишкомъ откровенной исторіи имѣютъ между прочимъ въ виду — не давать повода къ неблагоприятнымъ сужденіямъ о Россіи: «что скажутъ иностранцы» — до сихъ поръ заботитъ многихъ. Намъ случилось разъ, гдѣскольکو лѣтъ назадъ, въ одномъ ученomъ обществѣ, слѣдовательно обществѣ, которое должно бы серьезно понимать науку, — слышать подобный вопросъ по поводу читавшагося тамъ изслѣдованія, гдѣ было высказано одно совершенно справедливое, но не вполне благоприятное сужденіе о временахъ имп. Екатерины: предсѣдатель предложилъ автору — передѣлать это мѣсто, т. е. сказать намѣренную ложь... Такія опасенія вонечно совершенно напрасны. Иностранцы, не дожидаясь насъ, составляютъ себѣ мнѣніе о нашей исторіи и историческихъ личностяхъ; и если намъ вообще заботиться объ ихъ отзывахъ и о томъ дѣйствіи, какое они могутъ имѣть на русскихъ читателей, то въ ихъ книгахъ уже сказаны всѣ худшія вещи, какія можно сказать, и онѣ уже имѣли свое дѣйствіе. Ясно, кажется, что просторъ для русскихъ изслѣдователей всего лучше можетъ поддѣржать въ этомъ смыслѣ наше національное достоинство, — онъ уничтожилъ бы преувеличенія, которыхъ было не мало сказано

относительно новѣйшей нашей исторіи, и доставилъ бы точную оцѣнку фактовъ, которая — какъ бы строгой, быть можетъ, ни пришлось ей иногда быть — сдѣлала бы намъ больше чести, еслибъ исходила отъ самихъ насъ.

Такимъ образомъ, историческое изученіе, по нашему мнѣнію, нуждается теперь для своего успѣха въ расширеніи свободы изслѣдованій, которое можетъ быть достигнуто предоставленіемъ большаго простора историческому разсказу и критикѣ, и открытіемъ архивовъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ взгляды правительства и оффиціальныхъ вѣдомствъ могли бы имѣть большое вліяніе, однимъ устраненіемъ стѣснительныхъ правилъ и обычаевъ; такъ одно открытіе архивовъ могло бы имѣть большое дѣйствіе на нашу историографію, и практическое — доставленіемъ матеріала, и моральное — внушеніемъ болѣе серьезнаго отношенія къ предмету, чѣмъ было прежде. Въ самомъ дѣлѣ, въ архивахъ должно храниться множество вещей, обнародованіе которыхъ бросило бы большой свѣтъ на послѣ-петровскую исторію. Отсутствіе этихъ вещей чрезвычайно вредитъ разработкѣ предмета. Многимъ изъ нашихъ историковъ приходилось встрѣчаться съ очень непріятными, иногда неодолимыми затрудненіями въ этомъ, самомъ первоначальномъ вопросѣ историческаго труда; многимъ случалось обходиться безъ источниковъ, существованіе которыхъ было однако извѣстно, или отказываться отъ опредѣленія извѣстныхъ сторонъ предмета, закрываемыхъ цензурными правилами и преданіями. Отсюда, въ литературѣ накопилась съ теченіемъ времени цѣлая масса лицемерныхъ или невольныхъ умолчаній или неправильныхъ изложеній дѣла; отсюда происходило также и то, что одинъ и тотъ же предметъ долженъ былъ перерабатываться по нѣскольку разъ, по мѣрѣ того, какъ неожиданно начинали появляться въ свѣтъ скрывавшіеся матеріалы; наконецъ, отъ одного этого еще болѣе усиливался историческій скептицизмъ.

Въ литературѣ и обществѣ теперь безъ сомнѣнія гораздо сильнѣе прежняго желаніе найти правдивую исторію, которая не была бы похожа на голый панегирикъ и не страдала умолчаніями. Избавиться отъ старыхъ недостатковъ, вступить на путь искреннаго и безпристрастнаго изслѣдованія, которое раскрыло бы передъ нами вѣрную картину общественнаго развитія, безъ самохвальныхъ преувеличеній и не скрывая мрачныхъ сторонъ прошедшаго, живущихъ часто и въ настоящемъ, — и для этого познаться со всѣмъ существеннымъ историческимъ матеріаломъ, до сихъ поръ далеко не вполне извѣстнымъ, вотъ къ чему должны стремиться тѣ, кому дороги успѣхи и достоинство исто-

рическаго изученія. На этомъ поприщѣ мы желали бы видѣть и дѣятельность Русскаго Историческаго Общества. Понявши во всей полнотѣ обширную задачу, которая еще предстоитъ русской историографіи, и употребивъ свои усилія на упомянутую необходимость извлечь изъ неизвѣстности матеріалы, которыхъ недостаетъ для объясненія многихъ существенныхъ явленій нашей внутренней исторіи XVIII — XIX столѣтій, — Общество при своихъ исключительныхъ средствахъ могло бы сдѣлать очень многое, могло бы оказать неоцѣненную услугу не только исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлой русской литературѣ.

Какіе же предметы заслуживали бы особеннаго вниманія при такой разработкѣ историческаго матеріала? Этотъ матеріалъ громаденъ, издать его весь нѣтъ возможности, да и надобности; но при выборѣ должна однако присутствовать извѣстная обдуманная мысль и система. Выборъ долженъ опредѣляться потребностями науки, т. е. тѣми предметами, которые преимущественно привлекаютъ вниманіе изслѣдователей и любовнательность общества. А эти предметы отличить довольно легко, по тому, что всего больше занимало литературу. Это была главнымъ образомъ внутренняя исторія народа и общества, исторія управленія, экономическихъ условій, образованности, сословій, быта, правовъ, и т. д., съ той точки зрѣнія, гдѣ они являются въ связи съ цѣлымъ общественнымъ развитіемъ, послѣднее звѣно котораго составляетъ наше собственное настоящее съ его работами, трудами и стремленіями. Это — исторія общественно-политическая и культурная. Личная исторія правителей, наполнявшая прежнія книги, теперь возбуждаетъ интересъ лишь въ той мѣрѣ и въ томъ направленіи, насколько она оказывала прямое вліяніе на ходъ исторіи; исторія войнъ и полководцевъ — точно также заняла въ общей исторіи только относительное мѣсто, и исключительныя описанія военныхъ подвиговъ отошли въ спеціальныя книги для спеціальныхъ читателей. Однимъ словомъ, руководящій интересъ современной исторической литературы тѣсно связывается съ тѣми вопросами, которые тревожатъ общество въ современной жизни: въ исторіи мы хотимъ видѣть начало и судьбу тѣхъ жизненныхъ стремленій, которыя наполняютъ настоящее противорѣчіями и столкновеніями и которыя представляютъ собой зерно будущаго. Чѣмъ больше историческіе труды будутъ доставлять разъясненій по этимъ предметамъ, тѣмъ будутъ они плодотворнѣе: сюда направляется всего больше вниманія и пытливости, и отсюда всего больше будетъ исходить возбужденій къ новымъ историческимъ розысканіямъ, вопросамъ и комбинаціямъ.

Могутъ сказать на это, что стѣснять такимъ образомъ историческій интересъ значить вносить въ науку современныя преходящія точки зрѣнія, что это значить унижать науку, которая стоитъ выше эфемерныхъ вкусовъ публики, что въ наукѣ нѣтъ интереснаго и неинтереснаго, если только оно входитъ въ область ея фактовъ, что высокое достоинство исторической науки и т. д.... Это довольно обыкновенный языкъ ученыхъ для учености, которые (у насъ особенно) любятъ казаться жрецами научныхъ таинствъ, хранителями священнаго огня, скрытаго отъ профановъ. Не говоря о томъ, что нашей учености, которая въ большинствѣ случаевъ только подбирается до сихъ поръ крохами европейской науки или, въ русскихъ предметахъ, ограничивается пока очень умѣренными подвигами, — что этой учености не совсѣмъ пристало облежаться въ хламиду олимпійскаго величія, эти возраженія сводятся къ совершенному безразличію историческихъ предметовъ и къ полной безжизненности науки. Наша наука, и исторія въ томъ числѣ, до послѣдняго времени именно страдала отсутствіемъ всякой связи съ жизнью, что и отражалось на сухости и непригодности ея плодовъ. Эта наука, существовавшая для извѣстнаго (не очень большого) круга спеціалистовъ и любителей, дѣлала извѣстные успѣхи только въ изслѣдованіи частныхъ, но несмотря на всю свою притязательность, была очень слаба во всемъ, гдѣ шло дѣло объ установленіи самыхъ принциповъ и основаній науки: она далеко не привыкла обнимать цѣльно предметъ изученія, изслѣдовать господствующія начала исторической жизни и всѣ основныя стороны національнаго существованія. Приблизиться къ этой жизни, научиться смотрѣть на весь объемъ исторической задачи, не увязая въ однихъ подробностяхъ одного періода, и приобрѣсти наконецъ общее разумѣніе предмета, изъ котораго намъ извѣстны только нѣсколько разныхъ угловъ, въ этомъ состоитъ теперь одна изъ первыхъ, едва ли не первая потребность нашей исторической науки. Нѣтъ сомнѣнія, что изслѣдованіе можетъ выбирать себѣ любые предметы и любымъ образомъ опредѣлять ихъ, — но странно было бы не видѣть различія относительной важности тѣхъ или другихъ историческихъ вопросовъ. Старинные толки о любви мудрыхъ народовъ къ порядку и о «банномъ строеніи», или позднѣйшія изысканія о родовомъ началѣ и началѣ личности, или еще позднѣйшіе вопросы о народной исторіи имѣютъ весьма различную цѣну въ этомъ смыслѣ. Точно также и теперь бывають изслѣдованія, которыя дѣйствительно «бросаютъ свѣтъ» на прошедшее, и составляютъ важное звѣно въ ряду историческихъ изысканій, завершая собою старыя и отрывая исход-

ный пунктъ для новыхъ; такія изслѣдованія бывають истиннымъ приобрѣтеніемъ литературы, именно какъ раскрытіе новой стороны дѣла, незамѣченной прежде, какъ руководство и указаніе дальнѣйшихъ изысканій;—и съ другой стороны, бывають труды, которые приносятъ также свою долю пользы, но могли бы спокойно явиться десять лѣтъ раньше или позже, все равно. Понятно, что для развитія самой науки важны именно труды прокладывающіе путь, а не идущіе по избитой дорогѣ.

И если новому историческому предпріятію искать себѣ правильнаго опредѣленія своей задачи, то его вѣрнѣе искать не въ этихъ гелертерскихъ вкусахъ, а въ живыхъ интересахъ, какіе связываются въ обществѣ и литературѣ. Истинная наука вовсе не такъ далека отъ жизни, какъ дѣлають ее обыкновенно цѣховые и чиновные ученые; напротивъ, она стоитъ всегда въ тѣснѣйшей связи съ умственнымъ и нравственнымъ движеніемъ общества. Достаточно было бы для примѣра указать въ наше время на замѣчательное развитіе съ одной стороны экономической науки, съ другой — народнаго изученія, языковеденія, этнографіи и т. д., — и то и другое было такъ успѣшно и плодотворно именно потому, что шло рядомъ съ пробудившимися общественно-политическими стремленіями народовъ, когда «народное» стало въ одно время и вопросомъ науки, и общественнымъ идеаломъ, предметомъ политической борьбы. Это совпаденіе несомнѣнно, и трудно иначе объяснить быстрый успѣхъ новыхъ отраслей знанія, созданныхъ въ нѣсколько десятилѣтій, и до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстныхъ въ столь широкомъ смыслѣ. Въ исторіи точно также, характеръ вопросовъ, которые въ ней господствуютъ, отвѣчаетъ характеру общественныхъ интересовъ, и наиболѣе плодотворными трудами бывають именно тѣ, которые совпадаютъ съ потребностями общественной мысли, стремятся къ разрѣшенію задачъ, уже поставленныхъ состояніемъ образованія, или даютъ матеріалъ для ихъ разрѣшенія.

Не знаемъ, случай или преднамѣренный выборъ далъ мѣсто въ Сборникѣ Историческаго Общества матеріаламъ знаменитой Комиссіи о составленіи проекта Новаго Уложенія, которые являются теперь въ 4-мъ его томѣ. Если случай, онъ былъ очень счастливый; если выборъ, онъ дѣлаетъ большую честь историческому такту редакціи Сборника, вспомнившей объ этомъ любопытномъ учрежденіи, исторія котораго такъ долго—ровно сто лѣтъ — принадлежала къ многочисленному количеству фактовъ, лежавшихъ подъ спудомъ.

«Наказъ», который данъ былъ этой Коммиссiи какъ программа и наставленiе, все это время одинъ оставался всѣмъ извѣстенъ и до послѣдняго времени служилъ предметомъ похвалъ и изумленiя историковъ передъ его мудростью и гуманными началами. Но Коммиссiя, созванная Екатериной и долженствовавшая примѣнить въ дѣлу эти начала, была какимъ-то образомъ забыта, до такой степени, что о ней нельзя было даже получить правильныхъ свѣдѣнiй. Историки, толковавшiе о «Наказѣ» и его значенiи, очень часто и не думали задавать себѣ вопроса о самой Коммиссiи.

«Свѣдѣнiй объ этой Коммиссiи, — говорится въ предисловiи настоящаго изданiя — кромѣ неполныхъ, отрывочныхъ, а еще большею частiю ошибочныхъ, мы до сего времени не имѣемъ. И не мудрено. Все, что доселѣ было объ ней связано, основывалось, за нѣкоторыми исключенiями, на *неотрпно переданныхъ фактахъ* или на столь же невѣрныхъ *преданiяхъ*».

Судьба — вторая лежитъ и на очень многихъ другихъ явленiяхъ нашей исторiи, которыя однако должны бы заслуживать полнаго вниманiя и изученiя. Въ самомъ дѣлѣ, Коммиссiя, созванная Екатериной, такъ или иначе, была фактомъ, затрогивавшимъ интересы всего населенiя имперiи — сотни депутатовъ, составившихъ ее, собрались со всѣхъ концовъ Россiи, отъ всѣхъ сословiй и слоевъ народа, отъ высшей аристократiи и первыхъ правительственныхъ вѣдомствъ до крестьянства (кромѣ крѣпостного); Коммиссiя была призывомъ нацiи къ участiю въ законодательствѣ, попыткой представительства, внушенной идеями европейской общественной философи и происходившей въ такую пору, когда трудно было и ожидать ея, — однимъ словомъ Коммиссiя была во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ явленiемъ, определенiе котораго было бы очень важно въ интересѣ исторiи нашего общественнаго развитiя; каковы бы ни было ея начало и исходъ, удачны или неудачны, они были характеристическимъ фактомъ своего времени.

Русское Историческое Общество, издавая подлинныя акты Коммиссiи, оказываетъ истинную услугу русской исторической наукѣ: оно выбрало материалы такого рода, отсутствiе которыхъ особенно чувствовалось.

Обратимся къ изданiю.

«Коммиссiя для составленiя проекта *Новаго Уложенiя*», о созванiи которой объявлено было манифестомъ 14-го декабря 1766 года, и засѣданiя которой продолжались съ 31-го iюля 1767 по 12-е января 1769 г., оставила по себѣ троякаго рода документы: 1) дневныя записки, или протоколы засѣданiй боль-

шого, т. е. полнаго собранія Коммиссіи; 2) мнѣнія депутатовъ, читанныя въ этомъ большомъ собраніи, и 3) наказы, данные депутатамъ отъ тѣхъ сословій, которыми эти депутаты были выбраны, и заключавшіе въ себѣ изложеніе нуждъ и желаній, которыя депутаты должны были заявить въ Коммиссіи. Эти документы хранятся въ архивѣ II-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.

Трудъ изученія и изданія ихъ принадлежитъ г. Полѣнову. Въ небольшомъ предисловіи г. Полѣновъ объяснилъ свойство документовъ и указалъ въ общихъ чертахъ ходъ занятій Коммиссіи; затѣмъ, на основаніи подлинныхъ матеріаловъ онъ излагаетъ мѣры, предшествовавшія собранію, способъ избранія депутатовъ и т. д., и наконецъ въ подробности описываетъ ея дѣйствія. Сохраняя при этомъ во всей точности содержаніе матеріаловъ, т. е. депутатскихъ имѣній и разсужденій, г. Полѣновъ не счелъ нужнымъ излагать ихъ старымъ, подлиннымъ ихъ языкомъ. «Понимая — говорилъ онъ — то неприятное ощущеніе, которое испытываютъ читающіе старинное наше писаніе, мы имѣли въ виду устранить это чувство и сдѣлать чтеніе, а притомъ и пониманіе, доступными не для однихъ специалистовъ. Депутаты, какъ нельзя въ этомъ сомнѣваться, были люди дѣльные, но въ большинствѣ плохіе грамотѣи. Даже извѣстный писатель, историкъ князь Щербатовъ, одинъ изъ многорѣчивыхъ депутатовъ, писалъ такимъ языкомъ, который читается теперь только по необходимости» и т. д. Мы совершенно согласны съ г. Полѣновымъ, что дѣйствительно въ сохраненіи подлиннаго нескладнаго писанія не было никакой надобности; интересъ матеріаловъ заключается въ ихъ содержаніи, а не въ слогѣ, а для любителей арханческаго стиля совершенно достаточно нѣсколькихъ образчиковъ приведенныхъ г. Полѣновымъ, и, наконецъ, еще множества другихъ документовъ и книгъ того времени.

Кромѣ этого изложенія дѣйствій Коммиссіи и мнѣній, высказанныхъ депутатами, г. Полѣновъ во второй половинѣ тома помѣстилъ (въ подлинномъ видѣ) нѣсколько наказовъ депутатамъ отъ дворянства разныхъ мѣстностей.

Таково содержаніе изданія, которое, впрочемъ, есть только начало или одна доля цѣлаго труда; именно, изъ всѣхъ 203 или 204 засѣданій Коммиссіи, здѣсь описано еще только 31 засѣданіе (до октября 1767); и изъ депутатскихъ наказовъ изданы только 30 наказовъ дворянскимъ депутатамъ.

Общій ходъ занятій Коммиссіи, какъ сообщаетъ о нихъ г. Полѣновъ въ своемъ предисловіи, былъ слѣдующій. Когда Коммиссія собралась и открыла свои дѣйствія, первыя семь засѣданій

ея посвящены были избранію маршала или предводителя Комиссіи, чтенію «Наказа», даннаго ей императрицей и другихъ актовъ, выбору членовъ въ три частныя комиссіи (дирекціонную, экспедиціонную и для разбора депутатскихъ наказовъ), устроенныя для веденія дѣлъ и т. п. Затѣмъ, съ восьмого засѣданія началось чтеніе депутатскихъ наказовъ, именно наказовъ отъ черносошныхъ (государственныхъ) крестьянъ. Это заняло пятнадцать засѣданій, — впрочемъ, была прочитана и обсуждаема только очень небольшая часть всего числа наказовъ, и не кончивъ этого, Комиссія уже не возвращалась вовсе къ чтенію наказовъ и занялась чтеніемъ законовъ о правахъ дворянства, на что было употреблено одиннадцать засѣданій. Потомъ Комиссія перешла къ чтенію законовъ о купечествѣ, что продолжалось 46 засѣданій; далѣе нѣсколько засѣданій посвящено было чтенію ливляндскихъ и эстляндскихъ привилегій.

Въ декабрѣ 1767 г. засѣданія Комиссіи въ Москвѣ прекратились; она перенесена была въ Петербургъ, гдѣ и возобновила свои работы въ февралѣ слѣдующаго года чтеніемъ законовъ, относящихся до юстиціи. Въ юлѣ 1768 г. маршалъ Комиссіи, Бибииковъ, внесъ въ собраніе проектъ «правамъ благородныхъ», составленный въ частныхъ комиссіяхъ. Этотъ проектъ, послужившій основаніемъ изданной впоследствии грамоты дворянству (1785), разсматривался въ большомъ собраніи Комиссіи съ особеннымъ вниманіемъ: разсужденія объ этомъ предметѣ продолжались до октября, когда разсмотрѣнный проектъ положено было съ мнѣніями депутатовъ отослать въ дирекціонную комиссію. Затѣмъ комиссія перешла снова къ чтенію законовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ, съ ихъ различными юридическими отношеніями.

Наконецъ 18 декабря 1768 г. Комиссія была распущена. Въ именномъ указѣ императрица объявляла, что по случаю открывавшейся войны многіе депутаты, изъ военныхъ, должны отправиться къ мѣстамъ своей службы, и повелѣвала распустить остальныхъ депутатовъ полнаго собранія Комиссіи впредь до новаго созванія (котораго потомъ не послѣдовало): остаться должно было только членамъ частныхъ комиссій и продолжать свои занятія.

Такъ завершилось существованіе комиссій. Документы ея, когда они будутъ изданы вполне, представляютъ весьма любопытныя данныя относительно внутренняго положенія тогдашней Россіи. Въ настоящую минуту, когда передъ нами только одна, сравнительно небольшая часть этого изданія, нѣтъ возможности, конечно, дѣлать какіе-нибудь общія заключенія. Мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями.

Наказы государственныхъ крестьянъ, съ чтенія которыхъ начались работы Коммиссіи, ограничивались ходатайствами о предметахъ первой необходимости крестьянскаго быта. Они желали уменьшенія повинностей, увеличенія земельныхъ угодій, представленія имъ большаго простора для разныхъ домашнихъ промысловъ, лучшаго управленія и въ особенности, почти всѣ безъ исключенія желали измѣненія судебныхъ порядковъ, и введенія мѣстнаго словеснаго суда съ выборными судьями.

Наказы отъ дворянства, и затѣмъ разсужденія дворянскихъ депутатовъ при чтеніи законовъ о дворянствѣ, естественно заняты чисто сословными интересами, въ ряду которыхъ выставился, между прочимъ, въ особенности вопросъ о томъ, признавать ли дворянами тѣхъ, которые дослужились изъ простаго званія до офицерскихъ чиновъ, или считать дворянами только тѣхъ, кто происходитъ изъ древняго рода. Многіе указы особенно настойчиво рекомендуютъ дворянскимъ представителямъ защиту стараго дворянства и оберегательство его интересовъ. Потомъ, когда въ Коммиссіи обсуждались законы о дворянствѣ, то изъ числа двухъ-сотъ мнѣній, поданныхъ депутатами по этому предмету, одно коснулось вопроса о крѣпостныхъ отношеніяхъ. Этотъ предметъ, — говоритъ г. Полѣновъ, — возбудилъ въ Коммиссіи сильныя споры. Рѣчь шла о бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянахъ, и многіе изъ депутатовъ, объясняя причины этого безпорядка, предлагали и мѣры къ его уничтоженію. «Депутатъ отъ козловскаго дворянства, Григорій Коробинъ (артиллеріи подпоручикъ), въ засѣданіи 5-го мая 1768 года, въ мнѣніи своемъ объяснилъ, что много есть такихъ помѣщиковъ, которые берутъ съ крестьянъ большія подати, чѣмъ бы слѣдовало; есть и такіе, которые, войдя въ значительные долги, отдають людей своихъ для зарабатыванія денегъ на уплату однихъ процентовъ и чрезъ то отлучаютъ ихъ отъ земледѣлія; наконецъ, находятся и такіе, которые, увидѣвъ у крестьянина какое-либо небольшое, своимъ трудомъ добытое имущество, его отнимають. Всѣ эти случаи, говорилъ депутатъ Коробинъ, и бываютъ причиною, что крестьяне, желая избавиться отъ отягощенія, оставляють и свои дома, и помѣщика. Сославшись на статьи Большаго Наказа (261, 269 и др.), онъ признавалъ за нужное ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніемъ ихъ крестьянъ и силою закона оградить собственность сихъ послѣднихъ. Личное же управленіе помѣщиковъ надъ крестьянами депутатъ Коробинъ полагалъ оставить въ прежнемъ положеніи. На это мнѣніе подано было болѣе 20 голосовъ, изъ которыхъ 18 были противъ мысли депутата Коробина и только 3 за него. Большинство депутатовъ, въ опро-

верженіяхъ своихъ, признавало эту мѣру вообще вредною для государства, подерѣпляло возраженія свои тѣмъ, что считало совершенно невозможнымъ разъединить два права, тѣсно между собою связанныя, т.-е. оставить у помѣщиковъ власть надъ лицомъ и отнять ее надъ имуществомъ этого самаго лица. Одинъ изъ членовъ Коммиссіи, возражавшихъ на мнѣніе Коробьина, депутатъ отъ дворянства Гороховецкаго уѣзда, Александръ Протасовъ, между прочимъ сказалъ, что если принять мнѣніе Коробьина, «то не останется другого способа, какъ сдѣлать крестьянъ свободными, еслибъ на то монаршее было соизволеніе»; но и въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, это нужно сдѣлать исподволь.

Такимъ образомъ только очень незначительное меньшинство имѣло мысль объ освобожденіи крестьянъ или допускало его возможность; но фактъ любопытенъ, однако, между прочимъ потому, что мысль объ освобожденіи высказывалась по собственной инициативѣ въ помѣщичьемъ кругу, и что основаніемъ ея было злоупотребленіе многими помѣщиками своей власти.

Любопытно также то обстоятельство, что при чтеніи законовъ о дворянствѣ, лифляндскіе, эстляндскіе и финляндскіе депутаты настаивали на сохраненіи ихъ особенныхъ привилегій и не хотѣли замѣшаться въ средѣ русскаго дворянства; такое желаніе высказывали также дворяне малороссійскіе и смоленскіе, которымъ также хотѣлось сохранить свои особенныя права и привилегіи. Императрица Екатерина смотрѣла неблагопріятно на подобныя заявленія и маршалъ Бибииковъ, по ея приказанію, объявилъ собранію, что Коммиссія не можетъ заниматься предметами, относящимися до правленія, и затѣмъ возвратилъ упомянутымъ депутатамъ поданныя ими заявленія.

Въ концѣ своего предисловія, г. Полѣновъ, упомянувъ о неточности свѣдѣній, какія сообщались объ этой Коммиссіи прежними историками, отвергаетъ въ особенности отзывъ «Записокъ о жизни А. И. Бибиикова» (маршала Коммиссіи), составленныхъ его сыномъ, сенаторомъ Бибииковымъ, который, повидимому, долженъ былъ бы имѣть самыя достовѣрныя извѣстія. «Должно признаться чистосердечно, — говорится въ этихъ Запискахъ, — предпріятіе сіе было рановременно, и умы большей части депутатовъ не были еще къ тому приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному ихъ дѣлу». Г. Полѣновъ думаетъ, что эти слова, вѣроятно, перешли къ составителю Записокъ по преданію отъ какого-нибудь лица, не сочувствовавшаго предпріятіямъ Екатерины, и что здѣсь не совсѣмъ вѣрно понята цѣль, съ которой императрица созывала депутатовъ. Эта цѣль, по словамъ г. Полѣнова,

была не столько сочиненіе Новаго Уложенія, сколько желаніе узнать «нужды и чувствительные недостатки» страны, какъ сказано въ манифестѣ и какъ она говорила и въ другихъ случаяхъ. «Коммиссія Уложенія—говорить Екатерина въ одной запискѣ—бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ вѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должны».

Отзывъ сенатора Бибикова былъ и вѣренъ и невѣренъ. Коммиссія конечно не была настоящимъ представительствомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Но какъ попытка призвать представителей общества къ участию въ законодательствѣ и къ сообщенію свѣдѣній, необходимыхъ правительству, Коммиссія не была также и рановременна. Дѣйствительно, по изданнымъ теперь матеріаламъ, можно видѣть, что одну сторону своей задачи, заявленіе нуждъ и потребностей различныхъ слоевъ и сословій населенія, Коммиссія исполняла весьма удовлетворительно. Требования были, правда, не велики, вопросы ограничивались всего чаще второстепенными интересами бытовой жизни, но въ этихъ границахъ депутаты говорили съ знаніемъ дѣла и иногда очень разсудительно. Если иной разъ и замѣтенъ недостатокъ «просвѣщенія» или неумѣнье понять вещи болѣе широкимъ образомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что подобные недостатки и неровности сгладились бы впоследствии: на первый разъ депутатамъ выпала совершенно новая задача, и конечно нужно было нѣсколько времени, чтобы это учрежденіе могло установиться совершенно правильно. Этого времени оно имѣло слишкомъ мало. Если правительство хотѣло знать, «съ вѣмъ дѣло имѣеть и о комъ пещись должно», то, относясь къ дѣлу искренно, оно могло извлечь изъ Коммиссіи самую дѣйствительную пользу, — какъ вообще всякое правительство, если бы искренно желало знать, что ему слѣдуетъ дѣлать, могло бы знать это изъ народнаго представительства. Это послѣднее возможно всегда: мудро вообразить общество, которое не умѣло бы высказать своихъ потребностей, еслибы для этого дали ему возможность; нужно только, чтобы представительство имѣло свободу высказываться. Насколько успѣшны были законодательныя работы Коммиссіи, мы не рѣшаемся судить, не имѣя пока цѣлаго обзора ея трудовъ, но можно полагать, что и здѣсь Коммиссія приходила къ результатамъ довольно удовлетворительнымъ: такъ правительство воспользовалось ея проектомъ въ грамотѣ дворянству. Въ числѣ депутатовъ мы встрѣчаемъ много лицъ, составившихъ себѣ потомъ большую или меньшую извѣстность въ разныхъ отрасляхъ управленія: можно было ожидать, что ихъ способности и знанія и здѣсь принесутъ ту же пользу, какую могли привносить потомъ на службу.

Г. Полѣновъ, съ другой стороны, также слишкомъ служиваетъ значеніе Коммиссіи, когда ставитъ на задній планъ собственно законодательную задачу Коммиссіи. «Депутаты, — говоритъ онъ, — призваны были *не столько* для того, чтобы сочинить Новое Уложеніе, сколько для узнанія отъ нихъ нуждъ и недостатковъ страны». Но это едва ли такъ. Само официальное названіе Коммиссіи — «о сочиненіи проекта Новаго Уложенія», и данный ей «Наказъ» предполагаютъ именно законодательную дѣятельность Коммиссіи. Правда, она должна была составить только проектъ, но тѣмъ не менѣе проектированіе закона ей принадлежало, и притомъ въ очень широкомъ смыслѣ, потому что «Наказъ» ставилъ вопросъ съ самой широкой точки зрѣнія, какъ увидимъ. Работы Коммиссіи состояли и должны были состоять, по данному Коммиссіи «Обрядѣ», во-первыхъ, въ разборѣ депутатскихъ наказовъ, т.-е. въ ознакомленіи съ заявленными желаніями населенія, и во-вторыхъ, въ критическомъ чтеніи существующихъ законовъ, за которыми слѣдовало составленіе новыхъ, что исполнялось частными коммиссіями. Эти частныя коммиссіи представляли только исполнительные органы Большой Коммиссіи, ихъ члены выбирались большимъ собраніемъ, составленные ими проекты должны были вноситься въ это собраніе. Если приведеннымъ у г. Полѣнова словамъ Екатерины давать тотъ смыслъ, что она хотѣла отъ Коммиссіи *только* «спознать каждой округи состояніе», то эти слова относились только къ одной сторонѣ ея дѣятельности или же подставляли для Коммиссіи болѣе ограниченную цѣль, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ.

Екатерина, повидимому, именно перемѣнила свои взгляды на Коммиссію въ теченіе ея существованія, т.-е. въ началѣ относилась къ ней совсѣмъ не такъ, какъ при закрытіи. Для полнаго разъясненія дѣятельности и значенія Коммиссіи важно было бы собрать данныя относительно этихъ мнѣній императрицы; эти данныя всего больше естати были бы именно при изданіи настоящихъ матеріаловъ.

Переходя къ самымъ документамъ, мы скажемъ опять, что какой-нибудь положительный выводъ возможенъ будетъ только, когда они лягутся вполнѣ. Теперь мы ограничимся нѣсколькими частностями, характеризующими время.

Въ царствованіе Екатерины совершался въ русской жизни второй сильный наплывъ европейскихъ вліяній. Первый, происшедшій при Петрѣ, имѣлъ по преимуществу элементарно-практическое направленіе, и способъ, которымъ эти вліянія приводились въ дѣйствіе, еще слишкомъ напоминалъ XVII-й вѣкъ; нерѣдко это было чистое насиліе и принужденіе. Другой потокъ

европейской образованности вошелъ въ русскую жизнь при Екатеринѣ; и на этотъ разъ дѣло шло гораздо мягче, нравы успѣли нѣсколько цивилизоваться и въ правительствѣ, и въ обществѣ, европейскимъ идеямъ придавали авторитетъ, на который при случаѣ любили ссылаться. Конечно, рядомъ съ этимъ шла и старая грубость нравовъ и понятій, которая только медленно уступала своимъ привычнымъ правамъ. Крайнія проявленія той и другой стороны жизни, нерѣдко соединявшіяся въ одномъ и томъ же лицѣ, представляютъ странный контрастъ, который можно наблюдать и въ исторіи «Наказа» и Коммисіи.

Мысль объ этомъ учрежденіи принадлежитъ самымъ первымъ годамъ царствованія Екатерины. Она была внушена, по словамъ императрицы, всеобщимъ требованіемъ, указывавшимъ на необходимость исправленія законовъ. Екатерина начала заниматься этимъ предметомъ, и задумала Наказъ. «Два года — говоритъ она — я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдую единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастья имперіи, и чтобы довести до *высшей степени благополучія* всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно». Задача, какъ видимъ, самая широкая. Изъ того, что Екатерина писала, видно, что чтеніемъ ея была тогдашняя передовая общественная философія, которая и внушала, или по крайней мѣрѣ поддерживала въ ней эти широкіе планы. Эта до-революціонная общественная философія уже подготовляла тѣ радикальныя воззрѣнія, которыя развились впоследствии; она ставила вопросы государства и общества на философскую почву, говорила о естественномъ правѣ, считала возможнымъ стремленія къ «высшей степени благополучія».

Были ли у Екатерины еще какія-нибудь временныя и мѣстныя соображенія, побуждавшія ее къ этимъ грандіознымъ планамъ, не рѣшаемся судить за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ. Есть мнѣніе, что такія соображенія были, что ей хотѣлось заставить забыть событія начала ея правленія. Это возможно, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что независимо отъ того польза и честь имперіи были для нея вопросомъ самолюбія и идеальныя планы соотвѣтствовали ея общему тогдашнему настроенію.

Когда она показала изготовленные части «Наказа» Г. Г. Орлову и Н. И. Панину, они отозвались объ ея трудѣ съ величайшими похвалами, но идеалистическая смѣлость «Наказа» была такова, что Панинъ замѣтилъ: *ce sont des axiomes à renverser les murailles*. Впослѣдствіи отъ этого перваго проекта уцѣлѣло меньше половины. Живя въ Москвѣ, Екатерина — по

ея собственному разсказу, сообщаемому г. Погѣновымъ, — «призвала къ себѣ нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ ей по своему разуму и приказала имъ читать свой Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ раждались пренія. Екатерина дала имъ волю измѣнять и вымарывать все, что они хотѣли. Они *болѣе половины* изъ того, что было ею написано, вымарали и Наказъ уложенія остался въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ» (стр. 40). Эта первоначальная полная форма Наказа остается до сихъ поръ неизвѣстна. Едва ли можетъ быть споръ о томъ, въ какую сторону клонились измѣненія и вымарыванія: читавшіе конечно меньше автора были расположены къ сокрушенію стѣнъ.

Императрица лично пріѣхала въ сенатъ, чтобы объявить манифестъ объ учрежденіи Коммиссіи. Сенатъ, испросивъ дозволеніе представиться ей, принесъ ей отъ лица всѣхъ подданныхъ «рабское благодареніе» за ея попеченіе о народномъ благѣ. Слово «рабъ», которое еще употреблялось въ это время, является странной подкладкой дѣла, которое выражалось Коммиссіей. Слово это было уничтожено Екатериной, но не былъ еще уничтоженъ изъ жизни смыслъ этого слова, категорически обозначававшего безответное подданство. «Рабскія благодаренія» послѣ сената высказаны были и въ сотняхъ депутатскихъ наказовъ, и тонъ, которымъ выражались вообще эти наказы о новомъ учрежденіи, самъ собою рисуетъ положеніе общества, которое получало, въ Коммиссіи, учрежденіе, какого совсѣмъ не ожидало, характеръ котораго не всегда понимало и пользоваться которымъ иногда не умѣло, иногда боялось. Въ нѣкоторыхъ депутатскихъ наказахъ, — составлялись они за долго до начала дѣятельности Коммиссіи, когда еще ничего не было и сдѣлано — уже изъясняется намѣреніе воздвигнуть Екатеринѣ великолѣпный памятникъ за ея благодѣянія. Читая эти документы, чувствуешь желаніе, чтобы стиль ихъ былъ попроще, чтобы въ немъ не было такъ много уничтоженія, высказываемаго съ изысканнымъ краснорѣчіемъ.

Эта сторона въ характерѣ Екатерининской Коммиссіи особенно бросается въ глаза. Если наши старинные соборы и не отличались особенной самостоятельностью въ представительномъ смыслѣ, они все-таки сохраняли, кажется, до извѣстной степени смыслъ выборовъ. Но съ тѣхъ поръ правительственная опека развилась до такихъ размѣровъ, что люди какъ будто забыли даже, какъ дѣлать депутатскіе выборы: даже въ Петербургѣ, когда пришло время выборовъ, то «генералъ - полиціймейстеръ разослалъ назначеннымъ для выбора лицамъ особое объявленіе, въ которомъ признавалъ за нужное *не въ указъ съоставать* имъ, чтобы они *предварительно сносались между со-*

бою и имѣли совѣщанія о томъ, какія нужды слѣдуетъ внести въ наказы» и пр., т. е. совѣтовать такія элементарныя вещи, безъ которыхъ физически невозможно было ни сдѣлать выбора, ни составить наказа. Когда петербургскіе граждане приступили къ выборамъ повѣренныхъ (вторыхъ избирателей), то избранными оказались все только важные сановники: тутъ было двое графовъ Орловыхъ, двое Нарышкиныхъ, трое князей Голицыныхъ, князь Вяземскій, Елагинъ и пр. Этотъ излишекъ чиновничества опять обратилъ вниманіе генералъ-полиціймейстера, который вновь «не въ указъ совѣтоваль», чтобы граждане выбирали въ повѣренные «изъ всякаго званія жителей, способныхъ и знающихъ городскія нужды». Тогда выбрано было много обыкновенныхъ чиновниковъ и купцовъ.

Правительство знало очень хорошо эту черту нравовъ, и любопытно, что въ «Обрядѣ», составленномъ для всѣхъ подобныхъ собраній, выборовъ и засѣданій самой Коммиссіи, правительство старается сколько возможно противодѣйствовать этому и внушить нѣкоторое чувство гражданской равноправности. Всѣ депутаты Коммиссіи были равноправны, и имъ даны были потомъ равныя преимущества. Предварительные выборы происходили посословно, но въ средѣ сословной не давалось никакого особеннаго предпочтенія рангу или общественному положенію. Въ сѣздахъ дворянства, дворяне занимали мѣста въ томъ порядкѣ, въ какомъ пріѣзжали въ городъ и являлись губернатору; въ собраніяхъ горожанъ, представлявшихъ самыя различныя ступени чиновности и богатства, избиратели располагались въ томъ порядкѣ, что впереди сидѣли женатыя и имѣющіе дѣтей, потомъ женатыя бездѣтныя, потомъ вдовыя и наконецъ холостыя. Въ собраніи самой Коммиссіи депутаты сидѣли по порядку губерній, какъ онѣ перечислялись въ императорскомъ титулѣ, а въ губерніяхъ въ томъ порядкѣ, какъ депутаты пріѣзжали въ Москву и предъявляли свои полномочія. Когда въ первый разъ собрались петербургскіе городскіе избиратели, то важные сановники, бывшіе въ ихъ числѣ, «дабы болѣе примѣнить себя къ прочимъ гражданамъ, пріѣхали въ собраніе не имѣя на себѣ никакихъ орденскихъ знаговъ, или другихъ отличій». — Вотъ гдѣ, стало быть, начинаются первыя хлопоты о «сближеніи сословій», о которомъ столько говорилось между прочимъ въ наше время. Петербургъ въ этихъ вещахъ служилъ вообще образцомъ и для Москвы; въ тамошнихъ избирательныхъ собраніяхъ точно также «знатныя лица безпрекословно сажались между лицами всякаго званія и не имѣли на себѣ орденовъ»...

30-го іюля 1767 депутаты, собравшіеся въ Москву, торже-

ственно представлялись Екатеринѣ. Митрополитъ новгородскій Дмитрій Сѣменовъ произнесъ приличную случаю рѣчь, гдѣ восхвалялъ «неоцѣненные для блаженства нашего подвиги» и «матернее промышленіе» Екатерины и ставилъ ее выше всѣхъ законодателей Греціи, Рима и христіанской греческой имперіи. Отъ имени императрицы отвѣчалъ депутатамъ рѣчью вице-канцлеръ князь Голицынъ.

Понятно, что эта рѣчь выражала взгляды самой императрицы. Ея программа была, какъ мы уже замѣчали, очень широкая. Достаточно привести нѣсколько фразъ этой официальной рѣчи, чтобы видѣть, что Екатерина питала весьма обширные законодательные планы,—о начатомъ дѣлѣ говорилось въ самыхъ эмфатическихъ выраженіяхъ,—и созданная Коммиссія должна была играть вовсе не ту пассивную роль, какую Екатерина приписывала ей потомъ (и какую приписываетъ ей, какъ мы видѣли, и настоящій историкъ Коммиссіи), а напротивъ дѣятельную роль, прямое участіе въ законодательствѣ. Князь Голицынъ призывалъ депутатовъ приступить къ «великому дѣлу», къ которому они были призваны, — «и для котораго въ правило вамъ вручается отъ рукъ ея императорскаго величества Наказъ и Обрядъ управленія Коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія для поднесенія ея императорскому величеству на высочайшую ея конфирмацію». Совершенно ясно, что Коммиссія должна была работать надъ проектомъ Уложенія; и потомъ поднести его на утвержденіе императрицы.

«Начинайте сіе великое дѣло, — говорилъ Голицынъ, — и помните при каждой строгѣ онаго, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше радѣніе о общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское добронравія и челоуѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго, и блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ.

«Вы имѣете случай прославить себя и вашихъ отцовъ, и пріобрѣсть себѣ почтеніе и благодарность будущиѣхъ отцовъ.

«Отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы; очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ, и путь къ оной вамъ открытъ» и т. д.

Таковы были ожиданія. Мы увидимъ и дальше повтореніе тѣхъ же чрезвычайныхъ надеждъ на значеніе трудовъ, поручавшихся Коммиссіи правительствомъ.

Далѣе, для дѣлопроизводства Коммиссіи и порядка ея совѣщаній установленъ былъ извѣстный «Обрядъ». Во главѣ Коммиссіи стояли два лица: одно — маршалъ, выбиралось Коммиссіей,

совмѣстно съ представителемъ правительства; другимъ былъ этотъ представитель, генераль-прокуроръ. Выборъ маршала произведенъ былъ такимъ образомъ, что императрица представлялось три кандидата, изъ которыхъ двое были выбираемы Коммиссией, а третій выбираемъ былъ генераль-прокуроромъ; императрица назначала изъ этихъ трехъ кандидатовъ маршала, или депутатскаго предводителя.

Коммиссія выбрала графа Ивана Орлова (сначала и Григорія Орлова, который отказался) и графа Захара Чернышева; генераль-прокуроръ выбралъ Александра Бибикова, который по числу полученныхъ избирательныхъ голосовъ слѣдовалъ непосредственно за ними. Екатерина, принявъ во вниманіе, что оба первые обременены другими занятіями, утвердила Бибикова.

Частныя коммиссіи, для веденія дѣлъ собранія, составлены сначала въ числѣ трехъ и потомъ размноженныя до девятнадцати, находились подъ совмѣстнымъ завѣдываніемъ маршала и генераль-прокурора, къ которымъ присоединено было еще третье лицо—директоръ для веденія журналовъ (дневныхъ записокъ) засѣданій Коммиссіи, имѣвшій въ своемъ распоряженіи особъ чиновниковъ.

Для письменнаго производства должны были назначаться лица изъ способныхъ и добраго поведенія дворянъ. Въ первоначальной редакціи этой статьи «Обряда», указанной г. Полѣновымъ, было сказано, чтобы къ письменнымъ дѣламъ въ Коммиссію отнюдь не брать *приказныхъ людей*.

Дневныя записки должны были вестись самымъ точнымъ и подробнымъ образомъ, т. е. онѣ должны были сколько возможно полнѣе передавать все, что говорилось въ Коммиссіи. Этимъ запискамъ Екатерина придавала большую важность, въ той мысли, «чтобы будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства (т. е. дѣятельности Коммиссіи) и судить могли о умоначертаніи сего вѣка... а могли найти тѣ *правила*, кои имъ *въ наставленіе служить* будутъ и отъ коихъ много зависятъ твердость нашего нынѣшняго зданія, которое менѣе бы насъ обременяло, если бы (мы) не были лишены подобныхъ прошедшихъ вѣковъ записокъ или извѣстій» и пр. Въ собраніи, «Обрядъ» требовалъ, чтобы всякій говорилъ коротко, ясно и съ той *смѣлостью*, какая необходима для пользы самаго дѣла.

Впослѣдствіи, когда императрица, кажется, значительно измѣнила свое мнѣніе о полезности и государственномъ удобствѣ Коммиссіи, она дала особый секретный наказъ директору, завѣдывавшему веденіемъ журналовъ. По этому наказу, директоръ подчинялся непосредственно императрицѣ, и роль его опредѣля-

лась тѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ долженъ былъ служить маршалу, какъ «приличной родъ помощи» въ затруднительныхъ случаяхъ. Это былъ слѣдовательно лишній представитель официального интереса и надзиратель за ходомъ вещей.

Первыя два засѣданія Коммиссіи заняты были выборами маршала и чтеніемъ «Наказа Коммиссіи». Въ третьемъ засѣданіи Бибииковъ обратился въ собранію съ рѣчью, которая была его вступленіемъ въ исправленіе своихъ обязанностей. Эта рѣчь опять любопытнымъ образомъ рисуетъ настроеніе Коммиссіи, ожиданіе чего-то грандіознаго.

«Неизреченная объемлетъ меня радость, — говорилъ Бибииковъ, — когда представляю въ умѣ моемъ, что собраніе сіе премудрая наша обладательница созываетъ для устроенія любезному отечеству таковаго *благополучія, каковое только смертнымъ вѣстимо быть можетъ*; восхищаюсь, усматривая общее всѣхъ усердіе видѣть утверждаемое въ Россіи благоденствіе установленіемъ ясныхъ, полезныхъ, *давно намъ нужныхъ и вѣсми желаемыхъ законовъ*» и проч. Манифестъ 14-го декабря 1766, учреждавшій Коммиссію и упомянутый здѣсь Бибииковымъ, именно заявлялъ желаніе императрицы — «видѣть Богомъ врученной ей народъ только счастливымъ и довольнымъ, колико человѣческое счастье на сей земли простираться можетъ».

Въ этомъ третьемъ засѣданіи продолжалось опять чтеніе «Наказа Коммиссіи». Дневная записка этого засѣданія съ великими похвалами говоритъ о «Наказѣ», въ которомъ «нѣтъ ни единой статьи, не клонящейся къ общему блаженству». Чтеніе его въ собраніи возбуждало восторгъ въ слушателяхъ. «Надлежитъ отдать справедливость, — замѣчаетъ дневная записка, — всему почтенному господу депутатовъ собранію, что оно оказало себя достойнымъ получить данный ему наказъ: прилежаніе, *восхищеніе* и если смѣю сказать, *жадность*, съ которыми слушало было сіе сочиненіе, довольно сіе доказываетъ. Сердечное движеніе, *чувствіе, до высшей степени доведенное*, на лицахъ всѣхъ были начертаны. Многіе плакали, но сіи слезы умножались, когда прочли статью, въ которой сказано: «Боже сохрани, чтобъ *посль окончанія сего законодательства*, былъ какою-нибудь народъ больше справедливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ. Намъреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю».

Собраніе было въ такомъ восхищеніи отъ чтенія «Наказа», что въ немъ тогда же явилось желаніе принести императрицѣ благодарности за подъемлемые ею труды и попеченіе о пользѣ Россійской имперіи. Митрополитъ Дмитрій съ тремя другими депутатами ис-

просилъ у Екатерины позволеніе депутатамъ явиться къ ней для принесенія этой благодарности, и собраніе занялось вопросами: «что сдѣлать для государыни, благодарѣющей своимъ подданнымъ и служащей примѣромъ всѣмъ монархамъ? чѣмъ изъявить, сколь много ей обязаны всѣ счастливые народы ея управляемые?» Рѣшено было поднести ей титулъ Екатерины Великой, премудрой матери отечества. Всѣ депутаты были въ этомъ согласны, но самая форма титула придумана и принята была не вдругъ: объ этомъ были различныя мнѣнія и значительное число депутатовъ заявило держателямъ дневныхъ записокъ о своемъ желаніи говорить съ маршаломъ объ этомъ предметѣ. Одни говорили, что надо просить императрицу о принятіи титула Великой Екатерины и матери отечества; другіе предлагали титулъ—премудрой и Великой Матери отечества; третьи прибавляли—чадолюбивой матери отечества; четвертые—Премудрой и Великой, неусыпно попечительной матери отечества,—на что другіе возражали, что въ имени премудрой уже заключаются всѣ добродѣтели; одинъ депутатъ предлагалъ титулъ—возстановительницы блаженства російскаго народа; всѣ согласились наконецъ съ тѣмъ, что предложилъ вполорскій депутатъ отъ дворянства, графъ Григорій Орловъ.

Въ назначенный день Коммиссія явилась во дворецъ, для поднесенія титула. Рѣчь маршала, изъяснявшая чувствованія Коммиссіи, еще превосходитъ прежнія рѣчи панегирическимъ тономъ. По словамъ оратора, «Наказъ» есть не только «залогъ и основаніе блаженства» обитателей русской имперіи, но и «самое величайшее роду человѣческому благодѣаніе»; ораторъ говоритъ о «божественныхъ дарованіяхъ и премудрости» Екатерины, перечисляетъ ея многообразные подвиги для благополучія подданныхъ. «Ласкательно было бы толикихъ благъ и мечтаніе, но здѣсь ощущаемъ самое дѣло. Все велико, все удивляется, и все превосходитъ далеко простое смертныхъ понятіе... Ставь дѣлами твоими удивленіемъ свѣта, будешь Наказомъ твоимъ наставленіе обладателей и благодѣтельница рода человѣческаго». По словамъ оратора, весь родъ человѣческій долженъ бы здѣсь предстать для изъявленія ей своей благодарности, — «но какъ во всеобщемъ благополучіи мы первенствуемъ и первые сямъ долгомъ обязуемся, то первая Россія, въ лицѣ избранныхъ депутатовъ предстоитъ предъ престоломъ твоимъ, приносяще (тавь!) сердца любовію, вѣрностію и благодарностію исполненныя», и проч.

На это отвѣчалъ, отъ имени императрицы, вице-канцлеръ Голицынъ: императрицѣ пріятно было видѣть «изображенную (въ рѣчи) чувствительность» депутатовъ, въ которой она предугадывала ихъ усердіе къ самому дѣлу, и изъявляла желаніе,

чтобы Богъ укрѣпилъ ихъ въ этихъ «непорочныхъ мысляхъ». Сама Екатерина прибавила нѣсколько словъ, въ которыхъ уклончиво выражалась о предлагаемыхъ ей титулахъ, или вовсе отъ нихъ отказывалась.

Г. Полѣновъ предполагаетъ, что къ этому обстоятельству, къ толкамъ собранія о томъ, какой титулъ наиболѣе для нея приличенъ, относятся слова ея въ одной запискѣ къ Библикову: «я имъ велѣла сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ». Въ самомъ дѣлѣ, ей очень легко могло не нравиться это преувеличенное восхваленіе; отсутствие мѣры было слишкѣмъ замѣтно.

По какому же чувству говорились эти панегирики? Они весьма характерно отражаютъ собой духъ своего времени. Общество до того времени было совершенно безпомощно во всѣхъ вопросахъ внутренней политики; оно издавна отвыкло отъ какого-нибудь самостоятельнаго мнѣнія, и еще больше отвыкло отъ какой-нибудь инициативы; правительственная опека была до такой степени неограниченна, что подобныя мысли даже и не приходили въ голову. Безъ сомнѣнія, только весьма небольшое меньшинство сознательно смотрѣло на вещи и имѣло ясныя представленія объ упомянутой опекѣ. Когда Екатерина возымѣла свой планъ и учредила Коммиссію, это была конечно новость, не ожидаемая обществомъ и — едва ли вызванная его тогдашними внутренними требованіями: тѣмъ не менѣе, Коммиссія и «Наказъ» не остались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Они обращались къ такому общественному чувству, что даже гражданинъ, весьма мало развитый, въ состояніи былъ понять это обращеніе; образованное меньшинство конечно понимало его смыслъ совершенно ясно, и черезъ него это пониманіе могло быстро распространиться и въ дѣломъ обществѣ. Въ немъ вдругъ проснулось неясное стремленіе къ общественной дѣятельности и интересъ къ общему благу. Сомнѣваться и не довѣрять тогда еще не было основаній. Напротивъ, царствованіе Екатерины вначалѣ отличалось, не по примѣру прежнихъ, такимъ мягкимъ характеромъ управленія, который, кажется, произвелъ въ обществѣ выгодное впечатлѣніе; это отразилось и на общественныхъ нравахъ, они начинали смягчаться, и въ образованныхъ кружкахъ стала показываться та особенная сантиментальность, которая развивалась въ понятіяхъ и въ литературѣ подъ французскими вліяніями, говорила о человѣчествѣ и справедливости. У насъ эта сантиментальность нашла тогда свое высшее выраженіе въ «Наказѣ». — До сихъ поръ намъ кажется трудно сказать, какимъ образомъ Екатерина пришла къ мысли о составленіи «Наказа»,

въ той его редакціи, которая по словамъ Панина была—à reverser des murailles. Но каковы бы ни были политическіе расчеты, которые можно предполагать у нея въ этомъ случаѣ, въ «Наказѣ» несомнѣнно было ея личное увлеченіе освободительными идеями французской философіи, было желаніе внести въ общество задатки новаго просвѣщенія и болѣе свободной гражданской жизни. Это не могло не почувствоваться въ обществѣ при всей ограниченности его развитія. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ преувеличеній, становившихся чистой фразой, въ «Наказѣ» было много вещей, которыя совершенно могли находить себѣ прагматическое примѣненіе, если бы только понижались вполнѣ искренно; «Наказъ» направлялся къ уничтоженію многообразныхъ общественныхъ золъ, которыхъ въ русской жизни было весьма достаточно; онъ указывалъ замѣну старыхъ грубыхъ нравовъ и понятій — новыми, превосходство которыхъ было очень ясно, и вообще вносилъ стремленіе къ совершенствованію гражданскихъ отношеній. Все это легко могло подѣйствовать на свѣжихъ людей, и «Наказъ» могъ вовсе не быть дѣломъ «рановременнымъ», какъ думалъ жизнеописатель Библикова. Въ обществѣ, сколько-нибудь тронутомъ образованностью, не могутъ быть рановременныя учрежденія, которыя общають ему больше просвѣщенія и свободной дѣятельности, и мы полагаемъ, что въ обществѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII-го столѣтія «Наказъ» уже встрѣтилъ такихъ людей, которые могли понять его и искренно имъ увлечься. Такихъ людей не мало попало и въ Коммиссію. Имъ должно было казаться, что если съ престола говорятся такія вещи, какія они читали въ «Наказѣ»,—обществу должна была предстать эпоха новой жизни, эпоха энергическихъ улучшеній и преобразованій, исправленія законовъ, смягченія нравовъ и т. д. Призванные сами къ этому дѣлу, въ которомъ досаждъ ихъ вовсе не спрашивали и о которомъ даже не позволяли помыслить что либо не указанное,—они должны были возымѣть нѣкоторое сознаніе своего человѣческаго и гражданского достоинства, и въ радости отъ этого, имъ не казались чрезмѣрными никакія восхваленія Екатерины. Здѣсь была конечно одна причина неизмѣренныхъ панегириковъ.

Но мы видѣли, что эти восхваленія сдѣланы были очень скоро; еще не начавши дѣла, Коммиссія подноситъ Екатеринѣ титулы; даже когда еще не собралась Коммиссія, многіе депутатскіе указы внушаютъ уже депутатамъ, что императрицѣ слѣдуетъ воздвигнуть какой-либо необыкновенный памятникъ за ея подвиги... Сама Екатерина замѣтила неловкость. Въ самомъ дѣлѣ, если въ этой поспѣшности обнаруживалось съ одной стороны искреннее

увлеченіе возвышенными планами «Наказа», съ другой она очевидно указывала на большое еще ребячество и чрезмѣрно подавленное состояніе общества. До сихъ поръ оно было совершенно безправно передъ властью; и эта безправность и безпомощность также обнаружилась въ тонѣ панегирика, заставлявшего весь человѣческій родъ преклоняться предъ Екатериной и приписывавшаго ей «божественную» мудрость. Въ этомъ панегирикѣ сказывается свойство цѣлаго историческаго періода.

Въ настоящемъ случаѣ мы коснулись только самаго начала Коммиссіи, ея первыхъ приготовительныхъ работъ, и не говорили о тѣхъ дѣловыхъ дебатахъ, которые открылись наконецъ въ Коммиссіи чтеніемъ депутатскихъ наказовъ и чтеніемъ законовъ, на которые она должна была представить свои замѣчанія. Мы надѣемся продолжить нашъ обзоръ впослѣдствіи, когда на страницахъ «Сборника Истор. Общества» явится дальнѣйшее изложеніе этихъ документовъ. Акты Коммиссіи должны вообще доставить много любопытныхъ данныхъ для исторіи того времени. Уже въ той части ихъ, которая теперь издана, мы находимъ не мало указаній о внутреннемъ бытѣ, нравахъ, управленіи. Не менѣе любопытный вопросъ представляетъ судьба самой Коммиссіи. Это учрежденіе, столь необычное при тогдашнемъ порядкѣ русской жизни, выражаетъ собой цѣлѣй особенный фазисъ въ мнѣніяхъ и правленіи императрицы Екатерины, до сихъ поръ еще мало объясненный. Это былъ одинъ изъ тѣхъ порывовъ либерализма, какіе періодически повторялись въ исторіи послѣднихъ царствованій и обыкновенно переходили въ столь же періодическую реакцію. Исторія Коммиссіи должна нѣсколько разъяснить этотъ неясный пунктъ Екатерининскихъ временъ: гдѣ были причины этого либерализма; каковы были первыя попытки участія самого общества въ законодательствѣ; чья была вина въ неудачномъ исходѣ предпріятія, начатаго такъ шумно и съ такими великодушными планами? Желательно, чтобы въ предлагаемой теперь исторіи Коммиссіи были, насколько возможно, собраны факты, относящіеся къ этому предмету и изложены *sine ira* и особенно *sine studio* къ извѣстной сторонѣ, безъ прикрасъ и безъ умолчаній, которыя не соответствовали бы достоинству изданій Общества. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ждать окончанія труда г. Полѣвова, изданіемъ котораго Общество окажетъ нашему историческому изученію капитальную услугу.

А. Н — въ.

ШЕКСПИРОВСКАЯ КРИТИКА ВЪ ГЕРМАНИИ.

(посв. Н. А. Н—ой).

I.

Нѣмецкой исторической критикѣ принадлежитъ вообще огромная заслуга въ объясненіи литературныхъ явленій. Въ исторіи литературы стараго и новаго міра, въ опредѣленіи сущности и свойствъ поэтическаго развитія многое сдѣлано было единственно и исключительно нѣмецкой критикой. Громадная эрудиція и глубина изслѣдованія доставили ей заслуженное господство въ наукѣ, и авторитетъ нѣмецкихъ ученыхъ все больше и больше возрастаетъ теперь даже въ литературѣ англійской и французской, вообще столь ревнивыхъ къ своей независимости. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ заслугъ нѣмецкой критики принадлежитъ также изученіе Шекспира: внѣ Англій, она впервые опредѣлила великое значеніе его созданій, ввела его произведенія на континентъ и сдѣлала ихъ достояніемъ цѣлой европейской литературы. Шекспиръ въ Англій имѣетъ нескончаемое количество толкователей и комментаторовъ, какъ Данте въ Италіи,—но при всемъ томъ нѣмецкія изслѣдованія Шекспира, какъ и Данта, занимаютъ мѣсто въ числѣ лучшихъ трудовъ по объясненію этихъ писателей. Понятно изъ этого, что останавливаясь на нѣмецкой критикѣ Шекспира, мы касаемся интереса, принадлежащаго не одной нѣмецкой литературѣ. Исторія этой критики можетъ быть, кромѣ того, любопытна для насъ,

и по ея ближайшему отношенію къ нашей литературѣ. Главнѣйшіе писатели изъ тѣхъ, о которыхъ мы будемъ говорить, имѣли непосредственный отголосокъ въ развитіи нашей собственной критики и литературныхъ понятій. Таково было вліяніе Лессинга въ карамзинскую эпоху, Шлегеля и Тива—у нашихъ романтиковъ, Гегеля и Ретшера—во времена Бѣлинскаго, и наконецъ Гервинуса—въ наше время.

Шекспировская критика въ Германіи вступила уже во второе столѣтіе своего существованія. Въ прошедшемъ году исполнилось ровно сто лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ *Драматургии* Лессинга, разрушившей господство ложнаго классицизма въ Германіи и положившей основы истинной оцѣнки произведеній Шекспира. Прослѣдить дальнѣйшія судьбы дѣла, начатаго Лессингомъ, подвести итоги сдѣланному, указать на вытекающія отсюда новыя задачи—составить предметъ настоящаго очерка.

Еще въ началѣ XVII в. драмы Шекспира были занесены въ Германію странствующими англійскими актерами, которые играли ихъ на ярмаркахъ или при дворахъ владѣтельныхъ князей, предварительно передѣлавъ ихъ сообразно нѣмецкому народному вкусу. Но имя Шекспира встрѣчается въ нѣмецкой литературѣ не ранѣе 1682 года ¹⁾; оно упоминается потомъ не разъ многими учеными, между прочимъ, Фейндономъ, Иохеромъ, Моргофомъ и Бодмеромъ, изъ которыхъ послѣдній, слышій знаткомъ англійской литературы, не умѣлъ даже правильно написать его. Въ 1740 г. Германія познакомилась съ Шекспировымъ «Юліемъ Цезаремъ» въ передѣлкѣ Борка, бывшаго прусскимъ посломъ въ Лондонѣ; по поводу появленія этой пьесы на сценѣ берлинскаго театра, нѣкто Эліасъ Шлегель доказывалъ, вѣроятно со словъ Вольтера, что Шекспиръ говорилъ подъ вліяніемъ дикаго, порывистаго вдохновенія, и если ему иногда удавалось выбрасывать со дна своей души настоящіе перлы, то это было не болѣе какъ случайность, потому что онъ былъ безъ всякаго образованія и вкуса. Но противъ этой, черезъ-чуръ скромной, оцѣнки Шекспирова гения возсталъ извѣстный Готтшедъ и старался уничтожить впечатлѣніе статьи Шлегеля. «Англичане—говоритъ онъ—носятся всюду съ драматическими произведеніями своего Шекспира; впрочемъ, въ послѣднее время наплась одна женщина, м-съ Леновъ, которая открыла много промаховъ въ его лучшихъ трагедіяхъ.» Приведенный

¹⁾ См. статью Коберштрейна: Shakspeare in Deutschland въ *Jahrbüch. der deutschen Schausp. Gesellschaft. Erster Jahrgang, стр. 3 и слѣд.*

нами отзывъ Готтшеда перестанетъ казаться столь страннымъ, если мы припомнимъ себѣ, какими принципами руководилась тогдашняя нѣмецкая критика, воспитанная на безусловномъ благоговѣннн въ свѣтиламъ французской ложно-классической поэзїи.

Готтшедь былъ представителемъ французскаго вкуса въ литературѣ. Онъ засталъ нѣмецкую сцену переполненною грубыми народными фарсами съ неизбѣжнымъ Гансвурстомъ (народный шутъ, комическое лицо въ родѣ англїйскаго клоуна и итальянскаго арлекина) и его вѣчными сальностями, которыя чередовались съ нелѣпыми кровавыми драмами, основанными на народныхъ преданїяхъ и лишенными всякаго художественнаго достоинства. Конечно, подобныя сцены не могли содѣйствовать развитію эстетическаго вкуса въ народѣ. Готтшедь видѣлъ печальное состояніе германской сцены, но вмѣсто того, чтобъ помочь ей выбраться на самобытную дорогу, онъ задумалъ начать ея возобновленіе введеніемъ на ея подмостки трагедїй Корнеля и Расина. Корнель и Расинъ не были народными въ самой Франціи; Готтшедь хотѣлъ ихъ сдѣлать народными въ Германіи. Въ этомъ заключалась коренная ошибка его реформъ. Конечно, въ художественномъ отношенїи ложно-классическая трагедїя стояла выше народныхъ фарсовъ и кровавыхъ историческихъ сценъ (Staatsactionen), но монотонная правильность ея постройки, отсутствіе жизни и естественности были совсѣмъ чужды нѣмецкому характеру. Правда, пьсами Корнеля и Расина восхищалось воспитанное на французскїй ладъ высшее общество, но онѣ не могли привлечь къ себѣ симпатїи народныхъ массъ. Несмотря на то, Готтшедь образовалъ цѣлую литературную школу, работавшую въ одномъ съ нимъ духѣ, и еслибъ его усилїя увѣнчались успѣхомъ, то нѣмецкая драма была бы надолго задержана въ своемъ развитїи. По счастью для Германїи изъ среды его же учениковъ вышелъ человѣкъ, критическїй генїй котораго, сокрушивъ теорїи Готтшеда и его школы, возстановилъ права природы и самобытности въ литературѣ и своими собственными произведенїями положилъ начало народной сценѣ въ Германіи. Лессингъ былъ натура страстная, живая, энергическая. Принципомъ его дѣятельности была борьба на жизнь и на смерть противъ фанатизма, невѣжества, господства буквы, словомъ, противъ всего, чтд стѣсняло свободное развитіе человѣческой личности. Французская драма съ ея богами и героями, съ господствомъ придворнаго этикета на сценѣ была не по сердцу демократической натурѣ Лессинга. Онъ носилъ въ своей душѣ идеаль театра самобытнаго, который могъ бы служить великой нравственной школой для народа, между тѣмъ какъ французская трагедїя имѣла въ виду только высшее общество и

стремилась воскресить идеалы, чуждые народу и давно изжитыи человечествомъ. Ту естественность и свободу, которой не было да и не могло быть во французской придворной трагедии, ту бющую ключемъ самобытную народную жизнь, Лессингъ нашелъ въ английской драмѣ, преимущественно въ произведеніяхъ Шекспира, и ими-то онъ вооружился, когда началъ борьбу съ Готтшедомъ и его школой. Борьба эта начинается съ появленіемъ въ печати его *Литературныхъ писемъ* (1759). Онъ осмѣляетъ самими язвительными насмѣшками теоріи Готтшеда и возстаетъ противъ его намѣренія водворить французскій классицизмъ на нѣмецкой сценѣ, не справившись заранѣе, могъ-ли онъ удовлетворить ея потребностямъ. «Онъ долженъ былъ понять (продолжаетъ Лессингъ), что въ нашихъ драмахъ мы смотримъ на вещи шире, нежели дозволяетъ намъ смотрѣть французская трагедія, что величавое, ужасное и меланхолическое сильнѣе волнуетъ нашу душу, чѣмъ нѣжное, утонченное и галантерейное»¹⁾. Затѣмъ, обращаясь къ нѣмецкимъ драматургамъ, Лессингъ совѣтуетъ имъ не подражать французскимъ образцамъ, если они хотятъ создать что-нибудь въ народномъ духѣ: «Обратитесь къ Шекспиру и его современникамъ, и они укажутъ вамъ настоящую дорогу».

Французскіе классики наиболѣе гордились тѣмъ, что ихъ произведенія пронизаны чисто-античнымъ духомъ. Лессингъ старался показать, что Шекспиръ, не знавшій древнихъ, стоитъ къ нимъ гораздо ближе, чѣмъ Корнель, ибо послѣдній ограничивался чисто-внѣшнимъ, механическимъ подражаніемъ, между тѣмъ какъ Шекспиръ, подобно Эсхилу и Софоклу, воспроизводилъ жизнь во всей полнотѣ и разнообразіи ея явленій. «Литературныя письма» были только началомъ борьбы Лессинга съ готтшедіанцами. Черезъ восемь лѣтъ онъ снова возвратился къ этому вопросу, чтобы исчерпать его до дна въ своей «Драматургіи» (*Hamburgische Dramaturgie*, 1767 — 1769 г.). Въ этомъ произведеніи, составленномъ изъ ряда статей, писанныхъ Лессингомъ по поводу разныхъ пьесъ, представлявшихся на гамбургской сценѣ, проявились во всей полнотѣ всѣ существенныя качества Лессинговой природы: гениально-ясный и твердый умъ, въ высшей степени чуткое эстетическое чувство и наконецъ античная мужественность взгляда, исключаяющая все восторженное, туманное и болѣзненно-чувствительное. Огромная ученость соединяется здѣсь съ таковымъ отсутствіемъ самолюбія, что пораженный читатель не знаетъ, чему болѣе удивляться—величію, или трогательною скромности не сознающаго своей силы духа? Главной задачей Лессин-

¹⁾ *Literatur-Briefen*, письмо 17.

товой Драматургіи было разрушить господство французскаго вкуса въ Германіи, разоблачивъ мнимое величіе французскихъ трагиковъ. Здѣсь, наконецъ, разразилась надъ французской ложно-классической трагедіей долго сбиравшаяся надъ нею гроза. Писатель, на котораго обрушились самыя тяжелыя удары Лессинга, былъ Вольтеръ, другъ Фридриха Великаго и первая литературная знаменитость того времени. Съ уничтожающимъ остроуміемъ издѣвается Лессингъ надъ произведеніями Вольтера и простодушіемъ его нѣмецкихъ поклонниковъ. Сравнивая «Семирамиду» Вольтера съ «Гамлетомъ» Шекспира, Лессингъ ясно показываетъ неизмѣримое превосходство послѣдняго. Въ «Семирамидѣ» есть нѣсколько сценъ, очевидно написанныхъ подъ вліяніемъ Шекспира. Это даетъ случай Лессингу замѣтить, что Вольтеръ могъ усвоить себѣ нѣкоторые эффектные мотивы Гамлета (напр. явленіе тѣни), но не понимая духа Шекспировской поэзіи, онъ не могъ идти дальше внѣшняго механическаго подражанія. «Правда — говоритъ онъ — въ той и другой драмѣ является призракъ, чтобъ возвѣстить о своей насильственной смерти и требовать мщенія, но какая глубокая разница? У Шекспира тѣнь стараго короля является только любящимъ взорамъ сына и его друзей, и то въ таинственномъ безмолвіи ночи; тѣнь же Нина является днемъ на пиру, при многочисленномъ собраніи гостей. Каждая старуха могла бы шепнуть Вольтеру, что привидѣнія боятся дневнаго свѣта и не весьма охотно посѣщаютъ большія собранія. Тѣнь у Вольтера не болѣе какъ поэтическая машина, нужная для завязки драмы, но нисколько не интересующая насъ сама по себѣ. Тѣнь же Шекспира живая и дѣйствующая личность, въ судьбѣ которой мы невольно принимаемъ участіе; она возбуждаетъ въ насъ дрожь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и состраданіе»¹⁾. Еще съ большей строгостью подвергаетъ онъ анализу другое прославленное произведеніе Вольтера — «Заиру». Какой-то услужливый критикъ сказалъ, что сама любовь диктовала Вольтеру это произведеніе. «Правильнѣе было бы сказать, замѣчаютъ по этому поводу Лессингъ, не любовь, а развѣ французская *galanterie*. Я знаю только одну трагедію, въ созданіи которой принимала участіе сама любовь — это «Ромео и Юлія» Шекспира. Правда, Вольтеръ заставляетъ влюбленную Заиру скромно и нѣжно выражать свои чувства, но что значать эти изліянія въ сравненіи съ живой картиной того тонкаго коварства, съ помощью котораго любовь закрадывается въ наше сердце, всѣхъ тѣхъ незамѣтныхъ побѣдъ, которыя она одерживаетъ надъ другими привязанностями, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается един-

¹⁾ Lessing's Schriften, herausg. von Lachmann. VII, 49.

ственнымъ властелиномъ всѣхъ нашихъ помысловъ и желаній»¹⁾. Второй ударъ ложно-классической трагедіи Лессингъ нанесъ своимъ разборомъ нѣсколькихъ произведеній Корнеля. По поводу трагедій Корнеля, Лессингъ входитъ въ подробное изложеніе теоріи французской классической трагедіи и съ поразительною ясностью показываетъ ложность и условность ея принциповъ, очевидно основанныхъ на неправильномъ пониманіи Аристотелевой пиитики. Единство дѣйствія было основнымъ закономъ греческой драмы, уже подмѣченнымъ Аристотелемъ. Изъ этого закона уже вытекали единства мѣста и времени, которымъ самъ Аристотель не придавалъ большого значенія; это видно изъ того, что объ единствѣ времени онъ даже вовсе не упоминаетъ, а объ единствѣ мѣста говоритъ, какъ о господствовавшемъ въ его время обычаѣ. Драматическая практика древности съ своей стороны не слишкомъ строго соблюдала эти условныя правила. Не только Еврипидъ, но даже Эсхиль (въ «Агамемнонѣ» и «Эвменидахъ») и Софокль (въ «Аяксѣ») неоднократно нарушаютъ единство мѣста и времени. Французскіе же трагики, по словамъ Лессинга, смотрѣли на единство мѣста и времени, какъ на нѣчто самостоятельное само по себѣ; оттого единство мѣста и времени, понимаемое чисто-внѣшнимъ образомъ, измѣряемое аршиномъ и боемъ часовъ, являлось у нихъ помѣхой единству дѣйствія, нерѣдко требующему перемѣны мѣста и условій времени. Точно такимъ же образомъ французскіе трагики поняли другое требованіе Аристотеля, что трагическое должно возбуждать въ насъ страхъ и состраданіе; не вникнувъ въ глубокій смыслъ этихъ словъ, французскіе трагики схватились за слово страхъ и старались запугать воображеніе зрителя разными ужасами, считая ихъ необходимою приправой трагедіи. Отсюда произошли такія вещи какъ «Родогюна» Корнеля и трагедіи Кребиллона. Изъ драматургіи Лессинга каждому становилась ясна полнѣйшая несостоятельность и теоріи, и практики французской трагедіи. Но разрушая ея теоріи, разоблачая неестественность и ходульность ея героевъ, Лессингъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, указываетъ нѣмецкимъ драматургамъ на произведенія Шекспира, какъ на образцы для подражанія. Можно сказать безъ преувеличенія, что онъ первый постигъ высоко-художественное значеніе произведеній Шекспира, въ то время какъ въ самой Англій критика продолжала измѣрять ихъ ложно-классической мѣркой. Зная, какое обаяніе производила на его современниковъ классическая древность, Лессингъ

¹⁾ Lessing's sämtliche Schriften, herausgegeben von Lachmann. Neue Ausgabe. VII, стр. 65.

вездѣ старался выставить на видъ родство англійскаго драматурга съ величайшими трагиками Греціи. Родство это онъ находилъ не въ частностяхъ, легко объясняемыхъ изъ мѣстныхъ условій; но въ общемъ духѣ творчества, въ яркой характеристикѣ лицъ, въ единствѣ драматическаго интереса. Лессингъ доказалъ, что Шекспиръ всегда былъ вѣренъ этому коренному закону драматическаго творчества, такъ настоятельно требуемому Аристотелемъ. По словамъ Лессинга, единство дѣйствія можетъ происходить оттого, что поэтъ сосредоточиваетъ весь интересъ драмы или на одномъ какомъ-нибудь событіи, или на изображеніи одного выдающагося характера. Шекспиръ выбралъ послѣднее, и несмотря на все разнообразіе выводимыхъ имъ лицъ, на быстрое чередованіе эпизодовъ, произведеніе его всегда имѣетъ единство, потому что въ центрѣ его всегда есть одинъ характеръ, возлѣ котораго сосредоточивается весь интересъ дѣйствія. «Ричардъ III» кажется съ перваго раза собраніемъ отдѣльныхъ сценъ, но при болѣе внимательномъ изученіи этой драмы охватывается, что она имѣетъ единство въ характерѣ героя, его дѣлахъ и замыслахъ.

Лессингъ не оставилъ намъ цѣлой характеристики Шекспирова гения. Преслѣдуя болѣе полемическія цѣли, онъ касался Шекспира только мимоходомъ, чтобы обронить какое-нибудь мѣткое замѣчаніе или подмѣтить характеристическую черту его таланта. Но изъ этихъ отрывочныхъ замѣчаній можно заключить, какая масса свѣта пролилась бы на произведенія Шекспира, если бы Лессингъ имѣлъ случай подвергнуть ихъ болѣе подробному анализу. Лессингу выпала на долю тяжелая и скучная работа очищенія понятій отъ накопившагося на нихъ въ продолженіе вѣковъ сора; на мѣсто устарѣлыхъ условныхъ правилъ ложно-классической теоріи онъ далъ твердые законы, выведенные изъ самой природы драматическаго творчества, и Гервинусъ былъ вправѣ назвать «Драматургію» путеводною звѣздой для нѣмецкой литературы. Хотя критика Лессинга выросла на глубокомъ изученіи піитики Аристотеля, однако она вездѣ умѣла сохранить свою самостоятельность. Принимая въ главныхъ чертахъ принципы Аристотеля, Лессингъ съ замѣчательнымъ критическимъ тактомъ сумѣлъ отдѣлить въ нихъ существенное и вѣчное отъ условнаго и преходящаго. Благоговѣніе къ великому учителю древности не помѣшало Лессингу во многомъ отступить отъ его взглядовъ, напр. допустить въ трагедіи присутствіе комическаго элемента. Въ этомъ отношеніи онъ болѣе довѣрялся своему непосредственному чувству, чѣмъ какому-либо авторитетамъ. Когда французскій критикъ д'Обиньякъ однажды упрекнулъ Эврипида въ томъ, что онъ введеніемъ описательнаго элемента въ свои трагедіи раз-

рушаетъ цѣльность драматическаго впечатлѣнія, Лессингъ замѣчаетъ: «Пусть въ школьныхъ книжкахъ сколько угодно раздѣляютъ различные роды поэзіи, но когда является геній, который ради болѣе возвышенныхъ цѣлей соединяетъ ихъ въ одномъ и томъ же произведеніи, то нужно выкинуть изъ головы школьныя правила и смотрѣть, достигъ-ли онъ или нѣтъ своей высокой цѣли» ¹⁾. Заслуги, оказанныя Лессингомъ дѣлу водворенія и изученія Шекспира въ Германіи, неисчислимы; его критическіе приемы должны служить краеугольнымъ камнемъ Шекспировской критики, и если иногда нѣмецкая критика уклонялась отъ начала, высказанныхъ Лессингомъ, то это уклоненіе не служило ей въ пользу, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи.

Сѣмена, брошенная Лессингомъ, не замедлили принести свои плоды. Уже черезъ три года послѣ изданія его «Литературныхъ писемъ» появляются попытки познакомить Германію съ произведеніями англійскаго драматурга. Первый, кто откликнулся на призывъ Лессинга былъ *Виландъ*, издавшій переводъ шекспировыхъ драмъ въ Цюрихѣ въ 1762 г. Когда вышли въ свѣтъ первые выпуски этого перевода, Лессингъ съ торжествомъ привѣтствовалъ ихъ въ своей «Драматургіи». Переводъ Виланда былъ большимъ подспорьемъ для литературныхъ реформъ Лессинга. Теперь публика сама могла удостовѣриться въ истинѣ словъ Лессинга и испытать на себѣ тѣ могучія впечатлѣнія, о которыхъ она читала въ «Драматургіи». На самого Виланда сближеніе съ здоровымъ міросозерцаніемъ Шекспира имѣло громадное вліяніе: Онъ понемногу началъ отрѣшаться отъ сантиментальнаго идеализма и выработать себѣ болѣе здоровый взглядъ на жизнь, отражающійся уже въ его «Оберонѣ», гдѣ ясно слышны отголоски «Сна въ лѣтнюю ночь» Шекспира. Знакомство съ Шекспиромъ произвело не менѣе сильное вліяніе и на другихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка. Шиллеръ, въ дѣятельности котораго воплощаются всѣ лучшія стремленія этой знаменательной эпохи, признается, что переводъ Виланда охватилъ его какъ стремительный потокъ и сообщилъ его таланту драматическое направленіе, вскорѣ выразившееся созданіемъ его «Разбойниковъ» ²⁾. Кстати припомнимъ, что переводъ Виланда вызвалъ первый замѣчательный этюдъ о Шекспирѣ, именно статью *Герстенберга*: «Нѣчто о Шекспирѣ» написанную въ 1766 г., за годъ до появленія Лессинговой «Драматургіи». Воспользовавшись указа-

¹⁾ Hamburgische Dramaturgie, 48 Stück.

²⁾ Stahr, Shakspeare in Deutschland, въ Literar-histor. Taschenbuch, herausgegeben von R. Prutz. Leipzig 1843, стр. 52, примѣчаніе.

ніями «Литературныхъ писемъ» Лессинга, Герстенбергъ весьма основательно доказываетъ несостоятельность ложно-классической теоріи, лишившей французскую трагедію способности къ развитію ¹⁾, и въ противоположность ей широкими чертами рисуетъ характеръ шекспировской драмы, не искаженной теоріями и пышно расцвѣтшей на почвѣ народныхъ преданій. Во всемъ сочиненіи ясно вліяніе Лессинга, но ученикъ превзошелъ учителя рѣзкостью своихъ выводовъ. Видя, что изъ піитики Аристотеля нельзя объяснить всѣхъ особенностей шекспировой драмы, Герстенбергъ безъ всякаго колебанія назвалъ ее поверхностнымъ и настроеннымъ на весьма условныхъ посылахъ сочиненіемъ: «Если мѣрять его масштабомъ—говоритъ Герстенбергъ ²⁾—то драмы Шекспира нельзя назвать ни комедіями, ни трагедіями, а между тѣмъ онѣ вѣчно останутся живыми изображеніями нравственной природы человѣка, начерченными неподражаемой кистью новаго Рафаэля». По мнѣнію Герстенберга, Аристотелева теорія драмы была бы совершенно другая, если бы онъ вывелъ ея законы изъ природы человѣческаго духа, а не изъ современной ему, освященной обычаями, театральной практики. Онъ выбралъ послѣднее и потому ему ничего не оставалось болѣе, какъ только по возможности примирить требованія ума съ установленными сценическими преданіями древности. Затѣмъ на разборѣ «Отелло» Герстенбергъ показываетъ, что драма Шекспира преслѣдовала другія цѣли, чѣмъ возбужденіе страха и состраданія въ сердцахъ зрителей. Каждый народъ по-своему понимаетъ трагическое: «если испанская и нѣмецкая драма уклонились отъ цѣлей классической трагедіи, то на какомъ основаніи мы должны ожидать ихъ встрѣтить у англичанъ? Самъ Бенъ-Джонсонъ, который такъ

¹⁾ По этому поводу нѣкоторые критики оспариваютъ у Лессинга пальму первенства въ дѣлѣ разрушенія теоріи ложно-классической драмы и отдаютъ ее Герстенбергу, что несправедливо, ибо Герстенбергъ только развилъ сказанное Лессингомъ въ одномъ изъ его писемъ о литературѣ. Впрочемъ и самъ Лессингъ имѣлъ въ этомъ дѣлѣ предшественниковъ даже между французами. Еще въ 1721 г. французскій писатель Ламоть-Гударъ въ предисловіи къ своей трагедіи *Machabees* (*Les Machabées*) смѣло возсталъ противъ теоріи трехъ единствъ. Вмѣсто единства мѣста и времени, только стѣсняющихъ фантазію поэта, Ламоть, подобно Лессингу, ставитъ непремѣннымъ условіемъ драмы единство драматическаго интереса. Современники не оцѣнили идеи Ламота; Вольтеръ отозвался объ его воззрѣніяхъ, какъ о литературной ереси, которой онъ не предвѣщалъ успѣха. Но это не остановило Ламота, и въ своихъ трагедіяхъ онъ пытался осуществить свои идеи на практикѣ. Замѣчательно, что эти идеи возникли въ его умѣ безъ чуждыхъ возбужденій, ибо изъ его сочиненій не видно, чтобы онъ зналъ англійскую сцену больше какъ по слухамъ. См. *Lacroix, Histoire de l'influence de Shakespeare sur le théâtre français. Bruxelles. 1856.*

²⁾ Gerstenberg's, Vermischte Schriften. Altona, 1866. III, 263 стр.

превозносится передъ Шекспиромъ своимъ знаніемъ древнихъ, тѣмъ не менѣ въ своихъ произведеніяхъ слѣдоваль своему собственному идеалу. Задачей шекспировой драмы было изобразить дѣйствіе страстей на душу человѣка, и въ этомъ отношеніи никто до сихъ поръ не могъ превзойти Шекспира»¹⁾. Главное, чему удивляется Герстенбергъ въ Шекспирѣ — это необъятнымъ размѣрамъ и гармоніи его духа. «Геніальнымъ поэтомъ можно назвать того, кто обладаетъ хоть одной изъ поэтическихъ способностей въ такой степени, въ какой Шекспиръ обладаетъ всѣми и притомъ такъ, что онѣ образуютъ у него великое гармоническое цѣлое».

Въ статьѣ Герстенберга пробивается на свѣтъ новое направленіе шекспировской критики, которое можно назвать *историческимъ*. Критика Лессинга была чисто-эстетическая; она стремилась постичь общіе законы драматическаго творчества, одинаково проявляющіеся какъ въ древней, такъ и въ новой драмѣ; кромѣ того, Лессингъ никогда не упускалъ изъ виду своей специальной цѣли — утвердить въ сознаніи нѣмецкой публики высоко-художественное значеніе произведеній Шекспира; оттого онъ вездѣ указывалъ на универсальныя черты его генія, роднація его со всѣми великими драматургами. Точка отправленія Герстенберга совершенно другая. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ общихъ законахъ драмы, Герстенбергъ особенно настаиваетъ на томъ, что каждый народъ имѣетъ свое особое міросозерцаніе, иначе понимаетъ трагическое, и что поэтому неразумно прилагать къ произведеніямъ Шекспира масштабъ Аристотелевой теоріи, составленной по другимъ образцамъ, выросшей на другой почвѣ, подъ другимъ небомъ. Герстенбергъ не отрицаетъ, что въ шекспировой драмѣ есть общія черты, сближающія ее съ греческой драмой, но эти общія черты свойственны цѣлому роду поэзіи, и сущность шекспировой драмы состоитъ не въ томъ, что у ней есть общаго съ другими, а скорѣе въ томъ, что принадлежитъ только ей, какъ выраженію міросозерцанія англійскаго народа. Несмотря на то, что Герстенбергъ не могъ подтвердить своихъ положеній достаточнымъ количествомъ фактовъ, трудъ его имѣетъ важное значеніе, какъ первая попытка освободиться отъ оковъ классической эстетики и поставить шекспировскую критику на прочныя основы историческаго созерцанія. Дѣйствительно, только глубокое, всестороннее изученіе Шекспира въ связи съ современнымъ ему литературнымъ движеніемъ въ Англіи можетъ доставить намъ по возможности объективную

¹⁾ Ibid. стр. 308.

точку зрѣнія на его произведенія; только тогда мы не будемъ ошибочно приписывать Шекспиру того, что носилось въ воздухѣ его эпохи, а вслѣдствіе этого особенности шекспировой драмы выступать передъ нами рельефнѣе, чѣмъ прежде. Но этимъ далеко не исчерпываются всѣ задачи шекспировской критики. За особенностями шекспировой драмы сіяютъ ея вѣчныя, неувадающія красоты: глубокое знаніе человѣческаго сердца, величіе созданныхъ ею характеровъ, эстетическая прелесть положеній — всѣ эти достоинства произведеній Шекспира лежатъ внѣ предѣловъ наблюденія исторической критики и никогда не могутъ быть исчерпаны ею.

Движеніе, сообщенное нѣмецкой литературѣ переводомъ Виланда, особенно сильно отозвалось въ южной Германіи, въ Страсбургѣ, гдѣ въ числѣ учащейся молодежи находился также и Гете. «Если кто хочетъ, писалъ впоследствии старіеъ Гете¹⁾, непосредственно испытать, что говорилось и думалось о Шекспирѣ въ оживленныхъ кружкахъ тогдашней молодежи, тотъ пусть прочтетъ статью Гердера». Дѣйствительно, никто, за исключеніемъ развѣ самого Гете, не умѣлъ выразить съ такою силой пламенный энтузіазмъ къ Шекспиру, охватившій въ то время нѣмецкую молодежь. Точно будто новый чудный міръ открылся передъ ея изумленными глазами, и она могла только преклоняться передъ великимъ поэтомъ. Самый языкъ статьи Гердера²⁾ носить на себѣ неизгладимый отпечатокъ того литературнаго періода, который такъ характеристично названъ періодомъ *бурныхъ стремленій* (Sturm und Drang). Весьма оригинально начало статьи: «При мысли о Шекспирѣ въ умѣ моемъ возстаетъ величавая картина: на вершинѣ скалы сидитъ онъ, одинокій и недоступный; у ногъ его реветъ гроза и бушуетъ бурное море, но чело его спокійно и горитъ небесными лучами! У подножья его гранитнаго трона копошатся и шумятъ цѣлыя толпы людей, которые его объясняютъ, порицаютъ, оправдываютъ, поклоняются ему, переводятъ его — и онъ даже не слышитъ ихъ!» Вся статья написана въ такомъ же восторженномъ диэрамбическомъ тонѣ; мы постараемся воспроизвести ея главные мысли.

Каждый народъ, кромѣ особаго языка, отличается отъ другихъ народовъ особымъ складомъ ума и фантазіи. Наиболѣе вѣрное и яркое выраженіе міросозерцанія народа — его поэзія; въ ней отражается душа народа, его задушевные мечты, его любимые идеалы. Греческая драма была роскошнымъ цвѣт-

¹⁾ Aus meinem Leben. III Theil, XI Buch.

²⁾ Von deutscher Art und Kunst, Hamburg, 1773.

вомъ въ развитіи міологическихъ и общественныхъ идей Греціи; подобно самой жизни, она была несложна и проста, и легко укладывалась въ извѣстныя типическія формы. Отсюда ея стройность, правильность, поразительно вѣрно указанная Аристотелемъ. Сѣверная драма отражала жизнь болѣе сложную и разнообразную, и потому въ ней нечего искать той правильной постройки, которая условливалась въ Греціи самимъ характеромъ драматическаго матеріала. Требовать отъ Англіи драмы въ греческомъ вкусѣ также нелѣпо, какъ требовать отъ овцы, чтобы она произвела волка. Драма Софокла и драма Шекспира, это — двѣ до того различныя вещи, что онѣ едва-ли могутъ называться однимъ и тѣмъ же именемъ, а между тѣмъ онѣ обѣ прекрасны. Въ драмѣ Софокла царствуетъ единство типа и характера; разнообразіе характеровъ, положеній, сословія составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ драмы Шекспира. У перваго слышится вездѣ одинъ и тотъ же пѣвучій и изящный языкъ образованнаго аѳинянина. Шекспиръ же одинаково владѣетъ какъ языкомъ образованнаго нобльмена, такъ и наивно-распущенной рѣчью народнаго шута, и подобно тому, какъ Софокль поучалъ и трогалъ населеніе древней Греціи, Шекспиръ наставляетъ и трогаетъ сѣверные народы.

Живое и цѣльное пониманіе искусства проявляется на каждомъ шагѣ въ статьѣ Гердера, какъ и въ другихъ его произведеніяхъ. Цѣна искусство, по скольку оно отражаетъ въ себѣ народную жизнь, Гердеръ произноситъ строгое осужденіе французской драмы, проявлявшей чужими идеалами, не имѣвшими почвы въ народной жизни. Впрочемъ, это осужденіе было уже нѣсколько позднимъ послѣ «Драматургіи» Лессинга. Кромѣ того у Гердера разбросано не мало замѣчаній объ Отелло, Макбетѣ, Гамлетѣ и др., которыя до сихъ поръ не утратили своей свѣжести. Вообще говоря, статья Гердера есть только болѣе стройное развитіе идей Герстенберга. Онъ видитъ въ драмѣ прежде всего великое историческое явленіе, которое можетъ быть объяснено только изъ совокупности жизненныхъ условий, его произведшихъ; подобно своему предшественнику, онъ считаетъ древнюю теорію драмы слишкомъ узкой для драмы Шекспира, и говоритъ что, еслибъ Аристотель жилъ во время Елисаветы, то онъ не преминулъ бы написать для шекспировыхъ драмъ новую теорію. Въ одномъ только онъ совершенно расходится съ Герстенбергомъ — именно въ вопросѣ о нравственномъ значеніи произведеній Шекспира. Подобно позднѣйшимъ толкователямъ Шекспира, Гердеръ видѣлъ въ его драмахъ осуществленіе извѣстныхъ нравственныхъ законовъ; по его мнѣнію, Шекспиръ

въ этомъ отношеніи болѣе всѣхъ новыхъ драматурговъ приближается къ Эсхилу и Софоклу, карающимъ всякое, хотя бы и произвольное уклоненіе отъ нравственныхъ законовъ. Мы увидимъ впоследствии, какъ этотъ взглядъ, систематически развитый послѣдователями Гегеля, сдѣлался знаменемъ цѣлой критической школы въ Германіи, не мало затемнившей своими умствованіями истинный смыслъ произведеній Шекспира.

Гердеръ заключаетъ свою статью пророчествомъ, что скоро другъ его Гёте воздвигнетъ Шекспиру поэтический памятникъ на почвѣ нѣмецкихъ преданій. Дѣйствительно, вскорѣ появилась въ свѣтъ трагедія молодого Гёте «Гецъ-фонъ-Берлихингенъ» насквозь пронизанная могучимъ духомъ драматическихъ хроникъ Шекспира. Гёте познакомился съ Шекспиромъ еще въ Лейпцигѣ, но это знакомство было отрывочное и только въ Страсбургѣ переводъ Виланда побудилъ его вновь перечитать Шекспира. На этотъ разъ имъ овладѣлъ тотъ энтузіазмъ, то восторженное отношеніе къ Шекспиру, которое онъ впоследствии счумѣлъ съ такимъ художественнымъ совершенствомъ воспроизвести въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ». «Я не помню, говоритъ онъ, чтобы какая-нибудь книга или какое-нибудь событіе моей жизни произвело на меня такое неотразимое впечатлѣніе, какъ драмы Шекспира. Онѣ мнѣ казались созданіями какого-то божественнаго генія, сошедшаго на землю, чтобъ научить людей познавать самихъ себя. Это не поэтическія произведенія. Читая ихъ, съ ужасомъ видишь передъ собой раскрытую книгу человѣческихъ судебъ и слышишь, какъ бурный вихрь жизни съ шумомъ перевертываетъ ея листы. Все, что мнѣ думалось и гадалось о человѣческой жизни и о нашемъ назначеніи — все это я нашелъ у Шекспира. Произведенія его похожи на часы изъ чистаго кристалла, такъ что въ одно время видишь и ходъ времени и весь механизмъ ихъ движущій. Это прозрѣніе во внутренній міръ человѣка побудило и меня подойти поближе къ міру дѣйствительности, чтобы и самому черпать изъ этого неисчерпаемаго источника». «Гецъ» Гёте и «Разбойники» Шиллера были первыми роскошными плодами, выросшими на плодотворной почвѣ шекспировой драмы; но вліяніе Шекспира этимъ не окончилось; не говоря о другихъ писателяхъ, мы можемъ прослѣдить его въ «Эгмонтѣ» и «Вертерѣ» Гёте и «Вильгельмѣ Теллѣ» Шиллера.

Прошло около тридцати лѣтъ и Виландовъ переводъ Шекспира, оконченный Эшенбургомъ, не могъ уже удовлетворить эстетическому чувству нѣмецкой публики, воспитанной на произведеніяхъ Гёте и Шиллера. Языкъ Виланда казался тяжелымъ, напыщеннымъ послѣ высоко-художественнаго языка «Разбойниковъ».

и «Геца». Чувствовалась потребность въ другомъ переводѣ. Пробѣль этотъ рѣшился пополнить А. В. Шлегель и сдѣлалъ это съ такимъ художественнымъ тактомъ, съ такимъ знаніемъ дѣла, что переводъ его произвелъ эпоху въ пониманіи Шекспира. Переводъ Виланда былъ прозаическій; Шлегель отправился отъ той мысли, что поэта нужно переводить языкомъ поэтовъ. Блестательный успѣхъ его перевода, до сихъ поръ еще нигдѣ не превзойденнаго, служить лучшимъ оправданіемъ его мысли, казавшейся въ то время такой неслышанной ересью, что Шлегель долженъ былъ выдержать изъ-за нея упорную борьбу. Читая Виланда, нельзя было составить себѣ никакого понятія о художественныхъ достоинствахъ шекспировскаго слога; вся его гармонія и музыкальность была заглушена рубленой нѣмецкой прозою, и читателю оставалось только догадываться о прелести подлинника. Въ переводѣ Шлегеля шекспировскія идеи облеклись въ стройную и гибкую форму стихотворнаго размѣра, передававшая самые тонкіе оттѣнки мысли, и нѣмецкая публика приобрѣла возможность оцѣнить не только глубину мысли, но и гармонію рѣчи англійскаго драматурга. Вліяніе шлегелева перевода на литературу и искусство въ Германіи было громадно, и Штаръ справедливо замѣчаетъ, что Шлегель сдѣлалъ для Шекспира то же, что для Библии Лютеръ, а для Гомера Фоссъ. Можно сказать, что только съ этихъ поръ Шекспиръ сдѣлался народнымъ достояніемъ Германіи.

Дѣятельность Шлегеля, какъ переводчика и критика, примыкаетъ по своему направленію къ той школѣ, которая въ литературѣ носитъ названіе *романтической*. Заслуги этой школы въ дѣлѣ разъясненія произведеній Шекспира несомнѣнны; изъ ея рядовъ вышли Шлетель, Тибъ и Горнъ, которые своими переводами и изслѣдованіями бросили много свѣта на творенія Шекспира и на исторію англійской драмы въ эпоху Елисаветы. Лекціи Шлегеля о драматической поэзіи, читанныя имъ въ 1808 г. въ Вѣнѣ, передъ многочисленной публикой, были для своего времени явленіемъ весьма замѣчательнымъ. Связное историческое изложеніе развитія драмы въ древнемъ и новомъ мірѣ было въ то время невозможно по недостатку матеріаловъ, и Шлегелю не оставалось ничего болѣе, какъ только остановиться на важнѣйшихъ представителяхъ драматическаго творчества отъ Софокла до Кальдерона и Шекспира. Блестящій успѣхъ лекцій Шлегеля объясняется не столько новизной и смѣлостью его взглядовъ, сколько замѣчательной способностью синтеза и художественнымъ совершенствомъ изложенія — качествомъ, всего рѣже встрѣчающимся у нѣмецкихъ профессоровъ. Тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ, чтенія

Шлегеля были переведены почти на всѣ европейскіе языки. Впрочемъ, поверхностность ихъ и тогда уже была обнаружена Сольгеромъ ¹⁾. Мы остановимся на томъ отдѣлѣ лекцій Шлегеля, который посвященъ Шекспиру. Авторъ начинаетъ свое изложеніе параллелью испанскаго и англійскаго театровъ; несмотря на безконечную разницу, лежащую между ними, онъ находитъ въ нихъ одну общую черту — народность. Затѣмъ онъ обращается къ вопросу, уже затронутому Гердеромъ, о формѣ шекспировыхъ драмъ и доказываетъ, что тѣ, кто ищетъ въ нихъ античной формы, понимаютъ форму чисто-внѣшнимъ образомъ и смѣшиваютъ механическую форму съ органической. Механическая форма не имѣетъ ничего общаго съ сущностью предмета и налагается на него совершенно случайно. Такъ, напр., кусочку воска мы можемъ придать любую форму, но эта форма будетъ чисто-внѣшняя, механическая, потому что въ природѣ воска лежитъ способность принимать всякую форму. Органическая же форма не отдѣлима отъ предмета; она развивается извнутри по мѣрѣ развитія самого предмета; она, такъ сказать, прирождена ему. Такія формы мы встрѣчаемъ вездѣ, отъ кристалловъ и солей до растений, животныхъ и самого человѣка. Формы истинно-художественныхъ произведеній всѣ органическія; онѣ опредѣляются содержаніемъ самихъ произведеній, а слѣдовательно съ измѣненіемъ содержанія должна измѣняться и самая форма художественныхъ произведеній, и потому неразумно требовать, чтобы драма новаго времени укладывалась въ несоотвѣтствующую ея содержанію античную форму ²⁾. Подобно Герстенбергу, Шлегель думаетъ, что большая часть произведеній испанскаго и англійскаго театра не могутъ назваться въ античномъ смыслѣ ни комедіями, ни трагедіями, потому что онѣ служатъ представителями романтическаго искусства, отличительная черта котораго состоитъ въ стремленіи къ контрастамъ, въ смѣшеніи трагическаго съ комическимъ, въ противоположность античной трагедіи, исключавшей все, что могло нарушить единство драматическаго впечатлѣнія. Переходя затѣмъ къ личности Шекспира, Шлегель старается понять ее въ связи съ духомъ той великой эпохи, которая произвела величайшаго мыслителя Англии — Бэкона. Онъ доказываетъ, что Шекспиръ не былъ необразованнымъ человѣкомъ, какимъ его обыкновенно представляютъ; недостатокъ школьной учености съ избыткомъ замѣнялся въ немъ богатымъ запасомъ практическихъ наблюденій надъ жизнью и людьми. Произведенія Шекспира показываютъ, что онъ былъ

¹⁾ Wiener Jahrbücher der Literatur, 1819. Іюль.

²⁾ Vorlesungen über dramatische Kunst und Literatur. II Theil, II Abth. стр. 8—10.

коротко знакомъ съ тогдашней печатной литературой, и зналъ все, что сколько-нибудь могло послужить для его цѣлей. Изъ римскихъ трагедій видно, какъ глубоко понималъ онъ духъ римской исторіи. Шекспиръ не былъ безсознательнымъ поэтомъ, творившимъ подъ вліяніемъ охватившаго его чувства, но не знавшимъ законовъ своего творчества; напротивъ того, въ произведеніяхъ его вездѣ проглядываетъ великій художникъ, хорошо знающій свои средства и силы и глубоко изучившій сцену. Оцѣнка Шекспира, какъ художника, безспорно принадлежитъ въ лучшимъ страницамъ, когда-либо написаннымъ о Шекспирѣ. Идя по пути, указанному Лессингомъ, развивая его указанія въ цѣлый рядъ идей, Шлегель первый сдѣлалъ довольно-удачную попытку опредѣлить существенныя черты творческаго генія Шекспира. По мнѣнію Шлегеля, отличительное свойство драматурга есть способность переноситься въ каждое изображаемое имъ положеніе и до того усвоить его своей душѣ, что оно становится какъ бы его личнымъ душевнымъ состояніемъ. Шекспиръ обладалъ этой способностью въ высшей степени; онъ радовался и страдалъ за своихъ героев, словно за самого себя. Способность проникновенія въ душу человѣка соединялась у Шекспира съ величайшимъ даромъ характеристики; герои шекспировыхъ драмъ не просто олицетворенія страстей, какъ это мы видимъ у другихъ поэтовъ, но живыя лица, носящія на себѣ неизгладимый отпечатокъ своей индивидуальности. Величіе Шекспирова генія особенно проявляется въ изображеніи страсти. Онъ даетъ намъ полную исторію потрясеннаго страстью духа; иногда въ одномъ словѣ, сказанномъ героемъ, отрывается цѣлый рядъ пережитыхъ имъ душевныхъ состояній. Страсть у Шекспира не есть нѣчто данное, не подлежащее развитію; напротивъ того, все его вниманіе направлено на то, чтобы представить намъ живую картину ея развитія, ея естественнаго, хотя и ускоряемаго обстоятельствами, роста. При этомъ не нужно упускать изъ виду одной особенности драматическаго генія Шекспира: каждое изъ выводимыхъ имъ лицъ, живя своей собственной жизнью, тѣмъ не менѣе служитъ для болѣе полной характеристики другихъ лицъ. Это высшее отрovenіе драматическаго творчества, — и здѣсь Шекспиръ не имѣетъ соперниковъ¹⁾.

Все это въ высшей степени справедливо, хотя и было отчасти высказано Лессингомъ, Гердеромъ, Ричардсономъ и др. Вообще говоря, Шлегель не былъ мыслителемъ оригинальнымъ, но онъ обладалъ замѣчательной способностью усваивать идеи другихъ и какъ умъ послѣдовательный, доводилъ ихъ до послѣднихъ

¹⁾ Ibid. стр. 54—70 и слѣд.

результатовъ, часто не предвидѣнныхъ самими ихъ творцами. Съ своей стороны Шлегель внесъ въ свои лекціи всѣ лучшія качества своего таланта—тонкое пониманіе искусства и глубокое поэтическое чувство. Его лекціи были одной изъ самыхъ поэтическихъ импровизацій, когда-либо внушенныхъ произведеніями Шекспира! Лекціи Шлегеля напоминаютъ того средневѣкового монаха-художника, который не иначе писалъ своихъ мадоннъ, какъ стоя на колѣняхъ и въ благоговѣнномъ молчаніи. Къ сожалѣнію, слишкомъ восторженное отношеніе къ своему предмету ослѣпило взглядъ Шлегеля и притупило его критическую способность. Отправившись отъ той мысли, что Шекспиръ есть не только творецъ, но и законодатель романтической драмы, Шлегель естественно долженъ былъ придти къ заключенію, что у него нѣтъ, да и не можетъ быть никакихъ увлоненій отъ законовъ изящнаго. Теперь всѣми признано, что у Шекспира есть не мало примѣровъ искаженія вкуса и напыщенности, историческихъ и географическихъ промаховъ, но всѣ эти ошибки относятся только къ внѣшней сторонѣ стилиа и очень мало вредятъ дѣлому. Важно не то, что мы можемъ найти у Шекспира эти ошибки, но что онъ умѣлъ во время отъ нихъ отдѣлаться и выработать себѣ тотъ высокохудожественный стиль, которымъ мы восхищаемся въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Но подобный взглядъ казался Шлегелю чуть не святотатствомъ! По мнѣнію Шлегеля, у Шекспира нѣтъ ничего случайнаго, ничего несообразнаго; каждую частность, каждую подробность онъ силится объяснить изъ общаго смысла всего произведенія. Даже ошибки Шекспира, его погрѣшности противъ исторіи, хронологіи, географіи сдѣланы имъ не случайно, но вслѣдствіе глубокихъ художественскихъ соображеній. На этомъ основаніи Шлегель утверждалъ, что Шекспиръ не даромъ послалъ Гамлета учиться въ несуществовавшій тогда Виттенбергскій университетъ, такъ какъ со временъ реформациі Виттенбергъ сдѣлался главнѣйшимъ разсадникомъ протестантизма и философіи, и пребываніе здѣсь скорѣе чѣмъ въ другомъ какомъ-нибудь городѣ могло сформировать ту болѣзненную страсть въ рефлексіи, которая составляетъ отличительную черту гамлетова характера. Также не случайны, по мнѣнію Шлегеля, и другія несообразности, встрѣчающіяся у Шекспира. «Онъ очень хорошо зналъ, что въ нашихъ лѣсахъ не водятся львы и змѣи, свойственные жаркому климату, что тамъ нельзя встрѣтить аркадскихъ пастушковъ; однако въ одной пьесѣ (*As You like it*) онъ не позадумался населить ими Арденскій лѣсъ, когда это оказалось нужнымъ для его цѣлей ¹⁾».

¹⁾ Ibid. стр. 42—43.

Лекціи Шлегеля имѣютъ для насъ историческое значеніе; критическая часть ихъ въ виду новѣйшихъ изслѣдованій значительно устарѣла, но до сихъ поръ онѣ производятъ отрадное впечатлѣніе своими яркими характеристиками, блестящимъ изложеніемъ, но въ особенности тонкимъ поэтическимъ чутьемъ, которое, въ соединеніи съ развитымъ эстетическимъ чувствомъ, составляетъ одно изъ существенныхъ качествъ литературнаго критика.

Главнѣйшимъ дѣятелемъ романтической школы по отношенію къ Шекспиру является Людвигъ Тикъ, посвятившій значительную часть своей долготѣнейшей литературной дѣятельности изученію и разъясненію его произведеній. «Духъ Шекспира (говорить онъ) былъ постоянной цѣлью моей любви и стремленій; все, что я изучалъ; стояло съ нимъ въ близкой связи». Біографъ Тика, Кёпке, сообщаетъ, что мысль написать цѣльное сочиненіе о Шекспирѣ была завѣтной мечтой Тика, что онъ до послѣдней минуты вѣрилъ въ возможность ея осуществленія ¹⁾. Изъ простаго перечня его сочиненій видно, съ какими громадными приготовленіями приступалъ онъ къ своему труду. Еще въ 1793 г., онъ издалъ свое изслѣдованіе «о Чудесномъ у Шекспира» послужившее впоследствии предисловіемъ къ его переводу «Бури»; за нимъ слѣдовали «Письма о Шекспирѣ» (1800), «Собраніе пьесъ стараго англійскаго театра» и наконецъ его знаменитая «Приготовительная школа къ Шекспиру». По мѣрѣ углубленія въ предметъ границы труда Тика начинаютъ расширяться, а между тѣмъ силы его слабѣютъ, здоровье разстроивается и задача, которую онъ считалъ цѣлью своей жизни, остается невыполненной. Во всякомъ случаѣ это неустанное стремленіе къ завѣтной цѣли представляетъ весьма трогательное зрѣлище, и нѣмецкая критика поступаетъ крайне несправедливо, если ради нѣкоторыхъ филологическихъ промаховъ, происшедшихъ отъ непонятнаго пристрастія Тика къ первому изданію произведеній Шекспира (editio princeps 1632), она не хочетъ признать услугъ, оказанныхъ Тикомъ, въ теченіе его полувѣковой дѣятельности, дѣлу эстетическаго и реального объясненія Шекспира ²⁾.

Ни у кого изъ предшествовавшихъ критиковъ, за исключеніемъ развѣ одного Лессинга, мы не встрѣтимъ такой живой воспріимчивости къ красотамъ поэтическихъ произведеній и та-

¹⁾ Отрывки изъ этого сочиненія помѣщены въ Tiek's Nachgelassene Schriften, herausg. von Körke. II, стр. 95—154.

²⁾ Говоря эти слова, мы имѣемъ въ виду рѣзкую книгу Делиуса: Die Tiek'sche Shakspeare-Kritik, 1846.

нихъ вѣрныхъ взглядовъ на задачи критической дѣятельности. По мнѣнію Тика, ничто такъ не вредитъ правильному пониманію художественныхъ произведеній, какъ привычка оцѣнивать ихъ по заранѣ составленнымъ принципамъ; духъ нашъ при этомъ теряетъ способность переживать художественное созданіе, какъ переживалъ его самъ авторъ путемъ потрясеннаго ощущенія. Полная независимость духа, одинаково раскрытаго для самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, составляетъ, по словамъ Тика, необходимое условіе для критика. Поэтому, всякій простой воспримчивый человѣкъ вѣрнѣе можетъ оцѣнить истиннаго поэта, нежели ученый критикъ, ищущій въ поэтическихъ созданіяхъ оправданія напередъ составленной имъ системы ¹⁾. Съ другой стороны само художественное произведеніе утрачиваетъ значительную часть своей внутренней силы, если оно подчинено какой-либо вѣшной цѣли. Для поэта нѣтъ другого закона, кромѣ его собственнаго вдохновенія; поэтическое произведеніе можетъ быть пропитано самыми разнообразными идеями, но онѣ должны вытекать изнутри, а не быть навязанными извнѣ въ видѣ какой-нибудь тенденціи ²⁾. Но высказывая эти прекрасныя правила, Тикъ писалъ злую сатиру не только на современную ему шекспировскую критику, но и на самого себя. Онъ самъ не разъ отступалъ отъ провозглашенныхъ имъ началъ. Извѣстно его курьезное объясненіе характера лэди Макбетъ, въ которой онъ видѣлъ чуть-ли не идеаль вѣрной жены, страстно любящей мужа и горячо преданной его интересамъ. Какъ натура слабая, она была охвачена, какъ вихремъ, овладѣвшей ею честолюбивой мыслью. Любовь къ мужу и желаніе видѣть его на тронѣ вдохновила ея преступную рѣшимость. Но потомъ, когда она достигла своей цѣли, когда совѣсть приготовила ей цѣлый адъ душевныхъ мукъ, — въ эти трудныя минуты она думаетъ только о мужѣ, утѣшаетъ его и ободряетъ его падающій духъ ³⁾. Подобныхъ парадоксовъ можно найти у Тика не мало, но они съ избыткомъ искупаются множествомъ драгоценныхъ психологическихъ замѣтокъ, разбѣянныхъ въ многочисленныхъ трудахъ его. Не можемъ отказать

¹⁾ L. Tiek's Nachgelassene Schriften II. 99.

²⁾ Körke's, Tiek's Leben. II. 238.

³⁾ L. Tiek's Nachgelassene Schriften, II. стр. 154. По этому поводу биографъ Тика рассказываетъ слѣдующій случай. Однажды въ дружескомъ кружкѣ Тикъ съ своимъ обычнымъ мастерствомъ прочелъ Макбета, и по окончаніи чтенія началъ развивать свои взгляды на лэди Макбетъ и ея мужа. Знаменитый Нибуръ, находившійся также въ числѣ слушателей, неожиданно прервалъ его словами: «любезный докторъ, не говорите такихъ вещей; повѣрьте мнѣ, что лэди Макбетъ и ея муженекъ были самые гнусные люди на свѣтѣ».

себѣ въ удовольствіи привести мастерскую характеристику Ричарда III-го, высказанную Тивомъ въ частномъ разговорѣ и записанную его биографомъ. По мнѣнію Тива, Ричардъ III есть полнѣйшее воплощеніе эгоизма. Для него не существуетъ различія между добромъ и зломъ; отношенія его къ людямъ основаны на глубокомъ презрѣніи къ нимъ, и нужно сознаться, что окружающая его жалкая обстановка, надъ которой онъ возвышается въ своемъ зловѣщемъ величіи, можетъ способствовать только къ утвержденію въ немъ этого взгляда. Всѣ ему льстятъ, пресмыкаются передъ нимъ, желая извлечь изъ него пользу; онъ это видитъ, пользуется людьми для своихъ цѣлей и потомъ безжалостно уничтожаетъ ихъ. Эта демоническая сила гениальнаго эгоизма родитъ характеръ Ричарда съ характеромъ Наполеона. И Ричардъ, подобно Наполеону, обладалъ многими привлекательными сторонами характера, которые оказывали на людей чарующее дѣйствіе, — онъ обладалъ въ высокой степени даромъ могучей и вкрадчивой рѣчи, опутывавшей сердце слушателя; иначе, чѣмъ бы онъ могъ привлечь къ себѣ слабую и суетную Анну? Самъ онъ недоумѣваетъ и смѣется отъ души надъ такой легкой побѣдой. Только одинъ разъ мы видимъ въ его душѣ проблескъ совѣсти, и Шекспиръ съ умысломъ остановился на этомъ моментѣ въ жизни Ричарда, иначе мы не признали бы въ его героѣ человека ¹⁾).

Недостатки критики Тива главнымъ образомъ въ направленіи той школы, которой онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ представителей. Романтизмъ былъ вначалѣ реакціей чувства и фантазіи противъ односторонняго философскаго рационализма эпохи просвѣщенія. Онъ видѣлъ свой идеалъ въ среднихъ вѣкахъ, гдѣ поэзія и наука были всецѣло проникнуты энтузіазмомъ вѣры. Обративъ свое сочувствіе ко всему идеальному и фантастическому, романтизмъ явился одностороннѣе и нетерпимѣе своего противника, былъ глухъ къ законнымъ требованіямъ жизни и вскорѣ сдѣлался знаменемъ католицизма и политической реакціи. Поэтому нечего удивляться, что истые романтики, какъ напр. Новалисъ, предпочитали Шекспиру Данте и Кальдерона. Яркій солнечный свѣтъ шекспировскаго реализма неприятно рѣзалъ глаза, привышіе къ таинственному полусвѣту готическаго собора. Новалисъ откровенно сознавался, что не можетъ понять Шекспира, потому что у него низкое, обыденное и прозаическое вездѣ идетъ рядомъ съ возвышеннымъ и романтическимъ. Въ его отзывѣ о «Вильгельмѣ Мейстерѣ» Гѣте весьма ярко отра-

¹⁾ Копка, L. Tieck's Leben. II. 214—223.

жается взглядъ романтиковъ на искусство и поэзію. «Въ романѣ Гёте—пишетъ Новалисъ—описываются самые обыденные вещи, природа и мистицизмъ совершенно упущены изъ виду; это обыкновенная мѣщанская семейная исторія, гдѣ все чудное, возвышенное, таинственное считается поэтическимъ бредомъ и мечтой. Вся книга проникнута духомъ художественнаго атеизма; это Кандидъ, направленный противъ поэзіи»¹⁾. Мысль, что обыденная жизнь можетъ быть матеріаломъ для поэтического воссозданія, была до того чужда романтизму, что онъ не задумался признать историческія драмы Шекспира неудавшимися произведеніями. Вѣнецъ поэтического творчества Шекспира романтики видѣли въ его фантастическихъ драмахъ, и между прочимъ Тибъ считалъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ Шекспира его умѣнье до того напрягать струны фантазіи, что зритель забываетъ всѣ идеи нашего просвѣщеннаго вѣка и всецѣло отдается прекрасному безумію поэта²⁾.

Въ свое время много было говорено о такъ-называемой романтической ироніи, которую романтики считали характеристической чертой шекспирова генія. Въ бесѣдахъ Тибка мы находимъ довольно полное изложеніе этой теоріи со всѣми вытекающими изъ нея странными выводами. Теорія ироніи имѣетъ свой корень въ одномъ изъ самыхъ темныхъ произведеній нѣмецкаго глубокомыслия, а именно въ «Wissenschaftslehre» Фихте. По ученію Фихте, внѣшній міръ есть не болѣе какъ призракъ или иначе, отраженіе нашей личности, нашего я, но съ другой стороны онъ не могъ отрицать того, что самое наше я не могло проявиться, если бы не было внѣшняго міра, а если такъ-то наше я въ своихъ проявленіяхъ должно подчиняться общимъ законамъ дѣйствующимъ въ объективномъ мірѣ. Выходило странное противорѣчіе—я должно подчиняться законамъ того, что само по себѣ не реально, а существуетъ лишь чрезъ него. Послѣдователи Фихте пробовали разными способами снять это противорѣчіе. Фридрихъ Шлегель разрѣшилъ его слѣдующимъ образомъ: «Правда, говоритъ онъ, что я въ своемъ отношеніи къ внѣшнему должно подчиняться его законамъ, но внутри своего сознанія оно чувствуетъ себя свободнымъ; подчиняясь давленію объективнаго міра, я сознаетъ, что это подчиненіе только внѣшнее, несущественное, но относится къ нему *иронически*». Таковъ былъ первый

¹⁾ См. Gottschall, Die deutsche Nationalliteratur in der ersten Hälfte des XIX Jahrhundert. I. стр. 242.

²⁾ См. Ueber Shakspeare's Behandlung des Wunderbaren (1798 г.); вновь издаю въ его Kritische Schriften. Leipzig. 1848. 2 Bde.

очеркъ романтической теоріи ироніи, изложенный впервые въ шлегелевскомъ романѣ «Люцинда» и развитой впоследствии Сольгеромъ, Тикомъ и др. По смыслу этой теоріи поэтъ также относится къ изображаемой имъ жизни, какъ я къ вѣшнему міру; повидимому онъ подчиненъ ея законамъ, охваченъ ея страстями, но среди вихря своихъ созерцаній духъ его остается свободнымъ и съ грустной ироніей созерцаетъ все ничтожество нашей жизни, лишенной свободы, исполненной вѣчныхъ противорѣчій между идеаломъ и дѣйствительностію. Тикъ видѣлъ въ ироніи величайшій результатъ, до котораго достигаетъ поэзія, ея высшее требованіе, которому никто въ такой степени не удовлетворяетъ какъ Шекспиръ. Увлеченный этой идеей, въ которой онъ видѣлъ ключъ къ тайнамъ шекспировскаго творчества, Тикъ употребляетъ всевозможныя натяжки, чтобъ отыскать ее во всѣхъ произведеніяхъ Шекспира. По его мнѣнію, Шекспиръ, сопоставляя страсть Ромео въ Розалиндѣ съ его позднѣйшей любовью въ Юліи, тѣмъ самымъ показалъ, что смотреть на своего героя нѣсколько иронически. Когда въ «Генрихѣ IV» энергическій заговорщикъ Гарри Перси, не будучи въ состояніи сдержать своего буйнаго нрава, оскорбляетъ своихъ сообщниковъ и тѣмъ самымъ разрушаетъ общее дѣло, Шекспиръ не можетъ смотрѣть на него иначе какъ иронически. Отъ ироніи Шекспира не могли избѣжать даже такіе люди, какъ Брутъ. Онъ человѣкъ вполне чистый и благородный, проницательный самыми лучшими стремленіями, но онъ представляетъ не имѣющимъ никакого политическаго смысла; думая спасти Римъ, онъ убиваетъ Цезаря, не сообразивъ того, что Римъ могъ быть спасенъ только Цезаремъ. Въ «Гамлетѣ» шекспировская иронія знаменуется неподражаемымъ искусствомъ, съ которымъ очерчена поэтому нерѣшительность героя драмы, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ его собственную гибель. Проблески этой ироніи можно усмотрѣть во всѣхъ произведеніяхъ Шекспира; она-то и придаетъ изображаемымъ имъ лицамъ нѣчто такое, что роднитъ ихъ съ дѣйствительными людьми ¹⁾).

II.

Мы вступаемъ теперь въ новую фазу шекспировской ироніи, которую съ полнымъ правомъ можно назвать философскою. Уже въ критикѣ Тика мы отмѣтили присутствіе философскаго элемента, исказившее его въ высшей степени тонкое по-

¹⁾ Unterhaltungen mit Tiek, см. Кёрке, L. Tiek's Leben II, 218—227.

ниманіе искусства. Въ тридцатыхъ годахъ философское направленіе дѣлается господствующимъ въ критикѣ; не эстетическое чувство, а философская мысль признается органомъ, наиболее способнымъ воспринимать впечатлѣнія искусства и поэзіи. Многочисленные ученики и послѣдователи Гегеля разнесли его систему по всѣмъ концамъ Германіи и приложили начала его эстетики къ критикѣ художественныхъ произведеній — Генрихъ и Розенкранцъ къ древнему міру; Ульрици и Рётшеръ къ Шекспиру. Эстетика Гегеля не есть самостоятельное произведеніе, возникшее на почвѣ реального изученія искусства; по меткому выраженію Гайма ¹⁾, она есть не болѣе какъ одна изъ провинцій монархіи абсолютнаго идеализма. Гегель не признавалъ искусства самостоятельной отраслью дѣятельности человѣческаго духа, но одной изъ формъ проявленія абсолютнаго. По его взгляду, религія, искусство и наука суть только моменты сознанія самопознающаго духа; разница между ними состоитъ въ степени развитія, т. е. она скорѣе историческая, нежели существенная. Въ прежнее время искусство было единственной формой выраженія абсолюта, но наше время переросло эту форму, и абсолютное теперь находитъ свое воплощеніе въ наукѣ. Такой взглядъ на искусство легъ въ основу Гегелевой теоріи драмы, съ которой мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей хоть въ общихъ чертахъ, такъ какъ она оказала рѣшительное вліяніе на направленіе шекспировской критики въ Германіи.

По Гегелю, въ драмѣ соединяются принципы эпической и лирической поэзіи; событіе и чувство, поступокъ и воля такъ тѣсно связаны въ ней, что кажется, будто поступки вытекаютъ единственно изъ чувства и воли дѣйствующихъ лицъ; вслѣдствіе этого послѣдніе отвѣчаютъ за свои поступки и, такъ сказать, пожинаютъ сами плоды дѣлъ своихъ. Сущность драматическаго предполагаетъ борьбу великихъ нравственныхъ началъ религіи, семейства, любви, отечества и пр. Задача драматурга состоитъ, съ одной стороны, въ умѣнны живо изобразить природу человѣческаго паюса, одушевленнаго одной изъ этихъ идей; съ другой стороны, въ умѣнны усмотрѣть въ драмѣ присутствіе великихъ началъ разума и справедливости, управляющихъ міромъ. Затѣмъ, переходя въ трагедіи, Гегель такъ опредѣляетъ трагическое въ собственномъ смыслѣ: хотя герои трагедіи являются носителями великихъ нравственныхъ началъ, но все, живущее въ мірѣ, имѣетъ частный, индивидуальный характеръ. Каждая изъ личностей, ведя борьбу во имя ихъ, въ тоже время преслѣдуетъ свои

¹⁾ Hegel und seine Zeit, von Haym. Berlin. 1857. стр. 441.

собственныя цѣли, которыя могутъ стоять въ противорѣчій съ интересами другихъ. Отсюда неизбежность трагической коллизіи. Трагическое состоитъ въ томъ, что обѣ стороны, будучи совершенно правыми, не могутъ осуществить своихъ цѣлей, не нарушая правъ другъ друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ сила охватившаго ихъ пагоса такъ велика, что они теряютъ самообладаніе и совершаютъ уклоненіе отъ нравственныхъ законовъ. Развязка есть разрѣшеніе этихъ противорѣчій; она имѣетъ цѣлью утвердить гармонію нравственныхъ началъ, потрясенныхъ борьбою исключительныхъ притязаній. Обнаруженіе этой гармоніи есть самая существенная задача трагедіи, сообщающая ей внутреннее единство ¹⁾. Коренная ошибка Гегеля состоитъ въ томъ, что онъ мѣрять искусство чуждымъ ему масштабомъ. Смотри на драму исключительно съ философской, нравственной точки зрѣнія, онъ видитъ въ ней не живую картину дѣйствительности, не зеркало души человѣческой, но борьбу отвлеченныхъ идей, управляющихъ міромъ; оттого его можетъ удовлетворить только такая развязка трагедіи, гдѣ эти начала торжествуютъ надъ стремленіями отдѣльныхъ личностей, хотя бы въ дѣйствительности было наоборотъ. Кто знакомъ хоть въ общихъ чертахъ съ системой Гегеля, того, конечно, не можетъ удивить это постоянное принесеніе частнаго въ жертву общему, индивидуальнаго абсолютному, потому что подобный взглядъ проходитъ по всѣмъ его сочиненіямъ. Подобно тому какъ въ своей философіи права, онъ настолько цѣнитъ человѣческую личность, насколько она служитъ общей идеѣ государства, въ теоріи драмы онъ настолько интересуется драматическимъ характеромъ, насколько этотъ послѣдній является носителемъ великой нравственной идеи. Изъ сказаннаго ясно, почему критика Гегеля и его школы занимается исключительно содержаніемъ художественныхъ произведеній, качествомъ идей въ нихъ развиваемыхъ, оставляя въ сторонѣ ихъ чисто-художественныя достоинства.

Выше было замѣчено, что философія Гегеля сообщила новое направленіе шекспировской критикѣ. Главнѣйшими представителями этого направленія служатъ Ульрици и Ретшеръ, въ которымъ мы и обращаемся.

Сочиненіе Ульрици о Шекспирѣ ²⁾ имѣетъ безспорно много положительныхъ достоинствъ. Въ немъ мы встрѣчаемъ въ пер-

¹⁾ Vorlesungen über die Aesthetik, herausg. von Notho, Berlin 1838. т. III. стр. 479 и слѣд.

²⁾ Shakspeare's Dramatische Kunst, von Hermann Ulrici. Второе изданіе этой книги, значительно расширенное, вышло въ 1847 г.

вый разъ стройное изложеніе развитія англійской драмы, какого не было тогда въ самой англійской литературѣ. Ульрици привелъ въ порядокъ громадную массу сырого матеріала, собраннаго въ сочиненіяхъ Гавкинса, Мэллона, Дрека, Колльера и др., и въ этомъ отношеніи заслуга, оказанная имъ наукѣ, неоспорима. Но чѣмъ болѣе внушаетъ къ себѣ довѣрія солидная ученость автора, тѣмъ сильнѣе разочарованіе читателя, когда онъ замѣчаетъ въ трудѣ Ульрици присутствіе чуждой наукѣ тенденціи, подрывающей довѣріе къ результатамъ его изслѣдованій. Благодаря искренности автора, мы можемъ прослѣдить до самыхъ корней исторію развитія его оригинальнаго взгляда на англійскую драму вообще и на произведенія Шекспира въ особенности и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомиться съ характеромъ тѣхъ противонаучныхъ приемовъ, которые употребляются зачастую приверженцами философской критики. Кажется, что мы будемъ не далеки отъ истины, если представимъ себѣ въ слѣдующей постепенности ходъ идей Ульрици: Англія есть страна христіанская, слѣдовательно ея драма должна быть проникнута духомъ христіанскимъ. Въ чемъ же состоитъ особенный характеръ христіанскаго міровоззрѣнія? На этотъ вопросъ Ульрици отвѣчаетъ съ особенной обстоятельностью. По его мнѣнію, отличительная черта христіанскаго міросозерцанія состоитъ въ томъ, что оно не признаетъ судьбы, какъ въ міросозерцаніи античномъ. Богъ, его любовь и справедливость, управляютъ міромъ, но при томъ такъ, что свобода человѣческая нисколько не нарушается; она только ограничивается съ одной стороны внѣшними обстоятельствами, съ другой—абсолютными началами правды и нравственности, написанными неизгладимыми чертами въ сердцѣ человѣка. Такимъ образомъ въ устроеніи судьбы каждаго человѣка можно усмотрѣть участіе трехъ дѣятелей—промысла Божія, великихъ нравственныхъ началъ и человѣческой свободы ¹⁾. Между тѣмъ, англійская драма до Шекспира представляетъ три момента развитія: мистеріи, «моралитѣ» и интерлюдіи. Стоитъ ихъ только обозначить названными тремя идеями и систематическая исторія англійской драмы—готова. Ульрици не могъ устоять противъ такого искушенія. Три начала, говоритъ онъ, обуславливаютъ собою развитіе англійской драмы. Мистеріи смотрятъ на все происходящее въ мірѣ слишкомъ односторонне, видятъ въ немъ только актъ божественной воли; съ точки зрѣнія «моралитѣ», оно есть результатъ дѣятельности великихъ нравственныхъ началъ, управляющихъ міромъ; наконецъ въ интерлюдіяхъ Гейвуда гос-

¹⁾ Shakspeare's Dramatische Kunst. Zweite Auflage. 314—316 стр.

подстываетъ возрѣніе, что дѣйствіе имѣетъ свой источникъ въ человѣческомъ произволѣ ¹⁾. Изумленный читатель можетъ въ недоумѣніи спросить: что же останется Шекспиру, очевидно опоздавшему на раздѣлъ зиждительныхъ идей англійской драмы? Отвѣтъ представляется самъ собою. Такъ какъ Шекспиръ считается творцомъ новой драмы, то въ его міросозерцаніи должно произойти соединеніе возрѣній, проявившихся по одиночѣ въ мистеріяхъ, моралитѣ и интерлюдіяхъ. Ульрици завѣряетъ, что такъ и было на самомъ дѣлѣ. «Позднѣйшая драма до Грина и Марлова включительно тщетно стремится органически слѣять эти возрѣнія; художественное соединеніе ихъ мы встрѣчаемъ только у Шекспира». Отсюда слѣдуетъ выводъ, что характеристическая особенность Шекспира, какъ поэта, состоитъ въ томъ, что онъ въ своихъ драмахъ яснѣе и чище, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, сумѣлъ выразить христіанское міросозерцаніе. Повидимому, взглядъ Ульрици значительно отстаетъ отъ Гегелева пантеизма, но если всмотрѣться глубже, нельзя не замѣтить, что новая христіанская окраска его мало измѣняетъ сущность дѣла, и Ульрици продолжаетъ развивать свои положенія на началахъ гегелевой философіи искусства. Подобно своему учителю, онъ сводитъ весь интересъ драмы на борьбу идей, изъ которыхъ каждая желаетъ своего исключительнаго господства во внѣшнемъ мірѣ; но подобное исключительное стремленіе могло бы нарушить гармонію нравственнаго міра, и на этомъ основаніи онъ вездѣ приписываетъ Шекспиру желаніе окончить драму такъ, чтобы зритель вышелъ изъ театра, окончательно успокоенный на счетъ незыблемости гармоніи нравственнаго міра.

Прилагая свой взглядъ къ отдѣльнымъ произведеніямъ Шекспира, Ульрици пришелъ къ заключеніямъ, одинаково ложнымъ, какъ съ эстетической, такъ и съ нравственной точки зрѣнія. Онъ начинаетъ свою критику разборомъ одного изъ лучшихъ плодовъ шекспировскаго творчества— «Ромео и Юліи». «Въ этой трагедіи, говоритъ онъ, изображено трагическое столкновеніе правъ и обязанностей: съ одной стороны взаимная любовь Ромео и Юліи съ своими законными правами, бракъ любовниковъ, какъ необходимое условіе ихъ взаимной любви, какъ не только субъективная, но и объективная необходимость, потому что истинная любовь должна закончиться соединеніемъ; съ другой стороны столько же законное право родителей, священная грань семейныхъ началъ, преступить черезъ которую никто не можетъ безнаказанно. Правое и неправое такъ переплетено здѣсь, что священное право

¹⁾ Ibid. стр. 816.

любящихъ принадлежать другъ другу, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и несправедливость относительно родителей, а ихъ тайный бракъ есть въ тоже время и нравственный и безнравственный поступокъ¹⁾. Не говоря уже о томъ, что подобное воззрѣніе лишаетъ искусство его самостоятельнаго значенія, переводя его изъ сферы живого и индивидуальнаго въ сферу логическихъ отвлеченій, самый нравственный вопросъ, поставленный сюжетомъ драмы, понятъ авторомъ слишкомъ абстрактно, и потому не вѣрно. Ульрици заблуждается, думая, что Ромео и Юлія непременно должны были оказаться виновными или передъ родителями или передъ своимъ собственнымъ чувствомъ. Если въ данномъ случаѣ не было возможности поступить справедливо, тогда бы не было и нравственности²⁾. Нужно только отличать истинную нравственность отъ условной морали, которая принимаетъ различныя формы у различныхъ народовъ и постоянно мѣняется подъ вліяніемъ духа времени. Истинная же нравственность должна удовлетворять въ одно и тоже время требованіямъ разума и совѣсти, которыя въ одинъ голосъ повторяютъ, что всякій человѣкъ не только имѣетъ право, но и обязанность дѣйствовать согласно своему внутреннему убѣжденію. Конечно, доводы Ульрици имѣли бы свое значеніе, если бы Ромео и Юлія хоть одну минуту думали принести свою любовь на жертву формальному долгу. Но всякій, кто читалъ драму Шекспира, очень хорошо знаетъ, что трагизмъ здѣсь основанъ вовсе не на внутренней борьбѣ, не на колебаніи между сциллой и харибдой двухъ различныхъ видовъ нравственнаго долга, а на господствѣ предрасудковъ, семейной вражды и деспотизма родительской власти. Сами герои нисколько не сомнѣваются въ своемъ священномъ правѣ принадлежать другъ другу и думаютъ только о томъ, чтобы побѣдить внѣшнія препятствія къ своему союзу; въ этомъ правѣ не сомнѣвается также и Лоренцо, официальный представитель христіанской нравственности, самъ скрѣпившій благословеніемъ церкви тайный союзъ Ромео и Юліи; наконецъ есть основаніе думать, что въ немъ не отказываетъ любовникамъ и самъ поэтъ, иначе онъ не освѣтилъ бы ихъ любовь такимъ поэтическимъ свѣтомъ и не оплакалъ бы ихъ судьбу такими симпатическими, теплыми слезами. А потому намъ кажется въ высшей степени невѣрнымъ взглядъ Ульрици на развязку драмы, въ которой онъ видитъ, какъ и можно было ожидать, не болѣе какъ разрѣшеніе противорѣчій

¹⁾ Shakspeare's Dramatische Kunst, стр. 349.

²⁾ См. объ этомъ рецензію Данцеля на сочиненіе Ульрици въ его *Gesammelte Aufsätze*. Leipzig. 1855.

въ сферѣ нравственныхъ началъ. По словамъ Ульрици, развязка драмы Шекспира есть примиреніе трагическихъ коллизій, разрѣшеніе противорѣчій въ сферѣ нравственности. Любовь Ромео и Юліи находитъ признаніе своихъ правъ въ смерти обоихъ любовниковъ и даже, можно сказать, посредствомъ ихъ смерти, ибо только смерть снимаетъ съ нея страстный, исключительный характеръ. Она не нарушаетъ болѣе ничьихъ правъ, и любовники соединяются на вѣки въ могилѣ съ согласія своихъ родителей. Съ другой стороны, таже сила любви, столько же связывающая, сколько и разрѣшающая, расплавляетъ ледяную стѣну, отдѣлившую сердца въ Монтеки и Капулетти; на могилѣ Ромео и Юліи засыпаютъ ихъ старинная вражда и даже переходитъ въ любовь ¹⁾).

Итакъ, Ромео и Юлія могутъ утѣшиться въ своей безвременной могилѣ тѣмъ, что ихъ родители сжалились надъ ними и дали наконецъ свое согласіе на ихъ загробный союзъ и что самая смерть принесла пользу человѣчеству, примиривъ между собою веронскихъ Ивановъ Иванычей съ веронскими Иванами Нивифоровичами! Вотъ какого рода размышленія внушаетъ нашему автору трогательная повѣсть о любви Ромео и Юліи, пробуждающая въ каждой живой душѣ тотъ сочувственный отголосокъ, который, по прекрасному выраженію Шлегеля, можно сравнить съ однимъ долгимъ, безконечнымъ вздохомъ. Высокая поэзія этой любви остается закрытой книгой для философа, который видитъ въ мірѣ не людей, а ходячія олицетворенія нравственныхъ понятій и смотритъ на ихъ борьбу и страданія съ такимъ же безучастіемъ, съ какимъ астрономъ изучаетъ движеніе свѣтилъ небесныхъ. Ульрици даже не въ состояніи понять, откуда это у такой молоденькой дѣвушки, какъ Юлія, могла явиться такая страсть, такое нетерпѣнье, такая энергія, что она ни мало не задумывается разорвать всѣ связи съ семьей, лишь бы только соединиться съ своимъ Ромео; онъ даже не прочь видѣть въ этомъ вліяніе старой грѣшницы няни, по всей вѣроятности разжигавшей воображеніе Юліи своими сладострастными рассказами.

Въ своемъ разборѣ «Ромео и Юлія» Ульрици является ревностнымъ защитникомъ идеи семейнаго союза; справедливость требуетъ замѣтить, что и идея любви пользуется въ значительной степени его сочувствіемъ. Горе тѣмъ, кто осмѣлится идти противъ нея! Отчего, напримѣръ, погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ блестящій графъ Парисъ, котораго старый Капулетти прочилъ въ мужа своей дочери? Извѣстно, что онъ не совсѣмъ ловко наткнулся на шпагу

¹⁾ Shakspeare's Dramatische Kunst, стр. 358.

Ромео, но это объясненіе не имѣетъ философскаго характера, оказывается случайностью, а по мнѣнію Ульрици, въ драмахъ Шекспира нѣтъ ничего случайнаго; всякая сцена, всякая ничтожная подробность стоитъ въ связи съ идеей произведенія и въ свою очередь объясняетъ его. Гибель Париса не была случайностью. По словамъ Ульрици, его смерть имѣетъ свое основаніе въ его пошломъ и безсердечномъ взглядѣ на любовь, и за это божественное начало любви отмщаетъ ему. Меркуціо тоже презрительно отзывался о любви, считалъ ее пустяками — и «дорого заплатился за свои остроты! ибо этимъ онъ оскорбилъ божественную силу любви, которая здѣсь, какъ нравственная необходимость, играетъ роль судьбы», и мщеніе ея не замедлило надъ нимъ разразиться. Эта расправа идеи съ своими противниками нѣсколько жестока, но Ульрици видитъ въ ней блестящее проявленіе поэтической справедливости Шекспира. Философская критика особенно гордится тѣмъ, что она впервые открыла эту идею, будто бы освѣщающую произведеніе Шекспира новымъ неожиданнымъ свѣтомъ. Еслибъ эта идея была выведена путемъ непосредственнаго изученія Шекспировой драмы, то она имѣла бы свой *raison d'être*, но дѣло въ томъ, что она перенесена цѣлкомъ изъ другой области, не имѣющей ничего общаго съ искусствомъ и потому разбивается въ прахъ при первой повѣркѣ ея фактами. Какъ истый гегельянецъ, Ульрици видитъ въ драмахъ Шекспира полное выраженіе божественнаго правосудія, царствующаго въ мірѣ. Поэтическое правосудіе требуетъ, чтобы каждой личности, выводимой въ драмѣ, поэтъ воздалъ должное и тѣмъ укрѣпилъ бы нравственное чувство зрителя. Сообразно этому, Ульрици утверждаетъ, что у Шекспира нѣтъ ничего случайнаго, ничего неожиданнаго; трагическая судьба, постигающая его героевъ, есть прямое слѣдствіе ихъ поступковъ, нелицепріятное воздаяніе за совершенныя ими преступленія. Такъ какъ у Шекспира есть не мало примѣровъ, прямо противорѣчащихъ этой теоріи, то Ульрици прибѣгаетъ ко всевозможнымъ натяжкамъ и софизмамъ, изобрѣтаетъ даже особенные законы трагическаго паэоса, чтобы только убѣдить своихъ читателей въ неумытной справедливости Шекспира. Послѣднее впрочемъ не всегда ему удается, какъ это можно видѣть напр. изъ его объясненія смерти Корделии. Извѣстно, что эта прямая, правдивая до рѣзкости, но вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко-любящая натура терпитъ участь болѣе злую, чѣмъ ея евоарныя сестры. Послушаемъ, какъ Ульрици объясняетъ ея безвременную и позорную смерть: «Корделия платится за проступокъ, совершенный ею въ началѣ драмы, когда вмѣсто того, чтобъ вротко уступить капризу престарѣлаго отца,

она отвѣтила ему съ недѣтской строптивостью и его отчасти неразумный образъ дѣйствій встрѣтила жество и сурово. За это проявленіе отца тяготѣетъ надъ ней и влечетъ ее въ гибель. Допустимъ, что проклятіе полупомѣшаннаго старика можетъ имѣть такія страшныя послѣдствія; все же это предположеніе нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, выходитъ, что Корделія, искупившая свой проступокъ самой преданной, благоговѣйной любовью къ отцу, сдѣлавшаяся подъ конецъ ангеломъ-хранителемъ его старости, подвергается участи худшей, чѣмъ Регана и Гонерилля, заплатившія за благодѣяніе Лира самой черной неблагодарностью. Самъ Ульрици видно чувствовалъ неловкость подобнаго объясненія, потому что вслѣдъ за нимъ онъ дѣлаетъ новую и, конечно, еще болѣе неудачную попытку вывести необходимость гибели Корделии изъ придуманныхъ имъ ad hoc законовъ трагическаго паѳоса. Онъ сознается, что проступокъ Корделии не былъ особенно важенъ, но чѣмъ меньше проступокъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе трагическаго паѳоса. Ибо сила трагическаго паѳоса состоитъ въ томъ, что онъ обрекаетъ на гибель и добро, если оно хоть немного уклонилось отъ своей природы, и самое отъявленное зло¹⁾. Къ такимъ парадоксамъ каждый разъ приходится прибѣгать философской критикѣ, если она во что бы то ни стало хочетъ отстоять идею поэтической справедливости у Шекспира. Отказаться же отъ этой идеи она не имѣетъ силъ, потому что тогда падутъ сами собою такъ бережно лелѣемая ею ученія о нравственномъ міроустройствѣ, гармоніи нравственныхъ началъ, которымъ она обязана своимъ существованіемъ. Ульрици упорно вѣритъ въ существованіе неразрушимой гармоніи между зломъ и наказаніемъ, добродѣтелью и наградой, и не можетъ допустить, чтобъ въ драмѣ, которая считается отраженіемъ жизни, могло быть допущено даже временное торжество зла и неправды. Если добро гибнетъ, значитъ оно не исполнило добро, значитъ на немъ есть пятна, которыя должны быть смыты тяжелыми испытаніями и даже смертью. Нельзя спорить, что въ концѣ концовъ торжество добра и истины несомнѣнно, ибо имъ обуславливается прогрессъ человѣчества, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждое событіе могло быть истолковано въ смыслѣ этого торжества; извѣстно, что идея прогресса часто избираетъ извилистыя дороги, требуетъ себѣ мучениковъ и жертвъ. Чье сердце не обливалось кровью при видѣ торжества зла, деспотизма и невѣжества, надъ поправленнымъ правомъ, надъ униженною личностью человѣка? Даже увѣрен-

¹⁾ Ibid. 402 — 403.

ность, что это торжество временное, не всегда может насъ утѣшить. На этомъ-то постоянномъ отсутствіи соответствія между добромъ и наградой, зломъ и наказаніемъ, Кантъ основалъ свою философскую вѣру въ будущую жизнь, гдѣ должно наконецъ наступить дарство этой гармоніи, такъ долго и тщетно исконой нами на землѣ. Что Шекспиръ далеко не раздѣлялъ всѣхъ убѣжденій, которыя ему навязываетъ философская критика, видно между прочимъ изъ того, что на него находили минуты, когда, утомленный созерцаніемъ зла и несправедливости на землѣ, онъ жадно призывалъ покой смерти ¹⁾. Но философская критика пренебрегаетъ такими фактами; она выводитъ свои заключенія только изъ собственнаго сознанія и заботится только о томъ, чтобъ какъ-нибудь не завралось противорѣчіе въ ея логическихъ построеніяхъ. Для всякаго внимательно изучающаго произведенія Шекспира видно, что въ каждой изъ его драмъ замѣтно одно преобладающее настроеніе. Уже изъ одного такого настроенія было бы естественнѣе объяснить смерть Корделии, чѣмъ прибѣгать къ такимъ парадоксамъ, какъ напр. статья Эльмана ²⁾, гдѣ необходимость гибели Корделии выводится изъ того, что она была не настолько умна и энергична, чтобъ самой овладѣть событіями; «хотя она (наивно замѣчаетъ авторъ), и была чиста какъ голубка, но къ сожалѣнію не имѣла мудрости змѣи». Но нѣтъ сомнѣнія, что Шекспиръ руководился въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, всего болѣе эстетическими и даже чисто сценическими соображеніями. Не умри Корделия отъ руки палача, и мы не имѣли бы той потрясающей сцены, когда Лиръ выходитъ на сцену съ мертвой дочерью на рукахъ. Правда, послѣ этой сцены, заключающей драму, зритель выходитъ изъ театра непримиреннымъ; у него даже можетъ родиться сомнѣніе, дѣйствительно-ли существуетъ на землѣ та пресловутая гармонія нравственнаго міра, о которой такъ много говорятъ философы. Мы глубоко убѣждены, что Шекспиръ, первородный сынъ второй половины XVI вѣка, произведшаго реальную философію Бэкона и «Фауста» Марло, не могъ имѣть въ виду подобныхъ требованій отъ искусства. Устами Гамлета (актъ III, сцена I) онъ настоятельно требовалъ отъ драмы, чтобъ она была зеркаломъ дѣйствительности, вѣрно отражала въ себѣ ея хорошія и дурныя стороны—и мы не имѣемъ никакого права навязывать ему наши собственные художественныя теоріи.

¹⁾ См. 66 сонетъ. *Th'd with all these, for restful death I cry, & пр.*

²⁾ *Cordelia als tragischer Character*, въ *Jahrbuch der deutschen Shakspeare-Gesellschaft*, II Band.

Да и къ чему было Шекспиру насиловать себя, представля-
 жизнь въ розовомъ свѣтѣ, когда современная ему дѣйствитель-
 ность, можетъ быть, ежедневно наводила его на мрачныя мы-
 сли? Онъ съ полнымъ правомъ могъ допустить въ свои траге-
 діи принципъ случайнаго, неожиданнаго, временное торжество
 порока, гибель добродѣтели, потому что подобныя возмущающія
 душу явленія встрѣчались вѣсьма часто въ его время. Кромѣ
 того, намъ кажется, что Шекспиръ, допустивши Корделию погиб-
 нуть наперекоръ легенды, откуда онъ заимствовалъ содержание
 своей драмы, поступилъ какъ истинный художникъ и тѣмъ ока-
 залъ услугу и намъ и самой Кордели. Дѣйствительно, есть ка-
 кая-то тайная и грустная прелесть въ скорби по такой чистой
 и честной натурѣ. (Гегель называетъ это чувство *eine unglück-
 selige Seligkeit in Unglück*). Мысль о погибшей, но не уни-
 женной добродѣтели больше очищаетъ нашу душу, больше на-
 водитъ ее на возвышенныя думы, чѣмъ развязка, основанная
 на такъ-называемомъ «примиреніи». Личности, *отмѣченной*
трагической красотой страданія (выраженіе Грановскаго), ста-
 новятся намъ вдвойнѣ дороги; память о нихъ мы бережно но-
 симъ въ нашемъ сердцѣ; мы любимъ ихъ еще болѣе оттого,
 что въ жизни имъ выпало такъ мало любви и такъ много горя.
 Это особый родъ вознагражденія за страданіе, и злополучная
 дочь короля Лира, перенесенная творческимъ гениемъ Шекспира
 въ воскрешающую область искусства, навсегда стала священнымъ
 лицомъ и любимицей всего міра.

Мы не будемъ вдаваться въ подробный обзоръ сочиненія Уль-
 рици; приведенными примѣрами достаточно уясняются тѣ противо-
 положныя приемы, которыми руководствуется философская критика
 при объясненіи Шекспира. Справедливость требуетъ замѣтить, что
 въ разборѣ его историческихъ драмъ Ульрици во многомъ отсту-
 паютъ отъ своихъ предвзятыхъ идей. Соотвѣтственно этому и
 самое изложеніе его становится живѣе, сбрасываетъ съ себя тя-
 желую педагогическую оправку философской рѣчи и мѣстами воз-
 вышается до истинной поэзіи. По нашему мнѣнію, эти главы—
 лучшія во всей книгѣ.

При обзорѣ сочиненія Ульрици мы старались выставить на
 видъ ту тѣсную связь между философіей и критикой, которая
 обусловила собою подчиненное положеніе послѣдней. Связанная
 догматизмомъ теоріи, не дозволявшимъ ей свободно отдаться мо-
 гучимъ впечатлѣніямъ шекспировской поэзіи, критика подвергала
 драмы Шекспира всевозможнымъ исказеніямъ, смыслъ ихъ то
 расширялся, то суживался, смотря по надобности. Это направ-

леніе господствуетъ въ многочисленныхъ сочиненіяхъ Рётшера ¹⁾. Задача его критики состоитъ не въ томъ, чтобы выяснитъ художественныя достоинства произведеній Шекспира и тѣмъ осмыслить производимыя ими на насъ впечатлѣнія, сколько въ томъ, чтобы извлечь сумму заключающихся въ нихъ идей. Въ этомъ отношеніи критика Рётшера представляетъ поразительное сходство съ критикой его предшественника. Разница только въ томъ, что Ульрици извлекаетъ изъ Шекспира преимущественно назидательные элементы; одинъ англійскій критикъ вѣрно замѣтилъ, что идеи шекспировыхъ драмъ служатъ ему точно текстомъ для проповѣдей; у Рётшера нравственные вопросы отступаютъ на второй планъ, а на первый планъ выдвигаются философскіе. Философская критика видитъ единство драмы не въ единствѣ дѣйствія, подобно Аристотелю, не въ единствѣ характера, подобно Лессингу, но въ единствѣ идеи, будто бы положенной Шекспиромъ въ основу каждой драмы. Ульрици особенно распространяется объ этомъ предметѣ. По его словамъ, идея есть всепроникающая душа драмы, освѣщающая своимъ свѣтомъ всѣ ея составныя части, опредѣляющая выборъ характеровъ, завязку и ходъ дѣйствія. Дѣйствующія лица суть только носители, сосуды этой идеи; ихъ поступки и судьба тѣсно связаны съ ея осуществленіемъ. Рётшеръ идетъ той же дорогой. Подобно Ульрици, онъ прежде всего старается опредѣлить идею драмы и изъ нея уже выводитъ ходъ дѣйствія, развитіе характеровъ и даже техническую сторону произведенія ²⁾. Мы ничего не имѣемъ возразить противъ правильности логическихъ построеній философской критики; заключенія у нея всегда строго вытекаютъ изъ посылокъ, но дѣло въ томъ, что самыя послылки страдаютъ философскимъ формализмомъ и не могутъ быть прилагаемы въ художественнымъ произведеніямъ, не насилуя ихъ природы. Гете зло посмѣялся надъ философскимъ направленіемъ нѣмецкой критики, которое стало входить въ моду въ послѣдніе годы его жизни. Разговаривая съ Эккерманомъ о новыхъ явленіяхъ въ этой области, великій поэтъ выразился такъ: «въ серебряныя вазы своихъ произведеній Шекспиръ положилъ золотыя яблоки своихъ идей. Изучая его произведенія, мы скоро овладѣваемъ серебряными вазами, но только для того, чтобы на мѣсто золотыхъ

¹⁾ Для нашей цѣли важны его «Abhandlungen zur Philosophie der Kunst», 4 выпуска 1837—1842. Здѣсь помѣщены между прочимъ разборы «Ромео и Юлія», «Венеціанскаго Купца», «Короля Лира» и пр.

²⁾ См. Разборъ Рётшеровыхъ «Abhandlungen» въ Neue Jenaische Literatur-Zeitung 1843, № 274—276.

яблокъ положить туда нашъ нѣмецкій картофель»¹⁾. Вся послѣдняя часть его бесѣдъ съ Эккерманомъ полна признаніями въ подобномъ родѣ. Онъ негодуетъ на тѣхъ критиковъ, которые во что бы то ни стало добивались, какая идея воплощена въ его Фаустѣ. «Хорошъ бы я былъ, нечего сказать (сказалъ по этому поводу Гёте), если бы всю ту пеструю и разнообразную жизнь, которая выведена въ моемъ Фаустѣ, я вздумалъ нанизать на тощій шнурокъ одной всепроникающей идеи. Да вообще говоря, развѣ дѣло поэта воплощать въ своихъ произведеніяхъ абстрактныя понятія? Я воспринялъ извѣстное впечатлѣніе и какъ поэтъ, я забочусь только о томъ, чтобъ дать ему вырѣтъ въ моей душѣ до степени художественнаго представленія и потомъ выразить его такъ, чтобъ и другіе почувствовали тоже, что я чувствовалъ». Вотъ какъ понималъ задачи поэта величайшій художникъ нынѣшняго столѣтія! Повидимому, эти драгоценныя признанія, отрывающія намъ тайны творческой дѣятельности поэта и произнесенныя такимъ литературнымъ авторитетомъ, какъ Гёте, должны были оказать не малое вліяніе на направленіе нѣмецкой критики. Въмѣсто этого, позднѣйшая шекспировская критика представляетъ только рядъ безсильныхъ попытокъ заковать кипучую, безконечно-разнообразную жизнь произведеній Шекспира въ формулы регелевой философіи, или, говоря словами Гёте, нанизать ее на тощіе шнурки различныхъ идей? Несмотря на многократныя увѣренія Ретшера, что онъ не сторонникъ этой теории, взглядъ его на трагическую коллизію, катастрофу и т. д. въ сущности представляетъ только болѣе систематическое развитіе идей Ульрици. Въ своемъ разборѣ «Короля Лира» онъ не разъ возвращается къ той мысли, что всякое художественное произведеніе есть нѣкотораго рода аллегорія съ тѣмъ только различіемъ, что въ ней частное и индивидуальное представляетъ интересъ само по себѣ²⁾. О «Венеціанскомъ купцѣ» онъ выражается такъ: сущность этой драмы состоитъ въ раскрытіи діалектики абстрактнаго права³⁾. Вездѣ мы встрѣчаемся у него съ знакомыми намъ идеями нравственнаго міропорядка, трагической вины и поэтической справедливости; нигдѣ сила непосредственнаго впечатлѣнія не выносить его изъ этого лабиринта. Для примѣра позволяемъ себѣ привести въ сокращеніи его взглядъ на «Ромео и Юлію», въ ко-

¹⁾ Eckermann, Gespräche mit Goethe, I, стр. 232.

²⁾ Abhandlungen zur Philosophie der Kunst, von Theodor Rötcher. I Abtheilung, стр. 82. Ср. эти слова съ словами Ульрици Shakspeare's Dramatische Kunst, стр. 300.

³⁾ Abhandlungen, Vierte Abtheilung, стр. 102.

торомъ читатели безъ труда узнаютъ нѣсколько видоизмѣненный взглядъ Ульрици. «Ромео и Юлія» есть трагедія любви; трагедія любви должна имѣть своимъ абсолютнымъ паэосомъ одну любовь; все остальное въ драмѣ получаетъ свое значеніе только по отношенію къ ней. Подъ паэосомъ любви мы разумѣемъ ту стремительную силу этого чувства, когда оно охватываетъ всего человѣка, покоряетъ себѣ всѣ его ощущенія. Такая любовь стала возможной лишь въ новыя времена, и потому она можетъ быть названа романтической. Это внутреннее неодолимое чувство, не признающее ничего другого, кромѣ требованій сердца, непременно приходитъ въ столкновение съ дѣйствительностью, и такое столкновение не случайно; источникъ его лежитъ въ самомъ паэосѣ этого чувства ¹⁾. Но сколько извѣстно, ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ мірѣ нѣтъ такого закона, по которому любовь непременно вызывала бы силу ей противоположную. Если любовь зачастую сталкивается съ враждебной ей дѣйствительностію, то въ природѣ любви не лежитъ необходимости подобнаго столкновения. Не даромъ говорятъ, что любовь все сглаживаетъ, все примиряетъ. Очевидно, столкновение здѣсь дѣло условное, которое могло быть и не быть. Шекспиръ выбралъ для своей драмы одну обстановку, но могъ выбрать другую, и въ этомъ выборѣ онъ руководствовался не метафизическими соображеніями, но слѣдовалъ своему художественному инстинкту, ясно указывавшему ему, сколько драматическихъ мотивовъ заключаетъ въ себѣ трогательная повѣсть о несчастной любви Ромео и Юліи. Фаталистическая основа Рётшерава взгляда на трагическую коллизію Шекспировой драмы ничѣмъ не лучше столкновения правъ и обязанностей, на которомъ Ульрици основала свою критику. Исходя одинаково отъ абстрактныхъ идей, оба критика естественно должны были придти къ одинаковымъ выводамъ. Ульрици видитъ трагическое примиреніе въ томъ, что со смертью Ромео и Юліи любовь ихъ очистилась отъ своего исключительнаго характера и даже стала источникомъ примиренія между враждующими домами Монтеки и Капулетти. Рётшеръ тоже думаетъ, что смерть героев трагедіи освобождаетъ ихъ чувства отъ исключительности и односторонности, неразлучной съ истинно-трагическимъ паэосомъ, и утѣшаетъ себя въ смерти Ромео и Юліи тѣмъ, что она сдѣлалась почвой примиренія между ихъ родными, и тѣмъ приобрѣла возвышенное значеніе жертвы для цѣлости нравственнаго міра (für ein sittliches Ganze) ²⁾.

¹⁾ Abhandlungen, Vierte Abtheilung, стр. 7.

²⁾ Ibid., стр. 9, 18.

Изученіе драмы, современной Шекспиру, могло бы показать Рётшеру, насколько драматурги XVI в. были далеки от отвлеченныхъ соображеній подобнаго рода. Но историческое изученіе является камнемъ прёткновения для философовъ, и они по возможности стараются обойти его. Самъ Ульрици, много работавшій надъ исторіей англійской драмы, очевидно не придаетъ значенія своимъ трудамъ и въ одномъ мѣстѣ даже выражаетъ мысль, что кто видитъ въ художественныхъ произведеніяхъ непосредственное откровеніе вѣчнаго въ человѣческомъ духѣ, тому не представляютъ никакого интереса временныя условія ихъ происхожденія. Вся критика Рётшера есть только дальнѣйшее развитіе и объясненіе этой мысли. Художественное произведеніе представляется ему чѣмъ-то отвлеченнымъ, висающимъ въ воздухѣ, не имѣющимъ корней въ прошедшемъ, не бросающимъ плодотворныхъ сѣменъ въ будущее. Онъ ничего не хочетъ знать о состояніи драматическаго искусства въ Англїи въ концѣ XVI в., о потребностяхъ тогдашней публики, о той жизни, которую отразилъ Шекспиръ въ своихъ типахъ. Шекспиръ ему кажется мировымъ поэтомъ, имѣвшимъ въ виду не вкусы современнаго ему общества, не сцену театра Globe, а человечество вообще, пѣвцомъ гармонїи нравственнаго міра, посвящавшимъ свою художественную дѣятельность на разъясненіе въ драматической формѣ нравственныхъ и философскихъ вопросовъ. Оттого онъ придаетъ многимъ вещамъ такое значеніе, какового онѣ не могли имѣть у Шекспира. Подобно Ульрици, онъ думаетъ, что никакое художественное произведеніе не можетъ вончиться диссонансомъ; смерть Ромео и Юліи кажется ему, какъ мы сейчасъ видѣли, чѣмъ-то въ родѣ искупительной жертвы, принесенной Шекспиромъ идеѣ нравственнаго міропорядка, нарушеннаго исключительными притязаніями несчастныхъ любовниковъ; между тѣмъ какъ самыя поверхностныя взгляды на новеллу, послужившую источникомъ Шекспиру, могъ бы навести его на другое рѣшеніе. Даже самъ Гегель, у котораго эти философы заимствовали свой взглядъ на значеніе трагической развязки, не затрудняется объяснить гибель Ромео и Юліи изъ обстоятельствъ окружающей ихъ враждебной обстановки и съ грустью замѣчаетъ, что почва, на которой распустились эти нѣжныя души, была слишкомъ неблагоприятна для ихъ развитія, и намъ ничего не остается болѣе, какъ оплакивать непрочность ихъ чудной любви, расцвѣтшей, подобно розѣ, въ печальной долинѣ нашего міра и сокрушенной бурнымъ дыханіемъ грозы, несмотря на всѣ усилія великодушнаго и предусмотрительнаго мудрости ¹⁾).

¹⁾ Vorlesungen über die Aesthetik. III. 574.

Столько же, если не больше, далеко отъ истины Рётшерово объясненіе смерти Корделии. Онъ упрекаетъ Шлегеля въ томъ, что послѣдній считалъ смерть Корделии только средствомъ, необходимымъ для развязки трагедіи, ибо Лиръ, вынесшій такъ много въ жизни, только вслѣдствіе смерти Корделии могъ умереть трагически и думаетъ, что въ ней самой, въ ея отношеніяхъ къ этому міру должно заключаться оправданіе ея гибели. По его словамъ, Корделия, появленіе которой смягчило ея отца, подобно видѣнію кроткаго ангела, въ присутствіи которой душа великаго страдальца не только обрѣла забвеніе прошлаго, но и ощутила несказанное блаженство,—тѣмъ самымъ исполнила задачу своего существованія, и должна умереть. Очевидно, что и здѣсь Корделия является только средствомъ. По этому поводу А. Руге остроумно замѣчаетъ, что Шлегель объясняетъ смерть Корделии, по крайней мѣрѣ, изъ художественныхъ цѣлей, а Рётшеръ видитъ въ Корделии нѣчто въ родѣ мускуса, необходимаго, чтобы смягчить страданія ея отца ¹⁾. На самомъ же дѣлѣ драма Шекспира не даетъ никакого повода къ подобнымъ предположеніямъ, потому что, если Шекспиръ имѣлъ въ виду присутствіемъ Корделии вознаградить Лира за перенесенныя имъ страданія, то онъ заставилъ бы царственнаго страдальца умереть на рукахъ возлюбленной дочери, умереть, видя ее спокойной и счастливой. Въмѣсто этого передъ нами возстаетъ разрывающая душу картина: старый король выбѣгаетъ на сцену, неся на рукахъ бездыханную дочь, и въ нашихъ ушахъ еще раздаются эти пронзающія слова: зачѣмъ живутъ собака, лошадь, крыса, а ты не можешь жить? Впрочемъ, самъ Рётшеръ не особенно горячо стоялъ за это объясненіе, оно его не удовлетворяло тѣмъ, что идея гармоніи нравственнаго міра не была настолько ясна, какъ бы ему хотѣлось, и вотъ онъ черезъ двадцать пять лѣтъ придумалъ другое, гдѣ идеямъ нравственнаго міропорядка, поэтической справедливости и т. д. воздано должно. Этимъ объясненіемъ, представляющимъ блестящій образецъ философской казуистики, мы и заключимъ обзоръ критической дѣятельности Рётшера. «Когда во главѣ французскаго войска Корделия идетъ войною на Англію, съ цѣлью защитить отца, она тѣмъ самымъ нарушаетъ любовь къ отечеству и вызываетъ народъ противодѣйствовать ея предпріятію. Какъ бы многіе ни оправдывали побужденіе, опредѣлившее поступокъ Корделии, достоинство націи и любовь къ родинѣ повелѣваютъ имъ сражаться съ ней, ибо передъ самостоятельностью государства должны исчезнуть всякій расчетъ и вся-

¹⁾ Herr Professor Rötischer, als Dramaturg. Von Arnold Ruge. Bromberg. 1846.

ное личное чувство. Ставши во главѣ войска, Корделія сама поставила себя въ эту коллизію и тѣмъ самымъ, заслужила смерть. Тѣмъ не менѣе, когда мы вспомнимъ, что она является дитя отца ангеломъ-утѣшителемъ, разлука съ которымъ подкашиваетъ его послѣднія силы — гибель этого благороднаго и прекраснаго созданія трогаетъ насъ до глубины души. Впрочемъ, это не мѣшаетъ намъ видѣть въ ея смерти торжество нравственнаго порядка.... Такимъ образомъ Шекспиръ торжествуетъ двойную побѣду: какъ поэтъ, возстановляя потрясенную гармонію нравственнаго міра и, какъ гражданинъ, удовлетворяя національному чувству британскаго народа»¹⁾.

Философское направленіе шекспировской критики нашло себѣ въ Германіи воспріимчивую и дѣятельную почву. Можно сказать, что каждый изъ послѣдующихъ критиковъ принесъ ему обильную дань; даже такіе серьезные и положительные умы, какъ напр. Гервинусъ, не вполне свободны отъ этого направленія. Трудъ Гервинуса есть безспорно лучшее сочиненіе, когда-либо написанное о Шекспирѣ. Ни у кого изъ предшествующихъ критиковъ мы не встрѣтимъ таково честнаго отношенія въ своему дѣлу, какъ у Гервинуса. Видно, что авторъ долго и съ любовью трудился надъ своимъ предметомъ. Онъ внимательно изучилъ эпоху Елисаветы, характеръ драмы, современной Шекспиру, источники его произведеній; онъ коротко знакомъ со всѣми сколько-нибудь значительными сужденіями о Шекспирѣ, отъ Мильтона и Драйдена вплоть до новѣйшихъ американскихъ критиковъ Годсона, Рида и Уайта. У него можно иногда найти невѣрное освѣщеніе фактовъ, происходящее отъ увлеченія любимой мыслью, но никогда неточности показаній. Ученая совѣсть его неподкупна. Противники Гервинуса по большей части изъ его же книги почерпаютъ матеріалъ для своихъ возраженій, и Гервинусъ былъ правъ, поставивши эпиграфомъ своего труда слова Кольриджа, «что собиратели оброненныхъ мною колосьевъ могутъ быть обогатятся больше меня отъ моей жатвы». О Гервинусѣ было много говорено въ послѣднее время въ нашей литературѣ по поводу появленія его труда въ прекрасномъ переводѣ г. Тимофеева. Это избавляетъ насъ отъ обязанности подробно передавать содержаніе его сочиненія. Согласно плану нашей статьи, мы остановимъ вниманіе на заключительныхъ главахъ сочиненія Гервинуса, гдѣ изложены результаты его изслѣдованій. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что послѣдніе томы его труда, сколько намъ извѣстно, не появились еще въ русскомъ переводѣ.

¹⁾ Shakespeare in seinen höchsten Charaktergebilden. Dresden. 1864. стр. 160.

Гервинусъ рассматриваетъ Шекспира съ двухъ сторонъ: 1) какъ художника и 2) какъ моралиста. Первая часть задачи выполнена имъ вполне удовлетворительно. Принявъ исходной точкой мысль Лессинга о существенномъ, коренномъ отличіи древней драмы отъ новой, Гервинусъ развилъ ее до послѣднихъ результатовъ, подтвердилъ множествомъ фактовъ, и такимъ образомъ окончательно выяснилъ вопросъ о принципахъ драматическаго творчества въ древнее и новое время. Въ нашемъ изложеніи мы постараемся представить ходъ идей Гервинуса, выражаясь, по возможности, его же словами.

Главное различіе древней драмы отъ новой состоитъ прежде всего въ ея несложности, въ ея сравнительно маломъ объемѣ. Она драматизируетъ одинъ миѳъ, одно сказаніе; оттого дѣйствіе ея не разбѣгается въ разныя стороны, а сосредоточивается возлѣ одного центрального пункта — трагической катастрофы. Матеріаль драматическаго искусства былъ однообразенъ и извѣстенъ всѣмъ; очевидно, новостью сюжета нельзя было заинтересовать зрителя, и задача драматурга состояла въ томъ, чтобъ обработать какъ можно изящнѣе форму драмы и извлечь какъ можно больше эффектовъ изъ этого одного драматическаго момента. Оттого древняя трагедія отлилась въ такую однообразную и стереотипную форму. Самые характеры древней трагедіи были несложны и не требовали такой тонкой характеристики, такого глубокаго психологическаго анализа, какъ личности новой драмы. Но съ развитіемъ общественной жизни, явилась трагедія Эврипида, комедія Аристофана, гдѣ мы встрѣчаемъ болѣе сложные характеры и болѣе разнообразія въ дѣйствіи. Въ новое время мы видимъ совершенно противоположное явленіе. Между Шекспиромъ и высшимъ процвѣтаніемъ древней трагедіи лежитъ періодъ времени въ 2000 лѣтъ. Въ это время христіанство открыло новыя, невѣдомыя до тѣхъ поръ, глубины человѣческаго духа; тевтонское племя распространилось по Европѣ; крестовые походы познакомили человѣчество съ Востокомъ, Колумбъ и Васко де-Гама открыли новыя міры на Западѣ; зацвѣла въ Европѣ новая религиозная и политическая жизнь; расширился горизонтъ человѣческаго знанія; жизнь стала полна тревогъ внутренней борьбы, сомнѣній, энтузіазма.... Это разнообразіе внѣшнихъ и внутреннихъ открытій и наблюденій должно было отразиться и въ литературѣ, и драма стала самой удобной формой, чтобы отразить въ себѣ разнообразіе жизни новаго человѣка. Законы развитія греческой драмы были постигнуты гениальнымъ умомъ Аристотеля. Главное, что онъ требовалъ отъ драмы, было единство дѣйствія. Драма должна быть такимъ цѣлымъ, изъ котораго ничего нельзя

было выбросить не повредивъ его природѣ; эпизоды допускаются только такіе, которые находятся въ тѣсной связи съ главнымъ дѣйствіемъ. У Шекспира и его современниковъ этотъ законъ единства дѣйствія не строго соблюдался; нерѣдко у него развиваются параллельно два самостоятельныя дѣйствія. Чѣмъ же замѣнялъ Шекспиръ единство дѣйствія? Мы уже сказали, что слабая сторона древней драмы была ея монотонность и однообразіе; этотъ недостатокъ лежитъ въ ея природѣ, потому что у нея на первомъ планѣ стояло не развитіе характеровъ, но дѣйствіе. Обрисовку драматическихъ характеровъ Аристотель считаетъ дѣломъ второстепеннымъ, ибо, по его словамъ, «трагедія изображаетъ не людей, а ихъ дѣла, ихъ счастливую или несчастливую судьбу; люди дѣйствуютъ не для того, чтобы выказывать свои характеры, но самые ихъ характеры могутъ проявляться только въ дѣйствіяхъ». Но характеръ и дѣйствіе такъ тѣсно связаны между собою, такъ условливаютъ другъ друга, что раздѣлить ихъ нѣтъ никакой возможности, и мы даже не можемъ сказать, что главнѣе: характеръ или дѣйствіе человѣка. Такое отношеніе между характеромъ и поступкомъ мы находимъ у Шекспира. Шекспиръ очень хорошо зналъ, что драматическій характеръ можетъ быть узнавъ только изъ поступковъ, можетъ проявить себя вполне только въ дѣйствіи. Но еслибы предложить имъ на выборъ кпящій дѣйствіемъ и интригами французскій водевиль или трагедію съ малымъ дѣйствіемъ, какъ «Натанъ» Лессинга, то мы не сомнѣваемся, что Аристотель выбралъ бы первое, между тѣмъ какъ Шекспиръ и мы склонились бы на сторону Лессинга, потому что считаемъ характеръ источникомъ дѣйствія. Если принять въ расчетъ время, то нельзя не отказать въ справедливости обѣимъ сторонамъ. Дѣйствительно, въ древней трагедіи обрисовка характеровъ стояла всегда на второмъ планѣ. Герои древней трагедіи дѣйствуютъ не изъ сильныхъ внутреннихъ побужденій, а влекомые неодолимой силой рока; поступки ихъ наполовину бессознательны и неожиданны для нихъ самихъ. Для насъ же, людей новаго времени, наибольшій интересъ составляетъ спуститься въ самую глубь человѣческаго духа, къ источникамъ страстей, помысловъ и дѣйствій, и потому наша драма, хотя уступаетъ древней въ пластичности, но за то далеко превосходитъ ее въ знаніи человѣческаго сердца. Такимъ образомъ, въ то время, когда Аристотель видѣлъ въ дѣйствіи главный предметъ драмы и соотвѣтственно этому утверждалъ, что единство дѣйствія есть основной законъ драматической экономіи, Шекспиръ отдавалъ должное и дѣйствію, и характеру, но явно склонялся на сторону послѣдняго. Единство же характера есть не

что иное, какъ сущность характера, его идея.... Эта-то идея, проникающая собою характеръ героя пьесы, сообщающая ему единство, управляетъ дѣйствіемъ и даетъ единство и всей пьесѣ. Принявъ принципомъ своего творчества единство характера, Шекспиръ могъ уклоняться отъ единства дѣйствія, усложнять его многочисленными эпизодами и т. д. Но онъ никогда не связывалъ во-едино два разнородныя дѣйствія, какъ это мы видимъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ швола Бенъ-Джонсона; напротивъ того, всѣ эпизоды его драмъ, хотя, повидимому, далеко расходятся другъ съ другомъ, въ сущности тѣсно связаны своимъ отношеніемъ къ главнымъ лицамъ пьесы, и только такой умъ, какъ Гёте, могъ отереть въ этомъ, на первый взглядъ, нестройномъ развитіи и дробности дѣйствія, высочайшее, хотя и скрытое, искусство великаго художника ¹⁾).

Таковы результаты, выведенные Гервинусомъ изъ сравнительнаго изученія древней и новой драмы. Казалось бы, обладаніе такимъ вѣрнымъ критеріумомъ, принятымъ непосредственно изъ рукъ Лессинга, могло застраховать Гервинуса отъ заманчивыхъ, но бесплодныхъ уклоненій въ область философской критики. Но, въ сожалѣнію, онъ не вездѣ держится началъ, высказанныхъ имъ съ такой опредѣленностью; нерѣдко онъ впадаетъ въ ошибки своихъ предшественниковъ; идея характера, вслѣдствіе какаго-то таинственнаго процесса, превращается у него въ общую философскую формулу, и изъ нея-то онъ пытается объяснить характеры дѣйствующихъ лицъ и тайну драматической постройки пьесы. Для примѣра позволяемъ себѣ напомнить читателямъ его разборъ «Венеціанскаго купца». Еще задолго до Гервинуса, Ульрици утверждалъ, что этой комедіей Шекспиръ хотѣлъ разъяснить очень полезную для жизни истину, что *summa jus—summa injuria*. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ опредѣляетъ идею этой пьесы и Рётшеръ. Разбирая мнѣніе своихъ предшественниковъ, Гервинусъ нападаетъ не на методъ ихъ критики, а ограничивается тѣмъ, что, устраняя придуманныя ими идеи, какъ невѣрныя, онъ придумываетъ свою, еще болѣе общую, но столь же непримѣнимую къ данному случаю, какъ и предыдущія. По словамъ Гервинуса, задачей Шекспира въ этой комедіи было изобразить отношеніе человѣка къ богатству ²⁾. Дѣйствительно, золото играетъ важную роль въ комедіи Шекспира; но нельзя сказать, чтобъ отношеніями къ нему исчерпывалось все содержаніе выведенныхъ здѣсь характеровъ. Мы уже не

¹⁾ Shakespeare von Gervinus, Dritte Auflage, II, стр. 460 — 481.

²⁾ Shakespeare von Gervinus, I, стр. 296.

разъ имѣли случай замѣтить, что богатое и разнообразное содержаніе шекспировыхъ драмъ видимо перерастаетъ тощія рамки, въ которыя хочеть его заключить философская критика. Тоже можно сказать и о настоящемъ случаѣ. Дѣйствующія лица этой пьесы не бездушныя аллегоріи, но живые люди, въ характерахъ которыхъ могутъ встрѣчаться и дѣйствовать съ одинаковой силой самыя разнообразныя и даже противоположныя другъ другу стремленія. Трудно рѣшить, какаѧ преобладающая черта въ характерѣ Шейлока, алчность или ненависть къ христіанамъ? У другихъ лицъ отношеніе къ богатству стоитъ на заднемъ планѣ и далеко не составляетъ движущаго начала ихъ существованія. Порція напр. жертвуетъ всѣмъ для любви; у Бассаніо и Антоніо чувство дружбы стоитъ выше корыстныхъ побужденій. Вообще, сочиненіе Гервинуса, несмотря на свои несомнѣнныя достоинства, не можетъ служить вполне надежнымъ руководителемъ при изученіи Шекспировой драмы. Оно не только не свободно отъ предвзятыхъ идей философской критики, но съ своей стороны вноситъ новыя тенденціи нравственныя, политическія и соціальныя. Не нужно забывать, что сочиненіе Гервинуса вышло вскорѣ послѣ событій 1848 г., когда Германія была ринута въ колею великаго общественнаго движенія и выпла оттуда съ разбитымъ сердцемъ, съ пошатнувшейся вѣрой въ торжество великихъ идей свободы и единства Германіи. Мечты идеалистовъ были разсѣяны въ прахъ; всеобщее напряженіе умовъ кончилось, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, усталю и недовѣріемъ ко всякаго рода энтузіазму. Лучшіе умы погрузились въ прошедшее, чтобы вызвать оттуда энергическіе образы и представить ихъ въ укоръ молодому поколѣнію, умѣющему только создавать планы, утопіи, но не имѣющему практическаго смысла для дѣла. Въ шекспировской критикѣ того времени ярко отражается современное направленіе мысли; политическіе намеки вплетаются зачастую въ ткань историческаго изложенія и окрашиваютъ ее краснымъ цвѣтомъ пропаганды. Главнымъ представителемъ этого направленія былъ Фезе, сочиненіе котораго о Шекспирѣ вышло въ 1851 ¹⁾. Изъ самаго заглавія этого сочиненія видно его направленіе; Шекспиръ, какъ поэтъ, упоминается въ концѣ, очевидно для очищенія совѣсти. Авторъ преимущественно останавливается на политическомъ и общественномъ значеніи произведеній Шекспира и утверждаетъ, что Англія обязана Шекспиру своими свободными учрежденіями и сво-

¹⁾ Shakespeare als Protestant, Politiker, Psycholog und Dichter, von Ed. Vohse, 2 Bände.

имъ великимъ общественнымъ духомъ. «Шекспиръ, говоритъ онъ въ предисловіи, вывелъ своихъ соотечественниковъ изъ мрачной и затхлой атмосферы средневѣкового романтизма и теологіи на широкое поле политики, и оттого въ Англии все идетъ иначе и лучше, чѣмъ у насъ. Что до насъ, то мы до сихъ поръ пребываемъ погруженные въ туманную атмосферу философіи и сентиментальнаго идеализма, созданную для насъ нашими философами и поэтами. Никто не поможетъ намъ, если мы не захотимъ помочь себѣ сами». Ставши разъ на эту точку зрѣнія, критика естественно должна была останавливаться подробнѣе на такихъ произведеніяхъ, откуда можно было извлечь болѣе здравыхъ политическихъ принциповъ или наконецъ такихъ, по поводу которыхъ можно было наговорить много хорошихъ вещей о необходимости практической дѣятельности, о бесплодности мечтаній для жизни. Предметомъ ея изученія стали историческія драмы Шекспира, гдѣ вѣетъ мощный духъ средневѣкового рыцарства и въ особенности трагедіи изъ римской жизни, которыя Фезе называетъ «настоящими кладовыми политической мудрости»¹⁾, и наконецъ «Гамлетъ», въ которомъ видѣли ужасающее по своей вѣрности зеркало, поднесенное Шекспиромъ, въ минуту пророческаго прозрѣнія, нѣмецкому народу.

Таже политическая тенденція, таже глубокая гражданская скорбь слышится чуть не изъ каждой строки сочиненія Гервинуса. Конечно, внимательное историческое изученіе предмета въ связи съ серьезнымъ строго-научнымъ направленіемъ ума спасло Гервинуса отъ тѣхъ крайностей, въ которыя впалъ Фезе, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что не разъ политическія соображенія наклоняли вѣсы его критики не туда, куда слѣдовало, мѣшали ему стать на объективную точку зрѣнія, единственно удовлетворяющую требованіямъ науки. Говоря о «Гамлетѣ», онъ будто видитъ предъ собою Германію слабую, униженную, не доросшую до дѣла, и читаетъ ей грозные уроки. «Образъ, отраженіе котораго мы видимъ въ трагедіи Шекспира, представляетъ ужасающее сходство съ нами. Не я одинъ это говорю; кромѣ меня, это замѣтила тысяча людей. Одинъ изъ нашихъ политическихъ поэтовъ²⁾ даже начинаетъ одно изъ своихъ стихотвореній словами: Гамлетъ—это Германія (Hamlet ist Deutschland). Это выраженіе не есть только остроумная игра словъ, потому что дѣйствительно до послѣдняго времени мы находились въ положеніи, сходномъ съ положеніемъ датскаго принца; намъ вы-

¹⁾ Ibid, I, стр. 171.

²⁾ Здѣсь Гервинусъ разумѣетъ Фрейлинграга.

пала на долю задача чисто-практическаго свойства, и въ рѣшеніи ея мы выказали совершенную отвычку отъ дѣятельности. Подобно Гамлету мы занимались культурой своего ума и сердца до забвенія вѣшняго міра; какъ у Гамлета, и у насъ завѣты Виттенберга лежали ближе къ сердцу, чѣмъ битвы за честь и могущество отечества. Словесные турниры нравились намъ болѣе, чѣмъ спокойное приготовленіе къ серьезнымъ задачамъ вѣка»¹⁾ На нѣсколькихъ страницахъ онъ продолжаетъ развивать ту же мысль, изъ чего можно заключить, что разборъ «Гамлета» есть вѣсть желанный поводъ излить патриотическую скорбь, накопившуюся у него на сердцѣ. Восторгъ, который ему внушаютъ энергическія личности въ родѣ Генриха V, находится въ прямомъ отношеніи съ тѣмъ безотраднымъ положеніемъ, на которое осуждена Германія за то, что заглушила въ себѣ этотъ первый принципъ человѣческой дѣятельности.

Переходимъ теперь къ вопросу о нравственномъ значеніи произведеній Шекспира, занимающемъ у Гервинуса самый видный пунктъ въ общей характеристикѣ Шекспировой драмы, потому что на немъ основывается взглядъ на Шекспира, какъ на нравственную личность. Вопросъ этотъ стѣбитъ того, чтобъ на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Разъясненію его авторъ предпосылаетъ характеристику времени Елисаветы, гдѣ онъ умѣлъ развернуть во всемъ блескѣ богатство своихъ историческихъ свѣдѣній и глубокое пониманіе духа эпохи. По нашему мнѣнію, эта глава Гервинусова труда заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія. Въ одномъ только можно упрекнуть почтеннаго автора—въ его, впрочемъ весьма понятномъ у историка, пристрастіи къ историческимъ параллелямъ. Два гениальнѣйшихъ человѣка Елисаветинской эпохи, Шекспиръ и Бэконъ, представители и творцы новыхъ направленій въ искусствѣ и наукѣ, сами напрашиваются на сравненіе ихъ между собою; но изъ того, что они жили въ одно и то же время, еще не слѣдуетъ, что они должны были имѣть одинаковыя взгляды на задачи своей дѣятельности. Сколько извѣстно, Бэконъ смотрѣлъ на науку преимущественно съ утилитарной точки зрѣнія; интересъ знанія, составляющій душу всякаго научнаго успѣха, стоялъ у него на второмъ планѣ; только званіе, могущее увеличить сумму человѣческаго благосостоянія, имѣло въ его глазахъ какую-нибудь цѣну. Можетъ быть оттого онъ и не могъ подтвердить собственными опытами справедливость своего метода, какъ то нѣсколько лѣтъ тому назадъ было доказано Либихомъ. Та же точка зрѣнія господствуетъ и

¹⁾ Shakspeare von Gervinus. II, стр. 180 и слѣд.

въ его взглядѣ на поэзію; онъ не могъ объяснить себѣ происхожденіе лирической поэзіи и относилъ ее въ области красно-рѣчія; самый холодный, прозаическій родъ поэзіи—поэзію аллегорическую онъ считалъ высшимъ проявленіемъ поэтическаго творчества (*at poesis parabolica inter reliquas eminent*). «Ея дидактическое достоинство, говорить по этому поводу историкъ Бэконовой философіи Куно Фишеръ, въ глазахъ Бэкона есть вмѣстѣ и поэтическое. Значеніе аллегорической поэзіи здѣсь возвышается не интересомъ въ искусствѣ, а интересомъ къ наукѣ; эта поэзія кажется Бэкону тѣмъ поэтичнѣе, чѣмъ она *полезнѣе* и пригоднѣе другихъ поэтическихъ родовъ для науки»¹⁾. Если бы Шекспиръ смотрѣлъ такимъ же образомъ на свое искусство, если бы мы могли отыскать въ его драмахъ слѣды преднамѣреннаго дидактизма, то онъ могъ бы быть великимъ психологомъ, великимъ изслѣдователемъ въ области нравственности, всѣмъ чѣмъ угодно—только не поэтомъ и драматургомъ. Но за то Бэконъ навѣрное упомянулъ бы о немъ, говоря о драматической поэзіи. Между тѣмъ изъ самой книги Гервинуса мы узнаемъ, что Бэконъ отзывался о современномъ ему драматическомъ искусствѣ съ крайнимъ пренебреженіемъ и называлъ самое ремесло актера безчестнымъ (*infamous*). Одно изъ двухъ, либо нравственно-дидактическій элементъ играетъ сравнительно неважную роль въ произведеніяхъ Шекспира, либо остается предположить, что гениальная проницательность измѣнила на этотъ разъ Бэкону, и тотъ, кто сумѣлъ раскрыть сокровенный смыслъ миеовъ о Прометѣѣ, Нарциссѣ и т. д., оказался слѣпъ передъ полными высококаго нравственнаго значенія драмами Шекспира. Мы думаемъ, что въ своихъ отзывахъ о современной ему драмѣ, Бэконъ былъ съ своей точки зрѣнія совершенно правъ. Не находя въ ней того, что онъ считалъ необходимымъ условіемъ поэзіи, а именно нравственно-дидактическаго элемента, онъ прошелъ мимо нея съ улыбкой презрѣнія. А потому намъ кажется слишкомъ смѣлой попытка нѣкоторыхъ нѣмецкихъ критиковъ, въ томъ числѣ Ульрици, Гервинуса и др., извлечь изъ произведеній Шекспира цѣлую нравственную систему, нѣчто въ родѣ руководства для жизни. Обыкновенно все зданіе подобныхъ доказательствъ строится на зыбкой почвѣ личныхъ впечатлѣній. По большей части критики основываютъ свои заключенія на отдѣльныхъ выраженіяхъ и сужденіяхъ, вложенныхъ Шекспиромъ въ уста дѣйствующихъ лицъ его драмъ. Такихъ мѣстъ, гдѣ видимо пробивается личный взглядъ Шекспира (какъ напр. въ бесѣдѣ Гамлета съ стран-

¹⁾ Ф. Бэконъ Веруламскій, соч. Куно-Фишера, пер. Страхова, стр. 131.

ствующими актерами) сравнительно очень не много; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ шекспировскіе герои говорятъ сообразно своему характеру и положенію. Даже тотъ многоиспытанный (и во многихъ случаяхъ примѣнимый къ комедіямъ) приемъ, составляющій насъ искать убѣжденія автора въ сужденіяхъ *добродѣтельныхъ* и *лучшихъ* лицъ пьесы оказывается совершенно не примѣнимымъ къ произведеніямъ Шекспира, ибо у него зачастую лица, подобныя Эдмунду въ «Королѣ Лирѣ», высказываютъ такія мысли, въ которыхъ такъ и хочется найти отголосокъ личныхъ убѣжденій поэта. Если мы читаемъ напр. въ «Макбетѣ» слѣдующія слова: «не лицемѣрное правосудіе подносить къ нашимъ губамъ нами же отравленный кубокъ», или: «мы сѣяли злое — и должны пожать злое», то, повидимому, отсюда мы имѣемъ полное право заключить, что, по мнѣнію Шекспира, никакое зло не остается ненаказаннымъ, что надъ нами бодрствуетъ недремлющее око божественнаго правосудія. Но тотъ, кто успокоится на этомъ утѣшительномъ убѣжденіи, можетъ придти въ отчаяніе, узнавши, что тотъ же поэтъ въ другой драмѣ проводитъ взглядъ, прямо противоположный высказанному имъ прежде. «Одинъ возвышается преступленіемъ, другой гибнетъ вслѣдствіе своей правоты» («Мѣра за мѣру»); «судьба виситъ надъ головою всѣхъ и поражаетъ безъ разбора правого и виновнаго» («Ромео и Юлія»). «Мы для боговъ тоже, что мухи для дѣтей; они убиваютъ насъ для забавы» («Король Лиръ») ¹⁾. Кажется, что болѣе нессимистическаго взгляда на жизнь не высказалъ еще ни одинъ поэтъ въ цѣлой вселенной. Но, повторяемъ, заключать изъ приведенныхъ нами мѣстъ о нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ Шекспира, значило бы не понимать сущности драматическаго творчества. Нѣсколько сотъ лицъ выведено Шекспиромъ въ его драмахъ; каждое изъ нихъ носитъ на себѣ неизгладимыя черты своей индивидуальности, говорятъ и дѣйствуютъ соответственно своему характеру и убѣжденіямъ. Притомъ же свѣдѣнія наши о внутренней жизни Шекспира такъ скудны, что мы не можемъ утвердительно сказать, въ какомъ отношеніи находятся его собственныя убѣжденія въ идеямъ, высказываемымъ имъ посредствомъ различныхъ личностей. Вѣрнѣе думать, что у Шекспира, какъ и у всякаго другого истиннаго художника, интересы поэзіи стояли на первомъ планѣ. Онъ не создавалъ лицъ, чтобы вложить въ нихъ свои личныя убѣжденія, но изображалъ человѣческую жизнь, какъ она отражалась въ магическомъ стеклѣ

¹⁾ Въ недавно вышедшей книгѣ Рюмелина приведено не мало примѣровъ въ подобномъ родѣ. См. Shakespeare; Studien von Rümelin. Stuttgart. 1866, стр. 162 и слѣд.

его творческой фантазіи. Жанъ-Поль въ одномъ изъ своихъ писемъ высказываетъ поразительно-вѣрную мысль, что истинный поэтъ, задумавши создать извѣстный характеръ, становится самъ какъ бы невольникомъ своего созданія. Задуманный характеръ развивается по своимъ собственнымъ законамъ, диктуетъ поэту свои мысли и поступки. Извѣстно, насколько пострадали драмы Шиллера оттого, что поэтъ внесъ въ свои изображенія весь лиризмъ и всю поэзію своего собственнаго сердца. Онѣ наполнились многими прекрасными монологами, но это обогащеніе произошло во вредъ ихъ драматическому достоинству, ибо дѣйствующія лица утратили свою непосредственность, индивидуальность, свою жизненную правду. Можно даже сказать, что сила драматическаго таланта прямо пропорціональна его объективности; онъ тѣмъ выше, чѣмъ вѣрнѣе отражаетъ въ себѣ жизнь и природу человѣческаго духа. Такими глубоко-объективными произведеніями могутъ по справедливости считаться произведенія Шекспира. О Шекспирѣ можно сказать, что онъ не напечатывалъ своимъ героямъ своихъ собственныхъ убѣжденій, а внимательно слѣдилъ за таинственнымъ процессомъ образованія ихъ характеровъ и наклонностей. Тѣмъ не менѣе родство ихъ съ поэтомъ несомнѣнно. Великая душа Шекспира смотрится сквозь ихъ души, окружаетъ ихъ рѣчи ореоломъ ослѣпительной поэзіи; присутствіе ея чувствуется всюду, но уловить черты ея нравственнаго облика невозможно. По крайней мѣрѣ всѣ попытки опредѣлить личныя убѣжденія Шекспира оказывались до сихъ поръ крайне несостоятельными. Даже попытка Гервинуса—плодъ его многолѣтняго изученія Шекспира—кажется намъ не вполне удачной. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ она заслуживаетъ болѣе подробнаго обзора, который мы отлагаемъ до слѣдующей статьи.

Н. Стороженко.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го октября, 1869.

Почтовое дѣло и почтовые ревизіи. — Новыя условія пересылки газетъ и журналовъ съ 1870 года. — Наши экономическія дѣла. — Спекуляція. — Биржа. — Банки. — Возвышеніе и паденіе процентныхъ бумагъ. — Выпускъ ассигнацій. — Кризисъ. — Слухи объ измѣненіяхъ въ законѣ о печати. — Новый съѣздъ петербургскаго духовенства. — Прекращеніе безпорядковъ въ Кыргызскихъ степяхъ. — Видны въ будущемъ.

Наше общественное хозяйство ни въ какомъ случаѣ не ухудшилось въ послѣднее время, сравнительно съ прежнимъ, во многихъ отношеніяхъ оно можетъ быть названо даже улучшеннымъ, а между тѣмъ жалобы на то или другое неустройство въ хозяйствѣ въ наше время возросли. Причина такого явленія весьма проста: общественная жизнь получила теперь новое развитіе, а средства хозяйственныя возросли далеко не въ той степени, въ какой шло развитіе потребностей. Справедливость этого всего болѣе видна на нашемъ почтовомъ дѣлѣ; мы оставили позади себя, если позволено такъ выразиться, почтовую эпоху «тройки удалой», когда почта не играла такой важной роли въ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ, какъ въ настоящее время. Еще не такъ давно мы не цѣнили и самое время такъ, какъ оно сдѣлалось цѣннымъ теперь, когда мы, отправляя письмо, рассчитываемъ не только день, но и часъ его полученія. Соотвѣтствуютъ ли такой потребности общества наши главные почтовые органы, т. е. Почтовые Конторы? Для ближайшаго ознакомленія съ ихъ состояніемъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, директоръ почтоваго департамента, баронъ Вельо, обозрѣлъ 34 мѣста, расположенныхъ въ 18-ти губерніяхъ. Мы знаемъ только одно, что результатомъ такой ревизіи былъ циркуляръ всѣмъ управляющимъ почтовою частью въ губерніяхъ, содержаніе котораго легко угадать каждому, кто имѣлъ случай видѣть и внѣшнюю неопрятность самыхъ помѣщеній Почтовыхъ Конторъ въ губерніяхъ и благодушный, патріархальный способъ

ихъ дѣйствій при отправкѣ и полученіи почты. Изъ газетъ намъ случилось узнать, что даже въ такомъ городѣ, какъ Одесса—третій городъ имперіи—еще *недавно* выставлены на улицахъ почтовые ящики для опущенія въ нихъ писемъ; послѣ этого, другіе недостатки, въ какомъ-нибудь отдаленномъ уѣздномъ городѣ, являются уже чѣмъ-то нормальнымъ. Однимъ словомъ, мы должны предполагать, и не безъ основанія, что высшее почтовое начальство едва-ли осталось довольно своимъ непосредственнымъ ознакомленіемъ съ тѣмъ, что у насъ въ городахъ называютъ Почтѣвою Конторою, и что очень мало, а иногда и вовсе не соответствуетъ своему почтенному наименованію, куда ежедневно стекаются всѣ наши интересы и вопросы жизни. Мы увѣрены также въ томъ, что, въ случаѣ справедливости нашего предположенія, почтовое начальство внушило тѣмъ циркуляромъ точное и непремѣнное исполненіе всѣми Почтовыми Конторами своихъ обязанностей, подѣ страхомъ самаго настоятельнаго преслѣдованія,—но вотъ въ чемъ мы не увѣрены и чего совершенно не знаемъ. Карательныя мѣры неизбежны тамъ, гдѣ зло составляетъ исключеніе, но тамъ, гдѣ оно сдѣлалось почти общимъ правиломъ, тамъ страхъ взыскапія и штрафовъ не истребляетъ зла, а загоняетъ его глубже: въ настоящемъ случаѣ, страхъ заставитъ Конторы дѣйствовать болѣе осмотрительно, но не въ своемъ дѣлѣ, а въ своихъ же отношеніяхъ къ начальству. Для насъ въ настоящую минуту не важно то, благоустроены или неблагоустроены наши Почтовые Конторы, а то, почему онѣ не въ порядкѣ, да и могутъ ли онѣ быть исправны, при тѣхъ средствахъ, финансовыхъ и личныхъ, какія имъ предоставлены? Можно ли, при содержаніи, которое получается почтмейстерами и низшими органами, думать, что они страдали до сихъ поръ недостаткомъ доброй воли и незнанія технической стороны своего дѣла? Сколько намъ извѣстно, финансовыя средства нашихъ Почтовыхъ Конторъ вовсе не такъ велики, чтобы общество имѣло право отнестись къ нимъ слишкомъ строго.

Говоря такимъ образомъ, мы должны возвратиться къ тому же, что не разъ повторяли въ нашей хроникѣ. Мы задавали вопросъ, можетъ ли у насъ почтовая операція разсматриваться исключительно съ точки зрѣнія регалия, и не будетъ ли для государственнаго хозяйства убыточно получать съ почтоваго дѣла большой доходъ? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать утвердительно: при современномъ состояніи у насъ почты и при тѣсной связи ея со всѣми матеріальными и нравственными интересами общества, было бы уже выгодно, еслибъ почта могла содержать себя своими доходами, и не требовала отъ государства субсидій. У насъ почта составляетъ предметъ дохода и весьма значительнаго; но если доходъ съ какой-нибудь статьи хозяйства получается подѣ условіемъ вреда хозяйству, то та-

кой доходъ хуже самаго непродуманнаго расхода, такъ какъ онъ тяготѣетъ не только надъ настоящимъ, но и надъ будущимъ. Потому при обсужденіи доходности такого дѣла, какъ почтовое, необходимо смотрѣть не на количество цифры дохода, а на ея качество. Какое же качество представляютъ намъ тѣ 3 милліона слишкомъ, которые составляютъ доходъ съ почты? Отвѣтомъ на это служить современное состояніе Почтовыхъ Конторъ у насъ: приходъ съ почты достигнутъ при дурномъ ихъ состояніи, что равносильно дурному состоянію всей почтовой операціи, а слѣдовательно, это убыточный приходъ.

Впрочемъ мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые полагаютъ, что одними деньгами можно исправить все. Деньги очень важное условіе всякой дѣятельности, но не больше. Знаніе дѣла, добросовѣстное отношеніе къ нему представляютъ не менѣе важное условіе. Тутъ мы собственно выходимъ изъ предѣловъ почтоваго вѣдомства, которое осуждено, наравнѣ со всѣми другими хозяйственными управленіями, почерпать свои силы изъ общей народной массы и довольствоваться наличнымъ состояніемъ ея интеллектуальнаго и нравственнаго уровня. Но при всемъ томъ, почтовое вѣдомство могло бы прибѣгнуть къ нѣкоторымъ самоусовершенствованіямъ, и въ этомъ отношеніи ему принадлежалъ бы важный починъ въ порядкѣ государственной службы. Почтовый чиновникъ прежде всего техникъ, и потому кромѣ общаго образованія нуждается въ техническихъ познаніяхъ своего спеціальнаго дѣла. Потому въ почтовомъ вѣдомствѣ необходимо требовать, кромѣ той или другой степени общаго образованія, спеціальнаго экзамена по почтовой службѣ, какъ въ Пруссіи, напримѣръ, требуютъ отъ каждаго, поступающаго на службу, выдержать предварительно Staats-examen, служебный экзаменъ. Но для того необходимо почтамту имѣть полное руководство для всѣхъ почтовыхъ операціи, сборникъ правилъ, постановленій, между тѣмъ какъ нынѣ каждая Почтовая Контора должна слѣдить сама за всѣми распоряженіями, которыя печатаются въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Слѣдя началу служебнаго экзамена, Почтовое Вѣдомство образуешь въ своей средѣ практическую школу, которая всегда будетъ наполнена аспирантами, и не будетъ затруднена въ приисканіи персонала.

Мы увѣрены, что почтовый департаментъ не ограничится одною ревізію нынѣшняго лѣта, и прибѣгнетъ не разъ къ внезапнымъ ревізіямъ, для провѣрки, какое дѣйствіе оказалъ нынѣшній циркуляръ. Но, во-1-хъ, едва ли существуютъ на свѣтѣ «внезапныя» ревізій въ полномъ смыслѣ этого слова; во-2-хъ, есть другія средства для ревізій, которыя болѣе дѣйствительны, и менѣе стоятъ почтовому вѣдомству. Въ почтовой операціи болѣе всего заинтересовано само об-

щество, а потому всего проще предоставить ему контроль, а въ центрахъ почтоваго вѣдомства остается устроить то, что за-границей называютъ «Bureau des réclamations», гдѣ специалисты могли бы немедленно разбирать каждую жалобу, и уже по жалобамъ судить о дѣятельности конторъ. Контроль, въ подобномъ дѣлѣ предоставленный обществу, ничего не стоитъ и выѣстъ съ тѣмъ такъ обширенъ, что никакія усилія почтоваго вѣдомства не могли бы сравниться съ нимъ.

Въ связи съ послѣднею ревизіею почтовыхъ конторъ, мы должны упомянуть о высочайшемъ повелѣніи, 7-го августа 1869 года, съ будущаго 1870 года устроить газетную почтовую операцію, въ видѣ опыта, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Приемъ въ почтовыхъ учрежденіяхъ подписки на періодическія изданія, какъ русскія, такъ и иностранныя, не дѣлать обязательнымъ, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ назначать почтовыя учрежденія въ Имперіи, въ которыхъ бы принималась подписка на періодическія изданія, выходящія въ Россіи или за границей.

2) Пересылку по почтѣ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи (за исключеніемъ Финляндіи) принимать на сроки: а) мѣсячный съ 1-го числа каждаго мѣсяца; б) трех-мѣсячный съ 1-го января, съ 1-го апрѣля, съ 1-го іюля и съ 1-го октября; в) полугодичный съ 1-го января и съ 1-го іюля, и г) годичный съ 1-го января.

3) Приемъ на почту періодическихъ изданій, для отсылки къ иногороднымъ подписчикамъ, допускать не иначе, какъ подъ бандеролями и съ адресами.

4) Предоставить редакціи (или издателю) каждаго періодическаго изданія назначать, по своему усмотрѣнію, только дѣну за самое изданіе на допускаемые ею сроки подписки. За пересылку на домъ, по почтѣ, періодическаго изданія, редакція (или издатель) не должна назначать платы болѣе той, какая ниже установлена.

5) За пересылку по почтѣ внутри Имперіи періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, взимать съ объявленной редакціею (или издателемъ) дѣны за самое изданіе: а) 10% за изданія, выходящія не болѣе одного раза въ мѣсяцъ; б) 15% за изданія, выходящія, не болѣе одного раза въ недѣлю или пяти разъ въ теченіи мѣсяца; в) 20% за изданія, выходящія болѣе пяти разъ въ теченіи мѣсяца, а также ежедневныя.

6) За пересылку внутри Имперіи по почтѣ иностранныхъ газетъ и журналовъ (выписываемыхъ чрезъ посредство русскихъ почтовыхъ учрежденій) изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ они получаютъ изъ за-границы, взимать по 2 руб. въ годъ за каждый экземпляръ.

7) За доставку по почтѣ на домъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ мѣстныхъ періодическихъ изданій, а также иностранныхъ газетъ и журналовъ, взимать: а) 50 коп. за изданія, выходящія не болѣе одного раза въ мѣсяцъ; б) 1 руб. за изданія, выходящія не болѣе одного раза въ недѣлю или пяти разъ въ теченіи мѣсяца; в) 1 руб. 50 коп. за изданія, выходящія болѣе пяти разъ въ теченіи мѣсяца, а также ежедневныя.

8) За пересылку къ иногороднымъ подписчикамъ, при періодическихъ изданіяхъ, постороннихъ объявленій, взимать за каждыя 500 отдѣльныхъ листовъ объявленія по 1 руб. За пересылку подобныхъ же объявленій по городской почтѣ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ взимать за каждыя 500 отдѣльныхъ листовъ объявленія по 50 коп.

Выѣстъ съ снмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было высочайше

повелѣтъ: съ 1-го января будущаго 1870 года принимать на почту, для пересылки внутри Имперіи открыто подъ бандеролями: а) отдѣльные вумера періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи и за границею, и б) каталоги, объявленія и тому подобныя печатныя, литографированныя, металлографированныя или другимъ механическимъ способомъ воспроизведенныя предіеты, удобныя къ пересылкѣ по писемной почтѣ, но за исключеніемъ такихъ, которые оттиснены обыкновеннымъ когировальнымъ прессомъ. За позобнаго рода отправленія, вѣсомъ до $3\frac{1}{4}$ лотъ, взимать двѣ копѣйки; вѣсомъ свыше $3\frac{1}{4}$ лотъ до $6\frac{1}{2}$ лотъ—4 коп. и т. д., прогрессивно увеличивая плату на двѣ копѣйки за каждый излишній вѣсъ до $3\frac{1}{4}$ лотъ. При этомъ: а) вѣсъ всего отправленія не долженъ превышать 20 лотъ; б) отправленіе должно быть задрѣано въ бандероли такъ, чтобы можно было удобно видѣть находящееся подъ бандеролею, и в) на отправленіи ничего рукописнаго не допускается, кромѣ адреса получателя, подписки подавателя и означенія мѣста и времени подачи.

Уничтоженіе обязательной подписки на газеты въ почтовыхъ конторахъ и возвращеніе къ адрессамъ и бандеролямъ мало соотвѣтствуетъ идеалу газетной операціи, давно уже осуществленному за-границею, но въ виду современнаго, дѣйствительнаго состоянія почтовыхъ конторъ, мы должны сознаться, что лучше слѣдовать разуму той пословицы, которая совѣтуетъ прежде обзаводиться клѣткою, а потомъ птицей. Примѣръ нынѣшняго года былъ слишкомъ печаленъ, чтобы наставлять на немедленномъ введеніи у насъ лучшаго порядка газетной операціи, и необходимо продолжать попрежнему писать адреса каждого лица 365 разъ, вмѣсто одного раза, и посылать каждый нумеръ газеты, какъ личное письмо. Теперь весь трудъ обрушится на Газетную Экспедицію, но легче усилить ее одну, чѣмъ думать о немедленномъ исправленіи тысячи слишкомъ конторъ. Новымъ высочайшимъ повелѣніемъ уменьшена вдвое плата за пересылку журналовъ, вполне соотвѣтственно тому, что годовой экземпляръ журнала представляетъ вдвое меньшее число листовъ, сравнительно съ годовымъ экземпляромъ газеты, и даетъ работу Экспедиціи 12 разъ въ годъ, вмѣсто 365 разъ, какъ сдаются газеты. Не менѣе будетъ оценено обществомъ и другое распоряженіе о расылкѣ подъ бандеролею всего печатнаго по уменьшенной цѣнѣ. Мы увѣрены, что такое удешевленіе принесетъ въ концѣ-концовъ выгоду и самому почтовому вѣдомству, увеличивъ число сношеній въ публикѣ.

Если 1868 годъ получилъ у насъ прозваніе «железно-дорожнаго», то 1869 году по справедливости должно принадлежать названіе биржевого, то-есть по преимуществу спекуляціоннаго. Дѣйствительно, онъ внесъ къ намъ элементъ если и не совсѣмъ новый, то во всякомъ случаѣ неизвѣстный до сихъ поръ замѣтнаго вліянія на всю нашу экономическую и даже общественную жизнь: элементъ дѣятельной спекуляціи на «движимыя цѣнности (valeurs mobilières)», однимъ словомъ—биржевую игру. Сводя финансовыя счеты за нынѣшній годъ, мы все-таки будемъ имѣть возможность утѣшить себя, что приобрѣли что-ли-

будь. А поводовъ искать экономическаго утѣшенія, особенно въ настоящую минуту, есть нѣсколько; они имѣютъ отношеніе между прочимъ и къ тому самому приобрѣтенію, о которомъ мы только что упомянули. Поводы эти—паденіе вексельнаго курса, идущее все далѣе и далѣе, такъ-называемая паника на биржѣ, новый выпускъ кредитныхъ рублей, наконецъ уменьшеніе вывоза.

Но прежде, чѣмъ говорить о постигшемъ насъ небольшомъ кризисѣ, укажемъ на утѣшеніе болѣе существенное, чѣмъ тотъ фактъ, что биржевой олимпъ воплощается и у насъ. При видѣ эфемерности нѣкоторыхъ блестящихъ явленій нашего денежнаго рынка, не будемъ упускать изъ виду такое прочное явленіе, какъ возрастаніе производительности нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ рѣчи управлявшаго министерствомъ финансовъ, произнесенной въ кредитныхъ установленіяхъ, содержатся между прочимъ такіа цифры: въ 1868 г. правительственная гарантія чистаго дохода и погашенія по акціямъ и облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ составляла 14 милл. 624 т. р. въ годъ; въ 1868 году, эта сумма увеличилась на 5 м. 42 т. р., такъ что къ настоящему году она простиралась до 20 милл. рублей. Между тѣмъ въ дѣйствительности потребовалось уплатить изъ нея въ теченіи 1868 года менѣе 3 м. 219 т. р.; двѣ дороги (моск.-ряз. и ряз.-козл.) вовсе не потребовали приплатъ по гарантіи; даже Главному Обществу пришлось приплатить только 27% гарантированной суммы; затѣмъ, наименѣе—рижско-моршанской (34%) и варшавско-бромбергской (36%). Такой благопріятный фактъ, ограничивая размѣръ ежегодной жертвы приносимой государствомъ постройкѣ дорогъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о возрастающей производительности этихъ дорогъ.

Итакъ, мысль о радикальномъ поправленіи финансовъ посредствомъ усиленія производительности страны оправдывается уже и практическимъ результатомъ: мы убѣждаемся въ возможности непосредственно и въ короткое время поднять производительныя силы страны, хотя къ сожалѣнію не можемъ имѣть увѣренности, что само финансовое хозяйство, въ теченіе времени еще болѣе короткаго, не поглотитъ впередъ тѣ ресурсы, какіе представило бы ему въ близкомъ будущемъ экономическое развитіе Россіи.

Наибольшая опасность здѣсь угрожаетъ со стороны той легкости, съ какою у насъ могутъ быть дѣлаемы новыя выпуски бумажныхъ денегъ, выпуски неопредѣленные, то-есть не ограниченные срокомъ выкупа. Мы возвращаемся на минуту къ этому предмету, о которомъ говорили въ прошлой хроникѣ, потому что къ тому принуждаютъ насъ факты. Въ прошлый разъ упоминая о займѣ, сдѣланномъ съ цѣлью взъять изъ обращенія 12 милл. кредитныхъ рублей, мы указали на аксіому, что если это не есть начало цѣлой системы, которой намѣрены твердо держаться, если за займомъ послѣдуютъ новыя выпуски

кредитныхъ билетовъ, то весь результатъ займа ограничится обогащеніемъ на 15 милл. р. государственной долговой книги.

Такъ и случилось; вслѣдъ за займомъ, банкъ нашелся вынужденнымъ выпустить на 9 милл. рублей кредитныхъ билетовъ. Сдѣлаано это было просто по недостатку наличныхъ средствъ у банка, и ничто не ручается, что вскорѣ такіе выпуски не повторятся. Правда, выпускъ этотъ сдѣланъ не для покрытія какого-нибудь государственнаго расхода, а для удовлетворенія кассовой потребности банка, и намъ могутъ сказать, что заемъ все-таки достигнетъ своей цѣли, что на него втеченіи года все-таки будетъ изъято изъ обращенія 12 милл. кредитныхъ рублей, независимо отъ новыхъ выпусковъ съ кассовою цѣлью, которые можно почитать временными. Но размѣръ-то этихъ выпусковъ можетъ быть слишкомъ великъ. Сумма кредитныхъ билетовъ въ обращеніи теперь составляетъ 721 м. 400 т. р., а такой суммы обращеніе кредитныхъ билетовъ не достигало за весь годъ, съ сентября 1868 до сентября 1869 г.; сумма эта превышаетъ на 19 милл. р. максимумъ кредитнаго обращенія, соотвѣтствовавшій январю нынѣшняго года.

Если банкъ въ теченіи одного года для кассовыхъ своихъ потребностей можетъ выпускать бумажныя деньги въ такомъ размѣрѣ, что сумма ихъ обращенія за этотъ годъ колеблется между 641 милл. р. (май) и 721 милл. р. (сентябрь), то-есть на 70 милліоновъ, то согласитесь — странно какъ-то думать, чтобы посреди такихъ бурь удѣла, достигла своего назначенія и произвела предположенный результатъ скромная цифра 12 милл., предназначенныхъ къ окончательному изъятію изъ обращенія.

При такомъ положеніи дѣлъ, ассигнаціи представляются въ двоякомъ смыслѣ: 1) правительственнаго займа, сдѣланнаго въ чрезвычайныхъ для государства обстоятельствахъ, и 2) билетовъ казначейства (bons), выпускаемыхъ банкомъ временно, по кассовымъ соображеніямъ. Эта двойственность ассигнацій представляетъ серьезное затрудненіе для приведенія когда-либо ассигнаціоннаго дѣла въ порядокъ. Мы видимъ, что ассигнаціи въ первомъ смыслѣ хотятъ сократить, постепенными выкупами, переводомъ на процентный долгъ, что необходимо для поднятія валюты; а ассигнаціи во-второмъ смыслѣ могутъ быть между тѣмъ безпрестанно выпускаемы вновь. Не лучше ли было бы, для ясности дѣла, предоставить банку выпускать для временныхъ его потребностей, особые кассовые билеты (bons sur la caisse), съ обязательнымъ выкупомъ, напр. въ теченіи 6 мѣсяцевъ? Вѣдь и теперь банкъ, выпуская 9 милл. кредитныхъ рублей, обезпечилъ же ихъ равною суммою металла, перечисленнаго изъ его кассы въ металлическій резервъ, нынѣ составляющій болѣе 143 милл. р. (безъ фондовъ). Итакъ, этотъ новый выкупъ кредитныхъ рублей, обезпеченный рубль за рубль за-

дотомъ, составляетъ нѣчто какъ бы отдѣльное отъ общей массы кредитнаго обращенія, обезпеченной металломъ всего въ одну пятаю, т. е. въ 20 к. на рубль.

Обратимся теперь къ биржевой спекуляціи и къ постигнутому ее кризису или, какъ у насъ уже выражаются, «паникѣ» — на денежномъ рынкѣ. Биржевая игра, въ короткое время своего акклиматизированія у насъ, успѣла уже вызвать громкій протестъ. Справедливость требуетъ однако признать въ ней явленіе до нѣкоторой степени полезное и даже необходимое. Нашъ денежный рынокъ издавна былъ необыкновенно slow; биржа наша, какъ рынокъ движимыхъ цѣнностей, не имѣла никакого самостоятельнаго значенія. Конечно, и теперь петербургская биржа не идетъ ни въ какое сравненіе со столицами девсваго міра. Однако, нѣкоторое самостоятельное значеніе она отчасти уже успѣла приобрѣсть, въ чемъ легко убѣдиться сравнивъ ее бюллетени съ бюллетенами биржи берлинской. Торговля движимыми цѣнностями не только оживилась, но можно сказать впервые установилась теперь на нашей биржѣ, въ смыслѣ торговли правильной, предполагающей постоянный сбытъ. Установленіе постоянного спроса на бумаги промышленныхъ и желѣзно-дорожныхъ компаній — фактъ во всякомъ случаѣ полезный, такъ какъ благодаря ему эти бумаги получаютъ значеніе дѣйствительныхъ оборотныхъ цѣнностей и держатся въ цѣнѣ не только по отношенію къ выгодамъ, какія представляютъ самия предпріятія, но и по отношенію къ спросу, какъ ходячій товаръ. Что такой товаръ — движимыя цѣнности — сдѣлался у насъ ходячимъ, это, повторяемъ, серьезная заслуга спекуляціи, если такъ называть вообще оживленную торговлю цѣнностями и подъ именемъ спекулятивнаго духа разумѣть чуткость денежнаго рынка. Оживленіе нашего денежнаго рынка свидѣтельствуется уже тѣмъ фактомъ, что въ Петербургѣ теперь — пять банковъ (государственный, общество взаимнаго кредита, частный коммерческій, учетный и ссудный, и международный) и двѣ биржи.

Душа биржевой спекуляціи, это — сдѣлки на срокъ. Что срочныя сдѣлки на процентныя бумаги у насъ были запрещены закономъ, это свидѣствовало только о продолжавшемся до недавняго времени застоѣ денежнаго рынка. Безъ сомнѣнія, сдѣлки на срокъ — главная форма чистой игры, въ которой не имѣется въ виду ни дѣйствительная покупка, ни продажа бумагъ, а только платежъ разностей, то-есть просто парі. Но возможность злоупотребленій и въ этомъ случаѣ никакъ не оправдываетъ запрещеніе одной изъ необходимѣйшихъ биржевыхъ операцій. И въ самомъ дѣлѣ, запрещеніе закона оказалось совершенно не дѣйствительнымъ, какъ только торговля промышленными цѣнностями у насъ оживилась, и въ прошломъ мѣсяцѣ биржевое собраніе избрало комиссію для составленія правилъ относительно срочныхъ

сдѣлокъ, съ тою цѣлью, чтобы легализировать ихъ и тѣмъ отклонить заключеніе сдѣлокъ съ предвѣреніемъ обмана. Такъ какъ посредниками такихъ сдѣлокъ должны быть маклера, то возникъ при этомъ и вопросъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ положеніи официальныхъ биржевыхъ маклеровъ, объ обязаніи ихъ представленіемъ залога и о предоставленіи имъ затѣмъ исключительнаго права быть посредниками сдѣлокъ, заключаемыхъ на биржѣ, то-есть объ устраненіи съ биржи вольныхъ маклеровъ.

Странно, что вмѣстѣ съ тѣмъ слышатся также и желанія уничтожить такъ или иначе ту вторую, предварительную биржу, которая образовалась въ Демутовомъ отелѣ. Между тѣмъ, очевидно, что если число маклеровъ, дѣйствующихъ на официальной биржѣ, будетъ ограничено, и если биржевымъ маклерамъ будетъ предоставлена монополія, то въ такомъ-то именно случаѣ побочная биржа (*la coulisse*) и приобрѣтетъ всѣ данныя для прочнаго существованія. Демутова биржа до сихъ поръ не была въ точномъ смыслѣ то, что называется во Франціи *la coulisse*, то-есть дополненіе биржи, привлекающее сравнительно дешевойзною маклерскихъ премій и служащее биржею во время интерваловъ между биржевыми днями и часами. Это было скорѣе просто подготовительное биржевое собраніе, имѣвшее отчасти и характеръ кружка. Но именно тогда, когда маклера официальной биржи получили бы монополію сдѣлокъ на ней, Демутовъ отель разросся бы въ настоящую «кулиссу» и сталъ бы отбивать у присяжныхъ маклеровъ дѣла.

Присяжные маклера могутъ быть; можно пожалуй требовать отъ нихъ и залоговъ—но далѣе идти не слѣдуетъ. Какъ только вы предоставите имъ монополію, какъ только вы обяжете каждого дѣйствовать не иначе, какъ чрезъ привилегированнаго маклера, вы тотчасъ же должны запретить маклеру дѣлать сдѣлки на свой счетъ, потому что онъ сталъ уже чиновникомъ, присяжнымъ посредникомъ. Результатами такой монополіи—предполагая, что кулисса была бы уничтожена полицейскимъ распоряженіемъ—явились бы: возвышеніе маклерскихъ премій, обманъ со стороны маклеровъ, которые все-таки дѣйствовали бы и на свой счетъ подъ вымышленными именами и—главное—пониженіе фондовъ вообще, вслѣдствіе ослабленія живости оборотовъ рынка.

Итакъ, усиленіе торговли процентными бумагами имѣло первымъ результатомъ возвышеніе ихъ цѣнъ. Общество вообще склонно приписывать это явленіе искусственнымъ усиліямъ спекуляціи, смотреть не безъ страха на преувеличенную цѣнность бумагъ, и винить въ томъ ту же Демутову биржу, а отчасти и банки наши, видя въ нѣкоторыхъ ихъ дѣйствіяхъ возбужденіе къ биржевой игрѣ, доставленіемъ ей средствъ, чрезъ облегченіе ссудъ.

Во всемъ этомъ есть правда, но все это, вмѣстѣ взятое, еще не вполне объясняетъ возвышеніе курса процентныхъ бумагъ. Главная причина его или, лучше сказать, главное его условіе это—обиліе ассигнаціоннаго обращенія. Въ томъ коренномъ фактѣ, что бумага процентная и обращающаяся въ опредѣленномъ количествѣ стѣбитъ въ полтора раза дороже бумажекъ безпроцентныхъ, и выпускаемыхъ безъ ограниченія—нѣтъ ничего удивительнаго. Процентная бумага, гарантированная правительствомъ, представляетъ всѣ выгоды правительственныхъ кредитныхъ билетовъ, но имѣетъ еще передъ ними преимущество доходности и шанса выигрыша на варьяціяхъ курса. Чѣмъ больше будетъ выпущено кредитныхъ билетовъ, тѣмъ болѣе должны дорожать процентныя бумаги и тѣмъ болѣе долженъ падать вексельный курсъ рубля.

Правда, излишекъ бумажныхъ денегъ — фактъ не новый. Но если онъ до послѣднихъ лѣтъ не проявлялся въ видѣ высокихъ премій на промышленныя цѣнности, то это происходило просто отъ недостатка предпріимчивости, отъ вялости нашего денежнаго рынка. Приливъ иностранныхъ капиталовъ къ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ далъ первый толчекъ нашей спекуляціи на процентныя бумаги. У насъ пробудилось довѣріе къ собственной нашей предпріимчивости и на рынокъ явилось много новыхъ цѣнностей, ставшихъ предметомъ оживленнаго торга. Главнымъ органомъ, бывшимъ на чрезвычайное повышеніе, была Демутова биржа, а средства къ этому повышенію давали банки, посредствомъ ссудъ подъ залогъ бумагъ. Частный коммерческій банкъ въ этомъ отношеніи стѣсненъ своимъ уставомъ, а въ государственномъ банкѣ и залогъ и перезалогъ нѣсколько затруднены формальностями. За то общество взаимнаго кредита и играло тутъ главную роль. Ссуды общества взаимнаго кредита подъ процентныя бумаги доходили почти до 37 милліоновъ рублей.

Такимъ образомъ, въ необыкновенномъ повышеніи процентныхъ бумагъ участвовалъ дѣйствительно и элементъ искусственный. Но даже настолько, насколько явленіе это было естественнымъ результатомъ обилія ассигнацій, оно все-таки не могло продолжаться долгое время и до неопредѣленнаго размѣра. Понятно, что когда процентныя бумаги дошли въ цѣнѣ до высокой степени, на нашъ рынокъ должна была нахлынуть часть того количества ихъ, которое было взято за границей. Этотъ приливъ нашихъ процентныхъ бумагъ изъ-за границы, увеличивая предложеніе ихъ, неизбѣжно долженъ былъ произвести реакцію—наклонность къ пониженію. Съ другой стороны банки, истощивъ свои средства на ссуды, должны были вдругъ принять мѣры къ ограниченію ихъ: стѣснить перезалогъ, возвысить дисконтъ, даже прекратить вовсе ссуды, какъ и сдѣлало общество взаимнаго кредита. Такимъ образомъ, съ ихъ стороны явился, вдобавокъ къ естественной

наклонности бумагъ къ пониженію, еще искусственный поводъ къ тому же, поводъ, который и произвелъ кризисъ или панику.

Бумаги упали въ цѣнѣ, а за затрудненіемъ ссудъ, въ значительной мѣрѣ прекратились на биржѣ и дѣла на бумаги. Демутова биржа, какъ органъ игры, должна была продолжать игру уже не на повышение, а на пониженіе. Такъ она и сдѣлала, и официальная биржа пошла за нею. Такъ въ среднихъ числахъ прошлаго мѣсяца, цѣны, значаемыя на Демутовой биржѣ, представляли пониженіе по всѣмъ цѣностямъ и на официальной биржѣ бумаги упали имонно до этого предѣла, между тѣмъ, какъ въ самомъ Демутовомъ отелѣ сдѣлки дѣлались все-таки нѣсколько выше. Пониженіе теперь входитъ въ расчетъ и Демутовой биржи, и всѣхъ спекулянтовъ, въ томъ числѣ и общества взаимнаго кредита. Дѣло въ томъ, что при существованіи прежнихъ цѣнъ на бумаги, уже нельзя было играть на нихъ съ шансами большихъ прибылей, въ виду прилива ихъ изъ-за границы. Необходимо отойти назадъ, чтобы было «гдѣ разбѣжаться» передъ новымъ скачкомъ — *il faut prendre de l'espace*.

Истинной, полной паники все-таки не было; при истинной паникѣ бываетъ не только застой дѣлъ, а огромное, поголовное предложеніе бумагъ ниже пѣри; ничего подобнаго у насъ еще не случилось. Паденіе, нѣтъ сомнѣнія, прекратится, когда съ одной стороны часть бумагъ уйдетъ назадъ за границу (это, впрочемъ, сдѣлается не скоро, когда банки возстановятъ свои средства и, въ особенности, когда выпущено будетъ еще побольше ассигнацій (это — самое вѣрное средство, которое, однако, не мы будемъ рекомендовать)).

Въ спекуляціи, какъ она происходила въ половинѣ сентября, въ игрѣ на пониженіе, вопросъ для игроковъ въ томъ, когда наступитъ предѣлъ пониженія. Кто покупалъ теперь на срокъ, рассчитывалъ на то, что цѣну не удастся черезъ мѣсяцъ или нѣсколько мѣсяцевъ понизить противъ той, какая будетъ для него выгодна при наступленіи срока. Тотъ же, кто теперь обязывался доставить на срокъ, рассчитывалъ на усилія своихъ одномошленниковъ понизить цѣну еще болѣе и надѣется поставить по дешевѣйшей цѣнѣ, чѣмъ онъ себѣ выговорилъ, т.-е. получить при ликвидаціи отступное. Во всякомъ случаѣ, сама игра на пониженіе, въ крайнемъ результатѣ своемъ, приготовляетъ новую реакцію, въ смыслѣ повышения. Но еслибы намъ предстоялъ новый значительный правительственный заемъ, то само собою разумѣется, повышения бумагъ ожидать было бы напрасно.

Нельзя умолчать о слухахъ, будто нашему законодательству о печати предстоятъ нѣкоторыя дополненія въ смыслѣ скорѣе ограниченія, чѣмъ расширенія той свободы, какую предоставляетъ печати законъ 6-го апрѣля 1866 года. Мы надѣемся, что слухи эти въ концѣ концовъ

не осуществляются, даже еслибы проектъ новой редакціи закона о печати и былъ составленъ. Не было бы ничего страннаго въ попыткѣ изложить точнѣе законъ 6-го апрѣля, заключающій въ себѣ не мало неопредѣленностей (напр. хотя бы о срокѣ дѣйствія предостереженій). Но если при этомъ вышнѣе положеніе о печати было бы подвергнуто нѣкоторымъ измѣненіямъ, то не хочется вѣрить, чтобы измѣненія эти окончательно состоялись въ смыслѣ ограничительномъ. Расширеніе закона 6-го апрѣля, или исключеніе изъ него параллельныхъ, не вполне совмѣстныхъ, по логикѣ, системъ контроля было бы естественно. Но ослабленіе принципа закона введеніемъ въ текстъ его новыхъ исключеній, и особенно усиленіе въ немъ элемента предварительной цензуры — было бы совершенно необъяснимо, и какъ всякій необъяснимый поворотъ назадъ, произвело бы во всей образованной массѣ русскаго общества самое болѣзненное ощущеніе.

И никакое объясненіе частныхъ ограниченій или изъятій тѣмъ, что общій смыслъ закона останется безъ переизмѣны, не предупредило бы такого тяжкаго впечатлѣнія, потому что всего важнѣе былъ бы самый фактъ возможности отступленія назадъ, какъ бы ни былъ малъ размѣръ самого этого отступленія. Не идемъ ли мы назадъ? — вотъ тотъ мучительный вопросъ, который неизбѣжно представился бы образованному человеку, принимающему близко къ сердцу развитіе своей страны. А самая мысль о возможности поворота назадъ способна произвестъ въ обществѣ нѣчто въ родѣ нравственной паники. Что бы ни говорили о политической незрѣлости нашего общества, одно въ немъ весьма зрѣло и не подлежитъ никакому сомнѣнію: реакціонныхъ наклонностей въ немъ положительно нѣтъ, и мысль, что Россія идетъ впередъ, гордость въ сознаніи произведенныхъ реформъ — вотъ нравственное его сокровище, вотъ что поддерживаетъ въ немъ довѣріе, а порою и утѣшаетъ его, когда факты раскрываютъ какую-либо темную сторону нашей жизни. Мы любимъ относить такіе факты къ винѣ прошлаго, и эта наклонность заслуживаетъ уваженія, потому что она истекаетъ изъ вѣры въ настоящее и будущее.

Теперь спрашивается, стоить ли, хотя бы даже для предупрежденія какихъ-либо мнимыхъ крайностей (мнимыхъ, ибо кто же можетъ сказать, что наша печать неумѣстно пользовалась тѣмъ просторомъ, какой былъ данъ ей?), подвергать колебанію это настроеніе образованнаго большинства? И когда же — въ то время, когда законы о печати сдѣлали огромный шагъ впередъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ они были наиболѣе стѣснительны. Допустивъ какое-либо расширеніе дѣятельности предварительной цензуры, не было бы возможности предупредить въ обществѣ болѣзненнаго сознанія, что мы остаемъ отъ такихъ странъ какъ Австрія и Испанія и намѣрены отстать отъ нихъ

еще болѣе. Да если бы мы сами, дѣлая усиліе сохранить наше довѣріе къ безостановочному умственному развитію Россіи, стали утѣшать себя, что произведенныя отступленія сами по себѣ не важны, то европейская пресса взяла бы на себя убѣдить насъ, что важно не разстояніе, на какое мы отступили, а *направленіе, въ которомъ мы идемъ*. Европейская пресса сказала бы о насъ: они идутъ назадъ, и кончатся тѣмъ, что ихъ въ свободѣ печати перегонитъ Турція.

Гдѣ же была бы тогда наша увѣренность въ себѣ, наше нравственное сокровище надежды, наше относительное довольство, наша добрая воля относить черныя точки настоящаго къ винѣ прошлаго? Очевидно, если бы внести въ положеніе о печати малѣйшее новое ограниченіе, то хотя бы этимъ достигалось даже административное удобство или какая-либо второстепенная цѣль благочинія, это административное удобство, эта цѣль благочинія были бы куплены слишкомъ дорого цѣною политическою ошибки.

Теперь не время указывать на несовершенства закона 6-го апрѣля. Но сущность этихъ несовершенствъ во всякомъ случаѣ состоитъ не въ избыткѣ прѣстора, предоставленнаго печати, а скорѣе въ извѣстныхъ системахъ воздѣйствія на печать. Совмѣщеніе въ одномъ положеніи параллельныхъ системъ: административныхъ взысканій, предварительной цензуры и судебного преслѣдованія не всегда можетъ оказываться строго-логичнымъ въ примѣненіи. Но изъ этого можно скорѣе сдѣлать какой угодно выводъ, чѣмъ вывести заключеніе о необходимости еще усилить независимое дѣйствіе каждой или какой-либо изъ этихъ трехъ системъ, оставляя въ силѣ всѣ три.

И что же можно было бы привести въ объясненіе необходимости новыхъ изытаній или ограниченій? У насъ нѣтъ противогосударственныхъ партій, какія есть въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ. У насъ нѣтъ даже партій оппозиціонной, разумѣя оппозицію такой или иной системы управленія. Оппозиція въ смыслѣ несогласія съ извѣстной системой управленія у насъ не можетъ быть уже потому, что внешнее управленіе у насъ не имѣетъ характера сплошнаго, солидарнаго состава. Сужденіе печати о томъ или другомъ дѣйствіи управленія касается собственно только этого отдѣльнаго дѣйствія. Самая печать у насъ не есть сила практическая, съ которой можно было бы бороться (хотя цензура, какъ показываетъ повсемѣстный опытъ — плохое оружіе обороны).

Даже періодическая печать у насъ имѣетъ, если можно такъ выразиться, характеръ книжный: изданія добросовѣстныхъ смотрятъ на каждый фактъ съ точки зрѣнія не какой-либо тактики, внушаемою партіею, а просто съ точки зрѣнія того или другого принципа (недобросовѣстные же дѣйствуютъ просто по личному интересу издате-

лей). При такомъ положеніи печати, что же можетъ наводить на мысль о необходимости успить мѣры предупрежденія или взыскація? Понятно еще было бы желаніе болѣе или менѣе безошибочными мѣрами обуздать партіи; но принциповъ обуздывать нельзя; съ ними нельзя бороться мѣрами. Изъ нихъ каждый имѣетъ силу единственно настолько, насколько онъ вѣренъ и примѣнимъ къ данному положенію. Но за то этой-то силы у него нельзя отнять никакими мѣрами предупрежденія или взыскація. И напрасныя усилія въ этомъ смыслѣ означали бы только тщетную борьбу противъ умственнаго развитія общества.

Государственное управленіе не можетъ поставлать себѣ подобной задачи. Напротивъ, въ составъ его обязанностей входитъ и попеченіе о томъ, чтобы естественному умственному развитію не предстояло препятствій, и собраніе средствъ на пользу такого развитія. И дѣйствительно, наше правительство никогда не объявляло, что оно на мѣрено ограничиться только экономическими реформами. Самое введеніе нынѣшняго положенія о печати свидѣтельствуетъ о противоположномъ.

Малѣйшее сомнѣніе, что мы хотя и медленно, но безвозвратно твердыми шагами пойдѣмъ по этому пути впередъ — нанесло бы въ высшей степени вредный ударъ нравственной бодрости нашего образованнаго общества. Повторимъ наше убѣжденіе, что не будетъ сдѣлано этой ошибки. Будемъ надѣяться, что напротивъ, въ томъ проектѣ точнѣйшаго изложенія закона 6-го апрѣля, который получить законодательную силу, будутъ приняты въ основаніе начала умственнаго освобожденія; что свобода добросовѣстнаго слова будетъ обезпечена, и что даже то изъятіе, которое допущено для сочиненій, входящихъ въ область духовнаго, будетъ устранено. Умственное развитіе, умственное возмужаніе государства не могутъ быть обезпечены безъ свободы слова и свободы исповѣданія: во всемъ мѣрѣ эти два вида свободы признаются главными залогоми нравственнаго благосостоянія общества.

Но не считая вѣроятнымъ окончательное осуществленіе слуховъ, о которыхъ мы повели рѣчь, мы должны, къ сожалѣнію, сказать, что въ самой печати есть органы, которые дѣлаютъ все возможное для того, чтобы увѣрить правительство и общество, что не настала еще пора для разумной свободы, что не наступило еще то время, когда достаточно держаться во внутренней политикѣ просто здраваго смысла, безъ всякихъ инквизиціонныхъ хитросплетеній. Это тѣ органы, которые однажды, въ совсѣмъ иное время, избравъ себѣ спеціальностью обнаруженіе разныхъ противогосударственныхъ кововъ и интригъ, продолжаютъ эксплуатировать мотивы, на которыхъ набили себѣ руку. Какъ ни очевидно недѣло предполагать въ нашей печати противогосударственные ковы и интриги, но эти органы, находящеяся въ одичѣхъ

рукахъ, въ каждомъ несогласіи съ ихъ катихизисомъ обличаютъ и мѣну. И между тѣмъ, они же рѣшаются защищать принципъ свободы печати. Дѣлая все, что могутъ, чтобы доказать присутствіе въ нашей печати тенденцій противогосударственныхъ и противонародныхъ и съ бессильной злобою стараюсь компрометировать такимъ образомъ изданія, которыхъ вся вина заключается или въ частномъ несогласіи съ этими оракулами полицейскаго міровоззрѣнія, или наконецъ—просто въ успѣхѣ, они тѣмъ не менѣе высказываются за свободу печати вообще! Въ виду тѣхъ слуховъ, о которыхъ мы говорили—слуховъ, которые во всякомъ случаѣ доказываютъ, что само общество еще не утверждено окончательно въ прочности положенія прессы, какъ назвать приемы этихъ публицистовъ?

Казалось бы, что результаты обревизованія александровскаго духовнаго училища должны были устранить самую возможность какихъ-либо дисциплинарныхъ внушеній сѣзду депутатовъ отъ духовенства со стороны епархіальнаго начальства. Въ самомъ дѣлѣ, законы, ищущіеся на лицо, слышимомъ ясно говорятъ за выборное начало: у самаго центра епархіальнаго управления существовали неопредѣленно долгое время злоупотребленія самаго вопіющаго свойства, злоупотребленія, которыхъ жертвами были малолѣтние, беззащитные ученики. Злоупотребленія эти были обнаружены комиссіею, назначенною сѣздомъ. Пока сѣздъ не взялся за это дѣло, злоупотребленія существовали безпрепятственно. Кажется, могло ли представиться болѣе своевременное и болѣе убѣдительное доказательство въ пользу примѣненія выборнаго начала въ духовной администраціи? Удобно ли было въ виду такого краснорѣчиваго примѣра настаивать на томъ, что сѣзду не предоставлено формальнаго права заявлять желанія духовенства, хотя бы и внѣ собственно-училищнаго дѣла? Возможно ли было, въ особенности, предполагать, что на сдѣланныя на сѣздѣ заявленія о другихъ злоупотребленіяхъ, ему будетъ сдѣлано внушеніе, что для обнаруженія злоупотребленій члены духовенства должны избирать путь личнаго донесенія, конечно чрезъ благочинныхъ и консисторію? Да вѣдь существовало же на видѣ у всѣхъ возмутительное положеніе дѣлъ въ александровскомъ училищѣ и никто не явился лично обнаруживать ихъ, существуютъ злоупотребленія и въ приходскихъ хозяйствахъ, и никто же не является лично доносить о нихъ чрезъ то вѣрное и безпристрастное предстательство, какового можно ожидать въ подобныхъ случаяхъ отъ оо. благочинныхъ и отъ консисторій?

Между тѣмъ, вотъ что произошло: созвали новый епархіальный сѣздъ и въ числѣ сообщенныхъ ему резолюцій на ходатайства прежняго сѣзда, заключалось внушеніе, что сѣзду слѣдовало ограни-

ваться собственно училищными дѣлами и что обнаруженіе злоупотребленій можетъ происходить только тѣмъ единичнымъ путемъ, который указанъ выше. Путь этотъ рекомендуется какъ наиболѣе вѣрный. Этого мало: на одно изъ указаній о. Никольскаго, относившееся уже прямо къ упущеніямъ въ училищахъ, послѣдовало замѣчаніе, что предсѣдателю слѣдовало остановить «неприличную выходку» депутата.

Все это необходимо объяснить недоразумѣніями. Недоразумѣніе всего возможнѣе въ духовной администраціи, гдѣ гласности не существуетъ, а высшіе начальники, по самому своему положенію, не могутъ пользоваться указаніями той, такъ сказать не-публичной гласности, которая для начальниковъ живущихъ среди общества представляется въ разговорахъ съ людьми разныхъ положеній, даже разныхъ сословій. Въ средѣ духовенства все замкнуто въ корпораціи; въ духовномъ управленіи самыя инстанціи разобщены такъ, что немудрено если высшая инстанція смотритъ иногда на низшую исключительно глазами инстанціи средней.

Иначе какъ недоразумѣніемъ трудно было бы объяснить то, что теперь происходитъ. Такъ, можно ли предполагать, что приведенное выше указаніе на наиболѣе вѣрный путь обнаруженія злоупотребленій было бы сдѣлано епархіальнымъ начальникомъ, если бы онъ могъ слѣдить за печатью, если бы онъ звалъ, что говорилось въ обществѣ? Едва ли; потому что тогда не однимъ только свѣтскимъ читателямъ газетъ попало бы на глаза въ высшей степени любопытное описаніе о. Никольскаго о томъ, какъ онъ, съ другими священниками, ревизовалъ хозяйство здѣшняго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, какъ онъ представлялъ о найденномъ имъ «законнымъ путемъ» и что изъ этого произошло. А если бы это описаніе было прочитано гдѣ слѣдуетъ, то едва ли было бы признано удобнымъ, особенно въ настоящую именно минуту, указывать на этотъ путь, какъ на наиболѣе вѣрный для исправленія злоупотребленій, если они есть.

Теперь было бы, конечно, преждевременно выводить заключеніе изъ такихъ фактовъ. Но одно поученіе ихъ несомнѣнно: самыя эти факты еще разъ, и съ особенною убѣдительною, доказываютъ, что только въ скорѣйшемъ и обширнѣйшемъ примѣненіи выборнаго начала въ церковномъ управленіи и всѣхъ отрасляхъ духовной администраціи можетъ заключаться спасеніе отъ злоупотребленій и произвола, подъ которыми они провозрастаютъ. И напрасно было бы думать, что если говорить епархіальному съѣзду: вы созданы только для обсужденія училищныхъ дѣлъ,—то это можетъ сколько-нибудь ослабить единоголосное постановленіе съѣзда въ пользу ходатайства о выборномъ началѣ. Пусть съѣздъ есть представительство духовенства епархіи,

созванное *только* для устройства училищной части; но онъ все-таки *есть* представительство духовенства епархіи, представительство не только несомнѣнное, но и законное. Положимъ, рѣшеніе его въ этомъ смыслѣ не можетъ имѣть юридически-обязательной силы. Но вѣдь сѣздъ и не думалъ присвоивать себѣ законодательную силу: онъ только ходатайствовалъ. Но единогласный приговоръ его въ пользу выборнаго начала *есть* все-таки приговоръ духовенства епархіи и приговоръ этотъ, не обязательный въ смыслѣ юридическомъ, весьма вѣсогъ въ смыслѣ нравственномъ. А вѣдь нравственною силою и стоитъ церковь.

Безпорядки въ киргизской степи, наконецъ, прекращаются: такъ свидѣтельствуемъ сообщеніе официальнаго органа. Но въ этомъ сообщеніи мы находимъ еще нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, которыхъ не можемъ пройти молчаніемъ. Волненія, а частью и возстанія между киргизами, какъ теперь несомнѣнно, происходили именно вслѣдствіе введенія новаго положенія, такъ что вездѣ согласіе киргизскихъ родовъ принять новое положеніе признается за фактъ прекращенія безпокойствъ въ той мѣстности, къ которой принадлежатъ киргизы, выславшіе депутатовъ съ этой покорностью.

Когда шесть мѣсяцевъ тому назадъ до насъ дошли первыя извѣстія о волненіяхъ въ степи, волненіяхъ серьезныхъ, потому что для прекращенія ихъ потребовалось съ величайшею поспѣшностью выслать въ степи нѣсколько отрядовъ, намъ объясняли эти волненія интригами «аристократическаго элемента» въ степи, оппозиціею «бѣлой кости» демократическому духу, какимъ пропитано новое положеніе. Теперь къ этому объясненію прибавилось еще другое: «сдѣлалось положительно извѣстнымъ — скавано въ сообщеніи — что киргизовъ подстрекали къ неповиновенію и продолжаютъ подстрекать какъ *изъ края, преимущественно изъ Хиоты*, такъ и внутри края». О подстрекательствахъ внутри края намъ уже было извѣстно, что они исходятъ отъ султановъ; но теперь обнаруживается и здѣсь еще какой-то загадочный, анонимный мятежный элементъ: «подстрекательства были *не только* со стороны лицъ султанскаго происхожденія и мұлда, но и со стороны *разныхъ интригановъ*, внушавшихъ киргизамъ, изъ личныхъ, своекорыстныхъ видовъ» и т. д. Къ какому разряду людей относятся эти интриганы и принадлежатъ ли они къ мѣстному постоянному населенію или нѣтъ — не объясняется. Если бы эти интриганы и дѣйствія ихъ были достовѣрно извѣстны мѣстному начальству, то такое умолчаніе было бы странно. Но въ томъ-то и дѣло, что — какъ скавано въ сообщеніи — «дѣла этихъ интригановъ пока темны и *никогда* не будутъ юридически доказаны». Въ такомъ случаѣ, не совсѣмъ по-

нятно слѣдующее за тѣмъ обѣщаніе раскрыть степень виновности такихъ подстрекателей и принять самыя энергическія мѣры къ устраненію вреда.

Такимъ образомъ, причины волненія среди киргизовъ объяснены теперь достаточно и едва ли даже не *слишкомъ* достаточно: и сопротивленіе султановъ уменьшенію ихъ власти, и оппозиція муллъ, и прохиски какихъ-то тайственныхъ интригановъ и, наконецъ — подстрекательства изъ Хивы. Не слишкомъ ли ужъ старательно такое сложное, разностороннее объясненіе? Не объясняются ли волненія среди народа искони не признающаго иной власти, кромѣ власти своихъ родоправителей, совершенно удовлетворительно уже одною попыткою отмѣнить власть этихъ родоправителей, ввѣривъ ее иноплеменнымъ чиновникамъ, не знающимъ, быть можетъ, мѣстнаго языка, и ужъ навѣрное не признающимъ мѣстныхъ обычаевъ?

Мы ставимъ этотъ вопросъ вовсе не съ цѣлью придираться къ словамъ официального сообщенія. Вопросъ этотъ имѣетъ значеніе практическое. Дѣло въ томъ, что въ сообщеніи, которое напечатано въ официальной газетѣ, выражается, конечно, взглядъ на положеніе дѣлъ, выражаемый мѣстнымъ начальствомъ въ его донесеніяхъ. Но вѣдь этотъ взглядъ не можетъ въ тоже время не лечь въ основу будущихъ дѣйствій въ Оренбургскомъ краѣ — вотъ это и важно. Послѣдствіемъ темнаго указанія на интригановъ могутъ быть стѣснительныя мѣры по надзору за торговцами, пріѣзжающими въ степь, а пожалуй и предоставленіе низшимъ начальникамъ высылать безъ разбору всѣхъ, кто имъ покажется подозрительнымъ. Мы не говоримъ, что такovy не премѣнно будутъ послѣдствія выраженного нами взгляда; напротивъ, мы надѣемся, что такихъ послѣдствій не будетъ, но въ этомъ случаѣ надежда наша основана просто на одномъ желаніи лучшаго, но ни на какой увѣренности.

Точно такъ, что означаетъ указаніе на подстрекательства изъ Хивы? Въ Хивѣ нѣтъ политическихъ обществъ, которыя могли бы заниматься иностранными дѣлами безъ вѣдома мѣстнаго правительства. Если же приведенное указаніе есть не что иное, какъ облеченное въ дипломатически-осторожную форму объясненіе, что нашихъ киргизовъ бунтовало хивинское правительство, то при такомъ убѣжденіи мѣстнаго начальства, основанномъ конечно на фактахъ, непосредственнымъ послѣдствіемъ могло бы быть принятіе мѣръ противъ Хивы.

Мы не принадлежимъ къ числу пессимистовъ по отношенію къ завоеваніямъ въ Средней Азій. Намъ не разъ уже случалось говорить объ этомъ предметѣ и всегда мы высказывали убѣжденіе въ невозможности достигнуть прочнаго замиренія до окончательнаго уничтоженія ханствъ. Это неизбежный результатъ, и достиженіе его есть только

вопросъ времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы всегда выражались противъ политики ошупи, противъ начинаній, истекающихъ не изъ определенной рѣшимости присоединить ту или другую мѣстность, съ сознаниемъ, что время для этого уже настало, всѣ средства приготовлены и результатъ обдуманъ впередъ, — а изъ внѣшнихъ случайностей, которыми мы какъ будто подчиняемся независимо отъ своей воли и которыя ведутъ насъ дальше, чѣмъ мы сами желаемъ. Такъ, покореніе Хивы есть результатъ желательный и съ теченіемъ времени неизбежный. Покореніе Хивы обезпечило бы прочное прямое соединеніе Туркестанской области съ Кавказомъ устройствомъ сообщенія чрезъ Каспійское море и Усть-Уртъ, и огромною выгодною такого соединенія, на которое уже кажется указывалъ генераль Романовскій, была бы возможность доставить подкрѣпленіе въ Туркестанскую область съ Кавказа, гдѣ всегда будутъ сосредоточены значительныя военныя силы.

Сверхъ того, покореніе Хивы было бы результатомъ важнымъ для гуманности: одно оно можетъ прекратить въ Средней Азій торговъ невольниками, такъ какъ охотою на невольниковъ занимаются именно хивинцы и производятъ ее на иранцевъ. Но для того, чтобы покореніе Хивы не было для насъ неожиданнымъ и затруднительнымъ результатомъ, какъ покореніе Самарканда, не слѣдовало бы начинать какихъ-либо дѣйствій противъ Хивы, на томъ только основаніи, что интриги ея были приведены въ числѣ причинъ киргизскихъ волненій. Правда, о какихъ-либо намѣреніяхъ противъ Хивы доселѣ ничего не слышно; но мы говоримъ объ этомъ въ виду бывшихъ примѣровъ: развѣ и взятіе Самарканда не было крайнимъ послѣдствіемъ подстрекательства бухарскаго эмира? А между тѣмъ, мы были такъ не приготовлены ко владѣнію Самаркандомъ, что до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно вопросъ: не отдать ли его назадъ.

Устранивъ отдаленныя толкованія волненій, бывшихъ въ киргизской степи, укажемъ на тѣ причины ихъ, которыя выразились изъ самыхъ требованій и ходатайствъ мѣстныхъ населеній, какъ эти ходатайства исчислены самимъ оффиціальнымъ сообщеніемъ. Недовольныя киргизы домогались: учрежденія особаго для степи муфтїа, назначенія уѣздныхъ начальниковъ не изъ русскихъ, а изъ мусульманъ, и уменьшенія подати до прежняго размѣра. Остальныя требованія объяснялись просто совершеннымъ незнаніемъ киргизовъ о постановленіяхъ того положенія, которое у нихъ вводится, такъ какъ требованія эти положеніемъ удовлетворяются.

Въ числѣ требованій, заявленныхъ оренбургскому генераль-губернатору депутаціею отъ киргизовъ Эмбенскаго уѣзда, было одно, которое показываетъ, какъ цѣнятъ киргизы либеральныя стороны новаго положенія: эмбенскіе киргизы просили избавить ихъ отъ выбора де-

путатовъ отъ 10 и 50 кибитокъ. Киргизы, въ видѣ милости, просятъ отиѣнить одно изъ примѣненій выборнаго начала! На это заявленіе имъ было объявлено: «что если они сами не желаютъ или не понимаютъ милости, дарованной имъ выборнымъ началомъ ¹⁾, то они недостойны имѣть его; а потому волостные и аульные на первый разъ будутъ назначены начальствомъ, а депутатовъ отъ 10 и 50 кибитокъ могутъ они и не выбирать». Итакъ, киргизы оказываются положительно консервативнѣе, чѣмъ отъ нихъ требуется; эмбенцы, по крайней мѣрѣ, не желаютъ ни выборнаго начала, ни возвышенія податей. Въ первомъ они на время получили удовлетвореніе, но во второмъ имъ отказано, на томъ основаніи, что подать увеличена вполне справедливо и назначена на устройство лучшаго у нихъ управленія. Сомнительно, чтобы киргизы убѣдились этимъ, тѣмъ болѣе, что противъ самаго устройства этого управленія они возражаютъ столько же, сколько и противъ увеличенія подати.

Можно опасаться, что и остальные опроверженія требованій киргизовъ не вполне убѣдятъ ихъ. Такъ, противъ требованія киргизами особаго муфтія для степи было возражено, что подчиненіе ихъ муфтію «лишь стѣснило бы свободу ихъ въ выборѣ муллъ, безъ всякой для нихъ пользы». На просьбу о назначеніи уѣздныхъ начальниковъ не изъ русскихъ, а изъ мусульманъ — что «отъ такого назначенія (т. е. русскихъ), киргизы могутъ только выиграть», что русскіе чиновники, несвязанные съ ними личными поземельными интересами, скорѣе и вѣрнѣе будутъ удовлетворять ихъ нужды, чѣмъ начальники изъ киргизовъ. Между тѣмъ, главное основаніе киргизовъ противъ назначенія начальниковъ изъ русскихъ состоитъ въ томъ, что эти русскіе — уральскіе казаки, которыхъ киргизы искони привыкли считать своими племенными врагами. Въ виду такого обстоятельства, можно ли убѣдить киргизовъ, что эти начальники для нихъ лучше? И какой же народъ предстояло бы убѣдить въ этомъ: народъ, который, по официальному удостовѣренію, «до сихъ поръ ничего не зналъ о русскомъ народѣ, ни о русскомъ правительствѣ, и въ понятіяхъ котораго только одна султанская власть имѣла значеніе». Теперь, со вступленіемъ въ отдаленныя степи нашихъ отрядовъ, тамошніе киргизы конечно узнали русскую силу, хотя только силу. Но на одной силѣ ничего нельзя основывать, особенно въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ отряды войскъ все-таки придется вывести въ скоромъ времени.

¹⁾ Епархіальный сѣздъ въ Петербургѣ понимаетъ выгоду выборнаго начала и проситъ этой милости; но совершенно наоборотъ чѣмъ у киргизовъ, адѣсь недовольны просьбой, какъ тамъ недовольны отказомъ, а казалось бы петербургское духовенство во всякомъ случаѣ болѣе дошло до этого начала.

Владѣя такими отдаленными мѣстностями, въ которыхъ невозможно содержать постоянно силу, достаточную для предупрежденія самой мысли о неповиновеніи, едва ли не слѣдовало основывать тамъ порядокъ на тѣхъ элементахъ власти, которые имѣлись тамъ на лицо, вмѣсто того, чтобъ начинать ломку тамъ, гдѣ нельзя имѣть прочныхъ своихъ матеріаловъ. Мы говоримъ это не въ укоръ сдѣланной попытки; предпринимать улучшенія—дѣло слишкомъ заманчивое и противъ котораго не всегда можно устоять. Мы вполне согласны съ мѣстной администраціею, что новыя порядки были бы лучше для киргизовъ; но дѣло въ томъ, что если по убѣжденію киргизовъ они хуже, то они и будутъ хуже, въ дѣйствительности.

Едва ли не практичнѣе было бы воспользоваться нынѣшними устройствами въ степяхъ просто какъ урокомъ, доказывающимъ несвоевременность введенія новаго положенія и отказаться отъ него безъ всякаго предразсудка, что мы уронимъ тѣмъ нашъ авторитетъ. Авторитетъ нашъ въ степяхъ долженъ установиться прежде всего на поддержаніи полного спокойствія, на доставленіи жителямъ полной безопасности. Начинать же съ улучшенія всего быта, когда нѣтъ для того ни лишнихъ денегъ, ни людей, такъ что приходится возвышать подати и назначать начальниковъ изъ людей, которыхъ киргизы считаютъ своими врагами—далеко не такъ практично. Попытка къ улучшенію была естественна, но если она не удалась, то столь же естественно было бы отказаться отъ нея. Отъ впечатлѣнія, какое эта уступка произвела бы на киргизовъ, можно ожидать во всякомъ случаѣ менѣе вреда, чѣмъ отъ повторенія нынѣшнихъ безпорядковъ и обращенія ихъ—чего добраго—въ хроническое состояніе.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 октября 1869.

Русскіе публицисты и братья-славяне.—Фальшивый либерализмъ въ нашей журналистикѣ.—Янъ Гуса и Богемія.—Празднованіе пятисотлѣтняго юбилея Гуса въ Прагѣ.—Чехи и Русскіе.—Палацкій.—Москва и рѣчь М. П. Погодина.—Выборы въ богемскій сеймъ и политика Австріи.—Пруссія.—Петиція Шлезвигъ.—Рѣчи и военные маневры Вильгельма I-го.—Франція.—Принцъ Наполеонъ и воззваніе Кератри.—Годовщина испанской революціи.—Куба и Сѣверо-Американскіе Штаты.—Италія.

Ничто не можетъ быть болѣе забавно и вмѣстѣ болѣе поучительно, какъ чтеніе русскихъ газетъ и главнымъ образомъ, ихъ такъ-называемыхъ политическихъ отдѣловъ. Невѣжественное самодовольство съ одной стороны, надменное обращеніе къ Западу съ другой, и рядомъ съ этимъ, чтобы употребить выраженіе Бѣлинскаго, какая-то «глупость до святости» во всемъ, что касается до пониманія и усвоенія политическихъ принциповъ, выработанныхъ европейскою цивилизаціею — вотъ отличительныя черты большей части русскихъ газетъ. Если забавность подобнаго рода никогда вообще не покидаетъ нашу отечественную печать, то бывають моменты, когда она достигаетъ своей высшей точки, своего апогея. Такой любопытный моментъ представляетъ собою настоящая минута, вызванная, какъ это и легко было предполагать, празднованіемъ въ Богеміи пятисотлѣтняго юбилея Яна Гуса.

Не трудно догадаться, въ чемъ именно заключается эта забавность, проявившаяся съ такою силою въ русской печати по поводу празднованія памяти чешскаго, или даже можетъ быть вѣрнѣе, общечеловѣческаго героя. Кто читалъ русскія газеты за послѣднее время, тотъ безъ сомнѣнія помнитъ, какой взрывъ негодованія вырвался изъ благородныхъ сердецъ нашихъ доморожденныхъ публицистовъ, когда рѣчь шла о притѣсненіи чеховъ, о лишеніи ихъ самой широкой автономіи, о преслѣдованіи ихъ со стороны деспотическаго австрійскаго правительства, о возмутительномъ положеніи, въ которомъ находятся

ихъ пресса, о дикомъ произволѣ власти, стѣсняющей чешскій народъ въ его неотъемлемомъ правѣ собираться на митинги, обсуждать свои дѣла и тому подобномъ; однимъ словомъ, всё еще помнятъ тѣ воли негодованія, которыми оглушили наши свободолюбивые публицисты наше общество при видѣ тѣхъ позорныхъ преступленій, которыя совершила и продолжаетъ совершать недостойная Австрія надъ несчастными и угнетенными чехами. Забавность, скрывающая самую глубокую иронию, заключается въ той роли, которую принимаетъ на себя русская печать по отношенію къ нашимъ «братьямъ-славянамъ», какъ принято ихъ называть. Роль эта очень смѣшна, но еще смѣшнѣе то, что наши свободолюбивые публицисты вовсе не догадываются объ этомъ и совершенно серьезно разыгрываютъ роль защитниковъ угнетенной свободы.

Мы можетъ быть рискуемъ прослыть за самыхъ отъявленныхъ консерваторовъ, но тѣмъ не менѣе выскажемъ нашу мысль. Намъ кажется, что русской печати не слѣдовало бы такъ много кричать о погранныхъ политическихъ правахъ того или другого народа, не слѣдуетъ драпироваться въ плащи какихъ-то рыцарей оскорбленныхъ національностей, не слѣдовало бы потому, что всякій здравомыслящій человѣкъ въ правѣ заподозрить насъ или въ крайней непослѣдовательности или, что еще хуже, въ крайней недобросовѣстности. Не будемъ слишкомъ дальновидны и будемъ думать, что русскую печать заподозрятъ только въ непослѣдовательности. Въ самомъ дѣлѣ, дѣлая все тоже рискованное предположеніе, что русскіе публицисты искренни въ своихъ крикахъ, какъ не обвинить ихъ въ самой крайней непослѣдовательности? Въ сужденіяхъ людей объ извѣстныхъ правахъ и принципахъ должны быть употребляемы одни и тѣже вѣсы. Если мы находимъ, что свобода необходима въ одной странѣ, то должны находить, что она необходима и въ другой; если мы утверждаемъ, что извѣстная національность въ одномъ государствѣ должна пользоваться автономією, то нѣтъ причинъ дѣлать исключенія и для другого государства; наконецъ, если мы требуемъ самыхъ широкихъ политическихъ правъ и возможности самаго полного развитія всѣхъ національныхъ особенностей, то должны согласно здравому смыслу требовать этого вездѣ, въ каждой странѣ, въ каждомъ государствѣ. Таково разсужденіе, основанное на здоровомъ смыслѣ и справедливости, но не таково разсужденіе нашихъ отечественныхъ публицистовъ.

Извѣстно, что наши пресловутые политики никогда еще такъ много не разсуждали объ обрусѣннн всевозможныхъ окраинъ, какъ въ настоящую минуту; никогда еще эти глубокомысленные политики такъ торжественно не оповѣщали міру, что идея государства шире, величественнѣе идеи національности, что она поглощаетъ собою всѣ второстепенные вопросы, къ которымъ, разумѣется, относятся и личная

свобода, и свобода совѣсти, и свобода религіозная, и политическая свобода, этой идеѣ, однимъ словомъ, приносятся въ жертву всѣ политическія права націи. Мы разумѣется далеки отъ того, чтобы говорить что-нибудь противъ такихъ естественныхъ понятій, какъ обрусѣніе окраинъ или возставать противъ идеи государства. Избави насъ Богъ отъ подобныхъ кощунствъ; но мы все-таки думаемъ, что обрусѣніе окраинъ совершится гораздо прочнѣе успѣшнымъ развитіемъ русскаго народа, прогрессомъ въ его образованіи, въ его политическомъ воспитаніи, чѣмъ задорными криками нашихъ псевдо-патріотическихъ публицистовъ. Когда русскій народъ окрылится, когда русское общество станетъ въ своемъ политическомъ развитіи въ уровень съ цивилизованнымъ обществомъ Западной Европы, когда наука и другія отрасли общественной жизни получатъ въ Россіи полныя права гражданства, тогда намъ не придется толковать о проискахъ ничтожной кучки нѣмецкихъ и всякихъ другихъ бароновъ, они уничтожатся сами собою, они потонутъ въ русской жизни, въ цивилизованной средѣ русскаго народа. До тѣхъ же поръ всѣ усилія останутся безплодны, и русскіе публицисты и политики поступили бы несравненно разумнѣе, еслибы стали криками надирать свою грудь на пользу хоть народнаго образованія, а не проповѣдая грозныхъ походовъ противъ всего, что не говоритъ русскимъ языкомъ и не думаетъ русскою душою.

Точно также, и еще менѣе, желали бы мы что-нибудь сказать противъ идеи государства вообще и русскаго государства въ особенности. Но и тутъ не можемъ не высказать, что государство государству рознь, и что только то государство хорошо, которое выработало себѣ прочныя формы цивилизованнаго міра, которое въ силу этихъ формъ, а слѣдовательно и въ силу цивилизаціи, не принимаетъ никакихъ жертвъ, никакихъ урѣзковъ въ политической и личной свободѣ націи, а напротивъ, обеспечиваетъ ихъ существованіе. Не такъ понимаютъ наши доморощенные публицисты всѣ эти вопросы; но самое забавное тутъ, это то, что они тотчасъ забываютъ что было говорено ими о необходимости единства языка, вѣры, учрежденій и т. п. для одной страны, какъ только они заговариваютъ хоть напр. объ Австріи и ея національностяхъ. Тутъ напротивъ ничего подобнаго они не признаютъ, уничтожаютъ Австрію, и не за то, что она не предоставляетъ достаточной автономіи Богеміи, но зачѣмъ она просто-на-просто не отказывается отъ своихъ правъ на нее. Какимъ образомъ происходитъ такой быстрый поворотъ въ умахъ нашихъ публицистовъ—мы не станемъ доискиваться; это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ настоящаго предмета. Въ этомъ-то противорѣчій, въ этомъ либерализмѣ, когда дѣло идетъ объ Австріи и объ отношеніяхъ австрійскаго правительства къ различнымъ національностямъ, составляющимъ это государство, и заключается истинная забавность рус-

ской печати. Конечно, это не единственный источникъ ея забавности, но мы стали говорить именно о ней, потому что въ послѣднее время празднованіе памяти Гуса выдвинуло ее особенно вперед. Если бы мы захотѣли говорить обо всемъ, что есть комичнаго и забавнаго въ нашей прессѣ, то мы пожалуй никогда бы не кончили.

Нужно ли удивляться, что иностранное общество, иностранные журналы и газеты, и въ данномъ случаѣ, именно австрійскіе органы печати относятся съ крайнимъ презрѣніемъ и упрекаютъ прямо въ недобросовѣстности нашихъ отечественныхъ публицистовъ? Развѣ не совершенно понятно и естественно, когда, обращаясь къ русской печати, они говорятъ: господа, будьте послѣдовательны, будьте добросовѣстны, взгляните въ то, что вы говорите о своемъ краѣ, и потомъ уже судите о нашемъ; если у васъ первое слово обрусѣніе, если вы боретесь съ какими-то вѣтреными мельницами и кричите: отечество въ опасности, оттого только, что на одномъ концѣ вы слышали звуки нѣмецкаго языка, на другомъ польскаго, на третьемъ еще какого-нибудь другого,—то имѣйте настолькоъ честности, чтобы не кричать противъ насилія австрійскаго правительства, когда оно медлитъ расширить уже довольно широкую автономію Богеміи или Галиціи, когда оно медлитъ дополнить и безъ этого уже достаточно полныя политическія права той и другой національности. Говоря подобнымъ образомъ, иностранные органы печати, нужно сознаться, болѣе или менѣе правы; мы желали бы только, чтобы упреки въ недобросовѣстности были неосновательны, такъ какъ мы болѣе согласны видѣть забавную педантизность тамъ, гдѣ они видятъ недостатокъ политической честности. Если бы русскіе органы печати захотѣли быть послѣдовательны, то они должны были бы нападать не на притѣсненія австрійскаго правительства, а на его либерализмъ; не за то, что оно не расширяетъ автономіи чешской національности, а за то, что оно предоставляетъ ей слишкомъ широкія политическія права. Тогда, по крайней мѣрѣ, роль ихъ была бы выдержана, и они имѣли бы право сказать: мы тверды въ нашихъ принципахъ, потому что въ истинѣ ихъ мы убѣждены, между тѣмъ какъ теперь они похожи на паяцовъ, у которыхъ одна сторона платья черная, другая ярко красная!

Изъ нашихъ словъ читатель не долженъ однако заключать, чтобы мы не относились сочувственно къ чешской національности и не желали ей полнаго успѣха въ борьбѣ за возвращеніе самой полной автономіи; но мы вмѣстѣ съ тѣмъ хотимъ по отношенію Австріи и ея настоящаго правительства соблюсти ту умѣренность, которая налагается на насъ подобающею намъ скромностью. Мы очень хорошо понимаемъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія съ какимъ-то туннымъ самодовольствомъ относиться къ дѣйствіямъ австрійскаго правительства и обвинять его во всяческихъ насиліяхъ и деспотизмѣ, въ то самое время,

когда оно вступило на тотъ путь политическихъ преобразованій, до которыхъ другимъ націямъ еще очень далеко. Если мы понимаемъ, какъ смѣшно звучать всевозможные крики объ обрусѣніи, когда они идутъ рука объ руку съ другимъ крикомъ, направленнымъ противъ дѣйствій австрійскаго правительства, то только потому, что въ насъ живо сознаніе, какъ мало мы имѣемъ права обвинять вообще кого бы то ни было въ политикѣ, не отвѣчающей самымъ либеральнымъ требованіямъ времени. Политика австрійскаго правительства по отношенію къ различнымъ національностямъ, входящимъ въ составъ имперіи, въ послѣднее время, въ послѣдніе два-три года болѣе либеральна, чѣмъ она была когда-нибудь, и потому мы не можемъ относиться къ ней иначе, какъ сочувственно. Тѣ громадныя шаги впередъ на пути политическаго развитія, которые сдѣланы уже правительствомъ Австріи, отвѣчаютъ за то, что оно не остановится на немъ; и нѣтъ сомнѣнія, что какъ Галиція, такъ и Богемія, пользующіяся уже весьма значительными политическими правами и довольно широкою автономіею, будутъ окончательно удовлетворены въ своихъ требованіяхъ. Мы думаемъ даже, что по отношенію къ чехамъ будетъ справедливо сдѣлать упрекъ, что послѣ слишкомъ большой терпѣливости, послѣ того, что такъ долго они сносили безропотно дѣйствительное деспотическое правительство, теперь, когда правительство вступило на новый путь, они выказываютъ наоборотъ слишкомъ большое нетерпѣніе. При тѣхъ орудіяхъ борьбы, которыя они держатъ въ своихъ рукахъ, и при томъ либеральномъ направленіи австрійскаго правительства, принесемъ уже столько важныхъ реформъ, торжество чеховъ неизбежно. Тѣмъ, кто сомнѣвается или даже вовсе отвергаетъ либерализмъ австрійскаго правительства, мы укажемъ на то самое празднованіе памяти Гуса, по поводу котораго такъ много толковали въ послѣднее время русскіе публицисты, старавшіеся другъ передъ другомъ выказать свой либерализмъ на чужой счетъ. Отвѣйте, либеральные московскіе и петербургскіе публицисты, былъ ли бы допущенъ праздникъ Гуса, праздникъ національный чешскій, деспотическимъ правительствомъ, да или нѣтъ? Если вы скажете да, то вы подтвердите этимъ самымъ вашу недобросовѣстность; если вы скажете нѣтъ.... тогда несите скорѣе ваши повинныя головы здравому смыслу.

Обратимся же теперь къ самому празднеству, взглянемъ какъ чествовали память этого могучаго реформатора на мѣстѣ его дѣятельности, какъ понимаютъ ея значеніе чехи, и рядомъ съ этимъ какъ глубоко-мысленно понимаютъ Гуса нѣкоторые изъ русскихъ публицистовъ. Празднество пятисотлѣтняго юбилея Гуса служитъ лучшимъ доказательствомъ не только пробужденія чеховъ, но также и того, что они получили возможность громко заявлять свою политическую жизнь. Больше чѣмъ два вѣка, съ несчастнаго дня сраженія при Бѣлой-Горѣ,

чеки, политически говоря, не жили; не жила, казалось, и память Гуса; Богемія представляла изъ себя кладбище, заселенное живыми мертвецами. Исторія ихъ прекратилась, литература погибла, казалось даже, что они потеряли свое прошедшее. Два столѣтїя почти тянулась эта исторія, и только въ XVIII-мъ вѣкѣ послѣ того, какъ унадокъ дошелъ до послѣднихъ границъ, послѣ того, какъ высшее общество, забывая свою національность, превращалось въ нѣмецкую аристократію, послѣ того, какъ народъ дошелъ до страшнаго невѣжества, послѣ того, какъ существованіе чешской книги считается чуть не преступленіемъ, въ литературѣ, и главнымъ образомъ исторической, стали проявляться какъ будто проблески жизни. Жизнь дѣйствительно возвращалась, благодаря либеральнымъ и въ высшей степени гуманнымъ идеямъ, которыя вмѣстѣ съ Іосифомъ II, этимъ идеальнымъ, лучшимъ изъ государей, поднялись на императорскій престолъ. Гуманныя и либеральныя идеи, въ какую бы сторону они ни были обращены, никогда не даютъ жизнь тамъ, разумѣется, гдѣ она есть. Іосифъ II желалъ германизировать чеховъ, какъ и остальныхъ своихъ подданныхъ; но такъ какъ средства, которыми онъ преслѣдовалъ свою цѣль, были не насильственныя, а напротивъ, самыя гуманныя, отвѣчавшія его вкусамъ цивилизованнаго человѣка, то они обратились не въ ущербъ чешской національности, а къ ея выгодѣ, возбудивъ въ ея средѣ жажду къ просвѣщенію, которая выразилась въ новомъ движеніи чешской литературы, въ ея возрожденіи, которое прямо вело къ пробужденію національнаго чувства, благодаря пробужденію историческихъ воспоминаній. Съ этой минуты въ чешской литературѣ открывається фаланга писателей, которые въ тоже время были и политическими дѣятелями, потому что своими произведеніями они будили чешскую національность. Во главѣ этой фаланги стоялъ Іосифъ Добровскій, за нимъ слѣдовали Ганка, Шафарикъ, Юнгманъ, поэтъ Янъ Колларъ, Челяковский, которые всѣ уже окончили свое жизненное поприще. Изъ нихъ среды остался только одинъ человѣкъ, который до сихъ поръ продолжаетъ стоять во главѣ не только литературнаго движенія, но также и политическаго, именно Францъ Палацкій, который, нужно отдать ему справедливость, неутомимо дѣйствуетъ для возстановленія чешской короны. Зарница новой жизни для чеховъ блеснула въ 1848 году, но блескъ ея былъ минутный, въ странѣ не было достаточно силы, чтобы оказать дѣйствительную помощь либеральному движенію и скоро сами чехи сдѣлались орудіемъ реакціи, и оставаясь равнодушными къ подавленію Венгріи, они тѣмъ самымъ содѣйствовали и подавленію свободы въ своей землѣ. Австрійское правительство, которое вообразило тогда, что гидра новаго времени, гидра революціи подавлена навсегда, торжествовало побѣду реакціи и вовсе не думало быть благодарнымъ чехамъ за ту помощь, которая была ими оказана.

Но реакція не была вѣчна. Прежнія идеи не были уничтожены и не прошло нѣсколько лѣтъ, какъ народы снова зашевелились. 1859 годъ, годъ итальянской войны, былъ благодѣтеленъ не только для народностей, входящихъ въ составъ австрійской имперіи, но и для самого правительства. Несчастныя для австрійцевъ битвы при Сольферино и Маджентѣ, ихъ полное пораженіе были болѣе выгодны, чѣмъ самыя блестящія побѣды. Съ этого времени начинается быстрое обращеніе къ либеральной политикѣ, которая должна была быть еще болѣе подкрѣплена несчастною для Австріи войною 1866 г., несчастною битвою при Садовой. Правительство убѣдилось, что всѣ старыя средства, всѣ лекарства, которыя способенъ былъ дать деспотизмъ, были испробованы, и всѣ оказались негодными для поправленія разстроеннаго организма Австріи, и что нужно было неизбежно отказаться отъ нихъ, чтобы вовсе не умертвить имперію. Нужда, говорятъ, лучшій совѣтникъ. Нужда заставила австрійское правительство прибѣгнуть къ системѣ, прямо противоположной той, которая до сихъ поръ господствовала; нужда принудила обратиться къ системѣ строгаго конституціонализма, которая привела правительство къ тѣмъ важнымъ реформамъ, которыя совершены въ послѣднія нѣсколько лѣтъ. Либеральный порядокъ вещей, восторжествовавшій въ Вѣнѣ, долженъ былъ снова пробудить сильное движеніе въ Богеміи, которое съ тѣхъ поръ не перестаетъ усиливаться. Движеніе это направлено къ той же цѣли, какой послѣ столькихъ усилій, послѣ такой упорной борьбы добилась Венгрія, т.-е. къ образованію чешскаго королевства, связаннаго съ Австріею такими же точно отношеніями, въ какія стало венгерское королевство къ австрійской имперіи послѣ того, какъ система дуализма одержала побѣду. Чехи, видя передъ глазами Венгрію, пользуясь ихъ примѣромъ, не довольствуются болѣе никакими либеральными уступками со стороны австрійскаго правительства; имъ мало общихъ реформъ, которыя произведены въ государствѣ, они требуютъ одного — чешскаго королевства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣсколькими годами раньше или позже, но они добьются своего, они получаютъ ту автономію, которой добиваются, такъ точно, какъ получить ее и Галиція, потому что австрійское правительство, принявъ систему дуализма, вступило на путь федеративнаго устройства, и движеніе въ австрійскихъ земляхъ, безъ сомнѣнія, не остановится прежде, чѣмъ австрійская имперія не превратится въ одно изъ самыхъ большихъ федеративныхъ государствъ въ Европѣ.

Но если въ стремленіи добиться широкой автономіи нельзя не сочувствовать чешскимъ патриотамъ, если мы всегда будемъ на ихъ сторонѣ, когда они требуютъ себѣ расширенія правъ, большей свободы, когда они протестуютъ противъ нарушенія свободы слова, сво-

боды собранія, личной безопасности, то съ другой стороны мы смѣло становимся на сторону австрійскаго правительства, ему, а не чешскимъ патріотамъ принадлежитъ наше полное сочувствіе, когда эти послѣдніе, прикрываясь національными интересами, становятся врагами общечеловѣческихъ интересовъ. Никакое прикрытіе національными интересами, никакія политическія соображенія не могутъ служить оправданіемъ чехамъ, когда они поддерживаютъ католичество въ борьбѣ его съ австрійскимъ правительствомъ, когда они являются противниками уничтоженія конкордата, который отдавалъ въ XIX-мъ столѣтіи общество въ полное распоряженіе церкви. Подобное поведеніе не заслуживаетъ ничего, кромѣ самаго строгаго осужденія, такъ какъ честное дѣло должно употреблять для своего торжества только честныя орудія. Поддержка конкордата, изъ какихъ бы источниковъ она ни происходила, не принадлежитъ къ послѣднимъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гусъ, память котораго праздновали чехи, первый возсталъ бы противъ подобныхъ орудій національной борьбы, потому что для него общечеловѣческіе интересы всегда стояли на первомъ планѣ, и онъ отрекся бы отъ національныхъ стремленій, еслибы увидѣлъ, что они должны противорѣчить народному движенію впередъ по пути прогресса и по пути освобожденія его отъ однихъ изъ самыхъ тяжелыхъ нравственныхъ оковъ. Онъ отрекся бы отъ этихъ стремленій, потому что истина вездѣ и во всемъ была его исходною точкою.

Неестественно было бы, еслибы чехи, которые въ послѣднее время пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы устраивать національныя манифестаціи, не воспользовались пятисотлѣтнимъ юбилеемъ ихъ великаго реформатора, чтобы не сдѣлать празднованіе его памяти народнымъ торжествомъ, и вмѣстѣ громкою демонстраціею противъ австрійскаго правительства. Въ послѣднее время особенно имя Гуса стало предметомъ обожанія въ средѣ чешскаго народа, и это весьма понятно, если мы вспомнимъ, что Гусъ, будучи великимъ реформаторомъ въ области религіи и принадлежа съ этой стороны всему человечеству, болѣе тѣсно связанъ съ чешскимъ народомъ, такъ какъ онъ былъ въ то же время великимъ дѣятелемъ въ національной борьбѣ его съ нѣмцами. Эти два направленія Гуса—съ одной стороны прямой послѣдователь Виклефа и предшественникъ Лютера, реформаторъ въ дѣлѣ религіи, въ дѣлѣ обновленія человечества посредствомъ громкаго провозглашенія правъ разсудка, свободнаго изслѣдованія; съ другой, главный дѣятель въ борьбѣ за національность, — сливались не только въ Гусѣ, но и въ дѣломъ направленіи бурнаго движенія XV-го вѣка, которое имѣло настолько же религіозный, насколько и національный характеръ. Что религія заняла первое мѣсто, что она какъ бы затмила собою національный смыслъ движенія, это весьма есте-

ственно при томъ характерѣ всеобщности, который имѣеть религія, и при томъ значеніи, какое имѣла церковь въ средніе вѣка. Но провести черту между этими двумя направленіями въ движеніи въ XV-мъ ст. въ Богеміи, почти нѣтъ возможности, такъ тѣсно онѣ переплетены между собою.

Мы не станемъ передавать здѣсь, даже въ самыхъ общихъ чертахъ, первыя шаговъ движенія, не будемъ говорить ни объ Конрадѣ Вальдгаузерѣ, ни объ Янѣ Миличѣ, ни объ Матвѣѣ изъ Янова, этихъ предшественникахъ Гуса, не будемъ упоминать о положеніяхъ Виклефа, который сталъ проповѣдовать великій реформаторъ, ни о спорѣ, который поднялся изъ-за нихъ въ пражскомъ университетѣ, ни даже о послѣдствіяхъ этого спора, все это было уже рассказано на страницахъ нашего журнала ¹⁾. Защитникомъ національности онъ является не только тогда, когда требуетъ, чтобы въ пражскомъ университетѣ большинство принадлежало чехамъ, а не нѣмцамъ, но также во всѣхъ своихъ рѣчахъ, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, которыя онъ писалъ по-чешски; во всей его дѣятельности лежитъ мысль, которую онъ высказалъ, говоря: «въ чешскомъ государствѣ чехи, и по Божьему закону, и по естественному праву, должны быть первыми, точно также какъ французы—во Франціи, нѣмцы—въ Германіи. Положимъ, что чехъ былъ бы поставленъ во главѣ нѣмецкой общины, кака была бы отъ этого польза для общины, еслибы онъ не зналъ нѣмецкаго языка? Не всели это равно, что сдѣлать нѣмую собаку сторожемъ стада? Тоже самое слѣдуетъ сказать и о нѣмцахъ въ Богеміи». Но начало національности, которое защищалъ этотъ могучій человѣкъ, запечатлѣвшій мученическою смертію свое ученіе и свою реформаторскую дѣятельность, было не то узкое начало, которое не можетъ ужиться и сталкивается тотчасъ съ истинными интересами человечества, напротивъ, оно было широко, въ основаніи его лежала не выгода одного только народа, а правда и справедливость, слѣдовательно выгода всѣхъ. Впереди всего у него стоитъ заклятая вражда противъ всяческихъ злоупотребленій, противъ всякаго рабства, откуда бы оно ни происходило, и отсюда уже право народа на самостоятельное существованіе. Мы не можемъ лучше опредѣлить характера Гуса, какъ національнаго дѣятеля, какъ приведа слова г. Арсеньева: «Стремленіе къ національной самобытности законно только тогда, когда оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе впередъ во всѣхъ областяхъ политической, общественной и умственной жизни — и въ соединеніи этихъ стремленій и въ преобладаніи послѣдняго надъ первымъ заключается истинное величіе Гуса».

¹⁾ См. Янъ Гусъ и чешская національность — «Вѣст. Европы», 1868, т. V.

Понятно, что чехи захотѣли съ честью отпраздновать память чловѣка, составляющаго ихъ гордость, ихъ лучшее національное достояніе, и можно только жалѣть, что празднество, о которомъ было повѣщено съ такою торжественностью, судя по отзывамъ всѣхъ безпристрастныхъ людей, не имѣло такого блеска, какового можно было желать.

Комитетъ, составившійся для празднованія пятисотлѣтняго юбилея Гуса, нѣсколько мѣсяцевъ уже какъ позаботился разослать приглашенія не только ко всѣмъ европейскимъ знаменитостямъ, но ко всѣмъ сколько-нибудь извѣстнымъ въ литературѣ лицамъ. Безъ сомнѣнія, съѣздъ всѣхъ первостепенныхъ звѣздъ Европы придалъ бы празднеству необыкновенную торжественность, но къ несчастію организаторъ его никто изъ знаменитостей не явился на ихъ зовъ. Если отсутствіе европейскихъ знаменитостей могло быть объяснено далекииъ разстояніемъ, то болѣе странно и непонятно казалось отсутствіе на этомъ чешскомъ праздникѣ старыхъ предводителей народнаго движенія, людей, стоящихъ во главѣ старой чешской партіи, какъ Палацкій и Ригерь, которые появились только на послѣднемъ прощальномъ обѣдѣ. Дѣло въ томъ, что празднество это было устроено исключительно молодою чешскою партіею, гдѣ главными дѣятелями представляются Сладковскій, два брата Грегрн, люди же старо-чешской партіи сочли подобную манифестацію неудобною и лишнею при томъ натянутаиъ положеніи, которое существуетъ въ Богеміи. Безъ сомнѣнія, если они явились въ послѣднія минуты праздника, то только потому, что совершенное ихъ отсутствіе произвело бы крайне неблагоприятное впечатлѣніе, показывая какъ великъ раздоръ между двумя чешскими партіями. Это отсутствіе старыхъ вожаковъ чешскаго народа во всѣ первые дни праздника и безъ того уже должно было дѣйствовать на присутствующихъ охлаждающимъ образомъ.

Банкеты, тосты, рѣчи, представленія gala все это шло своимъ чередомъ на чешскомъ празднествѣ, какъ и на всѣхъ остальныхъ, и если что-нибудь придавало ему оригинальность, то это довольно длинное путешествіе всѣхъ пріѣхавшихъ гостей и всевозможныхъ чешскихъ депутацій изъ Праги въ мѣстечко Гусинець, гдѣ родился великій реформаторъ 6-го іюля 1369 года. Празднество продолжалось нѣсколько дней подъ-рядъ, начавшись и кончившись въ Прагѣ, гдѣ прошла вся жизнь Гуса. Во всѣхъ рѣчахъ, которыя были произнесены на этомъ празднествѣ, указаніе на роль Гуса въ исторіи чешскаго народа, роль бойца за его самобытное существованіе, составляло главное, чтобы не сказать исключительное содержаніе. Народный дѣятель какъ бы ступевалъ религіознаго реформатора; оно, впрочемъ, и естественно въ данномъ положеніи, когда тотъ же на-

ціональный вопросъ, который волновалъ Богемію XV вѣка, волнуетъ ее и теперь во второй половинѣ XIX столѣтія, принимая все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ. Чехи должны въ самомъ дѣлѣ съ любовью обращаться къ своей старой исторіи, къ своему золотому XV-му вѣку, который одинъ только и можетъ носить это имя; они должны съ восторгомъ вспоминать этотъ славный періодъ ихъ жизни, великихъ дѣятелей этой эпохи, во главѣ которыхъ стоитъ Янъ Гусъ, потому что этотъ вѣкъ и эти люди главнымъ образомъ даютъ право Богеміи XIX-го вѣка требовать себѣ самостоятельнаго существованія. Чехи сознаютъ это и сознание это чувствовалось почти во всѣхъ ихъ рѣчахъ, которыя, нужно ли это прибавлять, носили на себѣ печать искренняго жара, неподдѣльнаго увлеченія. Безчисленные крики: слава, слава, которыми перерывались эти рѣчи, были отвѣтомъ народа, выраженіемъ его сочувствія къ памяти великаго чешскаго патріота и еще болѣе великаго религіознаго реформатора, принадлежащаго исторіи всего цивилизованнаго міра. Ни въ одной изъ произнесенныхъ рѣчей не было лучше резюмировано значеніе праздника Гуса, какъ въ рѣчи Ригера, которая была какъ бы заключительнымъ словомъ національнаго праздника. Припомнивъ въ общихъ чертахъ двѣ великія эпохи чешской національности, гуситскія войны и тридцатилѣтнюю войну, припомнивъ ту могучую силу, которую выказалъ народъ, защищая свободу совѣсти и личнаго убѣжденія, припомнивъ мужество, съ которымъ онъ боролся противъ цѣлой Европы, Ригеръ дѣлаетъ вопросъ, который имѣетъ какъ нельзя болѣе современное значеніе: въ силу чего народъ вышелъ побѣдителемъ изъ гуситскихъ войнъ и вслѣдствіе какихъ несчастныхъ причинъ онъ былъ разбитъ во время тридцатилѣтней войны, чуть не изошедши кровью въ сраженіи при Бѣлой Горѣ? Въ гуситскихъ войнахъ, отвѣчаетъ Ригеръ, онъ побѣдилъ «прежде всего національнымъ согласіемъ, тѣмъ, что всѣ сословія, всѣ классы народа боролись за одно общее дѣло.» Причиной пораженія во время тридцатилѣтней войны было то, что «борьба велась лишь отдѣльными кружками, а народъ не принималъ въ ней участія». Другими словами, Ригеръ говорилъ: если въ настоящей борьбѣ вы хотите быть побѣдителями, то пусть среди насъ воцорится согласіе и миръ, если же нѣтъ, если весь народъ не будетъ воодушевленъ одною и тою же идеею національной самобытности, тогда мы снова потерпимъ пораженіе. «Величіе Гуса,—продолжалъ Ригеръ,— въ томъ и заключается, это онъ стоялъ за свободу изслѣдованія, провелъ ее для чешскаго народа и за нее принялъ смерть. Народъ, порождающій такихъ людей, не можетъ погибнуть. Воспользуемся же урокомъ того времени! Мнѣ уже слышится громъ на политическомъ горизонтѣ, уже чувствуется въ душѣ приближеніе бури. Быть можетъ, въ скоромъ времени снова будетъ брошенъ жребій на

чешской землѣ о нашемъ народѣ. Мы должны показать тогда, что мы сохранили для нашей задачи. Въ рѣшительный часъ мы должны быть готовы бороться и умереть за наши убѣжденія. Если мы будемъ похожи на нашего Гуса, умѣвшаго отдать жизнь за свои убѣжденія, то мы не будемъ побѣждены и теперь.» Послѣ теплыхъ словъ чешскаго оратора и выраженнаго имъ желанія, чтобы народъ готовъ былъ въ настоящую минуту также бороться и также умереть за свои убѣжденія, можно сдѣлать одинъ вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ чешскій народъ и его предводители также искренни въ своей борьбѣ, какъ былъ Гусъ и его послѣдователи XV-го вѣка, не братаются ли и не цѣлуются ли они съ людьми, подобными напр. московско-петербургскимъ публицистамъ, которые не могутъ быть ихъ друзьями, потому что эти люди прежде всего враги истинной народной свободы и враги свободного изслѣдованія. Можно пожелать, чтобы чешскіе патріоты искали силъ, опоры въ своей борьбѣ за свободу въ самихъ себѣ, въ своемъ народѣ, какъ искалъ и нашелъ ее Гусъ, а не въ той средѣ, не въ томъ жалкомъ лагерѣ русскаго общества, не въ тѣхъ людяхъ, которые сегодня являются намъ въ образѣ англомановъ, конституціоналистовъ, сторонниковъ свободныхъ учреждений, самоуправленія, а завтра, если только имъ это выгодно, дѣлаются защитниками прямо противоположныхъ началъ, и свой западно-европейскій костюмъ быстро мѣняютъ на азіатскій, или впадаютъ въ славянофильство. (Понятно, что мы вовсе не думаемъ приравнивать этихъ людей, у которыхъ фальшь сдѣлалась закономъ, къ тѣмъ немногимъ искреннимъ славянофиламъ, которые всегда оставались вѣрны себѣ, и въ честности которыхъ никто не сомнѣвается. Если бы въ литературѣ, журналистикѣ, кто-нибудь захотѣлъ искать представителей этихъ двухъ направленій, одного фальшиваго, другаго искреннаго, то кто не узнаетъ въ публицистахъ «Московскихъ Вѣдомостей», «Голоса» и комп. представителей перваго, а представителей втораго въ людяхъ подобныхъ бывшему редактору «Москвы».) Пусть же не лукавятъ чешскіе предводители, пусть не говорятъ: вы наши братья, людямъ, которыхъ внутри своей души они не считаютъ за братьевъ; пусть ради устрашенія своего врага—австрійскаго правительства, они не ѣздятъ на всевозможные съѣзды и не осушаютъ бокаловъ за неразрывный союзъ съ народомъ, когда они вовсе не хотятъ этого союза и боятся его. Мы сомнѣваемся въ полной искренности чешской дружбы, потому что помнимъ отрывокъ изъ письма г. Палацкаго, адресованнаго имъ въ 1848 году въ комитетъ франкфуртскаго парламента. Нельзя не сознаться, что мнѣніе, высказываемое имъ тутъ о Россіи, какъ-то дурно согласуется съ пріѣздомъ, напр., братьевъ-чеховъ въ Москву и съ ихъ громкими увѣреніями въ неразрывномъ союзѣ съ обществомъ, которое, нужно сказать правду, такъ мало имѣетъ общихъ идеаловъ съ идеалами ихъ героя—Гуса. «Независимость и спл

Австріи (писалъ Палацкій) не только необходимы для моего народа, но одинаково и для цѣлой Европы и для самой цивилизаціи. Прошу васъ, выслушайте меня. Вы знаете ту колоссальную державу, которая занимаетъ весь востокъ Европы; почти непобѣдимая на своей собственной землѣ, она угрожаетъ уже свободѣ міра и стремится превратиться въ всемірную монархію. Хотя эта всемірная монархія и направлена какъ будто бы ко благу славянскихъ народовъ, но я, славянинъ въ душѣ и сердцѣ, я бы смотрѣлъ на нее какъ на страшное зло, какъ на безконечное и чрезвѣрное бѣдствіе. Въ Германіи меня считаютъ врагомъ нѣмецкихъ народовъ; въ Россіи скажутъ, что я врагъ русскихъ. Пускай. Я всегда ставилъ интересы человѣчества и цивилизаціи выше интересовъ расы...» Мы далеки отъ того, чтобы слова эти обращать въ укоръ чешскому патріоту, хотя мы и не допускаемъ мнѣнія г. Палацкаго, чтобы «колоссальная держава» угрожала свободѣ міра; напротивъ, мы видимъ въ его словахъ гораздо больше потомка и послѣдователя Гуса, чѣмъ въ тѣхъ объятіяхъ, которыми онъ удостоивалъ хоть бы своихъ московскихъ друзей. Мы приводимъ эти слова только для того, чтобы наши доморощенные публицисты не воображали себѣ, что они могутъ проводить умныхъ людей; умные люди ихъ хорошо понимаютъ, и если они водятся съ ними, то только потому, что этимъ думаютъ служить, — правда, плохой расчетъ, — своему національному дѣлу. Конечно, въ настоящую минуту взглядъ Палацкаго на Россію представляется преувеличеннымъ, колоссальная сила оказалась вовсе не грозной міру. Но тѣмъ не менѣе сущность словъ Палацкаго остается, съ точки зрѣнія чешской, во всей своей неприкосновенности и до настоящей минуты, и намъ кажется, что лучшее, что могутъ сдѣлать наши проповѣдники свободы народовъ, это вдуматься поглубже въ слова Палацкаго и за тѣмъ побросать такъ мало приставшія къ нимъ фригійскія шапки, и перестать кричать: да здравствуютъ братья-славяне, да здравствуетъ Гусъ, да погибнетъ Австрія! Идеалы вашихъ, братьевъ-славянъ московскіе и петербургскіе публицисты, вовсе не ваши идеалы; отъ идеаловъ Гуса, если бы вы захотѣли остаться вѣрны себѣ, вы бы должны были отрешиваться какъ отъ вражеской силы, какъ отъ дьявольскаго навожденія. А что касается до вашего крика: да погибнетъ Австрія! то вы очень заблуждаетесь, если думаете, что онъ раздѣляется вашими братьями-славянами. Если въ 1848 году, т. е. тогда, когда Австрія была во всемъ разгарѣ Меттерниховской реакціи, Палацкій писалъ: «если бы Австрія не существовала, то ее нужно было бы создать въ интересѣ Европы»; если тогда онъ съ ужасомъ говорилъ о распаденіи Австріи, какъ о страшномъ злѣ; если тогда онъ съ энергіею восклицалъ: единство разрушено, связи народовъ порваны, части государства, независимыя другъ отъ друга, безъ силы, безъ покровительства... ахъ! господа, какую бы услугу вы оказали врагу, кото-

рый намъ угрожаетъ! какой соблазнъ для Россіи!», то что же бы онъ сказалъ—если бы захотѣлъ быть искрененъ—теперь, когда Австрія вступила твердою ногою на путь самыхъ коренныхъ преобразованій, замѣнивъ систему неограниченнаго правленія системою народнаго представительства, и когда вопросъ объ автономіи, которая требуется Богеміею, можно считать почти порѣшеннымъ вопросомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Палацкій не отказался бы теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, отъ тѣхъ словъ, которыя онъ произносилъ въ 1848 году. Если бы наши доморощенные публицисты, славянскіе комитеты, однимъ словомъ, весь нашъ славянствующій людъ пересталъ ломаться и наивно хитрить, прикрывая свою щетину парикомъ изъ шелковистаго волоса, а проникъ бы откровенно высказанными словами Палацкаго, тогда безъ сомнѣнія этотъ людъ не игралъ бы такой въ высшей степени комической роли въ празднованіи пятисотлѣтняго юбилея Гуса. Мы не станемъ говорить о рѣчахъ русскихъ представителей на самомъ празднествѣ въ Прагѣ, ссылаясь на корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», который, упоминая объ этихъ рѣчахъ, одинъ разъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «Мы радовались только тому, что тутъ не было, кажется, стенографа, и что такимъ образомъ есть надежда на то, что импровизація г. Губина не попадетъ въ здѣшнія газеты», въ другой разъ, говоря, что онъ немного потерялъ, не слышавъ рѣчей того же г. Губина и компаніи. Но какъ не сказать хотя нѣсколько словъ о празднованіи памяти Гуса у насъ въ Россіи, и главнымъ образомъ въ центрѣ славящины—въ Москвѣ? Все, что мы говорили, было бы не полно безъ этого заключительнаго букета, безъ этого перла въ томъ-фарсѣ, который наши либеральные публицисты разыграли на глазахъ цѣлой Европы.

Мы бы зашли слишкомъ далеко, если бы захотѣли прослѣдить всѣ выраженія теплыхъ чувствъ, которыя изливались изъ медоточивыхъ устъ всевозможныхъ «братьевъ» по случаю чешскаго торжества, поэтому остановимся, только немного, на чрезвычайномъ засѣданіи московскаго славянскаго благотворительнаго комитета, которое происходило 24-го августа, т. е. въ день празднованія памяти Гуса. Мы выбираемъ его потому, что оно представляетъ особенно юмористическій характеръ, какъ по самой торжественности обстановки, такъ и по тому, чтб говорилось на этомъ почтенномъ собраніи. Изліанія братскихъ чувствъ принялъ на себя М. П. Погодинъ, и мы сердечно радуемся, что рѣчь его напечатана и такимъ образомъ не пропадетъ для потомства. Говоря о причинахъ, которыя принуждаютъ русскаго чело-вѣка особенно чествовать память Гуса (хотя мы и признаемся, что особенныхъ причинъ вовсе не видимъ), онъ говоритъ, между прочимъ: «въ 1867 году, русскій Богъ свелъ въ Москвѣ представителей всѣхъ славянскихъ племенъ, которые во очію увидѣли и почувствовали свое-

родство, сознали себя единымъ народомъ». По истинѣ неопѣвненная фраза; до сихъ поръ мы предполагали, что у всѣхъ христіанскихъ народовъ есть только одинъ Богъ, теперь благодаря г. Погодину мы узнаемъ, что есть русскій богъ, вскорѣ мы можемъ быть познаваемыя и съ какимъ-нибудь московскимъ богомъ. Увы! гдѣ православіе г. Погодина, неужели онъ измѣняетъ ему и бросается въ объятія язвчества! Правда, мы слышали когда-то о какомъ-то стихотвореніи подъ названіемъ «Русскій богъ» и можемъ быть г. Погодинъ правъ, можемъ быть именно «богъ» этого стихотворенія привелъ въ Москву представителей всѣхъ славянскихъ племенъ, которые «во очію увидѣли и почувствовали свое родство». Когда г. Погодинъ говоритъ о знаменитомъ московскомъ сѣздѣ, то мы еще готовы слушать, хотя бы веселья ради; но неужели можно толковать серьезно объ этомъ сѣздѣ, какъ толкуютъ наши достохвальные публицисты, неужели до сихъ поръ люди еще не убѣдились, что весь этотъ сѣздъ былъ не что иное какъ жалкая и вовсе не умная комедія, гдѣ съ обѣихъ сторонъ не было ровно ничего, кромѣ лукавства и фальши или недалководности и слабоумія. Мы еще кое-какъ понимаемъ явившихся сюда чеховъ, которымъ нужно было пугнуть австрійское правительство, хотя мы вовсе не одобряемъ подобныхъ средствъ для борьбы; но, что касается до остальной компаніи, до остальныхъ «представителей», то можно только спросить, какъ въ какой-то комедіи «и кого они только надуть хотѣли». Да, дѣйствительно, какъ замѣчаетъ г. Погодинъ, «знаменательное происшествіе» и особенно знаменательное, когда сравните всѣ произносившіяся тогда рѣчи, всѣ увѣренія, всѣ лобызанія съ вышеприведенными строками г. Палацкаго. Мы бы желали только, чтобы г. Палацкій всегда былъ такъ искрененъ, какъ онъ былъ въ 1848 году; авось тогда наши московскіе и иные петербургскіе публицисты позавиствовались бы у него искренности, и откинувъ свой фиглярскій костюмъ, перестали бы либеральничать на чужой счетъ и требовать для той или другой національности свободы, которая имъ никогда не была дорога.

Затѣмъ, потолковавъ о томъ, какъ хорошо было, что Гусъ былъ славянинъ, и какъ мы можемъ гордиться этимъ, г. Погодинъ обратился къ главному содержанію своей рѣчи, именно къ православію Гуса. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «онъ какъ будто воспоминалъ смутно или темно предчувствовалъ православіе»; въ другомъ: «а что онъ дѣйствительно стоялъ на почвѣ православія...» Пора, кажется, было бы отбросить и позабыть эту историческую фантазію, которую нѣкогда создали славянофилы, искренно въ нее вѣрившіе, и которую теперь эксплуатируютъ шарлатаны или наивные люди — эту историческую неправду, которую можно морочить только людей, незнакомыхъ съ ученіемъ Гуса. Сходство между ученіемъ Гуса и правосла-

вѣиъ заключается исключительно во внѣшнихъ формахъ, сущность же, внутреннее содержаніе, главныя основы диаметрально противоположны. Основаніемъ ученія Гуса служатъ свободное изслѣдованіе, разумъ стоитъ у него на первомъ планѣ, въ дѣлѣ религій онъ не знаетъ никакихъ авторитетовъ, для человѣка онъ требуетъ полной независимости, самобытности, и во всемъ, что касается совѣсти, не допускаетъ другого судьи, какъ самого человѣка. Не таковы, конечно, основанія православія, и съ этимъ едва ли кто станетъ спорить. Въ чемъ же заключается сходство? въ причащеніи подъ обоими видами; но за то сколько въ этой же самой области несходнаго, противоположнаго. Гусъ отвергаетъ исповѣдь, говоря, что власть вязать и рѣшить принадлежитъ одному Богу, отвергаетъ поклоненіе святымъ, мощамъ и т. п. Но все это разумѣется частности, главное же, радикальное различіе, дѣлающее всякое уподобленіе ученія Гуса православію какимъ-то бредомъ извращенныхъ умовъ, это — въ основахъ того и другого. Въ основаніи одного лежитъ вѣра; въ основаніи другого свободный анализъ, свободное изслѣдованіе. Фантазіи на эту тему близкой связи православія съ Гусомъ безконечны, и въ нихъ наша ультра-православная партія доходитъ до самыхъ смѣлыхъ предположеній. Что стоитъ напр. г. Погодину утверждать, что не будь остановлена дѣятельность Гуса и его послѣдователей, они бы непременно закончили самымъ тѣснымъ сближеніемъ съ православіемъ? Ровно ничего. Русскій человѣкъ особенно смѣлъ на предположенія, и конечно его не остановятъ какіе-нибудь историческіе факты, доказывающіе вовсе противное. Какое дѣло г. Погодину, что дальнѣйшіе и самыя прямые послѣдователи Гуса, Табориты напр., не только не приближались къ православію, но уходили отъ него все дальше и дальше, — станетъ ли онъ стѣсняться такими пустяками, когда ему нужно обратить Гуса въ православіе? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Всѣ остальные разсужденія г. Погодина въ такомъ же родѣ, и безъ сомнѣнія мы не стали бы останавливаться на подобныхъ измышленіяхъ, если бы не желаніе предостеречь черезчуръ легковѣрныхъ читателей. Нужно впрочемъ отдать честь г. Погодину, что его разсужденія, особенно подобныя тѣмъ, когда онъ утверждаетъ, что Гусъ былъ ревнителемъ православія, ему положительно неизвѣстнаго, безвреднѣе всего, что говорится и пишется славянствующею братією, потому что свою безцѣнную наивность онъ не прикрываетъ никакимъ лицемѣриемъ, никакимъ лукавствомъ и фальшью, какъ дѣлаютъ это прочіе публицисты.

Довольно, впрочемъ, толковать о нашихъ друзьяхъ свободы, обо всѣхъ этихъ московско-петербургскихъ публицистахъ, прикидывающихся либералами, защитниками угнетенныхъ народовъ и врагами, мы не смѣемъ, всякихъ насилій и всякаго произвола! пусть посылаютъ

они всевозможныя чаши, пусть произносятъ всевозможныя рѣчи и пишутъ громоносныя статьи противъ угнетателей, подобныхъ австрійскому правительству, будемъ только надѣяться, что они никого не обманутъ, и что искренность ихъ либерализма будетъ оцѣнена всѣми по достоинству. Возвратимся лучше къ чехамъ, въ Богемію, гдѣ въ эту минуту происходятъ выборы въ богемскій сеймъ. По поводу этихъ выборовъ вожаки чешскаго народа выпустили воззваніе къ націи, подписанное именами Палацкаго, Ригера, Сладковскаго, Грегровъ и многихъ другихъ, въ которомъ они обращаются къ народу съ вопросомъ: одобряетъ онъ или нѣтъ избранную ими политическую миссію, которая опредѣлялась протестомъ 13-го апрѣля 1867 года и знаменитою деклараціею 22-го августа 1868 года, послѣ которой они покинули сеймъ, предпочитая вовсе отказаться отъ народнаго представительства, чѣмъ имѣть его не такимъ, какимъ они желаютъ и какого домогаются, т. е. такого, которое обезпечивало бы «государственныя права чешской короны, автономію славяно-чешскаго королевства и равноправность его національности». Они приводятъ, какъ долго старались они держаться примирительной политики, достигнуть соглашенія путемъ взаимныхъ уступокъ, и рѣшились встать на почву болѣе радикальной оппозиціи только тогда, когда, какъ они говорятъ, «обнаружилось стремленіе подчинить чешскую національность въ ея отечествѣ и повсемѣстно въ имперіи ни на чемъ не основанному преобладанію нѣмецкаго элемента». Они вышли тогда изъ богемскаго сейма, который посылаетъ депутатовъ въ центральное государственное собраніе, въ рейхсратъ, и объявили, что не войдутъ въ него обратно, пока требованія ихъ автономіи и возвращенія самостоятельности коронѣ Богеміи, «конечно не менѣ славной и важной чѣмъ корона Венгрии», не будутъ уважены. Новые выборы, которые происходили 22-го и 24-го сентября, дали значительное большинство федеративной партіи, и почти всѣ прежніе депутаты снова выбраны. Трудно предполагать, чтобы австрійское правительство, которое ничего такъ не желаетъ какъ мира и согласія для страны, чтобы свободно идти впередъ по пути предпринятыхъ преобразованій, не рѣшилось сдѣлать новыхъ уступокъ и, по крайней мѣрѣ, въ значительной доли удовлетворить требованіямъ чешской націи.

Возможно быстрое соглашеніе съ національностями, входящими въ составъ имперіи, важно для австрійскаго правительства не только въ виду успѣшнаго хода внутренняго преобразованія страны, но также и въ виду внѣшней политики Австріи, которая, благодаря графу Бейсту, постоянно привлекаетъ къ себѣ вниманіе Европы. Не успѣло успокоиться раздраженіе и дипломатическое волненіе, вызванное перепискою прошлаго мѣсяца между графомъ Бейстомъ и прусскимъ министромъ Тиле, раздраженіе, дошедшее до послѣднихъ предѣловъ съ

обѣихъ сторонъ и заставившее ихъ высказывать другъ другу самыя нелюбезныя вещи, въ видѣ крупныхъ упрековъ, съ одной стороны въ нарушеніи пражскаго трактата 1866 года, въ видѣ рѣзкихъ обвиненій, съ другой, во вмѣшательствѣ не въ свои дѣла, какъ снова графу Бейсту приписываютъ въ прусской печати самыя злостныя замысли для составленія союза съ Франціею, съ цѣлію недопустить Пруссіи, поглотить южную Германію, о чемъ въ эти послѣдніе дни опять возникли сильныя толки.

Конечно не мы стали бы удивляться, если бы эти толки не лишены были даже основанія, и если бы прусскому королю и его министру, покоящемуся въ Варцингѣ, захотѣлось воспользоваться настоящею минутою, минутою какого-то общаго европейскаго смущенія, чтобы докончить дѣло пруссификаціи Германіи и тѣмъ снова подогрѣть уже начавшійся охлаждаться военный жаръ и милитарный патриотизмъ пруссаковъ. Трудно рѣшить, чѣмъ кончится эта прозорливость прусскаго правительства, удастся ли ему переварить проглоченныя, но не пережеванные куски, которые оно захватило въ 1866 году. Есть нѣкоторые симптомы, которые должны были бы служить предостереженіемъ прусскому правительству, что гораздо легче проглотить чѣмъ переварить что-нибудь, и эти симптомы выражаются въ неуспокоивающемся недовольствѣ Ганновера, въ незатихающей злобѣ стараго свободнаго города Франкфурта и въ энергіи, которую обнаруживаетъ населеніе Шлезвига, чтобы не воспользоваться всѣми благами, предоставляемыми прусскимъ правительствомъ, и снова быть присоединеннымъ къ Даніи. «Мы съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, говорится въ адресѣ,—который долженъ быть поднесенъ отъ имени всего населенія прусскому королю,—ожидаемъ дня, который долженъ снова соединить насъ съ братьями, отъ которыхъ мы были оторваны, что наша страна страдаетъ отъ подобнаго нерѣшительнаго положенія. Ничто, продолжаютъ они, не способно нарушить нашу вѣру въ исполненіе пражскаго трактата», по которому, какъ извѣстно, согласно его 5-му параграфу, въ Шлезвигѣ должна была быть произведена всеобщая подача голосовъ, чтобы узнать, желаетъ ли Шлезвигъ остаться подъ властію Пруссіи или опять отойти къ Даніи. Если что-нибудь есть лишнее въ этомъ адресѣ, то это разумѣется выраженіе увѣренности, что условія пражскаго трактата будутъ выполнены. Прусское правительство слишкомъ хорошо знаетъ, чѣмъ кончилась бы въ Шлезвигѣ подобная подача голосовъ, чтобы уберечься отъ нея. Если бы оно и рѣшилось когда-нибудь на выполненіе 5-го параграфа пражскаго договора, то уже конечно не прежде, чѣмъ оно получитъ увѣренность, что вліяніе прусской цивилизаціи, при помощи различныхъ внушительныхъ мѣръ, таково уже, что нѣтъ причины опасаться враждебнаго для себя результата всеобщей подачи голосовъ. Нужно впро-

чемъ сказать и то, что прусскому королю вовсе нѣтъ и времени прислушиваться къ требованіямъ и къ недовольству силою присоединенныхъ провинцій, онъ слишкомъ занятъ постояннымъ осмотромъ своихъ вѣрныхъ войскъ, и еще болѣе можетъ быть произнесениемъ безчисленныхъ рѣчей, въ которыхъ онъ, какъ обыкновенно, толкуетъ о своемъ божественномъ правѣ, какъ будто бы кто-нибудь имѣлъ на столько дерзости, чтобы сомнѣваться въ немъ. Божественное право и Садова—вотъ два пункта, которые украшаютъ собою двѣ курьезныя рѣчи прусскаго короля Вильгельма I, изъ которыхъ одна произнесена была въ Померани, другая въ Кеннигсбергѣ. Последняя въ отношеніи современности проповѣдуемыхъ въ ней идей особенно замѣчательна.

Мы понимаемъ, что прусскому королю, увѣнчанному лаврами Садовы, не сидится болѣе на мѣстѣ, ему хочется новыхъ лавровъ, новыхъ побѣдъ, и какъ въ самомъ дѣлѣ не смотрѣть ему съ нѣкоторымъ умлениемъ на вѣжную Германію, особенно въ эту минуту, когда глаза Европы отвлечены съ этого пункта, когда все вниманіе направлено на ту страну, которая до сихъ поръ являлась для Пруссіи главнымъ камнемъ преткновенія для осуществленія своихъ великихъ плановъ. Теперь не то, Франція, думаетъ прусское правительство, не страшна болѣе, потому, что она занята своими внутренними вопросами, она занята установленіемъ новаго политическаго порядка, все вниманіе ея поглощено двумя грозными словами: что будетъ? «Что будетъ», вотъ вопросъ, который въ послѣднее время занималъ и занимаетъ не одну Францію, но цѣлую Европу. Вопросъ, какое правительство, какой порядокъ долженъ явиться на смѣну второй имперіи, стоявшій на очереди уже довольно давно, вдругъ приблизился, сдѣлался вопросомъ дня, минуты. Положеніе натянутое до чрезвычайности со времени послѣднихъ выборовъ, сдѣлалось еще болѣе натянутымъ, болѣе нерѣшительнымъ вслѣдствіе болѣзни Наполеона III, которая, къ стыду XIX-го вѣка, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль держала Европу въ какомъ-то оцѣпенѣніи, въ какомъ-то необыкновенномъ страхѣ. Безъ сомнѣнія, смерть Наполеона III можетъ ускорить событія, но не измѣнить ихъ естественнаго теченія. Франція стремится къ перевороту, который совершится помимо всякаго посторонняго обстоятельства, помимо смерти или выздоровленія ея драхлаго императора. Положеніе сдѣлалось натянутое, кризисъ наступилъ прежде болѣзни императора, и потому этой болѣзни не слѣдуетъ приписывать большаго значенія, чѣмъ она имѣетъ. Возвращеніе къ нему здоровья и силъ не предотвратитъ вторую имперію отъ паденія, смерть же его ускоритъ это паденіе на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. Такъ мало въ настоящую минуту, въ данномъ положеніи Франція можетъ играть роль жизни или смерти одного человѣка. Событія диктуются самымъ положеніемъ страны, возбужденіе которой достигло до послѣдней степени. Въ по-

ложеніи этомъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца не произошло никакой перемѣны, такъ какъ пріятіе сенатомъ проекта сенатскаго постановленія никогда не было подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, и самое вотированіе этого дополненія къ французской конституціи прошло совершенно незамѣченнымъ. Въ то время, когда сенатъ обсуждалъ этотъ «дополнительный актъ» второй имперіи, общество ушло уже значительно впередъ въ своихъ требованіяхъ, такъ что сенатское постановленіе явилось запоздалымъ и отсталымъ. Самымъ выдающимся эпизодомъ во время обсужденія сенатскаго постановленія была рѣчь принца Наполеона, которая заслужила названіе «прискорбнаго и скандальнаго поступка», во время самаго засѣданія сената. Такъ названа она была сенаторомъ Сегюръ д'Агессо, который въ увлеченія своемъ и въ преданности второй имперіи дошелъ до того, что забылъ, что такое парламентское приличіе. Рѣчь принца Наполеона въ самомъ дѣлѣ либеральна по отношенію къ правительству, въ сенатѣ даже она могла показаться красною, ею значительно опережалось все то, что сдѣлано правительствомъ, либерализмъ принца Наполеона однимъ словомъ оставилъ позади либерализмъ императора Наполеона. Вотъ въ чемъ заключается скандалъ, о которомъ говорилъ Сегюръ д'Агессо. Либеральная, скажемъ даже радикальная рѣчь принца Наполеона интересна только въ томъ отношеніи, что она указываетъ, какъ далеко ушло общественное мнѣніе, если принцъ Наполеонъ, чтобы заслужить его одобреніе, долженъ былъ произнести рѣчь, названную «скандалною и прискорбною». Что же касается до самого принца Наполеона, то либерализмъ его никого не долженъ обманывать; это тотъ же самый либерализмъ, разумѣется въ несравненно болѣе цивилизованной формѣ, какъ и тотъ, о которомъ мы говорили въ началѣ нашей статьи, т. е. фальшивый, неискренній, либерализмъ ради популярности, какимъ обыкновенно отличаются всѣ претенденты и многіе наследники престоловъ, что конечно имъ не мѣшаетъ, какъ только они взобрались на тронъ, дѣлаться самими деспотическими правителями и считать свой прежній либерализмъ утѣшею молодости. Либерализмъ принца Наполеона именно этого сорта; кто знаетъ, какія мечты, какіе властолюбивые замыслы наполняютъ его бонапартовскую голову! Несравненно важнѣе по нашему то воззваніе, которое сдѣлалъ депутатъ законодательнаго корпуса графъ Кератри, въ которомъ онъ приглашаетъ всѣхъ депутатовъ собраться въ зданіи законодательнаго корпуса, будетъ или не будетъ онъ созванъ правительствомъ. 26-го октября истекаетъ шестимѣсячный срокъ со времени распушенія палаты, а по конституціи 1852 г. новый законодательный корпусъ долженъ быть собранъ въ продолженіе этого времени. Слѣдовательно, говоритъ Кератри, если законодательный корпусъ не будетъ созванъ до истеченія срока, какъ объ этомъ ходятъ слухи,

тогда мы, депутаты, въ силу закона обязаны собраться безъ всякаго созванія палаты со стороны правительства. Требованіе свое Кератри подтверждаетъ тѣмъ, что если законодательный корпусъ не будетъ созванъ, такъ какъ ту коротенькую сессію, которая продолжалась отъ конца іюня до 12 іюля, созванную исключительно для провѣрки выборовъ, нельзя считать за настоящую сессію, то произойдетъ «даже существенное и преднамѣренное нарушеніе конституціи, которую отъ мала до велика всѣ должны уважать», и тогда, продолжалъ онъ, депутаты освобождаются отъ данной ими присяги. Смѣлое, но вполне законное требованіе Кератри обсуждается уже всею прессою, и весьма легко можетъ быть, что къ этому требованію присоединятся другіе другіе депутаты. Начало уже сдѣлано, какъ угадать, гдѣ остановится это движеніе, вызванное инициативою Кератри. Нужно въ самомъ дѣлѣ сказать одно, правительство Наполеона III, какими бы соображеніями оно ни руководилось, откладывая созваніе законодательнаго корпуса, только еще болѣе сдѣлаетъ натянутымъ и безъ того натянутое положеніе. Если оно станетъ продолжать эту опасную игру, то это можно только объяснить тѣмъ головокруженіемъ правительства, которое всегда предшествуетъ окончательному паденію, такъ точно, какъ агонія предшествуетъ смерти.

Страна, какъ Франція, которая собирается войти въ революцію и страна, какъ Испанія, которая собирается изъ нея выйти, находятся въ довольно сходномъ положеніи, и потому переходъ отъ одной къ другой какъ нельзя болѣе естественъ. На дняхъ исполнится годовщина испанской революціи, и однако ни одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыя предсказывались въ такомъ изобиліи, не осуществились на самомъ дѣлѣ. Говорили, что результаты испанской революціи будутъ уничтожены черезъ нѣсколько мѣсяцевъ какимъ-нибудь абсолютнымъ монархомъ или диктаторомъ-воиномъ, который немедленно задушитъ вырванную у Бурбоновъ свободу, и однако, испанцы не выбрали не только никакого абсолютнаго монарха, но даже и конституціоннаго монарха, а продолжаютъ жить и трудиться для очищенія страны отъ остатковъ вѣкового деспотизма, ограничиваясь регентствомъ маршала Серрано, одного изъ главныхъ вождей сентябрьской революціи 1868 года. Предвѣщали, что Испанія объята будетъ тотчасъ же страшною междоусобною войною, и однако никакой страшной междоусобной войны не произошло и тѣ ничтожныя карлистскія шайки, которыя проникли въ страну безъ всякихъ усилій, были разсѣяны, какъ мухи. Предвѣщали.... впрочемъ, чего не предвѣщали, да всего не перечтешь! Результатъ революціи пока одинъ: это принесенное ею нравственное и политическое возрожденіе страны, которая, благодаря ей, воскресла для новой жизни. Мы не разъ уже говорили въ нашихъ политическихъ обзорѣ-

ніяхъ, что именно сдѣлано Испанією въ этотъ короткій промежутокъ времени, и потому не станемъ болѣе повторять одного и того же.

Насъ могли бы упрекнуть въ слѣпомъ пристрастіи къ Испаніи, еслибы мы стали утверждать, что на пути къ своему полному возрожденію она не встрѣчаетъ ничего, кромѣ розъ; нѣтъ, шипы попадаются также, ихъ даже много, но нужно было бы быть слишкомъ большимъ оптимистомъ, чтобы предполагать, что такой колоссальный переворотъ, который совершился въ Испаніи, можетъ быть избавленъ отъ всякихъ затрудненій и кризисовъ. Борьба партій: монархической и республиканской съ одной стороны, и возстаніе острова Кубы съ другой—вотъ главный источникъ натянутого положенія. Уже годъ, какъ длится возстаніе Кубы и всѣ усилія испанскихъ войскъ остаются тщетны въ ихъ борьбѣ съ островитанами, которые желаютъ полной независимости отъ метрополіи. Если понятны стремленія Кубы, то не менѣе понятно желаніе Испаніи удержать за собою этотъ перлъ своихъ колоній, потому что островъ Куба служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ богатства и доходовъ Испаніи. Положеніе въ Кубѣ, и безъ того тяжелое для Испаніи, усложняется еще пока косвеннымъ вмѣшательствомъ въ это дѣло Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, которое грозитъ перейти въ прямое. Американскій посланникъ въ Мадридѣ заявилъ уже испанскому правительству, что правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ намѣрено признать Кубу воюющею стороною; правда, это намѣреніе на время было отклонено совокупными усиліями Испаніи, Франціи и Англіи, но кто знаетъ, долго ли само правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ состояніи будетъ противиться желанію націи, не скрывающей свое сочувствіе возставшей Кубѣ всякаго рода матеріальною помощію.

Если трудно предсказывать чѣмъ кончится дѣло съ Кубою, то не менѣе трудно рѣшить—чѣмъ кончится борьба между республиканскою и монархическою которая продолжаетъ свои поиски за подходящимъ кандидатомъ въ испанскіе короли. Много есть основаній чтобы полагать, что поиски эти останутся поисками, и что монархическая партія не достигнетъ своей цѣли—дать Испаніи короля, положеніе котораго во всякомъ случаѣ было бы не только печально, но и крайне шатко, такъ какъ республиканская партія все увеличивается, а все, что выигрываетъ она, то теряетъ партія монархіи. Послѣдній кандидатъ, который выставленъ этою партією—это маленькій герцогъ генуэзскій, племянникъ Виктора-Эмануила, который, какъ утверждаютъ, далъ уже свое согласіе на отъѣздъ его въ Испанію. Если этотъ планъ осуществится, въ чемъ позволительно сомнѣваться, то Савойской династіи выпадетъ странная доля у двухъ народовъ, возвращенныхъ къ жизни послѣ вѣкового сна, служить звеномъ между порядкомъ, основаннымъ на безграничномъ произволѣ и норадкомъ, который чуждъ

всего, что не вытекаетъ изъ народной воли. Савойской династіи, однимъ словомъ, выпадеть жребій царствовать въ переходное время, такъ какъ нельзя иначе назвать ту эпоху, которую переживаетъ теперь не только Испанія, но и Италія. Эта послѣдняя, несмотря на всѣ потраченныя усилія, не можетъ еще войти въ нормальное положеніе, и никогда это не было такъ ясно, какъ въ послѣднее время, когда палата представляла самое странное зрѣлище. Министерство постоянно на волоскѣ, внутри его вѣчный кризисъ, партіи въ самой лютой борьбѣ между собою, подозрительность другъ къ другу невѣроятная и рядомъ съ этимъ, это только и есть отраднаго, — свобода націи остается неприкосновенна, ею только и держится, кажется, все зданіе. Тѣмъ не менѣе, положеніе страны трудное, Богъ знаетъ, сколько времени продлится это ненормальное состояніе, которое доказываетъ только одно, что здоровая политическая жизнь развивается туго, медленно, и тѣмъ медленнѣе, чѣмъ дольше какая-нибудь страна находилась подъ гнетомъ произвола.

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

(Письма въ редакцію).

I.

Отнимите у новыхъ судовъ, созданныхъ судебными уставами 20-го ноября 1864 года, *маасность* судопроизводства и вы этимъ самымъ нанесете смертельный ударъ тому учрежденію, которое призвано перевоспитать Россію. Но что разумѣть подъ именемъ *маасности*? Ужь не то ли, что двери судебной камеры открыты для всѣхъ и что каждому дозволено обсуживать въ печати все, происходившее на судѣ? И да, и нѣтъ! По-настоящему, контроль публики надъ судомъ невозможенъ, если въ самомъ законѣ не будутъ начертаны вышеуказанныя права; но, съ другой стороны, контроль публики получить дѣйствительное значеніе отнюдь не отъ того, что будетъ написано въ уставѣ, но только отъ того, въ какой мѣрѣ публика будетъ пользоваться своимъ правомъ, въ какой мѣрѣ публика окажется подготовленною къ роли, предоставленной ей въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Съ этой точки зрѣнія *маасность* судопроизводства мирового суда въ провинціи поставлена въ совершенно особыя условія, на которыя, къ сожалѣнію, еще мало обра-

щено вниманія печатью. Не трудно представить себѣ камеру мирового судьи въ селѣ: благодаря отсутствію путей сообщенія и недостатку въ досугѣ, для большинства представителей сельской интеллигенціи, люди, знающіе законы и обязанности судьи, посѣщаютъ камеру весьма рѣдко; камера почти всегда наполнена крестьянами, не имѣющими никакой возможности контролировать дѣйствія судьи. Если относиться къ дѣлу безъ предвзятыхъ идей и совершенно искренно, то трудно не придти къ тому заключенію, что судья, провѣряемый только такою публикою, которая не въ состояніи подмѣтить отступленій отъ закона, дѣйствуетъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, дѣйствуетъ въ присутствіи публики, но не *публично*, не *ясно*, въ истинномъ значеніи этого слова. Что же будетъ изъ мирового суда, если *ясность* разбора дѣлъ обратится для того въ пустую форму безъ содержанія? Что будетъ изъ мирового суда, если мыслящее меньшинство не сочтетъ своимъ святымъ долгомъ стать на сторожѣ въ огражденіе дѣятельнаго, а не формальнаго, контроля публики надъ судьей? Результатъ такого положенія вещей едва ли окажется отраднымъ; мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи падаютъ особенныя обязанности на нашу печать, которая не должна дать заглохнуть и заплескѣвъ провинціальному мировому суду, не находящему достаточнаго возбужденія и провѣрки въ той сферѣ, среди которой онъ дѣйствуетъ. Между тѣмъ обратитесь къ періодической печати и вы почти не встрѣтите извѣстій о провинціальныхъ мировыхъ судьяхъ, критической оцѣнки дѣятельности ихъ, за исключеніемъ указаній на такіе скандалы, которые нарушаютъ своею своеобразностію тишь и гладь провинціальной жизни. Близко поставленные къ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ въ провинціи, мы рѣшаемся отъ времени до времени вести о нихъ бесѣду съ читателемъ, для того, чтобы оказать свою долю содѣйствія *ясности* этого дѣла. Но задача печати, по отношенію къ провинціальной мировой юстиціи, не исчерпывается сообщеніемъ извѣстій о ходѣ дѣла; она имѣетъ и другое поприще, не менѣе плодотворное: печати предстоитъ разрѣшеніе вопроса, въ какой мѣрѣ примѣнимы судебныя уставы, давшіе прекрасные результаты для столицъ и городовъ вообще, къ провинціи, къ сельской жизни, представляющей бездну особенностей? Мы постараемся въ своихъ письмахъ касаться и этого вопроса.

Не приступивъ еще къ лѣтописи, мы, быть можетъ, уже успѣли вызвать возраженія; намъ скажутъ: дѣйствія мирового судьи въ провинціи провѣряются не только публикою, которая многого не замѣтитъ, но и съѣздомъ мировыхъ судей, въ который вносятся дѣла, по апелляціи и кассациі. Въ отвѣтъ на это необходимо сказать то же, что мы сказали о гласности: дѣло не только въ *правѣ* апеллировать, но и въ томъ, какъ этимъ правомъ *пользуются*. Имѣя дѣло съ новыми

учрежденіемъ, никогда не слѣдуетъ терять изъ виду ту *старую* почву, на которую оно пересаживается. Скажите, читатель, чистосердечно, что могло воспитать въ крестьянинѣ такія понятія, которыя допускали бы въ немъ увѣренность въ томъ, что ему не достанется за то, если онъ *пожалуется на начальство*? Или вы не помните того, какъ всячески старались внушать, что указаніе, въ предѣлахъ закона, на ошибки начальствующихъ лицъ, равносильно сопротивленію власти, роняетъ авторитетъ послѣдней и ведетъ къ безпорядкамъ.... Мировой судья является новымъ «начальствомъ» въ глазахъ крестьянина и не мало пройдетъ времени до тѣхъ поръ, пока большинство крестьянъ, воспитанное крѣпостнымъ правомъ, или окружными начальниками, будетъ апеллировать въ сѣздъ: не оглядываясь и безъ всякихъ опасеній. За первые три мѣсяца дѣятельности мирового суда въ Екатеринбургской губерніи, намъ уже не разъ приходилось слышать отъ тяжущихся, сътовавшихъ на рѣшеніе судьи, въ отвѣтъ на вопросъ нашъ, подадутъ ли они жалобу въ сѣздъ: «Боже сохрани; это я такъ только говорю, стану ли я жаловаться на судью!» Наша публика часто опасается оскорбить судью подачею жалобы, задѣтъ его самолюбіе, совершенно не понимая того, что добросовѣстный судья заинтересованъ въ томъ, чтобы жалоба на него состоялась и чтобы коллегія судей, т.-е. сѣздъ провѣрилъ дѣйствія единоличнаго суда, т.-е. судьи. При такихъ условіяхъ право апелляціи и кассациіи, въ особенности если принять во вниманіе неграмотность народа и совершенное отсутствіе адвокатовъ, является такимъ правомъ, которое въ настоящую минуту еще не имѣетъ существеннаго практическаго значенія и пользованіе которымъ должно быть воспитано въ публикѣ самимъ судомъ. Такъ, напримѣръ, многимъ ли изъ обвиняемыхъ извѣстно, что лицу, обвиненному мировымъ судьей, если только обвинитель доволенъ приговоромъ, *во всякомъ случаѣ* прямой расчетъ перенести дѣло въ сѣздъ, который, согласно 168 ст. угол. суд., въ правѣ уменьшить положенное наказаніе, но не въ правѣ увеличить его. Не падаетъ ли святой долгъ на судью выяснять это своей неграмотной публикѣ? Не падаетъ ли на него долгъ всячески развѣивать въ лицахъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, сознаніе правъ и обязанностей сторонъ въ дѣлѣ, пониманіе того, что жалоба на приговоръ, или рѣшеніе судьи, никакъ не можетъ задѣвать его самолюбія, такъ какъ составляетъ лишь одно изъ средствъ къ раскрытію той истины, къ выясненію которой судья стремился добросовѣстно, во быть можетъ ошибочно. Съ другой стороны значительная доля отвѣтственности за то, охотно ли тяжущіеся переносятъ дѣла изъ первой во вторую инстанцію, падаетъ на самый сѣздъ мировыхъ судей, который можетъ привлечь къ себѣ публику безпристрастнымъ разборомъ дѣлъ, или оттолкнуть ее, если бы сѣздъ судей превра-

тился въ сѣздѣ товарищей судьи, призванныхъ прикрыть ошибку своего товарища, хотя бы въ ущербъ истинѣ.

Законъ старался предусмотрѣть и предупредить возможность такого отношенія мирового сѣзда къ дѣлу. Допущеніе на сѣздѣ почетныхъ мировыхъ судей, избираемыхъ обыкновенно не изъ тѣхъ слоевъ, изъ среды которыхъ выходятъ участковые судьи, служить нѣкоторою гарантіею того, что въ сѣздѣ не водворится духъ ложно-понимаемаго товарищества; присутствіе на сѣздѣ прокурорскаго надзора служить ручательствомъ за возможность вознагражденія правды путемъ кассациі приговора сѣзда, если бы правда была имъ нарушена. Лучшею же гарантіею честности стремленій сѣзда можетъ служить добросовѣстное отношеніе судей къ дѣлу, подъ контролемъ публики, составъ которой на сѣздѣ значительно отличается отъ личнаго состава ея въ камерѣ села и настолько, что присутствіе публики на сѣздѣ, въ большинствѣ случаевъ, не по имени только, но на дѣлѣ, образуетъ *массовое* судопроизводство. Въ виду указанныхъ гарантій правъ тяжущихся представляется совершенно излишнимъ всякое иное стѣсненіе суда, выражающее недовѣріе къ нему, уменьшающее его нравственное значеніе и его отвѣтственность, что всегда дурно отзывалось на дѣятеляхъ и на дѣлѣ. Такимъ стѣсненіемъ представляется намъ примѣненіе къ мировымъ сѣздамъ 148 ст. устава судебн. установленій, которое обязательно, согласно рѣшенію кассац. деп. сената 1866 года, № 116. Согласно этой статьѣ закона, не могутъ присутствовать въ одномъ и томъ же засѣданіи судьи, состоящіе между собою въ родствѣ, по прямой линіи, безъ ограниченія степеней, а въ боковыхъ до четвертой и въ свойствѣ до второй степени включительно. Такое требованіе закона, по отношенію къ обширнымъ судебнымъ мѣстамъ, вполне понятно, въ виду многочисленности судебного персонала и назначенія чиновъ судебного вѣдомства отъ правительства, которое, при замѣщеніи вакансій, располагаетъ лучшими людьми цѣлой Россіи. Не удобно ли относиться съ такимъ требованіемъ къ земскому собранію, которое, избирая судей, почти всегда вынуждено искать ихъ исключительно въ средѣ жителей той именно мѣстности, для которой устривается судъ, и при этомъ крайне затруднено тѣмъ, что въ провинціи вообще, а въ малонаселенныхъ губерніяхъ въ особенности чувствуется недостатокъ въ людяхъ съ юридическою подготовкою и готовыхъ бросить свое хозяйство, для того, чтобы посвятить все время обязанностямъ участковаго мирового судьи. На званіе же почетнаго мирового судьи у насъ до сихъ поръ смотрятъ какъ на такое званіе, которое, предоставляя извѣстныя права, не возлагаетъ никакихъ обязанностей и люди, этимъ званіемъ облеченные, готовы разстаться съ нимъ при первомъ случаѣ, который доказывалъ бы, что они ошибались въ своихъ предположеніяхъ касательно отношеній почетнаго мирового судьи къ

дѣлу, по закону. Въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ землевладѣльцамъ, къ числу которыхъ принадлежитъ значительное большинство мировыхъ судей, ничего не оставалось болѣе, какъ породниться между собою, если они не желали оставаться холостыми. Какъ поступить здѣсь земское собраніе, какъ поступать судьи, избирая предсѣдателя сѣзда? Въ состояніи ли избиратели вынести рядомъ со всѣми условіями, затрудняющими выборы въ провинціи, еще и то условіе, чтобы такимъ образомъ избрать судей и предсѣдателя, чтобы сѣздъ могъ состояться при примѣненіи къ нему 148 ст. суд. установленій? Едва ли указанное нами разъясненіе сената не поведетъ къ значительнымъ затрудненіямъ на практикѣ; за примѣрами ходить не далеко: 7-го августа не состоялся сѣздъ мировыхъ судей александровскаго мирового округа въ селеніи Гуляй-Полѣ только вслѣдствіе примѣненія къ нему 148 ст. судебн. установл.; тамъ же одинъ изъ участковыхъ судей навсегда лишенъ возможности бывать на сѣздѣ изъ-за того, что онъ женатъ на единокровной сестрѣ предсѣдателя сѣзда. Если только допустить, что родство можетъ вліять на отношеніе судьи къ дѣлу, то казалось бы всего болѣе можно было опасаться того, чтобы родственникъ судьи, рѣшившаго дѣло, участвовалъ въ разборѣ дѣла во второй инстанціи; между тѣмъ мы не встрѣчаемъ подобнаго запрещенія въ законѣ, что положительно разъяснено рѣшеніемъ угол. кассац. деп. 1867 г. № 509. Всѣ эти соображенія даютъ намъ право сомнѣваться въ томъ, чтобы примѣненіе сенатомъ статьи 148 суд. установленій, — при томъ условіи, что согласно 118 ст. угол. суд. и 80 гражд. суд., для мировой юстиціи *обязательно* примѣненіе, въ извѣстныхъ случаяхъ, только законовъ о судопроизводствѣ, для общихъ судебныхъ мѣстъ установленныхъ, а отнюдь не законовъ о *судоустройствѣ*, — чтобы примѣненіе сенатомъ означенной статьи закона къ мировымъ сѣздамъ было дѣлесообразно и непосредственно вытекало изъ духа судебныхъ уставовъ, оказавшихъ большое довѣріе мировому суду, какъ суду выборному и призванному дѣйствовать только въ той мѣстности, по сознанію которой извѣстныя лица признаны достойными своего назначенія. Вопросъ о непримѣнимости ст. 148 судебныхъ установленій къ мировымъ сѣздамъ возбужденъ, чрезъ посредство прокуратуры, на основаніи 136 ст. суд. установл., сѣздомъ Александровскаго уѣзда; весьма желательно, для дѣла, чтобы прокурорскій надзоръ нашелъ возможнымъ дать дальнѣйшее движеніе вопросу, поднятому сѣздомъ.

Для того, чтобы устранить всякую возможность заподозрить александровскій сѣздъ въ желаніи вести дѣло «по домашнему», вслѣдствіе отмѣны запрещенія засѣдать родственникамъ въ одномъ засѣданіи, я спѣшу указать теперь же на другое постановленіе сѣзда, вполне выясняющее его стремленія и имѣющее тѣсную связь съ вопросомъ о *максимости* разбора въ участковой камерѣ, съ обсужденія

котораго мы начали письмо. Александровскій съѣздъ и александровскіе судьи уже успѣли почувствовать то, что въ сельскихъ камерахъ присутствіе публики не всегда имѣетъ значеніе гласнаго разбирательства и контроля надъ судьей, а потому на съѣздѣ возникъ вопросъ о томъ, въ чемъ состоятъ обязанности предсѣдателя съѣзда, по отношенію къ участковымъ судьямъ. За отсутствіемъ точныхъ указаній въ законѣ, могло бы показаться съ перваго взгляда, что власть предсѣдателя съѣзда прекращается вмѣстѣ съ закрытіемъ засѣданія съѣзда. Но въ виду того, что по ст. 253 чины прокурорскаго надзора обращаются къ предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ, сообщая имъ о замѣченныхъ ими отступленіяхъ отъ законовъ; что по ст. 250 судебное мѣсто, замѣтивъ неправильное дѣйствіе подвѣдомственнаго ему установленія, или должностнаго лица, принимаетъ мѣры къ восстановленію нарушеннаго порядка; что по ст. 64 непосредственный надзоръ за мировыми судьями принадлежитъ съѣзду, и наконецъ, что по ст. 251 судебн. установл. въ каждомъ судебномъ мѣстѣ ближайшій надзоръ за тѣмъ, чтобы всѣ исполняли свои обязанности, принадлежитъ *предсѣдателю*—александровскій съѣздъ, въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный предсѣдателемъ его, въ отсутствіи предсѣдателя, въ бытность на лицо всѣхъ участковыхъ судей и лишь одного почетнаго, по избраніи предсѣдательствующаго изъ своей среды, постановилъ, что по мнѣнію съѣзда предсѣдатель съѣзда обязанъ доложить съѣзду о всякомъ нарушеніи закона, имъ лично усмотрѣнномъ въ камерѣ суда, или сдѣланшемся ему извѣстнымъ инымъ путемъ. Появленіе предсѣдателя, въ числѣ публики, въ участковой камерѣ, послужить, послѣ вышеизложеннаго постановленія съѣзда, нѣкоторую гарантію *гласности* разбора дѣлъ, въ истинномъ значеніи этого слова. Такое постановленіе съѣзда доказываетъ, кажется намъ, самое искреннее желаніе, со стороны участковыхъ судей, добросовѣстно служить дѣлу и наносить послѣдній ударъ отжившему чувству такъ-называемаго товарищества между слугами общества, которому нерѣдко приносилось у насъ въ жертву самое дѣло; послѣ такого постановленія заявленіе предсѣдателя съѣзду никому не можетъ показаться фискальствомъ, нарушеніемъ, со стороны предсѣдателя, предѣловъ вѣдомства, но лишь исполненіемъ тяжелаго долга, возлагаемаго на него закономъ и совѣстью. Такого постановленія съѣзда нельзя не считать признакомъ нравственнаго роста нашего общества, которое, какъ мы уже сказали, должно быть перевоспитано судомъ.

Кратковременное существованіе мирового суда въ Екатеринославской губерніи уже успѣло доказать, насколько намъ нужно благотворное вліяніе суда; хотя, къ сожалѣнію, есть уже доказательства и того, что сами судьи не всегда умѣютъ отрѣшиться отъ того, что воспитано въ нихъ прошлымъ. Такъ, въ іюль мѣсяцѣ, мировые судьи 1-й и 2-й инстанціи, въ городѣ Екатеринославѣ, были заняты, между

прочимъ, весьма любопытнымъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, какіе дѣйствія считать «обидою дѣйствіемъ», предусмотрѣнною уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. На этомъ вопросѣ стѣбитъ остановиться, такъ какъ понятіе общества и суда о томъ, что обидно и что необходимо лучше всего обрисовываетъ самое общество. Приведемъ примѣры: генераль-маіоръ Герсевановъ, предсѣдатель екатеринославской губернской земской управы и предсѣдатель новомосковского сѣзда мировыхъ судей, подалъ жалобу мировому судѣ 1-го участка города Екатеринослава на екатеринославскаго губернатора, обвиняя 1) Василя Дмитриевича Дунина-Барковскаго, какъ частное лицо, въ нанесеніи ему обиды *на письмѣ* и обвиняя 2) въ тоже время его, какъ губернатора, въ различныхъ обидныхъ дѣйствіяхъ. Первое обвиненіе г. Герсеванова основано на томъ, что г. Барковскій, присутствуя на обѣдѣ, данномъ сенатору Шахматову 8-го апрѣля, по случаю празднованія открытія новаго суда въ Екатеринославѣ, не предложилъ г. Герсеванову къ подписи благодарственную телеграмму, именемъ всѣхъ сословій отправленную съ обѣда генераль-губернатору. Почему это составляетъ *обиду*—это дѣло г. Герсеванова и никто не въ правѣ требовать отъ него отчета въ его чувствахъ; но публика въ правѣ была бы желать того, чтобы г. Герсевановъ разъяснилъ, почему содѣянное г. Барковскимъ, какъ частнымъ лицомъ, за обѣдомъ, составляетъ обиду *на письмѣ*? Правда, что обвинитель далѣе доказываетъ, что въ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатана телеграмма безъ подписи г. Герсеванова. Но, если виновенъ въ этомъ г. Барковскій, то не какъ частное лицо, а какъ официальный цензоръ губернскихъ вѣдомостей. Вообще говоря, вопросъ не лишенъ интереса: обвинитель признаетъ обиду на письмѣ *опущеніе* имени его въ печати, т. е. *отсутствіе* письма на его счетъ. Переходимъ ко второму обвиненію г. Герсеванова; и это обвиненіе въ началѣ опять связано съ обѣдомъ. Дѣло въ томъ, что г. Герсевановъ, какъ предсѣдатель управы, въ числѣ другихъ, просилъ генераль-губернатора принять обѣдъ отъ общества и обѣдъ состоялся 10-го мая; но въ описаніи обѣда, помѣщенномъ въ № 41 «Екатер. Губернскихъ Вѣдомостей», объ участіи г. Герсеванова въ этомъ дѣлѣ не упомянуто. Это опущеніе своего имени г. Герсевановъ вновь считаетъ обидою на письмѣ. Затѣмъ г. Герсевановъ переходитъ къ обзорѣнню своихъ служебныхъ отношеній къ начальнику губерніи, при чемъ обвиняетъ послѣдняго въ томъ, что въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ екатерин. губернскаго земскаго собранія, напечатанныхъ въ «Екатерин. Губ. Вѣд.», выпущено все то, что для г. Герсеванова могло быть «лестно».

Предоставляя читателю обсудить, насколько подобныя заявленія въ судѣ могутъ быть лестны и даже прелестны, перейдемъ къ дѣлу объ обидѣ, рѣшенному екатеринославскимъ мировымъ сѣздомъ; въ

этомъ дѣлѣ, кажется намъ, взглядъ самихъ судей на обиду отличается нѣкоторою оригинальностію. Вотъ въ чемъ дѣло: идетъ по улицѣ чиновникъ и зоветъ извозчика, который къ нему подъѣзжаетъ, но, ударивъ по лошадамъ, тотчасъ же отъѣзжаетъ, вмѣсто того чтобы предложить ему свои услуги. Чиновникъ жалуется судѣ на извозчика, обвиняя послѣдняго въ нанесеніи ему обиды дѣйствіемъ, состоящей въ томъ, что извозчикъ отъ него отъѣхалъ, не касаясь его тѣла, но совершивъ тѣмъ дѣйствіе, коснувшееся его души: онъ оскорбилъ его тѣмъ, что не подалъ экипажа. Мировой судья приговариваетъ извозчика, если не ошибаемся, къ четыремъ двамъ ареста и съѣздъ утверждаетъ приговоръ мирового судьи. Итакъ, на екатеринославской песчаной почвѣ укореняется понятіе о томъ, что всякое дѣйствіе обидное составляетъ обиду дѣйствіемъ и наказуемо по закону! Ничего не остается болѣе предположить, такъ какъ въ Екатеринославѣ не существуетъ никакихъ правилъ объ извозничьей ѣздѣ, за нарушеніе которыхъ извозникъ могъ бы быть наказанъ. Надобно полагать, что екатеринославскіе жители будутъ весьма тщательно отдавать другъ другу визиты, такъ какъ не отдать визита, а остаться дома, значить совершить *delictum*, которое многимъ можетъ показаться *obidum* и потому, съ извѣстной точки зрѣнія, будетъ наказуемо, какъ обида дѣйствіемъ. Такой приговоръ суда можетъ вызвать критику юристовъ, но въ народѣ едва ли вызоветъ неудовольствіе: масса разсудитъ, что извозникъ не былъ учтивъ, и что поэтому за дѣло и наказанъ; въ этого однако вовсе не слѣдуетъ того, чтобы судъ долженъ былъ карать за дѣянія, ненаказуемыя по закону, и подводить подъ обиду дѣйствіемъ поступки, ничего съ нею не имѣющіе общаго.

Говоря вообще, оцѣнка извѣстныхъ дѣйствій юристами и массою народа далеко не всегда сходятся. Представляемъ себѣ слѣдующіе случаи, весьма обыденные въ практикѣ мирового суда въ провинціи: стоятъ въ деревнѣ двѣ хаты, рядомъ другъ возлѣ друга; въ одной изъ нихъ живетъ крестьянинъ, а въ другой мѣщанинъ, котораго крестьянинъ, приученный уже къ тому, чтобы лица высшихъ сословій пользовались преимуществами, отнюдь не считаетъ выше себя. Въ обѣихъ хатахъ произошло воровство; въ обонхъ случаяхъ похитителями оказались крестьяне; у мѣщанина украдена индѣйка, стоящая 60 коп. сер., а у крестьянина похищена послѣдняя корова, стоящая 29 р. сер. Уличенные въ воровствѣ крестьяне наказываются слѣдующимъ образомъ: крестьянинъ, укравшій индѣйку, отправляется въ острогъ на три мѣсяца; крестьянинъ же, уворовавшій корову, приговаривается мѣстнымъ волостнымъ судомъ къ семи днямъ ареста при волостномъ правленіи. Для юристовъ такой исходъ дѣла весьма понятенъ: воровство индѣйки было подсудно мировому судѣ и такъ какъ цѣнность похищеннаго оказалось выше 50 к. сер., то согласно статьямъ 169, 12

и 171 устава о наказ. *низшею* мѣрою наказанія за воровство оказалось заключеніе въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца. Воровство коровы не было подсудно мировому суду (угол. суд. ст. 34 п. 3-й), потому что за воровство до 30 р. сер., крестьяниномъ у крестьянина, виновный подсуденъ волостному суду, который, по статьѣ 102 Положенія объ освобожденіи крестьянъ, не имѣетъ права лишить его свободы болѣе, чѣмъ на семь дней. Все это, повторяемъ, понятно судьямъ и юристамъ, но на практикѣ даетъ самыя печальныя результаты и вовсе не понятно народу. «За что такая напасть», думаетъ крестьянинъ, «что за пустякъ, который стянешь не у крестьянина, идешь въ острогъ, а у нашего брата послѣднюю коровенку отними, то на недѣлю въ холодную посадятъ; у нашего брата, значить, воровать ничего—а пановъ не тронь». Того онъ не разсудитъ, что точно также будетъ осужденъ мировымъ судьей и мѣщанинъ, который укралъ бы пару куръ у крестьянина; онъ не разсудитъ этого, потому что тамъ, гдѣ 98 процентовъ населенія составляютъ крестьяне, естественно и большинство воровъ относятся къ крестьянскому сословію, а случаи воровства лицами другихъ сословій составляютъ большую рѣдкость. Народъ слышалъ о томъ, что устраняется судъ, *рачный* для всѣхъ, и никакъ не разрѣшить вопроса, почему крестьянское добро, т. е. добро огромнаго большинства населенія не охраняется закономъ? Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы было желательно усилить мѣру наказанія за воровство крестьяниномъ у крестьянина; мы желаемъ обратить вниманіе читателя на то, что со введеніемъ мирового суда крестьяне бѣгутъ отъ суда волостного, и какъ мы видѣли и слышали это сотни разъ, крайне удивлены тѣмъ, что мировой судья не принимаетъ къ разбору дѣлъ, подсудныхъ волостному суду и въ томъ числѣ вышеуказанныхъ случаевъ воровства до 30 р. сер. Мы позволяемъ себѣ настаивать на томъ, что народъ стремится къ мировому судѣ и знать не хочетъ суда волостнаго; въ народѣ слишкомъ много здраваго смысла, для того чтобы не предпочесть мирового судьи волостнымъ судьямъ; оба суда выборныя, но велика разница въ способности къ дѣлу и независимости того и другого. Мы ни на минуту не сомнѣваемся въ томъ, что въ непродолжительномъ будущемъ волостныя суды будутъ преобразованы и согласованы съ мировою юстиціею; мы не сомнѣваемся въ этомъ, потому что ежедневно слышимъ о неудовлетворительности волостнаго суда и о развращающемъ вліяніи, которое производитъ на народъ снисходительность приговора волостнаго суда, сравнительно съ пизшею мѣрою наказанія, возможною при разборѣ дѣла о воровствѣ мировымъ судьей. Но полагаемъ, что съ передачею всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, не моущихъ оканчиваться примиреніемъ, изъ вѣдомства волостнаго суда въ вѣдѣніе мировой юстиціи, было бы крайне необходимо не связывать послѣдней опредѣленіемъ наименьшаго срока тюремнаго заключенія

за воровство, ограничиваясь лишь назначеніемъ одного высшаго предѣла, подобно тому, напримѣръ, какъ въ наказаніяхъ за проступки противъ порядка управленія, указаны лишь высшіе размѣры наказаній, а пониженіе ихъ предоставлено, подъ извѣстными условіями, совѣсти судьи.

Недавно осужденъ въ александровскомъ округѣ крестьянинъ, за воровство куска стекла, къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца (стекло оцѣнено въ 55 к. сер.), въ самую рабочую пору, что лишаетъ его средствъ жизни на цѣлый годъ. Неужели народъ когда-нибудь признаетъ справедливымъ такой приговоръ, хотя и подчинится ему?... Совершенно иначе относится народная молва къ тому, что мариупольскій мировой судья, вслѣдствіе жалобы чумака на то, что богатый негоціантъ, при расчетѣ за пшеницу, настоялъ на томъ, что въ мѣшкѣ, вѣсящемъ 1 ф. есть 5 ф. вѣса и поэтому расчету недоплатилъ за пшеницу деньги — приговорилъ негоціанта къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ мѣсяць, согласно 173 статьѣ устава о наказаніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ богатство и образованіе, при желаніи эксплуатировать мошеннически голыша, являются обстоятельствомъ значительно увеличивающими вину подсудимаго въ глазахъ массы; а съ бѣдняка что взять, думаетъ народъ! Что съ нимъ подѣлаешь, когда онъ голоденъ, не одѣтъ, не обутъ и никто его добру не училъ!...

Много, много вопросовъ возникаетъ отъ практики мирового суда въ провинціи, если только всматриваться въ окружающее и вслушиваться въ говоръ народа. Но время не позволяетъ намъ длить бесѣду съ читателемъ сегодня, а потому и прерываемъ ее до слѣдующаго раза.

ВАРОНЪ Н. КОРЪ.

Александровскій уѣздъ
Екатеринославской губ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Парижъ, (9) 21 сентября 1869.

Переходное время, которое теперь переживаетъ Франція, ни на чемъ, можетъ быть, не отражается такъ ярко, какъ на французской журналистикѣ. Еще недавно забытая, задавленная, она достигла, въ какіе-нибудь два года, почти той же степени вліянія и силы, съ которой ее низвергъ декабрьскій переворотъ 1851 года. Число газетъ увеличивается постоянно, и нѣкоторыя изъ вновь основанныхъ изданій успѣли уже стать наряду съ ветеранами журнальнаго міра. Каждая партія, каждый отдѣлокъ партіи старается имѣть свой органъ; прежнее однообразіе уступаетъ мѣсто самой разноцвѣтной картинѣ. Разногласіе проникаетъ даже въ среду офиціозныхъ журналовъ, подобно тому, какъ оно проникло въ правительственныя сферы. Представителемъ стараго бонапартизма остается только одинъ «*Reus*»; падающій порядокъ вещей—и это чуть ли не самое краснорѣчивое его осужденіе — не имѣетъ другихъ защитниковъ, кромѣ презрѣннаго Гранье де-Кассаньяка и журнальныхъ бреттеровъ, имъ руководимыхъ. «*Public*», органъ Руэра, присоединяется сначала къ «*Reus*», но поспѣшно переходитъ на другую сторону и вдается въ либерализмъ, которому никто не вѣритъ. «*Peuple français*», это любимое чадо самого императора, играетъ роль столь же неопредѣленную, какъ и императорская политика послѣднаго времени, колеблющаяся между письмомъ къ Макбó и посланіемъ 12-го іюля, между посланіемъ 12-го іюля и отсрочкой засѣданій законодательнаго корпуса. «*Patrie*», «*France*», «*Constitutionnel*» пишутъ и не находятъ твердой точки опоры между партией Руэра, которую они покидаютъ, какъ мыши погибающій корабль, — и средней партией, къ которой они не рѣшаются пристать, потому что еще не увѣрены въ ея успѣхѣ. Средняя партія или такъ-называемая династическая оппозиція, три-четыре года тому назадъ не существовавшая вовсе, усиливается въ журналистикѣ, какъ и въ парламентѣ, и располагаетъ цѣлымъ рядомъ газетъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ «*Liberté*», «*Presse*» и «*Moniteur Universel*». «*Journal des Débats*» и «*Journal de Paris*» стоятъ на рубежѣ между династическою оппозиціей и орлеанизмомъ, который можетъ быть еще не такъ близокъ къ кончинѣ, какъ это часто утверждаютъ.

Группа клерикальныхъ журналовъ обнимаетъ собою всѣ оттѣнки католической политики или политическаго католицизма, начиная съ велико-ретрограднаго «Univers» до полу-либеральной «Union» и почти совсѣмъ либеральной (повидимому) «Gazette de France». Но первенство числа, какъ и первенство вліянія, безспорно принадлежитъ демократической оппозиціи, десять лѣтъ тому назадъ сосредоточивавшейся въ одномъ «Siècle», а теперь насчитывающей въ Парижѣ по крайней мѣрѣ десять распространенныхъ ежедневныхъ изданій. «Opinion Nationale», руководимая друзьями принца Наполеона, принадлежитъ къ этой оппозиціи больше по имени, нежели на самомъ дѣлѣ, но въ вопросахъ церковныхъ, въ вопросахъ народнаго образованія демократія можетъ рассчитывать на ея поддержку. «Temps» и «Siècle», эти геркулесовы столбы оппозиціи 1863—67 г., считаются теперь, вмѣстѣ съ «Nationale», органами умѣренно-демократической партіи. «Avenir National» «Tribune», «Electeur Libre» составляютъ переходъ къ представителямъ крайней демократіи, «Réveil» и «Rappel», немислимыя при дѣйствіи прежняго закона о печати. Прибавимъ къ этому «Universel», газету безъ ясно опредѣливагося направленія, но служащую демократіи извѣстными «парижскими письмами» Альсеста, неразгаданный псевдонимъ котораго уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду занимаетъ парижскую публику; «Cloche» Ульбаха, идущаго по стопамъ Ромфора; «Charivari», по необходимости робій въ своихъ карикатурахъ (полчищенныхъ цензурѣ), но тѣмъ сильнѣе бьющій въ цѣль своими юмористическими статьями.

Въ провинціальной прессѣ произошла переимѣна менѣ замѣтная, но можетъ быть еще болѣе существенная. Оппозиціонный журналъ еще недавно былъ рѣдкостью въ провинціи; теперь онъ становится потребностью для каждаго департамента. Вліяніе вновь основанныхъ изданій выразилось уже весьма ясно во время послѣднихъ выборовъ. Оффиціальный департаментскій журналъ, печатаемый во время выборовъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, раздаваемый безплатно во всѣхъ общинахъ, не имѣлъ прежде соперниковъ и могъ безпрепятственно распространять клевету, выдумки всякаго рода противъ оппозиціонныхъ кандидатовъ. Какъ только оппозиція получила возможность отвѣчать журналистамъ префектуры, исходъ борьбы пересталъ быть безусловно благопріятнымъ для правительства. Сельское населеніе, до сихъ поръ вездѣ и всегда слѣпо повиновавшееся указаніямъ администраціи, начинаетъ открывать глаза, сравнивать предлагаемыхъ ему кандидатовъ и сознавать, что ему принадлежитъ свобода выбора между ними. Департаментъ Верхней Луары, во время второй республики считался однимъ изъ самыхъ враждебныхъ президенту; въ населеніи его, бѣдномъ, озлобленномъ нуждою, были рас-

пространены довольно сильно не только республиканскія, но и коммунистическія идеи. Въ послѣднія двадцать лѣтъ положеніе дѣлъ перемѣнилось; благодаря желѣзнымъ дорогамъ цѣнность поземельной собственности—по крайней мѣрѣ въ сѣверной части департамента—возрасла втрое, вчетверо и даже болѣе; крестьяне, болѣею частью мелкіе собственники, разбогатѣли и стали относиться къ коммунизму не съ сочувствіемъ, а съ ненавистью и страхомъ. Эксплуатируя этотъ страхъ, правительство располагало въ департаментѣ Верхней Луары значительнымъ большинствомъ голосовъ. Когда во время послѣднихъ выборовъ Гюйо-Монперу выступилъ оппозиционнымъ кандидатомъ въ сѣверномъ округѣ департамента (arrondissement de Brioude), администрація пустила въ ходъ противъ него старыя средства: она огласила его коммунистомъ, стремящимся къ раздѣлу поземельной собственности (partageux), хотя въ сущности онъ едва ли даже можетъ быть названъ демократомъ¹⁾. Если бы этотъ маневръ остался неотраженнымъ, онъ весьма легко могъ бы доставить побѣду администраціи. Но Гюйо-Монперу, человекъ дѣятельный, честолюбивый и богатый, выставилъ батарею противъ батареи; онъ основалъ въ Бриудѣ независимый журналъ, наводнилъ имъ всѣ угли и закоудки избирательнаго округа, посѣтилъ самъ всѣ главныя общины и доказалъ избирателямъ, на словахъ и въ печати, что коммунизмъ его существуетъ только въ воображеніи префекта и подпрефекта. Результатомъ этой дѣятельности было избраніе Гюйо-Монперу въ депутаты весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ — избраніе, которому администрація не хотѣла вѣрять до самой послѣдней минуты. Столь же важную роль играла оппозиціонная провинціальная пресса на выборахъ въ Брестъ, въ департаментѣ Сены-и-Уазы и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Возвращаясь къ парижской прессѣ. Перечисляя парижскіе журналы, я не назвалъ двухъ газетъ, занимающихъ весьма видное мѣсто въ французской журналистикѣ: «Figaro» и «Gaulois»²⁾. Дѣло въ томъ, что эти газеты—явленіе совершенно своеобразное, свойственное только современной Франціи. «Figaro» приобрѣлъ извѣстность въ то время, когда во Франціи не было настоящей политической прессы, когда французское общество не имѣло ни права, ни охоты заниматься серьезными вопросами, когда легкая литература захватила почти всю об-

¹⁾ Во время короткой сессіи законодательнаго корпуса Гюйо-Монперу отличился, правда, крайне-рѣзкой выходкой противъ Руэра, но принялъ приглашеніе къ обѣду въ Сень-Клу, отвергнутое всеми членами демократической оппозиціи.

²⁾ Къ этой же категоріи журналовъ принадлежитъ «Paris» и нѣкоторые другіе, менѣе распространенные.

ласть журналистики, когда умѣнье забавлять публику сдѣлалось для газеты лучшимъ источникомъ успѣха — и лучшею гарантіею безопасности. За отсутствіемъ другихъ интересовъ, вниманіе общества сосредоточилось на сплетняхъ и скандалахъ, на финансовыхъ операціяхъ болѣе или менѣе сомнительнаго свойства, на мірѣ камелій или коготь. «Figaro» задалъ себѣ задачей поставлять публикѣ самую обильную, разнообразную и свѣжую (въ смыслѣ новизны) пищу этого рода, въ формѣ по возможности пикантной и остроумной. Задача была исполнена удачно. Наступилъ 1862 годъ, годъ пробужденія политической жизни во Франціи—пробужденія медленнаго, постепеннаго, продолжающагося и до настоящаго времени. «Figaro» сумѣлъ примѣниться къ новымъ требованіямъ общества; онъ пришилъ новый кусокъ къ своему старому платью, и оставаясь разносчикомъ сплетень, сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ слегка фронтёромъ. Хроники Рошфора упрочили славу «Figaro»; ему не доставало только ореола административныхъ гоненій—неуклюжее усердіе Лавалетта и Пинара доставило ему и этотъ ореолъ. Вооруженный такимъ образомъ, онъ выдержалъ кризисъ 1868—69 г. и сохранилъ или можетъ быть даже расширилъ свой кругъ читателей, несмотря на выходъ Рошфора, несмотря на возрастающее вліяніе чисто-политическихъ журналовъ, несмотря на появленіе подражателей, во главѣ которыхъ стоитъ «Gaulois». Главная отличительная черта «Figaro» и «Gaulois»—это отсутствіе опредѣленнаго направленія, отсутствіе единогласія даже между постоянными сотрудниками журнала. Редакторъ «Figaro» Вилльмессанъ — типъ беззащитнаго, ловкаго литературнаго афериста—считается клерикаломъ и легитимистомъ; это не мѣшаетъ ему соединять вокругъ себя бонапартистовъ въ родѣ Витю, орлеанистовъ и вольтеріанцевъ въ родѣ Вильмо, полу-республиканцевъ въ родѣ Ришара. Редакторъ «Gaulois» Тарбе также называетъ себя вѣрующимъ католикомъ; но большинство сотрудниковъ его при каждомъ удобномъ случаѣ смѣется надъ католицизмомъ. По вторникамъ передовую статью въ «Gaulois» пишетъ Фр. Сарсе, ученикъ и поклонникъ философовъ XVIII вѣка, по средамъ—Барбе д'Орвилли, талантливый литературный критикъ, но отчаянный реакціонеръ и клерикаль. Какой-то извѣстный католическій проповѣдникъ, кажется отецъ Гиацинтъ—сказалъ недавно въ собраніи общества друзей мира, что религія католическая, протестантская и еврейская равноправны передъ цивилизаціей. «Gaulois» успѣшилъ похвалить этотъ просвѣщенный образъ мыслей — но на другой же день напечаталъ статью Барбе д'Орвилли, въ которой либеральный проповѣдникъ былъ смѣшанъ съ грязью. Пускай только статья будетъ написана живо, забавно, *забористо*—«Figaro» и «Gaulois» не затруднятся напечатать ее, какова бы ни была ея основная мысль. Постоянно гоняся

за успѣхомъ, за оглаской, «Figaro» и «Gaulois» соперничаютъ между собою въ изобрѣтеніи чрезвычайныхъ приманокъ для привлеченія публики. «Figaro» объявляетъ въ юніѣ мѣсяцѣ, что выпуститъ un punché à surprise — и печатаетъ подробный рассказъ объ іюньскихъ дняхъ 1848 года. «Gaulois» слѣдуетъ его примѣру и помѣщаетъ, 27-го, 28-го и 29-го іюня, описаніе событій, совершившихся, въ тѣже самые дни, въ 1830 году. Затѣмъ «Gaulois» объявляетъ конкурсъ для молодыхъ начинающихъ писателей, общая печатать двѣнадцать недѣль сразу, по воскресеньямъ, лучшую изъ присланныхъ ему статей, и затѣмъ выдать тысячу франковъ автору той статьи, которая будетъ признана лучшею изъ двѣнадцати ¹⁾. «Figaro» слишкомъ гордъ, чтобы сдѣлать тоже самое; но чтобы отпарировать ударъ, нанесенный ему «Gaulois», онъ начинаетъ выпрашивать по нѣскольکو строкъ у знаменитостей всякаго рода—политическихъ, литературныхъ, артистическихъ, и собравъ достаточное количество автографовъ, печатаетъ ихъ въ нѣскольکو приемовъ подъ названіемъ «альбома Фигаро». Соперничество между «Figaro» и «Gaulois» этимъ не ограничивается: каждый изъ нихъ старается перегнать другого въ сообщеніи новостей, начиная съ самыхъ важныхъ до самыхъ пустыхъ и не интересныхъ. «Histoire de tenir la corde», говоритъ съ скромно-торжествующимъ видомъ то одинъ, то другой изъ нихъ, повѣствуя міру, что такіе-то petits sçevés только-что обмѣнялись пулями изъ-за такой-то petite dame, или что такая-то актриса (извѣстная только посѣтителямъ кафе монмартрскаго бульвара) заключила контрактъ съ директоромъ такого-то крошечнаго театра. Само собою разумѣется, что при этой погонѣ за новостями нѣтъ времени повѣрять ихъ достовѣрность; сколько разъ «Figaro» и «Gaulois» праздновали свадьбу между людьми, никогда не выдавшими другъ друга, убивали людей совершенно здоровыхъ ²⁾, создавали пьесы или книги, о которыхъ ничего не звалъ самъ авторъ! «Gaulois» сообщаетъ сегодня, неодобрительно качая головой, что позолота купола на церкви Инвалиднаго дома стоила милліонъ франковъ. Ему сообщаютъ завтра, съ доказательствами въ рукахъ, что позолота купола, вмѣстѣ съ его починкой, стоила только восемьдесятъ тысячъ франковъ; онъ спокойно печатаетъ сообщеніе, не считая даже нужнымъ оправдать или объяснить чѣмъ-нибудь свою колоссальную ошибку. Но настоящая дѣятельность вѣстовщиковъ начинается только тогда, когда что-нибудь сильно интересуеъ парижскую публику. Сколько хлопотъ причинила имъ,

¹⁾ Довольно забавно то, что «Gaulois» сумѣлъ сдѣлать изъ этого конкурса выгодную для себя аферу. За хорошую передовую статью платится обыкновенно сто франковъ— а «Gaulois» заплатитъ за двѣнадцать статей только тысячу!

²⁾ Это случилось не дальше какъ на дняхъ съ отцомъ Э. Оливье.

напримѣръ, недавняя болѣзнь императора. Они находили возможность узнать и повѣдать своимъ читателямъ, въ которомъ часу всталъ императоръ, изъ чего состоялъ его завтракъ, на чью руку онъ опирался, гуляя по саду въ Сенъ-Клу. Одинъ изъ сотрудниковъ «Gaulois» поселился въ Сенъ-Клу (вѣроятно у привратника дворца) и посматривалъ оттуда ежедневно списокъ лицъ, вѣхавшихъ во дворецъ и выѣхавшихъ изъ него, свѣдѣнія о томъ, сколько минутъ каждый посѣтитель пробывъ въ кабинетѣ императора, сколько разъ дано было приказаніе запрягать и распрягать карету императора, и т. п. Читая эти свѣдѣнія, можно было, по справедливому замѣчанію одного изъ оппозиціонныхъ журналовъ, вообразить себя перенесеннымъ въ то время, когда Данжо велъ записки о числѣ слабительныхъ и другихъ лекарствъ, принятыхъ Людовикомъ XIV. Сравненіе между двумя эпохами оказывается, впрочемъ, не въ пользу XIX вѣка, потому что записки Данжо, если я не ошибаюсь, не предназначались для печати¹⁾.

Почетное мѣсто между новостями, сообщаемыми «Figaro» и «Gaulois», занимаютъ, конечно, новости скандальныя. Нигдѣ вы не найдете такъ скоро извѣстія о дракѣ, происшедшей въ Bal Mabille, или о процессѣ между мужемъ и женой, который предполагается начать въ парижскомъ судѣ. Игрные столы въ Баденъ-Баденѣ и Гомбургѣ, загородное гулянье въ окрестностяхъ Парижа, фешонабельныя французскія villes d'eaux въ родѣ Виши, состоятъ подъ особеннымъ наблюденіемъ фельетонистовъ «Figaro» и «Gaulois» и служатъ для нихъ неистощимымъ источникомъ такъ-называемыхъ *racontars*—новое слово, изобрѣтенное для новой формы переливанія изъ пустого въ порожнее. Монополию этого занятія раздѣляетъ съ ними, впрочемъ, *маленькая пресса*, т. е. журналы по одному су, также созданныя имперіей и также перешедшіе безъ существенной перемѣны въ новый періодъ жизни французской прессы.

Особенность «Figaro», отличающая его отъ «Gaulois» и другихъ газетъ той же категоріи—это нерасположеніе къ таланту, во всему, что возвышается надъ общимъ уровнемъ литературы. Нерасположеніе это высказывается очень осторожно и только противъ тѣхъ писателей, которыхъ въ данную минуту не поддерживаетъ мода, за которыхъ не вступится масса публики. Я не принадлежу къ числу поклонниковъ Флобера, но нельзя не признать, что онъ одинъ изъ немногихъ современныхъ французскихъ беллетристовъ, произведенія которыхъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Онъ пишетъ мало и на

¹⁾ Погоня за новостями встрѣчается, конечно, и въ другихъ парижскихъ журналахъ; но ни одинъ изъ нихъ не доводитъ ее до такихъ размѣровъ, какъ «Figaro» и «Gaulois».

половину забить публикою, передъ которой онъ намѣренъ выступить черезъ нѣсколько недѣль съ новымъ романомъ. «Figaro» выбираетъ эту минуту, чтобы осмѣять его—а кто же не знаетъ, какъ велико во Франціи значеніе насмѣшки, въ особенности остроумной? Основываясь на слухѣ, что новый романъ Флобера переписанъ съ особенною роскошью и хранится въ драгоценномъ ящикѣ, «Figaro» рисуетъ цѣлый рядъ забавныхъ сценъ, происходящихъ между Флоберомъ и издателями его сочиненій, и наполняетъ ихъ самыми ѣдкими нападеніями на дарованіе Флобера. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что Флоберъ постоянно носитъ съ собою записную книжку, въ которую записываетъ все видѣнное и слышанное имъ, и что его романы—не что иное какъ мозаика, составленная изъ этихъ кусочковъ и отрывковъ. Другая выходка такого же свойства направлена противъ Ренана. Въ одной провинціальной труппѣ, говоритъ «Figaro» былъ «jeune premier», хорошо пѣвшій романсъ: «Heureux habitants des doux vallons de l'Helvétie». За отсутствіемъ другихъ шансовъ успѣха, онъ вставлялъ этотъ романсъ во всѣ свои роли, и благодаря ему былъ принимаемъ публикой довольно благосклонно. Тогда товарищи его составили противъ него маленькій заговоръ. Труппа прѣзжаетъ въ городъ, въ которомъ она еще не давала представленій. Въ третьей сценѣ пьесы, которою она дебютируетъ, долженъ появиться—jeune premier и спѣть свой знаменитый романсъ. Занавѣсъ поднимается; выходитъ актриса и поетъ: «Heureux habitants» и т. д. Публика аплодируетъ. Во второй сценѣ выходитъ père noble и опять поетъ: «Heureux habitants» и т. д. Публика удивлена, но молчитъ. Наступаетъ третья сцена; jeune premier, не зная, что до него происходило, выходитъ, раскланивается и начинаетъ пѣть, «Heureux habitants» и т. д. Публика убѣждена, что это мистификація, и шикаетъ несчастному пѣвцу и его наскучившей пѣснѣ. Г. Ренанъ—продолжаетъ «Figaro»—разыгралъ ту же самую роль, съ тою только разницею, что онъ самъ пропѣлъ три раза одну и ту же пѣсню. Въ первый разъ—въ «Vie de Jésus»—она понравилась публикѣ; во второй разъ—въ «Apôtres»—она не произвела никакого впечатлѣнія; въ третій разъ—въ «Saint Paul»—она возбудила всеобщую тоску и скуку. Въ этой злой сатирѣ на Ренана есть небольшая доля справедливости; въ его историческихъ сочиненіяхъ звучитъ однообразная сентиментальная нота, часто переходящая въ тонъ совершенно фальшивый. Справедливо и то, что «Apôtres» и «St. Paul» далеко не имѣли громаднаго успѣха первой части «Origines du christianisme». Но развѣ это даетъ добросовѣстной критикѣ право относиться къ Ренану такъ, какъ отнесся къ нему «Figaro»? Развѣ въ сочиненіяхъ Ренана нѣтъ ничего, кромѣ сентиментальности и сладенькихъ фразъ? Послѣдніе два тома «Origines du christianisme» гораздо серьезнѣе, чѣмъ первый —

и этимъ объясняется, можетъ быть, меньшая популярность ихъ во Франціи. Для «Figaro» подобныя соображенія не существуютъ; онъ знаетъ только, что публика отвернулась отъ Ренана — и пользуется случаемъ, чтобъ лягнуть его, въ великому удовольствію многочисленныхъ его враговъ и недоброжелателей.

Какую роль играютъ «Figaro» и «Gaulois» въ политической борьбѣ, которая теперь происходитъ во Франціи? Искренняго убѣжденія, самостоятельнаго взгляда они конечно въ нее не вносятъ; но общій колоритъ ихъ — оппозиціонный, и удары, наносимые ими правительству, попадаютъ иногда въ цѣль довольно мѣтко. Редакторы политической хроники въ «Figaro» и «Gaulois» (Жюль Ришаръ и Гекторъ Пессаръ) принадлежатъ къ числу лучшихъ сотрудниковъ этихъ журналовъ — лучшихъ не только по таланту, но и по добросовѣстности (конечно относительной). Ни тотъ, ни другой, однако, не отличается особенною послѣдовательностью. Ришаръ, теперь смѣющийся надъ Э. Оливье, поддерживалъ его во время выборовъ противъ Ванселя; Пессаръ, говорящій иногда тономъ республиканца, сдѣлался внезапно поклонникомъ принца Наполеона. Съ достовѣрностью можно сказать только одно: «Figaro» и «Gaulois» нападаютъ на правительство, потому что оппозиція теперь въ модѣ, потому что оппозиціонные журналы продаются лучше консервативныхъ. Оппозиція «Figaro» и «Gaulois» можетъ даже служить, до извѣстной степени, политическимъ барометромъ для правительства; усиленіе ея соотвѣтствуетъ пониженію правительственныхъ фондовъ, и наоборотъ. Иностранною политикою «Figaro» и «Gaulois» или не занимаются вовсе, или занимаются такъ странно, что читателю невольно приходятъ на мысль обвиненія въ продажности, которымъ часто подвергались разные органы парижской прессы. Такъ, напримѣръ, «Gaulois», нѣсколько недѣль тому назадъ, внезапно, безъ всякой видимой причины, началъ поносить Пруссію и восхвалять Австрію — и этотъ маневръ повторяется имъ, въ той или другой формѣ, почти ежедневно.

Таковы, въ главныхъ чертахъ два журнала, расходящіеся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ («Figaro» имѣетъ до двѣнадцати тысячъ подписчиковъ или покупателей въ одномъ Парижѣ), читаемые всеми классами общества, служащіе ежедневно матеріаломъ и предметомъ разговоровъ какъ на парижскихъ бульварахъ, такъ и въ самыхъ отдаленныхъ городкахъ Франціи. Чтò они имѣютъ большое вліяніе на общественное мнѣніе — это несомнѣнно; но ошибочно было бы выводиться отсюда заключеніе, безусловно неблагопріятное для французскаго общества. Успѣхъ «Figaro» и «Gaulois» объясняется съ одной стороны остроуміемъ, въ которомъ у нихъ, безспорно, нѣтъ недостатка, съ другой стороны долговременной привычкой къ поверхностной жур-

нальной болтовни—привычкой, пережившей тотъ порядокъ вещей, при которомъ она сложилась. Несмотря на блескъ, которымъ она еще окружена, *левая пресса* отживаетъ свой вѣкъ и должна, въ непродолжительномъ времени, или довершить преобразование, которое уже началось въ ея средѣ, или сойти со сцены, которую она занимала слишкомъ долго.

Съ какимъ запасомъ идей, съ какими чувствами принялась французская пресса за работу, прерванную шестнадцатилѣтнимъ гнетомъ? Воспользовалась ли она горькими уроками сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, или про нее можно сказать, какъ про Бурбоновъ, что она ни чему не научилась и ничего не забыла? Похожи ли журналы 1869 г. на журналы 1847 г.? Сходство между ними во многихъ отношеніяхъ слишкомъ большое, но есть и различіе, позволяющее ожидать лучшей будущности для Франціи. Главная черта сходства заключается въ томъ раздорѣ, который господствуетъ въ средѣ оппозиціонныхъ журналовъ. Какъ ни далека династическая оппозиція отъ республиканской партіи, у нихъ еще слишкомъ много общихъ стремленій и цѣлей, чтобы можно было одобрить явную вражду между ними. Еще менѣе понятно ожесточеніе, съ которымъ такъ-называемые «непримиримые» республиканцы нападаютъ на умѣренныхъ демократовъ. Новобранцы демократіи, «*Rappel*» и «*Réveil*», относятся къ своимъ собратьямъ съ высокоуміемъ, ни на чемъ не основаннымъ и ничѣмъ не оправдаваемымъ. Сотрудники «*Siècle*» и «*Temps*» вынесли на своихъ плечахъ самое тяжелое время административнаго полновластія надъ печатью, подобно тому какъ Ж. Фавръ, Пикаръ, Гарнье-Паже, Ж. Симонъ выдержали неравную борьбу съ официальнымъ большинствомъ законодательнаго корпуса. Въ глазахъ «*Réveil*» и «*Rappel*» это прошедшее какъ бы не существуетъ; исторія демократической партіи въ императорской Франціи начинается для нихъ только съ тѣхъ поръ, какъ они выступили на журнальную сцену, а Бансель, Гамбетта, Распаль—на сцену законодательнаго корпуса. Въ пользу редактора «*Réveil*», Делеклюза, говорить, до извѣстной степени, то обстоятельство, что онъ пострадалъ за свои убѣжденія, былъ сосланъ въ Гвіану и нѣсколько разъ присужденъ къ тюремному заключенію; но редакторы «*Rappel*» не имѣютъ даже и этого оправданія—а между тѣмъ самообольщеніе ихъ простирается еще гораздо дальше, тѣмъ самообольщеніе «*Réveil*». Редакція «*Rappel*» страдаетъ, прежде всего, тою формою идолопоклонства, которую кто-то очень удачно назвалъ «*hugolatricie*»; ея оракулъ В. Гюго, помѣщающій иногда въ «*Rappel*» свои невыносимо-высокопарныя прорицанія и невозможныя фразы. Отголоски этихъ фразъ слышатся въ статьяхъ поклонниковъ и подражателей В. Гюго—сыновей его Франсуа и Шарля, Вакри, Мѣриса, Ф. Пиа и др. Рошфоръ

печатаеть два раза въ недѣлю политическія хроники — блѣдную (по таланту, но не по энергіи выраженій) копію съ первыхъ номеровъ «Lanterne» — и поклоняется въ нихъ какъ В. Гюго, такъ и самому себѣ. Въ тумана, напущеннаго такимъ образомъ на странницы «Varrel», стоятъ только Эд. Лавруа и Жюль Кларесв, живые, остроумные, смѣлые писатели, но конечно не первоклассные публицисты. Я не думаю, чтобы «Varrel» внесъ въ журнальную полемику хотя одну новую идею — а между тѣмъ онъ держитъ себя такъ, какъ будто бы въ его рукахъ — и только въ его рукахъ — участь французскаго народа. «Réveil» стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше «Varrel» (и пользуется несравненно меньшимъ успѣхомъ); но и въ немъ встрѣчаются такіа выходки, какъ слѣдующее восклицаніе Делеклюза: «дайте намъ (т. е. крайнимъ демократамъ) *листъ бумаги и часъ времени* — и мы составимъ счастье Франці!»¹⁾ Интересъ французской демократіи очевидно заключается въ томъ, чтобы сохранять, поддерживать всѣ наличныя силы, которыми она располагаетъ; «Réveil» пользуется самымъ ничтожнымъ поводомъ, чтобы бросить грязью въ одного изъ лучшихъ представителей провинціальной демократіи, Лавертюжона. Почему? потому что онъ намѣренъ выступить кандидатомъ въ восьмомъ парижскомъ избирательномъ округѣ (вакантномъ вслѣдствіе избранія Ж. Симона въ Бордо), въ которомъ «Réveil» хочетъ доставить побѣду одному изъ «irréconciliables». Нужно отдать справедливость умѣренно-демократическимъ журналамъ; они не отвѣчаютъ «Varrel» и «Réveil» въ томъ тонѣ, какииъ говорятъ послѣдніе и только этимъ предупреждаютъ открытую борьбу, результаты которой были бы губельны для демократіи. Какъ бы то ни было, образъ дѣйствій крайнихъ демократическихъ журналовъ — если онъ соотвѣтствуетъ настроенію крайней демократіи — заставляетъ предполагать, что въ случаѣ торжества враговъ имперіи во Франціи легко могутъ повториться событія 1848 года.

Другая, утѣшительная сторона медали, это — распространеніе болѣе здравыхъ взглядовъ на причины политическихъ невзгодъ, которымъ такъ часто подвергалась Франція, и на средство къ предупрежденію ихъ. Прежде все вниманіе политическихъ реформаторовъ сосредоточивалось на формѣ правленія, т. е. на устройствѣ центральнаго правительства; о коренномъ преобразованіи мѣстнаго управленія никто не думалъ. Легитимисты и орлеанисты, бонапартисты и республиканцы были равно усердными поклонниками административной централизаціи, видѣли въ ней послѣднее слово политической мудрости и лучшее основаніе для національной гордости французовъ. Уваженіе къ административной

¹⁾ Я цитую не буквально, но смыслъ фразы переданъ мною вѣрно.

системѣ, созданной или лучше сказать вновь организованной Наполеономъ I-мъ, простиралось такъ далеко, что ни одна изъ политическихъ бурь, слѣдовавшихъ за паденіемъ первой имперіи, не коснулась знаменитой 75-й статьи конституціи VIII-го (1799 года)—статьи, запрещающей судамъ принимать жалобы частныхъ лицъ на чиновниковъ безъ предварительнаго разрѣшенія государственнаго совѣта. Засѣданія генеральныхъ (департаментскихъ) и окружныхъ совѣтовъ до сихъ поръ не публичныя; вліяніе ихъ гораздо меньше, чѣмъ вліяніе нашихъ только-что созданныхъ земскихъ учреждений. Вторая имперія нанесла послѣдній ударъ мѣстной общественной жизни, присвоивъ правительству назначеніе меровъ, уничтоживъ всякое выборное управленіе въ Парижѣ и Ліонѣ и предоставивъ префектамъ право замѣнять, на время, выборный муниципальный совѣтъ административною комиссіею. Избытокъ зла привелъ, какъ это часто бываетъ, къ хорошему результату. Французы поняли наконецъ, что прочная свобода въ центрѣ государства невозможна безъ самостоятельной дѣятельности отдѣльныхъ составныхъ частей его. Газеты всѣхъ партій и направленій требуютъ отмены 75-й статьи конституціи VIII-го года, избранія меровъ муниципальными совѣтами или непосредственно общинами, расширенія круга дѣйствій генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ, однимъ словомъ — административной децентрализаціи. Само собою разумѣется, что съ этимъ словомъ соединяются еще самыя различныя понятія, чаще узкія, нежели широкія; но движеніе, однажды начавшееся и подерживаемое такъ единодушно, приведетъ, раньше или позже, къ желанной цѣли. Уже теперь высказывается мысль, что искусственное, произвольное дѣленіе на департаменты должно быть замѣнено образованіемъ болѣе крупныхъ административныхъ единицъ, соотвѣствующихъ той естественной связи, которая устанавливается между отдѣльными мѣстностями географическимъ положеніемъ ихъ и тождествомъ или сходствомъ интересовъ. Если этой мысли суждено перейти въ дѣло, то осуществленію ея поможетъ, безъ сомнѣнія, сила преданій, завѣщанныхъ прежнимъ провинціальнымъ устройствомъ Франціи, преданій, до сихъ поръ еще не угасшихъ, несмотря на нивелирующую дѣятельность конвента, первой имперіи и всѣхъ послѣдующихъ правительствъ. Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующій фактъ, заимствуемый мною изъ вѣрнаго источника. Сѣверная часть департамента Верхней Луары, отдѣленная отъ южной хребтомъ горъ (черезъ который только теперь проводится желѣзная дорога), принадлежала прежде къ Оверни, южная—къ Лангедоку. Со времени соединенія ихъ въ одно цѣлое прошло восемьдесятъ лѣтъ — но онѣ все еще тяготеютъ болѣе къ прежнимъ своимъ историческимъ центрамъ, чѣмъ другъ къ другу. Жители Бриуда по прежнему посылаютъ своихъ дѣтей, для

воспитанія, не въ Ле-Пюи (главный городъ департамента Верхней Луары, лежащій въ южной его части), а въ Клермонъ, бывшую столицу Оверни, съ которою они соединены множествомъ общихъ интересовъ; для жителей Ле-Пюи ту же самую роль, хотя и въ меньшей степени (такъ какъ у Ле-Пюи больше собственныхъ ресурсовъ), играетъ Нимъ, бывшая столица Лангедока. Говорятъ даже, что жители обоихъ городовъ враждебно расположены другъ къ другу. Этотъ примѣръ конечно не единственный въ своемъ родѣ; Бретань, Провансъ, Гасконъ сохранили, несмотря на раздробленіе свое, множество особенностей, благодаря которымъ онѣ легко могли бы быть пробуждены къ самостоятельной провинціальной жизни.

Между вновь основанными ежедневными газетами, какъ и между прежними, нѣтъ, если я не ошибаюсь, ни одной, которая отличалась бы чисто-соціалистическимъ направленіемъ. «Courrier Français» Вермореля, «Réforme» Малеспина издавались, кажется, въ этомъ духѣ; но они больше не существуютъ ¹⁾ и мѣсто ихъ никѣмъ не занято. Какъ объяснить это явленіе, въ виду усиливающагося броженія соціалистическихъ идей, такъ ясно выразившагося на базельскомъ конгрессѣ?— Укажу, въ заключеніе, еще на одну характеристическую черту французской журналистики: преобладаніе газетъ надъ такъ-называемыми толстыми журналами. Число послѣднихъ, со времени изданія новаго закона о печати, почти не увеличилось. Конечно, бѣлая свобода политической жизни всегда отражается преимущественно на ежедневной прессѣ; но съ развитіемъ послѣдней идетъ обыкновенно рука объ руку и распространеніе еженедѣльныхъ, ежемѣсячныхъ, трехмѣсячныхъ періодическихъ изданій, какъ это ясно доказываетъ примѣръ Англіи. Если Франція составляетъ исключеніе изъ общаго правила, то ее объясняется ли это тѣмъ, что она отвыкла отъ усиленной умственной работы, которой требуетъ (сравнительно съ чтеніемъ газетъ) чтеніе толстыхъ журналовъ? Не слѣдуетъ ли ожидать, что значеніе этого отдѣла періодической литературы будетъ возрастать во Франціи по мѣрѣ того, какъ будетъ падать подорванное уже господство легкой прессы?

Р. S. Убіеніе въ Обервилль — это страшное побоище, на которомъ уже нѣсколько дней сосредоточено все вниманіе парижанъ и

---

¹⁾ «Réforme», говорятъ, скоро появится вновь, подъ редакціей П. Леру, который намѣренъ возвратиться во Францію. Консидерана, извѣстнаго послѣдователя Фура, также ожидаютъ въ Парижѣ.

подробности котораго безъ сомнѣнія извѣстны читателямъ — даетъ маѣ поводъ довершить характеристичку «Figaro» и «Gaulois». Эти газеты, какъ и слѣдовало ожидать, стали во главѣ всеобщей погони за невестами, которую возбудила первая вѣсть объ убійствѣ. Сотрудники «Figaro» поспѣшили въ Рубе — мѣсто жительства убитыхъ, въ Гербиеллеръ (въ Эльзасѣ) — родину ихъ, затѣмъ въ Гавръ, гдѣ былъ арестованъ Тропманнъ. «Gaulois» обнаружилъ дѣятельность нѣсколько меньшую, но за то помѣстилъ портреты сначала трехъ жертвъ убійства, потомъ всѣхъ шести, въ томъ видѣ, въ какомъ они лежали на доскахъ Морги ¹⁾. «Figaro» напечаталъ планъ квартиры, которую семейство Кинкъ занимало въ Рубе; «Gaulois» напечаталъ видъ забора и крестовъ, поставленныхъ на мѣстѣ убійства. Не ограничиваясь этимъ безмольнымъ соперничествомъ, они вступили въ полемику между собою, обвиняя другъ друга въ сообщеніи неточныхъ, невѣрныхъ свѣдѣній и восхваляя достовѣрность собственныхъ своихъ сообщеній. «Пожалуйте ко мнѣ, мой товаръ самый отличный, товаръ сосѣда никуда не годится», кричатъ они во все горло, зазывая публику въ свою лавочку. Это было бы только смѣшно; но вотъ что гораздо хуже. Съ самаго перваго дня «Figaro» и «Gaulois» стали обвинять въ совершеннѣй убійства Кинка и старшаго его сына. Не довольствуясь оглашеніемъ данныхъ болѣе или менѣе шаткихъ, они дѣлали изъ этихъ данныхъ самые рѣшительные выводы. Арестъ Тропманна остановилъ ихъ на этой дорогѣ; они поняли, что обвиненіе Кинковъ было по меньшей мѣрѣ преждевременно, и съ такою же легкостью, съ какою пустили его въ ходъ, стали доказывать всю его невѣроятность. Имъ кажется и не приходитъ на мысль, что съ обвиненіемъ въ матерубійствѣ и дѣтубійствѣ слѣдуетъ обращаться осторожно; что уголовное дѣло — не предметъ для игры въ загадки и разгадки; что еслибы Кинкъ отецъ или сынъ былъ найденъ до опроверженія первоначальныхъ извѣстій о дѣлѣ, то онъ могъ бы быть разорванъ въ куски разъяренною толпою. Они предполагаютъ совершенно спокойно, что если Тропманнъ называетъ Кинковъ сообщниками своими, то дѣлаетъ это вѣроятно подъ вліяніемъ прочитанныхъ имъ журнальныхъ статей; они не замѣчаютъ, что въ этомъ предположеніи заключается самое горькое осужденіе ихъ безумной суеты и лихорадочно-поспѣшныхъ заключеній. Они знаютъ только, что благодаря убійству въ Обервиллѣ, журналы раскодаются въ двойномъ количествѣ экземпляровъ ²⁾, и ста-

¹⁾ Morgue—это мѣсто, въ которомъ выставляются тѣла убитыхъ, самоубійцъ, скоропостижно умершихъ или погибшихъ отъ несчастнаго случая, до опознанія ихъ родственниками или знакомыми

²⁾ По собственнымъ словамъ «Figaro», число продаваемыхъ имъ экземпляровъ внезапно возросло на 30,000!

раются только поддержать какъ можно дольше, возбудить какъ можно сильнѣе любопытство публики. Безспорно, въ этомъ страстномъ любопытствѣ заключается главный источникъ зла—но это не оправдываетъ журналовъ, такъ безстыдно эксплуатирующихъ слабость общества. Нужно отдать справедливость демократической прессѣ, въ особенности «Réveil» и «Parnel»; она плыветъ противъ течения и порицаетъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ какъ публику, такъ и слишкомъ усердныхъ ея прислужниковъ. Наравнѣ съ «Figaro» и «Gaulois» отличается маленькая пресса—«Petit Journal» и т. п., доказывая еще разъ, какъ необходима коренная реформа въ нравахъ этой отрасли періодической литературы. Если припомнить, въ какой тѣсной связи состоитъ наденіе журналистики съ политическимъ режимомъ двухъ послѣднихъ десятилѣтій, что нельзя не примѣнить къ послѣднему восклицаніе поэта:

«An seinen Früchten»
Sollt Ihr ihn erkennen!

К. АРСЕНЬЕВЪ.

26-го (14-го) сентября.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

СЕНТЯВРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Бѣда рѣчи, терниность и наши законы о печати. Слб. 1869.

Въ то время, когда наша ежедневная журналика заговорила объ измѣненіяхъ, въ духѣ акціи, законовъ о печати, является популярное сочиненіе, задавшееся мыслью убѣдить широкій русскій міръ въ громадной пользѣ, носимой свободой рѣчи, и въ громадномъ гдѣ, приносимомъ ея стѣсненіями. «Сочиненіе это, говоритъ неизвѣстный авторъ, написано не для какой-нибудь партіи или части общества, оно написано для всѣхъ. Свобода и одинаково выгодна для всѣхъ.» Словойто въ сочиненіи, патриотизмъ, одушевляющій автора, прекрасная цѣль его и удивительное исполненіе, по всей вѣроятности исполненіи надлежащимъ образомъ оцѣнено читателями, какъ уже оцѣнено оно главнымъ правительствомъ по дѣламъ печати, которое не оставило эту книгу, хотя въ ней много истинъ, но противоположныхъ тѣмъ, которыхъ держитъ наше законодательство о печати. Этотъ прекрасный актъ заслуживаетъ полного уваженія и мы исполняемъ только свой долгъ, вѣдая означенному учрежденію должную уважительность и желая «Свободѣ рѣчи» какъ во большаго распространенія.

образно цѣли своей, авторъ не вѣдается

въ философскія разсужденія, не поражаетъ глубиною анализа въ области теоріи, а аргументируетъ очень просто: исходя изъ того положенія, что для преуспѣванія всякой страны, какова бы ни была ея политическая форма, необходима безусловная свобода печати, онъ старается доказать эту истину историческими примѣрами. Шагъ за шагомъ онъ ведетъ читателя изъ одной страны въ другую и говорить: вотъ здѣсь свобода слова была стѣснена, мысль преслѣдовалась самымъ нестерпимымъ образомъ, вѣрованія подвергались остракизму, огню и мечу — и вотъ результаты: обдѣленіе страны, уменьшеніе населенія, упадокъ производительности во всѣхъ сферахъ дѣятельности, плохая администрація, безнаказанно и нагло злоупотребляющая своею властью, общее отупѣніе и апатія или развитіе въ народѣ самыхъ враждебныхъ чувствъ къ существующему порядку, который онъ разрушаетъ при первой возможности взрывами, извѣстными подъ именемъ революцій, разрушаетъ безъ сожалѣнія, въ увѣренности, что хуже ему не будетъ ни въ какомъ случаѣ, что бы тамъ ни произошло, а на лучшее есть по крайней мѣрѣ надежда.

Напротивъ, вотъ другая страна, которая завоевала себѣ свободу рѣчи: тутъ развитіе промышленности и торговли, высокой уровень

просвѣщенія, любовь къ порядку, здоровый консерватизмъ, хорошая администрація, болящаяся не только произвола, но даже ошибокъ, и отсутствіе революціонныхъ взрывовъ, которые предупреждаются своевременнымъ удовлетвореніемъ народныхъ нуждъ и требованій, находящихся свой голось въ періодической печати. И это понятно и естественно: «Свобода рѣчи менѣе всего располагаетъ къ политической или соціальной мечтательности, и подобныя утопіи могутъ распространяться въ народѣ и служить средствомъ для его возбужденія только тамъ, гдѣ умъ народный не можетъ приобрести солиднаго закала по причинѣ цензурныхъ стѣсненій и литературной мартирологіи. При свободѣ рѣчи политическія и соціальныя формы всегда гармонируютъ съ нравственнымъ настроеніемъ и умственнымъ развитіемъ народа, — имъ гораздо труднѣе выходитъ изъ этой рамки, гдѣ народъ чувствуетъ себя спокойно и хорошо, и принимать угловатая и болѣзненно раздражающія формы, которая почти всегда встрѣчаются при отсутствіи вольнаго слова».

Подтвердивъ все это примѣрами, съ которыми авторъ отправляется не только въ европейскія страны и Америку, но даже въ глубь Азии, онъ слѣдитъ за развитіемъ свободы слова въ разныхъ государствахъ, отмѣчаетъ ошибки правителей, по временамъ бросая въ нихъ негодованіемъ, указываетъ, какимъ образомъ извѣстная страна подвергалась разложенію и какъ она оживлялась, смотря по тому, въ какомъ положеніи находилась въ ней свобода рѣчи. Такая аргументація, при всей своей простотѣ, безспорно имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства особенно для той публики, которой не подь силу сочиненія болѣе глубока. Большую часть книги авторъ посвящаетъ изложенію судьбы свободы слова въ странахъ болѣе или менѣе отъ насъ далекихъ; осталая часть достается на долю нашихъ законовъ о печати, причѣмъ авторъ остается на той же исторической почвѣ.

Прежде всего его занимаетъ вопросъ: возможна ли свобода слова въ неограниченной монархіи? Европейскіе писатели отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно; нашъ авторъ отвѣчаетъ на него положительно. «Неограниченная монархія, замѣчаетъ онъ, не есть какое-нибудь уродливое произведеніе природы.

При извѣстномъ состояніи общества, она естъ плодъ естественнаго процесса... Если она способна естественно вырасти, то способна такъ же къ дальнѣйшему правильному развитію съ помощію свободнаго слова.» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Ученые западной Европы до сихъ поръ увѣрены, что неограниченная монархія — это форма насилія, которая можетъ удерживаться только стѣсненіями. Еслибъ неограниченная монархія покинула эти стѣсненія, то народъ увидѣли бы съ удивленіемъ, что формы, въ которыхъ они живутъ, зависятъ отъ ихъ собственныхъ мыслей и чувствъ, а вовсе не отъ штыковъ, которыя находятся надъ ними. Такъ какъ государи управляли бы неизбежно въ духѣ народовъ, потому что вліяніе прессы было бы на нихъ слишкомъ сильно, чтобы не дать ихъ мыслямъ направленіе сообразное съ теченіемъ общественнаго мнѣнія, то, во-первыхъ, ихъ положеніе было бы гораздо обезпеченнѣе, а во-вторыхъ, неограниченное правленіе сохранилось бы гораздо долѣе, точно такъ же, какъ англійская аристократія сохранила свое вліяніе долѣе французской.» *N'insistons pas.* Читателю важнѣе узнать причины, по которымъ свобода слова необходима въ Россіи. Причины эти общеизвѣстны и авторъ не упустилъ ни одной изъ нихъ изъ виду; они могутъ показаться общими мѣстами, но въ популярномъ сочиненіи совершенно у мѣста. Историческая основа идетъ, какъ вездѣ, на первомъ мѣстѣ, но чтобы быть вразумительнымъ для наибольшаго числа читателей, авторъ преимущественно останавливается на военномъ дѣлѣ, показывая совершенство его или недостатки въ зависимости отъ свободы слова. Двѣнадцатый годъ показалъ, что мы уже отстали отъ европейцевъ въ интеллектуальномъ и механическомъ развитіи и если имѣли перевѣсъ надъ ними, то единственно благодаря силѣ патриотизма и степенію случайныхъ обстоятельствъ; севастопольская кампанія еще болѣе наглядно показала нашу отсталость: «Въ послѣднее время царствованія Николая, говоритъ авторъ, случилось ясно для всѣхъ глазъ, до какой степени стѣсненіе свободнаго развитія мысли можетъ ослабить государство.... Еслибъ у насъ въ сороковыхъ годахъ существовала свобода рѣчи, неужели возможна была бы севастопольская катастрофа, неужели могло случиться, чтобы наша армія столкнулась лицомъ къ лицу съ

щественнымъ непріятелемъ безъ надлежащаго оружія и безъ достаточнаго числа способныхъ офицеровъ? Еслибъ возможно было энергично нападать на дѣйствія бывшаго тогда военнаго министра, то развѣ могла бы у насъ такъ и держаться мысль, что хорошее вооруженіе не годно для нашего войска и что ему можно одерживать побѣды и при плохомъ оружіи.. Если вооруженіе нашей арміи и въ настоящее время не такъ хорошо, какъ въ иностранныхъ другихъ странахъ, то что же этому причиной, если не недостатокъ свободы слова? Отъ севастопольской кампаніи авторъ переходитъ къ польскому мятежу, который усмирилъ мы такъ долго, хотя «нигдѣ мятежники не могли составить арміи и очень рѣдко могли сосредоточить нѣсколько тысячъ регулярнаго войска... При началѣ возстанія въ домъ краѣ находилось, по крайней мѣрѣ, по двухъ сотъ тысячъ войска; а у мятежниковъ, въ различныхъ шайкахъ, можетъ быть, исключеніемъ самаго короткаго періода, одновременно ни какъ не болѣе трехъ тысячъ удовлетворительно вооруженныхъ людей...» Сожалѣя о томъ безсиліи, какъ показали мы въ этомъ случаѣ, и осуждая рана Муравьева, «который напиралъ на царскую власть тамъ, гдѣ нужно было идти на войска, и сдѣлалъ страшный шумъ, гдѣ нужно было его сдѣлать какъ можно меньше», авторъ ставитъ намъ въ примѣръ панцевъ: «американцы потушили мятежъ, который выставлялъ противъ нихъ до полутора регулярнаго войска, почти въ теченіе того же времени, какое намъ нужно, чтобы разогнать шайки въ двѣсти или сотъ человекъ. Въ это время они дѣлали новыя открытія и придумывали механическія средства защиты и нападенія, поражающія и тотчасъ заслужившія громкую славу,—мы сдѣлали во время польскаго мятежа? Кемъ этомъ говорить такъ грустно, что никогда не раскрылъ рта, еслибы во спасеніе за будущность моей родины не воевало неодолимымъ стимуломъ.»

е это справедливо, но мы позволимъ себѣ гласиться съ авторомъ относительно приписываемыхъ ему причинъ, по его мнѣнію, изъ-за которыхъ реформы настоящаго воеванія «не вызвали въ достаточномъ

числѣ къ дѣятельности энергическихъ и умственно-сильныхъ людей»; но, во-первыхъ, до 1863 г., то-есть до польскаго мятежа мы знали только одну великую реформу, которая только что совершилась: во-вторыхъ, были еще причины, вслѣдствіе которыхъ умственно-сильные люди не могли принять участія въ подавленіи мятежа. Объ этихъ послѣднихъ причинахъ мы не считаемъ удобнымъ распространяться въ библиографической статьѣ; скажемъ только, что основы ихъ лежали въ томъ же упадкѣ нравственныхъ силъ русскаго общества, на который намекаютъ авторъ, говоря о севастопольской кампаніи. Ошибки прошлаго, гнетомъ лежащія на обществу, отзываются въ отдаленномъ будущемъ: самый корень польскаго мятежа кроется въ этомъ же. Впрочемъ, есть основаніе думать, что авторъ самъ понимаетъ эти причины и намекаетъ на нихъ, когда говоритъ о томъ, почему важна свобода печати для государства, у котораго вдоль всей западной границы живетъ населеніе, отличающееся отъ главнаго племени и языкомъ, и религіею, и развитіемъ. «Мы должны производить на эти народы значительное впечатлѣніе и привлекать ихъ славою нашего ума и оригинальнаго развитія». Къ сожалѣнію, это понимаютъ еще не очень многіе, если уже является проектъ объ ограниченіи ограниченной свободы печати.

Не совсѣмъ согласны мы съ слѣдующею мыслью автора: «Государственный человекъ XVIII вѣка совершенно не годился бы теперь для западной Европы—все бы его раздражало, все казалось бы ему въ высшей степени дикимъ; но еслибъ воскресъ государственный человекъ временъ Екатерины II и вступилъ въ современное наше министерство, то онъ вѣроятно былъ бы однимъ изъ самыхъ либеральныхъ его членовъ». Мы не смѣемъ брать на себя защиту чиновниковъ современныхъ намъ министерствъ, боясь упрека въ пристрастіи, но и либерализмъ государственныхъ людей временъ Екатерины II подлежитъ сомнѣнію. Правда, нѣкоторые изъ нихъ были хорошо знакомы съ литературою и философіею XVIII вѣка, вели даже переписку съ учеными мужами, но ихъ либерализмъ не часто переходилъ за двери кабинета и въ ихъ дѣятельности замѣчались несомнѣнные признаки интриганства. Впрочемъ, возможное дѣло, что лучшіе изъ

нихъ скоро бы осмотрѣлись и были бы не лишними въ «современныхъ намъ министерствахъ», но изъ этого, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ, что Россія конца XVIII вѣка была прогрессивнѣе Россіи настоящей, какъ утверждаетъ дагѣ авторъ. Прогрессъ нельзя мѣрять тѣмъ, что въ такое-то время были такіе-то великіе или просвѣщенные государственные люди, а въ такое-то ихъ нѣтъ: прогрессъ мѣрится суммами просвѣщенныхъ гражданъ, распространеніемъ здоровыхъ идей въ большей или меньшей средѣ. Утверждать, что настоящая Россія въ этомъ отношеніи не подвинулась впередъ, значить произносить самый кричащій софизмъ. Вообще надо замѣтить, что въ приговорахъ своихъ авторъ не особенно остороженъ и осмотрителенъ, хотя, казалось бы, въ книгѣ, назначенной «не для какой-нибудь партіи или части общества, а для всѣхъ», такія качества были бы далеко не лишними. Неизвѣстному автору потому еще не слѣдовало бы этого забывать, что онъ не отличается ни блестящимъ изложеніемъ и привлекательнымъ языкомъ, ни особеннымъ умнѣемъ распоряжаться имѣющимъ у него матеріаломъ. Что онъ обнаруживаетъ большую начитанность—этого отрицать невозможно, но эта же начитанность иногда мѣшаетъ ему ясно и отчетливо изобразить передъ читателемъ свою идею: онъ часто увлекается соблазнительнымъ призмѣромъ, входитъ въ ненужныя подробности, подолгу останавливается на предметахъ третьестепенныхъ, бесполезно развлекаящихъ вниманіе читателя, любитъ не въ мѣру рассказывать о судьбахъ Индіи, Китая и Турціи, не исчерпываетъ одного и того же предмета въ одномъ мѣстѣ, а разбрасываетъ его по всей книгѣ, порождая повторенія и возбуждая въ читателѣ нѣкоторое утомленіе. Чувства мѣры и гармоніи не достаетъ ему въ значительной степени, какъ недостаётъ иногда и чувства исторической правды. Приговоры его о цѣлыхъ націяхъ порой отличаются забавной наивностью, чтобы не сказать легкомысліемъ. Вотъ примѣръ не единственный: «Во Франціи, если человѣка безъ всякой вины и по одному подозрѣнію не бросаютъ въ тюрьму, не швыряютъ въ ссылку, то уже кажется, что съ нимъ поступаютъ очень милостиво».

Но эти недостатки выкупаются обширнымъ содержаніемъ книги, благородною откровен-

ностью, за которую нельзя не видѣть челоу глубоко убѣжденного, и многими счастливыми мыслями, особенно въ той части сочиненія, которая трактуетъ о русскихъ законахъ печати и необходимости дать жизнь провинціальной журналистикѣ, которая теперь далеко не пользуется и тѣмъ тѣхъ правъ, которыя есть у журналистики столичной. Авторъ останавливается только на томъ отдѣлѣ нашего законодательства, которымъ воспрещается осужденіе и порицаніе началъ собственности, изложеніе вредныхъ ученій социализма и коммунизма, возбужденіе вражды въ одной части населенія противъ другой или въ одномъ слоеніи противъ другого. Онъ удачно выискиваетъ нѣкоторые противорѣчія, которые рождаются статьями этого отдѣла на практикѣ, хотя иногда и прибѣгаетъ къ ватажкамъ довольно наивнымъ.

«Соціальныя и коммунистическія идеи», говоритъ онъ, были только страшищемъ, и торимъ пугали народъ шарлатаны, чтобы захватить въ свои руки власть и распорядиться народомъ по-своему, пользуясь его робостью и безхарактерностью». Кто близко знакомъ съ исторіей нашей литературы за послѣдніе годы, тому хорошо известны тѣ факты, которые производила нѣкоторая часть нашихъ журналистиковъ съ этими пугалами. Заперта была въ дырявый плащъ консерватизма, наши крѣпостники довольно смѣло и беззаботно печатали о коммунистическихъ и социалистическихъ основахъ Положеній 19 февраля, мѣду тѣмъ какъ какая-нибудь статья о коммунизмѣ въ Новой Америкѣ вызвала пресѣрженіе, потому что она будто бы водила за носъ начала собственности и семья. Авторъ въ сожалѣнію, вѣроятно неизвѣстна исторія нашихъ предостереженій, въ которой онъ не нашёлъ бы обильный матеріалъ для характеристики «противорѣчій»; онъ, впрочемъ, и не касается этихъ карательныхъ мѣръ, хотя бы они очень шли для поясненія, напр., законъ воспрещающаго подрывать права собственности....

Убѣжденный въ томъ, что «свобода рѣчи можетъ быть только плодомъ народного рѣшенія», которое есть «не только лучшая, но единственная ея гарантія», онъ старается не столько заниматься разборомъ законовъ о печати, сколько «укоренить въ обществѣ, какъ

вно глубже, убѣжденіе въ необходимости бодраго слова». Мы уже сказали, что онъ имѣетъ эту свободу безусловно, а полусвободу считаетъ даже вредною: «въ государствѣ или окончательно подавить развитіе интеллектуальныхъ силъ, и тогда народъ достигнетъ крайней нищеты, слабости и невѣжества... или дать полную свободу... Въ противномъ случаѣ народы будутъ постоянно переходить отъ однихъ чувствъ относительно своихъ вѣдѣній къ совершенно противоположнымъ извѣстіямъ будетъ сопровождаться лихорадочными напряженіями, несмотря ни на какія журналы и репрессивныя мѣры противъ жесы». Не отвергая относительно справедливости этой мысли, мы, однакожь, готовы въ тоящее время мириться на полусвободѣ, принимать, что печать можетъ совершать преступления и проступки, за что должна подлежать карѣ, но при этомъ кару эту мы желали вручить самому обществу, то-есть присажить, которые въ состояніи будутъ неудовлетворительное законодательство превратить въ оветворительное. Только этимъ путемъ возможна у насъ осѣдность свободы рѣчи, а книги, добрыя разбираемой нами, могутъ служить прекраснымъ подспорьемъ ей, распростраивая въ массы здоровыя идеи. Относительно чувствъ къ правителямъ», которыя мѣняются отря по тому, много или мало они даютъ, можно замѣтить, что весьма не рѣдко стѣсненіи печати зависятъ отъ взглядовъ не самихъ вѣдѣтелей, а лицъ, ихъ окружающихъ, которыя имѣютъ полную возможность внушить правителямъ тотъ или другой взглядъ, обративъ вниманіе на ту или другую статью, воспользовавшись частнымъ случаемъ и объяснить его къ проявленіе господствующаго настроенія общества*). При этомъ они имѣютъ въ ви-

ду не славу правителей, а свои мелкія дѣли и себялюбивыя стремленія. «Личность» всегда играла въ судьбахъ нашей печати большую роль. Вспомнимъ для примѣра слѣдующій фактъ: въ пятидесятыхъ годахъ одно время всякій пользовался правомъ издавать журналъ, не спрашивая на то разрѣшенія; журналовъ, преимущественно уличныхъ журналовъ, развелось множество; но нѣкоторымъ лицамъ не нравилось, что разношники слишкомъ назойливо предлагали имъ покупать этотъ сомнительно-литературный товаръ, и драгоценнѣйшее право, безъ котораго немисливо нормальное развитіе журналистики, было немедленно ограничено. Вспомнимъ еще то, что у насъ существуетъ множество неофициальныхъ, неприванныхъ цензоровъ, которые неустанно пишутъ доносы.... изъ патріотизма и, толкая въкривъ и въносъ, заваливаютъ официальное вѣдомство этими нелитературными произведеніями. Это своего рода добровольная полиція оберегаетъ только себя да своихъ кумировъ, стоитъ тоже за «личности» своихъ друзей и покровителей и вопросъ о нихъ сводитъ на вопросъ государственный.

Въ нашей печати не такъ опасно рѣзкое отношеніе къ основнымъ законамъ, чему доказательствомъ мы видѣли на Положеніяхъ 19-го февраля, какъ критическое обсужденіе дѣятельности какой-нибудь высоко поставленной личности въ администраціи. Между тѣмъ свободное отношеніе печати ко всѣмъ чиновникамъ необходимо для преуспѣянія страны. Не говоримъ объ Америкѣ, но Англія и даже современная Франція отлично сознаютъ необходимость и благотворные результаты оцѣнки дѣйствій правительственныхъ чиновниковъ. Въ Бельгіи свобода рѣчи такъ помѣшала на поведеніе чиновниковъ, что высшее правительство нерѣдко въ теченіе цѣлаго года не дѣлало чиновникамъ ни одного выговора или замѣчанія. Нашъ авторъ для параллели говоритъ о нашихъ чиновникахъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ: «Тутъ иногда одно полицейское управленіе, въ теченіи года, получало нѣсколько десятковъ замѣчаній, выговоровъ и строгихъ выговоровъ... За неисполненіе того же самаго предписанія дѣлались тому же самому мѣсту сначала подтвержденія, потомъ замѣчанія, потомъ выговоръ, потомъ строгій выговоръ, потомъ опять подтвержденія, замѣчанія и т. д. Когда въ концѣ пятидесятыхъ годовъ облич-

*) Въ № 9 «Русскаго Архива», по поводу одного письма Булгарина, въ которомъ онъ объясняетъ, что «Сѣв. Пчела» получала субсидію изъ того отдѣленія собственной Его Величества канцлеріи, сказано: «Умѣли устроить такъ, что повинный государь изъ русскихъ современныхъ изданий читалъ только одну «Сѣверную Пчелу». Можно судить, какое презрѣніе къ русской словности должно было утвердиться въ честной дул его. Въ Германіи, «Сѣверную Пчелу» даже звали придворною газетою: Hof-Zeitung.»

тельная литература сдѣлалась возможною, хотя отчасти — положеніе быстро измѣнилось къ лучшему.... Особенность бюрократическаго управленія состоитъ не только въ томъ, что чиновники очень легко дѣлаются орудіемъ всякой политической партіи, достигшей господства, но также и въ томъ, что они очень легко деморализируются, и исправляются... Въ неограниченной монархіи или вообще тамъ, гдѣ монархъ имѣетъ большое вліяніе на дѣла, отсутствіе обличительной литературы составляетъ политическую опасность». Наша недавняя исторія, конечно, очень легко могла бы доказать тѣмъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ, какую пользу приноситъ печать, если мало-мальски позволять ей говорить свободно. Не вспоминая того колоссальнаго грабежа, который производился на счетъ полуголодныхъ и истерзаныхъ защитниковъ Севастополя и который былъ бы невозможенъ, безъ цензуры, укажемъ на недавнее нижегородское дѣло о покражѣ соли. И наша администрація очень хорошо сознаетъ пользу гласности, но по-своему. По крайней мѣрѣ прошлая журнальная практика убѣдила насъ въ томъ самымъ очевиднымъ образомъ. Администрація, сознавая, что редакторы временныхъ изданій знаютъ иногда о злоупотребленіяхъ провинціальныхъ чиновниковъ, посредствомъ корреспондентовъ, больше, чѣмъ она, обращалась къ нимъ, чтобы подобныя корреспонденціи доставлялись ей для свѣдѣнія, но обнародовать ихъ не дозволяла: обнародованіе будто бы роняло администрацію; но передача корреспонденцій, назначенныхъ для печати, въ канцеляріи хотя бы и высшихъ правительственныхъ мѣстъ, роняла бы редакторовъ: по крайней мѣрѣ они такъ думали и многое не отсылали даже къ цензору, оставляя въ своемъ портфелѣ.

«Петръ Великій, говоритъ нашъ иногда наивный, но благородный авторъ, не былъ защитникомъ свободы слова, но онъ боялся не передовыхъ, а обскурантныхъ мнѣній; можетъ быть апатія, въ которой въ настоящее время находится русская мысль, внушила бы ему другой взглядъ на это дѣло, ему, не отсутствовавшему ни передъ какими мѣрами для возбужденія народнаго ума и народнои энергіи. Если бы онъ убѣдился въ необходимости свободаго слова для оживленія умственной жизни Россіи, онъ провелъ бы этотъ принципъ съ

тѣмъ же безстрашіемъ, съ каковымъ онъ провѣдлъ всѣ свои мѣры...»

Можетъ быть.

О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Спб. 1869.

Подчиненность женщины. Сочиненіе Джона-Стиварта Милля. Переводъ съ англійскаго съ предисловіемъ Ник. Михайловскаго и съ соединеніемъ писемъ О. Конта къ Дж. С. Миллю по женскому вопросу. Изданіе книгопродавца С. В. Зворарева. Спб. 1869.

Какъ видятъ читатели, сочиненіе Милля явилось въ двухъ переводахъ почти одновременно. Перечитывая его, мы не разъ полагали не о томъ, что Миллю неизвѣстна ни наша исторія, ни юридическое положеніе русскіи женщины—это въ порядкѣ вещей—но о томъ, что ни г. Благосвѣтловъ, ни г. Михайловскій въ своихъ предисловіяхъ къ переводамъ не обратили на этотъ предметъ ни малѣйшаго вниманія. Г. Благосвѣтловъ, сказавъ нѣсколько словъ о прогрессѣ вообще и о русскомъ въ особенности, замѣтилъ весьма основательно, что намъ слѣдуетъ догнать Европу, догнавъ же ее мы можемъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣши поставимъ женщину въ независимое положеніе; эта простая мысль выражена по общевѣевію весьма громкими фразами, составленными рѣзкою противоположностью съ изложеніемъ Милля. Предисловіе г. Михайловскаго объясняетъ, почему «благонамѣренные», побѣще пристегивать болѣе или менѣе всѣ великіи европейскія имена къ нигилизму, относятся къ Миллю если не съ сочувствіемъ, то съ уваженіемъ; кромѣ этой темы, разработанной г. Конто, г. Михайловскій говоритъ о положительной философіи и опровергаетъ странныя взгляды Конта на женщинъ. Вотъ и все, что говоритъ предисловія.

Между тѣмъ, если бы Миллю извѣстна была наша исторія, если бы зналъ онъ о тѣхъ превахъ, которыми пользуется русская женщина, онъ не упустилъ бы этого явленія изъ виду. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, почему русская женщина въ юридическомъ отношеніи стоитъ гораздо выше французской и англійской, тогда какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мы несомнѣнно отстаемъ отъ

ихъ странъ; но дѣло объясняется отчасти роємъ нашей жизни, отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что въ XVIII вѣкѣ на русскомъ столѣ сидѣли четыре императрицы и одна царица. Въ царствованіе Елисаветы русскія женщины пріобрѣли право распорядиться своимъ имуществомъ и въ бракѣ, т. е. получили возможность имѣть отдѣльную собственность въ мужа болѣе ста лѣтъ тому назадъ, между тѣмъ, какъ о такомъ правѣ до сихъ поръ навсѣно вопіютъ француженки и англичанки, а здѣсь доказываетъ его необходимость, ставя примѣръ своей родинѣ «многіе новые и нѣкоторые старые штаты» Сѣверо-Американскаго юга, въ конституціи которыхъ внесена подобная статья, несомнѣнно улучшающая положеніе по крайней мѣрѣ тѣхъ женщинъ, которыя имѣютъ собственность. Это право не могло положить своего особеннаго отпечатка на дружескія отношенія русскихъ женщинъ въ послѣдствіи равноправности и не могло не развить русской женщинѣ болѣе самостоятельности сравнительно съ европейскими. Этой самостоятельности способствовали также историческія условія нашей жизни. «Въ феодальную эпоху, говоритъ Милль, война и политика вовсе считались не женскимъ дѣломъ, по самой природѣ, потому что обычно не исключали женщинъ отъ того и другого; тогда казалось совершенно естественнымъ, что женщины прилежныхъ классовъ могутъ обладать естественнымъ характеромъ, уступая своимъ мужьямъ и мужьямъ развѣ только въ мускульной силѣ». У насъ роль феодальнаго права играло право крѣпостное, которое поставило помѣщика въ такое же положеніе, какъ юмѣщикъ. Наши дворянки до сихъ поръ вѣдуютъ правомъ выбора на общественныя должности, правда не непосредственно, а съ задачей своего шара мужчинъ, но при разнородности политическихъ учреждений переходъ къ непосредственному голосованію не можетъ доставить большихъ затрудненій; земское же оженіе также не исключило женщинъ отъ права выбирать на земскія должности. Стало бы полною хозяйкой имѣнія, русская женщина закаляла даже «мускульную силу» по мужьямъ: есть свидѣтельства, что нѣкоторые помѣщички XVIII вѣка, одинъ на одинъ оди на медвѣдя. Царствовавшія императрицы, такъ сказать, инстинктивно вносили въ

общество понятія о равноправности женщинъ и ихъ способностяхъ ни въ чемъ не уступать мужчинамъ. Извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ отличались совершенно мужскими наклонностями, напр. страстно любили охоту и хорошо стрѣляли изъ ружей, къ которымъ современная образованная женщина прикоснуться боится. Елисавета устраивала маскарады, на которые мужчины принуждены были являться въ женскихъ платьяхъ, а женщины въ мужскихъ; это переодѣванье очень не нравилось первымъ, но они ему подчинялись; такимъ образомъ полымѣнялись ролями и представляли настоящую картину царства женщинъ. Все это мелочи, скажутъ намъ. Правда, но подобныхъ мелочей можно бы набрать весьма много и они, въ концѣ концовъ, показываютъ, что русская женщина фактически доказывала свою способность вести «мужскія» дѣла нисколько не хуже самихъ мужчинъ. Женщины становились во главѣ коммерческихъ предпріятій; женщины управляли имѣніями; женщины являлись руководителями и организаторами роскошныхъ сектъ; женщины являлись во главѣ разбойничьихъ шайкъ и мужчины повиновались имъ; женщины исполняли обязанность своихъ мужей-офицеровъ и водили солдатъ — не только въ караулы, какъ рассказываетъ одинъ иностранецъ, близко знакомый съ русскимъ обществомъ времени Екатерины II, но облачались въ мундиръ и въ отсутствіе своихъ мужей вели войска на непріятели при нечаянныхъ вылазкахъ его. Онъ же замѣчаетъ, что въ царствованіе этой государыни фактическое преобладаніе женщинъ надъ мужчинами рѣзко бросалось въ глаза челоуѣку свѣжему: какъ императрица управляла государствомъ, такъ жены управляли за своихъ мужей. Иностранца, француза, это явленіе скандализировало и онъ назвалъ его стремленіемъ къ masculiniser. На нашъ взглядъ всѣ эти факты доказываютъ, что «тотъ берегъ на себя слишкомъ много, какъ говоритъ Милль, кто принимаетъ самонадѣянно рѣшать, каковы женщины по своей природѣ, чѣмъ онѣ могутъ и чѣмъ онѣ не могутъ быть» и что «послѣ нашихъ понятій о женской природѣ носятъ на себѣ характеръ эмпирическихъ обобщеній, построенныхъ безъ всякой философіи или анализа, и это порождаетъ въ высшей степени забавную нескладницу народныхъ представлений о женской природѣ въ различныхъ странахъ»

смотря по тому специальному развитію или за-
битости, которыми надѣляются женщины из-
вѣстной страны, благодаря мѣстнымъ условіямъ
и общимъ мнѣніямъ».

Равенство половъ связывалось при Екате-
ринѣ еще въ томъ обстоятельстве, что женщины
также мало стѣснялись въ своихъ привязанно-
стяхъ, какъ и мужчины, и это непостоянство не
вызывало со стороны послѣднихъ такихъ проте-
стовъ, какъ во времена позднѣйшія. Конечно,
это явленіе съ точки зрѣнія морали весьма
прискорбно и свидѣтельствуеъ о распушенно-
сти нравовъ, которая дѣйствительно имѣла тогда
мѣсто, но мы говоримъ не о требованіяхъ мора-
ли, а только констатируемъ факты. «Женскаго
вопроса» тогда еще не существовало; сознанныхъ
стремленій со стороны женщинъ пріобрѣсть
одинаковыя права съ мужчинами тоже не было;
но внѣшнія обстоятельства ставили вопросъ
чрезвычайно благопріятно для женщинъ и ихъ
самостоятельности. Эта прошлая практика не
осталась безслѣдною и на послѣдующее время
и когда дошли до насъ нѣкоторыя европей-
скія идеи и мысль проснулася послѣ продол-
жительнаго гнета, мы вдругъ увидѣли жен-
щинъ въ воскресныхъ школахъ, на скамьяхъ
университетскихъ аудиторій и въ медико-хи-
рургической академіи. Сдѣлалось это само со-
бой, безъ всякихъ предварительныхъ разсуж-
деній и регламентацій, какъ дѣло самое есте-
ственное. Лица, отъ которыхъ непосредственно
зависѣло разрѣшеніе женщинамъ посѣщать
аудиторию, по всей вѣроятности взглянули на
это дѣло такъ: «запрещенія посѣщать женщи-
намъ высшія школы нѣтъ, стало быть можно.
Да и отчего нельзя: онѣ такіе же люди, какъ
мы, также какъ мы желаемъ учиться и стать
въ уровень съ вѣкомъ. Если входъ въ уни-
верситетъ разрѣшенъ неограниченному чис-
лу слушателей, то почему же мы станемъ
исключать женщинъ?» И дѣло пошло-было на
ладъ, несмотря на нѣкоторое скрежетанье,
которое у насъ никогда особенно не страшно,
благодаря нашей уживчивости при обстоятель-
ствахъ и условіяхъ самыхъ противоположныхъ
и отсутствію твердыхъ убѣжденій, каковы бы
они ни были—дурны или хороши. Можно быть
почти увѣреннымъ, еслибъ не извѣстны уни-
верситетскія исторіи, теперь, быть можетъ,
мы имѣли бы удовольствіе видѣть въ нашемъ
другу кандидатокъ и пожалуй магистровъ уни-

верситетовъ; но эти исторіи дали стѣ-
упомянутому скрежетанію раздаться громче,
такъ какъ женщины, посѣщавшія аудито-
рии, не имѣли притязаній на ангельскія че-
стерафимскую чистоту и голубиную крот-
ость по нѣскольку случаевъ, не совсѣмъ со-
совавшихся съ требованіями морали, да
возможность широко раскрыть свою пачку
сплетей—и женщины были изгнаны. Въ ма-
яцкѣмъ году снова поднять былъ вопросъ
допущенія женщинъ къ слушанію лекцій в
академіи и дѣло — устроивалось самымъ бл-
гополучнымъ образомъ, какъ вдругъ нова
исторія и повтореніе старой съ женщи-
нами. Чѣмъ все это кончится — отгадать трудно,
и внѣшнія благопріятныя обстоятельства могутъ
возвратиться и женщины получать, ваво-
во, на чтѣ онѣ имѣютъ полнѣйшее право.

Все это мы говоримъ для того, чтобы пока-
зать, что въ нашемъ обществѣ вовсе нѣтъ опре-
деленной и зачатой оппозиціи противъ жен-
щинъ; у насъ есть только несмѣлость, болѣе
того, что будетъ, при привычкѣ къ тому, что
привычкѣ, вовсе не исключающей сознания, что
то, что есть, нехорошо. Повторяемъ, такой бл-
душный и близкій къ справедливости взглядъ
на женщинъ выработался у насъ вслѣдствіи
историческихъ обстоятельствъ, преимущес-
венно въ XVIII вѣкѣ, когда почти непрерывно
въ теченіе семидесяти лѣтъ на русскомъ пре-
столахъ являлись женщины, такъ пріучившія
русское общество къ «женскому царству», что
оно едва ли бы удивилось, еслибъ на адми-
стративныхъ мѣстахъ увидало также женщинъ.
Доказательствомъ можетъ служить назначеніе
Дашковой на должность президента академіи
наукъ. Это назначеніе смутило ее болѣе, чѣмъ
чиновниковъ и академиковъ, которые пре-
ставлялись ей, какъ своему начальнику. Ека-
терина не сдѣлала на этомъ пути дальнѣйшаго
шага, но русская наука и просвѣщеніе вы-
играли отъ того, что нѣкоторое время разви-
лись подъ непосредственнымъ вліяніемъ жен-
щины. Княгиня Дашкова не была фактомъ не-
ключительнымъ, но произведеніемъ русскаго
почвы и тѣхъ историческихъ условій, которыя
позволяли даровитой женщинѣ выступить въ
широкое поле дѣятельности. Переворотъ 1762
года, надѣвший на Екатерину корону, въ зна-
чительной степени, если не исключительно, об-
завъ своимъ успѣхомъ необыкновенной эне-

уму и смѣлости княгини. Всѣ нити ея держала въ своихъ рукахъ, распоряжаясь заговорщиками, не терла присутствія въ самыхъ критическія минуты и умѣла предупредить такія случайности, отъ невниманія къ которымъ весь замыселъ могъ бы рухнуть. Екатерина плохо вознаградила ее за услугу, но потомство безпристрастіе соизменниковъ и должно признать, что Дашкова въ качествѣ перваго министра была бы евосходной помощницей Екатерины. Серьезное предположеніе опровергать невозможно: по уму она уступала развѣ только Потемину, да въ этомъ отношеніи имѣла передъ нѣмъ большое преимущество, потому что «великій князь Тавриды» былъ большимъ впазнеромъ и глѣнтаемъ, тогда какъ умъ Дашковой былъ послѣдовательнѣе и серьезнѣе, а деятельность неустанна; по образованію съ нею могла соперничать только Екатерина, и по энергіи только она; относительно сознанія необходимости реформъ, съ нею никто изъ государственныхъ людей того времени сравниться не могъ; сужденія о людяхъ были у ней вѣрны и имѣли въ выборѣ друзей она была чрезвычайно счастлива. О дѣятельности ея одна современница пишетъ слѣдующее: «Она помогаетъ каменщикамъ глѣпить стѣны, сама проводитъ дороги, митъ коровъ, сочиняетъ музыкальныя пьесы и писать для печати; она поправляетъ попы, а онѣ ошибаются, въ театрѣ перерываетъ ерговъ и учитъ ихъ, какъ надо играть роль; докторъ, аптекарь, кузнецъ, плотникъ, чиникъ, адвокатъ; словомъ, въ ней соединены всѣ крайности; она переписывается съ томъ, съ философами, съ поэтами, съ евреями, съ сыновъ и съ другими родственниками, а всѣмъ тѣмъ, кажется—у нея очень много пняго времени». Всѣ эти качества неужели составили бы изъ Дашковой такого министра, память о которомъ сохранилась бы такъ долго, какъ память о самой Екатеринѣ? школы этого царствованія вышла другая цина, обваружившая замѣчательныя административныя способности—мы разумѣемъ императрицу Марію Теодоровну, супругу Павла I. Говоря это, мы нисколько не выходимъ изъ рамокъ, которыя ставитъ Мильтъ въ своемъ ишеніи: знаменитый англійскій мыслитель иется передъ нами безусловнымъ защитникомъ допущенія женщинъ рѣшительно ко

всѣмъ профессіямъ, а относительно управленія государствомъ, прямо отдаетъ преимущество имъ передъ мужчинами. «Королевы болѣе способны дѣлать хорошей выборъ людей и женщины вообще лучше годятся, чѣмъ мужчины, для высокаго положенія монарха и перваго министра, потому что главная задача первенствующаго министра заключается не въ томъ, чтобы управлять лично, но чтобы находить наиболѣе способныхъ лицъ для завѣдыванія отдѣльными отраслями государственныхъ интересовъ... Мы знаемъ, какъ мало исторія представляетъ намъ царствовавшихъ королей сравнительно съ королями. Но изъ этого незначительнаго числа гораздо болѣе проценты выказали способность къ правленію, хотя многія изъ королей занимали престолъ въ очень трудныя времена, когда нужна была не только твердая рука правителя, но и глубокой государственной умъ. Замѣчательно также, что въ очень многихъ случаяхъ онѣ обнаружили качества, діаметрально противоположныя воображаемому и условному характеру женщинъ. Эти монархини ознаменовали себя не только умнымъ, но въ тоже время твердымъ и энергическимъ правленіемъ». Мильт останавливается не только на серьезныхъ аргументахъ противниковъ женской эманципации, разбивая ихъ силою своей логики, но не пропускаетъ острогъ и шутокъ, стараясь показать всю ихъ несостоятельность. Говоритъ, напр., будто королевы царствуютъ лучше королей именно потому, что при короляхъ управляютъ женщины, а при королеввахъ—мужчины. И то и другое Мильтъ считаетъ жалкой натажкой, хотя не отрицаетъ исключеній, при чемъ справедливо говоритъ, что слабые короли также часто характеризовали себя дурнымъ управленіемъ по милости фаворитовъ; какъ и вслѣдствіе вліянія фаворитокъ. Что касается королей и царицъ, то избраніе ими удобниковъ своихъ личныхъ удовольствій, какъ орудій правленія, принадлежитъ къ случаямъ чрезвычайно рѣдымъ. Мы имѣемъ на это полное доказательство въ нашей исторіи. Одинъ Аракчеевъ надѣлалъ Россіи гораздо больше вреда, чѣмъ всѣ фавориты Екатерины II, которые или совсѣмъ не пользовались вліяніемъ на дѣла, или пользовались вліяніемъ самымъ ничтожнымъ, да и то въ кругу придворныхъ интересовъ, исключая впрочемъ Потемкина, который вы-

жазалъ государственный умъ и сохранилъ свое первенствующее значеніе несмотря на измѣнчивость личныхъ привязанностей императрицы, которая въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ предпочитала людей дѣйствительно способныхъ, хотя принадлежавшихъ иногда къ оппозиціи. Не говоря о царствованіи Петра, ни одно другое царствованіе такъ не богато способными государственными людьми, какъ царствованіе Екатерины, между тѣмъ фавориты ея были люди по большей части самыя ничтожныя.

Въ связи съ способностью удачно выбирать людей, Милль ставитъ практической характеръ, которымъ отмѣчено общее направленіе женскихъ способностей. При одинаковости опыта и общихъ умственныхъ отправленій, женщина лучше мужчины умѣетъ видѣть то, что совершается предъ ея глазами. Открывать общіе законы — дѣло спекулятивной способности; только различать отдѣльные случаи, къ которымъ законы эти приложимы — составляетъ практической талантъ, свойство особенно характеризующее женщинъ, какими мы теперь ихъ знаемъ. Послѣдняя оговорка необходима потому, что внѣшнія обстоятельства и воспитаніе несомнѣнно повліяли на организмъ женщинъ, но все-таки не измѣнили его въ такой степени, чтобъ онъ могъ оказаться ниже мужского, за исключеніемъ мускульной силы. Чрезвычайная нервная раздражительность, на которую обыкновенно указываютъ, какъ на обстоятельство неблагопріятствующее практической дѣятельности женщинъ внѣ предѣловъ домашняго очага, зависитъ отъ телличнаго воспитанія; женщины, получившія здоровое физическое воспитаніе, не выказываютъ этой болѣзненной дряблости; если же допустить, что женщины съ нервнымъ темпераментомъ многочисленнѣе сравнительно съ подобными мужчинами, но отчего же слѣдуетъ исключать изъ практической дѣятельности нервныхъ женщинъ, когда къ ней допускаются нервные мужчины. Кромѣ того, большая нервная впечатлительность для нѣкоторыхъ специальностей положительно полезна: сильное чувство, надеждамъ образомъ воспитанное, весьма часто служитъ орудіемъ и элементомъ къ сильному самообузданію; опытъ и исторія показываютъ, что самыя страстные характеры относилась къ наибольшей фанатической сурово-

стью къ чувству долга, если натура ихъ не учена къ этому самоподавленію. Если допустить, что женскіе умы измѣнчивѣе, подвижнѣе мужскихъ отъ природы, менѣе способны выдержать одно и то же продолжительное усиліе, склонны болѣе разбивать способности между многими частными предметами, тѣмъ стрѣмиться по одному пути до высочайшей степени, на которую можетъ привести этотъ путь — этотъ упрекъ женщинамъ обращается въ ихъ достоинство при осуществленіи практическихъ цѣлей, когда всего полезнѣе способность быстро переходить отъ одного изумимаго предмета къ другому, не выпуская ни одного изъ нихъ изъ вида. Множество мелкихъ заботъ, изъ которыхъ слагается жизнь женщинъ, способствуютъ развитію этого, бытъ можетъ, и врожденнаго дара. Свидѣтельство анатоміи объ умственномъ будто бы преобладаніи мужскихъ, весьма сомнительно; говорятъ, что мужчина надѣленъ большимъ количествомъ мозга, но новѣйшія изслѣдованія опровергаютъ это, да кромѣ того точное отношеніе между массою мозга и интеллигентной силой составляетъ еще вопросъ спорный. Дѣлать же такое заключеніе изъ того, что телесныя формы женщины, по сравненію съ мужчиною, представляютъ вообще меньшій масштабъ, значитъ допустить, что рослый человѣкъ умнѣе приземистаго, а слоны умнѣе людей. Но и допуская, что мужскіе мозги больше женскихъ, все-таки надо принять въ соображеніе, что важность этого органа зависитъ не только отъ величины его, но и отъ дѣятельности: быть можетъ женскій мозгъ превосходить мужской болѣею энергіей головного кровообращенія, что въ самомъ дѣлѣ гармонируетъ съ замѣчаемыми различіями въ умственныхъ отправленіяхъ обоихъ половъ: мужчины берутъ верхъ надъ женщинами именно въ тѣхъ специальностяхъ, которыя требуютъ хлопотливаго измысливанія, продолжительной обработки, тогда какъ женщинамъ сподручнѣе дѣлать то, что должно кипѣть и спориться въ рукахъ. Впрочемъ, Милль допускаетъ это какъ гипотезу: въ настоящее время невозможно знать, какія изъ замѣчаемыхъ различій между мужчинами и женщинами естественны, какія искусственны, существуютъ ли вообще какія бы то ни было естественныя различія и въ какомъ видѣ представился бы природный характеръ,

ли удалить всё искусственныя причины негодства.

Говоря о превосходствѣ мужчинъ надъ женщинами, указываютъ на то, что никакое первоклассное произведеніе въ области философіи, музыки или искусства не было результатомъ евскаго труда. Но женщины, за весьма рѣдкими исключеніями, стали пробовать свои силы въ этихъ областяхъ какія-нибудь три помѣнія, и имѣли полнѣйшій успѣхъ во всѣхъ предметахъ, для упражненія въ которыхъ у нихъ было время; если женскимъ произведеніемъ чего не достаетъ, то это — высшей умственной оригинальности; но этотъ недостатокъ къ ма удовлетворительно объясняется тѣмъ, что женщины постоянно оставляли въ пренебреженіи относительно самобытной обработки ислей; если женщины не создали оригинальной литературы, а явились, по общему тону въ главныхъ чертахъ, подражательницами мужчинъ, то это просто зависитъ отъ того же, чего римская литература не была оригинальна, а подражала греческой: греки работали такъ, какъ мужчины работали ранѣе женщинъ. Бенская неоригинальность и неумѣлость наконецъ бросается въ глаза въ такъ-называемыхъ защитныхъ искусствахъ, которыя не только не мрещаются женщинамъ, но даже поощряются ихъ воспитаніемъ. Однако, и эта отсталость объясняется тѣмъ простымъ фактомъ, что нагоящіе знатоки дѣла всегда неизмѣримо выше обитателей; женщины же артистки — всё любительницы. Только одному сценическому искусству женщины, до нѣкоторой степени, посвящаютъ себя, какъ избранной профессіи, какъ спеціальному занятію всей жизни, и въ этомъ отношеніи онѣ, какъ признано всѣми, стоятъ совершенно наравнѣ съ мужчинами, если только е выше ихъ.

Вообще, прежде, чѣмъ отрицать, что женщины неспособны къ той или другой профессіи, надо испробовать на дѣлѣ; что имъ дѣлать и что не дѣлать для собственнаго ихъ счастья — въ этомъ лучше судьи онѣ сами. «Запрещать имъ быть докторами, адвокатами, или членами парламента — значитъ наносить вредъ не только женскому полу, но и всѣмъ, кто пользуется трудами этихъ дѣятелей; это значитъ лишать себя благотворнаго стимула бо-льшей широкой конкуренціи для консервателъ общественныхъ профессій и ограничиваться

болѣе тѣснымъ кругомъ индивидуальнаго выбора... Если предоставить женской натурѣ полную волю, то онѣ уже вслѣдствіе этого не станутъ дѣлать сами того, что не согласно съ ихъ природою. Тутъ рѣшительно бесполезно всякое желаніе мужчинъ заступаться за природу ихъ опасенія того, что она не сумеетъ отстоять своихъ правъ. Запрещать женщинамъ дѣлать то, чего онѣ не могутъ дѣлать по самой природѣ — вѣдь это совершенно бессмысленно. То, что они могутъ дѣлать, но не такъ хорошо, какъ мужчины, ихъ конкурренты, будетъ какъ нельзя лучше закрыто для нихъ самой конкуренціей. Вѣдь никто же не требуетъ огражденія женщинъ разнаго рода покровительственными предписаніями и привилегіями; мы требуемъ только того, чтобы были измѣнены нынѣ существующія исключительныя права и привилегіи мужчинъ... Свободное поле конкуренціи всегда будетъ служить имъ самымъ сильнымъ стимуломъ для той дѣятельности, гдѣ женщины наиболее нужны. А такъ какъ онѣ нужны къ такому дѣлу, къ которому наиболее способны, то, вслѣдствіе правильнаго распредѣленія труда, коллективныя способности того и другого пола могутъ быть, въ общемъ итогѣ, примѣнены съ наибольшою пользою.»

Бракъ, при настоящей его легальной обстановкѣ, Милль прямо считаетъ единственнымъ видомъ рабства, не истребленнымъ еще цивилизаціей, которая достигла только того, что законы стали хуже своихъ исполнителей, то есть, что многіе мужчины совершенно исключаютъ и почти всё значительно смягчаютъ стимулы и наклонности, ведущія къ тиранинн; но это не можетъ оправдать легальнаго деспотизма, потому что законы должны приравниваться не къ хорошимъ людямъ, а къ дурнымъ. «Бракъ не есть институтъ, предназначенный для немногихъ избранныхъ. Предъ совершеніемъ брачнаго обряда, отъ мужчинъ не требуется, чтобы они посредствомъ свидѣтелей доказали свою годность къ отправленію абсолютной власти»; напротивъ, всякій дрянной человекъ признается годнымъ для того, чтобы властвовать даже надъ такою женщиной, которая неизмѣримо выше его во всѣхъ отношеніяхъ. «Намъ толкуютъ, продолжаетъ Милль, что аистоль Павелъ сказалъ: «жены да повинуются мужьямъ», но онъ же также ска-

заль: «рабы да повинуются господамъ своимъ». Возбуждать кого бы то ни было противъ существующихъ законовъ не входило въ планъ св. Павла и не согласовалось съ его цѣлю—распространеніемъ христіанства. Принятая всѣмъ социальными учрежденіями въ томъ видѣ, какими онъ засталъ ихъ, апостолъ нисколько не хотѣлъ порицать этимъ всѣ попытки къ ихъ улучшенію въ свое время, точно также, какъ его мнѣніе о томъ, что «всякая власть отъ Бога» вовсе не освящаетъ военнаго деспотизма, не дѣлаетъ его исключительно-христіанскою формою политическаго правленія и не налагаетъ пассивнаго повиновенія ему. Думать, что христіанство хотѣло на вѣковѣчныя времена отчеканить данную формы правленія и общества—значило бы низводить его до уровня мусульманства и браманизма. Но именно потому, что христіанство этого не хотѣло—оно и сдѣлалось религіей прогрессивной части человечества и проч.»

Мы не можемъ слѣдить за всей аргументаціей Милля, потому что намъ пришлось бы ограничиваться безпрестанными выписками. Достаточно сказать, что авторъ обнимаетъ женскій вопросъ со всѣхъ сторонъ, повсюду внося яркій и спокойный свѣтъ, логику и разумъ. Основанная на методѣ, выработанномъ положительною философіей, аргументація его, если не открываетъ новыхъ истинъ, за то безвозвратно уничтожаетъ предрассудки и ложь въ самыхъ надежныхъ, такъ сказать, въ самыхъ священнѣйшихъ ихъ убѣжденіяхъ. Г. Михайловскій въ названномъ выше предисловіи удачно выразился, сказавъ, что «подобныя книги имѣютъ важное, чисто педагогическое значеніе, потому что они учатъ правильно мыслить».

Мы увѣрены, что сочиненію Милля предстоитъ у насъ большой успѣхъ: ему предначинано возвести въ сознательную истину то, что въ нашемъ обществѣ было на степени инстинкта или полусознанія и это совершить оно тѣмъ легче, что у насъ, какъ мы уже сказали, вовсе нѣтъ непримиримой оппозиціи противъ женщинъ ни въ обществѣ, ни въ правительствѣ. Какъ скоро женщины допущены будутъ къ высшему образованію—а кто этого не желаетъ?—для нихъ откроется хорошая перспектива. Правительству остается быть только послѣдовательнымъ: если оно болѣе и болѣе открываетъ имъ спеціальныя профессіи, оно

должно открыть имъ и путь въ всестороннее образованіе.

Придавая сочиненію Милля большое значеніе, мы тѣмъ съ большимъ присорбленіемъ должны заявить, что если переводъ г. Благо свѣтлова удуметворителенъ, за исключеніемъ нѣкотораго повышенія тона, которое онъ позволилъ себѣ противъ оригинала, то переводъ изданный г. Звонаревымъ крайне плохъ, особенно въ первой половинѣ, плохъ до того, что во многихъ мѣстахъ пониженіе его можетъ составить трудность не послѣднюю. Произошло это отъ того, что переводчикъ дѣлалъ переводъ подстрочный, ни мало не заботясь о русской конструкціи и смыслѣ. Для образцовъ приведемъ слѣдующія строки: «Даже предпрительныя знанія: въ чемъ различіе между ладами заключается теперь, помимо всякаго вопроса о томъ, *какимъ образомъ женщинами сдѣланы тѣла, что отъ естъ*, находятся въ самомъ неразработанномъ и неполномъ видѣ (стр. 57)». Желаніе такія фразы найдутъ во множествѣ.

Исторія русской литературы (для учащихся)
составилъ А. Кирпичниковъ, преподаватель
5-й московской гимназіи. Москва. 1869.

Мы прошли бы молчаніемъ эту плохую книгу, еслибъ она была написана лицомъ, принадлежащимъ къ учебному вѣдомству; послѣнее обстоятельство придаетъ ей то значеніе, что она не погибнетъ въ массѣ негодныхъ книгъ на полкахъ и въ подвалахъ книжныхъ магазиновъ, а попадетъ въ руки молодого поколѣнія, по крайней мѣрѣ той его части, которою руководить въ 5-й московской гимназіи г. Кирпичниковъ. Бромъ того, книга эта даетъ прекрасный матеріалъ для характеристики нашего учебнаго сословія и, слѣдательно, для исторіи нашего развитія. Мелкія факты не слѣдуетъ упускать изъ виду, такъ какъ они очень часто порождаютъ весьма важныя послѣдствія.

«Назначеніе этой книги, указанное въ ея главѣ,» говоритъ г. Кирпичниковъ, «сдѣлано съ тѣмъ, что она не имѣетъ никакого отношенія къ самостоятельности, и есть не учебный трудъ, а учебникъ». Итакъ, учебникъ не требуется ни «самостоятельности», ни «взвѣсности». Человѣкъ, за него берущійся, не обязанъ гурьбою и всесторонне изучать свой предметъ.

работатъ себѣ на него твердый, и значить, самостоятельный взглядъ, строго обсудить общій планъ и подробности, взвѣсить каждый актъ въ его одиночномъ значеніи и въ связи съ другими фактами, т. е. внести въ него то «внужное» достоинство, безъ котораго неминуемо добросовѣстное преподаваніе, устное или письменное изложеніе всякаго предмета. Учили 5-й московской гимназій открыто и безстыдливо заявляетъ, что на все это онъ не имѣетъ претензій, потому что написанная имъ исторія русской литературы называется для «нашихъ», которые, очевидно, не имѣютъ ни оцѣны въ томъ, чтобъ имъ преподавали этотъ предметъ «научно» и «самостоятельно»: шатае и бессвязность—лучшія гарантіи для воспитания нашихъ дѣтей; чѣмъ менѣе самостоятельности и научности, тѣмъ лучше. Естественно, что учебникъ, авторъ котораго смѣло выдвигаетъ такія идеи, отличается безтолковой пивкой на скорую руку разныхъ фактовъ и мнѣній, мало относящихся къ исторіи русской литературы, и пропускомъ тѣхъ фактовъ и мнѣній, которыя наиболѣе характеризуютъ ходъ и развитіе идей, господствующихъ въ настоящее время. Г. Кирпичниковъ и этого не скрываетъ: полною откровенностью — качествомъ почтеннымъ за недостаткомъ другихъ—онъ повѣруетъ, что преимущественное вниманіе обращено на исторію древней литературы, а исторію новѣйшей литературы изложилъ весьма кратко и притомъ «только до Грибоѣдова (а тѣмъ слѣдуютъ краткія свѣдѣнія о четырехъ авторахъ)». Стало быть, г. Кирпичниковъ всю литературу считаетъ важнѣе новѣйшей. «Напротивъ», слѣдуетъ онъ замѣтить: изведенія Пушкина, Гоголя и др. учащійся долженъ знать лучше, чѣмъ все остальное, въ настоящее время взглядъ на этихъ писателей еще не установился, или лучше сказать не существуетъ нѣсколько самыхъ разнорѣчивыхъ мнѣній (?). Кромѣ того, ходъ идей новаго времени, по самой его близости къ намъ, не въ исторіи литературы здѣсь можетъ существовать только критика. Имѣя въ составѣ *учебникъ*, мы исключили изъ книги все сомнительное, неясное, всё предложенія и мнѣнія (даже мнѣнія!), и оставили только факты». Если г. Кирпичникову неясны идеи новаго времени, то мы смѣемъ сказать, что ему неясны также ходъ собственныхъ

его идей, хотя и не имѣющихъ съ новымъ временемъ ничего общаго. По его словамъ, учащимся нужно знать сочиненія Пушкина и Гоголя лучше всего остального; откуда же они это узнаютъ, если г. Кирпичниковъ не сообщаетъ имъ ничего изъ новѣйшей литературы? Г. Кирпичниковъ, конечно, не предвидѣлъ этого вопроса, но отвѣтъ на него давно уже выработана практикой. Гимназисты обращаются за отвѣтомъ къ журналистикѣ и вшиваютъ въ себя изъ нея то, чего не даютъ имъ ихъ преподаватели, къ которымъ и не могутъ питать они уваженія, потому что эти преподаватели, навязывая имъ свои произведенія, беззастѣливо говорятъ: не ищите тутъ ни самостоятельности, ни научности,—заплатите только 1 р. сер. А, прекрасно, думаютъ ученики: значить преподаваніе въ гимназіяхъ—только формальность, такъ и запишемъ, и пойдемъ искать умственной пищи и самостоятельности гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, отдѣлвшись отъ этой формальности за цѣлковый. Но такъ какъ журналистика существуетъ не для гимназистовъ, для которыхъ въ ней многое еще не можетъ быть доступно, то происходитъ то шатае и та поверхность, за которую такъ любятъ иные педагога упрекать молодое поколѣніе. Но что жъ ему дѣлать, когда молодой умъ ищетъ пищи, живого знанія, живой идеи, а ему предлагаютъ официальные представители просвѣщенія какую-то непереваренную смѣсь изъ того, чѣмъ питались грамотные люди XIII и XIV столѣтій и заставляють изучать это и питаться этимъ, въ видахъ, вѣроятно, укрощенія строптивости...

Далѣе составляя учебникъ, г. Кирпичниковъ выкинулъ «все неясное, всё предположенія и мнѣнія, и оставилъ одни факты». Такъ какъ г. Кирпичниковъ заявляетъ, что онъ не обладаетъ ни самостоятельностью, ни научностью, то надо предположить, что при выборѣ фактовъ онъ руководился наитіемъ. Откуда оно ему послано—мы не знаемъ, но можно съ достовѣрностью утверждать, что не съ неба, хотя это наитіе и позволяетъ ему исключать изъ исторіи русской литературы даже «мнѣнія», какъ будто какая-нибудь исторія возможна безъ мнѣній, т. е. безъ критики. Впрочемъ, это сорвалось у нашего автора съ языка бессознательно: на самомъ дѣлѣ у него мнѣній много, въ особенности мнѣній, не имѣющихъ ни ка-

кого научнаго значенія, въ родѣ, напр., такихъ, что «авторы духовныхъ стиховъ есть калики перехожіе», что Пушкинъ и Гоголь не могутъ быть включены въ исторію русской литературы, когда собственно серьезная исторія русской литературы только съ нихъ и начинается? Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе имѣютъ для исторіи нашего развитія такіе писатели, какъ Вассіанъ Рыло и множество другихъ, на которыхъ съ такою любовью г. Кирпичниковъ останавливается? Онъ скажетъ, что все это факты: Вассіанъ Рыло существовалъ и написалъ посланіе къ Ивану III, существовали и другіе писатели, изъ которыхъ одинъ написалъ сказаніе о перенесеніи мощей св. Параскевы и стихъ на праздникъ успенія Богородицы, другой доказывалъ существованіе земного рая, третій существованіе такой жабы, которая глотаетъ людей, и проч. и проч. Не видя никакой надобности обременять память ученика именами невѣжественныхъ представителей полудикаго времени, мы, однако, попробуемъ стать на точку зрѣнія г. Кирпичникова: пусть онъ намъ объяснитъ, почему онъ предпочитаетъ фактъ существованія Вассіана Рыла другому факту—существованію Пушкина и Гоголя, или другими словами: почему Вассіанъ Косой, написавшій обличительное «слово», больше значить, чѣмъ Островскій и Салтыковъ, которые тоже писали «обличительныя слова», одинъ въ формѣ комедій, другой въ формѣ повѣстей и разсказовъ и которые не удостоились даже простого упоминанія въ «исторіи русской литературы для учащихся». Объ этихъ писателяхъ существуютъ разныя мнѣнія, говоритъ г. Кирпичниковъ. Прекрасно. Дѣйствительно, съ этой стороны Вассіанъ Рыло имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ Тургеневымъ, Гончаровымъ и другими наиболее талантливыми современными писателями, о которыхъ также умолчалъ г. Кирпичниковъ: объ Островскомъ, Тургеневѣ и Гончаровѣ могутъ быть разныя мнѣнія, между тѣмъ какъ о Вассіанѣ Рылѣ можетъ быть только одно—по самой ничтожности этого писателя. Но въ такомъ случаѣ, становится совершенно непонятно, зачѣмъ же г. Кирпичниковъ пропустилъ всѣхъ тѣхъ писателей, о которыхъ также, какъ и о Вассіанѣ Рылѣ и Вассіанѣ Косомъ, существуетъ тоже одно мнѣніе, именно, что они ничтожны? Такихъ писателей очень много и ими (не бесполезно было бы наполнить учеб-

никъ, предназначенный для учениковъ гимназій. Правда, г. Кирпичниковъ говоритъ еще намъ, что ему «неясенъ ходъ идей новаго времени»; но кому неясенъ ходъ идей новаго времени, тотъ не можетъ ясно видѣть и въ старомъ времени. Написанная имъ «исторія русской литературы» блистательно это доказываетъ. Мы не станемъ останавливаться на ея ошибкахъ и неточностяхъ: это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы хотѣли только указать на одно изъ знаменій времени въ педагогическомъ словесіи: человѣкъ открыто хвалится отсутствіемъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы для добросовѣстнаго учителя, и открыто сознается, что ему «неясенъ ходъ идей новаго времени», другими словами, хвалится своимъ ничіемъ.....

Роландъ. (Le chanson de Roland). Древняя французская поэма. Великій переводъ Бориса Алмазова. Москва. 1869

Пѣсня о Роландѣ принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ древней французской поэзіи. Долгое невѣдѣніе новой Франціи, оно обратило на себя вниманіе и сдѣлалось предметомъ частыхъ изысканій и переводовъ на новый французскій языкъ, только въ тридцатыхъ годахъ. Большой отрывокъ изъ этой поэмы, написанной Тертидомъ, помѣщенъ въ русскомъ прозаическомъ переводѣ во второмъ томѣ «Исторіи среднихъ вѣковъ» въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ». Г. Алмазовъ рѣшился перевести поэму «вольною», то-есть, оставивъ по его словамъ, непереверденнымъ все то, что теряетъ всякое значеніе въ переводѣ, считая, напримѣръ, безконечныя описанія сраженій и то, что казалось ему вставками старинныхъ переписчиковъ поэмы. Далѣе переводчикъ сознается, что «осталось не переведеннымъ нѣсколько мѣстъ, исполненныхъ истинными, глубокими поэтическими достоинствами». «мы не перевели ихъ просто вслѣдствіе недостатка беснѣія воспроизвести тонкія и нѣжныя красоты подлинника». Эти слова достаточно рекомендуютъ добросовѣстность переводчика, который не беретъ за то, чего сдѣлать не въ силахъ. Въ наше время, когда искажаютъ Байрона и, не зная англійскаго языка, переводятъ его съ французскаго, такое сознаніе можетъ считаться величайшею рѣдкостью. Поэма Тертиды переведена г. Алмазовымъ хорошо

стихомъ; но кто събрѣтъ оригиналь съ переводомъ, тотъ не можетъ не замѣтить, что переводчикъ значительно сгладилъ первоначальную свѣжесть оригинала и отнялъ у него его выразительность и простоту. Во всякомъ случаѣ, этотъ трудъ далеко не лишній въ нашей литературѣ.

Стихотворенія, басни и ѳѳени. Сочиненіе А. А. Звонарева. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1869.

Вотъ еще книга, изданная весьма изящно, о которой можно было бы не говорить, еслибъ она не выходила изъ ряду вонъ. Г. Звонаревъ не только не поэтъ, но даже не стихотворецъ, т. е. не знаетъ правилъ стихосложенія. Въ предисловіи онъ рекомендуетъ себя такъ:

Благосклонный читатель,
Не будь ты строгъ ко мнѣ!
Я не поэтъ, но я мечтатель...
Любовь моя горитъ къ тебѣ.

.....
Пишу стихи безъ увлеченія;
Не жду я громкихъ одобреній;
Въ нихъ нѣтъ большой красоты,—
Читатель, удѣли на нихъ не многіе часы.

Этихъ строкъ достаточно, чтобъ видѣть, съ кѣмъ имѣемъ дѣло: у стихотворцевъ время Петра Великаго, писавшихъ силлабическимъ разиѳромъ, стихъ несравненно лучше. Но нѣтъ худа безъ добра: г. Звонаревъ можетъ служить прекраснымъ первообразомъ тѣхъ поэтовъ, которые получили у насъ въ послѣднее время названіе «натуръ непосредственныхъ», т. е. такихъ, которыя обрѣтаются въ невинномъ невѣдѣніи общечеловѣческихъ стремленій и разумныхъ задачъ искусства и поютъ все, что придетъ имъ въ голову. Единственная разница между ними и г. Звонаревымъ въ извѣстной догѣ грамотности и знанія хоревей, ямбовъ и амфибрахей. И еслибъ г. Звонаревъ позналъ эту нехитрую премудрость, то моръ бы съ успѣхомъ соперничать съ ними. Судите сами вотъ по этимъ стихамъ г. Звонарева, которымъ недостаетъ только звучности, чтобъ попасть въ «поэтическіе»:

Паровозъ мчить:
Лука мелькаетъ,
Птичка прочь летитъ;
Томъ V. — Октябрь, 1869.

Вдали лошадушекъ гуляютъ.
Какое раадолье
И какой просторы!
Коровушкамъ приволье...
Нѣту горъ.
Живая Творца картина:
Лука, поля, лѣса,
Величественная равнина;
Сводъ надъ землей — небеса.

Въ этихъ стихахъ есть: непосредственность простота, искренность и не достаетъ только разиѳра. Въ своей непосредственности г. Звонаревъ достигаетъ даже пароса. Напр.

Злой воронъ кровожадный
Въ глазахъ моихъ похитилъ щенца.
На сей подвигъ его умасни!
Невольню брызнула слеза.
Горе и тоска разлилась
По сердцу моему,
Душа мечтамъ предалась,
Прискорбно быть зрителемъ сему.

Именно: «прискорбно быть зрителемъ сему», т. е. появленію подобныхъ поэтовъ, какъ безграмотныхъ, такъ и грамотныхъ.

Духовныя стихотворенія Федора Николаевича Глинки. Москва, 1869.

Ф. Н. Глинка—поэтъ слишкомъ извѣстный, начавшій писать еще въ первой четверти настоящаго столѣтія. Этимъ томомъ начинается изданіе полнаго собранія его сочиненій. Во второмъ томѣ будетъ помѣщено его переложеніе «Книги Іова» и поэма «Таинственная капля»; въ третьемъ—аллегорія и смѣсь, и въ четвертомъ—«Письма русскаго офицера о войнѣ 1812 года. Въ прежнее время г. Глинка находилъ себѣ многочисленныхъ читателей и надъ поэмою «Таинственная капля» наши дѣды проливали обильныя слезы. Теперь весь этотъ мистицизмъ, всѣ эти желанія «покатиться солнцемъ», «жить въ заткнутой тиши, скупо питаясь въ выси нажитымъ», всѣ событія въ родѣ:

Если хочешь жить легко
И быть къ небу близко—
Держи сердце высоко,
А голову низко—

производить совсѣмъ другое впечатлѣніе. Еще тамъ, гдѣ г. Глинка перекладывалъ въ рус-

скіе стихи пророковъ—онъ удобочитаемъ, тутъ встрѣчаются даже сильныя стихи, но собственные его варіаціи на духовныя темы, собственные громы его противъ разврата, лжи, «торговъ», «исканья», отъ котораго будто бы получается «нуль», его собственныя восклицанія:

Пожарь!.. пожарь!.. у человѣка —
Сего мятущагося вѣка —
Горить рубаха отъ грѣховъ!

кромѣ мистическаго элемента и рюмованной, весьма надутой прозы, ничего другаго нѣтъ. По нашему мнѣнію, чѣмъ выше предметы пѣснопѣвній, тѣмъ сильнѣе долженъ быть талантъ, берущійся за нихъ, и въ этомъ случаѣ одно искреннее чувство еще не много значитъ: быть можетъ, ему удобнѣе было бы скрываться въ

толпѣ, какъ мытарю въ известной притчѣ Христа. Тогда, по крайней мѣрѣ, личное спасеніе стихотворца было бы обезпечено; что же касается спасенія публики, въ которой онъ обращается съ рюмованными строчками, то она обыкновенно не проникается такими средствами, особенно если ей не указываютъ опредѣленнымъ образомъ язвъ ея. А на что же указываетъ г. Линка? Онъ перечисляетъ іудейскихъ пророковъ и, не обладая силою ихъ дарованія, строитъ общія мѣста, отъ которыхъ отвернулось бы и древнее іудейское общество, не столь требовательное, какъ современное, которое — нельзя же этого не сознавать—все-таки далеко ушло по развитію и по сознанію своихъ обязанностей отъ общества временъ царя Ахамъ и нечестивой Іезавели.

А. С.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

ПЯТАГО ТОМА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ, 1869.

Книга десятая. — Сентябрь.

	Стр.
Пѣсни о походѣ Владиміра.—ГР. А. К. ТОЛСТАГО.	5 ✓
Последніе годы Речи-Посполитой. — 1787-1795 гг. — Глава третья. — I. Отношенія Пруссіи, Австріи и Россіи между собою по польскимъ дѣламъ. — II. Веселье въ Польшѣ; сеймики; самоувѣренность поляковъ; поведеніе Локкенина; зародышъ конфедераціи въ Петербургѣ; воинственныя постановленія сейма. — III. Празднество годовщины 3-го мая; поведеніе Булгакова и другихъ иностранныхъ министровъ; виды поляковъ: приготовленіе къ оборонѣ. — IV. Объявленіе деклараціи Екатерины; впечатлѣніе на поляковъ; послѣднія распоряженія и закрытіе сейма; воззваніе къ народу; отвѣтъ на декларацію. — V. Отношенія къ Пруссіи и другимъ державамъ; посольство Потоцкаго; собственныя средства обороны у поляковъ. — VI. Вступленіе русскаго войска; Тарговицкая Конфедерація. — Н. И. КОСТОМАРОВА	17 ✓
Дача на Рейнѣ. — Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ. — Часть четвертая. — Книга десятая. — IX-XVI. — Книга одиннадцатая. — I-VI. (Переводъ съ рукописи).	105 ✓
Г-жа Креднеръ. — Статьи вторая. — У Сношенія съ императоромъ Александромъ въ Парижѣ; Священный Союзъ, 1815 (июль-сентябрь). — VI. Странничество и проповѣдь въ Швейцаріи и Германіи. 1815—1818. — VII. Въ Россіи, 1818—1824. — А. Н. ПЫПИНА	207 ✓
Очерки Средней Азій. — Галкина: Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азій и пр.; Пашино: Туркестанскій край въ 1866 г.; Вамбери: Очерки Средней Азій. — Д. А.	258 ✓
Корнеллевскій университетъ въ Америкѣ. — Р-ЛД	275 ✓
Воспоминанія Е. А. Хвостовой. — 1812—1835	298 ✓
Внутреннее Овозрѣніе. — Внутренній заемъ въ 15 мил. р. — Обращеніе безпроцентнаго долга. — Возраженія противъ дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, какъ финансоваго ресурса. — Гласность въ ассигнаціонномъ дѣлѣ. — Учебный курсъ въ классическихъ гимназіяхъ. — Расторженіе контракта съ Уайвенсомъ. — Желѣзно-дорожныя торги. — Воронежско-Грушевская и Бессарабская дороги. — Съѣздъ петербургскаго духовенства	847
Иностранное Овозрѣніе. — Конституціонная реформа во Франціи. — Борьба личнаго правленія съ свободными стремленіями французскаго народа. — Диктатура Наполеона I. — Божественное право Карла X. — Паленіе Іюльской монархіи. — Вторая республика и возобновленіе диктатуры. — Наполеонъ III. — Новыя стремленія къ свободѣ и новый ударъ личному правленію. — Посланіе 12-го іюля. — Кризисъ второй имперіи.	865
Положеніе народнаго образованія съ 12-го іюня. — Н. В-ГО	890

По поводу колонизации въ Россіи.—(Письмо въ редакцію) Г. К. ВЛАСТОВА	408
Литературныя Извѣстія.—Августъ.—I. Русская Литература.—Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ, А. Стоянова.—Б. У.—Картины прошедшаго, А. Сухово-Кобылина.—Осмынадцатый вѣкъ, исторической сборникъ, издаваемый П. Бартевевымъ.—Недоразумѣніе. Повѣсть, Данкевича.—Популярная гигиена. Соч. Карла Реклама.—А. С.—II. Иностранная Литература.—Livländische Antwort an H. Juri Samarin. Von C. Schirren. Die Baltischen Provinzen am Fabicon.—Л. А.—History of European Morals etc., by W. E. H. Lecky.—Ю. Р.	411

Книга десятая—Октябрь, 1869.

✓ Дача на Рейнѣ.—Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ.—Часть четвертая.—Книга одиннадцатая.—VII—XVII.—Книга двѣнадцатая.—I—VII. (Переводъ съ рукописи).	471
✓ Последние годы Рѣчи-Посполитой.—1787-1796 гг.—Глава третья.—VI. Война русскихъ съ поляками въ 1792-мъ году.—VII. Финансовыя затрудненія.—Неудачное посольство Игнатія Потоцкаго.—Переговоры съ Булгаковымъ.—Письмо къ Екатеринѣ.—Отвѣтъ ея.—Король приступаетъ къ конфедерации.—Бѣгство патриотовъ.—Впечатлѣніе событій.—VIII. Господство Конфедерации.—Униженіе короля.—Злоупотребленіе Конфедерации.—Тайныя сношенія державъ о раздѣлѣ Польши.—Прусская Нота.—Тревога Конфедерации.—IX. Сношенія кабинетовъ между собою по дѣламъ Польши.—Делегация въ Петербургъ.—Тревога Конфедерации.—Н. И. КОСТОМАНОВА.	562
Мавританскій Король. (Изъ Гейне). Стихотвореніе.—А. Я-ВА.	623
✓ Сестра Роза.—Повѣсть.—(Переводъ съ рукописи)—АНДРЕ ЛЕО.	626
Флоренція и ея старыя мастера.—Статья вторая.—Д. И. КАЧЕНОВСКАГО.	678
✓ Императоръ Александръ I и евакеры.—А. П.	751
Мемуары изъ прошедшихъ временъ.—М. М.	770
Русская Литература.—Новыя историческія вопросы.—Сборникъ Русскаго Историческаго Общества.—А. Н-ВЪ.	788
Иностранная Литература.—Шекспировская критика въ Германіи.—Н. СТОРОЖЕНКО	823
Внутреннее Обзораніе.—Почтовое дѣло и почтовныя ревизіи.—Новыя условія пересылки газетъ и журналовъ съ 1870 г.—Наши экономическія дѣла.—Спекуляція.—Биржа.—Банки.—Возвышеніе и паденіе процентныхъ бумагъ.—Выпускъ ассигнацій.—Кризисъ.—Слухи объ измѣненіяхъ въ законѣ о печати.—Новый сѣздъ петербургскаго духовенства.—Прекращеніе безпорядковъ въ киргизскихъ степяхъ.—Виды въ будущемъ.	870
Иностранное Обзораніе.—Русскіе публицисты и братья славяне.—Фальшивый либерализмъ въ нашей журналистикѣ.—Янъ Гусъ и Богемія.—Празднованіе пятисотлѣтняго юбилея Гуса въ Грагъ.—Палацкій.—Москва и рѣчь М. П. Погодина.—Выборы въ богемскій сеймъ.—Политика Австріи.—Пруссія.—Петница Шлезвига.—Рѣчи и военныя маневры Вильгельма I.—Франція, принцъ Наполеонъ и Кератри.—Годовщина испанской революціи.—Куба и Сѣверо-Американскіе Штаты.—Италія.	891
Мировой судъ въ провинціи—БАР. И. КОРФА.	913
Письмо изъ Парижа.—К. К. АРСЕНЬЕВА.	923
Литературныя Извѣстія.—Сентябрь.—Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати.—О подчивеніи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго.—Исторія русской литературы (для учащихся), составилъ А. Кирпичниковъ.—Роландъ. Древняя французская поэма. Вольный переводъ Б. Алмазова.—Стихотворенія, басни и пѣсни. Соч. А. А. Зварева.—Духовныя стихотворенія Федора Николаевича Глинки. А. С.	937

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 80.

Въ теченіи сентября поступили вновь въ продажу слѣдующія книги:

- ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССИИ И ЗА ГРАНИЦЕЮ.** Желѣзныя дороги, пароходы, diligencы, почта, телеграфъ, минеральныя воды, метрологія и проч. Издается три раза въ годъ, съ картами желѣзныхъ дорогъ Россійской имперіи, Германіи, Англіи, Франціи, Испаніи и Италіи. Спб. 1869 г. Цѣна 50 к., съ пер. 80 к.
- О ВЛІЯНІИ ОБЩЕСТВА, НА ОРГАНИЗАЦІЮ ГОСУДАРСТВА ВЪ ЦАРСКОЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.** Соч. Н. Хлѣбникова. Спб. 1869 г., Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
- ИЗЪ МІРА УМЕРШАГО И ПОГРЕБЕННАГО** (очерки западнаго края). Безъ предварительной цензуры. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- БИБЛЕЙСКИЙ БОГОСЛОВСКИЙ СЛОВАРЬ.** Свящ. В. Михайловскаго. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 80 к.
- НИЖЕГОРОДСКІЙ СБОРНИКЪ,** издаваемый нижегор. статистическимъ комитетомъ А. С. Гацискаго. т. 2-й, Нижній-Новгородъ, 1869 г., Цѣна 1 р. 80 к.
- ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВНУТРЕННИХЪ ОТНОШЕНІЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ И ВЪ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ РОССИИ.** Барона Августа Гакстгаузена, перевелъ съ нѣмецкаго Л. И. Рагозинъ. М. 1869 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 40 к.
- ВЫПИСКИ И ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ КАССАЦІОННЫХЪ РѢШЕНІЙ ПО УГОЛОВНЫМЪ ДѢЛАМЪ 1866, 1867, 1868.** А. Н. Попова. М. 1869 г. Цѣна 80 к., съ пер. 1 р. 10 к.
- СОЧИНЕНІЯ Д. И. ПИСАРЕВА** Часть 2-я. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.
- НА СУДЪ.** Романъ въ 3-хъ частяхъ П. Д. Боборыкина. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.
- ЦЕРКОВНОЕ ЦѢНІЕ ВЪ РОССИИ.** Профессора московской консерваторіи Н. Разумовскаго. Выпускъ 3-й и послѣдній. М. 1869 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 0 к.
- СОЛНЦЕ.** Двѣ лекціи, читанныя въ собраніи Рейнскаго Общества Естествоиспытателей въ Майнѣ докторомъ П. Рейсомъ. Спб. 1869 г. Цѣна 50 к., съ пер. 70 к.
- О ПРАВѢ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.** Ф. Мартенса. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 35 к.
- ЛЕДЯНОЙ ГОРОДЪ.** Разказы изъ столичнаго быта. П. Каратыгина. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.
- СВОБОДА РѢЧИ, ТЕРПИМОСТЬ И НАШИ ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ.** Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ** С. Н. Шубинскаго. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- РУКОВОДСТВО ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ** (до новѣйшаго періода). В. Стоюнина. Спб. 1869 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р.
- ЗАПИСКИ МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ.** Впечатлѣнія жизни. Изд. А. Клеванова. Часть 1-я. М. 1869 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.
- ПОДЧИНЕННОСТЬ ЖЕНЩИНЫ.** Соч. Джона-Стюарта Милля. Пер. съ англійскаго съ предисловіемъ Н. Михайловскаго и приложеніемъ письма О. Конта къ Д. С. Миллю, по женскому вопросу. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.
- РОССІЯ И СЕРБІЯ.** Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи, съ 1806 по 1856 годъ. Никола Попова. 2 ч. М. 1869 г. Цѣна 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.
- ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ФИЛАРЕТА, 1832—1867.** Кіевъ, 1869 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

BULLETIN

DES NOUVEAUTÉS LITTÉRAIRES

DE LA LIBRAIRIE **A. Münx (K. Ricker)** A ST. PÉTERSBOURG.

Persp. de Newski, maison Maderni, № 14.

- Auerbach**, Landhaus am Rheine. 3 Bde. — 2 r. 70 c.
- Austin**, Lectures on jurisprudence, 2 vols. — 16 r.
- Bacher**, Auf dem Wiener Congress. Roman. 4. Bde. — 8. r. 10 c.
- Beauvoir**, Australia. Voyage autour du monde. — 1. r. 60 c.
- Blankenburg**, Kaempfe der nordamerikan. Union. — 2 r. 70.
- Block**, L'Europe politique et sociale. — 3 r.
- Buchner**, Novellen. — 1 r. 35 c.
- Cauchols**, La constitution de l'empire franç. — 1 r. 60 c.
- Dürdik**, Leibniz und Newton. — 45 c.
- Ellis**, The antiquities of Heraldry. — 7 r. 50 c.
- Emsmann**, Mathematisch-physikalische Probleme. — 1 r.
- Galen**, Loewe von Luzern. Roman 5 Bde. — 11 r. 25 c.
- Gauthier**, Hist. de Marie Stuart, vol. I.
- Goethe**, Werke. 45 Bde. — 5 r. 5 c.
- Hazard**, 2 letters on causation and freedom in willing, adress. to J. St. Mill. — 3 r. 75 c.
- Hefferich**, Turan u. Iran. Entstehung der Schriftsprache. — 1 r. 90 c.
- Hugo**, Der lachende Mann. 4 Bde. — 5 r. 40 c.
- Humboldt**, Kosmos. V. A. 4 Bde. — 3 r. 15 c.
- Karup**, Lebensversicherung im Kriege. — 55 c.
- Ladenburg**, Vortraege üb. die Ent- wicklungs-geschichte der Chemie. — 2 r. 25 c.
- La Gueronnière**, La politique nationale. — 2 r. 40 c.
- Masius**, Naturstudien. Bd. I. — 3 r. 5 c.
- Meyer**, Gothische Sprache. — 5 r. 40 c.
- Mill**, Hoerigkeit der Frau. — 1 r. 35 c.
- Mühlberg**, Erratische Bildungen im Aargau. — 1 r. 35 c.
- Naumann**, Tonkunst in der Culturgeschichte. Bd. I., 1. — 1 r. 80 c.
- Oettingen**, Moralstatistik. I, 2. (Analyse der moralstatistischen Daten). — 4 r. 85 c.
- Perthy**, Natur im Lichte philosophische Anschauung. — 4 r. 95 c.
- Rankine**, Manual of mashinery and millwork. — 6 r. 25 c.
- Reclam**, Vierteljahrsschrift f. Gesundheitspflege. Hft. I. II. à 1 r. 80 c.
- Riehl**, Land u. Leute. Bd. II. (Wanderbuch.) — 2 r. 15 c.
- Schimper**, Traité de paléontologie végétale. I. — 20 r.
- Strodtmann**, Heine's Leben u. Werke 2 Bde. — 5 r. 40 c.
- Temme**, Die Erbgrafen. Histor. Rom. 4 Bde. — 3 r. 60 c.
- Vonet**, Mélanges. Etudes littéraires etc. — 2 r.
- Walcker**, Selbstverwaltung des Steuerwesens u. die russische Steuerreform. — 2 r. 70 c.
- Zimmermann**, Unsterblichkeit der Seele in Plato's Phaedo. — 90 c.

ИЗДАНИЕ
КНИЖНАГО МАГАЗИНА А. МЮНКСА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ просп., № 14.

КАРТИЦЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ НАСЪКОМЫХЪ.

СОСТАВИЛЪ А. ГАНИКЕ,

съ 174 рисунками, цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ХИМІЯ

Соч. Гофмана.

СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ КАСАТЕЛЬНО РОССИИ.

Проф. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА.

Спб. 1866. 500 стр., со многими рисунками въ текстѣ.

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 40 к.

Изъ предисловія. Земледѣльская химія настоящаго времени преслѣдуетъ практическое направленіе, не теряя при этомъ изъ виду науку; она старается, съ должнымъ вниманіемъ къ сельско-хозяйственному опыту примирить практику съ теоріею и сдѣлать полезными для сельскаго хозяина уроки земледѣльской химіи, не гоняся за эффектнымъ выводами.

Такое направленіе земледѣльской химіи принято во вниманіе и въ настоящемъ очиненіи. Сочиненіе это предназначено для практиковъ и должно, минуя гипотезы, теоретическіе выводы и спорные вопросы, дать въ сжатой формѣ объясненіе того, что мы действительно знаемъ въ области земледѣльской химіи и кромѣ того, что открыто требуетъ еще изслѣдованія. Она должна служить пособіемъ для сельскаго хозяина, свѣтчикомъ, у котораго онъ можетъ найти объясненіе, какъ примѣнить на практикѣ то, что наука предлагаетъ ему за вѣрное въ настоящее время.

**РУКОВОДСТВО
КЪ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ХИМИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ,**

СЪ СПЕЦІАЛЬНЫМЪ УКАЗАНІЕМЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВАЖНѢЙШИХЪ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ
ПРОДУКТОВЪ.

Соч. д-ра Ф. Броера.

Переведено съ нѣмецк. изданія подъ редакціей

проф. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА.

Цѣна 80 коп., съ перес. 1 р.

УЧЕБНИКЪ ГАРМОНИИ.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО БЪ ЕЯ ИЗУЧЕНІЮ.

ОСТАВИЛЪ

Эристъ Фридрихъ РИХТЕРЪ.

Перев. съ 6-го нѣмецкаго изданія 1868 г.

Александръ Фаминцынъ.

Цѣна 1 р. 50 к. сер., съ пересылкою 1 р. 75 к. сер.

Отъ переводчика. Предлагаемый переводъ сдѣланъ съ цѣлю: 1) способствовать къ пополненію большого пробѣла въ нашей музыкальной литературѣ, 2) установить печатно, насколько возможно, до сихъ поръ еще очень шаткую теоретическую музыкальную номенклатуру на русскомъ языкѣ. Выборъ мой, для перевода, именно учебника Рихтера, достаточно оправдывается съ одной стороны полезною, долгою дѣятельностью его автора, какъ профессора лейпцигской консерваторіи, съ другою — множествомъ изданій, выдержанныхъ самимъ сочиненіемъ.

МАРКЪ ТЕРЕНЦІЙ ВАРРОНЪ
РЕАТИНСКІЙ

И

МЕНИПОВА САТИРА.

Соч. ПОМЯЛОВСКАГО.

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ. Глава I. Очеркъ жизни Марка Теренція Варрона.
Глава II. Литературная дѣятельность Варрона.
Глава III. Варронъ поэтъ. Менипова Сатира.

Мил
свнч

ВЪСТАНКЪ ВЪРОШЪ

592567

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ

ЛЮБИТЕ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 9-ая.

СЕНТЯВРЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 9-ая. — СЕНТЯБРЬ, 1869.

I. — ПѢСНЯ О ПОХОДѢ ВЛАДИМИРА. — Гр. А. К. Толстаго.	137
II. — ПОСЛѢДНИЕ ГОДЫ РЪЧИ-ПОСПОЛИТОЙ. — 1787-1795 гг. — Глава третья. — I. Отношенія Пруссіи, Австріи и Россіи между собою по польскимъ дѣламъ. — II. Веселье въ Польшѣ; сеймики; самоувѣренность поляковъ; поведеніе Люблин- щины; зародышъ конфедераціи въ Петербургѣ; воинственныя постановленія сейма. — III. Празднество годовщины 3-го мая; поведеніе Бугакова и дру- гихъ иностранныхъ министровъ; виды поляковъ; приготовленіе къ оборонѣ. — IV. Объявленіе деклараціи Екатерины; впечатленіе ея на поляковъ; послѣд- нія распоряженія и закрытіе сейма; воззваніе къ народу; отвѣтъ на декла- рацію. — V. Отношенія къ Пруссіи и другимъ державамъ; посольство Потоц- каго; собственныя средства обороны у поляковъ. — VI. Вступленіе русскаго войска; Тарговицкая Конфедерація. — П. И. Костомарова.	17
III. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ Б. Ауэрбаха, въ пяти частяхъ. — Часть четвер- тая. — Книга десятая. — IX-XVI. — Книга одиннадцатая. — I-VI. (Переводъ съ рукописи).	183
IV. — Г-ЖА КРЮДНЕРЪ. — Статья вторая. — V. Сношенія съ императоромъ Алек- сандромъ въ Парижѣ; Священный Союзъ, 1815 (июль-сентябрь). — VI. Стран- ничество и проповѣдь въ Швейцаріи и Германіи. 1815—1818. — VII. Въ Россіи 1818 — 1824. — А. И. Пышина.	207
V. — ОЧЕРКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ. — Газина; Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азій и пр.; Памино; Туркестанскій край въ 1866 г.; Вамбергъ. Очерки Средней Азій. — Л. А.	253
VI. — КОРНЕЛЕВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ АМЕРИКѢ. — Р-ля.	275
VII. — ВОСПОМИНАНІЯ Е. А. ХВОСТОВОЙ. — 1812—1835.	294
VIII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Внутренній заемъ въ 15 мил. р. — Обращеніе безпроцентнаго долга. — Возрженіе противъ дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, какъ финансоваго ресурса. — Гласность въ ассигнаціонномъ дѣлѣ. — Учебный курсъ въ классическихъ гимназіяхъ. — Расторженіе контракта съ Уайенсомъ. — Железно-дорожныя торги. — Воронежско-Грушевская и Восточная дорога. — Съездъ петербургскаго духовенства.	347
IX. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА ВО ФРАН- ЦИИ. — Борьба личнаго правленія съ свободными стремленіями французскаго на- рода. — Диктатура Наполеона I. — Божественное право Карла X. — Паденіе Бом- ской монархіи. — Вторая республика и возобновленіе диктатуры. — Наполеонъ III. — Новыя стремленія къ свободѣ и новый ударъ личному правленію. — Посланіе 12-го іюля. — Кризисъ второй имперіи.	365
X. — ПОЛОЖЕНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ СЪ 12-го ІЮНЯ. — Н. В-го	390
XI. — ПО ПОВОДУ КОЛОНИЗАЦІИ ВЪ РОССІИ. — (Письмо въ редакцію) Г. К. Властова.	406
XII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Августъ. — I: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ, А. Столбова. — Б. У. — Картины прошедшаго, А. Сухова-Кобылина. — Осмынадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, издаваемый П. Баргелевичемъ. — Недоразумѣніе. Повѣсть. Данкевича. — Популярная гатіена. Соч. Карла Реклама. — II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Livländische Antwort an H. Juri Samarin. Von C. Schirren. Die Baltischen Provinzen am Rubicon. — History of European Morals etc., by W. E. H. Lecky. — 10. P.	411

Объявленія: I. О русской книжной торговлѣ: А. Ф. Базунова; Шинкина. — II. Объ
иностранный книжной торговлѣ: А. Мюнха.

ИЗЪ. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногородныхъ подписчиковъ на правила
подписки, помѣщенные ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія недоумѣній
и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

теския воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ мнѣнскими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. *А. Аванасьева*, Томъ третій. Изданіе К. Солдатенкова. М. 1869.

Третій томъ почти законченъ трудъ Аванасьева, начало котораго уже доставило ему одобрительные отзывы специалистовъ и ническую премію. Система славянской мифики едва ли построена г. Аванасьевымъ, но принадлежитъ однако большаа заслуга въ выборѣ матеріала, которое облегчитъ постройку системы въ будущемъ. Эта заслуга тѣмъ болѣе, что г. Аванасьевъ въ своемъ трудѣ не ограничился предпринять нѣчто полное и законное, собрать *membra disiecta* своего предмета, а наши ученые вообще такъ мало способны, а стоила ему большаго изученія, и метода, матеріала, и мы отъ души желаемъ автору, за его почтенные труды вознаградились у насъ книги у читателей.

Послѣдняя глава, «очеркъ стародавняго быта славянъ, ихъ свадебные и похоронные обряды», по первоначальному плану автора должно было закончиться сочиненіемъ, составивъ, — какъ говорится теперь, — особую монографію и будучи издава въ отдѣльнѣмъ. Третій томъ, дѣйствительно и безъ того разросся въ очень большую книгу (840 стр.). Въ концѣ помѣщенъ обширный указъ именъ и предметовъ ко всемъ тремъ томъ сочиненія, что конечно будетъ для читателей большимъ удобствомъ при пользованіи книгою.

Критическіе опыты. Переводъ подъ редакціей *В. Чуйко*. Спб. 1869.

Исторія искусства и объ идеалъ въ искусствѣ. Два ряда лекцій, читанныхъ въ *Ecole des Beaux-arts* въ Парижѣ, Имполита Тэна, съ приложеніемъ статьи Джона Стюарта Милля: «Значеніе искусства въ общей системѣ воспитанія». Переводъ А. Н. Чудинова. Изданіе редакціи «Филологическихъ Записокъ». Воронежъ, 1869.

Какъ видитъ читатель, Тэну довольно посчастливилось въ русской литературѣ, гдѣ имя его уже было довольно извѣстно и до появленія этихъ книгъ. Можно не совсѣмъ повѣрять мнѣніямъ Чуйко о «громадномъ» значеніи Тэна въ исторіи критикѣ, но Тэнъ во всякомъ случаѣ имѣлъ большаго ума и таланта, съ которымъ можно было желать ближе ознакомить русскаго читателя.

Въ «Критическихъ опытахъ» помѣщены слѣдующія статьи этого писателя: Буддизмъ, Бальзакъ, Мормонъ, Гизо, Англія послѣ революціи, Свифтъ, Лордъ Байронъ, Бетговетъ. Выборъ сдѣланъ очень интересный.

Воронежское изданіе передаетъ эстетическую философію Тэна, пересыпанную множествомъ частныхъ критическихъ замѣчаній, обыкновенно меткихъ, ловкихъ и остроумныхъ, и которая также можетъ доставить занимательное чтеніе. Жаль только, что редакція «Филологическихъ Записокъ» не обратила больше вниманія на нѣкоторыя филологическія подробности перевода. Имена, весьма достаточно извѣстныя, передаются здѣсь зачастую въ странно-неправильномъ видѣ: Чимабуэ (см. Чинмабуэ), Массаккіо (см. Масаччіо), Винчи, Караваль, «Кандида» (см. «Кандидъ» — знаменитый романъ Вольтера), Мартинъ Гузлевичъ (им. Чодзлвичъ — извѣстный романъ Дикенса), и т. д. Такия переименованія просто ужасны.

Очерки въ исторіи средневѣковой литературѣ. *А. Кирничикова*. М. 1869.

Цѣль своего труда авторъ объясняетъ нѣсколько запутанно. Сказавъ о «всѣмъ понятной» необходимости изученія всеобщей литературѣ, авторъ указываетъ на отсутствіе у насъ книгъ о средневѣковой литературѣ, которому онъ рѣшился помочь, потому что «всѣмъ понимаетъ», что безъ знакомства съ этой литературой нельзя уяснить себѣ многія явленія новѣйшей литературѣ. Авторъ отказывается отъ всякихъ притязаній на самостоятельныя изслѣдованія и даетъ своему сочиненію скромное значеніе простаго сборника, въ которомъ онъ совмѣстилъ образчики средневѣковой поэзіи, переведенные имъ не съ подлинниковъ, а съ новыхъ переводовъ; къ переводу или пересказу памятниковъ онъ присоединяетъ необходимыя историческія и литературныя объясненія, также заимствованныя.

Эта скромность похвальна; но было бы желательно все-таки, чтобы она не была единственнымъ достоинствомъ автора, а соединялась также съ другими достоинствами. Для такой задачи, какъ выбранная авторомъ, все таки желательно хотя нѣкоторое знакомство съ подлиннымъ языкомъ памятниковъ, болѣе знакомство съ новѣйшими историко-литературными изслѣдованіями, чѣмъ обнаруживаетъ авторъ, и — грамотность изложенія. Иначе, даже при скромности намѣреній, цѣль достигается неудовлетворительно, какъ это случается и съ г. Кирничиковымъ.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.“

1. Подписка принимается только на годъ: 1) *без доставки* — 14 руб.; — 2) *съ доставкой на домъ въ Сиб. по почте*, и *въ Москву, чрезъ кн. мн. П. Г. Соловьева* — 15 руб.; 3) *съ пересылкою въ губерніи и въ Москву, по почте* — 17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Сиб.*, желающіе получить журналъ съ доставкою, обращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, ширфанный изъ книги Редакціи; при этомъ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ представлять свой адресъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получить билетъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки въ книгу.

3. *Городскіе подписчики въ Москву*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ П. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублей, желая получить по почте адресуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублей.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почте*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтового ящика*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (или въ въ губернской и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Сиб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностраные подписчики* обращаются: 1) *по почте* прямо въ Редакцію, или и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Сиб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія и Германія* — 18 руб.; *Бельгія* — 19 руб.; *Франція и Давія* — 20 руб.; *Англія, Швейцарія, Испанія и Португалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія и Римъ* — 23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ жалобу прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно предоставляетъ Газетную Экспедицію дублировать для отсылки съ первов почтою; по безсудительству Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно консультироваться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отъ нея послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книжками отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ; шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногороднихъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ транзитной почты.

8. Городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ журналъ доставляется въ сумѣхъ, а иностраннымъ — въ бандероляхъ.

9. Перемена адреса сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе возлагалось до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своею переменою, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адресъ, и дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстять о переуказѣ адреса въ слѣдующихъ номерахъ. При переуказѣ адреса необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 20.

Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ не присылать объявленія, а именно 16 рублей, дослатъ ей одинъ рубль для верченія по Почтанду.

592567

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

Литература.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 10-ая.

ОКТАВРЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

И. П. ПИЩАКОВЪ

Digitized by Google

КНИГА 10-ая. — ОКТЯБРЬ, 1869.

- I. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ Б. Ауэрбаха, въ пяти частяхъ. — Часть четвертая. — Книга однадцатая. — VII-XVII. — Книга двѣнадцатая. — I-VII. (Переводъ съ рукописи) . . . . .
- II. — ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ-ПОСПОЛИТОЙ. — 1787-1795 гг. — Глава третья. — VI Война русскихъ съ поляками въ 1792-мъ году. — VII. Финансовыя затрудненія. — Неудачное посольство Игнатія Потоцкаго. — Переговоры съ Булавинимъ. — Письмо къ Екатеринѣ. — Отвѣтъ ей. — Король приступаетъ къ конфедераціи. — Вѣгство патріотовъ. — Впечатлѣніе событій. — VIII. Господство конфедераціи. — Униженіе короля. — Злоупотребленія Конфедераціи. — Тайныя сношенія двержавъ о раздѣлѣ Польши — Прусская Нота. — Тревога Конфедераціи. — IX. Сношенія кабинетовъ между собою по дѣламъ Польши. — Делегачія въ Петербургъ. — Тревога Конфедераціи. — Н. Н. Коетомарова . . . . .
- III. — МАВРИТАНСКІЙ КОРОЛЬ. (Изъ Гейне). Стихотвореніе. — А. Я-ва. . . . .
- IV. — СЕСТРА РОЗА. — Повѣсть. — (Переводъ съ рукописи). — Андре Лео. . . . .
- V. — ФЛОРЕНЦІЯ И ЕЯ СТАРЫЕ МАСТЕРА. — Статья вторая и послѣдняя. — Д. В. Каченовскаго . . . . .
- VI. — ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I И КВАКЕРЫ. — А. П. . . . .
- VII. — МЕМУАРЫ ИЗЪ ПРОШЕДШИХЪ ВРЕМЕНЪ. — М. М. . . . .
- VIII. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА — НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ. — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. — А. Н-въ. . . . .
- IX. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — ШЕКСПИРОВСКАЯ КРИТИКА ВЪ ГЕРМАНИИ. — Н. Стороженко. . . . .
- X. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ — Почтовое дѣло и почтовые связии. — Новыя условія пересылки газетъ и журналовъ съ 1870 г. — Наши экономическія дѣла. — Спекуляція. — Биржа. — Валки. — Возвышеніе и паденіе процентныхъ бумагъ. — Выпускъ ассигнацій. — Кризисъ. — Слухи объ измѣненіяхъ въ законѣ о печати. — Новый съѣздъ петербургскаго духовенства. — Прекращеніе безпорядковъ въ киргизскихъ степяхъ. — Види въ будущемъ . . . . .
- XI. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Русскіе публицисты и братья славяне. — Фальшивый либерализмъ въ нашей журналистикѣ. — Явъ Гусъ и Богемія. — Празднованіе пятисотлѣтняго юбилея Гуса въ Прагѣ. — Палаціи. — Москва и рѣчь М. П. Погодина. — Выборы въ богемскій сеймъ. — Политика Австріи. — Пруссія. — Петиція Шлезвига. — Рѣчи и военные маневры Вильгельма I. — Франція, Принцъ Наполеонъ и Кератри. — Годовщина испанской революціи. — Куба и Съверо-Американскіе Штаты. — Италия. . . . .
- XII. — МИРОВОЙ СУДЬ ВЪ ПРОВИНЦІИ. — Бар. Н. Корфа. . . . .
- XIII. — ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА. — К. К. Арсеньева. . . . .
- XIV. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Сентябрь. — Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. — О подтищеніи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго. — Исторія русской литературы (для учащихся) составилъ А. Карякинъ. — Роландъ. Древняя французская поэма. Вольный переводъ Б. Алмазова. — Стихотворенія, басни и пѣсни Соч. А. А. Знобарева. — Духовная стихотворенія Федора Николаевича Глинка. — А. С. . . . .
- XV. — БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новая книга.

Объявленіи: I. О русской книжной торговлѣ: А. Ѡ. Базунова. — II. Объ иностранной книжной торговлѣ: А. Мюнкса.

ИЗВ. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе многогородныхъ подписчиковъ на права подписки, помѣщенные ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія недоразумѣній и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

ВИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сербія. Историческій очеркъ русскаго вѣдѣтельства Сербіи съ 1806 по 1856 годъ. *г. Полова*, 2 части (521 и 657 стр.). Москва.

Вѣдьмо что получили обширный трудъ г. докторій будетъ важнымъ вкладомъ въ литературу о славянскихъ предметахъ. За вѣдьмо переведенной у насъ книги Ранке, въ первое обстоятельное сочиненіе, въ русскій читатель найдетъ современную сербскаго княжества. Пора бы! иностранная литература, писатели которой не имѣють въ называться славянскими братьями, въ отношеніи гораздо богаче насъ.

Вѣдьмо обработалъ свой предметъ, сколько и вѣдьмо, весьма внимательнымъ образомъ, съ пользою обширнымъ количествомъ не въ сербскихъ книгахъ и статьяхъ, въ русской литературѣ, и наконецъ въ личныхъ письмахъ и рукописныхъ сообщеніяхъ людей, въ свидѣтелями и участниками сербскихъ. Это послѣднее конечно еще болѣе возвышаетъ личность труда г. Полова.

Вѣдьмо общества на организацію государства царскій періодъ русской исторіи, Соч. *Н. Хлѣбникова*. Спб. 1869

Вѣдьмо такимъ образомъ объясняетъ свою задачу царскій періодъ Русской исторіи (говоритъ) есть одна изъ самыхъ интересныхъ нашей жизни, въ которой еще многіе и будутъ обращаться, чтобы уяснить наше прошлое. Но изученіе этого періода не могло быть плодотворно до тѣхъ поръ, пока освободили крестьянъ и всѣ другія непосредственно шло съ ними реформы, не обилии яркими въ наше прошлое и не поставили историка передъ нами на такую высоту, съ которой спокойно можетъ взирать и это прошлое. Самомъ дѣлѣ, 19 февраля 1861 года было совершено дѣла эпохи Русской исторіи, эпохи, которую русское общество создало себя несомненнымъ для образованія свободнаго государства и одно за другимъ закрѣпляло всѣ общественные классы, начиная отъ служилого сословія и кончая городскимъ классомъ. Въ настоящее время, когда одни за другими всѣ общественные классы освободились, пришла пора взглянуть вострастно на Старую Русь и осмыслить при этомъ приведенія ея къ вѣдьмо формамъ государственнаго устройства». и т. д.

Вѣдьмо настоящей книгѣ изложеніе обнимаетъ время съ 1547 по 1676 годъ, которое авторъ дѣлитъ на три періода: до 1649 г.—время политическое и умственно-религіознаго движенія; до 1649 г.—время борьбы за вѣдьмо право; до 1676 г.—время политической и религіознаго реакціи. Вѣдьмо авторъ желаетъ указать

вліяніе экономическихъ условий и умственно-религіознаго направленія общества на государственную организацію, и обратное вліяніе послѣдней на экономическое благосостояніе и умственное развитіе общества.

Такия объяснительныя, теоретическія изслѣдованія, какъ начатое г. Хлѣбниковымъ, въ послѣднее время довольно рѣдки въ нашей литературѣ, а между тѣмъ они неизбежно необходимы для того, чтобы старая жизнь получила для насъ настоящій историческій смыслъ. Поэтому книга г. Хлѣбникова составляетъ очень пріятное явленіе, и мы съ любопытствомъ будемъ ожидать второй половины его труда, которая должна будетъ обнимать періодъ времени съ 1676 до 1721 года.

Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи. Барона Августа *Гакстаузена*. Перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ *Л. И. Рагозинъ*. Москва. 1870. Томъ первый.

Знаменитое сочиненіе Гакстаузена, появившееся въ подлинникѣ двадцать лѣтъ тому назадъ, давно бы заслуживало русскаго перевода. Надо согласиться (какъ бы ни ужасались этого факта наши народные мыслители, ненавидящіе гнидой западъ), что сочиненіе вестфальскаго барона много содѣйствовало нашему собственному изученію экономической, да отчасти и другихъ сторонъ народной жизни. Мы, кажется, не ошибаемся, сказавъ, что въ то время появленіе волаго русскаго перевода было невозможно по цензурному усмотрѣнію. — хотя впрочемъ книга и обращалась въ публикѣ.

Не смотря на это давнее появленіе оригинала, мы считаемъ предпріятіе г. Рагозина весьма полезнымъ. Книга Гакстаузена есть во всякомъ случаѣ капитальный трудъ о Россіи, съ которымъ русской публикѣ (не читающей иностранныхъ книгъ) нужно познакомиться. Въ своемъ предисловіи переводчикъ, объясняя основанія своего выбора, старается между прочимъ доказать, что книга Гакстаузена не устарѣла. Во многихъ случаяхъ это совершенно справедливо, хотя въ другихъ—книга эта остается старой по самому отсутствію позднѣйшихъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе, мы думаемъ, что г. Рагозинъ сильно могъ бы не смущаться этимъ; и въ своихъ устарѣлыхъ частяхъ сочиненія Гакстаузена сохраняетъ весь свой историческій интересъ, въ качествѣ картины русской жизни за извѣстное время. Такой интересъ она сохранить всегда.

Въ своемъ изданіи г. Рагозинъ выпустилъ только нѣкоторыя части подлинника, напр., трактатъ о военномъ устройствѣ, какъ положительно устарѣлый, и нѣк. др., и черезъ это онъ получилъ возможность соизвѣстить сочиненіе Гакстаузена въ двухъ томахъ (въ подлинникѣ—три тома).

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.“

1. Подписка принимается только на годъ: 1) безъ доставки — 15 руб.; — 2) *стакано на бума въ Сиб. по почте, а въ Москву, чрезъ кн. мн. Н. Г. Сазонова* 15 р. 50 к.; 3) съ пересылкою въ губерніи и въ Москву, по почте — 16 р. 50 к.

2. *Городскіе подписчики въ Сиб.*, желающіе получить журналъ съ доставкою, рѣшаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книги Рейн; при этомъ, для точности, просить представлять своей адресъ письменно, диктовать его, что бываетъ причиною многихъ ошибокъ. — Желающіе получить доставку присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки книги.

3. *Городскіе подписчики въ Москву*, для получения журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ В. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желіе получать по почте адресуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

4. *Изгородские подписчики* обращаются: 1) *по почте*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтового мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если онъ въ губерскомъ, и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда подавать обращаться связи за полученіемъ книги; — 2) *лично*, къ своимъ комиссіонерамъ въ Сиб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почте* прямо въ Редакцію, и 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Сиб., въ Контору (въ городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: Пруссія и Германія 18 руб.; Бельгія — 19 руб.; Франція и Дания — 20 руб.; Англія, Швеція, Польша и Италия — 21 руб.; Швейцарія — 22 руб.; Италия и Римъ — 23 рубля).

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчики представляютъ жалобу прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штампа. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки дѣлу первому почтовою; по бездѣятельству Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно справиться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворить только по полученіи вѣста послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными листами отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ, шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки книга едутъ въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для изгороднихъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ почмѣтѣ трамвая.

8. Городскимъ и изгороднимъ подписчикамъ журналъ доставляется въ сумѣ, тождѣ; иностраннымъ — въ бандероляхъ.

9. Переизмѣна адреса сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поступить до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своею переизмѣною, слѣдуетъ сообщать мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адресъ и дальнѣйшаго отираженія журнала, а редакцію извѣстить о переизмѣнѣ адреса для дубликатныхъ номеровъ. При переизмѣнѣ адреса необходимо указывать мѣсто прежняго присланія журнала.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Газетная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невская просп., 30.

Годовые экземпляры «Вѣстника Европы» въ разномъ по подпискѣ.

